

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

ВИТЕБСК 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Материалы IV Международной
научно-практической конференции
к 420-летию дарования городу Витебску
магдебургского права*

Витебск, 20–21 апреля 2017 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2017 г.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.),
Г.Н. Яковлева (зам. отв. ред.), **А.М. Белявский,**
Е.А. Гребень, А.Б. Довнар, В.А. Космач, А.П. Косов,
А.В. Мартынюк, И.В. Николаева, И.Р. Чикалова,
С.Ф. Шимукович, Д.В. Юрчак

Рецензенты:

заведующий кафедрой источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор *С.Г. Кащенко* (г. Санкт-Петербург, Россия);
заведующий кафедрой истории Украины Днепрпетровского национального университета, доктор исторических наук, профессор *Ю.А. Святец* (г. Днепр, Украина);
проректор по учебной работе Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент *С.Н. Ходин* (г. Минск, Беларусь)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения** : материалы IV Международной научно-практической конференции к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов и М.Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 410 с.
ISBN 978-985-517-597-2.

Рассмотрены широкий круг проблем истории, теории и метода источниковедения, источниковедения историографии, архивоведения, археографии, музейного источниковедения, а также комплексы исторических источников и отдельные источники средневековья, нового и новейшего времени.

Данное научное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музеоведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.

УДК [930.2:94(100)+94(476.5)](062)
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Бел)я431

ISBN 978-985-517-597-2

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

<i>Воронов В.И.</i> Дисциплинарный образ источниковедения в исторической науке Российской империи конца XIX в. (на примере лекций В. Антоновича и В. Ключевского)	7
<i>Богдашина Е.Н.</i> Дифференциация этапов отечественного источниковедения	10
<i>Китиченко Т.С.</i> Разработка источниковедческой методикой историками Украины (конец XIX – начало XX в.)	14
<i>Филькин К.Н.</i> Проблематика применения когнитивной методологии в источниковедении	16
<i>Харитонов А.М.</i> Некоторые возможности географического подхода в изучении исторической географии античных и средневековых источников	19
<i>Цыб С.В., Чичинов В.А.</i> Датирование начала монгольского нашествия в Венгерское королевство	22
<i>Лахно А.Н., Миц С.С.</i> О роли масштабов исторического времени в теоретизации истории искусства и культуры	24
<i>Кузнецова Т.И.</i> Информативный потенциал исторических источников: статистика в изучении политических партий	27
<i>Костякова Ю.Б.</i> Роль источников личного происхождения в изучении истории региональных СМИ (на материалах Хакасии)	31
<i>Амбарцумян К.Р.</i> Источники личного происхождения в изучении истории международных отношений	33
<i>Дубровский А.М.</i> Стенограмма: основные итоги работы с источником	36
<i>Филас В.Н.</i> Названия произведений живописи и графики как исторический источник: к постановке проблемы	39
<i>Рачков Е.С.</i> Эмблемы классических университетов Украины: проблемы классификации и типологии	41
<i>Литвина Н.В.</i> Аудио, видео и фото в исследованиях современного старообрядчества: возможности и задачи комплексного анализа	44

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Чикалова И.Р.</i> Алексей Васильевич Бабин (1866–1930): у истоков американской славистики и российской американистики	48
<i>Маловичко С.И.</i> Исторический очерк в системе видов историографических источников	54
<i>Румянцева М.Ф.</i> Монография как вид историографических источников	56
<i>Алеврас Н.Н.</i> Диссертация по истории как источник: процесс идентификации статуса диссертации как научного сочинения (XIX – начало XX в.)	59
<i>Вовк О.И.</i> Историко-биографические публикации в историографическом преломлении: опыт систематизации	62
<i>Некрасова Н.В.</i> Сочинения В.И. Колосова (1854–1919) о патриархе Никоне как историографический источник	65
<i>Півавар М.В.</i> Сядзібы Віцебшчыны ў гістарыяграфіі	67
<i>Тозулева А.Д.</i> Агляд крыніц і гістарыяграфіі 1920-х гг. па пытанні ўзнікнення і дзейнасці Беларускай Сацыялістычнай Грамады	69
<i>Новікаў С.Я.</i> Метадалагічныя аспекты даследавання гісторыі нацысцкіх злачынстваў у раёне Трасцянца (1942–1944 гг.)	72
<i>Ерохин В.Н.</i> Расширение источниковой базы в изучении Реформации в Англии во второй половине XX века	76
<i>Солодкин Я.Г.</i> Летописные и документальные источники по истории «Ермаковой эпопеи» в трудах Г.Ф. Миллера	78
<i>Нисковская М.И.</i> Заимствования из истории В.Н. Татищева в источниковедческих штудиях И.П. Елагина	81
<i>Хацько Е.В.</i> Исторический источник и исторический факт в трудах Т.Б. Маколея	84
<i>Матюшевская М.И.</i> Художественные произведения как исторический источник в научном творчестве В.О. Ключевского	87
<i>Лякишева С.И.</i> Кто и как читает наши публикации	89

АРХИВОВЕДЕНИЕ. АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Литвинова Т.Ф., Якименко Л.И.</i> Архивное собрание К.Н. Скаржинской в изучении интеллектуальной и социальной истории Украины первой половины XIX в.	93
<i>Антановіч З.В.</i> Склад архіва Лепельскага Спаса-Праабражэнскага сабора ў 1862–1864 гг.	95
<i>Сыцько К.В.</i> Дакументы парафіяльных архіваў Рымска-каталіцкага Касцёла на Беларусі як крыніца па мікрагісторыі	98
<i>Агеенко Т.Н.</i> Организация работы с протоколами ЦК КП(б)Б в 1920–1930-е гг.	101
<i>Гордеецкий В., Шишанов В.А.</i> К истории трофейных аэрофотоснимков Витебска 1941 г. из Национальной администрации архивов США	103
<i>Бытко С.С.</i> Структурное оформление рукописного нравоучительного сборника из собрания ЛАИ УрФУ	107
<i>Журба О.И.</i> Киевская археографическая комиссия (1843–1921 гг.): особенности становления украинского археографического дискурса	110
<i>Судаццов Н.Д.</i> Акты Кавказской археографической комиссии как важный источник по истории Кавказа	113
<i>Мининков Н.А.</i> Публикация иностранных источников о Разинском восстании А.Г. Маньковым	116
<i>Вашкевич В.Н., Бобина О.В.</i> «Реабилитированные историей» как источниковедческий проект: история, опыт, перспективы	118
<i>Кепин Д.В.</i> Классификация естественнонаучных коллекций	121

<i>Здасюк Н.М.</i> Камплектаванне фондаў музеямі Беларусі ў 1990-я гг.	123
<i>Киселев М.Ю.</i> Развитие музейного дела в архиве РАН: новые возможности	126
<i>Иващенко В.Ю.</i> Фонд устноисторических источников в музее истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина: особенности комплектования и хранения	128
<i>Надточий Л.Н.</i> Собрание старообрядческого медного литья в коллекции Витебского областного краеведческого музея	130
<i>Ануфриева О.В.</i> Военно-топографическая карта европейской части Российской империи конца XIX – начала XX века в собрании Витебского областного краеведческого музея	133
<i>Соловьёва С.В.</i> Интерпретация предметов второй половины XVIII – начала XX века музейных коллекций «Одежда» и «Ткани» из собрания УК «ВОКМ»	136

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Подберёзкин Ф.Д.</i> CIVITAS DEI SIVE CIVITAS DIABOLI: религиозные аспекты вопроса о ливонской дани (первая четверть XIII века)	140
<i>Зимницкий А.А.</i> «ЛИТВА ЖЕ И АТВЪЗЪ ВОЕВАХОУИ»: Литва в контексте первой редакции Галицкой летописи	142
<i>Газа Р.Б., Жилевич О.Ф.</i> Островские акты княгини Анны	145
<i>Шаповал-Конопая А.Г.</i> Письма Екатерины Сиенской как источник по истории Великого западного раскола 1378–1417 гг.	148
<i>Мартынюк А.В.</i> Кто подал Жильберу де Ланнуа идею поехать в Новгород, или О важности сопоставления источников	149
<i>Черкасов Д.Н.</i> Мессенские хроники XV – первой половины XVI века	151
<i>Сукина Л.Б.</i> Жития святых-юродивых XVI века как исторический источник	154
<i>Егоров А.М.</i> Религиозная и светская публицистика XVI века как нарративный источник политико-правовой идеологии Русского централизованного государства	157
<i>Латушкін А.М.</i> Акт перамяр’я паміж Расійскай дзяржавай і Вялікім Княствам Літоўскім 1556 г. з Расійскай нацыянальнай бібліятэкі: пытанні правеніенцыі	160
<i>Безмацерных Д.А.</i> Актавыя кнігі Браслаўскага земскага суда як гістарычная крыніца	163
<i>Евстратьев О.И.</i> «RUSACY» в Норвегии? К проблеме критики одного «трудового контракта» XVII века ...	166
<i>Фельдман Д.З.</i> Документы РГАДА по истории белорусских евреев XVII в.: предварительные итоги изучения ...	168
<i>Богданович Т.В.</i> Отчеты Динабургской резиденции иезуитов как источник по истории Инфлянт XVII–XVIII веков	171
<i>Булаты П.Ю.</i> Крыніцы па гісторыі Ляхавіцкай каталіцкай парафіі Святога Крыжа XVII–XVIII стст.	175
<i>Комиссаренко А.И.</i> Источники по истории административной деятельности В.Н. Татищева	178
<i>Десятков К.С.</i> Травелог петровского дипломата начала XVIII века как исторический источник (на примере «Дневника и путевых заметок» князя Б.И. Куракина)	180
<i>Цеске Э.</i> Литература путешествий как исторический источник: пример прибалтийских немцев (середина XVIII – начало XIX века)	183

ИСТОЧНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Посунько О.Н.</i> Ссылки на «малороссийское право» в документах судебных учреждений Екатеринославского наместничества (80–90-е гг. XVIII в.)	186
<i>Сегаль Б.А.</i> А.А. Самборский «О пребывании Великой княгини Александры Павловны в Угрии (1799–1801 г.): критический анализ	188
<i>Алентьева Т.В.</i> Американская политическая карикатура начала XIX века как исторический источник по изучению англо-американской войны 1812–1815 гг.	191
<i>Яковенко Г.Г.</i> Паспорта иностранцев как источник для изучения домашнего образования в Российской империи в первой половине XIX века (на примере г. Николаева)	194
<i>Кароль М.М.</i> Супраціўленне пераводу каталікоў у праваслаўе ў Мінскай губерні ў другой палове XIX ст. (па матэрыялах НГАБ)	197
<i>Спичак А.В.</i> Награждение служащих духовных консисторий в Тобольской епархии: источниковедческий аспект	199
<i>Долгач Т.В.</i> Модель классификации источников по проблеме формирования структуры и деятельности губернских по крестьянским делам присутствий (1861–1903 гг.)	202
<i>Соснина М.А.</i> Протоколы волостных судов как источник изучения крестьянского правосудия второй половины XIX – начала XX века (на материалах Государственного архива Архангельской области)	205
<i>Кухаренко А.А.</i> Архивные материалы для изучения деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси	207
<i>Карпекін К.Р.</i> Крыніцы па генеалогіі сялянскіх родаў XIX – першай трэці XX ст. (на прыкладзе роду Загурскіх з Лёзненшчыны)	209
<i>Моторова Н.С.</i> Правительственная политика в социальной сфере в Северо-Западном крае (1861–1914 гг.): обзор архивных источников	213
<i>Рогач В.В.</i> Жетоны кружечных сборов как источник по истории благотворительности в Российской империи ...	215
<i>Щербак С.И.</i> Письма и дневники как источники изучения интеллектуального досуга дворянства Харьковщины в XIX – начале XX века	218
<i>Ермалёнак В.А.</i> Нататнік 1900 года яфрэйтара Ізйдора Кузняцова як гістарычная крыніца	220

<i>Барановский А.В.</i> Фотоальбомы Свяцких как исторический источник по истории агрогородка Пламя Сенненского района	224
<i>Давидовская О.Н.</i> «Церковь в селе Иваново»: к истории одной фотографии	227
<i>Мяньчэня С.В.</i> Агляд друкаваных крыніц па гісторыі барацьбы за связь у Беларусі ў пачатку XX стагоддзя	230
<i>Чэн Юаньцзи.</i> Источники по истории церковно-приходских школ во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Виленского учебного округа)	232
<i>Панков Ю.В.</i> Немецкие почтовые открытки времен Первой мировой войны как визуальный и эпистолярный источник (на примере письма ландштурмана Эмиля Воллерманна)	234
<i>Космач В.А.</i> «Записки» М.В. Родзянко о начале Февральской революции	237
<i>Назарова Е.Л.</i> Письма к Н.А. Рубакину как источник по истории латышей (1911–1922 гг.)	241

ИСТОЧНИКИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

<i>Каплиев А.А.</i> Медицинская периодическая печать Беларуси первой трети XX столетия как источник по истории развития здравоохранения	244
<i>Яковлева Г.Н.</i> Празднование Дня 9 января 1905 г. на страницах витебских газет 1920-х гг.	247
<i>Шишинов В.А.</i> Александр Ромм и «левое» искусство: PRO ET CONTRA (по материалам витебской периодической печати)	250
<i>Брянцев М.В.</i> Образ Троцкого в информационных материалах Государственного архива общественных объединений Гомельской области	254
<i>Цымбал А.Г.</i> Савецкая Беларусь у другой палове 1920-х гг. паводле матэрыялаў Генеральнага консульства Польшчы ў Мінску	257
<i>Зубко О.Е.</i> «Славянский мир» Дмитрия Дорошенко в учебных планах Украинского высшего педагогического института имени М. Драгоманова в Праге (1923–1933 гг.)	259
<i>Василицына Л.А.</i> Материалы по истории православных монастырей в фондах Государственного архива Витебской области	263
<i>Тарасенкова Т.И.</i> «Белорусские смоляне» и «смоленские белорусы»: реконструкция биографий советских руководителей 1920–1930-х гг. по материалам ГАНИСО	266
<i>Валуев Д.В.</i> Документы Государственного архива Смоленской области о строительстве и архитектуре Смоленска в годы первых пятилеток	269
<i>Дудка А.Л.</i> Местная периодическая печать как источник о деятельности Витебского областного краеведческого музея в конце 1930-х – начале 1940-х гг.	272
<i>Карапузова А.Г.</i> Документы органов местного самоуправления Полесского воеводства как источник по генеалогическим исследованиям (по материалам Государственного архива Брестской области)	274
<i>Яшичанка А.Р.</i> Матэрыялы газеты «Зара» як крыніца па гісторыі культуры і побыту гараджан Заходняй Беларусі напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны	277
<i>Гребень Е.А.</i> Гражданское население Беларуси в условиях нацистской оккупации: источники и их репрезентативность	279
<i>Кулинок С.В.</i> Справочно-информационные документы БШПД и партизанских соединений о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории Беларуси в 1941–1944 гг.	283
<i>Крыварот А.А.</i> Зборнік дакументаў і матэрыялаў «Зимнее волшебство» як крыніца даследавання ўзаемадзеяння партызан Віцебскай і Калінінскай абласцей супраць карнай экспедыцыі ў другой палове лютага – пачатку сакавіка 1943 г.	285
<i>Мизис Ю.А.</i> Военный плен в годы Второй мировой войны на территории СССР: источниковедческий аспект (по материалам лагерей военнопленных Тамбовской области)	288
<i>Краско Г.Г.</i> Открытые источники по истории развития органов государственной безопасности в 1944–1954 гг. ...	291
<i>Николаева И.В.</i> Документы женотдела ЦК КП(б)Б как источник по истории послевоенной женской повседневности	293
<i>Бульгина Т.А.</i> Обращения и заявления граждан во власть во второй половине XX века как вид делопроизводственных источников и информационный ресурс по истории советской повседневности	296
<i>Никитина Н.Ю.</i> Книга приказов Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги (1944–1945 гг.) как исторический источник	299
<i>Моторова Л.А.</i> Документальные источники по проблеме развития профессионального исторического образования в системе высшей школы Беларуси (1945–1961 гг.)	302
<i>Павлова Е.Я.</i> Поздравительные открытки к весенним праздникам как исторический источник	305
<i>Красильников И.Б.</i> Социологическое исследование как исторический источник	308
<i>Синкевич Т.И., Слесарева Т.П.</i> Лепельщина сквозь призму ойконимии и лимнонимии	311
<i>Менжинская Ю.В.</i> Великая Отечественная война в зеркале артионимии Витебщины	314
<i>Фридман А.</i> День Победы над фашизмом в публикациях люксембургской коммунистической газеты «Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek»	316
<i>Архипова Т.Г.</i> Отец глазами сына: воспоминания С.Н. Хрущева как исторический источник	319
<i>Галиева Д.С.</i> Источники по истории Министерства путей сообщения Российской Федерации (1992–2004 гг.)	322
<i>Латыш Ю.В.</i> Беловежские соглашения в мемуарах Вячеслава Кебича и Станислава Шушкевича	325
<i>Юрчак Д.В.</i> Мемуары белорусских государственных деятелей как источники, отражающие процесс создания СНГ	328
<i>Косов А.П.</i> Белорусско-российские отношения в воспоминаниях государственных деятелей Беларуси	330

<i>Синецкая Э.А.</i> Литература молодых китайских авторов как источник по социальным вопросам современного Китая	333
<i>Сангаре Ш.К.</i> СМИ как источник, отражающий отношение политической элиты Мали к противостоянию с туарегами и исламистами	336

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА. ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ГОРОДА

<i>Середа Н.В.</i> Исследовательские практики отечественного городоведения и их источниковая база	339
<i>Андрейченко В.В.</i> Витебское сражение 12 марта 1196 года	342
<i>Галямичев А.Н.</i> Чешский город Литомержице: особенности исторической судьбы в средние века	345
<i>Сурта Е.Н.</i> Постановления о сословных правилах в одежде XIV–XV веков как источник по истории городов и городской жизни (на примере Священной Римской империи)	349
<i>Доўнар А.Б.</i> З гісторыі паўсядзённасці. Маёмасны стан віцебскіх конных мяшчан у канцы XVI ст.	352
<i>Агееў А.Р.</i> Віцебская і магілёўская ратушы: падабенства і адметнасці лёсаў	356
<i>Пушкін І.А.</i> Магдэбургскія гарады Магілёўшчыны: традыцыі і сучаснасць	359
<i>Лукашевич А.М.</i> Документы о рекрутских наборах как источники по истории городов Беларуси (конец XVIII в. – 1812 г.)	362
<i>Филатова Е.Н.</i> Источники по истории повседневной жизни населения городов конца XVIII – первой половины XIX века	365
<i>Анофранка Н.В.</i> Праблема службовай неадпаведнасці чыноўнікаў гарадской паліцыі беларуска-літоўскіх губерняў першай трэці XIX ст. (паводле дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)	369
<i>Митрофанов В.В.</i> Административное деление и социальный состав населения Тобольска в 1826 году	372
<i>Дулов А.Н.</i> «Записки старика» Максимилиана Маркса как источник по истории Витебска	376
<i>Луговцова С.Л.</i> Витебск и его жители в путевых заметках Ф.В. Булгарина	382
<i>Майорова А.С.</i> Духовное училище в уездном городе Петровске в 1830-е годы: по воспоминаниям современника	384
<i>Латышева В.А.</i> Город как центр гуманности: источники для исследовательской практики (на примере г. Витебска)	387
<i>Бувич Т.В.</i> Документы жилищно-арендных кооперативов (ЖАКТов) города Витебска как источник изучения жилищной политики в 1924–1930 гг.	390
<i>Гончарова О.С.</i> Этнический состав населения города Харькова 1920-х годов: источниковая база и состояние изученности вопроса	392
<i>Бароўка В.Ю.</i> Мастацкая рэпрэзентацыя горада ў “Зямлі пад белымі крыламі” У. Караткевіча: аксіялагічны план	395
<i>Талерко В.А.</i> Город в сборнике рассказов В. Бергенгруна «Смерть Реваля»	398
<i>Котович Т.В.</i> Спектакль Коласовского театра “Званы Віцебска”: наказание города и лишение его магдебургского права	401
<i>Сведения об авторах</i>	404

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Воронов В.И. ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОБРАЗ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX в. (на примере лекций В. Антоновича и В. Ключевского)

Формирование дисциплинарного образа любой науки предусматривает оформление ее практической и теоретической составляющих, статуса и места среди других наук, разработку и использование специфической методики, создание ее собственных дидактических контуров. В этом контексте лекции по источниковедению, независимо друг от друга внедренные В.Б. Антоновичем и В.И. Ключевским, имеют важное значение для выяснения того, как позиционировался источниковедческий дискурс в эпоху доминирования позитивистской методологической парадигмы в отечественной исторической науке конца XIX в.

Лекции В. Антоновича впервые были опубликованы еще в 1881 г. как литография студенческих записей. Научные их издания появились значительно позже: в 1995 г. они были изданы с предисловием и примечаниями О. Василюк [1]. Но значительно более весомое научное место заслуживает публикация 2003 г. под редакцией известного украинского историка и источниковеда Н.П. Ковальского. Издание сопровождается содержательной вступительной статьей, а также подробные редакторские примечания и комментарии, которые в целом могут претендовать на статус уникального библиографического указателя и пособия по проблемам не только источниковедения и историографии истории Украины, но и России, Беларуси, Литвы и Польши. Именно Н. Ковальским впервые была дана подробная и содержательная оценка этим лекциям [6].

Оригинал источниковедческого курса В. Ключевского тоже представляет собой студенческую запись с незначительными исправлениями лектора. Впервые он был опубликован в 1959 г. в собрании сочинений ученого [4]. Через 30 лет было осуществлено переиздание трудов В. Ключевского, в которое тоже вошел этот курс [5]. Наиболее детально биография и творческое наследие В. Ключевского были проанализированы М. Нечкиной [7]. Но специальный довольно содержательный анализ его источниковедческих работ был осуществлен Э. Чумаченко [8].

Попытка сравнения лекций двух известных историков прошлого ранее предпринималась в нашей совместной статье с Е. Черновым [3]. Цель этой публикации – выявление степени влияния курсов лекций на формирование дисциплинарного образа отечественного источниковедения в конце XIX в., т.е. во время его становления как отрасли исторической науки.

Лекции В. Антоновича на несколько лет опередили подобный труд В. Ключевского. Они стали результатом длительной работы по исследованию источников, найденных автором в архивах и книгохранилищах Киева, Варшавы, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов. Для их изучения понадобилось владение несколькими языками и глубокие знания о структуре источниковой базы истории украинских земель. Сложность состояла в том, что до появления этого курса ни одного подобного обобщающего труда по источниковедению не было ни в российской, ни в украинской, ни в польской историографии. Не было даже библиографических указателей основных публикаций источников, поэтому В. Антоновичу пришлось самостоятельно провести кропотливую эвристическую, а затем и аналитическую работу.

Текст лекций свидетельствует, что главное внимание В. Антонович уделил повествовательным источникам (летописям, дневникам, запискам иностранцев). Документальные источники («официальные документы») в его курсе занимают менее весомое место. Лекции довольно информативны. Автор классифицировал источники по их происхождению и видовым признакам. Среди них он выделил три основные группы: «туземные, польские и иностранные». В свою очередь они включают летописи, юридические документы, записки путешественников и современников. Ученый рассмотрел историю появления летописей, предложил гипотезы относительно их авторства, назвал структурные части, проанализировал содержание, указал их публикации и места хранения оригиналов.

Среди «казацких» летописей внимание В. Антоновича привлекли Львовская, Густынская монастырская, Самовидца, С. Величко, Г. Грабянки, Черниговские летописи, сочинения П. Симоновского, В. Рубана, С. Мышецкого, А. Ригельмана и анонимная «История руссов».

В следующей части лекций автор изложил информацию об официальных документах, которые он подразделил на частные и государственные. Особенно им подчеркнута значимость Литовской и Коронной метрик, документов архива гетманской канцелярии. Частные документы ученый подразделил по их содержанию на городские и земские, а «по характеру» на «текущие» (процессы частных лиц), «записовые» (вносились различные распоряжения), «декретовые» (фиксируются решения судов) [2, с. 58–59]. Автор перечислил главные документальные публикации, касающиеся украинских земель [2, с. 59–66].

Дальше В. Антонович охарактеризовал иностранные источники. Он подчеркнул, что ранние хроники об Украине преимущественно принадлежат немецким авторам, а поздние – польским. Проанализировав содержание хроник Петра Дюсбурга, Генриха Латыша, Вигонда из Марбурга, Иоганна фон Посильге, он отдал предпочтение последней как «наиболее ценной» [2, с. 69]. Эти труды, по его мнению, были лишь компиляциями «без какой-либо исторической критики» [2, с. 70]. Сочинения, созданные в XVI в., более богаты и ценны, поскольку их появление сошло во времени «с золотым веком польской литературы» [2, с. 70]. Среди них автор особо выделил труды Длугоша и Ваповского, а также «Хронику» и «Описание Европейской Сарматии» Мацея Стрыйковского. В этом же разделе В. Антонович проанализировал другие подобные работы.

Среди записок в самостоятельную подгруппу он выделил мемуары о времени Б. Хмельницкого. Напоследок историк остановился на характеристике мемуарных сочинений о событиях XVIII в. Лекции обрываются изложением содержания труда Охотского без каких бы то ни было авторских выводов [2, с. 86–106].

В целом В. Антонович кратко рассмотрел обстоятельства создания наиболее важных источников по украинской истории, проанализировал их содержание, упомянул главные публикации, сделал некоторые выводы относительно их информационных возможностей. Он зафиксировал оригинальные и перспективные наблюдения относительно наиболее важных комплексов источников по истории Украины, коснулся проблем авторства и времени создания источников, проанализировал различные гипотезы относительно этого. Также он уделял внимание археографическим особенностям изданий, их научной значимости, издательской деятельности научных учреждений и историков.

В Антоновичем предложен преимущественно конкретно-проблемный образ источниковедения, но практически не уделяется внимание его теоретико-методологическим и методико-дидактическим аспектам. Скорее всего, автор сознательно решал именно такую задачу, поскольку он несомненно владел необходимым теоретическим и методическим потенциалом, убедительно продемонстрировав его во многих других своих источниковедческих исследованиях и археографических публикациях.

Важное место в становлении отечественного источниковедения занимают и работы В. Ключевского. Вступительная лекция его курса не сохранилась, но некоторые представления о ней дают заметки историка, приведенные в комментариях к изданию [4, с. 474–481]. Они помогают понять, как ученый решал некоторые теоретические вопросы источниковедения (по его собственной терминологии – «исторической критики»). Не утратило научной значимости определение им категории «исторический источник» [4, с. 475]. Заслуживает внимания и определение исторической критики и ее задач [4, с. 475–476]. Интересно В. Ключевский охарактеризовал взаимоотношения между историей и исторической критикой. По его мнению, историческая критика – это не особенная вспомогательная наука, «...а скорее общая методика предварительной обработки исторических источников» [4, с. 479]. Задача критики, с одной стороны, сводится к реставрации и интерпретации древнего текста; с другой – к определению точки зрения автора, его жизненных обстоятельств и литературных тенденций, а на основании этого – к возобновлению настоящего вида и толкованию внутреннего содержания исторического факта [4, с. 477]. По мнению автора, сложность для историка состоит в том, что источник не сразу готов к использованию. Поэтому он выделил два вида исторической критики – филологическую (критику текстов) и фактическую (критику фактов) [4, с. 476].

Интерес представляет группировка В. Ключевским всех источников на два «главных разряда»: «остатки жизни и деятельности людей (памятники)» и «наблюдения современников

(воспоминания)» [4, с. 479]. То есть критерием группировки источников он избрал степень участия человека в фиксируемом событии.

Часть лекций, посвященная летописям, базировалась не на самостоятельном их исследовании, а на достижениях современной ему исторической науки (трудах К. Бестужева-Рюмина, С. Соловьева и др.). Но главная заслуга историка состоит в выводах, сделанных в результате анализа летописей. Он впервые теоретически обобщил опыт, накопленный предшественниками, поставил вопрос о методах источниковедческого подхода к их разработке, дал практические рекомендации для их изучения [4, с. 11].

В трех лекциях В. Ключевский коснулся анализа хронографов. Две лекции посвящено агиографическим источникам. Отдельное внимание в курсе посвящено актовым источникам – «памятникам правительственной деятельности и частным юридическим соглашениям» [4, с. 12]. Подробнее автор остановился на изложении методики анализа таких источников [4, с. 17–18].

В целом В. Ключевский главное внимание уделил не столько анализу содержания основных источников российской истории, сколько методам их изучения, выяснению истории их появления, установлению информационных особенностей различных их групп и видов. Также он останавливался на наиболее важных теоретических и методологических аспектах исторической науки и источниковедения. В лекциях четко прослеживается стремление автора обучить студентов методике работы с наиболее сложными для восприятия (в понимании историка) источниками, что, кстати, частично объясняет заметные в лекциях хронологические и сюжетно-тематические лакуны. В отличие от В. Антоновича, В. Ключевский ориентировал лекционный курс на решение преимущественно методических и отдельных теоретико-методологических задач источниковедения с привлечением наиболее содержательных конкретно-проблемных сюжетов, присутствующих в источниках, касающихся древнерусской и российской истории.

С точки зрения их содержания оба курса лекций, если рассматривать их по отдельности, не достигают дисциплинарного уровня источниковедения в современном понимании его сущности и структуры. В лекциях В. Антоновича практически не показаны теоретико-рефлексивный уровень автора, его представления о методике источниковедения. В то же время во многих частях и фрагментах абсолютно самодостаточной является практическая, собственно информационная составляющая. Лекции В. Ключевского наоборот имеют ярко выраженную теоретико-методологическую направленность, в них присутствуют значительные элементы методики источниковедческого исследования. С дидактической точки зрения они почти не содержат прямой информации для усвоения слушателями, но ориентированы на раскрытие перед ними проблематики научного познания истории России через методологические особенности освоения источниковой базы.

Однако, по нашему мнению, уже само параллельное сосуществование в конце XIX в. по крайней мере двух вариантов определения дисциплинарного статуса источниковедения, хорошо различимых, вовсе не контрверсионных и не взаимоисключающих друг друга, фактически означало четкое и недвусмысленное понимание тогдашним научным социумом в пределах исторической науки Российской империи комплексности, взаимосвязанности и многообразия его функций и научных задач, а значит и потенциального объединения в его пределах теоретической, методологической, методической и практической составляющих. Оно стало основой для методологической парадигмы исторического источниковедения позитивистского образца.

1. Антонович, В.Б. Курс лекцій з джерелознавства 1880–1881. Історія України в учнівських лекціях / В.Б. Антонович; упоряд. О.Василюк; наук. ред. І. Бутич. – Київ: [б. в.], 1995. – Вип. 1. – 107 с.
2. Антонович, В.Б. Лекції з джерелознавства / В.Б. Антонович; ред. М. Ковальський. – Острого; Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США; Національний університет «Острозька академія», 2003. – 382 с.
3. Воронов, В. Джерелознавчі лектури В. Б. Антоновича та В. Й. Ключевського на фоні споминів про Миколу Павловича Ковальського / В. Воронов, С. Чернов // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Історичні науки. – Острого: Національний ун-тет «Острозька академія», 2008. – Вип. 12. – С. 81–92.
4. Ключевский, В.О. Курс лекций по источниковедению / В.О. Ключевский // Сочинения: в 8 т. – М.: Наука, 1959. – Т. 6. – С. 5–56; комментарии. – С. 467–471.
5. Ключевский, В.О. Курс лекций по источниковедению / В.О. Ключевский // Сочинения: в 9 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 7: Специальные курсы. – С. 5–83; примечания. – С. 401–407; послесловие. – С. 433–436; комментарии. – С. 448–453.
6. Ковальський, М. Лекційний університетський курс (1879–1881 рр.) «Істочники для історії юго-западної Росії» в контексті археологічних і джерелознавчих студій та дидактичної діяльності професора В.Б. Антоновича / М. Ковальський // В.Б. Антонович Лекції з джерелознавства / ред. М. Ковальський. – Острого; Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США; Національний університет «Острозька академія», 2003. – С. 8–41.
7. Нечкина, М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1974. – 638 с.
8. Чумаченко, Э.Г. В. О. Ключевский – источниковед / Э.Г. Чумаченко. – М.: Наука, 1970. – 222 с.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТАПОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Источниковедение истории Украины прошло длительный путь от появления первых протоисториковедческих знаний с характерным для того периода некритическим использованием источников к формированию к середине XVIII в. системы первых научных знаний по источниковедению истории Украины и появлению во второй половине XIX в. отдельной специальной науки и учебной дисциплины со сложившимися теоретическими и методическими основами. За последние полтора века происходило постоянное развитие источниковедческой науки, совершенствовалась ее теоретико-методологическая и методическая база. В научный оборот постоянно вводятся новые, часто по-новому изучаются уже известные исторические источники.

Источниковедение истории Украины как система знаний прошло несколько этапов. В отличие от обобщающих работ по украинской историографии, в которых часто приводится периодизация, в работах по истории украинского источниковедения и других специальных исторических дисциплин в лучшем случае скороговоркой назывались отдельные этапы без детального обоснования [3; 4].

Нами в пособии «Источниковедение истории Украины: вопросы теории, методики, истории» выделены семь этапов истории отечественного источниковедения: начальный, просветительский, романтический, позитивистский, неокантианский, советский, постсоветский.

Характерные черты начального периода (XI – начало XVIII в.) – времени появления письменных источников по истории восточных славян и первых знаний о них. Не было четкого деления на источники и литературу. Использование источников происходило без оформления цитат или ссылок на использованные источники. Главным критерием в процессе выбора источников было доверие к авторитету автора или учреждения, от которых исходила информация. Прошлое для историков раннего средневековья выступало не объектом познания, а объектом веры. Наблюдается, как правило, анонимность не только при использовании источников, а и при написании самих сочинений. Редактирование текстов новых сводов происходило не на основе новых источников, а исходя из собственных личных и политических интересов. Сочинениям раннего средневековья свойственны элементы критики исторических источников (пока еще примитивные и единичные).

Поиск и использование источников переходят в XVI–XVII вв. на более высокий уровень. Летописи и хроники все больше напоминают политические трактаты, где впервые с позиций здравого смысла сформулированы некоторые подходы к критике исторических источников; важной становится достоверность изложенных в источниках фактов. Летописцы и хронисты начинают ссылаться на использованные источники. Для украинских земель важнейшими историческими источниками стали агиографические и церковно-полемические произведения. Принятие Брестской унии 1596 г., например, привело к появлению больше 200 сочинений униатской и антиуниатской литературы.

Второй (просветительский) период (XVIII – начало XIX в.) был этапом окончательного перехода от протоисториковедческих знаний к системе научных знаний по источниковедению истории Украины. Влияние европейского Просвещения на источниковедение истории Украины проявилось в десакрализации исторических источников, частичном изменении содержания повествовательных источников (не только военная, политическая и церковная история, а и социально-экономическая история: описание сельского хозяйства, ремесел, торговли, государственно-политического устройства, уклада жизни и т. п.). Энциклопедический стиль мышления ученых XVIII в. сказывался и на значительном расширении круга исторических источников, и на принципах их критики. В развитии исторической мысли существенную роль играют такие виды нарративных источников, как публицистика и мемуары, публичная переписка.

Главной особенностью просветительского периода развития исторических знаний в Украине стало тесное соединение просветительства с сословными и региональными интересами элиты украинского общества (особенно после ликвидации Гетманщины). В XVIII – начале XIX в. антикварию активно занимаются выявлением и сохранением исторических источников.

В историописании второй половины XVIII в. утверждаются важные научные традиции. Украинский летописец С.В. Величко одним из первых применил новое научное правило: обзор в начале исследования использованных источников, их оценка с точки зрения правдивости со-

держатся в них исторической информации. Ф. Прокопович, например, при изложении курса риторики предлагал студентам Киево-Могилянской академии такие критерии оценки изложенных в источниках фактов: общественная польза, истина, ясность и правильность изложения материала [1, с. 140]. Обучение в Киево-Могилянской Академии давало глубокие знания источников, а именно древнерусских летописей, церковно-религиозной литературы, польских хроник и др. Не случайно, что слушателями академии были такие будущие авторы исторических сочинений, как С.В. Величко, С.В. Лукомский, П.И. Симоновский, В.Г. Рубан, Г.И. Грабянка и др.

Характерные особенности романтического этапа (первая половина XIX в.) – некоторая идеализация национальной истории и влияние литературных традиций сентиментализма и романтизма на историческую науку. Романтизм с его подчеркнутым вниманием к народному духу, культуре и языку способствовал, на наш взгляд, определенному ослаблению этой традиции. Методология исторической науки пребывала под большим влиянием немецких философов-идеалистов Г.В.Ф. Гегеля и И.Г. Гердера. «Поздние» антиквариаты продолжают поиск и частичную публикацию актов документов XVI–XVIII вв. Типичным для многих романтиков первой половины XIX в. было использование фольклора, в том числе лично записанного, как главного источника исторических студий. Большая роль в сборе, публикации и изучении украинского народного творчества принадлежит кружку харьковских романтиков (Н. . Цертелев (Церетели), Г.Ф. Квитка, Н.И. Костомаров, И.И. Срезневский); Н.А. Маркевичу; М.А. Максимовичу; «Русской троице» во Львове (М.С. Шашкевич, И.Н. Вагилевич, Я.Ф. Головацкий); О.М. Бодянскому. Становлению украинского источниковедения способствовало открытие университетов во Львове (1780), Харькове (1805), Киеве (1834), Одессе (1865), Историко-филологического института имени кн. А. Безбородько в Нежине (1875).

Позитивистский этап (вторая половина XIX в.) – время окончательного оформления источниковедения как науки с отдельными предметом, объектом и методами исследования. Одной из причин бурного развития источниковедческих дисциплин в отмеченный период было распространение идей позитивизма в общественных науках. Позитивизм содействовал поднятию источниковедения на высокий профессиональный уровень, способствовал научной разработке теории и методики источниковедения. Позитивистами подчеркивалась значимость разных типов и видов исторических источников. Именно историки-позитивисты сделали наибольший вклад в разработку внешней и внутренней критики и других вопросов методики источниковедения. Главная задача историков состояла в том, чтобы превратить историю в точную науку, подобную естественным наукам. Поэтому историки-позитивисты стремились исключить субъективный фактор в познавательной деятельности. Историки должны были только правильно изъять из документов исторические факты, содержащиеся в источниках в неизменном виде. Документы имели ценность только в том случае, если содержали исторические факты.

Во второй половине XIX в. продолжают работать «поздние романтики» Н.И. Костомаров и П.А. Кулиш. Последний пытался усваивать новые научные идеи [см. детальнее: 2].

Огромную положительную роль в развитии археографии и источниковедения в целом сыграла деятельность Киевской комиссии для рассмотрения древних актов.

Особо большое значение для развития источниковедения во второй половине XIX – начале XX в. имела научная и педагогическая деятельность Н.Д. Иванишева, В.С. Иконникова, В.Б. Антоновича и их учеников. Эту научную школу уже современники не случайно называли документальной за особое внимание к актовым материалам и отстаивание принципа документального изложения исторического материала.

В 1880-е–1890-е годы источниковедение истории Украины становится новой вузовской дисциплиной. В Киевском университете лекции «Источники Юго-Западного края» читали В.Б. Антонович, позднее – В.Е. Данилевич, а лекции по историографии – В.С. Иконников. В Харьковском университете Д.И. Багaley читал лекции по историографии. Последние два курса, несмотря на то, что назывались курсами по русской историографии, содержали и анализ источников по истории Украины.

На отечественное источниковедение в конце XIX – начале XX в. большое влияние оказывали работы Э. Бернгейма, Ш. Сеньобоса и Ш.-В. Ланглуа. Их деление источников на исторические остатки и исторические традиции, концепция внешней и внутренней критики как двух этапов источниковедческой критики стали общепринятыми в исторической науке до 60-х годов XX в.

Наиболее дискуссионным в предложенной нами ранее в пособии периодизации считаем выделение неокантианского этапа (первые два десятилетия XX в.) – времени сосуществования разных парадигм, распространения, но не господства неокантианства, марксизма и неоромантизма в общественных науках [1, с. 163–164]. Большинство историков оставались верны позитивистской модели историописания. Некоторые из них пытались соединить идеи позитивизма и марксизма. Сторонниками неоромантической визии историописания были В.К. Липинский и Д.И. Яворницкий. Последователей неокантианства среди историков подросийской Украины было немного (наиболее известные Н.М. Бубнов, В.И. Веретенников, Е.Н. Щепкин).

Советский период (начало 1920-х гг. – 1991 г.) был временем доминирования марксизма в общественных науках. С окончательным установлением советской власти на Украине происходит сначала добровольный, а с конца 1920-х годов принудительный (с помощью командно-административных рычагов) переход ученых на марксистские методологические основы. Советскими политиками и обществоведами марксизм провозглашается единственно правильным учением. Для части дореволюционной профессуры провозглашение перехода на позиции марксизма было попыткой действительно овладеть новой методологией, для других – научной и политической мимикрией. Ученым-позитивистам было легче объявить себя марксистами, потому что позитивизм и марксизм были близки по выбору тематики (вопросы социально-экономической истории) и некоторым приемам исследования.

С конца 1920-х годов исторические научно-исследовательские учреждения попадают под жесткий партийно-идеологический контроль. Абсолютизировался классовый и партийный подход ко всем общественным явлениям, в том числе к историческим источникам. Главное внимание в проблеме авторства уделялось социально-классовому происхождению автора. Избирательное использование источников и анализ отдельных исторических фактов, которые считалось целесообразно приводить в соответствии с марксистско-ленинской исторической схемой, фактически искажали историческое прошлое. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, документы коммунистической партии (особенно резолюции и постановления съездов) считались главными источниками для любого исследования.

Особенно жесткий тотальный контроль за деятельностью историков осуществлялся в период сталинского тоталитаризма (репрессии, огульная и несправедливая критика во время проведения кампаний критики и самокритики). Узкий классовый и партийный подход был обоснован в письме Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) и в постановлении ЦК КП(б)У «О политических ошибках и неудовлетворительной работе Института истории Академии наук УССР» (1947). С конца 1920-х годов меняется характер архивной и археографической работы; ограничивается доступ к архивным фондам и их использование; в основном публикуются источники по истории классовой борьбы и революционного движения. Всем этим источниковым публикациям была присуща политическая заангажированность, избирательность в отборе источников и т. п., что было характерным признаком всей советской археографии.

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности И. Сталина, произошел частичный отход от классовой и партийной заангажированности исторических исследований, появляются более полные публикации сборников документов. Во многих исторических журналах СССР, в частности в «Українському історичному журналі», была рубрика по источниковедению. В 1964–1972 гг. в Киеве выходил специальный источниковедческий сборник «Історичні джерела та їх використання». Библиографические обзоры послевоенной литературы помещались в пяти выпусках специального республиканского сборника «Історіографічні дослідження в Українській РСР» (1968–1972). В русле официальных концепций развивалось украинское советское источниковедение. Большое влияние на развитие всего советского, в том числе украинского, источниковедения 1960-х–1980-х годов оказывали работы российских ученых (Л.Н. Пушкарева, А.П. Пронштейна, С.О. Шмидта, О.М. Медушевской и др.), украинских исследователей (А.В. Санцевича, М.Ф. Дмитриенко, В.И. Стрельского, Н.П. Ковальского, Ю.А. Мыцька, А.К. Швыдько и др.). В 1960-х–1980-х гг. открыты специализированные кафедры в ведущих университетах УССР.

Ученые диаспоры долгое время были лишены возможности пользоваться советскими архивами. В то же время А.П. Оглоблин, Н.Д. Полонская-Василенко и другие эмигранты были вне идеологического давления со стороны советских государственных и партийных структур. Статьи

источниковедческого характера появляются на страницах «Український історик», «Сучасність», «Визвольний шлях», периодических изданиях УВАН и других научных организаций.

Седьмой период – постсоветский – начался с 1991 года. После обретения Украиной независимости в отечественном источниковедении наблюдается отход от идеологических штампов советского периода, использование новейших идей мировой исторической науки, в частности новых методик исследования исторических источников. В.А. Смолий, Г. В. Боряк, Я.Р. Дашкевич, М.Ф. Дмитриенко, Л.А. Дубровина, Я.С. Калакура, С.В. Кульчицкий, Ю.А. Мыщык, П.С. Сохань, А.К. Швыдько и другие ученые активно занимаются источниковедческими проблемами.

Институтом истории Украины возобновлено издание «Історіографічні дослідження в Україні» и начато издание двух специализированных журналов: «Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики» и «Ейдос». Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского издает «Український археографічний щорічник», многочисленные сборники источников: мемуары и дневники разных выдающихся политических, культурных и научных деятелей прошлого (серия «Мемуари і щоденники»), «Універсали українських гетьманів», Архив Коса Запорожской Сечи и другие сборники документов, многотомники М.С. Грушевского, Д.И. Багалая, Д.И. Яворницкого. Украинский научно-исследовательский институт архивного дела и документоведения активно занимается исследованиями разных теоретических и практических вопросов архивоведения и документоведения. Институт издает ежегодники «Студії з архівної справи та документознавства» и «Пам'ятки», серийные издания «Історія архівної справи: спогади, дослідження, джерела», «Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки», «Архівознавство. Археографія. Джерелознавство». Продолжается поисковая и издательская деятельность сотрудников Институтов рукописи, биографистики, архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, центральных и местных архивов, музеев и библиотек. Важным проблемам развития национальной историографии, в частности истории источниковедения, посвящены выпуски «Харківського історіографічного збірника».

Вышли в свет учебник «Історичне джерелознавство» под ред. Я.С. Калакуры (2002), учебные пособия: В.В. Подгаецкого «Основи теорії та методології джерелознавства історії України ХХ століття» (2000) и В.И. Воронова «Джерелознавство історії України» (2003), С.А. Макаруча «Писемні джерела з історії України» (1999) и «Історичні неписемні джерела» (2002), Е.Н. Богдашиной «Источниковедение истории Украины: вопросы теории, методики, истории» (2012).

Все большее влияние на источниковедение последних лет оказывают постмодернизм, постпозитивизм и другие новейшие концепции.

Предложенная в нашем пособии периодизация источниковедения истории Украины имела, по нашей оценке, «более прикладной (для учебного процесса), чем научный характер в связи с недостаточной разработкой этого вопроса в научной литературе» [1, с. 134]. Эта периодизация нами была объявленной «открытой для дальнейшего обсуждения и возможного уточнения» [1, с. 134]. В четырех рецензиях на три издания пособия на украинском языке (2004, 2005 и 2008 гг.) вопрос периодизации не обсуждался. Наши взгляды также немного изменились. Если ранее главным критерием периодизации истории любой науки мы предлагали смену парадигм, то сейчас – общепринятых в научных сообществах моделей историописания. Достаточно тяжело иногда определить время доминирования и степень реализации определенной модели в отечественном источниковедении, ее взаимодействия с другими. По нашему мнению, наибольшее влияние на развитие источниковедения оказала доктрина позитивизма. К тому же позитивистские принципы научной работы (особенно в методике работы с историческими источниками) сохранились, например, в творчестве многих историков после того, как позитивизм перестал быть доминирующим образцом историописания. По-прежнему уверены, что хронологические рамки отдельных периодов могут колебаться для разных территорий, персоналий и научных школ.

Усложнилось и наше понимание интеллектуального пространства. Конструкт «источниковедение в Украине» широко представлен в текстах многих исследователей с конца 1990-х годов до настоящего времени. Однако большинство из них старательно избегают конкретизации содержательного наполнения этого понятия и производных терминов. Дефиниции «историческая наука в Украине» и «источниковедение в Украине» – интеллектуальное пространство, которое конструируется, исходя из этнокультурных границ пребывания украинства в соответствующую эпоху. Конструкт «историческая наука в Украине» трактуется нами как развитие украинской, российской, польской, румынской и других национальных историографий на землях Украины.

Становление отечественного источниковедения происходило в модерном социально-культурном пространстве, обозначенном университетами, научными обществами, издательствами, архивами, музеями, главным образом в среде городской, прежде всего университетской, интеллигенции. В этом совместном интеллектуальном пространстве были представлены разные версии и модели национального историописания, прежде всего российского, польского, украинского [см. также: 2, с. 13–15].

1. Богдашина, Е.Н. Источниковедение истории Украины: вопросы теории, методики, истории / Е.Н. Богдашина ; пер. с 3-го укр. изд. – Харьков : Сага, 2012. – 234 с.
2. Богдашина, Е.Н. Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.) / Е.Н. Богдашина. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013. – 588 с.
3. Ковальський, М.П. Історіографія джерелознавства історії України: Періодизація, проблематика, перспективи / М.П. Ковальський // Історична наука на порозі XXI століття : підсумки та перспективи : матеріали Всеукраїнської наукової конференції (Харків, 15–17 липня 1995 р.). – Харків : Авеста, 1995. – С. 131–137.
4. Павленко, С.Ф. До питання про періодизацію історіографії українського джерелознавства / С.Ф. Павленко // Вісн. Київ. нац. ун-ту ім. Т.Г. Шевченка. Сер.: Історія. – Київ, 2001. – Вип. 54. – С. 17–18.

Китиченко Т.С.
РАЗРАБОТКА ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
ИСТОРИКАМИ УКРАИНЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Развитие исторической науки в целом и источниковедения в частности невозможно без методологии научного познания. Большинство исследователей исторического прошлого использовали методологические достижения европейских ученых, не забывая при этом вносить собственные коррективы. Наше внимание привлекли научные труды историков подросийской Украины конца XIX – начала XX в.

Цель статьи – рассмотреть различные подходы историков подросийской Украины к разработке источниковедческой критики, которую в XIX – начале XX в. называли исторической. Большинство историков указанного периода трактовали историческую критику как совокупность методов [13, с. 422–423].

Данная тема является актуальной и имеет широкую базу источников. Кроме опубликованных работ П.Н. Ардашева, П.В. Голубовского, В.Е. Данилевича, В.И. Веретенникова, А.Г. Брикнера, И.А. Линниченко, В.К. Пискорского, М.Н. Бережкова, большое значение для исследования научного наследия историков имеют архивные источники.

Историографию данной проблематики можно разделить на три периода: дореволюционная, советская, современная. В отзывах и рецензиях второй половины XIX – начале XX в. на научные труды содержатся отдельные разрозненные оценки разработки коллегами приемов источниковедческой критики. В советский период историю развития источниковедческой методики изучали В.А. Дмитриенко, Г.М. Иванов, В.В. Иванов, В.В. Фарсобин, Л.Н. Хмыльёв и другие ученые. Данную проблематику рассматривали и современные исследователи: Е.Н. Богдашина, Я.С. Калакура, Т.Н. Попова, Л.В. Таран и т.д.

Зарубежные стажировки магистров способствовали успешному введению в университетах России в 1860–1870-х гг. общеевропейской практики семинарских занятий. На них практиковалось изучение исторических источников студентами под руководством преподавателя. На семинарах профессора Берлинского университета Леопольда фон Ранке (по выражению одного из его практикантов – будущего профессора Харьковского университета М.Н. Петрова – «исторические упражнения Ранке» [11, с. 18]) демонстрировались примеры изучения исторических, прежде всего актов, источников. Научный анализ исторических источников М.Н. Петров считал важным маркером профессионализма историка [11, с. 18]. Ученый поддерживал Л. фон Ранке в выборе им метода для обучения молодых сотрудников. Он подчеркивал: «Ранке избрал единственно верный и успешный метод – практический; ибо всякое систематическое изложение правил, всякое теоретическое учение – в подобном случае необходимо должно иметь отвлеченный, неопределенный характер, и следовательно не может принести существенной пользы» [11, с. 18].

Интересна трактовка разработанного Л. фон Ранке «критического метода» В.П. Бузескулом, который был учеником М.Н. Петрова: «Надо обращаться к наиболее достоверным, подлинным источникам, разобраться в них, установить их генеалогию, их зависимость друг от друга, дойти

до первоисточника, определить степень достоверности автора, место и время его жизни, составления им своего труда, выяснить его отношения, возможность и желание сообщить истину, выяснить его физиономию, его индивидуальность» [5, с. 1125].

В то же время в историографии термином «историческая критика» начали обозначать отдельную научную дисциплину – «историческое источниковедение» (современное общепринятое название).

Лидер украинской историографии второй половины XIX – начала XX в. В.Б. Антонович активно занимался разработкой источниковедческой методики. Я.С. Калакура подчеркивал, что он одним из первых в украинской историографии стал публиковать документы в качестве приложений к своим трудам [8, с. 250].

Представители Киевской документальной школы отстаивали «жесткий документализм». Его Я.С. Калакура трактует как «сущность исторических реконструкций и обобщений только на источниках, избегание “научных фантазий”», приверженность к общераспространенному в XIX в. позитивистскому направлению исторических и источниковедческих студий [8, с. 251]. С нашей точки зрения, главной особенностью методики работы В.Б. Антоновича с источниками стало преимущественное использование актов, а не повествовательных источников.

Д.И. Багалея, М.С. Грушевский и другие ученики В.Б. Антоновича продолжали традицию научного руководителя по изучению в первую очередь актов документов. Большинство исследований представителей Киевской документальной школы не только написаны на широком и достоверном архивном материале, но и опубликованы с приложениями – извлечениями из архивных источников, прежде всего актов. Археографические публикации Д.И. Багалея, например, можно разделить на четыре группы: 1) документы по истории Слободской Украины в целом, прежде всего по истории ее колонизации; 2) источники по истории города Харькова; 3) материалы о выдающихся исторических и культурных деятелей, ученых Слобожанщины; 4) документы по всеобщей истории Украины.

Позитивизм обусловил выведение источниковедения на высокий профессиональный уровень, способствовал научной разработке теории и методики источниковедения. Именно историки-позитивисты, по мнению Е.Н. Богдашиной, внесли наибольший вклад в разработку концепции внешней и внутренней критики и других вопросов методики источниковедения [3, с. 135].

Историки-позитивисты культовое значение придавали принципу объективности [4, с. 289, 293–300]. Конечно, они признавали определенную субъективность, присущую любому виду творчества, но считали, что каждый ученый должен стремиться достичь максимальной взвешенности в оценках каждого источника и изложенных в нем исторических фактов независимо от своих религиозных, политических или личных предпочтений. Об этом, в частности, говорится в рецензиях В.Б. Антоновича на роман идеолога «польского позитивизма» Г. Сенкевича «Ogniem i mieczem» и на произведения Марианна Дубецкого [2, с. 44–78].

Позитивисты (в отличие от романтиков) активно использовали статистический и сравнительно-исторический методы исследований. В частности, Д.И. Багалея убедительно доказал, что в случае недостаточной естественной выборки статистических данных отдельных уездов Харьковской губернии можно уверенно утверждать, что подобные социально-экономические и демографические явления были характерны для всей территории губернии: как для уездов, имеющих большую и репрезентативную базу источников, так и для уездов, по истории которых сохранилось мало источников. Эту новеллу харьковского профессора высоко оценивают другие ученые [12, с. 58].

Понимание, что до анализа текста источника нужно исследовать внешние признаки документа, присутствует во многих работах отечественных ученых. Так, например, Ф.Я. Фортинский еще в 1884 г. писал об «изучении внешних и внутренних признаков памятников» с помощью палеографии, дипломатики, исторической хронологии, генеалогии [14, с. 16].

Отечественные историки выделяли два (иногда три) этапа источниковедческой критики (под разными названиями, но с похожими задачами). Так, М.Н. Петров выделил три этапа: 1) «сбор и восстановление всех памятников и документов, могущих с разных сторон объяснить минувшую жизнь нации»; 2) «критическая оценка и разработка этого материала» для оценки достоверности источников, «очистка известий и свидетельств от всей субъективной примеси» и «извлечение из них <...> реальной “объективной” истины»; 3) восстановление «разрушенной анализом связи между отдельными атомами очищенного критикой материала» [10, с. 58–59].

М.Н. Бережков также источниковедческую критику делил на три вида: критику источников, критику текста, критику фактов или философскую критику [7].

В.С. Иконников, вслед за А.-Л. Шлёцером, предложил следующие этапы источниковедческой критики: низшую (дипломатическую, внешнюю, филологическую) (критика слов) и высшую (внутреннюю, историческую) (критика событий) [6, с. 39]. Профессор дал характеристику каждой группе. В.С. Иконников определял высшую критику, как таковую, что «исследует материалы относительно сообщенных ими показаний о событиях, то есть их достоверность, вероятность, возможность или неверность данных. Здесь снова имеют значение личность автора, время и место возникновения источника, характер и форма произведения – летопись, мемуары, официальные акты и т.п.» [6, с. 39].

Распространение концепции внешней и внутренней критики как двух этапов изучения исторических источников приходится на конец XIX в. Окончательному ее принятию среди ученых способствовала популярность работ европейских исследователей Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос «Введение в изучение истории» и особенно Э. Бернгейма «Введение в историческую науку», о чем свидетельствует активное их цитирование. Концепция внешней и внутренней критики источников осталась общепринятой в советском источниковедении до 60-х годов XX в. [4, с. 321].

Итак, в отечественном источниковедении второй половины XIX – начала XX в. происходила успешная разработка различных вопросов источниковедческой методике, в первую очередь правил поиска, классификации и использования источников, определение задач исследования внешних признаков, дальнейшее развитие методики текстологического анализа, выявление таких критериев оценки информации источников как достоверность, полнота, новизна и ценность. Началось формирование представлений о необходимости комплексного изучения источников во всем их многообразии, в их связи и взаимозависимости.

1. [Антонович, В.Б.] Историчні байки п. Маріана Дубецького (за приводом праці про початок Запоріжжя) / П-с-к // Правда. – Львів, 1888. – Річник XIV. – Т. 1. – С. 110–116; 194–203.
2. Антонович, В.Б. Польско-русские соотношения XVII в. в современной польской призме (по поводу повести Г. Сенкевича «Огнем и мечём») / В.Б. Антонович // Киевская старина. – 1885. – Кн. 5. – С. 44–78.
3. Богдашина, О.М. Джерелознавство історії України: теорія, методика, історія / О.М. Богдашина. – Харків : Штрих, 2004. – 160 с.
4. Богдашина, О.М. Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.) / О.М. Богдашина. – Харків : Вид-во ун-ту, 2013. – 560 с.
5. Бузескул, В.П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель : докл. в заседании отд. ист. наук и филологии 19 мая 1926 года / В.П. Бузескул // Известия Академии наук СССР. – 1926. – Т. 20(12). – С. 1123–1138.
6. Иконников, В.С. Опыт русской историографии : в 2 т., 4 кн. / В.С. Иконников. – Київ : тип. ун-та, 1891–1908. – Т. 1, кн. 1. 1891. – VII, 882, ССXXII, VIII с.
7. Інститут Рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (ІР НБУВ). – Ф. XXIII. – Д. 296. – Л. 13 об.
8. Калакура, Я. С. Археографічна школа університету св. Володимира / Я. С. Калакура // Український археографічний щорічник. – Київ, 2012. – Вип. 16–17. – С. 240–255.
9. Калакура, Я. Володимир Антонович як фундатор українського джерелознавства / Я. Калакура // Четверта Академія пам'яті професора Володимира Антоновича. – Київ, 1999. – С. 17–25.
10. Петров, М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции : сравнит. ист.-библиогр. обзор / М.Н. Петров. – Харків : тип. ун-та, 1861. – VII, 310 с.
11. Петров, М.Н. Отчёт о занятиях адъюнкта императорского Харьковского университета М. Н. Петрова в Германии, Франции, Италии, Бельгии и Англии в 1858–1860 г. / М.Н. Петров. – Харків : тип. ун-та, 1861. – 76 с.
12. Фарсобин, В.В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии / В.В. Фарсобин. – М. : Наука, 1983. – 231 с.
13. Фарсобин, В.В. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки) / В.В. Фарсобин // Источниковедение истории советского общества : сб. ст. – М. : Наука, 1968. – Вып. 2. – С. 389–453.
14. Фортинский, Ф.Я. Опыт систематической обработки исторической критики / Ф.Я. Фортинский // Университетские известия. – Київ, 1884. – № 8. – С. 1–32.

Филькин К.Н.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

В рамках исторического исследования нередко в качестве источников (речь, в первую очередь, идет о текстах, но, конечно, не только о них) выступают объекты, чья значимость в качестве исторического источника может показаться не столь однозначной и очевидной. Например, в такой роли оказываются тексты, не являющиеся в прямом смысле носителем исторической нотации. Возможно, по какой-то конкретной культуре или временному периоду оказывается, что вообще отсутствуют источники, прямо преследующие историографическую цель. Столкновения с подобными случаями, как правило, приводят к идее об отсутствии исторического соз-

нения в данной культуре, хотя на самом деле, вероятно, проблема может оказаться исключительно лишь в нашем анализе, опирающемся на недостаточные сведения и неподходящую для проведения анализа методологию.

Таким образом возникает историографическая проблема – использование источников, в качестве которых, к примеру, могут выступать агиографические тексты, философская и религиозная дидактика, те или иные нарративы, содержащие множество внеисторических и неисториографических элементов, характерных даже для летописного текста, – мифологических, религиозных или философских нотаций, элементов летописного субстрата и т.д. Ввиду такого специфического характера содержание данных источников можно охарактеризовать как «внеисторическое». Но тем не менее, исходя из времени создания текста, актуальности для определенного периода и группы людей, можно однозначно утверждать, что данный объект потенциально способен выступать в качестве исторического источника, – вопрос в том, каким образом и какие исторические сведения возможно из источника извлечь.

Одним из решений в указанной ситуации может быть обращение к современным когнитивным методологиям, позволяющим провести анализ по подобным недостаточно релевантным с точки зрения классической нарративной истории источникам. Кроме того, когнитивная методология помимо возможности работать со сложными «внеисторическими» источниками открывает возможность получения в принципе новых результатов.

Когнитивная наука (*cognitive science*) часто характеризуется не как некая отдельная дисциплина, а как совокупность самостоятельных дисциплин. Наиболее часто к когнитивным наукам относятся: антропология, лингвистика, психология, искусственный интеллект и философия. Познание и исследование культуры ориентированы на изучение взаимодействия между разумом и культурой и включает такие академические области, как культурная, биологическая и когнитивная антропология; эволюционная психология; археология; лингвистика; философия и религиоведение. В самом широком смысле, когнитивная наука может быть описана как попытка объяснить, как работает разум, основными задачами которого являются следующие: восприятия мира, обучение, запоминание, управляющие воздействия, создание и развитие новых идей, коммуникация с другими людьми и, наконец, создание чувственного опыта, намерений и самосознания. Деятельность разума здесь изучается с точки зрения теории информации. Когнитивная наука сосредоточена на том, каким образом люди, животные и некоторые артефакты оперируют информацией. Когнитивное описание определяет, какие виды информации принимаются в качестве входных данных, какие процессы используются, чтобы преобразовать эту информацию, с какого рода структурами данных эти процедуры оперируют (репрезентации), и какого рода репрезентации или поведение порождаются в качестве выходных данных [8].

В вопросе применения когнитивного подхода при анализе исторических источников остановимся на двух областях: когнитивной истории и когнитивном религиоведении.

Когнитивное религиоведение в вопросе исторического источниковедения актуально в связи с распространенной спецификой источников: зачастую это тексты религиозного содержания или с явным религиозным подтекстом и значением, поскольку сами культуры, в которых тексты появились, имеют весомую религиозную составляющую. Когнитивная наука о религии в основном корнями уходит в когнитивную антропологию и психологию. Религиозные феномены возможно исследовать с использованием методов, используемых для изучения нерелигиозных феноменов. Таким образом, религиозные понятия – это разновидность понятий, ритуальное поведение – разновидность поведения, а структура религиозной группы – один из видов групповых структур и т.д. Когнитивное религиоведение занимается поиском каузальных механизмов или процессов, лежащих в основе видимых проявлений религии [9], что позволяет применять его методологический аппарат при исследовании исторических источников.

Хорошим примером по практическому когнитивному религиоведению в источниковедческом формате является работа финского антрополога и религиоведа Киммо Кетолы «*The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma*» [8], в которой применительно к анализу биографических нарративов автор использовал теорию фреймов Эрвинга Гоффмана в качестве наиболее успешного механизма описать то, как люди определяют свои повседневные ситуации, – и в этом анализе, отталкиваясь от исторических источников, которыми в первую очередь выступали агиографические сочинения, автор выстраивает картину коммуникаций в рамках конкретного исследуемого сообщества. Данное ис-

следование в основном касается аспектов межличностного общения и репрезентаций, регулирующих взаимодействия людей друг с другом.

Более очевидной по близости к исторической науке выступает теория когнитивной истории. Данная теория, во многом как манифестация, представлена в монографии О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» [4].

Явные предпосылки для дискурса о когнитивной истории, без сомнения, лежат в работах Б.Г. Могильницкого и томской историографической школы. В работах Б.Г. Могильницкого и многих других представителей школы «красной нитью» проходит исследование феномена исторического сознания как совокупности представлений, присущих обществу и его сегментам, о своем прошлом и прошлом всего человечества. Каждая общность обладает известным комплексом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях и деятелях собственного прошлого, их соотношении с историей других общностей и всего человечества. Данные «исторические предания» составляют неотъемлемую принадлежность духовной жизни каждого народа, способ его самовыражения, и это придает историческому сознанию сильную эмоциональную окраску. История органически присутствует в сознании общества, причем историчными являются все составляющие его элементы – взгляды, идеи, политические и иные теории и т.д. [2]

К феномену исторического сознания примыкает феномен религиозного сознания (см. работы О.В. Хазанова «Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций» [7] и О.И. Ивониной «Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX вв.» [1]) – таким образом, здесь вновь оказываются пересеченными сферы двух направлений когнитивных наук – когнитивной истории и когнитивного религиоведения, – образующих общее методологическое пространство. Одновременная применимость когнитивного религиоведения и когнитивной истории при анализе исторических источников исходит из утверждения пересечения множества интуитивных аспектов, относящихся к историческому пространству, с контринтуитивными аспектами, относящимися к религиозным: религиозные репрезентации – это частный случай репрезентаций, соединяющий эксплицитные минимально контринтуитивные аспекты, которые легко запоминаются, с имплицитными интуитивными аспектами, которыми удобно оперировать [9].

Согласно теории когнитивной истории О.М. Медушевской, «индикатором перестройки внутри исторической науки может служить направление, специально ориентированное на исследование информационного ресурса реализованных продуктов целенаправленной человеческой деятельности», – это как раз источниковедение, в рамках которого специально рассматривается проблематика исследований информационного ресурса исторических источников [4]. В данной теории и методологии на новой основе переосмысливаются задачи исторической науки и источниковедения – отмечается, что текущая ситуация в науке может быть схематично определена как смена парадигм: переход от «нарративизма» к формату когнитивной истории. «Нарративизмом» О.М. Медушевская определяет логику наивного повседневного мышления, в рамках которого ставятся задачи осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». Данный подход и позиция его последователей, которые видят задачу историка в описании событий на повседневном уровне восприятия, критикуются как ненаучные, так как предполагают, что результат исследования задан заранее: он исключает так называемое сослагательное наклонение в истории, отрицает вариативность процессов, не способен использовать аналитические методы современной науки [6]. В противоположность, когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегии генерализации истории как науки [3]. У О.М. Медушевской разрешением данного конфликта стало обращение к структурализму, точнее к его методологическим свойствам для обоснования видовой классификации исторических источников. Структурализм во многом соотносился исторически прежде всего с антропологией как новой наукой, претендовавшей на выявление структур общества и сознания, – причем, если первоначально речь шла про историю и ныне сохранившиеся «аборигенные» сообщества, то постепенно его методология перешла на исследования «современных цивилизованных» сообществ, в том числе в рамках исследования повседневности. Данные исследования заставляли задуматься о соотношении информации, полученной из различных видов источников – опросов, бесед и этнографических наблюдений, письменных источников, археологиче-

ских памятников, – в рамках вопроса о сути, которая объединяет эти источники для понимания феномена человека [5].

Тем не менее, применение когнитивных методологий сталкивается с рядом проблем. Прежде всего, это недоверие научного сообщества, воспитанного на классических подходах, несмотря на небывалый взлет когнитивных наук за последние 10–15 лет. Другой проблемой, выходящей «оборотной стороной медали», является само опрометчивое и заносчивое желание когнитивных методологий выглядеть новым универсальным подходом, способным дать ответы на все вопросы, причем ответы точные, сопоставимые с решениями в точных науках, хотя очевидно, что сложно ожидать точного, однозначно интерпретируемого и четко верифицируемого ответа, если материалы для анализа (в нашем случае – исторические источники) представляют собой неоднозначные и неточные артефакты, зачастую со спорными характеристиками. Другими словами, когнитивные науки зачастую претендуют на однозначность и верифицируемость, однако де-факто остаются в руках исследователей зависимыми от субъективизма последних: квалификации, мотивации, сферы интересов и т.д.

Однако, при всех возникающих вопросах применение когнитивных методологий оказывается перспективным. Одной из важнейших характеристик является то, что когнитивная наука позволяет выйти из инертного состояния, порожденного постмодернистским солипсизмом [9]. Когнитивизм позволяет получить результаты, которые невозможно получить прите применении других методологий. Это делает саму когнитивную методологию допустимой и обоснованной. Только не следует впадать в крайности в отношении потенциальных результатов исследований: поле применения любой методологии и науки имеет свои границы.

1. Ивонина, О.И. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX в. : дисс. ... док-ра ист. наук / О.И. Ивонина. – Томск, 2001. – 365 с.
2. Историческая наука и историческое сознание / под ред. Б.Г. Могильницкого. – Томск : Изд-во Томского университета, 2000. – 230 с.
3. Лукьянов, Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании / Д.В. Лукьянов // Будущее нашего прошлого: материалы Всерос. науч. конф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2011. – С. 179–193.
4. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
5. Медушевская, О.М. Теория исторического познания : избранные произведения. / сост. И.Л. Беленький. – СПб.: Университетская книга, 2010. – 572 с.
6. Сабенникова, И.В. О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории / И.В. Сабенникова. // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 177–179.
7. Хазанов, О.В. Феномен религиозного историзма: некоторые подходы к пониманию еврейской и индийской традиций / О.В. Хазанов. – Saarbrücken : LAP Lambert, 2011. – 228 с.
8. Ketola, K. The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma / K. Ketola. – Leiden & Boston : Brill, 2008. – XIII, 234 p.
9. Sørensen, J. Religion in Mind: A Review Article of the Cognitive Science Of Religion / J. Sørensen // Numen. – Vol. 52(2005). – P. 465–494.

Харитонов А.М.
НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Современная историческая география по классификации исторической науки не имеет прямого отношения к географии. Это всего лишь вспомогательная историческая дисциплина, подобно источниковедению. Этот факт вызвал удивление у обратившего на данный нонсенс внимание географии В.П. Максаковского [3]. Ведь в современной географической науке историческая география занимает весьма значимое место на стыке истории и географии.

Скромная роль исторической географии в исторических исследованиях подчеркивается тем, что ею сплошь и рядом занимаются исследователи даже без профессионального географического образования. Но разве может простой переводчик, пусть и с ученой степенью кандидата или доктора наук, учесть все географические тонкости в изучаемом источнике?

Вот Историк пытается найти некий пункт, упомянутый в клинописных табличках. Он самым добросовестным образом переводит данное географическое название на современные языки с помощью методов компаративистики (сравнительно-исторического языкознания). Выяснив примерное наименование поселения сегодня, Историк отождествляет его с современным насе-

ленным пунктом и наносит на историческую карту. На этом свое исследование он считает полностью завершённым.

С нашей географической точки зрения он выполнил только начальную стадию работы. Ведь никем не доказано, что это единственное сохранившееся географическое название так и было единственным в истории. А если подобных названий было несколько, а уцелело далеко не первое и на совершенно ином месте?

Подобный перенос географических названий с места на место вместе с перемещением отдельных племен и народов вообще не учитывается должным образом. Только сегодня начали появляться работы, которые по «дрейфу» географических названий пытаются определить пути расселения наших предков. Пока подобная работа проведена только на примере славянских и отчасти тюркских народов [см. 1], да к тому же еще и химиком по образованию, но она явно требует рассмотрения и на примерах других племен и народов древности и средних веков.

Не умея найти и не желая привлекать специалистов-географов к решению географических проблем в изучении исторических источников, специалисты-историки частенько допускают грубые географические ошибки, вину за которые тут же перекладывают на географов, стоит попытаться привлечь к этому внимание. Похоже, что и сами географы излишне доверяют «взгляду из мышиной норы» в сочетании с геополитическими вывертами, которые позволяют себе в трактовке исторической географии историки.

Результатом подобного положения вещей является то, что историческая география Древней Руси в комментариях к одновременным арабским и скандинавским историко-географическим источникам не стыкуется на одной определенной территории. А ведь издревле география является единой наукой.

Проблема в том, что означенные источники изучали две различные группы специалистов – историки и востоковеды, которые не позаботились о том, чтобы их позиция совпадала с точки зрения средневековой географической науки. А ведь не столь уж и трудно заметить, что скандинавский Хольмгард (Новгород русских летописей) без труда можно превратить в «остров русов» арабской космографии. Ведь скандинавское «хольм» - «остров», а Гарды (явно из Орда) – Русь. И различного рода трудности трактовки лингвистического характера, которые при этом могут возникнуть, легко списать на «народную этимологию» при подобном переводе.

Но первые сомнения в правильности современных исторических представлений о древнерусской географии появились у автора в связи с размышлениями о летописной версии смерти князя Олега. Первый же «детский» вопрос: а какого биологического вида была змея, отправившая воителя напрямик на тот свет, привел к парадоксальному результату. Действительно, во всей современной континентальной Европе не отыскать змеи, которая могла бы в одночасье погубить своим укусом взрослого мужчину. Такие змеи (гюрза) водятся только в современном Закавказье.

Здесь гадюки способствовали немалому числу смертей среди местного населения еще согласно сведениям энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Но вряд ли это были местные кавказские гадюки, которые ядовиты не более чем степная и обыкновенная гадюки, водящиеся на Русской равнине. Скорее это была именно гюрза, которую также относят к представителям гадючьего семейства. А вот от укусов современных европейских гадюк может погибнуть разве что брошенный без присмотра нерадивыми родителями малолетний ребенок, да и то для этого требуется укус в лицо.

Во времена же Древней Руси вполне допустимо, что гюрза водилась и на Северном Кавказе в связи с общим потеплением климата. К этому периоду относится начало колонизации сравнительно теплой тогда Гренландии. Но если легенда о смерти босоногого князя (а иначе никакая змея кожаную обувь не прокусит) все же правдива, то отсюда уже недалеко до вывода, что Олег был скорее князем Тмутараканским, чем Киевским. А ведь его держава на современных исторических картах простиралась лишь от Киева до Великого Новгорода.

Подобных «ляпов» в исторической географии обнаруживается не так уж и мало. Как-то автору понадобилось уточнить местонахождение Окса и Яксарта в античности. Эти реки, за которые историки раз и навсегда приняли Амударью и Сырдарью, должны были бы быть хорошо известны античной географии еще со времен походов Александра Великого. Представьте наше удивление, когда в «географической энциклопедии античности» [4] не оказалось ничего конкретного о территории Средней Азии.

При этом реконструируемые современными историками «мировые» античные карты показали полное отсутствие географических представлений греков о территориях, лежащих к северу от Тавра (примерно южные границы бывшего СССР) [см. 2], а значит Окс и Яксарт следует ис-

коть к юго-востоку от Каспия на территории современных Ирана и Афганистана. Да и впадал Яксарт в Каспийское море по утверждению ряда источников.

Поиск здесь нужных рек облегчается тем, что если исключить мелкие реки, впадающие в Каспийское море, внутренние водоемы и Индийский океан, то крупных рек остается ... две (Мургаб и Теджен)! Из этого и следовало исходить в попытках найти привязку для других сопутствующих этим рекам топонимов. Но историки XVIII-XIX веков и подумать не могли, что эти грязные ручейки когда-то представляли реки в 7 стадий ширины (почти 1,5 км), но были разобраны на орошение, как и современные реки Средней Азии [см. 6].

На деле же возобладала тенденция увязки Окса с Яксартом с реками Средней Азии, что порождает массу различного рода противоречий в исторических и востоковедческих исследованиях [см. 5].

Также многие географы и историки уже давно определили Гиперборейские горы в разряд мифических географических объектов древности и средних веков. С пометкой миф. (т.е. мифические) это имя встречается, например, в тех же «Очерках по истории географических открытий» [2]. В то же время Рифейские горы античности чаще всего отождествляют с современными горами Урал. Впрочем, имеются довольно многочисленные попытки отождествления гор Гиперборей с современными Скандинавскими горами, а Рифейские горы отодвигают вплоть до Северных Увалов.

Однако предлагаемые для отождествления с Рифейскими и Гиперборейскими горами современные географические объекты не были известны античной и средневековой географии. Если эти горы действительно связывать с реальными топонимами, то размещаться они должны на территории Ойкумены (обитаемой части земли по представлениям географов того времени).

Складывается впечатление, что Гиперборейские и Рифейские горы античности представляют из себя какие-то современные западные и центральные хребты Большого Кавказа. Только здесь и могли наблюдаться природные явления, свойственные высокогорью, описываемые географическими сочинениями для Европы и Азии. Более того, представляется, что античные географы называли Кавказом не весь современный Кавказ, а только ту его часть, что мы сегодня именуем Малым Кавказом. Не помещалась ли первоначальная Скифия, откуда скифов и вытеснили за реку Дон сарматы, на месте степей между этими двумя частями современного Кавказа?

Подобные попытки втянуть в историческую орбиту как можно раньше определенные территории чаще всего вызываются геополитическими амбициями. При этом полностью отменяются общегеографические работы античности и средних веков, противоречащие данным усилиям. Ведь «пустое» место на стыке истории и географии на самом деле таковым не является.

Но что же тогда за наука заняла законное место исторической географии, отнесенной на периферию исторической науки историками? По нашему мнению это место с комфортом заняла геополитика. Не потому ли историки и не заинтересованы, чтобы современная география осуществила комплексную проверку их географических представлений с помощью общегеографических сведений античности и средних веков?

Впрочем, спасибо историкам-переводчикам. Всячески пороча и принижая географию древности, они поспособствовали интересу автора данной работы к выявляемым ими противоречиям. Большинство этих противоречий оказалось связано с узкими географическими взглядами историков.

Ведь если на средневековой карте Северной Африки появляется надпись Скифия, то надо не спешить обвинять географию в полной несостоятельности, а искать причину этого появления. А она в наличии здесь некогда Алано-вандалского королевства. А уж аланы - сарматы точно были жителями Скифии до своего прихода на эти территории. Более того, известный из средневековых арабских сочинений город Алжира Аннаба вполне может быть тезкой российской Анапы, что может дать дополнительный материал к изучению этимологии данных объектов топонимики.

Каковы же выводы из нашей работы? Для создания непротиворечивой исторической географии и истории Древней Руси необходимо искать ее границы ближе к Причерноморью, территория которого только и была известна географической науке античности и ранних средних веков.

При этом историкам необходимо перестать обвинять географию и географов в собственных историко-географических ошибках, а постараться понять истоки их возникновения в исторической среде и вывести историческую географию из числа «вспомогательных» исторических дисциплин.

В изучении же языка первоисточников требуется искать альтернативу сравнительно-историческому языкознанию в пользу теории взаимопроникновения и взаимодействия языков

между собой в форме языковых союзов, создания креольских языков и пиджинов в противовес теории моногенеза, которая на первое место ставит распад некогда единого праязыка.

Это очень нелегкая задача, т.к. массовые стереотипы исторических схем в отечественной истории вдалбливаются нам еще со школьной скамьи и усиливаются многолетней политической пропагандой. Поэтому тому, кто хотя бы попытается пойти по предлагаемому нами пути ждет весьма тяжелая и неблагодарная задача искоренения сложившихся за несколько столетий стереотипов в истории и географии России и приведении их в соответствие с современными достижениями географической науки.

1. Курбатов, В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.) / В.А. Курбатов. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. – 382 с.
2. Магидович, И.П. Очерки по истории географических открытий. Т.1. Географические открытия народов Древнего мира и средневековья (до плаваний Колумба) / И.П. Магидович, В.И. Магидович. – М.: Просвещение, 1982. – 288 с.
3. Максаковский, В.П. Историческая география мира / В.П. Максаковский. – М.: Экопрос, 1997. – 584 с.
4. Страбон. География / Страбон. – М.: Наука, 1964. – 944 с.
5. Харитонов, А.М. Исторический источник и историческая наука: диалектика взаимодействия на примере исторической географии / А.М. Харитонов // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 310–313.
6. Харитонов, А.М. О диалектике взаимодействия географии исторического источника и современной исторической науки (взгляд географа) / А.М. Харитонов // Карповские чтения. – Арзамас, 2016. – С. 109–118.

Цыб С.В., Чичинов В.А.
ДАТИРОВАНИЕ НАЧАЛА МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ
В ВЕНГЕРСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

В данный период в российской историографии монгольского нашествия наблюдается новый всплеск исследовательской активности, так особое внимание исследователей сейчас приковано к изучению покорения Киева, Галиции и Волыни [13, с. 52–55; 12, с. 83–89]. Датирование покорений городов является трудной задачей, так как хронологических элементов в текстах русских летописей довольно мало, а те немногочисленные известия, имеющие точную хронологическую привязку, отличаются довольно спорным происхождением. Здесь же стоит отметить, что и в персидском тексте Рашид ад-Дина сведения о заднепровской экспансии имеют довольно пространственные хронологические рамки. Большая часть работ представляет из себя интерпретацию событий, произошедших в Галиции и на Волыни согласно текстам Рашид ад-Дина [8, с. 169–178]. Вопросы о подходах к изучению хронологии рассматривают лишь историографы, которые обобщают опыт изучения хронологических показаний, в основном, на примере нерешенности вопроса о датировании взятия Киева [5; 9]. Так же, стоит отметить, что существует интерес к исследованию датирования монгольского нашествия на Северо-Восточную Русь [4]. Авторами были предприняты попытки поиска зарубежных исследований, затрагивающих изучение хронологии вторжения монголов в Венгрию, но таковые обнаружить не удалось. В целом стоит отметить, что монгольскому нашествию на европейские королевства было уделено большое внимание в XIX в., а так же был всплеск интереса в XX в. [6].

Несмотря на то, что хронология монгольского вторжения в европейские королевства является, в целом, изученной, но при детальном рассмотрении можно разглядеть определенные этапы монгольской экспансии, которые не имеют хронологической привязки. Так, например, русские летописи содержат единственное известие из всей монгольской кампании в Венгрии, это известие о битве на р. Солоной, но его описание не содержит какой-либо хронологической привязки [10, с. 178]. В равной степени вместе с русскими летописями невозможно опереться на летопись Рашид ад-Дина, в которой разорение венгерского королевства вместе с покорением Южной Руси, причем известия помещены под одним годом, а именно под 1239 г. [11, с. 44–45]. Вместе с персидскими и русскими летописями, никакой критики не выдерживают некоторые зарубежные источники, так например, *Анналы краковских мансионариев*, в которых указано, что покорение Венгрии произошло в 1239 г.: «В лето Господне 1239 татарский народ, разделившись на две части, столкнувшись с венгерским королем, победил венгров и убил брата короля – Коломана. Король на корабле ушел за море, после чего татары опустошили Моравию, Силезию, Вроцлавскую и Краковскую земли и через земли Серадза, Сандомира, Руси и Подолии...» [2]. Данное известие содержит в себе события происходившие на протяжении четырех лет, причем последовательность событий нарушена, так как Русь, Подолье, Сандомир, и другие территории пострадали от монгольских войск раньше, чем венгерский король «ушел за море».

Противоречивость данного известия можно объяснить тем, что, возможно, оно было записано позже, возможно, со слухов и домыслов, поэтому дата была указана для того, чтобы показать примерное время произошедшего, либо автор не помнил точной даты случившихся событий. Большую ясность вносит Великая хроника о Польше в которой указано, что годом вторжения монгольских войск, как в Польшу, так и в Венгрию является 1241 г., но уточнение о времени начала вторжения монгольских орд в Венгрию, отсутствует. [3, с. 154–155].

Основным источником для датирования начала монгольского нашествия в Венгрию можно считать Горестную песнь о разорении Венгерского королевства татарами (далее – Горестная песнь), которая была написана магистром Рогерием [7]. Магистр Рогерий в период монгольского нашествия являлся капелланом кардинала Иоанна Толедского, который периодически отправлял его в Венгрию для решения церковных дел. Горестная песнь является отражением воспоминаний магистра Рогерия записанных после заточения в монгольском плену. В своем сочинении Рогерий рассказывает о событиях предшествовавших монгольскому нашествию, а именно о политике короля Бела IV и о прибытии половецких орд, желавших найти в Венгрии убежища от монгольской ярости [7, с. 17–26]. Затем описываются события монгольского вторжения и их хозяйничанье на покоренной территории вплоть до ухода из Венгрии [7, с. 28–60]. Очевидно, что свои воспоминания магистр записал не ранее 1242 г., так как он указывает на многие события, происходившие одновременно в других странах.

Первым из известий, которое содержит хронологические показания, нас интересует пункт № 14 «О мнении простых венгров», откуда становится известно о присутствии монголов на русско-венгерском пограничье: «... во время близкое к Рождеству Господню стало известно, что татары опустошают смежные с Русью границы Венгрии» [7, с. 26–27]. Рождество Господне приходится на 25 декабря, получается, что монголы начали агрессивную политику в отношении венгров еще в конце 1240 г. Таким образом, можно зафиксировать пребывание монголов на территории Венгрии 25 декабря 1240 г. Понимая опасность нависшей угрозы, венгерский король Бела IV направился в г. Буда, где имел обыкновение справлять Четырнадцатницу и, где с должностными лицами начали обсуждать план дальнейших действий [7, с. 27]. Отсюда можно сделать вывод о том, что, король справлял Четырнадцатницу, находясь в г. Буда весь Великий Пост, то он пребывал там с 10 февраля по 30 марта 1241 г.

Стремительное развитие событий начинает происходить в марте 1241 г., что мы можем проследить по пункту №16: «Около середины Великого поста к королю поспешно явился один из воинов палатина, сообщив, что татары уже подошли к Русскому перевалу и уничтожили заставы и что палатин не верит, что сможет долго им сопротивляться, если король немедленно не пришлет к нему помощь» [7, с. 28]. В сочинении Рогерия приводятся одни из наиболее важным для датирования сведений: «Король же, все еще не веря, не имел тогда еще у себя вооруженных воинов. И пока король пребывал в подобной нерешительности, через четыре дня, в одиночестве, явился сам палатин, который скакал день и ночь, чтобы сообщить ему, что на двенадцатый день после наступления марта на перевале было сражение с татарами» [7, с. 28]. Сражение за Русский перевал (современное название Верецкий перевал) произошло 12 марта, значит палатин прибыл в Буду 13 марта, но стоит учесть еще то, что «пока король пребывал в нерешительности ... четыре дня» и еще один день прибытия палатинского посла, значит, отсчитывая от 13 марта пять дней, то получаем, что 8 марта монголы начали наступление на венгерское пограничье.

Ставкой военного командования был выбран Пешт, к которому Батый направился сразу же после разгрома венгров на Верецком перевале: «Приблизившись к Пешту на половину дневного перехода, перед Воскресеньем Страстей Господних в день Венеры, он принялся беспрестанно посылать своих людей... сжигая все и уничтожая» [7, с. 31–32]. Страстное Воскресение является пятым воскресением Великого Поста, которое в 1241 г. выпало на 17 марта, а это значит, что войско Батыя расположилось вблизи Пешта 15 марта, в пятницу. Следующей жертвой монгольского вторжения стал городок Вац, он был покорен, в уже упомянутое, в Страстное Воскресение, то есть 17 марта 1241 г.: «В Страстное Воскресенье часть войска короля королей Бату подошла к городу Вац, расположенному на берегу Дуная в полудне пути от селения Пешт, в котором тогда со своим войском остановился король. Когда этот город был полностью взят и захвачен» [7, с. 32].

Ключевым событием, как начала, так и всей кампании является битва на р. Шайо в которой венгры потерпели сокрушительное поражение. У магистра Рогерия, несмотря на то, что он довольно подробно описывает это сражение, отсутствуют сведения датирующие битву [7, с. 37–39]. Све-

дения, датирующие битву на р. Шайо, содержатся в Фризахских анналах (перевод мой – В.Ч.): «На четверг перед воскресеньем Милости Господа в городе именуемом поселением германцев, они умертвили свыше ста тысяч» [1, р. 65]. Воскресение Милости Господа является днем второго воскресения по Пасхе и в 1241 г. приходилось на 14 апреля, а четверг пришелся на 11 апреля.

Таким образом, по-нашему мнению начальный этап вторжения монгольских войск в Венгерское королевство осуществился в период с 25 декабря 1240 г. по 11 апреля 1241 г. Данный период стоит охарактеризовать тщательной и продуманной подготовкой к поступательному продвижению монгольских орд по венгерской территории, а также и растерянностью застигнутой врасплох и плохо организованной венгерской верхушки и армии. События, происходившие в дальнейшем, имеют качественные отличия от начального периода, поэтому нами был рассмотрен данный эпизод Западного похода монголов. Важно отметить то, что даты битвы на Верецком перевале и на р. Шайо являются достаточно распространенными в исторической письменности. Вместе с ними настолько же популярны даты приближения войск Батыя к Пешту и разграбления г. Ваца, но здесь же стоит указать и то, что дата разграблений монголами русско-венгерского пограничья, кроме как в переводе А.С. Досаева «Горестной песни», нами нигде более встречена не была. Важно отметить, что датирование подступа к Верецкому перевалу – 8 марта ранее нами нигде встречена не была и мы считаем необходимым учитывать эту дату при рассмотрении канвы событий, связанных с вторжением монгольских войск в Венгерское королевство.

Согласно данным источников, хронологическая последовательность выстраивается следующим образом: 25 декабря 1240 г. – монгольские войска располагаются вдоль русско-венгерского пограничья, которое активно ими разграбляется; 8 марта – начало наступления на Венгерское пограничье Батыем; 12 марта – битва за Верецкий перевал; 15 марта – монголы прибыли к Пешту; 17 марта – монголами разграблен г. Вац; 11 апреля – битва на р. Шайо.

1. *Annales Frisacenses* / ed. L. Weiland // MGH, SS. Bd. XXIV. – Hannover, 1879. – P. 65–67.
2. *Annales mansionariorum Cracoviensium* / ed. W. Ketrzynski // MPH. – T. 5. – Lwow, 1888. –P. 890–896.
3. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. XI–XIII вв. / сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева; под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 260 с.
4. Гартман, А.В. Монгольское нашествие на Северную Русь: хронология исторических событий / А.В. Гартман, С.В. Цыб. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2013. – 143 с.
5. Киселев, М.В. Спорные вопросы Батыева нашествия на Южную Русь и Прикарпатье / М.В. Киселев // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев] – 2016. – № 1. – С. 57–80.
6. Лаптева, Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их русские переводы / Л.П. Лаптева // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. – М., 2002. – С. 19–20.
7. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. Досаева А. С. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012. – 304 с.
8. Майоров, А.В. Завоевание Батыем Южной Руси: к интерпретации одного известия Рашид-ад-Дина / А.В. Майоров // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* – 2015. – № 1. – С.169–181.
9. Майоров, А.В. Монгольское завоевание Волыни и Галичины: спорные и нерешенные вопросы / А.В. Майоров // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев] – 2015. – № 1. – С. 11–24.
10. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1843 – 377 с.
11. Рашид-ад-Дин Ф. Джамии ат-таварих. Сборник летописей. Т.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966.
12. Чебаненко С.Б. Южная Русь и Прикарпатье (Юго-Западная Русь) в период монгольского нашествия: проблемы новейшей историографии / С.Б. Чебаненко // Русин. Международный исторический журнал / отв. ред. С.Г. Суляк [Кишинев] – 2016. – № 1. – С. 81–94.
13. Чебаненко, С.Б. Южная Русь и Юго-Западная Русь периода монгольского нашествия в работах новейших исследователей / С.Б. Чебаненко // *Rossica antiqua* (СПбГУ) – 2015. – № 1. – С. 47–62.

Лахно А.Н., Минц С.С.
О РОЛИ МАСШТАБОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
В ТЕОРЕТИЗАЦИИ ИСТОРИИ ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ

Чтобы видеть большое здание,
нужно подальше отойти от его стен.
Н.И. Кареев [3, с. 191].

Потребность рассматривать изучаемые объекты с помощью инструментов с разными возможностями укрупнения или уменьшения появилась не вчера. Показательно, что в социогуманитаристике как научная проблема необходимость поиска подобного инструментария была поставлена с появлением в поле зрения ученых (И. Канта, И.Г. Гердера и др.) такого объекта, как культура.

Наука эпохи Модерна осмыслила изменение картины мира в зависимости от масштабов рассмотрения ее составляющих как наличие закономерностей в природе и истории, господство

в них естественного закона. Наука эпохи Постмодерна сначала подвергла сомнению саму научную природу исторического знания, затем попыталась объяснить его неоднородность. И опять такая необходимость обуславливалась природой культуры как объекта изучения. Й. Хейзинга говорил в докладе 1926 г.: «История культуры отличается от политической и экономической истории тем, что заслуживает это название только постольку, поскольку затрагивает в своих суждениях глубинное и всеобщее. Государство, коммерция существуют как целое, но они же существуют и в деталях. Культура существует только как целое» [6, с. 225].

Классическая модель историко-культурного познания уже к середине XX в. породила противопоставление представлений о формационном и цивилизационном видении форм развертывания образов культуры. Постмодернистская парадигма заставила ученых искать способы фиксации взаимосвязей микро- и макропроцессов в науке и культуре. Классическое и постклассическое знание вступили в известный конфликт во второй половине XX в., пытаясь понять, что же из себя представляет постмодерн [4]. П. Андерсон подчеркивает возникновение представлений о постмодернизме во фронтальной зоне европейской культуры: «<...> идея постмодернизма сначала появилась в испаноговорящем мире в 30-е гг. XX в., поколением раньше, чем в Англии или Америке. Термин *postmodernismo* впервые употребил Федерико де Онис, друг Унамуно и Ортеги-и-Гассета. Он применил его для описания консервативного течения в рамках самого модернизма» [1, с. 11]. Таким образом, как эстетическая теория постмодерн или постмодернизм вписывается в историю модерна или модернизма как более крупных этапов в развитии искусства. Мы же собираемся рассматривать выбранный объект в более крупных масштабах.

Не впервые термины, превращающиеся в обозначение категорий культуры, вводятся в научный оборот сначала для обозначения частных явлений или состояний. Й. Хейзинга в том же докладе «Задачи изучения культуры» отметил, что еще в 1881 г. фон Виламовиц попытался придать понятию «барокко» более широкое значение и применил его к описанию греческой Античности. Тем не менее, довольно долго термин оставался «лишь специфическим обозначением определенных форм в архитектуре и скульптуре XVII в. Вёльфлин дал ему жизнь как искусствоведческому понятию для обозначения определенного стиля вообще. Им оперировал Шпенглер. И постепенно этим словом стало удобно обозначать не только стиль в искусстве, но и стиль мышления и стиль жизни» [6, с. 268]. Не только архитектурный стиль, но эпоха Барокко, как целостное явление мировой культуры, предстала перед исследователями во всем многообразии своих связей как тип восприятия окружающего мира, философия ощущений, идей и модель человеческой личности с определенным набором черт.

Теоретизация истории русского искусства начинает приобретать характер научной концепции в историко-искусствоведческих работах А.Н. Бенуа (1898–1912). С точки зрения истории искусства – синхронно с развитием течений модернизма. В масштабах художественной жизни – в рамках культуры Серебряного века. В статье «Серебряный век: опыт рационализации понятия» Н.А. Богомолов пишет: «Как кажется, подавляющее большинство исследователей сойдется на том, что серебряный век – это век нового искусства, нового по отношению к тому, что провозглашал XIX век во всем своеобразии своих устремлений. Из этого очевидно, что мы должны прежде всего рассматривать модернизм в широком смысле этого слова, то есть включающий в себя модернизм в узком смысле (символизм, модерн, некоторые постсимволистские течения и фигуры) и авангард, по крайней мере ранний» [2, с. 8]. Мы видим, в данном случае автор рассматривает «серебряный век» с точки зрения малого исторического времени как часть более широкого явления искусства, которое сами российские художники конца XIX – начала XX в. называли «модернизм». Нас интересует культура Серебряного века как особое явление ранней стадии эпохи Постмодерна. Это требует возможности вписать явления российской культуры как минимум в поле европейской культуры последней трети XIX – первой трети XX в.

Понятия «культура Серебряного века», «Серебряный век», «серебряный век», как и понятия «эпоха Постмодерна», «постмодерн» или «постмодернизм», употребляются в научной литературе в соответствии с выбранными масштабами большого или малого исторического времени.

Культура Серебряного века как часть эпохи Постмодерна включает в себя модернизм в искусстве, литературе и философии, но не только. Это и те многочисленные связи, которые делали культуру Серебряного века неотъемлемой частью социокультурного многообразия жизни Российской империи и Европы указанного времени.

Социогуманитаристика XX в. нашла несколько эффективных приемов перехода от одного уровня логического обобщения к другим в изучении искусства, интеллектуальной жизни и культуры. Связующие компоненты, позволяющие исследователям перемещаться с одного уровня логического обобщения на другой, не теряя при этом общей картины социокультурного развития, в научное знание эпохи Постмодерна принесла психология, прежде всего ее социальная и историческая сферы. В исследовательской практике последних десятилетий специалисты все чаще оперируют понятием идентичности во всем многообразии ее субъектных ипостасей (индивидуальная, коллективная, профессиональная, корпоративная, национальная, массовая и т.д.). Эпоха Постмодерна взяла из классического знания понятие масштабов исторического времени и пространства. В науке второй половины XX в. оно было актуализировано Г.М. Померанцем в его «Очерках культурологии», обобщивших более ранние работы ученого [5, с. 284–315]. Многочисленные труды Российского общества интеллектуальной истории показали, насколько эффективна данная модель в изучении истории науки и культуры. Введение понятия идентичности наделило ее еще более емкой способностью синтеза.

В культуре Серебряного века, как и в современном обществе, велись оживленные дискуссии о национальном в культуре. Они выходили, как и сейчас, за рамки отдельных страт или государств. Их неотъемлемая часть – поляризация интеллектуально активной части общества. Так, в России – сначала на «западников и славянофилов», затем на «западников» и «почвенников». Когда к оппонентам добавлялись «панслависты» или «евразийцы», дискуссия перехлестывала национальные границы. В прямом и переносном смысле. Сегодня социокультурные модели таких споров охватывают континенты. И в них представления о национальном все чаще заменяются откровенно политизированными позициями «традиционалистов», «националистов» («популистов») и «либералов» («глобалистов»).

В современном дискурсивном поле, созданном обсуждением национального в культуре, структурирующую роль играет понятие преемственности. Как научное понятие, принятое сначала русской литературной критикой, позже – историей искусства, а затем и историей культуры, оно выкристаллизовалось в поле культуры Серебряного века. Начиная с 1960-х гг. понятие преемственности стало активно использоваться в отечественной искусствоведческой и историко-культурной литературе. С конца 1980-х гг. оно стало системообразующей категорией в культурологических трудах. Вот только его функции, похоже, не столько расширились, сколько сузились с тех пор. И конкретизировало его содержание прочное соединение с понятием «народные традиции», ставшее неотъемлемой частью представлений о преемственности национального в культуре. Расширение представлений о национальной культуре до ее отождествления с цивилизационным развитием смысла понятия «преемственность» не меняет. А вот картина генезиса представлений о преемственности в искусстве и культуре позволяет высказать предположение, что кажущееся нам, людям рубежа XX–XXI вв., столь естественным соединением понятия преемственности с идеализацией народных традиций – это тот путь, который психологически подготовил этнизацию массового сознания последней трети XX в. Его политизация на основе абсолютизации ценности этнически понимаемых традиций, превращение этнокультурного разнообразия в модели замкнутых цивилизаций вольно или невольно подготовили тот вал взрывного национализма, породившего этнические конфликты катастрофического масштаба даже в, казалось бы, благополучных европейских странах.

Возьмем лишь один аспект многосложного феномена преемственности в культуре: мысли А.Н. Бенуа о преемственности в художественной жизни России в рамках его первых попыток теоретизировать идеи о русском национальном искусстве. Микрообъект, который с изменением исследовательской оптики заставляет ставить задачи изучения более крупных объектов и отнюдь не только из истории искусства.

В научном наследии А.Н. Бенуа, заложившего основы теоретизации истории русского искусства, не было слова «преемственность», хотя представления о преемственности были. Они выражались в представлениях автора об академизме как о совершенной технической базе искусства прошлого и настоящего. В его убеждении в необходимости осваивать манеру «старых мастеров» как европейских, так и отечественных. В представлении Бенуа о влиянии западной культуры на российскую в виде заимствований. Во влияниях он выделял два вида заимствований: освоение манеры старых мастеров автор считал положительными заимствованиями, подражание – отрицательными. Живая связь между прошлым и настоящим состояла для Бенуа в

уважительном отношении к истории. Представлением о пассаизме (живом историческом прошлом) Бенуа снимал непроницаемую грань между прошлым и настоящим, делал прошлое частью настоящего. Рассматривая национальное в культуре, Бенуа считал необходимым понимать народную культуру расширительно, включая в понятие «народ» культуру всех людей, населявших Российскую империю, не исключая ни культуры других народов (например, финнов), ни придворной культуры. А вот к идеализации народной (крестьянской, этнически окрашенной) культуры Бенуа относился настороженно. Он не приветствовал идеализации образа жизни крестьянства ни в искусстве, ни в интеллектуальных спорах. Еще более чуждым для него было широко распространенное тогда среди разночинной интеллигенции отождествление крестьянства с «простым народом». Пережив три волны революционных выступлений в России, он так и не проникся ни романтизированными представлениями о «народе» как отвлеченном интеллектуальном конструкте, ни революционным энтузиазмом масс, хотя все более и более уверялся в величии русской культуры и ее европейском характере. Эта мысль стала лейтмотивом большей части его научной, публицистической и просветительской деятельности.

А.Н. Бенуа подчеркивал свою нелюбовь к политике. Тем не менее он пытался понять причины тех трагических событий XX в., современником которых ему довелось стать. Попробуем продолжить размышления на эту тему. К социогуманитарным катастрофам XX в. вел сложный комплекс причин. Но где лежал тот глубинный механизм, который придавал им столь небывалую остроту, продолжительность и очевидную непонятность? Не та ли идеализация «традиций», что досталась эпохе Постмодерна от романтизации представлений о народе времен позднего Просвещения и раннего Романтизма, сыграла в этих процессах свою роковую роль? Ведь не случайно социогуманитаристика второй половины XX в., вдоволь наигравшись с идеализацией этнической непохожести, в новом столетии начинает избегать этнической терминологии в публичном дискурсе.

Перемещаясь по разным уровням логического обобщения, исследователи по-другому видят глубинные процессы. В том, что казалось незначительным, вдруг раскрывается вселенская глубина. Некогда С. Франк увидел глубинную причину русской революции в зависти мужика к барину и его культуре. Толчком к революционализации сознания русского крестьянства философ считал, казалось бы, мелочь – петровские нововведения в одежде. А мы хотели бы отметить неоднозначную роль институализации идеализированных образов этнического многообразия, которая постепенно встраивается в теоретические представления о культуре и искусстве. Она сопровождает теоретизацию истории национального искусства, но не является ее неотъемлемой частью. У понятия «традиции» иная функциональная роль, чем у понятия «преемственность» в искусстве. Не ключ ли это к углублению этнических конфликтов, их консервации сначала в этноцивилизационных моделях, затем в непререкаемых религиозных догматах, а также в жестких структурах современного подавления и унификации индивидуальности?

1. Андерсон, П. Истоки постмодернизма / Перри Андерсон. – М. : Территория будущего, 2011. – 208 с.
2. Богомолов, Н.А. Вокруг «серебряного века» : ст. и материалы / Николай Богомолов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 720 с.
3. Кареев, Н.И. Историка. Теория исторического знания : из лекций по общей теории истории / Н.И. Кареев. – СПб. : тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – Ч. I. – 211 с.
4. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Жан-Франсуа Лиотар. – М. : «Ин-т экспериментальной социологии» ; СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 160 с.
5. Померанц, Г.М. Выход из транс / Г.М. Померанц. – М. : Юрист, 1995. – 575 с.
6. Хейзинга, Й. Задачи изучения культуры // Хейзинга, Й. Homo Ludens : ст. по истории культуры / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – С. 216–269.

Кузнецова Т.И.

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: СТАТИСТИКА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Разнообразие текстов, которые могут быть использованы в качестве исторических источников, почти бесконечно и ограничивается лишь их сохранностью, доступностью для исследователя и пониманием последним предмета исторической науки, конкретного предмета исследования, сущности исторического источника и его информативного потенциала, а так же методического инструментария учёного-историка.

Сегодня, по мере развития исторической науки, всё множество потенциальных источников можно разделить на две неравные категории, к одной из которых относятся тексты, являющиеся порождением и воплощением определённой культурно-исторической эпохи, к другой же – намеренные результаты исследовательско-аналитической практики историка. К этим вторичным по происхождению историческим источникам может быть причислена статистика, получаемая в ходе широкого применения статистического метода анализа, суть которого состоит не столько в количественной характеристике тех или иных явлений, сколько в определении числовых соотношений, выражающих связь одно- и разноуровневых явлений и дающих их качественную характеристику.

Подобный метод анализа различных источников и формирование на его основе нового комплекса источников особенно важны в изучении сложных социальных феноменов, к каковым относятся политические партии. Латинское по происхождению слово «партия» (*pars, partis*) означает часть, участие, доля, область, край, сторона, отношение, партия (группа людей), роль (театральная), должность, обязанность, долг [1, с. 727] и указывает тем самым на такие существенные, взаимосвязанные моменты, как обособленность единичного и причастность его целому или соучастие в нём. Отсюда следует, что политические партии являются потенциально открытыми системами, т.е. имеющими широкие, интенсивные, регулярные, возобновляемые обратные связи с обществом, его слоями и группами. Причём эти связи есть как реальные, выраженные на уровне социального состава и аудитории партии, так и иллюзорные, творимые партийными идеологами. В силу этого первостепенное значение приобретает социальный анализ партии на трёх сложных и взаимосвязанных уровнях – социального состава и аудитории партии, её организационной структуры и идеологической системы. Такой анализ, результатом которого становится «реконструкция» социального облика партии, имеет три связанных друг с другом аспекта:

1. Выяснение связи лиц и групп, различным образом поддерживающих партию, с определённой территорией, что особенно важно в условиях региональной специфики социально-экономического развития.

2. Определение сфер(ы) деятельности и позиции, занимаемой в ней (них). Принципиальное значение имеет пребывание лиц во властном пространстве (и удельный вес подобных лиц в составе партии). Оно позволяет принимать и реализовывать решения, обязательные для тех, кто не входит во властное поле, контролировать, т.е. формулировать, насаждать, корректировать смыслы, значимые для индивидов и потому могущие соединять их в нужные для эффективного (или представляющегося таковым) управления обществом группы.

3. Определение характера социальных связей, присущих членам партии разного ранга. Он обуславливается «содержанием» сферы деятельности и занимаемым в ней пространством. При этом «содержание» сферы деятельности того или иного лица связано с его потенциальными широтой – узостью контактов, их интенсивностью – редкостью, мобильностью – неподвижностью, склонностью к новизне и готовностью принять другое – консервативностью (невосприимчивостью к новизне и другому). Эти же социально-психологические особенности индивидов сказываются на функционировании политических институтов, в которые они вовлекаются как субъекты или объектами воздействия которых являются.

Включённость человека в различные сферы деятельности (значим сам «набор» сфер его реализации) характеризует горизонтальный срез его социальных связей. Он позволяет определить социальную эволюцию как индивидов, так и созданных ими общностей, в том числе и организационно оформленных. Вовлечённость же субъекта в разного уровня властные поля выражает вертикальный срез социальных связей. Он указывает как на возможные способы воздействия функционеров на членскую массу партии, на средства расширения ею своей социальной базы, так и на ряд особенностей партийной организационной структуры.

Соотношение горизонтальных и вертикальных социальных связей, свойственных партийным деятелям, определяет их тип, который, в свою очередь, маркирует механизм функционирования партии в политической системе.

Подобное представление о политической партии диктует определённый отбор исторических источников и методов их анализа. Необходим материал, разнообразный по характеру и позволяющий определить социальные и структурные меж – и внутрисистемные связи, причём в их синхроническом и диахроническом измерениях. А также необходим «человеческий материал», поскольку любой политический институт составляют люди, социальная определённость которых (ригидность, т.е. социальное наследование или сохранение «профессии отцов», характер образования, позиция во властном пространстве, мобильность, горизонтальная и вертикальная,

тип социальных карьер, круг и места общения и др.) сказывается на функционировании этого института. Наконец, нужны массовые данные, которые делают возможным количественную характеристику качественной стороны изучаемых явлений.

К таковым источникам относятся, например, в истории Латышского Крестьянского союза – ведущей политической партии в Латвийской Республике 1918–1934 годов, – комплекс материалов центральных органов партии (Совета и Правления) и 560 местных партийных организаций, из которых только 12 являлись городскими, что уже само по себе свидетельствует о локальном, преимущественно сельском характере этой партии.

Документы местных партийных отделений фрагментарны, нередко не охватывают весь период существования Крестьянского союза (1917–1934), что косвенно отражает нестабильность функционирования низового звена партийной организации [14].

Материалы центральных органов партии представляют собой, в основном, протоколы съездов и конференций, зачастую черновые, написанные от руки, и только на рубеже 20–30 годов приобретшие обработанный вид; списки делегатов и гостей партийных съездов и конференций с указанием их рода занятий; опубликованные инструкции, программа партии, её кассовые книги с указанием источников доходов, их суммы и росписью расходов.

К опубликованным источникам относятся результаты выборов и стенограммы Учредительного Собрания (1920–1922) [4, 5] и четырёх саэймов (1922–1925; 1925–1928; 1928–1931; 1931) [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13], партийный официоз «Brīvā Zeme» [1], биографические издания „Latvijas darbinieku galerija 1918-1928) и „Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca” [2].

Извлечённый из этих источников и статистически обработанный материал образует комплекс вторичных исторических источников – разнообразную по происхождению и содержанию статистику, которую можно разделить на следующие группы:

1. Статистика биографий партийных функционеров различного уровня, кандидатов партии на выборах в Учредительное Собрание и саэймы, избранных депутатов от данной партии, членов правительства, представляющих эту политическую организацию.

Биографический материал позволяет выявить типы партийных функционеров, преобладание того или иного типа (и сдвиги, происходящие с течением времени в этом плане), что обнажает уровень политической зрелости членской массы партии, степень устойчивости её именно как политической организации и помогает понять «механизм» её функционирования.

Так, например, для Латышского Крестьянского союза были характерны два типа партийных функционеров, определяемых по характеру присущих им социальных связей, показателями которых являются социально-профессиональные различия, различия позиций в той или иной сфере деятельности. К первому типу относились лица профессионально образованные, локально не ограниченные в своём жизненном опыте (учились, работали вне Латвии), связанные с Ригой, обладающие в силу этого большим или меньшим кругозором, известные относительно широкой аудитории, ввиду характера своей деятельности – политической ли, лекторской ли, публицистической ли. Социальные связи данной группы партийных деятелей – широкие, основанные на известности, специфической популярности в социально ограниченной среде – среде кооперированных зажиточных сельских хозяев. Именно поэтому было возможно создание местных партийных отделений приезжими лекторами, по большей части агрономами.

Ко второму типу партийных функционеров можно отнести лиц социально малоподвижных (для них характерны отсутствие профессионального образования, локальность деятельности), но при этом занимающих «руководящее пространство» местного уровня. Партийные функционеры этого типа соединяют в себе экономическую (руководство кооперативными организациями) или административную, или ту и другую власть одновременно. Социальные связи подобных партийных деятелей в силу занятия ими местного «властного пространства» являются более глубокими, чем социальные связи партийных функционеров первого типа, ибо в их основе лежат различного рода социально-психологические зависимости. Причём влияние этого рода социальных связей могло усиливаться как в результате длительного пребывания лица на той или иной руководящей позиции, так и в результате занятия одним и тем же лицом руководящих должностей в нескольких однотипных организациях.

Анализ биографических сведений даёт возможность определить степень совпадения социально-классовых категорий у социально-профессиональных групп, степень социального наследования, которые являются показателями меры однородности социального состава партии. На-

личие же данных, относящихся к началу и концу изучаемого периода, позволяет выявить характер сдвигов в нём.

2. Избирательная статистика, включающая в себя, во-первых, данные о количестве голосов (абсолютном и относительном), которые партия собирала на выборах в Учредительное Собрание и сазймы. При этом в условиях региональных отличий в уровнях и характере социально-экономического развития, важно определение порайонной концентрации электората, что даёт дополнительную информацию о социальной аудитории партии.

Во-вторых, кандидатские списки с фиксацией количества голосов, полученных кандидатом в своём списке и в списках других партий, что свидетельствует о характере голосования – за партию или за лицо, - обнажающем уровень политической зрелости избирательного корпуса партии.

3. Кассовые книги партии, статистический анализ которых позволяет определить степень активности (соучастия) её членской массы (по доле членских взносов в структуре доходов партии), социально-структурные связи по источникам финансирования, характер и интенсивность идеологического воздействия партии на её аудиторию по расходам на различные его формы – средства массовой информации, устные выступления.

4. Тематическая статистика материалов партийного печатного органа. Тематическое содержание и его изменение отражают характер идеологического воздействия газеты на потенциальную читательскую аудиторию. Так например, сокращение количества публикаций на политические темы при увеличении удельного веса художественных произведений, фотографий, советов, пригодных для домашнего обихода, рекламы свидетельствует о преимущественной апелляции к чувству, эмоциям, узкому, тёплому практицизму (домашности) политически малоразвитого читателя, весьма далёкого от политики, что придавало создаваемой в массовом сознании общности «мы» не столько рационально-политический характер сколько эмоционально-психологический, причём этот уровень политического развития подобными публикациями консервировался.

5. Авторская статистика партийного печатного издания. Так, увеличение количества статей лидеров партии в данной газете, расширение печатного пространства, предоставляемого им в местных изданиях, говорят об интенсивности идеологического воздействия, ориентированного на создание иллюзии личностных связей между социальной аудиторией и партийным руководителем.

6. Статистика открытых голосований – в Учредительном Собрании и сазймах – приоткрывает завесу над реальными, а не декларируемыми отношениями между партиями.

7. Партийная статистика включает в себя данные о членской массе, социально и регионально определённой, о составе руководящих органов партии, о локальном размещении и количественном составе местных партийных организаций. Эта информация вкупе с другой, прежде всего, с избирательной статистикой, позволяет обнаружить тенденции эволюции партии. Так, например, соотношение между членской массой и избирательным корпусом Латышского Крестьянского союза с 1920 года по 1931 год, свидетельствующее о сокращающемся разрыве между количеством членов партии и количеством голосов избирателей, полученных на выборах в Учредительное Собрание и сазймы, указывает на тенденцию нарастающей закрытости Крестьянского союза, т.е. сужение его социальной базы, ослабление системы широких, активных обратных связей партии и её аудитории.

8. Статистика лиц в составе кабинета министров с учётом их партийной принадлежности проявляет и степень устойчивости правительства, и тенденцию образования клики, т.е. замкнутого узкого круга, состоящего из персон, длительное пребывание которых на одном уровне властного пространства, к тому же сочетающееся (судя по адресным книгам) с близостью мест жительства, содействовало «прорастанию» этого круга личными связями. Значительная же степень совпадения правительственного круга и партийных функционеров является признаком образования правящей элиты на основе «огосударствления» партийных верхушек. А это в свою очередь говорит о процессе внутреннего разложения партийно-парламентской системы, объективно делающего возможной её ликвидацию.

9. Статистика лексических единиц в тех или иных вербальных текстах, сочетающаяся с их семантико-контекстуальным анализом, позволяет выявить воплощённую в этих текстах личную и формируемую модель мировосприятия, равно как и систему представлений о разнообразных явлениях мира и человека (картина мира). При этом особое внимание следует уделить прилагательным (определениям), поскольку преимущественное их употребление свидетельствует о том, что обозначаемое ими представляется всепронизывающим началом, окрашивающим

каждое явление мира людей, придающим ему некое качество и, таким образом, является призмой, через которую воспринимается социальный мир.

Так, например, анализ вводной части программы Латышского Крестьянского союза, в которой 21 раз дано определение «латышский» к обозначениям социальной общности «крестьянство», «крестьянин», «народ», показывает насаждение партией представления о должной тождественности национальной и социальной общностей.

Итак, различная по происхождению и содержанию статистика даёт возможность системного изучения политической партии как социального феномена, осознание целостности которого побуждает к выявлению его «внутренней» истории.

1. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Русский язык, 1976. – 1096 с.
2. Btīvā Zeme. – 1920–1934.
3. Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiskā vārdnīca. – Michigan Grand Haven, 1975.
4. Latvijas darbinieku galerija. 1918–1928. – Rīga, 1929.
5. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanu iznākumi. – Rīga, 1923.
6. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1925. g. – Rīga, 1926.
7. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1928. g. – Rīga, 1929.
8. Latvijas Republikas Saeimas vēlēšanas 1931. g. – Rīga, 1933.
9. Latvijas Satversmes Sapulces vēlēšanu rezultāti. – Rīga, 1920.
10. Latvijas Satversmes Sapulces Sesijas 1–16. Stenogrammas. – Rīga, 1920–1922.
11. Latvija. Saeima 1. Sesijas 1–8. Stenogrammas. – Rīga, 1922–1925.
12. Latvija. Saeima 2. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1925–1928.
13. Latvija. Saeima 3. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1928–1931.
14. Latvija. Saeima 4. Sesijas 1–9. Stenogrammas. – Rīga, 1931–1934.
15. LNA LVVA. – f. 3282.

Костякова Ю.Б.
РОЛЬ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ
(на материалах Хакасии)

Средства массовой информации являются важным явлением общественной жизни и значимым результатом человеческой деятельности. Поэтому изучение их прошлого предполагает привлечение широкого круга источников, в которых можно обнаружить ценные сведения о работе редакций, деятельности журналистов, взаимодействии СМИ с властью и аудиторией, о процессе формирования содержания периодических изданий, радио- и телевидения. Среди таких источников мемуары занимают особое место, поскольку в них часто содержится не только фактическая, но и оценочная информация.

Анализ содержания автобиографий, рукописей статей и сценариев телепередач, черновиков текстов речей, воспоминаний, записных книжек и других источников личного происхождения позволяет выявить новые факты, неочевидные связи событий и явлений, не нашедшие своего отражения в других источниках. Изучение таких документов помогает оценить прошлое через восприятие его современников, восстановить ход некоторых событий, объяснить мотивацию поступков действующих лиц, создать портретные характеристики сотрудников СМИ, выявить важные детали деятельности средств массовой информации, особенности организации информационного обмена в массово-информационном пространстве в различные периоды времени.

Поиск таких источников осуществляется обычно в опубликованных и неопубликованных материалах. К первым мы относим художественно-публицистическую литературу, газетные и журнальные статьи, сборники воспоминаний, писем и личных документов. Их главным достоинством является доступность для исследования, наличие их систематизации (в библиотеках, электронных базах данных), что облегчает работу с такими источниками. Вторая группа содержит достаточно широкий спектр произведений, которые можно отнести к устной истории (анекдоты, журналистские байки, профессиональные поговорки, каламбуры, устные воспоминания), а также документы, сохранившиеся в личных архивах, архивных фондах журналистов, общественных и партийных деятелей.

Рассматриваемые источники условно можно разделить на следующие группы:

1. Газетные публикации, радио- и телепередачи и сюжеты, подготовленные к юбилею средства массовой информации. Материалы аудиовизуальных СМИ чаще всего оказываются труднодоступными для исследователя, поскольку представляются широкой публике, в основном,

однократно – в день празднования юбилея. Такие передачи редко выкладывают на официальных сайтах СМИ. Поэтому более доступными являются газетные публикации.

Их несомненным достоинством служит не только фиксация информации на весьма долговечном носителе, но и цикличность (каждые 5–10 лет), что позволяет легко обнаружить такие материалы в подшивках газет. Явным недостатком таких источников является, по нашему мнению, то, что их авторы (в большинстве случаев сами журналисты) не проводят собственные исторические изыскания, используют уже существующие научные, краеведческие публикации или просто перепечатают сведения из юбилейных статей прошлых лет. В результате, ошибки в датировке событий, написании фамилий, в изложении фактов нередко «кочуют» из публикации и публикации.

Так, например, датой выхода первой радиопередачи в Хакасии считается 8 февраля 1932 г. Наше исследование показало, что впервые эта дата была указана в статье председателя Хакасского областного радиокомитета В. Маслова в газете «Советская Хакасия» 1980 г. [3], без указания на источник, из которого была получена такая информация. Архивные и другие документы, которые могли бы подтвердить данный факт, отсутствуют. Поэтому невозможно верифицировать сведения, содержащиеся в этой газетной статье. Но заявленная дата уже прочно вошла в историографию радиовещания Хакасии.

2. Юбилейные сборники, выпущенные редакциями газет и телерадиокомпаниями. Поскольку подготовка и публикация таких сборников является весьма затратным проектом, то частота их выпуска, объем, количество фотографий во многом зависит от размера спонсорской помощи, состояния фотоархива редакции, энтузиазма и заинтересованности в результате самих журналистов. Так, например, республиканские газеты «Хакасия» и «Хабар» за всю свою историю не выпустили ни одного подобного сборника, ограничившись отдельными публикациями, а также праздничными номерами газет. ГТРК «Хакасия» за время своего существования организовала выпуск трех таких сборников, приуроченных к 80-летию радио «Хакасия», к 45-летию и 50-летию республиканского телевидения.

Ценность таких источников заключается, прежде всего, в публикации мемуаров журналистов и фотодокументов. Однако к созданию сборников редко привлекают историков, которые могли бы верифицировать имеющийся фактический материал, систематизировать его в хронологическом порядке. Поэтому сведения, содержащиеся в таких источниках, носят субъективный и неverified характер. А сами издания можно отнести к краеведческой литературе. Также при подготовке сборников, в виду ограниченной печатной площади, основной массив воспоминаний ветеранов-журналистов и их личные архивы оказываются востребованными в незначительной степени.

3. Газетные публикации, сборники статей и воспоминаний ветеранов, выпуск которых был приурочен к годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Так, в сборнике, выпущенном в 1995 г., были опубликованы мемуары старейшего журналиста Хакасии – Е.А. Абдиной. Публикация содержит ценную фактографическую информацию: фамилии и портретные характеристики журналистов военной поры, описание условий работы в редакциях областных газет, личные ощущения очевидца событий [1]. Еще одной ценной находкой является опубликованная к 30-летию начала войны статья К. Громовой (Тарасенко) – редактора областной газеты «Советская Хакасия» в 1939–1943 гг. Автор мемуаров смогла нарисовать яркую и богатую деталями картину работы редакции в сложные военные годы [2].

4. Архивные фонды редакторов газет. В Национальном архиве Республики Хакасия, благодаря инициативе архивистов, созданы два таких фонда, в которые были включены комплексы документов первого профессионального журналиста, редактора национальной газеты «Ленин чоль» Хакасии С.К. Доброва и редактора «Советской Хакасии» И.П. Говорченко, который возглавлял областное издание в течение 30 лет. Оба фонда содержат автобиографии, мемуары, рукописи статей (телевизионных сценариев), газетные вырезки, письма, фотографии. В фонде И.П. Говорченко также находятся его записные книжки, по которым (несмотря на неразборчивый почерк автора) можно установить даты отдельных событий, фамилии их участников, творческие замыслы и идеи будущих статей, результаты наблюдений и размышлений журналиста.

5. Мемуары людей, не связанных с журналистикой. СМИ в XX в. стали неотъемлемой частью жизни общества. Поэтому в воспоминаниях можно обнаружить сведения, характеризующие отношение представителей аудитории к публикациям и деятельности средств массовой информации, оценочные суждения о значимости СМИ в жизни людей. Так, например, в мемуарах

очевидцев Великой Отечественной войны часто встречается упоминание о том, что сообщение о нападении на СССР и капитуляции Германии они услышали по радио. Мемуары также позволяют определить эмоциональное отношение людей, например, к первой услышанной по радио передаче, к факту появления регионального телевидения, к участию в сооружении местного телецентра методом народной стройки и т.д.

В эту группу мы можем включить также воспоминания родственников журналистов. Так, в результате работы с Интернет-ресурсами нам удалось обнаружить сына К.М. Громовой – Ф.П. Тарасенко и связаться с ним по электронной почте. По нашей просьбе он написал свои воспоминания о матери, сообщил важные факты ее биографии и детали работы на посту редактора газеты «Советская Хакасия» в предвоенные и военные годы.

6. Мемуары журналистов, которые составляют наиболее ценную часть источников личного происхождения, используемых при изучении истории СМИ. Можно утверждать, что опубликованной является лишь крайне малая часть таких воспоминаний. Кроме того, формат газетных публикаций, радио- и телесюжетов часто не позволяет полностью раскрыть картину происшедших событий, передать весь спектр эмоций респондента. Это обуславливает необходимость самостоятельного сбора и записи воспоминаний очевидцев изучаемой эпохи. Непосредственное общение с ветеранами дает исследователю возможность руководить беседой, уточнять детали, факты, фамилии, имена. Кроме того, аудио- или видеозапись разговора гарантирует точность его воспроизведения, ускоряет темп и сокращает время общения с респондентом, что особенно важно, например, из-за возраста и состояния его здоровья.

Так, записанные нами воспоминания ветеранов-журналистов А.К. Килижековой-Коковой, Е.А. Абдиной, Л.А. Полежаевой, Т.С. Ежовой значительно дополнили наше исследование истории СМИ Хакасии ценными фактами, не нашедшими отражение в архивных и других документах. Кроме того, общение с непосредственными очевидцами позволило уточнить уже имеющиеся сведения, проследить логическую связь ранее разрозненных событий, восстановить детали биографий и портретов журналистов советского периода. Особенно важной оказалась информация о личном взаимодействии сотрудников СМИ с партийными работниками и цензорами, об организации взаимодействия с аудиторией и внештатными авторами.

Основным недостатком мемуаров как источника, на который обращают внимание многие исследователи, является субъективизм авторов в изложении и оценках различных событий, поскольку большинство из них опирается на собственную память, а не на документы. Отсюда частая путаница в фамилиях, датах, названиях и прочие ошибки, которые не всегда можно проверить по другим источникам. Поэтому при использовании воспоминаний акцент нами делался на эмоциях респондента, его ощущениях по поводу тех или иных событий, личных реакциях на деятельность средств массовой информации в целом и публикацию отдельных материалов в частности.

Можно констатировать, что источники личного происхождения имеют важное значение в исследованиях по истории региональных СМИ. Многие важные моменты журналистской деятельности, особенности взаимоотношений субъектов массово-информационной деятельности, не зафиксированные в документах других видов, возможно восстановить благодаря очевидцам изучаемой эпохи.

1. Абдина, Е.А. Газета «Хызыл аал» в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е.А. Абдина // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг. – Абакан, 1995. – С. 111–120.
2. Громова-Тарасенко, К. В глубоком тылу... / К. Громова-Тарасенко // Советская Хакасия. – 1971. – 22 июня. – С. 2.
3. Маслов, М. В эфире – Абакан / М. Маслов // Советская Хакасия. – 1980. – 7 мая. – С. 2.

Амбарцумян К.Р. ИСТОЧНИКИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Международные отношения являются сферой активного междисциплинарного взаимодействия, что диктуется особенностью объекта исследования. Профессор Флорентийского университета Эннио ди Нольфо резонно отметил, что экономика, право и политология – это три главные гуманитарные науки, изучающие международную жизнь. В этом случае она рассматривается в

синхронном разрезе. История обращается к тем же явлениям, но в диахроническом аспекте, при этом из вышеперечисленных наук она формирует исследовательский инструментарий [4, с. 18].

Многообразие подходов и методов обусловило широту спектра источников истории международных отношений. Следует отметить, что источниковедение международных отношений представлено как отдельная область исследований в паспорте специальности Высшей аттестационной комиссии России «История международных отношений и внешней политики». Теоретическая разработка этого направления только начинается, и труды по нему встречаются довольно редко. Историки рефлексировали над проблемой источников истории международных отношений преимущественно в пределах конкретной проблематики. Сложившаяся ситуация представляется особенно парадоксальной с учетом того, что в ряде российских вузов преподается такая дисциплина как «Источниковедение истории международных отношений».

Таким образом, потребность в теоретическом осмыслении источниковой базы истории международных отношений очевидна. Более четкое понимание актуальности поднимаемой проблемы наступает при осознании того, что формирование корпуса источников напрямую определяет содержание международной жизни, исследуемой в исторической ретроспективе. Будет ли это история дипломатии, под которой Эннио ди Нольфо понимал исключительно «историографическую реконструкцию отношений между династиями, дипломатическими корпусами, министрами иностранных дел» (согласно наблюдениям историка, большая часть историографии международных отношений являет собой эту категорию исследований [4, с. 11]. Или целью ученого станет наполнение истории международных отношений разнообразными аспектами человеческой деятельности [4, с. 20]. Безусловно, конечный результат будет зависеть от выбора источников, и чем позднее изучаемая эпоха, тем шире комплекс исторических документов. Соответственно, отбор и ранжирование источников усложняются и имеют еще большее значение.

Предложенное Эннио ди Нольфо понимание сущности истории международных отношений дает возможность использования в исследовательских практиках всего видового разнообразия источников. В данном случае принято говорить о «дипломатических документах» (или «дипломатических источниках») [2, с. 82], которые выделяют в некий самостоятельный кластер в классификации исторических источников. Содержательное наполнение группы источников не имеет строгой определенности. И.Я. Биск под дипломатическими документами понимал источники, оставшиеся в результате взаимодействия органов и лиц, осуществляющих дипломатическую работу [1, с. 68–69]. Примерно такая же позиция обозначена в труде В.Ф. Коломийцева. Эннио ди Нольфо делит данную группу источников на официальные и неофициальные. В первом случае документы выпускаются «органами государственного субъекта» [4, с. 27].

Место источников личного происхождения внутри кластера дипломатических документов подвижно и не локализовано. Каждый автор, теоретизируя, определяет его по-своему. Э. ди Нольфо мемуары относил к категории неофициальных источников, переписку дипломатов, наоборот, идентифицировал как официальные документы. В.Ф. Коломийцев из источников личного происхождения к группе дипломатических документов причислил только переписку послов, министров иностранных дел и т.д. Частные письма в дипломатической практике он характеризует как полуофициальные документы, не лишённые при этом официального качества. Аргументируется данное понимание авторством главы или сотрудника посольства, деятельность которых в стране пребывания не может быть частной [2, с. 83]. И.Я. Биск также помещает переписку должностных лиц в корпус дипломатических документов, а мемуары идентифицирует как иной вид источника [1]. Таким образом, создается впечатление маргинального положения источников личного происхождения в иерархии источников истории международных отношений. В конкретно-исторической научной практике они оказываются востребованными, хотя часто как иллюстрация процессов, реконструированных на базе официоза.

Вполне закономерно рождается потребность соотносить сведения официальных источников с трактовками ситуации, процесса или явления конкретных исторических личностей, участвовавших или имевших отношение к изучаемой проблеме. В этой связи следует обозначить сознательность употребления термина «эго-документ», который привычнее для западной традиции, но в данной ситуации его этимология пришлась как нельзя кстати. Таким способом мы подчеркиваем постоянное присутствие «Я» и оказываемое им влияние на события международной жизни. С другой стороны, «Я» определяет и угол зрения под которым эго-документ подает эту самую международную жизнь или ее отдельный срез.

Представляется новаторским логичным суждение Н.В. Суржиковой о дефиниции «источники личного происхождения», которая отражает происхождение документа, в то время как термины «законодательство», «статистика», «делопроизводство», «периодика» и пр. означают его назначение. Исследовательница полагает, что употребление именно термина «эго-документы» позволит вывести из тени других исторических документов источники личного происхождения [3, с. 10].

Приоритет историки-международники отдают официальной документации, преимущественно договорам и разного уровня соглашениям, которые знаменуют собой продолжительные процессы во внешней политике государств. И для их реконструкции, вернее воссоздания того пути, который прошли участники до достижения окончательной или промежуточной договоренности необходимо привлечение как официальных, так и частных источников. Эго-документы дают возможность конструирования истории международных отношений не только с позиции стран, но и людей. При чем речь идет не только о выдающихся государственных деятелях, принимающих внешнеполитические решения, но и современников, наблюдающих на события со стороны.

Сложность с определением места эго-документов в изучении истории международных отношений объясняется необходимостью соблюдения баланса между официальным уровнем событий и ярко выраженным личностным началом источника, которые зачастую могут противоречить друг другу. С другой стороны, требование строгой точности в изложении и анализе событий международной жизни делает исследование сухим, схематичным и безликим. Возвращаясь к трактовке международных отношений Э. ди Нольфо как совокупности разнообразной человеческой деятельности, нужно отметить антропоцентричность данной формулировки проблемы. В этой связи резко возрастает значимость источников личного происхождения в исследовательской практике.

Дневники, мемуары, разнообразное эпистолярное наследие обладают набором специфических черт, которые необходимо учесть историку при конструировании того или иного факта. Дневники имеют автокоммуникативную направленность, коммуникация является целью писем и мемуаров. В мемуарах присутствует установка на воссоздание исторически конкретной действительности, от описываемых событий автора отделяет продолжительный хронологический промежуток, и он описывает события ретроспективно. Дневник отражает реальность синхронно. В эпистолярном наследии может присутствовать и та, и другая направленность во времени. Однако, общим признаком будет высокая степень индивидуальности и субъективности. С одной стороны, это уводит исследователя от искомой строгости и точности в изложении событий международной жизни, а с другой – позволяет посмотреть на неё с различных ракурсов и на разных уровнях, выявить роль личности в том или ином процессе, явлении, ситуации.

Эго-источники, характеризующиеся неперменным присутствием «Я», в большей степени отражавшие не столько события, сколько состояния, которые связаны, но отличаются от эго-истории. Значимость эго-документов в конструировании фактов международной жизни определяется неполнотой сведений, предоставляемых официальными источниками. Договоры, нотная переписка, соглашения, донесения и т.д. предполагают формальность структуры и содержания. Это свойство влияет на информационный потенциал источника, порой они не открывают истинные цели внешней политики. Ряд официальных правительственных документов может быть засекречен и историки не имеют к ним доступа. Поэтому при практической работе исследователя-международника сразу же возникает целый ряд недоговоренностей и замалчиваний информации официальными источниками. Минимизировать этот эффект можно именно с помощью привлечения источников личного происхождения, в которых авторы могут позволить себе сказать гораздо больше по причине высокого доверия к адресанту. Если речь идет о мемуарах, то по прошествии времени с момента описываемых событий появляется возможность говорить более открыто.

Проблема достоверности сведений эго-документов не утрачивает своей актуальности и сложности в контексте международной проблематики. Современные ученые руководствуются понятием достоверности, выработанным неклассической наукой. Наряду с достоверной информацией источника, историка интересует субъективность автора и его мировоззрение. В изучении истории международных отношений эти аспекты не должны сбрасываться со счетов. Признание чужой одушевленности выводит исследователя на новый уровень, когда возникает потребность в сравнении восприятия события разными сторонами и участниками, в сопоставлении, рефлексии и поиска объяснения искажения или умалчивания автором о событиях, процессах, явлениях внешней политики. По принципу цепной реакции должен актуализироваться целый спектр новых проблем, которые для истории международных отношений достаточно

новы – этничность, имагологические аспекты международных отношений, отдельные аспекты влияния повседневности и т.д.

Таким образом, в условиях современного состояния исторической науки, когда осуществляется переход от изучения истории событий к исследованию истории состояний [3, с. 6] маргинальность эго-документов в истории международных отношений выглядит анахронично. При соблюдении разумного баланса необходимо расширение сферы их практического применения, и одновременно, теоретическое осмысление места источников личного происхождения в кластере источников истории международных отношений.

1. Биск, И.Я. Методология истории: курс лекций / И.Я. Биск. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2007. – 236 с.
2. Коломийцев, В.Ф. Методология историка (от источника к исследованию) / В.Ф. Коломийцев – М.: Росспэн, 2001. – 191 с.
3. Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) / Н.В. Суржикова // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург : АСПУр, 2014. – С.6–14.
4. Эннио Ди Нольфо. История международных отношений: методологические проблемы / Эннио Ди Нольфо // Уральский вестник международных исследований. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С.9–34.

Дубровский А.М.

СТЕНОГРАММА: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ С ИСТОЧНИКОМ

Стенографические записи разнообразных заседаний составляют заметный пласт источников по отечественной истории советского периода. В отличие от протокольных записей, стенограмма доносит живые голоса исторических персонажей, кипение страстей, степень напряженности собрания. Поэтому так важен анализ накопленного опыта, формулировка хотя бы некоторых итогов работы с этим источником. В центре внимания настоящей работы – новейшие исследования, в которых использованы стенографические записи.

В практике исследовательской работы давно известны стенограммы партийных съездов и конференций. Обращаясь к этим источникам, историки могли использовать только опубликованные тексты. Кроме того, в советское время возможность цитирования этих источников была ограничена, исходя из навязанного принципа «не давать трибуны идейному врагу». В последнее время в исследовательской практике при изучении отечественной истории XX в. наблюдается использование и стенограмм, взятых из архива, и материалов, которые их сопровождали. Интерес, который вызвали эти стенограммы, был настолько велик, что часть из них была опубликована. По содержанию заседания и стенограммы, их отразившие, в первом приближении могут быть разделены на две группы.

Первая – стенограмма доклада и его обсуждения. Примером такой стенограммы является стенограмма доклада М.В. Нечкиной 1941 г. «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» и частично сохранившиеся материалы обсуждения доклада [5]. Ценность этой работы Нечкиной определяется тем, что она имела концептуальный характер и была представлена научному сообществу в ту пору, когда историки занимались формированием новой концепции отечественной истории. Для истории науки имеет значение и точка зрения докладчицы, и те соображения, которые были высказаны в ходе обсуждения доклада, тем более что среди выступавших были виднейшие специалисты того времени. Последующие высказывания Нечкиной о ее работе, рабочий дневник исследовательницы помогли восстановить картину созревания замысла и создания ее труда. Такого же рода отрывочные, но, тем не менее, ценные воспоминания оставили некоторые другие участники обсуждения доклада, что позволило реконструировать обстановку, в которой он прозвучал. А.М. Панкратова переслала в ЦК партии стенограмму доклада и его обсуждения. Там на полях доклада и стенограммы одного дня обсуждения Г.Ф. Александров сделал ряд пометок – вопросов, замечаний, графических значков, что позволяет говорить о реакции людей власти на происшедшее в Институте истории обсуждение. Видно, что эта реакция была более критичной, чем реакция историков. Позже в аппарате ЦК была составлена справка, в которой освещалось содержание доклада Нечкиной с идейно-политической оценкой позиции его автора.

Понятно, что М.В. Нечкина искренне и точно выражала свои воззрения в докладе, эта часть стенограммы достойна доверия. Выступавшие нередко осторожничали, находясь под давлением обязательного марксизма, здесь могла сработать боязнь сказать что-нибудь «не так».

В большей степени информативна стенограмма совещания историков в ЦК партии в 1944 г. и сопровождающие ее материалы: предшествовавшие совещанию и последовавшие после со-

вещания письма историков партчиновникам, записка Г.Ф. Александрова по итогам совещания. На совещании, правда, не был прочитан доклад, а вместо него перед историками партийные чиновники поставили вопросы для обсуждения. Поскольку власть совершала идеологический поворот, который к тому времени уже отразился на содержании устных высказываний отдельных историков, то здесь, как и в первом случае, в выступлениях участников собрания были сформулированы разные позиции и даже вспыхивали споры. Начиная с публикации стенограммы этого совещания и на протяжении ряда последовавших лет исследователи все глубже и детальнее изучали его содержание, обнаруживая все большее количество сопровождавшего ее материалов. Остановимся только на монографии А.Л. Юрганова, которая представляет последние достижения в этой области. Историк удалось обнаружить две стенограммы – правленую и неправленую, что открыло возможность сопоставления их друг с другом. При этом А.Л. Юрганов обнаружил в текстах выступлений интерполяции, которые были внесены авторами задним числом и то обостряли смысл этих выступлений, то, наоборот, смягчали их содержание в сторону «от слишком откровенных и личных обид к большей официальности и толерантности» [8, с. 299]. Еще ранее в литературе был отмечен тот факт, что наряду с выступлением можно было дать свои соображения в полном виде, отдав для составления стенограммы свою рукопись [3, с. 452]. Таким образом, не всякая стенограмма точно отражает происходившее на совещании историков. Интерполяции, с одной стороны, искажают подлинную картину, с другой, отражают ту позицию, которую тот или иной историк решил занять по зрелом размышлении.

Историки, работавшие с этими материалами, характеризовали личности участников совещания, группировали их позиции по идейному содержанию, опираясь не только на стенограмму, но и на письма А.М. Панкратовой, отмечали тон выступлений, поведение президиума собрания, силу впечатлений аудитории от того или иного прозвучавшего заявления, реплики, не попавшие в стенограмму, реакцию зала с обменом мнений, не попавших в стенограмму.

Вторая группа – стенограмма идеологических проработок. Они особенно были характерны для второй половины 1940-х гг., когда в стране развернулись политическая кампания борьбы с космополитами и сторонниками буржуазного объективизма в науке. По учреждениям прокатилась волна идеологических собраний. Именно в этих собраниях с особой тщательностью использовался ритуал, так как высказывания индивидуальной позиции здесь, по сути, не было, роли (обвинитель-обвиняемый) были распределены, содержание речей было трафаретным, разной была степень напряжения. Широко были использованы такого рода стенограммы в работе П.А. Дружинина [1, 2].

П.А. Дружинин определил жанр своей работы как «документальное исследование». Поэтому главным методом историк избрал реконструкцию событий путем широкого цитирования обычно впервые вводимых в оборот источников. П.А. Дружинин приходит к важным выводам, когда он сопоставляет стенограмму с другими источниками. В частности, он сравнил стенограмму заседания Оргбюро ЦК Коммунистической партии, конспективные записи одного из участников и мемуары другого, при этом были обнаружены сделанные стенографисткой изъятия и сглаживания [1, с. 84–85, 92–98]. В результате П.А. Дружинин сделал важный вывод: «Эта хрестоматийная стенограмма, даже на крохотных цитатах из которой, как на трех китах, базируется множество различных выводов и смелых предположений в обширной литературе вопроса <...>, не может приниматься как бесспорный источник точных слов оратора, а потому и все построения на ней должны рассматриваться с оговорками и особенностями, свойственными именно стенограмме, а не дословной записи» [1, с. 85]. Этот вывод должен быть учтен позднейшими исследователями темы, он важен и в широком источниковедческом плане как оценка степени достоверности любой стенограммы.

Когда читатель фундаментальной работы П.А. Дружинина знакомится только со стенограммой того или иного заседания, то в этом случае он может быть введен в некоторое заблуждение. Ведь произносимое на официальных собраниях имело характер ритуала, обязанности. Обвинение – покаяние – прощение; именно такого порядка ожидала власть в ходе политико-идеологической кампании от каждого обвиненного в идейных прегрешениях и, как правило, получала ожидаемое. Следовательно, оправдательные речи обвиняемых были лишены подлинной искренности. В основе лежал, прежде всего, страх – страх потерять должность, быть отлученным от любимой работы, лишиться доходов, что ставило вопрос о содержании семьи, поддержке родственников. Аналогичную природу имели и выступления обвинителей, которые не-

редко демонстрировали партийную принципиальность, идейную непримиримость и прочие ценные в ту пору качества, которые позволяли соответствовать занимаемой должности, сохранить авторитет в глазах руководящих органов и пр. Градус страха, конечно, был разным – от простого опасения до животного ужаса. Цитирование стенограммы без более глубокой характеристики действующих лиц, без анализа мотивов их поведения не дает понимания этой важной, внутренней, стороны происшедшего. Должности главы учреждения или его подразделений, члена парткома, секретаря парткома или его заместителя обязывали их исполнителей выступать с обвинениями. В большей степени внимание автора обращено к жертвам кампаний. Однако, достойна внимания и противоположная сторона.

Сам автор справедливо пишет о «спектаклях», сравнивает ход заседаний то с итальянской комедией дель арте, то с Колизеем, обрисовывает содержание ролей. Думается, эта мысль нуждается в углублении. Современники ясно понимали игровую природу критических выступлений с «идейных позиций». Достаточно указать на такой эпизод, как выступление в печати историка Л.В. Черепнина по адресу его старших коллег А.И. Андреева и С.Б. Веселовского, в свое время немало помогавших этому критику. Но они адекватно воспринимали произошедшее. По воспоминаниям А.А. Зимина, раскритикованные «говорили: “Мы все понимаем. Бедный Лев Владимирович. Пусть он не думает, что мы к нему что-нибудь питаем. Пусть заходит”» [6, с. 173–174]. Личные отношения и официальные, продиктованные политико-идеологической обстановкой, воспринимались современниками как совершенно разные. Игрой было также изображение покаяния. Содержание покаянной речи профессора В.М. Жирмунского на собрании 4 апреля 1949 г., его осторожная защита навели участников и организаторов этого избиения на мысль о том, что критикуемый по-настоящему не отказался от своих взглядов. То же можно сказать и о Г.А. Гуковском [2, с. 366–375]. Именно участием в игре, некоей искусственностью поведения, как кажется, можно объяснить отмеченное П.А. Дружининым волшебное перерождение некоторых гонителей и обвинителей образца 1940-х гг.: в более позднее время они вернули себе человеческий облик.

В послевоенных заседаниях, освещенных в рассматриваемом труде, обычно в речах выступавших звучала однообразная, типичная для своего времени риторика, набор словесных штампов из политического словаря. Целые абзацы текста выступлений по сути не давали ничего нового для понимания происшедшего. Поэтому возникает вопрос, стоит ли включать в работу широкое цитирование таких стенограмм?

Такие же стенограммы были использованы В.В. Тихоновым [6]. Автор имел возможность более глубоко проникнуть в обстановку. Поэтому он смог отметить не только то, о чем говорили выступавшие, но и умолчания, которые они допускали, объяснить позицию того или иного персонажа разбираемого действия, степень остроты его выступления.

Обозрение того опыта, который получили исследователи благодаря новейшим трудам, в которых использовались стенограммы, ведет к определенному и закономерному выводу – о сложности этой группы источников, об осторожности при работе с ними, о необходимости сочетать стенографическую запись с иными видами источников, а также с максимальной глубиной исследовать личности, чьи выступления зафиксировала стенограмма, ситуацию, которую она отразила. Для понимания характера выступления важно не только то, о чем сказал человек, но и то, о чем он промолчал, отводя удар от людей. Думается, неиспользованным резервом является лингвистический анализ стенограмм. Он должен дать картину развития политического новояза, рождения новых политических ярлыков.

1. Дружинин, П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы : док. исследование / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 1. – 592 с. : ил.
2. Дружинин, П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы : док. исследование / П.А. Дружинин. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 2. – 704 с. : ил.
3. Дубровский, А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии / А.М. Дубровский. – Брянск : Изд-во Брянского гос. ун-та имени акад. И.Г. Петровского, 2005 – 799 с.
4. Каганович, Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время / Борис Каганович. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 357 с.
5. М.В. Нечкина о причинах отсталости России : доклад и итоги дискуссии. 1941 г. / публ. : Артизов А.Н., Наумов О.В. // Исторический архив. – 1993. – № 2. – С. 210–216; № 3. – С. 176–201.
6. Судьбы творческого наследия историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. – М. : Аквариус, 2015. – С. 439 с.
7. Тихонов, В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. Середина 1940-х – 1953 г. В.В. Тихонов. – М.; СПб. : Нестор-История, 2016 – 424 с.
8. Юрганов, А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма / А.Л. Юрганов. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011 – 765 с.

Филас В.Н.
НАЗВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ И ГРАФИКИ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹

Поиск новых источников и методов исследования в последнее время заставляет историков обращаться к дисциплинам, которые находятся в смежных с историческими знаниями сферах.

Изучение названий произведений живописи и графики в научных исследованиях на современном этапе лежит в лингвистической плоскости, причём в современной лингвистике этот сектор ономастики наименее исследован. Большинство исследователей предпочитают обозначать названия произведений искусства общим термином артионим, который впервые появился во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии», составленного Н. Подольской [3, с. 38]. Предметом нашего исследования будут артионимы, идентифицирующие произведения живописи и графики.

Внесшая огромный вклад в изучение хронологической типологии онимов, А. Суперанская отмечала, что анализ структуры онима может быть перспективным для многих исторических и этнографических исследований [4, с. 173]. Нельзя не согласиться, что для исторической науки артионим как один из видов онима является важным и неисследованным объектом источниковедения, впитавшим в себя уникальную информацию. Артионим выступает авторской интерпретацией изображения. Без артионима изображение будет мало понятным зрителю, поэтому его можно считать ключом к изображению. Артионим является составной частью сообщения, которое несёт изображение. Ошибка в артиониме меняет и понимание самого изображения и его информации, поэтому артионимическая атрибуция является важным этапом в анализе произведений живописи и графики.

Понимание артионима как составляющей визуального источника раскрывается в особенностях процесса его формирования. Процесс формирования артионимического наименования произведений живописи и графики очерчен, во-первых, рамками индивидуальных собственных практик и опыта авторов этих произведений, которые сформировались на основе существующих знаний и представлений о регионе, о местности или стране происхождения автора изображения; во-вторых, рамками местных традиций как итог коммуникации между автором рисунка и местным населением. На «выделение» артионима из этих базовых рамок и привязку его к изображению влияли различные индивидуальные ценностные факторы. Е. Бурмистрова выделяет четыре таких основных индивидуальных ценностных факторов, в процессе осознания которых и проходит формирование артионима. Исходя из доминирования того или иного ценностного фактора, влияющего на качество и направленность информации, артионимы можно разделить на:

- Познавательные артионимы, несущие научно-познавательные сведения о реалиях региона и включающие их в общий фонд энциклопедических и научных знаний.
- Прагматические артионимы, содержащие информацию об изображениях, имеющих научно-прикладное значение и связывающее их с практическим использованием изображенного объекта.
- Эстетические артионимы, отображающие информацию в свете представления о красоте, гармонии и подчеркивающие экспрессию изображения.
- Исторические артионимы, детерминирующие названия произведений живописи и графики в связи с выдающимися историческими и социально-значимыми событиями [1, с. 8–9].

Совокупность онимов в лингвистике принято называть онимическим пространством [5, с. 9], что, по нашему мнению, является также применительно в источниковедении.

Особенности структуры артионима как составной части визуального источника и его информативные возможности логично и эффективнее будет продемонстрировать на конкретном примере. Артионимическое пространство в нашем исследовании хронологически ограничено концом XVIII – серединой XIX в. и географически привязано к региону Северного Причерноморья и насчитывает около 1500 наименований. Нижняя дата обусловлена началом массовых визуальных «трансляций» из региона вследствие присоединения его к Российской империи. Верхняя дата обусловлена началом эры фотографии, а также концентрации живописи и графики на Крымской войне.

¹ Подготовка материалов стала возможной благодаря финансовой поддержке Канадского института украинских студий.

Особенностью формирования артионимического пространства Северного Причерноморья последней трети XVIII в. – середины XIX в. было преобладание артионимов познавательного характера и артионимов, имеющих историческую составляющую.

Артионим как составная часть визуального источника состоит из двух основных и одного вспомогательного компонентов. К основным относится идентификация, объясняющая или идентифицирующая сюжет, и локализация, которая географически определяет идентификацию. Вспомогательным компонентом является объяснение, оно раскрывает и уточняет суть предметов и явлений, которые идентифицированы или локализованы. Идентификация и локализация как основные части в информационной структуре артионима могут присутствовать или вместе (сложные артионимы), или отдельно (простые артионимы). Примером сложного артионима может быть артионим «Транспорт в Бахчисарае» по рисунку О. Раффе, где «транспорт» выступает как идентификация, а «Бахчисарай» – локализация. Структурно простые артионимы могут содержать в себе только одну идентификацию («Арнаут» И. Гейслера) или локализацию («Южный рынок» Л. Премацци), указывая на его главный элемент. В простых артионимах, где представлена только одна локализация, она одновременно выполняет и функции идентификации. Примером таких артионимов могут быть «Балаклава» Ж. Мивилля или «Одесса» И. Айвазовского, которые одновременно отвечают на вопрос где? и что?

Третья часть структуры артионима – объяснение, является вариативной. Она выступает в качестве вспомогательного элемента. Эта вариативная часть раскрывает и уточняет сущность предметов и явлений, которые уже идентифицированы или локализованы. Например, «Кучук Лампад. Имение князя А.Н. Гагарина» И. Гросса, где «Кучук Лампад» – локализация, а «Имение князя А.Н. Гагарина» – объяснение. Есть небольшая группа артионимов, где локализация и идентификация присутствуют вместе с объяснением. Примерами таких артионимов могут выступить название работы французского ученого и путешественника К. Оммер де Геля «Капсихор в Крыму. Вечерние занятия татар», где «Капсихор» выступает в качестве идентификации, «Крым» – локализации, а «Вечерние занятия татар» – объяснения, или рисунок Ф. Дюбуа де Монтере «Севастополь в Крыму. Вид с севера напротив Адмиралтейства», где топоним «Севастополь» выступает как идентификация, «Крым» – локализация, а конструкт «Вид с севера напротив Адмиралтейства» – объяснение.

Локализация артионимов Северного Причерноморья имеет три уровня, на которых происходит географическая привязка сюжетов.

Первый уровень – региональный. Районы локализации на этом уровне имеют четкие определённые природно-ландшафтные, исторические или административные границы («Иософатова долина в Крыму» О. Раффе, «Крепость Инкерман в Крыму» М. Иванова).

Второй уровень – конкретный. На этом уровне сюжет локализуется на уровне населенного пункта («Ханская мечеть в Бахчисарае» В. Пассека), исторического сооружения («Древняя Арабатская крепость» О. Раффе), географического объекта («Остров Змеиный» К. Боссоли), улице («Дом графа Толстого на Преображенской улице» Ф. Гросса), местности («Вид на долину Каралез» К. Кюгельхена), части города («Гавань в Одессе на Черном море» И. Айвазовского).

Третий уровень – условный. На условном уровне артионимы локализуются в местах, которые не имеют названий. Здесь в качестве отправной точки выступает самостоятельный топоним, к которому привязывается событие, факт, явление и выражающиеся фразами «в окрестностях...», «между...», «у...» и т.д. («Водяная мельница у Карасу-Базара» М. Иванова, «Дом господина Ашера между Артеком и Гурзуфом» Н. Чернецова).

Говоря о роли топонима как компоненте артионимической конструкции, Л. Климова отмечает важность и значимость определенного географического объекта для культурного фонда всего языкового сообщества [2, с. 128]. Из этого вытекает и способность артионима проливать свет на особенности ментально пространственных представлений, которые отразились в авторских названиях произведений изобразительного искусства.

Анализ локализации в структуре артионима дает нам возможность утверждать, что в ментально-географических картах как населения, так и многочисленных ученых, художников и путешественников, которые приезжали в северо-причерноморский регион, к середине XIX в. пока еще не отложилось понимание топонима «Новороссия» как «коренного» единого, слитного региона в отличие от топонима «Малоросия», который достаточно обширно представлен в произведениях живописи и графики уже к 50-м гг. XIX в. Топоним «Новороссия» к этому вре-

мени не получил еще постоянных ассоциативных связей с северо-причерноморским регионом. В ментально-географическом воображении северо-причерноморский регион соответствовал тому административному облику, который существовал до вхождения этих земель в состав Российской империи. Ментальная карта региона включала в себя такие части как:

1. Условную днепровско-днестровскую часть, входившую некогда в состав османских владений, где были основаны первые города российскими властями (Одесса, Николаев и Херсон). Эта часть представлена только на конкретном уровне локализации в артионимических конструкциях. Во временном измерении эта локализация соответствует роли и включению этих городов в экономическое развитие региона. В последней трети XVIII в. доминируют артионимы с локализацией в Херсоне. С первой половины XIX в. начинают преобладать названия с локализацией в Одессе и её округе. В очень незначительном количестве появляются артионимы, которые обозначают изображения с локализацией в Николаеве.

2. Исторические части «коренных» земель Войска Запорожского (Днепровское Надпорожья), находящиеся в структуре артионима, обрисовывались конструктом «Пороги – Запорожье – Днепр» и «коренных» земель Крымского Ханства (Крымский полуостров), которые в артионимической структуре выражались как «Крым», «Южный берег» или «Южный Крым». Эти исторические регионы в артионимической структуре локализуются как отдельные.

Таким образом, артионим как составная часть визуального источника несёт в себе важную, а иногда и неожиданную информацию об исторической действительности, поэтому заслуживает внимания со стороны источниковедов и историков.

1. Бурмистрова, Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04 / Е.А. Бурмистрова. – Волгоград, 2006. – 20 с.
2. Климова, Л.А. Топонимы России и Германии в названиях живописных произведений / Л.А. Климова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2015. – № 1(96) – С. 128–132.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
4. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
5. Суперанская, А.В. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. – М.: ЛКИ, 2007 – 256 с.

Рачков Е.С.

ЭМБЛЕМЫ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ТИПОЛОГИИ

Преимущественно спорадический и бессистемный процесс создания символики классических университетов Украины в конце XX – начале XXI ст. привел к появлению комплекса визуальных источников, характеризующихся разнообразным содержанием и формой. Учитывая специфику создания, пестроту и возрастающую численность университетской символики, первостепенное значение приобретает ее систематизация с помощью методов классификации и типологии. Систематизация эмблем университетов позволяет не только выделить классы и группы похожей в тех или иных аспектах символики, но и понять исторические, символические и морфологические особенности каждой из них, выявить их внутренние связи и характерные черты развития [5, с. 25].

Следует отметить, что первые попытки систематизировать эмблематический материал предпринимались еще на этапе становления эмблематики как научной дисциплины в 1960-х гг. [3]. Однако до сегодня не существует более или менее устоявшейся классификации или типологии университетских символов и эмблем. Существующие классификации университетской символики условно можно разделить на две группы: 1) классификации символов и эмблем определенного университета [2; 6; 9]; 2) классификации образовательной символики отдельного региона или страны [5; 7]. Первые, как правило, основываются на хронологически и территориально ограниченном материале и являются достаточно фрагментарными. Вторые характеризуются «потерей» отдельных блоков символики, которая может не вписываться в сконструированную исследователем схему. Исходя из этого, целью настоящего исследования является построение типолого-классификационных схем университетской символики на примере эмблем классических университетов Украины конца XX – начала XXI ст.

Классификация эмблем и выявление устойчивых признаков каждой из выделенных групп осуществлялись с помощью реляционной базы данных эмблем классических университетов Украины, построенной в системе управления базами данных Microsoft Access 2010 [1]. Всего в базу данных вошло более 500 изображений эмблем. Методологической основой исследования являются подходы, выработанные в русле визуальной истории, в частности в исследовании мы предлагаем рассмотреть университетскую символику с позиций семиотического подхода.

В литературе выделяют различные типы и виды классификаций [4, с. 397–404]. В настоящем исследовании мы используем диагностический тип классификации, основной задачей которого является определение объектов совокупности с учетом их прямых характеристик. По виду предлагаемые классификации являются рядовыми, то есть наиболее простой схемой распределения на основании одного критерия.

Учитывая специфику репрезентации эмблем в знаковой среде классических университетов Украины конца XX – начала XXI ст., можно выделить следующие группы носителей символики:

1. Элементы интерьера / экстерьера университета.
2. Официальные документы: 2.1. Уставы; 2.2. Похвальные и поздравительные грамоты;
- 2.3. Дипломы; 2.4. Другая внутренне университетская документация.
3. Штандарты.
4. Флаги.
5. Монеты (юбилейные) и банкноты.
6. Медали: 6.1. Памятные и наградные медали; 6.2. Юбилейные медали.
7. Нагрудные знаки и значки: 7.1. Выпускные знаки и значки; 7.2. Юбилейные знаки и значки; 7.3. Памятные и наградные знаки и значки.
8. Академическая одежда.
9. Инсигнии ректора.
10. Книжные издания: 10.1. Юбилейные издания; 10.2. Справочные издания.
11. Плакаты (объявления).
12. Промоматериалы: 12.1. Канцелярские изделия (ручки, карандаши, блокноты и т.д.); 12.2. Одежда (футболки, шарфы, бейсболки и т.д.) и сумки; 12.3. Баннеры; 12.4. Буклеты и проспекты; 12.5. Другие промоматериалы (календари, чашки, магниты, флажки и т.д.).

Учитывая, что названные носители символики характерны для знаковой среды как всего университета, так и его структурных подразделений, можно выделить следующие группы университетских эмблем: 1. Общеуниверситетские эмблемы; 2. Эмблемы факультетов и институтов; 3. Эмблемы кафедр; 4. Эмблемы университетских библиотек; 5. Эмблемы университетских музеев; 6. Эмблемы организаций студенческого самоуправления (студенческих советов, научных обществ, профсоюзных организаций и т.п.); 7. Эмблемы спортивных клубов и комплексов; 8. Эмблемы других структурных подразделений университета (академических центров, лабораторий, экспедиций и т.п.).

Следует отметить, что основной массив символов и эмблем классических университетов Украины сформировался в конце XX – начале XXI ст. Однако отдельные элементы и даже варианты университетской символики появились гораздо раньше и продолжали существовать и использоваться на протяжении всей последующей истории учебных заведений или в течение определенного периода.

Учитывая время создания эмблем университетов, их можно сгруппировать следующим образом:

1. Эмблемы, возникшие с момента основания университетов до распада Российской и Австро-Венгерской империй и ликвидации системы университетского образования в Украине (до 1921 г.).
2. Эмблемы, возникшие после возобновления деятельности университетов в Украине до распада СССР (1933–1991 гг.):
 - 2.1. Эмблемы, созданные в первой половине 1930-х – начале 1950-х гг.
 - 2.2. Эмблемы, созданные в середине 1950-х – начале 1990-х гг.
3. Эмблемы, возникшие после провозглашения независимости Украины и внедрения новых принципов функционирования системы высшего образования (с 1991 по настоящее время):
 - 3.1. Эмблемы, созданные в первой половине 1990-х гг.
 - 3.2. Эмблемы, созданные во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.

Предложенная классификация является достаточно условной, однако она позволяет зафиксировать тенденции развития символики в рамках определенного периода и выяснить особенности ее эволюции. Например, было установлено, что для университетских эмблем первой половины XX ст. характерно отсутствие собственно корпоративной университетской символики. Символы и эмблемы этого периода должны были подчеркивать государственную принадлежность учебных заведений и выступать в качестве маркера советской идеологии. В университетских эмблемах второй половины XX ст. наряду с государственными советскими символами широко использовались идеологически нейтральные изображения, прежде всего, разнообразная корпоративная университетская и международная символика. Для знаковой среды университетов начала 1990-х гг. характерны спорадические попытки осовременить существующие эмблемы. Вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг. стали временем создания новой символики украинских университетов [8].

Учитывая формальный статус, специфику создания и использования эмблем классических университетов Украины конца XX – начала XXI ст., можно выделить следующие их группы:

1. Официально утвержденные эмблемы.
2. Неофициальные эмблемы.
3. «Полуофициальные» эмблемы.

Официально утвержденная символика учебных заведений создавалась, прежде всего, по инициативе руководства университетов и их структурных подразделений. В отдельных случаях существуют правила использования такой символики (своего рода «графические хартии»). Неофициальная символика не имеет необходимого документального подтверждения. Ее существование может рассматриваться как показатель кризисного состояния корпоративной идентичности и внутрикорпоративной коммуникации. В большинстве случаев выяснить формальный статус символики практически невозможно. Прежде всего, это связано с особенностями создания университетской символики, а также отсутствием нормативной базы, которая бы определяла процедуру ее официального утверждения. Многочисленные эмблемы учебных заведений, как правило, не проходят процедуры регистрации и согласования в государственных инстанциях. Требования обязательной регистрации университетской символики в современном украинском законодательстве нет. По нашему мнению, в условиях, когда официальный статус символики признается университетским или факультетским сообществом, однако не подтвержден соответствующими документами, уместно говорить о ее «полуофициальном» характере. Справедливым в данном случае является вывод Д.В. Майбороды о том, что развитие неофициальной образовательной символики, учитывая историческую взаимосвязь между официальной и неофициальной группами символов и эмблем, достаточно часто происходило в рамках официальной традиции [5, с. 29].

Специфика университетской символики определяется, прежде всего, контекстом существования самого университета. История университетов Украины является историей трансфера и дальнейшей адаптации на восточноевропейском пространстве западноевропейской университетской идеи и традиций. Неудивительно, что основой эмблем классических университетов Украины является международная символика, прежде всего, различные символы науки и образования. К группе международной символики в большинстве случаев относится также и отраслевая символика. Неотъемлемой составляющей университетских эмблем была и остается государственная и региональная символика, встречающаяся преимущественно в знаковой среде университетов Западной Украины. Характерными чертами современной корпоративной символики университетов являются разнообразие и эклектичность [8, с. 327]. Таким образом, можно выделить следующие группы символики, которая используется в эмблемах классических университетов Украины:

1. Международная символика.
2. Государственная символика.
3. Региональная символика.
4. Корпоративная символика.

Кроме первичного упорядочения материала на основании общих критериев (прежде всего, внешнего сходства) и конкретных показателей исследуемых объектов, следует также обратить внимание на возможность конструирования определенных сущностных типов символики. В частности, учитывая комплекс признаков (содержательное наполнение, специфику использования и формальный статус), можно выделить следующие типы эмблем:

1. Гербы.

2. Квазигеральдические эмблемы.
3. Логотипы.

Несмотря на заметное стремление классических университетов Украины к созданию гербов и квазигеральдических эмблем, в последние годы в знаковой среде учебных заведений заметно возросло количество и разнообразие логотипов – более простых изображений, которые имеют характер товарного знака. Указанная тенденция в целом соответствует актуальным процессам коммерциализации и массовизации университетского образования в Украине.

Учитывая прагматический аспект университетской символики, а именно специфику ее использования (функциональное предназначение) и восприятия (интерпретацию), можно выделить следующие типы эмблем:

1. Консолидирующие (эмблемы, обеспечивающие консолидацию университетского сообщества и выполняющие функции коллективной памяти, что позволяет укрепить внутренние связи университетского сообщества).

2. Регулирующие (эмблемы, конструирующие иерархию отношений в рамках университета и являющиеся инструментом стратификации и мотивации).

3. Номинативные (эмблемы, являющиеся средством отождествления себя с университетом и / или его структурными подразделениями; выступают в качестве инструмента идентификации и защищают университет от «чужаков»).

4. Репрезентативные (эмблемы, представляющие университет внешнему миру и являющиеся частью университетской политики брендинга).

Следует отметить, что границы указанных типов эмблем достаточно подвижны, поэтому некоторые университетские эмблемы можно отнести к нескольким группам одновременно.

Таким образом, создание типолого-классификационных схем эмблем классических университетов Украины позволяют не только проследить эволюцию символики, но и анализировать более общие вопросы традиций и политики памяти не только украинского, но и всего восточноевропейского университетского пространства. Выбор принципов классификации и типологии объясняется, с одной стороны, особенностями возникновения и эволюции университетских эмблем, а с другой стороны, проблемами их выявления и атрибуции.

1. База данных эмблем классических университетов Украины [рисунки] / Е.С. Рачков; Microsoft Access 2010 // Материалы фондов Музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. – Ф. 7. Оп. 7. П. 5.
2. Вишленкова, Е. А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2005. – 500 с.
3. Зайцев, Б.П. Эмблематика советской Украины: диссертация ... кандидата исторических наук / Б.П. Зайцев; Харьковский государственный университет имени А. М. Горького. – Харьков, 1968. – 249 с.
4. Мазур, Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие / Л.Н. Мазур; 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
5. Майборода, Д.В. Символика отечественных образовательных учреждений середины XVIII – начала XXI в.: диссертация ... кандидата исторических наук / Д.В. Майборода; Московский государственный областной университет. – М., 2014. – 243 с.
6. Посохов, С.И. Символы и эмблемы Харьковского университета: проблемы типологии и эволюции / С.И. Посохов, В.Ю. Иващенко // *Znaki i symbole w przestrzeni publicznej* / Pod red. A. Jaworskiej, R. Jopa, K. Madejskiej. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016. – С. 113–124.
7. Прокопенко, Ю.А. Эмблемы высших учебных заведений г. Ставрополя 1991 – 2009 гг. (характер их создания, особенности символики) / Ю.А. Прокопенко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. – 106 с.
8. Рачков, Е.С. Візуальна складова практик саморепрезентації класичних університетів України кінця XX – початку XXI ст. / Е.С. Рачков // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. – 2015. – Том XII. – С. 327–341.
9. Piech, Z. Znaki Uniwersytetu Jagiellońskiego jako system / Z. Piech // *Znaki i symbole w przestrzeni publicznej* / Pod red. A. Jaworskiej, R. Jopa, K. Madejskiej. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2016. – С. 37–76.

Литвина Н.В.

АУДИО, ВИДЕО И ФОТО В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ И ЗАДАЧИ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА

Фонды археографической лаборатории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (АЛ) формировались с 1966 года, времени первого археографического выезда, документированного полевым дневником и хранящемся в листах в составе дневника списка книг, полученных для Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ (ОРКиР) [8, с. 12–13]. С оформлением в начале 1970-х гг. статуса экспедиций как “комплексных археографических” [9, с. 111–119; 4, с. 120–129] расширился и состав письменного фонда – кроме обязательных

полевых дневников участников экспедиций появились отдельные тетради находок, куда помимо книг, передаваемых затем в ОРКиР, вносились предметы старообрядческого быта, составившие затем этнографическую коллекцию АЛ. До конца 1990-х годов сотрудники АЛ вели переписку со старообрядцами, часть которой также входит в состав письменного фонда.

С 1970 г. в большинстве комплексных археографических экспедиций участвовал фотограф. Фотографии в альбомах и конвертах, а также негативы и слайды составили фотофонд, в котором на сегодняшний день хранится более 10000 ед.хр. [3, с. 102–112] 1972-м годом датируются первые магнитофонные пленки с записями богослужебных фрагментов, духовных стихов [5] и бесед со старообрядцами, которые в 1990-е гг. сменились аудиокассетами, а затем в 2000-е – цифровыми аудиозаписями. Ранние записи (на бабинах) переведены в цифровой формат mp3, продолжается оцифровка аудиокассет. По приблизительным данным аудиофонд – это более 700 часов звучания.

Последний по времени формирования фонд видеозаписей связан с долговременным сотрудничеством АЛ с Центром визуальной антропологии МГУ, которое началось в 1993 г. Видеофонд состоит из записей на кассетах (SVHS, Digital8 и mini DV) и цифровых видеозаписей с 2010 г. Видеокассеты постепенно оцифровываются. Хронометраж постоянно пополняемого видеофонда составляет не менее 600 часов.

Со времени осуществления планомерных видеосъемок, которые проводились в рамках молодой в России научно-практической дисциплины – визуальной антропологии [1] – полученные визуальные материалы многократно использовались для производства антропологических фильмов, в меньшей степени в учебном процессе как демонстрационный материал, а также изредка подвергались так называемой неуправляемой интерпретации в докладах и публикациях [7, с. 32–35]. Сюжеты, которые сразу или со временем используются для монтажа, показа или публикации, обыкновенно автор исследований выделяет из всего зафиксированного массива уже в ходе экспедиции. Научно-справочный аппарат (НСА) состоит обычно из поверхностных описаний материалов, включающих только наименование населенных пунктов, Ф.И.О., название согласия, год рождения информантов, (иногда – общие темы беседы), список участвовавших в записи собирателей и участников события, название праздника, обряда, ремесла. Исходная фиксация ссылок на аудио-видео и фото в полевых дневниках в качестве первичного НСА себя фактически не оправдала, далеко не все сотрудники экспедиций успевают писать дневники ежедневно, забывают фиксировать участие в ходе работы технических средств, не всегда подробно описывают событие и пр.

В итоге огромный бесценный последовательный материал, записанный в нескольких старообрядческих регионах на территории России и СНГ, остается в значительной части не востребуемым даже его создателями. Необходимо подчеркнуть, что архив АЛ ежегодно пополняется всеми видами документов в ходе продолжающихся полевых исследований.

Основная задача на сегодняшний день состоит в архивной обработке фондов на новом уровне, с составлением внутренних тематических описей бесед со старообрядцами и перекрестными ссылками между тремя аудиовизуальными фондами.

Исследовательская работа с фондами предполагает формирование специфической прикладной модели анализа не только отдельного видеосюжета краткого или продолжительного, но и выявление типологически сходных сюжетов всего содержимого каждого из трех аудиовизуальных фондов. До сих пор в основном компактные и достаточно насыщенные информационно или событийно сюжеты привлекали авторов-антропологов или исследователей, превращавших такой фильм или статью в своего рода антропологический кейс. Исключением, пожалуй, являются работы О.Б. Христофоровой, основанные на сплошном выявлении ею, в частности, в фондах АЛ сюжетов на тему исследования с последующим подробным анализом в отдельном издании в сочетании с публикацией источников [15, с. 23–276].

Логика формирования архива АЛ с 1993 года (когда в рамках одной экспедиции может быть записано более 30 часов видео, дополненных, но не обязательно дублированных, еще большим объемом аудиозаписей и сопровождаемых фотографиями) побуждает нас объединить в системах не только описания, но и анализа, три аудиовизуальных фонда – фото, аудио и видео.

Методологическая база современной антропологии и смежных дисциплин позволяет решать самые специфические задачи, опираясь на опыт, накопленный когнитивной антропологией, антропологией эмоций, интеракционной социолингвистикой, используя анализ речевого взаимодействия, невербальных аспектов коммуникации и мн. др. [6, 10, 11, 12, 13, 14]. В рамках комплексного анализа, который необходим при работе с фондами АЛ, логично историко-этнографические методы, применяемые к этнографическим документам, расширять за счет рабочей выборки из спектра методов антропологии и социолингвистики именно потому, что с середины 1990-х годов аудио, видео и фотодокументы создавались под влиянием антропологии. Острота задачи состоит в том, что в настоящее время еще возможно получить максимум воспоминаний исследователей, не вошедших в полевые дневники и не зафиксированных никак иначе.

Приведем следующий пример, связанный с опубликованной тематической выборкой бесед со старообрядцами часовенного (“духовного” и “чувственного”) согласия в Горной Шории [2]. Тексты бесед по замыслу авторов должны были рассказать внимательному читателю о сложностях и стереотипах в коммуникации старообрядцев с соседями – челканцами и шорцами, а также описать широкий социальный, религиозный и исторический контексты этой коммуникации от первого лица – при помощи стенограмм разговоров собирателей со старообрядцами. В итоге даже из количественного анализа текстов становится понятно, что основная тема – соседского или родственного взаимодействия старообрядцев с иноэтничными соседями – занимает в беседах с большинством старообрядцев сравнительно немного места. В поселке, в котором среди старообрядцев жила только одна семья челканцев, старообрядцы позволяли себе высказывать краткие полярные суждения, колеблющиеся от явного пренебрежения до явного же приятия: «Но раньше жили так, что шорцы отдельно жили, а русские, значит, отдельно жили. И этого не было, то, что... В смешности жить. <...> Имя не на чё было пить. Не на чё. Вот посмотришь на них, как они жили! Батенька мой!» [2, с. 15] Или, например: «Вон, Петруша Бурчаков, он говорит: “Слушай, дружка, маленько садица надо, садица беседовать”. Такой славнецкий шорец был. Не курил, ничего. Такой делаек» [2, с. 66]. В соседнем поселке, где численность старообрядцев и шорцев приблизительно равна, риторика описания соседей старообрядцами несколько меняется, в проговорах основной доброжелательной линии проскальзывает снисходительность: «Я говорю, можно и на равных. Просто они себя ниже как-то чувствуют. Или русские их унижали, или они сами себя так чувствовали. А теперь же они довольно грамотные» [2, с. 89]. Или, например: «У нас вот, в нашем классе, вообще шорец хорошо учился. Он отличник. – Он алтаец. – Ну, а какая разница?» [2, с. 85]. В беседах со старообрядцами второго поселка увеличивается и длительность описания конкретных контактов с шорцами, их традиций.

Рассматривая весь опубликованный массив бесед со старообрядцами, мы сталкиваемся с двумя основными тактиками собирателя: 1) в компактных интервью, приведенных целиком, собиратель чаще всего не развивает, останавливает при помощи вопроса, интересные по содержанию ответы и воспоминания информанта, 2) собиратель следует за повествованием информанта, разворачивая беседу вопросами. Для того чтобы понять причины поведения собирателя, необходимо проследить эти сюжеты по трем аудиовизуальным фондам. Так книгу публикаций открывает пример первого подхода – интервью с Е.И. Мелехиным, расшифрованное с видеозаписи. Параллельная аудиозапись, не вошедшая в публикацию, сохранила несколько фраз знакомства. Видео и фотографии Ефрема Ильича во время интервью многое объясняют – беседа состоялась на дороге у дома информанта. Во время первой беседы-знакомства старообрядец не был настроен звать гостей в дом; момент, когда пожилой человек устанет и попросится, угадать трудно, поэтому собиратель постарался успеть выяснить основные вехи биографии и коснуться темы взаимоотношений с живущими в поселке челканцами. В свою очередь длительные беседы с Л.Е. Каракуловым проходили на крыльце, где у информанта стоял обжитой стул – там ему удобно было не только принимать гостей, но и проводить время отдыха, там Лаврентию Евграфовичу было комфортно подолгу беседовать с собирателями.

Публикация стенограмм, конечно, облегчает поиск и дальнейший тематический анализ материала, дает возможность изучать процесс коммуникации, однако имеет существенный недостаток: книга не содержит сюжетного указателя. Проблема разработки и создания сюжетного указателя распространяется на всю систему описания аудиовизуальных фондов АЛ.

Помимо разного рода тематических исследований, изучения речевой и невербальной коммуникации, аудио и видео источники представляют отдельный интерес для детального лингвистического анализа, как диалектных особенностей языка информантов, современных заимствований, так и языковых формул традиционной культуры. Перед прощанием Е.И. Мелехин говорит: «Много кой-чего неладно сказал, дак вы это во внимание не берите» [2, с. 15] – так он адаптирует незнакомым слушателям принятую у старообрядцев традицию во время прощания просить прощение за многословие.

1. Александров, Е.В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии / Е.В. Александров. – М.: Пенаты, 2003. – 97 с.
2. Бойко, И.В. Чулеш и Килинск, XXI век. Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев. Полевые материалы 2001–2005 гг. / И.В. Бойко, Н.В. Литвина. – М.: Археодоксия, 2005. – 209 с.
3. Дадькин, А.В. Фотоархив Верхокамья: состав, структура, особенности описания / А.В. Дадькин // Традиционная культура Пермской земли: К 180-летию полевой археографии в Московском университете, 30-летию комплексных исследований Верхокамья. – Ярославль : Ремдер, 2005. (Мир старообрядчества. Вып. 6). – С. 102–112.
4. Кобяк, Н.А. Филологические задачи в рамках комплексных исследований района старообрядческих слобод Брянщины и Гомельщины / Н.А. Кобяк, О.В. Кукушкина // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. – М.: МГУ, 1978. – С. 120–129.
5. «Кому повем печаль мою». Духовные стихи Верхокамья: исследования и публикации. – М.: Даниловский благовестник, 2007. – 332 с.
6. Kumbier, D., Schulz von Thun, F. Interkulturelle Kommunikation: Methoden, Modelle, Beispiele / D. Kumbier, F. Schulz von Thun. – Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2006. – 351 S.
7. Литвина, Н.В. Старообрядка, правнучка шамана / Н.В. Литвина // II Всероссийский форум «Многоязычная Россия: этнология и киноантропология». Тезисы и материалы. 13-14 апреля 2009 г., г. Екатеринбург. URL: http://ethnobs.ru/other/263/_aview_b18669. Дата обращения: 22.03.2017
8. Поздеева, И.В. В поисках прошлого ради будущего / И.В. Поздеева // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции (Москва, 2014 г.) – М.: Археодоксия, НКТ, 2016. (Мир старообрядчества. Вып. 9.). – С. 12–52.
9. Поздеева, И.В. Территориальная книжная коллекция и задачи комплексных археографических исследований / И.В. Поздеева // Из истории фондов Научной библиотеки Московского университета. – М.: МГУ, 1978. – С. 111–119.
10. Прохоров, Ю.Е. Русские. Коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта, 2006. – 326 с.
11. Рис, Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Н. Рис / пер. с англ. Н. Кулаковой и В.Б. Гулиды; предисл. И. Утехина. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 368 с.
12. Schegloff, E.A. Sequence Organization in Interaction: A Primary in Conversational Analysis / E.A. Schegloff. – Cambridge, New York, Melbourne, Cape Town, Singapore, São Paulo : Cambridge University Press, 2007. – 300 p.
13. Streeck J., Knapp M. L. The Interaction of Visual and Verbal Features in Human Communication / J. Streeck, M. L. Knapp. // *Advances in Nonverbal Communication* / F. Poyatos (ed.). – Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 1992. – P. 1–23.
14. Утехин, И.В. Невопросительные вопросы и интеракционный подход к контексту / И.В. Утехин // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX. Ч. 3. Сборник статей к 60-летию Евгения Васильевича Головки. – СПб.: Наука, 2013. – С. 81–95.
15. Христофорова, О.Б. Икота. Мифологический персонаж в локальной традиции / О.Б. Христофорова. – М.: РГГУ, 2013. – 303 с.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Чикалова И.Р.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БАБИН (1866–1930): У ИСТОКОВ АМЕРИКАНСКОЙ СЛАВИСТИКИ И РОССИЙСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

Алексей Васильевич Бабин, выпускник Санкт-Петербургского историко-филологического института (1887), готовившего гимназических преподавателей, некоторое время работал в столице учителем и библиотекарем Торговой школы на Охте. В 1889 г. он эмигрировал в США. Причина эмиграции была отнюдь не политическая: неудачный выстрел в сосновую шишку, поставленную на голову друга, должно быть навеселе, предложившего «сыграть в Вильгельма Телля», сделал его невольным убийцей [5, с. 212].

С 1891 по 1996 г. Бабин учился в Корнелльском университете, где получил квалификацию профессионального историка. Необходимость платить за учебу вынудила его параллельно работать в университетской библиотеке, что помогло ему овладеть библиотечной профессией. Бабин настолько преуспел в библиотечном деле, что в 1896 г. получил назначение заведующим библиотекой университета в Блумингтоне (штат Индиана). Профессиональная карьера Бабина развивалась более чем успешно – в 1898 г. он переходит в библиотеку Стэндфордского университета. Здесь, помимо библиотечной работы, Бабин преподавал библиографию и вел курсы русского языка. Они стали одними из первых, внедренных в университетах США.

Высокая репутация Бабина как специалиста по работе с большими не каталогизированными книжными коллекциями и знание европейских языков, прежде всего русского, обусловили приглашение Бабина в Библиотеку Конгресса США. В ней он работал на протяжении 1902–1910 гг. сначала «ответственным специалистом в области славянской литературы», а затем заведующим Славянским отделом. На протяжении этих лет Бабин выезжал в Чехию и Россию по заданиям Библиотеки Конгресса, Института Карнеги и других организаций, с целью приобретения архивных материалов и книг для Библиотеки Конгресса. Он организовал покупку собрания профессора М. Хатталы, крупного знатока славянской филологии, члена Богемской и Российской академий наук, преподавателя Пражского университета.

Бабин сыграл решающую роль в покупке Библиотекой в 1906 г. книжного собрания красноярского купца Г.В. Юдина, насчитывавшего около 100 тыс. томов книг и до 500 тыс. рукописных материалов. Юдин первоначально намеревался продать библиотеку в России, но не нашел покупателя, и Юдин, ввиду этого прискорбного для российской культуры обстоятельства, был вынужден пойти на ее продажу в США. Главным посредником стал Бабин, который много раз приезжал в Красноярск, составил библиографический каталог библиотеки на русском и английском языках, а затем участвовал в отправке библиотеки из Сибири в Вашингтон. Уникальное собрание Юдина стало основой фонда Славянского отдела Библиотеки Конгресса. Президент США Теодор Рузвельта приобретение юдинской коллекции считал делом необычайной важности.

В 1910 г. Бабин вернулся в Россию в качестве сотрудника газетного агентства Ассошиэйтед Пресс, чтобы, по его словам, «быть полезным своей родине». Здесь он оказался востребованным. Министерство народного просвещения неоднократно привлекало Бабина к составлению аналитических записок с анализом опыта работы образовательных учреждений Англии и Америки. Он привлекался к работе инспектором народных училищ Изюмского уезда Харьковской губернии, в 1916 г. возглавил народные училища Вологодской губернии, а в 1917 г. стал преподавателем английского языка Саратовского университета. Но главным достижением этого периода было издание в 1912 г. двухтомного труда «История Северо-Американских Соединенных Штатов», рукопись которой была подготовлена еще в США [1]. Об этой книге речь пойдет дальше.

Бабин не воспринял ни Февральскую, ни Октябрьскую революцию 1917 г. и после установления Советской власти оказался в оппозиции к ней. Последние пять лет пребывания в России были заполнены работой в Саратовском университете и сотрудничеством с американской благотворительной организацией АРА, занимавшейся снабжением продовольствием голодающих регионов России. Здесь Бабин написал «Дневник Гражданской войны в России», отразивший

события тех дней и его отношение к ним. Эта книга была адресована американскому читателю, но была издана только в 1988 г. в Лондоне. Бабин в 1922 г. с помощью американских коллег навсегда покинул Советскую Россию и вернулся в Америку.

Здесь с 1922 по 1927 гг. Бабин возглавлял Отдел новых поступлений в библиотеке Корнельского университета. А затем, в 1927 г., он вновь становится руководителем Отдела славянской литературы Библиотеки Конгресса. Главной целью его работы продолжало оставаться стремление сохранить русское культурное наследие за рубежом. Бабин и его русские коллеги, такие же эмигранты, установили прочные связи с русскими эмигрантскими издательствами и книжными магазинами, обработали более 10 тыс. томов юдинской коллекции и документы русских миссий на Аляске, организовали покупку нескольких крупных библиотек, сохранившихся от дореволюционных времен, в том числе принадлежавших русской императорской семье. Все помыслы Бабина были поглощены мыслями о судьбе русских и других славянских собраний. Почти все свои денежные средства он оставил Библиотеке Конгресса «для развития отдела славянской литературы и расширение коллекции русского фольклора, русской литературы, социальной и политической истории России и истории русского изобразительного искусства». Работу Бабина по комплектованию и описанию славянской коллекции Библиотеки Конгресса прервала его кончина, наступившая 10 мая 1930 г.

Заслуги Бабина как крупнейшего специалиста в области американской славистики, библиографии и архивного дела получили профессиональное признание в американском и российском научных сообществах. В этих областях его роль неоспорима, а деятельность оказала существенное влияние на развитие русско-американских научных и культурных связей. Об этом развернуто писали Е.Г. Пивоваров [13–14], Э. Казинец [10], О.И. Ефимова и И.Г. Хомякова [8], А.А. Преображенский [15]. Эти авторы акцентируют внимание на личности Бабина как русского специалиста, работавшего в наиболее престижных образовательных и научных центрах США, его практической деятельности по сбору материалов России, главным образом, организатора покупки от имени Библиотеки Конгресса коллекции Г.В. Юдина. Но это направление профессиональных занятий Бабина оказалось не единственным в его профессиональной биографии. Бабин, как было отмечено выше, явился одним из зачинателей русской исторической американистики.

Как сообщает Е.Г. Пивоваров, изучавший в США архивные фонды Бабина, он (Бабин) в годы реэмиграции написал ряд публицистических, исторических и художественных произведений, посвященных русской революции. Все они пронизаны мыслью о том, что императорская Россия была уничтожена вследствие сионистского заговора. Бабин не скрывал своих симпатий к тем, кто боролся с новой властью. Главной виновницей бедствий страны Бабин считал слабую, подверженную революционным и атеистическим теориям интеллигенцию. В рукописях публицистических статей Бабина нет и следа либеральных идей, их автор пропагандирует крайне монархические взгляды. Вероятно, поэтому, предполагает Пивоваров, они никогда и не были опубликованы в американской прессе или специальных изданиях [13].

Но и советские историки замалчивали результаты изысканий дореволюционных российских американистов, включая Бабина. Одни, сложившиеся как ученые еще в дореволюционной России и продолжавшие работать в СССР, вообще «не видели» российских американистов. В.А. Бутенко в 1922 г. опубликовал статью «Наука Новой истории в России», в ней об американистике – ни слова [6]. Академик В.П. Бузескул, с 1880 по 1931 г. работавший в Харьковском университете, в 1929–1931 гг. издал фундаментальный, в 104 печатных листа, труд: «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», переизданный в 2008 году. Американистику как научное направление Бузескул вообще не рассматривает, лишь единожды назвав – без анализа содержания – статью А.С. Трачевского «Очерки исторического развития Америки» («Беседа», 1872, т. 6, № 11, с. 124–184) [5]. Историческая наука в СССР практически полностью предала забвению дореволюционные труды тех авторов-американистов, которых можно было отнести, во-первых, к сторонникам буржуазно-либерального направления и, во-вторых, к идейным противникам Октябрьской революции и Советской власти. В этой обойме оказался и Бабин. Известный советский историк член-корреспондент АН СССР и член-корреспондент АПН СССР А.В. Ефимов следующим образом характеризовал труды дореволюционных американистов: «Имеющаяся же на русском языке немарксистская литература дает чудовищно извращенную картину истории США. Так, например, русский эмигрант, переселившийся в Америку в 90-х годах прошлого столетия, А.В. Бабин, 20 лет заведовавший Славянским отделом библиотеки конгресса, опубликовал два тома “Истории САСШ”

(СПб, 1912), в которой всячески восхваляются рабовладельцы. Есть еще несколько работ, написанных кадетскими или кадетствующими историками (Мижув, Афанасьев, Фортунатов) в плане самой неуместной идеализации американской буржуазной демократии» [7, с. 424–425]. Удивительно, где Ефимов увидел в труде Бабина «всяческое восхваление рабовладельцев», но это – дань времени: не хвалить же было одному их лидеров советской, а значит марксистской, исторической науки «кадетствующих» историков. Позже советские историки ушли от столь уничижительных оценок, но были достаточно сдержаны. Показательна позиция крупнейшего советского американиста Н.Н. Болховитинова, являвшегося с 1987 г. членом-корреспондентом АН СССР, а с 1992 г. академиком РАН. Он имел научную репутацию как одного из «наиболее авторитетных американистов советского и постсоветского периода», который «на протяжении нескольких десятилетий был кем-то вроде “хранителя дискурса” в отечественной американистике» [19]. В статье 1981 г. Болховитинов, подводя итоги изучения в СССР русско-американских отношений, счел возможным упомянуть, причем не оценивая научные результаты, имена лишь нескольких дореволюционных исследователей: «пристального внимания заслуживают американские впечатления и литературная деятельность Г.А. Мачтета, П.А. Дементьева (Тверского), М. Владимировича». Упомянул Болховитинов и М.М. Ковалевского и М.Я. Острогорского, «которые не только посещали Соединенные Штаты, но и оставили после себя обстоятельные научные труды» [3, с. 66]. Как следует из текста, в приведенном перечне историков, «заслуживающих внимания», имени Бабина, как и многих других дореволюционных американистов, таких как Фортунатов, Мижув и многие другие, нет. Болховитинов, признав определенные заслуги дореволюционных российских специалистов по США, отнес их к категории “компильтивистов”, то есть не самостоятельных исследователей, отказал им в праве считаться основателями российской американистики [19].

Суждения Н.Н. Болховитинова на протяжении ряда лет определяли взгляды советской, а затем и начальной постсоветской, американистики на американистику дореволюционной России. Даже в начале 2000-х годов Е.Г. Пивоваров в диссертации и монографии о научно-педагогической и просветительской деятельности Бабина вообще не счел возможным останавливаться на его научно-теоретическом наследии как «не оказавшем серьезного влияния на развитие исторической мысли», хотя и «расширившего представление своих русских современников о культуре и истории заокеанской республики». Внимание Пивоварова в труде Бабина привлек лишь один момент – негативная оценка Американской революции, которую Бабин расценил ее как нарушение естественного хода общей для англосаксонских стран истории, время разрухи, анархии, всевластия политических дельцов [13, 14].

Но полное отрицание научной ценности дореволюционной российской американистики не стало всеобщим и постепенно начало уступать место более взвешенным подходам. Еще в 1990 г. авторитетнейший советский американист Г.П. Куропятник, один из авторов фундаментальной четырехтомной «Истории США» и многих других книг, в 1990 г. опубликовал рецензию на книгу Роберта В. Аллена «Представления об Америке в России до 1917 г.». В ней нет и следа отрицания значения трудов российских американистов дореволюционной поры. Напротив, Куропятник пишет: «Книга заканчивается своеобразным призывом Аллена к американским историкам использовать в своих исследованиях богатейший фактический материал русских источников и литературы, изданных до 1917 года... Аналогичный призыв можно, конечно, направить и нашим молодым исследователям, тем более что в наших книгохранилищах количество материалов по именно по данной теме, безусловно, превосходит богатую коллекцию Библиотеки Конгресса США» [12, с. 184].

С уменьшением идеологического давления в годы «перестройки» постепенно начали приобретать и большую объективность взгляды на творчество дореволюционных американистов. Дискуссий по поводу научной значимости творчества дореволюционных американистов, конечно, не было, но и безусловно негативное отношение к ним ушло в прошлое. Изменились подходы и самого Н.Н. Болховитинова, который расширил круг заслуживающих внимания авторов трудов по истории, экономике, политике и культуре Америки. В 2000 г. он писал: «Первой оригинальной книгой о Соединенных Штатах стала работа известного литератора и художника П.П. Свинына (1814), которая хотя и не может считаться настоящим историческим исследованием, тем не менее примечательна во многих отношениях. <...> Многочисленными достоинствами отмечена и книга другого русского дипломата, побывавшего в США в первой четверти XIX в. – Петра Ивановича Полетики. <...> Интересные и оригинальные мысли об американской цивилизации в первой половине XIX в. высказал русский путешественник, уче-

ный-географ Платон Александрович Чихачев, который... опубликовал в 1839 г. в журнале «Отечественные записки» примечательную статью (1839, т. 3, отд. 2, с. 54–70). <...> При всем значении первых русских работ о Соединенных Штатах, принадлежавших перу наблюдательных очевидцев событий, все они, строго говоря, не были написаны настоящими историками, хотя и содержали много ценных наблюдений и фактов по истории молодой республики. Первой такой работой можно считать, пожалуй, труд харьковского профессора [Д.И. Каченовского – И.Ч.] об известном американском политике и государственном деятеле сенаторе Даниеле Уэбстере, опубликованном в журнале «Русский Вестник» в 1856 г.». Болховитинов называет также имена А.В. Лохвицкого, П.А. Тихменева и продолжает: «Все чаще стали публиковаться и оригинальные работы русских авторов, включая многочисленные популярные книги по американской истории П.Г. Мижуева, а также курс истории США А.В. Бабина, основанный на широком использовании специальной американской литературы и документальных источников. Заслуживает упоминания также книга М.Н. Ковалевского по истории американской конституции. А также его оригинальные статьи об аграрном законодательстве в США, местном самоуправлении и национальном характере американцев. Но, пожалуй, только труд М.Я. Острогорского по истории американской политической системы получил международное признание и оказал влияние на развитие историографии в самих Соединенных Штатах. К сожалению, на родине ученого эта оригинальная работа осталась почти неизвестной, и только много лет спустя ее наконец перевели с французского языка на русский. В течение ряда лет книга использовалась в качестве учебного пособия для вузов, но тем не менее какого-нибудь серьезного влияния на изучение истории США в СССР не оказала» [2, с. 48, 49, 52–53].

Тем не менее российские исследователи уже в том же 2000 г., когда были опубликованы приведенные выше рассуждения Болховитинова, считали возможным использовать в качестве источника книги дореволюционных американистов. Например, Е.Ю. Сергеев в статье «Образ США в представлениях россиян (начало XX века)» сослался на труды П.И. Попова («В Америке», 1906) и Н.А.Бородин («Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия», 1915) [18, с. 237, 238, 239, 240, 241]. В последующие годы внимание к «старым» американистам еще более усилилось, а оценки их вклада приобрели позитивный оттенок. Авторы публикации «Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики» сочли, что «московский историк С.Ф. Фортунатов (брат выдающегося русского лингвиста Ф.Ф. Фортунатова) и известный социолог М.М. Ковалевский, затем еще один социолог П.Г. Мижуев и историк А.В. Бабин представили отечественной публике свод некоторых базовых сведений об истории американской нации, устройстве ее весьма специфических по тем временам политических институтов». И более того, «в качестве “нарративной истории”» двухтомник А.В. Бабина «История Соединенных Штатов Америки» «на порядок превосходит все, что было опубликовано с тех пор на эту тему в России и СССР» [19, с. 181–207].

Кардинально изменился – от предвзятости к объективности – сам подход к определению роли и места дореволюционной американистики. Высоко оценили досоветскую американистику А.И. Кубышкин и И.А. Цветков, по мнению которых «серьезное изучение США началось в России еще задолго до революции 1917 года, и началось оно именно в Петербурге. Уже к началу 20 века петербургская американистика представляла собой вполне зрелое научное направление, представленное такими именами как А.П. Лопухин, И.Х. Озеров, М.М. Ковалевский, П.Г. Мижуев, А.В. Бабин, Н.А. Бородин. Только последовавшие бурные политические события помешали тогда ее становлению в качестве самостоятельной научной дисциплины. Революция 1917 г. практически разрушила традицию американских исследований в России, насчитывавшую несколько десятилетий истории, а большинство ученых либо эмигрировали, либо сменили род занятий, либо погибли» [11, с. 107].

Научные характеристики трудов дореволюционных российских американистов стали благожелательно взвешенными. Признали, что до октября 1917 г. либералы-западники вносили определенный вклад в становление российской американистики, не исключая вместе с тем неизбежную при обращении к любому исследованию, тем более исследованиям прошлых эпох, критику. О двухтомнике Бабина начали говорить в том духе, что он из всех дореволюционных работ по американистике «в наибольшей степени соответствовал принятым в то время канонам научного исследования». Сочли справедливым признать, что «в своей насыщенной фактическим материалом книге, именно вследствие этого рекомендуемой к изучению в университетских курсах, Бабин обратил основное

внимание на политическую и экономическую историю США», отдал должное происходившему в США «феноменальному экономическому прогрессу» и «росту народного благосостояния, беспрецедентному в истории». При этом констатировали: Бабин, «будучи консерватором и сторонником сильной центральной власти, дал в целом негативную оценку Американской революции, поскольку считал ее нарушением естественного хода общей для англосаксонских стран истории, временем разрухи, анархии и всевластия бесчестных политических дельцов», указал на «поглощающую американцев погоню за наживой и разлагающее влияние капитализма на правительство и систему правосудия» [17, с. 677, 679]. Достоинства труда Бабина даже сочли сопоставимыми с новейшими достижениями постсоветской американистики. Имея в виду труд Э.А. Иваняна [9] констатировали: «заметим между строк, что “компилятивист” А.В. Бабин ничуть не реже Э.А. Иваняна использует в своем тексте документальные источники. Например, характеристика Континентальной армии времен Войны за независимость построена у него на цитатах из писем Дж. Вашингтона (с. 292–294), Статьи Конфедерации и Конституцию 1787 г. он анализирует с приведением полных текстов этих документов и т.п. Одновременно, Бабин подробно, с множеством красочных деталей, рассказывает обо всех перечисленных эпизодах американской истории 1750-х гг. В чем же, спрашивается, состоит позитивный итог развития отечественной американистики с 1912 по 2004 г.?» [19, с. 181–207].

Не вызывает сомнения, что двухтомный труд Бабина «История Северо-Американских Штатов» заслуживает пристального внимания как один из первых по времени выхода в свет. Конкурентом ему составляет только более ранний по времени опубликования труд П.Г. Мижуева «История великой американской демократии (Северо-Американских Соединенных Штатов)» (СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1906) [См. о нем: 21]. Труд Бабина, безусловно, наиболее обширный по широте развернутой панорамы и объему показанных событий. Будет нелишним напомнить еще раз, что Бабина реализовать себя как историка в двухтомной «Истории Северо-Американских Соединенных Штатов» позволило профессиональное историческое образование, полученное в американском университете, т. е. он не любитель-энтузиаст, а специалист с большим опытом работы с книжными и документальными источниками. Мотивы обращения к американской истории Бабин объяснил исчерпывающе: «Интерес к истории великой трансатлантической республики и доступность материалов навели автора на мысль познакомить своих соотечественников с нетронутой русскими историками главой “священной книги народов”. Первые главы настоящего труда были написаны (1895–1896) во время службы автора помощником в библиотеке Корнелльского университета, последующие – при университетах штата Индиана (1896–1898) и Стэнфордском (1898–1901), где автор занимал должность директора библиотек, а последние – при Библиотеке Конгресса в Вашингтоне (1902–1910), Славянским отделом которой автор заведовал. <...> Специальные условия, в которые автор был поставлен по отношению к этим учреждениям, дали ему возможность использовать американские книжные сокровища в немыслимом для большинства иностранцев объеме. При университетах автор пользовался, кроме книг, помощью сослуживцев-профессоров и считает себя особенно обязанным покойному М.К. Тайлеру (Корнелль), Д.А. Вудбёрну (Индиана), К.А. Дёнивею и М.Фарраду (Станфорд)» [1, т. 1, с. 1–2].

Первый том труда Бабина представляет собой последовательное описание хода создания и развития каждой из североамериканских колоний Англии вплоть до образования США – это были Виргиния, Мериленд, Северная Каролина, Южная Каролина, Джорджия, Пенсильвания, Нью-Джерси, Новый Плимут, Массачусетс, Кеннетикут, Нью-Хевен, Род-Айленд, Нью-Хемпшир. Затем следует изложение истории вновь образованного единого государства с делением на периоды, каждый из которых составляет время законодательной власти избранного президента. Главы соответственно называются: «Правление Вашингтона», «Правление Д. Адамса», «Правление Джефферсона», «Правление Мэдисона», «Правление Монро», «Правление Д. К. Адамса». Завершает том обобщающая глава «Соединенные Штаты в 1830 году». Второй том аналогичен по структуре и включает главы: «Правление Джексона и Ван Бюрена», «Правление Вильяма Х. Харрисона и Д. Тайлера», «Правление Пока», «Правление Тейлора и Филлмора», «Правление Пирса», «Правление Бюканана», «Соединенные Штаты в 1860 году», «Правление Линкольна», «Правление Джексона», «Правление Гранта», «Правление Хейса», «Правление Гарфильда и Артура», «Правление Кливленда», «Правление Вениамина Харрисона», «Второе правление

Кливленда», «Правление Маккинли», «Правление Рузвельта» и, наконец, «Соединенные Штаты в 1910 году».

Может сложиться мнение, что исследование в подобном нарративном ключе, «по президентам», являет собой безнадежно устаревшую архаику. Даже современники Бабина упрекали его за такой подход к изложению истории США, которая у Бабина, по мнению рецензента журнала «Исторический вестник», «не столько история страны, сколько история президентов и несколько утомительно читать биографии всех президентов». Это не так. Тот же рецензент признает, что автор «иногда старается дать объяснение наиболее крупным явлениям американской жизни» [16, с. 662]. Главы, маркером которых является имя президента, вовсе не являются жизнеописанием каждого из них, хотя элементы биографий, что вполне оправдано, присутствуют. Например, в главе «Правление Линкольна» ключевым сюжетом является анализ Гражданской войны, в других главах равным образом раскрыты определяющие моменты истории страны.

Описание событий прошлых эпох «по президентам» не потеряло своей актуальности. Сошлюсь на книгу Э. А. Иваняна «История США», вышедшую в 2004 г. под грифом «учебное пособие» Министерства образования Российской Федерации. Не буду приводить всю ее структуру, ограничусь одним (он не единственный) примером главы IX: «Администрация Р. Хейса», «Администрация Ч. Артура», «Внутриполитическая и экономическая ситуация», «Первая администрация Г. Кливленда», «Первая администрация У. Маккинли», «Испано-американская война», «Незавершенное президентство» [9, с. 570]. Если нет оснований критиковать Иваняна за рассмотрение истории США «по президентам», то тем более не заслуживает порицания и Бабин. В общем, важнее не «как», а «что» сказал автор, в данном случае – Бабин. Прежде всего, следует отметить детальное описание исторических событий, основанное на документальных источниках. Нет возможности из-за большого количества назвать все, но можно достоверно утверждать, что в двухтомнике нашли место важнейшие акты американской истории, органично вмонтированные в канву изложения и позволяющие зримо представить ход мыслей и намерений участников событий. Приведу лишь отдельные примеры. Воспроизведено «Заявление о правах и притеснениях колонистов в Америке», принятое т.н. «Гербовым конгрессом» в октябре 1765 г. в Нью-Йорке. Без купюр процитирована «Декларация независимости». Приведен полный текст Конституции США. Документальные иллюстрации подобного рода в труде Бабина использованы во множестве. Насыщенность текста конкретикой – фактами, документами эпохи – убеждают в достоверности изложения и помогают понять логику и умозаключения автора.

Труд А.В. Бабина «История Северо-Американских Штатов», которому исполнилось 105 лет со дня издания в России, должен по праву занять заслуженное место в истории американистики. К автору можно предъявлять претензии с точки зрения трактовки отдельных событий, но объем и полнота изложения фактического материала делают его книгу полезной и в наши дни. И не будем забывать, что это был первый столь фундаментальный труд по истории США, написанный русским автором для российского читателя. За это Бабин заслуживает особой признательности наряду с его неоспоримыми заслугами в деле сохранения русского библиотечного и документального наследия в хранилищах Соединенных Штатов Америки.

1. Бабин, А.В. История Северо-Американских Штатов А.В. Бабина, магистра истории Корнелльского университета: в 2 т. / А.В. Бабин. – СПб.: Тренке и Фюсно, 1912. – Т. 1. – 493 с.; Т. 2. – 472 с.
2. Болховитинов, Н.Н. Российская американистика (1814–1999) / Н.Н. Болховитинов // Исторические записки. – М.: Наука. – 2000. – № 3(121). – С. 48–64.
3. Болховитинов, Н.Н. Изучение русско-американских отношений: некоторые итоги и перспективы / Н.Н. Болховитинов // Новая и новейшая история. – 1981. – № 6. – С. 66.
4. Бузескул, В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В.П. Бузескул. – М.: Индрик, 2008. – 832 с.
5. Булдаков, В.П. Дневник русской Гражданской войны: Алексис Бабине в Саратове. 1917–1922 [Рец. на книгу: A Russia Civil War Diary. Alexis Babine in Saratov, 1917–1922; Ed. By D. Raleigh. Durham and London: Duke University Press, 1988. 240 p.] / В.П. Булдаков, В.П. Дмитренко // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 212–213.
6. Бутенко, В.А. Наука новой истории в России / В.А. Бутенко // Анналы. – 1922. – № 2. – С. 129–167.
7. Ефимов, А.В. Очерки истории США. От открытия Америки до окончания гражданской войны / А.В. Ефимов. – 2-е изд. – М.: Учпедгиз, 1958. – С. 424–425.
8. Ефимова, О.И. Деятели российской и американской книжной культуры Алексей Васильевич Бабин (1866–1930) [Электронный ресурс] / О.И. Ефимова, И.Г. Хомякова // Культура и образование. – 2014. – № 10. – Режим доступа: <http://vestnik-gzi.ru/2014/10/2530>. – Дата доступа: 11.02.2017.
9. Иванян, Э.А. История США. Пособие для вузов / Э.А. Иванян. – М.: Дрофа, 2004. – 576 с.
10. Казинец, Э. Славянские книги и книжники: (об А.В. Бабине) / Э. Казинец // Книга: исследования и материалы. Сб. 66. – М., 1993. – С. 204–212.

11. Кубышкин, А.И. Петербургская американистика после окончания «холодной войны» / А.И. Кубышкин, И.А. Цветков // Новая и новейшая история. – 2016. – № 1. – С. 106–116.
12. Куропятник, Г.П. Роберт В. Аллен. Представления об Америке в России до 1917 г. / Г.П. Куропятник // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. – С. 183–184.
13. Пивоваров, Е.Г. А.В. Бабин (1866–1930) / Е.Г. Пивоваров. – СПб. : Петрополис, 2002. – 192 с.
14. Пивоваров, Е.Г. Научно-педагогическая и просветительская деятельность А.В. Бабина (1866–1930 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 // Е.Г. Пивоваров; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2002. – 25 с.
15. Преображенский, А.А. Коллекция Г.В. Юдина в государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор) / А. А. Преображенский // Археографический Ежегодник Академии наук СССР. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 268–269.
16. П.В. [Рецензия]: Бабин А.В. История Северо-Американских Штатов / П.В. // Исторический вестник. – 1912. – Т. 128. – С. 662.
17. Россия и США: познавая друг друга. Сборник памяти академика Александра Александровича Фурсенко. – СПб. : Изд. «Нестор-История», 2015. – 410 с.
18. Сергеев, Е.Ю. Образ США в представлениях россиян (Начало XX века) / Е.Ю. Сергеев // Россия и мир глазами друг друга. Из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М. : Ин-т Российской истории, 2000. – С. 235–246.
19. Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Ин-т Кеннана Международного научного Центра им. В. Вильсона. – Волгоград, 2009. – С. 181–207.
20. Чикалова, И.Р. П.А. Тверской: очерки американской жизни в российских общественно-политических журналах / И.Р. Чикалова // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8 / под ред. Т. В. Алентьевой, М. А. Филимоновой. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2016. – С. 350–371.
21. Чикалова, И.Р. У истоков российской американистики: Павел Григорьевич Мижув (1861–1931) / И.Р. Чикалова // Соединенные Штаты Америки: история, политика, культура. Сб. науч. ст. / Институт истории НАН Беларуси; ВГУ имени П.М. Машерова. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 11–38 (в печати).

Маловичко С.И.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК В СИСТЕМЕ ВИДОВ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В XIX в. в российской повествовательной практике получает большое распространение такой вид литературы, как «очерк». В современном литературоведении «очерк» определяется как жанр художественной прозы, которому присуще «огромное разнообразие форм; границы, отделяющие О[черк] от других эпических жанров, весьма условны. Признаки, присущие О[черку], зыбкие в том смысле, что каждый из них в отдельности не чужд другим жанрам» [21, с. 253].

Профессионального историка не могут не заинтересовать часто встречающиеся в пространстве научной литературы названия, как например, «Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур: монография» (2015) [14]. Позиционируемое в самоназвании научного издания – «очерк» = «монография» позволяет дополнить определение литературоведов: в современной культуре минимизированы представления о классификационных признаках видов исторических произведений, в первую очередь – очерка.

В этой связи представляется крайне важным рассмотреть вопрос об историческом очерке в предметном поле актуального исторического знания – источниковедения историографии. Объектом источниковедения историографии является система видов историографических источников (произведений историков), реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного, но в докладе я обращаю внимание на функционирование «очерка» как историографического источника лишь в научном познании.

Практика презентации исторического знания в виде «очерка» начала формироваться в России в Новое время и разновидности этого исторического источника («опыт», «очерк») были порождены переводом на русский язык французского слова «essai» (русск. – опыт, очерк) [12, с. 368–369] и немецкого «Umriss» (русск. – контур, очертание, начертание, очерк) [5].

«Опыт» получил меньшее, чем «очерк», распространение в практике историописания. Авторы XVIII – начала XX в. объясняли выбор названия тем, что: 1) это первая попытка связно расположить исторический материал; 2) рассматриваемый вопрос недостаточно полно разработан (в отличие от «систематического исследования»); 3) «опыт» – это «собственное испытание» [20, с. X; 2, т. 1, с. 1–12, т. 2, с. 2; 5, с. IV]. Отмеченные историками черты, в общем, соответствуют характеристике эссе в современном «Оксфордском английском словаре» [см.: 24, vol. III: “E”, p. 293].

Другая разновидность «очерка» – собственно очерк – также появляется в XVIII в., но вплоть до 40-х гг. XIX в. в самоназвании книг присутствует слово «начертание». Чаще оно указывалось в учебной или популярной литературе по истории [см., напр.: 19]. Уже в XVIII – первой половине XIX в. очерковая практика историописания (как ее охарактеризовал В.И. Даль: «Письменное

краткое и легкое [популярное] описание чего, в главных чертах» [9, т. II, с. 804]) выделяется рядом классификационных признаков. Авторы этих произведений манифестировали такие признаки: 1) краткое (но достаточное для усвоения) собственное изложение [2, с. 2]; 2) популярность («для людей всякого возраста») [13, с. 5]; 3) «несовершенство» [13, с. 5] (вероятно, по отношению к «систематическому» исследованию).

Позитивизм повлиял на модель исследовательской практики историков. Научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы (из которой нужно было добывать исторические факты) и основанном на фактах конструировании в первую очередь – политической истории.

Однако, получавшая распространение в российской историографии с 60-х гг. XIX в. практика изучения негосударственного объекта – истории отдельной земли (части государства) создала для историков сложность источникового и теоретического характера. Д.А. Корсакову, М.В. Довнар-Запольскому, А.С. Грушевскому, Д.И. Багалю и др. оказалось сложным связать объект исследования с линейной историей государственной централизации. Обращение не только к политическим, но и к социальным, а также культурным проблемам не позволяло историкам похвастаться репрезентативностью источниковой базы (один из важнейших критериев монографии) [15, с. II]. По мнению исследователей, исторические источники еще не подверглись достаточной критике, поэтому историки замечали: «намеченные вопросы <...> требуют более тщательной и полной обработки» [11, с. IV], неполнота «источников делала неизбежными перерывы в историческом изложении» [8, ч. 1, с. I], «многие пробелы <...> ясны мне самому» [10, с. VII–VIII; 3, с. XV] и т.д. Добросовестная/позитивистская рефлексия о недостатке признаков, которые позволяют считать работу монографией, привела к появлению в практике научных исследований второй половины XIX в. многочисленных «очерков».

Появление новой модели презентации научного исторического знания способствовало началу формирования нового вида историографических источников – *научное исследование*, но образ «монографии» как идеала профессионализма своей тенью затмевал видовые признаки иного вида научных произведений, модель которого больше соответствовала исследовательской практике историков. Научное исследование как вид историографических источников характеризуется достаточной для выдвижения научных гипотез источниковой базой, но в отличие от монографии ему с войственно отсутствие обоснования ее репрезентативности и наличие несколько тем, показавшихся исследователю достаточными для презентации актуальной научной проблемы [см.: 12, с. 532–533]. Несмотря на то, что высокое научное качество таких исторических произведений позволяло их авторам получать магистерские и докторские степени, историографическая культура (за присущую им «недостаточность») закрепила за ними – название «очерк». Таким образом, в историописании начинают сосуществовать две модели исторических очерков: 1) популярная история [см.: напр.: 23], 2) научные исследования.

В ситуации кризиса классической европейской модели исторической науки конца XIX – начала XX в. историки стали активнее обращать внимание на исторические структуры, которые позволяли не разворачивать в тексте привычную линейную последовательность истории, а анализировать их в виде отдельных процессов – социальных, культурных, политических, социально-политических и т.д. В период складывания неклассической модели исторической науки в авторских самоназваниях исторических произведений слово «очерк» начинает присутствовать в тех исследованиях, модель которых все в большей степени не отвечает данной выше видовой характеристике. Их авторы уже даже не актуализируют признак «недостаточности». Так, в «Очерках по истории русской культуры» П.Н. Милюков изучал несколько тем, причем не в линейной перспективе, а в виде синхронических процессов. Кроме того, он проводил исследование в рамках нового зарождавшегося направления – культурная история [17, ч. 1, с. 18–19]. Такая же практика исследования оказалась присуща «Очеркам из истории римского землевладения» И.М. Гревса, изучавшего взаимосвязанные темы («отдельные разыскания») и поэтому «отступившего» от требований «строгой архитектоники» (монографии) [7, с. XV–XXI]. Основной причиной вынесения в самоназвание работ слова «очерки» становится неотрефлексированность цели акта историописания самими авторами. Исторические произведения Милюкова и Гревса имеют видовые признаки *научного исследования*.

В новейшей российской историографии в самоназваниях книг можно встретить обе разновидности (собственно «очерк» и «опыт») такого исторического источника, как «очерк».

Исследователю историографии приходится внимательно относиться к классификационным характеристикам, которые дают как сами авторы научных работ, так и издательства. Присутствие в самоназвании исторических произведений слова «опыт» еще не значит, что оно имеет его классификационные признаки [см., напр.: 18; 1]. Часто встречаются книги историков под названием «Очерки...», обозначенные в аннотациях как «монография» [16; 22], свидетельствующие о несоответствии указаний видовой принадлежности историографического источника в подзаголовке и в аннотации. Несмотря на саморефлексию авторов указанных трудов о собственном произведении как «очерке» или «монографии», исследователь историографии, ищущий строгие научные основания для историографического анализа, найдет в них основные признаки *научного исследования*. Этот вид – не является «хуже» других видов историографических источников (например – монографии), он просто другой по отношению к ним. Источниковедческий подход к произведениям историков дает возможность прояснить многообразие видов и типов исторического знания и способов его презентации. Он позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, дает возможность выявить влияние культуры эпохи на практику историописание.

1. Алексеев, С.В. Праваляне. Опыт историко-культурной реконструкции / С. В. Алексеев. – М. : Академический проект, 2015. – 430 с. – (Русская история: эпохи).
2. Ахенвалль, Г. Начертание истории знатнейших европейских государств / соч. Готтфридом Ахенваллом ; пер. с нем. В. Светов. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1779. – 353 с.
3. Багалей, Д.И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам) : в 2 т. / Д.И. Багалей. – Харьков : паровая тип. и литогр. М. Зильберберг и с-вья, 1898–1904.
4. Багалей, Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства : исследование Д.И. Багалей. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. – 635 с.
5. Виноградов, В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык» / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 1142 с.
6. Готье, Ю. [В.] Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. Готье. – М. : тип. Г. Лесснера и Д. Собко, 1906. – 611 с.
7. Гревс, И.М. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи) / И.М. Гревс. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. – 678 с.
8. Грушевский, А.С. Пинское Полесье. Исторические очерки : в 2 ч. – Киев : тип. Императорского университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новикова, 1901–1903.
9. Даль, В. [И.] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в IV т. – 2-е изд. – СПб. ; М. : Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
10. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев : Универ. тип., 1896. – 285 с.
11. Довнар-Запольский, М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия / [соч.] М. Довнар-Запольского. – Киев : типо-лит. И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киевск. отд., 1891. – 179 с.
12. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др. ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
13. Кайданов, И. [К.] Начертание истории Государства Российского / сост. проф. ист. наук в Имп. Царско-Сельском Лицее... и кавалером Иваном Кайдановым. – СПб. : тип. Мед. деп. мин-ва внутр. дел, 1829. – 490 с.
14. Козулин, В.Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур: монография / В. Н. Козулин. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. – 150 с.
15. Корсаков, Д. [А.] Меря и Ростовское княжество: очерки из истории Ростово-Суздальской земли / Д. Корсакова. – Казань : Универ. тип., 1872. – 266 с.
16. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б.Г. Литвак. – М. : Наука, 1979. – 296 с.
17. Милоков, П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч., 2 вып. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1896–1903.
18. Наше Отечество: Опыт политической истории / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Пивовар Е.И. и др. : в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1991.
19. Погодин, [М.П.] Краткое начертание русской истории, сокращение гимназического курса / соч. проф. Погодиным. – М. : тип. Н. Степанова, 1838. – 116 с.
20. Рычков, П.[И.] Опыт Казанской истории древних и средних времен / соч. Петром Рычковым. – СПб. : при Имп. Акад. наук, 1767. – 252 с.
21. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : Просвещение, 1974. – 509 с.
22. Фроянов, И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1980. – 256 с.
23. Шубинский, С.Н. Исторические очерки и рассказы / С.Н. Шубинского. – СПб. : тип. М. Хана, 1869. – [4], 228 с.
24. The Oxford English Dictionary : in 20 vol. – Oxford : The Clarendon Press, 1989.

Румянцева М.Ф.

МОНОГРАФИЯ КАК ВИД ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Две модели источниковедения историографии. Предметное поле *источниковедения историографии* в контексте интеллектуальной истории вызывает нарастающий интерес историков, поскольку практикуемые здесь подходы позволяют, при грамотном использовании, сделать историографический анализ более тонким и одновременно более строгим. В *источниковедении*

историографии сосуществуют две парадигмально различные модели, каждая из которых – по факту – акцентирует одну из двух составляющих этого понятия.

Источниковедение историографии выстраивается по образцу так называемого «проблемного» источниковедения в контексте «проблемной» же историографии (напр.: Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 452 с.; Петровская И.Ф. Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII – начала XX века. М.: Музыка, 1989. 320 с.). В этом случае историографический источник определяется как «всякий источник познания историографических явлений» [6, с. 112], что предопределяет прагматический (если не сказать утилитарный) характер обращения к нему.

Источниковедение историографии ориентируется на понимание историографического источника как «произведения историка, реализующего функции презентации и позиционирования исторического знания как научного, так и социально ориентированного» [4, с. 209], что заставляет акцентировать внимание на его имманентных свойствах, в том числе и на характере его включенности в историографическую культуру, который определяется видовой природой историографического источника.

Таким образом, если при первом подходе возможны разнообразные варианты систематизации «историографических источников», понимаемых как источники, используемые в историографическом исследовании, – в зависимости от целей и задач самого этого исследования (например, изучение биографии историка, его «творческой лаборатории», трансформации его воззрений etc), то при втором подходе главное – провести классификацию историографических источников, исходя, – как это и принято в источниковедении, – из имманентных свойств самого историографического источника, обусловленных целеполаганием/социокультурной функцией.

Постановка проблемы. Вряд ли кто из историков возразит, что наиболее «научным» жанром/видом историографических источников является *монография*. Но это не единственная причина, по которой стоит обратиться к анализу этого вида историографических источников. Еще более важно, вероятно, то, что под монографию «мимикрируют» (по разным причинам, включая конъюнктурные, а часто – по воле/конъюнктурным соображениям издателя) другие виды историографических источников. Таких примеров колоссальное множество, но приведем только один: в библиографической полоске русского перевода книги Аллана Мегилла «Историческая эпистемология» (М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.) определен ее «жанр» – «научная монография», хотя с точки зрения источниковедения историографии труд А. Мегилла монографией не является (что можно заподозрить уже по его названию). Но здесь сразу же – еще до анализа видовой природы этого произведения – привлекает внимание словосочетание «научная монография». На первый взгляд, такое определение явно тавтологично, но это – на взгляд человека науки. Однако существует сфера, в которой такое определение существует – это библиография.

Конечно, историк – и не только специалист в области источниковедения историографии – должен уметь самостоятельно определять вид историографического, равно как и любого другого исторического, источника, но стоит обратиться к опыту библиографии, как минимум, по двум причинам: во-первых, эта классификация широко используется в библиографических ресурсах; во-вторых, в силу широкого позиционирования библиографической информации (включая библиографическую полосу изданий) она часто вводит в заблуждение неопытных историков, в том числе студентов – магистрантов – аспирантов.

Монография в классификации системы СИБИД. Обратившись к библиографической классификации историографических источников², обнаружим, что ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения» системы СИБИД (стандартов по информации библиотечного и издательского дела) определяет монографию как «научное или научно-популярное издание, содержащее полное и всестороннее исследование одной проблемы или темы и принадлежащее одному или нескольким авторам» [1]. Это определение не содержит четкого идентифицирующего признака/признаков – понятия «полное и всестороннее» весьма условны и, в свою очередь, нуждаются в прояснении. К тому же исследователь вряд ли согласится с объединением в одном кластере научного и научно-популярного издания. Но заметим, что, систематизируя издания по целевому назна-

² Оставим за рамками рассмотрения вопрос, является ли описанный ГОСТ 7.60-2003 способ упорядочения издательской продукции классификацией или систематизацией и предпочтем менее строгий термин – систематизация, отметив, что система СИБИД выполняет по преимуществу прагматические функции. Надо учитывать, что ГОСТ 7.60-2003 систематизирует издания, поэтому такие виды историографических источников, как, например, статья или научный доклад, в этой систематизации отсутствуют.

чению (что принципиально важно для источниковедения) ГОСТ выделяет, в числе прочих, научное издание («издание, содержащее результаты теоретических и (или) экспериментальных исследований, а также научно подготовленные к публикации памятники культуры и исторические документы») и научно-популярное издание («издание, содержащее сведения о теоретических и (или) экспериментальных исследованиях в области науки, культуры и техники, изложенные в форме, доступной читателю неспециалисту») [1]. И только систематизируя издания «по характеру информации», объединяет «научные» и «научно-популярные» монографии в одну группу, что может быть объяснено с парадигмальных позиций.

Монография: парадигмальная характеристика. Описанные особенности определения монографии в системе СИБИБ объяснимы устойчивостью и, соответственно, распространенностью *классической модели науки*, в том числе и в исторической, предполагающей получение в результате изучения (так называемой критики) исторического источника исторического факта, который используется далее в практиках историописания и расценивается как инвариантный по отношению к ним. Эпистемологически эта модель изжила себя к концу XIX в., с вытеснением классической рациональности неклассической.

Монография в «модельном» варианте принадлежит «позитивистской» парадигме³ классической науки. Это вид историографических источников получает распространение во второй половине XIX в. Р. Дж. Коллингвуд писал: «С энтузиазмом включившись в первую часть позитивистской программы, историки поставили задачу установить все факты, где это только возможно. Результатом был громадный прирост конкретного исторического знания, основанного на беспрецедентном по своей точности и критичности исследовании источников. <...> Историческая добросовестность отождествлялась с крайней скрупулезностью в исследовании любого фактического материала. Цель построения всеобщей истории была отброшена как пустая мечта, и идеалом в исторической литературе стала монография» [3, с. 122–123].

А. Тойнби описывал этот же тип историописания как наследие «духа индустриализма», который необходимо преодолеть: «В наше время нередко встречаются учителя истории, которые <...> возможно не сознавая этого, решительно ограничивают понятие “оригинальное исследование” открытием или верификацией каких-либо фактов, прежде не установленных» [5, с. 15].

Дискурсивными маркерами классической модели науки являются распространенные (особенно в квалификационных работах) выражения: новизна исследования – «в заполнении пробелов/лакун, имеющихся в предшествующей историографии...», «обусловлена привлечением ранее не введенных в научный оборот источников (читайте – установлением новых фактов)» etc.

А. Тойнби метафорично описал причины устойчивости такой фактомании: «Индустриализация исторического мышления зашла столь далеко, что в некоторых своих проявлениях стала достигать патологических форм гипертрофии индустриального духа. Широко известно, что те индивиды и коллективы, усилия которых полностью сосредоточены на превращении сырья в свет, тепло, движение и различные предметы потребления, склонны думать, что открытие и эксплуатация природных ресурсов – деятельность, ценная сама по себе, независимо от того, насколько ценны для человечества результаты этих процессов» [5, с. 16].

Очевидно, что «научно-популярная монография» призвана в доступной для широкого круга читателей форме адекватно изложить полученное исследователем научное (= фактологическое) знание.

Попытку определить, причем, максимально полно, видовые характеристики монографии как историографического источника, принадлежащего исключительно к научному типу исторического знания, предпринял С.И. Маловичко: «Монография – научное сочинение по одному вопросу или разделу науки, в котором с наибольшей полнотой исследуется выбранная тема, проводится детальный и глубокий научный анализ интересующей историка проблемы; она характеризуется анализом предшествующей научной литературы по данному вопросу, новизной теоретического подхода, постановкой новой проблемы (формулировкой гипотезы) и ее решением в результате проведенного исследования, обоснованием репрезентативности источниковой базы исследования, целостностью содержания, строгим соблюдением структуры научного текста, наличием разветвленного научно-справочного аппарата, который может включать примечания

³ «Позитивистская» – в кавычках ввиду того, что позитивизм как таковой принадлежит к неклассической науке, хотя сохраняет черты классической модели, тогда как «позитивистская историография» остается в пределах классической науки.

с библиографическими ссылками, вспомогательные указатели, списки сокращений и т.п. Цель такого труда – получение и презентация нового научного знания [2, с. 530]».

Важно зафиксировать видовую природу историографического источника, в котором дано это определение, – учебное пособие, что предполагает выбор наиболее репрезентативного варианта определения. Мне представляется, что дефинирующий признак монографии – репрезентативность (в идеале, исчерпанность) источниковой базы исследования.

Конечно, монография как вид историографических источников, претерпев существенные модификации, существует и в современной исторической науке; ближе всего к ней по видовой принадлежности квалификационные работы и соответствующие им публикации результатов, предшествующие защите диссертации. Но в актуальной познавательной ситуации принципиально важно отличать монографии в строгом смысле от научных исследований, в которых автор формулирует некую новую идею и обосновывает, а иногда только иллюстрирует ее, что позволит избежать ситуации, описанной еще А. Тойнби, когда недооценивают работы, в которых предлагается новый взгляд на историю, критикуя их за «уход от фактологии» [5, с. 15–16].

1. ГОСТ 7.60-2003 «Издания. Основные виды, термины и определения».
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3]
3. Коллингвуд, Р.Дж. Идеи истории. Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд ; пер. и коммент. Ю.А. Асеева ; ст. М.А. Кисселя. – М. : Наука, 1980. – 488 с. – (Памятники исторической мысли).
4. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
5. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А.Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 731 с.
6. Шмидт, С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки / С.О. Шмидт // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. – Калинин : Калининский гос. университет, 1980. – С. 109–117.

Алеврас Н.Н.

ДИССЕРТАЦИЯ ПО ИСТОРИИ КАК ИСТОЧНИК: ПРОЦЕСС ИДЕНТИФИКАЦИИ СТАТУСА ДИССЕРТАЦИИ КАК НАУЧНОГО СОЧИНЕНИЯ (XIX – начало XX в.)⁴

Опыт защит диссертаций по историческим наукам в российских университетах, получивший системное обеспечение в виде нормативно-законодательных установлений, начал складываться в процессе формирования университетов в первой половине XIX в. Создание и презентация диссертации с ее последующей публичной защитой и оппонированием являлись важными процедурами, преследующими цель карьерного роста – повышения служебного и научного статуса соискателя в виде получения ученых степеней и научных званий. Это немаловажное обстоятельство являлось существенным стимулом для развития диссертационной системы. В этом процессе были заинтересованы не только соискатели, но и руководящее ведомство – Министерство народного просвещения, поскольку длительное время российские университеты не могли обеспечить университетские кафедры кадрами высшей квалификации – профессурой. Эти моменты важны для понимания некоторых из побудительных мотивов и целеполагающих установок, которые исходили от соискателя при выборе решения создавать и защищать диссертацию, чтобы достичь той или иной ученой степени.

Опыт создания челябинскими историографами информационной базы данных о диссертациях, защищенных в российских университетах по основным тогдашним специальностям – русской истории и всеобщей истории, – позволяет говорить об их общей совокупности, составившей 282 диссертации (1813–1919 гг.) [см.: 1, с. 32–40]. Следует лишь оговорить, что база данных продолжает пополняться новыми сведениями о диссертациях, защищенных по темам, близким интересам исторической науки, но по иным гуманитарным специальностям. Поэтому предлагаемые в данной статье статистические расчеты, хотя и демонстрируют промежуточные итоги статистической разработки, но составляют ядро диссертационной продукции по основным историческим специальностям. Поэтому они вполне репрезентативны для понимания ситуации в деле формирования комплекса российских диссертаций по истории. Исходя из этого количества, будем оперировать некоторыми статистическими показателями для характеристики

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264.

закономерностей, определявших развитие традиции создания диссертационного исследования как научного и культурного феномена.

Представляя на первых порах скромные по объему сочинения, в содержательном отношении напомиравшие реферативный труд или эссе, во второй половине XIX в. и особенно на рубеже столетий диссертации приобрели солидные внешние формы и, конечно, изменились содержательно. Процесс трансформации статуса диссертации как научного сочинения фиксируется уже в первой половине столетия. Если первоначально тексты диссертаций являлись заключительной частью письменного экзамена соискателя и представляли преимущественно рукописные версии, то уже к 30-40-м гг. XIX в. отношение к диссертации изменилось. Определенное число диссертаций создавалось сразу для публикации, а в Московском университете эта практика стала обязательной к 1840-м годам [3, с. 15–24]. Примером может служить труд А.З. Зиновьева «О начале, ходе и успехах критической российской истории», защищенный и опубликованный в качестве диссертации в 1827 г. в Московском университете. Первые авторы диссертаций ориентировались на тип сочинений, обозначаемых как «рассуждение». В частности, у А.З. Зиновьева обложку и титул книги сопровождал подзаголовок: «Рассуждение, сочиненное <...> для получения степени магистра». Текст издания размещался на 70 стр. Подобные подзаголовки использовались в докторской диссертации Н.Г. Устрялова (1836 г., Санкт-Петербургский университет), состоящей из 84 стр., магистерской диссертации А.Ф. Федотова (1839 г., Московский университет), объемом в 108 стр. Двое последних защищали историографические по сути работы по специальности «философия». В конце текста того и другого сочинений располагались так называемые «положения», позднее обозначаемые как «тезисы», в виде краткого изложения наблюдений и выводов. Некоторые из диссертаций уже в 1830-е гг. представляли объемные тексты. Примером является диссертация филолога С.П. Шевырёва, блестяще защищенная в 1837 г. в Московском университете, она насчитывала 382 стр. [4, с. 84]. Объем диссертации и успех защиты Шевырёва стали поводом для ее сравнения с диссертационной работой Устрялова не в пользу последнего.

Начиная с 1830–1840-х гг. существенно по-иному, чем в первые десятилетия XIX в., выглядела динамика защит диссертаций. Во второй половине века этот процесс приобрел более интенсивный характер. Если в первой половине XIX в. было защищено 64 диссертации (22,6%), то во второй его половине – 132 (46,8%). На первые два десятилетия XX в. пришлось 86 защит (30,4%).

Таблица 1

Динамика защит диссертационных исследований по истории в российских университетах в 1813–1919 гг. (по десятилетиям)

Десятилетие	1810-е	1820-е	1830-е	1840-е	1850-е	1860-е	1870-е	1880-е	1890-е	1900-е	1910-е	всего
Количество диссертаций	2	4	14	25	19	34	31	37	30	42	44	282

Представленный ряд статистических данных демонстрирует процесс постепенного внедрения в историческую науку диссертаций – нового вида научного сочинения, редко практикуемого в русской научной культуре предшествующего столетия. Середина и вторая половина XIX в. явились временем укоренения этого опыта. Формирование института «профессорских стипендиатов» в виде новой категории университетариев – магистрантов как будущих создателей диссертаций, а в перспективе приват-доцентов и профессоров, становится нормой и традицией каждого факультета.

Диссертационное исследование предстает одной из разновидностей научных трудов ученых-историков. От других жанров/разновидностей научной продукции сообщества историков рассматриваемого времени ее отличают несколько специфических черт и признаков. Прежде всего замечу, что создание диссертационного исследования должно было следовать нормативным правилам, зафиксированным либо в специальных «Положениях» (1819, 1835, 1844, 1864) и некоторых университетских уставах (например, 1884), либо в нормативных документах МНП. Диссертация являлась объектом, как университетской цензуры, так и оказывалась в поле зрения

общих цензурных ведомств [3, с. 15–17]. Однако требования, предъявляемые к магистерским и докторским диссертациям в Положениях и Уставах, имели самый общий рекомендательный характер, они преследовали цель определить уровни научной состоятельности такого рода трудов для получения магистерской или докторской степени. Одновременно устанавливалась строго соблюдавшаяся процедура продвижения соискателя к защите. К моменту защиты диссертации соискатель должен был получить рекомендацию от факультета в виде положительного отзыва/рецензии и представить уже опубликованный текст диссертации. Во второй половине XIX в. эта практика стала повсеместной.

Уровень научного качества диссертаций и требования к его достижению формировались в большей мере в недрах научного сообщества на основе, в том числе, приобретаемого опыта оппонирования как формы экспертизы диссертаций. Этот процесс, воплощая в себе опыт и этические нормы науки, имел существенное научно-нравственное воздействие на мотивацию научной деятельности поколений диссертантов.

Отличительным моментом презентации созданного диссертационного сочинения была его публичная защита в форме научного диспута, сопровождавшегося выступлениями официальных и неофициальных оппонентов. Соискатель должен был представить факультету и публике свои тезисы, являвшиеся прообразом современного автореферата, и выступить с речью, в которой приводил аргументы научной состоятельности и оригинальности своего труда.

Процедура подготовки диссертации, ее научная экспертиза, публичная презентация, формирование общественного мнения и складывание репутации соискателя в научном сообществе – важнейшие стимулы, которые содействовали интенсивной и углубленной работе претендента на ученую степень, стремившегося создать качественный научный труд, над своим исследованием. П.Н. Милюков, вспоминая свои злоключения, связанные с попыткой защитить созданный труд сразу на докторскую степень, искренне признавался: «...я готовил вклад в науку» [5, с. 107].

Далеко не сразу диссертация приобрела черты исследования монографического типа. Общей традиции обозначения жанровой специфики диссертаций долго не складывалось, само собой разумеется, не существовало на этот счет каких-либо нормативных документов. Обозначение диссертации как «рассуждение» постепенно вытесняется. Например, Н.Н. Мурзакевич, защищавший «Историю генозских поселений» в Московском университете (1838), после ее названия ограничился лаконичным подзаголовком: «Составлена Николаем Мурзакевичем». В 1840-е гг. Т.Н. Грановский, а, вероятно, по его примеру и С.М. Соловьев сопроводили свои диссертации обозначением: «историческое исследование». К подобному уточнению прибегали некоторые другие диссертанты. Можно полагать, что за этими своеобразными маргиналиями стояли попытки идентифицировать диссертационную работу как разновидность научного труда, созданного самостоятельными исследовательскими усилиями автора. К концу XIX в. видна явная тенденция использовать дополнительное уточнение жанра диссертации понятием «очерк», «очерки». По нашим наблюдениям в одном, практически, случае диссертант в качестве подзаголовка к работе прибег к использованию новой формулы – «историческая монография». Речь идет о магистерской диссертации Д.И. Багалея, защищенной в Киевском университете в 1882 г.

Со второй половины XIX в. на обложках диссертаций перестали каким-либо образом сообщать о принадлежности книги к категории диссертационных исследований. И только присутствие сведений об университетской типографии или фразы о публикации книги по решению совета какого-либо университета может служить маркером ее принадлежности к статусу диссертации. Но по всей вероятности к концу XIX в. создатели диссертаций, как и их читатели, воспринимали их именно в качестве монографий. Авторы диссертаций сосредоточивали внимание на совокупности аспектов проблем социальной, экономической, политической или культурной истории в рамках довольно локального хронологического диапазона. Нормой диссертационного труда становится использование оригинальной источниковой информации, выявляемой, как правило, в архивных фондах. Знание историографической ситуации в изучаемой проблематике также становилось обязательным атрибутом исследования. Для работ по всеобщей истории требовалось не только владение иностранными языками, но и использование оригинальных источников изучаемой страны соответствующей эпохи. Отступление от подобных норм являлось нередко основой скандальных диссертационных историй, вызывавших негодование представителей университетской общественности. В среде историков известна критически воспринятая научным сообществом защита докторской диссертации Н.Д. Чечулиным (1896), не соответствовавшая сложившимся «высоким» требованиям к этой разновидности научных трудов [2, с. 237–244].

Исходя из наблюдений за процессом формирования традиций работы над диссертациями и опытом восприятия этой формы научной деятельности можно полагать, что диссертация наиболее концентрированно воплощала в своих ценностных ориентациях, методологических принципах, проблемно-тематическом выборе, концептуальном замысле некий образец (эталон) научного исследования, принятый профессиональной средой того или иного исторического времени. В некотором смысле данный вид научно-исследовательского продукта может служить своеобразным индикатором не только способностей и научного мастерства ее конкретного создателя, но и выработанных в определенную эпоху представлений корпоративного сообщества ученых о принципах и характере научности исторических исследований и соответствующих дисциплинарных ценностях той или иной сферы знания.

1. Алеврас, Н.Н. К созданию коллективного портрета историков соискателей ученых степеней в России XIX – начала вв.: разработка базы данных и предварительный анализ / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина, А.М. Скворцов // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Казань : Казанский университет, 2016. – С. 32–40.
2. Алеврас, Н.Н. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях / Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришина, // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М. : ИВИ РАН, 2011. – Вып. 36. – С. 221–247.
3. Галлиулина, Р.Х. Университет vs министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века / Р.Х. Галлиулина, К.А. Ильина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2016. – № 4. – С. 15–24.
4. Ильина, К.А. Защита диссертации С.П. Шевырева, или Рождение «русского профессора» / К.А. Ильина // Российская история. – 2015. – № 1. – С. 74–89.
5. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М. : Политиздат, 1991. – 528 с.

Вовк О.И. **ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ** **В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Одной из важнейших исследовательских процедур при работе с историческими источниками является их систематизация, которая позволяет упорядочить имеющийся массив источников, разделить его на однородные группы и всесторонне их изучить. Конечно, приведенное утверждение справедливо и для историографических источников, т.е. группы видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания (как научного, так и социально ориентированного) [5, с. 508].

При работе с историческими и историографическими источниками наиболее часто используются такие формы систематизации знания, как классификация и типология. Во многих случаях эти дефиниции используются как синонимы, однако между ними есть принципиальные различия.

Так, классификация подразумевает членение области изучаемых объектов на классы либо группы, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных свойствах. Цель этой процедуры состоит в том, чтобы представить в надежном и удобном для обозрения и распознавания всю эту область, а также заключить в себе максимально полную информацию об объектах [2, с. 255]. Существует ряд принципов, которым должна соответствовать классификация. В частности, каждый из объектов исследуемого множества должен обязательно войти в один из классов (т.е. не должно быть объектов, не вошедших ни в один класс, так же как и объектов, вошедших одновременно в два или более класса). Деление должно проводиться по четко установленному критерию, который не может изменяться в течение отдельной классификационной операции. Классы должны быть взаимоисключающими и не содержать общих элементов.

Типология применяется с целью сравнительного изучения существенных признаков, связей, функций, отношений, уровней организации объектов (как сосуществующих, так и расходящихся во времени). В ее основе лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью типа, т.е. обобщенной, идеализированной модели. Таким образом, каждый из исследуемых элементов в большей или меньшей степени соответствует одному из эталонов [6, с. 69]. Отличие классификации от типологии состоит в том, что последняя предполагает наличие объектов, которые могут соответствовать одновременно нескольким критериям сравнения с разной степенью выразительности.

Безусловно, каждая классификационная и типологическая схема условна и вряд ли способна отразить всю многогранность исследуемого массива объектов. Однако использование этих

процедур систематизации, особенно с применением комплексного многофакторного подхода, позволяет более глубоко и эффективно изучить объект исследования.

Цель данного сообщения состоит в описании классификационно-типологической схемы, позволяющей осуществить историографический анализ историко-биографических публикаций. В качестве объекта исследования выступил массив опубликованных произведений, в которых освещались события жизни и способы увековечения памяти об ученом, общественном деятеле, основателе Харьковского университета Василии Назаровиче Каразине (1773–1842).

Повышенный интерес к личности В.Н. Каразина отмечался еще при его жизни, чему во многом способствовали своеобразные личностные качества этого человека. Жажда деятельности, стремление к преобразованиям, желание находиться в центре событий позволили небогатому слободско-украинскому помещику войти в высшее общество в Петербурге, реализовать множество смелых и оригинальных проектов. В то же время несдержанность, неосторожность в суждениях привели к его отставке, опале и стали причиной вынужденной изоляции в родном поместье. Неординарная фигура этого исторического деятеля привлекала внимание исследователей и в последующие годы: за 175 лет, которые прошли с момента его смерти, было опубликовано более 600 произведений, в которых отражались разнообразные точки зрения как на самого В.Н. Каразина, так и на его роль в отечественной истории.

Проанализированный корпус историографических источников представлен произведениями разнообразной стилевой и жанровой направленности. В него вошли не только сугубо научные исследования, но и научно-популярные публикации, публицистика, энциклопедистика, художественная литература – т.е. все материалы, в которых нашли свое отражение «оценка событий, процесс осмысления прошлого, возможные точки зрения на проблему» [7, с. 7]. Подобное расширение источниковой базы историографического исследования дало возможность отразить специфику восприятия знаний о прошлом не только в академической, но и в массовой среде.

Было выделено шесть критериев, по которым можно охарактеризовать историографические источники, а именно: дата введения публикации в оборот; место публикации; стиль речи; жанр (вид) научных публикаций; тематика публикации; тип биографического письма. Охарактеризуем названные критерии более подробно.

1) Дата введения публикации в оборот определялась как год ее первого появления в печатных периодических или непериодических изданиях. Этот параметр дал возможность представить процесс изучения биографии В.Н. Каразина в виде изменяющейся во времени системы.

2) Определение места публикации позволило проанализировать особенности репрезентации биографии В.Н. Каразина в одно и то же время, но в разных социокультурных условиях (сравнение «отечественных» и «зарубежных», «материковых» и «диаспорных» точек зрения), а также оценить широту географического распространения соответствующих исследований.

3) Обширность и разноплановость исследуемого массива историографических источников вызвали необходимость введения такого критерия сравнения, как стиль речи. Публикации, посвященные В.Н. Каразину, были представлены научным, публицистическим, художественным и официально-деловым стилями. Использование данного параметра дало возможность более четко определить цель создания каждой конкретной публикации и ее потенциальную аудиторию, что, в свою очередь, позволило выявить специфику трансляции образов В.Н. Каразина в разных слоях общества.

4) Публикации, принадлежащие к научному стилю, были проанализированы по жанровому (видовому) признаку. Под жанром научных публикаций понимался исторически сформированный устоявшийся тип произведений научной литературы, имеющий функционально-стилевую специфику и стереотипную композиционно-смысловую структуру [1, с. 140]. В нашем случае понятия «жанр» и «вид» научной публикации употребляются как синонимы [см.: 4, с. 46].

Данный критерий сравнения охватывает не все объекты генеральной совокупности, что обусловлено спецификой исследуемых произведений. Так, публицистические произведения о В.Н. Каразине были представлены статьями в периодических изданиях, а удельный вес публикаций художественного и официально-делового стилей составил чуть более 1% от всего объема генеральной совокупности, что сделало нецелесообразным их членение на жанры (виды). При этом стоит отметить, что в случае необходимости жанровый критерий может быть применен и к публикациям, которые относятся к вышеуказанным стилям.

Научный стиль распадается на несколько подстилей, каждому из которых соответствуют отдельные жанры научных трудов. К примеру, академический подстиль включает монографии,

статьи, тезисы и т.д.; справочно-энциклопедический – энциклопедии, словари, справочники, указатели и т.д.; информационно-реферативный – обзоры, рефераты (в т.ч. авторефераты диссертаций) и т.д.; научно-оценочный – рецензии, отзывы и т.д.; научно-учебный – учебники, учебные пособия, курсы лекций и т.д. Научно-популярный подстиль может быть представлен разными жанрами публикаций (монография, брошюра, статья и проч.), несложными по содержанию и форме изложения [1].

Наблюдение за динамикой актуализации тех или иных жанров научных публикаций дало возможность проследить траекторию научного знания от новаторского к массовому.

5) По тематическому признаку массив публикаций о В.Н. Каразине распался на девять групп. В частности, были выделены генеалогические исследования; деятельность В.Н. Каразина на государственной службе и, прежде всего, на ниве просвещения; научно-исследовательская деятельность; общественно-политическая деятельность; черты личности В.Н. Каразина; увековечение памяти о нем. Помимо этого, выделялись так называемые «комплексные исследования», в которых биография В.Н. Каразина описывалась в целом, без привязки к какому-либо одному тематическому направлению. Отдельные группы были представлены историографическими публикациями, направленными на исследование изучения биографии В.Н. Каразина и его образов, сложившихся в литературе; а также публикациями исторических источников, раскрывающими подробности жизненного пути изучаемого деятеля.

6) Еще одним критерием, по которому были описаны публикации о В.Н. Каразине, стал тип биографического письма. В его основу была положена схема, разработанная Дж. Леви и включающая четыре типа историко-биографических исследований («модальная», «контекстуальная», «казуальная» и «герменевтическая» биографии) [8, с. 57–58]. В анализируемую выборку попали не все публикации, а только те, которые представляли собой развернутый рассказ о жизни В.Н. Каразина в целом или каком-либо одном эпизоде. Поэтому такие жанры научных публикаций, как библиографические указатели, рецензии и проч. в выборочную совокупность включены не были.

Четыре из шести предлагаемых критериев сравнения (дата введения публикации в оборот; место публикации; стиль речи; жанр научной публикации) являются классификационными, т.е. вопрос о принадлежности конкретной публикации к той или иной группе может быть решен однозначно. Два других критерия (тематика публикации и тип биографического письма) являются типологическими, что требует от исследователя большего внимания и взвешенности в процессе анализа.

Описанная нами принципиальная схема доказала свою валидность и эффективность как инструмент, позволяющий отразить темпоральную динамику трансформаций историко-биографических публикаций в стилистическом, жанровом, тематическом, типологическом и географическом измерениях. Ее применение в монографии [3] дало возможность показать историю изучения биографии В.Н. Каразина во всем разнообразии причинно-следственных связей; рельефно продемонстрировать основные направления дискуссий, разворачивавшихся в литературе; охарактеризовать историографические образы исследуемой личности, выявить причины их происхождения и пути трансформаций.

Таким образом, описанная классификационно-типологическая схема дает возможность изучить массив историко-биографических произведений как динамическую систему во всем многообразии ее внутренних и внешних взаимосвязей. Конечно, полученные вследствие ее использования результаты могут быть достигнуты путем применения и других методов, но предложенный инструмент позволяет оптимизировать подготовительный этап работы исследователя.

1. Баженова Е.А. Жанры научной речи / Е.А. Баженова, М.П. Котурова // Речевое общение: (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения): Специализированный вестник. – 2006. – Вып. 8–9 (16–17). – С. 140–144.
2. Бочаров В.А. Классификация / В.А. Бочаров // Новая философская энциклопедия : в 4 т / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. научно-ред. совета В.С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М. : Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 255–256.
3. Вовк О.І. Постать Василя Каразіна в історіографії / О.І. Вовк ; наук. ред. С.М. Куделко. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 328 с.
4. Історіографічний словник / С.І. Посохов, С.М. Куделко, Ю.Л. Зайцева [та ін.] ; за ред. С.І. Посохова. – Харків : Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2004. – 320 с.
5. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; НИУ «ВШЭ». – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2015. – 685, [3] с.
6. Огурцов А. П. Типология / А. П. Огурцов // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; пред. научно-ред. совета В. С. Степин. – Москва, 2010. – Т. 4. – С. 69–71.
7. Посохов С. І. Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії / С. І. Посохов. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2006. – 368 с.
8. Репина Л. П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» / Л. П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – Москва, 2005. – С. 55–74.

Некрасова Н.В.
СОЧИНЕНИЯ В.И. КОЛОСОВА (1854–1919) О ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ
КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Современная познавательная ситуация актуализирует изучение творчества местных историков конца XIX – начала XX в. (этот период характеризуется расцветом местного историописания, обусловленным, в том числе, возникновением научно-просветительных обществ и организаций в российских губернских и уездных городах). Актуальность также объясняется потребностью выяснения культурной составляющей исторического знания, сосуществования социально ориентированного историописания и научного исторического знания, неослабевающим интересом к проблематике формирования исторической памяти [см.: 8]. Представляется наиболее продуктивным изучение творчества местных историков как предмета интеллектуальной истории, т.е. изучение их сочинений как историографических источников и как культурного феномена.

Ярким представителем местных историков является тверской историк Владимир Иванович Колосов. В.И. Колосов родился в Тверской губернии и после окончания в 1879 г. Санкт-Петербургской духовной академии вернулся в Тверь. Вся творческая, служебная, общественная и просветительская деятельность В.И. Колосова связана с Тверским краем: с 1879 г. и до смерти в 1919 г. он преподавал всеобщую и русскую гражданскую историю в Тверской духовной семинарии, был товарищем председателя Тверской губернской ученой архивной комиссии, хранителем Тверского историко-археологического музея, председателем Общества любителей археологии, истории и естествознания. Опубликовал в столичных и тверских изданиях более 100 работ.

В.И. Колосов – автор нескольких работ о патриархе Никоне: «Взгляд Никона на значение патриаршей власти» [4]; «Попытки канонизации патриарха Никона» [7]; «К вопросу о государственности патриарха Никона» [5]; «В новом Иерусалиме» [3].

Статья «Взгляд Никона на значение патриаршей власти» опубликована в «Журнале министерства народного просвещения», во втором, «научном», разделе. Исследовательская проблема, поставленная автором, – на основании исторических источников, главным образом сочинений Никона, изучить его взгляд на духовную и светскую власть. Основным источником, который использует В.И. Колосов – рукопись Никона из Санкт-Петербургской духовной академии «Возражение или разорение смиренного Никона, божиею милостью патриарха, против вопроса боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисиовы». Автор утверждает, вопреки установившемуся в современной ему «критической» историографии о Никоне мнению, что Никону не близки идеи папства, и приводит в качестве одного из доказательств переписку Осия Кордубского с Константином Великим. Статья снабжена ссылками. На основании изучения рукописи Никона В.И. Колосов приходит к выводу о том, что Никон доказал: личность патриарха неприкосновенна, не подлежит суду царя, т.е. патриаршая власть выше светской. Автор доказывает, что позиция Никона – это плод глубоких размышлений над историей церкви.

Работа «Попытки канонизации патриарха Никона» была опубликована в созданном незадолго до того журнале «Исторический вестник». Журнал был основан А.С. Сувориным, редактором стал историк и журналист С.Н. Шубинский. Задачей журнала являлась публикация доступных для восприятия широким кругом читателей исторических работ (подзаголовок: «историко-литературный журнал»). Исследовательская проблема, поставленная в этой работе: дополнить источниковую базу изучения личности патриарха Никона, бытования его образа в культуре. В.И. Колосов цитирует описание исцелений Никона у С.М. Соловьева. Привлеченные автором источники – рукописные списки труда И.К. Шушерина «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России» в сборниках Публичной библиотеки. Автор разыскал в Публичной библиотеке два списка труда Шушерина и опубликовал те места, где описываются чудеса, сотворенные Никоном. Научно-справочный аппарат к публикациям отсутствует, это можно объяснить тем, что статья напечатана в историко-литературном журнале.

Работа «К вопросу о государственности патриарха Никона» опубликована в разделе «Мелочи» ежемесячного исторического журнала «Древняя и новая Россия». Это публикация просительной грамоты Никону от белозерских посадских людей. В.И. Колосов датирует грамоту концом 1652 или началом 1653 г. Публикация служит доказательством того, что Никон еще до жалованной грамоты 1655 г., в которой впервые (как утверждалось исследователями биографии Никона) титул ве-

ликого государя «прилагается к Никону Алексеем Михайловичем», именовался «великим государем» [5, с. 200]. В.И. Колосов объясняет возникновение титула великого государя в грамотах тем, что «жившие в народе предания о бывшем незадолго перед тем великом государе Филарете Никитиче оживились под влиянием слухов о силе и значении нового патриарха».

Труд В.И. Колосова «В Новом Иерусалиме» с подзаголовком «путевые заметки» опубликован в журнале «Древняя и Новая Россия», в одном из последних его номеров (один из основателей журнала и его редактор С.Н. Шубинский решает издавать новый историко-литературный журнал – «Исторический вестник».) На страницах журнала «Древняя и Новая Россия» его издатели пытались найти баланс между работами профессиональных историков и популярными очерками. Исследовательская проблема, поставленная В.И. Колосовым в данной работе, – установить значение Нового Иерусалима для понимания личности патриарха Никона и сохранения его образа в народной памяти; дополнить образ Никона на основании изучения его личных вещей и рукописей, сохранившихся в монастыре. В.И. Колосов использовал в статье рукописи Никона из библиотеки монастыря: «Возражение патриарха Никона на вопросы Стрешнева и ответы Паисия Лигарида», «Синодик Патриарха Никона», «Летописец патриарха Никона». Вывод, к которому приходит автор, – историческая память о Никоне жива благодаря монастырю и монастырской библиотеке: «Здесь как бы постоянно носится дух патриарха Никона...» [3, с. 375].

Примечательно, что все четыре вполне оригинальных исследования «местного историка» посвящены отнюдь не проблемам местной истории.

Интерес В.И. Колосова к патриарху Никону восходит ко времени обучения в Санкт-Петербургской духовной академии. Сочинения о Никоне опубликованы в 1880 и 1881 годах, т.е. сразу после окончания В.И. Колосовым академии. Кандидатское сочинение В.И. Колосова называлось «Патриарх Никон и его значение в истории Русской Церкви» и было успешно защищено в 1878 г. В Журнале заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1877/1878 уч. г. опубликован отзыв доцента, священника Николаевского на «сочинение студента Колосова Владимира “Патриарх Никон и его значение в истории Русской Церкви”». П.Ф. Николаевский отмечает: «В заключении к сочинению автор делает вывод из представленных им исторических данных для правильной оценки п. Никона, причем разбирает отзывы о п. Никоне, существующие как в отечественной, так и в иностранной литературе, и старается снять с патриарха значительную долю возводимых на него обвинений. Сочинение Колосова представляет не только свод главнейших научных данных для истории п. Никона, но и попытку проверить эти данные по доступным ему документам...» [1, с. 284].

В 1879 г. В.И. Колосов представляет в Академию сочинение «О патриархе Никоне» на соискание степени магистра, но не защищает его. В этом же, 1879 г., В.И. Колосов просит вернуть ему магистерское сочинение, прислав прошение в Академию: «Поездка, предпринятая мною в Москву, с целью осмотра тамошних древнехранилищ в видах более полной и широкой постановки предпринятого мною магистерского сочинения дала мне столь много нового материала, что представленное мною на степень магистра сочинение нуждается во многих капитальных переделках» [2, с. 81]. Магистерское сочинение В.И. Колосова в фонде Санкт-Петербургской духовной академии (отдел рукописей Российской национальной библиотеки), личных фондах В.И. Колосова в государственном архиве Тверской области и научном архиве Тверского государственного объединенного музея не обнаружены. В личном фонде В.И. Колосова (в составе фонда 103 «Тверская ученая архивная комиссия») хранится часть сочинения В.И. Колосова о Никоне [6]. Возможно, это часть текста магистерской диссертации.

Можно предположить, что интерес выпускника Тверской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии к патриарху Никону был вызван тем, что автором «первой капитальной монографии о Патриархе Никоне» был также выпускник Тверской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии Самуил Михайловский. В.И. Колосов явно был знаком с этим сочинением, поскольку упоминает С Михайловского в «Истории Тверской духовной семинарии».

Представляется, что целью молодого историка было научное исследование взглядов Никона на светскую и духовную власть с использованием сочинений патриарха, хранящихся в архивах. Не желая примыкать ни к апологетической, ни к критической традиции изучения воззрений и личности патриарха Никона в отечественной и зарубежной историографии, В.И. Колосов задумал изучить творческое наследие Никона, обширную историографию этой противоречивой личности и создать оригинальное исследование. Вышеуказанные работы убеждают нас, что

такие замыслы были. Возвращение в Тверь из Санкт-Петербурга, поступление преподавателем в Тверскую духовную семинарию, необходимость материально обеспечивать большую семью после смерти отца и, как следствие, невозможность работать в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, сделали эти замыслы несбыточными.

На протяжении всей жизни, В.И. Колосов сохранил интерес к церковной истории XVII в., но большинство сюжетов его сочинений были связаны с уроженцами тверского края. Предметом исследований местного историка была именно тверская история.

1. Журналы, общего собрания Совета Академии 10 июня 1878 г. // Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1877–1878 уч. год. – СПб. : тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1878. – 316 с.
2. Журналы, общего собрания Совета Академии 24 октября 1879 г. // Журналы заседаний Совета Санкт-Петербургской духовной академии за 1879–1880 уч. год. – СПб. : тип. Ф.Г. Елеонского и К^о, 1880. – 253 с.
3. Колосов, В.И. В Новом Иерусалиме (путевые заметки) / В. Колосов // Древняя и Новая Россия. – 1880. – Ч. XVIII. Сентябрь. – С. 365–376.
4. [Колосов, В.И.] Взгляд Никона на значение патриаршей власти / В. К-в // Журнал Министерства народного просвещения. – 1880. – Ч. ССХII. Дек. – С. 233–267.
5. Колосов, В.И. К вопросу о государствовании патриарха Никона / В. Колосов // Древняя и новая Россия. – 1881. – Т. XIX. – С. 199–201.
6. Колосов, В.И. «Патриарх Никон. Тетрадь III». – Государственный архив Тверской области. – Ф. 103. – Оп. 1. – Д. 783.
7. Колосов, В.И. Попытки канонизации патриарха Никона / В. Колосов // Исторический вестник. – 1880. – Т. II. – С. 793–796.
8. Румянцева, М.Ф. О культурной составляющей исторического знания / М.Ф. Румянцева // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 3(9) – С. 7–13.

Півавэр М.В. СЯДЗІБЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ Ў ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Сядзібная культура – важная арганічная частка гісторыка-культурнай спадчыны краіны, звязаная не толькі з архітэктурай, народным дойлідствам, але і рознымі відамі мастацтва і духоўнай культуры народа.

Сядзібназнаўства – досыць маладая галіна краязнаўства. На Берасцейшчыне і Гродзеншчыне ўжо праводзяцца сур’ёзныя работы па фарміраванню каталога сядзіб, апісанню страчанага і таго, што дайшло да нашага часу, вывучэнне генеалогіі ўласнікаў. Але абагульняючай работы, прысвечанай палацам і сядзібам не толькі Віцебшчыны, але і Беларусі ў цэлым, дасюль няма. Цікава, да гэтай тэмы досыць вялікая, але яна пакуль не прыцягнула ўвагі спецыялістаў. Даследаванні абазначаных архітэктараў пакуль маюць эпізядычны характар. Гэты артыкул, спроба прадставіць асноўныя накірункі працы, зробленай па вывучэнні сядзіб Віцебшчыны.

Першай працай, прысвечанай гісторыі, архітэктуры сядзіб Віцебшчыны з’яўляецца работа Цэханавецкага “Хроника одного поместья: Бочейково” [22]. На мяжы стагоддзяў, у Расіі выдаваўся часопіс “Столица и усадьба”(№ 1–90, 1913–1917), але ці змяшчаў ён матэрыялы па сядзібам Віцебшчыны нам невядома. Некалькі невялікіх артыкулаў У. Адамава прысвечаны паркам, садам, і гаспадарцы некаторых маёнткаў краю: Бачэйкаўскаму, Бешанковіцкаму, Вялікалятчанскаму, Фатыні [1].

Толькі з сярэдзіны 1980-х гг. даследаванню былых панскіх сядзіб на Беларусі пачынае надавацца пэўная ўвага даследчыкаў. Выключэннем выглядае выданне А. Кулагіна “Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии” [10]. У ім разглядаюцца, галоўным чынам архітэктура палацаў і сядзіб, планіровачныя прынцыпы пабудовы палацава-сядзібных комплексаў Беларусі.

У кнізе “Страчанае спадчына” [16] асобны раздзел “Па колішніх маёнтках” прысвечаны зруйнаваным сядзібам Беларусі. Пададзены ён пад аўтарствам А. Кулагіна, але ўяўляе сабой пераклад асобных артыкулаў з выдання Р. Аўтаназы “Былыя сядзібы на ўскраінах Рэчы Паспалітай” [25]. З іх 6 з Віцебшчыны. Пры чым, згадкі на гэтага аўтара няма ні ў артыкулах, ні ў спісе літаратуры. Дапушчаны і памылкі. Сядзіба Чарнаручча Эльўнераў знаходзілася не ў Лепельскім павеце, а ў былым Віцебскім, сучасны Лёзненскі раён.

Паркі Беларусі, як частка палацавых і сядзібных ансамбляў сталі тэмай даследавання доктара біялагічных навук А.Т. Федарука. У 1970–1980-я гг. асноўная тэмай даследавання навукоўцы была культурная дэндрафлора Беларусі. Вынікам шматгадовай працы сталі кнігі: “Древесные растения садов и парков Белоруссии”, “Старинные парки Белоруссии: Инвентаризация, стилевые особенности, сохранение и функциональное использование”, “Садово-парковое искусство

Беларусі” [19]. У пазнейшы час увага даследчыка была акцэнтавана на вывучэнні сядзіб і палацаў, у пераважнасці цэнтральнай і Заходняй Беларусі [21]. На жаль, стану сядзіб Віцебшчыны, А. Федаруком прысвечана толькі адна публікацыя, змешчаная ў “Віцебскім сшытку” [20].

В.Р. Анціпаў прысвяціў сваю кнігу стану паркаў у Беларусі “Парки Белоруссии” [2]. Ускосна аўтар закранае і сядзібы, без іх, як правіла не было і паркаў. Тэмай дысертацыі даследчыцы Н.С. Будыцы на атрыманне ступені кандыдата архітэктуры стала таксама садова-паркавая спадчына Беларусі [3].

У 1985 г. выйшаў у свет Віцебскі том манументальнага выдання “Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі” [8]. У ім змяшчаецца інфармацыя пра некаторыя сядзібы краю. Але выданне мае заідэялагізаваны характар. Галоўнай на той час задачай, было паказаць савецкую гісторыю, подзвіг народа ў Вялікай Айчыннай вайне. Таму большасць сядзіб у ім не згадваецца. Напрыклад, у Віцебскім раёне ўказана толькі адна – Здраўнёва, хаця на той час у досыць добрым стане іх было не менш пяці: у в. Мазалава, В. Лётцы, Луці, Брыгітполле, Сасноўка.

Віцебшчына пасля пераезда ў Віцебск Ю. Якімовіча стала асноўнай тэмай даследавання гэтага выдатнага вучонага. Шэраг артыкулаў у “Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі” прысвечаны сядзібам [23]. Шмат друкаваў артыкулаў па гэтай тэме ў мясцовым перыядычным друку [24]. Ён жа распрацаваў і ўклаў слоўнік тэрмінаў, гаспадарчых, вытворчых пабудов і дэталей сядзібнай архітэктуры (1991).

Асабліваю каштоўнасць уяўляюць працы мясцовых віцебскіх крязнаўцаў, якія ўдакладняюць дэталі, лакалізуюць месцы знаходжання страчаных маёнткаў, стан існуючых. Гэта М. Баўтовіч (Полаччына), М. Гіль (Пастаўшчына) [6], В. Карасёў (Полаччына) [9], М. Паўлаў [12], К. Шыгаль, Скараход (Докшыччына), К. Шыдлоўскі (Браслаўшчына), В. Ермалёнак (Мёршчына), А. Бубала (Дрысеншчына), Я. Бунто (Дзісеншчына), В. Грыбка (Чашніччына) [7], С. Глушкоў (Полаччына), А. Райчонак, У. Ляскоўскі, К. Кожан (Шаркоўшчына), У. Скрабатун (Глыбоччына), А. Шынкевіч (Аршаншчына), І. Януш (Лепельшчына) [17]. Пэўную інфармацыю пра сядзібы можна атрымаць у вучэбна-інфармацыйных выданнях прысвечаных раёнам [4, 7, 13], кнігах “Памяць” [11]. Нацыянальнае агенцтва па турызму выдала буклет пра сядзібы Полаччыны [18].

Некаторыя энцыклапедыі змяшчаюць артыкулы, прысвечаныя сядзібам краю [14]. Але ў асноўным, яны паўтараюць інфармацыю са “Збораў помнікаў” і кніг “Памяць”. Артыкулы, прысвечаныя стану сядзіб Віцебшчыны можна знайсці на старонках перыядычнага друку: бюлетэня “Помнікі гісторыі і культуры Беларусі” (“Спадчына”). Напрыклад, сядзібнай архітэктуры Віцебшчыны прысвяціў артыкул С. Сергачоў [15].

У крязнаўчым альманаху “Руская усадыба”, які выдаецца як дадатак да часопіса “Наше наследие” у Расіі эпізодычна сустракаюцца некаторыя матэрыялы і па Віцебшчыне.

Польскі даследчык Раман Афтаназы выдаў 12-томную працу “Былыя сядзібы на даўніх ускраінах Рэчы Паспалітай”. У тамах 1, 4 можна знайсці звесткі пра сядзібы на Віцебшчыне. Праўда, толькі тыя, што належалі каталіцкай шляхце [25].

Асобна варта адзначыць электронныя рэсурсы, на якіх можна знайсці інфармацыю, прысвечаную сядзібам: сайты “Радзіма орг”, “Глобус Беларусі”, “Radzima.net: Найди свои корни в Беларуси и Литве”.

Такім чынам, пэўная інфармацыя па гісторыі, архітэктуры сядзіб Віцебшчыны маецца. Але комплексная праца па складанню каталога маёнткаў, апісанню іх архітэктуры, складанню радаводаў уласнікаў яшчэ наперадзе.

1. Адамаў, У.У. Бальшалятчанскі сад // Віцебшчына. – Віцебск, 1925. – Т. 1. – С. 173; Ён жа. Бачэйкаўскі сад і палац // Тамсама. – С. 176–179; Бешанковіцкі сад // Тамсама. – С. 167–168; Фатыньскі сад і гаспадарка // Тамсама. – С. 157–163.
2. Антипов, В.Г. Парки Белоруссии / В.Г. Антипов. – Минск : Ураджай, 1975. – 200 с.
3. Будыко, Н.С. Садово-парковое наследие Белоруссии (Доктябрьский период): Автореф. дис. ... канд. архитектуры : 18.00.04 / Моск. архитектур. ин-т / Н.С. Будыко. – М., 1985. – 17 с.
4. Віцебскі раён: крязнаўчыя нарысы / І.А. Абрамава [і інш.]; аўт.-уклад. М.В. Півавар. – Мінск : Паркус плюс, 2008. – 328 с.
5. Гарды і раёны Беларусі: энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн; Регионы Беларуси : энциклопедия. В 7 т. / редкол.: Т.В. Белова (гл. ред.) [і др.]. – Мінск : БелЭн, 2011.
6. Гіль, М. Былыя сядзібы і паркі Паазер’я. Мядзельшчына / М. Гіль, Я. Драўніцкі. – Паставы: ВІ “Сумежа”, 2008. – 64 с.
7. Грыбка, В.В. Гістарычна-крязнаўчы курс “Наша Чашніччына” (Чашнізнаўства) / В.В. Грыбка – Мінск : Медисонт, 2007. – С. 60.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. – Мінск : БСЭ, 1985. – 496 с.
9. Карасёў, В. Па гістарычных мясцінах Полацкай зямлі / В. Карасёў. – Мінск : Пачатковая школа, 2011. – 72 с.
10. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии. Вторая половина XVIII – начало XIX в. / А. Н. Кулагин. – Минск: Наука и техника, 1981. – 134 с.

11. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Міёрскага раёна. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 630 с.; Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. – Мінск : Паліграффармленне, 1998. – 710 с.
12. Паўлаў М. Бачэйкаўскі палац і парк. – Віцебск: друк. імя Камінтерна, 1989. – 8 с.
13. Пракаповіч І. Чароўны край – Пастаўшчычына : (гісторыка-краязнаўчы курс «Паставазнаўства»). – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 304 с.
14. Регионы Беларусі : энцыклапедыя. В 7 т. Т. 2. – Віцебская область. В 2 кн. Кн. 2 / редкол.: Т.В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Мінск : БелЭн, 2011.
15. Сергачоў, С. А. Сядзібная архітэктура Віцебшчыны / С. А. Сергачоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1972. – № 1. – С. 22–25.
16. Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь, А. М. Кулагін, Ю. У. Чантурый, М. А. Ткачоў; уклад. Т. Габрусь. – Мінск : Беларусь, 2003. – 351 с.
17. Януш, І. Адкуль мы пайшлі. З гісторыі лепельскага краязнаўства // Лепельшчына / уклад. В. Тухто. – Мінск, 2016. – С. 74–97.
18. Усадыбы вядомых людзей на Полотчыне. – Мінск : Нацыянальнае агенства па турызму, 2007.
19. Федорук, А.Т. Садово-парковае искусство Беларусі / А. Т. Федорук. – Мінск : Уражай, 1989. – 247 с.
20. Федарук А. Культурна-гістарычная каштоўнасць і сучасны стан шляхецкіх сядзіб Віцебшчыны // Віцебскі сшытак. – 2000. – № 4. – С. 84–89.
21. Федорук, А. Старинные усадьбы Берестейщины / А. Федарук. – Мінск : БелЭн, 2006. – 575 с.
22. Цехановецкі, В.М. Хроніка аднаго помест'я: Бочейково / В.М. Цехановецкі. – Віцебск, 1905.
23. Якімовіч, Ю. Беліцкая сядзіба // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мн., 1984. – Т. 1. – С. 419; Ён жа, Іванская сядзіба // Тамсама. – Т. 2. – С. 553; Ён жа, Копыская сядзіба // Тамсама. – Т. 3. – С. 106–107.
24. Якімовіч, Ю. Архітэктурны ансамбль у Лынтупах / Ю. Якімовіч // Віцебскі рабочы (ВР). – 1992. – № 47, 48; Ён жа. На Дубровенцы і Дняпры [г.п. Дуброўна] // ВР. – 1992. – № 139. – С. 3; У далёкім васьмнадцатым стагоддзі [Дубровеншчына] // ВР. – 1993. – № 117. – С. 5.
25. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Wyd. 2. – Cz. 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. – T. 1. Województwa mińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. – Wrocław: Ossolineum, 1996. – 335 S.; Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Wyd. 2. – Cz. 1. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia. – T. 4. Województwo wileńskie. – Wrocław: Ossolineum, 1993. – 547 S.

Тогулева А.Д.

АГЛЯД КРЫНІЦ І ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1920-х гг. ПА ПЫТАННІ ўзнікнення І ДЗЕЙНАСЦІ БЕЛАРУСКАЙ САЦЫЯЛІСТЫЧНАЙ ГРАМАДЫ

Важнай крыніцай звестак па гісторыі беларускай нацыянальнай партыі – Беларускай Сацыялістычнай Грамады з'яўляецца тая навукова-гістарычная спадчына, якая была створана ў 1920-я гады сябрамі БСГ і іх сучаснікамі.

У 1918 г. у Маскве выйшаў у свет нарыс вядомага дзеяча беларускага руху старшыні Беларускага абласнога камітэта Я.С. Канчара “Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть II” [21]. Нарыс змяшчае надзвычай цікавы матэрыял аб падзеі выключнай важнасці ў жыцці беларускага народа – 1-м Усебеларускім з'ездзе, непасрэдным ініцыятарам і ўдзельнікам якога быў сам аўтар. Да свайго нарысу Я. Канчар дадае цэлы шэраг рознаадрасных пратэстаў супраць гвалтоўнага разгону з'езда бальшавікамі, сярод якіх ёсць і пратэст БСДРП, якая ўтварылася з левага крыла Петраградскай арганізацыі БСГ.

У 1919 г. пад грыфам Петраградскага аддзелу Белнацкама выйшла другая праца Я. Канчара “Белорусский вопрос” [20]. Тэматыка гэтай кнігі надзвычай шырокая – тут і статыстычныя дадзеныя пра Беларусь, і кароткі агляд асноўных этапаў гісторыі беларускага народа, яго культуры. Галоўную ўвагу аўтар канцэнтруе на аналізе асноўных патрабаванняў беларускага вызваленчага руху, абгрунтаванні права насельніцтва Беларусі на стварэнне ўласнай дзяржавы.

Агульныя пытанні беларускага нацыянальна-вызваленчага руху на пачатку ХХ ст., а таксама пытанні аб узнікненні і дзейнасці БСГ разглядаюцца ў працах Я. Варонкі, А. Луцкевіча, Ф. Турука, У. Пічэты [6; 27; 30; 28]. Публікацыі гэтых аўтараў змяшчаюць каштоўны матэрыял, асабліва кніга Ф. Турука “Белорусское движение”, якая побач з аўтарскім тэкстам мае дадатак у складзе 31 дакумента. Сам Ф. Турук быў членам БСГ, дэлегатам III партыйнага з'езда і кандыдатам у ЦК БСГ. У сваёй працы ён дае агляд гісторыі БСГ з моманту яе ўзнікнення ў 1903 г. і да яе распаду ў 1918 г.

Крыніцай звестак аб Беларускай Сацыялістычнай Грамадзе з'яўляюцца публікацыі А. Бурбіса “Кароткі агляд беларускага нацыянальна-рэвалюцыйнага руху” [29] і “БСГ у першым перыядзе яе працы” [5]. Аляксандр Бурбіс – гэта чалавек, які прымаў актыўны ўдзел ў стварэнні БСГ у 1903 г., быў членам ЦК БСГ у 1906 г., а пасля лютага 1917 г. узначальваў Маскоўскую арганізацыю БСГ. З гэтай прычыны яго працы па гісторыі першай беларускай нацыянальнай партыі маюць выключнае значэнне. Яны змяшчаюць багаты фактычны матэрыял аб дзейнасці БСГ, а таксама і асабістыя вывады аўтара ў адносінах да таго ці іншага пытання. Гэтыя публікацыі напісаны не паводле дакументальных даных, а паводле ўспамінаў сябра партыі. З прычыны гэтага, ён аб усіх падзеях у гісторыі БСГ кажа ў агульных рысах, не дастаткова дэталізуе той ці іншы бок, або з'яву з яе жыцця і дзейнасці.

У 1922–1928 гг. у гістарычным і грамадска-палітычным часопісе “Полюмя” з’явіўся цыкл артыкулаў вядомага беларускага дзеяча З.Х. Жылуновіча. Яны былі прысвечаны гісторыі нацыянальнага руху, самавызначэнню беларускага народа. З.Х. Жылуновіч у сваіх работах дае аналіз этапаў развіцця, што былі пройдзены беларускай інтэлігенцыяй з пачатку ХХ ст., і падрабязна характарызуе тую з яе плыняў, на якой, па яго меркаванню, пачаў “грунтавацца” нацыянальна-вызваленчы рух у краі. На прыкладзе палітычнага лёсу тыповага беларускага інтэлігента і нацыянальнага дзеяча А. Бурбіса, ён разгледзіў увесь складаны комплекс нацыянальнага і сацыяльнага развіцця тагачаснай Беларусі [11; 12; 14].

Асаблівую каштоўнасць для вывучэння гісторыі БСГ маюць тыя гісторыка-публіцыстычныя артыкулы З. Жылуновіча, у якіх аўтар засяродзіў увагу на развіцці беларускага вызваленчага руху, яго сацыяльным і партыйным складзе, канчатковых мэтах, стратэгіі і тактыкі розных плыняў, груп, суполак, што ўдзельнічалі ў ім на этапе Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый. З. Жылуновіч засяроджвае сваю ўвагу на працы Беларускай Сацыялістычнай Грамады, асабліва яе Петраградскай арганізацыі, лідэрам якой ён у той час з’яўляўся [7–10; 15].

Асобныя пытанні нацыянальна-вызваленчага руху і гісторыі БСГ былі закрануты ў зборніку “Беларусь”, што выйшаў у свет у 1924 г. у сувязі з пяцігоддзем абвешчэння БССР [4]. Тэма кнігі надзвычай шырокая. Тут і гісторыя грамадска-палітычнага руху, і стан эканомікі дарэвалюцыйнай і паслярэвалюцыйнай Беларусі, і развіццё нацыянальнай культуры. Асаблівай увагі, на наш погляд, заслугоўваюць змешчаныя ў гэтым зборніку артыкулы З. Жылуновіча, У. Ігнатоўскага, якія непасрэдна датычацца дзейнасці БСГ [16; 17].

У 1920-я г.г. у свет выходзіць шэраг артыкулаў, якія змяшчаюць дакументальны матэрыял па гісторыі БСГ. З. Ангарэціс, М. Мялешка у сваіх работах засяроджваюць увагу на агітацыйнай літаратуры БСГ часоў першай расійскай рэвалюцыі 1905–1907 гг. [3; 26]. З. Ангарэціс, які абапіраецца на архівы КП Літвы, у сваім артыкуле дае спіс пракламацый, лістовак, рэвалюцыйных вершаў, што выходзілі ад імя БСГ. М. Мялешка ў сваёй публікацыі разглядае дзейнасць БСГ сярод сялянства на працягу 1905 г. і таксама прыводзіць шэраг пракламацый Грамады, якія былі адрасаваны сялянам Беларусі. Цікава тое, што аўтары гэтых артыкулаў прыходзяць да супрацьлеглых вынікаў у сваіх даследаваннях. Калі З. Ангарэціс лічыць, што “у 1905–1906 гг. Беларускай Сацыялістычнай Грамады, як сапраўднай партыі не было, былі толькі радыкальныя буржуазныя беларускія інтэлігенты, купленыя ў літаральным сэнсе грашовымі мяшкамі” [3, с. 5], то М. Мялешка вельмі станоўча ацэньвае дзейнасць Грамады і адзначае, што “у рэвалюцыйным уздыме працоўных у 1905 г. БСГ прымала актыўны ўдзел” [26, с. 152].

Асаблівую каштоўнасць маюць публікацыі гісторыка А. Шлюбскага, у якіх ён дае багаты дакументальны матэрыял па гісторыі БСГ. Дзякуючы гэтаму гісторыку, мы маем у сваім распараджэнні праграму БСГ, што была прынята на II з’ездзе ў 1906 г., а таксама цікавыя матэрыялы адносна існавання першых беларускіх легальных газет “Наша Доля” і “Наша Ніва” [32–34].

У 1920-я гг. і пазней друкаваліся работы А.Р. Чарвякова, у мінулым члена Петраградскай арганізацыі БСГ, потым кіраўніка Беларускай сацыял-дэмакратычнай рабочай партыі, якая была створана на аснове Нарвскай арганізацыі БСГ, а ў 1919 г. камісара асветы ў часовым рабоча-сялянскім урадзе Беларусі.

У кнізе “За Савецкую Беларусь” [31] Алесь Чарвякоў дае кароткі, канспектыўны агляд галоўных этапаў рэвалюцыйнай барацьбы на Беларусі. Аўтар закранае дзейнасць БСГ і праблемы беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці, але для яго нацыянальнае пытанне – толькі частка агульных пытанняў класавай барацьбы. Як, у цэлым, рэакцыйную з’яву ацэньвае А.Чарвякоў імкненне беларускіх дзеячоў як да аўтаноміі, так і да незалежнасці краю [31, с. 38–39]. Палемізуючы з А. Бурбісам, А. Чарвякоў, насуперак фактам, прыходзіць да высновы, што “І Усебеларускі з’езд складаўся выключна з ворагаў Савецкай улады і быў настроены супраць Саветаў” [31, с. 47].

Складаную тэму дзейнасці дробна-буржуазных партый на Беларусі ў тым ліку і БСГ закранаюць у сваіх публікацыях С. Агурскі, Л. Каган, А. Кіржніц, С. Пінталь [1; 2; 23; 18; 19]. У сваіх працах яны прыходзяць да агульнай высновы, што БСГ была “дробна-буржуазнай нацыяналістычнай партыяй, якая ставіла нацыянальнае вызваленне Беларусі вышэй за ўсе” [2, с. 46] і што “палітычная ўдзельная вага Грамады, асабліва на Беларусі была надзвычай малая” [23, с. 51]. Аднак нельга згадзіцца з такімі сцвярджэннямі. БСГ не бачыла класавай дэферэнцыяцыі сярод беларускага грамадства, пралетарыят, сялянства і іншыя слаі працоўных яна аб’ядноўвала ў адну сацыяльную катэгорыю - працоўны народ, і ў роўнай ступені

імкнулася аперцыя і на рабочы клас, і на сялянства, і на інтэлігенцыю. Гэта набліжала Грамаду да эсэраўскіх народніцкіх палітычных аб'яднанняў. Аўтар згодзен з тым, што У.І. Ленін характарызаваў БСГ, як нацыянальную пртыю лева-народніцкага напрамку [24, с. 315].

Шэраг цікавых думак аб характары і асаблівасцях нацыянальна-вызваленчага руху на Беларусі, аб стварэнні і дзейнасці першай беларускай нацыянальнай партыі выказаў адзін з арганізатараў і кіраўнікоў БСГ А. Луцкевіч у сваіх успамінах аб працы першых беларускіх арганізацый “ За дваццаць пяць гадоў” [25], але не гледзячы на тое, што гэтая кніга змяшчае ў сабе цікавы фактычны матэрыял, яна, як і раней адзначаныя публікацыі А. Бурбіса, напісана не паводле дакументаў. Сам аўтар паведамляе, што пісаў гэтыя ўспаміны, седзячы ў астрозе, не маючы ніякіх пісаных ці друкаваных матэрыялаў” [25, с. 4].

Такім чынам, літаратура, напісаная ў 1920-я гады, якая тычыцца дзейнасці БСГ, мае важнае значэнне для сучасных даследчыкаў. Напісаны гэтыя рэчы відавочцамі і непасрэднымі ўдзельнікамі колішніх падзей. Штосьці ў публікацыях розных аўтараў паўтараецца, штосьці падаецца суб'ектыўна (у залежнасці ад палітычнай арыентацыі і акалічнасцей асабістага лёсу). Але гэта якраз і дазваляе супаставіць розныя меркаванні, погляды і ацэнкі.

Неабходна заўважыць, што ў першае паслярэвалюцыйнае дзесяцігоддзе даволі мірна суіснавалі розныя школы і накірункі даследаванняў, што спрыяла рознабаковаму вывучэнню мінулага Беларусі. Аднак такі стан рэчаў працягваўся нядоўга, актыўнае ўмяшанне партыйных структур і ўрада паступова прывялі да ўсталявання адной метадалогіі – марксісцкай. У выніку гэтага гістарычныя працы 1930-х г. характарызуюцца прамалінейнасцю, схематызмам, якія былі абумоўлены слабым веданнем тэорыі і фактаў гісторыі. Маладоказныя, яны аднабакова адлюстроўвалі працэсы, падзеі і з'явы. Дзейнасць першай нацыянальнай беларускай партыі разглядалася толькі як дзейнасць нацыяналістычнай контррэвалюцыйнай арганізацыі [гл. 22].

1. Агурский, С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863–1917) / С. Агурский. – Минск : Белгиз, 1928. – 348 с.
2. Агурскі, С. Роля дробна-буржуазных партый на Беларусі ў Кастрычніцкай рэвалюцыі / С. Агурскі // Бальшавік Беларусі. – 1927. – № 5. – С. 69–74; № 6. – С. 45–50.
3. Ангартис, З. Белорусская Социалистическая Громада / З. Ангартис // Вперед. – 1923. – № 2–3. – С. 64–67.
4. Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і вызваленчага руху. – Менск : ЦВК БССР, 1924. – 321 с.
5. Бурбіс, А. Беларуская Сацыялістычная Грамада ў першым перыядзе яе працы (1903–1907 гг.) / А. Бурбіс // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. – Менск : ЦВК БССР, 1924. – С. 177–182.
6. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: Кароткі агляд / Я. Варонка. – Коўна, 1920. – 29 с.
7. Ж.З.Х. (З. Жылуновіч). Арганізацыя сіл (Да гісторыі Савецкае Беларусі) // Польша. – 1924. – № 2. – С. 163–179.
8. Ж.З.Х. Гістарычны момант // Польша. – 1924. – № 4. – С. 144–158.
9. Ж.З.Х. Уступамі да Акцыяна // Польша. – 1923. – № 5–6. – С. 141–149; № 7–8. – С. 86–91.
10. Жылуновіч, З. Ад Кастрычніка 1917 да лютага 1918 года / З. Жылуновіч // Польша. – 1924. – № 1. – С. 153–167.
11. Жылуновіч, З. Алесь Бурбіс (рэвалюцыйная характарыстыка) / З. Жылуновіч // Польша. – 1927. – № 2. – С. 180–195.
12. Жылуновіч, З. Беларуская інтэлігенцыя ў гістарычным аспекце / З. Жылуновіч // Польша. – 1926. – № 6. – С. 74–98.
13. Жылуновіч, З. Беларускія секцыі РКП і стварэнне Беларускай Савецкай Рэспублікі / З. Жылуновіч // Польша. – 1928. – № 10. – С. 73–93.
14. Жылуновіч, З. Два бакі беларускага руху / З. Жылуновіч // Польша. – 1923. – № 3–4. – С. 69–74.
15. Жылуновіч, З. З'езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917 г. / З. Жылуновіч // Польша. – 1925. – № 6. – С. 202–206.
16. Жылуновіч, З. Люты – Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху / З. Жылуновіч // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. – Менск : ЦВК БССР, 1924. – С. 182–194.
17. Ігнатоўскі, У. Вялікі Кастрычнік на Беларусі / У. Ігнатоўскі // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху. – Менск : ЦВК БССР, 1924. – С. 195–215.
18. Каган, Л. Люты – Кастрычнік на Беларусі / Л. Каган // Польша. – 1925. – № 7. – С. 82–96.
19. Пінталь, С. Остатки контрреволюционных партий в Белоруссии / С. Пінталь // Вперед. – 1923. – № 1. – С. 50–53.
20. Канчер, Е.С. Белорусский вопрос: сборник статей / Е.С. Канчер. – Петроград : Изд. Бел. отдела Комиссариата по делам национальностей С.К.С.О., 1919. – 132 с.
21. Канчер, Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть II. История возникновения и деятельность организации. Выпуск первый / Е.С. Канчер // Неман. – 1993. – № 1. – С. 138–164.
22. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі: зборнік успамінаў і артыкулаў. – Мінск: Дзярж. выд. Беларусі, 1934. – 120 с.
23. Кіржніц, А. У няволі буржуазнага нацыяналізму / А. Кіржніц // Бальшавік Беларусі. – 1928. – № 1–3. – С. 50–62.
24. Ленин, В.И. К истории национальной программы в Австрии и России // Полн. собр. соч. – Т. 24. – С. 315.
25. Луцкевіч, А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1918 гг.) / А. Луцкевіч. – Вільня : Бел. выд. т-ва, 1928. – 52 с.
26. Мялешка, М. Барашча Беларускай Сацыялістычнай Грамады за зямлю ў 1905 г. / М. Мялешка // Польша. – 1926. – № 1. – С. 152–159.
27. Новіна Ант. (А. Луцкевіч). Палітычныя лозунгі беларускага руху // Наша Ніва: зборнік. – Вільня : Бел. выд. т-ва, 1920. – С. 2–14.
28. Пічэта, У. Формы нацыянальнага й опозіцыйнага руху на Беларусі / У. Пічэта // Польша. – 1924. – № 2. – С. 142–146.
29. Стары Піліп (А. Бурбіс). Кароткі агляд беларускага нацыянальна-рэвалюцыйнага руху // Вестник Народного Комиссариата просвещения БССР. – 1921. – № 1. – С. 4–9; № 2. – С. 4–10.
30. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального движения белорусов / Ф. Турук. – М. : Госиздат, 1921. – 144 с.
31. Чарвякоў, А. За Савецкую Беларусь / А. Чарвякоў. – Менск, 1927. – 73 с.
32. Шлюбскі, А. Да гісторыі БСГ / А. Шлюбскі // Польша. – 1925. – № 5. – С. 157–163.
33. Шлюбскі, А. Да гісторыі канфіскацыі “Нашай Доляі” // А. Шлюбскі // Польша. – 1925. – № 5. – С. 157–163.
34. Шлюбскі, А. Канфіскацыя першага беларускага часопіса “Наша Доля” / А. Шлюбскі // Савецкая Беларусь. – 1923. – № 153. – С. 3.

Новікаў С.Я.
МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ АСПЕКТЫ ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ
НАЦЫСЦКІХ ЗЛАЧЫНСТВАЎ У РАЁНЕ ТРАСЦЯНЦА (1942–1944 гг.)

У гэтым годзе спаўняецца 75 гадоў з таго гістарычнага моманту, калі ў раёне вёсак Вялікі і Малы Трасцянец амаль адначасова быў створаны працоўны лагер для прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва і пачаўся адлік ахвяр у трагічным спісе масавага знішчэння людзей, у тым ліку яўрэяў Беларусі, Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі, удзельнікаў партызанскай і падпольнай барацьбы, савецкіх ваеннапалонных. Аднак да гэтага часу ўсебаковае вывучэнне маштабнай трагедыі, звязанай з гібеллю 206,5 тысяч чалавек, не стала аб'ектам спецыяльнага даследавання ў беларускай гістарычнай навуцы. Мэтай аўтара з'яўляецца спроба рэканструкцыі гістарычных падзей не толькі на новых дакументальных крыніцах і малавядомых фактах, але і ў выніку выкарыстання сучасных метадалагічных напрацовак, перш-наперш метада крыніцазнаўчай і гістарыяграфічнай кампаратывістыкі.

У айчыннай гістарычнай навуцы замацавана абагульняючая назва – Трасцянец, якая датычыцца трагічных падзей каля вёсак Малы і Вялікі Трасцянец пад Мінскам. Уведзенае ў канцы 1980-х гадоў у шырокі ўжытак беларускім гісторыкам Ф.П. Раманоўскім навуковае азначэнне – Трасцянецкі лагер смерці [1, с. 590] – па цяперашні час застаецца вызначальным пры характарыстыцы таго, што ў ім адбывалася ў гады Вялікай Айчыннай вайны, але пакідае адкрытым важнае пытанне аб навуковай класіфікацыі гэтага месца масавай трагедыі грамадзянскага насельніцтва з Беларусі і іншых еўрапейскіх краін. Мае сэнс заўважыць, што ў сваёй доктарскай дысертацыі, паспяхова абароненай у 1974 г., але не апублікаванай у якасці асобнага навуковага выдання, гісторык ужывае ў дачыненні да гэтага месца зусім іншую назву – канцлагер смерці Трасцянец [2, л. 92]. Беларускі даследчык не дае патрэбнай у гэтай сувязі навуковай класіфікацыі месца, на той час ужо добра вядомага пасля адкрыцця Мемарыяльнага комплексу “Хатынь”, дзе ў адной з мемарыяльных ніш у “Сцяне жалобы” згадваўся Трасцянец з лічбай ахвяр у 206,5 тысяч чалавек. Апроч таго, пакідае без аналізу важны на той час дакумент – “Акт Мінскай абласной камісіі” ад 13 жніўня 1944 г., уведзены ў шырокі ўжытак у сярэдзіне 1960-х гадоў без агульнай лічбы ахвяр у раёне Трасцянца [3].

Цяперашняму беларускаму чытачу варта нагадаць асноўныя палажэнні, замацаваныя ў айчыннай літаратуры адносна лагера смерці Трасцянец, які на той час, паводле В.П. Раманоўскага, знаходзіўся на 11 км шашы Мінск–Магілёў. Лагер быў створаны ў лістападзе 1941 г. каля вёскі Трасцянец Мінскага раёна для масавага знішчэння савецкіх грамадзян і ваеннапалонных, палітычных вязняў з еўрапейскіх турмаў і лагераў Аўстрыі, Германіі, Польшчы, Францыі і Чэхаславакіі [1, с. 590]. Масавае расстрэлы праводзіліся ва ўрочышчы Благаўшчына (да кастрычніка 1943 г. загублена каля 150 тыс. чалавек), затым ва ўрочышчы Шашкоўка (знішчана больш за 50 тыс. чалавек), дзе была створана спецыяльная яма-печ. У чэрвені – ліпені 1944 г. у Малы Трасцянец ў хляве і на штабелі бярвення акупанты спалілі каля 6,5 тыс. чалавек. Усяго ў Трасцянецкім лагеры смерці загублена 206,5 тыс. чалавек. Лагер па колькасці знішчаных людзей стаіць на 4-м месцы пасля Асвенціма, Майданека і Трэблінкі [1, с. 590].

У другой палове 1980-х гадоў выйшла навукова-папулярнае выданне “Экскурсія ў Трасцянец”, аўтарам якога з'яўлялася супрацоўніца Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны А.Г. Ванькевіч. У гэтым выданні прыводзілася лічба ахвяр колькасцю ў 206 500 чалавек. У брашуры месца маштабнай трагедыі называлася дваяка: як фашысцкі лагер смерці Малы Трасцянец і як буйнейшы гітлераўскі канцэнтрацыйны лагер смерці – Малы Трасцянец [4, с. 7], але не прыводзіліся адрозненні паміж імі.

Такім чынам, базавым палажэннем, замацаваным у беларускай савецкай і захаванай у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі, з'яўляецца тэзіс аб масавым знішчэнні ў Трасцянецкім лагеры смерці савецкіх грамадзян, удзельнікаў антыфашысцкай барацьбы і савецкіх ваеннапалонных, а таксама замежных грамадзян агульнай колькасцю 206,5 тыс. чалавек.

У пачатку 2000-х гадоў беларускія гісторыкі прапанавалі новыя падыходы ў дачыненні да паказу гісторыі лагера смерці Трасцянец. Так, Э.Р. Іофе, даследуючы вузлае пытанне аб лёсе замежных яўрэяў, выкарыстоўвае традыцыйную назву Трасцянецкі лагер смерці і прыводзіць лічбу ахвяр колькасцю 546 тыс. чалавек, звяртаючы пры гэтым увагу на неабходнасць аналізу

максімальна поўнай базы дакументальных крыніц, якія могуць сведчыць аб сапраўдных маштабах трагедыі замежных і беларускіх яўрэяў у Трасцянец [5, с. 6].

Праз тры гады С.У. Жумар і Р.А. Чарнаглазава ў невялікім навукова-папулярным выданні “Трасцянец” уводзяць у дачыненні да самага буйнога ва Усходняй Еўропе цэнтры масавай загібы ваеннапалонных, яўрэяў, удзельнікаў руху Супраціўлення, вязняў турмаў і канцэнтрацыйных лагераў, заложнаў з грамадзянскага насельніцтва, выпадковых сведак злачынстваў нацыстаў і іх памагатых абагульняючую назву “тэрыторыя смерці” [6, с. 3]. На думку аўтараў выдання, архітэктоніку якога складаюць 27 дакументаў і 49 наглядных матэрыялаў, за 1941–1944 гг. ва ўрочышчах Благаўшчына і Шашкоўка, а таксама ў самім лагеры каля Малога Трасцянца было забіта прыблізна 206500 чалавек [6, с. 6].

У 2003 г. пабачыў свет зборнік дакументаў і матэрыялаў “Лагер смерці Трасцянец” [7], падрыхтаваны спецыялістамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь пад навуковым кіраўніцтвам Г.Д. Кнацько. Заслугай аўтараў-укладальнікаў з’яўляецца тое, што імі былі апублікаваны 117 дакументаў, выяўленыя ў беларускіх архіўных фондах, з якіх 107 дакументаў упершыню ўводзіліся ў навуковы зварот. Аналіз дакументальнай часткі дазваляе ўбачыць ход падрыхтоўкі матэрыялаў мінскай абласной камісіяй адразу пасля вызвалення, калі на працягу трох тыдняў з канца ліпеня па сярэдзіну жніўня 1944 г. лічбы трагедыі ў раёне Трасцянца прыныпова змяняліся ў бок значнага памяншэння ад 546 тысяч да 206,5 тысяч чалавек [7, с. 8]. Аўтары спрабуюць даць навуковую класіфікацыю лагера смерці Трасцянца, які быў тыпавой праявай нацысцкай сістэмы знішчэння і аб’ядноўваў некалькі месцаў масавага знішчэння – урочышчы Благаўшчына і Шашкоўка, а таксама лагер побач з вёскай Малы Трасцянец. Тут, у адным месцы, пераплялося ўсё тое, што мела месца ў розных месцах акупаванай Еўропы: знішчэнні грамадзянскага насельніцтва і ваеннапалонных, загадзя спланаваныя забойствы і непрадказальныя экзекуцыі людзей розных нацыянальнасцей і веравызнання [7, с. 8]. Асабліва важным нам бачыцца сцвярджэнне аўтараў пра тое, што ва ўрочышчы Благаўшчына асобая каманда СД раскапала і спаліла ў лістападзе – снежні 1943 г. (насамрэч з 27.10 да 15.12.1943 г. – С.Н.) рэшткі каля ста тысяч чалавек [7, с. 4].

Такім чынам, у пачатку 2000-х гадоў беларускія гісторыкі ўпершыню ўвялі ў шырокі зварот унікальную базу дакументальных крыніц, якая па цяперашні час застаецца па-за межамі спецыяльнага навуковага даследавання аб Трасцянец як месцы прымусовага ўтрымання і масавага знішчэння людзей з Мінска, Беларусі і іншых краін Еўропы.

Своеасаблівае бачанне месца знішчэння “з міжнароднымі функцыямі” ў раёне Малога Трасцянца прапанавала беларуская даследчыца Т.Р. Вяршыцкая ў артыкуле для энцыклапедыі «Холокост на территории СССР» (2009) [8, с. 987]. На яе думку, да канца вайны два ўрочышчы – Благаўшчына і Шашкоўка – з’яўляліся месцамі «систематического уничтожения гражданского населения, в том числе белорусских евреев, пленных из Минска и окрестностей, а также заключенных и евреев из стран Западной Европы – Австрии, Германии, Польши, Румынии, Чехословакии, Франции» [8, с. 987]. Гаворачы пра маштабы людскай трагедыі, Т.Р. Вяршыцкая падзяляе тэзу нямецкага гісторыка К. Герлаха аб тым, што ў Трасцянец устанавіць дакладныя даныя аб колькасці ахвяр немагчыма, паколькі з кастрычніка 1943 г. зондэркаманда 1005 праводзіла эксгумацыю трупаў з магіл масавага пахавання ва ўрочышчы Благаўшчына і потым спальвала іх. Паводле даных НДЗК, прыведзеных у артыкуле Т.Р. Вяршыцкай, усяго ў 34 ямах было пахавана 150 тыс. чалавек.

Працяг навуковага даследавання гісторыі ўрочышча Благаўшчына можна ўбачыць таксама ў артыкуле аўтара гэтых радкоў [9]. У аснове даследчыцкага пошуку пакладзена думка аб неабходнасці новага асэнсавання тых падзей. На думку аўтара, матэрыялы судавага працэсу над намеснікам камандзіра зондэркаманды 1005, оберлейтэнантам, начальнікам падраздзялення паліцыі бяспекі і службы бяспекі (СД) у Мінску О. Гольдапам, які адказваў за правядзенне работ з 27 кастрычніка па 15 снежня 1943 г., праліваюць святло на лічбу ахвяр агульнай колькасцю да 100 тыс. чалавек, эксгуміраваных і спаленых ва ўрочышчы Благаўшчына.

Не ўнеслі прыныпова важных зменаў у навуковую распрацоўку тэматыкі Трасцянца і матэрыялы міжнароднай канферэнцыі “Лагер смерці “Трасцянец” у еўрапейскай памяці” [10], якая ўвесну 2013 г. адбылася ў Мінску з удзелам даследчыкаў з Аўстрыі, Беларусі, Германіі, Чэхіі і прадстаўнічай міжнароднай грамадскасці. Больш таго, у час канферэнцыі без апоры на дакументальныя крыніцы (!) былі агучаны лічбы тых, каго загубілі ва ўрочышчы Благаўшчына: звыш 20 тысяч дэпартаваных яўрэяў з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі, каля 60 тысяч савецкіх

ваеннапалонных, звыш 50 тысяч яўрэяў з мінскага гета, каля 15 тысяч вязняў з лагера СД на вуліцы Шырокай і звыш 3 тысяч яўрэяў з іншых куткоў Беларусі [10, S. 15].

Новым словам у айчыннай гістарычнай навуцы ў дачыненні да Трасцянецкага лагера смерці можна лічыць нарыс, падрыхтаваны да зборніка дакументаў і матэрыялаў “Трасцянец: трагедия народов Европы, память в Беларуси” (2016) [11]. У ім беларускія гісторыкі А.Я. Далгоўскі і Н.А. Яцкевіч упершыню прыходзяць да важнай навуковай высновы аб тым, што ў Трасцянец была створана і дзейнічала “сістэма масавага знішчэння”, у якую ўваходзілі два ўрочышчы – Благаўшчына і Шашкоўка, былы калгасны хлеў як галоўныя месцы масавага знішчэння людзей, а таксама працоўны лагер і ахоўны гарнізон [11, с. 9–11].

Кажучы пра ўрочышча Благаўшчына як месца расстрэлаў, аўтары прытрымліваюцца падыходу, адпаведна якому яно з вясны 1942 г. стала месцам масавага знішчэння дэпартаваных з краін Еўропы яўрэяў, яўрэяў мінскага гета, а таксама месцам пагібелі большасці ўдзельнікаў Мінскага антыфашысцкага падполля, іх сем’яў, партызанскіх сувязных, раскрытых і арыштаваных СД, а таксама заложнікаў [11, с. 9]. Датчына другога месца масавага знішчэння, якім з’яўлялася ўрочышча Шашкоўка, дзе з канца 1943 г. пачаў дзейнічаць прымітыўны крэматорый (яма-печ). У сувязі з тым, што абсалютная большасць дэпартаваных яўрэяў з Заходняй Еўропы было знішчана летам 1942 г., а Мінскае гета перастае існаваць у кастрычніку 1943 г., урочышча Шашкоўка была месцам знішчэння галоўным чынам беларускага насельніцтва. У нарысе адзначаецца, што там былі знішчаны і спалены 50 тысяч грамадзян [11, с. 13]. У якасці апошняга месца масавага знішчэння людзей аўтары згадваюць былы калгасны хлеў, які стаў адным з элементаў “фабрыкі смерці Трасцянец”, дзе “29 чэрвеня 1944 года за тры дні да вызвалення Мінска Чырвонай Арміяй па загаду намесніка каманданта лагера Рыдэра былі расстраляны, а потым спалены 6,5 тысяч чалавек” [11, с. 11].

У выніку чытачу прапануецца наступная выснова: лагер Трасцянец – параджэнне нацысцкай сістэмы эксплуатацыі і знішчэння вялікіх мас людзей розных нацыянальнасцяў і веравызнанняў, камбінаваны варыянт месца масавага знішчэння і працоўнага лагера. Тут, каля Малога Трасцянца, у 1942–1944 гг. адбываліся сплантаныя і раней спланаваныя забойствы людзей, а таксама працоўная эксплуатацыя вязняў [11, с. 14].

Такім чынам, у апошніх паўтара дзесяцігоддзі беларускія даследчыкі трымалі ў фокусе сваіх навуковых пошукаў гістарычныя падзеі ў раёне Трасцянца, замацоўваючы ў айчыннай гістарыяграфіі асноўныя палажэнні аб ім як месцы прымусовага ўтрымання і масавага знішчэння людзей германскімі акупантамі і іх памагатымі агульнай колькасцю 206,5 тысяч чалавек.

У германскай гістарыяграфіі тэма Трасцянца з’явіліся толькі ў апошнюю чвэрць стагоддзя. Піянерам у вывучэнні гэтага беларускага месца стаў берлінскі даследчык П. Коль, які ў 1990 г. першым выдаў працу, у якой на прыкладзе Трасцянца, названага нямецкім даследчыкам “беларускім Асвенцімам” [12, S. 91], упершыню ўпісвае гэта месца масавага знішчэння не толькі ў пералік тэмаў навуковага пошуку, але і ставіць яго побач з іншымі ў агульнаеўрапейскі пантэон памяці.

Другі нямецкі гісторык, аўтар фундаментальнага даследавання пра германскую акупацыйную палітыку і палітыку знішчэння ў Беларусі 1941–1944 гг. [13] К. Герлах спалучае месцы масавага знішчэння ў раёне Трасцянца і называе іх лагерам смерці. Агульныя лічбы ахвяр, у тым ліку дэпартаваных яўрэяў з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі, пахаваных ва ўрочышчы Благаўшчына, складала ад 40 да 50 тыс. чалавек. Прымаючы лічбу ахвяр у 6,5 тысяч чалавек, загубленых у калгаснай адрыне ў канцы чэрвеня 1944 г., ён у той жа час называе агульную лічбу ахвяр “каля 60 тысяч чалавек”, выкарыстоўваючы пры гэтым агаворку “па грубых падліках” [13, S. 770].

Важны ўклад у сучасную германскую гістарыяграфію па даследаванні гісторыі Трасцянца ўносіць нямецкі гісторык П. Рэнтрап [14; 15]. У навуковым артыкуле “Малы Трасцянец” (2009) яна сцвярджае пра тое, што толькі з вясны 1942 г. камандзір мінскай службы бяспекі Э. Штраўх пачаў стварэнне новага цэнтра масавага знішчэння, якім па прычыне адступлення вермахта на цэнтральным фронце замест Магілёва на Дняпры становіцца Малы Трасцянец пад Мінскам [14, S. 574]. Да восені 1943 г. цэнтральным месцам нацысцкіх забойстваў, як адзначае даследчыца, з’яўлялася ўрочышча Благаўшчына, дзе было знішчана ад 40 да 55 тысяч ахвяр. На яе думку, афіцыйная лічба, якая выкарыстоўваецца ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі ў дачыненні да агульнай колькасці ахвяр у гэтым урочышчы, значна завышана [14, S. 578]. У сваёй манаграфіі (2011) П. Рэнтрап не выкарыстоўвае абагульненую назву Трасцянец, а згадвае канкрэтныя мес-

цы трагедыі – працоўны лагер Малы Трасцянец і месцы масавага знішчэння – Благаўшчыну, Шашкоўку, адрыну на краю вёскі. Даследчыца ставіць пад сумненне факт правядзення ў Благаўшчыне расстрэлаў неяўрэйскага насельніцтва і савецкіх ваеннапалонных пачынаючы ўжо з восені 1941 г. Спасылаючыся на дакументальныя крыніцы, яна паказвае, што аднаўленне дэпартацыі еўрапейскіх яўрэяў у напрамку Мінска з’яўлялася вызначальнай умовай для стварэння месца знішчэння ў Благаўшчыне [15, S. 203]. П. Рэнтрап прыходзіць да высновы, што агульная колькасць людзей, знішчаных у раёне Малага Трасцянца, складае значна менш за 60 тыс. чалавек, з якіх у Благаўшчыне было забіта больш за 30 тыс. яўрэяў [14, S. 211]. Асабліва важнай у працы П. Рэнтрап з’яўляецца класіфікацыя гэтага месца нацысцкіх злачынстваў: Малы Трасцянец займаў прамежкавае становішча паміж месцам масавага знішчэння і лагерам смерці.

У гэтай сувязі важна звярнуцца да навуковых крытэрыяў, на аснове якіх беларускія і нямецкія даследчыкі робяць захаваны да навуковай класіфікацыі нацысцкіх месцаў тэрору ўвогуле і месцаў масавага знішчэння людзей у раёне вёсак Малы і Вялікі Трасцянец у прыватнасці. Паводле айчыннай навуковай класіфікацыі месцаў прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. [16], да асноўных тыпаў такіх месцаў адносяцца: канцэнтрацыйныя лагеры, лагеры знішчэння, выпраўленча-працоўныя лагеры, гета, турмы, лагеры каля пярэдняга краю нямецкай абароны, працоўныя (рабочыя) лагеры, перасыльныя лагеры, лагеры грамадзянскага насельніцтва, рабочыя калоны (батальёны, роты, каманды) [16, с. 6–7]. Зварот да нямецкай навуковай класіфікацыі вызначае такія месцы прымусовага ўтрымання грамадзян і іх масавага знішчэння як: канцэнтрацыйныя лагеры, выхаваўчыя працоўныя лагеры, рабочыя лагеры, турмы, лагеры для ваеннапалонных, гета, працоўныя лагеры для яўрэяў, лагеры смерці, лагеры для цыган. На думку кіраўніка Цэнтра па даследаванні антысемітызму пры Берлінскім тэхнічным універсітэце прафесара Вольфганга Бенца, “у Беларусі лагер Малы Трасцянец, створаны ў пачатку 1942 г. камандзірам паліцыі бяспекі і СД Мінска, прайшоў шлях ад рабочага лагера да цэнтральнага месца знішчэння, у якім да лета 1944 г. былі забіты не менш за 60 тыс. чалавек, у тым ліку немцы, чэхі і аўстрыйцы, а таксам савецкія ваеннапалонныя і ўдзельнікі супраціўлення” [17, S. 24].

Вынікае, што Трасцянец падпадае пад крытэрыі нямецкай класіфікацыі ў дачыненні да рабочага лагера і абагульненага месца знішчэння. Гэта азначае, што ў апошнія гады беларускія і нямецкія гісторыкі вялі пошук новых падыходаў у дачыненні да вызначэння навуковага характару месцаў масавага генацыду ў раёне Трасцянца, спрабуючы зрабіць гэта на новай дакументальнай базе, выявіць сапраўдны характар тых гістарычных падзей у кантэксце стварэння Мемарыяльнага комплексу “Трасцянец” – сучаснага мемарыялу Памяці агульнаеўрапейскага значэння [18].

Напрыканцы неабходна адзначыць, што адна з важнейшых высноў аўтарскага даследавання на гэты момант заключаецца ў тым, што выяўлены ў апошні час і ўведзены ў шырокі ўжытак комплекс дакументальных крыніц ставіць на парадак дня беларускай гістарыяграфіі задачу па правядзенні спецыяльнага навуковага даследавання па гэтай тэме з улікам дасягненняў навейшай тэорыі і метадалогіі, асабліва кампаратыўнага аналізу айчынных і замежных крыніц з мэтай атрымання новых навуковых ведаў.

1. Раманоўскі, В.П. Трасцянецкі лагер смерці / В.П. Раманоўскі // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: Энцыклапедыя, Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Романовский, В.Ф. Немецко-фашистская оккупационная политики и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / В.Ф. Романовский // Институт истории АН БССР. – Минск, 1974. – 342 л.
3. Акт минской областной комиссии о массовом истреблении советских граждан на территории гор. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. от 13 августа 1944 г. // Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. 1941–1944 гг. – Минск : Беларусь, 1965. – С. 222–227.
4. Ванькевич, А.Г. Экскурсия в Тростенец // А.Г. Ванькевич. – Минск: Польша, 1986. – 32 с.
5. Иоффе, Э.Г. Иностранные евреи в Тростенском лагере смерти / Э.Г. Иоффе. – Минск : НАРБ, 2000. – 28 с.
6. Тростенец / сост. С.В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск : ГК «Полиграфоформление», 2003. – 103 с.
7. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Сост. В.И. Адамушко, Г.Д. Князько, Н.Е. Калесник, В.Д. Селеменев, Н.А. Яцкевич. Под ред. Г. Д. Князько. – Минск : НАРБ, 2003. – 292 с.
8. Вершицкая, Т.Г. Тростенец / Т.Г. Вершицкая // Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И. А. Альтман. – М.: РОССПЭН. – С. 987.
9. Новікаў, С. Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі Беларусі / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 21–27.
10. Der Vernichtungsort Trostenez in der europäischen Erinnerung. Materialien zur Internationalen Konferenz vom 21.–24. März 2013 in Minsk. – Dortmund : IBV, 2013. – 61 S.
11. Тростенец: трагедыя народаў Еўропы, памяць у Беларусі : дакументы і материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В.В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 520 с.

12. Kohl, P. „Ich wundre mich, dass ich noch lebe“. Sowjetische Augenzeugen berichten / P. Kohl. – Guetersloh : Guetersloher Verlag, 1990. – 319 S.
13. Gerlach, Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / Ch. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, 1999. – 1232 S.
14. Rentrop, P. Maly Trostinez / P. Rentrop // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. In 9 Bd. Bd. 9. Die Organisation des Terrors. – 2. Auflage. – München : Verlag C.H. Beck oHG, 2009. – S. 573–587.
15. Rentrop, P. Tatorte der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : METROPOL, 2011. – 256 S.
16. Справочник о места принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Авт.-сост. В.И. Адамушко и др.; науч. ред. П. П. Платонов, В. И. Адамушко. – Минск : НАРБ, 2011. – 158 с.
17. Benz, W. Nationalsozialistische Zwangslager. Ein Überblick / W. Benz // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. – In 9 Bände. Bd. I: Die Organisation des Terrors. – 2. Auflage. – München : Verlag C.H. Beck oHG, 2006. – 394 S.
18. Vernichtungsort Malyj Trostenez. Geschichte und Erinnerung. Katalog der deutsch-belarussischen Wanderausstellung. – Berlin : IBB Dortmund, IBB Minsk, 2016. – 246 S.

Ерохин В.Н.
РАСШИРЕНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ В ИЗУЧЕНИИ РЕФОРМАЦИИ
В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Религиозная Реформация в Англии началась по инициативе королевской власти: разрыв церковно-административных связей с Римом произошел на основе решения монарха Генриха VIII Тюдора (1509–1547) и был оформлен по распоряжению короля также парламентским Актом о королевском верховенстве в церкви (Act of Supremacy) 30 марта 1534 г. По этой причине изучение истории английской Реформации изначально строилось исследователями, в первую очередь, на основе использования источников, связанных с деятельностью центральной власти.

Значительная часть этих материалов опубликована. В большинстве своем эти документы вошли в издания государственных бумаг времени правления Генриха VIII, Эдуарда VI (1547–1553), Марии Тюдор (1553–1558), Елизаветы I Тюдор (1558–1603) [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 10]. На этих материалах изучение истории Реформации в Англии строилось главным образом как рассмотрение истории государственных и церковных институтов, государственной политики в религиозной сфере.

Ход Реформации в Англии осложнялся резкими изменениями в религиозной политике властей. В середине XVI в. одно поколение англичан наблюдало, как в 1534 г. страна разорвала с Римом, в 1553 г. дочь Генриха VIII от первого брака с Екатериной Арагонской, оставшаяся рьяной католичкой Мария Тюдор вернула Англию к католическому исповеданию. Затем вступившая на престол Елизавета I Тюдор восстановила в стране протестантизм. Ко всем этим переменам приходилось приспосабливаться в первую очередь духовным лицам в церкви, которым, чтобы сохранить свои должности, оставалось только соглашаться с религиозной политикой королевской власти. Нарцательным в качестве примера религиозной беспринципности в реформационный период стал образ викария Элейна из Брея (Aleyn of Bray): по сообщению известного церковного историка XVII века Томаса Фуллера (1608–1661), этот викарий говорил, что «мой принцип – жить и умереть, оставаясь викарием Брея». Он стремился сохранить свою должность, несмотря на все зигзаги религиозной политики в стране [11, p. 94].

В исследовании истории Реформации в Англии к середине XX в. специалистов стал интересовать вопрос о том, как реагировали на переход к протестантизму и политику властей в религиозной сфере жители страны на местном уровне, насколько быстро, какими темпами протестантизм утверждался в Англии. Проблема состоит в том, что исполнение законодательных предписаний властей может совершаться охотно и быстро или же с заметным нежеланием, на адаптацию к новым требованиям может уйти некоторое время. Под таким углом зрения с 1960–1970-х гг. были приняты усилия в изучении Реформации в Англии, которые принесли новое знание и в целом обогатили представления о процессе утверждения протестантизма в стране.

Новое понимание хода английской Реформации было обусловлено расширением источниковой базы в ее изучении, которое началось в 1960–1970-е гг. С тех пор происходило интенсивное изучение неопубликованных рукописных материалов в центральных и местных архивах. Важные в исследовательском отношении публикации источников, иллюстрирующие утверждение Реформации в отдельных местностях, по сей день немногочисленны [9; 12; 13; 14]. Историки Реформации стали все больше работать с неопубликованными материалами. В результате сейчас есть возможность брать сведения о том, в каком состоянии была церковь Англии, из материалов церковных судов – книг консисторий (consistory act books), показаний под присягой (deposition books), конкретных дел

о судебных разбирательствах (cause papers) в церковных судах. Материалы церковных судов несут в себе свидетельства не только о моральном облике прихожан, но также о темпах укоренения протестантизма в Англии. Стали также изучаться доклады о визитациях, все шире распространявшиеся в XVI веке завещания, годовые отчеты церковных старост.

Все эти материалы при изучении требуют критического анализа, учета особенностей используемых источников. Завещания отражают то, что думали более состоятельные прихожане, но эти мысли они находили в себе накануне смерти, и отсюда не узнать, как они относились к религиозным вопросам большую часть жизни. Книги консисторий выставляют напоказ только проблемы, которые доходили до суда, но часть подобных проблем решалась на предварительной стадии или вообще не обнародовалась из-за страха или почтительности по отношению к кому-то. Бывали случаи, когда церковные суды опасались привлечь к ответу влиятельных в данной местности людей. В 1574 г. епископ Церкви Англии Ричард Кокс писал, что «если кто-нибудь попытается принудить наших великих людей по графствам склониться перед требованиями дисциплины, это будет почти то же самое, что попытаться побрить льва» [15, p. 113].

Но, тем не менее, на этих материалах, сохранившихся в церковных архивах, можно решать вопросы, которые раньше игнорировались или обсуждались на уровне предположений. Из них также видно, что традиционная католическая религиозность не находилась в кризисе, и если даже накануне Реформации среди верующих встречались скептики по отношению к традиционной католической религиозности, было гораздо больше энтузиастов и конформистов. Материалы церковных судов демонстрируют главным образом то, что эти судебные органы тоже были полезны обществу, а их решения уважались [11, p. 18].

Историки сейчас также могут изучать ход Реформации в том виде, как она происходила, а не в том, как ее пытались проводить власти. Между законодательством и его исполнением, реализацией всегда есть разрыв. Изучение материалов деятельности местной церковной администрации дает возможность рассмотреть, как вводились новые нормы церковной жизни и каков был отклик на них. К. Хейг приводит пример с распоряжением властей в 1538 г. всем приходам приобрести Библию, но это распоряжение по разным причинам, включая экономические, оказалось трудно реализуемым: некоторые приходы купили Библию примерно через 10 лет после первоначального распоряжения. К. Хейг при этом считает, что попытки историков добраться до понимания Реформации простыми людьми во многом разочаровывают. Нет таких источников, которые недвусмысленно характеризовали бы религиозные верования народа, но при этом по некоторым источникам можно судить о том, как изменялись поведение и взгляды в некоторых социальных группах, сельских общинах. Как представляется К. Хейгу, в каждом приходе Реформация совершалась по-своему, у каждого прихода были свои причины к тому, воспринять ли ее или придерживаться прежних религиозных верований. Можно обнаружить региональные подобию, увидеть общенациональные тенденции, отметив в то же время, что темпы изменений в разных регионах были различными [11, p. 19].

К концу XX в. историки на основе изучения архивных материалов достигли более глубокого понимания того, как действовала в период Реформации центральная власть. Многие из того, что было открыто, показывает текучесть и случайность политического выбора и происходивших событий. Большинство населения воспринимало происходившую Реформацию как необходимость подчинения новым распоряжениям властей в религиозной сфере, а не как протестантское обращение. Религиозные изменения были вызваны законодательством, а законодательство формировалось под влиянием текущей политики. Все перипетии религиозных изменений – начало, определение, поддержание, замедление, оживление – были результатом политических событий. Поэтому К. Хейг считает, что исследование истории английской Реформации – это исследование в рамках политической истории [11, p. 20–21].

Исследования хода Реформации в Англии на локальном уровне подтвердили мнение о том, что протестантизм в XVI в. не был и не мог быть сразу же воспринят в народной среде как привлекательная религия. Характерные для протестантизма подчеркивание необходимости чтения Библии, учение о предопределении, оправдании верой ограничивали поначалу восприятие протестантизма в народе. Только к 1580–1590-м годам в Англии из университетов вышло поколение убежденных священников-протестантов, которые могли внедрить протестантские идеи в приходах по территории страны [8].

Активно проявившие себя в изучении Реформации в течение нескольких прошедших десятилетий историки-ревизионисты отстаивают мнение, что Реформация должна рассматриваться как совокупность зависящих от многих привходящих обстоятельств событий, но она все же имела тенденцию к укоренению в стране. Отдельные стадии проведения Реформации растянулись более чем на 30 лет. К. Хейг даже заявляет, что в Англии произошла «эрзац-Реформация», которая была «анемичным суррогатом европейской Реформации». Реформация на континенте происходила со страстями и насилием, а в Англии – сдержанно, в подчинении королевским указаниям. Алтари и образа в Англии сносила не толпа, а специально нанятые для этой работы каменщики и плотники по приказу монарха [11, p. 7].

Официальная Реформация проводилась монархами и политиками, исходя из своих интересов, но она стала возможной потому, что получила реальную поддержку некоторой части знати; наряду с законодательной реформацией стала происходить настоящая религиозная Реформация с подлинными обращениями, хотя этот процесс и был медленным. Реформации также способствовала развивавшаяся теория национального суверенитета и характерная для Англии идея о превосходстве общего права не только над каноническим, но и над римским правом. Юристы общего права добивались, чтобы церковные суды занимались только духовными и церемониальными делами. Юристы были одним из влиятельных меньшинств, интересам которого отвечала Реформация [11, p. 210–211].

1. Calendar of Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII / ed. by R.H. Brodie. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1864–1932. – Vol. I–XXI.
2. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Edward VI, 1547–1553 / ed. by C.S. Knighton. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1992. – XXXI, 438 p.
3. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth, 1547–1625 / ed. by C.S. Knighton. – L. : Longman & Roberts, 1856. – 1872. – Vol. I–XII.
4. Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Mary I, 1553–1558. Revised Edition / ed. by C. S. Knighton. – L. : Public Record Office, 1998. – XLVIII, 547 p.
5. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Edward VI 1547–1553 / ed. by W. B. Turnbull. – L. : Longman & Roberts, 1861. – XVII, 397 p.
6. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Elizabeth 1558–1589 / ed. by J. Stevenson, A.J. Crosby, A.J. Butler, S.C. Lomas, R.B. Wernham. – L. : Longman, Roberts & Green, 1863 – 1950. – Vol. I–XXIII.
7. Calendar of State Papers, Foreign Series, of the Reign of Mary 1553–1558 / ed. by W. B. Turnbull. – L. : Longman & Roberts, 1861. – XVI, 456 p.
8. Collinson, P. The Elizabethan Church and the New Religion // The Reign of Elizabeth I / ed. by C. Haigh. – L. : Macmillan, 1984. – P. 176–194.
9. Commission for Ecclesiastical Causes in the Dioceses of Bristol and Gloucester, 1574 / ed. by D. Price. – Bristol : Bristol and Gloucester Archaeological Society, 1972. – IX, 149 p.
10. Documents Illustrative of English Church History / ed. by H. Gee and W. J. Hardy. – New York & London : Macmillan and Co., Ltd, 1921. – XII, 670 p.
11. The English Reformation Revised / ed. by C. Haigh. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – X, 229 p.
12. Letters of Thomas Wood, Puritan. 1566-1577 / ed. by Patrick Collinson // Bulletin of the Institute of Historical Research. – L. : Athlone Press, 1960. – Special Supplement. – № 5. – XL, 31 p.
13. The State of the Church in the Reigns of Elizabeth and James I as Illustrated by Documents Relating to the Diocese of Lincoln / ed. by C. W. Foster. – Horncastle : W. K. Morton & Sons for Lincoln Record Society, 1926. CXLVIII, 562 p.
14. Tudor Churchwarden Accounts. Hertfordshire Record Publication / ed. by A. Palmer. – Hatfield : Hertfordshire Record Society, 1985. – Vol. I. – XIII, 216 p.
15. Zaret, D. The Heavenly Contract. Ideology and Organization in Pre-Revolutionary Puritanism. – Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1985. – 214 p.

Солодкин Я.Г.

ЛЕТОПИСНЫЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ «ЕРМАКОВОЙ ЭПОПЕИ» В ТРУДАХ Г.Ф. МИЛЛЕРА

Выясняя, как началось присоединение «Кучумова царства» к России, Г.Ф. Миллер постарался с максимальной полнотой использовать разнообразные источники, отражающие события конца 1570-х – середины 1580-х гг. в Прикамье, на Урале и в Западной Сибири, прежде всего летописи и документы русского происхождения.

Среди летописей, которые выдающийся ученый «Века Просвещения» включал в число «главнейших оснований» своего главного труда, там выделены «простые» («обычные», «обыкновенные»), под которыми можно понимать разновидности «Сказания» Саввы Есипова и иллюстрированную «Историю Сибирскую» С.У. Ремезова. При этом Г.Ф. Миллер констатировал, что в сибирских летописях «кратко описываются только главные события, а мелкие обстоя-

тельства нередко совсем опускаются» [8, с. 160, 226, ср. с. 256]. (Однако утверждение, будто сочинения в форме повременных записей «очень скупо освещают историю похода Ермака» [7, с. 16], едва ли оправдано).

«Повесть» Есипова была известна Г.Ф. Миллеру во многих списках, но только дополненная обычно доведенной до конца XVII в. «рописью о строении в Сибири городов и острогов и о бывших в оных воеводах», т.е. в составе Сибирского летописного свода (далее – СЛС), иначе говоря, в Распространенной редакции, а не в Основной, почти все рукописи которой не сопровождаются «Описанием о поставлении городов и острогов...» (часто принимаемым за своеобразный административный справочник). Г.Ф. Миллер, впрочем, располагал и Основной (краткой) редакцией летописи «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде» Саввы Есипова, но лишь в одном списке, сопутствующем «Описанию о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее», и особой редакцией синодика «ермаковым казакам» (далее – С). Такой состав сборника объясняется «системой выборки необходимых [владельцу. – Я.С.] документов для копирования» [11, с. 6, 16, 21]. (Г.Ф. Миллеру принадлежала и единственная рукопись одной из ранних редакций СЛС).

Известию «обычных» сибирских летописей о начале похода Ермака против «кучумлян» в 1581 г. (точнее, в 1580/81) Г.Ф. Миллер предпочел сообщения ремезовской «Истории» о выступлении казачьей «дружины» из строгановских владений на Сылву летом 1578 г. и год спустя в Сибирь; отправившись весной 1580 г. с Баранчи, донцы зиму провели в Тюмени (Чимги-Туре), откуда поплыли, уже следующей весной, вниз по Туре и, наконец, в октябре овладели Кашлыком [8, с. 209, 211, 212, 216, 218, 228 и др.]. (Мнения о том, что Г.Ф. Миллер приурочивал начало прославленной экспедиции к 1579 или 1581 гг. [8, с. 484; 13, с. 40; и др.], ошибочны. Как замечал А.В. Матвеев, «казачья эпопея» в представлении зачинателя научного сибиреведения открывается событиями сентября 1578 г. [6, с. 118]). «Отец сибирской истории» находил крайне маловероятным и свидетельство Есипова, повторенное редакторами его «сложения», о численности «русского полка», разгромившего ханство Кучума (якобы всего лишь 540 казаков). (Автора Основной редакции Есиповской летописи (далее – ОЕЛ) Миллер ошибочно [3, с. 48; 9, с. 686] причислял к современникам и даже очевидцам знаменитой экспедиции, почему считал это произведение в целом достоверным). Вслед за создателем Ремезовской летописи (далее – РЛ), частью которой, по наблюдению Г.Ф. Миллера, является Кунгурский летописец (далее – КЛ), ученый полагал, что вначале ермаковцев было 6 тыс., но, постоянно уменьшаясь, их количество ко времени «Сибирского взятия» достигло, о чем сказано и во всех других летописных сочинениях, 500 [8, с. 210–212, 216, 218, 223]. (Последнее, кстати, неверно, как и ссылка на сообщение ряда «обыкновенных» летописей о втором казачьем «посольстве» в Москву и царском указе об отправке туда ханского племянника Маметкула, взятого в плен «товарищами» «ратоборного» атамана [8, с. 234, ср. с. 244, 248]). Указания же (повторяемые и некоторыми современными историками [16, с. 240, 243 и др.]) поздних летописцев на шеститысячное войско Ермака еще Н.М. Карамзин с должными основаниями находил баснословными, как и РЛ в целом, исключая разве что сообщения, восходящие к ОЕЛ.

В основном излагая перипетии легендарного «закаменского» похода по РЛ [2, с. 133; 3, с. 35, ср. с. 65; 8, с. 159, 228, 478 и др.], обращаясь и к ее рисункам, Г.Ф. Миллер, однако, указывал, что в этой уникальной «гистории» река Баранча неверно названа Абугаем, ошибочно говорится о хане Чингисе – правителе Тюмени (скорее это был «незначительный татарский князец или мурза»), сеунчики Ермака вернулись в Кашлык не 1 марта 1582 г., а в следующем году, 21 июля, вероятно, завершился очередной поход русской «дружины», а не произошло ее сражение с Маметкулом, судя по другим сибирским летописям, султана, являвшегося лучшим военачальником Кучума, отправили в Москву не 21 ноября 1582 г., а следующим летом или осенью; вряд ли есаул Алышай (которого, кстати, отождествляют с мурзой Атиком [7, с. 22] не стоит [4, с. 156, 157; 8, с. 468]) перетянул Тобол в одном узком месте железной цепью, как сообщает Ремезов.

Повествуя (между прочим, на основании рассказа калмыцкого тайши Аблая) о походе, ставшем для его предводителя роковым, до Агицкого городка, сочинитель РЛ, в представлении Г.Ф. Миллера, спутал эту крепостицу с Атбашем, про который упоминается в других летописях. (Известно, что в 1637 г. Агицкий или Агитский городок перенесли по течению Вагая к холму Атбаш [13, с. 56]). В поход, из которого Ермаку не суждено было вернуться, он выступил, получив сообщение о направлявшемся к Кашлыку бухарском караване, вопреки Ремезову, не 1 августа, а раньше, и с тремя сотнями казаков, о чем сказано и в С, а не с 50.

Немало событий беспримерной экспедиции Г.Ф. Миллер, подобно автору РЛ, относил к 9 мая, т.е. Николину дню весеннему [8, с. 211, 218, 241]. (Кстати, в «Казанской истории» этим днем, и, очевидно, тоже намеренно, датировано выступление первых русских воевод в поход, закончившийся падением столицы татарского ханства [10, с. 450]).

Указание С.У. Ремезова на 45 ермаковцев, оставшихся от «единомысленной» «дружины» к осени 1581 г., создатель монументальной «Истории Сибири» опять-таки признавал заблуждением [8, с. 215, 217, 218, 221, 223, 234, 245, 248, 251, 253, 256, 260, ср. с. 254, 477]. Скептически воспринимались Г.Ф. Миллером и многочисленные рассказы Ремезова о чудесах, сопутствовавших «приведению» Сибири «под Российскую державу» [3, с. 46, 47, 63–64; 8, с. 221, 223, 242, 258, 259]. Едва ли не крупнейшему отечественному историку XVIII в. представлялись сомнительными и сообщения КЛ об отступлении донцов от Карачина городка на Тавду и возвращении казаков обратно по Тоболу (на Тавде русские побывали позднее), о привезенном с «Руси» остячком идоле, известном еще при Владимире Святом, приказе Кучума перед нападением на заснувших ермаковцев соорудить плотину или мост чрез Вагай [8, с. 222, 228, 239, 246, 257]. Таким образом, хотя автор классической «Истории Сибири» высоко оценивал произведение замечательного «изографа» петровской эпохи, даже предлагал опубликовать этот «Тобольский летописец» [1, с. 195; 3, с. 46; 8, с. 460], считать, что, говоря о дерзком походе казачьей вольницы, Г.Ф. Миллер «довольно точно следовал» РЛ [6, с. 28; ср. 15, с. 117], «на ремезовское сочинение <...> как бы нанизывал собранные им самим в архивах документальные материалы, сведения новонайденных сибирских летописных сводов, извлечения из некоторых татарских источников» [5, с. 46 и др.], думается, не стоит.

В оценке экспедиции, с которой началось крушение Сибирского юрта, Г.Ф. Миллер, однако, исходил не только из летописных свидетельств, как иногда указывается. Он обращался к грамотам из архива Строгановых [3, с. 63; 8, с. 158–159, 161, 470] – т. н. «опальной» (от 16 ноября 1582 г.) и посвященной отправки на помощь Ермаку отряда князя С.Д. Болховского (от 7 января 1584 г.) [8, с. 214, 232–233, 248, 249]. Последний документ дал возможность Г.Ф. Миллеру уточнить фамилию молодого воеводы, который в летописях якобы называется Волконским. (Однако лишь в немногих дошедших до нас летописях предводитель сибирской экспедиции 1584 г., который уже не застал Ермака в живых, называется Волконским [12, с. 60, примеч. 11; с. 113, 133, 135, ср. с. 73], во всех остальных, включая СЛС и РЛ, он представлен Болховским). Вопреки показаниям одной из последних грамот царя Ивана ученый на основании РЛ думал, что рать Болховского прибыла в Сибирь не в 1584 г., а годом раньше, и насчитывала на 200 служилых людей больше – 500 человек.

В качестве «подлинного исторического документа» Г.Ф. Миллер рассматривал С, в котором сообщалось о гибели 107 ермаковцев в сражении у Чувашева мыса [ср. 14, с. 353, 444] и бое близ Абалака 5 ноября (а не ровно месяц спустя, как говорится в «обычных» летописях). Но известие С об умерщвлении атамана Ивана Кольца и четырех десятков его казаков 17 апреля [ср. 14, с. 353–354, 444] исследователь, часто ссылавшийся и на предания о «старейшине» казаков, признавал ошибочным [8, с. 225, 230, 250; 9, с. 80].

Итак, Г.Ф. Миллером был собран и критически проанализирован широкий круг русских письменных источников, посвященных первому «Сибирскому взятию», что позволило выдающемуся ученому аргументировать ряд основополагающих суждений по различным проблемам истории возникновения Азиатской России.

1. Андреев, А.И. Очерки по источниковедению Сибири / А.И. Андреев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – Вып. 1 : XVII век. – 280 с.
2. Андреев, А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири / А.И. Андреев // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – С. 66–149.
3. Бахрушин, С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири / С.В. Бахрушин // Миллер Г.Ф. История Сибири. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – С. 7–65.
4. Бахрушин, С.В. Научные труды / С.В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3. – Ч. 2. – 299 с.
5. Дергачева-Скоп, Е.И. Ремезовская летопись: история открытия, рукописи, издания / Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. – Тобольск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2005. – С. 41–70.
6. Матвеев, А.В. В поисках места гибели атамана Ермака / А. В. Матвеев // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск : Изд-во Омск. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. – С. 127–144.
7. Матвеева, Н.П. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения / Матвеева Н.П., Аношко О. М. // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : Тюмень : 9–10 декабря 2014 г. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. – С. 16–26.
8. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – Т. 1. – 630 с.

9. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – 2-е изд., доп. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 2. – 796 с.
10. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. – М. : Художественная литература, 1985. – 624 с.
11. Покровский, Н.Н. Предисловие / Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская // Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – С. 3–31.
12. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – 382 с.
13. Сергеев, В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков / В. И. Сергеев // Актуальные проблемы истории СССР. – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1976. – С. 18–57.
14. Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 10, XXXI, 1, 645 с.
15. Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. – 182 с. – Переизд.
16. Худяков, Ю.С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники / Ю. С. Худяков // Тюркские народы : материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). – Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 240–243.

Нисковская М.И.
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ИСТОРИИ В.Н. ТАТИЩЕВА
В ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ ШТУДИЯХ И.П. ЕЛАГИНА

В XVIII веке, в период формирования принципов русской историографии, фундаментальная работа «История Российская» ученого и государственного деятеля Василия Никитича Татищева (1686–1750) оказалась в центре внимания многих авторов исторических сочинений: одни брали ее за основу, использовали содержащиеся в ней источники, другие же, напротив, находили в ней недостатки и критиковали ее. «История...» была главным делом В.Н. Татищева, над ней «он работал около 30 лет, завоевав авторитет в академических кругах не только России, но и других стран. После того, как в 1768 г. <...> “История Российская” вышла солидным тиражом в 1200 экземпляров, имя ее автора обрело самую широкую известность» [6, с. 161]. В.Н. Татищев являлся «безусловным историком в понимании своего времени, который отобрал и систематизировал огромное количество разнообразных письменных источников (летописи, жития, дипломатические бумаги, древнерусские сказания и др.)» [3, с. 101; ср.: 8, с. 266]. В «Истории Российской» есть немало оригинальных известий, не встречающихся в других источниках. «Это объясняется наличием в распоряжении историка середины XVIII в. ряда утраченных впоследствии древних русских летописей...» [4, с. 321].

Многие историки работу В.Н. Татищева использовали в качестве образца при написании своих собственных исторических текстов. Одним из авторов XVIII в., который опирался на его сочинение, был Иван Перфильевич Елагин (1725–1794). По словам Г.Н. Моисеевой, «И.П. Елагин рассматривал свой труд как продолжение “Истории российской” В.Н. Татищева» [5, с. 104]. По утверждению С.Н. Валка, в молодые годы И.П. Елагин имел «счастье знать Татищева и даже слышал от него, что труд его “весьма далее простерся” чем то, что теперь известно в печати...» [1, с. 471]. И.П. Елагин высоко ценил «Историю Российскую» и противопоставлял ее труду М.В. Ломоносова.

И.П. Елагин подчеркивает особую роль работы В.Н. Татищева во Введении к «Опыту повествования о России», в котором анализирует источники для изучения русской истории. По словам И.П. Елагина, «сии суть источники, наполняющие пространное море Российского повествования; их в разных списках собрал рачительный Господин Тайный Советник Татищев, и учеными примечаниями объяснил и украсил до половины XV столетия» [2, с. XXV]. Отметим, что анализ источников И.П. Елагин начинает с новгородских летописей, которые, по его мнению, существовали до нашей эры. Этот прием используется автором для того, чтобы показать древнейшие корни русского государства. Очевидно, что существование указанных автором летописей могло вызвать сомнения у осведомленных читателей «Опыта...», поэтому И.П. Елагин, предупреждая вопросы, пишет, что до наших дней эти источники не сохранились из-за ветхости. «В Новгороде, как и во всех полуночных странах, по свидетельству Маллета, Сочинителя Датского повествования, да и в самом еще Славянске, есть ли летописи, то предания конечно были задолго до Рождества Христова; но какими буквами писаны, того узнать не можно, что и сами они времен едкостью истреблены» [2, с. XVIII].

Следующими по хронологии источниками, по которым автор «Опыта...» пытался изучать историю древнерусского государства, были Новгородская и Иоакимовская летописи: «... в продолжении не порядком преисполненная ветхая Новгородская летопись и перечень из повествования Иоакимова, первого Епископа Новгородского, трудолюбивым Господином Тайным

Советником Татищевым составленный» [2, с. XVIII–XIX]. Скорее всего, И.П. Елагин имеет в виду Новгородскую первую летопись, которая содержала информацию о Новгородской феодальной республике, ее культуре, быте, общественно-политической жизни, взаимодействии с другими древнерусскими центрами. Верно подметил И.П. Елагин то, что Иоакимовская летопись была включена в качестве выдержек из древней рукописи в исторический труд В.Н. Татищева. Как известно, сведения из этой летописи о древнерусской истории (в первую очередь новгородской) не находят подтверждения в других источниках, они уникальны. До сих пор идут споры о ее достоверности.

Можно предположить, что сведения об Иоакиме И.П. Елагин почерпнул у В.Н. Татищева. Последний в своей истории пишет, что «хотя наши и Польские историки Нестора Печерского за первейшего историка Русского почитают, однако ж то довольно видимо, что прежде его писатели были, да книги те погубили, или еще где хранятся...» [7, с. 29]. Об Иоакиме В.Н. Татищев говорил, что «между такими неведомыми Нестору и забвенными Историки есть Иоаким первый Епископ Новгородский...» [7, с. 29]. По словам В.Н. Татищева, он «приехал в Русь с другими Епископы 991 <...> и определен в Новгород, умер 1030» [7, с. 30].

И.П. Елагин использует авторитет В.Н. Татищева, опорные фразы из «Истории...» об образованности Иоакима, знании им греческого языка, частичной сохранности летописи, на основе этого автор «Опыта...» перерабатывает текст В.Н. Татищева, выдвигает собственную гипотезу о том, что летописец начинает свое повествование до Рождества Христова, тем самым еще раз подчеркивает гораздо большую древность Руси, чем это принято было считать его современниками. А подтвердиться эта гипотеза И.П. Елагина не могла (как, вероятно, по его мнению, и быть оспорена), потому как утрачены многие листы Иоакимовской летописи: «Иоаким жил во время Владимира I, и Епископом в Новгороде в самое его и России поставлен. Он Славянорусское, и паче Новгородское повествование начинает гораздо кажется прежде Рождества Христова, и кратко проходит, лет не означая, до разделения Владимиром на удельные Княжения России. Многие в сей сохраненной выписке утрачены листы; но что осталось, то хотя, подобно Новгородской летописи, и баснословно, однако ж показывает его мужем разумным, и в словесных науках, со знанием природного ему Греческого языка, довольно сведущим. Потому напрасно почитается преподобный Нестор, и у нас и у внешних Писателей, первым нашим Повествователем. Иоаким умер прежде, нежели Нестор пришел в Киев и свое повествование начал» [2, с. XIX].

Отметим, что И.П. Елагин, воспользовавшись материалами В.Н. Татищева, указал, что все летописи до Нестора не сохранились, и: «Все прочие до него [Нестора – *М.Н.*] бывшие [летописи – *М.Н.*], из которых и сам он, как видно, по свидетельству Симона Суздальского Епископа, почерпал, время поглотив, в неизвестность обратило» [2, с. XIX–XX]. Как известно, В.Н. Татищев пользовался списком летописи епископа Симона, после этого летопись была утеряна и с ней никто не смог ознакомиться, автор «Истории Российской» писал: «... а Симон Епископ в предисловии, как Киприян сказует, написал: хотя многие писатели о руссах ранее Нестора были, однако или от древности исказились, или не сохранились и мало Константин улучил, а Несторову Сильвестр Выдобожский исполняя сохранил» [7, с. 52]. Поэтому, вероятно, И.П. Елагин полагал, что его версия о древности русской истории надежно защищена.

И.П. Елагин, анализируя работу Нестора, отметил, с какого периода летописец начал свое писание, отрицательную оценку он дал слогу автора, заметил, что в нем нет красоты: Нестор, «объявив кратко о создании Киева, начинает вещание свое с половины IX века <...> Слог его темен по древности языка <...> Красоты витийства и учености повествователя в нем не видно» [2, с. XX]. В.Н. Татищев не давал отрицательных оценок слогу Нестора. Как писал автор «Истории Российской», «между явными нам русскими Историки есть древнейший Нестор бывший монах Печерского монастыря, родился на беле Озере, и по сказанию Нифонта в патерике пожив лета довольно прославился. По исчислению в монастыре он пришел в 1073 году 17 лет, ибо родился 1056. Историю кончил 1093, когда был 37 лет» [7, с. 51–52]. Как видим, И.П. Елагин не только следовал в своих источниковедческих штудиях перу В.Н. Татищева, но и вносил в них дополнительные характеристики, например, особенностей стиля летописи.

Перечисляя летописателей, И.П. Елагин следует за автором «Истории Российской», который пишет, что «первый по Несторе продолжатель или второй сочинитель летописи Русской есть Силвестр Игумен Михайлова Выдойского монастыря близ Киева <...> видно, что с 1093 по окончании Несторовом порядок писания неколико переменен...» [7, с. 56–57]. И.П. Елагин отмечает, что «продолжатель Несторовой летописи был Сильвестр, Игумен монастыря Святого

Михаила, подобный во всем предтечу своему. По нем, при великом от времени до времени раздроблении России, умножились и продолжители Нестору по всем Княжениям. Имена их не известны; но то неоспоримо, что все они разных монастырей черноризцы были. От сего произошли толь многие и толь неисправные, одних обстоятельств с пропуском, а других с прибавлением, списки Несторовой летописи» [2, с. XXI].

Далее И.П. Елагин говорит о дополнителе Сильвестра, жившем в XII в. Автор «Опыта...» обрабатывает выдержки из истории В.Н. Татищева: для сравнения, Елагин писал, что «по Сильвестре виден однако ж единый ему пополнитель; имя его хотя не известно, но пребывание его, кажется, было на Волыне; ибо сам он о себе в 1149м году сказует, что тамо с Игорем II часто бывал он...» [2, с. XXI]; у Татищева это написано несколько по-другому: «По Сильвестре дополнителя имя не известно, но видимо, что был на Волыни, или в Киеве, понеже часто восточную страну Днепра к Чернигову за Киевом и за Днепром имянует. Он о себе в 1146 году сказует, что в 1143 году с Игорем вторым в Володимир в часто певал...» [7, с. 57].

После Сильвестра И.П. Елагин, следуя за В.Н. Татищевым, описывает летописание Симона, Суздальского Епископа: Симон, живший «в XII и в начале XIII века, продолжал Несторову летопись, и отличается от прочих вящим в писании искусством. Он оставил нам и нравственные характеры и телесные виды многих Князей Российских» [2, с. XXI]. И.П. Елагин добавляет красок в описание Симона, но меняет текст В.Н. Татищева, который писал: «сей Симон не токмо тщание к Истории <...> но к тому потребный способ имел, ибо жил во время любомудрого Государя Константина, которого он хотя по вражде с его защитником Георгием III неколико неправо обвиняет, а Георгия выхваляет, однако ж Константина мудрым, кротким и справедливым нарицает» [7, с. 58].

Следующим летописателем В.Н. Татищев определяет Иоанна Новгородского: «По Симоне дополнял поп Иоанн, как он о себе в 1230 году себя самовидцем написанных дел сказует. Сей много Новгородских дел внес и обстоятельно, токмо дивно, что у него чудес бывших в его время не описано, хотя ему весьма могли быть ведомы» [7, с. 59]. И.П. Елагин продолжает следовать В.Н. Татищеву, но переделывает текст истории своего коллеги, создавая впечатление самостоятельности своих исторических штудий: «Симон был современником Новгородскому летописцу; также Несторову продолжителю, который под летом 1250м сам о себе говорит: “что он был очевидный свидетель многих тогда случившихся событий...”» [2, с. XXII].

При описании Иоанна Новгородского И.П. Елагин отходит от текста истории В.Н. Татищева, в «Опыте...» написано, что «...Иоанн паче знаменит бы был преданием потомству грамоты Князя Ярослава Владимировича, 1019 года писанной и содержащей гражданские права, и суд и расправу Новгородскую, есть ли б иной безымянный летописец полнейшие Русские правды нам не оставил, с присовокуплением закона Владимира II, Мономахом прозванного. Нестор упомянул вкратце о сем Ярославском законе...» [2, с. XXII]. В.Н. Татищев ограничился лишь фразой, что Иоанн Новгородский «...о битве Александра написал точно, что от него самого слышал, чудо от образа богородицы Знамения в его церкви сказуемое, но он обоих чудес не упомянул» [7, с. 59]. Скорее всего, летописец, который писал, что летал на бесе в Иерусалим, оказался, с точки зрения И.П. Елагина, подходящей исторической личностью, которая могла сохранить важные документы, включив их в текст летописи; читатели «Опыта...» не заметили бы небольшого преувеличения. Представляется, таким способом И.П. Елагин пытался показать, что он провел самостоятельное фундаментальное исследование, опирающееся на весомые доказательства, поэтому его «Опыт...» должен был найти положительный отклик и у историков, и у других читателей.

Таким образом, в источниковедческих практиках И.П. Елагин ориентировался на «Историю Российскую» В.Н. Татищева, из нее были заимствованы в «Опыт...» имена летописцев, некоторые биографические данные, хронология возникновения летописей и другое; при этом И.П. Елагин вносил изменения в тексты предшественника для того, чтобы показать самостоятельность своей работы, представить себя в качестве состоявшегося историка и доказать, что начало русской истории положено еще в глубокой древности.

1. Валк, С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению / С. Н. Валк. – СПб. : Наука, 2000. – 664 с.
2. Елагин, И.П. Опыт повествования о России / Ивана Елагина. – М. : Университетская тип., 1803. – Кн. 1–3. – 532 с.
3. Качин, Н.А. В.Н. Татищев – прообраз первого русского историка / А. В. Качин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 98–102.
4. Майров, А.В. О Полоцкой летописи В. Н. Татищева / А. В. Майоров // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред.
5. О.В. Творогов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – Т. LVII. – С. 321–343.

6. Моисеева, Г.Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н.М. Карамзина / Г.Н. Моисеева // XVIII век : сб. ст. и мат-лов / под ред. академика А. С. Орлова. – Л. : Издательство АН СССР, 1989. – Вып. 16. – С. 104–109.
7. Рыбаков, С.В. В.Н. Татищев в зеркале русской историографии / С.В. Рыбаков // Вопросы истории. – 2007. – № 4. – С. 161–167.
8. Татищев, В.Н. История Российская с самых древнейших времен / В.Н. Татищев. – М. : Императорский Московский Университет, 1768. – Кн.1. – Ч. 1. – 262 с.
9. Шмидт, С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С.О. Шмидт. – М. : Языки славянских культур, 2009. – Т. 2 : От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. – Кн. 1. – 576 с.

Хацько Е.В.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ
В ТРУДАХ Т.Б. МАКОЛЕЯ

Томас Бабингтон Маколей – английский историк, публицист, общественный и политический деятель первой половины XIX в., автор многотомной «Истории Англии от восшествия Якова II на престол» и многочисленных эссе. Однако популярность его вышла далеко за пределы Великобритании благодаря оригинальному видению историком прошлого своего государства и Европы в целом, а также необычному стилю изложения своих материалов, соотношению в них фактов, основанных на исторических источниках, и художественного вымысла, придающего им характер исторических романов, основанных на реальных событиях.

«История, – говорит Маколей в одном из своих эссе, – по крайней мере в состоянии идеального совершенства – это соединение поэзии и философии. Оно поражает общие истины разума ярким представлением конкретных персонажей и инцидентов. Но до сих пор не было известно, чтобы, фактически, два враждебных элемента, из которых оно состоит, сформировали идеальное слияние; и задолго до наших времен они были совершенно разделены. Хороших историй, в правильном понимании этого слова, у нас не было. Но у нас есть хорошие исторические романы и хорошие исторические эссе» [1, с. 89]. Т.Б. Маколей считал, что причина заложена в постоянном конфликте разума и воображения, и все историки излишне подчиняют ее либо первому, либо второму. В результате этого получается либо вымысел, либо теория [2, с. 328].

Именно примирение двух враждебных элементов истории было мечтой ранних амбиций Т.Б. Маколея и серьезным делом его поздних лет. Он утверждал, что две стороны истории – элемент сути и элемент искусства, который облачает суть в привлекательную форму, – всегда были слишком очевидны для историков, чтобы их упускать из виду. В самой ранней форме истории – поэзии и легенде – элемент сути уменьшался до минимума и почти совершенно пересиливался элементом искусства, который создавал суть без ограничений. Однако со временем возникла объективная необходимость вести точную летопись фактов, появились первые простые летописи и затем история в общем смысле этого слова. Относительная пропорция двух элементов в ней никогда не была тщательно определена и была оставлена на усмотрение отдельных авторов. В целом, однако, художественный элемент долго превосходил над сутью. Поиск фактов, даже когда это было необходимо, был поверхностным, главным предметом историков было показать их талант в рисунках прошлого, в котором воображение превосходило реальность. Мастера этой художественной формы истории, по мнению Т.Б. Маколея, – четыре великих древних человека, два грека и два римлянина: Геродот, Фукидид, Ливий, Тацит. Современники долгое время только копировали древних в истории, как и во всех других областях [4, с. 153].

Лишь к концу XVIII века, по мнению ученого, история получила новый импульс. Сложная социальная и политическая структура общества сделала необходимым с большей точностью изучать определенные общественные вопросы, и этот расширенный взгляд на настоящее вскоре был применен историками и в отношении прошлого. А Французская революция, которая показала резкую смену социальной стратификации, ускорила этот процесс. В начале XIX века, считал Т.Б. Маколей, «история изучалась новыми глазами». Стало очевидно, что она вся должна быть написана заново, что старые писатели видели чуть больше поверхности и были скорее «геодезистами», а истории на тот момент уже требовались «геологи», которые могли проникать на большие глубины [2, с. 330].

С XIX века прошлое начало научно изучаться не для творческих целей, чтобы сочинять красивые рассказы, не для политических целей, чтобы находить материалы для участников боевых действий, не для теоретических целей, чтобы создать правдоподобную, но преходящую философию истории, но для точных и поддающихся проверке знаний. Это был процесс, через который прежде прошли другие науки: изучение небес от астрологии до астрономии, изучение со-

става органов от алхимии до химии, изучение медицины от поиска эликсира молодости до серьезной терапии. Результатом этого процесса в истории стало снижение и почти разрушение художественного элемента. Стало очевидным, что источниковая база предыдущих исторических произведений полна пробелов и требует от исследователя серьезной и тщательной работы. Труды историков предшествующих эпох стали считаться не достойными называться научными, а новые напоминали лишь констатацию фактов. Таким видел Т.Б. Маколей процесс становления исторической науки [4, с. 154].

Ни один историк до него не рассматривал когда-либо свою задачу с той же точки зрения или ставил целью добиться такого же результата; ни один так не решил рассматривать реальные события в виде рассказа или романа. Многие историки до Т.Б. Маколея делали все возможное, чтобы быть живописными, но ни один из них никогда не представлял возможным из рассеянных фактов с помощью кропотливого труда, руководимого художественным талантом, собрать мозаику, которая в цвете, свободе и отделке могла соперничать с художественными произведениями. Он доказал, что объем источников и исторических фактов в таком произведении может быть не меньшим, чем доля художественного вымысла. Если биография каждого исторического персонажа известна максимально подробно, то вполне возможно, по мнению историка, что каждый из них представит себя в повествовании, и ему не придется прибегать к вымыслу, как это делает писатель, в отношении своих героев [4, с. 156].

Советский исследователь К. Татарина отметила, что, приступая к созданию «Истории Англии», Т.Б. Маколей составил обширный план предварительных работ, в который входило не только изучение огромного количества опубликованных и архивных материалов, но и личное знакомство со всеми территориями, которые будут упомянуты в книге. И этот план он осуществил, посетив почти все местности, связанные с событиями описываемой эпохи, и изучив грандиозное количество документов в публичных и частных архивах. Т.Б. Маколей пересмотрел не только множество официальных документов, мемуаров, писем, но и памятников народного творчества того периода: народные песни, памфлеты, сатиры. Его трудолюбие в этом отношении может вызвать восхищение. Исчерпывающие знания предшествующей истории каждого места, упомянутого в его «Истории Англии», позволили писателю нарисовать замок, город или особняк с высокой точностью и местным колоритом. У историка не было недостатка в сведениях, скорее перед ним стояла проблема отбора. Т.Б. Маколей выбирал самые яркие черты, наиболее характерные оттенки предмета, господствовал над обширным материалом, упорядочивал его [3, с. 44].

Рассуждению о фактах в истории он уделит отдельное место в своих эссе: «В вымысле принципы даны, а факты создаются; в истории же, наоборот, по данным фактам выводятся принципы; писатель, который умеет только представлять, а не выяснять явления, выполняет только половину своей задачи» [2, с. 339]. Он говорил также о том, что многие романы или биографические книги очень популярны среди читателей, а истории великих империй «лежат нечитанными на полках в библиотеках хвастливых богачей» [2, с. 367]. Причина этого кроется в неумении многих историков правильно отбирать факты, акцентировать внимание на деталях: «Они думают, что останавливаться на частностях, составляющих прелесть биографии, унижительно для достоинств людей, описывающих народные перевороты» [2, с. 367].

Т.Б. Маколей говорил, что историю определяют как философию, обучающую на примерах. Чем глубже в ней философия, тем невыразительнее и тусклее эти примеры. Идеальный историк должен обладать таким воображением, которое делало бы его повествование живописным и действующим на чувства. В то же время, ему необходимо достаточное самообладание, чтобы довольствоваться только имеющимися материалами и удерживать себя от восполнения недостающего из собственной фантазии. Настоящий историк не должен поддаваться искушению отбирать факты только в пользу собственной теории. Он также проводил различие между воображением, необходимым для создания художественного произведения, и воображением историка.

Применение только подходящих для теории фактов, неумение правильно отбирать их и уделять внимание деталям историк считал одним из главных недостатков современных историков, но далеко не единственным. Т.Б. Маколей указывал также на неумение многих изложить свои произведения живым и образным языком, доступным, интересным и понятным каждому. Для того, чтобы написать идеальную историю государства, настоящий историк, по мнению Т.Б. Маколея, не должен упускать важнейшие битвы, осады, переговоры, смены правительств, но все это он должен «пересыпать подробностями, составляющими прелесть исторических ро-

манов» [2, с. 371]. Только тогда, считал Томас Бабингтон, у людей появится знание, которое может помочь составить верные заключения относительно будущего. Правильно написанная история способна внушить множество истин, которые невозможно внушить ни одним другим способом. Лишь историк, который соблюдает все принципы, правила и приемы, по мнению Т.Б. Маколей, сможет достичь главной цели – пользы для общества.

Своими взглядами на идеальный исторический труд, соотношение в нем источниковой базы и приемов художественной литературы Т.Б. Маколей заслужил немало критики со стороны европейских и особенно советских историков. Основные доводы «обвинения» в сторону историка заключаются в том, что рассказать историю большого государства в поразительном стиле, подходящем приключенческому рассказу, – это ошибка. Однако согласно плану историка, такие красочные, порой анекдотичные отрывки не просто украшение повествования, они являются частью целой структуры; их удаление было бы удалением не просто художественного нароста, а большого количества содержания, так как все они основаны на реальных фактах. Т.Б. Маколей сознательно использовал такой стиль. Его художественное обрамление известных фактов – это не литературное украшение, а дополнительные факты, для которых он способен найти подходящее место. Исторические источники служат ему не только для извлечения из них исторических фактов, но и для поиска дополнительных деталей, на которых могут базироваться художественные приемы [4, с. 157].

Подвергнув тщательному анализу произведения историка, можно сделать вывод о том, что многие сцены из его «Истории Англии», считавшиеся художественным вымыслом, – факты, которым ранее не уделялось должного внимания. Таким образом, критика методологической концепции Т.Б. Маколей вполне оправдана. Однако она не может основываться на том, что автор использовал недостаточное количество источников и фактов, превратив историю многих государств в исторический роман. Скорее историк использовал огромное количество малоизвестных фактов и мелких деталей, позволивших ему применить к ним литературные приемы. В этом и может заключаться главный недостаток видения идеального исторического труда Т.Б. Маколеем. Применение его модели для длительных периодов является физически невозможным. Пять томов «Истории Англии», которые успел написать Томас Бабингтон, охватывают около пятнадцати лет. Его первоначальной целью было довести свое повествование до конца правления Георга IV, т.е. описать события практически полутора веков. Чтобы осуществить задуманное, придерживаясь такой методики, историку понадобилось бы более пятидесяти томов. Он писал в среднем том в три года, поэтому все его дело заняло бы сто пятьдесят лет, а описание событий занимало бы больший период времени, чем они происходили в реальности. История имела бы невероятный объем.

Практическое воплощение опровергало теорию, выстроенную Т.Б. Маколеем. Но он не мог позволить себе сократить материал без ущерба для своего понятия о том, как должна быть написана его книга. Историк создал такой масштаб, что полное завершение его замысла было за пределами ограниченного периода человеческой жизни. Такая структура, обширная и величественная, требовала продолжительности для гармоничной пропорции. «“История Англии” напоминает один из недостроенных соборов Бове. Нарядный и поднимающийся ввысь хор хочет уравновешенности волшебного нефа, и шедевр французской готики лишен должного ранга от простой незавершенности», – сравнивал труд Т.Б. Маколей английский исследователь Дж.К. Морисон [4, с. 162].

Вопросы об отборе и группировке исторических источников и фактов, соотношения теоретического и художественного, поставленные Т.Б. Маколеем, по сей день не имеют однозначного ответа. Однако его модель написания истории нашла множество почитателей, а произведения долгое время оставались востребованными и популярными во всем мире. В последние годы большую популярность имеет локальная история, для которой вполне применима методологическая концепция историка. Однако в современной белорусской историографии отношение к деятельности Т.Б. Маколей продолжает базироваться на советской оценке, согласно которой ученый был назван «фальсификатором истории», а его многочисленные труды фактически не исследованы. Современный анализ его исторического наследия доказывает, что отечественной науке необходим пересмотр вклада Т.Б. Маколей в развитие мировой историографии.

1. Маколей, Т.Б. Галлам // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. : в 15 т. / Маколей. – СПб. : изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1865. – Т. 1. – С. 89–177.
2. Маколей, Т.Б. Об истории // Маколей Т. Б. Полн. собр. соч. ... – Т. 13. – С. 327–375.
3. Татарина, К.Н. Маколей как историк / К. Н. Татарина // Вопросы истории. – 1945. – № 5. – С. 44–53.
4. Morison, J.C. Macaulay / J. C. Morison. – L. : Macmillan and Co, 1889. – 187 p.

Матюшевская М.И.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

С момента своего возникновения в античности и до наших дней историописание всегда развивалось в тесной связи с литературным творчеством. Формирующаяся историческая наука и художественная литература взаимно обогащали сюжетные линии и жанровые особенности друг друга, совместно оттачивали искусство эмоционального воздействия на своего читателя.

Дисциплинарно организованная наука XIX века стала использовать художественные произведения в качестве исторического источника. Тогда же учеными был поставлен вопрос о правомерности такой методологии, о различиях научного и литературного творчества.

Нарастание междисциплинарности науки XX – начала XXI в. подняло данную дискуссию на новый уровень. Как отмечает В.П. Богданов, в советское время при разработке этой темы наметились два пути: изучение влияния на исторический процесс литературных произведений (работы М.В. Нечкиной) и исследование отражения в художественных произведениях исторических фактов (работы Ю.М. Лотмана). В настоящее время свидетельством вновь возрастающего интереса российских исследователей к изучению художественных произведений как исторических источников являются публикации, посвященные литературному краеведению, а также первый номер журнала «Отечественная история» за 2002 год [1].

В этой связи представляется актуальным обращение к историографическим источникам и, в частности, к изучению трудов известного российского историка В.О. Ключевского, методология научного творчества которого за истекшее столетие получила в российской науке разнообразные и порой взаимоисключающие оценки [7]. В своих трудах В.О. Ключевский активно использовал художественные произведения и дал теоретическое обоснование необходимости проведения такой работы.

Анализ научных сочинений В.О. Ключевского показывает, что к изучению художественных произведений в качестве исторических источников он прибегал в случае применения в исторической реконструкции метода типологии. В «Курсе русской истории» ученый писал: «...типические лица помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах целно собирались и выпукло проступали такие интересы и свойства их среды, которые терялись в ежедневном обиходе, спорадически бродя по заурядным людям, разбросанными и бесильными случайностями...» [2, с. 300].

Интересовавшие его «типические лица» В.О. Ключевский отыскивал, в первую очередь, среди реально существовавших в прошлом государственных деятелей. Он изучал их как самостоятельные исторические явления, делал подробные социально-биографические экскурсы, которым посвящал иногда целые лекции (например, лекцию LVI о царе Алексее Михайловиче и Ф.М. Ртищеве), а также рассматривал в общем контексте своего исследования исторического процесса.

Прием типологии В.О. Ключевский соединял с ретроспективой. Историк отслеживал поведение «типических лиц» в «большом времени». Примером тому является анализ им двух типов государственных людей XVII–XVIII вв., родоначальниками которых он считал князя В.В. Голицина и А.Л. Ордина-Нащокина, выходцев из «переходного периода» Смуты.

В.О. Ключевский обозревал проблему и в «большом пространстве». Здесь, пожалуй, самой удачной была его характеристика Александра I – своеобразного, как писал ученый, «типического лица», явившегося воплощением общеевропейского мировоззренческого кризиса рубежа XVIII–XIX вв.

При столкновении с трудностями в поиске необходимого материала В.О. Ключевский прибегал к замене реальных «типических лиц» вымышленными «дуалами». Ими были либо абстрактные типы (русский вольтерьянец, петиметр, кокетка и др.), либо герои художественной литературы. Обосновывая возможность подобной замены и, в частности, использования в научном исследовании художественных образов, историк в статье «Недоросль Фонвизина» отмечал, что художественное понимание вызывается той высшей творческой силой зрения, которая за невидимыми для всех призрачными явлениями умеет разглядеть никем не замечаемую действительность [3, с. 62].

По мнению В.О. Ключевского, «Недоросль» Д.И. Фонвизина – это комедия не лиц, а положений. Она – зеркало, показывающее зажиточную дворянскую семью екатерининского времени, которая стала жертвой непонимания исторически сложившегося положения своего сосло-

вия. Указом о вольности дворянства 1762 г. ей были даны права без обязанностей, что, по мысли В.О. Ключевского, являлось юридической нелепостью и политической невозможностью. Следствием такого законодательства стало появление госпожи Простаковой, которая своим поведением и речами произнесла дворянскому сословию смертный приговор. Переходя от анализа художественного произведения к обзору российских законодательных источников, менявшихся на протяжении столетий, В.О. Ключевский заключал, что комедия Д.И. Фонвизина хотела дать строгий урок дворянам, чтобы не стать для них зловещим пророчеством.

Среди авторов художественных произведений В.О. Ключевский особо выделял А.С. Пушкина. В речи 6 июня 1880 г., произнесенной на торжественном собрании Московского университета в день открытия памятника великому поэту, он говорил: «...все написанное Пушкиным – исторический документ, длинный ряд его произведений – поэтическая летопись его времени...» [3, с. 77]. Ученый подчеркивал: «...Пушкин не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречается художника...» [3, с. 83–84].

По заключению В.О. Ключевского, А.С. Пушкину, как никому другому, удалось показать сложившейся в России XVII–XIX вв. культурный тип русского человека, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им. А.С. Пушкин интересовался этим типом. Он и сам представлял одну из его разновидностей – даровитую, восприимчивую, блестящую. Как историческое явление данный культурный тип активно изучал сам В.О. Ключевский. Поэтому он высоко ценил произведения поэта, выделяя среди них такие сочинения как «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка».

По оценке В.О. Ключевского, в «Арапе Петра Великого» был показан «невольный и зачисленный в европейцы по указу» русский человек. Все его понятия и симпатии принадлежали старой, неевропейской России, хотя он был не прочь послужить на новой службе и сделать карьеру. Арап Ибрагим – один из петровских дельцов. Он резкий и жестокий, но из-за недостатка гибкости – хрупкий, а потому неживучий. Такие характеры вымирали уже при Екатерине II. «...Зато живуч был общественно-физиологический вид, представленный в лице молодого К., Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизации в парижских салонах. Это русский петиметр XVIII в., великосветский русский шалопаи на европейскую ногу, “скоморох” <...> При Петре ему холодно и неловко в его нарядном кафтане среди деловых людей, которые скидали рабочие куртки только по праздникам. Со временем он будет нужным и важным человеком в праздном обществе...» [3, с. 81].

Троекуров в «Дубровском» – это постаревший петиметр в отставке: «...Троекуровы родились при Елизавете, процветали в столице, дурили по захолустьям при Екатерине II, но посеяны они еще при Аннах...» [3, с. 81]. По мнению В.О. Ключевского, особенно удался А.С. Пушкину князь Верейский – «...настоящее создание екатерининской эпохи, цветок, выросший на почве закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянского просвещения. Князь Верейский – едва ли не самый ранний экземпляр новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество с конца царствования Екатерины...» [3, с. 82].

Дубровский-отец – человек старого петровского покроя, который при Екатерине II уже выводился: «...Дубровский-сын – другой полюс века и вместе его отрицание. В нем заметны уже черты мягкого, благородного, романтически протестующего и горько обманутого судьбой александровца, члена Союза благоденствия...» [3, с. 82].

В.О. Ключевский отмечал, что А.С. Пушкину беспристрастнее и правдивее, чем Д.И. Фонвизину, удалось показать образ недоросля XVIII века. У Д.И. Фонвизина Митрофан – карикатура, комический анекдот: «...В исторической действительности недоросль – <...> самое простое и повседневное явление, к тому же не лишенное довольно почтенных качеств. Это самый обыкновенный, нормальный русский дворянин средней руки. Высшее дворянство находило себе приют в гвардии, у которой была своя политическая история в XVIII в., впрочем, более шумная, чем плодотворная. Скромнее была судьба наших Митрофанов. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петре I, со скукой при Екатерине II, не делали правительство, но решительно сделали нашу военную историю XVIII в...» [3, с. 82–83].

А.С. Пушкин описал два вида таких недорослей. Один из них представлен Гриневым, невольным приятелем Пугачева, другой вид – Белкиным, беллетристом и летописцем села Горюхина, человеком уже XIX века. К обоим видам недорослей А.С. Пушкин относился с сочувствием.

Галерея художественно-исторических портретов замыкается у А.С. Пушкина описанием его современника – Евгения Онегина. Ему В.О. Ключевский посвятил блестящую по своим художественным достоинствам речь, произнесенную к 50-летию со дня смерти поэта, – «Евгений Онегин и его предки». В ней историк подвел такой итог своим рассуждениям: «...Онегин не был печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеалогия, свои предки, которые наследственно из рода в род передавали приобретенные ими умственные и нравственные вывихи и искривления...» [3, с. 88]. Он – «наследник всех своих родных», явление любопытное и вымирающее. Уже после А.С. Пушкина его описание было продолжено в художественных сочинениях «Дворянское гнездо» и «Обломов».

Выводы В.О. Ключевского о большом значении произведений А.С. Пушкина для научного исторического изучения подтверждает современная российская наука. В частности, В.С. Листов доказывает, что действие художественно-исторических произведений А.С. Пушкина происходит одновременно в конкретно-историческом и идеально-историческом времени/пространстве [4]. Автор назвал В.О. Ключевского первым в числе историографов, внесших вклад в изучение произведений поэта как историка.

Теоретически описанный В.О. Ключевским и реализованный им на практике метод типологии сегодня также вызывает интерес. Он актуален в контексте разработки проблемы развития визуального мышления у учеников школ и студентов высших учебных заведений, получающих историческое образование [6].

В.О. Ключевский понимал значение художественного образа в преподавании и озвучил это в своем афоризме: «Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом» [3, с. 403]. Чтобы достичь такого эффекта, «развивая мысль в речи, надо ее теоретическую схему вложить в ум слушателя, затем в наглядном сравнении предъявить эту схему воображению и на мягкой лирической подкладке осторожно положить на слушающее сердце. Тогда, – уверял В.О. Ключевский, – слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом» [3, с. 400].

Сегодня, в эпоху бурного развития визуальной культуры, введения в научный оборот новых типов исторических источников, разработки новых методов их изучения и преподавания исторических дисциплин [5], важно не забыть этот опыт работы с письменными художественными источниками и устным словом, накопленный нашими предшественниками.

1. Богданов, В.П. Памятники искусства и историческая наука / В.П. Богданов // Художественное образование и наука. – 2015. – № 4. – С. 85–89.
2. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3 : Курс русской истории. Ч. 3. / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. В.А. Александров, В.Г. Зимица. – 414, [1] с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 9 : Материалы разных лет / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. – 525 с.
4. Листов, В.С. Прошлое как вымысел (об особенностях пушкинского историзма) / В.С. Листов // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2009. – Т. 68. – № 3. – С. 3–19.
5. Мазур, Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования : [Электронный ресурс] / Людмила Николаевна Мазур // Идеи А. С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков. – Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_id/16-1-0-144 – Дата доступа: 21.02.2017.
6. Матюшевская, М.И. Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В. О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения ученого) / М.И. Матюшевская // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 12. – С. 64–68.
7. Матюшевская, М.И. Оценка научного творчества В.О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века / М.И. Матюшевская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2017. – № 1. – С. 55–61.

Лякишева С.И.

КТО И КАК ЧИТАЕТ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Эта статья – попытка обобщить опыт того периода, когда работа учёного с источниками перерастает в публикацию. Одновременно это и радость завершения труда, и переживание последних трудностей, которые возникали на этапе подготовки и в период работы над исследованием. Делюсь собственным опытом.

В 2015 году вышла книга «Русское усадебное рукоделие: NOBILIS культура». Она оказалась заметным событием, поскольку была воспринята и в центральной печати, и в социальных сетях, и нашла отклик в письмах читателей. Проанализируем резонанс читательской аудитории.

В данном случае источниковая база издания находилась в музее, и историческим источником выступали мемориальные экспонаты. Для получения доступа к ним на первом этапе работы было подготовлено письмо на имя директора музея-усадьбы «Ясная Поляна», с указанием моей должности, темы исследования, её цели (в данном случае – публикация), с перечислением экспонатов, которые представляли источниковый интерес, а также определением сроков работы с экспонатами. Соответственно до составления такого письма был выбран предметный ряд и определены сроки, которые, в случае положительного решения, были бы возможны для завершения работы.

Согласно 36 статье Федерального Закона «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», право первой публикации с описанием музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации и находящихся в музеях Российской Федерации, принадлежит музею, за которым закреплены данные музейные предметы и музейные коллекции. Право изучать культурные ценности, казалось бы, есть у каждого, но на деле не так-то просто получить такой доступ даже сотруднику, работающему в том самом учреждении.

Для упомянутой книги было составлено письмо, которое подписали директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» Е.А. Толстая, главный хранитель Э.П. Абрамова и хранитель Дома Л.Н. Толстого Н.В. Переверзева. Из бесед с коллегами других музеев выяснилось, что для выполнения работы особенно необходимы деликатность, терпение и дипломатия. Если обнаружится, что часть экспонатов, которые по логике «просятся» в круг исследования, ещё не введены в научный оборот, то пользоваться ими можно только в том случае, если у вас сложатся добрые отношения с хранителями.

Позже приходит понимание, что в процессе работы с музейными предметами есть взаимная польза – как для исследователя, так и для хранителя, который позволил кратковременно работать с экспонатами. Накопленные нами в ходе исследования данные об экспонатах, связанных с рукоделием в семье Л.Н. Толстого, хранители тут же включали в базу КАМИС⁵. Это была дополнительная современная учётная регистрация на этапе введения музейных предметов в научный оборот, что давало возможность воспроизвести фотографии в печатном издании. Кстати, на это потребовалось отдельное разрешение по той же схеме – письмо с подписями указанных выше лиц.

С этого момента музейный предмет получал право публичного показа, в том числе, на выставках. После изучения экспонатов, связанных со светским рукоделием, яснополянский музей экспонировал несколько мемориальных предметов на выставке в Китае. По просьбе болгарских коллег в 2013 году были выполнены три копии экспонатов для расширения экспозиции Музея Льва Толстого, который запланировали включить в экскурсионный маршрут по городам Болгарии. Триумфальным событием стала организованная в Туле, в галерее «Ясная Поляна» в сентябре 2015 года уникальная выставка с показом свыше двух сотен мемориальных экспонатов. Здесь были представлены: сантиметровые и дюймовые ленты, крючки, катушки, печатные и рукописные схемы вышивания и другие отечественные и зарубежные предметы из фондов музея, поданные как модные статусные аксессуары рукодельниц русской аристократии и несущие источниковую информацию. Экспонаты показали «не только себя», но и то, что мир рукоделия ушедшей эпохи весьма сложен. В рамках открытия выставки прошла презентация книги.

Начался отсчет периода, когда определялась специфика восприятия книги разными категориями читателей. Публикации источников привлекают внимание специалистов разных отраслей знаний. В предисловии книги было указано, что речь в ней пойдет, в первую очередь, не о рукоделии, а об одной из дворянских субкультур. В ней восстановлена одна из страниц дворянской жизни в среднерусской усадьбе, – неслучайно предмет исследования отражен в названии книги. Оттого, что не все читатели внимательно знакомятся с предисловиями, возникают ожидаемые непонимания.

Один из вопросов – откуда взялся оксюморон – «фабричное рукоделие». По словам одной из читательниц, «это – абсурд, поскольку: либо фабрика, либо ручной труд». Терминология, связанная с усадебным рукоделием своеобразна. Она не вызывала недоумения у специалистов Общества изучения русских усадеб и учёных-историков. На конференциях исторического и искусствоведческого профилей, где проходила апробация исследовательских материалов, вопросов не возникало. Термином «фабричное рукоделие» обозначен в книге ручной труд поместных мастеров и мастериц. Упоминаемые в книге фабрики существовали исключительно при усадьбах, и термин нельзя счи-

⁵ Комплексная автоматизированная музейная информационная система

тать оксюморонам. Правильно это восприняли специалисты, знакомые с особенностями хозяйственного управления в русской помещичьей, дворянской усадьбе.

Рядовым читателям, в том числе историкам, не связанным с эпохой XVIII–XIX веков, оказалась непонятной трактовка отдельных вышитых изображений, которые скрупулёзно исследуются в главе «Роль символики в усадебном рукоделии». Прозвучал упрёк, что «автор видит многоуровневые смысловые конструкции даже в банальных орнаментальных композициях». Но «банальных орнаментальных» композиций в эпоху усадебного периода попросту не было. Искусствоведы и культурологи, изучающие изображения по предметам быта XVIII–XIX веков, не пользуются современной интерпретацией. Они изучают исключительно работы со старинной символикой. Современную символику изучают другие специалисты.

Одно из замечаний и вовсе было неожиданным, поскольку в предисловии обращено особое внимание на то, что в книге представлены уникальные фотографии, отмеченные как опубликованные впервые. Тем не менее, отдельные представители столичной музейной среды недоумевали, почему «масса тиражированной печатной продукции представлена как публикуемая «впервые». Поясню, что фотоизображения предметов мемориального музейного фонда мы не относим к «массе тиражированной печатной продукции», и в публикации фотоматериалов закрытого музейного фонда есть своя специфика. Данное издание тем и отличается от книг, выпущенных издательствами многопрофильной литературы, что в нём впервые в истории Яснополянского музея представлен большой объем нового фотоматериала. По обоснованной просьбе главного хранителя музея каждая фотография, впервые «увидевшая свет», была снабжена подписью: «публикуется впервые».

За критику, конечно, нужно быть благодарным, но оправдываться за «важные» замечания большой необходимости не вижу. Есть читатели, которые не потому не понимают, что «не понимают», а потому, что это не входит в круг их интересов или противоречит их представлениям. Всякое разъяснение только усиливает степень их непонимания.

Публикация способна поднять волну негодования. За нашей деятельностью в период исследовательской работы наблюдают коллеги, учёные смежных специальностей. Выпущенные в свет методические и научно-популярные труды музея привлекают внимание общественности, в том числе коллег из многих музеев. Музейный коллектив – это большое количество творческих людей с обостренным восприятием. Сделанная нами работа – это работа, не выполненная кем-то другим, поэтому возможно и ревностное отношение. К этому надо быть готовым. Существует множество примеров, когда публикация приводит к тому, что учёный становится психологическим раздражителем и вызывает неприятие. В моем случае раздражение отдельных читателей вызвал даже тот факт, что у книги были рецензенты – известные отечественные ученые⁶. Хотелось бы увидеть результат исследовательской работы таких читателей-критиков. Вполне допускаю, что он может быть интересен.

Исследовательская работа и, как итог, публикация, погружают ученого в мир эмоций, которые возникают от радости открытий и самого процесса работы. Одно из самых грустных чувств по окончании – невольный отход от изученной темы и опустошение и «обесточивание». В профессиональном тоне держит общение с добропорядочными представителями научного мира. Публикация книги «Русское усадебное рукоделие: NOBILIS культура» сформировала для меня круг учёных-единомышленников, принявших это издание с большой теплотой и поддержкой, оценивших его на высоком уровне.

Я благодарна доктору педагогических наук, профессору Ю.Н. Столярову, который в научном информационно-аналитическом журнале «Обсерватория культуры» опубликовал статью-рецензию «Культурологические срезы книги о русском усадебном рукоделии»⁷ и подчеркнул, что в библиотечковедческой литературе впервые собраны интереснейшие сведения о составе фондов литературы по рукоделию в дворянских усадебных библиотеках. Особенно интересно показалось ему то, что произведения рукодельниц представляют наибольший интерес с точки зрения сигнативной (лат. *signum* - знак) составляющей. Он обнаружил, что вышивки, как и документы несут информацию и потому интересны в документологическом отношении. Автор отметил, что в книге убедительно показано влияние европейской и азиатской культуры на отечественное рукоделие.

⁶ Рецензенты книги Лякишевой С.И. «Русское усадебное рукоделие: NOBILIS культура» – главный научный сотрудник Научного центра изучения книжной культуры Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор Ю.Н. Столяров; зав. кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры», доктор культурологии, профессор О.В. Шлыкова.

⁷ Столяров Ю.Н. Культурологические срезы книги о русском усадебном рукоделии // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 1. – С. 108–114.

Доктор культурологии, профессор О.В. Шлыкова считает нашу работу уникальным событием и подчеркивает, что это исследование носит междисциплинарный характер и представляет интерес как для историков, библиотековедов, музейных работников, так и для представителей прикладной культурологии. Она рекомендует широко использовать её в учреждениях социокультурной сферы, где «...усадебное рукоделие выступает как *pobilis*, то есть достойная особого уважения и почитания, культура».

Сотрудники Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), Ярополецкого народного краеведческого музея (Московская обл.), Орловского государственного института искусств и культуры рекомендуют книгу для экскурсионной, научно-исследовательской и лекционной работы.

Публикация источникового материала, где непривычными носителями уникальной исторической, семантической, философской, культурологической и эмоциональной информации выступили старинные схемы по вышиванию, сконцентрировала вокруг этой темы читательниц-любительниц, которые интересуются темой символики изображений. Они сетуют, что нельзя получить официальных копий изображений, помещенных в книгу, и ставят в пример другие страны. Пишут, например, что в Голландии музеи содержатся на налоги граждан, поэтому музеи обязаны предоставлять как можно более полный доступ к своим коллекциям.

Отклики неравнодушных читательниц неоднократно дополняли сведения, оказавшиеся полезными для дальнейшего изучения музейных предметов. В одной из яснополянских схем для вышивания Юлия Капустина (г. Санкт-Петербург) расшифровала акрограмму цветочного венка как имя «Фредерика», на другой схеме известный историк Ирина Чурина из Санкт-Петербурга помогла разобраться с православной символикой, слабо просматривающейся на старом экспонате. Она сумела увидеть не только копие (им пробил грудь Христа) и трость (с губкой, смоченной в желчи), но и буквы, разъяснив, что буква "к" означает "копие", "т" – "трость", "г" – "голгофа". Мы благодарны таким читателям.

Книга успешно реализуется на ярмарках интеллектуальной литературы: «Нон/Фикшн» в 2015 году, на международной ярмарке «Формула Рукоделия» в 2015, 2016 и 2017 годах в г. Москве. В последнее время материалы книги стали основой для лекций, которые проводятся в Галерее «Ясная Поляна» для студентов Тульского колледжа искусств и культуры, обучающихся по специальности «декоративно-прикладное искусство».

По-разному читают наши публикации. И заинтересованное мнение всегда важно для автора. Обращаясь к потенциальному читателю, хочу сказать: «Высказывайте своё мнение, оно помогает исследователю совершенствоваться и расти».

АРХИВОВЕДЕНИЕ. АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Литвинова Т.Ф., Якименко Л.И.
**АРХИВНОЕ СОБРАНИЕ К.Н. СКАРЖИНСКОЙ
В ИЗУЧЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ УКРАИНЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

Занимаясь изучением конкретных тем и сюжетов социальной и интеллектуальной истории, современный исследователь не может не задумываться над целым рядом проблем теоретического характера. Однако, несмотря на осознание необходимости синтеза знаний, полученных средствами различных исторических дисциплин, на все большую историографическую экспансию, что значительно расширяет исследовательское пространство за счет внеисточниковой информации, на изменение технологии научно-исследовательского процесса, когда различные формы копирования, использования интернет-ресурсов и т.п. приводят к расширению зоны отчуждения исследователя от самого источника как носителя информации и в конечном счете заставляют переходить к более корректным (точным) определениям в представлении исследовательской базы, заслуживающей описания в терминах «информационная база», историк, занимающийся конкретной темой, все еще не может отказаться от опоры на один из ее структурных элементов, которой традиционно называется «источниковая база».

При этом исполнение антропологически ориентированных исследований в русле социальной и интеллектуальной истории выдвигает и несколько иные требования к источниковой базе, диктует необходимость привлечения новых источников, нового прочтения тех, которые считаются основополагающими, изменения способов работы с ними. Это касается также переоценки устоявшихся в источниковедении классификационных схем и переосмысления значения отдельных типов и видов источников. В связи с этим в центре внимания оказываются, прежде всего, источники личного происхождения, заслуживающие право считаться одной из самых интересных групп исторических источников, поскольку, раскрывая перед исследователями сложные перипетии судеб людей, они не просто существенно дополняют письменные источники официального характера, но и выходят на первый план именно благодаря своей «ненадежности» и «субъективности», отражая эмоционально-психологический и интеллектуальный мир, самосознание и индивидуальный жизненный опыт акторов. Поэтому такие источники, как дневники, письма, мемуары, автобиографические материалы, частная и деловая переписка, различные хозяйственные записки, распоряжения, публицистика, любые продукты творческой деятельности, могут рассматриваться и как уникальные, и как массовые, то есть такие, которые «служат способом социальной идентификации людей и обозначения реально стоящих перед ними проблем» [9, с. 84–85].

Такой подход к источникам требует не только нового прочтения уже известных памятников с целью их трансплантации и выявления нового(ых) смысла(ов), но и расширения источниковой базы путем привлечения значительного количества опубликованных материалов, как это ни странно, фактически не введенных в научный оборот в контексте социальной и интеллектуальной истории, а также обследования архивных фондов, в первую очередь – личного происхождения.

Широкие возможности в этом плане открывают фамильные архивы старшины, шляхты, дворянства Левобережной Украины, довольно фрагментарно и утилитарно использованные в основном для конкретно-исторических персонологических исследований. При этом следует заметить, что интерес к подобным собраниям в последнее время возобновляется в украинской историографии. Это проявляется не только в прагматическом привлечении отдельных памятников, но и в появлении источниковедческих обзоров, раскрывающих информационный потенциал таких собраний, в теоретической постановке проблемы фамильных архивов [1; 6; 7; 13].

Не только центральные, но и областные архивохранилища Украины могут похвалиться наличием фамильных, личных фондов, которые в еще меньшей степени задействованы учеными и в основном используются для краеведческих изучений. Среди таких коллекций встречаются сложные, многоуровневые фонды, которые представляют собой своеобразную, если можно так сказать, матрешку, состоящую из личных архивов разных фамилий. К таким, безусловно, можно отнести фонд известной общественной деятельницы, археолога, этнографа, организатора

археологических раскопок на Полтавщине, члена многих научных обществ К.Н. Скаржинской (1852–1932), который хранится в Государственном архиве Полтавской области [2]. Это довольно солидное собрание (2657 дел за 1557–1905 гг.) основательно проанализировано под углом зрения археологии и музееведения в различных статьях и диссертациях [8; 11]. Но для исследователей интеллектуальной и социальной истории Украины первой половины XIX в. оно предоставляет значительные возможности, в первую очередь благодаря личным материалам ряда дворянских семей Полтавщины: кроме Скаржинских, в частности, Кирьяковых, Райзеров, Баклановых, Родзянок, Стороженко и других. Фактически здесь мы имеем подборку фамильных архивов лиц, так или иначе связанных с фондообразователем и между собой. Это позволяет под разным углом зрения изучать сравнительно однородный круг людей, социальную группу среднего дворянства, образованных помещиков Левобережной Украины, которые самостоятельно ведут хозяйство и принимают участие в общественной жизни своего края.

С точки зрения изучения такого важного в это время «крестьянского вопроса» и отношение к нему левобережного дворянства особый интерес представляют различные по видовым и жанровым признакам материалы, вышедшие из-под пера деятелей Крестьянской реформы 1861 г. В первую очередь, это несколько помещичьих проектов решения крестьянской проблемы, совсем не учтенных в научной литературе. В то же время, как оказалось, они принадлежат хотя и рядовым, но довольно неравнодушным и активным дворянам, в том числе членам или кандидатам Губернских комитетов по обустройству быта крепостных крестьян, созданных для подготовки Великой реформы.

Крупнейшим по количеству написанного является массив источников, связанный с деятельностью на общественном поприще Г.С. Кирьякова, который оставил след в историографии как один из первых археологов Лубенщины [4; 12]. Но как деятель Крестьянской реформы он совсем не известен, хотя и был кандидатом в Полтавский губернский комитет от Лубенского уезда [10], как уездный предводитель дворянства активно проводил ее в жизнь и был награжден за это «знаком отличия, для ношения на левой стороне груди» [2, д. 716].

Целый ряд черновых записок, – в том числе весьма развернутые «О крестьянских усадьбах по современному вопросу», «О мерах правительства к улучшению кредита», «Об улучшении быта освобожденных крестьян», – письмо в редакцию «Русского вестника» требуют серьезного внимания и, безусловно, включения в массив текстов для исследования общественных настроений дворянства накануне и в период проведения реформ. Кроме того, ряд документов фонда – судебные материалы, долговые обязательства, квитанции о приеме налогов за крепостных крестьян, ревизская сказка села Гонцы, свидетельство Лубенского училищного совета о разрешении Г.С. Кирьякову открыть за свой счет в селе Духовом народное училище, свидетельства и удостоверения о селитряных, винокуренных заводах, расчеты по строительству ветряной мельницы и другие бумаги – дают возможность изучать не только идеалы, но и хозяйственную практику этого семейства.

Значительное количество бумаг Кирьяковых представлено эпистолярными памятниками за 1823–1882 гг. В первую очередь это переписка Г.С. Кирьякова с матерью, сестрами и их мужьями, которая носит не только приватный, но и деловой характер. В частности, с мужем сестры Натальи, П.П. Баклановым, Григория Степановича связывали дела по крестьянскому вопросу, поскольку первый также был кандидатом в Губернский комитет от Хорольского уезда. В контексте крестьянского вопроса значительный интерес представляют письма Г.С. Кирьякова как уездного предводителя дворянства и члена Губернского комитета по введению реформы с описаниями помещичьих имений.

Большой массив эпистолярный принадлежит семейству полтавских помещиков Райзер. Большинство писем было адресовано Н.В. Райзеру в период пребывания его на военной службе офицера генерального штаба армии. В фонде К.Н. Скаржинской хранятся также документы о его учебе, службе, награды, хозяйственные записки, заметки о библиотечных книгах на разных языках и дневник, на который обратил внимание еще А.М. Лазаревский, опубликовавший в «Киевской старине» фрагмент из него с краткими данными о роде Райзер [5]. Известный знаток истории Левобережья из довольно объемного дневника, который Н.В. Райзер вел в течение нескольких лет, не случайно выбрал эпизод о пребывании автора в отпуске дома, на Полтавщине, поскольку там содержались «небезынтересные бытовые подробности о частной жизни малорусских помещиков тридцатых годов» [5, с. 401]. Именно поэтому еще в большей степени интересна переписка Н.В. Райзера, которая существенно дополняет информацию из дневникового отрывка.

Сотни писем за 1825–1858 гг., написанные родными, друзьями, знакомыми молодому военному в различные места его службы (Варшава, Могилев, Киев), просто «Клондайк» для исследователей не только интеллектуальной и социальной, разумеется, семейной, истории, но и истории повсе-

дневности Левобережной Украины. К этому еще следует добавить более 90 памятников переписки родителей Н.В. Райзера между собой за 1801–1806 гг., чтобы в случае тщательного и успешного, с точки зрения содержательной, профессионального прочтения текстов развернуть весьма широкую панораму повседневной жизни первой половины XIX в. Мимоходом отметим, что в современной украинской историографии уже есть подвижнические примеры публикации подобных комплексов семейного эпистолярного наследия, что значительно облегчает работу историков-конкретчиков [3]. Любовь, любовные приключения, неудачное сватовство, свадьбы, скучная сельская жизнь провинциального дворянства, болезни, воспитание детей, хозяйственные, домашние и семейные дела – все это и многие другие темы были предметом обсуждения Райзеров и их корреспондентов.

Исключительный интерес представляют, так сказать, парные письма, которые писались одновременно двоюродными братом и сестрой Н.В. Райзера, Алексеем Степановичем и Анной Степановной Райзер, в 1840-е гг., а также родной сестрой Анастасией и ее мужем В.А. Кореневым в 40–50-е гг. XIX в. Этот круг людей связывали не только родственные, но и крепкие дружеские отношения. К тому же эти корреспонденты автора дневника занимались его поместными делами и постоянно «отчитывались» о результатах. Информационная насыщенность переписки довольно высока, поэтому для желающих исследовать не только социально-экономическую, но и, скажем, женскую историю, реконструировать образы идеального помещика и идеального крестьянина, существовавшие в воображении левобережного дворянства того времени, этот эпистолярный комплекс предоставляет значительные возможности.

Осознавая, что в коротком сообщении невозможно детально раскрыть информационный потенциал мощного фонда К.Н. Скаржинской, все же отметим, что материалы фамильных архивов этого собрания позволяют подойти к созданию коллективного портрета среднепоместного левобережного дворянства первой половины XIX в., которое делило свой досуг между хлевом и кабинетом, и таким образом историографически реабилитировать этот слой украинского общества, который заботился не только о собственном благосостоянии, но и о добросовестном исполнении своих общественных обязанностей, в том числе и по отношению к крестьянам.

1. Гісцова, Л.З. Родовий фонд Галаганів ЦДІАК України / Л. З. Гісцова // Архіви України. – 2000. – № 4/6. – С. 39–44.
2. Государственный архив Полтавской области. – Ф. 222. – Оп. 1. – Д. 2657.
3. Епістолярна спадщина родини Нечасвих (кінець XVIII – перша половина XX століття) / упор. С. Абросимова, І. Анцишкін, Н. Сулева та інші // Джерела з історії Південної України. – Запоріжжя, 2003. – Т. 3. – 488 с.
4. Каминский, Ф.И. Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам / Ф.И. Каминский // Труды III Археологического съезда. – Київ, 1878. – Т. 1. – С. 147–152.
5. Лазаревский, А. Отрывок из дневника полтавского помещика / А. Лазаревский // Киевская старина. – 1893. – Июнь. – С. 398–427.
6. Папакін, Г.В. Павло Скоропадський: патріот, державотворець, людина. Історико-архівні нариси / Г.В. Папакін. – К.: Видавничий дім «Альтернативи», 2003. – 282 с.
7. Папакін, Г.В. Приватні архіви української родової еліти в національній історії другої половини XVII–XX ст. (на прикладі архівної спадщини роду Скоропадських) : автореф. дис. ...док. іст. наук / Г.В. Папакін. – Київ, 2005. – 25 с.
8. Сергієнко, Д.В. Меценатське подвижництво Катерини Скаржинської (1852–1932) / Д.В. Сергієнко // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. – Запоріжжя : ЗНУ, 2015. – Вып. 43. – С. 151–154.
9. Соколов, А.К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения / А.К. Соколов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 75–88.
10. Список членам и кандидатам Полтавского дворянского комитета по устройству быта помещичьих крестьян // Журнал землевладельцев. – 1858. – № 6. – Июль. – С. 158–159.
11. Супруненко, О.Б. Археологічні дослідження та зібрання Лубенського музею К.М. Скаржинської : дис... канд. іст. наук / О.Б. Супруненко. – Київ, 1997. – 16 с.
12. Феофилактов, К.М. О местонахождении кремневых орудий человека с костяками мамонта в с. Гонцах на реке Удай, Лубенского у., Полтавской губернии / К.М. Феофилактов // Труды III Археологического съезда. – Київ, 1878. – Т. 1. – С. 153–159.
13. Швидько, Г.К. Фамільні архіви Гетьманщини: аналіз археографічних публікацій / Г.К. Швидько // Український археографічний щорічник. – 2002. – Вип. 7. – С. 13–22.

Антановіч З.В.

СКЛАД АРХІВА ЛЕПЕЛЬСКАГА СПАСА-ПРААБРАЖЭНСКАГА САБОРА Ў 1862–1864 гг.

Парафіяльныя цэрквы з’яўляліся ніжэйшымі адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі праваслаўнай царквы, архівы якіх камплектаваліся разнастайнымы матэрыяламі пераважна рэгіянальнага характару. Цалкам дакументальныя комплексы, нават за кароткі перыяд, не захаваліся ў выніку дрэнных умоў захоўвання, экспертызы каштоўнасці дакументаў і іншых фактараў. Таму, цікаvasць выклікае архіў Лепельскага Спаса-Праабражэнскага сабора, які захаваўся за 1862–1864 гг. фактычна цалкам у фондзе 2531 “Полацкая духоўная кансісторыя”

(ДУ “Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі”). Непасрэдна ў архіўным фондзе сабора за пазначаны прыяд маюцца толькі прыхода-расходныя кнігі і асобныя ўваходныя дакументы [3].

Лепельскі Спаса-Праабаражэнскі сабор у 1860-я гг. узначальваў Іякім Кудраўцаў, дыяканам быў Мацвей Аўчыннікаў, дзясцом Стэфан Бялінскі, а панамаром Пётр Тучэўскі [2, арк. 39; 5]. Да яго былі прыпісаны цэрквы вялікамучаніцы Параскевы Пятніцы, на могілках і капліца [2, арк. 183–184]. Гаспадарчыя пытанні па храме разглядаліся прыходскім саветам або царкоўнымі старастамі, якія абіраліся з ліку прыхаджан у залежнасці ад велічыні прыхода. У 1863 г. савет ўключаў шэсць чалавек [2, арк. 1036–1041].

Справаводства канцэнтравалася ў настояцеля сабора і бліжэйшага прычту. Аб’ём дакументаабароту ў разглядаемы час складаў каля 400 дакументаў у год з нязначным павелічэннем уваходнай дакументацыі ў 1863 г. [2, арк. 222–239, 639–657, 1113–1133]. У ім уваходная дакументацыя складала каля 70 % і ўключала указы (інструкцыі, правілы) кіраўніцтва епархіі і духоўнага праўлення або благачыння, адносіны, паведамленні. Пераважная частка выходнай дакументацыі, што займала каля 20–25 % агульнага аб’ёму дакументаабароту, тычылася ўзаемадзеяння з органамі канфесіянальнай і мясцовай грамадзянскай улады, прыватнымі асобамі. Унутраная дакументацыя складалася з метрычных кніг аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, рээстраў ўваходнай, выходнай і іншай дакументацыі. У другой палове XIX ст. таксама вяліся “сшыткі сабора па розных справах”. У іх адзначаліся месяц і дзень, нумар дакумента, каму або куды ён адрасаваны, а таксама распіска атрымальніка [2, арк. 682–690].

Матэрыялы справаводства цэркваў увогуле і Лепельскага сабору ў прыватнасці па функцыянальнай прыкмеце падзяляюцца на сістэмы агульнай і спецыяльнай (канфесіянальнай) дакументацыі. Да распарадкавай дакументацыі (першая падсістэма агульнай дакументацыі сабора) адносяцца ўказы, цыркуляры, прапановы, інструкцыі, якія настояцель сабору атрымліваў з кансісторыі. Напрыклад, у 1861 г. кансісторыяй перасылаўся ўказ аб неабходнасці “асцярожна” замяніць польскі буквар, які быў выдадзены ў Варшаве, для супрацьдзеяння яго распаўсюджванню сярод праваслаўных жыхароў Полацкай епархіі [2, арк. 14].

Перапіска (другая падсістэма агульнай дакументацыі) ажыццяўлялася паміж настояцелем сабора і Полацкай праваслаўнай кансісторыяй, а таксама з органамі мясцовага кіравання. У кансісторыю прадстаўляліся звесткі пра зборы ахвяраванняў на карысць паломнікаў у Палясціне, паляпшэнне быту праваслаўнага духавенства, існаванне брацтваў. Епархіяльным кіраўніцтвам выдзяляліся сродкі на ўтрыманне і ўзнагароджанне прычту, выпуску кніг і газет рэлігійнага зместу. У органы мясцовай улады (гарадскія думы і ўправы, паліцэйскія праўленні і інш.) І. Кудраўцавым прадстаўляліся звесткі, напрыклад, аб асобах, якія пражываюць у г. Лепелі без афіцыйнага дазволу. Саборам таксама праводзілася ўпарадкаванне прылеглых тэрыторый, удзел у мерапрыемствах па забеспячэнні грамадскай бяспекі, напрыклад, вартаўніцтве ў саборы ноччу на працягу 1863 г. [2, арк. 487–492]. Правядзенне грамадскіх сходаў і крыжовых хадоў абавязкова ўзгаднялася з органамі паліцыі. Цікава, што па адносінах грамадскіх аб’яднанняў мог прадстаўляцца доступ да архіва сабора, як А.М. Семянтоўскаму, члену-супрацоўніку расійскага геаграфічнага таварыства і сакратару віцебскага статыстычнага камітэта [2, арк. 636–638].

Перапіска ажыццяўлялася пасродкам паведамленняў, адносінаў і рапартаў. Для ўдакладнення асобных звестак накіроўваліся адносіны, а ў мэтах інфарміравання – паведамленні. Гэтыя віды дакументаў складаліся на рускай мове па ўстойлівым фармуляры. Уверсе аркуша пазначаўся зварот да адрасата. У асноўнай частцы агаворваліся перадумовы звароту і запатрабаваныя звесткі. Заканчэнне складалася з формулы ветлівасці і подпісу. Рапартамі ажыццяўлялася камунікацыя паміж настояцелям сабора і Полацкай кансісторыяй. Гэтыя дакументы далучаліся ў якасці суправаджальных лістоў да звестак, накіраваных у кансісторыі і справаздач. Рапарты складаліся па ўзоры з трох частак. У першай – уступе – адзначаліся адрасат і адрасант. У другой прыводзілася абгрунтаванне напісання рапарта, аргументы або тлумачэнні аўтара і яго прапановы. У заключэнні змяшчаўся подпіс аўтара, а ў левым ніжнім вугле аркуша пазначаліся дата і месца напісання.

Дакументацыя па асабовым складзе духавенства (трэцяя падсістэма агульнай дакументацыі) ўключае кліравыя ведамасці духавенства, справы аб рукапалажэнні, ўзнагароджанні святарства, прызначэнні царкоўных стараст, дазvole духавенству і членам прычту на наведванне сваякоў або выезд за межы павета. Напрыклад, у 1863 г. паўнамоцтвы бабыліцкага благачыннага

Віктара Ігнатовіча былі часова распаўсюджаны на лепельскае, а дзячок Стэфан Былінскі атрымаў дазвол выехаць у в. Дабяя Полацкага павета па ўласных патрэбах [2, арк. 515–518]. У архіве Лепельскага сабора захоўваліся і справы па абвінавачваннях духавенства, так у 1864 г. з-за неадпаведнага выканання абавязкаў Івана Замкоўскага старастай Лепельскага сабора быў прызначаны Андрэй Лазура [2, арк. 770–773]. У іншым выпадку дзячок Завечэльскай царквы Фёдар Рыбакоў падазраваўся ў злоўжыванні “гарачымі напоямі” [2, арк. 1051–1061].

Найбольшае значэнне сярод рэгістрацыйна-ўліковых форм дакументаў мелі рэестры ўваходнай і выходнай дакументацыі, таму што яны адлюстроўваюць справаводства ўстаноў. У Лепельскім саборы рэестры афармляліся ў выглядзе табліцы з пяці граф: дата атрымання (месяц і дзень), нумар, змест дакумента, нумар справы, якой тычыцца дакумент, нумар дакумента з адказам [2, арк. 222–239]. Распарадчыя дакументы (цыркуляры, указы і прадпісанні) кансісторыі, духоўнага праўлення і благачыння фіксаваліся ў спецыяльным журнале, які афармляўся ў выглядзе табліцы: месяц і дата атрымання, нумар, змест дакумента, прынятае рашэнне. Напрыклад, у 1861 г. Лепельскім саборам было атрымана 76 распарадчых дакументаў [2, арк. 1–39].

Значнае месца сярод адміністрацыйных спраў (першая падсістэма канфесіянальнай дакументацыі) займала будаўніцтва і рамонт царкваў. У 1862 г. царква Параскевы Пятніцы была ў дрэнным стане. Прыхаджане сабралі 500 руб. і прасілі кансісторыю дазволіць зрабіць рамонт, што было задаволена і ў 1868 г. яна была адноўлена [2, арк. 163–167]. Па прашэннях заблоцкага і франопальскага сялянскіх таварыстваў на царкоўнай зямлі, план якой далучаны да справы, у 1864 г. было пабудавана вучылішча [2, арк. 603–631].

Распараджэнне царкоўнай маёмасцю адбывалася па ўзгадненні з вышэйстаячымі органамі канфесіянальнага кіраўніцтва, як пры забароне падрываць гару царкоўнай зямлі на правым беразе ракі Эсы [2, арк. 476]. Пытанні па справах аб незвароце духавенствам пазык разглядаліся пры суме звыш 50 руб. кансісторыяй або благачыннымі саветамі, калі кошт скаргі быў меншым [0, арк. 66–66 адв.]. Напрыклад, 9 руб. на карысць віцебскай мяшчанкі Эткі Розенфельд было выплачана дыяканам Лепельскага сабору М. Аўсянкіным [2, арк. 477–486].

Прыхода-расходныя кнігі і вопісы царкоўнай маёмасці адносіліся да уліковай дакументацыі (другая падсістэма канфесіянальнай дакументацыі). Прыхода-расходныя кнігі пераважна складаліся ў выглядзе табліцы, часам выкананай тыпаграфскім спосабам. На першым аркушы адзначалася дата (месяц і дзень), імя, прозвішча і саслоўная прыналежнасць ахвярадаўцаў, а таксама сумы. На другім – аналагічныя звесткі, толькі акрамя пазначэння асобы маглі быць звесткі аб арэнднай плаце, набыцці неабходных прадметаў культуры і інш. [4].

Рэгістрацыя грамадзянскага стану з’яўлялася выключнай функцыяй царквы і адпаведна яе дакументаванню надавалася ўвага (трэцяя падсістэма канфесіянальнай дакументацыі). Азначаная функцыя рэалізоўвалася шляхам запаўнення метрычных кніг аб народжаных, перадшлюбных вобысках, шлюбаваных і памерлых. Белавыя шнураваныя кнігі перадаваліся з кансісторыі за пасрэдніцтвам духоўных праўленняў і благачынных, а па заканчэнні года рэвізаваліся з перадачай копіяў у азначаныя ўстановы на захоўванне [5]. Звесткі аб народжаных акрамя органаў канфесіянальнага кіраўніцтва прадстаўляліся ў органы аховы здароўя для складання спісаў прышчэпвання [2, арк. 1]. Выпісы з іх выдаваліся кансісторыямі, аднак матэрыялы па правядзенні следства ў выпадку сумніўных запісаў, як сына лепельскага прыхаджаніна Васілія Лукашова, адклаліся ў саборы [2, арк. 731–734].

У справы фарміраваліся пасведчанні аб дазеле ўзяць шлюб. Напрыклад, шлюбаванне Агаф’і Максімавай і Стэфана Вайцахоўскага адбывалася ў Лепельскім саборы, куды яны прадставілі пасведчанні адпаведных валасных праўленняў аб адсутнасці перашкод [2, арк. 83]. У іншым выпадку камандзір 44-й ваенна-працоўнай роты 11-й акругі шляхоў зносін дазваляў вячэцца радавому каталіку Будрэвічу (*імя невядома*) і праваслаўнай дзявіцы Праскоўі Фёдаравай [2, арк. 79]. Пры гэтым выключнае значэнне мела распіска аб выхаванні дзяцей ў праваслаўнай веры. Яна замацоўвалася подпісамі двух сведак, святаром і членамі прычту [2, арк. 212]. У асобныя справы фарміраваліся адносіны з лепельскага гараднічага праўлення, шпітэля аб пахаванні памерлых, як у дачыненні Івана Пятрова [2, арк. 43].

Да гэтай падсістэмы канфесіянальнай дакументацыі таксама адносіліся спаведныя спісы. Напрыклад, спіс ніжніх чыноўнікаў за 1863 г. ўключаў 45 сем’яў і быў аформлены ў выглядзе табліцы: нумар, імя і прозвішча з пазначэннем звання, узрост, наяўнасць на спаведзі [2, арк.

393–472]. Цікава, што споведзь ніжэйшых чыноў магла адбывацца на месцы нясення службы [2, арк. 175].

Афармленне міжканфесіянальных пераходаў (чацвёртая падсістэма канфесіянальнай дакументацыі) мела ўласцівасці, якія тычыліся неабходнасці навучання і хрышчэння іўдзеяў і мусульман. Пры гэтым, калі далучаўся непаўналетні, то тэрмін навучання складаў не менш 6 месяцаў [2, арк. 17]. Прадстаўнікі інаслаўных веравызнанняў не мелі перашкодаў пры далучэнні да праваслаўя. Іх спісы або паведамленні, калі змена канфесіянальнай прыналежнасці не насіла масавы характар, перадаваліся ў кансісторыю, як пра раскольніка Галактыёна Філіпенка [2, арк. 999–1000].

Судовыя справы (пятая падсістэма канфесіянальнай дакументацыі) аб скасаванні шлюбу і накладанні епітымій разглядаліся Полацкай духоўнай кансісторыяй, аднак іх вынікі аформленыя копіяй указа накіроўваліся у мэтах кантролю выканання прысуду настаяцелю сабора, калі абвінавачаны быў яго прыхаджанінам. Напрыклад, пры Лепельскім саборы з 1863 г. выконваў сямігадовую епітым'ю за блуд унтэр-афіцэр ніжэгародскага рэзервовага палка Дзмітрый Яўсеенка [2, арк. 529].

Такім чынам, захаванасць архіва Лепельскага Свята-Праабражэнскага сабора за 1861–1864 гг. дазваляе ацаніць як аб'ём, так і склад дакументаабароту ніжэйшай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі праваслаўя – царквы. У азначаны перыяд у саборы штогадова фарміравалася каля 25 спраў, што адносіліся да агульнай і канфесіянальнай сістэм справаводнай дакументацыі. У архіў не трапіла пратакольная дакументацыя (агульная справаводная дакументацыя) і ўліковая дакументацыя (прыхода-расходныя кнігі), што маглі быць не завершаныя справаводствам на момант перадачы спраў, метрычныя кнігі аб народжаных, шлюбаваных і памерлых. Захаваны комплекс дакументаў сведчыць пра адказнае стаўленне настаяцеля сабора да дакладнага дакументавання сваёй дзейнасці, агульныя падыходы ў афармленні дакументаў на ўсіх ступенях іерархіі царквы, а таксама пра ўзаемадзеянне духавенства з органамі дзяржаўнага і канфесіянальнага кіраўніцтва, прыватнымі асобамі, ролю царквы на грамадска-палітычнай арэне Лепельшчыны 1860-х гг.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2301. Воп. 1. Спр. 34.
2. НГАБ. – Ф. 2531. Воп. 1. Спр. 41.
3. НГАБ. – Ф. 2576. Воп. 1.
4. НГАБ. – Ф. 2476. Воп. 1. Спр. 38.
5. Рыбчонак, С. А. Крыніцы па генеалогіі Беларусі XVI – пачатку XX ст. : Метадыч. парады / С. А. Рыбчонак. – Мінск : БелНДЦДАС, 2003. – 76 с.
6. Сементовский, А. М. Витебск и уездные города Витебской губернии : с тринадцатью политипажами в тексте и портретом архиепископа Полоцкого и Витебского Василия / А. М. Сементовский. – Санкт-Петербург : Тип. К. Вульфа, 1864. – 136 с.

Сыцько К.В.

ДАКУМЕНТЫ ПАРАФІЯЛЬНЫХ АРХІВАЎ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА НА БЕЛАРУСІ ЯК КРЫНІЦА ПА МІКРАГІСТОРЫ

З развіццём айчынай гістарычнай навукі і паступовым паглыбленнем ведаў па гісторыі Беларусі, тым не менш, застаюцца г. зв. “белыя плямы” выкліканыя вялікімі стратамі дакументальных помнікаў за, напрыклад, часамі Вялікай Айчыннай вайны. У гэтым кантэксце актуалізуюцца пытанні пошуку і ўвядзення раней неведомых гістарычных крыніц у навуковы абарот.

Адным з такіх відаў крыніц з'яўляюцца дакументы, якія ствараліся ў дзейнасці парафіяльных і філіяльных культавых устаноў Рымска-каталіцкага Касцёла на Беларусі ў XVIII–XX стст. і захоўваюцца ў парафіях на дадзены момант. Дадзеныя дакументакомплексы, нажаль, з'яўляюцца маладаследаваным бокам айчыннага крыніцазнаўства, аб чым сведчыць дастаткова нешматлікая колькасць апублікаваных спарадычных артыкулаў па вызначанай праблематыцы (гл. напрыклад: [8], [10]).

Разам з тым нельга не адзначыць важнасць і высокую крыніцазнаўчую вартасць дадзеных матэрыялаў перадусім, як крыніц па гісторыі невялікіх гарадоў, мястэчак, вёсак і г. д., то бок, па-факту – крыніц мікрагістарычнага характару.

Улічваючы тэзісны характар дадзенага артыкула, аўтар лічыць неабходным раскрыць абзначанае вышэй палажэнне на прыкладзе найбольш захаваных комплексаў матэрыялаў з

касцёлаў Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална, Уздвіжання Святога Крыжа ў г. Ліда (Фарны), Святой Тэрэзы Авільскай у г. Шчучын. Кожны з дадзеных комплексаў уяўляе сабой сукупнасць крыніц са 150–200 адзінак захавання, датычных выключна гісторыі парафіі.

Найбольш прадстаўленымі ў колькасных адносінах дакументамі абазначаных архіваў з’яўляюцца матэрыялы, адносныя асобы (*метрычныя бруліоны, парафіяльныя метрычныя кнігі, усемагчымыя спісы вернікаў, спісы святарства, спісы брацтваў і г.д. – К.С.*) і крыніцы зямельна-гаспадарчага ўліку (*парафіяльныя асобнікі інвентароў і візітаў, апісанні парафій і дэканатаў і г.д. – К.С.*). Пры гэтым, у параўнанні з дакументамі, якія захоўваюцца ў дзяржаўных архівах Беларусі, мы можам казаць аб унікальнасці большасці дакументальных помнікаў з касцельных збораў (аўтар лічыць неабходным называць кансісторскі асобнік інвентару, метрыкі і г. д., якія апынуліся на захаванні ў дзяржаўных архівах пасля 1919 г. і парафіяльныя асобнікі, якія часцей за ўсё знаходзяцца на дадзены момант у парафіі, рознымі тыпамі крыніц аднаго віду).

Пры першасным аглядзе памянёных гістарычных крыніц адразу становіцца заўважнай некаторая ўнутранная ўзаемнасувязь кожнага дакумента з іншымі ў комплексе – так, розныя блокі інфармацыі ў вялікай ступені паўтараюцца ў розных відах дакументаў адной і той жа культурай установы, змяняюцца толькі форма запісу. Напрыклад, капулятыўная метрыка Ішчальскай парафіі за 1712–1797 гг. [2] утрымлівае геаграфічны блок, які дазваляе нам адсачыць межы парафіі, колькасць вёсак, фальваркаў і засценкаў; колькасць вернікаў па кожнай лакацыі, рухі насельніцтва; стыхійныя бедствы і эпідэміі, якія здарыліся ў парафіяльных вёсках і г. д. У сваю чаргу, гэты ж матэрыял мы можам пабачыць у шматлікіх парафіяльных асобніках інвентароў і візітаў, а таксама ў парафіяльнай хроніцы [3]. Такія ж уласцівасці назіраюцца і ў іншых парафіях. Памянёныя дакументы даюць карысныя звесткі аб паўсядзённых з’явах невялікіх населеных пунктаў Беларусі, антрапаніміцы, зямельна-гаспадарчых адносінах і г. д.

Пры гэтым нельга не адзначыць, што паўтаральнасць інфармацыйных блокаў з’яўляецца не проста кампіляцыйнай гістарычнай і сацыяльнагаспадарчых фактаў, але рэмінісцэнтным прайграваннем найбольш важнай інфармацыі аб парафіяльным жыцці. Пры гэтым, такія рэмінісцэнцыі могуць указваць на фактычную запаволенасць паўсядзённага жыцця, адсутнасць (ці нежаданне) з боку рэлігійнай грамады прымаць пэўныя змены што выліваецца ў паўторы фактаў за найменнем іншых.

Карысным бокам такога рэмінісцэнтнага прайгравання інфарматыўных блокаў гістарычных крыніц з’яўляецца магчымасць кампаратыўнага, то бок комплекснага разгляду фактаў з парафіяльнага жыцця, некаторая генералізацыя дробных падзей гістарычнай рэальнасці.

Наступным, не менш цікавым за парафіяльныя асобнікі метрык і інвентароў, масівам крыніц з парафіяльных архіваў па праблеме, можна назваць добра захаваныя і дастаткова прадстаўленыя ў памянёным комплексе эгдакументы, да якіх адносяцца ўсе матэрыялы з яўна выражанай персаніфікацыяй фактаў. Напрыклад, шмат інфармацыі аб міжваенным жыцці ў Лідскім павеце даюць мемуары кс. Гіппаліта Баярунца “Запісы аб Крыжы і капліцы ў Цвірмах”, у якіх аўтар распавядае аб цяжкасцях і праблемах жыцця ў Лідзе ў 20–30-я гг. ХХ ст., міжканфесійных зносінах, пабудове новых культовых будынкаў і г. д. Крыніцай па гісторыі пасляваеннага жыцця можна назваць мемуары кс. Станіслава Каласанты-Роека, які распавядае аб ціску на рыма-каталікоў у Лідзе ў пасляваенны перыяд, замах на яго жыццё і г. д. Разам з тым, улічваючы прафесійныя асаблівасці асоб, якія дадзеныя крыніцы стварылі, варта ставіцца да дадзеных дакументаў крытычна. Так, напрыклад, кс. Г. Баярунец пісаў аб тым, што габрэі недобрамысліва да яго адносіліся, спрабуючы рабіць усялякія перашкоды да дзейнасці Касцёла і ўласна кс. Баярунца на Лідчыне [11, арк. 65], што, у сваю чаргу не пацвярджаецца ніводнай іншай гістарычнай крыніцай.

Вялікую ролю ў асвятленні жыцця дэканатаў і парафій адыгрывае добра захаваная ў касцельных архівах карэспандэнцыя, якую можна падзяліць на дзве часткі – паміж парафіяльнымі святарамі ў межах дэканата і паміж святарамі (ці, у савецкі час – таварыствам вернікаў) і органамі дзяржаўнай улады. Першая частка асвятляе ў асноўным парадак набажэнстваў, размеркаванне абавязкаў па філіяльных капліцах, пераход парафіі з аднаго дэканата ў іншы, вызначэнне граніц парафій і г.д. Другая частка дае ўяўленні аб адносінах паміж дзяржавай і мясцовымі групамі вернікаў. Напрыклад, адметнай з’яўляецца перапіска вернікаў г. Шчучын з мясцовым гарвыканкамам і аблвыканкамам на прадмет вяртання канфіскаванага ў 1960 г. будынка касцёла Святой Тэрэзы Авільскай – цяжкая папяровая валакіта, якая расцягнулася на

28 год (*касцёл павярнулі ў 1988 г. пасля звароту да М. С. Гарбачова – К.С.*) [4], яскрава паказвае ролю і значэнне рэлігійных інстытуцый у заходнебеларускім горадзе за Савецкім часам. У сваю чаргу, перапіска Лідскага Фарнага касцёла закранае куды больш цяжкія моманты жыцця рыма-каталіцкага духавенства ў БССР, а менавіта – ціск і некаторае абмежаванне гэтай сацыяльнай групы ў правах (забарону праводзіць набажэнствы ў 1966–1970 гг., канфіскацыю ў пробашча прыватнага гарода памерам 0,15 га і г. д.) [6].

Яшчэ адным відам крыніц, якія прадстаўлены ў парафіяльных архівах, з’яўляюцца мапы і планы мясцовасцей, могілак, прыкасцельных тэрыторый і г. д. З дапамогай дадзеных крыніц можна прасачыць, напрыклад, тапаніміку вёсак (*так, месца, дзе стаяла плябанія магло перарасці ў вёску, засценак, калонію з назваю Плябанаўцы – К.С.*). Напрыклад, цікавым з’яўляецца план мястэчка Шчучын за 1719 г. з абазначэннем найбольш важных для вернікаў месцаў [5, арк. 199], мапа парафіі Ішчальнскай за 1880 г. [1, арк. 24–25], мапа дзялення горада Ліда па парафіях у 1936 г. з указаннем капліц і могілак [7, арк. 14] і г. д.

Нарэшце, апошнім відам менавіта мікрагістарычных крыніц, якія сустракаюцца ў парафіяльных архівах, аўтар можа назваць касцельныя летапісы і хронікі ХХ ст., якія раскрываюць нетаропкае, размеранае жыццё тэрыторыі, на якой кампактна пражываюць вернікі, з пункту гледжання менавіта духоўных зносін унутры парафіі. Яскравым прыкладам падобнай крыніцы з’яўляецца Ішчальнская касцельная хроніка за 1515–2002 гг. Пры гэтым важным момантам такіх хронік можна лічыць апісанне традыцыйных заняткаў мясцовага насельніцтва. Так, у той жа Ішчальнскай хроніцы адзначаецца, што мясцовыя жыхары традыцыйна займаліся вобжыгам цэгля і гашэннем вапны, што адрознівала іх ад жыхароў сумежных парафій [3, арк. 17]. Такую ж цікавасць уяўляе і Шчучынская парафіяльная хроніка за 1493–1891 гг., прадстаўленая ў копіі, створанай у 1910–1917 гг. [5].

Як можна пабачыць, кожны выдзелены від крыніц з’яўляецца іманентным у адносінах да пэўнай тэрыторыі, амаль не раскрываючы знешніх яе сувязяў, што яўна ўказвае на мікрагістарычны характар.

Разам з тым бачыцца адна з найбольш небяспечных уласцівасцей даследаванняў на базе мікрагістарычных крыніц, а менавіта штучная дыскрэтнасць гістарычнай рэальнасці, якая заключаецца ў бачнай на першы погляд адсутнасці сувязяў парафіяльнага жыцця з працэсамі больш высокага ўзроўня. У такім выпадку адзіным магчымым выхадам аўтар можа прапанаваць комплекснае вывучэнне крыніц па гісторыі Рымска-каталіцкіх парафій на Беларусі ў звязку з крыніцамі ўстаноў больш высокага ўзроўня – дзяцэзаў, кансісторый, курый і г. д., што дае магчымасці да пазбягання разрываў як вертыкальных (іерархічных), гэтак і гарызантальных (паміж парафіямі) сувязяў унутры інстытуцыі, а таксама захаваць сувязі паміж інстытуцыяй і вернікамі, якія ў яе ўваходзяць.

Такі падыход дае айчынную гістарычную навуцы больш, чым звычайны імпульс да пераасэнсавання чалавечага вопыта і некаторага пераасэнсавання гістарычнай навукі ў бок “дробнага”, паўсядзённага вопыта, а менавіта дазваляе прымяніць метады, як пісаў Х. Меддык, “па той бок канцэпцыі макрагістарычнай сінтэзуючай гісторыі” [9, с. 196], то бок стварыць паўнавартасную, арганічную карціну гістарычнай рэальнасці.

Такім чынам, можна казаць аб тым, што крыніцы парафіяльных архіваў з’яўляюцца каштоўнай базай ведаў па гісторыі невялікіх населеных пунктаў – гарадоў, мястэчак, засценкаў, калоній, фальваркаў і г. д., аднак выкарыстоўваюцца дадзеныя дакументы павінны толькі ў звязку з іншымі матэрыяламі па гісторыі Рымска-каталіцкага Касцёла на Беларусі.

1. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална – Спр. б/н Переписка о костельном имуществе, 1880 – 1888 гг.
2. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална. – Спр. б/н Chrzest i szluby, 1713 – 1796 гг.
3. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы в. Ішчална. – Спр. б/н. Kronika Kościelna, 1936 г.
4. Архіў касцёла Святой Тэрэзы Авільскай г. Шчучын. – Спр. б/н. Документы за савецкі перыяд у россыпу, 1960 – 1991 гг.
5. Архіў касцёла Святой Тэрэзы Авільскай г. Шчучын. – Спр. б/н. Kronika parafjalna Szczyczyńskiego Kościoła, 1917 г.
6. Архіў касцёла Уздвіжання Святога Крыжа г. Ліда – Спр. б/н Документы за савецкі перыяд у россыпу, 1951 – 1989 гг.
7. Архіў касцёла Уздвіжання Святога Крыжа г. Ліда – Спр. б/н Мапы, схемы, планы ў россыпу, 1931 – 1939 гг.
8. Лісейчыкаў, Дз.В. Сенсачынная знаходка ў мурах Вішнеўскага касцёла / Дз.В. Лісейчыкаў // Архивы и делопроизводство. – 2015. – № 5. – С. 67–71.
9. Меддик, Х. Микроистория / Х. Меддик // THESIS. – Вып. 4. – С. 193–202.
10. Сыцько, К. В. Архівы рыма-каталіцкіх парафій Заходняй Беларусі ХІХ – першай паловы ХХ ст. (на прыкладзе архіва касцёла Найсвяцейшай Тройцы ў в. Ішчална) / К. В. Сыцько // Теоретические и практические проблемы документоведения и архивоведения: ретроспектива и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 декабря 2015 г. / БЕЛНИИДАД ; редкол.: Э. М. Савицкий, С. В. Жумарь, П. А. Левчик [и др.]. – Минск, 2016. – С. 173–181.
11. Wojarunets, H. Zapisy o Krzyżu i Kaplicy w Cwiermah / H. Wojarunets. – Lida: z dokumentaў Лідскага Фарнага касцёла Узвышэння Святога Крыжа, 1936. – 50 с.

Агеенко Т.Н.
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С ПРОТОКОЛАМИ ЦК КП(б)Б
В 1920–1930-е гг.

Не будет преувеличением утверждение о том, что реальную государственную власть в БССР осуществляла созданная в конце декабря 1918 – начале января 1919 г. Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии (далее – КП(б)Б). Ее постоянно действующим органом являлось Центральное бюро (далее – ЦБ), а с 1924 г. – Центральный комитет (далее – ЦК), формировавший из своего состава Бюро. Для ведения же текущей работы создавался Секретариат ЦК КП(б)Б [3, с. 68]. В протоколах заседаний Бюро и Секретариата нашли отражение важнейшие решения, связанные с функционированием государства. С учетом этого обстоятельства представляется весьма важным изучение вопросов, связанных с ведением протоколов, т.к. это помогает понять механизм принятия решений, а также выяснить существовавшие между государственными и партийными органами взаимоотношения.

В 1918 – начале 1920-х гг. высший партийный орган неоднократно трансформировался и менял свое название. В это время вопросы, связанные с ведением протоколов, выносились на заседания Бюро и Секретариата довольно редко. Так, в 1919 г. рассмотрен вопрос о регламенте заседаний ЦБ КП(б)Б, а в 1921 г. – о неаккуратном посещении отдельными лицами заседаний и т.п. 30 ноября 1922 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило порядок хранения секретных документов, текст которого с того времени печатался на оборотной стороне выписок. На их основе ЦБ КП(б)Б были выработаны правила работы с выписками из протоколов Бюро и Пленумов. В нем подчеркивалось, что в делопроизводстве советских и профсоюзных органов не должны делаться ссылки на партийные решения, а документы должны хранить те, кому они адресованы [1, с. 105].

В 1920-е гг. в обязанности аппарата Секретариата, состоявшего из заведующего, его заместителя и шифровальщика, входил сбор и подготовка материалов к заседаниям Секретариата, Бюро и Пленума ЦК, обработка протоколов заседаний и направление их соответствующим партийным организациям и отдельным лицам, выполнение текущей переписки от имени Секретариата ЦК, хранение совершенно секретной переписки и шифра [6, л. 12].

На заседании ЦК КП(б)Б 15 мая 1924 г. был рассмотрен ряд вопросов по организации работы Бюро и Секретариата ЦК, установлен порядок проведения их заседаний, рассылки протоколов [4, л. 2]. 19 августа 1924 г. Пленумом ЦК РКП(б) были утверждены «Правила обращения с конспиративными документами», на основе которых 25 сентября 1924 г. Бюро ЦК КП(б)Б утверждены «Правила обращения с конспиративными документами ЦК КП(б)Б». В них говорилось, что «конспиративными документами ЦК считаются протоколы Пленума, Бюро и Секретариата ЦК, а также все другие материалы и документы (выписки из постановлений и т.п.), исходящие из ЦК с надписью «строго секретно» [5, л. 55].

На протяжении 1924 г. неоднократно рассматривались вопросы формирования повесток заседаний ЦК, был утвержден порядок их подготовки. В 1927 г. принято решение «завести как систему, по вторникам в 2 часа совещания членов Секретариата ЦК, работающих в аппарате ЦК по обсуждению повестки и материалов следующего заседания Бюро» [9, л. 349]. Внеплановые вопросы после их согласования с секретарем ЦК проходили тот же порядок подготовки, что и плановые вопросы [10, л. 156]. В постановлении Бюро ЦК говорилось: «Вопросы, требующие особой подготовки, проводимые через Бюро и Секретариат ЦК, должны, как правило, проходить только одну подготовительную партийную инстанцию – совещание при ЦК или фракцию (*очевидно, речь идет о партийной фракции во внепартийном учреждении – Т.А.*). В последнем случае проект постановления (резолюция) должен быть заранее проработан или согласован с соответствующей частью аппарата ЦК. План Бюро и Секретариата составляется на основе заявок окружных комитетов и фракций центральных учреждений, в плане указывается порядок проработки и согласования вопросов, намечаются докладчики и календарные сроки заслушивания вопросов в ЦК» [8, л. 802, 809]. В то же время на практике наблюдалось несоблюдение этих правил. Некоторые вопросы были плохо подготовлены и переносились на другие заседания или рассматривались несколько раз, отправлялись на доработку.

На заседаниях Бюро ЦК КП(б)Б утверждались некоторые решения ЦИК и СНК БССР, ЦКК КП(б)Б, Секретариата, протоколы заседаний отделов ЦК, кадровые вопросы и др. Бюро принимало окончательные решения не по всем вопросам, выносимым на его рассмотрение. Часть из

них переносилась на рассмотрение Секретариата, отделов, других организаций. Так, например, при принятии решения о районировании одним из пунктов был следующий: «Санкционировать постановку вопроса о Западной области и границах БССР от имени Госплана БССР перед Госпланом СССР» [7, л. 118]. При ознакомлении с протоколами обращает на себя внимание большое количество частных, мелких вопросов, выносимых на разрешение Бюро. В то же время многие ключевые вопросы жизни БССР подлежали исключительно утверждению Политбюро ЦК ВКП(б). Так, Бюро не могло самостоятельно принять решение об открытии партийного комитета, реорганизации партийной структуры и т.д. Для этого необходимо было получить разрешение Политбюро или Секретариата ЦК ВКП(б) [3, с. 70].

В своем оформлении протоколы Бюро 1920–1930-х гг. практически не отличались от протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). Так, протоколы включают повестку дня (не всегда), набор карточек (в 1920-х гг. протоколы оформлялись на листах формата А3 и А4), на каждой из которых фиксировались дата заседания, номер протокола и пункта, формулировка рассматриваемого вопроса (с указанием фамилий докладчиков (не всегда), принятое решение, а также указывалось, кому посланы выписки из этого решения [2, с. 24]. Все решения подписывались секретарем ЦК. В отличие от ЦК ВКП(б), где каждый протокол, как правило, хранился в отдельном деле, в ЦК КП(б)Б до 1932 г. несколько протоколов заседаний и документы к ним формировались в одно дело. Это позволяет определить автора документа или установить инициатора его создания. Решения, принятые на заседаниях Бюро ЦК вносились в классификатор, благодаря чему было легко найти любой вопрос, утвержденный на заседании.

О том, что протоколы готовились заранее, свидетельствует тот факт, что части с формулировками вопроса и его решением были напечатаны на машинке. На заседаниях в карточки от руки могли вносить изменения и дополнения. После того, как вопрос был рассмотрен, карточка редактировалась секретарем ЦК и использовалась при оформлении протоколов для рассылки.

Все протоколы выходили под грифом «совершенно секретно», соответственно такой же гриф имели и все включенные в него постановления. С октября 1924 г. по май 1931 г. наиболее секретные решения ЦК КП(б)Б оформлялись в виде протоколов закрытых заседаний Бюро и Секретариата, которые формировались в отдельные дела. Ряд решений Бюро ЦК имел гриф «Особая папка». Указание о том, что постановление по определенному вопросу имеет этот гриф, содержалось в обычных протоколах (например, в постановлении ЦК КП(б)Б «Представление НКВД БССР о награждении сотрудников НКВД и погранвойск – отличившихся в боях за освобождение Западной Белоруссии» в решении записано: «Особая папка» [15, л. 159]), само решение размещались в протоколе после основного блока вопросов.

Часть решений принимались путем опроса членов ЦК, а на карточке делалась отметка «принято опросом». Фиксируя свое согласие (или несогласие), члены Бюро расписывались в соответствующей графе на карточке. Достаточно редко по некоторым вопросам высказывалось несогласие членов Бюро с принимаемым решением. Так, при рассмотрении вопроса о составе комиссии пограничным совещаниям Н.М. Голодед голосовал против включения себя в комиссию [7, л. 86, 97].

В январе 1928 г. Секретариат ЦК КП(б)Б на основе постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) принял решение «О порядке хранения, ознакомления и возвращения протоколов заседаний ЦК КП(б)Б». Согласно ему все протоколы заседаний ЦК должны хранить те, кому они адресованы, или их доверенные лица (члены КП(б)Б). Запрещалось хранить протоколы заседаний ЦК на правах личных архивов, знакомить с ними кого бы то ни было, без специальной оговорки ЦК, копировать, делать выписки, устно или письменно на них ссылаться. Установлен срок возвращения протоколов Бюро и Секретариата ЦК: не более чем семидневный с момента получения для членов и кандидатов ЦК и ревкомиссии, находящихся в Минске и месячный – для иногородних. В случае невозвращения в установленный срок более двух протоколов, дальнейшая посылка их до возвращения временно прекращалась. Протоколы ЦК отправлялись отдельно от других документов – по реестрам через фельдьегерскую службу ОГПУ. В 1930 г. за возвращение протоколов ЦК по почте, а не через фельдьегерскую связь, Глусскому РК КП(б)Б была прекращена посылка протоколов [12, л. 17].

В мае 1928 г. рассмотрен вопрос «О разглашении закрытых постановлений Бюро ЦК». В итоге принято постановление о том, что «на закрытых заседаниях Бюро ЦК должны присутствовать только члены и кандидаты в члены Бюро ЦК и товарищи, которые персонально будут вызываться по отдельным вопросам» [11, л. 177].

В 1930-е гг. подготовкой документов к заседаниям ЦК, оформлением протоколов и постановлений, выписок, их хранением и учетом занимался 1-й сектор Секретного отдела (Особого сектора) ЦК. Вопросы, связанные с ведением протоколов, прописывались в инструкциях по секретному делопроизводству. Неоднократно на протяжении 1930-х гг. рассматривались вопросы соблюдения конспирации и правил хранения протоколов и выписок из них, а также нарушения правил возвращения протоколов. В конце 1933 г. на Бюро ЦК принято решение о контроле выполнения постановлений Бюро и Секретариата ЦК КП(б)Б. Отмечалось недопустимое отношение к делу контроля за исполнением постановлений и директив ЦК, СНК СССР, местных республиканских решений. Рекомендовалось больше времени отдавать проверке принятых постановлений ЦК [13, л. 18–19].

В 1934 г. в связи с поступлением запросов с мест Особый сектор ЦК КП(б)Б дал разъяснение о порядке хранения протоколов и постановлений Бюро ЦК. А в 1937 г. вновь рассмотрен вопрос о порядке подготовки и рассылки материалов к заседаниям Бюро ЦК, в котором акцентировалось внимание на своевременной передаче в Секретный отдел документов к заседаниям Бюро, подчеркивалось, что в случае непредставления материалов к сроку (за 4 дня до заседания), вопрос с повестки снимался [14, л. 43].

Таким образом, в 1920-е гг. был выработан порядок подготовки документов к заседаниям Бюро и Секретариата ЦК КП(б)Б, рассылки и хранения протоколов. С этого времени протоколы Бюро и Секретариата становятся секретными. Порядок работы с ними регулировался присылаемыми из Москвы правилами и инструкциями, а также рассматривался на заседаниях Бюро и Секретариата ЦК КП(б)Б.

1. Агеенко, Т.Н. Обеспечение секретности в КП(б)Б в 1920-е гг. / Т.Н. Агеенко // X Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 14 окт. 2016 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2016. – С. 105–106.
2. Адибеков, Г.М. Протоколы Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) как исторический источник / Г.М. Адибеков, Л.А. Роговая, Л.П. Кошелева // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. М., 2000. – Т. 1. – С. 5–29.
3. Вялікі, А.Ф. Лекцыя 6. КПБ – «перадавы атрад» таталітарнае сыстэмы / А.Ф. Вялікі // Таталітарызм: курс лекцыяў / уклад. і рэд.: А. І. Анціпенка. – Мінск [Менск], 2007. – С. 67–75.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1277.
5. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1278.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1289.
7. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2008.
8. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3122.
9. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3125.
10. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3126.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3751.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5077.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7131.
14. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 10990.
15. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13587.

Городецкий В., Шишанов В.А. **К ИСТОРИИ ТРОФЕЙНЫХ АЭРОФОТОСНИМКОВ ВИТЕБСКА 1941 г.** **ИЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ АРХИВОВ США**

Несколько лет назад в гигантских анналах Национальной администрации архивов и документов США (NARA) (его картографическая секция насчитывает более 1200000 немецких аэрофотографий серии GX) были обнаружены 8 уникальных аэрофотографий начала июля 1941 г. как до разрушения Витебска массированными бомбежками и пожарами, так и после.

Эти кадры были сделаны военными фотографами, служившими в подразделении Luftwaffe, и были предназначены для военно-полевой тактической разведки в целях последующих бомбардировок города.

Международная инициативная группа «Шагал 2012» выкупила цифровые изображения фотографий из этой коллекции и подарила их Витебскому областному краеведческому музею, пополнившему собрание наземных снимков того же периода. Детальное изучение фотографий уже привело исследователей к многочисленным ценным находкам [3].

В этом контексте и было бы интересно восстановить неизвестную донныне историю происхождения снимков. Заметим, что задача эта, по признанию ведущих американских и немецких

архивистов во многих случаях существенно осложняется по причине полной утери пригодной информации при многочисленных, зачастую бесконтрольных, передачах документов из одной сохраняющей их службы в другие.

19 апреля 1945 г. наступающие группы контрразведки США в Германии обнаружили один из самых важных трофеев 2-ой Мировой войны: почти полный архив нацистского Министерства иностранных дел, (Auswärtige Amt). Он был спрятан в нескольких замках в горном районе Гарц. В соответствии с Ялтинскими соглашениями эти замки должны были оказаться в Советской зоне оккупации. Американцам и англичанам удалось обмануть бдительность тогдашнего союзника и оперативно вывести 400 тонн документов в Американскую зону, в Марбург. По исторической иронии, руководивший эвакуацией документов американец Гарднер Карпентер распорядился при нехватке рабочей силы использовать освобождённых советских военнопленных.

Первые официальные инструкции по сохранению архивных документов, исходящие от главнокомандующего, содержались уже в письме от 20 августа 1944 года [5]. Не смотря на подобные усилия, в условиях наступательных действий и по причине отсутствия необходимой компетенции а, зачастую, и осведомленности военного командования о руководящих инструкциях по защите документов, допускались многочисленные серьезные и непоправимые просчеты. Широко известно, что в дополнение к документам, погибшим в результате бомбежек и пожаров, подразделения союзных войск уступали соблазну оперативного использования архивных бумаг для отопления или связок дел для дорожных подстилок при переправе транспорта по бездорожью. Фронтовые корреспонденты докладывали также о случаях присвоения архивных материалов военнослужащими в качестве сувениров (немало, как выяснилось позднее). Более того, некоторые документы и целые папки были признаны непригодными для последующего хранения и были уничтожены в приказном порядке. Были также установлены случаи, когда некоторые документы, выданные позднее по специальным распоряжениям, так и не вернулись в исходное хранение [7].

Захваченные в боях документы поступали сначала в Лондон для предварительного ознакомления и затем, для более тщательного изучения, в Вашингтон, где армия США открыла отдел военной разведки, офис G-2 (Military Intelligence Division, War Dept., General Staff). С началом наступления в Нормандии поток документов беспрецедентно возрос: к июню 1945 г. было обработано не менее 150 тонн трофейных документов.

В соответствии с англо-американским соглашением, 14 июля 1945 г. на военной базе Ритчи в штате Мэриленд была официально учреждена секция германских военных документов (GMDS), где архив оставался до 15 апреля 1946 г., после чего был перемещен в Пентагон. Здесь в течение первого года персонал бывшего GMDS начал генеральную систематизацию фондов в соответствии с немецкой Einheitsaktenplan (единая организационная система), составив первые реферативные и справочные материалы для утверждённых пользователей, и подготовил для каталогизации 11000 карточек.

Легально трофейная документация находилась в руках США, однако «генетически» это были документы Третьего рейха и, соответственно, они нуждались в специальном содержании, изучении, пользовании, распоряжении и, наконец, в специальном персонале для выполнения всех этих функций. В структуре отдела административных служб (TAGO) к функциям GMDS добавились составление и циркулирование списков учётных документов разведывательного характера и передача соответствующим правительственным учреждениям в постоянное пользование документов невоенного и сугубо технического назначения.

Сотрудники GMDS также обрабатывали и сортировали, в том числе по секретности, продолжающие поступать новые документы. Среди них в декабре 1950 г. оказались, например, документы архива Смоленского обкома ВКП(б). В апреле 1951 г. было выпущено откорректированное и дополненное издание, наиболее полно освещающее коллекцию, находящуюся в распоряжении армии и разбросанную по всей стране. К этому времени важнейшее собрание немецких фронтовых «ситуационных» карт находилось в здании склада на территории Пентагона (705 Columbia Pike). Фотографии, особенно разведывательные аэрофотоснимки, рассматривались германским командованием как критическое вспомогательное средство. Отдел ведомственных документов (DRB) добился консолидации всех разделов огромной коллекции дел в едином хранилище в Пентагоне, где для этой цели было выделено подвальное помещение BF 915, реконструированное под офис и хранилище дел. Переезд завершился в январе 1950 г.

С обострением отношений между США и СССР наблюдалась интенсификация запросов на трофейные немецкие документы, касавшиеся СССР: в течение всего 1950 г. количество запрошенных документов составило 11646, в течение 1951 – 31528, в 1954 – 35883, в 1955 – 38627. Пик пришёлся на 1956 г. – 40381 запрос.

В это время потребовалось очередное перемещение коллекции, на этот раз из Пентагона в Александрию, штат Виржиния, в комплекс из 20 зданий, Федеральный центр документации (Federal Records Center, FRC). Лишь к январю 1952 года удалось разобрать все ящики и расположить упорядоченно.

Перемещения сказались на качестве систематизации документов, возвращаемых после запросов. В одном из исследований, опубликованном Офисом Национальных архивов и контроля документов 25 ноября 1947 г. [6], отмечается, что только в период с 1944 по 1947 г. около 125 различных американских организаций и союзнических агентств пользовались 150 трофейными собраниями.

Весной 1953 г. в секции оставалось лишь 10 военных специалистов, остальные были гражданскими. В результате детального обследования фондов секции трофейных архивов (27000 куб. футов, около 1 км³ документов) было установлено, что 9625 куб. футов следовало признать особо секретными, из них лишь 3226 были подробно описаны, 6399 требовали обстоятельной доработки. В результате структурной реорганизации GMDS переименовали в Секцию трофейных документов (Captured Record Section, CRS).

В начале 50-х годов Отдел ведомственных документов, по инициативе главы отдела Шеррода Иста, начал работы по составлению центрального справочного каталога трофейных документов и к 1956 году эта работа была в основном завершена: были заполнены 240 картотечных коробок, содержащих 76300 карточек.

В 1955 году переговоры с правительством Великобритании привели к взаимному согласованию позиций по возвращению архивов. К этому времени военное ведомство США разработало подробный план возвращения, включающий 3 основных этапа: 1) рассекречивание документов, 2) микрофильмирование избранных разделов, 3) отгрузка и транспортировка оригиналов в ФРГ, включая документы, считавшиеся нецелесообразными для микрофильмирования.

В мае 1960 г., по окончании программы рассекречивания, 12.220 куб. футов были возвращены в ФРГ, 7000 куб. футов были отсняты. 19036 футов были рассекречены и 1524, в соответствии с критериями разведывательных служб, оставались засекреченными. В период 1961–1968 гг. большая часть из этих документов была вновь оценена, рассекречена и микрофильмирована, лишь незначительная (необнародованная) часть продолжала храниться с секретным грифом.

В январе 1958 г. продолжились массовые реорганизации: DRB превратилось в Отделение военной документации (MRB), с тем, чтобы через 6 месяцев быть упраздненным и реорганизованным в Отдел документации 2-ой Мировой войны (World War II Record Division) при Службе Национальных архивов и документации (NARS), куда армия США и перевела в декабре 1959 г. всю оставшуюся в её распоряжении немецкую документацию, передав с этим и все формальности микрофильмирования и возврата архивов. В августе того же года недавно сформированный Отдел документации 2-ой Мировой войны переименовывается в Отделение специальных коллекций (Special Collection Branch). В декабре 1961 г. реорганизация в NARS привела к закрытию этого Отделения и передаче всех его функций во вновь созданное Отделение архивных проектов (Archival Projects Branch), которое было упразднено в августе 1961 г.

Заключительная стадия возвращения трофейных документов была запланирована армией США таким образом, чтобы документы наибольшей значимости были рассекречены и микрофильмированы последними, и отправка их в Германию, соответственно, состоялась в последнюю очередь.

Продолжение описания многочисленных реорганизаций в этой сфере государственной активности может отнять немало страниц и существенно отвлечь от предмета нашего интереса. Эта пространная иллюстрация приведена здесь, однако, для подтверждения тезиса ведущего немецкого эксперта по истории трофейных архивов профессора А.М. Экерт, утверждавшей, что в подобном «закодированном лабиринте, лишённом здравого смысла, реконструировать полную траекторию поступления и перемещения отдельных документов или серии с уверенностью в достоверности чрезвычайно затруднительно и может считаться удачей» [4].

Весной 1945 г., ещё до окончания войны, офицер армейской геодезической службы США (Army Map Service), Флойд Хауф, возглавлявший одну из специальных армейских поисковых

групп известных под именем Target-Forces (Т-Forces), в миссию которой входил поиск и захват немецких карт и картографического оборудования, обнаружил на складе немецкого города Саалфельда значительный набор картографических материалов периода военных действий в СССР. Эти документы, по мнению архивистов [1], составили львиную долю захваченных немецких картографических материалов и других документов из этой серии. С этого момента, к сожалению, реконструируемая «тропа» теряется, конкретные сведения о перемещениях этих документов отсутствуют и можно пользоваться лишь обрывками общей информации о последующем хранении и обработке трофейных материалов, по возможности кратко изложенной выше. С достоверностью можно лишь говорить об их передаче в ведение Картографической секции Национального архива (RG 373, Records of Defence Intelligence Agency, документы Национального агентства оборонной разведки), где они и находятся в настоящее время. Последующее изложение будет дополняться некоторыми архивными «следами», все же обнаруженными при настойчивом поиске.

С открытием боевых действий против СССР в функции Luftwaffe входили 2 основных миссии: уничтожение военной авиации противника и предоставление прямой и вспомогательной активности наступающей армии. В разведывательные функции Luftwaffe включался также сбор информации об эвакуации индустрии, состоянии аэродромов и железнодорожного транспорта, моральном состоянии населения. Запланированная скорая и решительная победа не предусматривала кампанию дальних стратегических бомбардировок [8, р. 130] и 21 июня 1941 г. служба дальней разведки была переведена в Берлин-Рангдорф для осуществления операций, ориентированных на Запад.

Для кампании поддержки начавшихся операций Luftwaffe было выделено 3 полных воздушных флотилии и 3 разведывательные эскадрилии Luftwaffe: 2-ая воздушная флотилия под командованием фельдмаршала Альберта Кессельринга поддерживала Армию Группы Центр, которая действовала в районе, включавшем Белоруссию. В течение первой недели агрессии эта флотилия бомбардировщиков атаковала практически все военные аэродромы в зоне до 300 км от границы.

Самолётная разведка сопровождалась детальным фотографированием, фокусируемом на военных аэродромах, железнодорожных вокзалах, мостах и переправах.

Штаб службы фотоинтерпретации (Luftwaffe Fliegelkorps) располагался в Цоссене, в 30 км от Берлина. Штаб находился поблизости от нового аэропорта Темпелхоф, в подвальных помещениях которого хранились секретные фильмы и негативы. Luftwaffe Fliegelkorps выполняла основные работы, а срочное изготовление отпечатков и оперативная интерпретация проводились при необходимости на месте.

Германские аэрофотоснимки, находящиеся теперь в распоряжении Витебского краеведческого музея, наглядно иллюстрируют, что входило в обязанности немецких военных аналитиков при изучении подобных фотоизображений. На одном из них (RG 373: DT/TM-5, #17088) отчётливо видны записи, оставленные немецким аналитиком ст. фельфебелем Дитрихом: «Время съёмки – 3 июля 1941 г., 13 ч. 19 мин., масштаб (приблизительно) 1:13000» и далее – то, ради чего и проводилась рекогносцировка: «на вокзале размещены около 1270 железнодорожных вагонов + 3 военных поезда». В правом нижнем углу оставлена отметка «мост не разрушен». Ещё одну фотографию (RG 373: DT/TM-5, #17089), сделанную 5 июля 1941 г., анализировал ст. оберлейтенант Шваб. Его комментарии также оставлены на фотографии: масштаб – около 1:13500, вокзал с 1600 вагонами, аэродром с 56 одномоторными самолётами и с 21 двухмоторными. Фотография (RG 373: DT/TM-5, #17077) была сделана 11 июля 1941 г., на следующий день после того, как Красная Армия оставила город. На ней все мосты разрушены за исключением железнодорожного моста через Зап. Двину (здесь уместно вспомнить, что генерал Герман Плохер отмечал, что немецкое командование поражалось тому, с какой оперативностью русские восстанавливали мосты для продолжения эвакуационных операций). На фото немецкий аналитик также обозначил остатки 4-х зенитных батарей и следы полевых армейских укреплений. Отчётливо видно, как катастрофически пострадала городская застройка.

Следует отметить, что немецкие военные погодные сводки были также захвачены армией США, но в архивах не сохранились, так как были ликвидированы за ненадобностью. На снимках отчетливо, судя по кучевым облачным теньям на земле, видно, что погода была вполне летняя, пригодная для последующих бомбежек.

В гигантском массиве захваченной армией США документации интересные нас фотоматериалы в финале войны не играли роли для ведения наступления союзнических войск. Разумно предположить, что в общей массе документов эти аэрофотоснимки прошли, как и все доку-

менты, первую стадию экспресс-анализа и были отсортированы по значимости во вспомогательный эшелон.

В 1957 г., ко времени присоединения Национального архива к работам по микрофильмированию, аэрофотоснимки Витебска были уже рассекречены. Об этом можно судить по прилагаемой копии карточки № 93 в коллекции Thematic Mapper 5 (ТМ-5), на которой отсутствует гриф секретности, хотя продолжает использоваться прежнее кодовое название проекта “Dick Tracy”. В ответ на запрос последовало письменное уточнение: серия кадров с 17065 по 17120, куда включены все 8 фотографий, попадает в обозначенную на карточке серию E 2785, но информацией об оригинальной кассете негативов архив не располагает [2].

Ранее, 17 августа, архив сообщил, что эти документы поступили в их распоряжение в «виде немецких оригинальных фотопринтов с комментариями аналитиков на некоторых из них». Именно из оставленных на фотографиях аутентичных комментариев можно судить о том, что эти фотоотпечатки – подлинники. Добавим, что размеры этих оригиналов (12 x 12 дюймов) свидетельствуют о том, что они могли быть получены прямой печатью с негатива, без фотоувеличения. Разрешающая способность фотографий (при задокументированном на фотографиях масштабе) была достаточной для их качественного анализа персоналом Luftwaffe Fliegerkorps.

К сожалению, дата поступления этих оригиналов аэрофотографий в картографический сектор NARA не была зарегистрирована и не занесена в карточку (для даты оставлена лишь пометка “Var”, означающая “variable” («различная»)).

1. Частная переписка с картографической секцией NARA, D. Bottoms to VG, письмо датировано 17 августа 2016 г.
2. Частная переписка с картографической секцией NARA, D. Bottoms to VG, письмо датировано 13 сентября 2016 г.
3. Шишанов, В.А. Немецкая аэрофотосъемка Витебска 1941 г. (по материалам Витебского областного краеведческого музея) / В.А. Шишанов // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее», 19–22 мая 2013 г. – СПб.: А–Я, 2015. – С. 145–148.
4. Eckert, A.M. Kampf um die Acten: Die Westalliierten und die Rückgabe von deutschen Archivgut nach dem Zweiten Weltkrieg / A.M. Eckert. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag GmbH, 2004.
5. NARA, AGAR-S doc.no. 302, Official List of Archives in Western Germany.
6. Pomrenze, S.J. to Hamer, AGAR-S, doc. nos. 704, 706.
7. Pomrenze, S.J. Policies and Procedures for the Protection, Use, and Return of Captured German Records // Conference on Captured German and Related Records. – Wasington: Ohio University Press, ed. by R.Wolfe, 1968. – P. 13–14.
8. Samuel, W. Mitcham «Eagles of the Third Reich» / W. Samuel. – Novato : Presidio Press, 1997.

Бытко С.С.
СТРУКТУРНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
РУКОПИСНОГО ПРАВОУЧИТЕЛЬНОГО СБОРНИКА
ИЗ СОБРАНИЯ ЛАИ УрФУ

Нуждаясь в строгой регламентации религиозных догматов и бытовых норм, староверы возлагали на книжные компиляции задачи трансляции идеологии – как представителям других религиозных течений, так и собственным единоверцам. В силу этого книжные компиляции обладали весьма занимательной структурой, призванной наравне с утверждением общехристианских истин искусно полемизировать с «любителями новин» и тем самым обеспечивать выживаемость старообрядческих общин в инославном окружении.

Сборник [6] написан полууставом в 4^о и датируется первой половиной XIX в. Общий его объем составляет 184 листа. Атрибуцию книги следует считать спорной. На заключительном листе можно увидеть надпись, свидетельствующую, что «сия книга принадлежит [...] господину Дубровскому...» и поступила в его распоряжение в 1859 г. Использование для этой пометы гражданского шрифта и арабских цифр взамен традиционных для староверов кириллических числительных свидетельствует о том, что Дубровский не принадлежал к староверам, а стал обладателем сборника, по-видимому, случайно. На заднем форзаце фолианта мы также можем обнаружить запись о том, что данная книга была получена в городе Челябинске от поморской старообрядческой общины в 1985 г. Не представляется возможным установить, попал ли сборник к поморцам напрямую от Дубровского или же успел сменить ещё нескольких владельцев. Остается так же неизвестным, в среде какого согласия сборник был создан и бытовал до того, как стал собственностью Дубровского.

Вступительная глава книги открывается вязью и носит название «Нравоучение о милостыни...» [6, л. 1–8]. При изучении сборника оказывается, что так или иначе большинство его тек-

стов затрагивает тему нравственности и милосердия. Следует заключить, что первая глава сборника является в своем роде обобщающим произведением, уже в названии указывая читателю на общую направленность книги и круг вопросов, подлежащих обсуждению. Сходный вариант «устройства» при изучении старообрядческих сборников обнаруживает и ряд других исследователей. Так, Н.С. Гурьянова пишет, что находившиеся впереди произведения подготавливают читателя сборника к восприятию последующих [3, с. 38], а Н.А. Старухин отмечает, что работы, имеющие концептуальное значение, помещались в начале сборника [10, с. 114].

Следом в сборнике помещено «Слово святых отцов о злопамятстве» [6, л. 8 об.]. Данное сочинение было включено в компиляцию, по всей видимости, с целью дополнения предшествующего текста. Так, если «Нравоучение о милостыни...» развивает идею о необходимости жертвования на нищих, то «Слово...» указывает на то, что богоугодной является лишь жертва человека, умеющего прощать своих ближних. Подобное взаимное дополнение отдельных сочинений в сборнике не является частным случаем и отмечено в ряде исследований [2, с. 193].

Распространенное в старообрядческой книжности сочинение «Списание [...] о хмельном питии» [6, л. 8 об.] включено в сборник со сходными целями. Но кроме указаний на необходимость соблюдения трезвости причастниками старой веры, текст вводит в сборник эсхатологические сюжеты, игравшие значительную полемическую роль в спорах с инославными и, в ряде случаев, даже в значительной степени определявших структурное «устройство» некоторых компиляций [4, с. 222].

Как правило, апокалиптические сюжеты должны были эмоционально воздействовать на читателя, побуждая последнего к праведной жизни под угрозой скорого Судного дня. Создатель сборника не единожды устанавливает взаимную идеологическую связь между нравоучительными и эсхатологическими сочинениями для усиления воздействия первых на читателя. С этой целью текст, рассказывающий о воцарении в мире антихриста» помещен между текстами, повествующими о грехах и добродетелях. Компилятивная подборка текстов в оценке Н.С. Гурьяновой принималась староверами за единый текст [1, с. 43]. В силу этого читатель должен был воспринимать нравоучительные мотивы не как незначительный элемент литературного повествования, а в качестве обязательной нормы повседневной жизни.

Следует также отметить, что оригинальный текст «Списания...» подвергся значительному редактированию для приспособления к потребностям старообрядческой аудитории, а именно – обоснования протеста «старолюбцев» против «нововеров». Ради этого в текст вводятся характерные для старообрядческой литературной традиции рассуждения о «латинском крыже» и утере благодати церковными пастырями: «...пастыри – волки, не учителя, но мучители...» [6, л. 12].

Далее книжник вновь использует легендарный сюжет, вводя в сборник «Слово Григория Двоеслова о трех древах» [6, л. 19–26], обращенное к исторической проблематике. Как правило, историческое повествование должно было убедить читателей сборника в истинности старообрядческого вероучения посредством прославления мучеников за веру [8, с. 70]. В данном случае также стремится доказать старообрядческую позицию, посредством искусственной архаизации своего вероучения – через связь с ветхозаветными и новозаветными событиями.

Вслед за этим находим группу текстов, списанных автором из чрезвычайно значимой для староверов «Кирилловой книги», повлиявшей не только на круг чтения «старолюбцев», но и во многом определившей как структуру их компилятивных сочинений, так и особенности полемической культуры. Фрагменты из «Кирилловой книги» позволяют автору связать свою аргументацию с критикой латинской церкви, обвиняя последнюю в искажении догмата семи Вселенских соборов. С целью приспособления текстов к особенностям старообрядческого вероучения книжник снабжает тексты собственными комментариями, адресуя свою критику официальной иерархии русской церкви, по его мнению, испорченной в результате римского влияния.

Впоследствии автор многократно обращается к теме скитской жизни. Это, в свою очередь, является важным указанием на согласие, к которому принадлежал «списатель». Частое упоминание в сборниках необходимости бегства из мира являлось характерной чертой исключительно согласия странников. Данный вывод также подтверждается довольно выразительной критикой автором богатств и накопительства, особенно активными противниками которых являлись именно странники. Следует полагать, что сборник сложился в среде странников, после чего, сменив одного или нескольких владельцев, попал к поморцам, которые и передали его Уральскому университету для изучения, введя в научный оборот.

Помещенные в сборнике правила Лаодикийского [6, л. 98–98 об.] и Карфагенского [6, л. 99–102] соборов явственно дают понять, для какой социальной аудитории был создан сборник. Они содержат развернутую критику гадания, астрологии, народных примет и скоморошества. Как отмечал Н.Н. Покровский, магия была неотъемлемой чертой именно крестьянской культуры [9, с. 179]. Принимая во внимание желание автора донести свое произведение до можно большего числа читателей, а также то, что большинство старообрядцев являлось выходцами из крестьянской среды, создание сборника, ориентированного главным образом на данную социальную группу, представляется вполне обоснованным.

Далее мы находим два текста, выбранных из книги «Пчела» [6, л. 122 об. – 125]. Первый приводит множество нравоучительных поговорок и афоризмов. Несмотря на то, что текст полностью вписывается в общую идейную концепцию книги, он тем не менее сильно выделяется из жанровой её «составляющей». Включение данного фрагмента можно объяснить несколькими вероятными причинами. Первая – это стремление автора расширить читательскую аудиторию сборника, т.к. остроумные изречения позволяли более эффективно раскрыть авторский замысел для людей, далеких от глубокомысленных нравоучительных текстов.

Данное объяснение является менее вероятным, поскольку поговорки, в таком случае не могли размещаться среди центральных глав сборника, с которыми читатель мог ознакомиться, лишь прочитав большое количество вдумчивых богословских толкований. Исключением следует считать сборники, снабженные оглавлением, позволяющим приступить к чтению интересующего фрагмента, минуя пространную вводную часть. Более вероятно, что посредством использования популярных изречений составитель стремился усилить эмоциональное воздействие нравоучительных идей своего сборника. Другое объяснение – текст должен был разрядить возникшую «интеллектуальную напряженность» и временно отвлечь читателя от сложных размышлений.

Второй фрагмент из сборника «Пчела» посвящен браку и семейной жизни. Данный текст являлся дополнением к ответу, посвященному необходимости наблюдения за нравственностью ближних и расположенному несколькими листами ранее. Для соблюдения среди домочадцев благонравия главе семьи предлагается прибегать к самым суровым мерам, вплоть до побоев [6, л. 125]. Несмотря на признание возможности женитьбы для «разумных» мужчин, текст, однако, активно настаивает на опасности брака: «Аще хочеши без печали радостно жити, то не моги женитися», «А злая жена николи не укротится. Хвалима высится, хулима бесится» [6, л. 124 об.].

Подобным образом проблема брака решается и в других частях книги. Общий концепт сборника, не отрицая возможности женитьбы, стремится всячески подтолкнуть читателя к мысли о безбрачии. Из этого следует ряд важных заключений. Автор, по всей видимости, создавал сборник для весьма широкого круга читателей, включавшего всё беспоповское направление «древлеправославия». Подобное заключение можно сделать, исходя из того факта, что автор тщательно избегает полемики вокруг вопросов, разъединяющих беспоповские согласия. Среди них можно выделить споры о законности брака, возможности осуществления других таинств, допустимости моления за царя и др. Взамен внутренней полемики составитель стремится акцентировать внимание староверов-читателей на вопросах, определяющих их идеологическую близость. Потому, будучи странником, а значит – убежденным безбрачником [7, с. 196], автор тем не менее допускает идею женитьбы, а признавая грешность светских властей, потакающих «никонианству», не отрицает их законности.

Намереваясь в очередной раз устроить читателей, не выполняющих нравственные предписания сборника, автор приводит вместо следующей главы группу эсхатологических текстов, включающих евангельские пророчества о Судном дне и собственные толкования старообрядца-составителя [6, л. 125–127]. Интересно происхождение текстов, представленных как в этой части книги, так и во всей компиляции. По всей видимости, автор составлял подборку, исходя из того принципа, что все представленные в ней сочинения должны вписываться в «общестарообрядческий» круг чтения. Компилятор заблаговременно не включил в книгу произведения, составленные после церковного раскола. Данное решение было принято, чтобы предупредить любые формы полемики, способные возникнуть в результате появления в сборнике авторских сочинений XVIII–XIX вв., явно симпатизирующих тому или иному согласию.

Эсхатологические мотивы сменяются предупреждениями о смерти в следующей главе, авторство которой приписывается священноиноку Дорофею [6, л. 127 об. – 133 об.]. Посредством связки двух данных фрагментов составитель, по всей видимости, стремился оказать всевоз-

можное влияние на читателей, дабы склонить последних к исполнению моральных предписаний. Даже в случае, если старообрядческий читатель не являлся сторонником идеи о воцарении в мире антихриста (что для первой половины XIX в. было редкостью и получило распространение ближе к началу XX в.), он не мог игнорировать неотвратимость своей биологической смерти и был вынужден задуматься о судьбе своей души.

Интересное структурное решение было принято составителем при завершении сборника. Так, место заключительного произведения автор отвел житийному произведению, посвященному чудесам преподобного Онуфрия Великого [6, л. 180–184 об]. Особенно оригинальным это кажется в связи с тем, что житийный жанр до этого практически не встречался в сборнике, а сама заключительная глава, в отличие от других частей книги, практически лишена нравоучительных мотивов. Использование жития продиктовано, по всей вероятности, необходимостью демонстрации читателю примера сохранения собственного благочестия. Важно, что, как оказывается в заключении, Онуфрий становится монахом, а следом – пустынножителем. Возникает видимая идеологическая связь между начальной и заключительной главами сборника. Первая диктует нравоучительный характер фолианта и кратко определяет полезность добродетелей и вред греховной жизни, а последняя, в свою очередь, предлагает наглядное руководство к дальнейшему действию. На особое значение жития для структуры компиляции указывает даже сам его объем, превосходящий другие главы, расположенные в конце книги, более чем в пять раз.

Итак, нам удалось провести атрибуцию сборника, в частности, что, по всей вероятности, он возник в среде старообрядцев-странников с целью пропаганды данного согласия среди представителей других ветвей староверия. В результате того, что сборник был рассчитан на весь широкую читательскую аудиторию (как в социальном, так и в вероисповедном плане), он успел сменить нескольких владельцев и даже побывал в употреблении в поморской общине. Сборник имел весьма замысловатую, но четкую внутреннюю структуру, базировавшуюся на сюжетном и жанровом взаимодополнении отдельных текстов.

1. Гурьянова, Н.С. О предисловиях к старообрядческим сборникам / Н.С. Гурьянова // Гуманитарные науки в Сибири (далее – ГНС). – 2013. – № 3. – С. 43–48.
2. Гурьянова, Н.С. О сборнике, составленном Мануилом Петровым / Н.С. Гурьянова // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – С. 191–218.
3. Гурьянова, Н.С. Старообрядцы и рукописное наследие Древней Руси / Н.С. Гурьянова // ГНС. – 2014. – № 3. – С. 37–41.
4. Журавель, О.Д. Повествования агнографического типа в поздней старообрядческой традиции / О.Д. Журавель // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 204–228.
5. Зольникова, Н.Д. Старообрядческий нравоучительный сборник непостоянного состава / Н. Д. Зольникова // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 178–202.
6. ЛАИ УрФУ. – XVIII. – 10р/1651.
7. Мальцев, А.И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия / А.И. Мальцев // История Церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 193–197.
8. Никаноров, И.Н. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» / И.Н. Никаноров // ГНС. – 2013. – № 4. – С. 67–71.
9. Покровский, Н.Н. Путешествие за редкими книгами / Н.Н. Покровский. – 2-е изд., доп. – М.: Книга, 1988. – 285 с.
10. Старухин, Н.А. Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова / Н.А. Старухин // ГНС. – 2009. – № 3. – С. 113–115.

Журба О.И.

КИЕВСКАЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1843–1921 гг.): ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Многие имперские институты исторического профиля органично включались также и в репрезентации локальных вариантов исторической культуры. Однако на рубеже 1980–1990-х гг. остро встал вопрос о вписывании имперских региональных исторических и археографических практик в конструируемые национальные нарративы. А потому история Временной комиссии для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе (далее – Комиссия) стала предметом переосмысления. Прошлое науки оказалось полем боя за присвоение имперского и советского наследия, уточнение границ и репертуара национального интеллектуального пространства.

С начала 1990-х гг. идейной опорой в конструировании самодостаточной истории украинской исторической науки стала концепция М.С. Грушевского, представляющая ее как

непрерывный, линейный и эмансипаторский процесс. Это привело к тому, что исследования часто проводились без учета всей сложности идейного становления украинской историографии. Отправной посылкой стал тезис о препятствиях, чинимых властью: «... ни Россия, ни Австро-Венгрия не были заинтересованы в изучении украинской специфики <...> Имперские центры склонны были рассматривать локальные исторические исследования как источник нелояльности и сепаратизма. Ученые на свой страх и риск разрабатывали местную проблематику, <...> часто подвергались притеснениям и преследованиям» [2, с. 4]. Утверждалось, что «...в течение всего XIX в. нелегкий груз украинской исторической науки несли единичные исследователи, в то время как на российскую историческую науку работало множество научных институтов и учреждений, авторитет государства» [1, с. 73].

Не претендуя на исчерпывающую полноту, представлю некоторые ракурсы этой проблемы на примере Комиссии. Ее деятельность охватывала едва ли не всю эпоху становления профессионального историописания в подросийской Украине. Среди ее активных сотрудников – крупнейшие историки: М.А. Максимович, Н.И. Костомаров, В.Б. Антонович, М.С. Грушевский. Следующий эшелон представлен именами Н.Д. Иванишева, О.И. Левицкого, С.Т. Голубева, Н.И. Петрова, И.М. Каманина, М.В. Довнар-Запольского, М.Ф. Владимирского-Буданова. Последним председателем Комиссии был В.С. Иконников. В ее работе принимали участие общественные деятели в диапазоне от отцов-основателей украинства (Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров) до их идейных оппонентов (М.В. Юзефович, В.Я. Шульгин, С.С. Гогоцкий). Такой состав и масштабы деятельности позволяют рассматривать Комиссию не только в качестве самодостаточного предмета изучения, но и как инструмент исследования истории исторической науки в целом [4].

Статус Комиссии ориентировал ее на реализацию имперской политики в сфере формирования исторического сознания. Не случайно инициатором ее создания стал киевский генерал-губернатор и будущий министр внутренних дел Д.Г. Бибииков, а сама Комиссия оказалась в системе МВД как государственное научное подразделение.

В списке изданий Комиссии 69 позиций, среди которых археографические серии: «Памятники» (4 тома, 1845–1859; 3 тома переиздания 1898); «Архив Юго-Западной России» (37 томов, 1859–1914); 6 томов местных, в основном казацких, летописей; 2 сборника статей и археографических материалов (1911, 1915); 2 тома по истории картографии Украины (1899, 1910); 3 выпуска археологического альбома 1846 г. и другие издания [5].

Комиссия предложила принципиально новый подход к организации публикаций источников, выходящий за рамки традиционной археографической мысли. Суть подготовленного Н.Д. Иванишевым в 1857 г. проекта состояла в том, что АЮЗР разделялся на восемь тематических частей, совокупность которых представляла стройную стратегию изучения социальной истории XVI–XVIII вв. Кроме того, в каждом томе предполагалась не только подборка документов, но и написанная на их основе монография. Так было положено начало профессиональной проблематизации и формированию цеха специалистов в области региональной истории. Комиссия заложила прочную археографическую и архивную основу изучения украинской истории в целом, становления национальной историографии, украинского национального самосознания [8]. И, как это ни парадоксально, важнейшую роль в этом сыграла центральная и местная имперская власть [3].

Важно отметить, что кадровый потенциал Комиссии формировался, прежде всего, из представителей малороссийской элиты, антипольские настроения которой составляли неотъемлемую часть ее исторической памяти и общественного сознания. Идея официальной народности, попав на благодатную интеллектуальную почву, способствовала плотному взаимодействию властей и местного общества, что обеспечивало исключительное место бывшей Гетманщине/Левобережной Украине/Малороссии в генерировании конкурирующих малороссийского и украинского национальных проектов. Это определялось тем решающим обстоятельством, что к середине XVIII в. только в этом этническом украинском регионе завершился процесс формирования домодерной нации с ее административно-сословным патриотизмом, социально-правовой корпоративностью, историческим сознанием, четко очерченной территориальностью, которые порождали широкий репертуар исторической продукции. Неотъемлемой частью представлений региональной элиты Левобережной Украины

становилось глубокое противостояние польскому миру и особость по отношению к миру российскому.

Наличие зрелой «нации» старого образца обеспечило ведущую роль малороссийского историописания в создании новых форм исторической идентичности, а значит и новых образов «своей» истории в головах тех, кто попадал в идейный плен Романтизма и начинал поиски нового этнического Отечества.

Такой крепкий союз имперской власти и местной элиты с целью конструирования «русскости» Правобережной Украины, который лег в основу создания Комиссии, порождает горячие споры в вопросе о ее «принадлежности» к национальным историографиям. В этой связи показательной представляется дискуссия вокруг маркировок Комиссии на конференции, посвященной ее 150-летию [9].

Ведущее место занимала мысль о принадлежности Комиссии пространству украинской исторической науки в противовес конструкциям российских специалистов, рассматривавших ее как местный вариант общероссийских археографических учреждений. Мотивы и логика других радикальных участников сводились к тому, что вряд ли можно считать украинской институцию, созданную имперской властью с русификаторской целью.

Более умеренные взгляды представляли эволюцию учреждения как «удивительный путь» от официально русификаторской, чуть ли не антинаучной, структуры до почтенного научного учреждения, которое «питало кадры будущего революционного возрождения нации» [9, с. 411].

Еще одним вариантом стало представление о «параллельности» влияния официальной имперской власти и идеологии, с которыми Киевской комиссии приходилось считаться, и украинских намерений ее сознательных членов: «В деятельности Комиссии очень четко прослеживается политическая заданность, которую диктовал царизм. Вместе с тем она стала центром возрождения украинской науки. В этом заключается парадокс» [9, с. 420].

Констатация сложности и бесперспективности маркировки в бинарных категориях привела к тому, что Н.Н. Яковенко предложила не относить учреждение ни к украинской, ни к российской историографии, а к достижениям «киевской исторической науки» [9, с. 409], не вписывающейся ни в какие контексты.

Несмотря на то, что дискуссия не предоставила окончательных ответов, ее несомненным результатом стал тот историографический тупик, попытки выхода из которого стимулировали поиски новой оптики в разработке проблем интеллектуальной истории и истории археографии. Набор необходимых инструментов вырабатывался при разработке регионального подхода, предполагающего исследование историографического как части культурного ландшафта, включенного в сложные, взаимопересекающиеся иерархии [6; 7]. Это дало возможность подойти к проблеме создания Комиссии как к первым шагам на путях освоения исторического и археографического пространства Правобережья представителями малорусской культуры.

В процессе такого освоения существенно расширялись представления о горизонтах «малороссийского», опиравшегося не столько на административно-сословный, сколько на религиозно-этнический патриотизм. Это способствовало постепенному, – с 1830-х гг. и до начала XX в., – открытию малороссийскими интеллектуалами этнической общности с жителями Юго-Западного края, то есть формированию представлений об иной, значительно более широкой, этнической Малороссии, границы которой в первой половине XIX в. еще только предстояло отыскать.

Таким образом, включая в орбиты малороссийской истории новые территории, деятели Комиссии сделали важный шаг к образованию еще одного образа «своей» Родины, образа Новой, этнической, Малороссии.

С созданием Комиссии началась настоящая битва за трансформацию исторической памяти Правобережной Украины, которая к тому времени почти безраздельно и прочно вписывала этот регион в польское историческое пространство. Активное участие в этих идеологических баталиях посредством инструментализации исторического знания принимала и малороссийская интеллектуальная элита.

Освоение представителями малороссийской историографии исторических пространств Правобережья, формирование нового, этнического малороссийства, по моему мнению, сыграли решающую роль в становлении собственно украинского национального проекта. Такой механизм создавал условия для распространения малороссийских историографических

влиятельный, способствовал преодолению регионализма и формированию украинской национальной историографии на почве традиционного малороссийского козакофильского историописания. Встреча с польским украинофильством, наличие в тогдашних представлениях малороссийской элиты образа Слободской Украины, древней летописной казацкой Украины, – все это сыграло важную роль в выборе нового-старого имени для нарождающегося национального проекта, предоставило возможность безоговорочно отказаться от любых смысловых вариантов термина «Малороссия».

Исторический запрос имперской власти при создании Комиссии выстраивался на конструкциях современной имперской идеологии. Его реализация в условиях «историографической войны», развернувшейся за Правобережье, оказалась глубоко синхронизована с процессами модернизации исторического сознания, прежде всего, домодерной малороссийской нации.

Таким образом, национализация исторического сознания, основанная на поиске прошлой «русскости» Юго-Западного края, решающую роль в котором сыграла деятельность Комиссии, стала основой широкого консенсуса между имперской властью и малороссийской общественной мыслью, сформировав при этом целый ряд новых проектов исторической памяти, конкурентное взаимодействие которых определило на многие десятилетия интеллектуальный ландшафт как украинских этнических регионов, так и Российской империи в целом.

1. Ващенко, В.В. Лекції з історії української історичної науки другої половини XIX – початку XX ст. (М.І. Костомаров, В.Б. Антонович, М.С. Грушевський) / В.В. Ващенко. – Дніпропетровськ: Дніпропетровський державний університет, 1998. – 140 с.
2. Верменич, Я.В. Початки національної історичної науки: Київські центри регіональних досліджень у 50 – 70-х рр. XIX ст. / Я.В. Верменич. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. – 44 с.
3. Журба, О.И. Имперский запрос и украинский ответ: Киевская археографическая комиссия как организатор региональной исторической науки / О.И. Журба // Російська імперія у XIX – на початку XX ст. Влада і суспільство: механізми взаємодії. – Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2014. – С. 538–556.
4. Журба, О.И. Историографические «шурфы» археографии / О.И. Журба // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: материалы XXIV Междунар. науч. конф. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2012. – С. 296–299.
5. Журба, О.И. Київська археографічна комісія. 1843–1921: Нарис історії і діяльності / О.И. Журба. – Київ: Наук. думка, 1993. – 183 с.
6. Журба, О.И. Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания / О.И. Журба // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. – С. 59–70.
7. Журба, О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) / О.И. Журба. // Мир историка. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – Вып. 8. – С. 124–165.
8. Калакура, Я.С. Українська історіографія: курс лекцій. – Київ: Генеза, 2012. – С. 190–191.
9. Матеріали дискусії // Матеріали ювілейної конференції, присвяченої 150-річчю Київської археографічної комісії (1993 р.). – Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 1997. – С. 408–422.

Судапцов Н.Д.
АКТЫ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ
КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАВКАЗА

Несмотря на то, что после окончания Кавказской войны прошло более полутора веков, интерес к ней не только не ослабевает, а в последнее время нарастает. Это объясняется, прежде всего, тем, что многие проблемы, оставшиеся от того времени, требуют своего разрешения, особенно в условиях обострения межэтнических отношений на Кавказе.

После распада СССР доступ к документам по истории Кавказа в XIX в. осложнился, поскольку значительная их часть находится в архивах Грузии. В этих условиях важное значение приобретают «Акты Кавказской археографической комиссии», изданные в XIX в. В них содержится огромный объем информации по различным направлениям жизни Кавказского региона и политики российского правительства, что находит отражение в законодательных актах, нормативных документах.

После присоединения Кавказа в архиве Главного управления наместника кавказского накопилось такое множество дел, что их необходимо было разобрать и привести в порядок. В это время во главе гражданского управления Кавказа стоял А.П. Николаи, впоследствии министр народного просвещения России. Он возбудил вопрос об основании кавказской археографической комиссии, на которую следовало возложить разбор дел архивов и извлечение из них наиболее ценных документов, которые имели бы историческое значение для изучения прошлого Кавказа.

А.П. Николаи составил проект устава комиссии, который был одобрен наместником на Кавказе великим князем Михаилом Николаевичем. На докладе о комиссии он написал «вполне сочувствую

этому полезному учреждению и одобряю этот проект». В апреле 1864 г. положение о комиссии и ее штат по представлению наместника были утверждены императором Александром II. Первым председателем комиссии был назначен крупный ученый-кавказовед, знаток Кавказа А.И. Берже.

Однако, по мнению А.П. Николаи, комиссия должна была не только приводить в порядок архивные дела, но и публиковать наиболее интересные и важные документы, материалы, чтобы они были более доступны общественности, тем, кто занимается местной историей. Наместник на Кавказе Михаил Николаевич с этим согласился и потом всячески поддерживал реализацию этой идеи.

Как известно, Кавказ, занимая важное геополитическое положение между Европой и Азией, привлекал к себе внимание не только прилегающих государств – Персии, России и Турции, но и ведущих держав Европы, в первую очередь Франции и Англии, что порождало войны в этом регионе, народы которого очень остро чувствовали их на себе. По этому поводу за прошедшее время написано немало исследований. Анализ показывает, что при их написании авторы в значительной мере использовали документы и материалы, собранные и опубликованные Кавказской археографической комиссией. Всего почти за 40 лет было опубликовано двенадцать фундаментальных томов в 13 книгах [1]. Позже оказалось, что в связи с различного рода неурядицами, войнами, революциями, стихийными бедствиями часть архивных документов и материалов была безвозвратно утрачена. В то же время, выявленные и затем изданные в «Актах» они сохранились и сегодня доступны исследователям, позволяя более полно отразить события и жизнь региона того времени.

Сбором документов, составлением и редактированием издания занимался председатель Кавказской археографической комиссии А.П. Берже, который сумел создать для этого небольшой, но работоспособный творческий коллектив. В предисловии к первому тому, оперативно изданному в 1866 г., А.П. Берже, определяя направленность издания, писал: «С окончанием Кавказской войны и умиротворением здешнего обширного и разноплеменного края, наступила пора свести счеты слишком полувековой обильной событиями деятельности Русского Правительства на Кавказе. Дабы достойно открыть новую эпоху жизни этого края, мирную эпоху внутреннего развития. С этой целью Правительству естественно было оглянуться на свое прошлое, измерить путь, им пройденный со дня водворения здесь Русского владычества, взвесить и оценить надлежащим образом те громадные препоны, которые ему предстояли, и те способы, коими последние были преодолены – и все это осветить фактами, не подлежащими сомнению, имеющими историческую достоверность» [1, т. I, с. 4].

Этим и занималась плодотворно Кавказская археографическая комиссия. Она проделала огромную работу по сбору и выявлению документов в архивах наместничества, их обработке и подготовке к печати. При этом менее ценные документы уничтожались. Как показали последующие события, было создано уникальное по своему содержанию собрание важных и ценных документов.

Все тома издания насыщены документами, многие из которых утрачены по тем или иным причинам. Но благодаря кропотливой работе составителей издания они и сегодня доступны исследователям и читателям, тем более, что они были переведены в электронный вариант и доступны всем интересующимся.

Документы сгруппированы по проблемам, отдельным территориям, что значительно облегчает читателям поиск нужных материалов. Кроме того, составлены подробные и удобные алфавитный и географический указатели, облегчающие исследователям поиск материалов. Во многих томах имеются краткие биографические справки о личностях, которые упоминаются в документах и материалах.

Несмотря на то, что документы были отобраны в соответствии с политикой России на Кавказе, исходя из идеологических установок, они дают довольно отчетливое представление о том, какое положение складывалось на Кавказе до того, как собственно началась Кавказская война. В издании охватывается значительный период, предшествовавший самой Кавказской войне, что позволяет лучше понять истоки войны, взаимоотношения между государствами, прилегающими непосредственно к Кавказу, их стремление закрепиться в этом регионе и использовать его геополитическое положение в своих интересах. Первый том, изданный в 1866 г. как раз и посвящен истории Кавказа с XV в. до конца XVIII в. Это помогает исследователю лучше представить себе обстановку на Кавказе, которая складывалась в регионе в течение почти полтысячелетия.

Остальные одиннадцать томов посвящены истории XIX века до окончания наместничества князя А.И. Барятинского, ушедшего в отставку по состоянию здоровья за два года до завершения Кавказской войны. Каждый том посвящен в основном периоду того или иного главно-

управляющего или наместника на Кавказе. Это зависело от времени пребывания в должности и активности его деятельности.

В «Актах» значительное внимание уделено показу причин Кавказской войне, роли в этом Персии, Турции, Англии и Франции, их стремлению настроить народы Кавказа против России, помогая им оружием и финансами. Большое внимание уделено тому, как шли военные действия, какими формами и методами их вели русские войска, как строили свои взаимоотношения с местными народами.

Благодаря «Актам» с историей Кавказа могли знакомиться люди, проживавшие вдали от данного региона и имевшие о нем смутное представление. Это было очень важно с точки зрения того, что земли, присоединенные к Российской империи, должны были быстрее осваиваться и включаться в общероссийское пространство.

В документах нашли отражение взаимоотношения между народами, населявшими Кавказ, с Персией, Османской империей, Россией, претендовавшими на господство в этом регионе. Повышенный интерес к Кавказу проявляли Британия и Франция, которые использовали нестабильность в этом регионе в своих интересах, не брезгуя никакими средствами, используя народы Кавказа, Персидскую и Османскую империи против России. В издании тому немало примеров: поставка оружия, предоставление займов, засылка эмиссаров для того, чтобы взбудоражить народы против России, спровоцировать войны.

В издании показаны все те изменения, которые происходили в управлении регионом, в политике присоединения территорий, взаимоотношениях с местными народами.

В документах нашли отражение деятельность на Кавказе выдающихся государственных и военных представителей России, а также выходцев с Кавказа, их заслуги перед Российской империей. Так, генерал И.Ф. Паскевич будучи управляющим гражданской частью и командующим Отдельным Кавказским корпусом, проявил себя как талантливый полководец, который за победы, одержанные в войнах против Персии и Османской империи, был награжден орденом святого Георгия 2-й и 1-ой степени и стал третьим полным георгиевским кавалером, генерал-фельдмаршалом, графом, получил приставку к фамилии Эриванский. Его пребыванию на Кавказе и правлению посвящен пятый том, в котором довольно полно отражена деятельность И.Ф. Паскевича на Кавказе в 1827–1831 гг.

По документам, опубликованным в «Актах», можно проследить становление на Кавказе государственных и военных деятелей – генералов не только русских, но и местных народов: М.З. Аргунинского-Долгорукова, В.И. Бебутова, М.Т. Лорис-Меликова, Н.И. Евдокимова и многих других.

В «Актах» содержится значительное количество документов о становлении имамата, деятельности против России имама Шамиля, его мощного противодействия российской экспансии. Документы отражают формы и методы борьбы с горцами.

В издании помещено немало документов, отражающих социально-экономическое и политическое развитие края. По ним можно судить о компетентности тех, кто не только управлял краем, но и вникал в его жизнь, искал пути ускоренной колонизации региона, включения его в общероссийский рынок как неотъемлемой части Российского государства.

Том V, посвященный периоду управления Кавказом маркиза Ф.О. Пауллуччи и генерала от инфантерии Н. Ф. Ртищева (1811–1816) представляет особый интерес тем, что в приложении к нему напечатана замечательная статья Д.З. Бакрадзе «Кавказ в древних памятниках христианства». Автор собрал все, что касалось древнейших храмов на Кавказе. Многие из этих памятников им изучены на месте. Продолжение этого весьма важного труда напечатано в VI томе актов [1, т. V, с. 1011-1122; т. VI, кн. 2, с. 890–906]. Рассказ о древних памятниках христианства был очень важен с учетом того, что в Закавказье проживали христианские народы – армяне и грузины, создававшие свои храмы, которые нередко разрушались завоевателями-мусульманами, но затем снова восстанавливались населением. Кроме того, к этому тому приложены родословные таблицы ханов ширванских, бакинских, текинских и елисейских султанов с использованием интересных материалов, документов, которые позже были утрачены, либо списаны из архивов.

Сегодня, когда к истории Кавказа проявляется повышенное внимание, данное собрание документов имеет очень важное значение. Конечно, не все проблемы освещаются в равной степени. Значительную часть публикации составляют материалы, оправдывающие колониальную политику на Кавказе, связанные с обвинением местных народов, которых называли хищниками, ворами, в негативных действиях, что вызывало ответную реакцию российских войск.

К сожалению, в «Актах Кавказской археографической комиссии» собраны документы до 1864 г. Это связано с тем, что значительная стоимость и отсутствие средств заставили поставить вопрос о прекращении издания этого уникального собрания документов по истории Кавказа. Немаловажное значение имело и то, что наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич, заинтересованный в данном издании, в 1881 г. покинул Кавказ, будучи назначенным императором Александром III председателем Государственного Совета России.

Тем не менее, сегодня во многих работах как российских так и зарубежных исследователей, посвященных истории Кавказа периода Кавказской войны, мы постоянно видим использование «Актов Кавказской археографической комиссии». В Абхазии исследователи даже подготовили и выпустили двухтомное издание документов об Абхазии, которое составлено из материалов, опубликованных в «Актах Кавказской археографической комиссии» [2]. Военно-историческим отделом при штабе войск Кавказского военного округа было издано несколько ценных томов по истории кавказских войн.

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис. 1866–1904. Т. I–XII.
2. По обе стороны Большого Кавказа : сб. док. : в 2 т. / авт.-сост. Мусса Эджеков ; отв. ред. Надежда Емельянова. – СПб. : Питер, 2012.

Мининков Н.А.
ПУБЛИКАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
О РАЗИНСКОМ ВОССТАНИИ А.Г. МАНЬКОВЫМ

История массовых народных движений была в советской историографии одной из центральных тем. К концу 1960-х – началу 1970-х гг. советские историки не только выделили четыре крестьянских войны в России в XVII–XVIII вв., но и в ряде конференций и публикаций отметили юбилейные даты – трехсотлетие Разинского и двухсотлетие Пугачевского восстания. С этими юбилеями были связаны также публикации источников.

Аркадий Георгиевич Маньков (1913–2006) был одним из видных советских историков, который внес ценный вклад в изучение восстания под предводительством С. Разина. К этой теме он пришел постепенно. Начиная свой исследовательский путь в аспирантуре при ЛГУ под руководством И.И. Смирнова, куда пришел в 1946 г. после демобилизации из рядов Советской Армии. Тема его относилась к экономической истории, и в 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Цены в Русском государстве в XVI в.», которая до сих пор сохраняет научную значимость [10, с.169–170]. От экономической истории он перешел к истории социальной и в 1962 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.», положения и выводы которой дают наглядное представление о введении в жизнь норм Соборного Уложения. В том же году диссертация была опубликована в виде монографии, которая нашла самый позитивный отклик научного сообщества.

Как историк процесса становления и развития крепостного права, А.Г. Маньков не мог не обратить внимания на крупнейшее народное выступление, которое было ответом на закрепощение и которое возглавляли донские казаки под предводительством Степана Разина. В составе авторского коллектива сборника, посвященного крестьянским войнам в России, он написал большой раздел по истории Разинского восстания, в котором проследил ход событий и дал оценку этого масштабного исторического явления с позиций принятого в то время классового подхода [5, с. 94–175].

Исследование этого восстания в то время опиралось на широкий круг опубликованных источников. Уже вышел в свет фундаментальный трехтомный сборник документов о Разинском восстании, который несколько позже, в 1976 г., будет пополнен четвертым томом. Еще ранее, в 1935 г., были изданы записки голландского парусного мастера Я. Стрейса «Три путешествия», на которое не раз ссылались историки восстания. В то же время оставалось еще немало неопубликованных сочинений иностранных авторов, относящихся к Степану Разину и возглавлявшемуся им восстанию. Эти сочинения представляли значительный интерес и для характеристики восстания и отдельных его сторон, и для восприятия событий в России, связанных с восстанием, в западноевропейских странах. Поэтому все эти неопубликованные в нашей стране источники привлекли внимание Манькова. Ему удалось сформировать коллектив, который провел большую работу по переводу на русский язык и публикации западноевропейских извест-

тий о Разинском восстании. Под его редакцией вышли в свет два сборника – записок иностранных авторов [1] и иностранных известий об этом массовом народном движении [2].

Первый из этих сборников открывается записками голландского полковника Л. Фабрициуса, служившего в России по найму. Как отмечал Маньков, Фабрициус был врагом восставших. Тем не менее, его записки он считал исключительно ценными для выяснения разных событий в ходе восстания, поскольку в них заметен не только современник и участник событий, но и внимательный наблюдатель [7, с. 9]. Маньков указывал, что события в Астрахани при Разине, когда Фабрициус там находился, он описывал в свете своих личных впечатлений. Опасение за свою жизнь, писал Маньков, и ненависть к восставшим мешали ему «видеть происходящее вокруг». Тем не менее, и то, что он заметил и о чем написал, «дает возможность косвенным путем уловить ряд существенных черт в жизни повстанческой Астрахани» [7, с. 10]. Говоря об особенностях текста Фабрициуса, Маньков подчеркивал, что автор не обладал литературными талантами, писал по воспоминаниям, в них нет ничего помимо того, что он видел и слышал. На этом основании историк характеризует записки в качестве «самостоятельного сочинения, мемуаров в их подлинном смысле» [7, с. 12]. Признаком мемуарной литературы были, по словам Манькова, «некоторая неравномерность изложения» и отсутствие дат. Однако, если событие оставило глубокий след в памяти, например, в Черном Яре, он приводил даты, но не вполне точно [7, с. 11–12]. Говоря о причинах написания Фабрициусом своих воспоминаний, Маньков обращал внимание на то, что этот автор не был склонен к литературному творчеству. Однако пережитые им события и опасности вызвали его стремление рассказать о них, прежде всего многочисленным детям [7, с. 11]. Таким образом, создание этих воспоминаний историк связывал с личными мотивами автора, что характерно для мемуарной литературы.

В состав сборника входит первое в Западной Европе сообщение о Разинском восстании, вышедшее в 1672 г. на английском языке, автором которого Маньков указал И.Ю. Марция. Оно было вскоре переведено на другие европейские языки. По оценке Манькова, это небольшое сочинение «представляется наиболее полным по сведениям фактического порядка, охватывавшим все движение Разина». Оно стало «источником заимствования» европейцами сведений о Разинском восстании. Кроме того, враждебность автора к восставшим помогала «уяснить классовую природу восстания». Все это, а также то, что две ранее сделанные публикации стали библиографической редкостью, стали причиной публикации этого сочинения [8, с. 85–87].

Было опубликовано письмо английского купца Т. Хебдона соотечественнику, бывшему торговому представителю в Риге Р. Даниелю, от 6 июня 1671 г. с описанием казни С. Разина. Как отмечал Маньков, обнаруживший это письмо английский историк С.А. Коновалов полагал, что сам Хебдон не присутствовал на казни, но описал ее с чужих слов. Приведенные Хебдоном подробности события, а также то, что присутствовать при совершении казни получили право только иностранцы, давало основание для вывода о том, что Хебдон был свидетелем казни, которую в тот же день описал в письме. Хебдон, кроме того, описал церемонию въезда в Москву конвоя с Разиным, которая была за несколько дней до казни. Как подчеркивал Маньков, тем самым правительство «придало акту привоза Разина в Москву характер торжественной публичной церемонии» [6, с. 128].

Второй сборник, «Иностранные известия о восстании Степана Разина», открывается публикацией письма неизвестного по имени английского торгового агента в Москве, которое было издано в Англии в 1671 г. Письмо датировано 15 февраля того же года. По оценке Манькова, его автор «не располагал какой-либо полной и достоверной информацией о текущих событиях и плохо знал Россию» [9, с. 5]. Поэтому оно содержит совершенно фантастические сведения о ходе восстания. В частности, говорилось о решающем сражении между Волгой и Окой 13 февраля, в ходе которого противостоявшие друг другу стороны возглавляли царь и Разин, в результате которого произошел «разгром отрядов Разина и его пленение». Как отмечал Маньков, из-за большого количества фактических неточностей брошюра с этим письмом не привлекала внимания историков [9, с. 6]. Между тем, в этом письме Маньков видел интересный источник. В нем важно было не описание самого восстания, но то, «сколь большое впечатление производили события Крестьянской войны на обитателей столицы», в том числе на иностранцев. Показательной считал Маньков сентенцию, которая завершала письмо: автор желал «своему королю, народу и стране никогда не знать подобных потрясений». Это, по его мнению, также говорило «об огромных масштабах Крестьянской войны» [9, с. 7].

В составе сборника содержится текст на латинском языке диссертации И.Ю. Марция, начинавшейся с написанного по-русски заголовка «Стенко Разинъ донски козакъ изменник». Перевод ее на

русский язык сделал филолог А.К. Гаврилов. редакцию осуществлял А.И. Доватур. Публичная защита ее в 1674 г. в Виттенберге свидетельствовала, как подчеркивал Маньков, о самом серьезном внимании к восстанию в европейских странах, и о том, что она была «убедительным доказательством огромной силы восстания Разина, несшего реальную угрозу правлению Алексея Михайловича» [3, с. 23]. Об этом же говорят четыре ее переиздания в Германии только до конца XVII в., на которые указывал Маньков. Он отмечал, что диссертация относится к первым ученым сочинениям о России, и она имела некоторые стороны, характерные для таких сочинений. Это обилие ссылок на литературу и своеобразная, причем значительная библиография западноевропейских сочинений о России. Это также та особенность, что Марций «приводит по тем или иным вопросам <...> разные литературные мнения, сталкивает их и только после этого выносит свое суждение» [3, с. 17]. Начиная свое изложение он с вопроса о происхождении русских от древних народов Причерноморья. Маньков обращал внимание на рассуждения Марция «об особом якобы характере русских, для которых строгость законов и наказаний является весьма благодетельным обстоятельством», и видит в этом «корни измышлений западной пропаганды». От Манькова как от советского историка едва ли можно было ожидать иную оценку этого положения Марция. Также Маньков отмечал, что у Марция в то же время есть «противопоставление свободного положения донских казаков» [3, с. 18] положению русских.

Марций, как указывал Маньков, приводил некоторые подробности хода восстания. Но для него главное было не в этом, а в том, чтобы «понять и изложить причину и сущность событий, постичь натуру самого Разина и движущую пружину его действий» [3, с. 21]. Немецкий автор по-настоящему, считал Маньков, увлечен Разиным. Он, конечно, называл его «тираном», но в то же время видел в нем способного предводителя, хорошо понимавшего настроения народа. Отсюда в диссертации и сравнения Разина с Катилиной, Вильгельмом Грумбахом, Иваном Подковой, Филиппом I Великодушным [3, с. 22–23]. Основную идею диссертации Маньков видел в том, что Марций был при изложении событий восстания «целиком на стороне русского царя как самодержца», а Разин – «государственный преступник, покусившийся на законную власть и получивший заслуженную кару». Эта идея, подчеркивал Маньков, была «нужна господствующим классам» всей Европы [3, с. 23].

Как обращал внимание Маньков, значительный материал о Разинском восстании содержался в западноевропейской печати – в немецкой, голландской, французской и шведской прессе. По его оценке, наряду с изложением хода событий в ней имелись и недостоверные сведения. В частности, о восстании как о борьбе за русский престол. Печать дает, по оценке Манькова, сведения о восприятии событий восстания в Европе [4, с. 88, 90].

Проделанная А.Г. Маньковым и творческим коллективом по его руководством работа дала отечественному исследователю ценный источник по истории Разинского восстания и отношений России с западными странами в связи с этим восстанием.

1. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1968. – 174 с.
2. Иностранные известия о восстании Степана Разина : материалы и исследования / под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1975. – 191 с.
3. Маньков, А.Г. Диссертация о восстании С.Разина // Иностранные известия о восстании Степана Разина... С. 15–30.
4. Маньков, А.Г. Известия о восстании С.Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках XVII в. // Иностранные известия о восстании Степана Разина... С. 80–91.
5. Маньков, А.Г. Крестьянская война 1667–1671 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М.; Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1966. – С. 94–175.
6. Маньков, А.Г. Новое свидетельство о казни С.Разина // Записки иностранцев о восстании Степана Разина... С. 127–128.
7. Маньков, А.Г. О записках Л.Фабрициуса // Записки иностранцев о восстании Степана Разина... С. 5–13.
8. Маньков, А.Г. Первое сочинение о восстании С.Разина // Записки иностранцев о восстании Степана Разина... С. 84–90.
9. Маньков, А.Г. Первый отклик на восстание С.Разина // Иностранные известия о восстании Степана Разина... С. 5–7.
10. Миронов, Б.Н. К столетию Аркадия Георгиевича Манькова / Б.Н. Миронов // Отечественная история. – 2013. – № 6. – С. 169–172.

Вашкевич В.Н., Бобина О.В.

«РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ ИСТОРИЕЙ» КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ

2017 год – это годовщина не только «большой революции», но и «большого террора». Можно по-разному относиться к причинно-следственным связям этих исторических явлений, но, без сомнения, актуален опыт, накопленный в ходе реабилитационного процесса, который начался в бывшем СССР с ряда документов, принятых в 1987 г. Так в постановлении Политбюро ЦК КПСС от 28.09.1987 было заявлено о создании комиссии для изучения документов относи-

тельно политических репрессий в 30–40-х и в начале 50-х гг. XX ст. Впервые после XX (1956) и XXII (1962) съездов КПСС М.С. Горбачев как руководитель коммунистической партии заявил о политических репрессиях как массовом преступлении на почве злоупотребления властью. Первые документы, которые возобновили процесс реабилитации, были приняты еще в СССР. Это: 1) постановление Политбюро ЦК КПСС от 11.07.1988 «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов»; 2) Указ Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» (январь 1989 г.). По этими решениями началась работа в соответствующих правоохранительных органах: КГБ и прокуратуре.

В Украине правовую основу для развертывания активного процесса реабилитации заложил Закон УССР от 17.04.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине». Особенностью украинского закона стало то, что в нем определены новые хронологические рамки политических репрессий. По данному закону реабилитации подлежали лица, которые были арестованы по политическим обвинениям после 1917 г. и к моменту вступления в силу данного закона. После принятия закона появилась идея подготовки и издания серии книг под названием «Реабилитированные историей». 06.04.1992 Верховная Рада Украины приняла постановление № 2256-ХІІ «О подготовке многотомного научно-документального издания о жертвах репрессий в Украине», а Президиум Верховной Рады Украины поручил Кабинету Министров определить конкретные меры, необходимые для реализации решения. 11.09.1992 Кабинет Министров Украины принял постановление № 530 «О подготовке и выпуске книг “Реабилитированные историей”». Этим постановлением утверждался состав Главной редакционной коллегии научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей» и создавались редколлегии областных книг. Состав областных редколлегий утверждался на уровне областей. Таким образом, в каждой области и АР Крым должны были издаваться свои книги. Постановлением также основывался специализированный журнал «Из архивов ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ». На основе этих решений в каждой области создавались рабочие группы, которые должны были работать в областных архивах СБУ, где хранились дела лиц, репрессированных карательными органами СССР. С 1993 г. такие группы начали работать в архивах. Проработка дел предусматривала изъятие оперативных материалов (донесения секретных сотрудников, этим занимались «отставники» КГБ) и заполнение соответствующих стандартизированных карточек, которые содержали перечень вопросов. В результате работы по всем областям Украины и АР Крым составлены карточки на 700 тыс. граждан.

На базе собранной информации с 1996–1997 гг. начали публиковаться бюллетени со стандартизированными биографическими данными граждан, которые подвергались политическим репрессиям. С начала 2000 г. создан и начал наполняться электронный Национальный банк жертв политических репрессий. С этого же времени стали выходить отдельные книги областных томов серии «Реабилитированные историей». На 2016 г. были изданы более ста книг по всей Украине и АР Крым. Таким образом, с 1993 г. по 2000 г. украинские историки вместе с архивными подразделениями областных управлений СБУ и Отраслевым государственным архивом СБУ проработали дела, которые хранились в областных архивах бывшего КГБ. Именно эти печатные материалы, журнал «Из архивов ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ», е-проект «Реабилитированные историей» выступают как исторические источники, а их обработка и публикация – как проект источниковедения.

Для примера приведем опыт работы группы специалистов в Николаевской области. Первый состав группы насчитывал восемь человек: В.Н. Вашкевич, В.И. Гамза, С.С. Макарчук, И.В. Молодых, В.Г. Мирошниченко, Н.В. Вашкевич, Н.М. Касимова, Т.В. Самойлова. Группу возглавил канд. ист. наук (в настоящее время доктор наук), доцент Национального университета кораблестроения В.Н. Вашкевич. С 2000 г. и до сих пор проект возглавляет канд. ист. наук, доцент С.С. Макарчук. В состав группы входили трое кандидатов наук, пятеро работали в ВУЗах г. Николаева. Состав в течение 1990-х гг. изменялся в силу разных причин. Группа заполняла карточки на репрессированных граждан в соответствии с каждым архивным делом и фиксировала «интересные» дела. Национальный университет кораблестроения выделил отдельные комнаты, где хранились, а впоследствии прорабатывались материалы. После заполнения карточек, дела передавались в фонд открытого хранения. С 2000 г. заданием группы стала аналитическая проработка собранных материалов, подготовка исследований, подбор документов и материалов для книг областной серии.

Первые печатные материалы появились в 1996 г. Первый «Бюллетень» (сведения о гражданах, которые подверглись политическим репрессиям) был объемом три печатных листа. Восемнадцатый выпуск в 2004 г. насчитывал одиннадцать печатных листов. В 1996 г. увидели свет три бюллетеня. Бюллетень состоял из двух частей: документальной и списка граждан, которые были подвергнуты политическим репрессиям. Уже в первых выпусках представлены документы, связанные с деятельностью бывших работников УНКВД по Николаевской области: 1) Протокол допроса бывшего сотрудника Николаевского областного управления НКВД Федоровского А.Ю. (14.12.1955), 2) Протокол обзора архивно-следственного дела бывших сотрудников УНКВД Николаевской области (07.02.1956), 3) Выдержка из протокола допроса бывшего начальника УНКВД Николаевской области Фишера И.Б. (05.07.1956). Публиковавшиеся документы были двух видов. Первый – документы центральных органов власти, которые освещают те или другие аспекты репрессивной политики. Эти документы были опубликованы ранее в прессе, специализированных изданиях, сборниках документов и т.п. Они выступают фоном для документов, которые выявляют в многочисленных делах. Так в Выпуске № 7 (1999) дана Инструкция ЦИК СССР и Совета народных комиссаров СССР о раскулачивании и конфискации имущества крестьянских хозяйств, выселения и расселения семей раскулаченных (04.02.1930). А следующими идут такие документы, как «Заявление крестьянина с. Большой Коренихи А.А. Захарова в Варваровский райисполком о незаконности его ареста и раскулачивания» (Вып. № 7, с. 3–7), «Списки крестьян Веснянновского сельского совета, которые были раскулачены и выселены за пределы Украины (42 чел.)» (Вып. № 8, с. 4). Выпуски №№ 8–12, 14 посвящены районам Николаевской области. В них опубликованы списки репрессированных граждан по месту их проживания в момент ареста. В выпуске № 10 (1990) авторы-составители кроме вышеупомянутых документов публикуют документы из Госархива Николаевской области (ГАНО), Центрального государственного архива высших органов власти (ЦГАВО), Центрального государственного архива гражданских объединений (ЦГАГО). Таким образом, авторы расширили круг поиска документов, формируя новую базу источников.

Первые итоги работы группы были подведены в 2000 г. На это время были проработаны около четырнадцать тысяч следственных дел в Архиве СБУ по Николаевской области, и около двух с половиной тысяч дел в Госархиве Николаевской области. В 2000 г. был издан спецвыпуск «Реабилитированные историей. Массовые репрессии на Николаевщине 1920-50-х годов: исторические исследования, материалы архивов, фотодокументы, воспоминания» [2]. Были даны 67 документа, 68 фотокопий документов из следственных дел граждан, которые были подвергнуты политическим репрессиям, 5 воспоминаний, 11 статей и очерков. Этот сборник наметил структуру будущих книг серии, стал свидетельством весомого опыта, приобретенного группой под руководством В.Н. Вашкевича.

Очередным шагом в расширении источниковедческой базы стали документы, опубликованные в выпусках №№ 15–17 (2003–2004). Эти документы отображали события 1920-х гг.: 1) массовые восстания украинских крестьян против коммунистов/большевиков; 2) голод 1920-х гг. на Юге Украины; 3) «первая коллективизация» начала 1920-х гг.; 4) «борьба» за выполнение «продразверстки и продналога»; 5) партийные «чистки» и т.п. В 2004 г. появляется последний бюллетень аналитического характера с подзаголовком – «Исторические исследования, материалы архивов, воспоминания». В этом выпуске увидели свет – 71 документ из местных архивов и пять очерков воспоминаний.

С 2005 г. начинается новый этап в исследованиях массовых репрессий на Юге Украине, в частности на Николаевщине. В этом году вышел областной том труда «Реабилитированные историей. Николаевская область. Книга 1» [3]. Книга, исходя из опыта, уже имела четкую структуру, которая сохраняется в течение десяти лет: 1) заглавный раздел/статья; 2) документы; 3) аналитические статьи, исторические очерки; 4) воспоминания и дневники; 5) фотодокументы; 6) сведения о гражданах, которые подвергались политическим репрессиям. Книга первая (2005) состояла из таких частей: «Раздел I. Массовые репрессии на Николаевщине в 20-30-е годы XX века», документы – 165 единиц, воспоминания – 2, очерки – 6. Книга вторая (2006) содержала: «Раздел I. Репрессивная политика тоталитарного режима на Николаевщине в 1940-х – первой половине 1950-х гг. Статистические сведения о репрессированных и арестованных в Николаевской области в 1946–1953 гг.», документы – 27 единиц, воспоминания – 3. Книга третья (2007) содержала: «Раздел I. Репрессивная политика против жителей Николаевской области в 50-х – 80-х гг. XX века», документы – 41 едини-

ца, воспоминания – 4. Книга четвертая (2008) содержала: «Раздел I. Актуальные проблемы исследования политических репрессий на Николаевщине в 20-30-х годах XX века», статей – 12, документы – 103 единицы, воспоминания – 3, дневники – 4. Книга пятая (2010) содержала: «Раздел I. Репрессии на территории Николаевской области», статей – 11, документы – 55 единиц, воспоминания – 1. Книга шестая (2013) содержала: «Раздел I. Политические репрессии на Николаевщине в 1920–1950-х гг.», статей – 13, документы – 29 единиц, воспоминания – 2.

В целом в 6 книгах было опубликовано 420 документов разного вида и из разных архивов, воспоминаний – 15, дневниковых записей – 4, очерков – 6, статей – 36. Без сомнения, этот материал еще раз подтверждает тот факт, что репрессии разной интенсивности, направленные на разные группы населения, были неотъемлемой чертой и характеристикой советского политического режима. Этот режим установился в Украине в 1921 г. Существующие документы дают возможность проанализировать основные направления, методы, виды массовых политических репрессий и сделать вывод, что данный политический режим был определенным образом уникален относительно использования политических репрессий как инструмента социальной инженерии. Опубликованный массив документов дает возможность для их использования в будущих исследованиях не только исторического характера.

1. Головна редколегія науково-документальної серії книг «Реабілітовані історією» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.reabit.org.ua/>. – Дата доступу: 27.02.2017.
2. Реабілітовані історією: Масові репресії на Миколаївщині, 1920-і-50-і роки / Вашкевич В.М. (головн. ред.). – Миколаїв, 2000. – 302 с.
3. Реабілітовані історією : у 27 т. – Київ ; Миколаїв : Світогляд, 2005. – Кн. 1 : Миколаївська область. – 870 с.
4. Тронько, П.Т. Дослідження «великого терору» у науково-документальній серії книг «Реабілітовані історією» / П.Т. Тронько // Історія України: маловідомі імена, події, факти. – 2011. – 37. – С. 3–17. – Режим доступу: http://resource.history.org.ua/publ/histname_2011_37_3. – Дата доступу: 27.02.2017.
5. Христова, Н. Реабілітовані історією. Никто не забыт / Н. Христова // Николаевская городская газета «Вечерний Николаев». – 2011. – 22 февр. № 20 (3036). – Режим доступа: <http://vn.mk.ua/stories.php?id=12014>. – Дата доступу: 27.02.2017.

Кеппин Д.В.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Музей является полифункциональной системой и эпистемной моделью культуры. Эту институцию можно рассматривать как одну из форм коллективной памяти.

Каждая научная дисциплина имеет свою источниковедческую базу. Не является исключением и музеология. В музеях сохраняются и экспонируются разные категории источников. Изучение всей совокупности источников в этой институции есть одна из важнейших задач музейного источниковедения, являющегося структурным элементом музеологии.

В последнее время в украинской музеологии активизируются исследования, связанные с разработкой научно-фондовой документации естественнонаучных музеев, а также соответствующей терминологии [5; 6; 12; 15; 16].

Однако методологические подходы к классификации естественнонаучных источников требуют специального рассмотрения.

Географ и музеолог С.И. Сотникова считает возможным рассматривать естественнонаучную музеологию как составную часть музеологии со своим объектом и предметом исследования [13]. В структуре музеологии другие исследователи предлагают выделять геологическое музееведение [2; 3].

Проблема классификации музейных источников тесно связана с разработкой теории музеологии и определения ее статуса среди наук. В то же время нужно учитывать разработки гносеологов по классификации наук. На современном этапе происходит развитие т.н. стыковых наук, что ведет к образованию новых наук – междисциплинарных [4; 11; 14].

Естественнонаучная музеология является междисциплинарной наукой, составной частью музеологии и изучает аксиологическое (ценностное) отношение человека к природе (естественнонаучное музейное дело).

Объект исследования – памятники природы (как объекты в естественном ландшафте, так и образцы (натуралии) в музеях).

Предмет – экспозиционное отображение истории естественнонаучного знания.

Памятником природы является естественный объект, имеющий выдающееся научное, культурное, историческое или эстетическое значение, что предполагает придание ему статуса запо-

ведника или заповедного режима. Делятся на типы: комплексные, ботанические, зоологические, гидрологические, геологические. Каждый из типов делится далее на подтипы [18].

Универсальной классификации для всех категорий музейных источников не может быть. Все зависит от целей, задач исследователя. В частности, в естественнонаучных музеях при анализе музейных образцов (натуралиев) необходимо использовать достижения в области естественнонаучных дисциплин, таких как геология и биология и их подразделений. При этом накоплен значительный опыт по составлению атласов, определителей и каталогов по соответствующим группам естественнонаучных образцов. Во второй половине XX в. был издан целый ряд методических рекомендаций и инструкций по учету, классификации, описанию таких музейных коллекций, их сохранению и экспонированию, не утративших своей ценности и в сегодняшней практике естественнонаучных и краеведческих музеев [17; 7; 8; 10]. С развитием информатики все большее значение приобретают компьютерные базы данных по коллекциям, а также разработки компьютерных программ-классификаторов, способствующих выработке критериев (заданных параметров) по описанию музейных источников [1].

Классификация может быть естественной и искусственной. Необходимое условие успешной классификации – разработка соответствующей типологии музейных источников.

В этой связи заслуживают внимание исследования документоведов Н.Н. Кушнарченко. Она считает, что материальный объект может быть документом при условии единства носителя и информации, содержащейся в нем. Все знаки разделены на две группы: языковые и изобразительные (неязыковые). К неязыковым отнесены, в частности, музейные экспонаты, образцы пород, исторические реликвии, включающие орудия труда, архитектурные памятники. Документы разделены на две группы: созданные природой и созданы человеком. Среди второй группы выделяются такие виды: вещественные, изобразительные, письменные. Исследовательница делит документоведение на специальное и отдельное. Специальное, в частности, изучает особенности документов, являющихся объектами музейного дела и сохраняющихся в музеях. Под музееведением понимается научная дисциплина, изучающая вещественные документы, памятники культуры [9].

Необходимо четко различать понятия «предмет музейного значения» и «музейный предмет». Все вещи и образцы природы могут потенциально быть предметами музейного значения. Однако не все их виды и типы могут стать музейными предметами, т.е. найти свое место в фондовом собрании музея или его экспозиции. Под предметом музейного значения понимаем артефакт или объект природы (натуралий), имеющий историко-культурное или историко-природное значение, но не включенный в состав музейного собрания, т.е. он не прошел атрибуции и паспортизации, что позволяет установить его историко-культурную (историческую, научную, мемориальную, художественную, эстетическую) или историко-природную ценность. Предмет музейного значения выполняет мнемонистическую функцию, т.е. обладает свойством напоминать человеку о чем-то. В отличие от предмета музейного значения музейный предмет – артефакт или объект природы (натуралий), прошедший соответствующую атрибуцию и включенный в состав музейного собрания, т.е. имеет юридический статус.

Предлагаем два уровня классификации музейных источников: научно-исследовательский и учетно-охранный. Согласно первому варианту классификации музейные предметы делим на такие группы (виды): вещественные (археологические); натуралии – объекты (образцы) природы; предметы декоративно-прикладного искусства; письменные; изобразительные; фонофонические; другие. Каждый из этих видов может далее разделяться на типы, подтипы, варианты. Укажем, что по своей сути все музейные источники являются одновременно и вещевыми, и историческими.

Учетно-охранный уровень предусматривает классификацию музейных предметов с учетом их свойств – способности к долговременному сохранению, что обуславливает избрание адекватного температурно-влажностного режима, способа защиты от загрязнения воздуха, биологических и механических повреждений и т.д.

Естественнонаучные (естественно-исторические) коллекции делим на: геологические образцы – твердые, редкие, газообразные; образцы почвы – монолиты и насыпные; ископаемые остатки растительных и животных организмов разных геологических эпох (фоссилии), их отпечатки; ботанические материалы – гербарные образцы, объемная сушка, карпологические образцы, образцы древесины, влажные препараты; зоологические материалы – чучела, тушки, шкуры, мумии, энтомологические, костяные, роговые и другие скелетные образования, влажные препараты, яйца; антропологические находки; следы жизнедеятельности животных – гнезда, помет, погадки, погрызы, отпечатки следов; изделия из природных материалов; образцы промышленной продукции из при-

родного сирья; орудия труда и приборы (устройства). Отдельную группу составляют мемориальные предметы и различные оригинальные вещественные, изобразительные и письменные источники: художественные произведения, фото-фоно-кино-видеоматериалы, 3D изображения, карты, схемы, книги, рукописи, дневники, документы, макеты, модели. Естественнонаучные эталоны в палеонтологии и минералогии имеют название «голотипы».

Среди правовых документов, регламентирующих учет музейных предметов в музеях Украины, необходимо назвать «Інструкцію з організації обліку музейних предметів», дійствующую с 09.09.2016 г. В Приложении 1 естественнонаучные коллекции разделены по группам хранения. В то же время изданная инструкция не отражает всей специфики музейного источниковедения естественнонаучных музеев. Необходимо принятие отдельного правового документа, регламентирующего учет и сохранность естественнонаучных музейных коллекций, подготовленного соответствующими специалистами в области естественно-исторических наук и, в частности, естественнонаучной музеологии.

Таким образом, успешному развитию музейного источниковедения в музеях естественнонаучного (естественно-исторического) профиля будет способствовать дальнейшее исследование вопросов унификации критериев описания различных видов коллекций. Для этого необходимо проводить периодически соответствующие конференции и семинары, что может быть осуществлено на базе Национального научно-природоведческого музея НАН Украины – координационного центра в области естественнонаучной музеологии страны. Также можно проводить такие мероприятия и на базе других музеев в регионах. Все это даст возможность выработать единые типовые образцы документации для музеев данного профиля.

1. Анфимова, Г.В. Разработка базы данных монографических палеонтологических коллекций / Г.В. Анфимова, А.А. Владимирский // Моделювання та інформаційні технології : зб. наук. пр. – Київ : ІПМЕ ім. Г. Є. Пухова НАН України, 2010. – 2010. – Вип. 56. – С. 62–65.
2. Бессуднова, З.А. Геологические исследования в Музее естественной истории Московского университета, 1759–1930 / З.А. Бессуднова. – М.: Наука, 2006. – 246 с. : ил. – (Очерки по истории геологических знаний ; вып. 32).
3. Брюшкова, Л.П. Коллекции геологических музеев как часть культурного пространства / Л.П. Брюшкова. – М.: Наука, 1993. – 96 с.
4. Кедров, Б.М. Классификация наук / Б.М. Кедров, Б.Г. Юдин // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – С. 247–248.
5. Климишин, О.С. Природничі музейна термінологія : словник-довідник / О.С. Климишин. – Львів : Державний природознавчий музей НАН України, 2003. – 244 с.
6. Климишин, О.С. Сучасні проблеми природничі музеології / О.С. Климишин // Наукові записки Державного природознавчого музею. – Львів, 2010. – Вип. 26. – С. 3–4.
7. Крахмальна, Т.В. Експонування палеоприродної спадщини четвертинного періоду / Т.В. Крахмальна, Д.В. Кепін // Праці Центру пам'яткознавства. – Київ : Центру пам'яткознавства НАН України та УТОПІК, 2010. – Вип. 17. – С. 135–150.
8. Ксенофонтowa, В.В. Естественно-научные коллекции / В.В. Ксенофонтowa // Российская музейная энциклопедия. – М.: Прогресс; Рипол классик, 2005. – С. 183–185.
9. Кушнарeнко, Н.Н. Документоведение: учебник / Н.Н. Кушнарeнко. – Киев : Об.-во «Знання», КОО, 2003. – 459 с.
10. Павлова, Н.Р. Специфика естественно-научных музейных предметов и отражение ее в составе фонда отделов природы краеведческих музеев РСФСР / Н.Р. Павлова // Музееведение : проблемы использования и сохранения музейных ценностей : сб. науч. тр. – М.: НИИ культуры, 1985. – № 136. – С. 13–22.
11. Розова, С.С. Классификационная проблема в современной науке / С.С. Розова. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1986. – 224 с.
12. Рябчикова, Ф.Д. Природничі предмети у музеях: музеологічний аналіз правових дефініцій / Ф.Д. Рябчикова // Вісник Національного науково-природничого музею. – Київ, 2016. – Т. 14. – С. 13–22.
13. Сотникова, С.И. Естественноисторическая музеология / С.И. Сотникова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. – 304 с.
14. Сычева, Л.С. Гносеологический анализ процессов формирования научных дисциплин: автореф. дис. ...д-ра философ. наук: 09.00.01 / Л.С. Сычева / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1991. – 38 с.
15. Третяк, І.П. Огляд наукових фондoвих колекцій Національного науково-природничого музею НАН України / І.П. Третяк, О.В. Червоненко // Вісник Національного науково-природничого музею. – Київ, 2016. – Т. 14. – С. 115–122.
16. Шидловський, І.В. Історія музейної справи та зоологічних музеїв університетів України / І.В. Шидловський. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2012. – 112 с.
17. Щарбатян, Т.А. О длительном хранении палеонтологических коллекций / Т.А. Щарбатян // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. – М., 1983. – Т. 58. – Вып. 2. – С. 94–101.
18. Ющенко, О.К. Пам'ятки природи / О.К. Ющенко // Українська радянська енциклопедія : у 12 т. – Київ : Наукова думка, 1977 – 1984. – Т. 8 : ОЛЕФІН – ПОПІЛІН. – С. 147–148.

Здасюк Н.М.

КАМПЛЕКТАВАННЕ ФОНДАЇ МУЗЕЯМІ БЕЛАРУСІ Ў 1990-я гг.

Камплектаванне фондаў з'яўляецца адным з асноўных відаў дзейнасці музея. У ходзе камплектавання музеем ажыццяўляецца функцыя наапалення сацыяльнай інфармацыі, дакументавання развіцця грамадства. Дакументаванне рэчаіснасці здзяйсняецца выбарачна і залежыць ад профіля музея, ад выдзялення сацыяльна значных фактаў, аб'ектаў рэчаіснасці для музейнага вылучэння з мэтай камплектавання фондаў, ад адбору прадметаў рэальнага свету ў якасці музейных крыніц. На

адбор істотна ўплывае музейны падыход да рэчаіснасці, абумоўлены роллю музея быць прадметна замацаванай памяццю грамадства. Разам з тым, на выбары музейна значных фактаў заўсёды ляжыць пячатка пэўнага часу, яго грамадскіх ідэй, уяўленняў аб каштоўнасцях культуры.

Музеі Беларусі да пачатку 1990-х гадоў напрамую залежылі ад музейнай палітыкі, якую праводзіла дзяржава. Для яе былі характэрны адміністрацыйныя меры ўздзеяння, строгае рэгламентацыя дзейнасці музея, перакос у бок культурна-асветніцкай дзейнасці за кошт навукова-даследчай і захавальніцкай. Асноўнай мэтай музеяў была прапаганда дасягненняў сацыялістычнага ладу. На дасягненне гэтай мэты былі накіраваны ўсе віды музейнай дзейнасці, і ў першую чаргу – камплектаванне фондаў.

У савецкіх музеях існавала адзіная сістэма падбору музейных прадметаў. Яна жорстка рэгламентавалася зверху ў пяцігадовых планах навукова-даследчай работы музеяў. Перад музеймі рэспублікі ставілася задача камплектавання фондаў помнікамі гісторыі і культуры беларускага народа, асабліва па гісторыі савецкага грамадства. І ўвогуле падкрэслівалася, што прыярытэт пры зборы музейных прадметаў павінен аддавацца матэрыялам сучаснасці [8]. Вынікам такой палітыкі стала тое, што сярод новых паступленняў у музейныя фонды матэрыялы па перыяду развітога сацыялізму складалі большы за 60% [1, арк. 44], а ў раённых музеях гэтая лічба ўзнімаецца да 90% [1, спр. 1855, 1911].

Першыя спробы змяніць падыход да камплектавання музейных фондаў адбыўся ў часы перабудовы. Аднак новыя прапановы Міністэрства культуры БССР хоць і адрозніваліся ад папярэдніх адсутнасцю жорсткіх устаноў на ідэалагізацыю, але галоўны прынцып камплектавання фондаў савецкіх музеяў – прыярытэт у зборы матэрыялаў сучаснасці ўсімі музеймі – захваўся [1, спр. 1955, арк. 13]. У гэты ж перыяд пачынаецца распрацоўка Навуковай канцэпцыі развіцця і ўдасканалення музейнай справы ў рэспубліцы. Штуршком да гэтага стала ўсведамленне крызіснага становішча айчынных музеяў. У якасці асноўнай праблемы музейнай справы рэспублікі вызначалі, у першую чаргу, незбалансаванасць тэматыкі музейнай сеткі. З 82 музеяў сістэмы Міністэрства культуры 46 складалі краязнаўчыя музеі, 5 – агульнагістарычных, 1 – гісторыка-рэвалюцыйны, 4 – ваенна-гістарычных, 10 – народнай славы, 6 – літаратурных, 4 – гісторыка-мемарыяльных, 1 – народнай творчасці, 1 – гісторыі атэізму і рэлігіі, 1 – народнага мастацтва, 1 – народнай архітэктуры і побыту, 2 – мастацкіх [1, спр. 1954, арк. 2]. Падкрэсліваўся недахоп музеяў этнаграфічных, археалагічных, музычных, мемарыяльных, літаратурных, тэатральных, мастацкіх, якія павінны складацца на аснове арыгінальных калекцый.

Адным з шляхоў вырашэння вызначанай праблемы спецыялісты-музейшчыкі бачылі ў змяненні падыходаў да камплектавання музейных фондаў. Вельмі агульны характар планаў камплектавання, без уліку спецыфікі і профіля канкрэтнага музея, негатыўна адбіўся на складзе музейных збораў. Адсутнасць навукова абаснаванага мэтанакіраванага плана прыводзіла не да фарміравання поўнай музейнай калекцыі, а да засмечвання і распылення навуковай значнасці музейнага матэрыяла. Таму вядучым музеям рэспублікі і аддзелу музеязнаўства Міністэрства культуры БССР было даручана ў 1990–1991 гадах распрацаваць навукова абгрунтаваны крытэрыі адбору музейных матэрыялаў па якасному паляпшэнню стану фондавых калекцый для ўсіх музеяў адпаведнай тэматычнай накіраванасці [1, спр. 1954, арк. 6].

Адной з найважнейшых праблем камплектавання музейных фондаў на пачатак 1990-х гг. быў якасны ўзровень збіраемага матэрыялу. Прыярытэт колькасных паказчыкаў, характэрны для ўсіх сфер савецкага грамадства, не абмінуў і музейную справу. Імкненне ў кароткія тэрміны папоўніць свае калекцыі не лепшым адбівалася на іх якасці і ўзроўню апісання. Прынцып усебаковасці і комплекснасці, пакладзены ў аснову камплектавання ў савецкім музеязнаўстве, часта трактаваўся як неабходнасць збору ўсёй разнастайнасці матэрыялаў, адлюстроўваючых вывучаемую праблему [2, с. 17]. У камплектуемых зборах значнае месца займаў дакументальны і фотаматэрыял, рэчывыя ж помнікі складалі невялікі працэнт. Асабліва востра гэтая праблема стаяла перад раённымі краязнаўчымі музеймі рэспублікі. На калегіі ўпраўлення культуры Маглёўскага аблспалкома адзначалася, што “... гістарычнымі даследваннямі раёну ды і вобласці на працягу апошніх 10 гадоў амаль ніхто не займаўся, таму склаліся такія абставіны, калі мясцовая гісторыя страціла свае індывідуальныя, яркія рысы. ... У музеях ў асноўным назапашаны больш ці менш этнаграфічныя рэчы і матэрыялы савецкага часу” [7].

Для пераадолення азначаных праблем і канцэнтрацыі ў фондах сапраўды навуковых калекцый прапаноўвалася найперш правесці якасную ацэнку стану фондавых калекцый кожнага музея. У якасці яе крытэрыяў вызначаліся наступныя: удасканаленне каштоўнасці кожнай рэчы для больш

дакладнага аднясення яе да асноўнага фонда; удакладненне складу існуючых калекцый і вызначэнне сярод іх традыцыйна склаўшыхся; даць адзнаку якасці кожнай калекцыі [4]. Дадзеныя мерапрыемствы былі накіраваны на пераадоленне таго факта, што часта самі музейшчыкі не ведалі, якімі зборамі валодае музей і ў якім стане яны знаходзяцца. Атрыманыя вынікі адзнакі стану фондавых калекцый былі пакладзены ў аснову складаемых у музеях у гэты ж перыяд комплексных праграм каплектавання музейных фондаў. Галоўны прынцып, які быў пакладзены ў аснову праграм каплектавання большасці музеяў, гэта пакалекцыйны збор прадметаў.

Значнай з'явай у беларускіх музеях, якая паўплывала ў тым ліку і на ўзровень каплектавання музейных калекцый, стала прапанова Міністэрства культуры у музеям змяніць арганізацыйную структуру. Дзеля гэтага прапаноўвалася правесці наступныя змены: а) ліквідаваць адзельныя аддзелы спецыяльнай работы і перавесці яго супрацоўнікаў у навукова-фондавы аддзел, тым самым узмацніў навуковую вартасць азначанага аддзела; б) вызначыць у структуры навукова-фондавых аддзелаў супрацоўнікаў, якія павінны ўзначаліць творчыя калектывы, адказныя за калекцыі; в) галоўны захавальнік фондаў павінен адначасова з'яўляцца намеснікам дырэктара [5]. Пры гэтым прадугледжвалася, што большая частка калектыва музея будзе занята вывучэннем фондавых калекцый. Паміж супрацоўнікамі аддзела фондаў былі размеркаваны і замацаваны пад матэрыяльную адказнасць калекцыі музейных прадметаў [9]. Прапанову Міністэрства музеі падтрымалі і на працягу рязглядаемага перыяду адбылася перадача калекцый у Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь, Дзяржмузеі гісторыі Вялікай айчыннай вайны, Магілёўскім і Віцебскім абласных краязнаўчых музеях і інш.

Працэс перадачы калекцый запаволіў тэмпы каплектавання фондаў. Навуковым супрацоўнікам трэба было спачатку ацэніць якасць і паўнату атрыманай калекцыі, а потым распрацаваць план яе каплектавання. Аднак ужо с пачатку новая ініцыятыва прынесла чаканую карысць: у спараваздачах музеяў адзначаецца, што "...зараз ужо каплектаванне вядзецца не стыхійна, а з улікам стану калекцый..." [3].

Адной з тэндэнцый у каплектаванні музейных збораў азначанага перыяду было рэзкае скарачэнне на пачатку 1990-х гадоў колькасці збіраемых матэрыялаў. Прычын таму было шмат. Гэта і невысокія фінансавыя магчымасці музеяў, з-за якіх скарацілася колькасць экспедыцый; і адсутнасць жорсткіх патрабаванняў на павялічэнне год ад году колькасці збіраемых матэрыялаў; і тое, што ў гэтыя час толькі пачалася праца па распрацоўцы навуковых канцэпцый развіцця ўсіх напрамкаў дзейнасці музеяў, у тым ліку і перспектывуных планаў каплектавання фондаў, што таксама запаволіла тэмпы збору музейных прадметаў. У той жа час адзначаецца, што ў сярэдзіне 1990-х гадоў у параўнанні з паказчыкамі сярэдзіны 1980-х негледзячы на скарачэнне паступленняў у фондавыя калекцыі, іх якасць паднялася на значна вышэйшы ўзровень.

У канцы 1990-х гадоў тэмпы прыросту музейных фондаў складалі 3,2% [6, с. 57], найбольш актыўна працэс каплектавання вёўся ў музеях Віцебскай вобласці (5,3%), што тлумачыцца найбольш развітой сеткай музеяў у гэтым рэгіёне. Па колькасці прадметаў асноўнага фонду на канец 1990-х гадоў, самую вялікую групу складалі калекцыі археалагічных матэрыялаў (19%), затым ідуць нумізматычныя калекцыі (16%), фотаматэрыялы (13%), дакументальныя крыніцы (12%), друкаваныя выданні (12%) [6, с. 58]. У перыяд з 1985 па 2000 г. колькасць прадметаў музейнага фонду павялічылася з 1 470 000 да 2 446 751 адзінак (66,4%).

Адметнай рысай у каплектаванні музейных збораў у 1992–2000 гг. было імкненне да яго сапраўды навуковага абгрунтавання. На аснове зробленай адзнакі стану музейных калекцый і профіля музея, кожны музей самастойна вызначаў, якія прадметы павінны папоўніць збор. Асноўным прынцыпам папаўнення музейных фондаў у адзначаны перыяд быў пакалекцыйны збор прадметаў, у адрозненне ад тэматычнага, які пераважаў у папярэднія гады.

1. Архіў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. – Ф. 974, Воп. 1. Спр. 1858.
2. Бычкова, Ю. А. Некоторые проблемы комплектования фондов в музеях исторического профиля / Ю. А. Бычкова // Музей и современность: сб. науч. трудов. – М., 1982. – С. 8–19.
3. Витебский областной краеведческий музей. Текущий архив. Отчет о работе музея за 1996 г.
4. Гродзенскі гісторыка-археалагічны музей. Бягучы архіў. Прыкладны варыянт падыходу да адзнакі якасці фондавых калекцый. 1993 г.
5. Дзяржаўны музей гісторыі Вялікай айчыннай вайны. Бягучы архіў. Прапановы па змяненню арганізацыйнай структуры музеяў. 1992 г.
6. Культурнае жыццё рэспублікі: стан, праблемы, перспектывы. – Мінск, БІПК, 1999. – С. 56–80.
7. Магілёўскі абласны краязнаўчы музей. Бягучы архіў. Вынікі працы краязнаўчых музеяў вобласці за 1992 г. і накірункі дзейнасці на 1993 г.
8. Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь. Бягучы архіў. Перспектывуны план каардынацыі навукова-даследчай работы музеяў БССР на 1986–1990 гг.
9. Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. Бягучы архіў. Загад па музею № 81 ад 23.12.1992 г.

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В АРХИВЕ РАН: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Архив Российской академии наук (РАН) остается одним из крупнейших и старейших отраслевых архивохранилищ России. В нем хранятся документальные комплексы по истории руководящих органов Академии наук, личные фонды выдающихся ученых и деятелей культуры, фонды академических учреждений и организаций за период XIX–XXI вв. Кроме того, в фондах Архива в Москве отложились музейные предметы, которые поступали на хранение чаще всего вместе с документами. Отдельные музейные предметы включены в состав архивных фондов, другие объединены в разряды (коллекции).

Среди музейных предметов Архива РАН можно отметить медали и образцы медалей, памятные медали Академии наук, и в качестве дополнений к ним: макеты, модели, проекты, эскизы и фотографии медалей, объединенные в разряд XIII. В состав разряда в качестве отдельного комплекса включены значки и знаки, поступившие в основном из фондов академических учреждений и систематизированные по тематическому признаку. В составе фондов личного происхождения сохранились ордена, медали и нагрудные знаки, которыми были награждены российские ученые, а также личные вещи (печатная машинка, бухарский халат, вымпелы и т.п.). Печати и штампы учреждений и лиц, вышедшие из употребления, систематизированы в разряд XI. В отдельный комплекс включены государственные награды СССР и награды иностранных государств, которыми была награждена Академия наук СССР, а также предметы, переданные в качестве подарков от академий наук зарубежных стран и академических учреждений. В разряд XIV входят предметы и вещественные приложения к имеющимся в архиве документам: большая шкатулка для хранения почетных грамот и дипломов, портсигар, лупа, посмертные маски В.И. Вернадского, А.П. Карпинского, А.А. Байкова и Н.Ф. Гамалея, а также художественные портреты И.И. Мечникова, С.В. Лебедева и А.П. Карпинского.

Академия наук всегда придавала большое значение музейной деятельности. Секретарь Российской академии наук С.Ф. Ольденбург писал в 1923 г.: «Музейное дело было всегда дорого Академии, еще с того времени, когда музеи были кунсткамерами: Академия всегда сознавала, какое музей важное орудие для науки и для образования вообще». В 1920-х гг. в Академии наук по инициативе В.И. Вернадского активно обсуждался вопрос о создании академического музея истории науки. Однако из-за отсутствия полноценных помещений музей так и не был открыт [4, с. 338]. Большинство научных музеев России были созданы в советское время. Они существовали как полузакрытые «отраслевые научные» учреждения, чаще всего при научно-исследовательских институтах. Их деятельность была нацелена прежде всего на освещение узко профессиональных достижений. Однажды организованные, они практически не развивались, а до недавнего времени накопленные ценные предметы и архивные материалы экспонировали в них так, что вызывали ассоциации с «лавками древностей». Несмотря на наличие в системе РАН Музейного совета, из-за отсутствия должного внимания и остаточного принципа финансирования со стороны государства большинство этих музеев так и продолжало существовать в некоем вневременьи [3, с. 430–431].

В этих условиях Архив РАН, выполняя функцию ведущего научно-информационного центра по истории отечественной науки, принял решение о создании музея истории Российской академии наук. По нашему мнению, создание такого музея является необходимым для формирования целостного образа Академии и отечественной фундаментальной науки, выявления закономерностей в этом процессе и преимуществ академической формы организации наук. Прежде всего, Музей истории РАН должен стать научно-исследовательским центром по истории науки, сохраняющим и развивающим классические традиции академических музеев. Целью деятельности такого музея остается сохранение и представление истории Академии наук в предметной и мультимедийной формах, осуществление музеефикации памятников истории РАН как достояния отечественной и мировой науки и культуры.

С 2006 г. Архив РАН начал проводить активную выставочную деятельность, используя в экспозициях наряду с архивными документами и музейные предметы. В связи с тем, что музейное дело расценивается как одно из приоритетных направлений деятельности архива, в 2013 г. была создана группа музейно-выставочной работы в составе Научно-информационного центра, в 2015 г. организован Музейно-выставочный и реставрационный центр. Основной их задачей было создание постоянной экспозиции как основы будущего Музея истории Академии наук, реализация которой была

основана на изучении и научном отборе документального массива архивных материалов по истории отечественной науки Архива РАН, Института истории естествознания и техники РАН и кабинетов-музеев выдающихся ученых при институтах РАН.

Работа над созданием постоянной экспозиции началась с подготовки выставки «Документ. От бересты к научному труду», которая была открыта в 2014 г. и по которой на сегодняшний день проведено более 70 экскурсий с группами московских школьников и студентами ВУЗов. В экспозицию выставки вошло 283 единицы экспонатов, среди которых наряду с подлинными документами, старопечатными книгами и рукописями были представлены подлинные предметы и голографические изображения. В структуре выставки были созданы лайт-боксы для будущего музея по темам, относящимся к периоду XVIII–XXI вв., что является интродукцией будущей экспозиции, представленной в виде реперных точек развития науки. Во время создания экспозиции, в частности, была расширена тема «Астрономия», в которую были включены глобусы Луны и Марса, а также оригинально разработанная карта звездного неба в виде непрозрачного тубуса со светящимися отверстиями, изображающими созвездия [1, с. 35–36].

Следующим этапом стала подготовка выставки «Прорыв. Наука в XX веке». Экспозиция музейного раздела подразделяется на четыре основных темы: личность ученого (президенты Академии наук); атомный проект; космический проект; научные экспедиции (на примере полярной экспедиции О.Ю. Шмидта и геологических разведок А.Е. Ферсмана). Выставка является экспериментальной, она ставит своей задачей разработать как основные темы, так и новые приемы экспонирования документов и материалов Архива РАН для постоянной экспозиции будущего Музея. Это воплощение исследовательских изысканий по анализу документальных фондов архива, подбору и тематическому структурированию изображений сотрудниками архива с помощью молодых дизайнеров – студентов Московского архитектурного института в рамках их дипломных проектов, что позволило использовать новые формы экспонирования, адаптированные к восприятию зрителей XXI века. В дизайне экспозиции заложены принцип многослойности как метафоры трудного пути науки и образ линии времени как метода визуализации исторических процессов [2, с. 8–13].

Наряду с традиционными и экспериментальными методами представления музейных экспозиций в Архиве РАН используются современные информационные технологии. В 1998–2000 гг. Архивом РАН при участии Института проблем передачи информации РАН была создана база данных коллекции медалей и знаков (разряд XIII): проведена цветная съемка объемных предметов, полученные снимки составили архив цифровых изображений – 335 единиц хранения, а текстовая информация в базе данных точно воспроизводит описание коллекции.

В 2015 г. Архивом РАН создан в глобальной сети Internet портал «Mnemosyne», который объединил три электронных научно-информационных блока: «Информационная система Архива РАН», «Архивы РАН» и «Виртуальный музей истории РАН». Мать девяти муз древней Греции – символа абсолютной гармонии – Мнемосина олицетворяет феномен человеческой памяти, генетическую способность помнить прошлое, переживать его, анализировать исторический опыт, делать выводы, которые становятся пройденными ступенями нового знания. Естественно, Архив РАН не претендует на полноту всех взаимодействий, связанных с проявлениями памяти, пытается обозначить общую и профессиональную для нас точку соприкосновения академической триады – архивы – библиотеки – музеи – в фокусе проблем, направленных на изучение истории науки и культуры. Основные составляющие этой триады: архивные собрания, рукописные отделы библиотек и документальные фонды музеев РАН. Впервые предпринята попытка объединить информационные ресурсы академических институтов памяти, позволяющие осуществлять информационное обеспечение исторических исследований.

Научно-информационный блок «Архивы РАН» включает виртуальные выставки, электронные презентации и экспозиции в Архиве РАН. Среди последних виртуальных выставок можно отметить «Время в лицах и событиях: Наука и ее творцы (Из истории Российской академии наук. 1945 год)»; «Научное доказательство силы слова: писатели и литераторы-члены РАН (году литературы в России посвящается)»; «1991 год: наука в условиях перемен. Видеофиксация исторических событий». Недавние электронные презентации посвящены документальному наследию ученых: «Грани таланта. К 150-летию со дня рождения А.Н. Северцова»; «“Красный Колумб”. Шмидт Отто Юльевич: К 125-летию со дня рождения»; «Конрад Николай Иосифович. 125 лет со дня рождения». Экспозиции выставок «Документ. От бересты к научному труду», «Прорыв. Наука в XX веке», «Наука и искусство в лицах. Портреты современников» размещены в отдельном разделе блока.

В электронном научно-информационном блоке «Виртуальный музей истории РАН» представлена информация о музеях Академии наук. В подразделе «Институции» раздела «Экспозиции» представлена информация об экспонатах библиотеки, музея (Кунсткамеры), анатомического театра, оптической камеры, обсерватории, физического кабинета, географического департамента, исторического собрания, типографии и др. Значительный интерес представляют подразделы «Экспедиции» и «Персоны». В настоящее время блок «Виртуальный музей истории РАН» находится в режиме наполнения контентом.

В экспозиции виртуального музея предполагается представлять ключевые, уникальные экспонаты: предметы, документы и изображения, раскрывающие и характеризующие научную деятельность Академии наук, ее учреждений и ученых в тот или иной хронологический период истории. Коллекция памятников истории и культуры, мемориальных предметов, уникальных приборов и оборудования должны являться хорошим подспорьем и яркими иллюстрациями к страницам документальной истории РАН. Виртуальные демонстрации памятников, находящиеся в реальных экспозициях многих академических музеев, организация удаленного доступа к памятникам, физически хранящимся в разных городах, посредством современных электронных информационных технологий, будет способствовать также популяризации этих музеев и их собраний, в том числе, например, музеев-кабинетов ученых, которые зачастую находятся в зданиях режимных институтов и не предполагают массового посещения их всеми желающими.

В заключение можно отметить, что Архив РАН остается не только ведущим научно-информационным центром по истории российской науки, но и создает условия по информационному обеспечению исследователей различного уровня информацией о музеях и хранящихся в них экспонатах, что в конечном итоге позволит проводить комплексные научные исследования.

1. Бодрова, М.Л. Концепция и принципы экспонирования выставки «Документ. От бересты к научному труду» в Архиве РАН / М.Л. Бодрова, Н.П. Рыбкина, И.А. Чаева-Корнева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – № 2(52) – Ч. II. – С. 35–38.
2. Литвина, Н.В. Предисловие к замыслу / Н. В. Литвина // Прорыв. Наука XX века : каталог выставки в Архиве РАН / сост. Н.В. Литвина, Н.М. Осипова, под ред. В.Ю. Афиани. – М. : Архив РАН, 2016. – 160 с.
3. Рыбкина, Н.П. К вопросу о создании музея Академии наук / Н. П. Рыбкина, В. Г. Ильинская // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Междунар. науч. конф. – М. : Архив РАН, 2013. – С. 430–434.
4. Чумакова, Т. В. Музеи в системе Академии наук (XVIII – первая треть XX вв.) / Т.В. Чумакова // Триумф музея? : сб. / С.-Петербург. гос. ун-т, Гос. Эрмитаж ; ред. М. Б. Пиотровский и др. – СПб. : Издательство «Осипов», 2005. – С. 338–345.

Иващенко В.Ю.

ФОНД УСТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В МУЗЕЕ ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА имени В.Н. КАРАЗИНА: ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ХРАНЕНИЯ

Институциональное оформление устной истории началось в 1948 г., когда усилиями американского историка и журналиста А. Нэвинса был создан Центр исследования устной истории при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Уже через десять лет в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса был организован архивный центр, который специализировался на сборе и хранении устных источников, а в 1966 г. – Ассоциация устной истории, главной задачей которой признавалось дополнение свидетельств письменных документов [4, с. 6–7]. Поскольку «пионеры» устноисторических исследований видели свою основную цель в «заполнении лакун», содержащихся в письменных источниках, они, прежде всего, сосредоточились на процессе сбора интервью. Таким образом, устная история на начальном этапе воспринималась исключительно как составляющая часть архивного дела. Это привело к тому, что начиная с 1950-х гг. центральные и региональные архивы США, Австралии, Швеции и Канады на регулярной основе реализовывали программы по сбору устноисторических источников, а со временем во многих странах мира была сформирована целая сеть специализированных архивов [7, с. 85].

В то же время в тех странах, где устноисторические исследования начинаются позднее, отмечается наличие проблем с сохранением соответствующих материалов. Так, в Великобритании Британская библиотека превратилась в центр сбора и хранения устноисторических материалов только в 1990-е гг. При этом, по мнению П. Томпсона «широко распространенная ситуация, когда оборудование архивов не соответствует условиям хранения аудиоматериалов и, соответственно, значительная часть собранных устных источников в результате этого уничто-

жается, будет существовать, пока историческая наука не признает, что устные материалы имеют такую же ценность, как и письменные» [7, с. 85].

В Украине в последние два десятилетия реализовано значительное количество проектов в области Oral History. Как отметила О. Кись, первые результаты исследований в формате устной истории засвидетельствовали незаменимость «этого подхода в изучении тех сторон недавнего прошлого, которые имели травматический характер (опыт Второй мировой войны, принудительной миграции), были запрещены к освещению (голодомор, национально-освободительные движения, история Церкви) или считались маргинальными (женские студии, исследования украинской диаспоры и субкультур)» [2, с. 20]. На сегодняшний день наряду с индивидуальными исследовательскими проектами в Украине имеется опыт организации ряда всеукраинских и международных устноисторических проектов [6, с. 13–14].

В условиях, когда устноисторические исследования становятся обычной практикой, с особенной остротой встает вопрос о сохранении соответствующих материалов, поскольку они, главным образом, откладываются в личных архивах организаторов и участников проектов, тогда как архивные учреждения зачастую остаются в стороне от данного процесса. Это не только осложняет доступ к устноисторическим материалам для исследователей, но и перекладывает решение вопроса об особенностях каталогизации и хранения соответствующих источников на интервьюеров.

Случаи, когда устные источники передаются на хранение в специализированные учреждения, пока немногочисленны, поэтому остановимся на опыте Музея истории Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, в фондах которого хранится коллекция аудио- и видеозаписей интервью с выпускниками, а также преподавателями и сотрудниками университета [5].

В 2006 г. на историческом факультете ХНУ началась реализация проекта «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг.». В рамках двух учебных курсов (общий курс «Введение в специальность» и спецкурс «Устная история: теория и практика») студенты, прошедшие специальную подготовку по технике интервьюирования и особенностям транскрибирования аудиозаписей, берут интервью у выпускников и преподавателей Харьковского университета 1940–1980-х гг. Участие студентов предполагает наличие специально разработанных анкет: за основу анкеты, предлагаемой выпускникам университета был взят вопросник, разработанный специалистами из Казанского университета (Российская Федерация); анкета, предназначенная для работы с преподавателями, была создана харьковскими исследователями в ходе реализации проекта [3; 4]. Отметим, что осознавая важность данной работы, студенты стараются сделать свою часть работы – запись интервью и его расшифровку, качественно.

На данный момент было опрошено более 200 респондентов по вопросам организации учебного процесса, научной деятельности и общественной жизни в университете, студенческо-преподавательского быта, досуга, взаимоотношений в университетской среде и др. Собранные во время реализации проекта коллекции легли в основу отдельного фонда Музея истории Харьковского университета (Ф. 9, Оп. 21, П. 2). Она хранится в виде цифровых записей интервью на электронных носителях (CD-R и жестком диске компьютера), их бумажных расшифровок и протокола интервью, в котором содержатся биографические данные респондента, указываются особенности процесса интервьюирования (время и место проведения интервью, присутствие третьих лиц, трудности, возникшие в ходе интервью, эмоциональное состояние респондента и т. д.). Отметим, что зачастую в ходе интервью выявляются и другие материалы – фото и документы, которыми респонденты подтверждают свои воспоминания.

Таким образом, на данном этапе проблема сохранности устноисторических материалов решается путем использования разных электронных носителей, но, несомненно, что этот вопрос требует специального рассмотрения со стороны специалистов в области архивного дела, выработки определенных нормативов архивации и хранения соответствующих материалов.

Отдельный вопрос, который встал перед сотрудниками музея – это каталогизация соответствующего фонда. В основу поисковой системы был положен алфавитный именной указатель информантов. Для того чтобы облегчить поиск необходимой информации, каждая единица хранения сопровождается описанием, которое содержит: во-первых, базовые биографические сведения об информанте – фамилия, имя, отчество, факультетская принадлежность, форма обучения, годы обучения / работы, сфера деятельности после окончания университета; во-вторых, данные об интервью – фамилия, имя отчество интервьюера и автора транскрипции, вид интервью (аудио/видео), место и дата проведения интервью, присутствие третьих лиц; в третьих – прилагающиеся к интервью фотографии и документы. Кроме того, началась работа над созда-

нием кратких аннотаций, которые дают общее представление о содержании того или иного источника, а также БД (базы данных) Access «Анкетны».

БД «Анкетны» является не только поисковой системой, которая позволяет упростить поиск интервью по всем вышеназванным параметрам, но также облегчает проведения исследовательских процедур, связанных с анализом авторского состава респондентов и особенностей проведения интервью.

Ограничений доступа к фонду аудио- и видеозаписей в Музее истории Харьковского университета не существует, за исключением случаев, специально оговоренных респондентами. Уже сейчас интервью воспитанников и сотрудников университета используется студентами исторического факультета для написания курсовых и дипломных работ, исследователями для подготовки научных проектов по истории университетского образования и источниковедения. В будущем проект предполагает публикацию собранных интервью. На протяжении 2008–2016 гг. было опубликовано три тома воспоминаний о Харьковском университете: первые два посвящены его истории в дореволюционный период, третий – освещает историю институций, которые возникли на базе университета в 1920–1930-е гг. [8; 9]. Предполагается, что продолжением данного археографического проекта станет публикация интервью выпускников и преподавателей Харьковского университета 1940–1980-х гг.

Еще одним вариантом использования устноисторической коллекции может стать создание специальной мультимедийной программы, включения интервью в «текст» экспозиции, что не только расширит представление об университетском прошлом, но и позволит усилить эмоциональную составляющую экскурсии.

Организаторы и участники устноисторического проекта, посвященного университетской истории, осознают его важность не только для формирования университетской идентичности, но и для позиционирования университета на рынке образовательных услуг [3]. Исходя из этого, они много внимания уделяют вопросам архивации полученных материалов. Впрочем, очевидно, что решение многих вопросов, которые касаются хранения устноисторических источников в пределах отдельных учреждений невозможно. Во-первых, серьезного изучения требует проблема сохранения цифровых носителей. Во-вторых, есть необходимость в разработке более эффективных систем каталогизации и индексации коллекций устноисторических исследований. Наконец, до этого времени в отечественном научном сообществе не был поставлен вопрос об ограничении доступа к интервью и права использования записи, что тесно связано с проблемой авторского права. То есть на современном этапе, когда устноисторические исследования становятся обычной практикой, одним из важных задач является осмысление нового источника в контексте архивного дела.

1. Івашенко, В.Ю. Проект «Образи університетської науки: Харківський університет у 1940 – 1980-х роках» / В.Ю. Івашенко // Україна модерна. – 2007. – Ч. 11. – С. 280–281.
2. Кісь, О. Усна історія: становлення, проблематика, методологічні засади / О. Кісь // Україна модерна. – 2007. – Ч. 11. – С. 7–21.
3. Красько, О. На пути создания устноисторического архива: интервью выпускников Харьковского университета в контексте изучения корпоративной памяти / О. Красько // *Koło historii*. – Lublin, 2015. – № 16. – С. 177–189
4. Лоскутова, М.В. Введение / М.В. Лоскутова // Хрестоматія по усній історії / пер., сост., вступ. ред. М. В. Лоскутової. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурзі, 2003. – С. 3–31.
5. Музей історії ХНУ імені В. Н. Каразіна. – Ф. 7. Оп. 21. П. 2.
6. Пастушенко, Т. Метод усної історії та усно історичні дослідження в Україні // *Історія України*. – 2010. – № 17–18 (657–658). – Режим доступу: http://klio-mukolaiv.at.ua/prochutatu/usna_istorija.pdf
7. Томпсон, П. Голос пришлого. Устна історія / П. Томпсон; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2003. – 368 с.
8. Харківський університет XIX – початку XX століття у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. / укл. Б.П. Зайцев, В.Ю. Івашенко, В.І. Кадєєв, С.М. Куделко, Б.К. Мигаль, С.І. Посохов; вступ. стаття В.Ю. Івашенко; наук. ред.: С.І. Посохов. – Харків: «Видавництво Сага», 2008–2010.
9. Харківський університет (1917–1941 рр.) у спогадах його викладачів та вихованців / уклад. В.Ю. Івашенко, О.І. Красько, Ю.А. Кісельова, С. М. Куделко, С. І. Посохов, Л. Ю. Посохова, Є. С. Рачков; вступ. стаття В. Ю. Івашенко, О. І. Красько, наук. ред. В.Ю. Івашенко. – Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2016. – 432 с.

Надточий Л.Н.

СОБРАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО МЕДНОГО ЛИТЬЯ В КОЛЛЕКЦИИ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Медное литье – одно из интереснейших явлений православного искусства, которое объединило в себе классические основы народного творчества, использовало достижения книжной культуры, синтезировало живописный и скульптурный языки изобразительного искусства. С древних времен меднолитая пластика получила широкое распространение и на землях Бела-

руси, о чем свидетельствуют находки местных жителей, предметы археологических раскопок в Минске, Витебске, Турове, Новогрудке и других древних городах [4, с. 6].

В Витебском областном краеведческом музее находится собрание старообрядческого медного литья, которое начало формироваться в музее в 1990-х годах и насчитывает всего 126 предметов. Но рассматривая даже имеющийся материал в музее, можно судить о наличии различных беспоповских согласий на Витебщине: поморцы, федосеевцы, филипповцы, спасовцы и т.д., ведь согласия различались как в обрядах, так и в отношениях к текстам на крестах. Поморцы использовали кресты с надписью: «Царь Славы ИС ХС Сын Божий», федосеевцы – «Иисус Назарянин Царь Иудейский», спасовцы пользовались крестами с изображением Спаса вместо Саваофа [2, с. 11]. Всего в собрании музея 35 крестов разных согласий XVIII – нач. XX вв., 46 икон, включая образки (5,0–9,0 см) и разные по размерам иконы (от 10,0 до 30,0 см), датированные XVII – нач. XX вв. Рассмотрим несколько икон из собрания музея. Икона КП 020267 посвящена одному из важнейших двенадцатых праздников церкви «Успение Богоматери», изготовленная во второй половине XIX века икона (КП 022729/06) – это один из самых почитаемых и довольно редких образов «Спас Благое молчание», того же периода и складень «Деисус», состоящий из трех икон: «Спас», «Богоматерь» и «Иоанн Предтеча». Особенно выделяется крупноформатная литая икона «Успение», украшенная многоцветными эмалями. Размеры групп таких икон колеблются между 25,0–29,0 x 23,0–24,0 см. Самым сложным является «Успение», полная редакция которого восходит к «Житию Богородицы» Епифания Иерусалимского, известного на Руси с XIV века [7, с. 42].

Композиция литой иконы чрезвычайно наполнена элементами, и ее форма отличается исключительным мастерством исполнения. Автор изначальной схемы создал поразительно компактную сцену с большим количеством действующих лиц, удлиненные фигуры которых образуют естественные группы, объединенные общностью переживаний. Их ритмизированные свободные движения обусловлены лишь величиим происходящего события. Обращает на себя внимание изящество силуэта каплевидных облаков и полуфигуры апостолов. Смысловым центром композиции является не столько фигура Марии на ложе, сколько Христос с ее душой на руках в мандорле и Богоматерь на престоле в круге славы, возносимом ангелами навстречу раскрытым небесным вратам. Все свободное «небесное пространство» заполнено рельефными звездочками различной формы. Едва заметная крепостная зубчатая стена с постройками по краям разделяет «мир земной» и «мир горний». Поля, отделенные от средника валиком с насечкой различного профиля, заполнены сложным декором с элементами листьев и цветов. Характерные для конца XIX века изломы линий свидетельствуют о влиянии модерна.

Среди икон коллекции музея, посвященных Богоматери, следует выделить образок XVII в. (КП 020692) «Богоматерь Одигитрия Смоленская», отлитый с форм XIV–XV вв. и выполненный в древнерусской традиции со Спасом в оглавии и надписью по периметру иконы. Также в коллекции представлены образки с изображением чудотворных икон Владимирской (КП 024506/06) и Казанской Богоматери, кроме того, образ Богоматери представлен в иконографии цикла «Двенадцатые праздники» – «Благовещение Пресвятой Богородицы», «Успение Пресвятой Богородицы». Из отдельных Праздников, связанных с Богоматерью, представлена икона «Покров пресвятой Богородицы» XIX в. (КП 021118).

Иконография Иисуса Христа представлена иконами «Воскресение Христово», «Спас Нерукотворный», а также особо почитаемый среди старообрядцев иконой «Спас Благое молчание» (КП 022729/06) с изображением Спаса с крыльями и сложенными на груди руками.

Среди образков святых, встречающихся на иконах, самое видное место занимает святой Николай, архиепископ Мирликийский, прославившийся чудотворениями при жизни и после смерти. Этот святой чтим как Западной, так и Восточной Христианской церковью, и даже почитается среди мусульман. Святой Николай считался покровителем земледельцев, ремесленников, путешественников, моряков, невест и, что особенно интересно, среди бесприданниц. Иконы с его ликом встречаются уже в первые века принятия христианства на Руси. В собрании музея имеется образок с изображением св. Николая (КП 007909) древнерусской формы. Легкая тонкая иконка медного сплава со святым и изображением Спаса в оглавии и с ушком в толще оглавия для шнура при ношении его на груди. Ориентировочно время изготовления образка – конец XVII в. по формам XIV–XV вв. Со временем оформление икон меняется, появляется декоративное оформление средника иконы, связанное с появлением книгопечатания и использованием элементов оформления книг (гравюр, заставок и т.д.) в сюжетных изображениях произведений медного литья. Появляются ста-

русские иконы с характерным старопечатным стилем – растительным узором с шишками и виноградом, незабудками, вьюном, листьями и т.п., знаменующим собой «райские кущи». В собрании ВОКМ представлена икона с изображением св. Николая (КП 019126) XIX в., изготовленная по иконографии XVI–XVII вв. Взаимосвязь книгопечатания сюжетных изображений просматривается особенно широко в иконографии XVIII века – времени широкого распространения гравюр в старообрядческой литературе. Мастера медного литья широко использовали сюжеты гравюр «Образ Непалимой Купины», «Святой пророк Илия», «Покров Пресвятой Богородицы», изображения праздничных циклов, Спасителя, Богородицы, отдельных святых. Гравюры служили источником орнаментальных мотивов при оформлении памятников медного литья. Образцом такого оформления икон может служить икона со св. Николаем (КП 021588) из фондов музея, в которой между средником с изображением св. Николая и бортиком иконы расположены 18 круглых медальонов, обвитых рельефным декором в виде виноградной лозы. В барельефах изображение Деисуса и святых из деисусного ряда. Это обрамление средника иконы олицетворяло средний ряд иконостаса – деисусный чин, как охранительный пояс храмовой иконы, завершающийся рядом святых наставников верующих, в том числе Зосимой и Савватием Соловецкими.

Таким образом, на примере икон с образом св. Николая можно проследить основные периоды развития медного литья в России, с характерными для них особенностями: 1) древнерусский период (X–XVI вв.) – без декоративного оформления; 2) старорусский период (XVI–XVIII вв.) – «старопечатный» стиль, орнамент на полях; 3) старообрядческий период (XVIII – нач. XX вв.) – комбинирование стилей, клейма на полях.

При этом временные рамки изготовления медного литья весьма условны, т.к. практически до начала XX в. одновременно изготавливались иконы разных стилей, нередко даже в одной мастерской, по желанию заказчика [8, с. 53]

Кроме того, в собрании музея представлены иконы с ликами святых православной церкви, среди которых следует выделить образок сер. XIX в. с изображением св. Сергия Радонежского (КП 019027). Икона интересна тем, что выполнена по иконографии XVI–XVII вв. Над образом святого – изображение ветхозаветной троицы, а поле иконы покрывает растительный узор в «старопечатном» стиле. Также в коллекции представлены иконы с изображением широко почитаемой мученицы Параскевы Пятницы (КП 018909), защитника земли Русской Георгия Победоносца (КП 019028), редко встречающегося св. Нифонта – изгонителя бесов (КП 019898). Эта икона интересна еще тем, что покрыта эмалями трех цветов: белого, синего, зеленого.

Первоначально образки и иконы изготавливались только из металла, без использования покрытия, позднее для придания иконам большей значимости, торжественности, красоты стали использовать многоцветные эмали (стекловидное покрытие). Наиболее ранние эмали были синего и белого цветов. Символика цветов берет свое начало из библии и в дальнейшем получила свое развитие. Синий цвет – символ неба, изображение ликом на этом фоне – знак святости, причастности к Богу. Белый цвет – символ света, бытия, очищения – знак земной жизни. Применение этих цветов в сочетании – символ земного бытия и небесной жизни. Кроме того широко использовались и другие цвета: желтый – власть, знак Бога; зеленый – вода, море, океан; голубой – воздух, земные дали; красный – сила, огонь, напоминание о Боге; коричневый – земля; черный – мрак, смерть, воплощение зла, символ Ада [3, с. 5].

Применение эмалей различных цветов не только украшало икону, но и давало дополнительную информацию к сюжету иконы и его трактовки. Обычно использовалось 2–4 цвета эмали, реже 6–8, иногда до 10. Широкое использование эмалей различных цветов характерно для 2-ой половины XIX века – начала XX века.

Иконы, имеющиеся в собрании музея, имеют разную сохранность, более старые обычно стерты, т.к. при чистке икон практиковался широко распространенный способ – чистка песком, что естественно, сказывалось на их сохранности. Более поздние иконы обычно имеют хорошую сохранность. Часто встречаются иконы с пробитыми отверстиями в верхней части. Это не является порчей икон в прямом смысле этого понятия: у беспоповцев широко практиковалось размещение икон, в том числе и металлических, на стенах. Поэтому отверстия в иконах имели функциональное значение – способ крепления икон на стенах.

Кроме крестов и икон, имеется собрание складней из 45 предметов (в коллекции медного литья). Складни были известны уже с первых веков принятия христианства на Руси и состояли из 2–3 створок. Они заменяли в малом виде святцы и даже целые иконостасы, были удобны для

перемещения. Широкое распространение 3-х створчатые складни получили с XVII в. В повседневной жизни они были практически в каждой старообрядческой семье беспоповского согласия, где служили домашними иконостасами. В коллекции музея представлен трехстворчатый складень «Деисус» XIX века, изготовленный по формам XVII в. Складень состоит из средника с изображением Вседержителя и боковых створок с Богородицею и Иоанном Предтечей.

Слово «Деисус» в переводе с греческого означает моление, просьба. Символическое название складня – это напоминание о будущем Страшном суде, на котором святые будут просить Бога о милосердии к людям.

С XVIII века получили широкое распространение 4-х створчатые складни – так называемые большие праздничные створы [6, с. 150]. На 3-х створках складня размещены сюжеты самых почитаемых православных «Двунадесятых» праздников и на четвертой изображены 4-х самых почитаемых в православии чудотворных икон Богородицы. На оборотной стороне складня изображалась композиция «Голгофский крест» [1, с. 40]. В собрании музея данные складни представлены от образцов без декора эмалей до складней с 6-цветными эмальями (КП 019132, КП 020862). Предметы различны по своим художественным достоинствам. Это и оригинальные с точки зрения иконографии кресты и складни, и массовые ремесленные отливки образков, рассчитанные на широкий рынок. Такие складни, даже не всегда искусно выполненные различными мастерами, были очень почитаемы и популярны у старообрядцев. Кроме того, эти удивительные по своей теплоте предметы позволяют по-новому взглянуть на художественную культуру старообрядцев середины XIX начала XX века, которые жили на Витебской земле уже в XVII веке.

1. Винокурова, Э.П. О типологии медной художественной пластики конца XVII–XIX веков / Э.П. Винокурова // Русское медное литье: сб. ст. – Москва : Сол Систем, 1993. – С. 34–42.
2. Гнутова, С.В. Медная мелкая пластика Древней Руси типология и бытование / С.В. Гнутова // Русское медное литье: сб. ст. – М.: СолСистем, 1993. – С. 7–20.
3. Иоанн Экономцев (игумен). Православие. Византия. Россия: сб. ст. / игумен Иоанн Экономцев. – М. : Христианская литература, 1992. – 220 с.
4. Карпенко, Е. «Образ литой, старинный...»: Медное художественное литье XII–XX вв. из собрания Национального художественного музея Республики Беларусь : альбом-каталог / Е. Карпенко. – Минск : Белорусский Дом печати, 2006. – 252 с.
5. Никольский, М.В. Символика цвета в уставной православной иконописи / М.В. Никольский // Социально-экономические явления и процессы: Сборник статей. – Минск: 2013. – С. 271–278.
6. Носкова, Л.А. Памятники медного литья в собрании Пермского областного краеведческого музея / Л.А. Носкова // Русское медное литье: сб. ст. – М.: СолСистем, 1993. – С. 147–150.
7. Порфириев, И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки / И.Я. Порфириев. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1890. – 71 с.
8. Савина, Л.Н. К истории производства и бытования медного литья в 19 – начале 20 века / Л.Н. Савина // Русское медное литье: сб. ст. – М.: СолСистем, 1993. – С. 48–54.

Ануфриева О.В.

ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В СОБРАНИИ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Витебском областном краеведческом музее в собрании карт имеются 80 подробных топографических одноцветных (чёрно-белых) карт конца XIX – начала XX вв., многие из которых являются идентичными друг другу. Эти листы представляют собой единый комплекс из 21 фрагмента военно-топографической карты европейской части Российской империи масштабом 1:126000 (в дюйме три версты, «трехверстка»), на которых представлены Витебская, Псковская, Смоленская, Виленская, Минская, Могилёвская губернии. Карты находились в собрании ВОКМ до Великой Отечественной войны. Карты в разной степени сохранности. Первая часть – 60 листов – отображают 8 фрагментов карты. Листы в большинстве в хорошей сохранности, разного издания, что позволяет выбрать наиболее хорошо читаемый лист (пропечатанный более светлым или более тёмным цветом). Вторая часть – 20 листов, отражающих 20 фрагментов карты. Листы в худшем состоянии, с надрывами, пожелтевшей хрупкой бумагой, потрёпанными краями.

Военно-топографическая карта европейской части Российской империи масштабом 1:126000 (в дюйме три версты, «трехверстная») начала выпускаться в 1845 году. До этого наиболее подробными были пятиверстные карты, однако для военных действий они далеко не всегда подходили. Удовлетворяя потребность в подробнейшей карте европейской части, было выпущено это

издание. Проекция карты – равновеликая псевдоконическая проекция Бонна. В качестве центрального меридиана использовался Пулковский, проходящий через Пулковскую обсерваторию под Санкт-Петербургом (таким образом долгота считается от Пулково). Карта печаталась на листах с прямоугольной рамкой, размером 58,5 x 40,8 сантиметров. До 1863 года были выпущены 435 листов карты на территорию европейской России (исключая Московскую губернию, т.к. для неё создана двухвёрстная карта). Листы карты пронумерованы двумя двухзначными цифрами, указывающими ряд и положение карты в ряду (Ряд xx Лист yy). Каждые 20 минут на карте нанесены линии координатной сетки. Карта издана одноцветно, рельеф обозначен штриховкой по шкале Лемана. Высота отмечена в сажнях (1,728 м.).

Трехверстная карта очень подробная. Населённые пункты обозначены условными масштабными знаками. Обозначения выполнены разным шрифтом: названия поселений менее 20-ти дворов написаны курсивом, остальные – обычным шрифтом. Под названиями указано количество дворов. Кроме этого, на карте условными знаками обозначены железные дороги, шоссе, дороги, мосты, переправы, болота, ручьи, леса, курганы. Массивы озер и рек заштрихованы. Массивы лесов отмечены кружками разных размеров. Для кладбищ, церквей использовались немасштабные условные знаки.

Карта первого издания рекогносцировалась в 1864–1877 годах – нанесены железные дороги, исправлены границы административных делений. К концу 19 века карта насчитывала более 600 листов.

Из-за множества элементов на карте масштабом 1:126000 довольно сложно читается информация.

В Витебском областном краеведческом музее имеются листы карты после рекогносцировки 1864–1877 гг.: издания 1869–1871 гг., 1906 г., 1912 г., 1913 г., 1915 г., 1919 г., 1920 г. Независимо от года издания, листы имеют одинаковую картографию и отличия лишь в степени затемнения печати и подписях.

На издании 1915 г. указывалось: «Литография картографического отдела корпуса военных топографов». Именно усилиями этого корпуса и была создана «трехверстовка».

Корпус военных топографов предназначался для производства в военное и мирное время геодезических, топографических и картографических работ. С начала 19 века перед учреждением – депо карт – стояла задача изучения географии России в широком смысле слова и производства топографических съёмок. В 1812 г. в составе военного министерства создано особое военно-топографическое депо. Отдельный корпус военных топографов был сформирован в 1822 г. Личный состав корпуса Военных топографов комплектовался главным образом офицерами, оканчивающими курс военно-топографического училища, и отчасти переводом офицеров из строя. Для комплектования корпуса служили батальоны военных кантонистов, откуда лучшие воспитанники поступали на два года в училище топографов, а по окончании курса и после 8-милетней службы в нижних чинах производились в офицеры. В 1854 г. при академии генерального штаба учреждено геодезическое отделение с двухлетними теоретическими и двухлетними практическими курсами при Пулковской обсерватории. В 1863 г. военно-топографическое депо было переименовано в военно-топографическую часть главного управления генерального штаба, а в 1869 г. введено в состав главного штаба под названием военно-топографического отдела.

Военно-топографический отдел состоял из геодезического отделения, редакции картографических изданий, картографического заведения и канцелярии. Геодезическое отделение ведало распределением работ корпуса, составлением сметы на работы, необходимыми для работы геодезическими инструментами и печатанием изданий отдела; в распоряжении его состояла механическая мастерская.

Картографическое заведение имело в своем составе гравировальню на меди и на камне, меднопечатню, литографию, фотографический павильон, гальванопластику с гелиографурой и военно-топографический склад и ведало картографическими изданиями отдела.

Важнейшие из изданий: 1-верстная и 2-верстная карта западного пограничного пространства, военно-топографическая 3-верстная (о которой и идёт речь), 10-верстная специальная, стратегическая 25 и 40-верстные карты и азиатские издания. Для подготовки военных художников при картографических заведениях имелась школа гравёров.

Грандиозный масштаб работы, проделанный корпусом военных топографов, позволил карте оставаться актуальной на протяжении многих десятилетий. Военно-топографическая карта европейской части России переиздавалась вплоть до 1920 г.

Исходя из маркировки карты (Ряд хх Лист уу), необходимо указать, что 21 фрагмент, представленный 80-ю листами в Витебском областном краеведческом музее, – это листы 6, 7, 8, 9, 10, относящиеся к рядам IX, X, XI, XII, XIII, XIV (таб.1). Они отображают часть современных территорий трёх государств: Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Латвии. Беларусь представлена территориями Витебской области (исключая западные районы) с Витебском, Полоцком, Лепелем, Россонами и Оршей, северо-восточной частью Минской области с Борисовом и Жодино, северной частью Могилёвской области со Шкловом, Горками и Дрибином. Из земли Российской Федерации карта отображает северо-западную часть Смоленской области с Велижем, Рудней, Демидовом, Духовщиной, юго-западную часть Тверской области с городом Западной Двина, южную часть Псковской области с Себежем, Невелем и Великими Луками. Республика Латвия представлена восточными территориями между Даугавпилсом и Резекне с озером Разна. Сравнение военно-топографической карты европейской части России с современными картографическими изданиями позволяет проследить изменение ландшафта (контуров лесов, болот, озёр), названий населённых пунктов и природных объектов, возникновение, развитие и исчезновение некоторых поселений, развитие транспортной сети. В схематичном наглядном виде карта поставяет информацию об уровне развития региона в конце XIX – начале XX вв., о состоянии природных объектов, позволяет оценить масштаб лесов, болот, распределение населения.

Подтверждением значимости военно-топографической карты европейской части России и в начале XX в. являются два штампа. На двух листах кп 007328/17 и кп 007328/33 (оба издания 1915 г.) на обороте стоит овальный фиолетовый штамп «Высшая военная школа летнабов. Учебная часть», который по времени можно отнести к периоду 1920–1940 гг. Летнабы – летчики-наблюдатели – вели наблюдение с воздуха. В современном мире эта профессия используется в лесном хозяйстве для предупреждения пожаров. В данном случае идёт речь о военных лётчиках, использующих (как минимум в обучении) трехверстную карту, на то время имеющую уже 50-летнюю историю успешного функционирования.

1. Военная топографическая карта западной части Российской империи (трехверстная) [Электронный ресурс] // Картолог. Старинные топографические карты уездов и губерний Российской Империи. – Режим доступа: <http://kartolog.ru/2010/01/trexverstnaya-voennaya-topograficheskaya-karta-rossijskoj-imperii/> – Дата доступа: 22.02.2017.
2. Мещеряков, Г.А. Картографические проекции / Г.А. Мещеряков // БСЭ. – 3-е изд. – М., 1973. – Т. 11. – С. 469–474.
3. Опись музейных экспонатов по отделу государственно-общественного быта // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Ф. 6. Д. 1. Л. 38–40.
4. Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1901. – Т. 66. – С. 530.

Приложение 1

Распределение листов военно-топографической карты европейской части России, хранящихся в ВОКМ, по рядам и листам:

ряд	лист 6	лист 7	лист 8	лист 9	лист 10
ряд IX	–	Псковская и Витебская губернии (Опочка)	Псковская и Витебская губернии (оз. Локново)	–	–
ряд X	Витебская губерния (оз. Разно)	Витебская и Псковская губернии (Себеж, оз. Освейское)	Витебская и Псковская губернии (Невель)	Псковская и Витебская губернии (Великие Луки)	Смоленская, Псковская и Витебская губернии
ряд XI	–	Витебская, Виленская губернии (Волынец, Дисна)	Витебская губерния (Езерище)	Витебская и Псковская губернии (Велиж, Усвяты)	Смоленская и Витебская губернии
ряд XII	–	Витебская, Виленская и Минская губернии (Полоцк, Ушачи)	Витебская и Могилёвская губернии (Витебск, Городок, Бешенковичи)	Витебская, Смоленская, Могилёвская губернии (Сураж)	Смоленская и Витебская губернии (Духовщина)
ряд XIII	–	Минская и Витебская губернии (Лепель)	Могилёвская, Витебская губернии (Сенно, Смоляны)	Могилёвская, Смоленская, Витебская губернии (Бабиновичи, Лиозно, Рудня)	–
ряд XIV	–	Минская и Могилёвская губернии (Борисов, Жодино)	Могилёвская и Минская губернии (Толочин, Шклов)	Могилёвская, Смоленская губернии (Орша, Горки, Дрибин)	–

Листы военно-топографической карты европейской части России в ВОКМ.
Отображаемая территория на современной карте.

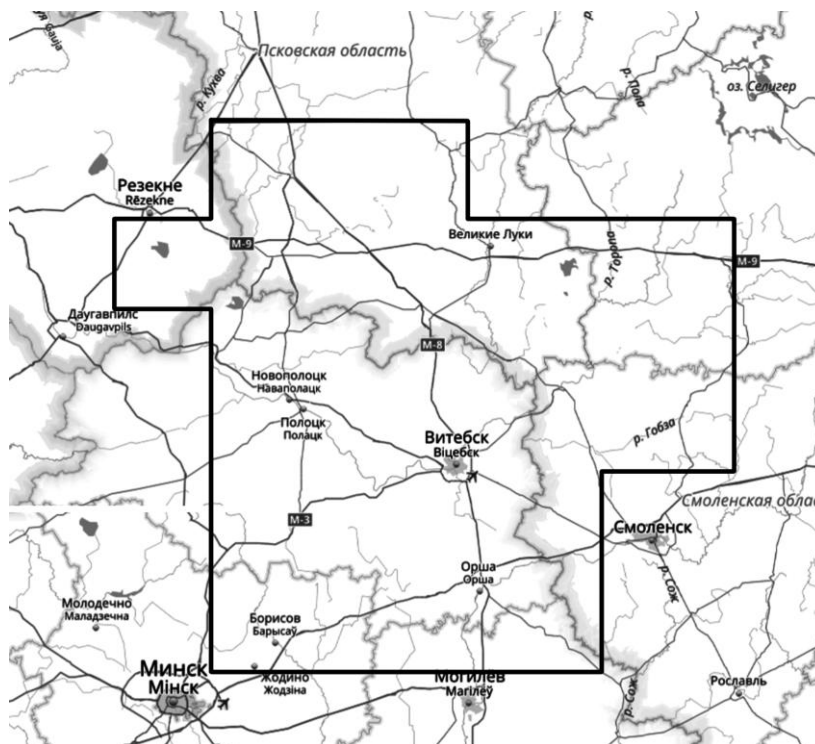

Рис. 1

Соловьева С.В.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ «ОДЕЖДА» И «ТКАНИ» ИЗ СОБРАНИЯ УК «ВОКМ»

Музейная интерпретация – это процесс истолкования объектов культурного и природного наследия на основе научных методов познания в контексте музейного дискурса в целом [7, с. 52]. Музейная вещь обладает сакральным, эстетическим, историко-культурным смыслом, «избыточным» с точки зрения утилитарной прагматики [3, с. 51]. Интерпретация включает в себя исследование смыслов, ценностей и распространение знаний о них через экспозиции, лекции, образовательные программы, инсталляции и т.д. [14, с. 4]. Благодаря интерпретации, происходит понимание языка вещей и осознание самих предметов. Творческий процесс интерпретации, основанный на самостоятельном толковании, позволяет презентовать самые разные темы, материалы, сведения.

Тема 1: Слуцкие пояса. Вторая половина, конец XVIII в. Слуцкие пояса – один из богатейших аксессуаров комплекса сарматского костюма. Следует отметить изящество, разнообразие рисунка, тонкость работы тканых поясов, изготовленных по восточным образцам. В фондах Витебского областного краеведческого музея находится 17 фрагментов предметов. Восемь фрагментов двусторонних четырехлицевых литых поясов (шелк цветной, нить золотная, ткачество) вытканы на Слуцкой мануфактуре (Речь Посполитая). Их орнаменты: овалы с медальоном, цветочно-растительный бегунок; мотив декоративного типа «карумфиль» («гвоздика»); метка «Лео, Ма/жарский». Два шелковых односторонних пояса слуцкого типа и четыре двусторонних вытканы в Липкове (Польша) и Лионе (Франция). Для них характерно усиление европеизации орнамента (розы, ромбические формы). Фрагмент одностороннего пояса Московской фабрики Я. Карпова из шелка украшает мотив «карумфиль», реалистическое изображение. Традиционная одежда шляхты была вытеснена европейским костюмом и пояса использовались для шитья одежды. Некоторые фрагменты поясов коллекции представлены в виде части кроя. Сумочка-саше сшита из пояса Лионской мануфактуры. Для презентации коллекции возможно

использование реконструкций костюмов (сюжетные сценки), фильма о воссоздании предметов (разработки ВГТУ). Проекционная напольная карта даст информацию о городах, мануфактурах, особенностях поясов, их использовании в дальнейшем. Виртуальная экскурсия познакомит с бытом, обычаями и традициями (магнат, подмастерье) [12].

Тема 2: Золотное шитье, предметы конца XVIII – начала XX в. Представленные в фондах музея вещи в заявленный период создавали атмосферу пышности и богатства, являясь одним из самых ярких явлений в искусстве и культуре. Коллекция музея знакомит с приемами декорирования праздничной одежды и включает предметы костюма народного (русского, еврейского, татарского), женского мещанского, мужского светского, культового и военного. Символические изображения многочисленных украшений предметов разъясняют их смысл и назначение, связь с бытом, традициями. Так, русские народные головные уборы замужних женщин сохраняют традиции общеславянской языческой культуры. «Сорока» сшита из кумача, шелка, бархата, золотного галуна. В названиях этого головного убора, его деталей художественный символ – образы птиц: передняя часть называлась очелье, боковые – крылья, задняя часть – хвост. Орнамент выполнен швами «городок», «копытчко», «корзиночка». В музее находятся предметы церковного культа, в т.ч. параман – принадлежность облачения монаха малой схимы с соответствующей символикой. К форменной парадной одежде относится спенсер генеральский времен Николая I, украшенный специальным шитьем «в виде золотых или серебряных гирлянд из дубовых ветвей». Экспонирование подлинников может быть поддержано мультимедийным функционалом. Уместна информация о способах поступления предметов. Предлагается музейное занятие «Путешествие в золотошвейную мастерскую России» [13].

Тема 3: Предметы женского мещанского костюма конца XVIII–XIX в. В фондах музея хранятся короны, безрукавки, юбки из парчи, шелка и бархата комплекса праздничного женского мещанского костюма Витебской губернии. Комплекс одежды с безрукавкой и юбкой сложился под влиянием костюма, бытовавшего в Речи Посполитой. Покрой, используемые ткани предметов имели непосредственную связь с этническими, региональными традициями. В коллекции безрукавки светского кроя с отложным воротником, двубортной застежкой, однобортные, без воротника; сарафанного кроя на широких шлейках. Ткани предметов одежды с рисунками в виде массивного барочного узора, изображениями бабочек, цветущих трав, букетов. В описании одна из безрукавок с нагрудником (брустихлом), служившим оберегом, определена как принадлежность одежды еврейских женщин. Исследователь Н.Я. Никифоровский сообщает о бытовавшей в то время безрукавке: «“китлик” справлялся раз в девической жизни и донашивался потом в первые годы замужества». По определению этнографа М. Романюка, «карона» – это свадебный головной убор «дзяўчыны-мяшчанкі, які насіўся першы месяц пасля замужжа». Предположительно, предметы, подобные фондовым, могли быть предметами свадебного костюма. Расширить представление о разнообразнейших предметах комплекса костюма позволят фотографии, гравюры, литографии XVIII–XIX веков, архивные, литературные материалы, художественно-графические реконструкции. Серия акварелей начала XIX века Ю. Пешки знакомит с занятиями, одеждой жителей Витебска. Информация о предметах оформлена в виде проекта буклета «"Китлик", "брустихл" и "наржутка" – из истории забытых вещей». Презентация коллекции происходит с использованием технологий проецирования изображений (орнаменты, элементы отделки). Исторические реконструкции костюмов могут быть использованы для театрализованных представлений историко-этнографической направленности [8].

Тема 4: Военный костюм. Война 1812 года. Военная форма начала XIX века поражает красочностью, обилием декоративных элементов, разнообразием конструкций и качеством материалов. В музее хранится униформа военных подразделений европейских стран конца XVIII – начала XIX веков. Крой европейского военного мундира оставался в основном неизменным с XVII до первой половины XIX столетия – это тип французского «аби» с 3-шовной не отрезной спинкой. Регламентом 1812 года аби был изменен на «барденовский мундир». Однако мундир «la française» – куртку с длинными фалдами, лацканами, воротником, манжетами продолжали носить. Официально вводится короткофалдовый «хабит-вест», представляющий тип мундира вольтижера. В коллекции брюки французские пехотные, фуражная шапка 1826 года с вышивкой в виде пылающей гренады, праздничный мундир кавалерийского трубача с императорским галуном. Представлена и форма войск стран сателлитов: австрийский мундир офицерский кроя французского «аби» конца XVIII – начала XIX веков. Головные уборы – шляпа-двухуголка

(Бавария), периода 1812 – 1815 годов и шапка офицерская лейб-гвардии уланского его величества полка времен Николая I. Акцент в интерпретации коллекции на эволюции кроя мундиров, конструктивных особенностях одежды, использовании фактов из истории костюма. [11].

Тема 5: Вышивка по канве, вязание, плетение (конец XVIII – середина XIX в.). В собрании музея находятся предметы изящного рукоделия, вещи, используемые в быту и в качестве дополнения к костюму. Выделены коллекции вышивок по хлопчатобумажной и бумажной канве, ткани шерстяными, шелковыми нитями гобеленовым, тамбурным швами, гладью, бисером и стеклярусом; вязания бисером крючком и на спицах; рисунков для вышивок. Информация, полученная при изучении предметов, дает возможность судить об их назначении. Вышитые картины, каминные экраны, мебельная ткань, сонетка для звонка были предназначены для камерного интерьера дворянского особняка; тематика изображений: пасторальные, религиозные, жанровые сцены, пейзажи, цветы. Вышивальщица – дворянка обычно работала за вышивальным столиком или на пьедесталах, её окружали «Энциклопедия изящных искусств» Терезы де Дильмон, модные журналы, печатные рисунки, цветочные словари (символика). Женская «гардеробная» предназначалась для хранения ридикюлей, «лакомки» (сумочки-кармана), саше, кошельков, футляров для зонтика. Мужская «курильная» с диванами, подставкой для курительных трубок, украшенных вязанными чехлами, предполагала наличие табачницы-картуза, кисета [10].

Тема 6: «В Витебск я приехал...». Возможен вариант демонстрации предметов одежды на выставке, созданной на основе материалов фотодокументального фонда музея. Так, проект выставки повествует об известных людях, новаторах в искусстве, посетивших город в конце XIX – начале XX веков; артистической среде Витебска. Программы концертов, афиши, газеты сообщают о приезде знаменитых артистов: С. Рахманинова, А. Вяльцевой, А. Дункан; создании театров, цирка, Народного художественного училища, объединения «Уновис». Литературные портреты города представлены в воспоминаниях писателей и художников. Плоскостной материал дополняется предметами светской одежды. Это боа, бутоньерка, платье, перчатки, жилет, соломенная шляпа. Принадлежность вещей, информация о тканях, особенностях кроя дает ещё один информационный блок. Управляющий Днепровской бумагопрядильной и ткацкой мануфактурой в Дубровно С. Г. Розенблюм, по всей видимости, посещал в Витебске концерты местных и заезжих артистов. В коллекции находятся его фрак, жилет, брюки (1896 г., Франция). Видеоряд, иллюстрирующий рассказ, посвященный знаменитостям, дополняют музыкальные произведения. Возможно создание буклета «В Витебск я приехал...», включающего карту-путеводитель [9].

Тема 7: Коллекция народной одежды конца XIX – середины XX в. Занятия людей: прядение, ткачество, плетение, валяние, набойка, вышивка, шитье, всегда были связаны с изготовлением народной одежды; основным сырьем для которой были лен и шерсть. Этнограф Н.Я. Никифоровский пишет о том, что с середины к концу XIX века начали появляться предметы одежды, изменившие внешний облик крестьянина: «среди разнообразия ... покупных материй на платьях, платках, кожаной обуви, белый “насов”, балахон мелькают, как чужие меж своими» [5, с 194–195]. В фондах музея хранится одежда домотканая, сшитая из фабричных тканей и покупная, городская. Мужская одежда: рубашки-«косоворотки», штаны, свитки, армяки, кисет, пояса. Женская одежда: рубашки туникоподобного, поликового кроя, на кокетке, юбки, передники, «вилочковые» сарафаны, саяны, чепцы, платки, намитки, свитка [1, 2, 5]. Этнограф М.Ф. Романюк выделяет традиционные строи народной одежды историко-этнографического региона Поозерье. Для презентации коллекции возможно экспонирование приспособлений для изготовления одежды в быту (ткацкий станок, набивные доски, кочедыг, рубель, швейная машинка и др.), образцы одежды, обуви. Предметы одежды, интерьерного текстиля Велижского уезда, выполненные Коноплевой А. С., позволяют описать историю целой семьи [9].

Тема 8: Рушники Витебщины конца XIX – середины XX в. Демонстрируя старинные предметы из льна, следует отметить высокие качества материала, который имеет «наилепшья каларыстычныя эффекты и блішчыць, як ядваб (шелк), адрозніваецца ад “мертвой” в эстэтычных адносінах бавоўны» [4]. В ходе изучения коллекции определены орнаментальные, колористические, художественно-технологические, региональные отличия предметов коллекций, их роль в интерьере крестьянского дома. Тематика презентации коллекций: 1. Приспособления для обработки сырья, прядения и ткачества. 2. Техники ткачества и орнаменты. Образы и символика. Типы рушников региона. 3. Крестьянский быт. Обычаи и обрядность. В работе использовались труды этнографов и материалы экспедиций [2, 5]. Благодаря ткацким переплетениям, которые составляют геометрические

орнаменты, объясняется разнообразие техник ткачества. Предметы коллекции выделены по региональному принципу согласно классификации О.А. Лобачевской: В воссозданном интерьере дома представлены рушник-«набожник», свадебный рушник, рушник-«утиральник», «трапках». Разработано занятие «От льняного семечка к домотканному рушнику»: фольклор (местные традиции), демонстрация фильма, зарисовки, простейшие навыки ткачества.

С целью популяризации музейных коллекций предлагаются публикации в СМИ, рекламная продукция в виде издания открыток, изготовления пакетов и пр.; игра-моделирование «Бумажные куклы».

1. Анимеле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимеле // Этнографический сборник Императорского русского географического общества. Выпуск II. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1854. – С. 111–268.
2. Бабровіч, Н.А. Народны касцюм / Н.А. Бабровіч // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. – Т. 2: Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеева, А.М. Боганева, М.А. Козенка і інш.; склад. Т.Ф. Варфаламеева. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – С. 797–827.
3. Ковтун, О.А. Семантика музейной вещи / О.А. Ковтун // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 51–53.
4. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Мінск: Беларус. навука, 1998. – 373 с.
5. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: Этнографические данные / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская Типография, 1895.
6. Салаў'ёва, С.У. П'еса, трагедыя і бенефіс двойчы на дзень. Свецкая хроніка візітаў 100 гадоў таму назад / С. У. Салаў'ёва // Культура. – 2008. – 21 – 27 чэрв. – С. 16–17.
7. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – №5. – С. 47–68.
8. Соловьева, С.В. Предметы женского мещанского костюма из коллекции Витебского областного краеведческого музея конца XIX – XIX веков // С.В. Соловьева // Единство и разнообразие славянского народного костюма: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 28–30 октября 2009 г., г. Смоленск / ред. О.Э. Эрдман. – Смоленск: ГУК Смоленский областной центр народного творчества, 2010. – С. 136–148.
9. Соловьева, С.В. Предметы одежды и интерьерного текстиля семьи Коноплевых Велижского уезда Витебской губернии / С.В. Соловьева // Народная культура Віцебшчыны: вывучэнне, захаванне, папулярызацыя: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 165-годдзю М. Нікіфароўскага, 21 мая 2010 г. / рэдкалегія: Л. Вакар, Л. Кернажыцкая, В. Шышанаў. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2012. – С. 99–105.
10. Соловьева, С.В. «Дамское рукоделие»: вышивка, вязание, плетение». Предметы конца XVIII–XIX веков из фондов ВОКМ // С.В. Соловьева // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковых канферэнцый, 20–21 кастрычніка 2011 г. Віцебск / рэдкал.: Г.У. Савіцкі, В.А. Шышанаў, Н.Ю. Шаркоўская. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. – С. 77–81.
11. Соловьева, С.В. Предметы военного костюма конца XVIII – начала XIX веков в фондах УК «ВОКМ» // С.В. Соловьева // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковых канферэнцый, 14–15 лістапада 2012 г., г. Віцебск / рэдкалегія: Г.У. Савіцкі, В.А. Шышанаў, Н.Ю. Шаркоўская. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2013. – С. 173–176.
12. Соловьева, С. В. Варианты декорирования слущких поясов и поясов слущкого типа. Предметы из собрания Витебского областного краеведческого музея / С. В. Соловьева // Народны тэкстыль і адзенне Віцебшчыны: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, Лепель, снежань 2013 г, 21 мая 2010 г. / рэдкалегія: Л. У. Вакар, З.А. Гукава, С.А. Кухто, М.В. Атрашкевіч, Ю.В. Кісялева, Н.В. Уліновіч. – Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2014. – С. 51–58.
13. Соловьева, С. В. Предметы золотного шитья в коллекции Витебского областного краеведческого музея / С. В. Соловьева // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 150-годдзю з дня нараджэння У.Г. Краснянскага, Віцебск, 17–18 кастрычніка 2013 г. / рэдкал.: Г.У. Савіцкі, В.А. Шышанаў, А.Л. Ісачанка, А.М. Дулаў. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2017. – С. 196–203.
14. Хартия ИКОМОС об интерпретации и презентации достопримечательных мест [Электронный ресурс] – Режим доступа: ICOMOS Ename Charter http://www.enamecharter.org/downloads/ICOMOS_Ename_Charter_RU%2004-11-09.pdf. – Дата доступа: 15.07.2016.

ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Подберёзкин Ф.Д.

CIVITAS DEI SIVE CIVITAS DIABOLI: РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА О ЛИВОНСКОЙ ДАНИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIII ВЕКА)

В своей биографии епископа Риги Альберта исследовательница Гизела Гнегель-Вайтшиес отмечала, что наложенная епископом на неофитов Ливонии церковная десятина «не только предполагала уплату дани Полоцку, но и демонстрировала в то же время желание основать новое княжество» [10, с. 69–70]. Взгляд на рижского епископа как на «церковного князя», рассмотрение ливонской дани в «государственно-юридическом» ключе были характерны для последующей историографии христианизации Ливонии¹. Как кажется, политическая рецепция вопроса о дани ливонских племен рижскому епископу зачастую приводит к искусственным исследовательским построениям. Например, доступный нам из пересказа хрониста Генриха Латвийского договор 1210 г. между епископом Альбертом и полоцким князем зачастую трактуется как вассальный²; политическая трактовка не позволяет объяснить, почему представители Пскова и Новгорода собирали дань с отдельных районов Ливонии, принадлежащих Рижской церкви и независимых от Руси политически, вплоть до конца XIII в.³, почему в разгар борьбы за Юрьев в 1224 г. папа просил христиан Руси помогать ливонским миссионерам [13, р. 70–71]⁴. В целом, политическая трактовка сталкивается с трудностями в объяснении сложных даннических отношений с между Ригой, ливонскими неофитами, Полоцком, Новгородом и Псковом до конца XIII в.

Ниже мы попытаемся объяснить отношения дани между светской и духовной властью в Ливонии эпохи христианизации исходя из богословских особенностей источников ливонской стороны (прежде всего «Хроники» Генриха Латвийского и переписки папы с рижским епископом)⁵. Для этого мы дадим общую характеристику модели «двух градов» блаж. Августина, активно используемой латинской Церковью в XII–XIII веках, обратившись затем к конкретным проявлениям этой модели в Ливонии.

Civitas Dei et civitas diaboli. К началу христианизации Ливонии в католическом богословии прочно утвердилась экклесиология блаж. Августина. Согласно ей, человечество разделяется на два объединения – «град Божий» (*civitas Dei*) и «град диавольский» (*civitas diaboli*). В *civitas Dei* живут все праведные – как наследники ветхого завета, так и язычники-неофиты нового завета. Под *civitas diaboli* (либо *civitas terrena* – «град земной») долгое время имелась ввиду мирская власть римских императоров-язычников (которым платилась дань и оказывалось гражданское повиновение). Во времена Римской империи средневековья, императоры-христиане представляли земную власть (*civitas terrena*)⁶. В отношении *civitas Dei* применялись новозаветные аллегории Тела Христова⁷, плодоносящей и нежной матери¹ и т.п. После легализации своего поло-

¹ Например, для Е.Л. Назаровой [3, 4]. Понятие «государственно-правового» понимания дани епископу приводит в обобщающей монографии по русско-ливонским отношениям Анти Селарт – не полемизируя с ним [15, с. 85].

² В пересказе Генриха о вассальной присяге Альберта ничего не сказано. Однако Вера Матузова и Евгения Назарова считают, что «беря на себя выплату ливонской дани, епископ Альберт формально признавал себя вассалом полоцкого князя и германского императора. Вполне вероятно, что существовал текст договора, которым пользовался хронист при работе над своим сочинением» [2, с. 163]. Приписывая епископу Альберту двойной вассалитет, исследовательницы не берут в расчет выводов немецкого историка Манфреда Хельманна, убедительно доказавшего декларативный характер ленного статуса Ливонии по отношению к империи в данный период [12].

³ Яркий пример – область Толова, дань с которой русские собирали вплоть до конца XIII в. Это обстоятельство позволило историкам возводить истоки знаменитой «юрьевской дани» к дани жителей Толовы Пскову [8].

⁴ В своём письме папа сравнивает христиан (в том числе русских) с Израилем, а язычников (очевидно, литовцев) с Амаликитянами. Таким образом, применяется библейский образ Аарона и Ора, поддерживавших руки молящегося Моисея во время битвы израильтян с амаликитянами (Исход 17:12).

⁵ Подобную работу в отношении христианизации Мекленбурга и главного источника по проблеме – хронике Хельмольда из Босау – проводил российский исследователь Дмитрий Егоров [1]. На эту работу автору любезно указал российский специалист по германике летописных текстов И.Н. Данилевский. Общие представления о богословских конструктах ливонских пилигримов первой четверти XIII в. изложены в моей статье [5].

⁶ Подробнее о средневековой экклесиологии и «общине верных» [9, с. 223–226, 303–311].

⁷ 1 Кор., 12:15–27 (ст. 27: «и вы – Тело Христово, а порознь – члены»).

жения Римская церковь постепенно разрабатывает богословие церковных пожертвований и десятин, которое на теоретическом уровне позволяло *civitas Dei* и *civitas terrena* бесконфликтно сожительствовавшие на земле согласно принципу «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20:25). Наряду с воспринятой еще у апостолов идеей подчинения светской власти (Рим. 13:1–3), в оправдание церковных даров приводили следующий отрывок из послания ап. Павла римской церкви: «Ибо Македония и Ахавия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Ибо если язычники сделались участниками в их [иудеев, прообраза Церкви Нового Завета – Ф.П.] духовном, то должны и им послужить в телесном» (Рим. 15:27).

Таким образом, на основании павлического и августиновского богословия материальное обеспечение Церкви неопитами приобретало духовную значимость [14], имело другое измерение нежели подчинение и дань светской власти и потому не противоречило ему.

Civitas Dei в Ливонии. На основании библейских аллегорий, употребляемых в «Хронике» Генриха Латвийского, а также переписке папы с епископом Рижским можно определить Церковь в Ливонии как «*civitas Dei*» в евангельском смысле: это плодоносящая «мать» [11, s. 201–202], «свет сидящим во тьме» [13]², призванные к «единому телу и единой душе» [Ibidem, p. 41]³, возглавлены «избранным от Господа для проповеди язычникам» епископом Рижским [Ibidem, p. 51]⁴, заботящиеся о нищих [13, p. 52].

Кесарево – кесарю. Можно предположить, что эффективная модель сосуществования даннических отношений между Церковью и светской властью в средневековой Европе могла быть перенесена в Ливонию. Как отметил Б.Н. Флоря, отношения Руси и латинского мира в первой четверти XIII в. еще не носили характер конфессионального противостояния [7, с. 129]; чаще наоборот – «Хроника» Генриха свидетельствует о сотрудничестве латинян и православных в деле крещения язычников и о восприятии русских как «сохристиан»⁵. Следовательно, к ливонским неопитам могла применяться формула «*civitas Dei*», а к их светским владыкам – полоцкому князю, Пскову и Новгороду – «*civitas diaboli*» или «*civitas terrena*». Согласно такому пониманию, новообращенные могли одновременно платить дань своим духовным и светским владыкам – точно так же, как десятина и феодальная рента платились в других странах латинского мира. Это позволяет объяснить, почему изгнанный из Пскова в 1212 г. [6, с. 77] князь Владимир Мстиславич получил от епископа Альберта право на сбор дани [11, s. 115], а псковичи и новгородцы вплоть до конца XIII в. собирали дань с отдельных районов Ливонии, относящихся к администрации ливонских епископов. Соответственно, известный договор 1210 г. о распределении ливской дани между Полоцком и Ригой следует рассматривать не как вассальную присягу рижского епископа (о ней хронист Генрих прямо ничего не сообщает), а как попытку упорядочить дань для светского и духовного правителя одновременно. В то же самое время упомянутая выше характеристика «*civitas Dei*» как «матери кормящей» употребляется в отношении русской Церкви в отрицательном смысле, отмечая разочарование хрониста Генриха в деле совместной христианизации ливонских народов в конце первой четверти XIII в.: «*una mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliolum terras sibi subjugare conatur*» [11, s. 202].

Выводы. Модель «двух градов» относительно раннего этапа христианизации Ливонии может рассматриваться как герменевтический ключ к тексту «Хроники» Генриха Латвийского по вопросу ливонской дани – на это указывают прямые коннотации «*civitas Dei*» в источнике («мать», «свет», апостольское избрание и т.п.). События, относящиеся к спору о ливонской дани между русскими и Рижской церковью в первой четверти XIII в. позволяют сказать, что характеристики «*civitas Dei*» были не просто «жаргоном» хрониста, но находили реальное применение на практике христианизации – попытках епископа Альберта упорядочить сбор дани с ливов между светской и духовной властью, сотрудничестве с русскими князьями в деле крещения. Однако в последующем данная модель оказалась неудачной: об этом свидетельствует как

¹ 1 Фесс., 2:7: «подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими»). Аллегорично матери активно использовал в своих поведях Григорий Великий (Ibidem, s. 307).

² Ср., например, Мф. 4:16 с «*lucem magnam sergere*» у папы.

³ Ср. «*cor unum at anima una*» с Рим. 15:5–6 и Еф. 4:13.

⁴ «*electus a Domino an gentibus praedicator*». Здесь прямая отсылка к ап. Павлу (ср. Рим. 1:1, 11:13).

⁵ «*Bis zum Frühjahr 1216 bestand vielmehr eine deutsch-russische Allianz*» (см. примечание 2 в [11, s. 74]. Крещение русских приравнивается к апостольской бане возрождения («*ad sacre regenerationis lavacrum consummandum*» – [Ibidem]). Русские называются «сохристианами» («*conchristiani*», [Ibidem, s. 71]).

отказ ливов служить «двум господам» и отказ полоцкого князя от ливской дани, так и прекращение выплат эстов и латгалов Новгороду и Пскову в конце XIII в. Вопрос о причине окончания русско-ливонского сотрудничества по вопросу о дани – конфессиональный конфликт 30–40-х гг. XIII в. или переход на исключительно политическое и торговое взаимодействие после 1270 г. – лежит за пределами настоящего исследования.

1. Егоров, Д.Н. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. Материал и метод; Т. II. Процесс колонизации / Д.Н. Егоров. – М.: А.Левенсон, 1915. – 567 с.; 614 с.
2. Матузова, В.И. Крестоносцы и Русь. Конец XIII в. – 1270 г. Тексты, переводы, комментарии / В.И. Матузова, Е.Л. Назарова. – М.: Индрик, 2002. – 450 с.
3. Назарова, Е.Л. Латгальская дань в системе отношений между Новгородом и Псковом / Е.Л. Назарова // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства / VIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 1996. – С. 107–110.
4. Назарова, Е.Л. Регион Западной Двины в эпоху смены политического влияния. Конец XII в. / Е.Л. Назарова // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимодействий. – М., 1995. – С. 71–82.
5. Подберёзкин, Ф.Д. Братья-ефремяне: Русь начала XIII в. глазами ливонских пилигримов / Ф.Д. Подберёзкин // Colloquia Russica. – 2016. – Сер. 1, Т. 6. – Краков. – С. 131–136.
6. Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А.Н. Насонова. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 370 с.
7. Флоря, Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира. XIII век / Б. Н. Флоря. – СПб. : Алетей, 2004. – 250 с.
8. Юрьенс, И.И. Вопрос о ливонской дани / И.И. Юрьенс // Варшавские университетские известия. – 1913. – вып. VI. – С. 1–8; Вып. VII. – С. 9–16; Вып. VIII. – С. 17–32; Вып. IX. – С. 33–57.
9. Angenendt, A. Geschichte der Religiosität im Mittelalter / A. Angenendt. – Darmstadt: Primus, 2009. – 986 s.
10. Gnegel-Waitschies, G. Bischof Albert von Riga. Ein Bremer Domherr als Kirchenfürst im Osten (1199–1229) / G. Gnegel-Waitschies. – Hamburg : Velmede, 1958. – 187 s.
11. Heinrichs Livländische Chronik / Hrsg. von L. Arbusow und Albert Bauer. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955. – 320 s.
12. Hellmann, M. Livland und das Reich. Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen / M. Hellmann. – München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1989. – 35 s.
13. Liv-, est-, und curländisches Urkundenbuch / Hrsg. von von Dr. F.G. von Bunge. – Bd.1. – Reval : in Comission bei Kluge und Ströhm, 1853. – 687 s.
14. Popkes, W. «Gemeinschaft» / W. Popkes // Reallexicon für Antike und Christentum. – 1978. – Bd. 9, 1100–1145
15. Selart, A. Livland und die Rus` im 13. Jahrhundert / A. Selart. – Köln, Weimar, Wien : Böhlau, 2007. – 373 s.

Зимницкий А.А.

«ЛИТВА ЖЕ И ДТВЪЗЪ ВОЕВАХОУИ»:

ЛИТВА В КОНТЕКСТЕ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ГАЛИЦКОЙ ЛЕТОПИСИ

Русь XIII века. Череда военных столкновений, политических интриг, заключаемых и расторгаемых союзов. А кроме того: расцвет городов, материальной культуры и всепроникающих династических связей. Апокалиптическое нашествие татар и «выход из лесов литвы» – становление последней «языческой империи» [12; 16] – ничто из перечисленного не могло пройти мимо взгляда летописца.

Галицко-Волынская летопись (сокращённо ГВЛ), в этом отношении является бездонным источником политической и военной истории Восточной Европы. Часть этих сведений, кроме того, носит биографический характер, описывая периоды правления таких литовских князей, как Миндовг, Войшелк, Тренята и Тройден [17, с. 486], другие же касаются только отдельных упоминаний о литовских набегах. Уникальность и ценность этой информации, в значительной степени обусловлена спецификой самого памятника, и тем литературным своеобразием, которым он обладает. Данные вопросы затрагивались целой плеядой исследователей [3; 7; 9; 10; 18]. Вопрос структуры ГВЛ и границы разделения на Галицкую летопись (далее – ГЛ) и Волынскую в наиболее приемлемом и подытоживающем варианте, обоснованным с лингвистической точки зрения, выдвинула И.С. Юрьева, ограничив Галицкую часть летописи 1201–1260 гг. (соответственно статьи 6709–6768¹) [19, с.66]. Такие же рамки очертил в своё время и А.В.Ужанков, убедительно обосновав кроме того границу двух редакций внутри ГЛ (первая редакция – статьи 6709–6758, вторая – 6759–6768) [15, с. 324]. Данное разделение нашло своё отражение и в отображении литвы на страницах летописи.

В первой редакции упоминания единичны и отрывочны (за исключением договора 1219 г. [6, с. 736–737]), а во второй (вероятно исходя из современности автору происходящих событий) –

¹ Утратившие свою хронологическую ценность [8, с.73], даты «от сотворения мира» использованы нами в качестве текстологических маркеров.

объёмны и подробны. Перечень сведений связанных с литвой, и вариативность данного понятия помещённого в первой редакции ГЛ и стали предметом данного исследования.

Первое упоминание литвы на страницах ГЛ относится к 1210 г. [3, с. 10] и помещено в статье 6713 [6, с.722]. События, описанные в данном отрывке, указывают нам на военных характер использованного термина, подразумевая под собой отряд, проводивший военные акции на прилегающих землях. Данная форма, в тексте разбираемого источника, является самой распространённой. В дальнейшем, можно разделить данные акции:

1. исходя из сюжета и общего контекста:
 - а) на союзные Романовичам рейды
 - б) на враждебные Романовичам рейды
2. исходя из информативности:
 - а) персонифицированные – ст. 6743 «литва Миндовга» [6, с. 777], ст. 6754 Айшвино Рушкович [6, с. 798–799], ст. 6755 Лековний/Лонькогвений [6, с.799], ст. 6757 Миндовг [6, с. 802]
 - б) «безликие» статьи: 6713 [6, с.722], 6723 [6, с.737], 6729 [6, с.740], 6737 [6, с. 755], 6749 [6, с. 793]

Традиция персонификации литвы, была заложена именно в ГЛ. Уже в упоминаемом ранее мирном договоре 1219 г., помещён объёмный список литовских князей. Данная летописная статья, стала камнем преткновения многих историков [11, 21–23 и др.], в попытках охарактеризовать процесс политогенеза внутри литвы, и влияния литовско-русских взаимоотношений на военную и политическую карту региона.

Попытаемся рассмотреть данный договор подробнее. Исходя из практических побуждений удобочитаемости, данный текст о мире, можно разделить на несколько частей, предложенных В. Янкаускасом [20, с. 118] (и в пункте 2 дополнительно раздроблённый нами), по ходу повествования комментируя каждую из них:

1. известие о прибытии литовских посланников к Романовичам: *«Бжѣимъ повелениемъ при-
слаша князи Литовьскии к великою княгини Романовъ и Данилови и Василкови миръ да(р)юицъ*

– в данном случае, можно отметить, что летописец вероятно преднамеренно, даёт понять статусные различия между «великой княгиней», и просто «князьями» [21, с. 115–122], что так же проявляется в упрощённой форме словоупотребления «литвы» (а не например «земли литовской», которая впервые появляется только во второй редакции ГЛ» [6, с. 816]).

– как свидетельствует дальнейший текст, литовские князья – это совокупность региональных и родовых лидеров.

2. список литовских князей: *блаху же имена Литовьскихъ князеи*
 - а) *се старъшеи* *Живинъбоудъ Давъальт Довъспрункъ братъ его Мидогъ братъ Довъселовъ Виликашль*

б) *а Жемотьскъи* *кназъ Ерьдивиль Выкъинтъ*

с) *а Роушьковичевъ* *Кинтибоутъ Вонибоутъ Боутовить Вижтъикъ и снъ его Вишлии Ките-
нии Пликосова*

д) *а се Булевици* *Вишимоут его же оуби Миндого тъ и женоу его полъ и братью его
побиль Едивила Спрудъика*

е) *а се князи из Даволтъв* *Юдьки Поуктъикъ Бикии Ликишкъ*

– Первое что бросается в глаза, это наличие обширного упоминания индивидуальных имён литовской элиты – персонификация не характерная для ранних упоминаний о литве в письменных источниках Древней Руси [4–5]. Так же их региональная, родовая, и семейная привязка. Данный факт указывает на осведомлённость автора ГЛ в этом вопросе, что позволяет согласиться с Котляром в предположении о использовании летописцем каких то архивных данных [1, с.188], отмечая правда, что это предположение расширяется и на прочие упоминания персональных имён, а так же подробностей касательных литовских набегов.

– при перечислении князей Булевичей, имеется ретроспективная вставка, касательная судьбы Вышимута, погибшего при осаде Миндовгом города Твиремета в 1249 г. [6, с. 819; 1, с. 269].

– смешанность территориальной и родовой принадлежности князей, что может объясняться не соответствием власти, того или иного рода с этнической территорией того или иного племени [17, с. 120].

– исходя из логики повествования, при наличии «старших», остальные князья вероятно считались «младшими»

3. информация о заключении мирного договора: *си же вси миръ даша князю Данилови и Василкоу и бѣ земля покоина*

– отсутствие в источниках сведений о литовских набегах, после данной дипломатической акции литовских князей, свидетельствует о действительном сохранении нерушимого мира до столкновения 1229 г. [6, с. 755].

4. известие о походе литовцев в Польшу: *Ляхом же не престающимъ пакостящимъ и приведе на на Литвою И воеваща Ляхы и много оубиства створиша в нихъ*

– кроме дипломатического мира, был заключён и договор о военном сотрудничестве, довольно распространённое явление для литвы того времени.

Характеризуя договор в целом, можно отметить определённую схожесть в перечисления литовских князей с князьями древнерусскими на совете в Киеве 1222 г., перед битвой на Калке: *«Тогда бо бѣахоуть Мьстиславъ Романовичъ в Къивѣ а Мьстиславъ в Козельскѣ и в Черниговѣ а Мьстиславъ Мьстиславичъ в Галичѣ то бо бѣахоу старѣишии в Роуской земли Юрьа же княза великого Соуждальского не бѣ в томъ свѣтъ се же паки млади князи Даниль Романовичъ Михаилъ Всеволодичъ Всеволодъ Мьстиславичъ Къивѣскыи инии мнози (мнози)»* [6, с. 742]

– что может указывать на определённую шаблонность при описании событий связанных с принятием важных внешнеполитических решений.

Так же в первой редакции дважды упоминается литва в географическом смысле. В статьях 6743 и 6757, используются выражение «Ростиславъ сошель естъ на Литвою» [6, с. 778] и «посласта в Литвою» [6, с. 802], где предлоги «в» и «на» указывает на пространственное отношение действия [13, с. 499; 14, с.12].

Таким образом, можно подытожить. Употребление термина «литва» в первой редакции ГЛ сопоставимо с принятым в летописной традиции упрощённым, «отэтнонемецким» обозначением догосударственных общностей, по аналогии с: «древляне», «поляне», «кривичи», «чудь», и др. [2, с.12]. В первой половине XIII в., ретроспективный взгляд летописца ещё не видит в литве суверенного государства (которое можно назвать «землёй» [2, с. 25]), равного по своему статусу и статусу своих правителей Руси. Именно этим фактом обусловлено упрощённое военное и географическое использование термина «литва», а также не соответствие титулатуры в договоре 1219 г.

В то же время, уже намечается тенденция к пересмотру сложившегося порядка вещей. Сведения о литве становятся более информативными. Появляется персональная привязка этих сведений. Одной из важных причин появления данной персонификации после разрыва договора 1219 г., на наш взгляд, является желание летописца подчеркнуть союзный характер действий Миндовага, на фоне столкновений между Романовичами и остальными литовскими князьями. Исключительное внимание к Миндовгу нашло своё отражение и в самом тексте мирного договора, в виде ретроспективной вставки о судьбе Вышимута.

Отмеченная выше схожесть в перечислении литовских князей и князей русских, а главным образом их разделение на «старших» и «младших», позволяет поставить вопрос о правдивости данного разделения в русско-литовском договоре. Не было ли оно обусловлено реалиями древнерусской политической жизни перенесёнными на литовское общество? Или же иерархия политических элит литвы была идентична древнерусской? Ответы на данные вопросы могут быть даны только по результатам дальнейшего текстологического и контекстуального изучения письменных источников.

1. Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / за ред. М.Ф. Котляра. – К., 2002. – 400 с.
2. Горский, А.А. Земли и волости / А.А.Горский // Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – С.11–32.
3. Грушевський, М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи / М.С. Грушевський // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. – Львів, 1901. – Т. 41. – С.1–72.
4. Зімніцкі, А.А. “Языци, иже дань даютъ Руси.” Да пытання данніцкай залежнасці литвы ў XI ст. (па матэрыялах пісьмовых крыніцах) / А.А. Зімніцкі // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. : сборник научных статей / редкол.: В.А. Гайсёнок [и др.]. – Минск : РИВШ, 2016. – Вып. 16. – С. 375–380.
5. Зімніцкі, А.А. Роля литвы ў міжусобіцы Ўсяславаў сярэдзіны XII ст. / А.А. Зімніцкі // Беларускае Падзвінне : вопыт, метадыка і вынікі палітычных і міждyscyплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полацкі дзярж. ун-т; пад агул. рэд.: Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк, 2016. – Ч. 2. – С. 24–27.
6. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – 2-е изд. – СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. – 938 с.
7. Карамзин, Н.М. История государства российского: в 3-х книгах / Н.М. Карамзин. – СПб.: Кристалл, 2000. – Кн. 1. – Т.3 – 703 с.
8. Котляр, М.Ф. До проблеми хронології Галицько-Волинського літопису / М.Ф. Котляр // Україна: Культурна спадщина, національна свідомість, державність [текст] : зб. наук. пр. / НАН України, Ін-т українознав. ім. І. Крип'якевича. – Л.: [б. в.], 1992–2006–2007. – Вип. 15 – С.73–81.
9. Котляр, М.Ф. Структура і жанр Галицько-Волинського літопису / М.Ф. Котляр // Ruthenica: зб. наук. пр. – Т. 3 / НАН України. Ін-т історії України; наук. ред.: В.М. Ричка, О.П. Толочко. – К., 2004. – 135–149 с.

10. Пашуто, В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В.Т. Пашуто. – М. : Институт истории, 1950. – 333 с.
11. Пашуто, В.Т. Образование литовского государства / В.Т. Пашуто. – М. : АН СССР, 1959. – 531 с.
12. Роўэл, С. Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345 / С. Роўэл; пер. з англ. мовы А. Мікуса. – Мінск : Медысонт, 2015. – 423 с.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. – М. : Рус. яз., 1988. – 526 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 10. – М., Наука, 1983. – 325 с.
15. Ужанков, А.Н. Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. / А.Н. Ужанков. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 440 с.
16. Феннел, Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел; вступ. ст. и общ. ред. А.Л. Хорошкевич и А.И. Плигузова. – М.: Прогресс, 1989. – 296 с.
17. Чамярыцкі, В. Галіцка-Валынскі летапіс / В. Чамярыцкі // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1. – Мінск : БелЭн, 2005. – 486 с.
18. Черепнин, Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. – Т. 12. – С. 228–253.
19. Юрьева, И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями / И.С. Юрьева // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования / Jitka Komendová a kol. – Olomouc, 2016. – С. 65–79.
20. Янкаускас, В. Русско-литовский договор 1219 года и внутривосточные отношения в Литве в первой четверти XIII века / В.Янкаускас // Colloquia Russica. – Series I, vol. 5. – Kraków–Bratislava, 2015. – S. 115–121.
21. Gudavičius, E. Mindaugas / Lietuvos istorijos institutas / E. Gudavičius. – Vilnius : Žara, 1998. – 359 p.
22. Łowmiański, H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1983. – 423 s.
23. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański. – Wrocław 1982. – 200 s.

Гагуа Р.Б., Жилевич О.Ф. **ОСТРОВСКИЕ АКТЫ КНЯГИНИ АННЫ**

В 1392 г. закончилась междоусобная война между князем литовским Витовтом с одной стороны и литовским князем Скиргайло с другой. В войне Витовта поддерживал Тевтонский орден, предоставивший ему в своих землях несколько замков во владение. В свою очередь значительную военную поддержку Скиргайло оказывал его родной брат, король Польши и наивысший князь литовский Ягайло. Король усилил гарнизоны ряда замков в Великом княжестве Литовском. Кроме того, Польша независимо от Скиргайло вела военные действия против Ордена на южных рубежах государства крестоносцев [7].

В 1392 г. Ягайло предпринял ряд шагов по урегулированию конфликта между Витовтом и Скиргайло. В июле 1392 г. в Риттерсвердер, где находился князь Витовт, приехал Генрих Мазовецкий. Он обратился к Витовту с просьбой выдать за него замуж свою сестру Рингайлу, на что получил согласие князя. Незамедлительно был проведён обряд бракосочетания [6, с. 647; 8, с. 179].

Генрих выполнял также тайную миссию польского короля. Он уведомил князя о желании Ягайло и Скиргайло заключить с ним мир и передать ему во владение Троцкую землю. [8, с. 179].

26 июля князь сжёг Риттерсвердер и двинулся Меттенбургу [6, с. 648; 8, с. 180]. Витовт разрушил Меттенбург, после чего подошёл к замку Нойгартен. Гарнизон замка был выслан, бургграф пленён, Нойгартен предан огню, после чего Витовт с княгиней Анной и своими людьми покинул земли Ордена [6, с. 648].

В августе 1392 г. в имении Остров близ Лиды состоялась встреча между Витовтом и Ягайло, в ходе которой, фактически, был положен конец междоусобной войне в Великом княжестве Литовском, длившейся почти 2 года. В историографии данное событие получило название Островского соглашения.

В Острове было написано три документа: один от имени Витовта и два от лица его супруги Анны [1, с. 26–29].

Хотя документ Витовта является основным из них, акты Анны представляют для историка не меньший интерес. Они являют собой типичный пример официального документального поручительства в средневековой юридической практике.

Публикации и переводы. Островские акты были введены в научный оборот ещё в XIX столетии, однако до сих пор в исторической литературе существует ряд нерешённых вопросов, связанных с датировкой, статусом и правовым содержанием этих документов. В настоящее время выполнен перевод на русский язык только одного из Островских актов, написанного от лица Витовта [7, с. 29–30]. Документы Анны на восточнославянские языки не переводились.

Оригиналы актов в результате событий, связанных с разделами Речи Посполитой были разделены и в настоящий момент хранятся в различных архивах. Письмо, в котором Анна ручается

за своего супруга перед Ягайло, находится на хранении в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге (Российская федерация) [10]. Второе письмо, в котором княгиня ручается за Витовта перед польской королевой Ядвигой, хранится в частном фонде Чарторыйских в Кракове (Польша) [9].

Островские акты несколько раз публиковались целиком на языке оригинала. Впервые один из трёх документов – присяга Анны королеве Ядвиге – был напечатан в 1876 году А. Соколовским и Ю. Шуйским на основании копии, выполненной в XIII веке А. Нарушевичем [3, с. 16]. В 1882 году А. Прохаска поместил текст второго письма княгини Анны в «Эпистолярном кодексе Витовта...» [4, с. 16]. Только в 1932 году С. Кутшеба и В. Семкович в «Актах унии Польши с Литвой» опубликовали оба письма княгини Анны вместе с Островским актом Витовта [1, с. 26 – 29].

Описание. Оба оригинальных документа Анны находятся в состоянии очень хорошей сохранности. Оба письма аккуратно написаны готическим минускулом одним и тем же неразмашистым почерком [9;10]. Оригинал письма с присягой княгини Анны Ягелло представляет собой пергаментный документ с размерами: высота – 31,5 см; ширина – 13 см; снизу пергамент завернут полосой 31,5 на 4,7 см.

Сквозь два отверстия, пробитых в документе и завернутой пергаментной полосе, пропущен шёлковый шнурок, сплетённый из нитей малинового и бронзового цветов. У концов шнурок скрепён неокрашенным воском, в центре которого находится оттиск круглой печати на красном воске диаметром 2,8 см. Оттиск изображает женщину, восседающую на престоле с двумя маленькими детьми на коленях. Изображение взято в крест, образованный четырьмя дугообразными линиями. Легенда печати расположена с краю по кругу между двух окружностей, составленных из соединённых между собой бусинок [10]. Оригинал письма с присягой княгини Анны Ядвиге представляет собой пергаментный документ с размерами: высота – 23,8 см; ширина – 15 см; снизу пергамент завернут полосой 23,8 на 4,3 см.

Сквозь два отверстия, пробитых в документе и завернутой пергаментной полосе, пропущен шёлковый шнурок, сплетённый из нитей малинового и бронзового цветов. Неокрашенная восковая часть привешенной печати повреждена снизу. Оттиск печати тот же самый, что и на первом документе [9].

На настоящий момент это единственная известная печать княгини Анны. Её ценность для исследователей, на наш взгляд, представляется огромной, поскольку печать, во-первых, содержит единственное прижизненное изображение княгини. Во-вторых, изображение детей на печати свидетельствует, как минимум о том, что Софья была не единственным ребёнком Витовта.

Датировка. Публикуя письма княгини Анны, А. Соколовски, Ю. Шуйски, С. Кутшеба, В. Семкович датировали его 4 августа 1392 года [3, с. 16; 1, с. 26–29]. Под этой же датой содержание одного из писем княгини пересказал в своей «Сокровищнице...» И. Данилович [5, с. 294]. Только А. Прохаска датировал документ Анны 5-м августа, что С. Кутшеба и В. Семкович сочли ошибкой [4, с. 16; 1, с. 16–29].

Ещё до недавнего времени большинство историков и архивистов, обращаясь к Островскому соглашению, однозначно указывали, что оно состоялось 4 августа 1392 года.

Основанием для этого послужила дата, проставленная в островских актах Витовта и Анны: «дано в острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй» [9; 10].

День Св. Доминика Католическая церковь отмечает 8 августа (в связи с этим в одной из своих статей я ошибочно датировал Островские акты именно так) [7, с. 29–30]. Однако до 1969 года, когда Папа Павел VI провёл реорганизацию литургического года, этот праздник отмечался 4 августа, что и дало повод историком датировать островские документы этим числом.

Праздник Св. Доминика отмечался католиками 4 августа тоже не всегда. Этот день был установлен согласно литургической реформе Папы Пия V в 1568 году вместе с введением Тридентского литургического календаря. До 1568 года день Св. Доминика отмечался 5 августа [2, с. 100].

Акты в Острове были написаны в 1392 году, то есть до каких-либо литургических изменений и должны быть датированы 5 августа. Соответственно требуется корректировка даты самого Островского соглашения: оно было заключено не 4-ого, а 5 августа 1392 г.

Форма. Оба письма княгини Анны написаны однотипно. Более чем на 90% их содержание дословно совпадает. Однако они значительно отличаются от Островского акта Витовта. Так в письмах Анны отсутствует, содержащаяся в документе её супруга преамбула: «В имя Господне

верую». Письма княгини не отражают обязательств по отношению к Ягайло, Ядвиге и Польской короне, которые взял на себя Витовт, а только ссылаются на них.

Письма начинаются с формального перечисления регалий, в которых подчёркнуты, очевидно, претензии Витовта (и соответственно его супруги) на владение Троками и Луцком: «*Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д.*»

В конце текстов засвидетельствовано то, что письма скреплены печатью Анны и указано место – Остров, а также время их написания – день Святого Доминика 1392 года [9; 10].

Содержание. Одно письмо Анны обращено королю Польши Ягайло (Владиславу), второе – к польской королеве, первой супруге Ягайло Ядвиге. Княгиня ручается, что её супруг Витовт будет придерживаться всех своих обещаний, изложенных письменно. Далее особо подчёркивается, что ни Витовт ни его потомки никогда не изменят Польской короне и будут сражаться против её врагов после того, как «*займёт свой пост*». О каком положении идёт речь ни из писем Анны, ни из акта Витовта неясно. Данная неопределённость привела к широкому распространению в историографии мнения, что в результате Островского соглашения Витовт принял титул великого князя литовского. На ошибочность данного суждения указывает как непосредственно сам Островский акт князя, так и некоторые другие документы. Особенно ярко о том, что Витовт позиционировался в указанное время не более чем один из «князей Литвы», свидетельствует Белзский документ Ягайло от 6 декабря 1392 года [9; 10]

Перевод (курсивом выделены различающиеся части)

1) Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д. свидетельствуем смиренно тем всем, кто (этот документ) получит, как в настоящем так и в будущем, что доброй нашей верой, без злых намерений и какого-либо злого умысла присягаем, в отношении царственного владыки господина Александра, по-другому Витовта, супруга нашего безмерно любимого, что всем и отдельным пунктам, изложенным и записанным в письмах своих, *царственному владыке господину Владиславу, королю Польши*, данных, смиренно следовать должен и везде нерушимо соблюдать их без обмана. И особенно, что тот же господин Александр, по-другому Витовт, супруг наш безмерно любимый, Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен, так же как и его потомки, всегда с *вышеупомянутым господином Владиславом, королём*, стоять и сражаться должен против его противников и врагов, как только пост свой займёт, и в вечные времена.

И мы, Анна вышеупомянутая, за всё вышенаписанное смиренно также присягу приносим и свидетельствуем без лукавства.

Эти письма скрепляя, наша печать привешена.

Написано и дано в Острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй [10].

2) Анна, Божьей милостью княгиня Литвы, владельница Троцкая, Луцкая и т.д. свидетельствуем смиренно тем всем, кто (этот документ) получит, что доброй нашей верой, без злых намерений и какого-либо злого умысла присягаем, в отношении царственного владыки господина Александра, по-другому Витовта, супруга нашего безмерно любимого, что всем и отдельным пунктам, изложенным и записанным в письмах своих, *царственной владычице госпоже Ядвиге, королеве Польши*, данных, смиренно следовать должен и везде нерушимо соблюдать их без обмана. И особенно, что тот же господин Александр, по-другому Витовт, супруг наш безмерно любимый, Королевству и королю короны Польской никогда изменить не должен, так же, как и его потомки, всегда с *вышеупомянутой госпожой Ядвигой, королевой*, против её противников сражаться, как только пост свой займёт, и в вечные времена.

И мы, Анна вышеупомянутая, за всё вышенаписанное смиренно также присягу приносим и свидетельствуем без лукавства.

Эти письма скрепляя, наша печать привешена.

Написано и дано в Острове в самый день Святого Доминика в год Господень тысяча триста девяносто второй [9].

Таким образом, Островские акты Анны представляют собой ценный исторический источник по сфрагистике, генеалогии, палеографии и истории. Они позволяют внести существенные корректировки в исторический нарратив, уточнить ряд аспектов, связанных с исследованием персоналий Витовта, Анны, а также расширить наши представления, касающиеся данного исторического времени.

1. Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791. – Kraków : Skł. gł. w księg. Gebethnera i Wolffa, 1932. – 570 s.
2. Calendarium Romanum. – Vaticana : Libreria Editrice Vaticana, 1969. – 177 p.
3. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. – Т. 1. – Kraków : Drukarnia "Czasu", 1876. – 158 s.
4. Codex epistolaris Vitoldi Magni ducis Lithuaniae 1376–1430. – Kraków : Sumptibus Acad. 5. Literarum Cracoviensis, 1882. – 1113 s.
5. Daniłowicz, I. Skarbiec dyplomatów / I. Daniłowicz. – Т. 1. – Wilno : W druk. A. Kirkora, 1860. – 391 s.
6. Die Chronik Wigands von Marburg // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig: verlag von S. 8. – Hirzel, 1863. – Bd. II. – S. 639–648.
7. Gagua, R. The Teutonic Order and the civil war between Vitautas and Skirgaila (1390–1392) / R. Gagua // Crusader. – 2016. – Vol. (3). – Is. 1. – P. 4–36.
8. Johanns von Posilge Chronik des Landes Preussen // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig : verlag von S. Hirzel. – 1866. – B. 3. – S. 121–134.
9. Kraków. – Muzeum Czartoryskich. – F. XX Czartoryskich. – Perg. 234.
10. ОР РНБ (Санкт-Петербург). – Coll. 204.12.

Шаповал-Конопацкая А.Г.
ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ СИЕНСКОЙ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ЗАПАДНОГО РАСКОЛА 1378–1417 гг.

Екатерина Сиенская (1347–1380) относится к числу выдающихся личностей, игравших важную роль в жизни своего времени. Она являлась терциаркой доминиканского ордена, вела аскетический образ жизни, при этом стала известна благодаря своей активной политической и митротворческой деятельности. Екатерина оставила после себя множество писем и мистический трактат «Диалоги о божественном провидении». Екатерина причислена к лику святых католической церковью, признана одной из четырех женщин Учителей церкви. Ее по праву называют одной из самых почитаемых женщин в католицизме.

Положение католической церкви во второй половине XIV в. было крайне сложным: падение авторитета папства, глубокий моральный упадок служителей церкви всех рангов свидетельствовали о глубоком кризисе церкви. После возвращения в Рим из Авиньона в 1377 г. Григория XI и последовавшей затем его смерти в 1378 г. был избран папа Урбан VI. Новоизбранный папа оттолкнул от себя чрезмерной резкостью и деспотизмом своих бывших сторонников, среди которых были французский король Карл V и королева Иоанна Неаполитанская, а также представители высшего духовенства. Кардиналы, оставшиеся в Авиньоне, избрали другого папу, Климента VII. Это избрание положило начало Великой западной схизме в католической церкви, длившейся четыре десятилетия. Это событие Екатерина восприняла крайне болезненно, что нашло отражение в ее письмах.

Всего до нас дошли более 380 посланий Екатерины. Следует отметить, что все письма имеют единую структуру, обязательными элементами являются вступительная и заключительная формулы. Для начальной формулы характерно обращение к Христу и Богородице, что сразу определяло духовную перспективу письма, вне зависимости от его конкретного содержания, а также всегда присутствовало почтительное обращение к адресату, даже в тех посланиях, в которых в основной части Екатерина высказывает нелицеприятные суждения. Завершались все послания одной фразой: «Иисус сладостный, Иисус любовь». Также обязательным элементом писем Екатерины было обозначение себя как «рабы (слуги) рабов божьих», так она указывала на свою миссию на земле: служение людям и передача им божественного откровения, ниспосланного на нее. После вступительной фразы Екатерина переходит к изложению цели послания, часто с указанием конкретных действий, которых она ожидает от адресата. Следует заметить, что тон обращения к адресатам при изложении цели послания отличается в зависимости от описанной в письме ситуации: имеют место, как почтительное обращение, так и обвинения и угрозы. Характерным для писем Екатерины Сиенской являются также обращения к Новому Завету, использование его образов, в пересказе своими словами с пояснениями применительно к конкретным случаям. По Посланиям Екатерины, по мнению А.В. Топоровой, можно даже назвать небольшими проповедями, но обращенными не к большой аудитории, а к одному человеку [3, с. 104]. Адресатами были папы, кардиналы, епископы, особы королевской крови, представители городской власти и аристократии.

С посланиями она обращалась ко всем, кто, по ее мнению, может изменить сложившуюся ситуацию в церкви и пыталась по мере своих способностей преодолению раскола. В письме к Карлу V она убеждала его вновь оказывать поддержку Урбану VI и признать его истинным папой: «Я весьма удивляюсь, что католик, желающий стяжать страх Божий и быть мужественным, дает себя направлять, подобно ребенку, и не видит, что и себя и других обрекает на гибель, каковой является осквернение света святейшей веры советами и речами людей, чьи поро-

ки проявились в недавнем яде ереси, посеянном ими, когда они начали утверждать, что папа Урбан VI не является папой. Отверзите очи разума и узрите, что они лгут на своего главу... Если послушать, что они говорят. – будто Папу избрали из страха перед народом, – то это неправда, избрали его с соблюдением всех канонов...» [2, с. 88–89]. Еще более резко Екатерина обратилась к Иоанне Неаполитанской, причиной этому послужило то, что Неаполитанская королева первоначально оказав поддержку Урбану VI, вскоре отвернулась от него из-за его своевольия и чрезмерно резкого поведения. «Вы забыли наставления святого Духа и внимаете советам бесов во плоти... Росток, привитый к истинной лозе, ножом самолюбия вы были отрезаны от этой лозы, из законной дочери, нежно любимой заместником Христа на земле, папой Урбаном VI, истинным Папой и верховным понтификом, вы стали чужой, отделились от груди вашей матери святой Церкви... Увы, вас можно оплакивать как мертвую душой и телом, если не освободитесь от такого заблуждения» [2, с. 105–106]. Тем не менее, в других письмах к королеве Иоанне Екатерина уже в ином, более мягком, тоне просила Иоанну Неаполитанскую снова оказать поддержку истинному папе.

Особенно активно Екатерина обращалась с посланиями к Урбану VI, которого она считала истинным папой, в отличие от Климента VII: «Бесы во плоти избрали не Христа на земле, но породили Антихриста против Вас – Христа на земле» [2, с. 41]. Она призывала папу к преодолению своей нетерпимости, злопамятности, деспотизма, для того, чтобы обрести новых сторонников и вернуть тех, кто покинул его. Екатерина Сиенская неоднократно в своих письмах требует провести реформу церкви, начав с назначения на церковные должности достойных, добродетельных людей: «Когда надо назначить пастырей в сад святой Церкви, то пусть это будут люди, ищущие Бога, а не благ земных; и пусть те, кто таких мест добивается, пользуются честными, а не лживыми способами» [2, с. 37].

Также она призывает папу использовать все возможные способы и не останавливаться на пути к преодолению раскола и обновлению церкви. «Безо всякого страха устремляйтесь сквозь эти тернии... нет, не замедляйте шага из-за трудностей и если необходимо отдать жизнь, нужно с готовностью отдать ее» [2, с. 41].

Великая западная схизма являлась не просто внутрицерковным спором, а стала невиданным для того времени по своему масштабу общеевропейским конфликтом, в который оказались втянуты многие светские и духовные лица европейских государств. Такое событие не могло не вызвать бурную реакцию среди различных слоев населения Европы. Одной из тех, кто наиболее активно выражал свое мнение по поводу кризисной ситуации в католической церкви, была Екатерина Сиенская. Здоровье Екатерины было подорвано ее активной деятельностью: она не только обращалась с посланиями, но и лично встречалась адресатами своих писем в стремлении повлиять на неблагоприятную ситуацию, сложившуюся в католической церкви.

Незадолго до своей смерти она сказала одному из своих сподвижников: «Причина моей смерти пожирающее меня пламенное рвение к церкви» [1, с. 188]. В итоге ей так не довелось стать свидетельницей восстановления единства католической церкви. Письма Екатерины можно назвать ценным источником по истории западного раскола, так как содержание писем ярко показывает мнение о текущем положении дел современницы этого события, которая прилагала серьезные усилия для восстановления единства церкви и предлагала меры необходимые, по ее мнению, для преодоления раскола.

1. Батлер, Ж. Екатерина Сиенская / Ж. Батлер / – СПб : тип. П. П. Сойкина, 1907. – 211 с.

2. Екатерина Сиенская. Письма / пер. А.В. Топоровой. – М. : Наука, 2013. – 509 с.

3. Топорова, А. В. Св. Екатерина Сиенская: Феномен социальной мистики / А. В. Топорова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 100–105.

Мартынюк А.В.

КТО ПОДАЛ ЖИЛЬБЕРУ ДЕ ЛАННУА ИДЕЮ ПОЕХАТЬ В НОВГОРОД, ИЛИ О ВАЖНОСТИ СОПОСТАВЛЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа хорошо известен историкам из Восточной Европы, поскольку он совершил два путешествия по этому региону (в 1413–1414 и 1421 гг.) и оставил их описания. Во время первого путешествия он побывал во владениях Тевтонского ордена в Пруссии и Ливонии, а затем воспользовался возможностью проехать в Новгород в «Великой Руси» и Псков.

Из Пскова бургундский рыцарь вернулся в Ливонию, а затем проехал через земли Великого княжества Литовского, где посетил Вильну и Троки. Во время второго путешествия в 1421 г. Жильбер де Ланнуа, уже в качестве посла королей Англии и Франции, пересек Восточную Европу и встретился с польским королем Владиславом Ягайло и великим князем Витовтом. Описания этих путешествий были даны в автобиографическом произведении Жильбера де Ланнуа «Путешествия и посольства» («*Voyages et ambassades*») и являются ценным источником по истории Восточной Европы в начале XV века [см.: последнее издание памятника: 3, с. 195–241].

Остановимся на первом путешествии Жильбера де Ланнуа в 1413–1414 гг. Целью бургундского дворянина было участие в рейзе (походе) против врагов Тевтонского ордена. Фундаментальные исследования В. Паравичини показали, что «пруссские рейзы» играли важную роль в рыцарской культуре XIV – начала XV века [см.: 5; 6]. Жильбер де Ланнуа достиг своей цели: летом 1413 г. он принял участие в походе на владения померанского герцога и польского короля, был ранен и посвящен в рыцари. Источниками зафиксирована практика, когда «гости» Ордена, оставшиеся неудовлетворенными военными подвигами в Пруссии, следовали в Ливонию, чтобы принять участие в походе на русских «схизматиков» [5, S. 202–206]. Так поступил и Жильбер де Ланнуа, когда осенью этого же года отправился в Ливонию. Однако последовавшая затем поездка в Новгород и Псков является уникальной, не имеющей аналогов в истории крестовых походов на Балтике. Подчеркивая уникальность путешествия Жильбера де Ланнуа на Русь, исследователи не ставили вопрос, что (или кто) могло подтолкнуть его к этой идее. Сам Ланнуа называет в этом контексте магистра и ландмаршала ливонского отделения Ордена, но скорее как людей, способствовавших исполнению замысла, а не как инициаторов поездки: «И предпринял, при посредничестве названного магистра, поездку в Великий Новгород (Noegarde) в Руси (Russye) и поехал к ландмаршалу, который был в одном городе...» [3, с. 216]. На наш взгляд, мы можем указать человека, встреча с которым могла подать Жильберу де Ланнуа идею о поездке в Новгород.

Необходимо сказать несколько слов о политической ситуации в регионе. Весна и лето 1413 г. были сложным временем для Тевтонского ордена. Поражение в битве при Грюнвальде в 1410 г. подорвало военные силы Ордена, а Торуньский мир 1411 г. возложил на него тяжелое бремя денежных выплат в пользу Польского королевства и Великого княжества Литовского. Весна и лето 1413 г. прошли под знаком нарастания угрозы нового военного конфликта, что хорошо видно по материалам дипломатической переписки великого магистра Тевтонского ордена с правителями европейских государств (см. фонды Тайного государственного архива Прусского культурного наследия в Берлине за этот период [4]). В своих письмах магистр Генрих фон Плауэн обвинял короля Владислава Ягайло и великого князя Витовта в подготовке новой войны против Ордена. Одним из лейтмотивов этих обвинений было указание на союз Витовта с «языческими народами», среди которых названы Новгород, Псков и «весь русский народ». В одном из писем появляются «белые русские» (*Wissen Russen*), что давно привлекает внимание белорусской историографии как одно из самых ранних свидетельств генезиса хоронима «Белая Русь» [4, S. 245–246].

Информация орденских источников о ситуации на Руси весной 1413 г. чрезвычайно конкретна. Это позволяет предположить, что у магистра был хороший информатор о положении в Новгороде и Пскове. Изучение источников позволяет назвать имя этого информатора. 23 июля 1413 г. великий магистр пишет письмо чешскому королю Вацлаву IV, в котором просит того принять на службу «герцога Василия из Руси» (*herczog Wayssel von Russen*): сам магистр не мог этого сделать по условиям Торуньского мира, запрещавшего ему принимать врагов великого князя Витовта [4, S. 314]. Этим же днем датирована и сопроводительная грамота, выданная великим магистром «герцогу Василию» [4, S. 315]. Обращение к русским источникам позволяет установить, кем был этот враг Витовта. Под именем «герцога Василия» скрывается князь Федор Юрьевич, сын последнего независимого правителя Смоленского княжества Юрия Святославича. В 1412 г. он был приглашен новгородцами на княжение, однако вскоре был вынужден покинуть Новгород под давлением великого князя Витовта. Новгородская первая летопись младшего извода сообщает: «И князь Федоръ рече новгородцомъ: “о мне с с Витовтом нелюбья не держите; отыха в Немце”» [2, с. 404]. Обстоятельства драматической биографии князя Федора Юрьевича (в том числе и вопрос, почему он именуется в орденских документах «Василием») требуют дальнейшего исследования, которое будет предпринято нами в отдельной публикации. Для целей данной статьи важно, что Жильбер де Ланнуа во время своего пребывания в Пруссии имел возможность встретиться с русским князем из Новгорода – города, куда он в самое короткое время после этой встречи и отпра-

вился. Такая последовательность событий не кажется нам случайным совпадением, а может свидетельствовать о контактах русского князя и бургундского рыцаря, послуживших толчком к появлению у последнего идеи посетить Новгород.

Уточним даты. Князь Федор Юрьевич прибыл во владения Ордена в конце 1412 г. или начале 1413 г. и оставался там до 23 июля, когда получил сопроводительные письма великого магистра. Жильбер де Ланнуа прибыл в Пруссию в марте 1413 г. Поскольку военный поход откладывался, в конце мая он отправился в Данию. 24 июня Ланнуа приобрел в Дании четырех коней, после чего снова отплыл во владения Ордена. В начале июля он уже был в Пруссии: об этом свидетельствует письмо великого магистра герцогу Бургундии и бургундскому рыцарству от 10 июля 1413 г. В этом письме названы по именам несколько десятков бургундских рыцарей, в том числе Гуго де Ланнуа, родной брат Жильбера – эту информацию магистр мог получить только от самого путешественника [4, S. 292–295]. В Пруссии Жильбер де Ланнуа находился при дворе великого магистра («который принял меня хорошо»), совершил поездку по городам и замкам Пруссии, а затем принял участие в рейзе на польские земли, которая продолжалась 16 дней. Вскоре после возвращения войска из похода, сообщает Жильбер де Ланнуа, великий магистр был лишен своей должности [3, с. 212–215]. Поскольку дата отстранения от власти магистра Генриха фон Плауэна известна (9 октября), поход можно отнести к концу августа – сентябрю 1413 г. Таким образом, бургундский рыцарь и русский князь могли встретиться либо весной (март–май), либо летом (июль) 1413 года. Предпочтительной является вторая дата, поскольку источники – записки Жильбера де Ланнуа и сопроводительные письма, выданные князю Федору Юрьевичу, – однозначно свидетельствуют об их одновременном пребывании в Пруссии при дворе великого магистра Ордена. Все вышесказанное позволяет выдвинуть предположение, что бургундский рыцарь и русский князь встретились при дворе великого магистра Тевтонского ордена в Мариенбурге. Знакомство с князем Федором Юрьевичем, только что прибывшем из Новгорода, могло способствовать появлению у Жильбера де Ланнуа идеи посетить этот город. Выдвижение данного предположения и реконструкция исторического контекста стали возможными после сопоставления источников разного происхождения: записок Жильбера де Ланнуа, материалов архива Тевтонского ордена и новгородской летописи.

Имеет ли данный сюжет какое-то более широкое научное значение, помимо удовлетворения чистой «источниковедческой любознательности»? Как уже говорилось выше, в это время в орденских документах появляется упоминание «белых русских», одно из самых ранних в немецкоязычных источниках. Исследование А. Белого показало, что вопрос генезиса наименования «Белая Русь» весьма сложен, а самое первое достоверное упоминание этого хоронима в восточнославянских источниках относится к 1460-м годам. [1]. Отнесение зафиксированного в орденских документах упоминания «белых русских» к информации, полученной от князя Федора Юрьевича в 1413 г., позволяет удревнить на полстолетия дату бытования наименования «Белая Русь» на собственно восточнославянских землях.

1. Бели, А. Хроніка Беларусі: Імагалогія Беларусі XII–XVIII ст. / А. Бели. – Смаленск, 2013. – 468 с.
2. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. – М.; Л., 1950. – 580 с.
3. Черкасов, Д.Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Д.Н. Черкасов // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 8. – Минск, 2015. – С. 195–241.
4. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. – XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv). – Ordensfoliant 6.

Черкасов Д.Н. **МЕССЕНСКИЕ ХРОНИКИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА**

Среди западноевропейских нарративных источников периода Позднего Средневековья и Раннего Нового времени несомненный интерес представляют городские хроники Меца. С 1234 г. Мец являлся вольным имперским городом, одним из крупнейших в Священной Римской империи. Он имел свое правительство, вооруженные силы, финансы, проводил самостоятельную внешнюю политику. Все эти обстоятельства обусловили формирование в среде городского сословия гражданственности, патриотизма, интереса к истории родного города. Мец, как торговый, ремесленный, финансовой и религиозный центр региона, аккумулировал в своих стенах большое количество не просто грамотных, а по-настоящему образованных людей – торговцев, чиновников, священников, что

способствовало расцвету в XV – первой половине XVI в. местного историописания. Будучи составной частью, преимущественно германоязычной Священной Римской империи, Мец был городом франкоязычным, поэтому мессенские хронисты всегда писали на французском языке [7, р. 45].

Хроника Жака Дэкса. Хроника мессенского патриция Жака Дэкса (д'Эш) была составлена в период между 1434 и 1438 гг. во славу императоров дома Люксембургов, как ее сам определил автор [3, р. 49].¹ Жак Дэкс, фигура значительная в политической истории Меца конца XIV – первой трети XV в., был непосредственным участником многих важных событий своего времени. Хроника Жака Дэкса состоит из 3 частей: путешествия императора Генриха VII в Рим, поэмы о войне четырех князей в 1324–1326 годах и собственно хроники. Персональный взгляд автора, богатство используемого материала, делают эту хронику очень ценной для исторических изысканий [7, р. 50].

Хроника декана Сен-Тибо. Хроника имеет два варианта названия. В одном из экземпляров хроники, хранящемся в Нанси, автор записал: "Я декан Сен-Тибо, кюре Сен-Сюльпис". Однако под 1443 г. он говорит, что является кюре Сент-Эвара [9, р. 231]. Хроника декана Сен-Тибо или хроника кюре Сент-Эвара начинается в 1231 и заканчивается в 1445 году. Первоначально автор хроники брал сведения из работ Гийома де Нанжи и его продолжателей [4, р. II]. События, предшествующие XV в., охватывают примерно четверть всего текста. Особенно интересны сведения за период с 1420 по 1445 гг., когда жил сам автор [7, р. 47]. Осаду Меца французским королем Карлом VII в 1444 г. он дает в деталях более подробных и ценных, чем те, что имеются у Виньоля и Прайона [9, р. 231].

Хроника мэтров-эшевенов. Являлась официальной историей города. К настоящему времени сохранилась в 3 экземплярах. Для периода с 1307 по 1434 гг. значительна компиляция из хроники Жака Дэкса [7, р. 49]. С 1461 г. начинаются прямые свидетельства автора, имя которого осталось неизвестным. Однако в хронике отражена не вся история города, а только та ее часть, которая связана с гражданской историей мессенцев, в то время как почти совсем не затронуты оказались всеобщая и церковная история [11, р. 21].

Журнал Жана Обриона. В журнале Жана Обриона отражен период с 1464 по 1501 годы. До 1512 г. имеется продолжение Пьера Обриона, племянника Жана. Оригинальный манускрипт находится в библиотеке Вены. Жан Обрион родился около 1441, умер в 1501 г. [8, р. 12, 17]. Он занимал должность городского "писца", то есть чиновника оформляющего официальные акты. При сеньорах города Жан Обрион занимал положение доверенного лица, участвуя в ряде посольств: к Карлу Смелому в 1473 г., к Людовику XI в 1479 г., к архиепископу Трирскому в 1492 г. [8, р. 14]. Посольства расширяли кругозор Обриона, давали ему много ценных сведений [8, р. 16]. Автор много рассказывает о средневековом Меце, его рынках, церквях, гостиницах, улицах. Обрион представляет собой яркий тип мессенского буржуа с его преданностью сеньорам города, состраданием к бедам простых крестьян, ненавистью к врагам, покушающимся на независимости его родины [8, р. 11].

Рифмованная хроника Меца. Название условно и дано в середине XIX в. исследователем О. Просом. Оригинал манускрипта утерян, однако существует множество копий XVI–XIX вв. [11, р. 16]. Анонимный автор хроники сторонник управления городом посредством "здорового смысла" [11, р. 25]. Его волнуют вражда между канониками и городом, длившаяся с 1462 по 1473 гг. По его мнению, светская и церковная власти это "две руки", которые должны действовать самостоятельно и независимо. Автор отвергает вмешательство епископа в дела города и магистрата в церковные дела [11, р. 26]. Он обрушивается на давних врагов Меца – лотарингцев и барруасцев, выступая с позиций городского патриотизма, и защищает идею независимости города, возможно, будучи приверженцем проимперской партии [11, р. 27–28]. Анализ текста позволяет предположить, что автор хроники не церковнослужитель, а буржуа, но не участник, а свидетель политической жизни Меца [11, р. 29].

Хроника Юссона. Хроника Жакомена Юссона составлена в конце XV – начале XVI в. и охватывает период с 1113 по 1518 годы [10, р. 215]. Это своего рода компиляция без какого-либо упоминания источников, из которых автор черпал свою информацию [10, р. 221]. До 1350 г. хроника Юссона очень краткая, часто говорит о фактах посторонних для истории Меца [10, р. 222]. За период с 1464 по 1501 гг. даются сведения из хроники Обриона [7, р. 54]. С 1501 года

¹ Die Metzger Chronik des Jaique Dex (Jacques D'Esch) über die Kaiser und Könige aus dem Luxemburger Hause. Herausgegeben von Dr. Georg Wolfram. – Metz: G. Scriba, 1906. – 629 p.

Юссон не следует больше Обриону, из-за смерти последнего, и его сочинение приобретает более оригинальный характер. Так как эта часть хроники составляет почти треть всей работы, мы не можем рассматривать Юссона просто как компилятора [4, р. II].

Исходя из данных хроники, можно утверждать, что Юссон принадлежал к корпорации ювелиров Меца [10, р. 223]. Он родился в Меце между 1450 и 1460 годами. В 1509 и 1516 гг. муниципальный Совет покупал у него ювелирные изделия для епископа Льежа и герцогини Лотарингской [7, р. 54]. Нам неизвестно когда он умер, но, поскольку его хроника заканчивается 1518 годом, можно полагать, что он умер вскоре после этой даты [4, р. V]. В лице Юссона мы видим новый тип буржуа XV в., который интересуется делами страны и считает полезным записывать о происходящих событиях [4, р. III].

Хроника Виньоля. Хроника Филиппа де Виньоля самое объемное в мессенской историографии сочинение, охватывающее историю Меца с древнейших времен до 1525 года. Виньоля назвал свой труд "Хроника Меца, Лотарингии и Франции", не смотря на то, что Мец являлся частью германской Священной Римской империи [7, р. 84]. Хроника делится на 5 книг, заключенных в 3 тома. Наиболее ценным является период с 1471 по 1525 годы [7, р. 85]. Автор использовал обширные источники, как общего характера, так и местные жития святых, архивные документы епископства и города Меца [9, р.214].

Филипп де Виньоля родился в деревеньке Виньоля в окрестностях Меца в 1471 г. и был четвертым ребенком в семье [7, р. 63]. В детстве он получил некоторые уроки в аббатстве Сен-Мартен, посещал школу в Меце. Затем он покинул родину и много путешествовал. Жил в Швейцарии и Италии, служил у разных хозяев, после чего вернулся на родину [9, р. 217]. В 1493 г. он женился и перебрался в Мец, где стал "шоссетье".¹ Он не был ни ученым, ни писателем, однако не был чужд образованности и искусству [9, р. 218]. Дата смерти Виньоля неизвестна, но документы свидетельствуют, что он был жив еще 1 ноября 1527 года [7, р.71]. Виньоля был сторонником аристократии и олигархического правления в Меце. Это ярко проявилось в описании и оценке, которую он дал народному восстанию в Меце в 1405 г. [9, р. 219].

Хроника Прайона. Хроника Прайона описывает события с 1323 по 1497 годы. Начало и конец рукописи утрачены [7, р. 57]. Единственный экземпляр хроники находится в библиотеке г. Эпиналь [9, р. 225]. Личность автора не установлена, но можно сказать, что он жил в XVI в., был образованным и эрудированным человеком. Он цитирует в своей хронике тексты из Овидия и римского права. Среди цитируемых авторов встречаются хронисты Шартье, Монстреле, Коммин и ряд других. Из местных он использует хронику Декса и Мишеля Шаверсона, не дошедшую до нас, журнал осады 1444 года, хронику Виньоля. Враг аристократии, автор хроники Прайона был пламенным сторонником городской демократии [9, р. 229]. Некоторые антипапские пассажи в хронике дают повод думать, что автор мог быть протестантом [9, р. 230]. Хроника Прайона важна для всех последующих историков, как ценный и правдивый источник [7, р. 59].

Поход мессенцев в Пруссию. Хотя городские хроники Меца практически не затрагивают историю Восточной Европы, некоторые из них содержат описание поездки мессенских сеньоров в Пруссию, для участия в зимней рейзе 1399–1400 гг. Такие сведения содержатся в хронике декана Сен-Тибо, хрониках Юссона и Виньоля. Однако наиболее ценным представляется свидетельство хроники Жака Дэкса, поскольку автор был непосредственным участником этого похода.

В 1399 г. герцог Лотарингский, Карл II, намеревался выступить в поход против турок-османов, чтобы отомстить за поражение в битве при Никополе в 1396 г., где был пленен и умер его родственник Ангерран де Куси. Однако перспективы похода оказались сомнительными, и Карл Лотарингский отправился в Пруссию, для чего занял у горожан Меца 2400 флоринов [2, col. 509–510]. Вместе с герцогом Лотарингским в Пруссию отправилось и несколько сеньоров из Меца. Хроника Жака Дэкса называет имена 9 сеньоров, покинувших Мец 27 ноября 1399 года [6, р. 336]. Каждому участнику для похода нужно было иметь, помимо коня, 100 флоринов [6, р. 338]. Поход финансировался за собственный счет мессенцев, не смотря на предложение герцога Лотарингского оплатить его. Однако это означало стать под знамя герцога Лотарингского и утратить самостоятельность, а значит и право сидеть за почетным столом в Кенигсберге, что для мессенцев было недопустимо. Путь до Кенигсберга занял 6 недель, и еще 8 дней мессенцы провели в городе [6, р. 336]. Рейза проходила на землях Жемайтии, куда, помимо западноевропейского

¹ Шоссетье – изготовитель и торговец чулочно-трикотажными изделиями.

рыцарства, прислал свои контингенты князь Витовт: "герцог Витовт, из Литовских Сарацин, помогал Пруссам (тевтонским рыцарям), имея из своих земель Литвы, из Польши, из Руси и от Татар 80 тысяч всадников" [6, р. 337]. По словам хрониста, была захвачена территория в 60 лье в длину и 60 в ширину, сожжено и разрушено 3500 деревень, захвачено множество пленных [6, р. 337]. Не смотря на значительно завышенное автором количество участвовавших в рейзе войск, опустошенных деревень, площади захваченных территорий, сведения имеют под собой реальные основания. Действительно, на период 1399–1400 гг. пришлось потепление в отношениях между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским [1, с. 119]. Рыцари ордена участвовали в битве на реке Ворскле, а Витовт послал вспомогательные отряды для поддержки действий ордена в Жемайтии [1, с. 120]. В хронике Дэкса упоминается об активном участии в рейзе "маршала Рагнетты" [6, р. 337]. На самом деле, в рейзе участвовали маршал Ордена Вернер фон Теттинген и комтур Рагнита Марквард фон Зульцбах [6, р. 337]. Известно письмо гроссмейстера ордена Витовту от 19 февраля 1400 года с выражением благодарности за помощь в походе в Жемайтию [5, с. 67]. Поход длился около месяца, после чего мессенцы пробыли еще 15 дней в Кенигсберге, откуда вернулись через Брюгге в Мец [6, р. 338].

1. Барбашев, А. Витовть и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) / А. Барбашев. – СПб.: Тип. П.Н. Скороходова, 1885. – 181 с.
2. Calmet, Aug. Histoire de Lorraine / Aug. Calmet. En 7 t. – Nancy: A. Leseure, 1748. – Т.3. – 663 p.
3. Chazan, M. Charlemagne dans l'historiographie messine à la fin du Moyen Âge / M. Chazan // Écritures de l'Histoire (XIV–XVIe siècle). Actes du colloque du Centre Montaigne Bourdeaux, 19–21 septembre 2002. Réuni et édité par D. Bohler et C. Magnien-Simonin, Paris: Droz, 2005. – P. 49–72.
4. Chronique de Metz de Jacomin Husson (1200–1525). Publié d'après le manuscrit autographe de Copenhague et celui de Paris, par H. Michelant. Metz: Rousseau-Pallez, 1870. – 380 p.
5. Codex epistolaris Vitoldi magni ducis lithuaniae 1376–1430. Collectus opera Antonii Prochaska. – Cracoviae: Sumptibus academiae literarum crac., 1882. – S. CXVI, 1113.
6. Die Metzzer Chronik des Jaique Dex (Jacques D'Esch) über die Kaiser und Könige aus dem Luxemburger Hause. Herausgegeben von Dr. Georg Wolfram. – Metz: G. Scriba, 1906. – 629 p.
7. Dorner, M. Philippe de Vigneulles. Un chroniqueur messin des XVe et XVIe siècles / M. Dorner // Mémoires de l'Académie de Metz, XLIII année, 1913–1914. – Metz: Imprimerie Lorraine, 1921. – P.45–110.
8. Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465 – 1512). Publié en entier pour la premier fois par L. Larchey. – Metz: F. Blanc, 1857. – 638 p.
9. Prost, Aug. Notice sur les Chroniques de Metz publiées par M. Huguenin / Aug. Prost // Mémoires de l'Académie Nationale de Metz, XXXII année, 1850–1851. – Metz: au Bureau de l'Académie, 1851. – P.208–255.
10. Prost, Aug. Notice sur deux chroniques messines des quinsième et seisième siecles / Aug. Prost // Mémoires de l'Académie Impériale de Metz, XL année, 1858–1859. – Metz: Rousseau-Pallez, 1859. – P.215–242.
11. Voltz, F. Les chroniques en vers de la ville de Metz. Etude historiographique / F. Voltz // Les Cahiers Lorrains, 1991. – №1. – P.15–30.

Сукина Л.Б.
ЖИТИЯ СВЯТЫХ-ЮРОДИВЫХ XVI ВЕКА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Феномен юродства как социокультурная модель поведения праведника в русском православии XVI–XVII вв., не имеющая прямых аналогов в других странах христианского мира, кроме Византии, давно привлекает внимание историков. В последние двадцать лет мы можем наблюдать новую волну актуализации интереса к этой проблеме, связанную с общемировой тенденцией антропологизации исторических и историко-культурных исследований, формированием новых научных подходов в социальной истории [13]. Ввиду того, что «подвиг» юродства был весьма сомнителен с точки зрения норм традиционного благочестия, упоминания о юродивых часто носят апокрифический характер и имеют позднее происхождение. Поэтому почти единственными достоверными источниками о почитании юродивых в Московской Руси являются жития этих святых.

Выявление и разработку обширного корпуса источников изучения проблемы следует признать несомненной заслугой всех исследователей феномена юродства, начиная с Н.П. Барсукова [2], В.О. Ключевского [12] и заканчивая С.А. Ивановым, А.Н. Власовым [5; 10] и другими. Но внимательное знакомство с историографией вопроса показывает, что источниковый потенциал житий святых-юродивых далеко не исчерпан. В научных работах, как в прошлом, так и в наше время, агиографические тексты используются, как правило, для иллюстрации собственных представлений исследователей о социокультурных функциях и поведенческих моделях юродства. Логика же конструирования жития юродивого агиографами, находившимися внутри исторической реальности прошлого, остается непроясненной.

Очевидно, это обстоятельство волновало И.У. Будовница [4], который позиционировал свой методологический подход как строго источниковедческий. Но эффективного метода источниковедческого анализа житий ученый не нашел. Явно ориентируясь на мнение В.О. Ключевского о весьма ограниченной информативности произведений агиографического жанра [12], он отмечал: «Известно, что “жития святых” – источник крайне тенденциозный и малодостоверный, но особенно недостоверны жития юродивых» [4, с. 190]. С точки зрения И.У. Будовница, жития многих юродивых представляют собой не полноценные агиобиографии (то есть связные, последовательные изложения событий жизни и подвигов), а «конгломерат» эпизодов легендарного характера, часть которых заимствована из других агиографических сочинений. У него создалось впечатление, что жития юродивых, в большинстве своем, написаны наспех, так как их авторы стремились как можно быстрее внедрить свои тексты в религиозную практику. Эти жития характеризует трафаретность, малосодержательность и литературная неуклюжесть текстов. Их части плохо согласованы между собой. И.У. Будовниц считал это следствием канонизации большинства юродивых значительное время спустя после их смерти, ибо в противном случае современники не поверили бы в святость человека, которого они знали как слабоумного. За давностью лет память о реальных событиях жизни блаженного утрачивалась, поэтому агиографам приходилось конструировать житие из того разнородного и случайного материала, который оказывался в их распоряжении [4, с. 190–191].

Наблюдения И.У. Будовница, сделанные в процессе изучения житий юродивых XVI–XVII вв., в целом соответствуют действительности, если считать критерием «достоверности» агиографического текста точность описания событий, имевших место в реальности. Но такая задача никогда не стояла перед агиографами. Убедительность их сочинений состояла в другом – обосновании почитания и прославлении святого. Исходя из этого обстоятельства, мы и будем рассматривать житийные тексты. Учитывая, что большая часть юродивых, действительно, не удостоилась развернутых житий, а только описаний Чудес, преимущественно посмертных, круг источников наших рассуждений довольно ограничен. При этом очевидно, что агиобиографии «блаженных похабов» настолько специфичны по своему содержанию, что требуют отдельного и специального рассмотрения. Жития юродивых в последнее время активно исследуются историками древнерусской литературы. Но специалистов-филологов в первую очередь интересуют индивидуальные литературные особенности текста, а наша задача – выделить типические черты, которые позволят рассуждать об этих житиях через призму видовой характеристики источника.

В Древней Руси было установлено почитание только одного юродивого – жившего в XI в. Исаак Печерского, сведения о котором содержатся в «Повести временных лет» и Киево-Печерском Патерике. Развитие национальных культов святых-юродивых в Русском государстве приходится на XVI в., одновременно с началом формирования пантеона общерусских и местных святых. На соборе 1547 г. к всецерковному празднованию был канонизирован Михаил Клопский, а к местному – Максим, юродивый Московский и Прокопий и Иоанн Устюжские [6, с. 100–101].

Утверждение культов всецерковных и местных святых сопровождалось составлением или редактированием их житий. Очевидно, что составители житий юродивых оказались в гораздо более сложном положении, чем все остальные агиографы. Хорошие образцы житий преподобных, мучеников, святых воинов и благоверных князей к тому времени существовали в большом количестве и были доступны книжникам. Но при написании жития юродивого агиограф сталкивался с проблемой, где взять основу для своего сочинения, которая не вызвала бы гнева церковных властей. Как нам представляется, отсутствие образцов наряду со значительным временным люфтом между смертью почитаемого юродивого и его церковной канонизацией являлось одной из основных причин неполноты житий святых-юродивых, отсутствия в них развернутых жизнеописаний.

В этом отношении примечательна история составления жития Михаила Клопского, относящаяся к немногим более раннему времени, 70-м гг. XV века. Как указывает Л.А. Дмитриев, из жития новгородского архиепископа Ионы известно, что последний обращался с просьбой написать житие Михаила к Пахомию Сербу, но тот отказался [7, с. 303]. Л.А. Дмитриев объяснил отказ книжника слишком далеким от житийных канонов характером сведений о Михаиле Клопском, существовавших лишь в виде устной традиции [7, с. 303]. Растерянность при составлении жития юродивого из новгородского Клопского монастыря испытал, по-видимому, не только Пахомий. Исследователи двух вариантов его Первой редакции отмечают их «нежитийный» характер. В них отсутствует собственно агиобиография святого, вместо которой предла-

гаются слабо связанные между собой отдельные рассказы о жизни монастыря преимущественно бытового характера, что отсылает к традиции прославления не столько самого блаженного, сколько обители, в которой он подвизался [8, с. 185–198].

Отсутствие в предшествующие столетия официально одобряемой русской церковью живой практики юродства – еще одно препятствие на пути конструирования агиобиографий новых святых. На кого должны были ориентироваться и откуда взяться юродивые, чье почитание впервые устанавливается в XVI веке? Один из вариантов ответа – к этому виду подвижничества приводила простота происхождения, неискушенность в вере и церковной жизни. Такое объяснение, как показывают тексты житий, было ближе агиографам, находившимся в отдалении от Москвы. Так, автор жития Иоанна Устюжского – сын священника великоустюжского собора, а затем игумена Борисоглебского сольвычегодского монастыря Дионисия – рассказывает, что святой родился в селе Пухово и лишь позже вместе с отцом и матерью оказался в городе Орлове под Великим Устюгом [2, стлб. 255; 3, с. 268].

Еще один вариант объяснения в житиях, почему святой решился на столь необычный подвиг, — появление его из иных земель, откуда он, предположительно, мог принести новый для Руси опыт праведной жизни. Так, например, иноземцем агиографы называют ростовского юродивого Исидора Твердислова. Самые ранние списки его жития относятся к началу – первому 30-летию XVI в., но канонизирован он был только во второй половине XVI в. [11, с. 280–284]. Житие Исидора бедно событиями, и указание на происхождение святого «от западных убо стран, от латиньска языка, от немецкая же земля, от славных и богатых, яко глаголют, от мещерска [Великого Магистра – Л.С.] роду бе» [11, с. 284], пожалуй, самая яркая его деталь. При отсутствии других уточняющих моментов поиски конкретного места рождения ростовского юродивого вряд ли имеют смысл. Возможно, мы вообще имеем дело с агиографическим топом, первоисточник которого, к сожалению, пока не выявлен.

Следует отметить, что среди святых, относимых агиографами этого времени к «иноземцам», были не только юродивые. Так, согласно легендарному по содержанию «Сказанию о житии Антония Римлянина», он был итальяским отшельником и приплыл в Новгород на камне [2, стлб. 48–51]. Исследователи почитания Антония Римлянина полагают, что превращение основанного известным монастырем богатого новгородца в перешедшего в православие итальянца произошла в ту эпоху, когда окончательная утрата Новгородом независимости в конце XVI в. вызвала появление ряда сказаний о наследовании им в древности «римских» святых [14, с. 245; 15, с. 23–25].

В этом контексте проявляется еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание в житиях юродивых, – связь почитания многих из них в XVI в. с представителями московской великокняжеской и царской династии. Мы не будем подробно останавливаться на образцовом примере Василия Блаженного [9, с. 123–131]. Но отметим, что того же Исидора Твердислова Иван Грозный упомянул в своем послании митрополиту Макарию среди ростовских святых, которые помогли ему во взятии Полоцка [1, с. 320, № 168]. Большинство прославленных юродивых, согласно их житиям, были связаны с Ростовом и Вологодской землей, где духовенство поддерживало властные устремления московских государей, а также Новгородом и Псковом, «покорение» которых происходило при Иване III, Василии III и Иване IV.

Таким образом, жития юродивых содержат ценную информацию о почитании этого вида святости в Русском государстве XVI века. Краткость текстов житий свидетельствует об отсутствии у агиографов литературного навыка в презентации такого способа подвижничества. Поэтому основными моделями объяснения необычности «подвига» юродивых выступали простота или иноземность их происхождения. Изучение истории создания и бытования житий юродивых позволяет связать распространение их почитания в XVI веке с укреплением власти правителей русского централизованного государства.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1841. – Т. 1. – С. 320. – № 168.
2. Барсуков, Н.П. Источники русской агиографии / Н. П. Барсуков. – СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – 616 стлб.
3. Белоброва, О.А. Житие Иоанна Устюжского Юродивого / О.А. Белоброва, А.Н. Власов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л. : Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 268–269.
4. Будовниц, И.У. Юродивые Древней Руси / И.У. Будовниц // Вопросы религии и атеизма. – 1964. – Т. 12. – С. 170–194.
5. Власов, А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских / А.Н. Власов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. – 640 с.
6. Голубинский, Е.Е. История канонизации святых в русской церкви / Е.Е. Голубинский. – М.: Университетская типография, 1903. – 597 с.

7. Дмитриев, Л.А. Житие Михаила Клопского / Л.А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 302–305.
8. Дмитриев Л.А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. / Л.А. Дмитриев. – Л.: Наука, 1973. – 304 с.
9. Ерусалимский, К.Ю. Василий Блаженный / К.Ю. Ерусалимский // Православная энциклопедия. – М.: Изд. центр «Православная энциклопедия», 2004. – С. 123–131.
10. Иванов, С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства / С.А. Иванов. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 448 с.
11. Каган, М.Д. Житие Исидора Твердислова / М.Д. Каган // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 280–284.
12. Ключевский, В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1871. – 474 с.
13. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2009. – 320 с.
14. Фет, Е.А. Житие Антония Римлянина / Е.А. Фет // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 245–247.
15. Хорошев, А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики / А.С. Хорошев. – М.: Изд-во Московского государственного университета, 1980. – 224 с.

Егоров А.М.
РЕЛИГИОЗНАЯ И СВЕТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVI ВЕКА
КАК НАРРАТИВНЫЙ ИСТОЧНИК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ
РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

После разделения римского государства и падения западной его части Византийская (Восточная Римская) империя позиционировалась в качестве единственной законной наследницы древнего Рима, сохраняя ореол мировой державы в течение всего раннего средневековья. Основным этническим элементом византийского общества являлись греки, но при этом сами жители империи считали себя «ромеями» (римлянами) [1, с. 69].

В условиях перманентной нестабильности окружавших Византию раннегосударственных образований идея ее политического превосходства долгое время не подвергалась сомнению. Латинские хронисты вели летоисчисление по годам правления византийских императоров, при европейских дворах чеканили монету, имитирующую византийские деньги, а их правители неоднократно добивались получения имперских титулов и инсигний (знаков отличия) в качестве доказательства международного признания своей власти.

Повышение дееспособности новых государств вызвало желание идеологически и юридически подтвердить их самостоятельность и независимость на международной арене. В условиях средневековой анархии образцом устойчивого государственного порядка служила власть римских императоров. По словам известного медиевиста Жака Ле Гоффа, «сами средневековые люди с VIII вплоть до XVI в. испытывали потребность вернуться к Риму» [6, с. 40].

В России утверждению данных политических воззрений способствовала религиозная теория, провозглашавшая Москву «третьим Римом», которая была сформулирована старцем Псковского Елизаровского монастыря Филофеем в послании великому князю Василию III (1505–1533). В контексте этой христианской доктрины вся история сводилась к последовательной смене трех «Римов» – первого, итальянского, погубленного ересью, второго – Константинополя, завоеванного мусульманами в наказание за унию с католичеством, и третьего – Москвы, провозглашавшейся последним оплотом истинной веры и недоступной для ереси твердыней. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», – предрекал Филофей [9, с. 471].

Данное убеждение могло подкрепляться и фамильными связями московских князей с императорской семьей Византии. Сам Василий III был сыном великого московского князя Ивана III (1462–1505) от его брака с племянницей последнего греческого императора Софьей Палеолог. Соглашение об их династическом альянсе было достигнуто в 1472 г. и существенно повысило престиж московских князей как внутри России, так и за ее пределами.

При этом теория Филофея и при его жизни, и после смерти служила в основном для обоснования самостоятельности и независимости русского государства. А вот политические и религиозные круги Европы мечтали привлечь Москву к борьбе с турками, которые угрожали уже непосредственно Италии. Именно этим объясняется то сочувствие, с которым был встречен на Западе, прежде всего в Риме и Венеции, проект брака великого московского князя с Софьей Палеолог [4, с. 232].

Некоторое время она провела в Италии под покровительством папы, получая от него небольшую пенсию, а затем была переправлена в Москву. Вероятно знавшие о скромном достатке византийской принцессы псковичи, через землю которых она проезжала в 1473 г., вручили Софье Палеолог в подарок «50 рублей» – внушительную по тем временам сумму [8, с. 74].

Уже в Москве Софья приобрела статус единственной наследницы византийского престола. Дело в том, что последний греческий император Константин XI Палеолог, трагический погибший при защите Константинополя, был бездетным. Поэтому все династические права на византийский трон унаследовали его братья Дмитрий и Фома. В 1460 г. Дмитрий вместе с дочерью (двоюродной сестрой Софьи) попал в плен к султану Мехмеду II, который заточил последнюю в своем гареме. Через десять лет Дмитрий, принявший к тому времени постриг, умер в Адрианополе, не оставив других наследников.

Второму брату Фоме султан предложил придворное звание и пенсию в обмен на отказ от прав на византийский престол. Однако тот предпочел эмигрировать в Венецию, а затем – в Рим, где и умер в 1462 г., оставив двух сыновей (Андрея и Эммануила) и двух дочерей (Елену и Софью) в качестве потенциальных претендентов на византийское наследство.

Андрей Фомич предлагал за деньги свои права всем желающим европейским монархам, но неудачно. В 1502 г. он скончался в Риме – бездетным и в абсолютной нищете. Эммануил Фомич, напротив, перебежал к туркам и принял ислам, получив взамен от султана небольшое жалование и некоторое имущество. Его сыновья Андрей и Иоанн были приняты ко двору турецкого султана, где впоследствии и умерли, не оставив потомства. Родная сестра Софьи Елена, будучи замужем за сербским господарем Лазарем II также не имела детей, а после смерти мужа попала в турецкий плен и вслед за этим стала монахиней [3, с. 88–89].

Таким образом, московские государи как родственники и потомки Софьи Палеолог превратились в прямых наследников прав византийских императоров. С конца XV в. на их печатях появляется не только московский герб с Георгием Победоносцем, но и византийская эмблема с двуглавым орлом. Одновременно при московском дворе вводится пышный церемониал по византийскому образцу, а в Оружейную палату помещается трон византийских императоров, привезенный в Россию самой Софьей Палеолог. Тем не менее, не желая быть орудием в чужих руках, и Иван III, и Василий III на все предложения «константинопольской отчины» обычно отвечали, что «князь великий хочет вотчины своей земли Русской».

Вместе с тем, усвоение византийских придворных традиций повлияло на характер великокняжеской власти в сторону усиления ее самовластия. Один из приближенных умершего Ивана III делился с приехавшим на Русь афонским монахом Максимом Греком, что его старый господин любил «встречу», то есть прислушивался к мнению советников, а молодой Василий III важнейшие дела решает «сам-третей у постели», со своим личным окружением без участия ответственных должностных лиц.

После смерти самого Василия III вокруг его малолетнего сына Ивана IV началась ожесточенная борьба за власть и влияние между различными боярскими группировками. Правление бояр вело к ослаблению центрального правительства, а их произвол на местах вызывал открытое недовольство народных масс.

Сложная ситуация заставляла посвященных лиц задуматься не только о духовном и политическом наследстве Византийской империи, но и о причинах постигшей ее катастрофы. Одним из первых высказался на этот счет Максим Грек, хорошо знакомый с византийской жизнью изнутри и не склонный, видимо, ее идеализировать. По его мнению, успешность государства помимо религиозного рвения зависела от способности обеспечить режим законности («правды»). Византия же не справилась с этой задачей и потому пала.

Ущербность формально благочестивой, но творящей несправедливость власти была обличена на примере Византии и старцем Зиновием Отенским. Он считал, что Бог допустил завоевание когда-то «преславного греческого царства» турками потому, что больше всего любит правду. Хорошие же прихожане греки «дел христианских не снабдеша, суда бо не взыскаша и праведного суда не судиша, вдовицы и сироты оставиши хотящим озлобляти их и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не пересташа, и обидимых из обидящих не отомстиша» [2, с. 34].

Тема преобладания справедливого, пусть даже при этом и «неверного» (т.е. нехристианского) государства над внешне праведным, но не соблюдающим «правду-закон» была подхвачена и развита служилым дворянином И.С. Пересветовым. В своих адресованных царю Ивану IV

челобитных он в 1549 г. предложил широкую программу политических, правовых, военных и финансовых преобразований, направленных на реорганизацию административного управления в стране, усиление центральной власти, ликвидацию наместничества и ограничение самоуправления боярской аристократии. Содержание сочинений Пересветова обнаруживает не только его разностороннюю образованность, но и потрясающую политическую дальновидность, позволившую ему предугадать пути дальнейшего государственного строительства в России.

Идеологическим обоснованием проведения реформ государственного управления у Пересветова служит его «Сказание о Магмет-салтане и о царе Константине» («Повесть о Царьграде»). Здесь предметом критики существующей действительности челобитчик избирает «греческое царство» (Византию). При этом он совершенно не касается религиозных споров, а все свое внимание концентрирует на круге политико-юридических проблем, послуживших причиной падения этого крупнейшего и некогда блистательного государства, долгое время являвшегося главным оплотом православия. В конечном итоге причины поражения Византийской империи Пересветов свел к постепенно укоренившемуся в ней беззаконию и произволу.

В качестве положительного антипода греческому царству в «Сказании о Магмет-салтане» противопоставляется турецкая держава, доказавшая свою жизнеспособность многочисленными победами над соседями. Анализ порядков этой державы Пересветов и использует для изложения своих реформаторских идей.

Среди первоочередных нововведений в практику государственного управления он называет оценку подданных через их личные заслуги перед государем (как у «турского царя»), формирование постоянного войска, искоренение «нечистого» торга. Особо Пересветов настаивает на отмене «кабалы», которая, по его убеждению, не только не совместима с христианской моралью («порабощенная земля сама по себе незаконна»), но и опасна для государства («холопы плохие воины»). Поэтому, доказывает он, явно выдавая желаемое за действительное, Магмет-салтан уничтожил в своем царстве все формы кабальной зависимости, «пожегши огнем все книги полные и закладные» и даровав всем подданным свободу [7, с. 48].

Пересветов считал, что предлагавшиеся им нововведения невозможны без «грозы», то есть принуждения. Но вместе с тем он отвергал произвол, призывая царя учитывать мнение компетентного «Совета». По-видимому, последнее суждение также было навеяно образом идеализируемого султанского правления.

По мнению Пересветова, Бог помогает лишь тем, «кто правду любит и праведен суд судит», — именно это обстоятельство является для него решающей причиной победы турков над византийцами. Он призывает царя не допустить в Русском царстве тех грехов, из-за которых погибла Византийская империя. Последний греческий правитель утратил контроль над вельможами, которые обладали царством себе в корысть и неправедным путем нажили свое богатство. Перефразируя Пересветова, византийская верхушка забыла о своем общественном предназначении и утратила веру, за что и была наказана.

Обращение И.С. Пересветова к теме османского правления современные исследователи зачастую объясняют распространенным в его время публицистическим приемом, использовавшимся для усиления аргументации автора и не имевшим ничего общего с реальным положением вещей на Балканах. В действительности, как мы уже видели, не только служилые люди вроде Ивана Пересветова или Федора Карпова, но и ученые православные старцы вроде Максима Грека или Зиновия Отенского с большей или меньшей степенью уверенности поддерживали представление о том, что «турцы... правду и суд творяху».

По частоте повторения эту мысль и вправду можно считать публицистическим клише или общим местом политических сочинений позднего Средневековья и раннего Нового времени. Однако сам по себе указанный факт не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему думающие люди XV–XVI вв. так упорно использовали образ именно турецкого султана в качестве примера для подражания христианским государям.

Более того, в определенных условиях метод сопоставления Османской и Византийской империй воспринимался не как гипотетическая умозрительная антитеза, призванная вскрыть причины падения православной греческой державы и позволяющая исправить недостатки отечественного управления, а как вполне конкретная внешнеполитическая агитация. Например, уже упоминавшийся Михаил Триволис, получивший образование в Италии, принявший монашество под именем Максима на Афоне и прозванный Греком в Москве после приглашения туда великим князем Василием

III, за свои поиски «правды» в 1525 г. был осужден Соборным судом и сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь по обвинению в протурецкой ориентации [5, с. 193].

Однако даже если рассматривать ссылки на опыт Османской империи лишь в качестве гипотезы, логично предположить, что впечатление образованного человека той эпохи о ее стабильности и процветании имело, видимо, определенные фактические основания и могло оказать влияние на формирование представлений о путях государственного строительства.

1. Альфан, Л. Варвары. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века / Луи Альфан ; пер. с фр. М.Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2003. – 416 с.
2. Будовниц, И.У. Идеологическая борьба в русской публицике / И.У. Будовниц. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 491 с.
3. Ионина, Н.А. Стамбул. История. Легенды. Предания / Н.А. Ионина. – М.: Вече, 2007. – 384 с. – (Тайны знаменитых городов).
4. История дипломатии : [сб.] / сост. А. Лактионов. М. : АСТ–АСАТ Москва, 2006. – 943, [1] с.
5. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общей редакцией члена-корреспондента РАН В. С. Нерсесянца. – М. : ИНФРА-М, 1996. – 727 с.
6. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. / Жак Ле Гофф; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
7. Пересветов, И. Сочинения / подгот. текст А. А. Зимин. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956
8. Псковские летописи. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 256 с. – (Полное собрание русских летописей. – Т. V. Вып. 1).
9. Шапошник, В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века / В.В. Шапошник ; отв. ред. Ю.В. Кривошеев. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), 2006. – 568 с.

Латушкін А.М.
АКТ ПЕРАМІР'Я ПАМІЖ РАСІЙСЬКАЙ ДЗЯРЖАВАЙ І ВЯЛІКІМ КНЯСТВАМ
ЛІТОЎСЬКІМ 1556 Г. З РАСІЙСЬКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ БІБЛІЯТЭКІ:
ПЫТАННІ ПРАВЕНІЕНЦЫ¹

Сярод складу комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў архіва Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ), які адлюстраваны ў вопісе ад 26 лістапада 1623 г., асобную групу ўтвараюць акты XV – пач. XVII ст. аб міры і перамір'і паміж вялікімі князямі літоўскімі і вялікімі князямі маскоўскімі, а таксама ўладарамі зямель, што пазней увайшлі ў склад Расійскай дзяржавы – Ноўгарад, Пскоў, Цвер, акты васальнай залежнасці князёў дынастыі Навасільскіх і інш. [3, с. 2–13; 7; 20]. Згодна з уліковай дакументацыяй архіва ВКЛ гэтая група мае назву “Старажытныя і сучасныя перамір'і з Масквой” (“Inducye Moskiewskie dawne y teraznieysze”) і ўключае 17 актаў ад пагаднення вялікага князя літоўскага Вітаўта з вялікім князем Барысам Аляксандравічам Цвярскім 1427 г. (?) да перамір'я паміж Рэччу Паспалітай і Расійскай дзяржавай 1601 г. (у тым ліку і акт прысягі князя Сямёна Дзмітрыевіча Друцкага каралю польскаму Уладыславу 1401 г., што ў гістарыяграфіі трактуецца аднак як унііны). 9 з іх да нашага часу захоўваюцца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве (далей – AGAD), куды патрапілі ў складзе варшаўскай часткі Архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у 1946 г. [20]. Астатнія 8 з 17 актаў у розны час былі страчаны са складу архіва і іх сучаснае месцазнаходжанне або застаецца невысветленым, або правеніенцыя і сувязь з архівам ВКЛ дагэтуль не ўстаноўлены.

У межах даследаванняў аўтара, прысвечаных рэканструкцыі складу і аднаўленню цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў 1387 – 1601 гг. архіва ВКЛ адна з пазіцый, якая адносіцца да страт, была выяўлена ў фондах Расійскай Нацыянальнай Бібліятэкі ў Санкт-Пецярбурзе (далей – РНБ).

У вопісе архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г. фігуруе дакумент пад назвай: “List przymierny tego z kniazia Moskiewskiego z Zygmuntem Augustem do lat szesc przez X(ie)cia Zbaraskiego” [3, с. 12]. Вядома, што шасцігадовае перамір'е паміж вялікім князем літоўскім і каралем польскім Жыгімонтам II Аўгустам і вялікім князем маскоўскім Іванам Васілевічам было заключана ў Маскве пасольствам на чале з ваяводам віцебскім Стэфанам Андрэевічам Збаражскім, якое адбылося 23 студзеня – 10 лютага 1556 г. Матэрыялы пасольства апублікаваныя і шырока вядомыя ў навуковай літаратуры, прысвечанай тэме гісторыі міждзяржаўных зносін ВКЛ і Расійскай дзяржавы ў XVI ст., а таксама праблеме эвалюцыі манархічнай улады ў Расіі і царскай тытулаты Івана Васілевіча “Грознага”

¹ Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Музея гісторыі Польшчы (Muzeum Historii Polski w Warszawie), стыпендыя за 2016 г., праект “Archiwum ordynacji Nieświezkiej ks. Radziwiłłów: historia, zasoby oraz miejsce w dziedzictwie kulturalnym narodów Europy Centralnej i Wschodniej”.

(гл. працы М.А. Дьяканова (1855–1919), У.Е. Вальдэнберга (1871–1940), У.І. Саввы (1865–1920) і інш.) [17, с. 485–531; 14, с. 202 – 205; 18, с. 1–21; 19].

Перамір’е 1556 г. стала пятым па ліку, якія былі заключаныя паміж дзяржавамі пасля вайны 1534–1537 гг. Папярэднія датуюцца: 1537 г. – на 5 гадоў, 1542 г. – на 7 гадоў, 1549 г. – на 5 гадоў, 1553 г. – на два гады. Перашкодай у заключэнні вечнага міру ў азначаны перыяд былі абвастэрэнне суперніцтва за дамінаванне ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне паміж падуладнымі Жыгімонту II Аўгусту ВКЛ і Каралеўствам Польскім з аднаго боку, і Расійскай дзяржавай, выкліканае ўмацаваннем цэнтральнай улады ў апошняй і актыўнай экспансіянісцкай палітыкай Івана IV. Сярод канкрэтных прычын былі ўзаемныя тэрытарыяльныя прэтэнзіі абодвух дзяржаў, а таксама, як адна з найбольш істотных перашкод, што называлася маскоўскім бокам, – нязгода караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта II Аўгуста выкарыстоўваць у тытулатуры Івана IV найменне “цар”, пасля прыняцця ім тытула ў 1547 г. Перамір’е 1556 г. стала апошнім напярэдадні т. зв. Інфлянцкай вайны паміж ВКЛ і Расійскай дзяржавай. Неўзабаве пасля даты яго заканчэння – 25 сакавіка 1562 г. – маскоўскі бок распачаў ваенныя дзеянні на ўсходняй мяжы ВКЛ і менш чым праз год Іван Васілевіч заняў Полацк.

Названыя вышэй перамірныя акты 1537 – 1553 гг., выдадзеныя ад імя маскоўскага правіцеля супрацьлегламу боку, дайшлі да нашага часу ў складзе калекцыі пергамінаў AGAD, куды яны патрапілі разам з польскай часткай Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў [2]. Выключэннем з’яўляецца перамірны акт 1556 г. Дакумент фіксуецца ў вопісах Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў, складзеных у 1721–1722 гг., 1744 г., 1755 г. [4, s. 21; 5, s. 11; 6, s. 11]. Пазней дакумент у вопісах архіваў Радзівілаў больш не згадваецца.

У складзе фондаў аддзела рукапісаў РНБ захоўваецца перамірны акт паміж Расійскай дзяржавай і краінамі, падуладнымі каралю польскаму, вялікаму князю літоўскаму Жыгімонту II Аўгусту, датаваны “1555 – 1556 гг. до марта 25” [1]. Аналіз яго зместу і знешніх прыкмет дазваляе сцвярджаць, што гэта арыгінал экзэмпляру, выдадзенага ад імя вялікага князя маскоўскага Івана Васілевіча паслам ВКЛ 7 лютага 1556 г. ў Маскве (дакумент мае толькі пазначэнне года, дзень і месяц устаноўлены па матэрыялах пасольства і адпавядаюць даце цырымоніі “крыжацалавання”) [17, с. 509–510]. Важнае значэнне для высвятлення гісторыі захоўвання дакумента і яго паходжання маюць запісы на адвароце акта. Два з іх адпавядаюць уліковым дадзеным вопісаў архіва ВКЛ і Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў. У правым ніжнім куце аркуша справа, чорным чарнілам пазначана: “List 13” (выпраўлена на 12). Згодна з вопісам архіва ВКЛ ад 26 лістапада 1623 г. – дакумент знаходзіўся ў шуфлядзе “С 2” і па ліку быў 12-ты [3, s. 12]. Аднак найбольш адназначна аб паходжанні сведчыць наступны запіс. Там жа карычневым чарнілам вышэй папярэдняга запісу: “Litera C Szufłada 3 Sztuka 6”; ніжэй, пасля папярэдняга запісу 1623 г. па ніжняму краю аркуша: “List przemirny Cara Moskiewskiewskiego¹ Iwana z krolem Polskim Zygmuntom Augustem(m) przez kniazia Stefana Andriewicza² Zbaraskiego³ woiewode Witebskiego na lat szesć pisan na moskwie Roku od stworzenia Swiata 7064⁴.” Дадзены запіс даслоўна паўтарае нумар і назву дакумента, згодна з вопісам, складзеным архіварыусам Радзівілаў А. Гафауксам у снежні 1721–1722 г. на комплекс дакументаў дзяржаўнага архіва ВКЛ, які ў той час захоўваўся імі, верагодна, у Бялай – тагачаснай рэзідэнцыі ардынатаў нясвіжскіх. Дадзеная форма пазначэння ўліковага архіўнага нумара дакументаў, распрацаваная названым архіварыусам, паўтараецца і на іншых дакументах з комплексу дзяржаўных актаў Архіва Нясвіжскай ардынацыі, у тым ліку з AGAD.

Запіс на адвароце перамірнага акта 1556 г. з фондаў РНБ [1, с. 1 об.]	Нумар і назва акта згодна з вопісам Архіва Нясвіжскай ардынацыі Радзівілаў ад снежня 1721–1722 гг. [8, s. 21]
<i>Litera C Szufłada 3 Sztuka 6. List przemirny Cara Moskiewskiewskiego Iwana z krolem Polskim Zygmuntom Augustem(m) przez kniazia Stefana Andriewicza Zbaraskiego woiewode Witebskiego na lat szesć pisan na moskwie Roku od stworzenia Swiata 7064.</i>	<i>Rok 7064. List przemirny Cara moskiewskiego Iwana z krolem polskim Zygmuntom Augustem przez kniazia Stefana Andreiowicza Zbaraskiego wojewode witebskiego na lat szesć pisan na Moskwie z pieczęcio iedną wiszan(co). Litera C Szufłada 3. Sztuka 6.</i>

¹ так у дакуменце

² так у дакуменце

³ напісана над радком

⁴ надкрэслена

Матэрыял дакумента – пергамін. Памеры: шырыня 57,5 см., вышыня 57 см., вышыня ніжняй часткі акта падкладзенай пад пячатку ад 9,7 см. (левы край) да 10,4 см. (правы край). Стан – добры, на адвароце акта маюцца сляды рэстаўрацыі паперай па цэнтральным вертыкальным згібе ў трох месцах, тэкст выразны, выкананы скораспісам Расійскай дзяржавы сярэдзіны XVI ст. Прывесістая пячатка вялікага князя маскоўскага Івана Васілевіча з тытулам “царь и великий князь”, баваўняны шнур цёмна-чырвонага колеру, чырвоны воск, d = 8,5 см.

Тэкст дакумента па спісе ў пасольскіх кнігах надрукаваны ў 1887 г. [17, с. 511–514]. Фотаздымак дакумента і пячаткі апублікаваны галоўным бібліятэкарам Адзела рукапісаў РНБ С.Г. Жэмайцісам у 2009 г. Дакументы экспанаваліся на выставе, арганізаванай у Прэзідэнцкай бібліятэцы і прысвечанай гісторыі расійскай дзяржаўнасці, адчыненай у маі 2009 г. [9, с. 70–71]. Адметна, што на тытульным баку вокладкі выдання змешчана фота аднаго з бакоў пячаткі менавіта з акта, што паходзіць з фондаў РНБ, акта – з архіва ВКЛ. Фота акта даступна таксама на сайце РНБ.

Адносна пытання правеніенцыі акта і гісторыі яго ўключэння ў фонды РНБ можна адзначыць наступнае. Унізе тытульнага боку акта пад загнутай уверх часткай пергаміна, падкладзенай пад пячатку правей месца мацавання шнура ад пячаткі чорным чарнілам выкананы запіс: “Ex Muzaeo Petri Dubrowsky”¹. Пётр Пятровіч Дуброўскі (1754–1816) – заснавальнік і першы галоўны захавальнік т.зв. Дэпо Манускрыптаў (пазнейшага адзела рукапісаў РНБ) Імператарскай Публічнай Бібліятэкі ў Санкт-Пецярбурзе. Урадженец Кіева, выпускнік Кіева-Магілянскай Акадэміі (1772 г.), з 1777 г. па жнівень 1792 г. ён служыў пры канцылярыі рускай пасольскай місіі ў Парыжы. За час свайго знаходжання ў Францыі, а таксама падчас падарожжаў па Еўропе гэта асоба сабрала ўнікальную калекцыю помнікаў пісьмовай культуры свету. Яна ўтрымлівала каля 16000 рукапісных кніг і дакументаў на грэчаскай, стараславянскай, заходнееўрапейскіх мовах, усходнія манускрыпты і іншыя матэрыялы за перыяд V–XVIII стст., сярод якіх знаходзіліся ўнікальныя помнікі пісьменнасці. У 1805 г. збор быў выкуплены расійскім імператарам Аляксандрам I для Імператарскай Публічнай Бібліятэкі [8; 13; 16]. У складзе прыватнай калекцыі меўся і фрагмент архіўнай “радзівіліяны”, які фактычна склаў аснову знакамітай т. зв. польскай часткі калекцыі аўтографаў П.П. Дуброўскага (ф. 971) [10; 15]. Аднак значная яе частка патрапіла і да іншых калекцый адзела рукапісаў, у адносінах да якіх ў бібліятэцы традыцыйна прымяняецца найменне “фонд”. Згодна са сцвярджаннем М.М. Крома, акрамя ф. 971 “радзівіліяна” П.П. Дуброўскага ўтрымліваецца ў фондах: 1) ф. 293 “Западно-русские акты”; 2) ф. 532 “Основное собрание актов и грамот”; 3) ф. 958 “Собрание разноязычных рукописных книг” [15, с. 10]. Такім чынам, з дастатковай доляй верагоднасці можна сцвярджаць, што перамерны акт 1556 г. першапачаткова таксама належыў менавіта да “радзівіліяны” П.П. Дуброўскага, адзіны комплекс якой быў раздзелены ў першай палове XIX ст. ў выніку чаго акт па намінальнай прыкмеце патрапіў да ф. 532.

Паходжанне самой “радзівіліяны” ва ўласнасці калекцыянера да канца не высветлена. Т.У. Луізава сцвярджала, што дакументы, былі набытыя ім часткова яшчэ ў Францыі, а рэшта, верагодна, пазней” [13, с. 151]. Т.М. Карпэева на аснове аналізу адзнак архіўнага ўліку і іншых правеніенцыйных прыкмет сцвярджала, што ў рукі калекцыянера патрапілі адразу некалькіх архіваў Радзівілаў, прычым іх цэлыя часткі. Адзін з іх на падставе экслібрысаў ідэнтыфікаваны ёю як Несвіжскі. З яго, па меркаванні даследчыцы, матэрыялы патрапілі да П.П. Дуброўскага апасродкавана праз зборы Залускіх, з якіх яны перайшлі ў рукі прыватных асоб. Паходжанне ж большай часткі рукапісаў Т.Н. Капрэева звязвала з не менш чым дзвюма іншымі архівамі роду Радзівілаў, верагодна біржанскай галіны [10, с. 138–142, 149]. М.М. Кром, падзяляючы высновы папярэдняй даследчыцы адным з месцаў ранейшага захоўвання “радзівіліяны” РНБ назваў Кейданскі архіў Радзівілаў [15, с. 13–14].

Асабістая архіўная спадчына П.П. Дуброўскага захавалася ў малой ступені і не ўтрымлівае істотных звестак адносна правеніенцыі разглядаемай часткі яго калекцыі. Тое ж можна сказаць і аб матэрыялах яго службовай дзейнасці ў архіве РНБ, што пакуль не дае магчымасці цалкам высветліць пытанне. Існуючыя на цяперашні момант дадзеныя аб гісторыі архіваў роду Радзівілаў дазваляюць, аднак, сцвярджаць, што ў другой палове у XVIII ст. асноўная маса найважнейшых матэрыялаў па гісторыі рода была сканцэнтравана ў Нясвіжы. Наяўнасць у

¹ Аўтар выказвае шчырую ўдзячнасць галоўнаму бібліятэкару Адзела рукапісаў РНБ С.Г. Жэмайцісу за дапамогу ў выяўленні і апрацоўцы правеніенцыйных прыкмет акта і садзейнічанне ў даследаваннях.

калекцыі П.П. Дуброўскага перамернага акта 1556 г., захоўванне якога ў Нясвіжскім архіве пацвярджаецца вопісамі, дазваляе звязаць і паходжанне ўсёй “радзівіліяны” РНБ менавіта з нясвіжскімі зборамі магнацкага роду. Абставіны, пры якіх мог адбыцца выхад са складу архіва такога беспрэцэдэнтнага па аб’ёму і каштоўнасці комплекса матэрыялаў, у тым ліку агульнадзяржаўнага значэння, патрабуюць далейшага высвятлення. Аднак, найбольш верагодным часам гэтай падзеі мог быць перыяд 1790–1812 гг. Верхняя мяжа – гэта заканчэнне працоўнай дзейнасці П.П. Дуброўскага ў Імператарскай Публічнай Бібліятэцы. Ніжняя мяжа абумоўлена сыходам са свету Караля Станіслава Радзівіла “Пане Каханку” (1734–1790) і пачаткам перыяду кіравання маёмасцю непаўнагадовага Дамініка Гераніма Радзівіла (1786–1813) апекунамі і іх адміністратарамі, у прыватнасці, Міхалам Геранімам Радзівілам (1744–1831) і Л. Камінскім, што суправаджалася шматлікімі фінансавымі злоўжываннямі і перамяшчэннямі архіваў. Нясвіжскі замак у гэты час падвяргаўся нападу расійскіх войск (чэрвень 1792 г.), вывозіўся ў Варшаву і часткова ў Нябораў – рэзідэнцыю ваяводы віленскага, апекуна Міхала Гераніма Радзівіла. У Нябораве яго дзяржаўная частка заставалася на працягу ўсяго XIX ст. Астатнія матэрыялы вырнуліся ў Нясвіж у 1803–1805 гг. [11]. Менавіта на азначаны перыяд прыпадае таксама дзейнасць Каятана Квяткоўскага (1769–1852) – бібліятэкара ў Нясвіжы ў перыяд 1804–1810 гг., асобы, з якой звязаны незаконны выхад са складу архіва вялікага комплексу рукапісаў па гісторыі ВКЛ і роду Радзівілаў, асноўная маса якіх патрапіла да збораў графаў Дзялынскіх у Курніку [12].

1. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – Ф. 532 “Основное собрание актов и грамот”. Оп. 1. № 141.
2. Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD). – Zbiór dokumentów pergaminowych (ZDP). – Sygnatury 7599, 7623, 7670, 7702.
3. AGAD. – Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski (AR) – Dział XXVII. – Sygn. 11. Regestr przywilegiów W.X.Lit. oddanych do zamku Xiążąt Radziwiłłów 26.11.1623 r.
4. AGAD. – AR – Dz. XXVII. – Sygn. 14. “Regestr przywilejów dawnych 1722 [część lub tom] 1”. Oprac. A. Goffoux. Grudzień 1721 r., 1722 r. – 34 s.
5. AGAD. – AR – Dz. XXVII. – Sygn. 27. Regestr przywilegiów Unii Litewskiej z Korono. – b.d. lata 40-te XVIII w. [1744 r.] – 12 s.
6. AGAD. – AR – Dz. XXVII. – Sygn. 29. Lustracja archiwów zamku nieświeckiego. X 1755 r. – 35 + 1 s.
7. Антанавичюс, Д. Найден реестр оригинальных книг Литовской Метрики XVI в. / Д. Антанавичюс. // Новости Литовской Метрики. – № 12. / Инст. ист. Литвы. – Вильнюс: Leidykla, 2011. – С. 18–25.
8. Воронова, Т.П. Дубровский – первый хранитель «Депо манускриптов» публичной библиотеки / Т.П. Воронова // Археологический ежегодник. – М.: Наука, 1981. – С. 123–130.
9. История российской государственности : каталог выставки / [вступ. слово: Д. Медведев; авт. вступ. ст.: А.Р. Соколов, В.Н. Зайцев]. – Санкт-Петербург : Президентская библиотека, 2009. – 120 с.
10. Копреева, Т.Н. Обзор польских рукописей Государственной Публичной Библиотеки (Собрание П.П. Дубровского) / Т.Н. Копреева // Труды Государственной Публичной Библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Л.: ГПБ, 1958. – Т. V (8). – С. 137–165.
11. Латушкін, А.М. Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў у канцы XVIII – першай палове XX стст.: дыс. на суіск. вуч. ступ. канд. гіст. навук: 05.25.02 / А.М. Латушкін; БДУ. – Мінск, 2007. – 296 [9] л.
12. Латушкін, А.М. Дакументальныя страты Нясвіжскага архіва князёў Радзівілаў у пачатку XIX ст. (справа К. Квяткоўскага) / А.М. Латушкін // Беларускі археаграфічны штогоднік / гал. рэд. Э. М. Савіцкі [і інш.]. – Вып. 13. – 2012 г. – С. 149–160.
13. Луизова, Т.В. Собрание рукописей П.П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина / Т.В. Луизова // Вопросы истории. – 1952. – № 8. – С. 150–154.
14. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. II. / Ред. кол. И. Граля, М. Дыго, М. Нагельский [и др.]. – М.; Варшава: Археологический центр, 1997. – 330 с.
15. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. (Monumenta historica res gestas Europae Orientalis illustrantia. Fontes XV – XVII saec.). Т. VI. / Сост. М. М. Кром. – Москва-Варшава: изд. «Древлехранилище», 2002. – 267 с.
16. Петр Дубровский (1754 – 1816) и его коллекция : [альбом] / Рос. нац. б-ка; [сост.: Н.А. Елагина и др. текст: Н.А. Елагина предисл.: В.Н. Зайцев, В.А. Лопатников]. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2004. – 30 с.
17. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: 1867 – 1916. 148 т. – Т. 59 / Том издан под наблюдением Г. Ф. Карпова. – СПб., 1887. – [10], XVI, 630 с., 98 стб.
18. Сборник князя Оболенского. – М.: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1838. – № 5.
19. Хорошкевич, А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – М.: Древлехранилище, 2003. – 620 с.
20. Mikulski, W. Dokumenty z archiwum WXL w archiwum warszawskim Radziwiłłów / W. Mikulski // Miscellanea historico-archivistica. – 1997. – Т. 7. – S. 71–83.

Безмацерных Д.А. АКТАВЫЯ КНІГІ БРАСЛАЎСКАГА ЗЕМСКАГА СУДА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

У 1565–1566 гг. у Вялікім Княстве Літоўскім была праведзена адміністрацыйна-тэрытарыяльная і судзებная рэформы, у выніку якой быў утвораны сярод іншых і Браслаўскі павет – адзін з самых маленькіх павеатаў дзяржавы, а разам з гэтым на землях новаўтворанага павеата была ўсталявана новая судовая сістэма, у рамках якой быў створаны земскі суд. Знаход-

зьячыся на перыферыі, аддалены ад палітычных цэнтраў, павет быў дастаткова маланаселеным. На паўночным захадзе ён межаваў з Інфлянцкім княствам, на захадзе яго ляжаў Вількамірскі павет, на поўдні праходзіла мяжа з Ашмянскім (часткова па рацэ Дзісна) і Віленскім павятамі, а на паўночны ўсход і усход ад яго знаходзілася Полацкае ваяводства.

Першая сесія Браслаўскага земскага суда адбылася каля 1566 г. Напачатку свайго дзеяння пастаяннага памяшкання суд не меў, засядаў ён у замку. Але ў 1590 г. сеймам Рэчы Паспалітай зямлянам павета было дазволена пабудаваць спецыяльны будынак для дзейнасці земскага суда. Для захавання кніг гэты будынак павінны быў мець каменны склеп пад ім. А да заканчэння пабудовы засяданні па-старому павінны былі працягваць свае засяданні ў замку [1.3, с. 317]. У дакуменце самай старажытнай актавай кнігі Браслаўскага земскага суда, якая захавалася да нашага часу, а менавіта у скарзе браслаўскага зямліна Кляўса Ведыка на пісара земскага Яна Самсона ад 15 студзеня 1603 г. упамінаецца «изба судовая» [1.4, арк. 46] як адасоблены будынак, што сведчыць пра тое, што на студзеньскай (трохкралеўскай) сесіі 1603 г. асобны будынак для паседжанняў земскага суда ўжо існаваў.

Кнігі земскага суда запісваліся пісарам і падпіскамі. Працэс захавання актавых і іншых кніг земскага суда быў прапісаны ў III Статуце (Раздзел 4, арт. 13). Кнігі трымаліся пад замком. Адчыняліся яны за тры дні да пачатку рочкаў, калі збіраліся разам судовыя ўраднікі. У гэты час усім жадаючым даваліся выпісы з гэтых кніг, складаліся спецыяльныя рэестры, якімі вызначаўся парадак разглядання спраў на судзе (аднак на самім судзе гэты парадак не заўсёды выконваўся), з унясеннем позваў. Колькасць дзён, як спраў, якія разглядаў суд за рочкі магла быць рознай. Засядалі кожны дзень, выключаючы вялікія святы і нядзелі. Запісы, якія рабіліся падчас сесій, можна падзяліць на дзве групы: некаторыя моманты, якія патрабавалі натарыяльнай ці проста юрыдычнай фіксацыі (сюда можна аднесці акты куплі-продажу, тэстаменты, сведчанні па розных справах, скаргі, аповеды возных і г.д.) і судовыя справы з запісам судовага выраку. Пасля заканчэння сесій судовыя ўраднікі яшчэ тры дні выдавалі выпісы з кніг, запісвалі яшчэ неўнесеныя «сазнанні». Пасля кнігі ранейшых рочкаў хаваліся ў спецыяльную скрыню, ключы ад якой мелі толькі суддзя, падсудак і пісар. Яны ж апячатвалі скрыню сваімі пячаткамі. Скрыня павінна была захоўвацца ў спецыяльным бяспечным месцы, якое павінна было ахоўвацца ваяводай ці старастай. Запісы з апошняй сесіі захоўваліся ў пісара, як у прысягнуўшага ўрадніка, да наступнай сесіі. За гэты час ён павінны быў начыста перапісаць іх. Пасля яны далучаліся да астатніх кніг у агульную скрыню. Пасля трох сесій і да пачатку чацвёртай справы з гэтых трох рочкаў павінны былі быць сшыты разам. Аднак, як сведчаць запісы, якія не заўсёды ідуць у храналагічным парадку, кнігі не заўсёды перапісваліся набела, часам пакідалася пустое месца, куды ўпісваліся іншыя запісы. Але ўся сістэма для забеспячэння аховы кніг добра паўплывала на захаванасць кніг земскіх судоў да сучаснасці.

За XVII ст. падчас войнаў Рэчы Паспалітай з Маскоўскай дзяржавай Браслаў некалькі разоў быў спалены. У 1793 г. горад набыў статус цэнтра ваяводства, а павятовыя сеймікі, земскія і гродскія суды разам з архівам былі пераведзены ў Відзы.

Паводле ўказа Паўла I ад 12 снежня 1796 г. пасля ўваходжання тэрыторый у склад Расійскай імперыі была ўзноўлена былая судовая сістэма, але з некаторымі зменамі, а канчатковае скасаванне земскіх судоў адбылося ў 1831 г.

Падчас адступлення напалеонаўскай арміі 28 лістапада 1812 г. адбыўся бой апошніх з рускімі войскамі вялікая частка Відзаў згарэла, а разам з ёй і гродскія актавыя кнігі за XVI–XVIII ст.

На дадзены момант актавыя кнігі Браслаўскага земскага суда разбрасаны на некалькіх архівах: 12 кніг захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў ф.1747 (1603–1606, 1606–1610, 1610–1614, 1618–1619, 1621–1623, 1624–1627, 1628–1632, 1638–1640, 1665–1666, 1773–1784, 1783, 1821 гг.), 23 кнігі – у Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве ў ф. 46 (1725–1727, 1727–1729, 1730–1731, 1765–1768, 1766–1770, 1769–1770, 1771–1781, 1771–1774, 1777–1779, 1780–1781, 1782, 1782–1783, 1784, 1785, 1786, 1787, 1792, 1793–1794, 1794, 1795, 1796–1797, 1798, 1799), адна – у Яраслаўскім музеі-запаведніку (1620 г.) [1.7], і яшчэ адна – у Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве (1649–1652 гг.) [1.5].

Наогул дакументы архіва Браслаўскага земскага суда ўключаюць у сябе некалькі відаў крыніц: актавыя, паточныя і дэкрэтныя кнігі, актавыя і паточныя пратаколы, сумарыйныя, тактавыя, ардынарныя і іншыя рэестры спраў. Часам можна сустрэць укладныя дакументы. Але

для лепшага ўяўлення ступені каштоўнасці аднаго з іх – актавых кніг – для даследчыкаў неабходна ведаць іх прыкладны змест.

Прааналізаваўшы актавыя кнігі Браслаўскага земскага суда за 1602–1632 гг., гісторык Г. Люлевіч прапанаваў падзяліць матэрыялы на некалькі груп: 1) дэкрэты земскага суда; 2) дакументы цякучага функцыянавання дадзенага суда (рэляцыі, інтрамісіі, позвы і г.д.); 3) дакументы іншай шляхты для натарыяльнага завярэння (тэстаменты, акты куплі-продажу, арэндныя лісты, акты маёмаснага падзелу спадчыны і іншыя). Аднак, як пазначае навуковец, шэраг запісаў у гэтых групы не ўпісваюцца (напрыклад, рэгістр збору срэбрэшчыны ў 1628 г. і г.д.) [1.2, s. 155]. Разнастайнасць матэрыялаў забяспечвалася дастаткова шырокім колам дзейнасці і функцый земскага суда, і вылучыць усю інфармацыю, якую можа знайсці даследчык у актавых кнігах вельмі складана. Аднак паспрабуем аглядзіць асноўнае кола інфармацыі, якое прысутнічае ў іх.

Структура кожнага запісу патрабавала пазначэння дня і сесіі (трохкольская, траецкая, міхайлаўская), калі быў зроблены запіс, а таксама імёнаў ураднікаў з пасадамі. У выпадку замены пазначаўся чалавек, які засядаў на месцы адсутнага ўрадніка, часам запісвалася і прычына такой “нябытнасці”. У выпадку натарыяльнага завярэння нейкага дакумента пазначалася дата і месца яго напісання, запісваліся імёны і пасады сведкаў, што падпісвалі дакумент. У выпадку пропуску запісаў некалькіх рочкаў з-за неправядзення сесій пісар часам мог пазначыць прычыну адсутнасці запісаў за вызначаны перыяд. Так такія запісы прысутнічаюць у актавай кнізе за 1603 – 1606 гг., дзе пісар земскі Ян Самсон Падбярзоскі паміж запісамі розных сесій зрабіў паметкі пра неправядзенне двух рочкаў (траецкіх і міхайлаўскіх) за 1603 г. з прычыны “непрыбітыя их м(и)л(о)сти панов судей” [1.4, арк. 78 адв.].

Асноўныя мовы напісання польская і старабеларуская, радзей сустракаецца лаціна. Да 1697 г. мовай справаводства была старабеларуская, што вызначае і мову крыніц. Для XVII ст. асноўнай з’яўляецца старабеларуская, польскай часам напісаныя ў асноўным запісы дакументаў асабістага характара (лісты куплі-продажу, тэстаменты і г.д.), а таксама сведчанні ці лісты возных. Гэта стварае магчымасць на падставе аналізу выкарыстанай мовы прыкладна апісаць моўную сітуацыю рэгіёна. Пасля 1697 г. старабеларускай мовай пачалі запісвацца толькі выпісы папярэдняга стагоддзя.

Вельмі вялікі пласт матэрыялаў закранаюць пытанні маёмаснага характару. Гэта прадажныя, арэндныя, дароўныя, застаўныя, дзельчыя, інтрамісійныя, вянёўныя лісты, тэстаменты і інш. Да гэтага ліку можна аднесці таксама і судовыя дэкрэты ці выракі, звязаныя з падзелам і перадачай маёмасці. У такіх матэрыялах закранаецца не толькі эканамічны бок (пералік маёмасці, колькасць падданных і г.д.), але часам прысутнічаюць вельмі падрабязныя геаграфічныя звесткі ці гісторыя валодання маёмасцю. У судовых справах, звязаных з грабляжамі, указваліся не толькі спісы ўкрадзеных рэчаў, але і іх кошт. Вялікі адсотак складаюць справы пра невяртанне грошай ці іншай пазычанай маёмасці. Часам тая ж самая інфармацыя магла быць зафіксавана ў выглядзе скаргаў ці апавяданняў са сведчаннем пра вяртанне пазыкі.

Канфлікты ўзніклі сярод браслаўскіх зямлян не толькі з прычыны маёмаснага характару. Так сустракаюцца справы, звязаныя з абразай чалавечай і шляхетнай годнасці, ці нават больш рэдкія. Так, у 1603 г. паміж пісарам земскім Янам Самсонам Падбярзоскім і зямлянінам Кляўсам Ведыкам адбыліся некалькі судовых разбіральніцтваў, падставай якіх стала абвінавачванне пісарам Янам Самсонам зямляніна Ведыка ў падтрымцы “ываланца” былога пісара гродскага браслаўскага Юрыя Доўбара, з далейшымі абразамі і стаўленнем пад пытанне права Ведыка на шляхецтва [1.4, арк. 45 адв. – 46 адв.]. Часам разбіральніцтвы адбываліся з прычыны канфлікту паміж падданымі розных зямлянаў, у такім выпадку разглядаліся не толькі грабляжы, збіццё, але і забойствы.

Сустракаюцца вельмі падрабязныя апісанні некаторых падзей. Так, напрыклад, вельмі падрабязна апісаны напад і збіццё замкавага браслаўскага служкі Грыгера Мяседа з жонкай. У фарбах распісаны як працэс самаго нападения, так і апісанне возным пабояў замкавага служкі [1.4, арк. 41–42].

Нельга недаацэньваць, якую ролю матэрыялы актавых кніг могуць прадаставіць даследчыкам для вывучэння біяграфій і генеалогій. Таксама трэба адзначыць, што ў актавых кнігах за 1795–1799 гг. былі запісаныя акты пацвярджэння дваранскага паходжання з малюнкамі гербоў і генеалагічных дрэваў радоў, якія пражывалі на тэрыторыі Браслаўскага павета.

Да некаторых справаў можна знайсці падшытыя афіцыйныя друкаваныя дакументы, зацверджаныя сургучнымі пячаткамі. Часам у актавых кнігах таксама фіксаваліся каралеўскія лісты з прызначэннем на нейкія пасады. Такі ліст, напрыклад, быў актыкаваны ў кнізе

Браслаўскага земскага суда за 1603–1606 г., для запісання ў якую падаў каралеўскі ліст на атрыманне браслаўскага маршалкоўства Юры Самсон Падбярэзскі [1.4, арк. 94 адв. – 95].

У дадзеных кнігах можна знайсці звесткі і рэлігійнага характару. Так, вельмі цікавай для вывучэння з’яўляецца апавяданне браслаўскага вознага Крыштафа Няцкоўскага пра народны суд над вядзьмакамі, які адбыўся ў 1615 г. у с. Магуны Браслаўскага павета [1.6].

Такім чынам, вывучэнне актавых кніг Браслаўскага земскага суда дазваляе стварыць разгорнутую карціну розных бакоў жыцця Браслаўскага павета за часы існавання вызначанага суда. Розная ступень інфарматыўнасці ствараецца шырокай разнавіднасцю дакументаў, сабраных у актавых кнігах. Разнастайнасць матэрыялаў выклікае неабходнасць іх дэтальнага аналізу, а шматлікасць утрыманай інфармацыі робіць дадзеныя матэрыялы цікавымі для даследвання розных сфераў жыцця Браслаўскага павета ў вызначаны перыяд.

1. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 46 (SA). Ap. 1.
2. Lulewicz, H. Sąd ziemski brasławski w świetle zachowanych ksiąg ziemskich z lat 1603–1632 / H. Lulewicz // Miscellanea Historico-Archivistica / Naczel. dyrek. arch. państw., Arch. głów. akt dawn.; komit. red.: F. Ramotowska [i in.]. – Warszawa, 1999. – Т. 10. – S. 151–161.
3. Volumina Legum: przedruk zbioru praw staraniem XX pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782: leges, statuta, constitutiones et privilegia regni Poloniae, magni ducatus Lithuaniae, omniumque provinciarum annexarum, a committis vislicie anno 1347 celebratis usque ad ultima regni comotia. – Petersburg: J. Ohryzko, 1859. – Т. 2.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1747. Воп. 1. Спр. 1.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 356. Оп. 1. Д. 2
6. Спрогис, И. Я. Народный суд литвинов над колдунами (чародейми) 1615 года. / И. Я. Спрогис. – Витебск, 1896. – 18 с.
7. Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – № 15935.

Евстратьев О.И.

«RUSACY» В НОРВЕГИИ?

К ПРОБЛЕМЕ КРИТИКИ ОДНОГО «ТРУДОВОГО КОНТРАКТА» XVII ВЕКА

В ходе подготовки кандидатской диссертации по теме «Колониальная политика герцогства Курляндия и Семигалия в XVII–XVIII вв.» в сентябре 2016 г. нами проводилась исследовательская работа в Латвийском государственном историческом архиве (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs – LVVA*) в Риге, где был обнаружен весьма любопытный источник. Одной из задач, решаемых нами в рамках диссертационного исследования, является выяснение того, имеются ли документальные доказательства участия выходцев из белорусских земель в колониальных экспедициях Курляндского герцогства или в заселении курляндских колоний, которые во второй половине XVII в. находились на острове Тобаго в Карибском море и в устье реки Гамбия в Западной Африке. Основания для выдвижения подобной гипотезы имеются: на всем протяжении своего существования с 1561 по 1795 гг. Курляндское герцогство находилось в вассальной зависимости от великого князя литовского и короля польского. Данное обстоятельство позволяет некоторым польским публицистам утверждать, что «кроме Польши от моря до моря, существовала также и такая, которая распространялась за океан», поскольку «все территории, которыми обогащались вассалы Речи Посполитой, также оказывались и под ее властью» [12; подробнее см.: 1, с. 46–47]. Данный аргумент в последнее время привлек внимание также белорусской популярной прессы. В январе 2014 г. в газете «Аргументы и факты в Беларуси» была опубликована статья Александра Погорелого с говорящим названием «С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии» [4]. Автор с самого начала заявляет, что «пусть и недолго, но у нас тоже были свои колонии в Южной Америке и Африке», объясняя это опять-таки вассальным статусом Курляндского герцогства в отношении историографических предков современной Беларуси – Великого княжества Литовского и Речи Посполитой.

Но документальных подтверждений участия выходцев из белорусских земель в колониальных экспедициях или в заселении колоний курляндских герцогов Якоба (1610–1681) и Фридриха Казимира (1650–1698) из династии Кеттлеров на острове Тобаго и в устье реки Гамбия нам обнаружить не удалось. В соответствующих списках упоминаются преимущественно нидерландские, а также немецкие, датские, шведские и английские имена и фамилии [см., например: 9, лл. 2, 21об–30, 32об, 44–45об, 47об–49, 50–50об, 53–57, 90об–92, 93–94, 104–106, 110–111об, 117–118, 122–122об, 125об–130, 136об, 175–175об]. Курляндское герцогство, находясь на периферии атлантической колонизации, не обладало всеми необходимыми условиями для успеш-

ного осуществления заокеанской экспансии. В первую очередь, в Курляндии не хватало соответствующих специалистов. В этой связи герцогу Якобу приходилось нанимать матросов, солдат, колонистов, а также искать финансовой поддержки у купцов за рубежом, особенно в Нидерландах и Англии, а также в странах и городах балтийского побережья: Дании, Норвегии, Швеции, Бремене, Гамбурге, Данциге и Кёнигсберге.

Однако помимо заокеанских колоний, у герцога Якоба были владения в Норвегии: гавань во Флеккерё (норв. *Flekkerøy*) и железный рудник в Эйдсволле (норв. *Eidsvoll*; в источниках упоминается как *Eldeßwordt* [11, с. 608] и *Edswold* [7, № 21, с. 164]), которые тот арендовал у Дании с 1651 и 1663 гг. соответственно [7, № 21, с. 165; 11, с. 28, 37, 120–121, 607]. Гавань во Флеккерё быстро пришла в упадок и не упоминается в документах, за исключением завещания герцога Якоба 1677 г., согласно которому эту гавань, ставшую лишь формальной собственностью дома Кеттлеров, должен был унаследовать его сын Александр (1659–1686) [11, с. 120–121, 786]. В то же время предприятие герцога в Эйдсволле приносило ему большие доходы [6, с. 138] и просуществовало до 1688 г., когда наследник Якоба, герцог Фридрих Казимир, возвратил его Дании в качестве долговой компенсации [7, № 22, с. 170; 11, с. 791]. По своему характеру курляндское владение в Эйдсволле также являлось колонией, поскольку «оно состояло из деревень, было заселено крестьянами и работниками из Курляндии, управлялось курляндскими губернаторами и пасторами» [11, с. 610].

В ходе проведения исследовательской работы в Латвийском государственном историческом архиве в Риге нам удалось ознакомиться с документом из фонда 554 «Курляндский герцогский архив» (*Kurzemes hercogu arhīvs*), позволяющим выдвинуть гипотезу об участии выходцев из белорусских земель в работе на горнодобывающем предприятии герцога Якоба в Эйдсволле в XVII в. Это стало возможным благодаря неоценимой помощи доктора Марите Яковлевой (*Mārīte Jakovļeva*), ведущего научного сотрудника Института истории Латвии Латвийского университета и Латвийского государственного исторического архива в Риге, блестящего знатока истории Курляндского герцогства и одного из немногих специалистов в этой области, которая любезно предоставила в наше распоряжение данный документ, а также дала ценные указания относительно локализации упоминающегося в нем населенного пункта, за что мы выражаем ей нашу глубокую признательность.

Этот документ [9, л. 69], написанный на польском языке, представляет собой «трудовой контракт», заключенный группой «русак» (вариант использования этнонима «русин», распространенный в XVII в., во множественном числе также «русцы» [5, с. 258, 260]; в данном источнике – *Rusacy*) 3 февраля 1666 г. в Митаве (совр. Елгава, бывшая столица Курляндского герцогства) с герцогом Якобом относительно их участия в работах по добыче смолы в герцогском имении Ангоры (согласно замечанию доктора Марите Яковлевой, данный населенный пункт можно локализовать как современное село Энгуре (латыш. *Engure*) на севере Латвии в регионе Курземе; в 1677 г. там началось строительство последней железодельательной мануфактуры герцога Якоба [см.: 8]). Отдельно в контракте оговариваются условия возможного участия «русак» на работах в Норвегии в пользу курляндского правителя с началом мореходного сезона: туда могли отправиться те из них, кто того пожелает. Имена людей, подписавших «контракт» (всего 21 человек), позволяют выдвинуть предположение о том, что они (или хотя бы часть из них) происходили из белорусских или украинских земель Великого княжества Литовского: Александр Федорович (*Alexander Chwiedorowich*), Пахом Сташко (*Pachom Stasko*), Микла (*Mikula*), Тышко (*Tyszko*), Федор Крубер (*Chwieder Cruber*), Атрошка (*Atroszka*), Левон Харенкарович (*Lewon Harencarowich*), Иван (*Iwan*), Роман (*Roman*), Сташко Лысый (*Stasko Łysy*), Гришко Хмель (*Hryszko Chmiel*), Климато Дудар (*Klimato Dudar*), Михалко (*Michalko*), Мацей (*Maciusz*), Иоахим Скрипка (*Joachim Skrzypka*), а также прибывшие на следующий день, т.е. 4 февраля 1666 г., Ян Короневский (*Jan Koroniewski*), Вильгельм (*Wilhelm*), Яшко, сын Вильгельма (*Jasko Syn Wilhelma*), Алексей Драгон (*Olexiey Dragon*) и Ивашко Стодольник (*Iwaszko Stodolnik*). В качестве «поручителя» подписался некий Каспар Дрегневич (*Kaspar Dregniewich*), вероятно, руководитель этой группы.

Каким же образом эти «русак» могли оказаться в Курляндии? Известно, что герцог Якоб с радостью принимал в своем государстве беженцев из соседних стран, приносивших ему пользу своим трудом в качестве ремесленников и торговцев. Например, 12 февраля 1670 г. поселению беженцев из Полотчины под названием Слобода (*Schlabodda*) Якоб Кеттлер предоставил магдебургское право [13, с. 242, № 205]. Новый город получил название в честь герцога – Якобштадт (совр. Екаб-

пилс). Впоследствии там появились старообрядцы и литовские евреи [3, с. 265–266]. Также в XVII в. там был основан православный Свято-Духовский Якобштадтский монастырь, в связи с чем город Якобштадт стал настоящим центром православия в Курляндии [2, с. 246–247]. Возможно, названные «русак» искали в сохранявшем нейтралитет герцогстве убежища от неурядиц польско-русской 1654–1667 гг. или польско-шведской 1655–1660 гг. войн.

Описанный документ порождает много вопросов. В конце концов, неизвестно, отправились ли упомянутые «русак» или хотя бы часть из них в Норвегию – для выяснения этого требуются более углубленные архивные изыскания. Тем не менее представляется, что данный эпизод достоин дальнейшего изучения (в частности, методами филологии), ведь участие выходцев из белорусских земель в деятельности колониального поселения герцога Якоба в Норвегии может значительно расширить наши представления о территориальной мобильности «белорусских» простолюдинов во второй половине XVII в.: приведенные выше имена говорят, очевидно, о неблагородном происхождении их носителей, которые могли быть либо крестьянами, либо мещанами. Кроме того данный источник может предоставить сведения иного порядка: характер «трудовых контрактов» XVII в., условия труда, вознаграждение за него и т.д.

1. Евстратьев, О.И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О.И. Евстратьев // «Социально-гуманитарные знания»: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 ноября 2015 г. // РИВШ; под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–49.
2. Евстратьев, О.И. Якоб Кеттлер: «курляндский след» в истории Беларуси / О.И. Евстратьев // *Alba Russia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций* / А.В. Мартынюк [и др.]; под ред. А.В. Мартынюка. – М.: Квадрига, 2015. – С. 224–249.
3. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 305 с.
4. Погорельный, А. С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии / А. Погорельный // Аргументы и факты в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.aif.by/timefree/history/item/26645-vkl.html>. – Дата доступа: 15.02.2017.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Ряшенко) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. Г. А. Богатовой [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – 298 с.
6. Eckert, W. Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus: Ein Beitrag zur Staats- und Wirtschaftspolitik Herzog Jakobs von Kurland (1642–1682) / W. Eckert. – Riga: G. Löffler, 1927. – 272 S.
7. Igals, F. Kursemneeku kolonijas Norveģijā / F. Igals // *Brihwaz Zemes Ilustretais Peelikums*. – 1934. – № 21–23.
8. Jakovļeva, M. Engures dzelzniecības darbinā 17.–18. gadsimtā / M. Jakovļeva // *Latvijas vēstures institūta žurnāls*. – 2001. – № 1 (38). – 54.–83. lpp.
9. LVVA, фонд 554, опись 1, дело 837. Корабельные счета 1654–1668. Переплетенная в пергамент тетрадь с указателем герцогских кораблей.
10. LVVA, фонд 554, опись 1, дело 2057. Прошения с приложениями 1755 г. (Январь, Март, Июнь–Октябрь).
11. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – 1015 S.
12. Olbrychski, A. Tobago: zamorskie kresy Rzeczypospolitej / A. Olbrychski // *Histmag.org* [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://histmag.org/Tobago-zamorskie-kresy-Rzeczypospolitej-9488>. – Дата доступа: 15.02.2017.
13. Ziegenhorn, C. G. von. Staatsrecht der Herzogthümer Curland und Semgallen / C. G. von Ziegenhorn. – Königsberg: J. J. Kanter, 1772. – 476 S.

Фельдман Д.З.

ДОКУМЕНТЫ РГАДА ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ XVII в.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

В предыдущей работе нами были подведены основные итоги изучения документов РГАДА по истории евреев Беларуси кон. XVIII – нач. XIX в. [11]. Как отмечалось, данный архив обладает значительным количеством материалов по истории евреев, в том числе белорусских, за XV–XX вв. Поскольку в РГАДА почти полностью отсутствуют сколько-нибудь компактные и цельные документальные комплексы данного профиля, чьими фондообразователями были бы еврейские учреждения, организации или деятели, то зачастую мы имеем дело не с массовыми, а скорее с единичными источниками или их небольшими группами. Особенно это касается раннего периода российской истории, когда была преодолена Смута и московский престол заняли представители династии Романовых.

С постепенным возрождением академической иудаики в постсоветской России в начале 1990-х гг. началось активное вовлечение в круг исследований новых исторических источников. Настоящая работа призвана обобщить некоторые итоги работы с документами РГАДА по истории белорусских евреев XVII в. За прошедшие годы на базе его документального собрания разрабатывалось большое количество частных вопросов еврейской истории России периода Средневековья. В связи с тем, что количество таких материалов довольно велико, мы остановимся

лишь на нескольких, на наш взгляд, наиболее важных и интересных видах документов – делах десятен и крестопроводных книгах.

Историография истории евреев в России XVII в. насчитывает определенное число работ, подавляющее большинство которых опубликовано в дореволюционный период. Среди них выделяются статьи Ю.И. Гессена, основанные на архивных источниках [1; 3]. Однако до недавнего времени к исследованиям в иудаике практически не привлекались такие документы, как «дела десятен», отложившиеся в деятельности Разрядного приказа и содержащие важную информацию о евреях, попавших на территорию Московского государства.

Десятни, составленные в Разряде, аналогичны писцовым книгам и тесно с ними связаны. Но если писцовая книга содержит описание служилого землевладения (поместий и вотчин), то десятня описывает самих служилых землевладельцев, констатируя обязанность записанного в нее к личной военной службе и право этого лица на известный поместный и денежный оклад; таким образом десятни получили значение юридического доказательства права владеть населенным поместьем [10, с. 66, 69]. Вместе с тем в составе данной группы источников отложились документы, не имеющие прямого отношения к землевладению служилых людей и отражающие иные вопросы, которые находились в ведении Разряда – например, о положении и судьбе пленных, попавших в Россию во время Русско-польской войны 1654–1667 гг., а также «переведенцах» из одной местности страны в другую и «выходцах» в Московию из соседних стран.

В ходе этих военных действий в России оказалось значительное число пленных, среди которых находились польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских общин [2, с. 22–29]. При этом к «старозаконным полякам» применялись те же правила, которые были установлены и для остальных захваченных в плен мирных жителей. Возможность укоренения евреев в новой стране находилась в прямой зависимости от их крещения, поскольку принятие иноверцами христианства означало получение ими свободы и обширных льгот вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. Некоторые из них воспользовались сложившейся ситуацией и, крестившись, постепенно растворились в окружающем населении [2, с. 10].

В одной из рукописных книг-десятен, в «Деле об отсылке пленных поляков и литовцев, присланных в Разряд стольником и воеводой кн. И.А. Хованским «с товарищи», из Москвы в понизовые города» 1659 г. упоминается пленный мявилковский еврей Марчко Самойлов [9, л. 132 об.]. Он оказался в группе, присланной в столицу 6 марта 1659 г. по росписи «полских и литовских взятых людей, которые взяты на бою» 29 января в мест. Мявилове, Курейце и Поставах – всего 190 чел. «всяких чинов людей». В Москве все пленные поляки, литовцы и евреи, так же как иноземцы-выходцы, приводились в Разрядный приказ, откуда рассылались по внутренним городам – понизовым и сибирским, или отправлялись служить во дворы городских жителей. По указу царя от 22 апреля и по памяти из Разряда большая часть пленников была отправлена в Казанский приказ, а оттуда их велено было «послать в понизовые города и устроить в службу»; некоторые из них были «отданы в боярские дворы». Указанная десятня содержит и другие сведения об оказавшихся в России еврейских пленных и их дальнейшей судьбе.

В то же время нам известно о фактах добровольного приезда евреев из различных мест в Московское государство, где, как правило, они сначала попадали в столицу. В той же книге из фонда Разрядного приказа имеется «Роспись жидам и их женам и детям и челядникам, которые из Ярославля посланы в Казань с отставным с Иваном Урпеневым» [9, л. 112–118]. Место выхода евреев источник не указывает. Документ отмечает только, что в России они появились прежде всего в Новгороде, откуда были перевезены в Ярославль, а затем отправлены в Казань, которая в сер. XVII в. являлась конечным пунктом для многих «еврейских» групп. Если бы это были выходцы из Литвы, то они нашли бы более близкий путь, чем через Новгород; могли появиться в Торопце, Великих Луках или других порубежных городах, находившихся южнее. Так, из документов Разряда известен факт отправки пленных евреев в 1655 г. из Брянска в Казань через Калугу, Переславль-Рязанский и Нижний Новгород. Новгород же Великий был ближайшим пунктом на пути из Ливонии и Западной Европы. Поэтому можно предположить, что эта партия евреев вышла именно отсюда. Выходцы были весьма состоятельные: в перечне вышедших семей нередко встречаются «челядники» из евреев же, а один из них, как показывает роспись, был в России крещен.

Роспись зафиксировала 30 полных и неполных семей (а также одну вдову без близких родственников) с различным семейным составом: муж с женой и детьми, супруги с детьми, с сестрой или братом, с матерью, тещей, зятем или шурином, вдова с детьми и их семьями, одинокий

отец с детьми, брат с сестрами и т.д. В тексте при некоторых вдовах иногда упоминаются «хлопцы» или «девки»: это либо неродные, приемные дети, либо внебрачные дети, родившиеся после смерти мужа. В завершающей документ записи новгородского пристава, сопровождавшего группу до Ярославля, сообщается, что три еврея – двое мужчин и женщина – умерли в дороге, «едуци из Новагорода», и один умер в уже Ярославле; кроме того, один еврей-«челядник» остался в Новгороде креститься [9, л. 117 об. – 118]. Всего же, согласно перечню, в Московию добровольно вышло 176 чел.

В росписи не определено время ее составления, но управляющий МАМЮ Н.В. Калачов и секретарь архива Н.Н. Оглоблин относили ее к 1653–1654 гг., так как она помещена в одной десятне вместе с «Записной книгой литовских выходцев в Москву 7162/63 г.» [4, с. 408]. Другие документы этой десяти также относятся к указанному времени.

Наконец, по десятиям можно проследить судьбу некоторых евреев-выкрестов, поступивших на службу в русскую армию. В одной из книг обнаружена запись от 12 октября 1664 г. о выдаче «государева денежного жалованья месячного корму» капитану «солдатского строя» Даниле Еремееву. Его еврейское происхождение «выдали» расписки на еврейском языке о получении жалованья по 11 руб. за разные месяцы [8, л. 46, 52 об., 57 об., 63 об., 68 об.]; видимо, русской грамоте он еще не был обучен.

В ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. большая масса еврейского населения Великого княжества Литовского (ВКЛ) оказалась на территории, завоеванной войсками царя Алексея Михайловича. Часть населения захваченных русскими земель давала присягу на верность российскому царю или принимала православие и заносилась в крестоприводные книги; среди городских жителей в этих рукописных источниках мы встречаем и евреев.

Каким же образом евреи попадали в крестоприводные книги? Почему именно эти лица, а не основная масса членов еврейских общин, присягали московскому царю? Возникает множество вопросов при изучении этих книг. Однако здесь мы сталкиваемся с малоизученностью данной проблемы. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют какие-либо специальные работы, посвященные исследованию крестоприводных книг как исторического источника, в частности доподлинно неизвестна методика их составления. Не обращались историки к вопросу о механизме приведения к присяге различных категорий населения. Известно, например, что сословно организованная шляхта присягала почти поголовно. Можно предположить, что скорее всего в число принявших присягу на верность русскому царю попадали те евреи, которые находились в осажденных городах: как собственно жители этих городов, так и некоторых окрестных местечек, находившиеся в городах по своим делам. Как видно из крестоприводных книг, их количество относительно невелико по сравнению с общей численностью еврейского населения городов. По-видимому, во время боевых действий еще до начала осады многие из них покинули свое жилье, и в городах остались лишь те жители, которые по той или иной причине не смогли этого сделать. Тем не менее, с высокой степенью вероятности можно утверждать, что евреи шли принимать присягу по своей инициативе. Такая добровольность может быть объяснена тем, что евреям нужно было закрепиться в новой обстановке, чтобы обезопасить себя от новых гонений и притеснений со стороны русских военных властей.

В фонде Смоленского приказа сохранились рукописные «Книги записные покоренных российским оружием поветов и волостей приведенных к присяге в верности и подданстве государю царю Алексею Михайловичу новозавоеванной шляхты, мещан и всякого звания и чина людей с 1 октября 1655 г. по 24 февраля 1660 г.» В двух крестоприводных книгах ВКЛ обнаружены списки евреев, которые приняли присягу на верность Алексею Михайловичу и, соответственно, российское подданство. В первой из них – по г. Вильно и Виленскому повету, – составленной в 1656 г. при воеводе кн. М.С. Шаховском, записаны 46 евреев; во второй – по г. Минску и Минскому повету, – составленной в 1660 г. при поручике П.Л. Воейкове – 21 чел. [7, л. 405–405 об., 467–469 об.; Л. 618–619 об., 624–624 об.]. Вполне возможно, что и в некоторых других крестоприводных книгах содержатся подобные сведения о евреях, которых, кстати, именовали в России «присяжными жидами». Нигде ранее в научной литературе не встречались упоминания ни этой категории еврейского населения, ни приведенного определения. Нам впервые удалось обнаружить данный термин в документах 1656 г., хранящихся в фонде «Сношения России с Польшей», где упомянуты некие гродненские «приказные жиды» [5, л. 121, 307].

Надо иметь в виду, что принятие присяги русскому царю и вступление в российское подданство в данном конкретном случае вовсе не означало принятия христианства – «присяжные жи-

ды» оставались в лоне своей веры. В этом состояло главное отличие евреев – жителей новозавоеванных литовско-белорусских земель от тех евреев, которые попали на территорию Московии в качестве военнопленных. В то же время нам удалось выяснить, что те «польские и литовские люди», которые «вышли на государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца имя» из Смоленска после его длительной осады и освобождения русскими войсками в сентябре 1654 г. – среди них оказалась большая группа евреев, – были приведены к православной вере. В РГАДА сохранилась «Крестоприводная книга под г. Смоленском на Девичьей горе польских и литовских людей и белорусов», содержащаяся в «Приходной книге оброчных денег Галицкой четверти с приходных к ней городов, волостей и посадов» из фонда «Боярские и городские книги». Как следует из этого документа, вместе со шляхтой, мещанами, солдатами, жёлдаками (наемными солдатами), пушкарями и гайдуками «благочестивой» (лютеранской) и католической веры, немцами, а также стрельцами, казаками и пашенными крестьянами осенью 1654 г. под Смоленском добровольно крестились в «православную христианскую» веру и евреи польско-литовской «салдатской службы» [6, л. 29]. Тем самым эти евреи, оставшись как и прочие защитники города «на вечной царской службе», становились полноценными российскими подданными. В отличие от списков остальных категорий принявших православие лиц с указанием конкретных дат, запись о крещении «жидов» сопровождается общей хронологической отметкой: «сентября ж в розных числах», и, может быть, поэтому сводный список евреев-солдат здесь, к сожалению, не приводится. Зато ниже помещен список тех евреев, которые «к вере не приведены» (22 чел.), причем частица «не» явно вписана позднее [6, л. 29–30]. Видимо, писец, по привычке заносивший в книгу лиц, приведенных в православную веру, в данном случае сделал опisku, а потом сам же ее исправил. Однако интересно другое: московские власти, всегда выделявшие евреев из общей массы, сочли необходимым указать тех лиц иудейского вероисповедания, которые по каким-либо причинам не приняли крещение. В отношении других категорий мы такого не наблюдаем. Кроме того, указанная запись в крестоприводной книге показывает, что в XVII в. евреи Польско-Литовского государства служили в армии и участвовали в боях с русскими войсками.

Таким образом, можно констатировать большую значимость дел десятен и крестоприводных книг как источников по истории евреев в России XVII в., которые нуждаются еще в дальнейшем изучении в рамках академической иудаики.

1. Гессен, Ю.И. Евреи в Московском государстве XV–XVII вв. / Ю.И. Гессен // Еврейская старина. – СПб., 1915. – Т. 7. Вып. I. – С. 1–19; Вып. II. – С. 153–173.
2. Гессен, Ю.И. История еврейского народа в России – Л., 1925. – Т. 1. – Ю.И. Гессен. – 242 с.
3. Гессен, Ю.И. Триста лет назад: Евреи в Московском государстве до и после Смуты / Ю. И. Гессен // Восход. – СПб., 1913. – № 9. – С. 34–38.
4. Оглоблин, Н.Н. Обзор историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа / Н.Н. Оглоблин // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1884. – Кн. 4, отд. II. – С. 161–529.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 79. Оп. 1. 1656 г. Д. 25.
6. РГАДА. – Ф. 137. Оп. 1. Галич. Д. 16.
7. РГАДА. – Ф. 145. Оп. 1. Д. 3.
8. РГАДА. – Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 276.
9. РГАДА. – Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 278.
10. Сторожев, В.Н. Опись десятен XVI и XVII веков / В.Н. Сторожев // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1890. – Кн. 7, отд. II. – С. 64–176.
11. Фельдман, Д.З. Документы РГАДА по истории белорусских евреев конца XVIII – начала XIX в.: основные итоги изучения / Д.З. Фельдман // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8–9 октября 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 192–195.

Богданович Т.В.

ОТЧЕТЫ ДИНАБУРГСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ИЕЗУИТОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНФЛЯНТ XVII–XVIII ВЕКОВ

Одной из наименее изученных тем в латвийской историографии является история Инфлянт в период раннего нового времени. Данная тенденция обусловлена сложностями в выявлении источников по данной теме. В Латвии (в Латвийском историческом архиве) хранится лишь небольшая часть документов по истории Инфлянт, в то время как основной пласт источников по указанной теме находится в фондах архивов соседних стран – Беларуси, Польши, России.

За исключением архивных материалов существуют также и немногочисленные сборники документов, среди которых уникальным изданием является Архив Динабургских иезуитов [3, lpp. 242–459]. Данное собрание материалов по количеству изданных документов (277 единиц) не имеет аналогов в мире.

Цель данной статьи – обзор опубликованных отчетов архива Динабургской резиденции иезуитов за XVII–XVIII вв. Хронологические рамки исследования 1643–1761 гг. обусловлены периодом деятельности иезуитской резиденции на территории Динабурга.

Основание постоянной миссии иезуитов на территории Инфлянтского княжества относится к 1625 г., и уже в 1643 г. ей был присвоен статус резиденции [1, lpp. 29]. В каждой институции Ордена – миссии, резиденции, коллегии, университете – существовал домашний архив, в котором хранились документы различной тематики: ежегодные отчеты, каталоги и характеристики персонала, письма, акты и т.д.

Домашний архив Динабургских иезуитов в 1809 г. вместе с Динабургской коллегией иезуитов, был перемещен в Индрицу, где полностью сгорел во время пожара в начале XIX в. и безвозвратно утерян для историков [6, lpp. 125]. Однако, в соответствии с правилами делопроизводства ордена иезуитов, все отчеты составлялись в трех экземплярах – один хранился в домашнем архиве резиденции, второй отсылался провинциалу ордена в Вильнюс, а третий в Рим – в центральный архив курии ордена иезуитов [3, lpp. 5]. Подобная дублирующая система делопроизводства позволяет современным исследователям ознакомиться с документами архива Динабургской резиденции иезуитов, несмотря на уничтожение домашнего архива.

Материалы домашнего архива Динабургской резиденции были собраны и обобщены голландским иезуитом И. Клейентенсом, в межвоенный период служившим в приходах Латвии. В поисках документов И. Клейентенс посетил архивы Ватикана, Литвы и иезуитской курии в Голландии [3, lpp. 5]. Каждый опубликованный документ имеет ссылку на местонахождение – указаны страна, название архива и номер фонда. По словам Клейентенса, ему удалось просмотреть и опубликовать весь комплекс доступных на то время материалов, относящихся к истории Динабургских иезуитов [3, lpp. 5].

Составление отчетов иезуитов подчинялось строго регламентированным правилам, которые предусматривали максимальную степень подробности, объективности и непредвзятости в описании событий [1, lpp. 30]. Умышленная фальсификация или сокрытие фактов являлись недопустимыми. Введение строгой отчетности позволило создать эффективную систему контроля всех структурных единиц Ордена. Учитывая строгую дисциплину, которая существовала в рядах Ордена, можно с уверенностью утверждать, что опубликованные документы домашнего архива Динабургских иезуитов обладают высокой степенью достоверности [7, с. 62].

Несмотря на вышеизложенное, следует подчеркнуть, что при анализе отчетов Динабургской резиденции историк должен учитывать два фактора: их подчиненность идеологии Римско-Католической Церкви (поэтому все, что связано с протестантизмом и язычеством, в документах описывается как негативное явление) и цензуру, которую проходили все публикуемые материалы (издание любого документа являлось невозможным без санкционирования со стороны руководства Ордена).

Архив Динабургских иезуитов содержит несколько видов документов: ежегодные отчеты *Litterae annuae Residentiae Dunaburgensis S.J.* и *Historia Residentia Dunaburgensis S.J.*, письма и различные акты. Наибольшее значение в изучении исторических процессов на территории Инфлянт в XVI–XVIII вв. имеют ежегодные отчеты Динабургских иезуитов. Документы опубликованы на языке оригинала – латинском, что несомненно увеличивает достоверность источника, так как во время перевода зачастую искажается смысл текста.

Historia Residentia Dunaburgensis S.J. («История Динабургской резиденции Общества Иисуса») представляет собой хозяйственные отчеты резиденции [3, lpp. 261–340]. Следует отметить отсутствие в собрании документов за период с 1643 по 1649, а также с 1651 по 1669 гг. Данный пробел может быть обусловлен двумя факторами: уничтожением данных документов в силу различных причин либо тем, что составителем сборника документов отчеты за упомянутые периоды не были найдены, что наиболее вероятно. При поверхностном анализе документов можно было бы предположить, что отсутствие материалов за 1656–1660 гг. обусловлено сложной военно-политической ситуацией: в 1656 г. город Динабург был захвачен российскими войсками. Большое количество жителей бежали, а вместе с ними покинули город и иезуиты [2,

lpp. 231]. В связи с этим можно было бы предположить, что резиденция прекратила свое существование на период захвата города и в связи с этим не подавала курии ежегодные отчеты. Однако в другом виде архивных документов резиденции Динабурга – персональных каталогах, указываются имена братьев, служивших в резиденции в 1658 и в 1660 гг. [4, lpp. 352]. Этот факт дает возможность предположить, что, несмотря на захват Динабурга российскими войсками, резиденция продолжала все-таки существовать, вероятнее всего, она была перемещена на территорию Курляндии в город Илукста.

Несмотря на это, отсутствие документов за небольшой промежуток времени не снижает значимость архива Динабургской резиденции в изучении исторических процессов на территории Инфлянт.

Хозяйственные отчеты содержат информацию об экономическом положении резиденции Динабурга и экономическом развитии самого города [3, lpp. 262, 264, 271, 275, 276, 282, 283, 305, 321, 342]. Из документов можно выявить наличие различных хозяйственных сооружений города, трактиров, пивоварен, путей сообщения и торговых путей, а также периоды упадка и подъема экономического развития города. Документы позволяют выявить различные факторы, влиявшие на развитие города. Например, иезуиты описывали все катаклизмы, постигшие Динабург: наводнения, сильные ветра, неурожай, эпидемии, военные действия, которые негативно повлияли как на хозяйственное развитие резиденции, так и на экономическое положение всего города [3, lpp. 276, 277, 285, 286, 334].

Важным элементом хозяйственных отчетов иезуитов являются упоминания меценатов Динабургской резиденции. Эта информация может быть использована для изучения истории древних дворянских родов, проживающих на территории Инфлянт. Не всегда меценаты назывались по имени, но достоверно известно, что в 1695 г. Борхи и Гротхусы под влиянием Динабургских иезуитов вернулись в лоно Римско-католической церкви, а в 1697 г. сакраменты католической конфессии приняла Катрина Подберезка с дочерьми и помещица Вотосовская, а также многие другие чиновники Инфлянт, которые с этих пор стали покровителями резиденции [3, lpp. 371].

Также сведения отчетов свидетельствуют, что с середины XVII в. покровителями динабургских иезуитов становятся Зиберги, а в начале XVIII в. иезуиты ведут миссионерскую деятельность во владениях Плятеров и Хилзенов, что свидетельствует о том, что к XVIII в. и эти благородные семьи были возвращены в католическую веру [3, lpp. 264, 375].

Интересен документ и с позиции изучения этнических процессов на территории Инфлянт. В документах упоминаются различные этнические группы: немцы, латыши, поляки, литовцы, литвины, русские староверы, татары и их культурно-бытовые особенности [3, lpp. 262, 263, 273, 278, 289].

В эпоху контрреформации одним из средств рекатолизации стала сакральная архитектура. Римско-католическая церковь призывала архитекторов к созданию проектов, которые помогли бы подчеркнуть величие церкви [5, с. 76]. По этой причине большое внимание в хозяйственных отчетах уделено строительству храмов на территории Инфлянт [3, lpp. 266]. С помощью данных документов можно проследить этапы строительства храмов, подробно описывается их интерьер и экстерьер. Так, в отчете за 1674 г. дано подробное описание построенного нового храма в городе Динабург. Иезуиты до мельчайших деталей описывают интерьер храма: центральную алтарную часть, боковые алтари, скульптуры, святыне образа, украшавшие стены храма, цветочный декор, драпировки, алтарные скатерти, церковную утварь и т.д. [3, lpp. 266].

Учитывая, что храмовые постройки XVII в. не дошли до наших дней, а также не обнаружены какие-либо их изображения, данный источник является единственным свидетельством о сакральной архитектурной традиции на территории Инфлянт.

Следующая группа отчетов *Litterae annuae Residentiae Dunaburgensis S.J.* («Годовые письма Динабургской резиденции Общества Иисуса») [3, lpp. 340–426]. Они представляют собой отчеты по духовной деятельности резиденции. Самый ранний документ относится к 1632 г. Данный вид отчетов содержит главным образом статистические данные – количество прихожан, принявших святыне сакраменты за прошедший год. Отдельно подсчитывались сакраменты крещения, исповеди, евхаристии, миропомазания, брака и елеосвящения больных.

По этим данным можно сосчитать общее количество католиков в Инфлянтах за каждый год и определить темпы рекатолизации (Рисунок 1, 2).

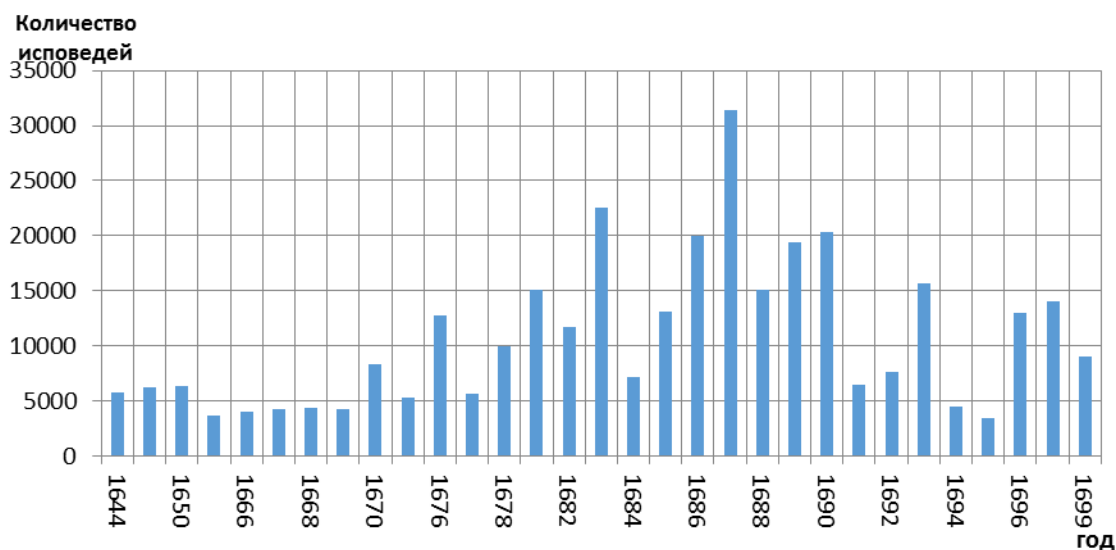

Рисунок 1. – Количество исповедей населения Инфлянт за XVII в.

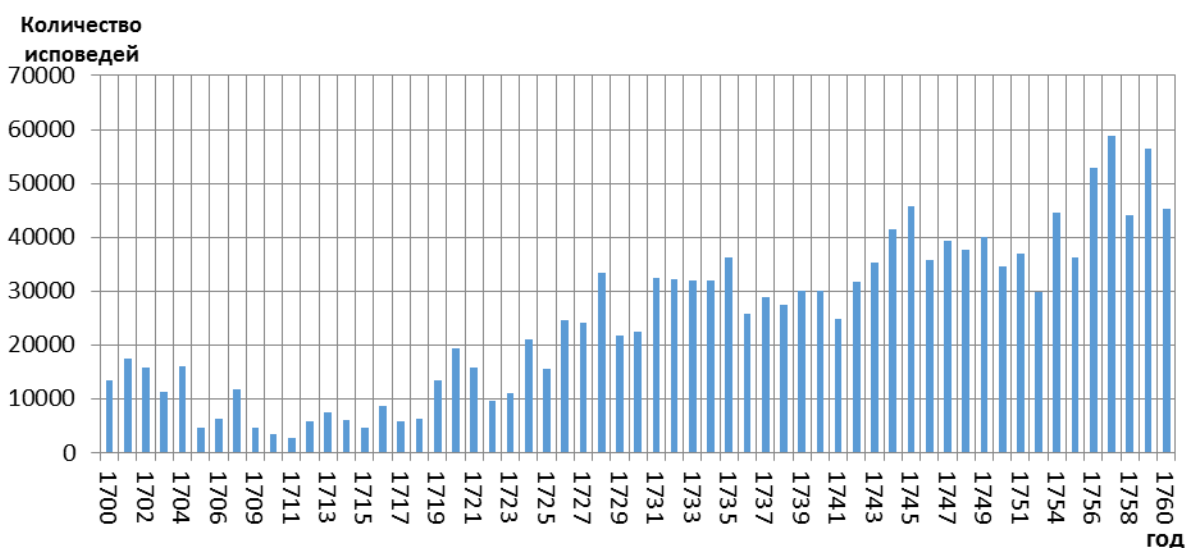

Рисунок 2. – Количество исповедей населения Инфлянт за XVIII в.

Анализируя представленные статистические данные, следует учитывать несколько особенностей. Во-первых, количество прихожан подсчитывалось по количеству принятых исповедей. Исходя из отчетов Динабургских иезуитов, часть католического населения Инфлянт храм посещало и исповедывалось лишь по большим праздникам, поскольку на территории существовала острая нехватка священнослужителей и возможность принять сакрамент исповеди у жителей отдаленных районов Инфлянт была только в том случае, если кто-то из братьев резиденции отправлялся в миссии. Именно в годы таких миссий – 1683, 1687, 1689, 1690, 1728, констатируется подъем показателей исповедовавшихся [3, Ipp. 341]. Проблема нехватки священнослужителей существовала до середины XVIII в. К середине XVIII в., когда иезуиты развили обширную сеть постоянных миссий на территории Инфлянт, и с этого момента выраженных скачков прироста количества верующих не наблюдалось (Рисунок 2) [6, Ipp. 132]. Во-вторых, латышские крестьяне католическую религию воспринимали формально, и, как пишут в отчетах иезуиты, после посещения храма и принятия сакраментов они зачастую возвращались к своим языческим обрядам [3, Ipp. 340, 342]. В-третьих, несмотря на то, что в ордене царила жесткая дисциплина, все же нельзя исключить преувеличение показателей со стороны Динабургских иезуитов, т.к. эти данные отражали достижения резиденции.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно сделать вывод, что данные статистики иезуитов все же не полностью отражают объективную реальность конфессиональной ситуации в Инфлянтах, однако могут использоваться для отражения динамики процесса распространения католицизма на данной территории.

Подводя итоги представленному анализу Архива Динабургских иезуитов, следует отметить, что он содержит обширный пласт информации по истории Инфлянт XVII–XVIII вв. Поэтому изученные материалы имеют большой потенциал для научного анализа и представляют собой важнейший источник при характеристике исторических процессов на территории Инфлянт.

1. Bogdanoviča, T. Inflantijas rekatolizācijas procesa reprezentācija jezuītu mājas arhīva dokumentos / T. Bogdanoviča // Vēsture: avoti un cilvēki. XXVI Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2017. – Lpp. 29–36.
2. Dunsdorfs, E. Latvijas vēsture 1600–1710 / E. Dunsdorfs. – Stokholma : Appelbergs Boktryckeri AB Uppsala, 1962. – 588 lpp.
3. Kleijntjenss, J. Latvijas vēstures avoti: Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos / J. Kleijntjenss (sast.). – Rīga : Apgāds Latvju Grāmata, 1940. – Lpp. 242–459.
4. Kleijntjenss, J. Latvijas vēstures avoti: Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa archīvos / J. Kleijntjenss (sast.). – Rīga : Apgāds Latvju Grāmata, 1941. – Lpp. 349–381.
5. Ogle, K. Societas Jesu ieguldījums Latvijas arhitektūras un tēlotājas mākslas mantojumā / K. Ogle. – Rīga : Latvijas Mākslas akadēmija, 2007. – 270 lpp.
6. Strods, H. Latvijas katoļu baznīcas vēsture 1075–1995 / H. Strods. – Rīga : Poligrāfists, 1996. – 123–185 lpp.
7. Гринингер, Т. Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени / Т. Гринингер. – СПб.: ЛАНЬ, 1992. – 575 с.

Булаты П.Ю. КРЫНЦЫ ПА ГІСТОРЫ ЛЯХАВІЦКАЙ КАТАЛІЦКАЙ ПАРАФІІ СВЯТОГА КРЫЖА XVII–XVIII стст.

Рыма-каталіцкая традыцыя з’яўлялася істотным фактарам у развіцці гісторыі і фармаванні культуры беларускіх зямель. Даследаванне гісторыі Касцёла неабходна для асвятлення шмат якіх з’яў, якія ўплывалі на развіццё грамадства ў розныя часы і стваралі вобраз тагачаснай дзяржавы. Пэўнай увагі заслугоўваюць найменшыя адзінкі Каталіцкага Касцёлу – парафіі, жыццё і дзейнасць якіх па-рознаму знайшлі адлюстраванне ў разнастайных карпусах гістарычных крыніц.

Каталіцкі касцёл існаваў у Ляхавічах з 1535 г., калі ў горадзе Альбрэхтам Гаштольдам была заснаваная парафія Святога Войцеха [17]. Пасля таго, як Ляхавіцкі маёнтак у 1572 г. перайшоў да роду Хадкевічаў, гетман вялікі літоўскі Ян Караль Хадкевіч у 1602 г. заклаў у Ляхавічах новы касцёл з тытулам Святога Крыжа. Жыццё парафіі і яе дзейнасць у розных галінах прадстаўленая ў разнастайных дакументах, з якіх можна вылучыць: акт фундацыі, акты касцельных візітацый розных перыядаў, люстрацыя дымоў, метрычныя кнігі, гаспадарчыя справы, розныя справы (карэспандэнцыя, судовыя справы, ахвяраванні).

Арыгінал касцельнага фондушу, які быў выдадзены Я.К. Хадкевічам ад 13 мая 1602 г., захоўваецца ў Бібліятэцы акадэміі навук Літвы ў фондзе № 20 (Судовыя акты) [2]. Тэкст фондушу складзены на латыні. З дакумента можна падкрэсліць наступныя звесткі: інфармацыю аб фундаторах, поўны тытул касцёла, калі і кім ён быў асвечаны, вызначаўся склад кліру і яго абавязак ладзіць набажэнства за касцельных дабрадзеяў. Большую частку фондуша займае інфармацыя адносна матэрыяльнага забяспечвання парафіі. Так, прыводзяцца звесткі пра вёскі і фальваркі, якія перадаваліся на ўтрыманне касцёла, колькасць валок, млыноў, акрэслівалася замацаванне юрыдыкі ў Ляхавічах. Фондушам вызначаліся павіннасці і падаткі на карысць каталіцкай парафіі для розных сацыяльных груп: жыхароў Ляхавічаў, юрыдакчан, сялян Ляхавіцкага графства, сялян падуладных касцёлу вёсак. На арыгінале фондуша прысутнічае пячатка гетмана Хадкевіча.

Апроч арыгінала фондуша, захаваўся шэраг яго спісаў, якія змястоўна не адрозніваюцца ад арыгіналу. Так, у той жа акадэмічнай бібліятэцы захоўваецца копія фондушу, напісаная праз год пасля яго выдачы ў маі 1603 г. Дакумент складзены цалкам на старабеларускай мове Фёдарам Еўлашоўскім [6]. Польскамоўная копія фондушу, перапісаная ў кан. XVIII ст., знаходзіцца ў фондах бібліятэкі Віленскага універсітэта [10]. Падобная ж копія маецца ў Актавай кнізе Слуцкага суда за 1793–1794 гг., якая захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [17].

Вялікім і важным пластам крыніц выключнай інфарматыўнасці па гісторыі Ляхавіцкай парафіі з’яўляюцца акты касцельных візітацый. Візітацыі былі пашыранай формай пастырскай апекі і

царкоўна-адміністрацыйнага кантролю за дзейнасцю парафіяльнага святарства. Ладзіліся яны біскупамі або іх архідыяканамі з пэўнай перыядычнасцю, ахопліваючы духавенства, вернікаў, касцёлы з іх фондушамі і маёнткамі, касцельныя карпарацыі, таварыствы, шпіталі, манаскія абшчыны. Падчас правядзення візітацыі для апісання парафій складалася візітацыйная дакументацыя па вызначанаму фармуляру. У ім змяшчаліся пытанні, якія павінны былі задавацца візітатарамі.

На сённяшні дзень вядомыя пяць актаў візітацыі Ляхавіцкага касцёла: 1633 г. [12], 1653 г. [14], 1668 г. [13], (захоўваюцца ў Адзеле рукапісаў бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта), 1745 г. [20] (яго копія маецца ў Бібліятэцы акадэміі навук Літвы [7]) і 1782 г. [21] (захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску).

З дадзенага корпусу крыніц можна падкрэсліць досыць важныя звесткі, а менавіта: апісанне касцельных алтароў, інвентар літургічнага начынення (як правіла, мастацкія вырабы з каштоўных металаў), склад духавенства і ахоп парафій. Значную частку візітаў займаюць звесткі адносна маёмасці парафій, прыводзяцца інвентары фальваркаў, гаспадаркі, апісваюцца падуладныя вёскі. Нясе ў сабе візіт і інфармацыю адносна павіннасцей і падаткаў на карысць парафій.

Фармуляр візіта цягам амаль двух стагоддзяў істотна змяніўся і ўдасканаліўся. Разгледзеўшы існуючыя акты візітацыі Ляхавіцкага касцёла, і параўнаўшы іх змест, структуру, можна падкрэсліць наступнае. Акты візітацый 1633, 1653 і 1668 гг. напісаны пераважна на лаціне. Моўныя змены пачынаюць праўляцца ўжо з сяр. XVIII ст. Так, візіт 1745 г., утрымлівае ў сябе лацінскія падзагаловкі і пэўныя раздзелы, якія, аднак, у адрозненні ад папярэдніх актаў, дубліруюцца на польскую мову. Трэба адзначыць, што лацінскія часткі візіта ўтрымліваюць больш дэталёвай інфармацыі адносна прадмета апісання і з'яўляюцца больш інфарматыўнымі за польскамоўныя. Але ў самім дакуменце польская мова дамінуе (ў частцы, дзе апісваецца маёмасць касцёла, лаціна адсутнічае ўвогуле). Візіт жа 1782 г. складзены цалкам на польскай мове, толькі некаторыя рэчы з літургічнага начынення і срэбнага абрамлення абразоў пазначаюцца на лаціне. За амаль два стагоддзі звесткі ў фармуляры сталі больш дасканалымі: з'яўляецца мера вагі ў апісанні срэбных прадметаў, удзяляецца ўвага дэмаграфічным і маёмасным звесткам што датычацца сялян, з'яўляецца сацыяльная характарыстыка парафій.

Значнай крыніцай па гісторыі касцёла з'яўляецца «Люстрацыя дымоў духоўных і свецкіх у Наваградскім ваяводстве» за 1789 г. [15] (захоўваецца ў Адзеле рукапісаў бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта), дзе змяшчаюцца статыстычныя дадзеныя, што апісваюць склад насельніцтва Ляхавіцкага парафій. Структура дакумента наступная: галоўнай адзінкай, па якой адбываецца падлік з'яўляецца каталіцкая парафія, якая ў сваю чаргу дзеліцца на гарады, вёскі і асобныя маёнткі. У табліцы прадстаўлены звесткі адносна колькасці дымоў (падзяляюцца на розныя катэгорыі) і насельніцтва. У дакуменце згадваюцца асобныя фальваркі і двары, пазначаецца іх уладар. Дадзены дакумент адметны сваімі пашыранымі дэмаграфічнымі звесткамі: пазначаецца агульная колькасць жыхароў кожнага населенага пункта, а таксама адбываецца дыферэнцыяцыя жыхароў па полу і пяці ўзроставым групам (1–16, 16–30, 30–45, 45–60, больш за 60). Таксама прыводзяцца звесткі аб колькасць дымоў, што належаць касцёлу.

Досыць цікавыя звесткі змяшчаюць у сабе метрычныя кнігі Ляхавіцкага касцёла. На сённяшні дзень выяўлена дзве метрычныя парафіяльныя кнігі – рэгістрацыі шлюбаў [19] і хростаў [18]. Захоўваюцца яны ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Самі кнігі, састаўленыя ў 1798 г., ахопліваюць перыяд з 1701 па 1797 г. Аднак засяродзім увагу на тым, што і ў кнізе шлюбаў і кнізе хростаў прадстаўляецца інфармацыя не за ўсе гады, па некаторых звесткі адсутнічаюць. Так, у кнізе шлюбаў няма звестак за 1705, 1730–1737, 1755–1759, 1785 гг. Хросты не пазначаныя за 1757 і 1758 гг. Галоўная інфармацыя, якая змяшчаецца ў кнігах метрыкі – колькасць шлюбаў і ахрышчаных дзяцей у парафій. Асаблівасцю метрычных касцельных кніг з'яўляецца абазначэнне сацыяльнага статусу парафіян. Пераважная большасць запісаў метрычных кніг Ляхавіцкага касцёлу датычыцца сялян. Аднак сустракаюцца сакраманты, у якіх бярэ ўдзел навакольная, і не толькі, шляхта, што адлюстроўвалася ў запісах. У кнігах Ляхавіцкага касцёла змяшчаюцца звесткі, якія датычацца прадстаўнікоў розных шляхецкіх родаў, а таксама прадстаўнікоў магнатэрыі – Сапегаў і Масальскіх. Таксама на старонках касцельнай метрыкі змяшчаюцца запісы, якія датычыцца сям'і Рэйтанаў (іх родавы маёнтак знаходзіўся ў Грушаўцы, якая ўваходзіла ў склад Ляхавіцкай парафій), а ў прыватнасці – нацыянальнага героя Беларусі Тадэвуша Рэйтана. Апроч дадзеных сацыяльна-дэмаграфічнага характару, грунтуючыся на дадзеных з метрычных кніг, можна вызначыць паіменны склад касцельнага кліру ў перыяд XVIII ст.

Важным бокам дзейнасці каталіцкай парафіі з'яўлялася дзейнасць фінансава-гаспадарчая. Частка звестак, якія яе датычацца, прадстаўленыя ў актах візітацыі, аднак пэўныя аспекты знайшлі адлюстраванне ў разнастайных падатковых дакументах. Так, на сёння выяўлена два дакумента, дзе змяшчаюцца звесткі па выплаце Ляхавіцкай парафіяй падымнага падатку: за 1653 (знаходзіцца ў Бібліятэцы акадэміі навук Літвы) [3] і 1690 (захоўваецца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве) [1]. З падатковых дакументаў можна падкрэсліць колькасць дымоў, якая належала Ляхавіцкаму касцёлу ў розныя часы. Таксама маецца падатковы дакумент, які датычыцца духавенства [4]. Датуюцца ён 1662 г. З яго вынікае склад касцельнага кліру па стане на акрэслены перыяд.

Асобна засяродзім увагу на адным важным гаспадарчым дакуменце: раскладзе дзесяціны з Ляхавіцкага графства на карысць парафіі. Вызначаныя сумы з'яўляліся значнай крыніцай даходаў касцёлаў. Сама дзесяціна была вызначана актам фундацыі 1602 г. [17], аднак вядомы на сёння падрабязны яе расклад датуюцца толькі пач. XVIII ст. Так, першапачаткова дзесяціна акрэсліваецца лістом уладара Ляхавіцкага графства Ежы Феліцыянам Сапегам у 1718 г. (дакумент захоўваецца ў Бібліятэцы акадэміі навук Літвы) [5], а затым у 1721 г. зацвярджаецца на паседжанні Галоўнага Трыбунала (акт захоўваюцца ў Адзеле рукапісаў бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта) [11]. У дакуменце пералічваюцца двары Ляхавіцкага графства і сумы грошаў і копы жыта, якія мусяць паступаць на карысць касцёла. Дубліруюцца дадзены акт у Актавай кнізе Слуцкага суда за 1793–1794 гг., якая захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі [17]. Акрэслім таксама розныя дакументы і справы, дзе сустракаюцца звесткі адносна Ляхавіцкай парафіі.

Па-першае, звесткі, якія датычацца касцёла, сустракаюцца ў судовых актах: Духоўнага Трыбунала (справа аб нявыплаце Ляхавіцкім кагалам належных сум на карысць касцёла; 1786 г.) [9]; Віленскага гарадскога суда (справа аб наездзе ў Ляхавічах; 1714 г.) [16]; Наваградскага каптуровага суда (справа аб рабаванні збожжа з касцельных гумнаў; 1696–1697 гг.) [10].

Па-другое, справы, якія датычацца пазык касцёлу і самім касцёлам; тастаменты, дзе перадаецца маёмасць Ляхавіцкай парафіі; усялякія ахвяраванні [10].

Цікавай крыніцай па гісторыі Ляхавіцкай парафіі з'яўляецца карэспандэнцыя, якая датычыцца Віленскага біскупа І. Масальскага і пробашча Георгія Палубінскага [8]. Гэта перапіска паміж саноўнікам і пробашчам, а таксама лісты з Рыму наконт справы аб павышэнні Палубінскага да сану архідыякана. Некаторыя лісты ад імя Святога Прастола дасылаліся наўпрост у Ляхавічы. Урэшце, справа была вырашана станоўча і Георгі Палубінскі быў узведзены ў архідыяканы, а таксама атрымаў пэўную грашовую падтрымку.

Такім чынам, разгледзеўшы выяўленыя на сённяшні дзень крыніцы па гісторыі Ляхавіцкай парафіі Святога Крыжа за перыяд XVII–XVIII ст., можна адзначыць, што комплекс дакументаў яскрава адлюстроўвае разнастайныя бакі жыцця і дзейнасці парафіі ў акрэслены час. Дзякуючы дакументам рознай скіраванасці можна атрымаць найбольш поўнае і досыць грунтоўнае бачанне гаспадарчай дзейнасці парафіі, яе сацыяльнага складу, касцельнага начынення, кліру, а таксама ўзаемаадносін з рознымі асобамі і групамі.

1. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Z. 354. Dział VI. File 3. S. 37–78.
2. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (LMAB). – F20. Nr. 221.
3. LMAB. – F. 43. Nr. 609.
4. LMAB. – F. 43. Nr. 634. P. 13.
5. LMAB. – F. 20. Nr. 1793.
6. LMAB. – F. 43. Nr. 11112.
7. LMAB. – F. 43. Nr. 11113.
8. LMAB. – F. 43. Nr. 11114–11118.
9. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 9. V. 1. Nr. 2401.
10. Vilniaus universiteto biblioteka (VUB). – F. 57. V. B53. Спр. 1338. P. 3–5.
11. VUB. – F. 5. V. F123. NR. 31380/1.
12. VUB. – F. 57. V. B53. Nr. 40. P. 41–45.
13. VUB. – F. 57. V. B53. Nr. 41. P. 105–111.
14. VUB. – F. 57. V. B53. Nr. 42. P. 98–105.
15. VUB. – F. 57. V. B54. Nr. 51.
16. Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне. Т. 8: Акты Виленского градского суда, [1577–1797 гг. / предисловие И. Спрогиса], 1875. – 652 с.
17. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1738. Воп. 1. Спр. 1. Л. 195 – 200.
18. НГАБ. – Ф. 937. Воп. 4. Спр. 207.
19. НГАБ. – Ф. 937. Воп. 4. Спр. 208.
20. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 213.
21. НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 223.

Комиссаренко А.И.
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. ТАТИЩЕВА

Многогранна деятельность Василия Никитича Татищева, выдающегося и энциклопедически образованного ученого, одного из пионеров инженерного искусства, геологии, топографии и географии, истории в России. Его жизнь в значительной степени была связана с военным и административным служением Российскому государству – сначала в армии с 1704 по 1720 гг., затем с 1720 по 1745 гг. на важных должностях по руководству строительством уральских и сибирских заводов, заведованию московскими монетными дворами, Оренбургской комиссией (экспедицией) [14, с. 44; 13, с. 331–337]. Административная деятельность Татищева была увенчана губернаторством в Астрахани и руководством Калмыцкой комиссией [2, с. 8–15].

Столь широкий диапазон видов государственной службы и ответственных правительственных поручений способствовал накоплению практического опыта в сфере управления. Господствующая в Европе в первой половине XVIII в. концепция меркантилизма была нацелена на достижение активного торгового баланса, «камерального» дохода. В 1729 г. в Германии профессорами Гассером и Дитмаром были опубликованы первые учебники «камералистики», обосновавшие принципы успешного хозяйствования [9, с. 3–8]. Можно не сомневаться, что с ними был знаком В.Н. Татищев, руководивший в это время Комиссией о монетном деле и в целом стабилизацией российской финансовой системы [11, с. 199–200]. Возглавляя эти структуры, он исходил, как видно из источников, из убеждения в том, что управление должно опираться на механизм предоставленной ему правительством власти, а это означало согласование с их целями и задачами, а также учет их статуса в системе административного аппарата.

Важное значение в деле управления Татищев придавал знанию географии страны и особенно региона, в котором он находился. Посланный на Урал, Нижнее Поволжье, он прежде всего принимался за составление их топографических описаний и ландкарт. Так, в декабре 1736 г. в письме в библиотеку Петербургской академии наук он сообщал о подготовке географических карт Пермского края и южной части «провинций Томской губернии» [10, с. 102, 275]. В октябре 1737 г. особой «промеморией», направленной в Академическую канцелярию, Татищев сообщил об ошибках и неточностях в 18 ландкартах и четырех «журналах геодезических». Тогда же им было представлено в Академию наук «Предложение о сочинении истории и географии российской», содержащее 198 пунктов – «наставлений». Как руководитель Оренбургской комиссии, он потребовал от геодезистов, находившихся в Симбирской и Казанской губерниях, исполнять предписанные «наставления» [10, с. 245].

Неустанное внимание уделял Татищев улучшению путей сообщения как в регионах, им управляемых (Урал, Оренбуржье, Поволжье), так и смежных с ними. «Доношениями» Сенату в 1721 и 1726 гг. он предлагал устроить более короткий и удобный, чем через Верхотурье, путь из европейской России на Урал и в Сибирь маршрутом: Москва – Казань – Уфа – Екатеринбург – Тара – Томск [10, с. 135]. Как видно из его переписки с Академической канцелярией, это дало бы возможность более обстоятельно изучать историю, нравы и быт народов, населяющих восточные и юго-восточные регионы России. Опираясь на свои личные наблюдения и имевшуюся тогда научную литературу, Татищев смог заметить в очерках Г.Ф. Миллера, опубликованных в его журнале «Sammlungen russischer Geschichte», погрешности в трактовке «калмыцкой истории». В мае 1738 г. он в письме в Академию наук представил обоснованную трактовку властных структур Калмыцкого ханства, в частности термина «контаяша». Будучи в 1741–1745 гг. губернатором Астраханской губернии и начальником Калмыцкой комиссии, предназначенной определить преемника скончавшегося хана Дондук-Омба, Татищев проводил топографические съемки территории ханства и сопредельных земель – городища Мажар, поселений вокруг Кизляра и ряда городков – Новогладковского, Гребенского, Дубенского и других. При этом в переписке с Коллегией иностранных дел в 1745 г. он указал на неполноту трактовки Миллером родового строя калмыков, указав на родовые группы хошотов, дербетов, тонгутов, эюнгаров, торгоутов, бурутов [6]. Документы отражают также его подход к упорядочению астраханского рыбного промысла. В письме кабинет-секретарю тайному советнику барону И.А. Черкасову 30 октября 1741 г. Татищев отмечал, что «местные промыслы отдавались на откуп кому попало», из-за чего «рыбный промысел в полной конфузии», поэтому он вынужден прекратить раздачу права на лов рыбы случайным лицам [8, л. 62].

Видное место в наследии В.Н. Татищева занимают проекты, переписка (доношения, промемории, письма) с правительственными учреждениями и частными лицами по вопросам заводского строительства, торговли, управления металлургическим производством. В этом отношении показательно письмо президенту Берг-коллегии Я.В. Брюсу от 6 февраля 1721 г. с обоснованием целесообразности постройки горного завода на реке Исеть: «известно <...>, что привоз чужестранных <...> ручных работ государству творит обиду и изнищенство», тогда как российский «стальной мастер великую государству прибыль получить может» [1]. Более подробно это свое мнение Татищев мотивировал в двух доношениях Берг-коллегии в феврале 1724 г., предлагая проект учреждения компании по разработке меднорудных богатств Урала, в частности и передачи в ее пользование казенных медных рудников на реках Полевая и Гумешки. Учитывая затратность средств на устройство таких предприятий, Татищев особой «промеморией» предлагал принимать в компанию не менее 10 инвесторов, «чтоб каждый член <...> капитал иметь мог <...> и обнадеживание <...> тот промысел вечно за ними и их наследниками останется». Правда, проект не был реализован из-за несогласия В.И. Геннина, сменившего в 1722 г. Татищева на руководстве уральским и сибирскими заводами [5, с. 151–164].

Источники свидетельствуют и о том, что Татищев решительно возразил против решения правительства императрицы Анны Иоанновны, подготовленного Бироном, о передаче уральских заводов компании, возглавляемой Генерал-берг-директором А.К. Шембергом. 29 марта 1739 г. в Генерал-берг-директорию Татищев направил «ведение», в котором писал: «...я отдачу <...> горы Благодати за благо не признаваю <...>, також о роздаче протчих казенных заводах разумею быть вредительно, ибо резоны политические тому весьма воспресчают». Вместе с тем «малые заводы, которые <...> не весьма прибыльны, роздавать нахожу за полезно» [цит. по: 11, с. 275, 293–330].

Комплекс источников о методах и стиле административного управления В.Н. Татищева включает также инструкции, указы инженерам, мастерам горнозаводских заводов и рудников. В утвержденной 9 марта 1720 г. Берг-коллегией «Инструкции бергмейстеру» Татищеву приказывалось «всякие потребности к строению, для изобретения руды и другие материалы, по приготовлению оных произыскивать работников и их оплату» [7, л. 77]. В 1723 г. под его руководством были составлены указы комиссару Каменского, Екатеринбургского, Алапаевского, Уктусского заводов Ф. Неклюдову, в 1735 г. – «шихтмейстерам» рудников. В 1736 г. была разослана по уральским предприятиям особая инструкция «Должность надзирателя горного», в 1737 г. – «Правила» Канцелярии «Главного заводов управления». Этими правилами он руководствовался и сам при устройстве в середине 1730-х гг. под его личным «присмотром» Кушвинского и Мотовилихинского заводов [4, с. 68–77]. Тогда же он составил «Заводской устав». Несмотря на то, что он не был утвержден из-за противодействия Бирона, практически им пользовались «все горные деятели, работавшие на Урале» [5, с. 139–140].

В.Н. Татищева как опытного администратора беспокоила инертность некоторых заводладельцев и особенно горных специалистов. Еще в период первого пребывания на Урале он 9 ноября 1722 г. доношением в Берг-коллегию обращал внимание ее президента Я.В. Брюса и членов коллежского присутствия на бездействие уральских чиновников: «...здешния Горного начальства дела с сожалением смотрю, ибо многие указы и дела <...> лежат и исполнять некому» [9, с. 65; 3].

Требовательность Татищева как руководителя распространялась и на знания горных специалистов в области гуманитарных наук, в том числе и истории. В созданные им на Урале школы он стремился приобрести не только пособия по горному делу, но и по истории. Это хорошо видно из «промемории» Татищева в Академию наук об использовании в учебном процессе переводов польских и шведских «историй», например сочинения польского историка XVI века Мартина Кромера «De origine et rebus gestis polonorum». Правда, Татищев отметил в этом труде «на Русское государство многие лжи и злобные поношения и клеветы», но полагал, что при критическом отношении к нему книга может быть полезна, «зане <...> многое до нашей истории надлежаще находится» [10, с. 245].

Таким образом, использованные источники позволяют видеть в В.Н. Татищеве эффективно управляющего – администратора, сфера деятельности которого включала широкий отраслевой диапазон, опирающийся на прочный фундамент знаний и практического опыта.

1. Алефиренко, П. К. Экономические взгляды В. Н. Татищева / П. Алефиренко // Вопросы истории. – 1948. – № 12. – С. 89–97.
2. Безобразов, В. П. Василий Никитич Татищев : очерк его деятельности по горной части : речь : читано на торжественном собрании Академии 19 апреля 1886 г. / В. П. Безобразов // Записки Академии наук. – Т. 55. – Приложения. № 4. СПб. : тип. Императорской Академии Наук, 1887. – С. 845–858.

3. Голендухин, Л. Д. Начало организации местного горнозаводского управления на Урале в первой четверти XVIII века: (к вопросу о назначении В. Н. Татищева на Урал в 1720 году) / Л. Д. Голендухин // *Материалы к биографии В. Н. Татищева* / ред. А. Г. Козлов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 39–67.
4. Козлов, А.Г. В.Н. Татищев и заводское строительство на Урале / А.Г. Козлов // *Материалы к биографии В.Н. Татищева*. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – С. 68–77.
5. Павленко, Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века / Н. И. Павленко. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 536, 3 с.
6. Пальмов, Н.Н. К астраханскому периоду жизни В. Н. Татищева / Н. Н. Пальмов // *Известия Академии наук СССР*. – 1928. – С. 317–342.
7. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 271 «Берг-коллегия». – Оп 1. – Д. 89.
8. Российский государственный архив древних актов. – Государственный архив Российской империи. – Разряд 16. – Кн. 1. – Д. 600.
9. Смирнов, Г.А. Роль В.Н. Татищева в развитии горного и геологоразведческого дела на Урале / Г.А. Смирнов // *Очерки по истории геологических знаний*. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – Вып. 5.
10. Татищев, В.Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / В.Н. Татищев. – М. : Наука, 1990. – 438 с. – (Научное наследство. – Т. XIV).
11. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1966. – 272 с.
12. Ферлюдин, П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России / П. Ферлюдин. – Саратов : типо-лит. П. С. Феокритова, 1893. – [4], X, 187 с., 2 л. табл.
13. Юхт, А.И. В.Н. Татищев в Москве (К истории денежного обращения в России в 20-30-х годах XVIII в.) / А.И. Юхт // *Исторические записки*. – Т. 101. – М. : Наука, 1978. – С. 323–337.
14. Юхт, А.И. Письма и записки В.Н. Татищева о денежном обращении и монетном деле в первой трети XVIII в. / А.И. Юхт // *Памятники русского денежного обращения XVIII – XX вв.* – М. : Исторический музей, 1980. – С. 117–158.
15. Юхт, А.И. Проекты В.Н. Татищева 1721–1726 гг. о развитии промышленности и торговли на Урале и Сибири / А.И. Юхт // *История и историки. Историографический ежегодник*. 1971. – М. : Наука, 1973. – С. 293–330.

Десятков К.С.

ТРАВЕЛОГ ПЕТРОВСКОГО ДИПЛОМАТА НАЧАЛА XVIII ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (на примере «Дневника и путевых заметок» князя Б.И. Куракина)

На завершающем этапе переходного процесса к культуре Нового времени (с конца XVII – в начале XVIII века) в России постепенно распространяется новая культурная парадигма, подчиняя рациональному началу вопросы иррациональной религиозной сферы, создавая механизмы освоения новой культуры в разных социальных слоях и видоизменяя социокультурные нормы «благородного» поведения и рамки приличий. Страна, на пути от Московского царства к Империи Нового времени, мучительно преодолевая последствия социальных и культурных «вызовов» эпохи, находилась в состоянии творческого поиска новой психосоциальной, национальной и культурной идентичности. И некоторые представители петровской аристократии достигли на этом пути весьма впечатляющих результатов – с точки зрения личного опыта, переходной эпохи и даже, наконец, освоения географического пространства.

Поэтому не случайно, именно история путешествий к началу XXI столетия становится популярнейшим направлением новой культурной истории в плане изучения различных культурных практик [3, с. 80]. Главным образом, подобный рост и популярность связаны с психологическими и историко-антропологическими особенностями феномена путешествий у представителей европейской культуры разных эпох нового и новейшего времени. Ведь целенаправленные передвижения человека вызывают одновременно изменения и смещения в его сознании, установках его поведения. Путешествие – это динамика пути, путевой стиль и путевые состояния. Во время путешествия происходит расширение сознания, обострение всех чувств. Человек видит и чувствует по-другому, он вырван из привычной, повседневной обстановки и как бы расширяет пространство. Образы и стереотипы восприятия последнего также видоизменяются во время процесса путешествия, причем на них оказывают влияние идеологические установки, этнопсихологические эталоны культуры и сакральные объекты традиции. Между тем историко-географические образы путешествий отличаются сравнительной компактностью, простотой и надежностью, они тесно связаны со стереотипами – упрощенными географическими представлениями, выверенными и уплощенными длительными промежутками времени [6, с. 138]. В так называемые «переходные» эпохи специфика путешествий еще более усложняется, с учетом процессов трансформации культуры, традиции самого путешественника и проблемой выбора.

Неудивительно, что герой нашего исследования довольно часто оказывался в нетипичных и даже пограничных ситуациях, когда за неимением образца ему приходилось самостоятельно находить решение и определять дальнейшие способы действия, опираясь при этом на личный опыт и творческое начало, и часто своей общественной практикой противореча принятой пове-

денческой традиции. Речь идет об одном из наиболее талантливых и профессиональных русских дипломатов и государственных деятелей петровского времени, который во многом стоял у истоков всей системы дипломатических представительств России за рубежом и часто исполнял функции заместителя канцлера за границей, князе Б.И. Куракине (1676–1727)¹. Свояк Петра I (первая жена Бориса Ивановича А.Ф. Лопухина приходилась родной сестрой Евдокии Федоровне Лопухиной, первой супруге царя), а также комнатный его царского величества, получивший образование в Венеции и оставивший для потомков прекрасные воспоминания князь отличался «политическим» умом, тактом, необычайной наблюдательностью, а также знанием нескольких европейских языков и правил светского обхождения, выделяясь не только среди русских путешественников петровской эпохи, но и среди зарубежных дипломатов.

Помимо обширной корреспонденции и разного вида бумаг: протоколов посольств и переговоров, заметок о европейских странах с характеристиками владетельных особ и министров (в личном княжеском архиве усадьбы Надеждино хранилось около 80 переплетенных томов), князь являлся автором литературных произведений следующих жанров: «Автобиография» (в оригинале – «Vita del Principe Boris Koribut-Kourakin del familii de polonia et litoania» (1709), «Дневник и путевые заметки» (1705–1708), «История о царе Петре Алексеевиче» (1727). В них он нередко предстает не просто нарушителем традиций и вольнодумцем, а первым русским автором петровского времени, привносящим личный элемент в свою общественную практику, причем как частное лицо с собственной судьбой и биографией, а не как государственное или церковное. Вместе с тем, Куракин пытался обосновать право на подобное светское «житие» ссылаясь на опыт мемуарной практики других народов. В своей знаменитой «Автобиографии» или Vita, он, по мнению американского историка Эрнста Зицера, являясь одним из первых русских мемуаристов, причем работавшим за два-три поколения до момента, когда в России мемуаристика вошла в моду, совершил уникальный опыт «самосотворения», фактически переписав свою собственную жизнь [9, с. 165].

Что же касается «Дневника и путевых заметок» (1705–1708)² то они создавались князем главным образом на основе его богатейшего опыта впечатлений от путешествий по разным странам Центральной и Западной Европы в качестве богатого русского аристократа с целью лечения «на водах и курортах» (для него из-за постоянных приступов лихорадки и меланхолии, в отличие от большинства будущей русской аристократии это была жизненная необходимость, а не «веяние» моды или влияние традиции) или с различными дипломатическими миссиями. Имея такое замечательное прикрытие, князь путешествовал иногда под видом итальянского инженера Франциско Дамиани, тем более что приходилось исполнять различные поручения царя, в том числе и тайные. Петр I, будучи весьма прагматичным человеком, вероятно уже в 1705 году, судя по позднейшей переписке с главой Посольского приказа Ф.А. Головиным, задумал использовать князя Б.И. Куракина по дипломатической линии. К тому же данный шаг выглядел довольно логично в свете петровских реформ дипломатической службы (отказ от «оказиальной дипломатии» [2, с. 121] и т.п.) и проведения в жизнь новых принципов внешней политики России, учитывая, что дипломатическому корпусу того времени отчаянно не хватало исконно русских представителей на европейской международной арене. А положение на ней к 1706 году сложилось исключительно серьезное. Происходящие параллельно Северная война и война за испанское наследство в очередной раз грозили перерасти в единый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Карл XII, в погоне за Августом II по уже основательно разоренной шведскими и саксонскими войсками Польше, готовился вторгнуться в богатую и зажиточную Саксонию. И подобная ситуация чрезвычайно беспокоила участниц Великого союза Англию и Голландию. Настолько, что на время были забыты определенные противоречия между ними (гданьское дело, франко-голландская торговля и др.) и морские державы, как и в начале войны, выступили единым фронтом [8, с. 89–112].

¹ Автобиографию и несколько различных вариантов его биографий см.: Куракин Б.И. Семейная хроника и воспоминания // Киевская старина. – 1884. – Сентябрь–декабрь. – С. 104–115; Архив князя Ф.А. Куракина / под ред. М.М. Семевского. – СПб.; Саратов, 1890–1895 – Кн. I. – 387 с.; Брикнер А.Г. Русский турист в Западной Европе в начале XVIII в. // Русское обозрение. – 1892. – Т.1. – №1. – С.5–38; Кедров С.И. Русь Петра Великого за границей: князь Борис Иванович Куракин. (На основании изданных книг Архива кн. Ф.А.Куракина) // Русский архив. – 1903. – № 5–6. – С.23–50; №11–12. – С. 353–391; 1904. – № 5–6. – С. 174–199; 1905. – № 3. – С. 377–424; 1906. – №. 4. – С. 497–592; 1907. – № 7. – С. 289–313; 1912. – №. 2, 5. – С. 5–29.

² Общая характеристика и первые издания источника см.: 4.

Именно в подобной непростой международной обстановке началась длительная и успешная дипломатическая карьера Бориса Ивановича, которую сопровождали постоянные путешествия и командировки. В результате князь за несколько лет посетил различные местности и города Прибалтики, Польши, Пруссии, Германии, Нидерландов, Италии, Австрии. Очень внимательный и вдумчивый наблюдатель западноевропейской жизни, достаточно подготовленный к восприятию её различных сторон, Б.И. Куракин составил наиболее обширные и глубокие записки, чем большинство его соотечественников. Переход от старых форм жизни к новым европейским был для него не столь болезненным, как для других. Естественно войдя в быт и миропонимание иноземной жизни, князь воспринимал и перенимал не только внешнюю сторону европейской культуры, но и отчасти её внутреннее содержание [4, с. 217]. Поэтому неудивительно, что во многих местах его дневник совпадает с неким общим стереотипом записок европейских путешественников века Просвещения, конечно с влиянием статусных и культурно-языковых отличий. Картины и образы различных местностей Европы воспроизводятся в путевых заметках Куракина с точки зрения климата, культуры, нравов, обычаев наряду с историческими, политическими, статистическими, естественно-научными, военно-инженерными, медицинскими условиями.

Реально-исторический пространственно-временной план выходит у него на одно из первых мест. Он старается с большой географической точностью, объемностью пространства и строгой соотнесенностью с картой мира описывать места пребывания во время путешествий. «Из Амстрада поехал в ночь 25 дня ноября в воскресенье и ехал на город Лейду, а с Лейды на Дельфт, один город, и с Дельфты – в Манзельшлосс и все барками, каналами, и тут за погодую ночевали на вторник, и во вторник поехали по утру одною большою баркою – рекою и мало моря прихватили, в Бриль, и приехали в четыре часа и в Бриле ночевали на среду» [1, с. 139]. Передвигался Борис Иванович, в основном используя сухопутный вид транспорта – в каретах и экипажах, но иногда прибегая к водному: баркам, пакет-ботам и яхтам. Останавливался князь преимущественно в различных гостиницах или снимал жильё. Путешественника также интересовали вопросы экономики: деятельность кредитных учреждений, техника перевода денег, вексельного обращения, обменные курсы валют. Помимо местных государственных лиц и тех предпринимателей, которые покровительствовали и тайно помогали России торговыми и оружейными поставками, Куракин много общался с городскими обывателями: мастерами, хозяевами гостиниц и магазинов, докторами и учеными. Борис Иванович обращает внимание на внешний вид городов и особенности городского быта, отмечая чистоту улиц, застройку преимущественно каменными домами, наличие ночного освещения, устройство оранжерей, садов, зверинцев, опрятность горожан, вошедшие в моду загородные пикники, променады, лечение на водах, катание на коньках (Голландия) и посещение кофеен – излюбленных мест общения горожан [7, с. 19–20].

Что касается языка, на котором написаны путевые заметки, то здесь можно не согласиться с отечественными и зарубежными исследователями, которые упрекают Бориса Ивановича за ненужные заимствования, использование «смешанного жаргона» и нектати употребляемые варваризмы (В.В. Виноградов, Л.А. Булаховский, Э. Вагеманс и др.). Однако, к началу нынешнего века появилась иная точка зрения (М.Б. Ясинская, Е.В. Анисимов и др.), представители которой считают, что проблема здесь значительно более глубокая и князь использовал многочисленные иноязычные заимствования в различных контекстах, прежде всего потому, что не находил адекватного выражения им в русском языке, обладая многоязычным языковым сознанием и определенными стереотипами «другой» культуры. Поэтому, совсем не удивительно наличие многочисленных иноязычных заимствований в его текстах: экзотизмов, этнографизмов и варваризмов [5, с. 31]. Их использование в языке князя было связано с заграничными впечатлениями и особенностями быта и культуры некоторых стран и народов Европы, а также с сугубо профессиональной дипломатической, агентурной и кораблестроительной деятельностью.

Таким образом, на основе «Дневника и путевых заметок князя Б.И. Куракина» в Нидерландах, мемуарного источника начала XVIII века, предполагающего не только прямой, но и ретроспективный взгляд путешественника на события, удастся более глубоко реконструировать эмоционально-психологический, социальный и интеллектуальный опыт автора, его особые способы «присвоения мира», процесс формирования стратегии собственного поведения и индивидуальных практик, с учетом влияния культурной памяти, различных представлений и стереотипов поведения в определенной конфигурации межличностного взаимодействия.

1. Архив князя Ф. А. Куракина / под ред. М. М. Семевского. – СПб. ; Саратов, 1890–1895. – Кн. I. – 387 с.
2. Базарова, Т.А. Русские дипломаты при Османском дворе: статейные списки П.П. Шафировой и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. / Т.А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.
3. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5(75). – С. 80.
4. Блудилина, Н. Д. Борис Иванович Куракин. Дневник и путевые записки (1705–1708) / Н. Д. Блудилина // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. – М. : ИМЛ им. А.М. Горького РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 215–311.
5. Вагеманс, Э. Петр Великий в Бельгии / Э. Вагеманс. – СПб. : Гиперион, 2007. – 232 с.
6. Замятин, Д.Н. Метагеография / Д.Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 512 с.
7. Карпов, Г.М. Борис Иванович Куракин / Г.М. Карпов // Вопросы истории. – 2007. – № 5. – С. 18–32.
8. Крылова, Т.К. Россия и Великий союз / Т.К. Крылова // Исторические записки. – 1942. – № 13. – С. 85–129.
9. Zitser, E.A. The Vita of Prince Boris Ivanovich "Korybut"-Kurakin: Personal Life-Writing and Aristocratic Self-Fashioning at the Court of Peter the Great / E. A. Zitser // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – Band 59 (2011). – Heft 2. – PP.163–165.

Цеске Э.
ЛИТЕРАТУРА ПУТЕШЕСТВИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ПРИМЕР ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ
(середина XVIII – начало XIX века)

Литература путешествий представляет собой огромный, очень богатый пласт всевозможной информации об истории культуры во всех ее проявлениях, а также о социальной антропологии и других отраслей гуманитарных наук, но этот пласт до последнего времени исследовался лишь фрагментарно.

Задача настоящего доклада – на примере заметок путешествий прибалтийских немцев, сопоставляя их с исследованиями литературоведов Запада, в основном немецкой историографии, выяснить особенности этого жанра как исторического источника.

Понятие “литература путешествий” включает в себя не только непосредственно записки, дневники, журналы путешествий или письма, но так же и средства для подготовки к путешествиям: аподемики, путеводители, географические карты и др. Они существенно отличаются между собой как по количеству, так и по характеру и степени достоверности содержащейся в них информации. Одним из основных критериев при классификации литературы путешествий является ее адресат. Им может являться один человек, определенная социальная группа или все общество. Исходя из этого, литературу путешествий можно разделить на персональную (не предназначалась для печати) и общественную (предназначалась для печати с самого начала). К первой группе относятся дневники и журналы путешествий, а также и письма, ко второй – очерки, путеводители, аподемики и пр.

Предназначались данные тексты для печати или нет – это в значительной степени определяло их характер: если автор, например, письма и дневника не очень ограничивал себя в проявлениях своих взглядов и эмоций, то публичность диктовала ему относительную предосторожность как из-за политических, так и этических соображений.

Но есть и другая сторона вопроса: с е л е к т и в н о с т ь изображаемого материала. Ведь путешественника интересовали не все стороны реальности (хотя есть и такие примеры), а только такие, к которым интерес у него пробудился ввиду социальной среды, образования, общественных или эстетических взглядов, политической или другого рода актуальности, даже моды. Хотя такие тексты и не дают исследователю полное представление о разных сторонах описываемой страны или цивилизации, они дают возможность проникнуть в духовный мир автора, его взглядов, интересов, увлечений и, как правило, даже предрассудков. Как указывает немецкий культуролог и антрополог Михаэл Харбсмайер (Michael Harbsmeier), “[...] заметки путешествий могут быть рассмотрены как вид неосознанного самоотражения (unfreiwilliger Selbstdarstellung) личности реципиента. Уже эта черта придает текстам, исследуемым таким образом, совершенно другую степень правдоподобности [...]” [3, с. 2]

Именно эта субъективная сторона отсутствует у опубликованных очерков путешествий. Они (особенно в Германии в конце третьей четверти XVIII века) порой превращались в сухие, скучные статистические описи с бесконечным перечислением разных земель, городов и сел, упоминанием числа их населения, числа и рода мануфактур, видов полезных ископаемых, отраслей сельского хозяйства и пр. Или – другая крайность – становились политическими агитационными брошюрами накануне Великой французской революции и во время нее. Но в то же

время ценность этих опубликованных источников повышает использование в них разнообразного дополнительного материала: справочников, путеводителей, сводов законов, преискурантов, устных сведений местных жителей, информации из записей других путешественников, материалов прессы и т. д., включая даже монографии. Таким образом, упомянутые очерки становились более разносторонними и, что самое главное, на них можно было лучше полагаться.

В самом конце XVIII и в начале XIX века под влиянием романтизма в заметках путешествий стали более заметны лирические, ностальгические черты, любование природой (особенно Италией, Швейцарией), стариной, особенно памятниками древнего Рима.

Число сохранившихся заметок путешествий прибалтийских немцев невелико. В настоящее время каталогизировано около 15 единиц. Но зато они являются достаточно репрезентативным материалом, т.е. представляют разноцветную палитру степеней общественной иерархии, социального происхождения, общественно-политических взглядов, научных интересов, художественного вкуса и т.д. В обществе нескольких мужчин есть даже две дамы: в свое время в Европе небезызвестная Курляндская поэтесса, графиня Элиза фон дер Рекке и его подруга, тоже поэтесса, дочь пастора София Беккер (Шварц).

То же самое можно сказать и о типологии. В заметках путешествий прибалтийских немцев можно проследить эволюцию данного жанра от научно статистических описаний путешествия до текстов эпохи романтизма.

К первому разделу относится обширный 3-томный дневник рижского врача Николауса фон Химзела (Nicolaus von Himsel, 1729–1765) [4]. Н. фон Химзел во время своего продолжительного путешествия по Европе (с 1752 по 1757 год) посетил около 10 стран, начиная с Пруссии и кончая столицей Российской империи Петербургом. Автор с достойной похвалы скрупулезностью описывает не только те стороны реальности, знания которых, казалось бы, требует от него его профессия (способы лечения, виды лекарств, больницы, приюты и дома престарелых, курорты, загрязнение окружающей среды и пр.). В дневнике Н. фон Химзела отражается свойственная энциклопедистам универсальность: он проявляет интерес так же к архитектуре, фортификации, торговому и военно-морскому флоту, системе валюты, городским паркам и садам, живописи, музыке, театру, церковным праздникам, горному производству, охране общественного порядка, местам заключения, способам казни, отношению к иностранцам, религиозной терпимости и еще многим другим темам. Но особенно Химзела интересует история природы: он описывает бесчисленное количество частных коллекций разного содержания: собрания редких животных, растений, минералов, окаменелостей и др. В Упсале он лично встречается со знаменитым шведским биологом и историком природы Карлом Линнеем и в окрестности Женевы даже с самим Жаном Жаком Руссо. Он подробно описывает политический строй Англии, где в парламенте “богатый купец сидит рядом с пэром”, и дает ему высокую характеристику. Он знаком с работой Вольтера об Англии “Философские письма”. После описания каждой посещаемой страны следует обширный список дополнительной литературы.

Если записки путешествий Н. фон Химзела, как и дневники упомянутых Э. фон дер Рекке [8, 9] и С. Беккер [10, 11], а так же студента Гейделбергского университета, рижанина Генриха Фридриха Шторха (Heinrich Friedrich Storch, 1766–1835) [12] и известного борца за освобождение латышских и эстонских крепостных крестьян Гарлиба Меркеля (Garlieb Merkel, 1769–1850) [5] представляют собой типичные образцы произведений т. н. образованной и просвещенной буржуазии (Bildungsbürgertum), то противоположным примером являются журналы путешествий гофмаршала последнего герцога Курляндии Петра фон Бирона (Peter von Biron, 1724–1800), Генриха фон Оффенберга (Heinrich von Offenberg, 1752–1827) [6]. Свои путешествия Г. фон Оффенберг совершал по заказу герцога, который также определял его маршруты; гофмаршал должен был посылать герцогу подробные отчеты. Особенно интересными должны были быть дневники Г. фон Оффенберга о его путешествиях в Голландию и Англию, где он, предположительно, должен был познакомиться с новейшими техническими открытиями, которые герцог собирался внедрить в мануфактурном деле своей страны. К сожалению, эти дневники не сохранились. Сохранились лишь дневники Г. фон Оффенберга с описанием путешествия герцога и герцогини Курляндских по Пруссии, Саксонии, Баварии, Швейцарии и итальянским государствам с 1784 по 1786 год. Бросается в глаза, что в этом дневнике, наряду с описанием трудностей, перенесенных в дороге, главное внимание, следуя придворному регламенту, уделяется тому, какие знаки внимания были оказаны правящим особам, какие балы, маскарады, театральные

представления, охоты в их честь устраивались, какие лица правящего дома в них участвовали, какие комплименты были высказаны в адрес высокопоставленных гостей и т. д. Совершенно иной подход к окружающей действительности отражает очерк путешествия другого аристократа, владельца родового имения Варкланд (ныне Варакляны в Восточной Латвии) – графа Михаэла Иоганна фон дер Борха (Michael Johann von der Borch, 1753–1810). (Он был одним из доверенных лиц последнего польского короля Станислава Понятовского (Stanisław August Poniatowski, 1732–1798). С 1776 по 1777 год М.И. фон дер Борх совершал путешествие по островам Сицилии и Мальта, заметки о котором были опубликованы сначала на французском, потом на немецком языке [1]. В отличие от Г. фон Оффенберга, интересы М.И. фон дер Борха (который был одновременно был и выдающимся для своего времени естествоведом) связаны почти исключительно с минералогией, вулканологией, ботаникой, а также сельским хозяйством. Но из путевых заметок можно судить и об общественных взглядах автора.

Двое других молодых путешественников, особенно второй из них, посещая Сицилию, преследовали иные цели. Первый – 18-летний дворянин из Курляндии, Отто Теодор фон дер Ропп-Покрой (Otto Theodor von der Ropp-Росрой, 1783–1852), правда, посетил не только Сицилию. С 1802 по 1805 год он побывал на юге Франции, в Испании, Португалии, Гибралтаре, Италии, Швейцарии, Западной Германии и Голландии. Он оставил свой неопубликованный дневник, написанный по-французски, который сохранился в списке [9]. Путевые заметки второго – художника из Лифляндии, Карла Готтхарда Грасса (Karl Gotthard Graß, 1767–1814) – были опубликованы в 1815 году [2]. За основу изображения в обеих источниках взята не объективная действительность, а импрессионистические, субъективные восприятия ее.

1. Borch, M.J. v. d. Briefe über Sicilien und Maltha von dem H. Grafen von Borch [...]. Th. 1. – 2. Bern, 1783. – 200 + 204 S.
2. Graß, K.G. Sizilische Reise oder Auszüge aus dem Tagebuch eines Landschaftsmalers [...] Bd. 1. – 2. Stuttgart, Tübingen, 1815. – 244 + 435 S.
3. Harbsmeier, M. Reisebeschreibungen als mentalitätsgeschichtliche Quellen. Überlegungen zu einer historisch-anthropologischen Untersuchung frühneuzeitlicher deutscher Reisebeschreibungen. / Maczak, A. und Teuteberg, H. J. (Hg.) Reiseberichte als Quellen europäischer Kulturgeschichte. Wolfenbütteler Forschungen, Bd. 21. Wolfenbüttel, 1982 – S. 1. – 31.
4. Himsel, N. v. H. Nicl. v. Himsel, der Artzney-Belahrtheit Doctors hinterlassener, eigenhändigen Nachrichten. Научная библиотека Латвийского Университета, 25. фонд, рукопись н/р 188, т. I – III. – 618 + 539 + 504 S.
5. Merkel, G. Garlieb Merkel über Deutschland zur Schillers-Gothe Zeit (1797 bis 1806). Berlin: Hg. von Julius Eckardt, 1887. – 208. S.
6. Offenberg, H. v. [Reisejournale] //Латвийский Государственный исторический архив (LVVA), 5759. ф., 2. опись, дело н/р 119. – 1122. – 19 + 41 + 222 + 83 S.
7. Recke, E. v. d. Tagebuch einer Reise durch einen Theil Deutschlands und durch Italien in Jahr 1804 bis 1806. Bd. 1 – 4. Hg. von Carl August Böttiger. Berlin, 1815. – 358 + 446 + 380 + 395 S.
8. Recke, E. v. d. Tagebücher und Selbstzeugnisse. Hg. von Christine Träger. Leipzig: Koehler & Amelang, 1984. – 475 S.
9. Ropp, O.T. v. d. [Mes remarques sur mes voyages depuis 1802 jusque 1805] – Латвийская Национальная библиотека (LNB), отдел редких книг и рукописей, RX 100B, 5, 14 – 16. – 65 + 150 + 40 p.
10. [Schwartz, S.] Briefe einer Kurländerin auf einer Reise durch Deutschland. Bd. 1. – 2. Berlin, 1791. – 175 + 206 S.
11. [Schwartz, S.] Vor hundert Jahren. Elisa von der Reckes Reisen durch Deutschland 1784 1786 nach dem Tagebuch ihrer Begleiterin Sophie Becker. Stuttgart; Verlag von W. Speeman [1884.] – 248 S.
12. Storch, H.F. Skizzen, Szenen und Bemerkungen auf einer Reise durch Frankreich. Heidelberg: F.L. Pfähler, 1787. – 461 S. ; zweyte verbesserte Auflage – Heidelberg: F. L. Pfähler, 1790. 446 S.

Посунько О.Н.
ССЫЛКИ НА «МАЛОРОССИЙСКОЕ ПРАВО» В ДОКУМЕНТАХ
СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА
(80–90-е гг. XVIII в.)

В центре нашего внимания материалы судебных инстанций большой административно-территориальной единицы последних двух десятилетий XVIII в. – Екатеринославского наместничества. Есть достаточное количество литературы, посвященной описанию и характеристике его территориального охвата и внутренних изменений, поэтому ограничимся констатацией факта, что в состав наместничества вошли бывшие Вольности Войска Запорожского, южные окраины Гетманщины, Слободской Украины, также некоторые части Правобережья и Крым [10]. Пришедшая на смену наместничества в 1796 г. Новороссийская губерния унаследовала такие же огромные территории. Таким образом, в составе указанных единиц оказались земли с различными правовыми традициями (особенно если сравнивать обычное право крымских татар и украинского населения). Имперские власти не могли полностью игнорировать эту ситуацию, поэтому для отдельных частей наместничества предусматривалась возможность использования «своего права» в сфере наследственного, имущественного, семейного права. Не единожды российское правительство подтверждало это для территорий прежней Гетманщины, в частности и тех, которые попали в состав Екатеринославского наместничества [8].

Мы проанализируем документы Екатеринославского верхнего земского суда и Екатеринославского совестного суда, которые демонстрируют существование украинской правовой традиции, опирающейся на Литовский Статут 1588 г. (далее – ЛС) и нормы магдебургского права. Екатеринославский верхний земский суд являлся апелляционной инстанцией для земских уездных судов и таким образом сюда попадали дела Полтавского, Хорольского, Миргородского уездов, жители которых как раз и могли в сфере гражданского права использовать вышеуказанные нормы. Совестный же суд становился дополнительной возможностью решения гражданских конфликтов «полюбовно»; мог также выступать и как высшая инстанция для решения проблем внутри семьи; к тому же он был всеобщим.

Апеллирование к «малороссийскому праву» (условное название, бытовавшее в указанный период) можно усмотреть в нескольких вариантах. Первый – привлечение конкретных артикулов и разделов ЛС, реже – положений магдебургского права. Второй – непосредственные ссылки на «малороссийское право», как на систему, положениями и представлениями о которой руководствовались участники процесса. Третий вариант – использование терминов, характерных для ЛС 1588, обычного права украинцев.

Характеризуя первый вариант, следует заметить, что в случае ссылки непосредственно на сами кодексы, использовались формулировки: «по силе Статута и артикуловъ въ нем написанныхъ», «по праву книги Статутъ», согласно «артикуловъ книги Порядокъ въ Артикулахъ права Магдебургского на листу 19 написанныхъ» [3, л. 39; д. 9, л. 84]. Абсолютно логично, что наиболее распространенными делами, которые использовали вышеуказанные нормы были имущественные споры различного характера: наследственные, дела об опеке, споры о границах земельных владений. Из 14 разделов ЛС встречаются ссылки на все разделы, кроме 1, 2, 12, что совершенно логично, ибо они касаются в большей степени норм государственного и уголовного права [11]. Редкими есть упоминания о 13 и 14 разделах. Их положения также из области уголовного права, поэтому в документах они перечисляются обязательно наряду с российскими законами. Более того, российское законодательство в таких случаях превалирует и ссылка на ЛС выглядит как подтверждение согласованности обычного права данной территории и видения со стороны государства. Ссылка на 14 раздел – это единичный случай – дело о воровстве, где упоминались 10 и 24 артикулы (об обвинении «без лица», и о выдаче «лица») [4, л. 70 об.]. Единожды есть указание на 13 раздел (4 артикул), которое встречается в деле о спорной земле между двумя землевладельцами. Названный артикул применялся по поводу «гвалтовного» наезда людей одной участницы процесса на другую с нанесением ущерба людям противоположной стороны [3, д. 14, л. 77 об.].

«Первенство» по частоте упоминаний имеет 4 раздел «О судьях и о суждех», а именно артикулы 1, 3, 13, 21, 22, 24, 25, 26, 42, 44, 54, 60, 70, 74, 77, 81, 82, 88, 90, 92, 100. Среди 11 дел по несколько раз указываются артикулы 42, 44, 74, 77, 81.

Как правило ссылки на артикулы ЛС встречаются в заключительной части итогового документа заседания того или иного суда, после фраз: «А по законамъ велено...», «А въ законахъ повелено...». В таком случае присутствует фактически дословное цитирование первоисточника, иногда такие части документа могут занимать большое количество листов. Точные указания на артикулы можно видеть также и в челобитных, составленных достаточно грамотными поверенными; в документах, описывающих споры прошедшего времени (мол, когда-то что-то решилось таким образом). В таких случаях редки пространственные цитаты, только может фиксироваться название раздела, главная суть артикула.

Второй вид упоминаний об использовании норм украинского права - это ссылки такого порядка: как сказано в «Статутовом праве», «по правам малороссийским», «на точном основании малороссийских прав» [3, л. 38]. Почти в каждом деле о недвижимости, пришедших в названные суды из уездов Левобережной Украины, есть такие фразы.

Третий вариант – использование терминов. Наиболее часто упоминаемые – «материзна», «земли материстые», «вено», «вывенены», «зарука». Иногда нет прямого указания на нормы, терминологию «малороссийского», «статутового» права, но по характеристике ситуации мы понимаем, что проблема решалась именно так (например, когда упоминалось, что материнское наследство разделили поровну между детьми) [9, с. 64].

Отдельного внимания заслуживает такой вид документа как «увяжчий лист». Дважды в проанализированных делах встречается, в одном случае как упоминание, в другом – как отдельный документ определенной формы. Чаще источниковедческие характеристики данного типа документов относятся к более раннему историческому периоду. Есть отдельные статьи В. Менжинского, А. Хорошкевич, А. Груши об увяжчих листах в Литовской Метрике, упоминаются они авторами, которые характеризуют процесс раздачи земель в тот или иной период Великого княжества Литовского [2; 5; 12]. «Увяжчие листы» фиксируются и в ЛС, а в XVIII в. в большинстве кодификационных трудов в разделах о судах и судьях были также повторены формулировки Статута по этому поводу.

В случае, если такой документ выдавался местной администрацией, то это происходило в двух вариантах – либо как фиксация ввода во владение именем, на которое имелась жалованная грамота, либо в результате судебного разбирательства [6, с. 57]. В нашем случае как раз второй вариант. В подборке Екатеринославского верхнего земского суда указанный документ находится в деле о земельном споре между жительницами Полтавского уезда Ефросиньей Черноглазовой и Марией Якубенковой, которое производилось в период 1787 – 1791 гг. Как раз в качестве доказательств своих прав владения в Сокольничем байраке Полтавского уезда Е. Черноглазова предоставляла увяжчий лист 1777 г., когда также имела земельный спор с братьями Бородаями за свою землю и указанный документ подтвердил ее права [3, д. 14, л. 43–46]. Он давался именем императрицы из Полтавского уездного суда, заверялся подписями и печатями трех представителей сотенной администрации во главе с атаманом.

Сам документ составлен в виде обращения к Е. Черноглазовой, при этом пересказывалась история владения землей ее предками. В частности, упоминалось, что ее бабка также в 1761 г. имела уже судебное разбирательство с Бородаями и земля осталась за ней. В этом документе «въ сходство Права Книги Статут» есть ссылки на 25, 94, 100 артикулы 4 раздела; 23 артикул 3 раздела и 4 артикул 13 раздела [3, д. 14, л. 45 об. – 46]. Кроме прямого упоминания о нормах Статута есть термины: «зарука», «отводъ», «правная выпись», «вытискъ из владения»; для доказательства прав на землю приведены к присяге пять свидетелей.

Естественно, описанные нами примеры, касаются исключительно территорий прежней Гетманщины и не использовались относительно других земель Екатеринославского наместничества. Нередки были случаи, когда землевладелец имел одно судебное разбирательство по поводу нескольких своих земельных участков в разных частях наместничества и относительно каждого земельного надела судопроизводство опиралось на разные законы. С этой точки зрения представляет интерес дело о разделе недвижимости надворного советника Петра Федоровича Паскевича, чье имущество должны были описать «для уплаты казенного долгу» [3, д. 17, л. 103 об.]. Семья, спасая недвижимость, решила выделить наследственные по его отцу части двум невест-

кам (женам его умерших братьев). Поскольку речь шла о выделении земли женщинам-наследницам, то относительно одних уездов это производилось согласно именного указа Анны Иоановны от 17 марта 1731 г., которым отменялось единонаследие и расширялись права жен умерших мужей [7]. Относительно земель в других уездах ссылались на нормы ЛС о женском имуществе, их наследственных правах, тестамах и прочем. Таким образом, одни земли делились «подъ правомъ малороссійскимъ», а касательно других Паскевичи просили суд «сделать удоволствие изъ находящихся подъ правомъ великороссійскимъ» и разрешить раздел по указу 17 марта 1731 г. [3, д. 17, л. 37 об].

«Разбросанность» частных владений заставляла помещиков, которые не были уроженцами Левобережной Украины, также знакомиться с основными принципами местного права. То есть, речь, конечно же, не идет об исключительном влиянии украинской правовой традиции на территории Екатеринославского наместничества в последней четверти XVIII в., но считается с ней должны были и землевладельцы, и судьи высших судебных учреждений региона.

1. Блануца, А. Земельні надання Сигізмунда I Старого на українські землі Великого князівства Литовського / А. Блануца // Україна у Центрально-Східній Європі. – 2008. – № 8. – С. 60–72.
2. Власова, Т. П. О судебной терминологии в Статутах Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг. / Т. П. Власова // Славянские чтения. IX. – Daugavpils univrsitates, 2013 [Электрон. ресурс] – Режим доступа: Du.lv/wp-content/uploads/2015/12/Slavu_lasijumi_IX_2013.pdf
3. Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). – Ф. 375. Оп. 2. Д. 2.
4. ГАДО. – Ф. 467. Оп. 1. Д. 30
5. Груша, А. Лісты і «увяжчя» Книгі Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага 44 (1559 – 1566) з нагоды артыкула Ганны Л. Харашкевич «Да вивучэння дыпламатыкі Вялікага Княства Літоўскага ды ўнутраная і знешняя палітыка Жыгімонта II Аўгуста ў першыя гады Лівонскай вайны («увяжчя» лісты «Кныгі записаў 44 Літоўска Метрыкі») / А. Груша // Metriciana. Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т.2. – Мінск: Athenaum, 2003 – С. 63 – 69. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: nasb.gov.by/rus/publications/metriciana/metrics2b.php
6. Менжинский, В. С. Документальный состав книг Записей Литовской Метрики за 1522 – 1551 гг. / В. С. Менжинский // Литовская Метрика. Исследования 1988 г.: сб. ст. – Вильнюс : Academia, 1992. – С. 46–70.
7. Полное собрание законов российской империи (далее – ПСЗ). – С.-Пб, 1830. – Т. 8. №717. – С. 396 – 398.
8. ПСЗ. – Т. 20. № 14609. – С. 522 – 523.
9. Посулько, О. М. Особливості побутування норм українського звичаєвого права (за матеріалами судових установ Катеринославщини останньої чверті XVIII ст.) / О. М. Посулько // Січеславський альманах: зб. наук. праць з історії укр. козацтва. – Д.: НГУ, 2014. – Вип.7. – С. 63–71.
10. Савченко, І. В. Адміністративно-територіальний устрій Катеринославського намісництва (1783–1791 рр.) / І. В. Савченко // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. – Запоріжжя, 2003. – Вип. 2. – С. 192–209.
11. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электрон. ресурс] / Подгот. О. Лицкевич. – Мінск, 2002–2003: Режим доступа: <http://starbel.narod.ru/statut1588.htm>
12. Хорошкевич А. А. К изучению дипломатики Великого княжества Литовского и внутренней и внешней политики Сигизмунда II Августа в первые годы Ливонской войны («увяжчяе лісты» книги записей 44 Литовской Метрики) / А. А. Хорошкевич // Metriciana. Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т.2. – Мінск : Athenaum, 2003. – С. 57 – 62 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: nasb.gov.by/rus/publications/metriciana/metrics2b.php

Сегаль Б.А.

А.А. САМБОРСКИЙ «О ПРЕБЫВАНИИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ АЛЕКСАНДРЫ ПАВЛОВНЫ В УГРИИ (1799–1801 г.)». КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Единственным браком между династиями Романовых и Габсбургов был брак великой княжны Александры Павловны, дочери Павла I, с эрцгерцогом Иосифом, братом Франца II (I). С австрийской стороны речь шла, прежде всего, об усилении антифранцузской коалиции, о вовлечении России в непосредственную вооруженную борьбу против Франции. Мотивация российского императорского двора была менее однозначной и почти с самого начала переговоров, которые закончились бракосочетанием, противоречивой. Бракосочетание состоялось в Гатчине, после чего молодая пара выехала в Вену, а оттуда в столицу Венгрии – Буду. В данной работе предпринята попытка анализа описания последующих событий, составляющих содержание «Записки» А.А. Самборского – непосредственного, хотя и второстепенного участника и свидетеля этого кратковременного, но важного периода российско-австрийских отношений на рубеже XVIII–XIX века.

«Записка» «О пребывании Великой княгини Александры Павловны в Угрии (1799–1801 г.)» протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского была впервые опубликована в 1862 году в газете «День», издававшейся И.С. Аксаковым. В 1872 году В.И. Ламанский не только вновь опубликовал «Записку», но и снабдил ее обширным предисловием, которое содержало и биографию ее автора. Хотя протоиерей Самборский был автором и целого ряда других произведений, книг, меморандумов, обращений и писем, именно эта «Записка» привлекла к себе особое внимание в

конце XIX, а уже в наши дни стала основой и вдохновением как для целого ряда книг, так и огромного количества публикаций в газетах, журналах и блогах.

Неудивительно, что «Записка» Самборского произвела и производит сильное впечатление на читателя:

1. Самборский пишет об исторических событиях доселе мало известных не только широким слоям читающей публики, но и многим историкам, хотя эти события вряд ли можно отнести к маловажным, не заслуживающим внимания.

2. Самборский был непосредственным участником или свидетелем многих из описываемых событий, поэтому его описание представляется объективным, достоверным. Ламанский (1872) подчеркнул, что *«Записка Самборского вполне заслуживает общей известности, как важнейший официальный документ и достоверное свидетельство очевидца»*.

3. Личность автора и сама по себе вызывает значительный интерес, ибо родившийся на Украине в 1732 году Самборский, учился в Белгороде и Киеве, после чего 15 лет жил в Англии, был священником при российском посольстве в Лондоне. В 1784 году был назначен учителем закона божьего и английского языка старших сыновей императора Павла I (Александра и Константина), а позднее – и дочерей. Был духовником Павла I и его супруги, Марии Федоровны, во время их зарубежного путешествия в 1782 году, а в 1800–1801 гг. духовником их дочери, великой княгини Александры (после заключения брака с эрцгерцогом Иосифом). А кроме всего этого – был первоклассным агрономом и проектировщиком садов и парков, автором книги о земледелии!

4. Стиль письма Самборского – яркий и эмоциональный – не оставляет читателя равнодушным.

5. Протоиерей Самборский представляется одним из первых славянофилов, не скрывающих горячего желания видеть в мире мощный союз славянских государств под водительством Российской империи и Российского императора [4].

Принимая все это во внимание, удивительно что «Записка» не стала предметом тщательного анализа за полтора столетия, прошедших со времени первой публикации. Вряд ли можно назвать анализом предисловие Ламанского, в котором автор предпринимает попытку добавить исторический фон к событиям, которые описывает Самборский. Содержание самой «Записки» Ламанский принимает без комментариев также как и протоиерей Стеллецкий [5], который не столько анализирует, сколько защищает ее автора от обвинений в теологической невежественности и отсутствии православного сознания. Описывая и анализируя деятельность Самборского во время *«четырёхлетнего пребывания в Австрии»* через сто лет после Ламанского, автор обстоятельных исторических обзоров и анализов И. Достян [1] сопоставляет целый ряд событий, приведенных в произведениях и письмах Самборского с данными других деятелей эпохи, однако изложенные в «Записке» описания принимаются как очевидно объективные.

Основные характеристики, происхождение и содержание «Записки». Хотя точная дата и адресат «Записки» не указаны ни в первой, ни в повторных публикациях, есть все основания предполагать, что рассматриваемое произведение было написано Самборским в России после возвращения из Венгрии. Путешествие было длительным, т.к. летом (не ранее июля) 1804 г. из Буды (или, что более вероятно, из Вены) Самборский двинулся в поездку по странам Юго-Восточной Европы, о чем он пишет в заключительной части «Записки». Вернулся Самборский в Петербург в начале 1805 г., т.е. «Записка» была написана после этого, вероятнее всего в 1805 г.

Ни редактор газеты «День» И.С. Аксаков, ни В.И. Ламанский не указывают на происхождение опубликованной рукописи. Вероятно она хранилась – как и другие произведения Самборского – в семейном архиве Малиновских (В.Ф. Малиновский, первый директор Царскосельского лицея был женат на старшей дочери Самборского, Софии), либо в архивах российского МИДа или царской канцелярии (В.И. Ламанский издал «Записку» с ведома и разрешения царской семьи), ибо наиболее вероятным непосредственным адресатом «Записки» был князь А.Н. Голицын (с 1803 года обер-прокурор Синода), которому адресованы многочисленные письма Самборского, но конечным адресатом представляется сам император Александр I.

Все цитирующие «Записку» авторы пользуются текстом, опубликованным Ламанским в 1872 г. (NB. перепечатан без изменений в 1894 г., см. [3]), о котором в примечаниях сам Ламанский пишет: *«Записка Самборского помещается здесь несколько сокращенной. Откинута некоторые частные подробности, не касающиеся существенного предмета записки, а кое-где, по местам, упрощен и сам слог, чересчур витиеватый и цветистый.»* Хочется надеяться, что сокращения действительно не затрагивают содержания.

«Записка» не является хорошо отредактированным и четко структурированным произведением с более или менее точно указанной хронологией и последовательностью описываемых событий, типичной для мемуарной литературы. Описания политических событий, бытовых сцен и эмоционально окрашенные комментарии автора чередуются произвольно. Представляется целесообразным выделение следующих коллизий:

1. Описание недостойного поведения представителей венгерской католической церкви, включая ее высших руководителей. С этого начинается «Записка», к этому вопросу Самборский неоднократно возвращается и этим заканчивает. Непосредственно с этой темой связано описание коварной деятельности некоего греческого архиерея.

2. Описание некоторых фрагментов пребывания великой княгини Александры в Венгрии и Австрии (На основании текста «Записки» невозможно определить, что делала, чем занималась Александра в Венгрии и Австрии. Деятельность ее супруга, правителя Венгрии также остается практически нераскрытой).

3. Описание судьбы останков великой княгини Александры со дня ее кончины до освящения церкви Св. Александры, в крипте которой они получили окончательное размещение.

4. Описание православного населения Австрии (и Венгрии), главным образом сербов, положение которых подробно рассматриваются Самборским в предисловии к написанной сербским митрополитом карловицким Стратимировичем «Записке о Возстановлении новаго славяно-сербскаго государства» (1804) [4] и других, ставшими известными записках и письмах.

5. Упоминание некоторых политических событий данного периода, непосредственно связанных с жизнью действующих лиц.

Менее половины текста посвящено описанию событий, произошедших при жизни великой княгини Александры, более половины – описание перепитий захоронения ее останков, включая подробное описание борьбы Самборского за выбор подходящего места захоронения и его комментарии действий «папистов» и обер-гофмейстера графа Сапари.

Важно отметить, что Самборский только в нескольких случаях указывает время (например, Пасха (1800 г.), действующих лиц (например, «обер гофмейстер», «князь Баттиани») или место (например, «капуцинская церковь» в Буде) описываемых событий. В большинстве описаний речь идет об «одной даме», «греческом архиерее», «великоименитом муже римско-католического вероисповедания», «уголке Шеннбрунского сада», а временные параметры событий вообще не указываются, что значительно затрудняет их интерпретацию. Ни сам Самборский, ни издатели «Записки» не указывают на документальную основу приводимых описаний. Подобной основой мог быть дневник Самборского, однако никаких ссылок на это нет. Принимая во внимание, что между событиями и составлением «Записки» могло пройти до 5 лет (1800 – 1805), неясно, как Самборский мог воспроизвести не только общий ход событий, но и в высшей степени конкретные фрагменты, например, устное общение персонажей. Также существенным представляется вопрос непосредственного общения Самборского с другими действующими лицами.

Резюме основных положений «Записки» Самборского. Династический брак великой княгини Александры и эрцгерцога Иосифа, имевший выраженные политические цели, был, с одной стороны, удачным, в нем сочетались как государственные, так и чувственные мотивы (*«Горячая любовь и уважение, которые палатин торжественно выказывал как при жизни, так и по смерти своей супруги...»*), но, с другой стороны, великая княгиня страдала вдали от России. Самборский говорит о двух причинах страданий:

во-первых, происки католиков, которые вопреки ее волеизъявления, любой ценой желали обратить ее в свою веру как при жизни, так и после смерти;

во-вторых, супруга императора Священной Римской Империи (с 1805 г. – Австрийской Империи) Мария Терезия сделала жизнь великой княгини в Австрии совершенно невыносимой. Старшая дочь неаполитанского короля Фердинанда и королевы Каролины, внучка императрицы Марии Терезии (в честь которой была названа) некрасивая, завистливая, ревнивая и мелочная, преследовала Александру и буквально пыталась «сжить со света».

При этом великая княгиня завоевала любовь не только своих венгерских подданных, прежде всего – православных, но и австрийцев, и, не скрывая своих православного убеждения и славянофильских взглядов, сделала многое для облегчения жизни миллионов славян, страдавших от притеснений в Священной Римской Империи.

Трудности объективного, обстоятельного анализа «Записки» связаны со временем, местом и политико-социальной средой описываемых Самборским событий: период с 1800 по 1804 год,

Венгрия и Австрия, Вена и Буда, двор императора Франца II (I) и двор палатина (правителя) Венгрии эрцгерцога Иосифа Австрийского. В российской исторической литературе имеется не очень значительное количество литературно-исторических источников, которыми можно было бы воспользоваться для непосредственной **верификации** описаний, предлагаемых Самборским. Их немного и в австрийской историографии. Фрагменты описываемых Самборским событий приводятся в венгерской исторической литературе, но и Венгрии поиск обладающих приемлемой степенью надежности источников представляет значительные трудности.

В качестве основной методы анализа «Записки» автор данной работы принял сопоставление описаний и интерпретации одних и тех же событий, предложенных Самборским, а также опубликованных воспоминаний, дневниковых записей, писем современников Самборского: Е.Ф. Комаровского [2], А. Чарторижского [7], А.И. Тургенева [6] и других российских авторов, с описаниями венгерских авторов Г. Ортенбурга (H.Ortenburg) [10], Э. Шебештена (E.Sebestyén) [11], Ш. Лештяна (S.Lestyán) [9] и других, но в первую очередь с подробной биографией и письмами самого палатина эрцгерцога Иосифа, супруга великой княгини Александры: в 1944 году Шандор Домановски (S.Domanovszki) [8] опубликовал фундаментальное пятитомное резюме двадцатилетнего исследования жизни и государственной деятельности эрцгерцога Иосифа. Два тома являются описанием и анализом биографии эрцгерцога, а три тома содержат фрагменты дневника, письма, докладные записки, меморандумы, написанные им в период с 1792 по 1807 гг. Браку Иосифа и Александры посвящены ок. 40 страниц первого тома биографии. Особую ценность этого труда придает судьба архива палатина: в 1945 году во время боевых действий дворец поместья в Альчуте, где хранились документы правителя Венгрии, сгорел полностью, все документы безвозвратно погибли.

Важным источником данных являются периодические издания того времени, в первую очередь выходившие в Вене на венгерском языке два раза в неделю газеты Мадьяр Хирмондо (Magyar Hírmondó) и Мадьяр Курир (Magyar Kurir), в которых более-менее регулярно публиковали репортажи, посвященные деятельности палатина, включая описания его личной жизни.

В заключении доклада приводится описание возможных целей и мотивов Самборского, которые определили содержание и форму «Записки».

1. Достян, И.С. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. / И.С. Достян // Советское славяноведение. – 1970. – № 5.
2. Комаровский, Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского / ред. П.Е. Щеголева ; вступ. заметка Е.А. Ляцкого. – СПб. : Огни, 1914. – XII, 279 с., 1 л. портр. ; 20. - (Библиотека мемуаров издательства "Огни")
3. Ламанский, В.И. Самборский / В.И. Ламанский // Христианское чтение. – СПб., 1894. – № 11–12. – С. 425–452.
4. Самборский, А.А. Предисловие. О восстановлении новаго славяносербскаго государства. Записка митрополита Стратимировича, составленная для поднесения императору Александру Павловичу. В Июне 1804 года. Сообщ. А.А.Малиновским // Русский архив. – 1868–1869. – Стб. 111–120.
5. Стеллецкий, Н.С. Протоиерей А.А. Самборский, законоучитель императора Александра I / [Соч.] свящ. Н. Стеллецкого. – Киев: тип. Корчак-Новицкого, 1896. – 82 с. (Из журн. "Труды Киев. дух. акад." за 1896 г.).
6. Тургенев, А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // публ., вступл. А.С. Сомова // Русская старина. – 1885. – Т. 47, 48, 49, 52, 53, 61.
7. Чарторижский, А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой ; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. – Т. 1–2. – Москва : К.Ф. Некрасов, 1912–1913.
8. Domanovszky, Sándor. József nádor élete és iratai. Magyar Történelmi Társulat, Bp. 1944.
9. Lestyán Sándor, Egy alkotó élet írásban és képekben. Posner, Bp. 1943.
10. Orthenburg Henrik. Öröm, és az ürömi kápolna ő császári fenségének, Alexandra Pawlowna fő- és nagyhercegnőnek, József főherceg Magyarországnádora hitvesének utolsó nyughelye. Geibel Armin nyomdája, Pest. 1860.
11. Sebestén Ede. József nádor és Pavlovna Alexandra bevonulása és ünneplése 1800-ban. Haydn és Beethoven hangversenye. Tanulmányok Budapest Múltjából. VII. Bp. 1940.

Алентьева Т.В.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА НАЧАЛА XIX ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1812–1815 гг.

Как известно, карикатура является визуальным историческим источником, в котором в графической форме представлено изображение, основной целью которого является репрезентация исторических событий, политических, социальных, бытовых явлений, реальных деятелей или характерные типы людей в намеренно искаженном, гротескном, сатирическом виде.

Благодаря использованию визуального канала воздействия, хорошо узнаваемых и понятных самым широким слоям населения символов и стереотипов, которые носят универсальный характер, политическая карикатура является действенным средством формирования обществен-

ного мнения. Ее апелляции к эмоциям вообще трудно противостоять, так как она обличает, высмеивает, осуждает, сознательно создает комический эффект. По утверждению психологов рисунок, особенно комический, дольше сохраняется в памяти. Кроме того, благодаря внутренним композиционным приемам, карикатура представляет собой уже готовый образ, который усваивается без особых усилий для восприятия [8, с. 51–71].

Карикатура способна «говорить» доходчивым, понятным, «народным» языком, иногда грубым и даже непристойным. Юмор является самым грозным оружием, именно поэтому карикатура – один из наиболее действенных и доходчивых видов политической пропаганды. В ней преувеличиваются и заостряются характерные черты фигуры, лица, костюма, манеры поведения политиков, в смешном виде представляются их поступки, высмеивается и осуждается их политика. Причем, важно отметить, что карикатура – сложный исторический источник, так как представляет собой срез культурной памяти народа с определенным набором культурных кодов, отражает его историческую память и коллективное бессознательное.

Вместе с тем, как подчеркивает историк И.С. Рыбачёнок, карикатура не может рассматриваться как исключительно визуальный исторический источник, так как ее непременным компонентом является вербальная составляющая. Важной частью карикатуры является текст: название; подписи внизу (в форме монолога или диалога персонажей); реплики персонажей, помещенные на рисунке; наконец, комментарий к рисунку самого художника. Таким образом, карикатура должна рассматриваться как синтез изображения и текста [11].

Карикатуры XIX века были насыщены текстами. Это были, прежде всего, развернутые подписи, пояснявшие происходящее на рисунке. Подпись могла пояснять рисунок, дополнять созданный образ, акцентировать внимание на тех или иных нюансах. При этом в зависимости от ситуации соотношение изображения и текста могло меняться. В названии и подписи, как и в рисунке, всегда была отражена позиция карикатуриста. Они могли использовать и такой комический эффект, как несоответствие подписи и содержания.

Еще более важную роль играли реплики персонажей, заключенные в своеобразные «словесные пузыри», именуемые в американской карикатуре «баллонами». Тексты эти были не менее изобретательны, чем сами карикатурные изображения, изобиловали игрой слов, каламбурами, выдуманными или заимствованными цитатами. Как отмечает исследователь английской карикатуры XVIII века, В. Успенский, карикатуры могли пародировать выпренный слог аристократов, грубую лексику простолюдинов, бюрократические штампы чиновников, иностранные акценты, индивидуальные особенности речи видных политиков. Иногда сами карикатуры представляли собой визуализированные каламбуры или яркие словесные метафоры [12, с. 17]. Карикатуры XVIII – начала XIX века были на стыке литературы, журналистики, изобразительного искусства и устного народного творчества. Современные зарубежные исследователи уделяют как раз наибольшее внимание исследованию вербальной компоненты карикатуры в контексте изучения современной политической лингвистики [7, с. 132].

Еще один важный компонент карикатуры – это ее подтекст, то, что не прямо отражено в изображении, а как бы подразумевается, дополняя основной смысловой фон. Здесь важную роль играют символы, представляющие культурные коды эпохи. Любопытную классификацию употребляемых в карикатуре символов предложил А.В. Дмитриев в своей книге «Социология юмора». На первый план он выдвигает так называемую «эзоповскую» группу, в которой люди и животные наделяются одинаковыми свойствами не только внешнего вида, но также характера и интеллекта. В политической карикатуре XIX столетия было принято изображать Россию в виде медведя, а Великобританию в виде быка Джона Буля. На втором месте – так называемая классическая «мифическая» группа, где прообразами служат персонажи Древней Греции и Древнего Рима (Зевс, Прометей, Геракл, кентавр, троянский конь, Цезарь, Нерон и др.). Затем следует группа символов из средневековой жизни и литературы: (Дон Кихот, король, королева, шут, палач, рыцарь, дама и т.п.). Следующие группы автор обозначает, используя термины В. Богорада: «пиктографическая», которая включает в себя все международные условные обозначения и политическую символику; «итимическая», состоящая из символов-жестов (кукиш, указательный палец, кулак и т.п.); «платяная» (стереотипные образы представителей разных профессий); а также «вещевая» группа, использующая образы предметов быта [9].

Первоначально карикатура существовала отдельно от периодической печати как самостоятельный жанр, обычно в виде гравюры. Изобретение в конце XVIII в. литографии позволило

печатать изображение непосредственно с особого литографического камня, на котором художник рисовал специальным карандашом. Полученные оттиски отличались сравнительной дешевой, при этом каждый оттиск сохранял непосредственную живую манеру мастера. Такие литографии выставлялись в витринах магазинов, продавались по умеренной цене, часто служили украшением домашнего интерьера.

Американские карикатуры являются важным источником для изучения состояния пропаганды в период англо-американской войны 1812–1815 гг. Они способствовали пробуждению патриотических чувств, росту антибританских настроений, формированию «образа врага». Их ценность для историка заключается в том, что они отражали умонастроения людей того времени. Большое влияние на становление национальной карикатуры США оказали выдающиеся английские карикатуристы конца XVIII – начала XIX века Джеймс Гилрей, Томас Роландсон, Джордж Крукшенк [12, с. 19–23].

Их художественная манера, особые приемы, даже сюжеты часто копировались американцами, хотя со временем они создают собственную национальную карикатуру. Отцом политической карикатуры в США по праву считается художник английского происхождения Уильям Чарльз (1776–1820) [6, с. 1–51], творчество которого в свою очередь повлияло на его американских последователей.

Большой популярностью у американцев пользовалась карикатура данного художника, немало способствовавшая поднятию патриотических чувств американцев, Она называлась «Георг III и Мэдисон на ринге. Боксерский матч или расквашенный нос Джона Буля». На карикатуре президент США Дж. Мэдисон в образе брата Джонатана, символизирующего США, наносит удар английскому королю, у которого по этой причине ручьем льется кровь из носа. На заднем плане два корабля заняты артиллерийской дуэлью. В карикатуре содержался намек на то, что в морском бою у берегов Мэна американский корабль «Энтерпрайз» потопил британский «Боксер» [3].

В еще одной карикатуре под названием «Колумбия дает новый урок Джону Булю». У. Чарльз изобразил США в виде девушки – олицетворения Свободы – с копьем и фригийским колпаком на нем. У ее ног – щит с американскими «звездами и полосами», а также орел. Она гневно втолковывает толстяку Джону Булю (символу Великобритании): «Я говорю вам, Джонни! Вы должны учиться говорить эти слова: «Уважение», «Свобода торговли», «Морские права» [2].

Поскольку наибольших успехов в войне добились американские моряки, особенно знаменит был коммодор Оливер Перри, в апреле 1813 г. появляется весьма выразительная карикатура неизвестного автора, обыгрывавшая названия американских кораблей «Оса» и «Шершень». Она называлась «“Оса” и “Шершень” закусили Джона Буля до полусмерти». На ней Англия снова символически изображена в образе Джона Буля. Он – смешной, пузатый, коротконогий человек в красном военном мундире, размахивающий саблей, чтобы отогнать вредных насекомых, готовых его изжалить до смерти. На заднем плане видны сражающиеся корабли [5].

Свое отношение к победам американцев на море художник Эймс Дулитл (1754–1832) отразил в карикатуре «Братец Джонатан отдает сердечный салют Джону Булю». Здесь символом США выступает братец Джонатан, изображенный как обычный новоанглийский фермер. Он пытается из оловянной кружки с надписью «Перри» напоить британца, изображенного в офицерском мундире. Последний пытается из всех сил отказаться от такой чести. В карикатуре обыгрывается фамилия победителя в сражении на озере Эри коммодора Перри, которую можно перевести как «грушевый сидр». Джон Буль говорит: «О, не заставляй меня пить это, братец Джонатан! Дай мне голландского джина! Дай мне французского рома! Все лучше, чем этот чертов янки Перри. Он меня уже одурманил». Братец Джонатан отвечает: «Пей, Джонни! Пей, я говорю! Почему ты не можешь это выпить? Это позволит улучшить вашу мораль и ваши манеры тоже, друг Джонни. – Чума вас заберет, вы должны проглотить это» [1].

Не менее смешной была карикатура У. Чарльза, представляющая британское королевское семейство, и названная: «Королева Шарлотта и Джонни Буль получают свою порцию Перри». На ней королева протягивает сидящему на троне королю Георгу III (у него – подбитый глаз и унылое выражение лица) бутылку шипучки с надписью на ней «Перри», из которой во все стороны разлетаются брызги с названиями американских кораблей. Она говорит: «Джонни, почему бы тебе не выпить немного этого сидра?» Король отвечает: «О, этот Перри!!! Проклятье этому Перри! Одно несчастье за другим! Я даже еще не оправился от потери крови, когда мне в боксерском поединке расквасили нос» [3, с. 123].

Большой популярностью пользовалась в США карикатура по поводу российского предложения о посредничестве в примирении воюющих сторон, созданная У. Чарльзом. В центре явно дружелюбный медведь, названный Мишкой и символизирующий Россию, пытается соединить в дружеском рукопожатии Англию, символом которой является Джон Буль, и США, представленными в виде Колумбии. Любопытно, что символ Великобритании изображен стоящим на коленях небрежно одетым толстячком, да еще с бычьими рогами, на которых написано: «Указы в Совете» (намек на английский запрет американской торговли, ставший одной из причин войны – Т.А.). Его поза свидетельствует о явном намерении к примирению. Он нервно держится за руку русского медведя. Художник явно хотел представить Великобританию в смешном виде. США изображены в виде гордо стоящей девушки Колумбии, напоминающей античную статую. Она держит в левой руке национальный флаг и копье, увенчанное фригийском колпаком – символом свободы. Свою правую руку она не спешит подать медведю. Здесь тоже был намек, что США вовсе не стремятся к скорейшему окончанию войны.

Это подтверждается и теми репликами, которыми обмениваются персонажи. Медведь заявляет Колумбии: «Позвольте мне соединить ваши руки: Мадам и Джонни. Я настроен дружелюбно с тех пор, как установились наши отношения на море». Колумбия отвечает: «Я благодарю вас м-р Бруин, но я не могу верить Джону Булю. Пусть он пообещает удалить свои РОГА, и он должен обеспечить это, прежде чем я начну переговоры с ним» [10, с. 588]. Разумеется, эти реплики в утрированном и даже гротескном виде представляли процесс поиска мира. Но, как известно, юмор поддерживает позитивное настроение, а американцы в этом очень нуждались после серьезных поражений на суше и даже временной потери их столицы, сожженной англичанами в 1814 году.

Американская карикатура времен англо-американской войны 1812–1815 годов, часто называемой «второй войной за независимость» служила важным средством пропаганды, формировала «образ врага», воспитывала стойкость мужество и патриотизм, способствовала сплочению и самоидентификации американской нации. Она представляет важнейший исторический источник для изучения период ранней республики.

1. Brother-johnathan-administering-salutary-cordial-john-bull [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.teachushistory.org/war-1812-hartford-convention/resources/brother-johnathan-administering-salutary-cordial-john-bull>. – Date of access 2.02.2017.
2. Columbia teaching John Bull his new lesson [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.loc.gov/pictures/resource/cph.3g05643>. – Date of access: 2.02.2017.
3. Dewey, D. The Art of Ill Will. The Story of American Political Cartoons / D. Dewey. – N.Y. : NYU Press, 2007. – 251 p.
4. George III and Madison in the Ring. A Boxing Match, or Another Bloody Nose for John Bull [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.teachushistory.org/node/407>. – Date of access: 12.02.2017.
5. John Bull Stung to Agony by the Wasp and Hornet [Electronic resource] – Mode of access: http://digitallibrary.hsp.org/index.php/Detail/Object/Show/object_id/11924. – Date of access: 2.02.2017.
6. Lanmon, L.W. American Caricature in the English Tradition: The Personal and Political Satires of William Charles / L.W. Lanmon // Portfolio. – Vol. 11. – 1976. – P. 1–51.
7. Будаев, Э.В. Метафора в политическом интердискурсе / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – 213 с.
8. Голиков, А.Г. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX – начало XX в.) / А.Г. Голиков // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – № 4. – 2011. – С. 51–71.
9. Дмитриев, А.В. Социология юмора. Очерки / А.В. Дмитриев. – М. : Ин-т социологии РАН, 1996. – 214 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://polbu.ru/dmitriev_humoursociology/. – Дата доступа: 10.02.2017.
10. Россия и США: становление отношений. 1765–1815. – М. : Наука, 1980. – 752 с.
11. Рыбачёнок, И.С. Политическая карикатура на рубеже XIX–XX веков. Коллекция французского журналиста Дж. Гран-Картере / И.С. Рыбачёнок [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://naukarus.com/politicheskaya-karikatura-na-rubezhe-xix-xx-vekov-kollektsiya-frantsuzskogo-zhurnalista-dzh-gran-kartere>. – Дата доступа: 10.02.2017.
12. Успенский, В. Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII – первой трети XIX века / В. Успенский. – М. : Арт Волхонка, 2016. – 351 с.

Яковенко Г.Г.

ПАСПОРТА ИНОСТРАНЦЕВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДОМАШНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века (на примере г. Николаева)

Изучение истории домашнего образования предполагает знакомство с профессиональной группой домашних учителей – гувернанток и бонн. Среди профессий в этой сфере существовала своя специализация – гувернантки воспитывали и обучали детей, бонны присматривали за самыми маленькими детьми, выполняли обязанности нянь. Работать в услужении в качестве бонны означало низшую ступень в профессиональной иерархии. Свободное владение иностранным языком, кото-

рый был родным для соискательниц педагогических занятий, являлось определяющим фактором выбора именно гувернерства. Гувернантками могли работать женщины с 18 лет. Главным мотивом для педагогической деятельности был социально-экономический фактор.

Для создания целостного образа гувернантки необходимо привлечь к анализу комплекс документов – делопроизводственных, мемуарных, эпистолярных. Среди делопроизводственных источников отдельную группу составляют паспорта и свидетельства иностранных гражданок, которые занимались педагогической деятельностью. Исследовательница Т.И. Плахотнюк, характеризуя когнитивный потенциал данного вида источников, определяет паспорта как составную часть комплекса пертинентных документов, обладающих высокой информационной плотностью [6]. Паспорта выдавались на год, можно предположить, что указанное занятие в них не менялось.

Цель данного исследования – используя просопографический подход, проанализировать информационный потенциал паспортов и свидетельств как исторического источника для изучения домашнего образования. Для написания данной статьи были использованы материалы Государственного архива Николаевской области, находящиеся в фонде Николаевского военного губернатора. Паспорта и свидетельства, выданные по прошениям разных лиц о праве проживания и передвижения в пределах России, были разрешительными документами для подданных других государств, желающих найти место гувернантки или бонны.

Проведение исторической реконструкции на основе анализа данной группы документов позволяет установить возраст (количество полных лет на время оформления документов), занятия и уровень квалификации (бонна, гувернантка), общий срок пребывания в стране (по дате приезда), некоторые внутренние перемещения – из Одессы в Николаев. Анализ документов позволяет также установить социальное и семейное положение.

В исследовании А. В. Тихоновой «Иностранные подданные в Российской империи в 1841–1844 гг.» приводятся данные о количестве иностранцев по украинским губерниям. Численность иностранных подданных распределялась таким образом (по степени уменьшения): в Волынской (1313), в Херсонской (844), Киевской (734), Одесской (379), Екатеринославской (315), Полтавской (226), Николаевской (213), Харьковской (202), Черниговской (47) [7, с. 443–444]. Николаев не относился к числу городов с большим количеством иностранцев, однако указанное в документах подданство граждан имеет самую широкую географию: Австрия, Франция, Германия, Швейцария, Греция, Турция. Для представительниц Греции и Турции переезд можно считать трансграничным перемещением населения. Длительный срок пребывания иностранных гражданок в качестве бонн и гувернанток свидетельствует о востребованности этого занятия. Для некоторых из них начальным пунктом прибытия была Одесса.

Чертой социальнокультурного пространства г. Николаева было проживание в нем иностранцев, а также их участие в образовательном процессе. Факт длительного пребывания в городе свидетельствует о наличии благоприятных условий для жизни, в отсутствие каких-либо препятствий для трудоустройства. Педагогическая деятельность была распространенным занятием среди иностранцев. Конфессиональные различия регулировалось на законодательном уровне, нарушение правил влекло за собой серьезные санкции – большие штрафы, потеря работы.

Информация, содержащаяся в паспортах, позволяет частично восстановить биографии приезжих учителей, их жизненные стратегии. Например, австрийская подданная, гувернантка Екатерина Белинская, римско-католического вероисповедания, имела сына четырех лет. Прибыла в Одессу в 24 г., в 1848 г. [1, л. 91]. Следовательно, по состоянию на 1861 г. ей было 37 лет, значит, 13 лет находилась за пределами своей страны. Она прибыла в Николаев по билету Одесского градоначальства от 8 ноября 1851 г., где жила три года и 10 лет находилась в Николаеве. Ее сыну Леонарду на время оформления документов было 4 года, значит, он родился в Николаеве в 1857 г. Отмеченное в паспорте занятие "гувернантка" свидетельствует о том, что эта женщина была трудоустроена. Информация, которую нам дает этот источник, позволяет частично реконструировать биографию Е. Белинской: работала, устраивала личную жизнь, воспитывала не только чужих, но и своего ребенка. Длительное пребывание свидетельствует о ее стабильном положении – она не меняла места жительства, значит, условия жизни и трудовая деятельность ее вполне удовлетворяли.

Если рассматривать социальный статус, то среди гувернанток преобладали женщины социально уязвимых категорий – вдовы, одинокие матери с детьми, незамужние девушки из бедных слоев населения, например, из семей ремесленников. Например, домашняя наставница Анна Клоц, 58 лет,

французская подданная, уроженка г. Ревель, римо-католического вероисповедания, вдова, мать двух дочерей, Анны и Гангриэтты, приехала в Россию вместе с мужем в 1835 г. [1, л. 185]. Следовательно, проживала в Николаеве 26 лет. Запись в паспорте двух дочерей свидетельствует о том, что они были незамужними [8]. Определение «домашняя наставница» говорит о наличии высшей педагогической квалификации Анны Клоц, «домашней наставницы». Ее землячка, французская подданная, гувернантка Розалия Фуэн, римо-католического вероисповедания, вдова, находилась в Николаеве с 1852 г. [1, л. 233], не менее десяти лет занималась воспитанием детей. В довольно почтенном возрасте была греческая подданная Елизавета Павловна Панаиоти Хрисолоро, паспорт выдан в 1879 г., гувернантка, православная, 46 лет, приехала из города Тринос [3, л. 111].

Педагогический труд избирали также и молодые девушки. Баварская подданная девица Мессенгаузен исполняла обязанности гувернантки [1, л. 178] в семье потомственного почетного гражданина Еремея Андреевича Сиротинского, который входил в состав совета попечителей Николаевской Мариинской гимназии. В доме Сиротинского она планировала остаться на весь срок действия своего национального паспорта, выданного директором полиции Мюнхена в октябре 1860 г. [1, л. 178]. Указала в своем документе: занятие – «воспитание детей», Мария-Луиза Каролина Небрих, саксонско-альденбургская подданная, 18 лет, лютеранского вероисповедания, родилась в Одессе, в семье типографщика [4, л. 34, 36]. Ее родители проживали в г. Николаеве.

Женщины среднего возраста также находили работу гувернанток. Например, гувернантка, швейцарская гражданка Целина Лаубе, паспорт получила в Швейцарии, в Берне, в 1872 г., католического вероисповедания, 27 лет [5, л. 121]. Одинакового с ней возраста была баварская подданная, уроженка г. Нейштифорт, наставница, девица, Мария Куррер, лютеранского исповедания, 26 лет. [2, л. 74]

Самое разное подданство имели бонны. Швейцарская уроженка из Зазавиля, бонна Луиза Женни, протестантского вероисповедания, билет от 21 мая 1874 г., 36 лет [2, л. 28]. Мария Луиза Буче, французская уроженка, родилась в Париже, 18 лет, римо-католического исповедания, девица, прибыла 8 апреля 1880 года, жила при родителях. Собиралась искать место в услужении, в качестве бонны [3, л. 190]. Бонна, швейцарская уроженка гражданка Мария Шприц, протестантка, 28 лет, паспорт национальный получен в Берне в 1878 г. [3, л. 269]. Теодора Георги, турецкая подданная, родилась в Константинополе, католического вероисповедания, девица, прибыла в Россию 9 июля 1880 г., на родине была все время до отъезда, планировала устроиться нянькой или горничной [3, л. 304].

Паспорта и свидетельства содержат личную информацию о гувернантках и боннах, которые приезжали из других государств, или постоянно проживали в Российской империи, не меняя при этом подданства. Иностранцы занимались педагогической деятельностью. В основном их число составляли женщины из социально уязвимых групп населения, материальное положение которых мотивировало их к трудоустройству. Приехав в другое государство, иностранные гражданки включались в местное социокультурное пространство, становились его неотъемлемой частью со своим языком и национальными особенностями. Находясь вдали от родины, они идентифицировали себя гражданами своего государства.

Таким образом, данные о длительности пребывания, особенностях педагогической деятельности, социальном и семейном положении, возрасте иностранных подданных, гувернанток и бонн, дают возможность реконструировать социокультурное пространство провинциального города Николаева в середине XIX в.

1. Государственный архив Николаевской области (ГАО). – Ф.230. Оп. 1. Д. 10643.
2. ГАО. – Ф. 230. Оп. 3. Д.70.
3. ГАО. – Ф. 230. Оп. 1. Т. 4. Д. 10587.
4. ГАО. – Ф. 230. Оп.6. Д. 1.
5. ГАО. – Ф. 230. Оп. 2. Д. 802.
6. Плохотнюк, Т.Н. Документы легализации пребывания иностранцев в Российской империи во второй половине XIX века / Т.Н. Плохотнюк // Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/author/plohotnyuk-tn>
7. Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.): дис. ... доктора истор. наук: 07.00.02 / А.В. Тихонова. – Брянск: 2014. – 446 с.: Режим доступа: <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/nadzor-za-inostrancami-v-rossijskoj-imperii.html>
8. Устав о паспортах. Издание 1903 г. // Собрание законодательства Российской империи. Т.XIV // <http://www.rusky.com/history/library/vol.14/vol.14.1.htm>

Кароль М.М.
СУПРАЦЎЛЕННЕ ПЕРАВОДУ КАТАЛІКОЎ У ПРАВАСЛАЎЕ
Ў МІНСКАЙ ГУБЕРНІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX ст. (па матэрыялах НГАБ)

Пасля задушэння паўстання 1863–1864 гг. расійскія ўлады распачалі правядзенне шэрагу рэпрэсіўных мерапрыемстваў. Адным з іх з'яўляўся прымусовы перавод часткі насельніцтва ў праваслаўе. Апошнія ладзілася пераважна ў дачыненні да сялян, якія былі найбольш бяспраўнай сацыяльнай групай на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў.

Масавы перавод насельніцтва ў праваслаўе з'яўляўся састаўной часткай агульнай палітыкі русіфікацыі. За перыяд з 1863 г. па ліпень 1866 г., калі пасаду віленскага генерал-губернатара займаў спачатку Міхаіл Мураўёў, а пасля Канстанцін фон Кауфман, у Мінскай губерні ў праваслаўе было пераведзена больш за 10 тыс. чалавек, а па ўсіх беларускіх губернях больш за 42 тыс. [10, с. 63].

Нягледзячы на такія буйныя лічбы, праваслаўная царква сутыкнулася з праблемай, калі пры вонкавай згодзе на змену канфесіі насельніцтва (пераважна гэта тычыцца беларускага сялянства), на якое расійскім урадам ускладаліся асноўныя спадзяванні ў справе «абрусення краю», адмаўлялася выконваць сакральныя таямніцы паводле праваслаўнага абраду, а ў некаторых выпадках даходзіла да скаргаў і абвінавачанняў улад у прымусовым пераводзе з каталіцтва.

У беларускай гістарыяграфіі пануе меркаванне, што сялянства безуважна ставілася да пытанняў рэлігіі і не адчувала розніцы паміж накірункамі хрысціянства, захоўваючы, на думку Сяргея Токця [11, с. 103], у XIX ст. атавізмы паганства. Аднак выяўленыя ў фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ) дакументы сведчаць пра тое, што не толькі дваранства, але і сяляне, хоць і ў меншай ступені, прынцыпова выступалі за захаванне сваёй канфесійнай прыналежнасці.

Асноўныя крыніцы па пытаннях супрацўлення пераводу ў праваслаўе змяшчаюцца ў фондах Мінскай духоўнай праваслаўнай кансісторыі (ф. 136) і Канцылярыі мінскага губернатара (ф. 295), пра якія і пойдзе гаворка ў дадзеным артыкуле.

Першую групу крыніц складаюць рапартаў і паведамленні расійскіх судовых і паліцэйскіх ураднікаў, а таксама праваслаўных святароў, якія змяшчаюць звесткі аб неналежным выкананні новадалучанымі праваслаўных абрадаў.

Так, у 1871 г. на разгляд Мінскай духоўнай кансісторыі была перададзена справа пра сялян вёсак Кускі і Такоўшчына Барысаўскага павета, якія не выконвалі рэлігійных абрадаў [4, арк. 1]. Жыхары гэтых вёсак да 1866 г. з'яўляліся каталікамі, а пасля 1866 г. далучаны да прыходу Гацкай праваслаўнай царквы.

Падчас следства было высветлена, што двое сялян з вёскі Кускі Калістр і Лук'ян Дзмітрыевічы Нарушэвічы не ўхіляліся ад выканання праваслаўных рытуалаў і штогод з'яўляліся да споведзі. Аднак іншыя сяляне не былі такімі адданымі новай канфесіі. Пры гэтым варта адзначыць, што паводле сведчання святара Гацкай царквы, згодна з выпадкова знойдзенымі ім данымі ў метрычнай кнізе, Лук'ян Нарушэвіч быў ахрышчаны пры нараджэнні ў праваслаўе, значыць, тут яшчэ прысутнічаў момант ранейшага так званага «спакушэння ў лацінства». У сувязі з чым святар просіць не ўлічваць гэта пры разглядзе справы, а лічыць Л. Нарушэвіча сапраўдным праваслаўным. Выпадкі астатніх асоб павінен быў разбіраць ваенны начальнік Барысаўскага павета. Сяляне мусілі даваць паказанні наконт адмовы выконваць праваслаўныя абрады.

Падчас следства ў святара Гацкай праваслаўнай царквы былі запатрабаваны копіі падпісак аб згодзе сялян на змену канфесійнай прыналежнасці. Усе сведкі дапытваліся не мясцовым ксяндзом або іншай зацікаўленай у выніках асобай, а судовым следчым. З прычыны таго, што ўсе яны былі непісьменныя, з іх слоў паказанні запісаны Н. Навіцкім (магчыма, мясцовы пісар). Гэта з'яўляецца дадатковым сведчаннем таго, што згаданыя вышэй сяляне былі шчырыя ў сваім намеры захаваць канфесійную прыналежнасць да каталіцтва і дзейнічалі паводле ўласнай ініцыятывы [5, арк. 15 адв.].

Другую групу крыніц складаюць скаргі саміх сялян на гвалтоўнае далучэнне да праваслаўя.

У 1868 г. сяляне вёсак Слабада і Ляўкоўшчына Мінскага павета скардзіліся ў Мінск на гвалтоўнае іх далучэнне да праваслаўнай царквы [3, арк. 1]. Аднак падчас разбіральніцтва іх скарга была палічана неабгрунтаванай і больш за тое напісанай з прычыны падбукторвання нейкай невядомай зацікаўленай асобай. Пры гэтым не адмаўлялася, што новадалучаныя сяляне

адзначаных вёсак не вельмі ахвотна бралі ўдзел у выкананні праваслаўных абрадаў, а мясцовым святарам давалася распараджэнне заняцця падняццем «*духу набожнасці і нязменных абавязкаў выканання таемстваў хрысціянскіх паводле правілаў праваслаўнай царквы*» [3, арк. 2 адв.].

Паводле сведчанняў святароў, сяляне вельмі ўпарта не рэагавалі на ўгаворванні і не толькі адмаўляліся самі выконваць абрады праваслаўнай веры, але і перасталі прыносіць на хрышчэнне сваіх нованароджаных дзяцей. Ніякія ўгаворы мясцовых святароў не дзейнічалі на жыхароў згаданых вёсак, і яны працягвалі спадзявацца, што ўсім далучаным да праваслаўя дазваляць вярнуцца да першапачатковай канфесіі, а таксама, што ім будуць вернуты ліквідаваныя касцёлы [3, арк. 4 адв.]. Паводле рапарта рубяжэвіцкага святара, не толькі жыхары Слабоды і Ляўкоўшчыны, але і сяляне вёсак Гнецькі, Даўнары, Насалі і Навікі адмаўляліся, пачынаючы з 1868 г. хадзіць на споведзь і хрысціць сваіх нованароджаных дзяцей [3, арк. 4 адв.].

Асабліва ў сваёй упартасці вылучаліся сяляне вёскі Хатава, якая таксама належала да Слабодскага прыхода. У вёсцы Хатава знаходзілася рымска-каталіцкая капліца, прыпісаная да Камянецкага касцёла, дзе кожны чацвер ксёндз праводзіў службу. У канцы 1866 г. жыхары гэтай вёскі ў колькасці 446 чалавек былі далучаны да праваслаўнай царквы. У сувязі з гэтым капліца, на думку станькаўскага благачыннага, стала непатрэбнай і шкоднай [1, арк. 2]. Таму ў агульным рэчышчы русіфікатарскай палітыкі, капліца была перададзена ў праваслаўнае ведамства.

Святар Танава-Слабодскай царквы Мінскага павета Фёдар Бяляеў рапартаваў, што, калі жыхары вёсак Лубеня, Ляўкоўшчына, Мешыцы і Русакі былі, у рэшце рэшт, перакананы ў неабходнасці выканання абрадаў паводле правілаў праваслаўнай царквы, то хатаўцы працягвалі прытрымлівацца свайго меркавання. Яны ўсімі сіламі імкнуліся перацягнуць на свой бок іншых і нават пасміхаліся з далучаных да праваслаўя. Так, напрыклад, селянін Казімір Трухняўскі пагражаў у доме селяніна Міськевіча, які пагадзіўся ахрысціць сваю дачку ў праваслаўе, святару Танава-Слабодскай царквы Фёдору Бяляеву і мясцоваму старшыні валаснога праўлення, што пасадзіць іх у астрог, калі тыя будуць далей надакучваць частымі візітамі і марнымі ўгаворваннямі да вяртання ў праваслаўе [3, арк. 8 адв.]. Больш за тое, К. Трухняўскі заявіў, што праваслаўнымі яны, сяляне в. Хатава, стануць толькі ў тым выпадку, калі ўлады зачыняць усе бліжэйшыя касцёлы, а да таго часу «*ніколі не будзем праваслаўнымі і дзяцей нашых не дазволім хрысціць рускім святарам*». Такія смелыя выказванні, паводле слоў святара Бяляева, дазвалялі сабе не толькі мужчыны, але і іх жонкі, якія звярталіся да святара з грубасцямі і рознымі праклёнамі [3, арк. 10 адв.].

Хатаўскія сяляне праўлялі надзвычайную ўпартасць у пытанні свайго веравызнання. У 1873 г. яны напісалі распіскі, якія былі засведчаны ў валасным праўленні, што і надалей не збіраюцца выконваць праваслаўныя абрады і хрысціць дзяцей, пакуль іх не прыпішуць да Дзераўнянскага рымска-каталіцкага касцёла Ашмянскага павета, ксяндзы якога гатовыя прыняць іх у сваю парафію [5, арк. 5]. Апрача таго, хатаўскія сяляне самі пахавалі некалькіх аднавяскоўцаў, не звяртаючыся да праваслаўнага святара, бо ў іх «*была надзея на пераход з праваслаўя ў каталіцызм*» [5, арк. 6].

Трэцюю групу крыніц складаюць паведамленні аб закрыцці касцёлаў і далучэнні часткі іх былых парафіянаў да праваслаўя. У мястэчку Волма мясцовы рымска-каталіцкі касцёл ліквідаваны ў 1866 г. [2, арк. 1]. Станькаўскі благачынны абгрунтоўваў неабходнасць закрыцця касцёла тым, што быццам бы спрадвеку ў гэтай мясцовасці стаяла праваслаўная царква, якая ў 1720 г. гвалтам ператворана ва ўніяцкую [2, арк. 1]. Дзякуючы яго руплівай працы, з дапамогай святароў, міравога пасрэдніка, жандараў і тысячкіх у 1866 г. у праваслаўе было пераведзена 2043 чалавекі, а яшчэ 1000 пагадзіліся прыняць праваслаўе, калі Валмянскі касцёл будзе ператвораны ў праваслаўную царкву. Нягледзячы на такія выдатныя поспехі ў справе распаўсюджвання праваслаўя, у дакументах маюцца хоць і эпизадычныя, але ярковыя сведчання таго, што не ўсе жыхары воласці добраахвотна пагаджаліся на змену канфесіі. Так, у 1868 г. двое сялян вёскі Загараны Мінскага павета Ігнат Барысевіч і Юзаф Адамовіч пісалі мінскаму губернатару прашэнне, у якім скардзіліся на неправамоцныя дзеянні святара Валмянскай царквы, міравога пасрэдніка і станавога прыстава. Згодна з іх паведамленнем, да 1866 г. І. Барысевіч і Ю. Адамовіч разам са сваімі сем'ямі былі каталікамі, але ў 1866 г., нягледзячы на выказаную нязгоду, гвалтам запісаны ў царкоўныя прыхадскія кнігі [6, арк. 2–4 адв.].

У 1870 г. сяляне вёсак Валмянскай воласці, далучаныя ў 1866 г. да праваслаўя, былі на споведзі ў ксяндзоў Мінскага касцёла, але не выдалі іх імёнаў [7, арк. 1]. Апрача таго, сяляне вёсак Валмянскага прыхода хадзілі на споведзь да ксяндза ліквідаванага Валмянскага касцёла Андрыеўскага.

Чацвёртая група крыніц змяшчае статыстычныя дадзеныя аб колькасці пераведзеных у праваслаўе ў той ці іншай мясцовасці. На патрабаванне мінскага губернатара ў 1876 г. сабраць «негалосным» чынам інфармацыю, яму былі накіраваны справаздачы наконт таго, колькі людзей па Мінскай губерні перайшло ў праваслаўе з уніятаў і каталікоў, хто з іх працягвае наведваць касцёл, а таксама звесткі пра наяўнасць памешчыкаў і ксяндзоў, якія маглі аказваць уплыў на насельніцтва і пераахвочнасць пераходу ў праваслаўе. Абапіраючыся на гэтыя рапартаў, можна сцвярджаць, што выпадкі непрыняцця праваслаўнай веры не заўжды насілі эпізядычны характар. Напрыклад, прыстаў 4-га стана Рэчыцкага павета паведамляў, што ў яго стане з каталіцызму ў праваслаўе было пераведзена 112 чалавек, і ніхто з іх не спрабуе звярнуцца да ксяндза альбо схадзіць у касцёл, акрамя двух братаў хутара Церабееўка, якія не наведваюць ні праваслаўны, ні каталіцкі храм, бо сцвярджаюць, што ў праваслаўе іх запісалі гвалтоўна [8, арк. 3 адв.].

Па Ігуменскім павеце станавы прыстаў паведаміў, што ў 1867 г. далучана да праваслаўя 1528 чалавек і быў адкрыты праваслаўны Троіцкі прыход, арганізаваны з ліквідаванага каталіцкага касцёла [8, арк. 5 адв.]. Дакладна вядома пра 15 чалавек, звесткі пра якіх атрымаў прыстаў ад мясцовага святара, які ў прыватнай гутарцы паскардзіўся, што ў мінулым годзе пераканаў 29 чалавек не супраціўляцца прыняццю праваслаўя, а гэтых адужаць не можа [8, арк. 6 адв.].

Паводле рапарта прыстава 1-га стана Пінскага павета ад 13.07.1876 г., да праваслаўя было далучана 4165 чалавек (сялян і мяшчан), з якіх 1500 мяшчан мястэчка Лагішын і 565 сялян розных вёсак працягвалі наведваць Пінскі французсканскі касцёл, дзе таемна звярталіся да ксяндза Гілярыя Казлоўскага, каб той прыняў іх на споведзь альбо выканаў неабходныя рэлігійныя таямніцы [8, арк. 22 адв.–23].

Звесткі аб фактычным вызнанні каталіцызму маюцца таксама ў метрычных кнігах, якія складаюць пятую групу крыніц. У іх адлюстравалася традыцыя надання дзецям пры хрышчэнні ў праваслаўе імёнаў рымска-каталіцкай традыцыі. Такую тэндэнцыю можна прасачыць на прыкладзе метрычных кніг царквы ў вёсцы Тонава Слабада [9]. Як ужо адзначалася вышэй, жыхары вёсак Тонава-Слабадскога прыхода вылучаліся доўгатэрміновай упартасцю ў пытанні прыняцця праваслаўя. Нават пасля далучэння, пачынаючы з 1866 г., у метрычнай кнізе з'яўляюцца запісы пра хрышчэнні дзяцей з вёсак Лубеня, Ляўкоўшчына, Русакі, Мешыцы, якія раней былі каталіцкімі. І пры хрышчэнні бацькі называлі сваіх дзяцей як праваслаўнымі і нейтральнымі імёнамі, так і відавочна каталіцкімі: Адам, Дамінік (Дамініка), Юліян (Юліяна), Магдалена, Людвіг, Феліцыян і інш.

Такім чынам, у фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі маюцца разнастайныя крыніцы, якія дазваляюць прасачыць працэс супраціўлення сялянства беларускіх зямель гвалтоўнаму далучэнню да праваслаўя.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 31410.
2. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 31411.
3. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 32537.
4. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 33386.
5. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 34232.
6. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1919.
7. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 2176.
8. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3096.
9. НГАБ. – Ф. 886. Воп. 1. Спр. 22.
10. Смалянчук, А. Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – лют. 1917 г. / А.Ф. Смалянчук / Бел. гіст. т-ва. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.
11. Токць, С.М. Беларуская вёска ў эпоху змянаў: другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С.М. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 306 с.

Спичак А.В.

НАГРАЖДЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЙ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В последние годы с заметным повышением роли Русской православной церкви (далее – РПЦ) в общественной жизни России значительно возрос научный интерес к проблеме статуса православного духовенства после коренной церковной реформы (1700–1917 гг.), когда происходило тесное сближение государственных и церковных структур. Ученые указывают на наличие подобного сближения и в постсоветское время (поощряемого властью и частью российского общества).

Система наград, существовавшая в Российской империи, неоднократно рассматривалась в публикациях отечественных историков. По мнению Е.В. Зубова, вторая половина XIX – начало XX вв. характеризовались формализацией процедуры представления к наградам, что стало следствием трактовки государственной службы как особого отношения между чиновником и государством [6, с. 13–16]. Исследователей, посвятивших свои работы анализу системы награждения духовенства, однако, немного. Так, А.Н. Лушин рассмотрел вопрос о повышении социального статуса православного духовенства в Российской империи посредством награждения орденом, который доставлял дворянское достоинство, благодаря чему высшее духовенство последовательно включалось в состав российской элиты (Лушин 2013: 37–39). Н.С. Каримова проанализировала практику награждений за служение Церкви высочайшими (государственными) наградами священнослужителей и мирян в Екатеринбургской епархии [7, с. 44–56].

В фонде «Тобольская духовная консистория» ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГАТ) нами обнаружено около 100 дел о награждении духовных лиц Тобольской епархии, в том числе 5 дел о награждении служащих Тобольской духовной консистории (далее –ТДК) орденами, 1 дело о награждении чинами и 1 дело о награждении деньгами из свечных доходов.

В 4 главе «о наградах» 3 тома «Свода законов Российской империи» (1896 г.) говорится, что «верные, истинные слуги Государя и Отечества имеют надеяться на особое Монаршее благоволение и милость» и «ожидать соразмерной заслугам награды». К наградам были отнесены: объявления Высочайших Его Императорского Величества благодарности и благоволения; чины; ордена; назначение аренд; подарки от Высочайшего Его Императорского Величества Имени; единовременные денежные выдачи; звания личного и потомственного почетного гражданства; медали; кафтаны; зачет в действительную государственную службу времени, проведенного в частных занятиях в правительственных и общественных установлениях, в равно времени состояния на государственной службе без права на чинопроизводство; предоставление прав государственной службы лицам, этими правами не пользующимися, несчитание судимости препятствием к наградам и другим преимуществам по службе. К текстам законоположений прилагались списки наград, испрашиваемых за служебные и неслужебные отличия, за благотворительную и общепользную деятельность, а также форма послужного списка [9, с. 117–118, 171–174, 176].

21 ноября 1905 г. канцелярия обер-прокурора Синода отправила в ТДК циркулярный указ, в котором сообщалось о видоизменении и дополнении форм указанных кратких списков. В письме епископу велелось «сделать распоряжение по учреждениям вверенной» ему епархии, «чтобы прилагаемые к представлениям о чинопроизводстве и о наградах краткие списки составлялись в строгом соответствии» с утверждённой формой [5, л. 6].

Духовная консистория являлась присутственным местом, осуществляющим управление и духовный суд в епархии и находившимся под непосредственным начальством епархиального архиерея. Структурно консистория подразделялась на присутствие, включавшие членов консистории, и канцелярию [8, с. 167]. Анализ архивных материалов позволил выяснить, что служители ТДК во второй половине XIX – начале XX вв. награждались чинами и орденами св. Анны, св. Владимира и св. Станислава, причем чаще всего последним, а также деньгами.

Дело «О награждении секретаря Тобольской духовной консистории В. Лебедева орденом святой Анны 3 степени» 1860 г. начинается с доклада и отчета «о движении дел и порядке в делопроизводстве» и о приведении в порядок документов и дел секретарем ТДК за 1 ноября 1860 г. В протоколе собрания ТДК от 29 ноября сообщается, что «всякий благонамеренный и полезный труд не должен быть оставлен без должного вознаграждения, и дабы поощрить и на будущее время к достойной деятельности лиц, оказавших заслуги в приведении в порядок запущенных консисторских дел» ТДК попросила архиепископа ходатайствовать пред обер-прокурором Синода о награждении секретаря В. Лебедева орденом св. Анны «за отличные заслуги» на основании законодательства, а столоначальников Малинина и Нисковского (вторая фамилия указана неразборчиво, имена не указаны), архивариуса П. Пудовикова, приходо-расходчика В. Лебедева – двойными окладами жалования. От решения о награждении В. Лебедева 29 ноября 1860 г. до вручения ему грамоты на орден 11 июня 1863 г. прошло более трех лет, что свидетельствует о крайней длительности процедуры поощрения лиц духовного ведомства в синодальный период [2, л. 1–42].

Инициатива награждения секретаря консистории могла принадлежать и самому преосвященному, судя, например, по делу «О награждении орденами св. Станислава секретаря Тобольской духовной консистории В. Веселовского и учителей Тобольской духовной семинарии П. Самойлова, И. Ловягина, Л. Знаменского» (1893 г.), которое тянулось год и 1,5 месяца [4, л. 1–19].

Следующим по значимости было награждение чинами, когда чиновника повышали в должности следующим чином до выслуги лет. Пример документального сопровождения процедуры такого награждения содержится в «Деле о награждении Тобольской духовной консистории своих служителей чинами и принятии на недостающие места новых служителей» 1767–1768 гг. [1, л. 1–13]

Чиновники канцелярии за службу получали денежное вознаграждение, которое складывалось из 1) жалования, 2) столовых денег, 3) экстраординарных консисторских сумм, причем жалование составляло две трети годового содержания, а столовые деньги – одну треть. Дополнительные выплаты из консисторских сумм осуществлялись на усмотрение епархиального начальства [8, с. 169].

Ежегодно Синод выделял из свечной прибыли, собранной в епархиях, часть средств и отправлял в духовные консистории вместе с сопроводительным письмом. Так, хозяйственное управление при Синоде (стол 1, отделение 2) известило тобольского архиепископа Варлаама II об отчислении из свечной прибыли 1862 г. 11.900 руб. на награды чиновникам духовных консисторий и о том, что Синод «признал справедливым распределение наград консисторским чиновникам из всемилостивейше назначенной суммы применяясь к тому, в каком количестве в каждой епархии увеличился свечной сбор в продолжение 1860 года». Это письмо, составленное в форме трафарета, было отправлено 1 сентября 1864 г. во все епархии, а имена епископов и сумму для конкретной консистории (тобольской епархии выделили 475 руб.) вписывали от руки. ТДК фиксировала в журнале (в выписке – протоколе) факт получения названного отношения Синода и денег 1 сентября 1864 г., приказала приходо-расходчику записать средства как приход в книгу о разных суммах и хранить до особого распоряжения. Для раздачи наградных денег велелось составить расписание суммы и распределить сумму согласно распоряжению преосвященного. После раздачи денег о решении архипастыря приказывалось уведомить обер-прокурора. 9 сентября ТДК доложила епископу о составлении расписания суммы. Больше всех денег выделили секретарю В. Лебедеву – 125 руб., помощнику секретаря – 66 руб., четырем столоначальникам – 40–65 руб., приходо-расходчику – 60 руб., исправляющему должность регистратора – 12 руб., двум писцам – по 4,5 руб. и еще двум писцам – по 3,5 руб., потому что последние «частовременно не являлись к занятиям и занимались делами слабо» [3, л. 15].

При раздаче свечных денег ТДК должна была учесть долги некоторых своих служителей перед тобольским попечительством о бедных духовного звания, которое направило об этом письмо 11 сентября 1864 г. Самым бедным оказался бывший секретарь надворный советник В. Лебедев, задолжавший 50 руб. (за повышение в чин), остальные занимали намного меньше – от 5,5 до 15 руб. В общем, не помогли наградные деньги бедному секретарю, о чем он пишет 10 сентября жалостливый доклад архиепископу с просьбой отсрочить выплату за повышение в чине – 42 руб. ТДК 10 сентября указала В. Лебедеву «вывести в расход по книге о разной сумме ... 475 р. серебром в награду чиновникам» и выдать согласно расписанию под расписки, удержав их долги с указанием в статьях расхода. В расписке В. Лебедева указано, что он получил 42 руб. и сразу возвратил их в счет погашения долга. Епископ 24 сентября 1864 г. составил отчет обер-прокурору Синода о разделении свечной прибыли между служителями. Как видно, несмотря на наградную систему РПЦ, чиновникам ТДК не хватало средств, и приходилось брать деньги в долг. Ситуация усугублялась тем, что на такие награды, как ордена и повышения и чине, служителям приходилось платить взнос [3, л. 15].

Стало быть, как следует из материалов ТДК, процедура награждения служителей духовных консисторий насчитывала следующие этапы: 1) получение ТДК инициативного документа с просьбой (предложением) о награждении (это мог быть рапорт самого чиновника, предложение епископа или служителя консистории); 2) запись в журнал консистории и составление выписки в протокол о слушании дела; 3) справки при необходимости; 4) резолюция преосвященного с решением о награждении; 5) при положительной решении – представление епископа обер-прокурору Синода с перечнем положительных качеств и заслуг служителя с приложением формулярного и наградного списков; 6) письмо-ответ из канцелярии обер-прокурора; 7) выдача награды чиновнику; 8) рапорт преосвященного обер-прокурору о выдаче награды; 9) уплата пошлины за награду; 10) рапорт служителя ТДК об уплате вноса. Процедура часто затягива-

лась больше чем на год в силу отдаленности ТДК от Синода и избыточного документооборота. К положительным чертам наградного делопроизводства можно отнести унификацию документов, сопровождающих процедуру поощрения, и применение трафаретных форм. Тобольские епархиальные архиереи следили за аккуратным ведением бумаг, исправляли написанные их подчиненными тексты, и нередко велели их переписывать. В архивных делах сохранилось множество черновиков документов, беловые же документы были отправлены обер-прокурору.

1. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. 156. Оп. 2. Д. 1723. Л. 1–13.
2. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 674. Л. 1–42.
3. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 761. Л. 15.
4. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 11. Д. 1630. Л. 1–19.
5. ГАТ. – Ф. 156. Оп. 18. Д. 260. Л. 6.
6. Зубов, Е. В. Кризис наградной системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / Е. В. Зубов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 23 (161). История. – Вып. 33. – С. 13–16.
7. Каримова, Н. С. Награждение клириков и мирян в Екатеринбургской епархии в XIX – начале XX вв. / Н. С. Каримова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 3 (11). – С. 44–56.
8. Комиссаров, П. А. Кадровый состав Костромской духовной консистории во второй половине XIX – начале XX века / П. А. Комиссаров // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 167–170.
9. Свод законов Российской империи. – Т. 3. Свод Уставов о службе гражданской. – Кн. 1. – Устав о Службе по определению от правительства. – 1896.

Долгач Т.В.

МОДЕЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГУБЕРНСКИХ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ ПРИСУТСТВИЙ (1861–1903 гг.)

Отмена крепостного права стала одним из важнейших событий истории XIX в. За реформой последовал ряд преобразований во всех сферах жизни общества. Для управления пореформенной деревней создавались местные органы власти – губернские по крестьянским делам присутствия.

Вопросам формирования структуры и деятельности губернских по крестьянским делам присутствий посвящен ряд трудов юристов– современников реформы 1861 г. [4, 5]. Они использовали в своих исследованиях в качестве источников законодательные акты Российской империи и проанализировали широкий спектр документов, которые регламентировали полномочия, кадровый состав и пути формирования органов местной власти. Однако, исследовав правовой механизм формирования губернских по крестьянским делам присутствий, правоведы проигнорировали вопросы деятельности этих учреждений.

Иной базой источников пользовались советские историки. Их, как правило, интересовали документы, проливающие свет на процесс наделения крестьян землей, основные принципы реформы, размеры наделов и повинностей крестьян, сервитуты, положение крестьянских масс, развитие крестьянского движения. Лишь изредка ученые советского периода делали попытки выйти за рамки общей концепции того времени о Присутствиях как о угнетающем и фискальном механизме. Так, изучая правительственный аппарат Российской империи, П.А. Зайончковский предложил свою классификацию источников, разделив их на группы: 1) материалы официального делопроизводства, 2) дневники и воспоминания, 3) статистические материалы [3]. Документы, которые он ввел в научный оборот, стали важным звеном в изучении органов управления крестьянами после отмены крепостного права.

На современном этапе произошли важные изменения во введении в научный оборот и анализе источников, посвященных органам местного управления. Сегодня историки рассматривают и привлекают к исследованию не избранные документы или отдельные группы источников, а комплекс документов по проблеме [14, 15].

Таким образом, анализ документальной базы историографии учреждений по крестьянским делам свидетельствует о постепенном введении в научный оборот новых видов и типов источников, опираясь на которые историки, юристы, общественные деятели, публицисты разных эпох раскрыли некоторые аспекты деятельности губернских по крестьянским делам присутствий. Однако, в настоящее время отсутствует целостное и системное представление о роли и месте губернских по крестьянским делам присутствий в системе управления крестьянами в белорусско-литовских губерниях. Эти пробелы можно заполнить, привлекая к исследованию новые и систематизируя ранее выявленные архивные данные, а также опубликованные документы.

В данной статье предлагается модель структуризации комплекса письменных исторических источников, касающихся проблемы формирования, структуры и деятельности губернских по крестьянским делам присутствий в белорусско-литовских губерниях.

Комплекс письменных документальных источников, посвященных проблемам формирования, структуры и деятельности губернских по крестьянским делам присутствий, можно разделить, согласно форме фиксирования информации в них, на две группы: 1) рукописные; 2) печатные. Источники каждой группы по их форме, происхождению, предназначению и содержанию можно разделить на виды. В первой группе (рукописных источников) имеются делопроизводственные и законодательные материалы. Во второй – законодательные, мемуарные и публицистические.

Рукописные письменные источники делопроизводственного назначения, исходя из специфики исследования, целесообразно разделить на подвиды: 1) распорядительная документация; 2) отчетная документация; 3) журналы заседаний органов крестьянского управления; 4) акты; 5) просительная документация.

К документам *распорядительного* характера относятся циркуляры министра внутренних дел, адресованные гражданским губернаторам и губернским по крестьянским делам присутствиям; постановления как самих по крестьянским делам присутствий и гражданских губернаторов белорусско-литовских губерний, так и вышестоящих инстанций: Министерства внутренних дел и Земского отдела МВД; урочные положения, составляемые губернскими по крестьянским делам присутствиями. Они дают возможность исследовать функции и полномочия учреждений по крестьянским делам; механизмы реагирования на трудности, возникающие в ходе реализации реформы; определить иерархию органов местного крестьянского управления и место губернских по крестьянским делам присутствий в ней.

К подгруппе *отчетной* документации относятся отчеты мировых посредников и поверочных комиссий, ежегодные отчеты губернских присутствий министру внутренних дел. Отчетная документация зафиксирована не только в группе рукописных источников, но и среди печатных документов, например, в Памятных книжках губерний и адрес-календарях [10]. Документы этой подгруппы содержат информацию о личном составе учреждений по крестьянским делам; о деятельности волостных правлений; мировых посредников; мировых уездных съездов, преобразованных впоследствии в уездные по крестьянским делам присутствия, и, в целом, о положении в деревне.

Журналы заседаний органов крестьянского управления отражают внутреннюю работу губернских по крестьянским делам присутствий. Несмотря на особые полномочия председателя присутствия, которым, как правило, являлся начальник губернии, большинство решений в губернских по крестьянским делам присутствиях принимались коллегиальным способом. В журналах заседаний присутствий протокольно фиксировался ход обсуждения вопросов и процедура принятия решений.

Деятельность учреждений по крестьянским делам по реализации крестьянской реформы зафиксирована в *актовых источниках* – уставных грамотах, выкупных актах. Документы этой подгруппы дают представление о взаимоотношениях органов управления деревней с крестьянами, помещиками, мировыми посредниками, сельской администрацией. В уставных грамотах и выкупных актах содержатся статистические сведения, проливающие свет на экономическую и социальную ситуацию в пореформенной деревне.

К группе *просительных* документов относятся прошения помещиков и крестьян, а также жалобы крестьян на помещиков, помещиков на крестьян, крестьян, помещиков на деятельность мировых посредников и местной администрации. Эта группа документов является самой многочисленной, что свидетельствует о большом количестве погрешностей в аграрном законодательстве, а также о том, что решение споров и жалоб между всеми участниками аграрных отношений было возложено на губернские по крестьянским делам присутствия. Большинство жалоб крестьян сосредоточено вокруг произвола помещиков и мировых посредников. Жалобы помещиков чаще всего отражали их несогласие с новой ситуацией в деревне, связанной с личной свободой крестьян. Многие помещики направляли в губернские по крестьянским делам присутствия прошения с целью установить, как согласно новому законодательству должны решаться те или иные вопросы в деревне.

База печатных письменных источников не так широка. Эти источники стоит разделить на три вида: 1) законодательные; 2) публицистические; 3) мемуарные.

Наиболее многочисленным видом печатных письменных источников являются *законодательные акты* – указы и положения, зафиксированные в Полном собрании законов Российской империи, а также в других сборниках законоположений. Важнейшими источниками, сконцен-

трировавшими в себе сведения о механизме формирования и полномочиях губернских по крестьянским делам присутствий, являются «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и «Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждений» [9, 12]. Специфические полномочия сельской администрации белорусско-литовских губерний очерчены также в местных Положениях [6, 7]. Структура Присутствий, как и всех прочих государственных и местных органов власти, формировалась на основе «Свода учреждений губернских» от 1857 г. [13]. Документы этого вида дают представление о процессе формирования губернских по крестьянским делам присутствий, об их полномочиях и структуре.

Важным источником *публицистического* характера является официальное периодическое издание «Губернские ведомости» – правительственные газеты, которые издавались по распоряжению царских властей с 1838 г. во всех губерниях Российской империи. Газета состояла из официальной части, – распоряжений и приказов губернских властей, – и неофициальной части, которая содержала труды по истории, географии, этнографии и статистике губерний. «Губернские ведомости» содержат богатый материал по региональной истории и отражают некоторые результаты деятельности губернских по крестьянским делам присутствий [8, л. 16].

В изучении столь важных исторических событий, как отмена крепостного права и последовавшие за ней изменения в системе управления крестьян, важную роль играют письменные печатные источники личного происхождения – мемуары. Воспоминания современников событий интересны тем, что позволяют понять общественные настроения времени, в котором жил автор. Так, большой интерес представляют мемуары помещика Э.А. Войниловича и русских чиновников, прибывших на службу в белорусско-литовские губернии – Н.К. Полевого и В.П. Березина [2; 11; 1]. Вместе с тем, этот вид источников имеет существенный налет субъективности, поэтому требует верификации с опорой на архивные документы.

Таким образом, опираясь на источники, можно заполнить пробелы и недостатки в историографическом изучении темы. Анализ документов предоставляет возможность проследить процесс формирования органов крестьянского управления, показать структуру и кадровый состав учреждений по крестьянским делам, определить место губернских по крестьянским делам присутствий в системе органов управления деревней. Использование архивных материалов позволяет реконструировать деятельность губернских по крестьянским делам присутствий и проследить их взаимоотношения с нижестоящими и вышестоящими инстанциями, с органами крестьянского самоуправления, с сельскими жителями – крестьянами и помещиками.

1. Березин, В.П. Восемь лет в Северо-Западном крае / В.П. Березин // Русский вестник. – 1896.–№ 1–2. – С. 139–157; № 3–4. – С. 170–180; № 7.– С. 185–204.
2. Войнилович, Э.А. Воспоминания / Э.А. Войнилович / пер. с польск. В. Завальнюка. – Минск: Минская римо-католическая партия св. Симона и Елены, 2007. – 380 с.
3. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
4. Катаев М.М. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 годов / М.М. Катаев. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – 124 с.
5. Коркунов, Н.М. Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – СПб.: Кн. магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1893–1897. – 110 с.
6. Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских // Крестьянская реформа в России: сб. законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954.– С. 181–241.
7. Местное Положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской // Крестьянская реформа в России: сб. законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954.– С. 341–390.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ).– Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 67.
9. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Крестьянская реформа в России: сб. законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954.–С. 37–80.
10. Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год: состояние чинов и должностей показано по 1-е января 1862 года. – Витебск: тип. губ. правл., [б.г.]. – [378] с.
11. Полевой, Н.К. Два года, 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии / Н.К. Полевой // Русская старина. – 1910. –№ 4. – С. 3–25.
12. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Крестьянская реформа в России: сб. законодательных актов. – М.: Госюриздат, 1954.–С. 133–158.
13. Свод законов Российской империи. – СПб.: тип. прав. Сената, 1857.– Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. – 1447 с.
14. Талмачова, С.А. Дзейнасць губернскіх па сялянскіх справах прысутнасцяў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях па рэалізацыі аграрнай палітыкі ўрада (1878–1901 гг.) / С.А. Талмачова // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 11. – С. 29–38.
15. Хиллота, В. А. Политика царизма и крестьянская реформа 1861 года в Западной Беларуси / В. А. Хиллота // Регионалистика: сб. науч. трудов. – Гродно: ГрГУ, 2009. – С. 133–151.

Соснина М.А.

**ПРОТОКОЛЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВОСУДИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(на материалах Государственного архива Архангельской области)**

Изучение крестьянского правосудия пореформенного периода (1861–1917 гг.), в т.ч. и в Архангельской губернии, требует привлечения большого количества самых различных источников.

На наш взгляд, комплекс источников, на основании которых возможен анализ правовых основ деятельности и практики волостного суда, следует разделить на группы:

1. *Нормативно-правовые акты*, регулировавшие деятельность волостных судов (в том числе указы, манифесты, циркуляры Министерства внутренних дел, Постановления Сената и др.);
2. *Архивные источники*, которые в свою очередь также можно разделить на две группы, а именно:
 - 2.1. протоколы волостных судов (опубликованные и вводимые в научный оборот впервые)
 - 2.2. материалы, представляющие деятельность государственных органов по реформированию волостной юстиции и обычно-правовой основы их деятельности.
3. *Публицистика и периодика*.

Несмотря на достаточную изученность темы волостных судов и использования в их решениях законодательных норм и норм обычного права различных российских регионов (в частности, на региональном уровне проведены исследования в области деятельности волостных судов Тамбовской, Пермской, Рязанской и других губерний), в истории развития волостного судопроизводства в пореформенной России осталось немало белых пятен, которые только предстоит заполнить. Большую роль в этом процессе должно сыграть изучение фондов региональных архивов. Государственный архив Архангельской области содержит ценные, совсем не изученные документальные материалы, которые позволяют изучить состояние волостного судопроизводства в архангельской деревне второй половины XIX века – начала XX века.

Документы волостного судопроизводства второй половины XIX века представляются в качестве ценных и достаточно редких источников, выявление которых в фондах Государственного архива Архангельской области (ГААО) [2, с. 35] связано с немалыми трудностями. Неоднократная перестройка местных органов управления и перекройка административно-территориального деления привела как к утрате, так и к распылению по различным фондам волостной документации, касающейся решений волостных судов.

Нами были изучены фонды волостных правлений, в которых из всей массы дел были обнаружены дела, имеющие отношение к рассмотрению в волостном суде: 1) Архангельского уезда: Вознесенское – ф. 409 (7 ед. хр. из 202), Кегостровское – ф. 161 (3 ед. хр. из 98), Лисестровское – ф. 236 (8 ед. хр. из 150), Майденское – ф. 155 (0 ед. хр. из 66), Часовенское – ф. 1557 (0 ед. хр. из 25); 2) Мезенского уезда: Возгорское – ф. 256 (8 ед. хр. из 103), Долгощельское – ф. 233 (42 ед. хр. из 723), Койденское – ф. 153 (8 ед. хр. из 558), Лешуконское – ф. 258 (10 ед. хр. из 231), Несское – ф. 154 (8 ед. хр. из 255), Олемское – ф. 262 (0 ед. хр. из 22), Пустозерское – ф. 1599 (3 ед. хр. из 385), Пылемское – ф. 945 (2 ед. хр. из 16 ед. хр.), Тельвисочное – ф. 1598 (0 ед. хр. из 37); 3) Пинежского уезда: Совпольское – ф. 235 (22 ед. хр. из 773); 4) Холмогорского уезда: Кушевское – ф. 410 (0 ед. хр. из 97); 5) Шенкурского уезда: Паденьгское – ф. 1048 (0 ед. хр. из 35), Тавреньгское – ф. 1398 (0 ед. хр. из 60).

Следует уточнить, что одна единица хранения включает в себя не один протокол волостного суда, а множество на листах количеством от 15 до 800. Например, в одном только Долгощельском волостном правлении в Книге решений волостного и третейского суда за несколько лет (с 1868 – по 1883 гг.) нами было изучено 263 протокола [1]. В поле нашего изучения попали не только протоколы волостных судов (1082 протокола), но и другие документы, касающиеся предмета изучения. Это прошения крестьян, жалобы на решения волостных судов, повестки, отчёты, протоколы дознания, переписка по волостному суду, таблицы статистических данных, в целом – 402 документа.

В фондах волостных правлений обнаружены дела, касающиеся решений волостных судов, только трёх из пяти уездов Архангельской губернии: Архангельского, Мезенского и Пинежского. Среди имеющихся дел самыми массовыми источниками по волостным судам являются: Книги на записку решений волостного и третейского судов; Жалобы крестьян на решения волостных судов; Прощения крестьян в волостной суд; Протоколы заседаний Уездных съездов по крестьянским делам об отмене решений волостного суда; Дела об отмене решений волостных судов; Переписка по волостному суду о разборе судебных дел в волостном суде; Книга о разбо-

ре дел в волостном суде (гражданских); Книга о разборе дел в волостном суде (уголовных); По искам и тяжбам, рассмотренным в волостном суде (уголовное); Дело по разбору волостным судом крестьянских исков, тяжб и проступков и др.

Статья 91 «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» [4] предусматривала ведение специальных книг при волостных правлениях для записи решений суда, статьи 107 и 108 давали указания на то, что должен содержать протокол: имена истца, ответчика или виновного, условия возможного мирового соглашения, содержание спора или проступка, решение суда, санкцию. Информативность протоколов волостных судов очень высока. По объему они достаточно разные, что связано не только с содержанием дела, но и личностью волостного писаря.

Протоколы, как правило, состоят из вводной, основной, результативной и заключительной частей. Вводная часть содержит номер дела, дату рассмотрения, местонахождения волостного суда, ФИО истца и ответчика. Основная часть включает суть жалобы или содержание иска, показания свидетелей. Результативная часть содержит обоснование мнения суда и приговор, вынесенный или на основании обычая, или законодательной нормы или заключённой при волостном правлении сделки. В заключении приводится список судей и их печати, а также подтверждение права тяжущихся в течение 30 дней обжаловать решение волостного суда. На полях некоторых протоколов имеются карандашные пометки о взятии копии решения суда по запросу или одной из сторон, или должностным лицом, а также о выполнении судебного решения.

Встречающиеся ошибки в нумерации дел, различные пропуски или даже чистые листы приводят к выводу о том, что некоторые протоколы или записывались не сразу, или не записывались вовсе, что вело, как правило, к невыполнению решения. И наоборот, очень тщательный подход к записи протоколов может свидетельствовать о том, что протоколы могли переписываться на-бело, например, к какой-либо ревизии.

Имена участников процесса дают возможность судить о доле женщин и мужчин, обращающихся в суд, степень их активности при разборе различных категорий дел (семейных или мирских), а также род занятий тяжущихся. Т.к. инициаторами дел в волостном суде могли быть не только отдельные крестьяне и целые общества, но и должностные лица, указание на этот факт даёт возможность судить о степени вмешательства или, наоборот, невмешательства в общинную жизнь крестьян со стороны властей.

Содержание дела является основанием выделить гражданские иски и разделить их на категории (земельные тяжбы, денежные иски, семейные ссоры из-за имущества, разделы, наследственные дела, артельные споры, невыполнение обязательств и др.), а также проступки (кражи, нарушение тишины и спокойствия, драки, хулиганство, оскорбление словом и действием, клевета, угрозы, присвоение чужого имущества и др.).

В результативной части можно увидеть приложенные усилия суда по восстановлению мира (цель деятельности волостного суда – склонить тяжущихся к мировому соглашению), наличие ссылок на законодательную и обычно-правовую базу и аргументацию другими обстоятельствами вынесенного судьями решения. Решения по проступкам в протоколе даёт судить о частоте применяемых в волостном суде наказаний (арест, общественные работы, розги, штрафы), а по гражданским делам – справедливость и представления о ней у русского крестьянства Русского Севера.

Степень достоверности некоторых рукописных материалов оценить сложно, т.к. книги решений волостных судов велись бессистемно, иногда даже небрежно, с множеством пробелов. Многое в данном случае зависело от компетентности и морального облика волостных писарей, очень часто единственных грамотных участников судебного процесса.

Подчёркивая важность архивных источников как наиболее достоверный и разнообразный материал, позволяющий взглянуть на проблему крестьянского правосудия изнутри, объективно, Л.И. Земцов писал: «Протоколы же волостной юстиции с отчётливой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о «правде» (и истине, и справедливости); в их строках, при переложении на обыденные жизненные ситуации, прямо говорит главных герой отечественной истории – русский крестьянин» [3, л. 85].

В целом, характеризуя архивные источники, следует указать, что все вводимые впервые в научный оборот документы расширяют область познания особенностей волостной юстиции.

1. Государственный архив Архангельской области. – Ф. 233. Оп. 1. Д. 18.
2. Государственный архив Архангельской области: Путеводитель в двух томах. Том 1. – Архангельск, 2000.
3. Земцов, Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60–80 гг. XIX в.): дис. ... д-ра. ист. наук / Л.И. Земцов. – Липецк, 2004.
4. Полное собрание законов Российской Империи. – Собр. 2. – Т. 36. – № 36657.

Кухаренко А.А.
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

После отмены крепостного права земельный вопрос по-прежнему стоял на повестке дня и требовал незамедлительных действий со стороны власти в сельском хозяйстве Российской империи. Первым таким шагом стало создание в 1882 г. Крестьянского поземельного банка, местные отделения которого были открыты в каждой белорусской губернии. Кроме выдачи ссуд на покупку земли банк занимался активной землеустроительной деятельностью и широкими благотворительными акциями, что позволило ему стать одним из главных инструментов аграрной политики самодержавия [1, с. 15]. Опыт банковского участия в решении аграрного вопроса является без преувеличения уникальным в мировой практике. Поэтому исследование деятельности банка приобретает особый научный интерес.

Изучение деятельности белорусских отделений Крестьянского поземельного банка невозможно представить без обращения к архивным документам. Основные источники по данной проблеме хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Минске, Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно, Литовском государственном историческом архиве в г. Вильнюсе и Российском государственном историческом архиве в г. Санкт-Петербурге.

В Национальном историческом архиве Беларуси хранится множество документов, которые могут быть использованы для исследования деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Минской, Могилевской и Витебской и Виленской губерний. Главным образом, эти документы находятся в составе следующих фондов: «Минское отделение Крестьянского поземельного банка» (фонд № 1050), «Могилевское отделение Крестьянского поземельного банка» (фонд № 2181), «Витебское отделение Крестьянского поземельного банка» (фонд № 2510), «Минская губернская землеустроительная комиссия» (фонд № 47), «Могилевская губернская землеустроительная комиссия» (фонд № 2191), «Витебская губернская землеустроительная комиссия» (фонд № 2611) и др. Кроме этого, имеется коллекция микрофотокопий документов Литовского государственного исторического архива, которая поступила в 1967 г. (коллекция № 6. «Поверочные описания имений белорусских губерний из фонда Виленского отделения Государственного дворянского земельного банка, сведения об имениях белорусских губерний из фонда Виленского отделения Крестьянского поземельного банка Государственного исторического архива Литвы». 5723 кадра).

Фонд № 1050 состоит из двух описей, в которые входят 1956 дел. Главная особенность этого фонда заключается в том, что он дает возможность проанализировать землеустроительную деятельность Минского отделения Крестьянского поземельного банка, которая имела несколько основных направлений: парцелляция земли, мелиоративные работы, водоснабжение, улучшение путей сообщения, устройство показательных полей и хуторов, ведение лесного хозяйства и сдача свободных земель в аренду. Все эти направления считались приоритетными и осуществлялись отделением банка за свой собственный счет.

Фонд № 2181 представлен четырьмя делами. Отдельного упоминания заслуживает финансовая отчетность Могилевского отделения Крестьянского поземельного банка, которая является довольно сложным и несистематизированным блоком информации и поэтому нуждается в предварительной классификации. В данном случае критерием может служить временной интервал, так как итоги основных банковских операций подводились за равные промежутки времени. В связи с этим можно выделить ежедневные (кассовые книги), ежемесячные (оборотные ведомости) и ежегодные (денежный отчет) документы.

Из всех фондов Национального исторического архива Беларуси в г. Минске лучше других сохранился фонд № 2510, который насчитывает 11082 дела. Большинство документов представлено материалами официального делопроизводства, которые отражают работу Витебского отделения Крестьянского поземельного банка: деловая переписка с органами государственной власти и клиентами, арендные договоры, дела о выданных банком ссудах и т.д.

Для изучения проблемы взаимодействия отделений Крестьянского поземельного банка с губернскими землеустроительными комиссиями необходимо обратиться к фондам №№ 47, 2191, 2611. Архивные дела свидетельствуют о том, что рассматриваемое сотрудничество способство-

вало мобилизации крестьянской земельной собственности в форме хуторского и отрубного владения землей и сведению к минимуму рисков долгового банкротства крестьян.

В Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно находится фонд № 29 «Гродненское отделение Крестьянского поземельного банка», который состоит из трех описей и насчитывает 2351 дело. Этот фонд содержит дела, необходимые для изучения банковской благотворительности, которая включала несколько основных направлений: передача в собственность или безвозмездное пользование строений, земель и другого имущества; льготы при выдаче и возврате ссуд; выделение денежных средств на распространение агрономических знаний путем открытия бесплатных сельскохозяйственных курсов и организации показательных полей и хозяйств.

В годы столыпинской аграрной реформы белорусские отделения Крестьянского поземельного банка и местные землеустроительные комиссии оказывали денежную помощь хуторянам. Например, постановление Гродненского ликвидационного отдела № 263 от 26 июля 1913 г. определило сумму в размере 300 руб. для оказания денежного пособия хуторянам имения Ляховичи Кобринского уезда на устройство маслодельни на одном из хуторов этого имения [2, л. 29].

В Литовском государственном историческом архиве хранятся документы, которые могут быть использованы для исследования деятельности Крестьянского поземельного банка на территории Виленской губернии. Главным образом, эти документы находятся в составе фонда № 543 «Виленский отдел Крестьянского земельного банка 1874–1918», который состоит из двух описей и насчитывает 1492 дела.

Рассматриваемый фонд позволяет проанализировать деятельность Крестьянского поземельного банка в контексте национальной политики Российской империи. Журналом Комитета по землеустроительным делам № 75 от 28 мая 1908 г. был установлен ряд льгот, направленных к более успешному устройству «коренного русского населения» (православные и старообрядцы) в Ковенской губернии на землях Крестьянского поземельного банка. Им разрешались банковские ссуды и пособия на обзаведение хозяйственным инвентарем, а также льготный отпуск лесных материалов из казенных дач. Впоследствии был проработан вопрос о предоставлении этих льгот «коренному русскому населению» Виленской и Гродненской губерний. Данное предложение высказывалось в письмах виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора К.Ф. Кршвицкого. После обсуждения этого вопроса с виленским и гродненским губернаторами он признал необходимым распространить правила о порядке ликвидации земель на Виленскую и Гродненскую губернии [3, л. 5].

В Российском государственном историческом архиве находится фонд № 592 «Государственный Крестьянский поземельный банк Министерства финансов», который состоит из 47 описей и насчитывает 110352 дела. Этот фонд содержит дела, необходимые для изучения текущей статистической отчетности, которая производилась при помощи особых купонных листов, отчетных книг и сводных статистических карточек.

К каждому делу по покупке имения за счет банка или назначению ссуд в отделении пришивался соответствующий купонный лист, сопровождающий затем дело по всем стадиям его дальнейшего развития. Для каждого рода дел купонный лист был отпечатан на бумаге особого цвета. Листы для дел по покупке имений за счет банка имели оранжевый цвет, по продаже земли из имений банка – красный цвет, по посредническим сделкам – белый, по назначению ссуд под надельные земли – зеленый и по назначению ссуд под земли, купленные крестьянами без содействия банка, – синий цвет. Все купонные листы состояли из корешка и отрывных купонов, приспособленных для отдельных моментов операций. По мере движения дела по отдельным моментам производства (заявление, разрешение, назначение к выдаче ссуды, расстройство сделки и пр.) соответствующие купоны и корешки к ним заполнялись надлежащими сведениями, причем купоны отрывались для подсчета месячной отчетности. Купоны представлялись в Центральное управление банка вместе с месячной статистической карточкой, а в отделениях оставались их дубликаты. Для составления месячной отчетности в отделениях заводились особые отчетные книги, в которые после подсчета содержащихся в купонах статистических сведений заносились их месячные итоги по категориям сделок и моментам операций. Из отчетных книг месячные губернские итоги вносились в сводные статистические карточки для представления в Центральное управление банка. Для каждого рода операций предназначалась особая карточка того же цвета, как и купонные листы. Заполнение купонов и корешков к ним, ведение

отчетных книг и составление сводных месячных карточек возлагалось на заведующего статистикой отделения банка.

В Российском государственном историческом архиве хранятся письма П.А. Столыпина, которые позволяют проследить ход подготовки и реализации столыпинской аграрной реформы. Примером может служить столыпинское письмо от 3 октября 1910 г., адресованное А.В. Кривошеину: «Мое мнение, что неуспех или задержка землеустройства в некоторых губерниях зависит от применения землеустроительными комиссиями слишком огульного приема – отнесения единичных выделов в третью очередь, т.е. «ad calendas graecas». Они пропустили между ушей рекомендацию Землеустроительного комитета не брезгать единичными выделами там, где они могут пробить брешь в деревенской косности, и во многих местах... дело остановилось. Я почерпнул это убеждение из бесед в экипаже с землеустроителями и предводителями, когда нам пускали пыль (черноземную) в глаза» [4, л. 20–21].

Таким образом, архивные источники по данной проблеме носят репрезентативный характер. С их помощью было установлено, что Крестьянский поземельный банк играл определяющую роль при попытке решения земельного вопроса в рамках столыпинской аграрной реформы. Деятельность банка во многом объясняет активную позицию крестьянского населения при создании единоличной собственности в форме хуторского и отрубного владения землей. Можно утверждать, что именно деятельность банка способствовала укреплению финансового положения крестьян накануне Первой мировой войны.

1. Кухаренко, А. А. Деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси в период столыпинской аграрной реформы (1906–1914 гг.) / А. А. Кухаренко // Веснік БДУ. Сер. 3, Гіст. Экан. Права. – 2013. – № 2. – С. 15–18.
2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 601. Дело о покупке фруктовых деревьев крестьянами Гродненской губернии для разведения фруктовых садов на хуторах имений Крестьянского поземельного банка, 1913–1917 гг.
3. Литовский государственный исторический архив. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 6. Циркуляры о торгах, 1912–1915 гг.
4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1571. – Оп. 1. – Д. 324. Письма Петра Аркадьевича Столыпина, министра внутренних дел и других лиц, 1906–1915 гг.

Карпекін К.Р.

КРЫНІЦЫ ПА ГЕНЕАЛОГІІ СЯЛЯНСКІХ РОДАЎ XIX – ПЕРШАЙ ТРЭЦІ XX ст. (на прыкладзе роду Загурскіх з Лёзненшчыны)

Пераважная большасць генеалагічных даследаванняў, ажыццёўленых беларускімі гісторыкамі, тычыцца шляхецкіх і дваранскіх родаў. Пра гэта сведчыць дастаткова актыўнае выданне рознага кшталту гербоўнікаў, якое пачалося з 1990-х гг. [1; 20]. Разам з тым неабходна заўважыць, што ў перыяд уваходжання беларускіх земляў у склад Расійскай імперыі і ў першыя паслярэвалюцыйныя дзесяцігоддзі ад 70 да 85% насельніцтва складалі сяляне. У сувязі з гэтым зусім заканамерна паўстае праблема вывучэння генеалогіі сялянскіх родаў як самага шматлікага са слоўя.

Мэта дадзенага даследавання – прааналізаваць дакументы генеалагічнага характару, якія тычацца сялянскіх родаў XIX – першай трэці XX ст.

У артыкуле аналіз крыніц ажыццёўлены на прыкладзе сялянскага роду Загурскіх, прадстаўнікі якога пражывалі на тэрыторыі Лёзненскай воласці Аршанскага павета Магілёўскай губерні (зараз – Лёзненскі раён Віцебскай вобласці).

Паводле агульнапрынятай класіфікацыі, да прамых генеалагічных крыніц па гісторыі сялянства адносяцца метрычныя кнігі, рэвізскія сказкі ды інвентары ўладанняў [19, с. 5]. Для аднаўлення радаводу спецыяльна выбраны род з Паўночна-Усходняй Беларусі, бо крыніцы па дадзеным рэгіёне ў архівах захаваліся не дастаткова добра, але ў той жа час страчаны не цалкам. Такім чынам, мы маем справу з сярэднестатыстычным выпадкам. У цэлым спецыялісты ацэньваюць ступень захаванасці дакументаў па Аршанскім павеце наступным чынам: рэвізскія сказкі памешчыцкіх сялян – 19% ад першапачатковага аб'ёму, метрычныя кнігі праваслаўных царкваў – 13,2% [18, с. 94].

На працягу даследуемага перыяду большасць прадстаўнікоў роду Загурскіх пражывала ў в. Замошша, якая адносілася да прыходу Нова-Бельскай Успенскай царквы. Рэвізскія сказкі па згаданай вёсцы зусім не захаваліся, інвентароў памешчыцкіх маёнткаў, да якіх яна магла адносіцца (Альхімкава, Прудзішча ці Станіславава), таксама не выяўлена. Іншымі словамі, з прамых генеалагічных крыніц у распараджэнні даследчыкаў маюцца толькі метрычныя кнігі, але комплекс

гэтых крыніц таксама вельмі абмежаваны. На захаванні ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі маюцца толькі кнігі запісаў пра шлюбы за 1839–1848 г., пра памерлых за 1839–1855 г., пра нараджэнні, шлюбы і памерлых за 1871, 1872, 1875, 1877, 1878, 1881 г. [17].

З дапамогай метрычных кніг выяўлены звесткі пра 17 асоб, пры гэтым знойдзена 5 дакладных запісаў пра нараджэнне, 2 запісы пра шлюб і 4 запісы пра смерць. Галоўнай цяжкасцю, з якой сутыкаецца даследчык пры працы з метрычнымі кнігамі праваслаўных цэркваў Усходняй Беларусі, гэта, акрамя дрэннай захаванасці, адсутнасць прозвішчаў асоб. Для таго, каб устанавіць сваяцкія сувязі паміж асобамі, даводзіцца супастаўляць імёны, параўноўваць паміж сабой запісы, датычныя розных асоб. Па прычыне адсутнасці поўнага комплекта метрычных кніг вельмі важна звяртаць увагу на наступныя звесткі: у запісах пра нараджэнне – пра імёны бацькоў (родных і хросных, якія нярэдка з’яўляліся сваякамі), у запісах пра шлюб – на ўзрост жаніха і нявесты, месца пражывання нявесты (дзякуючы гэтаму магчыма ўстанавіць час іх нараджэння, а таксама месца пражывання сваякоў нявесты), у запісах пра смерць – пра ўзрост памерлага (адпаведна, магчыма даведацца год нараджэння).

Важную інфармацыю ўтрымліваюць непрамыя генеалагічныя крыніцы. У архіўных справах, загалом якіх утрымліваюць назву цікавага населенага пункта, ёсць вялікая верагоднасць знайсці пэўныя біяграфічныя звесткі пра прадстаўнікоў таго ці іншага сялянскага роду. Як і ў метрычных кнігах, прозвішчы асоб у дакументах канца XIX – пачатку XX ст. не ўказаны. Напрыклад, у справе па разгляду спрэчкі паміж сялянамі в. Замошша на конт зямлі за 1895–1897 г. утрымліваецца інфармацыя пра тое, што селянін Нікіфар Яўстаф’евіч з’яўляўся сельскім старстам [15, арк. 4 адв.]. У справе пра падзел на хутарскія ўчасткі в. Замошша за 1907 г. згадваюцца Платон і Фёдар Астапавічы (Яўстаф’евічы), а таксама Зенавей Платонавіч, які паставіў подпісы за ўсіх непісьменных сялян [16, арк. 5].

Комплекс крыніц, узніклых пасля кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. і з дапамогай якіх магчыма даследаваць генеалогію сялянскіх родаў, – дастаткова разнастайны. Важным адрозненнем ад дакументаў папярэдняга перыяда з’яўляецца наяўнасць прозвішчаў. Разам з тым, дакументаў, у якіх дакладна ўказаны сваяцкія сувязі, захавалася няшмат. У якасці прыкладу варта прывесці “Спіс дзяцей 5-, 6-, 7-, 8-, 9-гадовага ўзросту Замашчанскага школьнага раёна” за 1929 г. У ім пералічаны дарослыя сяляне і іх дзеці з указаннем дакладнага ўзросту [7, арк. 122].

Для даследавання таксама варта выкарыстоўваць разнастайныя спісы асоб, у якіх, як правіла, пазначаны імёны, узрост (ці год нараджэння), пэўныя біяграфічныя дадзеныя (у залежнасці ад прычыны складання спіса). Нярэдка імёны сваякоў унесены ў такія спісы асобнымі групамі, што значна спрашчае працу. У працэсе даследавання радаводу Загурскіх былі выяўлены “Спіс непісьменных грамадзян Лёзненскай воласці ад 15 да 50 гадоў” за 1920 г. [8, арк. 32 – 33], “Спіс выбаршчыкаў Малькаўскага райсавета Лёзненскай воласці Віцебскага павета...” за 1923 г. [2, арк. 106], “Спіс вучняў, якія будуць наведваць школу дарослых пры Замашчанскай школе” за 1927 г. [5, арк. 8], “Спіс слухачоў Чарнаруцкага пункта ліквідацыі непісьменнасці” за 1928 г. [6, арк. 138], “Спіс гаспадарак, абкладаемых па даходах ад продажу сельгаспрадуктаў па завышаных цэнах на прыватным рынку” за 1932 г. [10, арк. 62] і інш. Аднак, да інфармацыі, атрыманай з дадзеных спісаў, трэба адносіцца вельмі крытычна. У прыватнасці, паводле ўказанага спіса за 1920 г., Загурскаму Міхаілу Платонавічу было 46 гадоў, а паводле спіса 1923 г. – 45 (адпаведна, ён мог нарадзіцца ў 1874 г. ці ў 1878 г.). Яшчэ больш недакладныя звесткі маюцца на конт Загурскага Зіновія Платонавіча: згодна з тымі ж спісамі, годам яго нараджэння можна лічыць як 1874 г., так і 1891 г.

Каштоўнымі крыніцамі з’яўляюцца ўсемагчымыя пасведчанні асоб і пашпарты, выдадзеныя для пераезду ў іншыя населеныя пункты. Найбольш важнай інфармацыяй, якую можна з іх атрымаць – гэта дакладная дата нараджэння асобы. Прыкладам можа служыць пашпарт Загурскага Аляксандра Зіноўевіча, выдадзены яму ў 1919 г. [3, арк. 20].

Пэўныя біяграфічныя звесткі пра сялян утрымліваюцца ў комплексе дакументаў, узніклых пры разглядзе зямельных пытанняў, якія былі надзвычай актуальнымі пры падзеле былых памешчыцкіх маёнткаў у першыя паслярэвалюцыйныя гады. Напрыклад, у акце падзелу былога маёнтка Прудзішча ад 12 ліпеня 1922 г. маюцца звесткі пра маёмасны стан сялян (плошчу зямельных надзелаў, колькасць жывёлы) [4, арк. 96]. У пастанове Асаблівай калегіі вышэйшага кантролю па спрэчных зямельных справах пры Народным Камісарыяце Земляробства БССР ад 17 красавіка 1925 г. адлюстраваны ўвесь працэс хадайніцтваў сялян пра надзяленне іх зямлёй за кошт тэрыторыі згаданага вышэй маёнтка [9, арк. 117 адв.].

Для даследавання сялянскіх радаводаў мэтазгодна выкарыстоўваць і судовыя справы. У прыватнасці, у Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці захоўваецца справа па абвінавачванні Загурскага Васіля Сямёнавіча ў невыкананні плана па с'яўбе сельскагаспадарчых культур у 1932 г. У пратаколе апытання падсуднага запісаны біяграфічныя звесткі (узрост, нацыянальнасць, адукацыя, памер сям'і і да т.п.), а таксама распавядаецца пра яго маёмасны стан [12, арк. 1 – 15].

Варта звярнуць увагу на тое, што інфармацыя генеалагічнага характару, датычная першай трэці XX ст., змяшчаецца і ў крыніцах больш позняга перыяду. У першую чаргу гаворка ідзе пра асабовыя справы супрацоўнікаў пэўных устаноў, а таксама справы сябраў КПСС. Найбольш інфарматыўнымі з дакументаў з'яўляюцца аўтабіяграфіі, у якіх згадваюцца звесткі пра сваякоў, а таксама лісткі па ўліку кадраў. Так, у дадзеным даследаванні выкарыстаны асабовая справа старшага інспектара па дзяржаўных даходах фінансавага аддзела Лёзненскага райвыканкама Загурскага Андрэя Пятровіча, сфармаванай з дакументаў 1945–1955 гг. [11], і справа па прыёму ў кампартыю Загурскага Уладзіміра Парфенавіча ў 1974 г. [14].

Каштоўнымі крыніцамі па аднаўленні сялянскіх радаводаў з'яўляюцца дакументы па назначэнні пенсій інвалідам Вялікай Айчыннай вайны ў другой палове 1940-х гг. У прыватнасці, у даведках, прыкладзеных да адпаведных пратаколаў, паіменна пералічаны ўсе члены сям'і інваліда ці загінулага вайскоўца з указаннем сваяцкіх сувязяў і года нараджэння [13, арк. 17, 24, 208].

Таксама пры ажыццяўленні генеалагічных даследаванняў неабходна выкарыстоўваць такія крыніцы, як надмагільныя помнікі, з дапамогай якіх можна ўстанавіць даты нараджэння і смерці асобы.

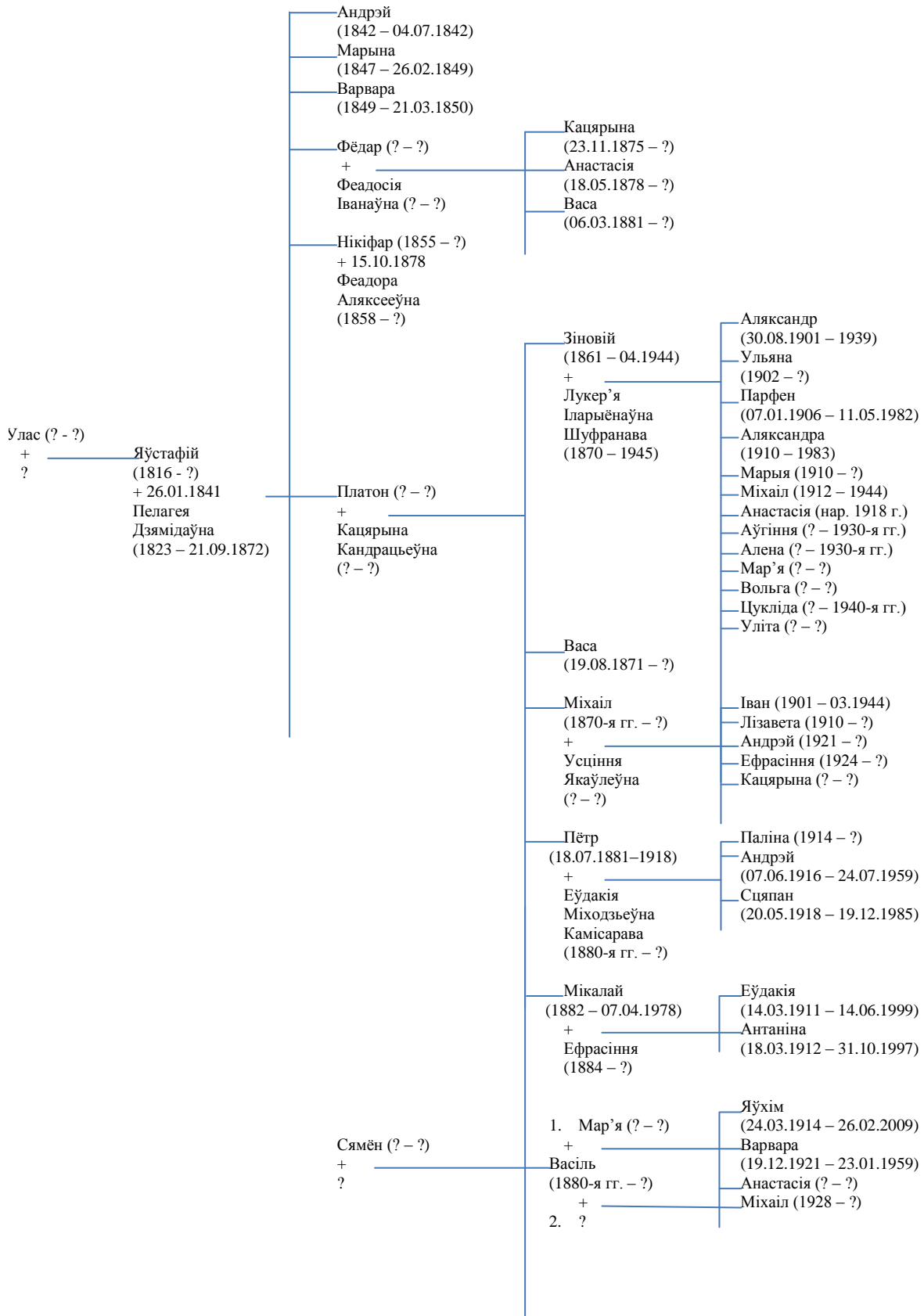
Важкім дапаўненнем да звестак, атрыманых з пералічаных вышэй крыніц, з'яўляюцца ўспаміны сваякоў ці аднавяскоўцаў. Яны не заўсёды дакладныя, але могуць паслужыць для ўстанаўлення сваяцкіх сувязяў паміж асобамі, атрымаць пэўныя факты, датычныя біяграфіі. Больш таго, пры вывучэнні роду Загурскіх менавіта шляхам апытання сваякоў былі ўстаноўлены імёны і прыкладны час жыцця 6-ці асоб, якія не згадваліся ў пісьмовых крыніцах.

У выніку аналізу разнастайных крыніц былі пабудаваны 2 генеалагічныя дрэвы роду Загурскіх (гл. схему). Іх пачынальнікі, верагодна, з'яўляліся сваякамі, бо пражывалі ў адным населеным пункце, але з-за адсутнасці дастатковай колькасці крыніц даказаць гэта пакуль што не ўдалося.

Такім чынам, нягледзячы на тое, што ў архівах захавалася абмежаваная колькасць неабходных дакументаў, сялянскі радавод магчыма давесці да пачатку XIX ст. Найбольш важнымі крыніцамі дарэвалюцыйнага перыяду варта лічыць метрычныя кнігі. Сярод матэрыялаў савецкага часу для генеалагічных даследаванняў асаблівае значэнне маюць усемагчымыя спісы сялян, пашпарты, справы па разглядзе зямельных пытанняў, асабовыя справы. Пры гэтым галоўным у справе аналізу пералічаных матэрыялаў павінен з'яўляцца крытычны падыход.

1. Гербоўнік беларускай шляхты. – Т. 1. – Мінск: БелНДДАС, 2002. – 493 с.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 104. Воп. 2. Спр. 22.
3. ДАВВ. – Ф. 144. Воп. 1. Спр. 8.
4. ДАВВ. – Ф. 144. Воп. 1. Спр. 298.
5. ДАВВ. – Ф. 160. Воп. 11. Спр. 12.
6. ДАВВ. – Ф. 160. Воп. 11. Спр. 20.
7. ДАВВ. – Ф. 160. Воп. 11. Спр. 30.
8. ДАВВ. – Ф. 221. Воп. 1. Спр. 68.
9. ДАВВ. – Ф. 1005. Воп. 3. Спр. 179.
10. ДАВВ. – Ф. 1264. Воп. 1. Спр. 14.
11. ДАВВ. – Ф. 1264. Воп. 2. Спр. 46.
12. ДАВВ. – Ф. 1820. Воп. 1. Спр. 843.
13. ДАВВ. – Ф. 2931. Воп. 4. Спр. 16.
14. ДАВВ. – Ф. 88-п. Воп. 39. Спр. 40.
15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2014. Воп. 1. Спр. 1306.
16. НГАБ. – Ф. 2197. Воп. 1. Спр. 8.
17. НГАБ. – Ф. 2301. Воп. 2. Спр. 32. Арк. 88 – 119. Спр. 33. Арк. 78 – 110. Спр. 34. Арк. 81 – 117. Спр. 35. Арк. 42 – 77. Спр. 145. Арк. 108 – 151. Спр. 146. Арк. 78 – 110. Спр. 151.
18. Рыбчонок, С. Комплексы основных генеалогических источников в Национальном историческом архиве Беларуси / С. Рыбчонок // Архівы і справаводства. – 2007. – № 5. – С. 88–95.
19. Урублеўскі, В. Генеалогія: час адраджэння. Рэкамендацыі па росшуку свайго радаводу / В. Урублеўскі // Краязнаўчая газета. – 2010. – № 25. – С. 5.
20. Яцкевіч, З. Малы гербоўнік халопеніскай шляхты / З. Яцкевіч. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. – 494 с.

Генеалагічнае дрэва Загурскіх

Моторова Н.С.
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ (1861–1914 гг.): ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

После отмены крепостного права в Российской империи начались процессы глубокой трансформации общества и государства. Правительство столкнулось с необходимостью обеспечить функционирование в новых условиях социальной сферы, которая включала в себя такие элементы, как народное образование и здравоохранение, оказание помощи населению в условиях кризисных ситуаций – при пожарах, в случае неурожая и голода, безработицы (все то, что в дореволюционный период входило в понятие «общественное призрение»). В качестве главного инструмента реализации правительственной политики на местах выступили органы губернского управления и система местного самоуправления, представленная двумя структурными компонентами – городскими общественными управлениями и земствами.

Однако в рамках обширной Российской империи каждый регион обладал своей спецификой, обусловленной географическим положением, условиями исторического развития и вхождения в состав единого государства, особенностями этноконфессиональной и социальной структуры населения, специализацией экономики. Эти факторы оказывали решающее влияние на формирование приоритетных направлений и региональных особенностей правительственной политики в социальной сфере. Одним из наиболее сложных регионов являлся Северо-Западный край, который включал в себя шесть губерний, располагавшихся на территории современных Беларуси и Литвы, частично Польши, Латвии и России. Согласно сложившейся административной практике эти губернии делились на «литовские» (Виленская, Гродненская, Ковенская) и «белорусские» (Витебская, Могилевская и Минская) губернии.

Основная масса источников, позволяющих охарактеризовать содержание и основные направления правительственной политики в социальной сфере в Северо-Западном крае в 1861–1914 г., представлена делопроизводственными материалами правительственных учреждений, а также органов местного управления и самоуправления. Они сконцентрированы в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (далее – РГИА), Национального исторического архива Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ в г. Минске) и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно), Литовского государственного исторического архива (далее – ЛГИА), Каунасского уездного архива (далее – КУА). В их состав входят документы различного характера: переписка министерских департаментов с генерал-губернаторами, губернаторами, попечителями Виленского учебного округа, а также органами городского и земского самоуправления, отчеты, статистические сведения, разрешения на открытие и преобразование различных социальных объектов.

В этой связи наибольший интерес представляют фонды Министерства народного просвещения (далее – МНП) и Министерства внутренних дел (далее – МВД), находящиеся в РГИА. Они довольно обширны и информативны.

Так, в фонде Департамента народного просвещения (ф. 733) представлены как дела общего характера (например, отчеты по МНП и учебным округам, циркуляры министра народного просвещения), так и материалы по отдельным типам общеобразовательных и профессиональных учебных заведений: уставы, штаты, программы, результаты ревизий. Особый интерес представляют материалы о подготовке и реализации мероприятий, направленных на введение всеобщего начального обучения. Они охватывают период с 1907 по 1915 гг. и включают в себя школьные сети и финансовые планы, а также данные переписи начальных школ 18 января 1911 г. Отдельный массив составляют документы финансового характера, которые позволяют охарактеризовать правительственные расходы на народное образование.

Дела об открытии, преобразовании и деятельности средних и низших технических училищ, ремесленных училищ и школ, ремесленных классов и отделений при общеобразовательных учебных заведениях, курсов для взрослых представлены в фонде Отдела промышленных училищ МНП (ф. 741). Там же хранятся материалы, посвященные введению практических занятий по сельскому хозяйству в учительских институтах и семинариях.

В фондах МВД представлены дела, которые так или иначе характеризуют правительственную политику в области народного образования, здравоохранения и общественного призрения.

В этом отношении особое место занимают фонды Хозяйственного департамента (ф. 1287) и Главного управления по делам местного хозяйства (ф. 1288). Они содержат министерские циркуляры, дела об учреждении профессиональных и общеобразовательных учебных заведений, медицинских и благотворительных учреждений, отчеты о деятельности приказов общественного призрения, сведения о проведении противоэпидемических, санитарных и противопожарных мероприятий, данные об устройстве водоснабжения и канализации, материалы об организации продовольственной помощи населению, а также статистические и финансовые сведения различного характера, позволяющие охарактеризовать эффективность правительственных мероприятий в социальной сфере. Кроме того, в фонде Медицинского департамента (ф. 1297) представлены дела о больницах для душевнобольных, отчеты врачебных управ и врачебных отделений по губерниям, материалы об организации врачебной части в сельской местности.

При изучении особенностей реализации правительственной политики в социальной сфере на территории белорусско-литовских губерний в пореформенный период необходимо использовать материалы из фонда канцелярии виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора (ф. 378), хранящегося в ЛГИА. Он состоит из двух структурных частей – политического и общего отделов. Дела, характеризующие правительственную политику в социальной сфере, представлены во втором отделе. К ним относятся записки генерал-губернаторов по различным вопросам устройства края, финансовая документация, представления местных губернаторов и материалы ревизий губерний. В данном фонде представлены дела, посвященные открытию различных социальных объектов (учебных заведений, амбулаторий, лечебниц, богаделен), а также материалы, которые отражают механизмы решения различных проблем жителей края – предотвращение распространения венерических и эпидемических заболеваний, организация продовольственной помощи, борьба с нищенством.

В ЛГИА хранится фонд Управления Виленского учебного округа (ф. 567). В нем представлены циркуляры министра народного просвещения и попечителя округа, материалы об открытии, преобразовании и закрытии различных учебных заведений, финансовые документы и статистические сведения и т.д. На местах надзор за деятельностью начальных училищ и их материальным обеспечением осуществлялся через дирекции народных училищ. Фонды Витебской (ф. 2507), Минской (ф. 458), Могилевской (ф. 2254) дирекций представлены в НИАБ в г. Минске, Гродненской (ф. 38) – в НИАБ в г. Гродно, Виленской (ф. 568) – в ЛГИА.

Материалы, отражающие участие органов губернского управления в реализации основных направлений правительственной политики в социальной сфере, содержатся в фондах канцелярий гражданских губернаторов: витебского (ф. 1430), минского (ф. 295) и могилевского (ф. 2001) в НИАБ в г. Минске; гродненского (ф. 1) в НИАБ в г. Гродно; виленского (ф. 380) в ЛИАБ; ковенского (ф. I-50) в КУА. В них представлены циркуляры министерств и губернаторов, отчеты о состоянии губерний, материалы ревизий, сведения об открытии и деятельности учебных, медицинских и благотворительных заведений, финансовая документация, журналы и протоколы органов местного самоуправления. Аналогичные материалы представлены в фондах губернских правлений: витебского (ф. 1416), минского (ф. 299), могилевского (ф. 2003) в НИАБ в г. Минске, гродненского (ф. 2) в НИАБ в г. Гродно, виленского (ф. 381) в ЛГИА, ковенского (ф. I-49) в КУА.

Опираясь на материалы из фондов различных губернских учреждений (присутствий, комитетов и комиссий), можно более детально охарактеризовать правительственные мероприятия в отдельных сегментах социальной сферы и оценить их эффективность. Так, материалы об организации общественного призрения представлены в фондах губернских приказов: Витебского (ф. 2638), Минского (ф. 2), Могилевского (ф. 2292) в НИАБ в г. Минске, Гродненского (ф. 15) в НИАБ в г. Гродно, Виленского (ф. 390) в ЛГИА. В перечисленных фондах содержатся журналы приказов, финансовая документация, различные отчеты о состоянии медицинских и благотворительных учреждений. Материалы о состоянии хлебных запасных магазинов по губерниям и оказании помощи населению в случае неурожая представлены в фондах губернских комиссий народного продовольствия: Витебской (ф. 2501), Минской (ф. 143), Могилевской (ф. 2290) в НИАБ в г. Минске, Гродненской (ф. 12) в НИАБ в г. Гродно, Виленской (ф. 387) в ЛГИА.

Отдельную группу составляют фонды губернских по городским и земским делам присутствий Витебской (ф. 2508), Минской (ф. 22), Могилевской (ф. 2013) губерний в НИАБ в г. Минске, Гродненского губернского по городским делам присутствия (ф. 17) в НИАБ в г. Гродно, а также Ковенского (ф. 1567) в ЛГИА. В них сконцентрирована основная масса ходатайств, жур-

налов и протоколов заседаний органов городского и земского самоуправления. В этих фондах представлены материалы о выдаче ссуд и займов на реализацию различных социальных проектов, об открытии и преобразовании учебных, медицинских и благотворительных заведений.

С данной группой тесно связаны фонды органов самоуправления белорусско-литовских губерний. В них содержатся материалы, позволяющие более подробно охарактеризовать участие городских дум, управлений по делам земского хозяйства и земств в реализации правительственных инициатив в социальной сфере.

Наиболее информативны фонды Минской (ф. 24), Гомельской (ф. 2912), Мстиславской (ф. 2095), Пинской (ф. 712) городских дум в НИАБ в г. Минске; Брестской (ф. 1492) и Лидской (ф. 1564) в НИАБ в г. Гродно; Виленской (ф. 937) и Поневежской (ф. 1244) в ЛГИА. В них содержатся журналы заседаний и копии годовых смет доходов и расходов, материалы об открытии социальных объектов, ходатайства о реализации тех или иных социальных инициатив. Аналогичный материал представлен в фондах городских управ Минска (ф. 1), Витебска (ф. 2496), Орши (ф. 2102), Пинска (ф. 611) в НИАБ в г. Минске; Гродно (ф. 125) и Слонима (ф. 1046) в НИАБ в г. Гродно; Вильно (ф. 938) и Поневежа (ф. 1243) в ЛГИА; Ковно (ф. I-61) в КУА.

Материалы, отражающие участие управлений по делам земского хозяйства и земств белорусских губерний в реализации правительственной политики в социальной сфере, представлены в НИАБ в г. Минске. К ним относится фонд Минского губернского комитета по делам земского хозяйства (ф. 323), а также фонды губернских управ по делам земского хозяйства – Минской (ф. 324), Витебской (ф. 2519) и Могилевской (ф. 2079). Частично сохранились материалы земских собраний: фонды Минского губернского земского собрания (ф. 1265) и несколько фондов уездных земских собраний: Минского (ф. 1302), Новогрудского (ф. 1274), Речицкого (ф. 1286). С ними тесно связаны фонды губернских (Витебской (ф. 2515), Минской (ф. 325), Могилевской (ф. 2084)) и уездных (Витебской (ф. 2739), Лепельской (ф. 2660), Игуменской (ф. 327), Минской (ф. 326), Мстиславской (ф. 2088), Оршанской (ф. 2089) и пр.) земских управ. Данные фонды содержат доклады и журналы заседаний управ, отчеты о деятельности земств, дела об организации помощи нуждавшимся категориям населения, об открытии учебных заведений и больниц.

Таким образом, в РГИА, НИАБ в г. Минске, НИАБ и в г. Гродно, ЛГИА, КУА представлены делопроизводственные материалы, которые позволяют охарактеризовать содержание и основные направления правительственной политики в социальной сфере на территории белорусско-литовских губерний в 1861–1914 гг., оценить ее эффективность. В их состав входят документы различного характера: министерские циркуляры, отчеты, статистические сведения, разрешения на открытие и преобразование различных социальных объектов и пр.

Рогач В.В.

ЖЕТОНЫ КРУЖЕЧНЫХ СБОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Кружечный сбор – вид массового сбора денег на благотворительные цели. В Европе известен со Средневековья, где был распространен повсеместно. В России был признан Сенатским указом от 20 апреля 1781 года «О мерах к доставлению пропитания нищим» как инструмент сбора средств Приказами общественного призрения (губернские учреждения, созданные в 1775 году по велению императрицы Екатерины II для организации помощи бедным устройством больниц, школ, богаделен и сиротских домов). Указ, в частности, устанавливал: «Приказ общественного призрения, имея попечение о прокормлении неимущих, обязан учредить кружки для собирания в них подаяний, чинимых добродетельными дателями».

С конца XVIII века кружечные сборы стали устраивать частные лица, а с 1870-х годов – и благотворительные организации. И те, и другие действовали по согласованию с Министерством внутренних дел. В каждом случае обговаривалось место установки кружек, порядок изъятия, подсчета и регистрации собранных сумм.

Кружки, как правило, были жестяными, имели крышку с замком и прорезью для монет. Поначалу такие кружки (официально именуемые «общественными» или «сборными») обычно ставились при входе в храмы. Позже, в XIX веке, их также размещали в местах оживленной торговли – в гостиных дворах и на уличных торжках, а также в помещениях железнодорожных

вокзалов, в государственных и общественных учреждениях. Кружки обычно намертво крепились к каменной стене здания. Рядом, в пяти-шести шагах, обязательно находился охранник или полицейский, чтобы отвадить воров [4, с. 59].

Кроме стационарных кружек на рубеже XIX–XX веков стали использоваться и переносные. С ними ходили сборщики во время массовых благотворительных акций.

Во второй половине XIX века кружечные сборы были одним из самых распространенных видов сборов в Российской империи. Подобные сборы были удобны тем, что позволяли привлечь к благотворительным акциям большой круг лиц (люди охотно участвовали в сборах, поскольку эта форма филантропии была доступна каждому), кроме того, давали возможность дарующему самостоятельно определяться с суммой пожертвования. С другой стороны, вскрытие кружки уполномоченным лицом после окончания сборов давало возможность избежать утечки средств (подобные акции имели строгую отчетность и были прозрачны: о собранных суммах сообщали газеты). Тем самым, к кружечному сбору можно было привлекать самый широкий круг лиц, вплоть до детей.

Благотворительные организации усовершенствовали церковную практику, вручая участникам благотворительных мероприятий специальные знаки. Различные мероприятия проводились целый день и нередко в разных местах, так что для того, чтобы несколько раз не просить пожертвования у одних и тех же горожан, стали изготавливать специальные знаки, которые вручались жертвователю после того, как деньги опускались в кружку. Эти знаки прикалывались к одежде.

Знаки кружечных сборов были разнообразными – от марок и сувениров из бумаги, картона, ткани до нагрудных знаков самых разных форм (прямоугольник, овал, ромб, крест и т.д.). Жетоны кружечного сбора изготавливались из жести, латуни, серебра или же золота. Даритель получал жетон в зависимости от суммы пожертвования, и он в любом случае был дешевле взноса. Носили жетоны, как правило, на узкой ленте государственного флага (бело-синего-красного цвета). Многие носили по несколько жетонов, показывая, что совершили благородный поступок, пожертвовав деньги на хорошее дело.

Жетоны кружечных сборов из жести, как правило, односторонние. На лицевой стороне разноцветными красками сделаны надпись и соответствующее изображение. На оборотной стороне часто указывалась мастерская, которая его изготовила. Иногда помещался адрес и телефон фабрики или мастерской. Вверху – маленькое отверстие для крепления жетона.

Жетоны кружечных сборов заказывали благотворительные организации, которых в Императорской России было предостаточно: Общество спасения на водах, Попечительство о народной трезвости, Попечительство о слепых, Императорское Человеколюбивое общество, Призрение семей павших и раненных воинов, Детских приютов и т.д.

Устраивались благотворительные акции для сбора денег на помощь бедным, голодающим, детям, больным туберкулезом, раком и т.д.

С началом Первой мировой войны появились новые виды сборов. Благотворительные жетоны этого периода можно разделить на несколько групп. Одну группу составляют знаки, связанные с оказанием благотворительной помощи армии. Это сборы на медицинское оборудование и санитарное обслуживание, обмундирование, подарки солдатам к праздникам, книги и т.д. Другую (столь же массовую по величине) группу составляют знаки кружечных сборов в помощь жертвам войны: раненым, инвалидам, сиротам, семьям воинов, беженцам, военнопленным. Много знаков так называемых «единых сборов», проходивших под лозунгами «Солдатам и их семьям», «Для помощи участникам и жертвам войны», объединяющие оба направления благотворительной деятельности: и помощь фронту, и помощь пострадавшим от войны.

Существуют знаки сборов интернациональной помощи и сотрудничества. В годы Первой мировой войны российские общественные организации не раз проводили сборы в пользу населения сражающихся стран (особенно Сербии, Черногории, Бельгии, первыми вступивших в войну) или пострадавших от войны народов (например, армян). В разных городах России проводились так называемые «Дни флагов».

Кружечные сборы имели самое широкое распространение. Они проходили не только в Петрограде и Москве, но и в самых удаленных городках Российской империи. Актуальными в годы Первой мировой войны оставались и прежние направления благотворительности [3].

Жетоны кружечных благотворительных сборов из жести, в отличие от знаков из бумаги, картона или ткани, сохранились лучше, так как материал, из которого они были изготовлены, оказался более долговечным. Большинство жетонов кружечных благотворительных сборов,

имеющихся в коллекции Витебского областного краеведческого музея, изготовлены на фабрике жестяных изделий М. Коки и М. Бирмана. Промышленная фирма "Кока М. и Бирман М." основана в 1860-х годах в Санкт-Петербурге Моисеем Кока (ум. 1912) и Меером Бирманом (ум. 1908). Специализировалась на изготовлении жестяной упаковки. Потребителями продукции являлись кондитерские, консервные и лакокрасочные предприятия, а также военное ведомство. В 1890-х годах при участии кондитерской фирмы Жоржа Бормана компаньоны открыли в Харькове вторую фабрику. В начале XX века годовое производство петербургской фабрики достигало 600 тысяч рублей. В 1911 году М. Кока преобразовал дело в торговый дом (в виде полного товарищества) с капиталом 30 тысяч рублей. С 1913 года фирму возглавляли наследники – Абрам Моисеевич Кока и Самуил Меерович Бирман. В число полных товарищей входили также Меер, Шолом и Самуил Моисеевич Кока, а также Меер Меерович Бирман. Правление располагалось в Петербурге, Обводный канал, 30 [1].

Всего в коллекции фалеристики Витебского областного краеведческого музея имеется 25 жетонов благотворительных кружечных сборов, проводившихся в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.: "В разуме – сила"; "На санаторию нервно больных солдат"; "Приют-ясли св. Анастасии" (2 ед.); "Всероссийское общество борьбы с раковыми заболеваниями"; "Помощь бедным" (2 ед.); "Общество попечения о бедных и больных детях"; "На борьбу с болезнью "Рак"; "На борьбу с детской смертностью" (2 ед.); "На народный воздушный флот"; "Воздушный флот – сила России"; "Невское общество пособия бедным"; "Общество борьбы с нищенством детей" (2 ед.); "Общество защиты детей от жестокого обращения"; "Трезвость – счастье народа"; "Светоч детства"; "Петергофское общество вспомоществования бедным"; "В помощь бедным детям"; "Общество попечения о бесприютных детях"; "Человеколюбием исправлять"; жетон в виде государственного флага Сербии; жетон в виде белого пятилепесткового цветка.

Проводя научную инвентаризацию жетонов, встал вопрос об истории их появления в музейном фонде. Записи в современных книгах поступлений музейных предметов не дали ответа на поставленный вопрос, т.к. в графе «Источник поступления» всех этих предметов значится: «Резвакуировано из Саратова 21.08.45 г., акт № 2». Но на отдельных жетонах сохранились наклеенные маленькие бумажные бирки со старыми учетными номерами и номерами, написанные черной тушью. Пришлось обратиться к документам, хранящимся в научном архиве музея. В книге «Опись музейных экспонатов по отделу государственно-общественного быта» (н/а ВОКМ. Ф. 6, д. 1. Л. 74-об.) в разделе «Расійскія мэдальі» обнаружилось записи, позволившие выявить источник поступления данных предметов коллекции. На листе 74-об. под номерами 726–751 перечислены 26 жетонов из жести. Источник их поступления указан один – «Музей ПНО» – музей Педагогического института народного образования, созданного на основе музея Витебской ученой архивной комиссии после ее ликвидации. Из 26 указанных в «Описи» жетонов на сегодняшний день сохранилось 25. Жетонов «На санаторию нервно больных солдат», судя по записи, было 2, имеется на сегодняшний день 1.

Под номерами 755–760 в «Описи» сделана запись: «Шэсьць кветак ад розных збораў: васілек, рамашка, анюціна глазка і тры іншых» (сохранена орфография оригинала). Источник поступления этих предметов тот же – «Музей ПНО». В коллекции фалеристики ВОКМ на данный момент имеется только один белый пятилепестковый цветок.

Кроме самих жетонов в коллекции фалеристики была выявлена булавка, которая, вероятно, использовалась для ношения жетона кружечного благотворительного сбора на одежде.

Надо сказать, что количество и разнообразие жетонов, даже только тех, которые имеются в собрании Витебского областного краеведческого музея, позволяют судить о размахе и направлениях благотворительности, существовавших в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. К сожалению, периодическая печать Витебска этого периода почти недоступна исследователям, а благодаря ей можно было бы установить, когда подобные благотворительные акции проходили в нашем городе, сколько было собрано средств и на что они были потрачены.

В настоящее время в обществе наблюдается возрождение традиции совершения гражданами добрых дел. Но она приобретает несколько другие формы – сбор средств осуществляется путем перечисления средств на счета благотворительных организаций или нуждающихся в помощи лиц. Деньги небезразличных к чужому горю людей безналичным образом перечисляются через интернет, операторами городской телефонной и сотовой связи. Только, пожалуй, общество Красного Креста еще осуществляет сбор наличных денег непосредственно в кружки, с которыми ходят представители этой организации во время проведения благотворительных акций. Но

никаких значков или жетонов жертвователям не вручается. Таким образом, уцелевшие жетоны кружечных благотворительных сборов конца XIX – начала XX в. являются не только памятниками своей эпохи, но и свидетельствами широкой благотворительности, проводившейся в Российской империи в то время.

1. Барышников, М.Н. Деловой мир России / М.Н. Барышников [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru> – Дата доступа: 13.01.2017.
2. Благотворительность в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liveinternet.ru>. – Дата доступа: 11.01.2017.
3. О выставке «Знаки кружечных сборов Первой мировой войны» [Электронный ресурс] // Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. – Режим доступа: <http://www.vologdamuseum.ru>. – Дата доступа: 11.01.2017.
4. Ульянова, Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века / Г.Н. Ульянова. – Москва : Наука, 2005. – 404 с.

Щербак С.И.

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДОСУГА ДВОРЯНСТВА ХАРЬКОВЩИНЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Изучение повседневной жизни в историческом контексте является попыткой отобразить особенности сословной психологии людей, их привычки, взаимоотношения в кругу семьи, в обществе. Многие представители харьковской губернской элиты оставили после себя личные документы – дневники, воспоминания, письма. В них интеллектуальный досуг харьковского дворянства представлен как важный элемент повседневной жизни, что делает эти источники значимыми в изучении социально-культурного пространства Харьковщины.

Мемуарные источники имеют исключительное значение в изучении интеллектуального досуга дворянства. Воспоминания содержат информацию о читательских вкусах, о месте чтения в повседневной жизни. Мемуары позволяют проследить историю чтения, сделав выводы о состоянии образования дворянства, источниках пополнения домашних библиотек.

Цель статьи – на основе личных источников проанализировать интеллектуальные интересы представителей дворянства Харьковщины и охарактеризовать их досуг в XIX – начале XX в. Источниками в данной работе выступают письма (переписка харьковских дворянских родов Г.Ф. Квитки-Основьяненко [5], Е. В. Задонской [3], княгини Духовской [7–9]) и дневники Е.В. Задонской, А. Монтвид [3].

Письма выступали важным средством коммуникации между дворянскими семьями. Письма содержат сообщения о частной жизни, событиях, которые происходили в семьях, а также о личных увлечениях, в том числе, и интеллектуальном досуге.

Самым распространенным видом досуга в среде дворянства было чтение. В письмах дворян Харьковщины содержится информация, позволяющая судить об их читательских предпочтениях. Интересным источником в данном случае для нас могут послужить письма известного писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко, которые были опубликованы в журнале «Киевская старина» в 1892 г.

В период 1838 –1843 гг. Г.Ф. Квитка-Основьяненко вёл постоянную переписку со своим другом из Санкт-Петербурга А.А. Краевским, издателем журнала «Отечественные записки». В письме, датированном 1842 годом, известный писатель сообщал: «Милостливый государь Андрей Александрович! Благодаря вашим стараниям все выписанные Вами французские журналы на имя жены, включая *Journal de la literature de France*, которого и по сегодня нет в получении...» [5, с. 378]. Жена Г. Ф. Квитки-Основьяненко А.Г. Вульф, в прошлом учительница Харьковского института благородных девиц, на досуге читала как российских авторов, так и произведения французских писателей, которые печатались в журналах “*General de la litterature de la France*”, “*Magasin*”, “*Revue de Paris*”, “*Revue Etranger*” [5, с. 378–379]. Книги и журналы получались из столицы.

Кроме увлечения французской литературой, харьковские дворяне хорошо знали и произведения российских писателей. Из дневника Е.В. Задонской узнаем, что в её семье читали наизусть стихи В.А. Жуковского, А.С. Пушкина. Были им знакомы поэмы немецких поэтов Шиллера и Гёте, что свидетельствовало о разнообразии читательских вкусов: «...из-за плеча отца мы учили наизусть отрывков из сочинений Расина, Шиллера и русских поэтов...» [3, с. 10].

Кроме художественных и поэтических литературных произведений в семье Богдановичей (девичья фамилия Е.В. Задонской) любили читать религиозно-философскую литературу: «Лю-

бимое мое было чтение духовных книг, которых у нас было очень мало, но я любила перечитывать проповеди Преосвященного Иннокентия, его Четырдесятницу, Страстную Седмицу и проч. Всегда, перечитывая их, я находила в них что-нибудь новое, я вдумывалась в них и стремилась жить так, как он учил...» [3, с. 15]. Мы можем сделать вывод о том, что религия занимала важное место в жизни семьи Богдановичей, и это передавалось с поколения в поколение.

Кроме литературных и религиозных произведений, в семье Задонских-Богдановичей читали и публицистические издания. Доказательством этого является содержание письма сестры Анны к Е.В. Задонской 1858 г.: «Катя! Получила Русский Вестник, и там, в Современной летописи (скорее всего, это был подраздел издания – С.Щ.) – крестьянский вопрос. Нужно нам прочесть, чтобы защищать крестьян; да еще есть там Исторические письма Соловьева; они тебе очень понравятся – одним словом, я тебя с этими письмами поздравляю! Я засмеялась и прочла их...» [3, с. 58]. Письмо, которое было написано в провинциальной среде в условиях начала Великих реформ Александра, свидетельствует о той общественной атмосфере, которая была в обществе в тот момент. Интересен факт увлеченности историческими трудами в женской дворянской среде.

Увлекаясь европейской и русской литературой, харьковские дворяне читали и произведения украинских авторов. В этом мы можем убедиться, ознакомившись с мемуарами поэтессы А. Монтвид.

Отец мемуаристки, помимо стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, которые он знал наизусть и давал читать своим детям, читал на досуге «Энеиду» И.П. Котляревского на украинском языке [4, с. 50]. А. Монтвид писала о том, что, благодаря «Энеиде», её отец выучил украинский язык и гордился тем, что им владеет. Стремился увлечь украинском языком и своих детей, что было редкостью для представителей провинциального дворянина. Дальше в мемуарах мы узнаем о первых литературных попытках А. Монтвид. А произошли они, как вспоминает мемуаристка, в Харьковском институте благородных девиц, где она училась и узнала суровые реалии престижного женского учебного заведения того времени.

Во многих письмах и дневниках представителей дворянства Харьковской губернии упоминается о литературных салонах, которые были столь модными тогда, и по определенным дням недели проводились в помещичьих усадьбах. К примеру, Е.В. Задонская в своих мемуарах вспоминала о литературных вечерах, которые проводились в имении Большой Бурлук Волчанского уезда. На этих собраниях постоянными гостями были окрестные помещики, а также дворяне из Харькова. Они читали произведения М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина, немецких и французских писателей, которые были в большом почёте среди харьковского дворянства. Кроме того, в мемуарах упоминалось о существовании философского кружка: «Дружеский Союз: 1) Е.В. З (Екатерина Васильевна Задонская – С. Щ.); 2) Маришенька; 3) Саша; 4) Миша; 5) Поль Шиловский; 6) Анна» [3, с. 60].

Правила для членов кружка были таковы: «Правила: 1) Нравственно не кривляться; 2) Побольше чувствовать; 3) Забывать скверное, увлекаясь хорошим; 4) Обо всём этом не распространяться и не высказывать оно, не потому, чтобы в нём было что-нибудь мерзкое, а потому что следует дорожить хорошим, не выставлять на показ и хранить от тлетворного дыхания непосвящённых» [3, с. 62]. На заседаниях кружка члены так называемого «Философского Ордена» читали произведения английских и немецких философов.

Таким образом, мы можем сказать, что читательский досуг в повседневной жизни представителей дворянства Харьковщины занимал одно из важных мест.

Кроме чтения, во многих личных источниках провинциальных дворян упоминалось и о других интеллектуальных интересах. Одним из таких интересов было посещение театральных представлений. В письмах княгини Духовской к своему мужу мы читаем о её постоянных визитах в театр: «Мерчик. «23 февраля 1899 г. Была в драматическом и оперном театре, давали «Фауста», вместе с Зайцевой (её подругой – С.Щ.)» [7, л. 1]. «Вчера (26 февраля. – С.Щ.) были в оперном театре, давали «Мефистофеля» [8, л. 1]. «Вчера (28 февраля – С.Щ.) ездила в оперный театр. Поехала с мисс Робинсон...» (англичанка, гувернантка детей Духовских) [9, л. 1].

Следует сказать, что для провинциального дворянина, а князя Духовские проживали в Старом Мерчике, и ездили в Харьков на поезде; визиты в театр были важной частью их повседневной жизни и формой обязательного выхода в свет. Помимо впечатлений театральных, здесь знакомились, обменивались новостями, поддерживали нужные контакты. То, что многие дворяне писали в дневниках о своих эмоциональных впечатлениях от увиденного, свидетельствует

о том, что театральные вечера имели важное значение в проведении интеллектуального досуга харьковского дворянства.

Помимо чтения и посещения театра, в письмах и воспоминаниях представителей харьковской элиты того времени упоминалось об увлечении ими собранием художественных коллекций. В письмах Н.Ф. Алфёрова за 1849 г. упоминалось о покупках картин таких художников, как Рембрандт, Рубенс и других представителей голландской, фламандской и немецкой художественных школ [1, с. 40]. Такая информация говорит о разнообразии художественных предпочтений харьковских помещиков и их представлений о живописи.

Таким образом, особенностью повседневной жизни харьковского дворянства была потребность в чтении, в развитии своего духовного мира, увлечении театром, особенно в женской среде, что помогает нам понять культурную роль провинциальной элиты. Наиболее образованные из них читали литературу на иностранных языках, а увлеченные собственной историей и своеобразием – и украинскую. Разнообразные читательские предпочтения свидетельствуют о значимости книги в жизни дворянства, интересе их к нуждам времени.

1. Алфёров, О.А. Старшинський рід Алфёрових: генеалогія, соціально-політичне та майнове становище слобідської гілки другої половини XVII – поч. XX ст. / О.А. Алфёров. – Біла Церква, Видавець Олександр Пшонківський, 2009. – 150 с.
2. Балакин, В.С. Интеллектуальная история науки: проблема и перспективы исследования / В.С. Балакин // Серия «Социально-гуманитарные науки», выпуск 10. Вестник ЮУрГУ. – № 6. – 2008. – С. 7–10.
3. Задонская, Е.В. Быль XIX столетия. В 4 т. / Е.В. Задонская. – Х., 1907. – Т. 1. – 405 с.
4. Зборовец, И.В. Александра Монтевит в Харьковском институте благородных девиц: монография / И.В. Зборовец. – Харьков: «Форт», 2015. – 140 с.
5. Письма Г.Ф. Квитки к А.А. Краевскому // Киевская старина. – 1893. – № 11–12. – С. 213–222, 376–384.
6. Репина, Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
7. Центральний державний історичний архів України в м. Києві (далі – ЦДАК). – Ф. 2027. Оп.1. Д. 2157.
8. ЦДАК. – Ф. 2027. Оп. 1. Д. 2158.
9. ЦДАК. – Ф. 2027. Оп. 1. Д. 2159.

Ермалёнак В.А. НАТАТНІК 1900 ГОДА ЯФРЭЙТАРА ІЗЫДОРА КУЗНЯЦОВА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

У 2013 годзе ад жыхара горада Мёры В. Канюшэўскага намі была набыта для гістарычнага музея СШ № 3 г. Мёры запісная кніжка канца XIX – пачатку XX стагоддзя [1].

Нататнік быў знойдзены выпадкова на гарышчы хаты, папярэдні гаспадар хаты невядомы. У нататніку знаходзіўся пашпарт 1917 года на імя друйскага мешчаніна Паўла Міхайлава, а таксама разліковая квітанцыя Дзяржаўнага зямельнага банку 1894 года, таксама на прозвішча Міхайлава.

Памеры запіснай кніжкі 11 см у шырыню і 18 см у даўжыню. Вывучэнне зместу кніжкі паказала, што яна складаецца з запісаў розных аўтараў і розных часоў, але падшытых у адзін асобнік. Усе запісы выкананы на рускай мове да рэформы 1918 года. Падшыты ўсе старонкі ільнянымі ніткамі. Напачатку ў кніжцы змешчана “Поминание», з якога мы даведваемся, што яно належыць друйскаму мешчаніну Мікіце Паўлавічу Міхайлаву, які пражывае ў засценку Ляндэрня Нова-Пагосцкай воласці, а запісаны ўпамінкі спеваком з вёскі Моцеўкі Пятром Рыгоравічам Бабічам. Пазначана і дата заканчэння запісаў – 19 студзеня 1945 года. На першай старонцы змешчаны малюнак лестаўкі і апісанне яе вырабу, а таксама узор малітвы на ёй. Усяго змешчана ва ўпамінках 125 імёнаў памерлых мужчын, жанчын, падлеткаў і дзяцей.

Для даследчыка найбольш цікавымі з’яўляюцца запісы, якія пачынаюцца далей, ужо на іншай паперы. У адрозненне ад папярэдніх яны выкананы іншым почыркам, другім чарнілам. Лісты гэтых мемуараў пранумараваны, усяго 130 старонак. Дзякуючы запісу, на 106 старонцы мы даведваемся, што іх аўтар яфрэйтар 21-га Усходне-Сібірскага палка Ізидор Іванавіч Кузняцоў з вёскі Стары Пагост, якая размешчана за 20 кіламетраў на поўдзень ад Мёраў. Аўтар прыняў удзел у так званым “кітайскім паходзе” рускай арміі, які быў накіраваны на падаўленне паўстання іхэтуаней ў Кітаі.

Аб паўстанні іхэтуаняў напісана зусім мала ўспамінаў [2]. Знойдзены намі дзённік сапраўды ўнікальны, бо яго напісаў звычайны салдат. Пачынаюцца ўспаміны запісамі найбольш папулярных у тыя часы лірычных песняў на рускай мове. Усе вытрымкі з нататніка прыведзены намі з захаваннем арфаграфіі аўтара запісаў. Першы запіс у дзённіку – верш-песня знакамітага руска-

га паэта Аляксея Кальцова (1809–1842) “Давайте бокалы! Давайте вина. Радость-мгновение, пейте до дна!”. Далей змешчаны тэкст рускай народнай песні, якая была запісана яшчэ ў 1780 годзе і праз сто год не страціла сваёй папулярнасці:

Волга-реченька глубока,
Прихожу к тебе с тоской:
Мой сердечный друг далече
Ты беги к нему волной.

Як мы бачым, у запісу песні напісана слова не “далеко”, а “далече”, што пацвярджае, што аўтарам запісаў быў старавер.

Ёсць у нататніку і запіс верша маладога тады паэта Георгія Чулкова (1878–1939 гг.): “Слушай радость, одно слово, где ты, светик мой, живёшь..”. Адрозніе гэты верш стаў народнай песняй-частушкай, якая стала папулярнай, асабліва паміж салдат.

Таксама ў запіснай кніжцы змешчаны верш Аляксея Кальцова “К милой”. Асабліва цікавым даследчыкам будзе верш “Тебя, душа моя милая”, аналагаў падобнага намі не знойдзена.

Найбольш унікальнымі з’яўляюцца змешчаныя ў запіснай кніжцы вершы з тэатра ваенных дзеянняў у Маньчжуріі. Аўтарства іх невядомае, яны часта не маюць рыфмы. Многія з іх перасказаны з твораў мінулых стагоддзяў. Напрыклад: «Собираемся ребята, во единый, во кружок, вспомним, братцы мы ребята, девятисотый годок. Вдруг привозят нам приказ - назначают в поход нас. Полк Амурский пополняют, Благовещенск охраняют».

Цікава, што ў вершах і песнях прасочваецца ўвесь перыяд паўстання іхэтуаняў у Кітаі. Так, спачатку даецца апісанне адступлення нешматлікага рускага войска: “..ну, нажгли тут нам пятки проклятые дьяволы. Мы бежали без оглядки, чуть не лопнули глаза..”.

З вершаў мы даведваемся і аб жорсткасці кітайскіх паўстанцаў, аб якіх салдаты ведалі добра: “Если, братцы, по случаю видишь, окружают вдруг тебя. Вынь скорей из ножен шашку, режь по брюху сам себе. Лучше смерть, чем живому в плен к китайцем попадать... Шкуру шубой с тебя снимут, с рук ногти оборвут, члены все потом отнимут, голову на шест воткнут”.

У гэтых вершаваных пераказах называюцца канкрэтныя героі тых баёў з кітайцамі: “Командир наш пятой сотни Разунов был молодец. Да здесь на вылазке в несчастьи поразил его свинец...”. Або яшчэ: “Командир четвёртой сотни хотел пушку отобрать. А китаец уж за время начал ящик зажигать. Вдруг снаряды разорвались, наш герой упал с коня. Его душу всяк помянет вечну память говоря...”. Далей у вершах паступова прасочваюцца пераможныя матывы: “Дай мы китайцев не считали, поразбили мы их тут. Пусть кто хочет их считает. А нам самим не до них. Своих раненых собрали, на носилках понесли”.

Непасрэдна мемуары пра падарожжа на Далёкі Усход на вайну з кітайцамі пачынаюцца толькі з 29 старонкі. Яфрэйтар Ізидор Кузняцоў пачынае падрабязна апісваць свае ўражанні ад самага пачатку з 1 жніўня 1900 года, калі па ўказу Яго імператарскай вялікасці ў Коўна (зараз Каўнас), дзе служыў наш зямляк, прыйшоў загад, каб ад кожнай пяхотнай дывізіі прызначылі па адной роце ваеннага складу для адпраўкі на Далёкі Усход на тэатр ваенных дзеянняў. Іздора Кузняцова вызначаюць у ліку лепшых салдат і афіцэраў 28 пяхотнай дывізіі (усяго 235 чалавек) для адпраўкі на падаўленне паўстання іхэтуаняў у Кітаі. Усяго было адабрана тры афіцэры, 20 унтэр-афіцэраў, 20 яфрэйтараў і 192 радавых. Аўтар запісак пачынае свой апавед з падзей ў горадзе Коўна, дзе адбыліся ўрачыстыя провады вайскоўцаў. Усе чатыры палкі 28 дывізіі былі пастроены ў выглядзе квадрата. У цэнтры зводная рота, падрыхтаваная для адпраўкі. Палкавы бацюшка Ізмайлаў адслужыў разам з выдатным хорам пеўчых малебен за добрую дарогу. Святар благаславіў спачатку афіцэраў, а потым і радавых, якія адпраўляліся на Далёкі Усход. Падчас благаслаўлення кожны атрымліваў срэбраны нацельны крыжык і цалаваў палкавы сцяг. Перад войскам выступіў з краўчай прамовай камандзір корпуса генерал-лейтэнант Чайкоўскі. Ён заклікаў абараняць Гасудара Айчыны, радзіму, праваслаўную веру. Ваяваць так, як хадзілі ў бой з ворагам дзяды і бацькі. Прамова генерала выклікала ва ўсіх на вачах слёзы. У канцы ён прамовіў: “Прысягайце сцягу, служыць верай і праўдай, каб мелі гонар атрымаць ад Гасудара яшчэ адзін такі сцяг”.

Пасля прамовы камандзір палка палкоўнік Самсонаў загадаў ротнаму камандзіру весці роту ў памяшканне Афіцэрскага сходу. Пад музыку палкавага аркестра рота была праведзена з пляца ў сад, дзе былі накрыты сталы з напоямі і пачастункамі. У наступныя дні праходзіла падрыхтоўка да паходу: збіраўся рыштунак і амуніцыя. 12 жніўня, як апісвае аўтар мемуараў, адбылося чарговае паstraенне, на якое прыехаў камандзір дывізіі генерал-лейтэнант Кіслінскі.

Ён павіншаваў салдат з будучым паходам і, узяўшы абраз святога Іллі, благаславіў ім ротнага камандзіра. Затым да салдат звярнуўся з прамовай, што гэты абраз ужо быў на вайне і ратаваў жыццё салдатам. 13 жніўня быў атрыманы загад рухацца на чыгуначны вакзал. Па дарозе ў Петрапаўлаўскім саборы адбыўся малебен на дарогу, які адслужыў Ковенскі епіскап Міхаіл. Напрыканцы ён паблагаславіў усіх салдат і падараваў кожнаму па сярэбранаму крыжыку і маленькай іконцы. Да вакзала салдат праводзіла ковенскае грамадства з музыкай і вітальнымі крыкамі “ўра”. Перад вагонамі вітаў адпраўку салдат і сам ковенскі губернатар. Для кожнага салдата асабіста ад губернатара быў падрыхтаваны пачастунак па бутэльцы піва і паўбутэлькі гарэлкі, булка і 10 цыгарэт. Увесь час іграла музыка. У пяць гадзін вечара пад крыкі “ўра” і ваенную музыку цягнік з салдатамі адправіўся з вакзала. Аўтар запісак занатаваў, што ў гэтыя хвіліны “невольна покатыліся гарачыя слёзы по белому солдатскому лицу. И жалко было расстаться со своей родной стороной и со своими товарищами, с которыми жили как с родными братьями”.

Далей Кузняцоў апісвае ўвесь шлях на Далёкі Усход. У 12 ночы прыбыў цягнік у Вільню, як піша Ізыдор, быццам дадому, зусім родны для яго горад, бо тады Дзісенскі ўезд уваходзіў у Віленскую губернію. У Вільні па загадзе воінскага начальніка ўсіх салдат разбудзілі і выдалі ізноў па бутэльцы піва і паўбутэлькі гарэлкі і булку з мясам. Тут салдаты сталі спяваць і танчыць так, што атрымалі яшчэ па чарцы гарэлкі. Наступны прыпынак быў у Баранавічах, дзе салдатам выдалі абед, і ад воінскага начальніка ў падарунак па два фунты цукру. Як піша ў нататніку Кузняцоў, салдаты ад выпітай гарэлкі пачалі сябе дрэнна паводзіць і таму атрымалі вымову ад капітана Някрасава.

15 жніўня эшалон прыбыў у горад Роўна, дзе салдат пакармілі абедам і адпусцілі на некалькі гадзін гуляць па горадзе. У Кузняцова ад выгляду горада былі дваякія ўражанні. З аднаго боку, горад прыгожы, але ў той жа час вуліцы вузкія і брудныя. Уразіў горад і нізкімі цэнамі на садавіну і гародніну. Наступны абед для салдат быў толькі на станцыі Казацін, дзе, як піша наш зямляк, ім выдалі перасоленую кашу. У дарозе было весела, салдаты спявалі, іграў гармонік, а хто меў грошы, то набываў і гарэлку.

Чарговы абед без кашы і без порцый быў у горадзе Берзул, пасля якога эшалон прыбыў у Адэсу. Тут салдат размясцілі ў турэцкіх казармах 16 стралковага палка. Ізноў аўтар запісак заўважае, што з аднаго боку, казармы зручныя, ёсць вадаправод, а з другога, унутры непрыгожая абстаноўка, таму, як піша Кузняцоў “нашы цесляры пабудавалі б лепш”. У Адэсе салдаты знаходзіліся з 18 жніўня па 5 верасня. Нашага зямляка ўразіла прыгажосць горада, яго шырокія і прамыя вуліцы і тратуары. Захапляецца наш аўтар дзённіка і прыгожымі акацыямі, якімі абсаджаны вуліцы і двары, і якія ствараюць так патрэбную ў гэтым спякотным паўднёвым горадзе прахалоду. Асабліва ўразілі сваёй прыгажосцю вуліцы Дзерыбасаўская, Екацярынінская, Праэбражэнская, Набярэжная не толькі сваімі разнастайнымі крамамі, але і тым, што асвятляліся электрычнасцю, а не газавымі ліхатарамі. Як піша Кузняцоў, прыгажосць гэтага горада будзе памятаць да апошніх дзён свайго жыцця.

Толькі 5-га верасня ў 12 гадзін дня салдаты, якія накіроўваліся на Далёкі Усход, пачалі паўсадку на англійскі параход, які аўтар нататак называе “Цыгман”. На караблі быў адслужаны малебен на шчаслівае падарожжа манахам з афонскага манастыра. Толькі ў 5 гадзін вечара параход зняўся з якара і адправіўся ў доўгі шлях. На беразе шматлікі натоўп крычаў “ура”, і людзі падымалі рукі ўгору, просячы ў Госпада добрай дарогі. Салдаты крычалі ў адказ зычнае “ўра”. Важна адзначыць, што старавер, якім быў Кузняцоў, не атаясамлівае сябе з рускімі. У сваім дзённіку ён запісаў, што іх крык з палубы ляцеў да роднай стараны і Расейскай зямлі. Большасцьплылі па моры ўпершыню, і таму з трывогай ўзносілі малітвы Стварыцелю аб выратаванні ад небяспекі. Падчас плавання па Чорным моры ніякіх цікавых уражанняў не было, акрамя некалькіх убачаных вялікіх рыб. На наступны дзень 6 верасня ўсе захварэлі марской хваробай і не выходзілі на палубу любавання марскімі прасторамі. 7 верасня мора супакоілася, і ў салдат на параходзе хвароба стала праходзіць. З захапленнем апавядае наш зямляк аб краявідах, якія адкрыліся перад імі, калі параход увайшоў у бухту Залаты Рог. Уразіла панарама сталіцы Турцыі Канстанцінопаля, так называе яе аўтар, а не Стамбулам. Кузняцоў заўважае і змяненне колеру вады на зялёны пры ўваходзе ў Міжземнае мора. Са здзіўленнем салдаты назіралі за дэльфінамі і марскімі свінкамі. Зацікавіла аўтара дзённіка і вада, якая была непадалёку ад вусця ракі Ніл, якая тут была афарбавана ў жоўты колер. Праплылі яны ад берага Егіпта, як піша наш салдат, усяго ў трох ярстах.

Чарговы прыпынак быў ў Порт-Саідзе, які знаходзіцца ў пачатку Суэцкага канала. Тут іх віталі з французскага парахода з крыкамі: “Русь”. Французскія салдаты таксама накіроўваліся на тэатр ваенных дзеянняў у Кітай. Александрыя па апісанні нашага земляка – гэта горад егіпцяў і турак, горад маляўнічы, дамы ўсе каменныя. Падрабязна апісвае Кузняцоў адрозненні ў вопратцы арабаў і турак. Здзіўляюць нашага земляка і натоўпы людзей, якімі запоўнены вуліцы, вялікая колькасць крамаў і асабліва купцоў, якія зазваюць да сябе купіць тавар. Бачыў Кузняцоў шмат папрашаек, які крычалі: “Рус карош, дай дзяньгу!”. Параўноўвае салдат і цэны, аб якіх занатоўвае ў сваім нататніку. Напрыклад, тая рэч, што ў Расіі каштуе 50 капеек, тут яна ў пяць разоў больш танная. Хлопчыкі-арабы ўсе чорнаскурыя, блішчаць на твары толькі зубы. Жанчын на вуліцах амаль нябачна, а ў тых, якія з’яўляюцца, твары закрытыя пакрывалам. Як апісвае Ізыдор Кузняцоў, былі ўзаемныя візіты французаў і рускіх салдат і афіцэраў. Французскі параход адплываў першым, і развітанне было таксама сяброўскім.

Далей аўтар дзённіка змяшчае апісанне плавання па Суэцкім канале, нават указвае яго шырыню ў 40 сажняў. Наш зямляк уважліва прыглядаецца да берагоў Аравійскага паўвострава, дзе няма ніякай расліннасці, а толькі зрэдку можна ўбачыць караваны вярблюдаў. Дзякуючы ліхтарам, па берагах канала наш аўтар разглядаў пры іх свеце сустрэчныя караблі, якія трапляліся на іх шляху па Суэцкім канале. Мінуючы горад Суэц, параход увайшоў у Чырвонае мора. Тут ўсе пачалі адчуваць страшную спёку, якая дасягала 35 градусаў у цені. Ад гарачыні пачала балець галава ў салдат, каб хоць крыху аблегчыць свой стан абліваліся з кранаў на палубе вадою. 14 верасня спякота пачынае яшчэ больш узмацняцца, салдатам для падмацавання сіл сталі даваць ром. Чым бліжэй карабель плыў на поўдзень, тым больш дакучала рускім салдатам спёка, якая пачала даходзіць да 48 градусаў у цені, а пазней нават да 56 і вышэй. Вайскоўцы пакутавалі ад каросты, падобнай на воспу, пачаліся абапрэласці скуры. Каб пазбегнуць далейшага пагаршэння стану, салдатам дазволілі, як піша Ізыдор, распрануцца да “касцюма Адама”. Ветрык, якога так чакалі, калі і павеяў, то не толькі не ахалоджваў, але як быццам усе траплялі ад яго ў распаленную печ. Вада ў брызэнце ад сонца рабілася нібы кіпень.

19 верасня, мінуючы горад Адэн, параход з рускімі салдатамі трапляе ў Індыйскія акіяны. Падчас плавання па акіяне нашага земляка асабліва ўразілі вулканы, якія дыміліся ўдалечыні. Здзівілі яго і індыйскія рыбакі, якія на трох звязаных бярвеннях заплывалі далёка ў акіяны для лоўлі рыбы. Падрабязна апісана Кузняцовым сталіца вострава Цэйлон – Каломба, дзе рускія салдаты сышлі на бераг, каб адпачыць пасля доўгага марскога шляху, а таксама для загрузкі вугалем, які служыў палівам для парахода. Першае, што ўразіла на востраве нашага земляка – водар паветра ад лімонавых і апельсінавых дрэваў. Здзіўляла, што можна было самому зрываць без дазволу і ласаватца экзатычнай садавінай. Цікава яму было бачыць і людзей, запрэжаных у павозкі з двума коламі, якія маглі за невялікую плату везці куды патрэбна. Салдат Кузняцоў і тут дакладна апавядае аб жыхарах вострава, іх вопратцы і харчаванні. 4 верасня параход, загрузіўшыся вугалем, пакінуў востраў. А 25–26 верасня параход трапіў у марскую буру, якую шчасліва пераадолеў. 30 верасня напярэдадні свята Пакрова Прасвятой Багародзіцы на караблі быў адслужаны начны малебен. Захапіла рускіх салдат і прырода вострава Суматра сваім багаццем і маляўнічасцю навакольнай прыроды.

Наступны порт, куды трапіў параход і які ішоў курсам на Далёкі Усход, быў горад Сінгапур. Тут ізноў здзівілі нашага земляка танныя цэны на птушак і жывёлу. Таму для весялосці салдаты купілі 50 малпаў па 20 кап. За адну жывёліну і 20 папугаяў па 10 кап за птушку.

Трэцяга кастрычніка параход увайшоў ва Ўсходне-Кітайскае мора. На палубах пачалося баявое дзяжурства, бо асцерагаліся нападу кітайцаў. Пятага кастрычніка карабель трапіў у чарговы шторм, хвалі перакідваліся праз палубу і здавалася, што параход вось-вось патоне. Спякота і галавакружэнне, качка парахода так змучалі салдат, што ўсе ляжалі як мёртвыя.

Толькі дзвятага кастрычніка бура сціхла і параход увайшоў у Карэйскі заліў, дзе спыніўся ў горадзе Кайтэне. Тут Ізыдор Кузняцоў апісвае знешні выгляд будучых ворагаў – кітайцаў, іх дамы, вуліцы горада. 10 кастрычніка карабель увайшоў у Карэйскі заліў, спякота скончылася, і далей шлях палягчэў, стала нават сцюдзёна, салдаты выходзілі на палубу ў шынях. Марскі шлях закончыўся ва Уладзівастоку 18 кастрычніка. 20 кастрычніка салдаты ўжо паехалі чыгункай да горада Нікольск-Усурыйскі, дзе іх пасялілі ў казармах 3-га Усходне-Сібірскага палка. Запіскі Кузняцова заканчваюцца якраз 3 снежня, калі рускае войска адправілася на барацьбу з кітайскімі паўстанцамі.

Са старонкі 104-й у нататніку ізноў змяшчаюцца песні. З іх першая, найбольш папулярная: “Ну, ребята, марш домой. Вольно в рассыпную. Службу кончили и пой – грянем удалую”. Няма аналагаў варыянтаў песень, якія мы знайшлі ў запісах Кузняцова: “Ни отец, ни мать родная..”, “Вечер поздно из лесочка, я коров домой гнала”, “Тихо стало за морями, водворилась тишина..”. Змешчаны і тэкст папулярнай лірычнай песні кампазітара Аляксандра Варламава (1801–1848) “Ненаглядный ты мой, как люблю я тебя”. Запісана і самая вядомая ў рускіх салдат казка “Салдат у пекле”, але новы яе варыянт.

З распіскі, змешчанай у нататніку, мы даведваемся, што наш зямляк быў звольнены ў запас 14 красавіка 1902 года, пра што паведамляе аб прыняцці яго на працу прыказчыкам ў лаўку Пятра Кузняцова ў г. Благавешчанску. Калі Ізыдор вярнуўся на радзіму, як склаўся яго далейшы лёс, з запіснай кніжкі мы не даведваемся. Зразумела, што ён жывым вярнуўся на радзіму. Такім чынам, вывучэнне запісаў Ізыдора Кузняцова дазваляе яскрава зразумець светаўспрыманне рускага салдата на пераломе XIX – XX стагоддзяў.

1. Запісная кніжка яфрэйтара І. Кузняцова // Гістарычны музей СШ №3 г. Міёры. – Рукапісны фонд. – № 145.
2. Янчевецкий, Д. Г. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента “Нового Края” на театре военных действий в Китае 1900 года / Д. Г. Янчевецкий. – СПб., 1903. – 618 с.

Барановский А.В.

ФОТОАЛЬБОМЫ СВЯЦКИХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АГРОГОРОДКА ПЛАМЯ СЕННЕНСКОГО РАЙОНА

В современной историографии к визуальному документу, и прежде всего фотографии, стали относиться как к источнику. Для фотографии характерен высокий уровень наглядности и достоверности запечатлённой информации. Чаще всего в центре внимания фотографа оказывается человек. По фотографиям мы часто можем определить половозрастную, религиозную, этническую, политическую принадлежность людей. Огромную роль при анализе фотографий играет предметный мир, окружающий сфотографированных. Очень важно качество и степень сохранности фотоматериала, с которым работает исследователь. Большая удача если фотография подписана и датирована, что позволяет чётко локализовать место и хронологический отрезок.

В последнее время благодаря развитию Интернета и тиражированию фотографий появилась возможность получать новые источники по истории того или иного населённого пункта. В нашем распоряжении оказались три фотоальбома последних владельцев имения Белица – Свяцких. Данные фотоальбомы были размещены на сайте Национальной электронной библиотеки Польши (<https://polona.pl>). В них содержатся достаточно редкие снимки, благодаря которым можно представить повседневную жизнь имения.

Агрогородок Пламя является центром Белицкого сельсовета Сенненского района Витебской области. В середине XIX века это было имение Белица, которое после Октябрьской революции переименовали в Пламя. Последними владельцами Белицы был род Свяцких. Иосиф Михайлович Свяцкий приобрёл Белицу 23 ноября 1856 года [1.2, л. 11]. Он был маршалком Сенненского уезда. Его жена была с роду Ваньковичей. У Иосифа было двое детей – Карл и Мария. Про Марию Свяцкую сведений почти не сохранилось. Известно только, что она в 1909 году была членом общества польского просвещения и благотворительности. Скорее всего, что после 1909 года Мария вышла замуж и уехала из Белицы [1.1, с. 12].

27 января 1891 года, Белица по наследству перешла к Карлу Свяцкому [1.2, с. 11]. Он владел имением до 1918 года. 18 июля 1894 года Карл Свяцкий женился на Марии Донимирской [1.11, с. 5]. Мария была родом из прусской провинции – Померании. У Карла и Марии родился сын Станислав, который был крещен 7 мая 1895 года в Сенненском костеле [1.4, л. 6].

Три фотоальбома запечатлели разные моменты из жизни Карла Свяцкого и его семьи. Следует отметить, что благодаря данным фотографиям мы узнали, как выглядели сами владельцы имения – Свяцкие. В середине XIX века в Белице они закончили строительство кирпичного усадебного дома в стиле позднего классицизма. После он был частично перестроен и увеличен. В фотоальбомах содержится 8 фотографий внешнего вида усадебного дома, а также 7 фотографий интерьера [1.7-1.8], благодаря которым мы можем увидеть, как выглядел дом ранее (точной датировки фотографий нет, но все они были сделаны до 1914 года). Усадебный дом был

построен с тесаного камня. Основное здание одноэтажное. Только средняя часть имела еще один этаж и выступала за основную линию фасада. Она имела на первом этаже пристенный портик с главным входом и двумя окнами, которые по бокам были украшены тосканскими полуколоннами. Верхний этаж имел три, позже два окна впереди и по одному в боковых стенах. Второй этаж был отделен от первого карнизом, который выступал, а замыкал этаж треугольный щит с гербовым картушем владельцев.

Фасад со стороны сада был сформирован как и главный. Только его средняя часть выступала за основную линию фасада и получила вид двухэтажного полукруга. Окна имели прямоугольную форму. Усадебный дом был накрыт не очень высокой, гладкой двухскатной жестяной крышей. В 1907–1911 годах к левому крылу Карл Свяцкий достроил двухэтажную восьмиугольную башню, которая была связана с корпусом дома при помощи перехода. В одном из фотоальбомов есть фотография усадебного дома еще до строительства башни. Весь ее первый этаж был облицован грубо отесанным камнем. Кроме того, данную часть здания обогатили портиком с двумя небольшими колоннами и высокой лестницей, которая поддерживала его и вела прямо в сад. Башня – работа познаньского архитектора Владислава Мечковского. В ней размещалась на первом этаже прачечная, ванная комната, на втором этаже мастерская Станислава Свяцкого [1.6, с. 283–285]. В двухэтажной средней части усадебного дома разместился холл, за ним гостиная с камином, который был украшен мрамором. С правого бока прихожий был вход в столовую, налево – в комнату хозяйки дома.

Благодаря фотоальбомам владельцев имения до нас дошли 2 фотографии комнаты Марии Свяцкой [1.8]. Она была оформлена в стиле эклектика. Паркетный пол был уложен геометрическими узорами. Его украшали пышные ковры в восточном стиле и шкура медведя. Черты определённой элегантности предавал камин, низ его был выложен изразцами, на которых имелось изображение растительного орнамента. Верх камина был выложен мрамором. На камине сверху стояли фотографии, раковинки, а также маленькие скульптурные композиции. В комнате находилась высокая печь с гладкой белой плиткой, в центре её композиции был барочный картуш с изображением пастуха. На полу стояли стулья и кресла, сделанные в классическом стиле. В комнате находилось две столешницы: одна – в классическом стиле, другая в оригинальном стиле модерн. Был здесь и письменный стол, на нем стояли подсвечники и газовая лампа со стеклянном абажуром. В комнате хозяйки было очень много цветов. Они стояли на оригинальных подставках разного уровня. На сценах висели картины, выполненные в стиле Biedermeir [1.1, с. 18–19].

Со стороны сада был нижний овальный зал. Благодаря фотографиям удалось установить, что к нему была пристроена деревянная веранда [1.7]. Овальный зал использовали как зал для балов, а летом здесь спали гости, что приезжали в Белицу. Стены комнаты были поделены вертикальными рейками из красного дерева и покрыты шпалерами желтого или розового цвета в стиле рококо. Геометрическими узорами был выложен паркетный пол. На нем лежала большая шкура медведя. В комнате находилась высокая печь, которая была облицована гладким белым кафелем. Сверху имелось завершение, на котором – изображение двух ангелов по бокам, а в центре – картуш в форме щита. Двери, которые вели в комнату, были сделаны из красного дерева. Портьеры над дверями тяжёлые, возможно из плюша, они имели узор. На стенах висели две высокие люстры времен Людовика XVI, рядом звонок и бра в виде газовой лампы. Благодаря фотографиям, мы видим, что гарнитур столовой мебели был сделан в стиле модерн. Он был представлен креслами и столом, который был накрыт тканью с узором. На столе стояла ваза художественной работы из бронзы [1.1, с. 20–21].

Парк при усадьбе был разбит в первой половине XIX века владельцами имения – Свяцкими. В фотоальбомах сохранилось 7 фотографий Белицкого парка [1.7–1.9]. Следует отметить, что Федорук относит данный парк к типу регулярного (французского) парка периода эклектики [1.5, с. 87]. В книги польского исследователя Романа Автанази сохранилось небольшое описание парка, которое больше соответствует пейзажному (английскому) [1.6, с. 284]. Мы считаем, что это пейзажный парк переходного типа. К такому выводу подталкивают следующие факты: во-первых, планировка, которая сохранилась, наиболее вероятнее создана в соответствии с регулярным (французским) стилем, во-вторых, время создания, так как в первой половине XIX века в Европе было модно разбивать парки данного типа.

Парк окружал дом со всех сторон. Передняя его часть было похожа на регулярный парк и имело симметрично-осевое решение. Композиционным центром парка являлся усадебный дом,

возведенный на невысокой, искусственно оформленной террасе. В парк вела въездная аллея, высаженная на древнепольский узор. От подъезда и противоположной стороны тянулись стриженные газоны без деревьев с разбитыми на них клумбами роз и других цветов, которые менялись в соответствии с сезонам. В фотоальбомах Свяцких сохранились две фотографии клумб возле дома. Основу древостоя парка составляли дубы, липы, каштаны, ели и березы. В парке строились гrotы и беседки.

Не один парк не обходился без водоема. Он был создан около усадьбы и запечатлен на фотографиях владельцев. Водоем украшали различные лавочки и мостики. Древесные группы по берегам водоема обогащали пейзажно-прогулочные маршруты. Пруд также имел и хозяйственное значение. В нем, возможно, выращивали рыбу [1.1, с. 22–24].

Огромный доход Свяцким приносило занятие сельским хозяйством, а также производство, которое было организовано в Белице. Сохранилось 2 панорамных снимка хозяйственных построек [1.8]. Усадьба Свяцких, кроме самого дома владельцев, включала коровник, склад, спиртзавод и спиртохранилище. Они имели сельскохозяйственное назначение и были построены из красного кирпича.

Карл Свяцкий по собственной инициативе и за собственные средства посещал Данию, Швецию, Германию, Польшу, где изучал прогрессивные методы ведения сельского хозяйства. После этого он опубликовал свои впечатления и соображения в виде небольшой брошюры, которую издал в 1908 году в Минске [1.3]. Следует отметить, что один из фотоальбомов практически полностью посвящён данным поездкам [1.8]. Мы считаем необходимым переиздать двадцати семи страничный труд Свяцкого с использованием данных фотографий.

На основании четырех фотографий из альбома владельцев Белице, можно сложить целостное представление о внешнем и внутреннем виде коровника [1.7]. Он был построен из темно-красного кирпича г-образной формы. Здание имело высокую крышу. Средняя часть здания использовалась для содержания племенного скота. На основании имеющихся фотографий, можно судить о высоком уровне организации содержания скота. Возле каждой коровы вверху, на стене, висела табличка, на которой был указан номер коровы, ее кличка и сколько она дает молока. Корм для скота возился на тачке, которая ехала по рельсам, а рабочие коровника носили белые фартуки.

Двухэтажная часть здания, в которой находилась сыроварня, примыкала к коровнику. Она имела большие прямоугольные оконные проемы с наличниками. Производство здесь было организовано с учетом всех современных санитарно-эпидемиологических норм и на новейшем оборудовании. Произведенный сыр и масло упаковывали в деревянные ящики с названием продукта «DOBRA BIELICA, K. ŚWIACKIEGO» и продавали по всей Российской империи [1.1, с. 25]. Особым источником дохода Свяцких были средства, которые они получали от корчмы, где продавали алкогольные напитки, что производились на спиртзаводе. Он был построен около корчмы в 1890 году из крупного тесаного камня. Формы дверных проемов и окон варьируются от лучевых до клинчатых и стрелчатых. Проемы и этажи здания были поделены декоративными выступами с кирпича, окрашенные в белый цвет. Фронтон имел ступенчатое окончание в виде трезубца. На спиртзаводе работало 10 человек. Здесь варили пиво и производили водку («горелку»).

Белица при Свяцких была центром западной культуры и польского языка. Каждое лето здесь отдыхало много людей, среди них были студенты, писатели, художники, а также родственники и друзья хозяев. Для них устраивались балы и спортивные игры, проводились литературно-музыкальные вечера. На фотографиях запечатлены различные встречи, танцы и театральные постановки [1.7–1.9].

Жена Карла, Мария стала основательницей тайного просвещения в Сенненском уезде. В Белице была открыта одна из пяти тайных польских школ. В ней обучалось тридцать детей из приюта для сирот, основанного Марией. Школа была организована под видом мастерской, которая изготавливала пуговицы. В фотоальбомах сохранилось несколько фотографий школы и сиротского приюта, что располагался при парке. В зале приюта перед алтарем происходили совместные молитвы, детские представления которые режиссировала сама Свяцкая. Зимой в зале приюта проводились курсы для неграмотных взрослых, а в воскресенье – чтение известных произведений польских поэтов.

После Октябрьской революции в Белице царил безвластие. Много городов и местечек, в том числе и Белица, были оккупированы немцами, так как продолжалась Первая мировая война. После отступления немецких войск в конце 1918 года в Белице появился отряд польских легионеров, около полусотни человек. Свяцкие погрузили на подводы значительную часть сво-

его имущества и отбыли в Польшу [1.1, с. 29]. Скорее всего, они переехали в город Хелмжа Кувяско-Поморского воеводства, ведь именно здесь 6 мая 1929 года умер Карл Свяцкий [1.10, с. 13–14]. Как сложилась дальнейшая жизнь Станислава Свяцкого неизвестно.

Не все фотографии из альбомов Свяцких посвящены Белице, в них можно встретить снимки Старой Белицы, Вейно, Маргойцы (деревни Сенненского района) [1.9]. Род Свяцких был одним из богатых на белорусских землях в тот период. Свяцкие построили усадебный дом в Крупках (сегодня это Минская область, а тогда Сенненский уезд) и организовали там производство спичечной соломы, которая шла на экспорт в США. В фотоальбомах сохранилось несколько фотографий Крупок и местечка Бобр [1.7–1.9].

Таким образом, фотоальбомы последних владельцев имения Белица являются уникальным источником по истории агрогородка Пламя. Благодаря данным снимкам можно увидеть повседневную жизнь имения в начале XX века. Теперь мы знаем, как выглядели сами владельцы – Свяцкие. Большой интерес для исследователей представляют фотографии усадебно-паркового комплекса, построенного Свяцкими во второй половине XIX века. Сегодня усадебный дом почти полностью разрушен, поэтому хочется верить, что данные снимки помогут когда-либо воссоздать его первоначальный вид.

1. Бараноўскі, А.В. Польша (Беліца): гісторыя маёнтка і вёскі / А.В. Бараноўскі. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2015. – 40 с.
2. Зональный государственный архив в г. Орше. – Ф. 197. Оп. 1. Д. 208.
3. Поездка в Данию и Швецию / описал К.И. Свяцкий. – Минск, 1908. – 27 с.
4. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1343. Оп. 36. Д. 1753.
5. Федорук, А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии / А. Т. Федорук. – Минск : Ураджай, 1989. – 246 с.
6. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Т. 1. – Warszawa, 1986. – 340 s.
7. Album zdjęć rodziny Świackichz Bielicy / Biblioteka Narodowa [Электронный ресурс] – 2016. Режим доступа: <https://polona.pl/item/3301744/0>. – Дата доступа: 08.11.2016.
8. Album zdjęć rodziny Świackichz Bielicy / Biblioteka Narodowa [Электронный ресурс] – 2016. Режим доступа: <https://polona.pl/item/3312726/0>. – Дата доступа: 08.11.2016.
9. Album zdjęć rodziny Świackichz Bielicy / Biblioteka Narodowa [Электронный ресурс] – 2016. Режим доступа: <https://polona.pl/item/3280422/0>. – Дата доступа: 08.11.2016.
10. Karl Świacki // SłowoPomorskie. – 1929. – 9 maja – Str. 13 – 14.
11. W kościele parafialnym w Popowie Toruńskim // Dziennik Poznański. – 1894. – 19 lipiec – Str. 5.

Давидовская О.Н.

«ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ИВАНОВО»: К ИСТОРИИ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

В коллекции Витебского областного краеведческого музея (далее – ВОКМ) хранится немало фотографий, обладающих большой информативностью и являющихся редкими и уникальными. Одна из них – фотография начала XX века с изображением церкви в селе Иваново Невельского уезда Витебской губернии. На первый взгляд этот снимок ничем не примечателен: крупным планом запечатлен православный храм. Обращает внимание лишь необычная форма фотографии – часть ее обрезана, по левому краю имеется полуовальный вырез [1]. Изучение учетных документов музея помогло установить историю поступления этого предмета в фонды, а дальнейшее исследование позволило узнать более подробную информацию о храме, а также о людях и событиях, связанных с ним.

В книге поступлений основного фонда ВОКМ указано, что этот снимок обнаружен в здании телеграфа в 1944 году [2]. В годы немецко-фашистской оккупации и после освобождения Витебска телеграф размещался в здании бывшей городской ратуши – там же, где и музей. Значит, фотографию в числе других музейных предметов не успели эвакуировать перед войной, и в течение всего периода оккупации она находилась в ратуше. Дальнейший поиск по довоенным описям позволил установить, что снимок с надписью «Церковь в селе Иваново» в 1924 году поступил в Витебское отделение Белорусского государственного музея (так в то время именовался краеведческий музей) [3]. В описи музейных экспонатов по отделу государственно-общественного быта, составленной в конце 1920-х гг., указано, что фотография «Церковь в селе Иваново» находилась в коллекции витебского историка Алексея Сапунова (1851–1924) и использовалась им в качестве наглядного пособия при чтении курса «Белорусских древностей» в Витебском отделении Московского археологического института [4].

Изучая публикации А. Сапунова, было установлено, что этот снимок является иллюстрацией к работе ученого «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии», помещен-

ной в «Памятной книжке Витебской губернии» на 1903 год. В этом же году публикация вышла отдельным оттиском [8].

Как указано в предисловии к изданию, поводом для его появления стал циркуляр министра внутренних дел Российской империи от 6 сентября 1901 года о запрете на разрушение «остатков древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности». В документе говорилось о необходимости «сосредоточить в министерстве сведения обо всех существующих в империи древних зданиях и памятниках старины и новейшего времени, воздвигнутых в честь высочайших и других особ или в память разных событий». Списки памятников необходимо было предоставить до 1 апреля 1902 года [8, с. 2].

Издание «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии» состоит из нескольких разделов, в которых представлены сведения о «древнейших» храмах, храмах-памятниках, собственно памятниках, развалинах замков, часовнях, воздвигнутых в память разных событий, а также о «Борисовых камнях» и других камнях и крестах с надписями. Кроме описания и краткой истории того или иного объекта к каждому из них прилагается изображение в виде литографии, чертежа или фотографии.

Всего в книге помещено девять фотографий. Их можно датировать предположительно 1901–1902 гг., в течение которых велась работа по подготовке издания. Интересующая нас фотография помещена в раздел «Храмы-памятники». Здесь содержатся сведения о храме в селе Иваново Невельского уезда, «где покоится прах победителя Пугачева И.И. Михельсона, витебского военного губернатора», и о храме в селе Кульнево Режицкого уезда, «над прахом героя 12 года Я.П. Кульнева».

Оказалось, что снимок «Церковь в селе Иваново» – это часть фотоколлажа, который состоит также из изображений бюста русского военного деятеля Ивана Михельсона и гробницы в храме, где он был похоронен. Снимки «Бюст И.И. Михельсона» и «Гробница И.И. Михельсона» состояли на учете в коллекции музея с 1924 года как отдельные единицы [3]. До настоящего времени они не сохранились – были утрачены в годы немецко-фашистской оккупации.

В издании Алексея Сапунова фотография сопровождается биографические сведения об Иване Михельсоне и краткую информацию о построенном им храме. Кроме того, автор приводит здесь характеристики, данные Михельсону его современниками – витебским губернским прокурором Г.И. Добрыниным, секретарем саксонского посольства при дворе Екатерины II Г.-А. Вильгельмом фон Гельбигом, поэтом А.С. Пушкиным.

Иван Иванович Михельсон (1740–1807) – русский военный деятель, генерал от кавалерии, участник Семилетней, русско-шведской, двух русско-турецких войн. Широкую известность этот военачальник приобрел в связи с подавлением восстания Емельяна Пугачева, за что был щедро награжден Екатериной II. В числе прочих наград он получил имение в селе Иваново Невельского уезда Витебской губернии и тысячу душ крестьян. В 1803–1805 гг. Иван Михельсон исполнял обязанности белорусского военного губернатора, жил в Витебске. В этот период на его средства в селе Иваново была построена православная церковь, что, по одной из версий, было связано с переходом Михельсона из лютеранства в православие [7, с. 728]. В 1805 году храм был освящен во имя Иоанна Предтечи. Через два года Михельсон умер. По завещанию генерала, его тело было погребено в склепе под церковью. Позже здесь были похоронены его сын и дочь.

Подробное описание внешнего вида и интерьера храма оставил историк и редактор журнала «Русская старина» Михаил Семевский, посетивший Иваново в 1890 году: «Церковь каменная во имя Рождества св. Иоанна Предтечи, с приделом наверху во имя св. Великомученицы Екатерины, длиною 13 саж., шириною 6 саж. 2 арш., с погребом под алтарем <...>; на гранитном цоколе; с переднего входа (западная сторона) и двух сторон крыльцами из путиловской плиты, на крыльцах по две ионийских колонны (всего 18 колонн); над дверьми, с северного входа, на черной доске золоченая надпись: «1805 года». Храм покрыт восьмигранным куполом и четырехугольною колокольнею <...> План церкви крестообразный. Притвор с церковью разделяются восемью колоннами, с капителями дорического ордера; отсюда (в северной стороне) ведет круглая лестница в верхнюю церковь. В самой церкви передняя и две боковые арки поддерживаются 12-ю колоннами дорического ордера. В церкви, над дверьми в алтаре и окнами в притворе, лепные кронштейны, карнизы и все принадлежности лепной работы во фризе фамильной расписаны мрамором <...>» [7, с. 728].

Церковь имела богатое внутреннее убранство: дубовый паркет и колонны, лепнину, мраморные украшения, «иконы италийской живописи, дорогую утварь искусной работы». Здесь находилось много икон в серебряных ризах и окладах. Особо ценными были «образ, списанный с чудотворной иконы Знамения Курской Богоматери, очень древний образ Спасителя в верхней церкви» [7, с. 729].

В 1878 году храм был разграблен: воры обобрали ризницу, а также вскрыли гроб с останками генерала. Этот случай получил широкую огласку. Часть похищенных вещей нашли в окрестностях Полоцка и вернули в храм. Средства на их восстановление выделил Великий князь Владимир Александрович, который посетил Иваново в 1887 году.

Украшением храма были мраморные бюсты Ивана Михельсона и его супруги Шарлотты Ивановны Ребиндер, выполненные в 1785 году известным скульптором Федотом Шубиным. После революции, в начале 1920-х гг., бюсты как ценные предметы искусства были взяты на учет витебской Комиссией по охране памятников [10].

В 1921 году бюсты супругов Михельсонов заинтересовали Русский музей, который собрался использовать их для своей выставки. Председатель Комиссии Александр Ромм получил от сотрудников Русского музея расписку в том, что бюсты передаются в Петроград только на временное пользование. Однако ни в Витебск, ни в Иваново они так и не вернулись. В Русском музее бюсты Михельсона и его жены находятся и в настоящее время.

После смерти Ивана Михельсона имение постепенно приходило в упадок, что сказалось и на состоянии храма. В 1867, 1880, 1885 годах в нем проводился частичный ремонт. Однако к концу XIX века состояние здания заметно ухудшилось. «Гнилые, поросшие травой ступеньки склепа <...> забытой церкви» описывал поэт и писатель К.К. Случевский, посетивший Иваново в 1897 году [9, с. 262]. В 1898 году о заброшенном состоянии храма-памятника писала газета «Витебские губернские ведомости», призывая Императорское историко-археологическое общество обратить внимание на «забытую и дорогую для нас по историческим воспоминаниям <...> церковь» [6]. Как повлияло на состояние храма включение его в 1902 году в список охраняемых государством памятников, нам выяснить не удалось.

В 1930-х гг. церковь закрыли, тогда же был разорен склеп [5]. Что произошло с останками Михельсона и его детей, были ли они перезахоронены – неизвестно. До конца 1940-х гг. здание перестройкам не подвергалось. После Великой Отечественной войны церковь приспособили под клуб, библиотеку и учреждения совхоза, в связи с чем ее внешний облик значительно изменился: полностью был перестроен южный фасад, частично – западный и восточный фасады, убрали барабан, купол и большую часть объемов ярусной колокольни. В 1990-х в здании был открыт небольшой краеведческий музей, в настоящее время оно не используется и находится в аварийном состоянии [12].

В заключении остановимся на авторстве этой фотографии. Как указывает А. Сапунов, фототипии к изданию «Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии» были «исполнены под наблюдением г. Серебрина в витебской губернской типолитографии». Вероятно, и сами снимки были выполнены этим витебским фотографом. Илья Серебрин был не только «кабинетным», «студийным» мастером, но и занимался пейзажной съемкой. Он являлся владельцем фотостудии в Витебске с 1890 года. Фотографическое ателье Серебрина размещалось на ул. Замковой. Фотографа знали не только в Витебске, но и в Вильно, и в Смоленске, где он также имел фотографические заведения. Илья Серебрин – обладатель нескольких дипломов, наград на фотографических выставках (1898 г., 1903 г.) и похвальных отзывов членов императорской семьи.

Таким образом, «Церковь в селе Иваново» – один из немногих снимков сохранившегося до настоящего времени личного архива Алексея Сапунова (из 328 фотографий, насчитывавшихся в музее в 1924 году [11, с. 211], на сегодняшний день осталось 8). Фотография является ценным источником для изучения религиозной жизни и культовой архитектуры Витебской губернии, а также для реконструкции внешнего облика церкви Иоанна Предтечи начала XX века.

1. Витебский областной краеведческий музей. – КП 007326/108.
2. Витебский областной краеведческий музей. Книга поступлений основного фонда № 2.
3. Витебский областной краеведческий музей. Научный архив. – Ф. 11. Д. 7.
4. Витебский областной краеведческий музей. Научный архив. – Ф. 6. Д. 1.
5. Иваново, Иоанно-Предтеченская церковь [Электронный ресурс] // Архивные описи. Дела давно минувших дней. – Режим доступа: <http://i-nventory.ru/index.php?id=186>. – Дата доступа: 07.02.2017.
6. Невель / Витебские губернские ведомости. – 1898. – № 10. – 24 января. – С. 4.

7. Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1890 году. Село Иваново / Русская старина. Т. 68. – СПб., 1890. – С. 719–730.
8. Сапунов, А. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии / А. Сапунов. – Витебск, типолитография Г. и П. Подземских, 1903.
9. Случевский, К. К. По северо-западу России. Т. 2 / К. К. Случевский. – СПб. : изд. А. Ф. Маркса, 1897. – 609 с.
10. Хмельницкая, Л. В. Витебские годы Александра Рома: председатель комиссии по охране памятников. / Л. В. Хмельницкая // Бюллетень Музея Марка Шагала. – Вып. 18. – Витебск: Витебская областная типография, 2010. – С. 36–57.
11. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.
12. Церковь Иоанна Предтечи [Электронный ресурс] // Памятники истории и культуры Псковской области. Энциклопедический справочник. – Режим доступа: <http://www.opskove.ru/object/104380884?lc=ru>. – Дата доступа: 07.02.2017 г.

Мяньчэня С.В.

АГЛЯД ДРУКАВАНЫХ КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ БАРАЦЬБЫ ЗА ЦВЯРОЗАСЦЬ У БЕЛАРУСІ Ё ПЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ

Праблема станаўлення цвярозага ладу жыцця як сёння, так і пачатку ХХ ст. з’яўлялася дастаткова актуальнай, а вывучэнне гістарычнага вопыта – гэта магчымасць пераняць лепшае і пазбегнуць памылак мінулага. Вялікую групу крыніц па гісторыі барацьбы за цвярозасць у гэты перыяд складаюць друкаваныя матэрыялы, якія ў адрозненні ад архіўных матэрыялаў з’яўляюцца масавымі і больш даступнымі. Сярод іх можна вылучыць наступныя групы: 1) антыалкагольныя выданні; 2) перыядычныя выданні; 3) матэрыялы справаздач.

Антыалкагольныя выданні характарызуюцца вялікай разнастайнасцю – гэта і выданні таварыстваў цвярозасці, і антыалкагольныя падручнікі, і навуковыя агляды, і працы асобных аўтараў. У сувязі з вялікай колькасцю крыніц, а таксама па прычыне таго, што іншыя катэгорыі ўжо разглядаліся аўтарам [6], спынімся на апошняй групе.

Адзін з ідэолагаў цвярозага руху Міхаіл Чэлышаў, па ініцыятыве якога была створана Камісія аб мерах барацьбы з п’янствам у III Дзяржаўнай Думе, заставіў пасля сабе значную колькасць выданняў. Сярод іх можна вылучыць “Речи М.Д. Чельшева, произнесенные в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам” (Пецярбург, 1912 г.) [11]. Тут акрамя прамой Чэлышава падаецца інфармацыя аб дэпутатах падтрымаўшых іх, сярод якіх можна знайсці і прадстаўнікоў беларускіх губерній. Так, за праэкт ад 4 красавіка 1908 г. аб ліквідацыі кропак продажу моцных напояў ў сельскай мясцовасці выказалася 193 дэпутата, у тым ліку 19 з 36 прадстаўнікоў беларускіх губерній. Падтрымалі заяву сялянскія дэпутаты Цыунеліс, Амасёнак, Ермалаеў, Вайцюлік, Ермольчык, Кучынскі, Юркевіч; прадстаўнікі духавенства епіскап Мітрафан, Мацеевіч, Вераксін, Нікановіч, Кузмінскі, Салаўевіч і інш [11, с. 70–73].

Аўтарытэтнай асобай у антыалкагольным руху пачатку ХХ ст. быў епіскап Мітрафан Гомельскі (з 1912 – Мінскі і Тураўскі), менавіта ён з’яўляўся старшынёй “чэлышаўскай” камісіі ў Дзяржаўнай думе. Як і Чэлышаў Мітрафан быў прыхільнікам абсасютнага устрымання ад алкаголя і лічыў, што барацьба з п’янствам гэта справа кожнага чалавека, бо толькі угульнымі намаганнямі дзяржавы, царквы і грамадства можна дасягнуць поспеху: “Як ворага на вайне агульнымі сіламі адціскаюць, ахопліваюць і знішчаюць, так трэба рабіць і ў дачыненні да алкаголю” [4, с. 29]. У 1912 г. у Мінску выйшла з друку яго прамова “Беседа о вреде алкоголя и средствах борьбы с ним” [4], а праз год зборнік “В борьбе за трезвость” [5] куды ўвайшлі тэксты выступленняў у Думе, а таксама распрацаваны камісіяй законапраэкт па барацьбе з п’янствам. Пры садзейнічанні Мітрафана з’яўляліся і іншыя выданні. Так, у 1914 г. быў выдадзены ліст агранома Бруноўскага да епіскапа па пытанню арганізацыі агранамічных курсаў і чытанняў сярод сялян для супрацьдзеяння галечы і п’янству [5].

Адным з першых беларускамоўных антыалкагольных выданняў можна лічыць “Слова аб проклятай гарэлцы...” [1], якое выйшла ў Пецярбурзе у 1900 г. Аўтар выдання пазначаны як сябра папачыцельства аб народнай цвярозасці А.І., лічыцца, што гэта кразнаўца і гісторык Аляксандр Ельскі (1834–1916). “Слова” выдадзена кірылічным шрыфтам, але ў ім яшчэ адчуваецца уплыў лацінкі – у прыватнасці ў выпадку перадачы “ё” як “ю”. Выданне складалася з дзвюх частак. Першая – “шчырая праўда” – прадстаўляе гістарычны экскурс аб з’яўленні і распаўсюджванні гарэлкі, палітыцы дзяржаўнай манаполіі і шкоды п’янства. Вось як аўтар, для прыкладу, ацэньвае дзяржаўную палітыку “віннай манаполіі”: “былі пакасаваны у сіолах усе корчмы і заведзян так называемы “манаполь” казённы, с целью штоб народ меў менш

можнасці п'янтстваваць, дурэць, губіць свае пажыткі, здароўя і душу” [1, с. 4]. Аднак рэформа не спраўдзіла надзей на змяншэнне п'янства, а наадварот: “народ... як толькі уніклі корчмы, стаў піць бязабразна проста на вуліцы, пры манаполях, стаў буянціць і гайдамачыць зверска, так, што часта ад таго бываюць краміналы і калецтвы” [1, с. 5]. Другая частка выдання – “казка” – верш аб жыцці і смерці п'яніцы, дзе п'янства вызначаецца як асноўная прычына занябанасці гаспадаркі, беднасці і зараняй смерці:

Людзі ў святкі моляцца Бажочку,
А іон сабе з рання з чортам у шыночку.
Яго чорны дзеці, так як галавешкі,
А іон пець гарэлку, да усю строіць смешкі.
Яго згніла хата і дзіравы стрэхі,
А іон у карчме сядзіць для ўцехі [1, с. 6].

Беларуская каталіцкая газета “*Bielarug*”, якая выходзіла лацінскім шрыфтам у Вільні ў 1913–1915 гг., у 1913 г. надрукавала некалькі артыкулаў Казіміра Сваяка (Канстанціна Стаповіча) (1890-1926) пад назвай “*Alkohol*” [14], якія затым былі аб’яднаны ў асобнае выданне. Казімір Сваяк адмаўляў тэзіс аб дапушчальнасці памеранага сважывання алкаголя і выступае прыхільнікам абсалютнай цвярозасці. Праблему цвярозасці ён разглядае з пункту гледжання як матэрыяльнага дабрабыта: “як цвярозасць і працавітасць ніднага беднага даводзяць да дабрабыту, так п'янства і гультайства нават багацейшым дае жабрачы кій у рукі” [14, № 25, с. 2]; так і асновы выратавання душы і цела. Алкаголь адрывае чалавека ад царквы і скарачае яго змны жыццёвы шлях: “чалавек робіць сабе з алкаголя нейкае божышча і складае яму на ахвяру дабро сваёй сям’і, сваю добрую славу ў людзей і спакой сваёй душы” [14, № 26, с. 2]. Казімір Сваяк знаёміць чытачоў з дзейнасцю літоўскай каталіцкай арганізацыі “*Blaivybe*” (Цвярозасць), суполкі якой існавалі ў Ковенскай і Віленскай губернях, заклікае паспрабаваць цалкам адмовіцца ад алкаголя спачатку на пэўны перыяд, быць самім прыкладам цвярозага жыцця і шырыць асвету ў грамадстве.

У якасці прыклада польскага выдання на антыалкагольную тэму разгледзім кнігу Антонія Пулаўскага (1856–1932) “*Pogadanka o picciu trunkow i pianstwie*” [13]. Галоўнай зброяй супраць п'янства аўтар лічыць рэгілію і асвету, але вырашэнне праблемы ён не звязвае з неабходнасцю поўнага адмаўлення ад алкаголя. Вось якія парады ён дае:

- Ніколі не піць штодзённа, каб не прызвычаіцца
- Лепш піць піва, а хто можа – лёгкае, але чыстае віно, а не гарэлку
- Піць належыць пад час яды, ці пасля яды..., бо гарэлка на пусты страўнік больш шкодная. Той звычай распаўсюджаны сярод гарадскіх рабочых (муляроў, цесляроў, фабрычных і інш.), якія закусваюць гарэлку кавалкамі сала, ці гурком. Найгоршы звычай! Трэба спачатку выпіць штосці цёплае – гарбаты, малака, баршчу, ці нечага падобнага. Было б добра, калі б паблізу фабрык знаходзіліся чайныя, працуючыя ўвесь час.
- Не даваць гарэлкі малым дзецям і падлеткам, каб не прызвычаіць іх
- Не лячыць кожную хваробу гарэлкай, як гэта практыкуецца на вёсцы [13, с. 25-26].

Другая частка выдання (без нумерацыі старонак) утрымлівае скарачаны варыянт рамана Даніэля Дэфа “*Рабінзон Круза*” на польскай мове, што рабіла кнігу больш прывабнай для шырокага кола чытачоў.

Разнастайную інфармацыю па праблеме цвярозасці можна знайсці на старонках перыядычных выданняў – газет і часопісаў. Перыёдыка публікавала ўрадавыя пастановы, хроніку здарэнняў і паведамленні мясцовых карэспандэнтаў. На старонках “*Нашай Нівы*” адлюстраваліся норавы жыхароў Капыля ў паведамленнях Цішкі Гартнага: “2–3 гады таму стала людзі збяруцца, бывала, дзе-небудзь на вуліцы, сядзяць у радок на прызьбе, ды усё гутараць. Гарэлкі, сваркі, бойкі і другіх нялюдскіх спраў тутыка саўсім не зналі. А цяпер? Божа, гаварыць брыдка, ня тое што пісаць! Карчма зваявала кніжку, карты – газету. Як толькі хто мае свабодны час, зараз карчма, карты. Цягаюцца п’яныя па вуліцах і ў дзень і ў ночы. Развялося у нас неякіх корчмаў і шынокў без ліку. П’юць старыя і маладыя. У свята усё мястэчка Капыль робіцца адным вялікім шынком” [7, с. 3]. Адпаведную хроніку Здзітава (зараз Бярозаўскі раён) стварыў Стары дзед Міхась [8, с. 2].

Сваеасаблівымі крыніцамі з’яўляюцца і мастацкія творы таго часу. Народнае аповяданне “*Гарэлка*” у апрацоўцы Сяргея Палуяна (1890–1910) адлюстроўвае паблажлівае стаўленне да

проблемы п'янства. Невядомы паніч (чорт) пазычыў мужыку грошы і сказаў, што той можа іх не аддаваць, калі заб'е чалавека, зманіць дзяўчыну ці нап'ецца гарэлкі. Жонка мужыка адказала, што “чалавека забіць – страшэнны грэх, дзеўку зманіць – грэх і сорам перад суседзямі, гарэлкі напіцца – глупства”, і сама дала яму грошы на гарэлку. Скончылася гісторыя трагічна – гарэлка, якая сама не лічылася грахам, стала пачаткам усіх астатніх [10].

Папячыцельствы аб народнай цвярозасці, як установы, якія павінны былі шырыць ідэі цвярозасці (у выглядзе памеранага спажывання алкаголя) сярод насельніцтва штогод рабілі справаздачы Міністэрству фінансаў аб сваёй дзейнасці. Гэтыя справаздачы маглі выходзіць асобнымі выданнямі, як, на прыклад, справаздачы Магілёўскага губернскага папячыцельства. У фондах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі захоўваюцца матэрыялы за 1899–1903 гг. [9]. Больш інфарматыўнымі з'яўляюцца агляды справаздач усіх камітэтаў, адзін з першых – “Попечительства о народной трезвости в 1901 г.” – быў створаны Дз.А. Тушынскім [12]. Дз. Булгакоўскі аб'яднаў інфармацыю аб папячыцельствах за перыяд 1895–1909 гг. [3]. Гэтыя выданні дазваляюць прасачыць асноўныя накірункі дзейнасці папячыцельстваў, іх асабовы і сацыяльны склад, выявіць дынаміку змянення колькасці членаў арганізацый, створаных імі ўстаноў – чайных, бібліятэк, народных дамоў; іх мерапрыемствах – чытаннях, гуляннях, святах і г.д. Маштабны матэрыял дазваляе таксама выявіць мясцовыя асаблівасці, адзначыць тыя галіны дзейнасці ў якіх губернскае папячыцельства дасягнулі найбольшых поспехаў. Так, Мінская губерня па колькасці арганізацый народных хароў займала другое месца па ўсёй Расійскай Імперыі, а Магілёўская – адно з першых па колькасці чайных [12, с. 17, 19].

Адзначаныя крыніцы адлюстроўваюць не толькі накірункі дзяржаўнай палітыкі, але і стаўленне да праблемы цвярозасці шырокіх слаёў грамадства, норавы насельніцтва і магчымыя шляхі выкаранення п'янства, і з'яўляюцца важным элементам па вывучэнню гісторыі паўсядзённасці і грамадскай думкі пачатку ХХ ст.

1. А.І. Слова аб праклятай гарэлцы і аб жыцці і смерці п'яніцы. – Пецярбург, 1900. – 12 с.
2. Бруновский, В.Х. Согласие против пьянства и агрономическая помощь сельскому населению Минской губернии / В.Х. Бруновский. – Минск : Электротипография С. А. Некрасова, 1914. – 8 с.
3. Булгаковский, Д.Г. Очерк деятельности попечительства а народной трезвости за всё время их существования (1895–1909) / Д.Г. Булгаковский. – СПб., 1910. – 180 с.
4. Митрофан, Беседа о вреде алкоголя и средствах борьбы с ним / епископ Митрофан. – Минск : Электротипография С.А. Некрасова, 1912. – 48 с.
5. Митрофан, В борьбе за трезвость / епископ Митрофан. – Минск : Мин. Православ. Свято-Николаев. нар. Братство, 1913 – 190 с.
6. Мян'чэня, С.В. Антыалкагольныя падручнікі ў Расійскай Імперыі пачатку ХХ ст. / С.В. Мян'чэня // Романовские чтения IX : сб. статей Международной науч. конференции / под общ. ред. Н. М. Пуршевой. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2013. – С. 107–109.
7. Наша Ніва. – 1908. – № 25 – 4 снежня.
8. Наша Ніва. – 1913. – № 23 – 7 чэрвеня.
9. Отчёт Могилёвского попечительства о народной трезвости за 1899 год. – Могилёв, 1900. – 79 с.
10. Палуян, С. Гарэлка / С. Палуян // Наша Ніва. – 1910. – № 3 – 14 студзеня. – С. 3.
11. Речи М.Д. Чельшева, произнесённые в Третьей Государственной Думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. – СПб., 1912. – 796 с.
12. Тушинский, Д.А. Попечительства о народной трезвости в 1901 г. / сост. Д.А. Тушинский. – СПб., 1904. – 34, 45, 31 с.
13. Pulawski, Antoni Arkadiusz. Pogadanka o piciu trunkow i pianstwie / A. Pulawski. – Wydanie 2-e, znacznie poprawione. – Warszawa: Skład główny w Księgarni polskiej, 1912. – 28 с.
14. Swajak, Kazimir. Alkohol / K. Swajak. // Bielarus. – 1913. – № 24 – 5 верасня. – С. 1–2; № 25 – 12 верасня. – С. 1–2; № 26 – 19 верасня. – С. 1–2.

Чэн Юаньцзи
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по материалам Виленского учебного округа)

Изучение истории церковно-приходских школ – одно из направлений в изучении истории православной церкви. Цель статьи – раскрыть деятельность церковно-приходских школ Белорусско-Литовских епархий: Литовской, Минской, Могилёвской и Полоцкой; а также созданной в 1900 г. из части Литовской православной епархии Гродненской православной епархии. Титул правящего архиерея – «епископ Гродненский и Брестский» [1] во второй половине XIX – начале XX века, выявить специфику их деятельности, место и роль в жизни православного белорусского населения.

Источниковую базу исследования составили материалы Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, Российского госу-

дарственного исторического архива (РГИА, г. Санкт-Петербург). Обращение к материалам архивов Минска, Гродно и Санкт-Петербурга позволило глубже исследовать сведения о состоянии школ для христиан православного исповедания. В частности, при изучении истории церковных школ Минской епархии, важная информация была почерпнута из фондов 136, 242, 461 Национального исторического архива Беларуси [2, 3, 4]. Историю деятельности учебных заведений Витебской епархии помогли восстановить фонды 1297, 1430, 2531 [5, 6, 7]; Могилёвской епархии – 2257, 2280, 2281 [8, 9, 10] в том же архиве. Фонд 803 Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге дал сведения о церковных школах белорусско-литовских епархий и в целом о развитии церковно-приходских школ во второй половине XIX века в Северо-Западном крае [11].

Большое количество законодательных документов и правительственных распоряжений, материалов школьной статистики, отчётных документов учебных заведений, актов епархиальных и училищных окружных съездов духовенства дает возможность выявить политику российских властей по отношению к церковно-приходскому образованию.

Полное собрание законов Российской империи позволило проанализировать отношение российских властей к церковно-приходскому образованию на протяжении начала XIX – XX в. с точки зрения нормативных требований. Среди законодательных материалов для изучения темы особую значимость имеют высочайше утвержденные уставы, положения о различных начальных училищах при различных ведомств. Характерной особенностью законотворчества в отношении Виленского учебного округа было его оформление в виде высочайше утвержденных правил. Если народные училища земской России функционировали согласно «Положениям о начальных народных училищах» 1864 г. и 1874 г. [12, т. 39, № 41068, т. 49, № 53574], то деятельность училищ Северо-Западного края определяли «Временные правила» 1863 г. [12, т. 38, № 39411] Ещё одна особенность – оформление основополагающих законодательных актов как временных с последующим закреплением за ними статуса постоянных. «Временные правила», принятые в 1863 г., действовали до конца XIX в. «Временные правила о взысканиях за тайное обучение» были утверждены в 1892 г., а отменены лишь в начале XX в. [13, т. 12, № 8486]

Интересны публикации ведомственных журналов: «Журнала Министерства народного просвещения» и «Циркуляра по Виленскому учебному округу». Они отражали официальную позицию министерства и управления округа по вопросам, касающимся начального образования. В «Журнале» помещалось много статей, посвященных как развитию отдельных типов начальных учебных заведений Виленского учебного округа, так и характеристике сферы народного образования в округе в целом. Отчеты по Министерству народного просвещения, ведомству православного исповедания опубликованы в «Журнале». В «Циркуляре» публиковались материалы, в которых отражалась текущая жизнь начальных учебных заведений округа.

Чтобы проследить деятельность Святейшего Синода и белорусско-литовского епархиального духовенства по развитию церковно-приходских школ автор обратился к опубликованным материалам епархиальных и училищных съездов духовенства. Они дали представление об экономическом и материальном положении учебных заведений. Просмотр отчётов братств и епархиальных училищных советов, опубликованных в «... Епархиальных ведомостях», дал представление о развитии церковно-школьного дела на территории Беларуси в 80-х гг. XIX – начале XX в. Исследованию истории деятельности церковных школ помогло и использование правительственных распоряжений и «Правил» по церковно-школьному законодательству, опубликованных в «Епархиальных ведомостях» и «Церковных ведомостях, издаваемых при Святейшем Правительствующем Синоде» [14, 15]. Большое количество статей, затрагивающих насущные проблемы школ Духовного ведомство, было опубликовано в периодических изданиях. Одним из первых изданий, посвященных этой проблеме, стал ежемесячный журнал Киевского епархиального училищного совета «Церковно-приходская школа». Официальным изданием Училищного совета при Святейшем Синоде стал ежемесячный журнал «Народное образование», выходивший с 1896 по 1917 год. В силу важности вопроса о церковных школах много места отводила им официальная церковная печать («Церковные ведомости», «Церковный вестник»), печать как либерального направления («Русские ведомости», «Вестник Европы»), так и консервативного («Московские ведомости») [16, 17, 18].

Важны статистические данные министерства народного просвещения. Хотя общее количество статистических сведений, размещенных в отчетах, велико, но все они касаются только учебных заведений, подведомственных министерству народного просвещения. Данный недостаток частично компенсируется тем, что к концу 1860-х гг. большинство начальных училищ

перешло в подчинение этого министерства. Для создания полной картины в отчетах не хватает сведений о церковных школах, подведомственных Синоду. Вместе с тем в этом ведомстве – при Синодальном училищном совете – существовал собственный статистический отдел. На основании статистических материалов, хранящихся в совете, и отчетов обер-прокуроров был подготовлен и издан сборник «Статистические сведения о церковных школах Российской империи», охвативший период с 1884 г. по 1909 г. [19]

К отчетным материалам принадлежат доклады и записки министров народного просвещения, попечителей Виленского учебного округа, Виленских генерал-губернаторов и гражданских губернаторов, поступавшие на имя императора, а также в центральные и высшие учреждения империи. По ним можно узнать позицию авторов по вопросам развития народного образования, проследить влияние мнений конкретных чиновников на корректировку образовательной политики. Большая часть источников подобного вида хранится в РГИА в Санкт-Петербурге и в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки [20–26].

Одним из источников является мемуарная литература. История литовской семинарии отражена в воспоминаниях митрополита Литовского и Виленского Иосифа, Пинского училища – в воспоминаниях священно-и церковнослужителей Полоцкой епархии.

Таким образом, история школ православного духовного ведомства в белорусско-литовских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. представлена в источниках разного типа, которые позволяют комплексно изучить данную проблему.

1. Статистические сведения о церковных школах Российской империи со времени издания высочайше утвержденных 13-го июня 1884 года правил о школах церковно-приходских. – С.-Петербург, 1909, – С. 16–17.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 136. Оп. 1.
3. НИАБ. – Ф. 242. Оп. 1.
4. НИАБ. – Ф. 461. Оп. 1. Дело 161.
5. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Дело 1753.
6. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Дело 5317. Дело 31398. Дело 31407. Дело 38528. Дело 39581. Дело 39391. Дело 40298. Дело 41268. Дело 44216. Дело 53088. Дело 53170.
7. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Дело 402.
8. НИАБ. – Ф. 2257. Оп. 1. Дело. 9.
9. НИАБ. – Ф. 2280.
10. НИАБ. – Ф. 2281.
11. Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). – Ф. 803. Оп. 16.
12. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е собр.: В 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной е. и. в. канцелярии, 1830-1884. – Т. 30 – 55.
13. Полное собрание законов Российской империи. – 3-е собр.: В 33 т. – СПб.: Государственная типография, 1885-1916. – Т. 1 – 20.
14. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. – СПб.: Синодальная тип., 1864. – 136 с.
15. Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 год. Приложения. – СПб.: Синодальная тип., 1864. – 140 с.
16. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1897. – 785 с.
17. Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. – М.: Тип. В.В. Чичерина, 1898. – 653 с.
18. Шолкович С. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. – Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1885. – 325 с.
19. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи со времени Высочайше утвержденных 13-го июня 1884 года правил о школах церковно-приходских. – СПб.: Статистический Отдел Синодального Училищного Совета, 1909. – 135 с.
20. РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 733 «Департамент народного просвещения».
21. РГИА в Санкт-Петербурге. – Ф. 970 «И.П. Корнилов».
22. РО РНБ в Санкт-Петербурге. – Ф. 16 «П.П. Альбединский».
23. РО РНБ в Санкт-Петербурге. – Ф. 52 «П.Н. Батюшков».
24. РО РНБ в Санкт-Петербурге. – Ф. 377 «И.П. Корнилов».
25. РО РНБ в Санкт-Петербурге. – Ф. 379 «В.И. Назимов».
26. РО РНБ в Санкт-Петербурге. – Ф. 531 «Е.П. Врангель».

Панков Ю.В.

НЕМЕЦКИЕ ПОЧТОВЫЕ ОТКРЫТКИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ И ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ИСТОЧНИК (на примере письма ландштурмана Эмиля Воллерманна)

В 2014 г. во всем мире отмечалось 100-летие со дня начала Первой мировой войны. К этой дате издавались целые серии научных трудов и публикаций, в т.ч. и в Беларуси. Исторические источники по данной теме также не были оставлены в стороне. К примеру, в Минске был издан сборник документов «Беларусь в годы Первой Мировой Войны (1914–1918)», в котором были опубликованы материалы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Республики Бе-

ларусь в Минске и в Гродно. Введение в научный оборот новых источников является неотъемлемой частью современной науки.

Важно отметить, что часть документов сегодня хранится в частных коллекциях и не всегда доступна для широкого круга исследователей, поэтому публикация таких материалов актуальна для историков. Показательным примером служит книга-фотоальбом «Беларусь через объектив немецкого солдата 1915–1918», в которой представлены открытки и фотографии из коллекции В. Лиходедова [2]. Такого рода источники позволяют визуально изучить событие, произошедшее в определенном месте и времени. Кроме того, следует отметить, что открытки можно отнести не только к визуальным источникам, но и к письменным (эпистолярным), т.к. часто они использовались в качестве писем. На оборотной стороне оставались личные записи, указывались адрес, а также ставились почтовые штемпели.

В годы оккупации территории Беларуси во время Первой мировой войны немецкие солдаты активно пользовались почтовыми услугами. Для этого в Германии даже была издана целая серия почтовых открыток, на которых изображались виды белорусских городов, быт населения и другие сюжеты. В коллекции автора хранится одна из таких открыток, напечатанная в 1918 г. На обороте имеются маркировки издательства «Dr. Trenkler Co» (Лейпциг) и «Zentralstelle der Feldbuchhandlungen Heeresgruppe Eichhorn». Интерес для исследователей представляет не только ее изображение, но и оставленный на оборотной стороне текст, который позволяет узнать определенный фрагмент из жизни немецких военнослужащих в оккупированной Беларуси.

На открытке изображен торжественный митинг немецких солдат на вокзале (фото 1). Толпа солдат, одетых в шинели, в центре которой играет оркестр, стоит на железнодорожных путях. За ними виднеется здание вокзала и пешеходный путепровод, на котором стоят наблюдающие местные жители. На оборотной стороне имеется напечатанная в типографии подпись «Homel. Bahnhof», что переводится как «Гомель. Вокзал». Сопоставление немецкой 1918 г. и российской до 1914 г. [7] открыток с изображением гомельского вокзала приводит к выводу, что в немецкой типографии была совершена ошибка в подписи. На страницах интернет-группы «Пошукі старога Гомеля» историками и краеведами было выявлено, что данный сюжет открытки был запечатлен не на гомельском вокзале, а в г. Лунинце Брестской области [5]. Стоит отметить, что данное изображение опубликовано в ряде изданий, но все выявленные публикации были проаннотированы ошибочно [2; 6, с. 74; 3, с. 22].

Оборотная сторона почтовой открытки представляет не меньший интерес (фото 2). Анализ рукописного текста на обороте указывает на авторство Э. Воллерманна, ландштурмана 5-й роты 438-го пехотного полка Германской имперской армии. Данное подразделение было подчинено 35-й резервной дивизии, которая до марта 1919 г. размещалась на территории Украины. Адресат письма – Макс Калдун, мушкетер 5-й роты 438-го пехотного полка, находившийся в отпуске в Берлине. Рукописный текст на открытке написан на немецком языке простым карандашом. Далее мы приводим его содержание.

Оригинал на немецком языке:

Ldstm. (Landsturmmann) Emil Wollermann

IR 438/5 Komp.

Musk. (Musketier)

Max Kaldun

Z. Zt. (zur Zeit) auf Urlaub

Berlin. W.50

Augsburger Straße 31.

12.10.18.

Mein lieber Max!

Teile Dir mit, dass ich noch immer in Gomel bin. War vorgestern im Kino. «Die Prinzessin v. Neutralien». Ich [...] nachher ein bisschen promeniert auf der Rumantzkaja Straße. Großstadtluft. Mit dem Zusammentreffen wird es leider nichts. Schade ist es doch, [...] hoffentlich wird es eins mit dem Frieden, Er muss doch endlich einmal kommen. Kannst Du in Berlin nicht ins Lazarett gehen? Versuche es doch mal. Bis auf weiteres recht herze Grüße. Dein Freund Emil.

Перевод¹:
от ландштурмана Эмиля Воллерманна
пехотный полк 438/ 5 рота
мушкетёру
Максу Калдуну
на то время в отпуске
Берлин. Кв.50
Аугсбургер штрассе 31.
12.10.18.
Мой дорогой Макс!

Сообщаю тебе, что я всё ещё в Гомеле. Позавчера был в кино. «Принцесса Нейтралии». Потом я немного [...] прогуливаясь по Румянцевской улице. Воздух большого города. Со встречами ничего не получается. Жаль, однако, [...] надеюсь это получится после мира, т.к. он должен уже, наконец, наступить. А ты не можешь пойти в лазарет в Берлине? Попробуй же разок. А пока самые сердечные приветствия. Твой друг Эмиль.

(Штамп 5-й роты 438-го пехотного полка)

Несмотря на то, что текст письма необъемный, информация из него позволяет узнать некоторые исторические сведения. В октябре 1918 г. военнослужащие 5-й роты 438-го пехотного полка, в числе которых был Э. Воллерманн, размещались в г. Гомеле, который в этот период входил в состав Украинской державы гетмана П. Скоропадского. Во время нахождения в оккупированном городе у немецких солдат был налажен досуг. Военнослужащие ходили в кинотеатр. 10 октября в городе показывали немецкий немой фильм «Принцесса Нейтралии», снятый в 1917 г. кинокомпанией «Messter Film» и повествующий о принцессе из вымышленной страны, отвергающей предложения руки и сердца от окрестных принцев и королей [8]. Анализ гомельских газет указывает на то, что в октябре 1918 г. в городе кинокартины демонстрировались в трех заведениях: «Театре художеств» на углу улиц Румянцевской (ул. Советская) и Мясницкой (улица Коммунаров), «Мулен-Руже» в доме Ш. Цырлина на улице Румянцевской и в «Интимном театре» [1; 4]. Исходя из письма, немецкие военнослужащие ждали наступления мира, но они не могли предполагать, что возвращение в Германию затянется, а определенная часть солдат задержится в Гомеле и на 1919 год.

Таким образом, даже небольшая письменная корреспонденция может носить исторические сведения, способные дополнить определенные фрагменты в истории оккупации городов в годы Первой Мировой Войны. Поэтому важно уделять внимание публикациям документов разной степени информативности, т.к. совместное их использование способно раскрыть проблему более детально. На примере немецкой почтовой открытки было показано, что один предмет может относиться сразу к нескольким видам источников (к примеру, визуальным и письменным/эпистолярным). Стоит указать, что порой изданные в типографиях открытки имели ошибки в подписях, как произошло с представленным в материале изображением вокзала в Лунинце, но аннотированным как Гомель. Основной проблемой в анализе рукописного текста писем является авторский почерк не всегда понятный исследователям. В связи с этим фактором в письме Э. Воллерманна не было разобрано два слова, но это не помешало в понимании его сути.

1. Гомельская жизнь. – 1918. – 29 окт. (16 окт.). – С. 1.
2. Лиходедов, В. Беларусь через объектив немецкого солдата 1915–1918 / В. Лиходедов. – Минск : Технология, 2008. – 239 с.
3. Некрашевич, А. Г. Гомельская милиция. История и современность. 1917-2017 / А. Г. Некрашевич. – Гомель : Барк, 2017. – 364 с.
4. Полесье. – 1918. – 3 окт. (20 сент.). – С. 1.
5. Пошуки старога Гомеля [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://vk.com/wall-90153546_1772. – Дата доступу: 17.02.2017.
6. Такоева, И. Т. Гомельская губерния: как все начиналось. Неизвестные страницы / И. Т. Такоева. – Гомель : редакция газеты «Гомельская праўда», 2014. – 288 с.
7. Фонды музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля. – КП 18548/16.
8. Die Prinzessin von Neutralien (1917) [Elektronische Ressource]. – Zugangsart: <http://www.earlycinema.uni-koeln.de/films/view/31839>. – Datum des Zugangs: 17.02.2017.

¹ Автор выражает благодарность за прочтение и перевод письма О. Лисовскому (г. Аугсбург, Германия).

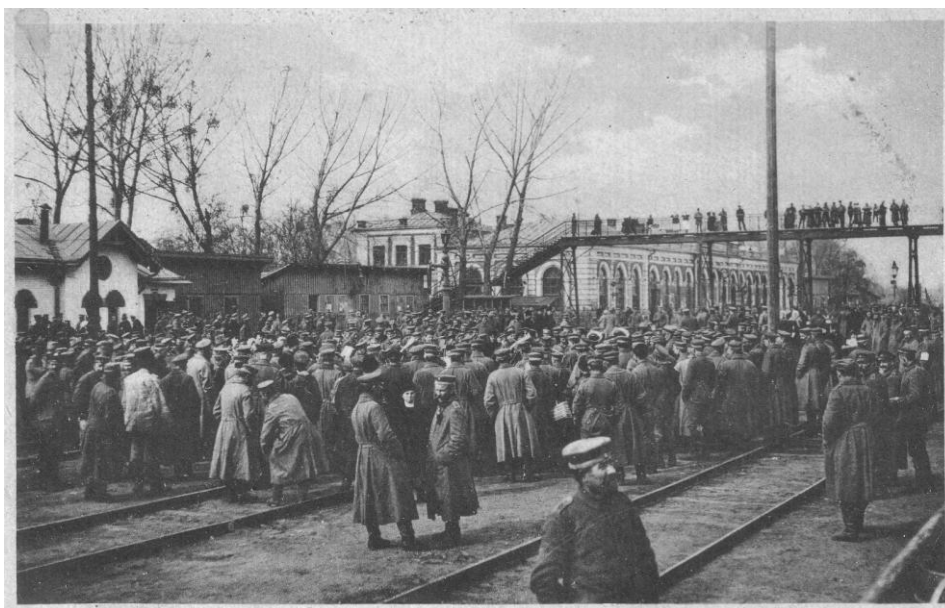

Фото 1 – Митинг немецких солдат на станции Лунинец, 1918 г. (коллекция автора).

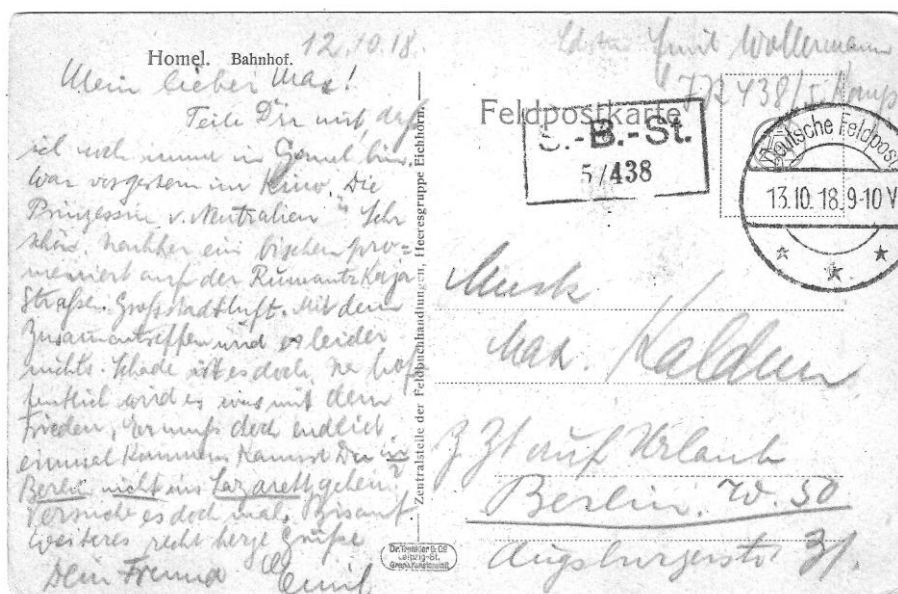

Фото 2 – Письмо Э. Воллерманна (коллекция автора).

Космач В.А.

«ЗАПИСКИ» М.В. РОДЗЯНКО О НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из значимых источников по истории революции 1917 года являются «Записки» последнего председателя IV Государственной Думы М.В. Родзянко. В своих «Записках» он выделил четыре категории причин, которые привели, с его точки зрения, к Февральской революции. Это: негативное и огромное влияние кружка Распутина, служившего интересам Германии, на императрицу Александру Фёдоровну, а через неё – на всю политику верховной власти и правительства; неумелые и несогласованные действия власти во внутренней политике, особенно в области экономической жизни, в сочетании с неумением власти решительно противостоять необыкновенно интенсивной немецкой агитации, ведущейся против России на немецкое золото. «К третьей категории причин, – подчёркивал М.В. Родзянко, – вызвавших легкость, с которой совершился переворот, я отношу начавшееся разложение Армии... Наконец четвертая причина революции была чрезвычай-

чайная, и во всем, двойственность правительственной внутренней политики. Эта система имеет два лица донельзя раздражала русское общество, так как никто заранее не знал, как поступит завтра Правительство, так ли, как сегодня, или совсем наоборот. В искренность заявления Правительства русское общество поэтому перестало верить, зная, что оно меняло свой курс с поразительной легкостью. ... Все эти явления, вызывавшие негодование, одновременно подтачивали доверие страны к Государственной власти, не умеющей наладить государственную жизнь, и лишали уверенности в завтрашнем дне и в победном исходе кампании» [1, с. 278–280].

Начиналась Великая Российская (Русская) революция известными февральско-мартовскими событиями 1917 г. в Петрограде, вокруг которых, по-прежнему, много загадок и «белых пятен», т.е. вопросов пока что без однозначных ответов. Не исключение в этом и первый день революции 1917 г. – 23 февраля по старому и 8-го марта по новому летосчислению (стилю). На улицы Петрограда тогда вышли женщины, работницы и домохозяйки, с требованиями «Хлеба!» и «Долой войну!». Но хлеб в Петрограде был. Ни о каком голоде и даже недоедании и речи не могло быть. Благодаря самоотверженной деятельности министров путей сообщения и земледелия А.А. Риттиха и Э.Б. Кригера-Войновского в столице были своевременно накоплены хлебные запасы [2, с. 44]. Генерал-лейтенант Хабалов (командующий войсками Петроградского военного округа) утверждал, что их хватило бы на 10-12 дней, причём, поезда с хлебом непрерывно прибывали в столицу – в среднем по 25 поездов в день. По оценке петроградского градоначальника, генерала А.П. Балка, хлеба в столице должно было хватить более чем на три недели [3, с. 244].

М.В. Родзянко писал, что «волнения начались на почве отсутствия продовольствия. Но это было предлогом, а об истинных причинах все возрастающего народного негодования я уже достаточно говорил. По имевшимся в моем распоряжении сведениям, волнения, возникшие в столице, стали быстро передаваться в другие города. Уже 25 февраля 1917 года волнения в столице дошли до своего апогея. Утром мне дали знать, что часть заводов, расположенных на Выборгской стороне и на Васильевском острове, забастовала, и толпы рабочих двинулись по направлению к центру столицы...». 25 февраля Родзянко по телефону в Гатчину дал знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходящих событиях. «27 февраля Великий Князь Михаил Александрович прибыл в Петроград, и мы имели с ним совещание... Великому Князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав Правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о даровании ответственного министерства.

Нерешительность Великого Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Вместо того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя еще непоколебленные в смысле дисциплины части Петроградского гарнизона, Великий Князь Михаил Александрович повел по прямому проводу переговоры с Императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ, и таким образом, в этом отношении попытка Государственной Думы потерпела неудачу. При этой беседе с Великим Князем и выше названными членами Государственной Думы присутствовал и Председатель Совета Министров Князь Голицын». Попытки уговорить его выйти в отставку и облегчить Николаю разрешение все возрастающего конфликта не удались. Князь Голицын объяснил, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение.

«В ночь с 26 на 27-е февраля мною был получен указ о перерыве занятий Государственной Думы, и таким образом возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел, и тем не менее Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседания, не делала. Беспорядки начались с военного бунта запасных батальонов Литовского и Волынского полков. Рано утром началась в районе расположения этих полков перестрелка, и мне по телефону дали знать, что командир Литовского батальона (фамилию забыл) убит взбунтовавшимися солдатами и убито еще два офицера, а остальные г.г. офицеры арестованы. С трудом удалось успокоить взволнованные части эти и убедить их выпустить арестованных офицеров. Таким образом, революция началась с военного бунта тех самых запасных батальонов, о печальном состоянии которых я писал выше.

Злоба озверевших людей сразу направилась на офицеров... Среди дня 27 февраля произошли первые бесчинства: был разгромлен Окружной Суд и Главное Артиллерийское Управление,

также Арсенал, из которого было похищено около 40 тысяч винтовок рабочими заводов, которые сейчас же были розданы быстро сформированным батальонам красной гвардии. Толпы народа, вооруженные чем попало, стали появляться тут и там на улицах города: вечером того же дня значительные толпы инсургентов запрудили уже собою улицы столицы кое-где происходили беспорядки, столкновения между ними и вызванными частями войск»[1, с. 294–297].

«27-го февраля, – отмечал далее М.В. Родзянко, – Председатель Совета Министров, Князь Голицын, уведомил меня, что он подал в отставку, как и все члены Правительства. Таким образом, создалось такое безвыходное положение, перед которым меркли все самые широкие революционные идеи. При наличии военных действий и войны, при необходимости самого строгого порядка и самого ответственного исполнения Правительством своих обязанностей, при наличии нарождавшейся революции – в столице не оказалось центральной власти. Из Ставки никаких распоряжений от Императора Николая II не поступало, и город Петроград был предоставлен нарождающейся безбрежной анархии.

Как я уже говорил, был разгромлен Арсенал, горел Окружной Суд, горели и разгромялись все полицейские участки, и от власти никаких указаний и распоряжений, что делать, не было Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду. Конечно, можно было бы Государственной Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия и Отечество погибло бы немедленно. Дума была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиков, а между тем Думу надо было беречь хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту».

Две телеграммы Председателя Государственной Думы 26 и 27 февраля Императору о том, чтобы поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство, остались без ответа. «Только 28 февраля генерал Рузский уведомил, что Государь Император, наконец, решился даровать стране ответственное министерство и вручает Председателю Государственной Думы формирование Кабинета.

«Этим манифестом, однако, положение запуталось еще более, ибо, пока происходили сомнения и колебания Императора Николая II, события шли своим чередом и разрешения синего не ожидали»[1, с. 298–299].

Далее М.В. Родзянко писал, что «Уже 27 февраля был образован Временный Комитет Государственной Думы для сношения с населением и для приведения расшатанных устоев в нормальное состояние, который обратился к населению со следующим воззванием: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желанием населения и могущего пользоваться его доверием»[1, с. 299–300].

Судя по «Запискам» М.В. Родзянко, командующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Рузский предлагал ему возглавить правительство, но он отказался. «Председателю Государственной Думы оставить Государственную Думу без главы, приняв в свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможным, так как Дума была временно распущена и выбирать ему заместителя было невозможно»[1, с. 300]. М.В. Родзянко заявил, что «при настоящем положении дел единственный исход для Императора Николая II – это отречься от престола в пользу сына». «Я утверждаю совершенно категорически, что это комбинация, вне всякого сомнения, была бы принята, и волнения, по всей вероятности, в значительной мере были бы успокоены. Тем не менее Император Николай II не поверил Указаниям Председателя Государственной Думы и запросил своего Начальника Штаба и всех Главнокомандующих фронтами о том, каково их мнение по поводу указаний, сделанных ему Председателем Государственной Думы».

... Ответы Командующих фронтами и Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего были получены Императором Николаем II в тот же день. Все лица, запрошенные им, единогласно ответили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться от престола.

«... Привожу из доклада о поездке своей в Армию одного из членов Думы, записанный со слов генерала Рузского, рассказ о последних словах отречшегося Императора: он снял с себя

фуражку, стал перед образом, который был в углу вагона, перекрестился и сказал: «Так Господу Богу угодно, и мне надо было давно это сделать». Подписывая поданное генералом Рузским отречение и отдавая ему текст подписанный, он сказал: «Единственный, кто честно и беспристрастно предупреждал меня и смело говорил мне правду, был Родзянко», и с этими словами повернулся и вышел из вагона. Привожу эти слова, для меня дорогие и знаменательные, не для самовосхваления, а как доказательство, что от Царя ничего не было скрыто»[1, с. 300–301].

Но есть и другие, прямо противоположные свидетельства, которые говорят о том, что в отстранении от власти Государя и династии Романовых ключевую роль сыграл заговор верхушки Государственной Думы, Государственного Совета и военных. Во главе заговора стояли М.В. Родзянко, А.И. Гучков, А.В. Кривошеин, В.В. Шульгин, генералы Н.В. Рузский и М.В. Алексеев. По воспоминаниям барона Фредерикса, известным в изложении графини М.Э. Клейнмихель, Н.В. Рузский грубым насилием принудил колеблющегося царя подписать заготовленное отречение от престола. Рузский держал Николая II за руку, другой рукой прижав к столу перед ним заготовленный манифест об отречении и грубо повторял: «Подпишите, подпишите же. Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остаётся. Если Вы не подпишите – Я не отвечаю за Вашу жизнь». Николай II во время этой сцены смущённо и подавленно смотрел вокруг [4, с. 59–60].

«Для получения подлинного отречения Императора Николая II, – писал уже будучи в эмиграции М.В. Родзянко, – Председатель Государственной Думы, который не имел возможности ни на один шаг оставить столицу по сумме разных причин, были командированы: Член Государственного Совета А.И. Гучков и Член Государственной Думы Шульгин. Лица эти, прибыв в Ставку в Псков, явились к Государю и получили уже готовое отречение в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Отречение было подписано 2 марта 1917 года. Здесь уместно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению. Вышеприведенный мною дневник Царя не оставляет в этом никаких сомнений, и я с негодованием отвергаю все эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличии подобных действий со стороны лиц, безупречных по своему прошлому за время своей государственной деятельности.

Таким образом, Верховная власть перешла, якобы, к Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возник для нас вопрос, какие последствия может вызвать такая совершенно постановка вопроса и возможно ли воцарение Михаила Александровича, тем более, что об отказе за сына от престола в акте отречения не сказано ни слова. Прежде всего, по действующему закону о престолонаследии царствующий Император не может отказаться в чью-либо пользу, а может этот отказ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцарение тому лицу, которое имеет на то законное право, согласно акта о престолонаследии.

Таким образом, при несомненно возрастающем революционном настроении масс и их руководителей, мы, на первых же порах, получили бы обоснованный юридический спор о том, возможно ли признать воцарение Михаила Александровича законным. В результате получилась бы сугубая вспышка со стороны тех лиц, которые стремились опрокинуть окончательно монархию и сразу установить в России республиканский строй. По крайней мере, член Государственной Думы Керенский, входивший в состав Временного Комитета Государственной Думы, без всяких обиняков заявил, что если воцарение Михаила Александровича состоится, то рабочие города Петрограда и вся революционная демократия этого не допустят. ... Для нас было ясно, что Великий Князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий Князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него. Лучшей иллюстрацией может служить следующий факт: когда А.И. Гучков вместе с Шульгиным вернулись из Пскова с актом отречения Императора Николая II в пользу своего брата, то Гучков отправился немедленно в казармы или мастерские железнодорожных рабочих, собрал последних и, прочтя им акт отречения, возгласил: «Да здравствует Император Михаил!», но немедленно же он был рабочими арестован с угрозами расстрела, и Гучкова с большим трудом удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшего полка.

Несомненно, что были и сторонники Великого Князя Михаила, и его воцарение означало бы начало гражданской войны в столице. Возбуждать же гражданскую войну, при наличии войны на фронте и ясного понимания нами, что гражданская война вызовет такую смуту в тылу, которая лишит Действующую Армию необходимого подвоза пищевых и боевых припасов, – на это мог решиться только Ленин, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась в этот ужасный момент не в возбуждении страстей, а в умиротворении и приведении взволнованного моря народной жизни в должное успокоение. Такой мерой было, несомненно, отречение Императора Николая II и воцарение Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Но упущение времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. В революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что-то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению. Так было и в этом случае» [1, с. 301–303].

Такова версия событий, изложенная одним из непосредственных участников, а потому и заинтересованным в положительных для себя их интерпретациях.

1. Родзянко, М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок Председателя Государственной Думы. С дополнениями Е.Ф. Родзянко. – М., 2002.
2. Стрелочники революции. В катастрофе 1917 года обвинили министров путей сообщения и земледелия, спасших Петроград от голода // Родина. – 2016. – № 10. – С. 44–49.
3. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М. : Современник, 1992.
4. Багдасарян, А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918) / А.О. Багдасарян. – М., 2013.
5. Холяев, С. В. Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции / С.В. Холяев // Вопросы истории. – 2016. – № 10. – С. 59–65.

Назарова Е.Л.

ПИСЬМА К Н.А. РУБАКИНУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ (1911–1922 гг.)

Переписка выдающегося русского ученого, педагога, создателя системы самообразования для широких народных масс Н.А. Рубакина (1862–1946) со своими читателями и ученикам – очень важный и до сих пор не изученный источник по истории Российской империи и ее народов. Особая ценность и содержательность писем как исторического источника проистекает из основного принципа самообразования, предложенного Рубакиным: человеку, стремящемуся самостоятельно освоить знания, необходима постоянная помощь, а потому учитель должен иметь максимальную информацию об ученике.

Система самообразования для Российской империи, где среднее образование не было доступно для большей части жителей, оказалась чрезвычайно востребованной. Перу Рубакина принадлежали многочисленные книги и статьи по различным наукам и событиям в обществе, из которых читатель получал новые знания в наиболее доступном для малообразованного человека изложении [1]. Общеобразовательные статьи публиковались и в нескольких популярных журналах «Журнал для всех» («Новый журнал для всех»), «Вестник знания» с приложениями и др., причем в них были рубрики «вопросов и ответов», в которых читатели могли письменно задавать Рубакину интересующие их вопросы. Кроме того он неоднократно публиковал анкеты для тех, кто хочет обратиться к нему за помощью и которая помогала ему составить программу для желающего заняться самообразованием.

В анкете он просил сообщать читателя сведения о возрасте, профессии, образовании, отношении к природе, научных и общественных интересам, знакомстве с литературой, планах на будущее. За 30 с лишним лет он помог по переписке более, чем 10 тыс. своих заочных учеников (подавляющее большинство – до распада империи) [4, с. 7] Поскольку большинство его корреспондентов, подробно отвечали на вопросы анкеты, письма не только содержат информацию о самих учениках Рубакина, но и характеризуют российское общество предреволюционного времени. Кроме того, некоторые из заочных учеников советовались с Рубакиным по различным жизненным проблемам, рассказывали о ситуации в семье и о тех людях с которыми они постоянно общались. Эти сведения также несут важную информацию для представления о Российской империи начала XX в.

Среди учеников были представители из разных регионов и многих наций Российской империи. Сгруппированные по национальному принципу письма позволяют изучать историю от-

дельных народов и частей страны в контексте истории Российской империи в целом. Подобное исследование находится лишь на начальной стадии [2; 5].

Далее приводятся результаты анализа переписки Н.А. Рубакина с 14 латышскими читателями, относящейся к 1911–1922 годам. В своих письмах они называют Рубакина «учитель», «советник», «вдохновитель жизни». Авторы писем – начинающая писательница (Марта Путнис), реалист (Александр Бредерман), ученик лесного училища (А.Силинь), учитель приходской школы и сотрудник газеты «Dzimtenes Vēstnesis» (Альфред Сипол), конторский (Наколай Радвил) и почтово-телеграфный (К.Рожукалн) служащие, судебный письмоводитель и председатель Крестьянского суда (Эд. Раусе), земледельцы и дети крестьян-хозяев (Фридрих Фратнек, Матвей Озол и Яков Цельмс), подпоручик (Рудольф Клинсон), рабочий (Петр Эглит), а также батрак Иоанн Озол¹ [3]. Причем за пределами этнической родины жили Клинсон (служил в Благовещенске), А.Силинь (учился в Томской губернии; вполне вероятно, что он и вырос в сибирской латышской колонии), Цельмс (работал в хозяйстве отца в латышской колонии в Калужской губернии). Эглит работал на заводе в Петрограде, куда он мог попасть с эвакуированными заводами из Рижского региона (письмо датировано 1916 г.). Иоанн Озол после освобождения из плена Первой мировой войны, остался работать на хозяина фермы в Германии.

Таким образом, эти ученики Рубакина представляли основные социальные и профессиональные группы латышского общества начала XX в., причем, молодое поколение латышей в возрасте от 17–18 до 32 лет. Самому старшему и единственному из них семейному Э. Ряусе было 39 лет. При этом они выделялись из общей массы соотечественников своей активной жизненной позицией, осознанной целью в жизни, для реализации которой необходимы были дополнительные знания.

Большинство из них выросли в сельской местности (кроме рижанина Радвила), хотя непосредственно в своем хозяйстве вместе с наемными работниками работали Фратнек и Матвей Озол (оба из Курземе) и Цельмс. Тем не менее, кроме Иоанна Озола все эти люди получили образование не ниже неполного среднего. «Университетами» Иоанна стала школа для пленных в лагере в Германии. Сын бедных родителей Эд. Раусе после начальной школы был чернорабочим, посыльным, переводчиком в суде, пока не смог сдать экзамен за курс уездного училища. Клинсон, Силинь, Цельмс, Фратнек, Радвил, Рожукалн и, очевидно, Эглит окончили 3-х или 4-х классное городское училище. М. Озол был после третьего класса исключен из городского училища за вольнодумство. Нет сведений о И.Я. Лельмане, но так как письмо его написано грамотно и он просит посоветовать пособие для обучения работы на пишущей машинке, он, мог быть или секретарем, или письмоводителем, то есть, имел образование не ниже неполного среднего. То есть, необходимость давать детям по возможности хотя бы неполное среднее образование осознавалась представителями всех сословий.

О дальнейшем образовании выпускники таких школ заботились уже сами, после нескольких лет работы, выбирая те учебные заведения, которые могли бы обеспечить им более обеспеченную жизнь и повышение социального статуса: военное училище (Клинсон), престижное лесное училище (Силинь), ремесленное училище, общеобразовательные и специальные электротехнические курсы (Эглит). Цельмс искал средства для поступления в университет Шанявского в Москве.

Сложнее было дать детям базовое среднее образование. Из 14 латышских корреспондентов Рубакина только двое окончили гимназию (Марта и А. Сипол); А. Бредерман учился в реальном училище. Причем из подробных писем М. Озола и Бредермана видно, что они недовольны тем, чему и как их учили. Недовольство вызывало слишком большое место в школьной программе уроков Закона Божьего, постулаты которого вызывали недоверие у учеников, уже знакомых с теорией Ч.Дарвина. Александр писал также, что в преподавании предметов не учитывалось, что три четверти учеников училища были латышами, не всегда понимавшими объяснение учителя, а обучение русскому языку было поставлено плохо. Не нравилось равнодушие учителей к ученикам, что приводило и к падению интереса реалистов к учению.

Независимо от типа оконченного учебного заведения, все латышские ученики Рубакина считали необходимым заниматься самообразованием: для повышения общего уровня знания, чтобы определиться в жизни, чтобы понять «сущность вселенной» или для изучения отдельных наук: химии и физики (Рожукалн, Цельмс), философии и мистики (Клинсон), и т.п. Самые молодые – Силинь, М.Озол, Бредерман – хотят понять ход развития общества, причину социаль-

¹ Имена учеников Рубакина приводятся в том виде, как они сами называют себя в письмах.

ного неравенства, суть частной собственности. Силиня больше интересуется литература и латышский театр. М. Озол волновала судьба всех рабочих, Бредермана – конкретно – латышских. М. Озолу нужна была также литература для лекций, которые он читал в Обществе трезвости в Фрауэнбурге (Салдусе). Цель Сипола – стать критиком латышской литературы. Радвил и И.Озол собирались применить приобретенные знания на пользу других людей. Раусе хотел сдать экзамен за курс средней школы, чтобы не потерять работу в судебном ведомстве.

Несмотря на недовольство школьным образованием, ученики Рубакина все-таки получили базу для освоения дальнейших знаний. Кроме художественной и научной литературы, а также периодики на латышском языке, ко времени знакомства с Рубакиным его латышские ученики неплохо знали и русскую классику, которую читали в оригинале. В письмах они называют не только Пушкина и Толстого, но также Гончарова, Достоевского, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Жуковского, Грибоедова, Тургенева, Надсона, Горького, Короленко, других писателей. Причем читали они внимательно, примеряя поведение героев на себя, оценивая и анализируя содержание, определяя какой герой и почему больше нравится. Из иностранных писателей в русских переводах читали У. Шекспира, И.В. Гете (Клинсон), Г. Гауптмана и Ч. Диккенса и др. (Силинь).

По-русски и по-латышски еще до обращения за помощью к Рубакину большинство его учеников читали такие серьезные книги по интересующим их научным проблемам, как труды К.Е. Тимирязева и И.И. Мечникова, Ч.Дарвина, К. Маркса, И. Канта, Ф. Ницше, О. Вейнингера и др. От Рубакина каждый из них получал большой список литературы; некоторые ученики писали в ответ, что они уже прочитали и как поняли прочитанное.

Составляя для них списки литературы, Рубакин был уверен, что они смогут достать, по крайней мере, значительную часть из книг. Научно-популярные и научные труды, как русских, так и европейских ученых в русских переводах можно было купить не только в крупных, но и в уездных городах, где жили его читатели. Иногда книги брали в библиотеках, хотя чаще туда поступали лишь периодические издания. Важное место в распространении литературы занимала «Книга-почтой», которой пользовались латышские ученики Рубакина в разных частях империи. О развитой системе подписки на периодические издания говорит то, что находившиеся за пределами Латвии латыши выписывали как русские, так и латышские газеты и журналы. Реактивы и инструменты для химических опытов (для Рожукална и Цельмса) по рекомендации Рубакина можно было заказывать даже в Петербурге.

Разумеется, рассматриваемая группа латышей не была многочисленной. Ученики Рубакина жаловались ему, что встречают непонимание в своем окружении. Тем не менее, надо учитывать, что журналы по самообразованию имели массовые тиражи и широко распространялись (в продажу, в библиотеки или по подписке), в том числе, по всей Латвии. Кроме того, научно-популярные и художественные труды Рубакина печатались в журналах или отдельными брошюрами на латышском языке. А информация о выходе его книг публиковалась в газетах [6–10]. Так что можно с уверенностью сказать, что самообразованием по книгам Рубакина занимались многие латыши.

Таким образом, письма к Рубакину позволяют судить об образовании в Латвии, о большом значении самообразования в латышском обществе, а также о степени включенности латышей в общероссийское культурное пространство.

1. Брикман, Т. Я. (сост.) Николай Александрович Рубакин (1862–1946). Библиографический указатель. – М. : Пашков дом, 2012. – 226 с.
2. Назарова, Е. Л. Н.А. Рубакин и его латышские ученики / Е. Л. Назарова // *Vēsture: avoti un cilvēki*. XVIII. (Humanitārās fakultātes XXIV starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli). – Daugavpils, 2015. – 196–204 lpp.; <http://du.lv/fakultates/humanitara-fakultate/strukturvienibas/vestures-katedra>
3. Письма к Н.А. Рубакину // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 358. Оп. 210. Д. 61. (А. Бредерман), Оп.240. Д. 9. (Р. Клинсон), Оп. 248. Д. 7 (И. Лельман), Оп. 260. Д. 24 (И. Озол), О. 260. Д. 25 (М.Озол), Оп. 266. Д. 10 (М. Путнис), Оп. 266. Д. 33. (Н. Радвил), Оп. 266. Д. 65 (Э. Раусе), Оп. 267. Д. 60 (К. Рожукалн), Оп.274. Д. 39 (А. Силинь), Оп.274.Д.59 (А. Сипол), Оп. 283. Д. 59 (Ф. Фратнек), Оп. 285. Д. 32 (Я. Цельмс), Оп. 289. Д. 69 (П.Эглит).
4. Рубакин, А. Н. Рубакин. Лоцман книжного моря / А. Рубакин. – М. : Молодая гвардия, 1979. – С. 7.
5. Шмаков, А. А. Уральские адресаты Н.А. Рубакина / А. А. Шмаков // Археография и источниковедения истории и литературы на Южном Урале. Уфа, 1979. – С. 74–87.
6. Redakcijai piesūtītas grāmatas // *Sadzīve*. – 1911. – 20. dec.
7. Rubakins N. Mitroškas uzpūrešanās // *Pēterburgas Avīžu Literārais Pielikums*. 1903. №№23, 28; 1904. №№8–18.
8. Rubakins N. Mitroškas uzpūrešanās. // *Jaunības Tekas*. – 1913. – № 11; 791–810.
9. Rubakins N. Par varenām un briesmu pilnām dabas paradībām. Tulk. P. Sunds. R., 1905.
10. Rubakins N. No ka cilvēki cēlušies? Tulk. R. Makstis. R., 1911.

Каплиев А.А.
**МЕДИЦИНСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛАРУСИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Одной из характерных черт социокультурного развития белорусских земель в первые десятилетия XX столетия являлась интенсивная модернизация сферы здравоохранения, обусловленная общим подъёмом материально-технического и культурного уровня жизни населения. Изучение становления белорусской медицины в период смены политической и хозяйственной систем, а также кардинального переворота не только в государственной идеологии и сознании, но и всей общественно-культурной парадигме построения жизни социума, порождает множество сложностей и разночтений при трактовке преобразований, коснувшихся здравоохранения Беларуси в первой половине XX столетия.

В данном контексте особое значение приобретает изучение всего комплекса доступного исторического материала и введение в научный оборот максимально возможного круга источников. При воссоздании картины развития службы охраны здоровья в целом, специалист-историк не может игнорировать такой вид источника как медицинская периодика. Настоящее сообщение посвящено характеристике основных медицинских периодических изданий первой трети XX в. на территории Беларуси. Описанию медицинской прессы посвящён ряд статей историков медицины и работников здравоохранения, однако попытка обобщения и исторического анализа её содержания в рамках данной статьи проводится впервые [1; 8; 12; 15].

К началу XX столетия в городах Беларуси сложилась сеть медицинских обществ, объединявших наиболее прогрессивных представителей «врачебного сословия» для совместного рассмотрения не только показательных частных случаев из врачебной практики, но и выработки проектов улучшения медицинской части белорусских губерний. Издание протоколов заседаний и «трудов» подобных обществ стало предвестником появления медицинской периодики на территории Беларуси [15, с. 11–12].

Одним из крупнейших медицинских объединений Беларуси было организованное в 1862 г. Минское врачебное общество, которое в 1910 г. реализовало проект издания собственного ежемесячного журнала, получившего название «Минские врачебные известия» (МВИ), издававшегося в 1910–1915 гг. Постоянными авторами журнала были активные члены Общества минских врачей, а также корреспонденты из числа медработников, работавших на территории Минской губернии. Материалы, публиковавшиеся в МВИ можно условно разделить на три основные группы: отчеты и протоколы медицинских обществ о проведении конференций, съездов и пр.; обзорные статьи, посвященные развитию здравоохранения Беларуси либо ближнего зарубежья; разборы частных клинических случаев, инновационных методик лечения, испытаний новых препаратов [11, с. 244–250].

Важные сведения, характеризующие облик белорусских городов в изучаемый период, дают периодически публикуемые в МВИ санитарные очерки Минска и других городов губернии. Особенностью журнала была принципиальная открытость и многоплановость публикуемых материалов. В журнале постоянно появлялись статьи, посвященные острым вопросам сиюминутной жизни врачей, описывались недостатки в санитарном состоянии городов, бытовые проблемы взаимопонимания с населением в сельской местности (последняя группа публикаций, иллюстрировавших, насколько пережитки укоренились в деревнях и тормозили развитие медицины, представляет большой интерес для этнографов), даже материалы «судов чести», решавших конфликтные вопросы медработников [2, с. 5–11].

Особенно яркими и выделяющимися стали публикации и стенограммы выступлений врачебного инспектора Минской губернии С. Н. Урванцова. С момента вступления в Минское врачебное общество его смелые, и, зачастую, труднореализуемые инициативы встречали противоречивые отклики, однако мало кого оставляли равнодушным. С началом издания МВИ С.Н. Урванцов, кроме

подробных критических обзоров недостатков существующей медицинской организации, выдвигал различные проекты улучшения здравоохранения Минской губернии.

Следует отметить особую роль С. Урванцова и МВИ в освещении процесса создания службы скорой медицинской помощи в г. Минске. Начало издания МВИ совпало по времени с решающими этапами организации минской скорой помощи в форме ночных дежурств врачей и санитарной кареты Красного Креста. В издании содержалась информация не только по организационным аспектам создания скорой помощи, но и количественные показатели её деятельности [14].

В 1915 г., после перерыва в издании, связанном с началом Первой Мировой войны, настроение и содержание публикуемых материалов изменилось. Количество критических очерков резко снизилось, основной материал составляли разборы случаев операций и лечения боевых ранений, что, несмотря на важность медицинской составляющей, мало пригодно для исторического анализа.

Другим схожим по тематике медицинским изданием являлась «Врачебно-санитарная хроника Витебской губернии», издававшаяся с 1906 по 1915 гг. Выход подобных журналов происходил по всей Российской Империи, однако на территории Беларуси получил распространение только в Витебской губернии. В журнале, в отличие от МВИ, фактически отсутствовали аналитические и обзорные публикации, а также статьи новаторского характера.

Из отличительных особенностей «Врачебно-санитарной хроники» следует отметить большое внимание к эпидемической ситуации в Витебской губернии, выразившееся в публикации отчетов о мероприятиях, направленных на борьбу с инфекционными заболеваниями [7, с. 1–9]. Кроме того в журнале регулярно появлялись публикации официальных постановлений руководящих органов здравоохранения, что также характеризует издание как уникальный и важный для изучения источник.

В связи с началом Первой Мировой войны и приближением линии фронта к центрам издания медицинской периодики, её печать прекратилась. В послереволюционный период развитие медицины Беларуси происходило в рамках построения советской модели здравоохранения, основывавшейся на принципах общедоступности, квалифицированности и бесплатности. Некоторые территориальные органы здравоохранения — губернские и городские отделы здравоохранения (губздравы и горздравы) начали издание собственных печатных органов.

Первым журналом такого рода стали «Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения», вышедшие в 1919 г. Опубликованные в журнале материалы делились на два блока. Первый блок «Действия и распоряжения правительства» включал официальные постановления Народного Комиссариата Здравоохранения и Гомельского Губернского отдела здравоохранения, многие из которых касались борьбы с эпидемией инфекционных заболеваний. Второй блок «Общий отдел» наиболее интересен для историков: в данном разделе опубликованы уникальные сведения об обстановке в недавно образованной Гомельской губернии в условиях военных действий и начального этапа строительства советской системы [12, с. 80].

Для историков медицины ценнейшим источником является опубликованный в «Известиях» «Отчет Гомельского губернского отдела Народного Здравоохранения на 1 июля 1919 г.». Данный документ разбит на логические подразделы и особо примечателен подробной информацией о деятельности всех подразделов губздравицы [9, с. 17–31]. Следует отметить, что значительную часть отчета занимает не проделанная работа, а планирование будущих мероприятий, что объективно обусловлено тем фактом, что губздрав начал свою работу только весной 1919 г., и в условиях наступившей эпидемии холеры, тифа и других инфекционных заболеваний, только приступил к активной деятельности [10, с. 100]. Весьма вероятно, что ввиду чрезвычайных обстоятельств эпидемии и военных действий «Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения», планировавшиеся как ежемесячное регулярное издание, вышли только единожды, и даже первый номер появился с большим опозданием. Сегодня данное издание является уникальной библиографической редкостью.

Продолжателями традиции издания региональной медицинской периодической печати являлись журналы «Санитарно-статистический бюллетень» в г. Витебске и «Бобруйские медицинские известия» (БМИ). Значительную роль в издании БМИ сыграл заведующий лечебным подразделом Бобруйского отдела здравоохранения А. А. Паперно, ставший ответственным редактором журнала, однако умерший вскоре после начала его издания [4, с. 1]. Ввиду большого влияния активных членов дореволюционного врачебного сообщества, журнал имел сходную с МВИ структурой, однако, в отличие от упомянутого издания, градус риторики и остроты статей в БМИ был заметно ниже.

Важное место занимало освещение общесоюзных мероприятий, конференций, съездов и постановлений центральных органов руководства здравоохранением [5, с. 32–33].

Важным элементом здравоохранения БССР стало созданное в сентябре 1921 г. Белорусское общество Красного Креста (БОКК) [3, с. 10]. С 1926 г. начал издаваться орган печати общества – «Бюлетэнь Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу», выходявший до 1929 г. Основными направлениями деятельности БОКК являлись санитарно-оборонные и санитарно-оздоровительные мероприятия, что находило отражение и на страницах «Бюллетеня», однако особенностью журнала и главным отличием от других медицинских изданий стала его насыщенность иллюстративным материалом [6, с. 3, 5, 8, 9, 12].

Кроме того, в условиях развернувшейся белорусизации, одним из важных нововведений в «Бюллетене» БОКК стало внедрение белорусского языка, что также имело место и в центральном органе печати Народного Комиссариата Здравоохранения БССР – журнале «Беларуская медычная думка», который издавался на белорусском и русском языках.

Идея создания журнала появилась в 1922 г., однако на её реализацию ушло еще два года, что было связано с организационными и финансовыми трудностями. Постепенно вырабатывая четкую структуру (6 разделов) и периодичность, журнал приобрёл свой уникальный облик, особенностью которого стала публикация научных и обзорных материалов, посвященных здравоохранению БССР в целом, аналитических статей, описывавших недостатки дореволюционной медицины. Важной частью издания стала регулярная печать декретов и постановлений правительства БССР, относящихся к области здравоохранения. Следует отметить, что на страницах журнала описывался ход белорусизации медицинских учреждений страны [8, с. 9–10].

К 1929 г. издание «Беларуской медычнай думкі» было прекращено в связи с недостатком средств [1, с. 3]. Вполне вероятно, что средства могли бы изыскаться, однако сворачивание белорусизации обусловило отпадение необходимости издания национального органа медицинской печати. Медицинская периодика Беларуси была возрождена лишь в 1938 г. с началом издания «Медицинского журнала БССР», который фактически являлся преемником «Беларуской медычнай думкі» [1, с. 3].

Таким образом, на протяжении трёх десятилетий произошло становление белорусской медицинской периодики. Несмотря на нерегулярность и неупорядоченность издания, прерывавшегося по самым различным причинам, белорусская медицинская периодика является очень важной группой источников, анализ которой позволяет историку взглянуть на преобразования в общественно-политической жизни страны с совершенно неожиданной стороны в контексте развития службы охраны здоровья.

1. Абаев, Ю. К. Журнал «Здравоохранение»: люди, годы, события / Ю. К. Абаев // Здравоохранение. – 2014. – № 9. – С. 2–7.
2. Балковец, С. В. Взгляд сельского населения Минской губернии на холеру, самозащита его от эпидемии и отношение к медицинскому персоналу / С. В. Балковец // Минские врачебные известия. – 1910. – № 7. – С. 5–11.
3. Беларускі Чырвоны Крыж: яго гісторыя і задачы. – Менск : Цэнтральны Камітэт Беларускага Таварыства Чырвонага Крыжу, 1925. – 14 с.
4. Бобруйскіе медыцынскія известия. – 1922. – № 1–2.
5. Бобруйскіе медыцынскія известия. – 1922. – № 3.
6. Бюлетэнь Цэнтральнага Камітэту Беларускага таварыства Чырвонага Крыжу. — Менск: 6. Выд. ЦК Бел. т-ва Чырвонага Крыжу. – 1927. – № 4–7.
7. Врачебно-санитарная хроника Витебской губернии. – 1912. – № 8–10.
8. Змачинская, Н. Ф. Журнал «Белорусская медицинская мысль» // Н. Ф. Змачинская, Т. П. Лыскова // Здравоохранение. – 2014. – № 9. – С. 8–15.
9. Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1.
10. Каплиев, А. А. Развитие медицины Гомельской губернии в первые послереволюционные годы (1919–1924) / А. А. Каплиев // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зборнік навуковых артыкулаў / рэдкал. Р. П. Лазько (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – С. 99–105.
11. Минские врачебные известия. – 1911. – № 11.
12. Мирский, М. Б. Первенец советской медицинской печати Белоруссии / М. Б. Мирский // Здравоохранение Белоруссии. – 1964. – № 9. – С. 80–81.
13. Сергей Николаевич Урванцов [Фотография] // Фонды Республиканского музея истории медицины Беларуси. – НВ 71/1.
14. Урванцов, С. Н. История ночных врачебных дежурств в г. Минск / С. Н. Урванцов // Минские врачебные известия. – 1910. – № 10. – С. 24–25.
15. Шарабичев, Ю. Т. Научные медицинские журналы: история становления и проблемы развития в Беларуси / Ю. Т. Шарабичев // Медицинские новости. – 2008. – № 5. – С. 11–18.

Яковлева Г.Н.
ПРАЗДНОВАНИЕ ДНЯ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.
НА СТРАНИЦАХ ВИТЕБСКИХ ГАЗЕТ 1920-х гг.

После революции 1917 года не было понятия «политика памяти», но большевики очень хорошо понимали роль государства в утверждении новой символики, новых героев и новых праздничных дат. «Будучи важной частью советской праздничной культуры, государственные праздники на всем протяжении своего существования укрепляли связь между населением и властью посредством совместного участия в торжествах; фиксировали в общественном сознании значимые для страны события и факты; способствовали распространению и закреплению в массах пропагандируемых идей, взглядов, ценностей, идеологии» [1, с. 4]. Статья 10 Декрета «О восьмичасовом рабочем дне» (29.10.1917) определила, что «в расписание праздников, в кои не полагается работать» включались все воскресные дни, главные христианские праздники и уже 27 Февраля (Низвержение самодержавия) и 1 Мая (День Интернационала). Празднование 7 ноября (день Пролетарской Революции) было установлено специальным постановлением ВЦИК 18 сентября 1918 г. «О дне празднования годовщины Великой Октябрьской социалистической революции». 2 декабря 1918 г. особая комиссия при СНК РСФСР приняла Правила о еженедельном отдыхе и о праздничных днях, в которых оговаривались старые религиозные и новые государственные праздники: Новый год (1 января); День 9 января 1905 года (22 января); День низвержения самодержавия (12 марта); День Парижской коммуны (18 марта); День Интернационала (1 мая); День Пролетарской революции (7 ноября).

Рассмотрим, как освещалось их празднование в газетах, издаваемых партийными и советскими органами г. Витебска в 1920-е гг. Общеизвестна та роль, которую сыграл в оформлении празднования первой годовщины Октябрьской революции в Витебске М. Шагал. Сначала оформление получило положительную оценку официальных властей, однако со стороны обывателей, не понимавших языка “левого” искусства, раздавалось немало недоуменных голосов. Следующим советским торжеством, в оформлении которого Шагал, как комиссар искусств, должен был принять непосредственное участие, было празднование 1 Мая 1919 г. Однако к этому времени началось давление на футуристов в Москве. Отстранение их от оформления революционных праздников в столице сразу сказалось и на позиции местных партийцев. В апреле 1919 г., обсуждая предстоящее празднование 1 Мая, руководители витебских большевиков взяли его организацию в свои руки. «Футуризм вовсе не пролетарское творчество, а творчество буржуазное и только благодаря тов. Луначарскому футуристы заняли ответственные места, но пролетариат их везде и всюду выметает», – говорил один из местных партийных лидеров Пинсон. «Не будет развешано плакатов, как в Октябрьские дни, значения которых никому не было понятно, и на которые была затрачена огромная сумма денег», – вторил другой [2, л. 19об.–20]. На общем собрании Витебской организации РКП(б) и заседании Витебского губкома партии при обсуждении вопроса о праздновании 1 Мая было подтверждено, что контроль над устройством праздника берет на себя партийный комитет. Член губкома С. Шейдлина заявила: «Форма празднеств Октябрьских дней не удовлетворила рабочих, но на этот раз устройство празднеств берет на себя партийный комитет. Для этого выделена Комиссия из трех лиц: Крылов, Пинсон и Пикман, а также будут привлечены представители профессиональных союзов и специалисты в лице художников, но они будут работать под руководством партийного комитета и будут делать то, что нам желательно». Постановление губкома звучало еще категоричнее: «Футуристические плакаты праздника считать неприемлемыми» [3, с. 80–81]. Пафос революционного авангарда в оформлении празднований 7 ноября и 1 Мая сошел на нет. Постепенно выработались ставшие традиционными формы празднования этих главных советских торжеств, а сами они сохранились весь советский период истории.

День 9 января 1905 г., День низвержения самодержавия и День Парижской коммуны в конце 1920-х гг. были законодательно лишены статуса выходного дня, а Февраль постепенно отошел в тень Октября. Но их значение в общественно-политической жизни страны в те годы было достаточно значимо и это хорошо видно на региональном уровне. Особенно активно отмечались события, связанные с революцией 1905 года. В январе 1924 г. развернулась массовая кампания по внедрению новой советской безрелигиозной обрядности. В память 9 января оршанские рабфаковцы присвоили новорожденному мальчику имя «Дян», а на кожевенном заводе в Витебске секретарь

партячейки в ходе красных октябрин предложил назвать девочку «Деяной» [4, л. 149, 83 об.]. В память об этих событиях в январе 1924 г. печатался целый газетный разворот «9-е января». В нем сообщалось о том, что в клубе губкома РКП(б), в клубе им. Хайкина, в клубе «Юных пионеров» состоялись собрания, лекции, вечера, посвященные 9 января. Газета напечатала стихи местных авторов о революции, материалы о священнике Гапоне, воспоминания очевидцев событий 1905-1907 гг. [4, л. 50об]. Сообщалось, что 24 января в витебском губернском исправительном доме был проведен доклад на тему «Кровавое воскресенье». Струнный оркестр и хор заключенных исполнили «Интернационал», похоронный марш, «Вы жертвою пали» [4, л. 80].

Новый государственный праздник появился в связи со смертью В.И. Ленина 21 января 1924 г. По всей стране с 22 по 27 января был проведен целый ряд мероприятий, направленных на увековечение его имени. День 21 января 1924 г. был объявлен траурным днем, Петроград было решено переименовать в Ленинград, а в Москве и других городах намечалось сооружение памятников вождю. По всей стране для этих целей специальными комиссиями начался сбор средств. Вслед за Моссоветом, в знак глубокого траура по случаю смерти В.И. Ленина все театры и кино Витебска закрыли до 27 января [4, л. 54]. Губернская комиссия по организации траурного шествия в день похорон Ленина 27 января несколько раз информировала население о том, что и как будет проходить в этот день. Были организованы колонны и намечены пути их шествия по городу. Знамена должны были быть черные или красные с черной каймой. Сообщалось, что «опускание тела Ленина в могильный склеп состоится в 4 часа дня и будет сопровождаться артиллерийским салютом». «При первом выстреле обнажаются головы и склоняются знамена», а после их окончания колонны начинают расходиться [4, л. 63]. В Витебске и других городах, местечках и деревнях, в учебных заведениях, на предприятиях, в рабочих, партийных, комсомольских клубах, сельсоветах прошли траурные митинги и собрания. На призыв «Известий Витебского губисполкома и губкома РКП» присылать отзывы с мест на кончину вождя откликнулись рабкоры, партийные и комсомольские ячейки. Публиковались телеграммы и отклики на смерть вождя от рабочих, крестьян, студентов, красноармейцев, детей города и губернии. Скорбели о смерти Ленина и призывали сплотиться вокруг РКП(б) заключенные губисправдома. Крестьяне одной из деревень Велижского уезда, переживая о смерти вождя, давали обещание, что заветы Ильича, «являющиеся для них *красным евангелием*, будут неуклонно проводиться в жизнь» [4, л. 87]. Крестьяне местечка Ореховно одной из волостей Полоцкого уезда и расположенной там же пограничной воинской части на общем собрании постановили: ходатайствовать перед ЦИК БССР о переименовании в память об В.И. Ленине м. Ореховно в Ильично [4, л. 185]. На многочисленных собраниях принимались резолюции о присвоении имени Ленина ряду школ, губернскому показательному театру, механическому техникуму, центральной витебской амбулатории, 1, 2, 3-му лесопильному заводу [4, л. 77 об.]. Губернская юношеская газета «Юный творец» стала называться «Юный ленинец». Витебская организация РКП(б) на своем траурном заседании постановила на средства организации соорудить в Витебске памятник В.И. Ленину. Это решение вызвало дискуссию, т.к. «эта незначительная оговорка – “на средства организации” больно ударила по самолюбию трудящихся, пробудила в них пролетарскую гордость». Беспартийный тов. Левитан в своем письме недоумевал, почему строительство будет идти только на средства организации? И утверждал, что у беспартийных вместе с партийными «один учитель тов. Ленин и на площади Свободы может быть один памятник великому вождю, созданный руками всех трудящихся». Губком использовал письмо для утверждения преданности трудящихся заветам Ленина, более того, акцентировал внимание и на том, что смерть вождя оплакивает и «трудовая, честная беспартийная интеллигенция». Интересно, что как бы предваряя будущее решение о совмещении траурных дат, один из членов витебской коллегии адвокатов писал: «Печальный день, – 9 января, – пролития крови рабочего класса отныне стал не только днем воспоминаний, зовущих к новой борьбе, но и днем глубокой скорби трудящихся всего мира по безвременно погибшем их великом вожде» [4, л. 77 об.]. Были втянуты в массовые мероприятия в связи с кончиной Ленина и дети. В Велижской еврейской детской коммуне после доклада на торжественном заседании по случаю вопроса об увековечении памяти т. Ленина дети «поклонились, что никогда не забудут дорогого учителя и постановили назвать свою коммуну его именем» [4, л. 127]. Девятилетняя ученица одной из школ Витебска написала стихи: «Милый Ленин, // Бедный мой, // Ты спишь // В земле сырой. // Когда подрасту, // В твою партию вступлю, // Буду я бороться, как ты, // За счастье рабочих и бедноты. // Бедный Ленин, // Милый мой, // Ты лежишь // В земле сырой» [4, л. 72 об.]. Делегатки, посещавшие витебские детские сады, сообщали, что на занятиях «обязательно все рисуют Ленина в гробу,

это наиболее обычная тема для ребят» [5, л. 9]. В Витебске в центральном детском очаге дети лепили «ящик или корыто, в котором лежит фигурка, означающая человека». Руководители очага пояснили, что это Ленин в гробу. Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок – «Ленин в гробу» – много [4, л. 105]. На вступительном собеседовании в витебский Еврейский педагогический техникум в сентябре 1924 г. все поступавшие писали письменную работу. Одна из предложенных им тем звучала так: «Как у нас встретили смерть Ленина» [6, л. 1].

9 сентября 1924 г. Президиум ЦИК СССР издал постановление «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина». В нем разъяснялось, что день кончины В.И. Ульянова-Ленина (21 января), объявленный днем траура, является рабочим днем. Нерабочий день 22 января, связанный с событиями 9 января 1905 г., одновременно посвящается и памяти В.И. Ульянова-Ленина.

На VI чрезвычайном съезде советов БССР (март 1924 г.) при обсуждении мер по увековечиванию памяти Ленина упоминались инициативы с мест: «полоски имени Ленина», которые крестьяне коллективно обрабатывали, а доходы шли на общественные нужды, крестьянки, ткавшие полотна для учреждений имени Ленина, дети, устраивавшие «уголки имени дяди Ленина» [7, л. 187 об.]. Однако постепенно накал эмоций, во многом искренний, но и инспирированный властями, спадал. В 1926 г. «Заря Запада» в рубрике «2 года без Ленина» публиковала материалы о траурных собраниях, проходивших в городе. После докладов на заводах, в техникумах и школах состоялись пьесы и инсценировки, поставленные силами рабочих и учащихся. «В 6 час. 50 мин. 22 января 1926 года открылось общее собрание рабочих “Водосвета”. Около 120 человек собралось в маленький клуб почтить память великого вождя и жертв Кровавого воскресенья. Доклад тов. Рода о жизни и деятельности Владимира Ильича был выслушан с редким вниманием. Боялись шевелиться, чтобы не прослушать, что говорит докладчик». «23 января 1926 года в школьном клубе 5-й семилетки состоялся вечер самодеятельности, посвященный т. Ленину и 9-му января 1905 года. На вечере присутствовали красноармейцы содружественной части. После докладов о Владимире Ильиче и о 9 января были устроены дивертисмент и различные игры. Вечер прошел довольно оживленно. Г.Е.» [7, л. 39 об.].

С особым размахом в стране праздновалась 20-я годовщина революции 1905 г. 15 сентября 1925 г. всем профорганизациям разослали циркуляр ВЦСПС о предстоящем праздновании. В нем рекомендовалось кампанию открыть клубным вечером, на котором проводить беседы, громкие чтения, доклады, лекции, киносеансы, спектакли, инсценировочные суды и экскурсии, связанные с темой кампании. Значительная роль в проведении юбилея отводилась клубам. Программа клубного вечера 20-й годовщины революции 1905 г. должна была открыться «живым» календарем событий 1905–1907 гг. Затем шли циклы воспоминаний участников революционного и профсоюзного движения 1905–1907 гг. (из рабочих местных предприятий). Рекомендовалось организовать массовые шествия и демонстрации на места, имеющие историческое значение [1, с. 90]. По подобному сценарию проходили эти мероприятия и в Витебске. «Заря Запада» сообщала, что на фабрике «Профинтерн» 19 декабря состоялось общее собрание рабочих, а также красноармейцев и комсостава Н-ского дивизиона артиллерийского полка и представителей подшефной партийной ячейки. После доклада был послан пламенный привет 14-му съезду партии. Выступили с воспоминаниями о 1905 годе рабочие и представители подшефной ячейки, а после торжественной части все посмотрели инсценировку о революции 1905 года [7, л. 6]. Интересны в этих сообщениях бесхитростные комментарии рабкоров по поводу торжеств. 9 января состоялось общее собрание жен рабочих-строителей. Рабкор Забежинский писал: «Празднование юбилея 1905 года строителями проведено живо и весело. В воспоминаниях выступали многие подпольные работники и жены рабочих. Но, к сожалению, наш молодежь – комсомольцы и пионеры, все время шумели, кричали и не давали спокойно провести вечер. Пришлось ежеминутно прерывать собрание и призывать их к порядку. Слышны были крики: Довольно! *Тожэ революционеры, знаем мы вас! Даеши кино и баста!* Многие не смогли высказаться до конца. Такое явление совершенно недопустимо» [7, л. 20]. Похожей была картина и в школе имени Крупской. Здесь учителями, совместно с учениками, был устроен вечер воспоминаний, посвященный революции 1905 года. «Курсанты своими силами сделали два доклада: один на русском, другой на еврейском языке. Доклады сопровождалась световой газетой с цифрами и диаграммой, которая показывала положение рабочего класса и ход революции. *Но ребята плохо себя вели: все время шутили и смеялись. С трудом удалось довести доклада до конца.* Не мешало бы ученикам держать себя сдержаннее и не перебивать докладчиков», – сетовала М. Дубровская. Более интересную форму вспомнить о событиях 1905 года выбрали уча-

стники живой газеты при витебском клубе «Совработник». Они в своем выступлении удачно изобразили эпизоды революции 1905 года, «пальбу в безоружную толпу, наивно и слепо шедшую к “царю батюшке”». По мнению рабкора Яшки Вольного, особенно удачным по замыслу и по исполнению был лубок, представляющий всех героев самодержавия в виде манекенов, комично и правдиво рассказавших о себе и своем участии в огромном механизме царского строя [7, л. 20].

Таким образом, с одной стороны, витебские газеты были важным средством коммуникации, с помощью которого организовывались праздники, транслировались официальные оценки общественно-политических событий, происходивших в стране, а с другой стороны, в силу известного либерализма 1920-х гг. публикации на страницах местной печати отражают реалии того времени и неоднозначность восприятия происходившего. Организуемые властями мероприятия, посвященные празднованию политико-идеологических праздников, носили массовый характер. Однако даже для «сознательной» части молодежи события 1905 года воспринимались уже как далекая старина, а формы организации праздника в виде многочасовых докладов, традиционных шествий и митингов были не привлекательны.

1. Шаповалов, С. Н. Генезис советских государственных праздников на Кубани в 1918–1930-е гг. / С. Н. Шаповалов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. – 125 с.
2. ГАВО. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 24.
3. Хмельницкая, Л. К вопросу об участии Марка Шагала в оформлении революционных празднеств в Витебске / Л. Хмельницкая // Шагалавский сборник. Вып. 4. Материалы XXIV и XXV Шагалавских чтений в Витебске (2014–2015) / Музей М. Шагала; редкол.: Л. Хмельницкая (гл. ред.), И. Воронова. – Минск, 2016. – 280 с.
4. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 93.
5. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 110а.
6. ГАВО. – Ф. 905. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАВО. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 106.

Шишанов В.А.

АЛЕКСАНДР РОММ И «ЛЕВОЕ» ИСКУССТВО: PRO ET CONTRA

(по материалам витебской периодической печати)

Имя Александра Георгиевича Ромма (1886–1952) обычно упоминается в контексте тех лиц, с которыми ему приходилось общаться на протяжении жизненного пути. Это, прежде всего, Марк Шагал, затем Казимир Малевич и те, кто определял культурную жизнь Витебска первых послереволюционных лет [8; 36, с. 72]. Ромм приехал в Витебск в октябре 1918 г. по приглашению Марка Шагала, с которым подружился еще во время учебы в школе Е.Н. Званцевой. В Витебске Александр Георгиевич возглавил Комиссию по украшению города к первой годовщине Октябрьской революции [3, с. 609], затем занимал должности руководителя мастерской рисунка и лектора в художественном училище, заведующего секцией ИЗО внешкольного подотдела губоно, председателя Комиссии по охране памятников старины и предметов искусства при губотделе просвещения (1920–1922). Перед отъездом из Витебска в июле 1922 г. Ромм работал юрисконсультантом в Витебском таможенном округе [31].

В России начала XX века понятие «футуризм» приобрело более широкий смысл, чем совокупность принципов, определявших направление в искусстве, и стало синонимом новаторского («современного») искусства, многие представители которого после Октябрьской революции, стали называть себя «левыми» художниками.

По сохранившемуся творческому наследию, А.Г. Ромма можно скорее отнести к приверженцам сезаннизма, то есть достаточно умеренного крыла искусства начала XX века. Александр Георгиевич принимал участие в выставках, так о его работах, представленных на Первой государственной выставке (Витебск, 8 ноября – 22 декабря 1919 г.), сообщается следующее: «Работы Ромма («Пейзаж», «Натюрморт») обращают на себя внимание красочной гаммой» [14]. Но больше Ромм проявил себя в Витебске как один из ведущих критиков, хотя в печати это проявилось не сразу.

Впервые фамилия Ромма упоминается в витебской прессе в начале декабря 1918 г. в связи с подготовкой диспута на тему «Меньшинство в искусстве», на котором главным докладчиком должен был выступить М. Шагал [16; 34]. Но запланированный митинг не состоялся [35], и следующий пришлось ждать до начала февраля 1919 г. Ромм называется среди участников дискуссии [32], затем он фигурирует как инструктор коллегии по делам искусств и художествен-

ной промышленности Витгубоно [23], как член жюри конкурса на декорации для народных театров [12]. Выступает в качестве лектора и докладчика: 7 июля 1919 г. – докладчик на открытии первой выставки Художественного училища [19]; 23 ноября – дает «объяснения картин», выставленных на Первой государственной художественной выставке [17]; 24 ноября – лекция на тему «Художник Греко» [13]; 6 декабря – доклад с «обзором основных направлений и течений в живописи и их исторической эволюции» на диспуте [1]; выступление на диспуте 9 декабря [33]; 11 ноября 1920 г. – лекция на тему «Революция и изобразительное искусство» [7]; 28 мая 1922 г. – доклад на открытии выставки А. Бразера [5].

Однако краткие упоминания не раскрывают отношения Ромма к тому или иному течению в искусстве, а иногда отодвигают его в лагерь «не левых». Так, отвечая на протест, высказанный Обществом И.М. Переца в адрес губернской коллегии по делам искусств в связи с «концентрацией всех платных и бесплатных заказов в подотделе изобразительных искусств» [20], приверженец супрематизма И. Пуни к «левым» среди членов коллегии отнес только «европейски известного художника» М. Шагала и «футуристов» К. Богуславскую и И. Пуни [21]. Названный среди членов коллегии Ромм не был отнесен ни к одному из направлений.

Несмотря на последующую славу Витебска, как одну из столиц авангарда, сторонники «левого» искусства не «овладели» городом безоговорочно. Скорее наоборот, «левые» вынуждены были постоянно доказывать свою правоту, но и среди них не было единодушия [38].

Особенно это проявилось после приезда К. Малевича. Если несогласие окружающих с М. Шагалом выражалось скорее в связи с его административной деятельностью и проявлением личных качеств [3, с. 609–610], то Малевич, по сути, совершил переворот в учебном заведении, созданном Шагалом, остро нетерпимо относился к другим направлениям и стремился к полному доминированию супрематизма. Уже к осени 1920 г. это стало вызывать активное противодействие со стороны других участников художественного процесса, как в Витебске, так и в Москве [4, с. 53]. В ответ Малевич написал несколько гневных писем заведующему отделу ИЗО Наркомпроса Д. Штеренбергу, в которых среди своих недоброжелателей назвал А. Ромма [15, с. 137].

А. Ромма действительно волновала ситуация, сложившаяся в Витебских государственных свободных художественных мастерских (ВГСХМ). В Витебском областном краеведческом музее сохранился черновик докладной записки Ромма Штеренбергу [6], относящейся к концу ноября 1920 г.: «Группа Уновис, пользуясь всей полнотой власти, проводит узко-партийную политику во всех делах и начинаниях. Преподавание в 3-х живописных и декоративной мастерских сводится исключительно к изучению теории и методов кубизма, футуризма и супрематизма, причем методы и принципы докубистической эпохи всецело игнорируются, и учащийся, поступая в ВГСХМ, сразу приступает к работе в духе кубизма без какой бы то ни было теоретической или практической подготовки».

Ромм, отмечая, что большинство учащихся занимается по такой системе с нежеланием («наполовину подневольно»), заявляет: «Являясь убежденным сторонником нового искусства и изучения его в СГХМ, я считаю насильственное навязывание его неподготовленным и неразвитым учащимся абсолютно не педагогичным и вредным для их дальнейшего развития. Догматический академизм, безотносительно для какого стиля он являлся внешней формой, доказал на протяжении веков свою полную несостоятельность как форма художества». Политика воспитания и возрождения его в недрах СГХМ с содержанием нового искусства, явилась бы абсолютно неприемлемым по своему противоречию с самими основами всякого подлинного и творческого искусства». Выход из создавшегося положения Ромм видел в «авторитетном вмешательстве» отдела ИЗО Наркомпроса.

Для нас этот документ интересен, прежде всего, тем, что в нем А.Г. Ромм определил свое место в искусстве и свое отношение к различным направлениям. К сожалению, в печати до мая 1921 г. не выявлено ни одной публикации Ромма на эту тему за исключением смутного упоминания о «популярной» статье в каталоге Первой государственной выставки, дававшей «обзор всем течениям в живописи, представленным на выставке» [10]. Каталог, к сожалению, до настоящего времени недоступен.

17 мая 1921 г. появляется две крупные статьи Ромма. В первой из них Александр Георгиевич отвечает на письмо о музее современного искусства в Витебске [30], к формированию коллекции и созданию которого имел непосредственное отношение [18; 37, с. 22–24]. В статье автор кратко рассказывает историю создания музея, подчеркивает «немалую» художественную

ценность собрания и высказывает надежду на разрешение вопроса с поиском подходящего помещения [26].

Интересна для понимания позиции Ромма (и как почти единственный источник о событии) статья о выставке «Группы трех», проходившей 9–10 мая 1921 г. [2]. Автор характеризовал выставку как редкую возможность в Витебске познакомиться с современным искусством не по «теоретическим докладам и художественным митингам». На выставке представили свои работы молодые учащиеся ВГСХМ – Лев Зевин, Эфроим Волхонский, Моисей Кунин. Критик заметил, что участников группы объединяет прежде всего «глубокое уважение к выявленным гениальным Сезанном началам чистой живописной культуры» и стремление к индивидуальному творчеству «вне узкой догматики Уновиса».

Ромм особо отметил «дарование» Зевина, в котором наряду с индивидуальностью присутствует «близость к Сезанну и Пикассо», «сильный живописный темперамент» Волхонского, выразившийся в «беспредметной композиции». В работах Кунина автор выявил «многосторонние искания» – влияние творчества М. Шагала, В. Кандинского, Д. Штеренберга, «опыты супрематических построений».

Издание в 1921 г. в Витебске журнала «Искусство» (органа подотдела искусств губоно и профсоюза работников искусств (Сорабиса)) [9], предоставило многим витебским авторам площадку для выражения своего мнения. Александр Ромм не преминул воспользоваться этим, опубликовав в сдвоенном номере (№ 2–3) журнала 2 статьи.

В первой из них Ромм вновь обращается к теме создания музея современного искусства – характеризуется коллекция, повествуется о мытарствах с поиском помещения. Но в данном случае интересен краткий анализ опыта создания таких музеев в РСФСР и Германии. Критик отмечает, что отдел ИЗО Наркомпроса задался целью отойти от традиционной развески работ по стилям и эпохам и применить «новый метод»: «<...> в еще более наглядных и показательных формах путем создания музеев живописной культуры, долженствующих выявлять, прежде всего, все разнородные методы и приемы живописного творчества, как уже установившиеся, так и только намечающиеся, фиксировать изобретения и усовершенствования живописной техники, поскольку они выявлялись не только в картинах художников, но и во всяком живописном произведении, поучительном по своим цветовым или фактурным достижениям <...>». Ромм считал, что на этом пути и провинциальные музеи, не обладающие значительными коллекциями, могут сыграть «видную роль в пробуждении внимания к живописи вообще и ознакомления с основными течениями современного искусства» [27].

Следующая статья во многом перекликается с рассмотренной выше докладной запиской А. Ромма в отдел ИЗО о положении ВГСХМ. Ромм отмечает, что в мастерских осталось два направления – «натуралистического академизма» (Ю. Пэн) и «академизма супремокубистического» (К. Малевич), что вызывало недовольство учащихся. «Брожение» привело к появлению постановления педагогического совета об организации мастерских других направлений. Александр Георгиевич вновь подвергает критике «диктатуру» Уновиса, и сообщает, что его программа учебного процесса отвергнута «центром» и на очереди стоит выработка программы, построенной «объективно и широко» [22].

В конце августа 1921 г. вышел последний номер журнала (№ 4–6), в котором А.Г. Ромм также поместил две статьи. В публикации, посвященной 25-летию пребывания Ю.М. Пэна в Витебске, критик восторженно пишет о педагогической деятельности художника и стремится оценить его творчество «отбросив партийные оценки, предвзятость и художественное политиканство», «обывательское восхищение» и «нелепое огульное осуждение». Ромм отмечает широту «природного таланта» Пэна – «академический канон», техника «старых мастеров», «передвижничество», «период работы импрессионистической» – и даже далее: «В одном из последних [этюдов – В.Ш.] «Посещение раввином купца», фигуры взяты с сатирической экспрессивностью, подчеркнута едкостью красок, напоминающей иные жанровые вещи Шагала». Возможно, упомянутая работа сейчас известна под названием «Беседа в семье» (ВОКМ, кп 21850/37) и ее манера исполнения всегда вызывала сомнения в авторстве Пэна [11].

В заключение Ромм говорит о несомненном движении юбиляра «в сторону большой крепости и живописности» и надеется, его работа будет еще долгой и плодотворной [28]. Глубокое уважение критика отразилось и в газетной статье, посвященной юбилейной выставке Ю. Пэна [29].

В следующей статье из журнала «Искусство» дается обзор 4 выставок, прошедших в 1921 г., что явилось своего рода подведением итогов деятельности последних лет [24]. Ромм вновь высказывает положительные отзывы в адрес упомянутой выставки «Группы трех» и особо отмечает, что ее члены «из горнила супрематических умозрений, в<ы>несли твердую привязанность к живописи, не к той живописи, нужной Уновису лишь как орудие к преодолению начал старой культуры, а к прекрасному искусству выявления всей радужности и крепости цвета, всей мощи и упругости формы».

Говоря о выставке Уновиса, критик повторяет для характеристики деятельности объединения многие формулировки и постулаты его приверженцев и делает ироничный вывод: «Супрематист должен быть более универсален, чем Леонардо, более гениально прозорлив чем Коперник, более изобретателен, чем Эдисон». Переходя к анализу представленных работ, Ромм положительно высказывается о живописной технике и в то же время отмечает ряд недостатков: «Подход к работе скорее эстетический – об объективности и квазинаучной построенности едва ли может идти речь»; «Проглядывает неспособность ощутить и воплотить новую, не природную форму»; «Дилетантизм архитектурных проектов». Ромм особо отметил появление в начале 1920 г. «супрематических архитектурных сооружений» Л. Лисицкого, но весьма критически отнесся к новаторским ученическим «проектам целых городов, воздушнодвижущихся вокзалов, станций электрических и для аэро и т.п.».

Выставка учеников Пэна, по мнению критика, показала «полнейшее неумение видеть цвет, банальное постижение рисунка, поверхностность» и не дала «ничего утешительного». Лишь рисунки А. Ахола-Вало, Ромм отметил как содержащие «кое-что хорошее».

Последней публикацией Ромма перед отъездом из города стал обзор выставки А. Бразера, в котором дается высокая оценка графических живописных и скульптурных работ талантливого художника [25].

Выступления в витебской печати А.Г. Ромма являются важным источником о художественной практике новейших течений и творчестве ряда художников Витебска первых послереволюционных лет, и раскрывают автора как тонкого, вдумчивого критика, стремящегося объективно оценить различные направления в искусстве.

1. А. и Л. Диспут об искусстве // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 276. – 6 дек. – С. 4.
2. А.Р. [А. Ромм]. Худ. выставка «группы трех» // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1921. – № 108. – 17 мая. – С. 4.
3. Брук, Я. Марк Шагал и Александр Ромм. К публикации писем М. Шагала к А. Ромму (1910–1915) и воспоминаний А. Ромма «Марк Шагал» (1944) / Публикация, текстологическая подготовка и комментарии Я. Брука // Искусствознание. – 2003. – № 2. – С. 569–614. [с. 609]
4. В круге Малевича : Соратники, ученики, последователи в России 1920 – 1950-х : [Сб. ст. Каталог] / Гос. Рус. музей; [сост.: И. Карасик, Е. Баснер и др. Авт.-сост. кат.: Л. Вострцова и др.]. – СПб. : Palace Editions, 2000. – 359 с.
5. В Культур-лиге // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1922. – № 109. – 14 мая. – С. 2.
6. ВОКМ, кп 19659/6.
7. Выставка «Революция и Искусство» // Известия Витгубревкома и губкома РКП. – 1920. – № 256. – 9 нояб. – С. 2.
8. Единство душ : Елена Нагаевская и Александр Ромм / [сост.] М. В. Соколова. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2008. – 365, [3] с.
9. Искусство // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1921. – № 43. – 25 февр. – С. 3.
10. Каталог Государственной выставки // Известия Вит. Губ. Совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 271. – 30 нояб. – С. 4.
11. Кичына, Я. «Няхай возьме музей...» / Я. Кичына // Мастацтва. – 1994. – № 9. – С. 62–63.
12. Конкурс на декорации народных театров // Витебский листок. – 1919. – № 1234. – 3 июня. – С. 2.
13. Лекция А.Г. Ромма // Известия Вит. Губ. Совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 264. – 22 нояб. – С. 4.
14. М<арк> О<сипович> Государственная выставка картин в Витебске // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 275. – 5 дек. – С. 4.
15. Малевич о себе. Современники о Малевиче : Письма. Документы. Воспоминания. Критика : в 2 т. / авт.-сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. – М.: РА, 2004. – Т. 1. – 2004. – 582, [1] с.
16. Митинг-диспут // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1918. – № 264. – 5 дек. – С. 3.
17. Объяснение картин // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 260. – 18 нояб. – С. 4.
18. Организация музея современного искусства // Известия Вит. губ. совета крест. раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 188. – 23 авг. – С. 4.
19. Открытие первой выставки Народного художественного училища // Школа и революция. 1919. – № 23(2). – 7 июля. – С. 16.
20. Открытое письмо коллегии по делам искусств // Витебский листок. – 1919. – №1174. – 4 апр. – С. 2–3.
21. Пуни, И. Ответ коллегии изобразительных искусств О-ву И.М. Переца / И. Пуни // Витебский листок. – 1919. – № 1179. – 9 апр. – С. 2.
22. Р. [Ромм, А.]. Витебская государственная художественная мастерская // Искусство. – 1921. – № 2–3. – Апрель–май. – С. 24.
23. Революционному народу – революционное искусство // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 28. – 6 февр. – С. 3.
24. Ромм, А. Выставка в Витебске 1921 г. / А. Ромм // Искусство. – 1921. – №4–6. – Июнь–август. – С. 41–42.
25. Ромм, А. Выставка художника Бразера / А. Ромм // Отклики. – 1922. – №2. – 22 мая. – С. 5.
26. Ромм, А. О Витебском музее современного искусства / А. Ромм // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1921. – № 108. – 17 мая. – С. 4.

27. Ромм, А. О музейном строительстве и витебском музее современного искусства / А. Ромм // Искусство. – 1921. – № 2–3. – Апрель–май. – С. 6–7.
28. Ромм, А. Ю.М. Пэн. (К 25-летию его художественной деятельности в Витебске) / А. Ромм // Искусство. – 1921. – № 4–6. – Июнь–август. – С. 24–25.
29. Ромм, А. Юбилейная выставка Ю.М. Пэна / А. Ромм // Известия Витгубревкома и губкома РКП. – 1921. – № 202. – 8 сент. – С. 4.
30. Стройте Губернский музей // Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б). – 1921. – № 100. – 8 мая. – С. 4.
31. Хмельницкая, Л. В. Витебские годы Александра Ромма: председатель Комиссии по охране памятников / Л.В. Хмельницкая // Бюллетень Музея Марка Шагала. – 2010. – Вып. 18. – С. 36–57.
32. Художественный митинг-диспут // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 27. – 5 фев. – С. 4.
33. Художественный диспут // Известия Вит. губ. совета крест., раб., красноарм. и батрацк. деп. – 1919. – № 276. – 6 дек. – С. 4.
34. Художественный митинг-диспут // Витебский листок. – 1918. – № 1056. – 4 дек. – С. 2.
35. Шагал, М. Письмо в редакцию / М. Шагал // Витебский листок. – 1918. – № 1061. – 9 дек. – С. 2.
36. Шишанов, В. «Curriculum vitae» Александра Ромма / В.А. Шишанов // Мишпоха. – 2007. – № 20. – С. 72–73.
37. Шишанов, В. А. Витебский музей современного искусства: история создания и коллекции (1918–1941) / В.А. Шишанов. – Мн.: Медисонт, 2007. – 144 с. [с. 22–24]
38. Шишанов, В.А. Полемика вокруг «футуризма» (современного искусства) в печати Витебска 1918–1924 гг. / В.А. Шишанов // Першы міжнародны навуковы кангрэс беларускай культуры : зборнік матэрыялаў (Мінск, Беларусь, 5 – 6 мая 2016 г.). – Мн. : Права і эканоміка, 2016. – С. 135–138.

Брянцев М.В.

ОБРАЗ ТРОЦКОГО В ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Образ Троцкого, одного из творцов Октябрьской революции долгое время оказывался табуированным в советской историографии. Однако «архивная революция» значительно расширила круг источников, позволяющих иначе посмотреть на привычные события, образы нашей истории. Такого рода «открытым» материалам являются «информационные» сводки. Понимая всю сложность этого источника, о которой уже не раз говорилось в российской историографии [1; 8; 9], следует все же отметить, что в работе использованы материалы регионального архива, а не аналитически обработанные сводки ИНФО ОГПУ. В основу работы положены «информационные» сводки Гомгуботдела ОГПУ за 1924–1926 годы, а также «докладная записка» о ходе празднования XI-й годовщины Октябрьской революции и «характеристика» призыва в Красную армию за 1928 г. [2]. Все эти источники передают слухи, толки и разговоры населения о Троцком.

Появление в начале марта 1923 г. правительственного сообщения о болезни Ленина вызвало в обществе множество слухов, толков, прогнозов и порождало разные настроения. Одним из наиболее устойчивых интересов были разговоры о приемниках Ленина. Несмотря на то, что достойного приемника не виделось, наиболее часто звучала фамилия Троцкого. В том или ином сочетании известия о вине Троцкого в смерти вождя встречались в самых разных местах Советской России. Крестьяне Хойнинской волости, Речицкого уезда Гомельской губернии были уверены, что после смерти Ленина «остался еще один вождь Троцкий, которого казаки забрали в Крым. Что Троцкий, как выдающийся полководец не даст себя в обиду в насмешку противникам» [3, л. 153].

Однако последующий ход событий показал, что известность Троцкого подверглась тяжким испытаниям: многое из того что делал Троцкий было использовано для снижения его популярности и формирования отрицательного образа. В частности, отъезд Троцкого на Кавказ на лечение рассматривался многими как своего рода опала [4, л. 4 об.]. В Гомельской губернии говорили о его бегстве в Латвию и Эстонию, объясняя это нежеланием красноармейцев иметь главнокомандующим еврея [3, л. 14].

Опасность еврейского засилья особенно актуальна была для населения бывшей «черты оседлости». Жителей этих районов беспокоило еврейское происхождение Троцкого, который, по их мнению, будет защищать свою нацию, а потому в Гомельской губернии было распространено желание, чтобы место умершего Ленина занял не еврей: «Хоть бы Бог дал, что бы не еврей», – говорили они [4, л. 9 об.].

Возвращение Троцкого в Москву после лечения было воспринято с некоторым недоверием. Многим не верилось, что это могло случиться по доброй воле сторон. Население, не доверявшее официальным сообщениям, и в этом случае полагало, что случится это могло лишь только под давлением Англии и Франции. Связь Троцкого с буржуазными государствами прослеживается в народной молве на всем протяжении 1924 г. Заметную роль в этом сыграла официальная пропаганда, пытавшаяся нарисовать представление о Троцком, как предателе интересов советского государства. В народной среде этот посыл властей выражался словами: «Троцкий дейст-

вует в контакте с иностранными государствами и своим выступанием дает толчок Антанте и открытому наступлению на СССР», он готов идти «на все уступки заграничным государствам» ради достижения цели и делает все, чтобы получить «вооруженную помощь в борьбе против Советской власти» [4, л. 376; 3, л. 65].

Однако в народной среде существовало и иное мнение. Недовольство населения существующим положением вызывало симпатии к Троцкому в его противостоянии с ЦК и рождало надежду на то, что во главе противников правящей верхушки встанет столь популярная личность как Троцкий, который, в глазах крестьян, был освободителем от коммунистического гнета. Уже в декабре 1924 г. в крестьянской среде Гомельского уезда появились слухи о том, что в Москве в связи с дискуссией происходят бои. А на Глуховской суконной фабрике в Клинцовском уезде рабочие уточняли, что во главе восстания московских рабочих стали Керенский и Троцкий [4, л. 377].

Слухи о том, что Троцкий поднял восстание против коммунистов и стремится «восстановить полную частную собственность и свободную торговлю» получили широкое распространение весной 1925 г. в Гомельской губернии. Ради достижения этой цели он «уехал за границу и пойдет войной на Соввласть». Некоторые говорили, что «Троцкий бежал на флот, где надеется на большую поддержку военмором», но все недовольные властью были единодушны в том, что «Перемена должна быть, ибо недаром Троцкий пошел против большевиков». Эти антибольшевистские настроения в Речицком уезде Гомельской губернии привели к тому, что на выборах в сельсоветы 1925 г. прошли – 9% бедняков, 80% середняков и 11 % кулаков. Только в одной деревне председателем сельсовета был выбран коммунист и секретарем – комсомолец [3, л. 64–65, 161, 165]. В некоторых местах крестьяне отказывались платить налоги в надежде, что Троцкий их отменит или же чтобы не платить налоги дважды, т.е. население надеялось, что Троцкий обязательно победит то ли в ходе революции, то ли войны. Новый порядок, установленный Троцким, будет, по мнению крестьян, более либеральным, несмотря на то, что некоторые говорили о его царистских устремлениях [4, л. 389].

Не получило единогласного осуждения и стремление е ЦК РКП (б) опорочить Троцкого после публикации его статей осенью 1924 г. Обвинение его в меньшевизме истолковывалось населением как положительное явление в силу того, что Троцкий рисуется фигурой, действующей в интересах народа. Его меньшевистское прошлое, по мнению людей, было им оставлено на время гражданской войны, теперь же после ее завершения он вернулся к своим взглядам. Силу влияния Троцкого обостряли слухи о том, что в своем антикоммунизме Троцкий опирается на «добрую половину» Красной армии и недовольство Советской властью со стороны крестьянства [4, л. 376–377].

Люди были готовы отвечать на вопрос: они за «ленинизм» или «троцкизм», не понимая всей глубины расхождений внутри партии, а тем паче противоречия «троцкистов» и «сталинистов», которые присвоили себе право трактовать Ленина, но они не были готовы огульно осуждать Троцкого. Скорее наоборот, часть населения недовольная советской властью, искала в Троцком те черты, которые соответствовали их чаяниям и не всегда совпадали с его действительными взглядами. В условиях нарастания социально-экономических проблем различные слои населения чаще всего связывали свои ожидания с разрешением свободной торговли и снижения/отмены многих налогов. Уже в декабре 1924 г. торговцы Гомеля надеялись на Троцкого, как на сторонника свободной торговли. Приверженцем частной собственности Троцкий виделся крестьянам Гомельской губернии [4, л. 376; 3, л. 65]. Неслучайно служащие Гомельской почтово-телеграфной конторы увидели в Троцком мученика, «единственное лицо, которое выведет государство из тупика» [3, л. 13,14]. Эти факты подтверждают мнение некоторых исследователей, считающих, что людей, симпатизировавших Троцкому, было куда больше, чем отмечалось в официальных отчетах [10, с. 61]. Положительное отношение к Троцкому давало повод думать, что его приход к власти изменит существующие советские порядки, поменяв многие пункты программы коммунистической партии [4, л. 376; 3, л. 65].

Таким образом, устремление Сталина и его окружения окончательно подавить инакомыслие и навязать одну «правильную» точку зрения среди населения не удалось, даже в рядах партийцев на закрытых партийных собраниях раздавались голоса несогласных. У некоторой части населения исключение лидеров оппозиции вылилось в различные протестные формы. Одни выражали свое недовольство вербально, другие же, занимались распространением листовок против их исключения из партии. В частности, факты проникновения в казармы «троцкистской»

литературы, оказавшей влияние на настроения не только беспартийных, но и коммунистов, отмечались в Белорусском военном округе в 1929 г. [5, л. 51, 95, 98].

И все же, пропаганда таких устремлений Троцкого нашло понимание среди масс населения, обеспокоенных расколом партии. В массе удалось сформировать агрессивное отношение к действиям оппозиции. Стали раздаваться голоса поставить новую партию под «строгий надзор», не давая ей развиваться, а Троцкого, коль его исключили из партии, удалить из СССР, «чтобы не мешали партии работать». Ситуацию усугубляло стремление Зиновьева, Каменева Троцкого, по мнению крестьян Стародубского уезда, «вернуться к меньшевизму» [5, л. 757]. Несомненно, что такие суждения были ничем иным, как отражением влияния официальной пропаганды, так как население не было знакомо с взглядами лидеров оппозиции, точнее знало о них только то, что транслировалось официальной властью.

Очередной всплеск интереса к личности Троцкого и оппозиции, вообще, был связан с его высылкой за границу. Далекая фигура Троцкого для многих казалась не только гонимой, но и привлекательной своим героическим прошлым. Председатель сельсовета д. Новые Иолчи, Комаринского района Ващенко и бывший партизан Кляпец И.С., которые докладчику-коммунисту возразили, недовольные ответом на поставленный ими вопрос: «Троцкий по своим заслугам является всемирным светилом этим званием его назвала даже всемирная буржуазия. Действительно Троцкий непобедимый гений». На возражение секретаря партийной ячейки Тесленка о бонапартизме Троцкого Ващенко с места подал реплику: «Для нас разницы никакой нет даже при таком строе, какой думал сделать Наполеон. В данное время во Франции крестьянам живется лучше нашего» [7, л. 208; 6, л. 61].

Судьба троцкизма в СССР для некоторых казалась перспективной. В частности, на мануфактурном складе Клинцовского Райсоюза говорили о том, «что мнение оппозиции рано или поздно должно взять верх». Причиной такой уверенности является, по мнению говорившего, то, что «полноление партии идет за счет молодняка, а учащаяся молодежь во время дискуссии с Троцким была на стороне последнего, а отсюда вывод, что когда подрастающее поколение сменит руководящую головку партии, тогда осуществится мнение оппозиции». Аналогичное мнение, но с иной аргументацией, открыто высказывал служащий Стародубского ЕПО б[ывший] крупный торговец А.Л. Безчинский. Он говорил, что властям нужно пойти на уступки, «нужно партии признаться, что она потеряла силу, с потерей таких активных видных работников, как Троцкий, Зиновьев и друг[ие] и рано или поздно, а оппозиция возьмет верх, ибо она сейчас на свою сторону привлекает рабочие массы, суля им повешение зарплаты и лучшие условия жизни и если оппозиция возьмет верх, то тогда будет полная свобода и строй будет похож на социал-демократический» [5, л. 671, 757].

Таким образом, информационные материалы рисуют сложное восприятие населением фигуры Л.Д. Троцкого на всем протяжении 1920-х гг. Заметное место в формировании восприятия Троцкого сыграла агрессивная политическая кампания, направленная как против самого Троцкого, так и искажение его взглядов, и преследование его сторонников. На протяжении долгого времени власть транслировала отрицательные характеристики, как самого Троцкого, так и оппозиции, в целом. Однако следует заметить, что на протяжении 1920-х гг. фигура Троцкого был в центре внимания различных слоев населения, которое оценивало его не только исходя из посылов власти.

1. Виноградов, В.К. Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества / В.К. Виноградов // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – Т. 1. (1922–1923 г.). – Ч.1 / редкол.: Ю.Л. Дьяков, (отв.ред.) [и др.]. – М.: ИРИ РАН, 2001. – С. 31–76.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).
3. ГАООГО. – Ф. 1. Оп.1. Д.1938.
4. ГАООГО. – Ф. 1. Оп.1. Д. 2431.
5. ГАООГО. – Ф. 1. Оп.1. Д. 2932.
6. ГАООГО. – Ф. 3. Оп.1. Д. 409.
7. ГАООГО. – Ф. 3. Оп.1. Д. 496.
8. Измозик, В.С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах / В.С. Измозик. – СПб.: УЭиФ, 1995. – 164 с.
9. Лившин, А. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. / А. Лившин. – М.: Университетский гуманитарный лицей Москва, 2010. – 272 с.
10. Резник, А. Троцкизм и левая оппозиция в РКП (б) в 1923–1924 годы / А. Резник. – М.: Свободное марксистское издательство, 2010. – 112 с.

Цымбал А.Г.

**САВЕЦКАЯ БЕЛАРУСЬ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ 1920-х гг.
ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ГЕНЕРАЛЬНАГА КОНСУЛЬСТВА ПОЛЬШЧЫ Ў МІНСКУ**

У Архіве Актаў Новых (Варшава, Польшча) захоўваюцца матэрыялы польскіх дыпламатычных пляцовак, а менавіта Генеральнага Консульства Польшчы ў Мінску, якое дзейнічала ў міжваенны перыяд у сталіцы Савецкай Беларусі. Супрацоўнікі консульства займаліся зборам інфармацыі ваеннага, палітычнага, сацыяльнага і эканамічнага характару. Значная ўвага надавалася агляду друку, збору інфармацыі аб дзейнасці савецкіх устаноў, а таксама асабістым кантактам з грамадзянамі СССР. На падставе сабранай інфармацыі даваўся аналіз працэсам, якія назіраліся ў БССР. Рыхтаваліся агляды прэсы [1, арк. 1–7], сітуацыйныя справаздачы і інфармацыйныя запіскі.

Назіранні і ацэнкі, якія прыводзяцца ў дакументах суб'ектыўныя і тэндэнцыйныя, патрабуюць навуковага ўдакладнення, але самі па сябе будучы дакументальнай крыніцай яскрава сведчаць пра складаная супярэчнасці, якія існавалі ў Беларусі і беларускім руху, а таксама ва ўзаемаадносінах з Польшчай.

Большасць паведамленняў, якія захаваліся, датуюцца 1925, 1927 і 1929 гг. і датычацца розных аспектаў палітычнай сітуацыі ў БССР, дзейнасці вядомых асоб беларускага руху і сувязяў з Заходняй Беларуссю.

Адным з найбольш грунтоўных паведамленняў Генеральнага консульства з'яўляецца Сітуацыйная справаздача ад 4 лютага 1927 г., дзе на амаль 20 старонках прыводзіўся дэталёвы аналіз сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў Савецкай Беларусі [2, арк. 1-19].

Дыпламатамі адзначалася, што палітычнае становішча ў БССР характарызуюць дзве асноўныя рысы:

- амаль паўсюдная незадаволенасць людзей савецкай уладай;
- рост пачуцця нацыянальнай самасвядомасці ў беларускім грамадстве.

Падкрэслівалася, што незадаволенасць ва ўсіх колах грамадства адзначаюць нават партыйныя і савецкія крыніцы. У прыватнасці, у палітычнай справаздачы ЦК КПБ у студзені 1927 г. на X з'ездзе КП(б)Б Крыніцкі адзначаў, што ў грамадстве прысутнічаюць непажаданыя для партыі настроі. Незадаволенасць у розных сляях грамадства была выклікана рознымі прычынамі. Сярод пралетарыяту і сялянства дамінавалі эканамічныя аспекты, а сярод інтэлігенцыі – палітычныя прычыны.

Найбольшай папулярнасцю савецкая ўлада карысталася ў гарадскога пралетарыяту, але яго колькасць не адыгрывала істотнай ролі. На 1925/26 г. у цэнзавай прамысловасці працавала 30213 чалавек, што складала 0,9 % ад колькасці насельніцтва. Да таго ж рабочыя характарызаваліся нізкім узроўнем класовай свядомасці, а пытанне аплаты працы адыгрывала галоўную ролю ў іх настройах. Адбываўся рост элементаў дэкласіраванага пралетарыяту і пашырэнне супраціву партыі ўзмацнялі беспрацоўныя, якіх на лістапад 1926 г. налічвалася 21446 чалавек. У асноўным гэта былі выхадцы з вёскі, якія шукалі працы ў горадзе па прычыне аграрнай перанаселенасці.

Асобную катэгорыю скаладалі жыхары мястэчак, якіх налічвалася 208846 чалавек (1923 г.) (населеныя пункты з больш 500 чалавек), у асоўным яўрэйскага паходжання. Пасля рэвалюцыі іх умовы жыцця таксама пагоршыліся: упадак гандлю, пераслед ліхварства і пасрэдняцтва, забарона выкарыстання наёмнай працы гэта фактары, якія моцна ўдарылі па эканоміцы мястэчак. Гэта выклікала незадаволенасць насельніцтва і стварала добры грунт для дзейнасці Бунда, сіяністаў і артадоксаў. У прыватнасці, на шкодніцкую дзейнасць сіяністаў спецыяльна звяртаў увагу сакратар ЦК Галадзед [2, арк. 6].

Найбольшыя праблемы стварала сітуацыя ў вёсцы, якая пакутавала ад перанаселенасці. 85,2% жыхароў БССР пражывала ў вёсцы. Адзначалася, што на 100 дзесяцін ворнай зямлі прыпадала 63,6 чалавека. Акрамя таго вельмі вялікім з'яўляўся прырост насельніцтва. З кожным годам насельніцтва вырастала на 97-100 тысяч чалавек. Адзначалася, што сяляне не разумелі, чаму пасля выгнання “паноў” не могуць атрымаць зямлі, скардзіліся на высокія кошты прамысловай прадукцыі, падаткі, свавольства лакальных улад, кляўніцтва і г.д. Як лічылі супрацоўнікі Консульства, акрамя эканамічных паведаў, незадаволенасць сялянства ўзмацнялі грамадскія і нацыянальныя супярэчнасці паміж беларускім сялянскім насельніцтвам і яўрэйска-гарадскімі камуністычнымі элементамі. Супраціўленне праяўлялася ў выглядзе спроб стварыць своеасабліваю вясковую аўтаномію ці імкненнем выйсці з-пад нагляду партыйных улад. Часам даходзіла і да актыўных выступленняў [2, арк. 6–10].

На пазіцыю інтэлігенцыі ў значнай ступені ўплывалі палітычныя прычыны. З пункту гледжання адносін да ўлад інтэлігенцыя ўмоўна падзялялі на катэгорыі: 1) варожа настроеныя адносна камунізму (расійскія манархісты, мяшчане, беларускія нацыяналісты, якія рэкрутаваліся пераважна за кошт студэнтаў, моладзі і народных настаўнікаў); 2) нейтральныя (большасць чыноўнікаў); 3) лаяльныя (людзі на добрых пасадах, высокакваліфікаваныя і добрааплачваемыя спецы, спекулянты); 4) сімпатызуючыя камунізму.

Датычылася гэта і беспартыйнай беларускай інтэлігенцыі. Хто атрымаў добрыя пасады на кіруючых пазіцыях у Інбелкульце ці вышэйшай школе пагадзіліся з ролю інструмента ў руках партыі і выконвалі яе дырэктывы (тыповымі прадстаўнікамі называліся члены праўлення Інбелкульту Цвікевіч, Некрашэвіч, Смоліч і інш.), другая група заняла пасіўную пазіцыю, хоць і захоўвалі непрыязнь да савецкай улады. Трэцяя група ў асноўным моладзь, студэнты і настаўнікі – настроены апазіцыйна. Польскія дыпламаты адзначалі, што супраціўленне Савецкай уладзе паўставала на падставе нацыяналістычных тэндэнцый, якія Савецкая ўлада не была ў стане задаволіць нацыянальнай палітыкай.

Адзначалася, што нацыянальная палітыка партыі адыграла істотную ролю ў развіцці нацыянальнай беларускай свядомасці. За 1925–1926 гг. гэта свядомасць атрымала значнае пашырэнне ў беларускім грамадстве і ахапіла не толькі маладую інтэлігенцыю, але і пачала пранікаць у сялянства. Узмацняўся сялянскі нацыянальны сепаратызм, які апабіраўся на пачуцці агульнасці нацыянальных, грамадскіх і культурных інтарэсаў, якія ўсё больш супрацьпастаўляліся поглядам камуністычнай партыі на нацыю, грамадства і народ.

Спасылаючыся на невядомую адозву, супрацоўнікі консульства сцвярджалі, што незадаволенасць палітыкай беларусізацыі заключалася ў тым, што «адказныя пасады займалі “прызначэнцы”, а штучнасць беларусізацыі праяўлялася ў тым, што гэтых маскоўскіх прызначэнцаў прымушалі вучыць беларускую мову. Гэтыя “беларусы” павінны былі ствараць ілюзію, што, нібыта, воля беларускага народу ў справе нацыянальнага адраджэння выконваецца. Але паскарэнне тэмпам беларусізацыі ў апошнія часы з выкарыстаннем маскоўскіх метадаў прымусу сведчыла, што нацыянальная свядомасць беларускага народу перарасла манеўры Масквы, што моцна непакоіла крэмеўскіх фараонаў» [2, арк. 15–16]. Характэрна, што незадаволенасць нацыянальнай палітыкай стала пранікаць у саму партыю. У дыскусіі па дакладу Крыніцкага дэлегата ад Аршанскага павету Саўліч, выказваўся, што «калі Крыніцкі ў Маскве і там у палітбюро яго падцягнуць, то ён выказваецца за беларусізацыю, а як аддаляць, тады аддаляецца і беларусізацыя». А у газеце “Звязда” напісана, што сялянства зараз ўжо ведае што значыць “дыктатура пралетарыяту” і разумее эканамічны наступствы гэтага “панавання” рабочага класу. На “панаванні” Беларусі не пабудуеш. Выходзіць глупства, а не беларусізацыя» [2, арк. 16].

Абвешчаная партыяй неабходнасць барацьбы з беларускім нацыяналізмам, паводле сведчанняў дыпламатаў, зрабіла на беларускае грамадства вялікае ўражанне. Адбыўся пэўны пералом і поглядах і псіхіцы ў большасці грамадства, асабліва моладзі. Пачалі задумывацца нават тыя, хто быў пасіўным і лаяльным да улады.

У якасці высновы сцвярджалася, што незадаволенасць нацыянальнай палітыкай адназначна не прыводзіць да высновы непазбежнага актыўнага выступлення. На стражы парадку стаяла ГПУ.

У наступных паведамленнях ад 21 і 23 чэрвеня 1927 г. прыводзілася інфармацыя аб арышце былых афіцэраў царскай арміі і 150 эсэраў, якія рыхтавалі акцыю супраць улад. Паводле інфармацыі консульства, у эсэраў былі знойдзены спісы фабрык, якія павінны былі быць спалены, банкаў, якія планавалася абрабаваць, а таксама і спіс камуністаў якіх планавалі забіць. У спісе пазначаны ўсе члены ўраду акрамя Галадзеду [2]. У паведамленнях адзначалася, што выступленні супраць улады прымаюць усё больш вострыя формы, асабліва сярод сялян, у якіх улады адбіраюць хатнюю скаціну за неаплачаныя падаткі [2].

Цікавым з’яўляецца пытанне аб крыніцах інфармацыі, якую атрымлівалі супрацоўнікі Консульства. Неназваная асоба, на якую спасылаўся выконваючы абавязкі Консула Тадэуш Пяркоўскі, давала вельмі неадназначную характарыстыку шэрагу беларускіх дзеячаў. Паводле яе, былыя кіраўнікі БНР, якія вярнуліся з эміграцыі і выслужваліся перад Саветамі займалі кіруючыя пасады ў Інбелкульце, як напрыклад былыя члены ўраду БНР Цвікевіч (вучоны сакратар) і Ластоўскі, а таксама Смоліч (намеснік старшыні Інстытуту), Некрашэвіч (старшыня лінгвістычнай камісіі) і большасць з іх з’яўляліся сляпым і бязвольным інструментам у руках Саветаў. Не мелі яны ніякага маральнага даверу і паўсюдна лічыліся за прадажных кар’ерыстаў

і палітычных шарлатанаў. Камуністы да іх ставіліся з пагардай, хаця прызнаваліся, што іх супрацоўніцтва з'яўляецца ім патрэбным з палітычных мэт і таму іх трымаюць і аплочваюць. Яны ў сваю чаргу імкнуцца зарабіць ласку ўлад сваім выслужваннем і з матэрыяльнага пункту гледжання жывуць добра. Інфарматар Консульства сцвярджаў, што падчас перамоў з Саветамі, якія папярэднічалі роспуску ўраду БНР у 1925 г. старшыня Рады БНР Цвікевіч спрабаваў спачатку вылучаць бальшавікам пэўныя палітычныя ўмовы, але яго асадзіў адзін з бальшавікоў, які заявіў, што савецкія дэлегаты не маюць часу на размовы і глупствы і пагаджацца толькі абмеркаваць умовы трансакцыі выражанай ў банкнотах.

Увогуле адзначалася, што палітычная атмасфера ў Беларусі была больш цяжкая, чым у іншых рэспубліках СССР, па прычыне павышанай пільнасці і падазрэнняў ГПУ.

У якасці характарыстыкі сваёй крыніцы кіраўнік консульства Тадэуш Пяркоўскі адзначаў, што гэта беларус, які працуе навукова і сам прызнаецца, што падчас кастрычніцкіх падзей сімпатызаваў савецкай уладзе [2].

Аналізуючы звальненні вядомых беларускіх дзеячаў (Жылуновіч, Ластоўскі і інш.) польскія дыпламаты ўжо тады заўважылі пэўную сістэму і невыпадковасць звальненняў у выглядзе спланаванай акцыі партыйных улад [3]. Шукаючы прычыны для гэтай акцыі, у якасці галоўнай называлі так званае “заходніцтва” як пэўны накірунак сярод дзеячаў БССР, якія лічылі, што развіццё мовы і культуры Беларусі неабходна базіраваць на заходняй культуры. Выразнікамі гэтых поглядаў, па інфармацыі консульства, былі пераважна прадстаўнікі беларускай інтэлігенцыі. Заходніцтва не з'яўлялася скаардынаваным палітычным рухам ці накірункам, хутчэй мела рысы вызначанай ідэі для адукаваных асоб. Сам тэрмін ужываўся хутчэй у простых размовах, чым афіцыйная назва палітычнай групоўкі. Але, як падкрэсліваў кіраўнік Генеральнага консульства Х. Янкоўскі, у размовах з прадстаўнікамі афіцыйных сфер Беларусі, ён адчуў, што найменш прыхільна да цэнтральных улад настаўлены тыя з гэтых прадстаўнікоў, каго залічвалі да прыхільнікаў “заходніцтва”. Ён дапускаў такама, што непрахільнасць належыла тлумачыць расчараваннем найбольш шчырых і нацыянальна настроеных беларускіх дзеячаў у палітыцы цэнтральных улад, якая не апраўдала ўскладзеных надзей. Відавочна цэнтральныя ўлады ўбачылі ў падобных поглядах зараджэнне магчымых сепаратысцкіх ідэй і таму выкарыстоўваючы розныя повады пазбавілі гэтых асоб пасадаў [3].

Справаздачы Генеральнага консульства Польшчы ў Мінску ўяўляюць сабой выключна цікавую і недаследаваную крыніцу, інфармацыя якой патрабуе навуковай верыфікацыі і ўдакладнення на падставе кампаратыўнага даследавання польскіх і савецкіх архіўных матэрыялаў і гістарыяграфіі.

1. Ambasada RP w Moskwie. – Syg. 187.
2. Ambasada RP w Moskwie. – Syg. 150.
3. Ambasada RP w Moskwie. – Syg. 146.

Зубко О.Е.

**«СЛАВЯНСКИЙ МИР» ДМИТРИЯ ДОРОШЕНКО В УЧЕБНЫХ ПЛАНАХ
УКРАИНСКОГО ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
имени М. ДРАГОМАНОВА В ПРАГЕ (1923–1933 гг.)**

Украинский высший педагогический институт имени М. Драгоманова в Праге (1923–1933) был одним из тех украинских эмиграционных вузов, в котором высшее образование смогли получить многие белорусы, оказавшиеся за пределами своего Отечества после 1917–1923 годов. (Среди наиболее известных фамилий: Л. Красковская, П. Бодунова, Т. Грыб и Н. Сазанович [4]). Многих из них можно было встретить в аудиториях естественно-математического, музыкально-педагогического факультетов. Но все же, подавляющее большинство обнаруживалось в рядах историко-филологического, кафедры которого были «укомплектованы» в то время сильнейшим профессорско-преподавательским составом. В частности, кафедру истории Украины УВПИ с 1 марта 1924 года по 1 января 1927 года возглавлял известный украинский историк, дипломат, публицист и общественно-политический деятель Дмитрий Иванович Дорошенко (1882–1951). Белорусам имя Дорошенко говорило о многом. Кроме того, что он был известным славяноведом в целом, он был первым, кто еще в свои студенческие годы научно обосновал не только национальное возрождение

белорусов, но и их письменность [2]. Недаром, за внушительный вклад в разработке славяноведческих вопросов Дмитрия Ивановича еще в 1923 году избрали членом-корреспондентом High School of Slavonic Studies of the University of London (Высшей школы славистических исследований Лондонского университета) [1, с. 193] Вершиной славяноведческих исследований украинского профессора является трехтомник «Славянский мир в его прошлом и современном». «Славянский мир» вышел из печати в Берлине в 1922 году. Работая над материалом, профессор Дорошенко опирался, с одной стороны на источники и литературу австрийских (венских) библиотек и архивов, с другой – на помощь своих славянских коллег. Так, в частности, работая над разделом о белорусах, он воспользовался помощью Александра Цвикевича, о чем упомянул в предисловии к берлинскому изданию [3, с. 11].

В УВПИ имени М. Драгоманова в Праге в 1924–1926 учебных годах спецкурсы «Введение во славяноведение» и «История славянских литератур» для филологов и историков первых курсов были предусмотрены учебными планами в объеме 18 учебных лекционных часов каждый. Итоговая форма контроля – письменный дифференциальный зачет [4, с. 101]. Понятно, что именно на этих спецкурсах «Славянский мир» был наиболее востребован.

Научный трехтомный труд Дорошенко – 11 объемных очерков. Так как рассматриваемые Дмитрием Ивановичем славянские народы размещены в алфавитном порядке, то белорусам «выпала честь» быть первыми в списке. Приступая к лекциям, профессор честно предупредил студентов: во-первых, материалы о истории, литературе и культуре каждого славянского этноса он планирует рассматривать по заданному общему плану. А именно: 1) этнография расселения (очень детально) и статистика о количестве славян в том или ином районе расселения; 2) краткий очерк истории (в первую очередь политической, тогда как социально-экономическая история не входит в планы его исследования); 3) краткий очерк литературы, науки, искусства; 4) сведения о национально-общественной жизни. Во-вторых, он просил учитывать тот факт, что не все его материалы точны и полны в силу тех или иных причин. Самыми полными и достоверными являются, по его мнению, материалы о россиянах, украинцах и белорусах.

Излагая *этнографию расселения белорусского этноса*, Дорошенко опирался на работу профессора Ефима Карского «Карта расселения белорусского племени», изданную в Санкт-Петербурге в 1917 году, под эгидой Российской Академии наук. При этом он уточнял, что спорными, по его мнению, являются «северные уезды Черниговской губернии, которые, если не с большим правом, можно отнести к украинской этнографической территории». И добавлял: «Так же остро стоит вопрос и о южной Минщине». Упомянул Дмитрий Иванович и о *главном богатстве Беларуси* – лесе. Процентное соотношение лесных массивов у него таково: Виленская губерния – 24%, Гродненская – 25%, Минская – 38%, Могилевская – 35%, Витебская – 33%. Что же касается данных статистики численности всех белорусов, то здесь у Дорошенко выведено среднее арифметическое между данными профессоров Карского и Нидерле. У Карского, который опирался на данные Всероссийской переписи 1897 года и «Виленского календаря» 1903 года, количество белорусов – 8.317.961 чел. В частности, по Витебской губернии – 976.638 чел. У Нидерле, – опирающегося на официальную российскую статистику, – 9.300.000 чел. (На Витебщине – 1.100.100 чел.). Дорошенко округляет обе цифры до 10 миллионов белорусов в целом [3, с. 21–24].

Схема истории белорусов у профессора Дорошенко следующая: кривичи, дреговичи и радимичи → Киевская Русь → Смоленское, Полоцко-Витебское и Турово-Пинское княжества → Великое Княжество Литовское, Русское и Жмудское (дословно – О.З.) → Люблинская уния 1569 года и создание Речи Посполитой → Брестская церковная уния 1596 года и борьба Московского царства за белорусские территории «За Москвой после 1655-1656 годов оставался не только Смоленск, но и большая часть северо-восточных белорусских территорий – (Витебщина)» → XVII век – тотальное ополячивание Белой Руси, отсюда борьба католицизма с православием (Польша и Москвы) → XVIII век: 1772 год – первый раздел Польши, в результате которого Москва «заполучила» Полоцкое воеводство (кроме части на правом берегу Двины), Витебское воеводство (без Оршанского уезда), Мстиславское воеводство и часть Минского воеводства → второй раздел Польши в 1793 году, по которому к России отошло полностью Минское воеводство и внушительные части Виленского, Новогрудского и Берестейского воеводств → по третьему разделу Польши (1795 год) Россия получает уже полностью Новогрудское и Берестейское воеводства → XIX век: 1807 год – Тильзитский мир между Россией и Пруссией позволяет России приобрести Белостокскую область → действие Литовского статута до 1840 года и попытка ликвидации Брестской церковной унии в 1839 году →

восстания 1830 и 1863 годов (Тадеуш Костюшко и Адам Мицкевич) → принудительная руссизация → XX век: революция 1905–1907 годов → ведущая роль Виленщины → Первая мировая война и немецкая оккупация Беларуси → начало белорусского национально-освободительного движения → Конфедерация Великого Княжества Литовского → литовская Тариба → БНР → Советская Беларусь 1919 года → советско-польская война 1919–1921 годов → договор Литвы и Советской России 12 июля 1920 года (Литва получила белорусские уезды Виленщины) → Рижский мирный договор 18 марта 1921 года (к Польше отошла большая часть Западной Беларуси).

Интересным является список литературы, по которому профессор Дорошенко излагает историю белорусов: (дословно и побуквенно – О.З.) 1. *Власт. Гісторія Беларусі.* – Вільня, 1910. 2. *Голубовскій П. Історія Смоленской землі до начала XV ст.* – Кіеў, 1895. 3. *Данилевичъ В. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.* – Кіеў, 1891. 4. *Данилевичъ В. Историческія судьбы северо-западного края.* Изд. П. Н. Батюшкова. – Санкт-Петербургъ, 1890. 5. *Довнар-Запольскі М. Асновы дзяржавнасці Беларусі.* – Вільня, 1919. 6. *Дорошенко Д. Білорусі та іх національне відродження.* – 2-ге видання. – Кам'янець – на – Поділля, 1919. 7. *Зборнік нашае Нівы.* – Вільня, 1920. 8. *Карскій Е. Бѣлоруссы. Введение въ изучение языка и народной словесности.* – Вильна, 1904. 9. *Новина А. Белоруссы //Формы національного движенія въ современныхъ государствахъ/ Подъ ред. А. Костелянскаго.* – Санкт-Петербургъ, 1910. 10. *Цвикевич А. Беларусь.* – Берлін, 1919. 11. *Цвикевич А. Адраджэнье Беларусі і Польшчы.* – Берлін, 1921 [3, с. 30–31].

Едва ли не самым большим по объему является очерк о белорусской литературе. Дмитрий Иванович отстаивает мнение о том, что вначале белорусы пользовались церковнославянским языком и только с XV века «*книжный язык белорусов стал официальным языком Великого Княжества Литовского*». Так, на белорусском языке изложен Статут Казимира Ягайловича 1468 года, первая редакция Литовского статута 1530 года, собственно Литовский статут 1588 года. Известными белорусскоязычными временниками (летописями) были: Временник Аврамки (Смоленск, XV век), Баркулабовский Временник (XVI век).

С началом Реформации (XVI век) в Беларуси возникает множество школ и типографий. Именно Реформация позволила Франциску Скарине издать в Праге белорусскоязычную «Библию», а в Вильно – «Апостол» и «Малую дорожную книгу». В 1562 году кальвинист Симон Будный издает в Несвиже, в свою очередь, труды «О оправдании грешного человека перед Богом» и «Катехизис». В 1569 году Григорий Ходкевич в Заблудове издает «Евангелие». В 1580 году в Вильно появляется еще один белорусскоязычный вариант «Евангелия» полочанина Василия Тяпинского. В 1566 году, а затем в 1588 году, в виленской типографии Мамоничей выходят вторая и третья редакции Литовского Статута. В 1596 году в том же Вильно появляется, параллельный польскому, перевод поучения Кирилла Ерусалимского «Антихрист и его знаки». По мнению профессора Дорошенко конец XVI века – это еще и белорусскоязычные труды Федора Евлашевского (новогородского подсудьи), Ивана Мелешка (смоленского каштеляна) и Андрея Рымши (острожского поэта). Среди переводческой литературы на белорусском языке: романы о Александре Македонском, о Трое и ее падении, о Тристане и Изольде; апокрифы, легенды, жития святых. Печатными изданиями светского характера XV–XVI веков Дорошенко называл только «Повѣсти смѣхотворные» 1679 года.

XVII век в истории белорусской литературы, с точки зрения автора «Славянского мира», – время известных польских литературных трудов. Белорусский язык в это время как бы отступает на второй план, становится языком, передающим местный колорит, в первую очередь, в шуточной форме. Так, в 1642 году неизвестный автор в Вильно издал белорусскоязычную сатиру на протестантского пастора, а также в этом году появилось несколько польских комедий с белорусскими интермедиями. В 1669 году появляется «закон, по которому теперь официально писать надо только на польском языке: *pisarz rowinien po polsku a nie po rusku pisać*». Правда, в это время все же выходит белорусскоязычные произведения духовного характера «О сакраментяхъ» Леонтия Кошки, изданное в Полоцке в 1697 году и его же «Собраніе припадковъ, духовным особамъ потребное» (Супрасль, 1722). В это же время популярны национальные хозяйственные книги и лечебники.

Во второй половине XVII века свой вклад в белорусскую литературу вносят униаты. Например, в 1787 году ксендз Цецерский издает комедию «*Doktor przymuszony*», в которой ряд персонажей разговаривает сугубо белорусским народным языком.

В XVIII веке польская государственность и польский язык настолько вошли в белорусскую историю, культуру и литературу, «*что Беларусь и Литва превратились просто в историко-*

географические термины». Интерес к белорусской истории, культуре и литературе возник после восстаний 1830-го и 1863-го годов, а также после разделов Польши, когда Речь Посполитая практически пропала с карты Европы.

XIX век – век Самуила Линде, Луки Голембьевского, Юрия Брандтке, Иосифа Лукашевича, Михаила Балинского, Теодора Нарбута, Иосифа Ярошевича, Игнатия Даниловича, Яна Чечота, Александра Грозы, Казимира Буйницкого, Александра Рипинского, Адама Киркора. Среди тех белорусов, которым ближе была «российская жизнь», стоит отметить Ивана Григоровича и его «Бѣлорускій архив древнихъ актовъ» (1824) и Александра Турчиновича и его «Обозрѣнія історіі Бѣлорусіі съ древнѣйшихъ временъ» (Санкт-Петербург, 1857).

Помимо произведений на польском и русском языках, в это время вновь появляются произведения на белорусском языке. Например, «Энеида», авторства то ли Хомя Маньковского, то ли Викентия Ровинского. Часть этого произведения в 1845 году была напечатана в журнале «Маяк».

Настоящим основателем новой белорусской литературы в XIX веке, как отмечал Дмитрий Иванович, стал Викентий Дунин-Марцинкевич (1807–1885). Известны такие его произведения как: «Sielanka», «Нарон», «Wieczernice», «Kurpa». В 1856 году Дунин-Марцинкевич даже перевел на белорусский язык первых два раздела поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». Современник Дунина-Марцинкевича – Артем Верига-Даревский писал белорусскоязычные стихотворные поэмы: «Вратом літвіном», «Роворот Мічатка». В 1889 году были напечатаны и легендарные: «Тарас на Парнасе», «Мужыцкая праўда», «Гутарка старага дзеда», «Разговор».

После 1864 года начинается интенсивный процесс руссизации Северо-Западного края. Появляется целый ряд официальных статистически-географических, этнографических и исторических изданий. Из последних: «Сборникъ памятниковъ народнага творчества въ Западномъ краѣ» (Вильно, 1867); работы П. Батюшкова, М. Кояловича, Ю. Крачковского; «Словарь бѣлорусскаго языка» Ивана Носовича, «Описание Могилевской губернии» А. Дембовецкого, «Очерки простонародного жытья-бытья на Витебской Бѣлоруссіи» Николая Никифоровского, «Бѣлорусская свадьба и свадебные пѣсни» М. Довнар-Запольского.

1870-е годы – годы пробуждения национального сознания белорусов. И первой пробудилась белорусская молодежь. Во многих российских городах (Москве, Харькове, Петербурге) возникают Громады. В связи с этим появляются писатели народнического направления: Александр Ельский, Иван Неслуховский, Франтишек Богусевич.

Радикально настроенная белорусская молодежь в Вильно в начале XX века создает Белорусскую социалистическую Громаду (во главе с Иваном Луцкевичем). В Лондоне в 1901 году выходит множество громадских брошюр. Но по-настоящему, белорусское национально-освободительное движение начинается в Петербурге и в Вильно в 1903–1904 годах. Выходят из печати газеты «Народная воля» и «Наша нива»; агитационные книги «Хрѣст за свабоду», «Чы будзе для всехъ землі?», «Скрипка беларуская»; основывается издательство «Заглянет сонце и в наше оконце». «Восходит звезда» поэтов Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Тишки Гартного, Альберта Павловича, Алеся Гаруна, Алоизы Пашкевич, Франтишка Алехновича, Констанции Буйло, Янука Журбы.

Значительно позже начала развиваться белорусская беллетристика. Среди последних известны имена: Антона Левицкого, Сергея Полуяна, Максима Горещкого, Дмитрия Бядули, Каруся Каганца. Дорошенко акцентирует внимание на том, что Максим Гарещкий был автором первой «Гісторыі Беларускай Літаратуры» (Вильно, 1920).

С 1913 года издаются: сборник «Маладая Беларусь», журнал «Лучынка», сельскохозяйственный журнал «Саха», студенческая «Ранніца», католический «Belaruś». Талантливые произведения выходят из-под пера Антона Луцкевича, Александра Власова, Ромуальда Земкевича, Вацлава Ластовского, Ольгерда Бульбы. В. Тарашкевич в 1918 году издает первую белорусскую грамматику и переводит на белорусский язык (тарашкевицу) «Иллиаду» Гомера. А в 1919 году вначале в Гродно, а потом в Вильно выходят его «Асновы дзяржаўсці Беларусі». «Но больше всего сделано белорусскими деятелями на поле издательства для народа. Буквари, школьные учебники, популярные брошюры. Особенно стоит отметить содержание «Белорусского Календаря Нашей Нивы», издаваемого с 1909 года» [3, с. 42].

В последнем очерке «Национально-общественная жизнь последних лет» рассказывается о Вильно и Минске, как главных центрах национально-общественной жизни. В 1919 году была создана Центральная Белорусская Рада Виленщины, а во многих белорусских городах созданы

национальные комитеты. В Вильно выходят: «Купіса» – орган христианской демократии, «Наша нива», «Белорусская думка», «Белорусские ведомости» и «Белорусский звон».

В Минске одно время работал Белорусский государственный сельскохозяйственный союз, Центральный союз кооперативов Беларуси. Среди минских печатных изданий: «Вольная Беларусь», «Беларуская рада», «Беларускі шлях», «Беларускае жыцце». Советские белорусские печатные издания: «Советская Беларусь», «Школа и культура Советской Беларуси», «Весткі».

Во время немецкой оккупации начинает развиваться сеть белорусских начальных, средних школ, белорусских гимназий, белорусских учительских курсов. Успешнее всего школьное дело развивалось на Минщине. Здесь была создана Центральная белорусская школьная рада, Белорусский педагогический институт.

После пятидесятилетнего перерыва возобновил работу белорусский театр. В Минске вновь заблистала «Селянка» В. Дунина-Марцинкевича. Была создана специальная труппа, которая гастролировала краем. В ее репертуаре, кроме «Селянки», была «Павлинка» Купалы, «Модный шляхтич» Каганца, «Михалок» Долецкого и другие пьесы. С помощью покойного Буйницкого был организован народный хор и балет. Кроме профессиональной труппы, существовали аматорские труппы в Слуцке, Гродно, Бобруйске. Был представлен и народный театр, особенно на Случчине. *«В исследовании белорусского народного искусства, археологии и архитектуры – огромная заслуга покойного уже Ивана Луцкевича, заложившего в Вильно при редакции «Нашей нивы», ценные коллекции старины – основы будущего национального музея Беларуси»,* – подчеркивал профессор Дорошенко [3, с. 43].

Таким образом, уже в 1923–1933 годах Дмитрий Иванович Дорошенко старался убедить студентов в том, что изучение национальных культур – вне времени, актуально и приоритетно.

1. Бурім, Д. Дмитро Дорошенко як історик слов'янських народів і Східної Європи / Д. Бурім // Славістична збірка. Вип. І. – Збірка статей за матеріалами Перших міжнародних наукових Соханівських читань. (м. Київ, 18 листопада 2014 р.) / за ред. Д. Гордієнка та В. Корнієнка. – К. : Ін-т історії НАН України, 2015. – 396 с.
2. Дорошенко, Д. Дещо про білоруське письменство / Д. Дорошенко // Рідний край. – Ч. 35. – Полтава. – 1906. – № 6–7; Дорошенко, Д. Білоруси та їх національне відродження / Д. Дорошенко. – Київ : В-во «Український Учитель». – Ч. 15. – 1908. – 32 с.
3. Дорошенко, Д. Слов'янський світ в його минулому й сучасному. Томи І–ІІІ. (Передмова Л. Белей) / Д. Дорошенко. – Ужгород : В-во «Гражда», 2005. – 400 с.
4. Зубко, О.С. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова в Празі (1923–1933рр.): дис... канд. іст. наук: 09.00.12 / О.С. Зубко. – Київ, КНУ ім. Т. Шевченка, 2010. – 224 с.

Василицына Л.А.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Фонды областных архивов сегодня дают возможность обратиться к исследованиям самого широкого круга проблем. Цель работы: охарактеризовать информационный потенциал документов Государственного архива Витебской области для изучения деятельности православных монастырей в 1920-е гг.

После принятых Советской властью декретов «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» монастыри лишались прав юридического лица, их имущество и земли муниципализировались. Получить в безвозмездное пользование культовые здания и богослужебные предметы монашеские общины могли через регистрацию в качестве приходской религиозной организации. Материалы фонда **Отдела управления Витебского губисполкома** (ф. 1821) содержат документы о регистрации религиозных общин Витебского уезда. Наиболее информативными из них являются протоколы приходских собраний, справки о регистрации, списки членов общин и их актива. Например, насельницы Тадулинского женского монастыря в 1923 г. зарегистрировали приходскую общину при Успенском соборе, которая состояла из 151 члена, включая 48 монахинь [1.14, оп. 1, д. 693, л. 33, 34]. Дополняют картину документы фонда **Витебского уездного Совета депутатов** (ф. 104), который содержит уставы и анкеты регистрации религиозных общин, регистрационные карточки [1.5].

Копии протоколов собраний духовенства и мирян, ведомости о числе храмов, действующих и закрытых монастырях, находятся в фонде **Витебского губернского совета депутатов** (ф. 56). Эти документы помогают проследить границы юридического существования обителей. Например, согласно ведомостям заключенных договоров и списков религиозных обществ по уездам,

в 1922 г. еще действовали Невельский Преображенский и Полоцкий Богоявленский мужские монастыри [1.4, оп. 6, д. 93, л. 4, 10]. Однако акты осмотра и переписка с различными учреждениями свидетельствуют, что уже в 1923 г. в Богоявленском монастыре разместился 14 полоцкий стрелковый полк. Имущество закрытых в 1922–1923 гг. храмов зачастую передавалось в другие монастыри и церкви. Согласно актам передачи в витебском Марковом монастыре находились 4 колокола закрытой Духовской церкви [1.4, оп. 1, д. 245, л. 73, 77, 505].

Обычной являлась ситуация, когда в части зданий еще не закрытого монастыря размещались сторонние организации. По данным **Вымнянского волостного совета** (ф. 28) уже в октябре 1918 г. в помещениях Тадулинского духовного училища была открыта Тадулинская трудовая советская школа первой ступени [1.3, оп. 1, д. 3, л. 1–18]. Как свидетельствуют материалы фонда **Вымнянского волвоентревкома** (ф. 1656) в новой школе работало 6 преподавателей, среди которых были и учителя бывшего женского училища, послушницы монастыря. Это отмечалось в опросных листах и актах обследования. Протоколы заседаний Витуревкома, доклады о результатах обследования школ волости, переписка по хозяйственным вопросам позволяют оценить состояние монастырского комплекса и взаимоотношения монашествующих с новыми хозяевами [1.13, оп. 1, д. 1, л. 16, 58, 764]. Процесс организации на территории монастыря школы второй ступени отражен в протоколах заседаний **Отдела народного просвещения Витебского уездного Совета** (ф. 221) [1.6]. В Марковом мужском монастыре с сентября 1919 г. размещался Витебский Концентрационный лагерь, учрежденный ВитГубЧК. Документы фонда **отдела наказаний Витебского Губисполкома** (ф. 1173) содержат инструкцию, регламентирующую порядок организации лагерей принудительных работ в монастырях. В отчете коменданта описывается местоположение построек, условия содержания арестантов. Указываются сроки ликвидации лагеря [1.12, оп. 1, д. 82, л. 2, 5, 15]. Документы фонда **Витебского окружного комитета КПБ** (ф. 10051) свидетельствуют о том, что весной 1924 г. часть помещений Спасо-Евфросиниевского женского монастыря г. Полоцка были заняты домом ребенка имени III Интернационала [1.18, оп. 1, д. 88, л. 18].

Отдельно следует обратиться к источникам по вопросам землепользования монашеских общин. С началом осуществления новой экономической политики для обработки бывших монастырских земель руководство монастырей регистрировало сельскохозяйственные артели и коммуны из числа насельников монастырей и активных прихожан. Дело об организации сельскохозяйственных производительных артелей по Витебскому уезду хранится в фонде **Витебского губернского земельного отдела** (ф. 14) [1.2]. Особый интерес представляют протоколы заседаний и рабочая переписка. Документы свидетельствуют, что в 1922 г. из числа насельниц Тадулинской обители была организована трудовая артель в количестве 50 человек под председательством монахини Есфири. В первые годы существования Тадулинская артель добилась прав на пользование монастырским садом и огородом [1.2, оп. 1, д. 992, л. 63–66]. В фонде **Марковщинского районного Совета** (ф. 13) хранится список членов коммуны «Фольварок Шидловщина», организованной монахами во главе с архимандритом Порфирием на бывших землях Маркова монастыря в 1923 г. [1.1, оп. 1, д. 30, л. 213].

В конце 1920-х гг., в русле политики свертывания нэпа и новой волны репрессий против религиозных организаций хозяйственные объединения монашеских общин упразднились. Тадулинская артель была закрыта весной 1928 г. по постановлению Витебского окружного комитета КПБ (ф. 10051). В протоколе заседания отмечалось, что под видом артели действует женский монастырь [1.18, оп. 1, д. 660, л. 72–73].

В русле антирелигиозной политики с 1919 г. по всей стране прошла акция по вскрытию мощей известных и почитаемых в народе святых. Документы фондов **Отдела управления Витебского губисполкома** (ф. 1821) и **Витебского областного краеведческого музея** (ф. 1947) позволяют реконструировать события, связанные со вскрытием мощей преподобной Евфросинии Полоцкой и перемещением их из Спасо-Евфросиниевского монастыря в Витебский губернский историко-археологический музей, а затем – в антирелигиозный музей [1.14, оп. 1, д. 425, л. 280]. Исследователь имеет возможность ознакомиться не только с актами вскрытия мощей и их описанием, перепиской по этому вопросу, но и схемой расположения в экспозиции музея [1.15, оп. 1, д. 103, л. 23, 46; оп. 2, д. 50, л. 30–35].

Особый интерес представляют документы фонда **финансового отдела Витебского Губисполкома** (ф. 123), которые касаются кампании по изъятию церковных ценностей. Наиболее

информативные из них описи церковного имущества и акты изъятия, которые отражают масштабы мероприятия. Изымались драгоценные оклады, украшения, кресты, богослужбная утварь, иконы. Иногда процедуре изъятия ценностей предшествовали инциденты с пропажей описей церковного имущества. В таких случаях монашествующих обвиняли в попытках укрытия ценностей. Например, настоятель витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря архимандрит Порфирий ссылаясь на то, что после 1917 г. монастырское имущество было передано местной коммуне, а после ее перевода с территории монастыря книги оказались испорчены. В Тадулинском монастыре инвентарные описи были украдены воспитанниками интерната [1.17, оп. 1, д. 2, л. 28]. В комиссию по изъятию обязательно должны были входить представители от прихода. Прихожанам Маркова монастыря удалось отстоять главную реликвию обители – Казанскую икону Божией Матери. Накануне и после рейда в каждом монастыре проходили масштабные обыски. Согласно актам обысков у настоятелей и духовенства Тадулинского, Вербиловского Покровского и Маркова монастырей были конфискованы монастырские и личные денежные средства [1.5, оп. 1, д. 754, л. 19; д. 761, л. 2, 19, 92].

Широко представлены в фонах материалы, отражающие процедуру размещения в монастырских зданиях детских домов и интернатов для эвакуированных в 1922 г. из районов Поволжья детей. В протоколах фонда **Витебского губернского комитета по оказанию помощи голодающим Поволжья** (ф. 570) отмечено, что в губернии было организовано 3 дома детей Поволжья, два из них – на территории Маркова и Тадулинского монастырей. Производились осмотры и оценка состояния построек, произведенный ремонт, условия содержания детей [1.11, оп. 1, д. 6, л. 7; д. 43, л. 21]. Постановления и протоколы фонда **Витебского уездного Совета депутатов** (ф. 104) свидетельствуют, что при организации детского дома монахиням Тадулинского монастыря было предписано поселиться в фольварок Зайбужье. Примечательно, что часть сестер остались на территории монастыря и работали в Тадулинском интернате и школе [1.5, оп. 1, д. 36, л. 68, 147]. Среди документов фондов **губернского отдела образования** (ф. 246) и **Отдела народного просвещения Витебского уездного Совета** (ф. 221) привлекают внимание сведения о перемещении детей Поволжья по губернии, их количество и состояние здоровья. Отмечается высокий уровень смертности. Присутствуют списки захороненных детей на кладбище Тадулинского монастыря [1.7; 1.8, оп. 1, д. 172, л. 248; д. 212, лл. 8, 53; д. 215, л. 404; д. 217 лл. 23, 30].

Отдельно следует выделить материалы фонда обновленческого **Витебского епархиального управления** (ф. 332). Привлекают внимание протоколы епархиальных съездов, деяния и циркуляры II Всероссийского собора, на котором обсуждался вопрос о вскрытии мошей и целесообразности существования монастырей [1.10, оп. 1, д. 3, л. 1]. Примечательно, что под сомнение попадали только те монастыри, которые занимали сторону патриарха Тихона. Например, в справке уполномоченного за 1924 г. указывается на сильные позиции «тихоновщины» среди насельниц Полоцкого женского монастыря [1.10, оп. 1, д. 9, л. 171 – 172]. В отчетах называется общее количество действующих обителей Полоцко-Витебской епархии. В 1924 г. их было 5 [1.10, оп. 1, д. 2, л. 215].

Таким образом, фонды Государственного архива Витебской области имеют большой информационный потенциал для изучения православных монастырей и монашеских общин в 1920-е гг. Среди документов широко представлены разнообразные виды источников: законодательные, актовые, статистические, материалы делопроизводства. Последняя категория включает нормативно-правовые документы, организационно-распорядительную и отчетную документацию, протоколы заседаний, текущую переписку.

Материалы фондов помогают проследить основные этапы существования и деятельности монашеских общин в указанный период. Представляется возможность изучить вопрос регистрации приходских общин и сельскохозяйственных артелей на базе монастырей, проведения кампании по изъятию церковных ценностей, передачу бывших монастырских помещений сторонним организациям и инстанциям, оценить их состояние в разное время. Отдельные документы дают возможность определить количество действующих монастырей, а также время и обстоятельства их закрытия.

Вместе с тем, поиск необходимых сведений для исследователя затрудняется отсутствием специальных тематических фондов и большой рассредоточенностью материалов.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 13. Марковщинский районный Совет.
2. ГАВО. – Ф. 14. Витебский губернский земельный отдел.
3. ГАВО. – Ф. 28. Вымянский волостной совет.

4. ГАВО. – Ф. 56. Витебский губернский совет депутатов.
5. ГАВО. – Ф. 104. Витебский уездный совет депутатов.
6. ГАВО. – Ф. 123. Финансовый отдел Витебского Губисполкома
7. ГАВО. – Ф. 221. Отдел народного просвещения Витебского уездного Совета.
8. ГАВО. – Ф. 246. Витебский губернский отдел образования.
9. ГАВО. – Ф. 322. Витебский городской совет депутатов.
10. ГАВО. – Ф. 332. Витебское епархиальное управление.
11. ГАВО. – Ф. 570. Витебский губернский комитет по оказанию помощи голодающим Поволжья.
12. ГАВО. – Ф. 1173. Отдел наказаний Витебского Губисполкома.
13. ГАВО. – Ф. 1656. Вымнянский волвоенревком.
14. ГАВО. – Ф. 1821. Отдел управления Витебского губисполкома.
15. ГАВО. – Ф. 1947. Витебский областной краеведческий музей.
16. ГАВО. – Ф. 2073. Витебская городская управа.
17. ГАВО. – Ф. 2458. Витебская уездная подкомиссия по изъятию церковных ценностей.
18. ГАВО. – Ф. 10051-п. Витебский окружной комитет КПБ.

Тарасенкова Т.И.

**«БЕЛОРУССКИЕ СМОЛЯНЕ» И «СМОЛЕНСКИЕ БЕЛОРУСЫ»:
РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИЙ СОВЕТСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ 1920–1930-х гг.
ПО МАТЕРИАЛАМ ГАНИСО¹**

Государственный архив новейшей истории Смоленской области – хранилище документов по истории Смоленской области в XX веке. В его фондах хранится более 400 тыс. дел и около тысячи фотодокументов. Региональный характер хранимых документов определяет тематику возможных исторических исследований. А многочисленные изменения административно-территориального деления в области в XX в. позволяют изучать развитие взаимоотношений Смоленщины и ее ближайших соседей. Определенное количество письменных источников связано с историей Беларуси. В основном это документы по личному составу учреждений, организаций. Эти документы позволяют определить не только вклад смолян в развитие области, но и участие в этом процессе людей, приезжавших из других регионов страны. Имеются также документы, по которым можно составить биографии людей, чья трудовая деятельность началась на Смоленщине, а продолжилась в Беларуси.

Высокий пост в системе советских органов власти и управления в регионе занимал Онисим (Анисим) Иванович Бобровский. С июля 1924 г по май 1926 г. он являлся председателем Смоленского губернского исполнительного комитета. О.И. Бобровский родился в 1894 г. В учетной карточке члена ВКП(б) образца 1926 г. указаны только основные данные: национальность – белорус, социальное положение – служащий, основная профессия – учитель, партийность – член коммунистической партии с июня 1919 г. [2, л. 2300]. В машинописной копии автобиографии О.И. Бобровского содержится более полная информация о его жизни и работе до приезда в Смоленскую губернию. Онисим Иванович родился в местечке Романово Горецкого уезда Могилевской губернии. Его родители работали на местном вино-дрожжевом заводе, на котором в 12 лет началась трудовая биография и Онисима Ивановича. Родители смогли дать сыну образование. Он окончил четырехклассное городское училище, выдержал экзамен на звание учителя и до февральской революции 1917 г. занимался преподавательской деятельностью.

В Романово до революции действовали две политические организации – социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков, позднее интернационалистов. К последней в конце 1913 г. примкнул Бобровский.

В 1917 г. О.И. Бобровский избирается членом, а затем председателем Горецкого совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции он неоднократно избирался членом Горецкого уездного исполкома, боролся с преступностью на посту начальника уездной милиции и председателя уездной чрезвычайной комиссии, восстанавливал мирную жизнь в должности уездного комиссара просвещения и уездного комиссара по продовольствию. В этот период, очевидно, определилась склонность Онисима Ивановича к хозяйственной деятельности.

В 1921 г. он был направлен специалистом по продовольственной работе в Сибирь [1, л. 164]. С 1921 по 1923 гг. О.И. Бобровский работал уполномоченным Наркомата по продовольствию в

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе».

Якутской и Бурятской республиках, губернским продкомиссаром в Иркутске, откуда в марте 1923 г. получил назначение в Смоленск на аналогичную должность губернского продкомиссара.

В личном деле О.И. Бобровского, хранящемся в фонде Смоленского губернского комитета ВКП(б), имеется его характеристика [4, л. 3–4]. Она лаконична, но дает представление об основных качествах, необходимых советскому руководителю. Отмечалось, что Онисим Иванович умеет руководить и подбирать работников, обладает организаторскими и административными способностями, имеет марксистскую подготовку, ориентируется в политической обстановке, руководствуясь марксистскими методами и принципами. Бобровскому присуща партийная устойчивость и отсутствие склонности к «колебаниям в сторону от большевизма и марксизма». Он энергичен, дисциплинирован, настойчив в исполнении принятых решений, умеет владеть собой, готов признавать и исправлять допущенные ошибки.

Деятельность О.И. Бобровского в должности председателя Смоленского губернского исполкома можно проследить по так называемой управленческой документации. Это протоколы конференций, совещаний, заседаний партийного, советского, хозяйственного актива.

В мае 1926 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о переводе О.И. Бобровского на работу в другой регион. Перед отъездом ответственный секретарь Смоленского губкома ВКП(б) Д.С. Бейка составил «Отзыв о работе тов. Бобровского по должности председателя Смоленского губисполкома». Кроме стандартных фраз о том, что партиец Бобровский «никаких отступлений от правильной ленинской линии» не имел, в отзыве отмечено наличие хозяйственных способностей у Онисима Ивановича: «Отличительная черта в работе тов. Бобровского – это разумная экономия в расходовании государственных средств и правильное направление в постановке народного хозяйства губернии» [1, л. 226].

После Смоленска О.И. Бобровский работал в Новосибирске, Харькове, Алма-Ате. В 1931 г. переехал в Москву. В каком бы регионе не оказывался О.И. Бобровский, его деятельность была связана с хозяйственной сферой – продовольствием и заготовками сельскохозяйственной продукции.

Конечно, сохранившиеся архивные документы лаконичны и скупы в оценке личных качеств человека. Но даже эти короткие фразы позволяют четко определить набор качеств, которые были нужны партийному и советскому руководителю любого уровня власти.

Короткое пребывание О.И. Бобровского в Смоленске, скорее всего, не связано с результатами его работы. Это была целенаправленная кадровая политика центральной власти – периодически переводить ответственных работников из одного региона в другой, и не оставлять их на одной и той же должности длительное время.

Дополнением к письменным источникам являются фотографии из фотофонда архива. О.И. Бобровский занимал высокую должность, поэтому сохранилось несколько фотографий, которые дают возможность увидеть человека в деловой обстановке [10, л. 1; 11, л. 1; 12, л. 1, 13, л. 1].

В ГАНИСО хранятся документы и о смолянах, сделавших карьеру в Беларуси и занимавших там высокие посты. Одна из них – Евдокия Ильинична Уралова. В 1937–1938 гг. она была вторым секретарем Полоцкого окружкома, первым секретарем Полоцкого райкома ВКП(б), в 1938–1947 гг. – министром просвещения БССР, а в 1950–1959 гг. – заместителем Председателя Совета Министров республики. Евдокия Ильинична Уралова – уроженка Смоленщины и здесь начиналась ее карьера советского руководителя. Первой вехой в ней стало вступление в партию. В связи с этим в Рославльской уездной парторганизации на Хритонкову (девичья фамилия Ураловой – Т.Т.) Евдокию Ильиничну было заведено личное дело, сохранившееся в фонде Смоленского губкома ВКП(б) [5].

Е.И. Уралова родилась в 1902 г. в деревне Соколянка Петровичской волости Рославльского уезда Смоленской губернии (ныне – д. Соколянка Шумячского района Смоленской области). Ее родители – крестьяне, занимались сельским хозяйством. В 8 лет они отдали дочь в церковную школу, а в 1917 г. в Климовичах она поступила в школу II ступени, в которой училась три года [5, л. 6, 11].

Евдокия Ильинична работала в хозяйстве родителей, но, очевидно, это не приносило ей радости. Она стремилась реализовать себя на общественном поприще – вступила в комсомол, участвовала в ликвидации неграмотности в родной деревне, вела работу среди женщин, была волостным женорганом [5, л. 6–7]. Наличие образования, активность, дисциплинированность, аккуратность и добросовестность в выполнении порученной работы [5, л. 4–5] позволили Рославльскому укому ВКП(б) назначить Е.И. Уралову инструктором женотдела в феврале 1926 г., т.е. за полгода до перевода из кандидата в члены партии [5, л. 8].

Дальше судьбу Е.И. Ураловой можно проследить по учетной карточке члена ВКП(б) образца 1926 г. Инструктором женотдела укома она работала около двух лет. В октябре 1928 г. в соответствии с политикой выдвижения рабочих и крестьян на руководящие должности Евдокия Ильинична как крестьянка была выдвинута на должность народного судьи в Рославле [3, л. 194]. Вскоре после назначения она столкнулась с проблемой – отсутствием специального образования, и в начале 1929 г. ее направили в Смоленск в аппарат губсуда и прокуратуры для повышения квалификации [3, л. 194].

В документах фонда первичной парторганизации Западного облсуда и прокуратуры имеется выписка из протокола заседания бюро ячейки ВКП(б) от марта 1929 г. о посылке на Высшие юридические курсы в Москву. Бюро ячейки рекомендовало направить Уралову на курсы «как активную и способную работницу, которая в дальнейшем может быть использована на руководящей судебной работе» [9, л. 192]. Однако через несколько месяцев вопрос о направлении Е.И. Ураловой на курсы приобрел драматический характер. Председатель облсуда Евтух на заседании бюро ячейки ВКП(б) облсуда и прокуратуры 1 августа 1929 г. сообщил, что Уралова в своей судебной практике допустила искривление классовой линии: «предоставила отсрочку по исполнению решения жене нэпмана» [9, л. 191], поэтому ее не следует посылать на курсы. Обсуждение кандидатуры Ураловой на бюро ячейки было жарким. Большинство членов ячейки поддержало Евдокию Ильиничну, объяснив ее ошибку тем, что она – выдвиженка и недавно работает в органах юстиции. Но на бюро прозвучали и другие претензии, в основном политические. Уралову обвиняли, что ее отец имеет зажиточное хозяйство, хотя Евдокия Ильинична утверждала, что связи с семьей не поддерживала. В упрек ставилось и ее крестьянское происхождение, а на курсы предпочтительнее было бы послать рабочую – выдвиженку. В итоге решили заменить Уралову «другой кандидатурой из женщин – работниц» [9, л. 191]. Администрация областного суда, узнав о решении ячейки, заявила, что другой подготовленной кандидатуры вместо Ураловой нет [9, л. 186]. На заседании бюро ячейки 6 сентября 1929 г. решение о направлении Е.И. Ураловой на курсы было принято девятью голосами «за» при трех голосах «против» [9, л. 45–46].

Е.И. Уралова вернулась в Смоленск после окончания курсов в декабре 1930 г. и продолжила работу в аппарате Западного облсуда и прокуратуры, пока не получила новое ответственное назначение – прокурором Дорогобужского района Западной области [3, л. 194]. В должности райпрокурора Е.И. Уралова работала с июля 1933 г. по октябрь 1935 г. В фонде Дорогобужского райкома партии в протоколах бюро райкома за 1933–1935 гг. имеется отрывочная информация о прокурорской работе Е.И. Ураловой. На заседания бюро райкома ее приглашали, когда обсуждались вопросы политического значения. Под контролем райпрокурора проводились проверки статей, опубликованных в областной газете «Рабочий путь», центральных газетах «Правда» и «Крестьянская газета», о неблагоприятном положении в колхозах Дорогобужского района [7, л. 149–150, 200–201]. Ураловой давали поручения ускорять расследования по таким делам и в короткие сроки привлекать виновных к уголовной ответственности [7, л. 88–89, 201].

Иногда в адрес Е.И. Ураловой звучала критика. Так, она не всегда своевременно опротестовывала решения областной кассационной коллегии, смягчавшие вынесенные приговоры по рассмотренным делам [7, л. 81]. Некоторые дела районные власти планировали рассматривать в форме показательных судебных процессов. Организация процессов поручалась райпрокурору, но Евдокия Ильинична по разным причинам не всегда успевала делать это вовремя. В результате политический эффект таких процессов терялся [8, л. 2].

Тем не менее, в целом Ураловой удавалось соответствовать требованиям того жестокого и неоднозначного времени. Свидетельством тому является характеристика на райпрокурора Уралову Е.И., направленная облпрокурору М.Н. Еремину в январе 1935 г.: «...В политическом отношении т. Уралова подготовлена удовлетворительно и в основном правильно ориентируется в вопросах политики партии и правительства. ...Случаев нарушения классовой бдительности в работе т. Ураловой не было обнаружено» [8, л. 2].

В октябре – ноябре 1935 г. Евдокия Ильинична из Дорогобужского района была переведена на должность районного прокурора в более крупный Вяземский район. В документах фонда Вяземского райкома партии имя Е.И. Ураловой встречается редко – только в протоколах бюро райкома за ноябрь – декабрь 1935 г. [6, л. 130, 157].

К январю 1936 г. она покинула прокурорскую должность. Проследить дальнейшую судьбу Е.И. Ураловой по документам ГАНИСО невозможно. Стремительное развитие ее карьеры происходило уже в БССР [14, с. 38].

В документах ГАНИСО имеется информация о руководителях губернского и областного уровня власти, о руководителях волостей, уездов, районов. Это открывает перспективы для изучения политических биографий, конкретной деятельности, практик поведения представителей власти и населения в различных ситуациях. Вместе с тем, существуют объективные трудности в работе с личными документами, т.к. доступ к ним юридически возможен по истечении 75 лет с момента возникновения документа, за исключением запросов служебного характера. Пока большая часть личной документации является труднодоступной для исследований.

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 1585.
2. ГАНИСО – Ф. 3. Оп. 2. Д. 26.
3. ГАНИСО – Ф. 3. Оп. 2. Д. 271.
4. ГАНИСО – Ф. 3. Оп. 14/1. Д. 1290.
5. ГАНИСО – Ф. 3. Оп. 14/3. Д. 2268.
6. ГАНИСО – Ф. 37. Оп. 1. Д. 133.
7. ГАНИСО – Ф. 44. Оп. 1. Д. 201.
8. ГАНИСО – Ф. 44. Оп. 1. Д. 205.
9. ГАНИСО – Ф. 1652. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАНИСО – Ф. 2736. Оп. 1. Д. 143.
11. ГАНИСО – Ф. 2736. Оп. 1. Д. 165.
12. ГАНИСО – Ф. 2736. Оп. 1. Д. 166.
13. ГАНИСО – Ф. 2736. Оп. 1. Д. 191.
14. Хомяков, В. Государственные и политические деятели Беларуси – уроженцы Смоленщины / В. Хомяков // Край Смоленский. – 2015. – 1. – С. 37–38.

Валуев Д.В.
ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
О СТРОИТЕЛЬСТВЕ И АРХИТЕКТУРЕ СМОЛЕНСКА
В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Одним из наиболее результативных периодов в истории развития Смоленска было время первых пятилеток. С 1929 по 1937 г. он являлся центром обширной Западной области, включавшей в себя территории современных Смоленской и Брянской областей РФ, а также части Тверской, Псковской, Новгородской, Калужской областей. Результатом этого стало превращение Смоленска в крупный промышленный и культурный центр. Очень серьёзно изменились его архитектурный облик и структура. До сегодняшнего дня сохранилось немало зданий и целых архитектурных комплексов, построенных в те времена. Некоторые из них являются неотъемлемой частью городского пейзажа. Современный Смоленск в своем нынешнем развитии сохраняет и продолжает многое из того, что было заложено ещё в 1930-е гг.

В Государственном архиве Смоленской области отложилось немало материалов, связанных со строительством и архитектурой Смоленска в период индустриализации. Значительная часть из них сосредоточена в фондах руководящих советских учреждений Западной, а затем Смоленской области – Западного и Смоленского облисполкомов (ГАСО, Ф. Р-2360 и Ф. Р-1544). Здесь можно найти распорядительные документы – постановления органов власти различных уровней, связанные с созданием важнейших промышленных, административных, культурных, жилищных объектов. В этих же фондах присутствуют материалы и о ходе их строительства. В фондах облисполкомов имеются документы, связанные с генеральными планами Смоленска, разрабатывавшимися во второй половине 1920-х–1930-х гг.

Но основными хранилищами сведений о перестройке Смоленска в эпоху первых пятилеток являются фонды организаций, непосредственно занимавшихся вопросами проектирования и строительства. Наибольшую ценность для данной проблематики имеют фонды Западного областного управления строительного контроля (Ф. Р-701), Смоленского городского отделения Западного областного управления строительного контроля (Ф. Р-555), Комитета по строительству и архитектуре администрации Смоленской области (Ф. Р-3414), Проектно-планировочного бюро при Смоленском городском архитекторе (Ф. Р-3293).

Важные для рассматриваемой темы источники хранятся в фонде Западного областного промышленного строительного треста (Ф. Р-1578). Здесь есть производственные сметы на строительство промышленных зданий, переписка с различными строительными участками, документы о строительстве таких объектов, как Дом Советов и Дом студента. Информацию о строительстве в Смоленске в годы индустриализации можно найти в фондах специализированных строительных

организаций. Так, в фонде Строительной площадки № 7 треста «Гослегпомстрой» (Ф. Р-1588) имеются сведения о ходе строительства Смоленского льнокомбината. В фонде Смоленской городской конторы всесоюзного государственного треста «Хлебострой» (Ф. Р-1412) находятся акты обследования строительства Смоленского хлебозавода №2 и мельничного комбината.

Документы о возведении новых и реконструкции старых зданий, о благоустройстве довоенного Смоленска хранятся в фондах Отдела коммунального хозяйства Смоленского губисполкома (Ф. Р-64) и Отдела коммунального хозяйства Западного облисполкома (Ф. Р-2322).

Немало дел фонда Западного областного союза жилищной кооперации (Ф. Р-1562) посвящено организации и деятельности жилищно-строительных кооперативов, существовавших с середины 1920-х годов по 1937 г. Результатом работы этих организаций стало появление в Смоленске ряда жилых домов. Среди них выделяется «дом-коммуна», построенный рабочим жилищно-строительным кооперативом «Труд» в 1930-32 гг., как образец жилого здания с высокой степенью обобществления быта.

Проблемы со снабжением смоленских строек довоенного периода строительными материалами и вопросы, связанные с их качеством отразились в документах, находящихся в фондах Западного областного треста промышленности стройматериалов минерального происхождения и новых стройматериалов (Ф. Р-1814) и Управления смоленскими кирпичными заводами №№ 1, 2, 3 (Ф. Р-1459).

На основании архивных источников становится возможным реконструировать весь процесс городского строительства от планирования на разных уровнях (вплоть до генерального плана) до сдачи тех или иных объектов в эксплуатацию. При этом выясняются любопытные детали, связанные, например, с практикой оформления административных решений по строительству. Так, решение о строительстве Дома печати, в котором должны были разместиться редакции основных периодических изданий области и главная областная типография, было официально принято 11 февраля 1930 г. на заседании Президиума Западного облисполкома. Одновременно, были определены сроки строительных работ и размеры финансирования [4, л. 173]. Но документы фонда Западного областного строительного контроля показывают, что на самом деле принципиальное решение о строительстве Дома печати было принято гораздо раньше. Уже в июле 1929 г. на Верхне-базарной площади Смоленска были проведены геологические изыскательские работы по определению места строительства здания «Государственной типографии имени В.И. Смирнова» [3, л. 4]. А осенью 1929 г. шла разработка проекта будущего Дома печати.

В многочисленных документах по строительству отразились проблемы, характерные для эпохи в целом. Масштабная строительная деятельность требовала наличия достаточного количества материалов, техники, квалифицированных кадров. Недостаток всего этого приводил к регулярным простоям и срывам в реализации намеченных планов даже на важнейших объектах. Сказывался на этих процессах и социальный состав строителей. На большинстве строек таковыми были крестьяне-«отходники», которые трудясь на стройплощадках сезонно, регулярно возвращались в деревни, чтобы заниматься сельским хозяйством. Властям и строительным организациям приходилось постоянно заниматься вербовкой рабочей силы. В записке треста «Запстрой, адресованной облисполкому и составленной в августе 1930 г. говорилось: «Сообщаем, что недостаточность темпа работ по Дому Советов объясняется отсутствием рабсилы, ушедшей в связи с сенокосом, но Запстрой принял надлежащие меры к вербовке рабсилы своими силами и направил по области 4-х вербовщиков. Как только удастся увеличить число рабочих, строительство немедленно будет вестись на две смены» [5, л. 148].

Дефицит строительных и отделочных материалов восполнялся порой нестандартными (но привычными для тех лет) методами. Некоторые из авторов мемуаров о довоенном Смоленске говорили о использовании строителями надгробных памятников со старых кладбищ. В.Е. Синявский отмечал: «Около нашего дома ... располагалось огромное немецкое кладбище. На нем были склепы, роскошные захоронения с готическими буквами Когда строили здание НКВД, на облицовку большого центрального крыльца и пустили камни этого кладбища, ..., кое-где эти готические буквы даже не стерли» [7]. Н.Н. Витковская указывала, что «для мостовых употребляли камень, полученный от разборки красивейших кладбищенских памятников с богатых дореволюционных могил. Особенно отчетливо были видны остатки надписей на камнях, уложенных на улице Пржевальского в отрезке от парка до Ильинской улицы (теперь это улица Октябрьской революции)» [1]. Эти сведения вполне подтверждаются архивными данными. 8 апреля 1932 г. в отдел благоустройства Смоленского горсовета была направлена служебная записка следующего содержания: «Управление

делами Облисполкома просит выдать разрешение прорабу № 2 Запстройтреста изъять с кладбищ незарегистрированные мраморные памятники для переработки последних в крошку, крайне необходимую для отделки Дома Советов» [5, л. 145]. 27 августа 1930 г. руководство Городского управления строительного контроля отправило в адрес Ремонтно-строительной конторы отношение, в котором, критиковались методы, использовавшиеся данной организацией при перемощении улицы Большая Советская. Среди прочего в ней говорилось: «Могущее быть оправдание, в недостатке крупного камня, в данном случае отпадает, т.к. рядом на бывшем кладбище имеется достаточное количество колотого камня, казалось бы его и следовало пустить в дело ... На основании вышеизложенного ГорУСК предлагает Вам ... перемощение в районе бывшего Троицкого монастыря проводить крупным камнем» [2, л. 76].

Качество строительства порой оказывалось довольно низким. Это обстоятельство отражается в документах ревизий, проводившихся на строящихся объектах, а также в актах приема их в эксплуатацию. Обычным делом, особенно для крупных зданий были отступления (нередко довольно значительные) от первоначального проекта. Вот характерный фрагмент из протокола комиссии, принимавшей в эксплуатацию здание Дома печати в сентябре 1932 г.: «заполнение между железобетонными колоннами во 2-м, 3-м, 4-м и 5-м этажах частично выполнено вместо красного кирпича из шлакодельного камня. ... В 3-м и 4-м этажах вестибюльные площадки сделаны бетонными вместо ксилолитовых, ввиду отсутствия ксилолита. ... Предусмотренная проектом железная лестница на чердак, устроена временно деревянной, но должна быть заменена железной. Перила главной лестницы сделаны деревянными, точеными, вместо железных ввиду отсутствия железа» [5, л. 313–314].

Фонд Комитета по строительству и архитектуре администрации Смоленской области содержит богатый фактический материал об архитекторах, работавших в Смоленске в 1920-х-30-х гг. Благодаря данным анкет, которые в 1937–1939 гг. заполняли зодчие при вступлении в Союз Советских архитекторов, мы можем установить авторство проектов многих известных смоленских новостроек этого периода. Это позволяет заполнить досадный пробел, существовавший в истории советской архитектуры Смоленска, когда даже в солидных изданиях не указывались авторы ряда довоенных построек.

Также материалы данного фонда позволяют понять как дискуссии по вопросам строительства и архитектуры, происходившие в 1930-х гг. влияли на настроения в местной архитектурной среде. В частности, с середины 1930-х гг. в выступлениях местных зодчих, также, как и по всей стране, начинает звучать критика в отношении конструктивизма и функционализма, господствовавших в архитектуре рубежа 1920/30-х гг. Это проявилось, среди прочего, в осуждении, которому смоленские архитекторы регулярно подвергали оформление главного областного административного здания. Построенное в 1930–1932 гг. по проекту московского архитектора С.А. Ильинской оно соответствовало главным канонам конструктивизма, представляя собой бетонную коробку с ленточными окнами без намеков на какой-либо декор. В протоколе одного из заседаний Смоленского отделения Союза Советских архитекторов, состоявшегося в ноябре 1940 г. значится, что после доклада Смоленского городского архитектора П.А. Никульцева ему был задан вопрос: «Будет ли произведена реконструкция фасада Дома Советов?» На это последовал ответ: «В 1940 г. кредитов на оформление фасада нет и средства только будут испрашиваться на 1941 г.» [6, л. 36 об.]. Впрочем, в связи с начавшейся войной этот вопрос не удалось разрешить и только на рубеже 1940-1950-х гг. Дом Советов, пострадавший в ходе боевых действий был перестроен в неоклассических формах и приобрел тот облик, который сохраняет и в настоящее время.

Таким образом, можно констатировать, что для исследований, посвященных строительству в Смоленске и изменению его архитектурного облика в 1920–1930-х гг., существует солидная документальная база. Материалы Государственного архива Смоленской области, многие из которых, ещё ждут своего изучения и введения в научный оборот, могут также стать важным источником по советской истории этого периода.

1. Витковская, Н. В тридцатые годы город переживал строительный бум / Н. Витковская // Смоленские новости. – 1996. – 17 февр. – № 25(988).
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 555. Оп. 1. Д. 34.
3. ГАСО. – Ф. 701. Оп. 1. Д. 140.
4. ГАСО. – Ф. 2360. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАСО. – Ф. 2360. Оп. 1. Д. 1773.
6. ГАСО. – Ф. 3414. Оп. 1. Д. 1.
7. Сиявский Георгий Евтихевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iremember.ru/memoirs/drugie-voyska/sinyavskiy-georgiy-evtikhievich/>.

Дудка А.Л.
**МЕСТНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
В КОНЦЕ 1930-х – НАЧАЛЕ 1940-х гг.**

Учреждение культуры «Витебский областной краеведческий музей» (УК «ВОКМ») входит в число старейших и богатейших музеев Республики Беларусь. Принимая во внимание тот факт, что в 2018 году УК «ВОКМ» отмечает 100-летие со дня образования, представляет интерес изучение местной периодической печати как источника о деятельности учреждения.

В научном архиве УК «ВОКМ» хранится альбом с вырезками из газет о деятельности Витебского исторического музея с июня 1938 по июнь 1941 года. Для анализа было отобрано 59 статей из таких газет, как «Віцебскі рабочы», «Советская Белоруссия», «Звезда», «Труд», «Боевое Знамя», «Пионер Беларусі».

В целом весь комплекс публикаций о музее из местной периодической печати конца 1930-х – начала 1941 года, условно можно разделить на 2 группы: 1. Статьи и заметки о проблемах музея (причины застоя, нехватка средств, передача здания и др.) и об основной деятельности музея (открытие музея, выставок, пополнение фондов, обновление экспозиции и др.). 2. Статьи, рассказывающие о важных и интересных исторических фактах и событиях, написанные, в том числе, и по материалам фонда Витебского исторического музея. Авторами материалов были руководители музея, научные сотрудники, специальные корреспонденты и журналисты. Автором 3-х статей был директор Витебского исторического музея, 15 статей написано научными сотрудниками музея (автором большинства из них является И.И. Василевич), 5 коллективных статей, посвященных актуальным проблемам музейной жизни, 36 статей написаны корреспондентами, журналистами.

По содержанию и стилистике мы определили следующие типы статей: проблемная статья, информационная статья, статья – личное мнение, фоторепортаж, обзорный материал, статистические данные, публикации. В целом, газетные статьи о музейной деятельности чаще носят информационный, нежели проблемный характер, публикации с использованием фотоматериалов встречаются не часто.

Довольно активно деятельность Витебского исторического музея освещалась в газете «Віцебскі рабочы». Из тех газет, которые сохранились в музее, нам удалось выявить, что было напечатано: в 1938 г. – 8, 1939 г. – 10, 1940 г. – 17, 1941 г. – 11 статей о музее. Как видно, «музейные вопросы» газета освещала регулярно. Отметим, что именно в этом издании публикации музейных сотрудников являются наиболее объемными. Остановимся подробнее на некоторых из них.

Надо сказать, что музейные специалисты уже в то время понимали, что необходимо целенаправленно заниматься комплектованием фондов, привлекать в музей частные собрания. Подтверждением этому является статья в газете «Віцебскі рабочы» за 17 июля 1938 г. «Што цікавага ў музеі?». В ней речь идет о приобретении для «отдела средней истории» уменьшенной копии памятника Петру I. А 6 марта 1940 г. в этом же издании напечатана фотография, на которой старший научный «работник», как написано в газете, Витебского исторического музея И. Василевич уже рассматривает данный экспонат на экскурсии с группой школьников 22-й школы. Случайные находки, предметы, полученные в дар, также были и остаются источником пополнения музейных коллекций. О том, что витебский врач И. Ларионов подарил в 1938 г. музею свою коллекцию медалей и денег в количестве 449 экземпляров, мы узнаем из материала И. Василевича «Цікавая калекцыя старажытных манет». Заметки «Знойдзена грамата караля Станіслава Аўгуста» [2], «Интересный исторический документ» [4] сообщают о поступлении в Витебский исторический музей случайно найденной грамоты, выданной в 1767 г. в местечке Михалово Полоцкого воеводства, польским королем Станиславом Августом. Тему случайных находок продолжают статьи «Цікавая знаходка» (1938 г.), «Цікавая знаходка» (1939 г.). В первой речь идет о кладе, найденном в Бешенковичском районе тов. Адамовичем, вторая – о бронзовой медали, посвященной декабристам, которую нашел тов. Писаренко. Обе находки были переданы в исторический музей.

Конечно, газета не могла не сообщить о находке в 1941 г. в окрестностях города Витебска двух зубов мамонта. По этому поводу напечатано несколько заметок, одна из них снабжена фотографией сотрудника И. Василевича, который исследует предметы, переданные историческому музею [12]. Про необычную находку сообщили не только местные газеты, напечатали об этом и в «Советской Белоруссии», и «Звезде».

В те годы в Витебском историческом музее открываются отделы новой истории и социалистического строительства, выставка, посвященная 60-летию со дня рождения И. Сталина, переоборудована в специальный отдел «Жизнь и творчество товарища Сталина» [13].

30 июня 1940 г. в здании костела Святого Антония открылся филиал исторического музея – антирелигиозный музей. Этому факту периодические издания также уделили должное внимание, а в одном из номеров газеты «Віцебскі рабочы» была опубликована фотография антирелигиозного музея.

25 сентября 1940 г. в статье «У антырэлігійным музеі» (автор – И. Василевич, уже заместитель директора исторического музея) указывается количество посетителей открывшегося филиала, которое в среднем за день составляло 300–400 человек. Здесь же автор поднимал вопрос о неудобствах в деятельности антирелигиозного музея из-за тех условиях, в которых он оказался. Помещения бывшего католического костела были не приспособлены для экспонирования и хранения предметов, там было темно и сыро, существовали проблемы с отоплением. Однако, несмотря на сложности, «...музей прымае ўсе захаваны да выпраўлення гэтых недахопаў...» [3].

Администрация музея обращалась с запросами в редакции нескольких газет с просьбой выслать вырезки статей об открытии музея. В научном архиве УК «ВОКМ» сохранились газетная вырезка и письмо из редакции газеты «Боевое Знамя» за подписью начальника отдела информации – старшего политрука Федорова на имя директора музея о том, что выслана статья корреспондента Н. Лебедева, помещенная в газете № 105 от 11 мая 1940 года.

Заметка «64286 наведвальнікаў» представляет собой обзор работы исторического и антирелигиозного музеев за 1940 г. Представлены количественные данные по посетителям, экскурсиям, лекциям, организации тематических выставок за отчетный период. Статья начинается со слов: «Вялікай папулярнасцю карыстаецца ў працоўных нашай абласці Віцебскі гістарычны музей...» [1]. А далее – отчет о музейной работе: «...прачытана 1115 лекцый на розныя гістарычныя тэмы..., абсталяваны кіноэкран, на якім у час лекцый дэманструюцца дыяпазітыўныя фільмы. За год было арганізавана 9 тэматычных выставак...» [1]. Обращает на себя внимание и то, что в 1940 г. научные сотрудники исторического музея с целью знакомства и обмена опытом посетили музеи Москвы, Киева, Минска, Днепропетровска. В конце статьи говорилось о планах музея на 1941 год «...правесці ў першай палове гэтага года не менш 190 лекцый і 500 гутарак, ...для школьных экскурсій 170 лекцый» [1].

Интерес представляет статья директора Витебского областного исторического музея В. Зейлерта «Шырэй скарыстаць экспазіцыі гістарычнага музея» (1941 г.), где затрагиваются вопросы музейной деятельности. Автор анализирует работу музея за последние несколько лет «...планамерная і сістэматычна праводзімая работа над распрацоўкай і апісаннем фондаў у 1940–1941 гг. дала магчымасць поўнаасцю разабраць і апісаць фонды музея, высветліць рад вельмі цікавых і рэдкіх экспанатаў» [7]. Директор выявил определенные пробелы в работе и призвал активнее посещать музей, так как «... толькі 25 % насельніцтва Віцебска бачылі яго экспазіцыі...» [7]. В свою очередь «...у мэтах далейшай папулярызацыі дырэкцыя арганізавала чытанне лекцый ... на фабрыках і заводах горада ў суправаджэнні выстаўкі-перасоўкі экспазіцыі музея», кроме этого, «...музей зменшыў аплату за ўваход школьнікам і экскурсіям да 25 капеек» [7]. В. Зейлерт обращался к партийным и общественным организациям с просьбой: приложить усилия для того, что бы «...зрабілі музей сапраўдным здабыткам працоўных мас шляхам арганізацыі масавых экскурсій і паходаў у музей». Он предлагал рассматривать музейную площадку как место, объединяющее историков, краеведов, широкую общественность, школьную аудиторию, «...бо тых умов, якія прадстаўляе цяпер музей у іх распараджэнне... яны мець не змогуць...» [7].

Важной вехой в предвоенной жизни Витебского исторического музея стал приезд группы минской студии кинохроники для съемок киножурнала «Советская Беларусь». В одном из номеров газеты «Віцебскі рабочы» за 1940 г. напечатана фотография, на которой директор музея В. Зейлерт и старший научный сотрудник И. Василевич с группой киножурналистов снимают фондовые предметы: документ с автографом А.В. Суворова и миниатюрное издание поэм А.С. Пушкина. Радует то, что кадры кинохроники сохранились.

Таким образом, сотрудники музея г. Витебска всегда старались сохранять, воссоздавать и развивать историко-культурное наследие региона и республики в целом. Проведенный анализ содержания местной периодической печати конца 1930-х – начала 1941 г., позволяет сделать вывод о постоянном интересе к музейной теме. По итогу исследования нами составлен библиографический список публикаций о деятельности ВОКМ в 1930–1940-х гг.

1. 64.286 наведвальнікаў // Віцебскі рабочы. – 1941. – 16 студз.
2. Васілевіч, І. Знойдзена грамата караля Станіслава Аўгуста / І. Васілевіч // Віцебскі рабочы. – 1939. – 24 чэрв.
3. Васілевіч, І. У антырэлігійным музеі / І. Васілевіч // Віцебскі рабочы. – 1940. – 25 верас.
4. Васілевіч, І. Цікавая знаходка / І. Васілевіч // Віцебскі рабочы. – 1939. – 16 снеж.
5. Васілевіч, І. Цікавая калекцыя старажытных манет / І. Васілевіч, Э. Меерсон // Віцебскі рабочы. – 1938.
6. ВОКМ, научны архів. – Ед. хр. 5/1–2.
7. Зейлерт, В. Шырэй скарыстаць экспазіцыі гістарычнага музея / В. Зейлерт // Віцебскі рабочы. – 1941. – 31 мая.
8. Зубы маманта // Звязда. – 1941. – 04 чэрв.
9. Интересный исторический документ // Советская Белоруссия. – 1939. – 26 июня.
10. Лебедев, Н. Открывается антирелигиозный музей / Н. Лебедев // Боевое Знамя. – 1940. – 11 мая.
11. На днях у ваколіцах горада Віцебска былі знойдзены 2 зубы маманта // Віцебскі рабочы. – 1941. – 07 чэрв.
12. Редкие экспонаты в Витебском музее // Советская Белоруссия. – 1940. – 08 марта.
13. Фотаздымак старшага навуковага работніка І. Васілевіча з групай вучняў у Віцебскім гістарычным музеі // Віцебскі рабочы. – 1940. – 06 марта.
14. Цікавая знаходка // Віцебскі рабочы. – 1938.
15. Што цікавага ў музеі // Віцебскі рабочы. – 1938. – 17 ліп. – С. 1.

Карпузова А.Г.

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕССКОГО ВОЕВОДСТВА КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ (по материалам Государственного архива Брестской области)

В Государственном архиве Брестской области находятся на хранении документы органов местного самоуправления, действовавших на территории Западной Беларуси в период ее вхождения в состав Польши в 1921–1939 гг.

Прежде чем исследовать данный документальный комплекс, необходимо кратко охарактеризовать систему местного самоуправления, которая была установлена на западно-белорусских землях в межвоенный период.

На территории Западной Беларуси, входившей в состав польского государства в 1921–1939 гг., действовала общепольская система административного управления. По административно-территориальному делению территория Польши делилась на воеводства, которые в свою очередь делились на поветы, а поветы – на гмины. Гмина охватывала либо территорию одного города – городская гмина, либо территорию нескольких населенных пунктов (поселков, деревень, хуторов и т.д.) – сельская гмина.

В соответствии с нормативными документами, регламентирующими деятельность местного самоуправления, каждый административный повет представлял собой поветовый коммунальный союз (с 1933 года – поветовый союз самоуправления), в состав которого входили гмины и города. В свою очередь, городские и сельские гмины являлись самоуправляемыми территориальными единицами и юридическими лицами.

В сферу деятельности поветовых коммунальных союзов (поветовых союзов самоуправления), городских и сельских гмин входило: управление собственным имуществом и его доходами, строительство и содержание дорог, мостов, водопроводных и канализационных сооружений, поддержка и развитие сельского хозяйства, торговли, ремесла, контроль за санитарным состоянием на подведомственной территории, здравоохранение, социальное обеспечение, развитие просвещения и другие вопросы, касающиеся территории повета, города и гмины соответственно.

Органы местного самоуправления всех уровней делились на распорядительные и исполнительные. На уровне повета это поветовый сеймик (с 1933 года – поветовая рада) и поветовый отдел (председателем которых выступал поветовый староста), на уровне города – городская рада и магистрат (с 1933 года – городское управление) во главе с президентом (или бургомистром), на уровне гмины – гминная рада и гминное правление во главе с войтом [20].

Рассмотрим комплекс документов органов местного самоуправления, действовавших на территории Полесского воеводства.

Это архивные фонды поветовых рад и отделов (Брестского, Дрогичинского, Лунинецкого, Пинского, Столинского), городских управлений (Бережа-Картузского, Брестского, Высоко-Литовского, Городнянского, Давид-Городокского, Каменец-Литовского, Коссовского, Логишинского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского), а также гминных правлений Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского,

Столинского поветов Полесского воеводства за 1919–1939 гг. Всего 53 фонда, включающих в себя свыше 27 тысяч единиц хранения [1, с. 26–34].

Документальные материалы, отложившиеся в изучаемых фондах, отражают весь спектр вопросов, входивших в сферу деятельности органов местного самоуправления, обладают богатым информационным потенциалом и служат полноценным источником по изучению истории органов местного самоуправления, общественно-политического, социально-экономического развития Полесья на уровне отдельно взятых поветов, городов, сельских гмин, деревень в период между двумя мировыми войнами.

Кроме этого, документы органов местного самоуправления служат ценным источником для проведения генеалогических исследований, по изучению истории отдельно взятых семей, установления фактов биографии отдельных их представителей. Следует оговориться, что речь идет о генеалогии в широком смысле этого слова (а не только об установлении родственных связей и составлении родословной).

Исходя из выполняемых органами местного самоуправления функций, в их делопроизводстве отложились документы, которые могут быть использованы для поиска сведений генеалогического характера.

Так, функция организации выборов в органы местного самоуправления, участие в подготовке выборов в Сейм и Сенат Польши требовала составления списков избирателей в Сейм и Сенат Польши, в городские и гминные рады [2], в которых содержались биографические сведения о местных жителях (фамилия, имя, год рождения, место жительства, род занятий и др.).

Поскольку магистраты и гминные правления осуществляли учет и регистрацию населения на подведомственной территории, в составе их фондов отложились многочисленные документы, содержащие сведения о конкретных жителях той или иной административно-территориальной единицы: посемейные карточки (*karta rodziny*) [3]; домовые книги (в городах) [4]; списки, книги регистрации жителей отдельных гмин, городов, деревень [5]; протоколы опроса свидетелей по установлению постоянного места жительства граждан [6]; анкеты о регистрации, проживании в гмине, перемене места жительства [7]; заявления жителей о выдаче паспортов [8]; справки о смерти, рождении, копии, выписки из актов гражданского состояния, метрических книг (о рождении, браке, смерти), копии военных билетов, паспортов [9] и др.

При выполнении функции учета военнообязанных и проведении призывных мероприятий составлялись: индивидуальные карточки призывников, списки призывников по годам рождения, списки военнообязанных (находившихся в запасе) и др. [10].

Вопросы строительства, в том числе частного, также находились в ведении органов местного самоуправления, в связи с чем, в составе фондов имеются документы в отношении конкретных граждан: разрешения на строительство жилых домов и хозяйственных построек и заявления граждан об их выдаче [11], проекты строительства домов и построек [12], дела о выдаче ссуды на строительство (в отношении конкретных граждан) [13] и др.

Осуществляя учет ремесленников, промышленных предприятий, торговцев, органы местного самоуправления составляли списки лиц, занимающихся ремеслом или торговлей, выдавали разрешения на открытие торговых точек, занятие ремеслом и др. [14].

При решении вопросов землепользования, для учета недвижимого имущества, землевладельцев, крестьянских хозяйств, домашнего скота и т.д. в составе фондов органов местного самоуправления отложились такие документы как: дела о владении недвижимым имуществом (в отношении конкретных граждан) [15]; списки землевладельцев с указанием размера земельного участка, владельцев недвижимого имущества [16]; заявления о приобретении земли, о предоставлении земельных участков в аренду [17] и др.

В ведении органов местного самоуправления находились вопросы социального обеспечения, оказания материальной помощи жителям, в связи с чем в составе изучаемых архивных фондов имеются: заявления граждан об оказании материальной помощи (деньгами, продуктами), выдаче ссуд, пособий, протоколы обследования материального положения просителей, списки граждан, которым оказана помощь и др. [18].

Кроме того, в составе фондов городских управлений и гминных правлений сохранились многочисленные справки и свидетельства различного содержания: о проживании, месте жительства, составе семьи, гражданстве, роде занятий, ведении ремесла, материальном положении, наличии (отсутствии) недвижимого имущества, об источниках доходах, отсутствии задол-

женности по уплате налогов и др. Выдавались такие справки на основании заявлений граждан для предоставления в различные компетентные органы (поветовые староства, банки, судебные органы, учреждения здравоохранения, эмиграционные учреждения и др.) в связи с решением каких-либо вопросов (выезд за границу, покупка земли, получение кредита, направление в больницу и др.) [19].

Вышеуказанные документы содержат, как правило, биографические данные конкретных людей (как минимум, фамилия, имя, год рождения, имена родителей, место жительства, как максимум, гражданство, вероисповедание, национальность, семейное и имущественное положение, род занятий и др.), а также отражают отдельные факты их биографии.

Рассмотрим более подробно некоторые из них, представляющие наибольший интерес при проведении генеалогических исследований: домовые книги – книги учета прописки граждан, заводились на каждое домовладение, в них указывались фамилия, имя, дата и место рождения, семейное положение, вероисповедание, профессия либо источник содержания всех проживающих в доме лиц и др. [4];

анкеты о регистрации в гмине (zgłoszenie zamieszkania (kwestjonariusz)), о проживании в гмине (ankieta dla osób zamieszkujących w gminie), о перемене места жительства (zgłoszenie zmiany miejsca zamieszkania), заполняемые на конкретных лиц, в которых указывались фамилия, имя, дата рождения, имена родителей, профессия, место предыдущего проживания, вероисповедание, семейное положение, отношение к воинской службе, гражданство и др. [7];

заявления жителей о выдаче паспортов и удостоверений личности, как правило, оформлялись на типографском бланке установленной формы, содержали следующие реквизиты: фамилия, имя, дата и место рождения, имена родителей, вероисповедание, профессия, семейное положение, место проживания, отношение к воинской службе, описание внешности (рост, цвет глаз и волос, форма лица, рта, носа), грамотность, владение языками, личная подпись. На заявление наклеивалась фотография, а также могли прикладываться копии (выписки) свидетельств о рождении, старые паспорта и удостоверения личности и др.) [8].

Безусловно, перечисленные виды документов – далеко не весь спектр материалов, которые могут быть использованы для генеалогических изысканий. Можно также привлекать документы, связанные с вопросами налогообложения граждан, исполнения ими дорожной повинности (по ремонту дорог и мостов), оплаты стоимости лечения в коммунальных лечебных учреждениях и др.

Следует отметить, что степень сохранности архивных фондов органов местного самоуправления различная. Так, например, наиболее полно представлены документы Брестского (11049 ед. хр.), Пинского (6509 ед. хр.), Пружанского (1765 ед. хр.) городских управлений, остальные насчитывают менее 80 дел в своем составе, а некоторые (Коссовское, Лунинецкое, Городнянское) и вовсе несколько единиц хранения. То же касается и гминных правлений: лучше сохранились документы правлений гмин Брестского, Пинского и Пружанского поветов, значительно хуже – Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Столинского поветов Полесского воеводства. В связи с этим не в каждом фонде отложился весь спектр названных выше документов, а в сохранившихся может не быть сведений в отношении искомых лиц.

Кроме того, надо понимать, что для поиска информации о своих предках необходимо знать минимальный набор сведений – их фамилии, имена, отчества, ориентировочные годы рождения и место жительства.

Таким образом, в Государственном архиве Брестской области находится на хранении богатый комплекс документов, отложившихся в процессе деятельности органов самоуправления на поветовом, городском и гминном уровнях, действовавших на территории Полесского воеводства. Данные материалы могут быть использованы в качестве источника по генеалогическим исследованиям, для изучения истории семей, установления фактов биографии отдельных лиц, проживавших в населенных пунктах Полесского воеводства в 1921-1939 гг.

1. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.»; сост.: А. В. Теребунь [и др.]; редкол.: А. Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2010. – 130 с.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). – Ф. 5. Оп. 1. Д. 290–308; Ф. 6. Оп. 1. Д. 31; Ф. 10. Оп. 1. Д. 71, 581 и др.
3. ГАБр. – Ф. 11. Оп. 2. Д. 26; Ф. 37. Оп. 1. Д. 198 и др.
4. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 5915–6345; Ф. 6. Оп. 3. Д. 1–883 и др.
5. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 60; Ф. 11. Оп. 1. Д. 3 и др.
6. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 25, 322; Ф. 10. Оп. 1. Д. 14, 118 и др.
7. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 7028; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1 и др.
8. ГАБр. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 99; Ф. 10. Оп. 1. Д. 137, 138, 549; Ф. 14. Оп. 1. Д. 14; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 283–316 и др.

9. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 899, 946, 5469–5910; Ф. 10. Оп. 1. Д. 1, 249; Ф. 37. Оп. 1. Д. 197а и др.
10. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 16, 193; Ф. 11. Оп. 2. Д. 27; Ф. 12. Оп. 2. Д. 2а; Ф. 14. Оп. 1. Д. 7а; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 106, 186 и др.
11. ГАБр. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 189; Ф. 15. Оп. 1. Д. 29 и др.
12. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1356, 1936; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1204–1223 и др.
13. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1377–1408; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1224 и др.
14. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 227, 857; Ф. 10. Оп. 1. Д. 54; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 446, 449–459 и др.
15. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 2490–5106 и др.
16. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 520, 5408–5413; Ф. 14. Оп. 2. Д. 26; Ф. 2018. Оп. 1. Д. 113 и др.
17. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 467, 1437–1439; Ф. 6. Оп. 1. Д. 205; Ф. 17. Оп. 1. Д. 50; Ф. 18. Оп. 1. Д. 46 и др.
18. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 1061–1071, 1100; Ф. 10. Оп. 1. Д. 413; Ф. 11. Оп. 1. Д. 59; Ф. 49. Оп. 1. Д. 4; Ф. 2005. Оп. 1. Д. 1346–1385 и др.
19. ГАБр. – Ф. 5. Оп. 1. Д. 369, 843; Ф. 6. Оп. 1. Д. 48; Ф. 10. Оп. 1. Д. 140; Ф. 37. Оп. 1. Д. 19 и др.
20. Карапузова, А. Г. Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси в 1919–1930-е гг. (по материалам Государственного архива Брестской области) / А. Г. Карапузова // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2009. – Вып. 10 – С. 65–76.

Яшчанка А.Р.

МАТЭРЫЯЛЫ ГАЗЕТЫ «ЗАРА» ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ КУЛЬТУРЫ І ПОБЫТУ ГАРАДЖАН ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ НАПЯРЭДАДНІ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Матэрыялы перыядычнага друку належаць да каштоўных крыніц для аднаўлення гісторыі і культуры гарадскога жыцця на Беларусі ў розныя гістарычныя эпохі. Высокая актуальнасць характэрна для вывучэння праблем штодзённасці перадаваемага часу, асабліва ў дачыненні гарадоў Заходняй Беларусі, дзе перапляталіся трывалыя асновы гарадской цывілізацыі з прыўнясеннем прынцыпова іншых, савецкіх па сваёй сутнасці, тэндэнцый культурна-бытавага развіцця. Гэтыя працэсы напярэдадні Вялікай Айчыннай вайны ўскладняліся поліэтнічным складам гарадскіх жыхароў, рэлігійнасцю насельніцтва і, у цэлым, спецыфікай разгортвання ўрбанізацыйных працэсаў у Заходняй Беларусі ў першыя дзесяцігоддзі ХХ ст.

У гістарыяграфіі беларускай этналогіі вызначаны сюжэт амаль не раскрыты. Пытанне аб культуры і побыце гараджан Заходняй Беларусі з пазіцыі савецкай метадалогіі закраналася ў калектыўных манаграфіях беларускіх савецкіх этнографіаў, напрыклад, «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [6], аднак у якасці самастойнага прадмета для характарыстыкі ў межах сучасных этналагічных даследаванняў яно адсутнічае. Перыядычны друк таксама неаднаразова выкарыстоўваўся як крыніца інфармацыі для апісання гістарычных падзей і працэсаў у БССР, аднак з пункту гледжання рэканструкцыі побытавай культуры гарадскога насельніцтва заходняй частцы БССР заставаўся малавывучанай крыніцай.

Звернемся да матэрыялаў газеты «Зара», якая выходзіла ў Валкавыску як орган Укома КП(б)Б і Увыканкома Валкавыскага павета(далей: Валкавыскага РК КП(б)Б і РВК). Яе першыя 24 нумары пабачылі свет у 1939 г., але найбольшую каштоўнасць уяўляюць нататкі і афармленне экзэмпляраў за 1940 год, калі ўкараненне савецкага кампанента ва ўсе сферы жыцця, у тым ліку сферу культуры і побыту, праявілася больш рэльефна. Гэтае выданне выбрана для разгляду яшчэ і таму, што яно належыць да рэгіянальных газет, публікацыі на іх старонках эфектна і рознабакова адлюстроўвалі не толькі мясцовы гарадскі каларыт, але і панараму сацыякультурнага развіцця гарадоў усяго краю. Акрамя інфармацыі пра агульнадзяржаўныя падзеі, сельскае жыццё свайго павета, пра сітуацыю ва ўласна Валкавыску, часцей прадстаўляліся звесткі пра такія гарады, як Гродна, Беласток. Вобраз эвалюцыі і трансфармацыі гарадскога ладу жыцця ў Валкавыску атрымліваецца найбольш насычаным, рознапланавым, што павышае каштоўнасць газеты «Зара» як крыніцы з прычыны магчымасці прасачыць ў дэталю традыцыі правінцыяльных гараджан Беларусі. Комплекс нумароў газеты за 1940 год захаваны ў дастатковай ступені, адсутнічаюць толькі асобныя нумары. Паліграфічная якасць высокая для тэхнічных магчымасцей даваемага перыяду. Прозвішчы аўтараў артыкулаў і колонак навін згодна падыходам свайго часу ў большасці публікацый не друкаваліся. Выданне рыхтавалася на беларускай мове.

Сярод тэкстаў можна ўмоўна выдзяліць некалькі тэматычных груп. Першая вялізная па колькасці прыкладаў – навіны аб культурным жыцці гараджан, аб’явы аб забавляльных і асветніцкіх мерапрыемствах. Яшчэ адна група газетных публікацый – гэта лаканічныя апісанні адбыўшыхся падзей. Пастаянна размяшчаліся аб’явы рознага кшталту, пераважна запрашэнні да навучання ў розных установах адукацыі. Газета паведамляла аб змяненнях у гарадскім асяроддзі, азеляненні, добраўпарадкаванні зон адпачынку. Радзей прадстаўлялася інфармацыя

пра якась працы сферы побытавага абслугоўвання. Прыкладамі публікацый гэтага блока з'яўляюцца артыкулы аб забеспячэнні палівам школьных устаноў, дзейнасці сталовых і магазінаў, цырульняў, лазняў горада [8, с. 4].

Ступень дакладнасці фактаў даволі высокая, паколькі яны складаліся мясцовымі журналістамі, якія добра ведалі абстаноўку ў горадзе, стваралі свае артыкулы і кароткія нататкі, будучы сведкамі адбываўшыхся падзей. Акрамя таго, сфера побыту была менш зручная для першых эксперыментаў савецкіх ідэолагаў пасля далучэння гарадоў Заходняй частцы Беларусі да БССР. Разам з тым відавочны і многія скажэнні рэчаіснасці на старонках газеты, аднабаковы погляд на штодзённыя праблемы, ігнараванне шэрагу негатыўных з'яў, калі яны былі звязаныя з новай савецкай старонкай жыцця ў гарадах. Тэндэнцыйнасць у дачыненні да побытавых сюжэтаў праяўлялася перш за ўсё ў бязмежным ўхваленні і перабольшванні самых малых дасягненняў савецкай улады ва ўдасканаленні побыту, спробах уздыму культуры. Параўнанні з мінулым прыводзіліся сістэматычна і толькі адносна тых працэсаў, якія выглядалі адназначна лепш за перыяд «панскай Польшчы».

Надзвычай арыгінальнай і багатай па зместу крыніцай з'яўляюцца фотаздымкі, размешчаныя ў многіх нумарах газеты «Зара». Якасьць фотаматэрыялаў розная, у большасці выпадкаў дастатковая для больш дэталевага разгляду нават пры невялікім фармаце фотавыяў (гэтакія сустракаюцца часцей). Фота яскрава адлюстроўваюць знешняе аблічча гарадоў – Валкавыска і Беластока, віды вуліц, культурных збудаванняў, яны таксама зафіксавалі партрэты вядомых гараджан або груп асобных прадстаўнікоў гарадскога соцыума – настаўнікаў, навучэнцаў, працоўных. Некаторыя фотарэпартажы задакументавалі адметныя падзеі ў гарадах – адкрыццё і функцыянаванне культурна-асветных устаноў (бібліятэк, чытальняў, школ), а таксама прадпрыемстваў. На фотаздымках можна разгледзець табачную фабрыку ў Гродна і фрагмент гарадской вуліцы, цэнтральныя кварталы Беластока, выкладчыкаў і студэнтаў педагагічнага вучылішча ў гэтым горадзе і інш. Гараджане Заходняй Беларусі актыўна ўцягваліся ў культурныя сувязі ў межах вялікай савецкай краіны. Пачэснае месца адводзілася паказу і папулярызацыі Мінска як сталіцы рэспублікі (напрыклад, фотавыява працы бібліятэкі адной з сярэдніх школ, від Ленінградскай вуліцы), з гэтай жа мэтай даводзілася інфармацыя і фотарэпартажы аб дзейнасці павільёна Беларускай ССР на Ўсесаюзнай сельскагаспадарчай выстаўцы ў Маскве. Восенню ў Валкавыску адбыліся гастролі Дзяржаўнага Кабардзіна-Балкарскага ансамбля пляскі і музыкі [7, с. 4], ён таксама даваў канцэрты ў Баранавічах, Слоніме, Брэсце і Беластоку.

Трэба падкрэсліць часта прымусовы характар увядзення некаторых новых форм у культурна-побытавую сферу гарадоў Беларусі. Адным з фактараў захавання значных пластоў побытавай культуры папярэдняй эпохі быў вельмі кароткі тэрмін жыцця гараджан у новых рэаліях, газета выходзіла ў свет у канцы пераломнага 1939 г. і ў 1940 г.

Сярод навацый у сферы дасуга, якія дастаткова гарманічна ўпісаліся ў новы культурны ландшафт, варта адзначыць заняткі ў тэхнічных гуртках, што тлумачыцца агульнымі тэндэнцыямі навуковага прагрэсу і паляпшэннем тэхнічнага забеспячэння жыцця ў гарадах Еўропы. Адносна лёгка былі перанесены ў новы фармат жыцця такія папулярныя і масавыя формы правядзення вольнага часу як наведванні кінасеансаў і заняткі ў музычна-драматычных гуртках, характэрная да папярэдніх часоў прыхільнасць да гулянняў на адкрытым паветры, музіцыраванне ў сямейным і сяброўскім атачэнні. Газета адлюстравала цікавыя для гараджан гастролі ў Валкавыску абласнога цырка шапіто з Баранавічаў летам 1940 г. [5, с. 4]. Газетныя аб'явы сведчаць аб наладжванні масавых гулянняў у гарадскіх парках, напрыклад, у Дзень чыгуначніка [8, с. 4]. Зафіксаваны і навіны аб паказе ў Валкавыску поўнага варыянта знакамітай савецкай кінастужкі «Весёлыя рабяты» [3, с. 4]. Яе дэманстрацыя на працягу двух дзён у Валкавыску адбывалася ў перапоўненай зале кінатэатра, кожны кадр суправаджаўся хохатам і апладысмантамі глядачоў, летам 1940 г. упершыню лента была паказана без купюр (у ранейшых паказах ў час уваходжання горада ў Польскую дзяржаву меліся выразаныя вострыя сюжэты).

Асобную нішу займала цікавасць гараджан да прыродазнаўчых гурткоў, якія, як і вучнёўскія экскурсіі на прыроду, атрымалі шырокую папулярнасць яшчэ ў канцы XIX – пачатку XX ст. Гэтыя сімпатыі да пазнання прыроды і захавання зеляніны ў гарадской прасторы заставаліся трывалымі і ў час уваходжання гарадоў Заходняй Беларусі ў склад Польскай дзяржавы, і падтрымліваліся савецкімі ўладамі. «Горад Валкавыск прымае ўсё больш прыгажэйшы выгляд. У цэнтры горада на многіх вуліцах прыводзяцца ў парадак кветкавыя клумбы. Многія з іх ужо

добра ўпарадкаваны і на іх пасаджаны кветкі, якія ўжо пачынаюць цвісці» [9, с. 4]. На старонках выдання «Зара» гараджане знаходзілі інфармацыю аб цудоўных кутках прыроды Беларусі, яркім прыкладам выступае разгорнуты артыкул, прысвечаны Белавежскай пушчы [2, с. 2]. Да новых форм адпачынку належала арганізацыя піянерскіх лагераў для гарадскіх дзяцей у лепшых прыродных мясцінах, гулянняў на прыродзе.

На дзяржаўным узроўні развівалася сфарміраваўшаяся раней традыцыя заняткаў рознымі відамі спорту. У пэўнай ступені гэта дыктавалася ўмовамі ваенізацыі ў СССР у перыяд разгортвання Другой Сусветнай вайны. Пра гэта сведчаць артыкулы аб увядзенні ў строй стадыёнаў у Валкавыску, правядзенні дзён фізкультурніка. Звернемся да паведамлення аб адкрыцці стадыёна ў горадзе 1 мая 1940 г.: «Плашчадка стадыёна прыведзена ў парадак. Раней пустое поле зараз убрана ў зелень, лозунгі, плакаты. На плошчы ў 18 га распалажылася плашчадка. Фізкультурнікі горада правядуць у дзень Першае Мая першыя ў гэтым годзе спартыўныя спаборніцтвы» [1, с. 4]. Таксама на стадыёне 1 мая адбыўся парад, у далейшым яго планавалася выкарыстоўваць для развіцця розных відаў спорту. Аднак час ад часу гараджане аб'якава і апатычна ставіліся да ўдзелу ў масавых мерапрыемствах, з гэтай прычыны і нізкага ўзроўню арганізацыі некаторыя фізкультурныя святы зрываліся, што адлюстравана ў публікацыі «Фізкультура па-Валкавыску» [10, с. 4].

Нягледзячы на жорсткі ідэалагічны кантроль і шматлікія прапагандысцкія штампы, якія насычалі старонкі перыядычных выданняў БССР напярэдадні Другой Сусветнай вайны, вызначаныя друкаваныя крыніцы надзвычай багатыя для рэканструкцыі працэсаў урбанізацыі ў рэспубліцы і характарыстыкі штодзённасці гарадскіх жыхароў. Прааналізаваныя матэрыялы газеты «Зара» (1940 г.) сведчаць аб далейшым развіцці гарадскога ладу жыцця ў гарадах Заходняй Беларусі на падставе культурных традыцый, склаўшыхся ў міжваенны перыяд, пры актыўным укараненні навацый, абумоўленых уваходжаннем у сістэму савецкай культуры і грамадскіх адносін.

1. Адкрыўся гарадскі стадыён // Зара. – 1940. – 1 мая.
2. Белавежская пушча // Зара. – 1940. – 21 ліп.
3. Вялікая папулярнасць кінофільма «Вяселья рабята» // Зара. – 1940. – 4 ліп.
4. Добра абслугоўваць насельніцтва // Зара. – 1940. – 8 верас.
5. Гастролі абласнога цырка // Зара. – 1940. – 26 чэрв.
6. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.
7. Дзяржаўны Кабардзіна-Балкарскі ансамбль пляскі і музыкі ў Валкавыску // Зара. – 1940. – 24 ноябр.
8. Масавыя гуляння ў парку чыгуначнікаў // Зара. – 1940. – 4 жніўн.
9. Упрыгожанне горада // Зара. – 1940. – 1 мая.
10. Фізкультура па-Валкавыску // Зара. – 1940. – 25 ліп.

Гребень Е.А.

ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ: ИСТОЧНИКИ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ

В 1990–2000-х гг. была значительно расширена база источников по истории нацистской оккупации Беларуси. Было опубликовано значительное количество сборников, содержащих документы, ранее не доступные исследователям, в частности, документы немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации, характеризующие принудительный труд населения Беларуси в условиях оккупации, политику геноцида и Холокоста нацистов на территории оккупированной Беларуси [1, 17, 23–26]. Усилиями архивных работников и исследователей созданы справочные издания о местах принудительного содержания гражданского населения и военнопленных, карательных экспедициях немецких оккупантов в Беларуси [10, 12–14, 18, 21]. Ряд сборников документов характеризуют события периода Великой Отечественной войны на примере конкретного региона [3, 6, 7, 15]. Расширению базы источников, характеризующих нацистскую оккупационную политику, способствовало введение в научный оборот В.К. Коршуком и Р.П. Платоновым «Стенограммы совещания высшего руководства генерального округа «Белоруссия», Минск, 8–10 апреля 1943 года, (полностью опубликована в 2006 г. С.В. Жумарем, С.Е. Новиковым, Р.А. Черноглазовой) [2, 22]. Указанные издания содержат в основном документы высших органов немецкой оккупационной администрации, исключительно полно

характеризуют направления оккупационной политики, но не дают возможности реконструировать повседневную жизнь гражданского населения Беларуси в условиях оккупации, увидеть, как на практике были реализованы распоряжения высшего руководства, реконструировать стратегии выживания граждан. Исключением стало издание в 2013 г. сборника «Минская область в документах и материалах», в котором содержатся документы местной вспомогательной администрации, позволяющие реконструировать жизнь гражданского населения в условиях оккупации [15]. В то же время, в фондах шести государственных областных и архивов и Национального архива Республики Беларусь содержится колоссальное количество документов, позволяющих реконструировать повседневную жизнь граждан Беларуси периода нацистской оккупации [9]. Степень сохранности источников характеризуется как высокая, документы охватывают абсолютно все аспекты общественно-политической и социально-экономической ситуации, относятся ко всем административно-территориальным единицам, за исключением районов, входивших в генеральный округ Литва.

Используемые для характеристики повседневной жизни гражданского населения в условиях нацистской оккупации источники правомерно разделить на следующие группы: нормативные акты, материалы официального делопроизводства немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации; актовые материалы, заявления граждан в органы местной администрации; материалы делопроизводства Белорусского штаба партизанского движения, ЦК КП(б)Б, ЦК ЛКСМБ; воспоминания очевидцев оккупации.

Объемным корпусом источников являются приказы и распоряжения немецкой гражданской (рейхсминистр оккупированных восточных территорий, рейхскомиссары Остланда и Украины, генеральные комиссары, гебитскомиссары) и военной (командующий тылом группы армий «Центр», полевые и местные комендатуры) оккупационной администрации относительно основных мероприятий немецких властей, ориентиров немецкой политики в Беларуси. На их основе издавались приказы и распоряжения главами местной вспомогательной администрации. Документы данной подгруппы позволяют детальнейшим образом реконструировать систему налогообложения и выполнявшиеся гражданами повинности, регламентацию пользования природными ресурсами, транспортными средствами и коммуникациями, порядок передвижения между административно-территориальными единицами и регистрации различных категорий граждан, нормы обеспечения горожан продуктами, регламентацию предпринимательской деятельности, медико-санитарные мероприятия (распоряжения о вакцинациях и других профилактических мероприятиях, порядке погребения умерших, введении карантина).

Материалы официального делопроизводства состоят из нескольких подгрупп документов: служебной переписки подразделений местной вспомогательной администрации, отчетной документации, протоколов заседаний органов местной администрации, карательных постановлений немецких органов власти и силовых структур, глав местной вспомогательной администрации, полиции и судов.

Служебная переписка подразделений местной вспомогательной администрации и подчиненных им предприятий и учреждений (врачебные свидетельства, решения различных комиссий, ведомости выдачи различных товаров, операционные дневники, докладные записки чиновников, акты о смерти скота, о реквизиции продуктов немецкими войсками, листы переписи скота, тарифы и прейскуранты на различные товары и услуги государственных учреждений и частных предприятий, списки выданных ремесленных карточек и патентов, протоколы налоговых инспекторов) является одной из наиболее объемных подгрупп источников, которые иллюстрируют трудности снабжения населения продуктами питания, дефицит медицинского персонала и медикаментов, проблемы в организации городского коммунального хозяйства, влияние техногенных катастроф на жизнь граждан. На основе данных документов можно проследить, как реализовывалось на практике конкретное распоряжение на разных уровнях власти: от момента его издания вышестоящими немецкими инстанциями до уровня волостной управы или подразделения городской администрации.

Отчетная документация представлена отчетами о работе органов местной вспомогательной администрации (городские, районные и волостные управы) и ее подразделений (отделы социального обеспечения, здравоохранения, коммунального хозяйства и др.) за определенный промежуток времени и, так же как и служебная переписка, дает представление о жизни социальных слоев и отдельных граждан в условиях военной повседневности. В отчетной документации отражена оценка гражданами оккупационных реалий, отношение населения к немцам и колла-

борационистам, ситуация в сфере здравоохранения и ветеринарии, положение малоимущих граждан и другие аспекты повседневности.

Протоколы заседаний органов местной администрации представляют интерес в плане оценок самими местными чиновниками реального положения дел на оккупированной территории. Протоколы содержат нарекания глав местной администрации на провал различных мероприятий, требования к сельским старостам, волостным бургомистрам или начальникам отделов выполнять распоряжения.

Карательные постановления немецких органов власти и силовых структур, глав местной администрации, полиции и судов, документация тюрем позволяют реконструировать механизм функционирования пенитенциарной системы нацистов в Беларуси. Протоколы на правонарушителей, составленные сотрудниками полиции, рапорты полицейских, тюремные сводки, постановления глав местной вспомогательной администрации и судов, апелляции граждан на судебные решения позволяют определить типологию правонарушений, их причины и масштабы, дают представление о конфликтных ситуациях, имевших место в период оккупации (земельные и имущественные споры, семейные конфликты, самогоноварение, нарушение общественного порядка, нарушение регламента торговли и ремесленной деятельности, несанкционированный убой скота).

К актовым материалам, в которых фиксировались сделки между физическими лицами и органами власти относятся договоры о передаче в пользование скота, аренде помещений для занятия предпринимательством.

Исключительно важным источником являются многочисленные заявления граждан в органы местной вспомогательной администрации, которые позволяют оценить материальное положение населения в условиях оккупации: просьбы выделить материальную помощь деньгами или продуктами, назначить пенсию, снять или снизить налоги, квартплату, выделить земельный надел и семенной материал. Заявления иллюстрируют специфику землепользования в западных районах Беларуси, где крестьяне-единоличники ходатайствовали о пересмотре категории земли и снижении земельного налога, о разделе земли между родственниками (наследниками), назначении кураторов хозяйств. Таким образом, заявления иллюстрируют наиболее актуальные для граждан проблемы.

Документы движения Сопrotивления представлены докладными записками и отчетами командиров партизанских бригад и отрядов в Белорусский штаб партизанского движения, ЦК КП(б)Б, донесениями партизанской разведки и опросными листами партизан, в которых содержится информация о настроениях граждан, обеспечении населения продуктами, функционировании рынков, взимании налогов и других аспектах повседневности относительно различных временных промежутков и регионов. Данная группа источников позволяет сопоставить информацию о жизни гражданского населения, содержащуюся в документах оккупационных властей, и максимально достоверно реконструировать жизнь людей в экстремальных условиях оккупации.

Уникальную информацию о положении на оккупированной территории дают воспоминания очевидцев. Как и заявления граждан в органы местной администрации, воспоминания иллюстрируют реальное положение гражданского населения в экстремальных условиях оккупации на примере судьбы конкретного человека. Однако среди опубликованных воспоминаний преобладают воспоминания жителей Беларуси, вывезенных на принудительные работы в Германию, в которых, естественно, большинство информации касается пребывания человека в Германии, а также узников гетто [4, 5, 8, 11, 16, 19, 20].

Что касается оккупационных периодических изданий, то они в меньшей степени представляют интерес для реконструкции объективной картины жизни граждан, поскольку содержат те же распоряжения немецкой и местной вспомогательной администрации, а также статьи, характеризующие повседневность в позитивном для оккупационной пропаганды плане, содержание которых противоречило реальному положению дел на оккупированных территориях, поэтому данный источник в диссертационном исследовании использован минимально.

Изучая различные аспекты оккупационной повседневности, в распоряжении исследователя оказываются, в основном, документы немецкой оккупационной и местной вспомогательной администрации. Документы органов движения Сопrotивления позволяют увидеть лишь отдельные аспекты проблемы (материальное положение и настроения граждан). Таким образом, исследователь в подавляющем большинстве случаев оперирует «вражескими» документами, что, на первый взгляд, чревато искажением объективной картины. Однако в действительности документы оккупационных органов власти, как правило, не приукрашивают реалии оккупации.

И немецкая и местная вспомогательная администрация признавали тяжелейшее материальное положение гражданского населения (мизерные продуктовые пайки, пособия и пенсии), сложности функционирования коммунального хозяйства, высокие налоги и повинности и сопротивление граждан в ходе их уплаты, огромный поток просьб от малоимущих слоев населения. Иными словами, враг фактически признавал, что абсолютное большинство жителей оккупированной территории жило в ужасающих условиях.

Таким образом, источники представляют интерес с точки зрения оценки результатов немецкой оккупационной политики в Беларуси, позволяют проследить, как на практике реализовывались (или не реализовывались вовсе по причине саботажа гражданами) распоряжения немецких органов власти, реконструировать повседневные практики граждан в экстремальных социально-экономических и политических условиях оккупации. Можно увидеть, как те или иные локальные отличия в оккупационной политике влияли на жизнь граждан, какие специфические или, наоборот, типичные повседневные практики поведения вырабатывались ими. Использование максимального количества документов, относящихся ко всей территории оккупированной Беларуси, позволяет сформировать из локальной мозаики целостную, достоверную картину социальной истории периода нацистской оккупации, увидеть общие моменты и локальные отличия социальных реалий на территориях, подконтрольных военной и гражданской администрации. Источники данной группы дают возможность выявить повседневные практики граждан в восточной части БССР и в западных районах Беларуси, находившихся до сентября 1939 г. в составе Польши, реконструировать социальный портрет местных чиновников и полицейских, определить настроения в обществе, отношение граждан к оккупантам и коллаборационистам, увидеть военную повседневность глазами «маленького человека».

1. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 1996. – Кн. 1 (1941 – 1942). – 304 с.; Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1944) : док. и материалы : в 2 кн. / сост.: Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 1997. – Кн. 2 (1943 – 1944). – 472 с.
2. Вильгельм Кубе и нацистская оккупационная политика в Белоруссии 1941–1943 гг. // Веснік БДУ. Серыя III. – 1994. – № 1. – С. 66–74.
3. Віцебшчына ў 1941–1944 гг.: акупацыя і вызваленне. Фотаальбом. Укладальнікі: Грэбень Я.А., Давідоўская В.М., Дулаў А.М., Савіцкі Г.У.; рэд. Я.А. Грэбень, Г.У. Савіцкі. – Віцебск : Віцебская абласная друкарня, 2011. – 64 с.
4. Воспоминание климовчан-оstarбайтеров / Общест. организация «Могилёв. обл. асоцыяцыя малолетних узников фашистской неволи», Климович. район. объединение краеведов «Спадчына»; авторы-сост.: Л. И. Андрыюшкова [и др.]. – Могилёв : Могилёвская областная укрупнённая типографія, 2005. – 182 с.
5. Выжить – подвиг : воспоминания и документы о Минском гетто / Общественное объединение «Республиканский фонд «Холокост», Национальный архив Республики Беларусь; сост.: И. П. Герасимова, В. Д. Селеменев. – Минск : НАРБ, 2008. – 156 с.
6. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны : документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Мин-ва юстиции Респ. Беларусь [и др.]; сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – 268 с.
7. Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945): (по документам гродненских архивов) / сост. Г.А. Андросенко [и др.]. – Гродно: Гродненская типографія, 2005. – 600 с.
8. Грыбаў, М.М. Запіскі оstarбайтэра / М.М. Грыбаў. – Брэст : Акадэмія, 2005. – 228 с.
9. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945). Справочник. – Дрезден – Минск – Грац, 2003. – 592 с.
10. Карательные акции в Беларуси : посвящается 65-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков / сост.: В.Я. Герасимов, С.М. Гайдук, И.Н. Кулан. – Минск: Сталія, 2008. – 163 с.
11. Кузнецов, М. Это тоже наша история. Национал-социализм глазами малолетнего узника. Исповедь о пережитом / М. Кузнецов. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. – 386 с.
12. Лагерь смерти Тростенец : док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко, Г.Д. Кнатько [и др.]. – Минск: НАРБ. – 2003. – 292 с.
13. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 : справ. / Гос. ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь, Нац. архив Респ. Беларусь, Бел. гос. музей истории Великой Отечест. войны, Бел. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение»; сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : Нац. архив Республики Беларусь, 2003. – 61 с.
14. Масюковщина: Шталаг-352, 1941–1944 : док. и материалы / авт.-сост. Р.А. Черноглазова; науч.ред. С.В. Жумарь. – Минск: Четыре четверти, 2005. – 198 с.
15. Минская область в документах и материалах. Выпуск 3. Оккупация, 1941–1944 гг. / сост.: Е.А. Гребень, В.М. Матох. – Минск : Белстан, 2013. – 144 с. : ил.
16. Мюллер, В. Вырваны з агню. Гісторыя Пятра Рувінавіча Рабцэвіча з Пінска. Выдадзена і апрацавана Вернерам Мюллерам / В. Мюллер. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 208 с.
17. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) : зб. / пад рэд. У.М. Міхнюка. – Мінск : БелНДЦДААС, 1995. – 416 с.
18. Озаричи – лагерь смерти : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь [и др.]; сост.: С. И. Богдан [и др.]. – Минск : НАН Беларуси, 1997. – 130 с.
19. Соколовский, К.Э. Детский дом в тылу врага / К.Э. Соколовский, В.Э. Соколовский. – Минск: Беларусь, 2008. – 79 с.
20. Сотиков, Е. Страшно вспомнить / Е. Сотиков. – Могилев: УПКП «Могилевская областная укрупнённая типографія имени Спиридона Соболя», 2004. – 48 с.
21. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь и др.; авт.-сост.: В.И. Адамушко [и др.]; науч. ред.: Р.П. Платонов, В.И. Адамушко. – Минск: Нац. арх. Беларусь, 2001. – 155 с.

22. Стенограмма совещания высшего руководства генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апр. 1943 года) / Мин-во образования Респ. Беларусь, Минский гос. лингв. ун-т; авт.-сост.: С. В. Жумарь [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2006. – 219 с.
23. Трагедия евреев Белоруссии в 1941–1944 гг. Сборник материалов и документов / Р.А. Черноглазова, Х. Хеер; Отв. ред. и сост. Р.А. Черноглазова. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Гальперин, 1997. – 398 с.
24. Хатынь. Трагедия и память : документы и материалы / Департамент по архивам и делопроизводству Мин-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. архив Респ. Беларусь, Гос. мемориальный комплекс «Хатынь», Центр. архив Комитета госуд. безопасности Респ. Беларусь; В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 268 с.
25. Холокост в Беларуси. 1941–1944 : док. и материалы / сост. Э.Г. Иоффе, Г.Д. Кнатько, В.Д. Селеменев. – Минск : НАРБ, 2002. – 276 с.
26. Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах / авт.-сост. Р.А. Черноглазова. – Минск: Асоб. дах, 1999. – 395 с.

Кулинок С.В.

СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ БШПД И ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫХ ШКОЛ И КУРСОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1941–1944 гг.

Одной из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси является деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ (курсов). Масштабы этой работы являлись фактически «конвейерными», осуществлялись в течение всего периода оккупации и имели важнейшее значение как для немецких военных властей, так и для безопасности советского тыла, Красной армии и партизанских формирований.

Одной из малоизученных страниц истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси является деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ (курсов). Масштабы этой работы являлись фактически «конвейерными», осуществлялись в течение всего периода оккупации и имели важнейшее значение как для немецких военных властей, так и для безопасности советского тыла, Красной армии и партизанских формирований.

Среди главных особенностей изучения данной темы советскими, отечественными и зарубежными историками можно выделить следующие:

- деятельность немецких спецшкол до настоящего времени не являлась самостоятельным объектом исследования;
- изучение темы осуществлялось в контексте противостояния немецких и советских спецслужб, либо как отдельные сюжеты разведывательной и контрразведывательной работы партизан;
- недостаточное привлечение архивных документов. В советский период эти данные были засекречены и вводились в научный оборот в незначительном объеме.

Необходимо отметить, что документы советских органов государственной безопасности, в том числе связанных с деятельностью немецких разведывательно-диверсионных школ, в последние десятилетия были опубликованы в значительном объеме [1, 2, 18, 19], а вот документы партизанских формирований и их руководящих органов (ЦШПД, БШПД) на сегодняшний день используются недостаточно. Учитывая тот факт, что главной особенностью деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси была, в первую очередь, подготовка агентуры для работы в партизанских соединениях, привлечение разведывательных документов ЦШПД, БШПД и формирований «народных мстителей» является обязательным условием для объективного изучения данной проблемы.

Согласно классификации И.Д. Ковальченко, документальные источники по разведывательной и контрразведывательной деятельности партизан можно отнести к письменным, а основу комплекса материалов БШПД и подчиненных ему формирований составляют документы делопроизводства. Представляется корректным использование функциональной классификации делопроизводственных документов по данной проблеме, когда можно выделить следующие основные виды документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведданные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки).

Значительным информационным потенциалом по теме обладает справочно-информационная документация разведывательного отдела БШПД и различных партизанских структур. Она составлялась для улучшения качества контрразведывательной работы, а также с целью систематизации и обобщения полученных данных штабами партизанского движения. В документах,

как правило, в сжатой форме могли содержать обобщающие результаты по какому-либо вопросу, связанному с деятельностью немецких спецшкол и курсов:

- органах германской разведки и контрразведки. Так, в справке «Об органах германской разведки и контрразведки, действовавших в период Отечественной войны в Белоруссии» перечислялись и характеризовались немецкие спецслужбы, которые действовали на территории БССР в 1941–1944 гг. (в основном абвергруппы и абверкоманды) [5, л. 4];

- деятельности школ и курсов. Например, 10 августа 1943 г. на имя П. Пономаренко пришел документ «О состоянии района и близлежащих городов в зоне действия отрядов Осиповичского соединения в тылу немецких захватчиков», в котором указывалось, что «в последнее время гестапо использует евреев в целях шпионажа. Так, при минском и борисовском гестапо были открыты 9-ти месячные курсы для евреев. Шпионы рассылались по квартирам в городе и засылались в партизанские отряды, последние снабжались ОВ для отравления партизан и командиров. В Минской зоне был разоблачен целый ряд таких шпионов» [6, л. 272]. В справке, подготовленной старшим помощником начальника разведотдела БШПД майором Ливановым, от 27 марта 1944 сообщалось: «в деревне Белый Переезд Копаткевичского района открыта школа гестапо, которая готовит шпионов, разведчиков, диверсантов. Первый набор проведен из населения, прятавшегося от немцев в лесах и забранного ими из деревень: Большие и Малые Городятчи, Замостье, Забинья и Белый Переезд, в возрасте от 16 и выше лет обоюбого пола» [8, л. 86]. Им же в мае 1944 г. была подготовлена справка, в которой указывалось, что «17–20 апреля 1944 Минская школа германской разведки направила в партизанские районы до 43 человек агентов, преимущественно из молодежи» [9, л. 392]. Помимо других справок по Минским школам [8, л. 42, 117, 119, 130] составлялись также докладные записки [12, л. 138]. Аналогичные документы составлялись и на другие школы: Барановичскую [10, л. 75], Борисовскую [8, л. 14], Брестскую [9, л. 163, 168–169], Могилевскую [8, л. 211], Полоцкую [13, л. 80об.-81] и др.

- категории вербуемых и методы их засылки. Некоторые справочно-информационные документы давали характеристики на различные половозрастные, национальные и социальные группы гражданского населения, которые активно привлекались оккупантами к разведывательно-диверсионной работе. Например, в «Материалах по агентурной обстановке на территории СССР, временно оккупированной немцами от 1 февраля 1942 года» указывалось, что «немцы широко вербуют наших подростков для целей разведки, причем, как правило, ведут от имени нашего «командного состава», одетых в форму РККА, зная, что советские подростки все делают для своей Красной Армии... Из числа местных жителей берутся лица, у которых на территории, занятой противником остаются родители или близкие родственники и им дается задание на разведку в глубину 50–60 км. Отмечаются также факты, когда немцы для своих разведывательных целей используют полуидиотов, уголовный и аморальный элемент (жулики, проститутки)» [15, л. 93–95]. В докладной записке от 16 июня 1943 г. начальник Особого отдела Первомайской партизанской бригады сообщал, что «в настоящее время очень много прибыло беженцев из Минска, Смоленска, которые специально засланы для шпионской работы в партизанские отряды. Особенно девушки и мужчины под видом нищих. С местечка Городище также выпущены шпионы из белорусов и пленных восточников и часть из поляков, в районы послано около 30 человек» [11, л. 140]. В «Кратком обзоре о положении на оккупированной территории Могилевской области (по материалам партизанской разведки) на 15 апреля 1943 года» приводились данные о привлечении к шпионской работе семей полицейских, в том числе и детей [3, л. 22]. Теория засылки агентуры в партизанские соединения излагалась в документе «Основные методы засылки агентов гестапо в партизанские отряды» [16, л. 1–3];

- списки агентуры и данные на отдельных шпионов. Цель данных обобщить имеющиеся сведения как по агентам-выпускникам различных школ, так и по известным отдельным агентам. В дальнейшем эти данные передавались в партизанские формирования в качестве ориентировок в Особые отделы. Процесс передачи мог быть и обратный, когда из бригады передавались установочные данные на немецкую агентуру в БШПД (или его представительства). Например, в апреле 1943 г. в партизанские соединения был разослан список лиц, окончивших школу в Бобруйске. Он включал данные на 28 человек, засланных в партизанские районы с целью разведки и террора [4, л. 2; 7, л. 65–65 об.]. В июне этого же года был разослан аналогичный список, только уже на 18 «выпускников» школы в Борисове [17, л. 159]. В январе 1943 г. командиров одной из партизанских бригад Витебской области была составлена «Справка на

немецкую шпионку Гончарову Екатерину», в которой описывалась история ее внедрения в бригаду и последующего побега [14, л. 93–93 об.].

• количество разоблаченных и вывезенных агентов. В этих документах приводились, как правило, количественные показатели взятой на учет и разоблаченной агентуры. В качестве примера приведем справку «О количестве вывезенных из тыла противника особо важных разведчиков, шпионов и диверсантов», где указывалось, что «только за 1943/1944 гг. партизанскими бригадами выявлено на оккупированной территории Беларуси до 2200 вражеских агентов, из них разоблачено и расстреляно 1219 человек, остальные активно разыскиваются [9, л. 392].

Подводя итог, можно говорить о том, что справочно-информационная документация БШПД и различных партизанских органов и формирований является ценным источником по вопросу деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в 1941–1944 гг. К сожалению, в настоящее время можно констатировать, что данный вид документации мало используется в исследованиях.

1. Белик, И.К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И.К. Белик // Исторический архив. – 2000. – № 5 – С. 27–63.
2. Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Издательский дом «Звонница МГ», 2002. – 480 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 38.
4. НАРБ. – Ф. 1405. Оп. 1. Д. 139.
5. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 1. Д. 788.
6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 27.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 55.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 57.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 58.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 60.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1297.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1311.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1326.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1329.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1336.
17. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1.
18. «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки / сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 480 с.
19. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3: Крушение «Блицкрига», кн. 1: 1 января – 30 июня 1942 г. – М.: Русь, 2003. – 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель», кн. 1: 1 января – 30 июня 1943 г. – М.: Русь, 2008. – 813 с.; Т. 4: Великий перелом, кн. 2: 1 июля – 31 декабря 1943 г. – М.: Русь, 2008 – 814 с.; Т. 5: Вперед на запад, кн. 1: 1 января – 30 июня 1944 г. – М.: Кучково поле, 2007. – 752 с.

Крыварот А.А.

**ЗБОРНИК ДАКУМЕНТАЎ І МАТЭРЫЯЛАЎ «ЗИМНЕЕ ВОЛШЕБСТВО»
ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ЎЗАЕМАДЗЕЯННЯ ПАРТЫЗАН ВІЦЕБСКАЙ
І КАЛІНІНСКАЙ АБЛАСЦЕЙ СУПРАЦЬ КАРНАЙ ЭКСПЕДЫЦЫІ
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ ЛЮТАГА – ПАЧАТКУ САКАВІКА 1943 г.**

Партызанам Віцебскай і Калінінскай абласцей у 1943 г. даводзілася неаднаразова сумесна адбіваць карныя экспедыцыі германскіх акупацыйных войск. Адною з найбольш буйных і працяглых карных акцый была экспедыцыя пад кодавай назвай «Зімовае чараўніцтва» (14.02–20.03.1943).

Тэма баявога ўзаемадзеяння партызан падчас гэтай карнай экспедыцыі знайшла пэўнае адлюстраванне ў манаграфіях, калектыўных працах, зборніках дакументаў і матэрыялаў, мемуарнай літаратуры [1; 2; 3; 4; 6; 7; 10; 11; 14; 15; 16].

Разам з тым у публікацыях недастаткова раскрыты падыходы падпольных партыйных органаў і камандзіраў да праблемы каардынацыі баявымі дзеяннямі беларускіх і калінінскіх партызанскіх брыгад. У гістарыяграфіі па гэтай тэматыцы павярхоўна паказаны ўдзел у кіраванні партызанскімі сіламі асоб, вызначаных для выканання такой функцыі Цэнтрам і рашэннем нарады каманднага складу.

Недахопы ў навуковым раскрыцці праблемы шмат у чым тлумачацца недастатковым выкарыстаннем архіўных дакументаў, у якіх утрымліваецца інфармацыя па ўказанай тэме. Выпраўленню прабелаў у асветленні баявой садружнасці партызан, несумненна, будучы садзейнічаць дакументы і матэрыялы, змешчаныя ў зборніку «Зимнее волшебство» [5].

Кніга ўтрымлівае больш за дзвесце дакументаў з архіваў Беларусі, Расійскай Федэрацыі, Латвіі і з'яўляецца найбольш поўным зборам інфармацыі аб трагічных падзеях, якія адбываліся ў лютым – сакавіку 1943 г. на тэрыторыі Асвейскага, Дрысенскага, Расонскага і Себежскага раёнаў. У значнай колькасці дакументаў – загадах, справаздачах, данясеннях, шыфраграмах, радыёграмах штабоў партызанскага руху, падпольных органаў КП(б)Б, камандзіраў і начальнікаў штабоў брыгад – адлостравана сумесная баявая дзейнасць брыгад Віцебскай і Калінінскай абласцей па адбіцці наступлення акупантаў з боку латышскай мяжы. Дакументы размешчаны ў храналагічным парадку, што дае магчымасць прасачыць дынаміку разгортвання барацьбы партызан супраць карнікаў.

Па нашых падліках, у больш чым 40 дакументах ёсць звесткі аб сумесных баях брыгад Віцебскай і Калінінскай абласцей з праціўнікам у адзначаны перыяд. Сюды ўваходзяць і матэрыялы, прысвечаныя пытанням вызначэння парадку камандавання партызанскімі фарміраваннямі ў паласе наступлення праціўніка. Праблема кіраўніцтва была ўпершыню ўзнята 23 лютага 1943 г. (на сёмы дзень ад пачатку карнай акцыі) у радыёграме адказнага арганізатара Віцебскага абкама КП(б)Б па рабоце сярод партызан Б.І. Мажайскага на адрас П.К. Панамарэнкі. Паведамлялася, што надзвычай цяжкая абстаноўка ў раёне баёў з карнікамі выклікае неабходнасць прызначэння ад імя начальніка ЦШПР аднаго з камбрыгаў для каардынацыі дзеянняў усіх партызанскіх фарміраванняў. Па меркаванні Б.І. Мажайскага, гэта магла б быць кандыдатура выконваючага абавязкі камандзіра брыгады «За Савецкую Беларусь» А.В. Раманава. У той самы дзень сам А.В. Раманаў накіроўвае радыёграму П.К. Панамарэнку і называе дзве ўмовы разгрому праціўніка: забеспячэнне патронамі і цэнтралізаванае камандаванне, калі не ўсімі, то ў крайнім выпадку беларускімі брыгадамі [5, с. 57].

Дакументы зборніка сведчаць аб тым, што наступныя некалькі дзён А.В. Раманаў і Б.І. Мажайскі працягвалі ўздываць перад Цэнтрам пытанне аб кіраўніцтве баявымі дзеяннямі брыгад. Так, 25 лютага А.В. Раманаў звяртаецца да намесніка прадстаўніка ЦШПР на Калінінскім фронце П.С. Шаламагіна з настойлівай просьбай выдачы катэгарычнага загаду Цэнтра аб падпарадкаванні ўсіх брыгад адной асобе, што будзе садзейнічаць устанавленню ваеннай дысцыпліны. У наступным данясенні А.В. Раманава на адрас П.С. Шаламагіна ўтрымліваецца каштоўная інфармацыя аб сумесных баях, пачынаючы з 15 лютага, у якіх узамадзейнічалі беларускія брыгады А.В. Раманава, І.К. Захарава, Р.П. Герасімава і брыгада Калінінскай вобласці на чале з С.У. Грабёнкіным. Пры гэтым была выказана прапанова аб неабходнасці прызначэння адказнага камбрыга па размеркаванні боепрыпасаў. У сваёй кароткай радыёграме ў Цэнтр 25 лютага Б.І. Мажайскі інфармаваў начальніка ЦШПР аб змаганні беларускіх брыгад А.В. Раманава, І.К. Захарава, Р.П. Герасімава супраць карнікаў у раёне вёсак Гараваткі, Нарубін, Выдрыцкія і адзначаў, што калінінскія брыгады, маючы боепрыпасы, самаўхіляюцца ад баёў з акупантамі. Партыйны работнік прасіў П.К. Панамарэнку даць адказ на сваю тэлеграму ад 23 лютага, у якой была ўзнята праблема каардынацыі сумеснай барацьбы беларускіх і калінінскіх брыгад з карнікамі [5, с. 65–66].

Паводле дакументаў зборніка, першыя ўказанні аб аб'яднанні партызанскіх сіл паступілі з Цэнтра толькі на дзiesiąты дзень разгортвання карнай акцыі. У шыфртэлеграме ад 26 лютага С.С. Бельчанка дакладваў П.К. Панамарэнку аб сваім указанні брыгадам Калінінскай вобласці на чале з В.М. Лісоўскім, М.І. Каранавушанкам, М.М. Варахавым, С.У. Грабёнкіным застацца ў зоне баёў і разам з беларускімі брыгадамі разграміць групоўку праціўніка. У той самы дзень С.С. Бельчанка накіраваў у зону баёў радыёграму аб ускладанні на А.І. Штрахава абавязкаў па камандаванні ўсімі калінінскімі брыгадамі і неабходнасці ўзаемадзеяння з беларускімі партызанамі [5, с. 65–66, 313].

Пры аналізе змешчанага ў зборніку баявога загада № 1 па разгроме карнай экспедыцыі ад 27 лютага 1943 г. звяртае на сябе ўвагу тое, што ён падпісаны А.І. Штрахавым як камандуючым аб'яднанымі калінінскімі і беларускімі брыгадамі. Аднак тут няма асобнага дакумента, які б сведчыў, што А.І. Штрахаву было таксама нададзена права кіраваць баявымі дзеяннямі і беларускіх брыгад. У дзевяці Калінінскага штаба партызанскага руху ад 18 верасня 1944 г. толькі каротка згадваецца, што камандзіры беларускіх брыгад у лютым (дата не ўказана) на сумеснай нарадзе вырашылі ўвайсці таксама ў падпарадкаванне А.І. Штрахава. Аднак у шыфртэлеграме Б.І. Мажайскага начальніку БШПР П.З. Калініну ад 27 лютага 1943 г. зноў выказана просьба ўскласці на А.В. Раманава абавязкі на кіраўніцтве разгромам карнікаў. Яшчэ адна шыфртэлеграма з просьбай прызначыць А.В. Раманава начальнікам апэратыўнай групы па кіраўніцтве партызанскім рухам на месцы баёў была накіравана начальнікам штаба брыгады «За Савецкую Беларусь» У.Н. Дармянёвым Вярхоўнаму Галоўнакамандуючаму [5, с. 69, 71, 72, 314].

У сувязі з тым, што ў зборнік уключаны не ўсе дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, якія непасрэдна датычацца праблемы кіраўніцтва, ёсць патрэба пра асобныя з іх нагадаць. У адным з палітданясенняў брыгады «За Савецкую Беларусь» указана, што яшчэ да атрымання 26 лютага загада ад С.С. Бельчанкі аб кіраўніцтве калінінскімі брыгадамі А.І. Штрахаў на нарадзе камандзіраў беларускіх брыгад быў выбраны каардынатарам баявых дзеянняў. Такая інфармацыя маецца і ў шэрагу іншых архіўных дакументаў. Таму цяжка зразумець, чаму Б.І. Мажайскі і У.Н. Дармянёў у радыёграмах ад 27 лютага прасілі ўскласці на А.В. Раманаву паўнамоцтвы кіраўніка брыгадамі ў зоне баёў [9, л. 138; 12, л. 10; 13, л. 156].

Аналіз дакументаў зборніка дазваляе сцвярджаць, што праблема кіраўніцтва партызанскімі фарміраваннямі знаходзілася ў полі зроку начальніка ЦШПР. У радыёграме П.К. Панамарэнкі ад 1 сакавіка 1943 г. камандаванне беларускімі і калінінскімі атрадамі ў зоне баёў ускладналася на А.Ф. Бардадына (упаўнаважаны БШПР), А.В. Раманаву і А.І. Штрахава. Адначасова ўдакладнялася, што гэта не павінна весці да аб'яднання брыгад ці аб'яднаўчых абарончых баёў. Такім чынам, канчатковае рашэнне па парадку кіраўніцтва партызанскімі сіламі прыняў П.К. Панамарэнка [5, с. 78–79].

У шэрагу дакументаў зборніка прысутнічае інфармацыя аб баявым узаемадзеянні беларускіх і калінінскіх брыгад ужо пасля прыняцця рашэнняў аб кіраўніцтве партызанскімі сіламі. У шыфртэлеграме С.С. Бельчанкі начальніку ЦШПР ад 2 сакавіка пададзена інфармацыя аб сумесных баях атрадаў 4-й, 11-й Калінінскіх брыгад і двух падраздзяленняў Расонскай брыгады ў раёне вёскі Гарадзілавічы супраць карных падраздзяленняў. У радыёграме Б.І. Мажайскага адзначалася, што першыя дні сумесных дзеянняў далі тую перавагу, што асноўныя сілы праціўніка скаваны і ён не прасоўваецца наперад. У данясенні Б.І. Мажайскага можна паставіць пад сумненне інфармацыю аб тым, што А.В. Раманаву разам са А.І. Штрахам прымаў удзел у камандаванні партызанскімі сіламі па разгроме карнікаў. Паводле ўспамінаў А.В. Раманавы, ён самаўхіліўся ад выканання такіх абавязкаў, бо пасля праяўлення ініцыятывы падчас барацьбы з карнай экспедыцыяй «Заяц-бяляк», па яго меркаванні, была створана пэўная атмасфера недаверу да яго з боку А.І. Штрахава, а пазней і А.Ф. Бардадына. Аналагічныя сведчання ўтрымліваюцца і ў асобных архіўных дакументах, не ўключаных у дадзены зборнік. Пра няўдзел А.В. Раманавы ў кіраўніцтве згадана і ва ўводзінах да зборніка [5, с. 20, 84–85, 88, 89, 107–108, 113–114; 9, л. 138; 12, л. 10–11; 13, л. 156; 14, 250–253].

К канцу першай дэкады сакавіка 1943 г. праціўнік прыпыніў наступленне і пачаў праводзіць перагрупіроўку сіл. А.І. Штрахаў, зыходзячы са свайго бачання абстаноўкі, выдаў 9 сакавіка баявы загад № 4 аб немэтазгоднасці знаходжання ў Дрысенскім і Асвейскім раёнах такой колькасці партызан. Брыгадам прадпісвалася вярнуцца ў раёны сваёй ранейшай дыслакацыі і прыступіць да правядзення дыверсій на камунікацыях. Беларускім брыгадам Р.П. Герасімава, І.К. Захарава, А.В. Раманавы ставілася задача раптоўнымі нападамі і засадамі не дапускаць знішчэння населеных пунктаў і прасоўвання праціўніка на ўсход ад шашы Себеж – Дрыса на участку Царкоўна – Востры Канец. Паводле загаду калінінскія брыгады ў ноч на 10 сакавіка (па іншых звестках 5–7 сакавіка) пакінулі свае пазіцыі на паўночным участку абароны і выйшлі ў напрамку Пустошкі. Ад гэтага часу беларускія партызаны пад камандаваннем А.Ф. Бардадына з 11 сакавіка і да канца другой дэкады месяца трымалі абарону на рацэ Свольна і ажыццяўлялі контратакі на тылавых аб'екты гітлераўцаў [5, с. 117, 130–131, 315].

Ва ўводзінах да зборніка адзначана, што А.І. Штрахаў не зусім дакладна ацаніў сітуацыю, звязаную з зацішшам у раёне баявых дзеянняў, і таму вывеў калінінскія брыгады з Асвейскага раёна. З такой ацэнкай дзеянняў А.І. Штрахава можна пагадзіцца толькі часткова. Па-першае, у данясенні С.С. Бельчанку ад 13 сакавіка А.І. Штрахаў паведамляў, што беларускія брыгады з устанавленнем лётнага надвор'я і прыбыццём у ноч з 7 на 8 сакавіка А.Ф. Бардадына ў партызанскую зону атрымалі самалётамі і планерамі вялікую колькасць боепрыпасаў (каля 800 тыс. патронаў), вінтоўкі і аўтаматы. Па-другое, сцвярджалася, што беларускія брыгады займаюць практычна ўсю лінію абароны. У некаторых архіўных дакументах выхад калінінскіх партызан з зоны баёў звязваецца з наступленнем цёплага надвор'я і пагрозай паводкі, што магло сур'ёзна паўплываць на тэрміны вяртання брыгад у раёны ранейшай дыслакацыі. Акрамя таго, у калінінскіх брыгадах адчуваўся вялікі недахоп боепрыпасаў [5, с. 117, 130–131, 315; 8, л. 85–86; 12, л. 11].

Такім чынам, у зборніку дакументаў і матэрыялаў «Зимнее волшебство» змешчаны значны пласт важнай інфармацыі аб узаемадзеянні партызан Віцебскай і Калінінскай абласцей пры адбіцці

наступальных дзеянняў карнікаў у перыяд з 16 лютага да 10 сакавіка 1943 г. Нягледзячы на гэта, для больш глыбокага даследавання праблемы варта выкарыстоўваць дадатковыя звесткі з фондаў 4п, 1336, 1391, 1403, 1450 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь.

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева [и др.] ; редкол. : А.Т. Кузьмин [и др.] – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 2 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А.А. Филимонов [и др.]. – 1984. – 551 с.
2. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : документы и материалы : в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории АН БССР. – Минск : Беларусь 1967–1982. – Т. 2 : Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны. – Кн. 1. (ноябрь 1942 – июнь 1943) / сост. Г. Н. Шевела [и др.], – 1973. – 680 с.
3. Жилинин, Я.А. Без линии фронта / Я.А. Жилинин, И.Б. Позняков, В.И. Лузгин. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Беларусь, 1979. – 382 с.
4. Захаров, И.К. Война в краю озер / И.К. Захаров. – 2-е перераб. и доп. изд. – Минск : Беларусь, 1973. – 319 с.
5. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль – март 1943 г.: Документы и материалы. – М. : Фонд «Историческая память», 2013. – 512 с.
6. Макаров, Н.И. Непокорённая земля российской. / Н.И. Макаров. – М.: Политиздат, 1976. – 319 с.
7. Макаров, Н.И. Партизанские были / Н.И. Макаров. – Калинин, 1959. – 136 с.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 180.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 72.
10. Народная война в тылу врага: к истории партизанского движения в Калинин. обл. / редкол. : И.С. Борисов [и др.]. – М. : Моск. рабочий, 1971.–328 с.
11. Подвиги народных мстителей : партизанское движение Калининской обл. 1941–1944 гг. : документы и материалы. – М. : Моск. рабочий, 1966. – 399 с.
12. Политдонесение о морально-политическом состоянии, партийно-политической работе и боевой деятельности бригады «За Советскую Беларусь» им. Рокоссовского за период с 1 сентября 1942 г. по 31 марта 1943 г. // НА РБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 180. Л. 1–15.
13. Политдонесение о морально-политическом состоянии, партийно-политической работе и боевой деятельности партизанской бригады «За Советскую Беларусь» – им. Рокоссовского за период с 1 декабря 1942 г. по 31 марта 1943 г. // НА РБ. – Ф. 1450. Воп. 2. Спр. 920. Л. 151–159.
14. Романов, А.В. На земле непокоренной. Записки партизана / А. В. Романов. – Минск : Госиздат, 1962. – 297 с.
15. Сарченко, Г.Ф. В огне народной войны / Г.Ф. Сарченко. – Псков, 1962. – 164 с.
16. Сарченко, Г.Ф. В строю бессмертных / Г.Ф. Сарченко. – Псков, 1964. – 276 с.

Мизис Ю.А.

ВОЕННЫЙ ПЛЕН В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (по материалам лагерей военнопленных Тамбовской области)¹

Интерес к проблеме плена в годы Второй мировой войны не ослабевает как в России, так и в Западной Европе. Об этом говорят многочисленные публикации, проведение крупных международных конференций [12, 14, 15]. Конференция, прошедшая в августе 2016 г. в Тамбове с участием большой группы западноевропейских исследователей и ученых из России, служит тому красноречивым подтверждением [9]. Изучая данную проблему, исследователи особое внимание уделяют поиску новых источников и методике их научной обработки. Важное место занимают фонды региональных архивов, где хранятся документы отдельных лагерей и Управлений НКВД по делам военнопленных и интернированных конкретных областей. Значительный пласт таких документов находится в фондах Российского государственного военного архива (Москва), которые во многом дополняют региональные фонды. Мы рассмотрим характер этих массовых источников на примере лагерей военнопленных, действовавших на территории Тамбовской области: № 64 (Моршанск) и № 188 (Рада). Наиболее изучен лагерь № 188, что во многом объясняется его многонациональным составом и интересом к этой проблеме историков разных стран [1, 2, 8, 10]. По нашим подсчетам, в лагере № 188 были представлены пленные около 40 национальностей. В меньшей степени изучена история лагеря № 64, что объясняется отсутствием отдельного фонда и значительным разбросом документов по разным архивам и фондам. Лагерь № 188 на станции Рада был образован 31 января 1942 г. как фильтрационный лагерь для советских военнослужащих, вышедших из окружения или немецкого плена. С 1 декабря 1942 г. он поменял свой профиль и превратился в лагерь для военнопленных немецкой армии и армий союзников Германии. Лагерь № 64 был создан специальным указом УНКВД по Тамбовской области от 11 марта 1943 г.

В состав источников входят документы регулярной отчетности руководства лагерей. Важную информацию содержат «Доклады о санитарно-бытовом состоянии лагеря» и «Доклады

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, Грант № 16-11-68005 а (р)

управления лагеря НКВД СССР о состоянии службы режима, трудоустройства военнопленных, о санитарном состоянии» за месяц. Документы во много дублировали друг друга и дополняли по некоторым позициям. Первый тип источников готовился санитарной службой и подписывался начальником управления лагеря. В специальной части приводились сведения о работе лазаретов, а затем и специальных госпиталей, где лечились военнопленные. В них указывалось количество обратившихся, характер заболеваний. По документам можно судить, что в зимнее время пленные умирали от дистрофии, воспаления легких, а в летнее время – от дизентерии, малярии и дистрофии. В 1943 г. встречались частые случаи заболевания сыпным и брюшным тифом. Отмечалось количество прошедших санобработку, сведения о численности военнопленных на начало и конец месяца, описание лагеря, бараков или землянок, хозпостроек, пищеблоков, бань, медицинских центров, медицинского персонала [4]. В документе указывалось число и национальность умерших и причины смерти за отчетный период. Во втором типе документов больше внимания уделялось состоянию охраны и ограждения лагерей, описаниям побегов и трудовому использованию контингента [5, л. 1–4, 28–29, 43–45]. Акты о побегах военнопленных предоставляли информацию: кто пытался совершить побег, при каких обстоятельствах, времени суток и правомерности применения оружия. Как правило, администрация лагерей оправдывала действия охраны, и крайне редко выдвигала против неё какие-то обвинения. Подобные явления прослеживались в первой половине 1943 г., позже возможность бежать из лагеря практически исчезла. Была улучшена система охраны, лагерная агентура сообщала о лицах, склонных к побегу, которых ограничивали в передвижении за пределами лагерей. С 1944 г. основная часть побегов приходилась там, где военнопленные работали, и охрана была ослаблена. По таким побегам сохранились донесения охраны, руководства по принятым мерам, акты и донесения о задержании и препровождении их в лагерь [6]. Одним из самых спорных вопросов пребывания военнопленных немецкой армии и их союзников на территории СССР в годы Второй мировой войны и после ее окончания является численность контингента и его смертность. В западных изданиях часто встречаются цифры умерших, взятые из непроверенных источников, или общая статистика в архиве ГУПВИ. Это во многом объясняется использованием обобщающихся статистических данных и редким применением материала, который велся администрациями лагерей военнопленных. Информации по численности военнопленных, прошедших через тамбовские лагеря, достаточно много, однако она не систематизирована и с определенными лакунами за 1943 г. Наиболее полноценные источники содержатся по лагерю № 188 на Раде, фрагментарные по лагерю № 64 в Моршанске. На протяжении 1943 лагерь № 188 был прифронтовым и фильтрационным, т. е. для лиц, которых привозили сюда на определенное время, восстановить здоровье, подорванное переездами, ранениями и болезнями. Потом основная масса военнопленных переводилась в другие лагеря на восток. Лишь с начала 1944 г. лагерь стал стационарным и контингент стабилизировался. Характер источников по этой проблеме неоднозначен и неоднороден [3, с. 24–57]. Часть умерших хоронили во время движения поездов, по прибытию в Тамбов около Петропавловского кладбища или на станции Рада. Тех, кто умер в лагере, хоронили в лесу недалеко от бараков. Такая же ситуация была и в лагере № 64. Если статистику по захоронениям в лагерях можно считать полноценной, то смертность во время перевозки контингента учитывалась плохо. Часть военнопленных умирала в госпиталях. Первоначально это были лечебные учреждения, расположенные в Тамбове, с 1944 г. два спецгоспиталя для обслуживания военнопленных располагались в Моршанске и Кирсанове. Первичный учет велся плохо, сохранялась высокая смертность, поэтому в подсчетах движения военнопленных вкрадывались ошибки. На это обратило внимание руководство ГУПВИ НКВД СССР в апреле 1943 г. [13, л. 350–351]. Только с лета 1943 г. удалось наладить статистику учета самих военнопленных, сложилась система отчетности руководства лагерей и Управления НКВД по Тамбовской области. Сказались и требования московских властей о совершенствовании системы учета движения военнопленных. К 1944 г. сформировалась единая образная система учета движения контингента военнопленных. Появились такие материалы, как сведения о движении военнопленных по лагерям, которые готовились управлением НКВД по Тамбовской области для ГУПВИ НКВД [7]. В основе этих документов лежала пятидневная, а позже декадная строевая записка-отчет по каждому лагерю и госпиталю. Они в областном управлении объединялись в общую таблицу для отсылки в Москву. С 1945 г. вместо декадных появились месячные записки по лагерю и госпиталям. Управление по делам военнопленных и

интернированных УНКВД по Тамбовской области с 1945 г. стало готовить обобщающие материалы в виде таблиц сведений о движении военнопленных поквартально. Сюда включались данные по лагерям, лазаретам и госпиталям, обсуживающим военнопленных. В этих документах указывалось количество контингента на начало точки отсчета, затем прибывшие и выбывшие за указанный срок. Причины выбытия могли быть разными: перевод в другой лагерь, что часто бывало в 1943–44 гг., отбытие в госпитали или смерть. Информация давалась с учетом национальности военнопленных и их воинских званий. Регулярность составления этих документов, необходимость каждый последующий документ подтверждать данными из предшествующего, гриф "совершенно секретно" позволяет утверждать о достаточно высокой степени точности приводимой статистики. Смертность по лагерям можно перепроверить по книгам умерших и похороненных на территории Тамбовской области, или по кладбищенским книгам, которые были оформлены в ходе захоронений и затем сведены в единые списки в 1946 г. Сюда входили умершие в самих лагерях, лечебных центрах при лагерях, а так же в спецгоспиталях. По каждому такому объекту сохранились кладбищенские книги, где указывались личные данные на умерших: фамилия, имя, отчество, иногда год рождения и место захоронения. Весь этот комплекс источников позволяет достаточно точно воспроизвести динамику движения военнопленных определенного периода. За первый год существования лагеря № 188 в 1943 г. через него прошло 24780 человек, число убывших составило 19251, на конец года в лагере было 2738 человек. Однако в статистику попали лица, которые на какое-то время выбывали в госпитали, а затем вновь возвращались на прежнее место. Наибольшие поступления наблюдались в январе со Сталинградского фронта. За весь 1943 г. в лагере умерло 9385 человек. Особо высокая смертность наблюдалась в первые пять месяцев, когда умерло абсолютное большинство всех военнопленных – 17840 человек (96%). В январе число умерших составило 17%, в феврале 28%, в марте – 41%, апреле – 45%, мае – 42% от всего количества военнопленных [11, с. 239].

Дополнительным материалом о движении военнопленных являются "Сведения о лагере", где имелись данные о специальностях военнопленных, принадлежность к национальным армиям, возраст, род войск, социальный статус, политические пристрастия, вероисповедование, образование, время начала воинской службы, год пленения. Характер представленной информации позволяет проследить различные аспекты социально-демографических, духовных и образовательных аспектов наличного контингента. Достаточно многочисленны документы по репатриации военнопленных. В 1944 г. в лагере № 188 (Рада) часть военнопленных была направлена в национальные части: румынские, югославские, польские, французские. По всем этим перемещениям имеются соответствующие документы учета статистики. Если по первым трем группам военнопленных сохранилась только общая статистика передачи контингента в другие лагеря, где шло формирование этих воинских частей, то по французам, люксембуржцам и бельгийцам сохранился комплекс документов подготовительного характера, так как лагерь № 188 перепрофилировали на этот национальный тип военнопленных. После окончания Второй мировой войны лагерь № 188 продолжал функционировать как фильтрационный. Сюда поступали представители разных национальностей, в том числе и тех, кого следовало сразу отправлять к себе на родину, прежде всего военнослужащих, насильственно призванных в немецкую армию. Подготовительная работа по формированию эшелонов и их оснащению всем необходимым отражена в архиве Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД по Тамбовской области.

Таким образом, в фондах документов Управлений НКВД по каждой области, фондах отдельных лагерей хранятся массовые статические документы о движении военнопленных. Они позволяют с высокой степенью точности проследить вопросы перемещения контингента по лагерям, медицинским учреждениям, смертности. Для этого необходимо проверять и перепроверять по различным источникам всю статистику, использовать сравнительный анализ.

1. Baty, R. Tambov camp sovietique 1942–1946. Les archives sovietiques parlent / R. Baty. – Т. 1. – Strasbourg, 2011 – 195 с.
2. Baty, R. Informations de Russie sur les Malgre-Nous / R. Baty. – Editions Rhin-Volga-Duna. – Strasbourg, 1998 – 244 с.
3. Всеволодов, В. А. "Арифметика" и "алгебра" учета военнопленных и интернированных в системе УПВИ НКВД-МВД СССР в период 1939–1956 гг. / В. А. Всеволодов. // Трагедия войны – трагедия плена // Материалы межд. научно-практической конф., Москва–Красногорск, 1–2 октября 1998 г. / Мемор. музей немецких антифашистов; сост. В.А. Всеволодов. – С. 24–57.
4. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). – Ф. Р. 3444. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАТО. – Ф. Р. 3444. Оп. 1. Д. № 27. Л. 1–4, 28–29; 43–45.
6. ГАТО. – Ф. Р. 3444. Оп. 1. Д. № 28; № 36.
7. ГАТО. – Ф. Р. 4148. Оп. 1. Д. № 4, 5, 20, 45.
8. Джусти, М. Т. Итальянское военнопленные в СССР 1941–1954 / М. Т. Джусти. – Санкт-Петербург : Алетей, 2010. – 272 с.

9. Дьячков, В.Л. Конференция "Социальная история Второй мировой войны" / В.Л. Дьячков, В.В. Канищев, Ю.А. Мизис. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Т. 21. – Вып. 11(163). – Тамбов, 2016. – С. 162–166.
10. Карнер, С. Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе. 1941–1956 / С. Карнер. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. – 303 с.
11. Мизис, Ю.А. Источники по движению военнопленных в лагерях. 1943–1948 гг. (на примере Тамбовской области) / Ю.А. Мизис. // XVI Золотаревские чтения. 25–26 октября 2016. Материалы научной конференции. – Рыбинск : Изд. центр Рыбинский музей-заповедник, 2016. – С. 236–243.
12. НКСГ – 50 лет: сборник материалов российско-германской научно-практической конференции / руководитель проекта: А.А. Крупенников ; Мемориальный музей немецких антифашистов. – Красногорск, 1994.
13. Российский государственный военный архив. – Ф. 1п. Оп. 9в. Д. № 66. Л. 350–351.
14. Трагедия войны – трагедия плена: сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования антифашистских организаций военнопленных в СССР и проблемам и перспективам развития музея "Трагедия плена", Москва–Красногорск, 1–2 октября 1998 г. – М., 1999. – 350 с.
15. Трагедия плена: сб. материалов Международной научно-практической конференции "Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных", Москва–Красногорск, 31 октября–2 ноября 1995 года. – Красногорск, 1996. – 200 с.

Краско Г.Г.

ОТКРЫТЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1944–1954 гг.

История развития органов государственной безопасности, функционировавших на территории современной Беларуси в первые годы после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, представляет значительный исследовательский интерес. В этот самый сложный период отечественной истории органы государственной безопасности накопили значительный опыт работы по стабилизации обстановки, а появление новых вызовов и угроз предопределило интенсивное организационное развитие этого важного государственного института.

Объективное рассмотрение сложных процессов многократных трансформаций системы и структуры, а также основных направлений деятельности советских органов государственной безопасности на территории Белорусской ССР с учетом конкретных региональных особенностей возможно без использования различных видов документальных и повествовательных письменных источников.

С учетом того, что значительная часть материалов по данной проблематике продолжает носить закрытый характер и недоступна широкому кругу исследователей, среди открытых документальных источников, в первую очередь, представляют интерес законодательные акты союзного руководства, затрагивающие деятельность советских спецслужб: постановления ЦК ВКП(б), Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны (ГКО), которому принадлежала вся полнота власти в годы Великой Отечественной войны. Отдельную группу законодательных актов, регулировавших деятельность советских органов государственной безопасности, составляют внутриведомственные приказы советской спецслужбы. Недостаток данной группы источников в архивах республики в некоторой мере компенсирует использование сборников документов и материалов, подготовленных на территории Российской Федерации, где уже произошло их рассекречивание, вследствие чего значительная часть документов стала общедоступной [2; 3]. Кроме того, некоторые ведомственные нормативные правовые акты размещаются на электронных ресурсах литовского центра геноцида и сопротивления «Документы КГБ в Интернете» и российского общества «Мемориал». Некоторые из опубликованных документов носили общесоюзный характер, либо могут быть использованы для установления региональных особенностей.

При исследовании деятельности органов государственной безопасности, которые функционировали на территории БССР, несомненный интерес представляют документы законодательства, например, отдельные указы Президиума Верховного Совета БССР, которые регулировали вопросы организации органов государственной безопасности на территории БССР [4–7].

При изучении факторов, которые оказывали влияние на деятельность советских органов государственной безопасности на территории БССР, следует выделить отдельные материалы Национального архива Республики Беларусь. В частности глубже изучить и установить причинно-следственные связи между явлениями и процессами, происходившими в советском государстве, обществе и органах государственной безопасности, позволяют материалы фондов Управления переселения и репатриации при Совете Министров БССР (фонд 787), Уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по БССР (фонд 951), Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по БССР (фонд 952).

В них в концентрированном виде отложились документы по вопросам организации на территории республики фильтрации, проверок и обустройства репатриантов, реэмигрантов, реализации на территории Белорусской ССР государственной религиозной политики, а также отдельные аспекты взаимодействия компетентных структур с органами государственной безопасности и внутренних дел. Для предметного раскрытия вопросов, связанных с ведением партийной и идеологической работы в органах государственной безопасности, повседневным бытом сотрудников советской спецслужбы, могут быть использованы материалы фонда Первичной организации КПБ Комитета государственной безопасности при Совете Министров БССР (фонд 1363).

Значительное количество документов о социально-экономических и политических условиях, сложившихся на территории БССР на завершающем этапе Великой Отечественной войны и первое послевоенное время, содержится в подготовленных в 2004–2005 гг. изданиях Национального архива Республики Беларусь «Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И.В. Сталина» «Освобожденная Беларусь» [1, 8–9].

В рамках изучения деятельности органов государственной безопасности по ликвидации антисоветского вооруженного подполья представляет интерес изданная в 1945 году стенограмма «Судебного отчета по делу об организаторах, руководителях и участниках польского националистического подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины, рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, 18–21 июня 1945 г.» [13]. Отдельно необходимо остановиться на сборнике документов «ОУН-УПА в Беларуси. 1939–1953. Документы и материалы», подготовленном авторским коллективом и изданном в Минске в 2012 г. В этом сборнике представлено около 300 документов из фондов Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Брестской области, а также Центрального архива КГБ Республики Беларусь, архива УКГБ по Брестской области, РГВА, которые относятся к деятельности на территории БССР украинского антисоветского подполья, а также борьбе с ним органов государственной безопасности [10]. Богатый фактографический материал, позволяющий сравнить отдельные элементы обстановки по линии противодействия террористическим проявлениям на территории СССР, представлен в подготовленном в 2011 году при участии Объединенной редакции МВД России, Центрального архива внутренних войск МВД России, Государственного архива Российской Федерации сборнике документов «Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР» [12].

В 2014 году Белорусской общественной организацией ветеранов КГБ «Честь» издана книга воспоминаний белорусских чекистов, принимавших участие в партизанском движении и ликвидации антисоветского вооруженного подполья «Победители. Книга вторая». Эмпирической базой этой работы выступили ранее не опубликованные воспоминания сотрудников органов государственной безопасности, проходивших службу в НКГБ-МГБ БССР. Благодаря этому, деятельность органов госбезопасности по защите интересов общества и государства показана глазами непосредственных участников событий более чем полувековой давности. В результате работы с материалами архива КГБ Республики Беларусь также удалось восстановить имена и биографические данные сотрудников, погибших в первые послевоенные годы в борьбе с антисоветским вооруженным подпольем [11].

Таким образом, открытые источники, в основном, позволяют изучить только общие условия, в которых на территории республики функционировали органы государственной безопасности и некоторые аспекты их организационного развития. Раскрыть системообразующий элемент в работе отечественных органов государственной безопасности – контрразведывательную деятельность, содержательные вопросы их функционирования на территории БССР как одного из основных институтов обеспечения безопасности государства, а также выявить конкретные региональные особенности позволяет только комплексный анализ открытых и закрытых источников. При этом обязательным условием качественного проведения исторических исследований, связанных с деятельностью органов государственной безопасности, является их реализация научными кадрами, способными объективно оценивать специфическую источниковую базу.

1. Документы по истории Беларуси в «Особой папке» И. В. Сталина / сост. С. В. Жумарь [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 86 с.
2. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / Междунар. фонд «Демократия»; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2006. – С. 552–560.
3. Лубянка: органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991 : справочник / Междунар. фонд «Демократия»; сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. – С. 660–663.

4. О преобразовании Совета Народных комиссаров Белорусской ССР в Совет Министров Белорусской ССР: Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 26 марта 1946 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 53–54.
5. Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров Белорусской ССР: Указ Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, 19 мая 1954 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 66.
6. Об образовании Народного комиссариата государственной безопасности Белорусской ССР: Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 3 дек. 1943 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 52.
7. Об объединении Министерства государственной безопасности Белорусской ССР и Министерства внутренних дел Белорусской ССР в одно министерство – Министерство внутренних дел Белорусской ССР: Указ Президиума Верхов. Совета БССР, 17 апр. 1953 г. // Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, 1938–1955 гг. – Минск, 1956. – С. 59.
8. Освобожденная Беларусь : док. и материалы. В 2-х кн. – Кн. 1. Сентябрь 1943–декабрь 1944 / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2004. – 398 с.
9. Освобожденная Беларусь : док. и материалы. В 2-х кн. – Кн. 2. Январь–декабрь 1945 / сост. : В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2005. – 506 с.
10. ОУН – УПА в Беларуси. 1939–1953. Документы и материалы / В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Вышэйшая школа, 2012. – 528 с.
11. Победители. Книга вторая : Воспоминания белорусских чекистов, принимавших участие в партизанском движении и ликвидации антисоветского вооруженного подполья в 1944–1953 гг. / авт.-сост. А. П. Васильев ; редкол. : А. П. Васильев [и др.]. – Минск : КГБРесп. Беларусь, 2014. – 236 с.
12. Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР: сборник документов / Объединенная редакция МВД России, Центральный архив внутренних войск МВД России, Государственный архив Российской Федерации. – М. : Объединенная редакция МВД России, 2011. – 423 с.
13. Судебный отчет по делу об организаторах, руководителях и участниках польского националистического подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины, рассмотренному Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, 18–21 июня 1945 г. : стеногр. отчет / Нар. Комиссариат Юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 279 с.

Николаева И.В.

ДОКУМЕНТЫ ЖЕНОТДЕЛА ЦК КП(б)Б КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В последние десятилетия в исторической науке наблюдается возросший интерес к социальной истории и, в частности, к одному из ее новейших направлений – истории повседневности. Утвердившийся в современных исследованиях подход к освещению истории через призму человеческого фактора определил необходимость и актуальность нового прочтения традиционных документальных источников, привлечение архивных данных, которые в силу своей специфики не были введены в научный оборот. В частности, определенным потенциалом для исследования женской истории первых послевоенных лет обладают документы женотдела ЦК КП(б)Б, содержащиеся в Национальном архиве Республике Беларусь (ф. 4-п, оп. 49).

После окончания Великой Отечественной войны объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные области БССР, так как здесь дольше всего сохранялось западное влияние, существовали традиции культуры и быта, отличавшиеся от советских. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. Для усиления работы среди женщин западных областей, учитывая опыт 1920-х годов, 18 декабря 1945 г. бюро ЦК КП(б)Б приняло решение создать в райкомах, горкомах и обкомах партии западных областей и ЦК КП(б)Б отделы по работе среди женщин [4, л. 14]. Основным содержанием работы женотделов, начавших свою деятельность в январе – марте 1946 г. и просуществовавших до 1954 г., стало вовлечение женщин западных областей в общественное производство и политико-моральное воспитание в духе социалистической идеологии, что нашло отражение в информационной и отчетной документации соответствующего отдела ЦК КП(б)Б.

Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б позволяют в определенной степени реконструировать некоторые черты послевоенной женской повседневности. Хотя структура этих документов, вполне очевидно, отвечает предписанной сверху схеме, они оставляют место для индивидуального содержания и представляют возможность не только проследить деятельность партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики в отношении женщин, но и дают некоторое представление о проблемах, с этим связанных, о протестных настроениях и выступлениях женщин против мероприятий советской власти.

Информационная документация, представленная в материалах женотдела, свидетельствует, что вновь востребованными в западных областях Беларуси в послевоенное время стали также

делегатские собрания как одна из проверенных форм приобщения женщин к активной общественной и политической жизни в 1920-е – начале 1930-х гг. Работу по организации делегатских собраний проводили женотделы, приступившие уже с лета 1946 г. к подготовке выборов делегаток по всем районам западных областей [2, л. 1].

Согласно архивным документам, первоочередной задачей женотделов и созданных под их руководством делегатских собраний, стало привлечение женщин к активному участию в выполнении всех хозяйственно-политических задач: восстановление разрушенных фабрик и заводов, выполнение всех видов трудовых повинностей, сдача госпоставок, и особенно проведение коллективизации в западных областях. Общеизвестно, что в условиях борьбы с разрухой, когда ощущался большой дефицит в рабочих кадрах, тысячи женщин пришли на предприятия и стройки. В 1945 г. они составляли 48% рабочих и служащих БССР. Несмотря на то, с большим притоком на производство демобилизованного мужского населения, удельный вес женщин в общей численности занятых в народном хозяйстве в последующие годы несколько снизился и в 1950 г. составил 45%, количество женщин среди рабочих и служащих за первое послевоенное пятилетие выросло более, чем в 1,5 раза, и в дальнейшем наблюдался постоянный их численный рост среди кадрового состава предприятий республики [1, с. 115–117].

Женщины в первые послевоенные годы составляли большую половину населения, занятого в сельском хозяйстве, они работали на личных подсобных участках и в колхозах [3, л. 14]. Деятельность по организации колхозного строительства в западных областях БССР была самой сложной и тяжелой в практике отделов по работе среди женщин. Докладные записки и сообщения по ситуации в районах констатируют, что женотделы и делегатские собрания, в своей деятельности по созданию колхозов сталкивались с рядом трудностей. Несмотря на проведение активной пропаганды колхозного строя, реакция женщин на социалистическое переустройство деревни была неоднозначной. Если отдельные крестьянки демонстрировали пассивность, равнодушие к мероприятиям советской власти, высказывая в ряде случаев недоверие убеждениям женорганизаторов «в преимуществах колхозного строя перед единоличным хозяйством», то применение методов грубых приказов, случаи администрирования, и в целом организация колхозов «сверху» порождали не только негативную реакцию к колхозному строю, но и активное противодействие женщин села. Присутствующая в архивных материалах информация свидетельствует, что в созданных колхозах имели место многочисленные случаи выступления женщин против коллективной уборки урожая, распространенной была ситуация, когда вступившие в колхоз женщины на работу не выходили и не выработывали ни одного трудодня [12, л. 155; 8, л. 175]. Как отмечалось в докладных записках по состоянию работы среди женщин, даже среди делегаток встречались «антиколхозно настроенные», которые сами «не хотят вступать в колхоз и на собраниях шумят больше всех против колхозов» [7, л. 7]. Характерным является случай в д. Смоници Молодечненской области, где свыше 40 женщин, всячески проклиная колхоз и советы, ложились под трактор, который выехал провести общую вспашку поля [7, л. 11].

Несмотря на то, что женщины составляли основную рабочую силу в колхозах, их представительство на руководящей работе в сельском хозяйстве было незначительно и, как показывают документы, после войны из года в год только уменьшалось. Если в 1946 г. женщины составляли 4,7%, то в 1950 г. всего 1,1% председателей колхозов, при этом удельный вес женщин среди руководителей колхозов западных и восточных областей был примерно одинаков: 1,2% и 0,9% соответственно [3, л. 38; 9, л. 1, 22]. В то же время, как свидетельствуют архивные материалы, если отделы по работе среди женщин оценивали такое представительство женщин среди председателей колхозов и сельских советов как «совершенно недостаточное», то со стороны мужчин-руководителей сложившаяся ситуация имела типичное объяснение: «особой нужды в укомплектовании руководящих кадров за счет женщин не было, т.к. у нас хватает мужчин» [12, л. 141; 13, с. 273].

В условиях массового вовлечения женского населения в производство и сельское хозяйство отделами по работе среди женщин уделялось большое внимание удовлетворению запросов работающих матерей в детских садах и яслях. До Великой Отечественной войны в Беларуси насчитывалось 1006 детсадов, в которых воспитывалось 54800 детей дошкольного возраста. Кроме того, в летний период действовали детские площадки, которыми было охвачено 84 тысячи детей колхозников. К концу 1944 г. в Беларуси был восстановлен 201 детсад с количеством детей 11538 [6, л. 73]. Несмотря на дальнейший рост сети детских учреждений на протяжении послевоенного восстановительного периода, к 1950 г. сеть детских садов была восстановлена только на 20%, яслей – на 45%, в селах – на 1% к довоенному уровню [10, л. 7]. В сложившейся си-

туации многие матери вынуждены были брать детей с собой на работу или оставлять их дома без присмотра [12, л. 142–143]. Как свидетельствуют аналитические отчеты, рассматриваемые на совещаниях женотделов, высокий процент осужденных женщин по отдельным видам преступлений, таким как невыработка установленного минимума трудодней в колхозах (71% к числу всех осужденных в республике по этой категории), совершение прогула без уважительной причины (35,3%), стал следствием, главным образом, отсутствия на многих предприятиях и в подавляющем большинстве колхозов яслей и детских садов [12, л. 150]. Основная часть женщин-колхозниц, привлекавшихся к ответственности из-за невыполнения обязательного минимума трудодней – это матери-одиночки, имевшие на иждивении малолетних детей [5, л. 150–151].

Одним из направлений деятельности женотделов стала работа по проблемам материнства и охране детства. Женотделы всячески пропагандировали решение Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать героиня» и учреждении ордена «Материнская слава», и медали «Медаль материнства» [10, л. 158-159]. Организация точного учета многодетных и одиноких матерей, выплата им пособий, представление многодетных матерей к наградам, разъяснение населению западных областей советских законов по охране материнства и младенчества и контроль за выполнением всех этих указаний стали неотъемлемой частью работы женотделов. Справки и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б свидетельствуют, что на местах, как со стороны финансовых органов, так и торгующих организаций, имелся ряд недостатков в выполнении Указа. С одной стороны, несвоевременное оформление документов на получение госпособия многодетным и одиноким матерям и задержка выплат, случаи невыдачи продуктов питания торгующими организациями пайка беременным и кормящим в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита зачастую имели объективные причины, связанные с нехваткой людей, транспорта, товаров и продуктов на местах. В то же время, имели место прецеденты, когда при выплате матерям госпособий погашали недоимки по разным налогам, числящимся за их хозяйствами; наблюдалась практика принудительного зачисления на вклады в сберкассы сумм, причитающихся матерям по госпособиям [4, л. 10–11].

Анализ архивных источников позволяет отметить, что, находящиеся под жестким контролем и работавшие по выполнению четко поставленных задач, женотделы все-таки пытались обратить внимание на проблемы женщин, о которых партийное руководство вряд ли задумывалось. Известно, что в 1936 г. в СССР аборт, который оставался одним из основных способов регулирования рождаемости, были запрещены и разрешались только в исключительных случаях по решению врачебной комиссии. Проблемой послевоенного советского общества стали криминальные аборты. Как свидетельствуют документы, в работе женотделов нашла отражение широкая кампания, направленная на разъяснение вредности аборта для здоровья, которая была созвучна с пропагандой материнства и отвечала потребностям страны в рождении детей после тяжелых демографических потерь. В то же время, архивные источники показывают, что изучив ситуацию, сложившуюся в этой сфере и констатируя большое количество внебольничных абортов, после которых женщины длительно болели, оставались инвалидами или даже умирали, женотделы выступали с инициативой поставить данный вопрос перед правительством. Они вносили предложения о расширении прав абортных комиссий на те случаи, когда беременные женщины, уже имели большие семьи, находились в тяжелых семейных, материальных и жилищных условиях [12, л. 152, 155].

Среди важных вопросов, которыми занимались отделы по работе среди женщин, было шефство над детьми-сиротами: учет детей, находящихся на патронате, проверка условий жизни сирот в детских домах, организация практической помощи женщинам нуждающимся через Красный Крест и другие общественные организации [9, л. 26]. Информационные сообщения и отчеты, собранные в названном фонде, показывают, что женотделы выявляли недостатки и злоупотребления в работе персонала детских домов, делали максимально возможным обеспечение детей-сирот продуктами питания и промтоварами, но отсутствие своих финансовых возможностей и тяжелые материальные условия по всей стране, не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся.

Важным направлением деятельности женотделов стала политико-воспитательная работа среди женщин западных областей, так как здесь, как указывалось в информационных сообщениях, были «живучие буржуазно-националистические, антиколхозные и антисоветские настроения». Архивные документы подробно раскрывают содержание политико-массовой работы с женским населением, в основе которого было разъяснение преимуществ социалистического строя, проведение активной и

систематической пропаганды системы ценностей советского общества, а также атеистическое воспитание. Одним из важнейших вопросов культурной и идеологической работы стала ликвидация неграмотности женщин-западниц. За период с 1945 по октябрь 1950 гг. в западных областях республики было обучено 159732 неграмотных и 224180 малограмотных женщин, что составляло 80% от числа неграмотных женщин [10, л. 8]. Основной формой идеологического воздействия являлись женсоветы и делегатские собрания, которые одновременно играли большую роль в развитии общественной активности женщин. К концу 1950 г. в западных областях республики было создано 1258 делегатских собраний с охватом в них 41899 женщин-делегаток [8, л. 172]. Докладные записки, сообщения и отчеты женотдела ЦК КП(б)Б свидетельствуют, что вопрос «О выдвижения женщин на руководящую работу» неоднократно становилось предметом специального обсуждения совещаний областных и районных женотделов [12, л. 141; 10, л. 5]. Деятельность ЦК КП (б)Б и самих женотделов давала свои результаты. В тоже время архивные материалы констатируют озабоченность советского руководства малочисленностью женщин на руководящих должностях и ответственных постах и указывают насколько медленно, несмотря на попытки административного стимулирования, шло выдвижение женщин на руководящую работу. В частности, как отмечается в справке женотдела о об итогах работы в 1950 г., «за три месяца после принятия постановления ЦК КП(б)Б от 8 августа 1950 г. «О мерах улучшения политико-массовой работы среди женщин и выдвижения их на руководящую работу» количество женщин руководящих работников не увеличилось, а даже уменьшилось» [8, л. 171].

Таким образом, документы женотдела ЦК КП(б)Б за 1946–1954 гг. включают разнообразную по своему содержанию информацию, характеризующую женскую повседневность в первые годы после Великой Отечественной войны, как в западных областях страны, так и в республике в целом. Докладные записки, сообщения и отчеты работников женотделов ЦК, обкомов и райкомов КП(б)Б освещают деятельность отделов по работе среди женщин, партийных организаций и советских органов по реализации государственной политики, направленной на развитие различных сфер повседневной жизни женщин, дают возможность проследить влияние политических решений органов власти на женскую повседневность в первые послевоенные годы. Этот корпус архивных источников позволяет всесторонне исследовать социальную и производственную активность женского населения, в определенной степени реконструировать поведенческие настроения самих женщин.

1. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР (1943 – 1950 гг.) / И.Е. Марченко. – Минск, 1977. – 248 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 11.
3. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 14.
4. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 16.
5. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 18.
6. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 20.
7. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 21.
8. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 25.
9. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 27.
10. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 30.
11. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 31.
12. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 32.
13. Николаева, И.В. Женщины Беларуси в послеоккупационный период Великой Отечественной войны / И.В. Николаева // Победа – одна на всех: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. / ВГУ имени П.М. Машерова; редкол.: А.И. Жук и А.А. Коваленя (отв. ред.) [и др.] – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – С. 272–274.

Булыгина Т.А.

ОБРАЩЕНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАН ВО ВЛАСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА КАК ВИД ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Возможности компаративного источниковедения позволяют исследователю раскрыть эволюцию того или иного вида письменных источников как в синхронном контексте всеобщей и национальной истории, так и при асинхронном сравнении различных видов источников. Нам представляется, что для изучения советской истории перспективным является синхронное изучение отдельных групп источников различных регионов СССР, специфики и общего в процессе их эволюции. К примеру, можно сравнить эволюцию и особенности формирования и функционирования документов местных партийных органов, деловой переписки, периодической печатной

ти, материалов по реализации экономической политики центрального руководства и проч. на Ставрополье и в Витебской области.

Среди такого вида источников по местной истории как делопроизводственная документация мы особое внимание обратили на ставшую очень популярной в научном сообществе историков группу заявлений и обращений граждан во власть. Несмотря на идеологическую или техническую унифицированность этих источников на всей территории Советского Союза, систематический и глубокий сравнительный анализ сопоставимых источниковых блоков смешанным коллективом регионов и стран поможет выявить уникальность и общие принципы их формирования.

Следует согласиться с тем, что заявления граждан в инстанции разных уровней партийно-государственной власти не представляют собой документов личного происхождения, в которых отражен внутренний мир конкретной личности, ее отношение к миру, к власти, к социуму [2, с. 403–404]. Заметим, что все разнообразие подобных обращений можно разделить на три подвиды. Во-первых, это коллективные обращения в поддержку курса партии, инициируемые местной властью. Их язык, стиль основные идеи отражают политико-идеологические шаблоны данного периода (Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов). Эти источники представляют собой искусственную модель общественного мнения, угодного властным структурам, и в них нет ни исторической, ни региональной специфики.

Вторая разновидность обращений во власть – заявления о приеме на работу и о предоставлении тех или иных социальных льгот: материальной помощи, санаторного лечения, жилья и т.д. Здесь унификации подвергалась форма обращения, а личностное начало видно только по опискам и уровню грамотности заявителя. В то же время наряду с принятым трафаретом в таких заявлениях есть и личностная информация – мотивы обращения, обстоятельства дела, изложенные в свободной манере, и в этой манере, равно как и в самой информации раскрываются типичность и уникальность советской повседневности. Наконец, третья группа заявлений может быть кратко охарактеризована как жанр жалоб. Пожалуй, этот подвид наиболее свободен от стереотипов и наиболее откровенно отражает характер и эмоции человека.

Обратимся к первому подвиду обращений граждан в различные органы партийно-государственной власти. При проведении анализа подобных источников проявляются несколько мотивов авторов этих писем. Во-первых, в ряде случаев – это инструмент их самозащиты путем демонстрации собственной благонадежности по отношению к властным структурам. К примеру, после того, как 16 июня 1950 г. был проведен выпуск 11 учащихся Ставропольской духовной семинарии, ректор протоиерей И. Богданович через три дня обратился с благодарственным письмом к уполномоченному Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Ставропольскому краю Н.А. Чудину. В глаза бросаются слова, подчеркивающие почтительность отправителя письма к адресату с помощью прописных букв «УПОЛНОМОЧЕННЫЙ», «ВАМ..., ВАШЕЙ..., ВАМИ», «ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ НИКИТА АНТОНОВИЧ». Безусловно, в этом отражается традиция официальных посланий не только клира снизу вверх, но и привычная риторика снизу доверху в вертикали власти. Это также отражает реальные взаимоотношения государства и Церкви, когда за декларацией об отделении Церкви от государства скрывалась жесткая зависимость конфессии от государственно-партийной власти. Мы видим в этом послании, что местный уполномоченный, наряду с руководством епископства и центральным руководством РПЦ, был вышестоящим начальствующим лицом для епархиального начальства. Кроме того, благодарность в превосходной степени в адрес Н.А. Чудина преследовала и практическую цель. Адресант благодарил его за внимание к организации и работе семинарии на протяжении четырех лет. Здесь упоминалось и участие уполномоченного в обеспечении семинаристов продуктами в голодные годы (!) и в деле освобождения семинаристов от военной службы на период учебы [1, с. 358–359]. Можно утверждать, что такая предметная благодарность таила в себе надежду на дальнейшую поддержку Ставропольской епархии местной властью.

Примером обращения ставропольчан в рамках модели общественного мнения, сконструированного властью, могут быть два коллективных письма – с фронта и на фронт. После получения подарков и писем от земляков, организованных Ставропольским крайкомом ВКП(б), командование и партийная организация 53 дивизии 3-его кавалерийского корпуса Л.М. Доватора организовали коллективный ответ «бойцов, командиров и политработников» в октябре 1941 г. [3, с. 379]. Обращают на себя внимание адресант и адресат, которые являются коллективными или представителями высшей региональной власти. Лексика представляет собой шаблон пропагандистской литературы и

газет: «славным сынам нашего великого народа», «в борьбе с проклятым коварным зверем», «пламя войны приближается к границам вашего края». Все это свидетельствует о том, что модель массового сознания конструировалась официальной властью. Вместе с тем, надо помнить, что в этой экстремальной ситуации первых месяцев войны интересы общества и власти совпали. Правда, в массовом сознании был не этот ходульный дискурс, а образы, связанные с личными тревогами работами, о чем свидетельствуют личные письма фронтовиков.

Идентично этому письмо делегации ставропольчан бойцам 56-й кавалерийской дивизии. Та же персональная анонимность акторов данной коммуникации, та же трансформация письма в агитационный текст через публикацию во фронтовой газете «Красный кавалерист на фронте» [3, с. 380–381]. Риторика аналогична коллективному письму с фронта: «Мы знаем – наша родная Красная Армия под руководством товарища Сталина победит». Эти письма объединяет также утверждение о неизбежности нашей победы, которое не ограничивается последними призывами, характерными для официальных обращений к народу, но эта уверенность наполняла тексты от начала до конца.

Подобные обращения во власть часто были связаны с каким-либо массовым мероприятием: собранием, конференцией. Так, митинг в Элисте по случаю реорганизации Калмыцкой автономной области в автономную республику завершился обращением участников митинга. В письме выражалась благодарность Ставропольским крайкому и крайисполкому за помощь после восстановления государственности в 1957 г. [1, с. 532]. Ему присущи те же стилистика и фразеология: «братская помощь», «дружная семья многонационального советского народа», «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза». Подобные письма, как, впрочем, и предыдущие, содержали рапорт о проделанной работе, чтобы публично сконструировать примеры единства власти и народа.

Совсем другой является природа тоже коллективных обращений во власть с просьбой о помощи или с инициативой. Эти деловые письма позволяют выявить реальные общественные нужды и горизонт ожидания различных социальных слоев как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. Таково письмо представителей интеллигенции Ставрополя секретарю крайкома о необходимости открытия музея Н.А. Ярошенко в Кисловодске [1, с. 430–432]. Конечно, среди аргументов авторов есть и необходимые атрибуты советского социального поведения: «В.И. Ленин, любивший и высоко ценивший произведения художника Ярошенко...». Это необходимо было для достижения цели – сохранить бесценный художественный объект: домик художника, который может быть утерян безвозвратно, и его картины.

Подробное описание плачевного состояния здания, равнодушие местного исполкома по этому вопросу раскрывают и повседневность курортного городка начала 1950-х гг., и характер отношений интеллигенции с городскими чиновниками. Сквозь официальную просьбу просматриваются истинные чувства, когда составители письма обращаются с «чувством внутреннего побуждения». Здесь аргументы фактологичны и убедительны. Исследователь может проследить и ряд тенденций в новейшей истории региона. Например, оказывается, что отделения творческих союзов и художественный фонд в 1950-е гг. находились не в краевом центре, а на Кавказских Минеральных Водах, которые позиционировались как культурный центр Ставрополя. Кроме того, в комментариях мы находим дату начала работ по реконструкции домика Ярошенко – конец 1960 г., решение горисполкома принято в 1948 г., а письмо было написано в январе 1954 г. Это свидетельствует о неповоротливости местного городского управления, активизировавшегося только в эпоху «оттепели».

Типичными были обращения в местные органы власти по личным нуждам. В этих письмах, несмотря на типичность просьб, выявляется эго-история, своеобразие образов в массовом и индивидуальном сознании. Например, в заявлении 1964 г. персонального пенсионера, работавшего в Ставрополе, в Институте вакцин и сывороток, содержится просьба выдать льготную путевку в санаторий Ессентуков [1, с. 516]. Мы здесь видим развернутую историю болезни заявителя, систему социальных льгот, существовавшую на предприятиях: «Местком института плановую путевку мне дать не может», т.к. заявитель работает здесь недавно. Выясняется уровень жизни пенсионера, размер его пенсии. Важны оговорки в заявлении. Автор считает себя участником трех войн, включая войну с Польшей 1939 г. Таким образом, присоединение западных территорий 1939-1940 гг. воспринимается его рядовым участником как война и дает представление о «добровольном» присоединении.

Обращения по поводу материальной помощи в той или иной форме особенно характерны для второй половины 1950-х гг. В конце 1957 г. в один из сельских райисполкомов Ставропольского края поступило заявление крестьянки с просьбой освободить ее от сельхозналога [1, с. 463]. В январе 1958 г. было принято положительное решение. Причина этому – социальный статус заявительницы, а уж потом ее материальное положение. Она вдова погибшего на фронте. Ее сын на тот момент служил в армии, а дочь училась в техникуме. Отсутствие подсобного хозяйства и разваленная хата были вторичными предпосылками.

Особого аналитического разбора требуют прямые жалобы во власть, которые отражают и судьбы отдельных людей, и их встроенность (или невстроенность) в политические, материальные и социальные реалии времени, и конкретную действительность местного сообщества, и меркантильный интерес. Примером этому может служить объемная жалоба горожан о нарушениях торговли в Ставропольском универмаге [1, с. 468–470]. Здесь мы находим и особенности потребления в советском обществе, и свидетельства дефицита промышленных товаров. Однако в таких жалобах много опосредованной информации, связанной с природой «блата» и одновременно с ростом материального благосостояния граждан в эти годы, и с тягой семей учить своих детей музыке не только в среде элиты, но и, к примеру, у бурильщика. Интересно, что жалоба пошла в разные инстанции, и нерадивые и грубые работники были наказаны.

Подводя итоги анализа обращений во власть, необходимо отметить многообразие этих источников, связанное с разнообразием мотивов, а значит, и социальных функций данных документов. Следует также в полной мере оценить значимость подобных источников для исследований не только по истории повседневности, но и по исторической антропологии, интеллектуальной истории, социальной и новой локальной истории.

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах : сб. док. / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
3. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2005 – 608 с.

Никитина Н.Ю.

КНИГА ПРИКАЗОВ ДАУГАВПИЛССКОГО ТЕХНИКУМА ЛАТВИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1944–1945 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Первостепенной задачей любого историка является отбор источников, которые он может использовать в своей работе. Иногда исследователю приходится пересмотреть горы архивных материалов, чтобы по крупицам собрать необходимую ему информацию. Ведь как отмечает исследователь А.К. Соколов: «Большинство материалов, которые поступают в архивы, представляют собой заботу государства о самом себе, о своей истории, а не историю общества, в котором мы живём, и историк, обращаясь к ним, зачастую оказывается в роли чужака в чужой стране» [3, с. 65]. В данной ситуации большой удачей для исследователя является нахождение источника, обладающего высокой информационной насыщенностью. В этой связи необходимо отметить, что вопрос об извлечении максимального объёма информации из исторического источника, особенно актуален в современном источниковедении [1, 2].

Среди разнообразных исторических источников был выделен один – книга приказов Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги 1944–1945 гг. – с целью определить его информационный потенциал.

На сегодняшний день техникум – второе по величине профессиональное учебное заведение в Латвии – выпускает специалистов как для железной дороги, так и для других сфер экономики. О значимости этого учебного заведения свидетельствует тот факт, что, какие бы политические катаклизмы не происходили в Латвии, техникум вот уже на протяжении почти ста лет продолжает свою работу. Техникум подготавливал специалистов и в годы немецкой оккупации [5]. История техникума до сего дня оставалась вне сферы интересов историков. Работа по реконструкции истории техникума этого периода предполагает обращение к архивным материалам, значимое место среди них занимает книга приказов 1944–1945 гг. Архивное дело находится в

структурном подразделении Национального архива Латвии – Даугавпилсском зональном государственном архиве [6].

Данный источник представляет собой книгу регистрации учащихся 1939 года, вероятно, оставшуюся от довоенного техникума. Об этом можно судить по надписи в нижнем углу книги, по нумерации страниц. О том, что книга принадлежала техникуму времени независимой Латвии, свидетельствует тот факт, что первые страницы книги были вырваны и нумерацию начали вести сначала, в графах книги все надписи на латышском языке, что было исключено в советское время и во время немецкой оккупации, надпись в углу книги свидетельствует о том, что она была напечатана в железнодорожной типографии. В книге 41 лист, все листы пронумерованы. Текст написан от руки, разными чернилами, иногда карандашом, при этом текст приказов написан разными почерками, в то время как подпись директора – это один и тот же почерк на протяжении всего времени ведения журнала. Имеются в книге и подписи людей, ознакомленных с содержанием приказа.

Первый приказ от 23 сентября 1944 года: «С сего числа приступаю к исполнению обязанностей начальника Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги на основании приказа НКПС № 431 с 12 сентября 1944 года». Подпись: «Инженер Желдаков» [6, с. 1]. На основании данного приказа можно сделать вывод, что в данный момент техникум находится в ведении Народного комиссариата путей сообщения. О необходимости техникума свидетельствует дата приказа. 27 июля Даугавпилс был освобожден от немецкой оккупации [4, с. 95], а уже 12 сентября в Народном комиссариате путей сообщения принимается решение о восстановлении работы учебного заведения, которое будет подготавливать кадры для Латвийской железной дороги.

Всего в книге 162 приказа, анализ которых позволяет получить прямую и косвенную информацию о работе техникума. Первая группа приказов затрагивает вопросы приёма на работу и увольнения – это самая многочисленная группа – 75 приказов.

К этой группе относятся указы, утверждающие «штат административно-обслуживающего персонала» [6, с. 1]. В штат сотрудников принимаются слесарь, сторож, столяр, уборщицы, истопник, стекольщик, «мурник» (латышский, каменщик), позже делопроизводитель, библиотекари [6, с. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12]. Упоминание в приказе работников данных специальностей позволяет предположить, что была необходимость восстанавливать и здания техникума, разрушенные во время войны. Подтверждения этому будут найдены в более позднем приказе 1945 г.: «Войной немецкие захватчики вывели из строя Даугавпилсский техникум: разорили прекрасные кабинеты, вывезли оборудование, уничтожили производственные кабинеты [6, с. 37]. Это косвенно свидетельствует и о стратегическом значении работы техникума. К данной группе относятся и указы о приёме на работу преподавательского состава техникума [6, с. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 13]. Данные указы позволяют сделать вывод об учебной программе, в которую входили такие общеобразовательные предметы, как русский язык, математика, физика, химия, история народов СССР, черчение, латышский язык, немецкий язык, военное дело. Кроме общеобразовательных в учебную программу техникума входили и предметы по специальности: токарное и слесарное дело, организация грузовых и пассажирских перевозок, столярное дело, общий курс железной дороги и другие предметы. Большая часть приказов о приёме на работу датируются 1944 г.

Из всех приказов о принятии на работу преподавателей общеобразовательных и специальных предметов два приказа обращают на себя особое внимание. Вероятно, была проблема найти преподавателя латышского языка, потому что указом от 1 ноября 1944 г. преподавателем латышского языка принимается студент этого техникума Петкевич Пётр Станиславович [6, с. 6]. Объяснения этому могут быть различными, а именно: репрессии 1940 г., нежелание латышей сотрудничать с советской властью, незначительная численность латышского населения в городе или тот факт, что война не закончилась и многие ещё были на фронте. Как бы то ни было, чтобы начать учебный процесс и обеспечить преподавание, руководство техникума вынуждено было назначить на должность преподавателя латышского языка молодого человека, вероятно, не имеющего на тот момент даже соответствующего образования.

Второй указ касается преподавателя немецкого языка Шлижа Георга Адольфовича. Его единственного принимают на работу с испытательным сроком на месяц [6, с. 6]. Позже другим указом преподавателя Шлижа увольняют «за систематические опоздания и пропуск двух уроков» [6, с. 16]. Причиной увольнения могла стать как политика советской власти по отношению к этническим немцам, так и личная неблагонадёжность данного преподавателя в глазах администрации техникума.

Вторую группу приказов составляют приказы, касающиеся внутреннего распорядка жизни техникума. Таких приказов – 65. Наименее информативно насыщены, на наш взгляд, приказы о предоставлении отпусков, датируемые 1945 г., а также приказы об отчислении учащихся в связи с длительной болезнью, материальным положением, в связи с переходом в высшее учебное заведение и т.д.) В свою очередь наибольший интерес представляют приказы, посвящённые организации учебного процесса, который начинался с 10 октября, с создания комиссии «приёмных испытаний» [6, с. 3]. Будущие студенты должны были пройти два «испытания» – по русскому языку и математике. 18 октября 1944 г. в техникум было зачислено 250 учащихся, из них на 2 курс было принято 45 учащихся, 90 – на первый, 115 человек – на подготовительный курс [6, с. 4]. Учебная программа была рассчитана на четыре года (первый год – подготовительный – и три основных). В документах нет свидетельств, почему 45 учащихся были приняты сразу на второй курс. Возраст этих учащихся немного старше, чем учащихся подготовительного курса [6, с. 4]. Возможно, они учились в техникуме и в годы войны или до войны или результаты их приёмных испытаний были выше, чем у других учащихся техникума. Однако для подтверждения данных предположений необходим поиск и анализ других источников. На основании приказа о зачислении в техникум можно судить и о национальном составе учащихся. В приказе упоминаются представители таких национальностей, как русские, латыши, поляки, белорусы, несколько студентов литовской национальности, один татарин. Такой многонациональный состав студентов техникума, предположительно, объясняется тем, что Даугавпилс всегда был многонациональным городом, при этом никаких ограничений на поступление в техникум для каких-либо национальностей, вероятно, не было. В связи с этим открытым остаётся вопрос о том, откуда приходили учиться в Даугавпилсский техникум. Всего было сформировано 8 групп учащихся: 2 группы второго курса, 3 группы – первого, 3 группы – подготовительного курса. В каждую группу был назначен классный руководитель.

В 1944 г. население Даугавпилса было около 15 тысяч человек [4], поэтому количество желающих учиться в техникуме свидетельствует о том, что железная дорога в то время, вероятно, давала необходимые социальные гарантии, как-то возможность работы, хорошей заработной платы, что и привлекало молодых людей для обучения в техникуме.

У нас нет сведений о том, была ли дифференцирована по специальностям учебная программа в первый год работы техникума, но, уже начиная со второго учебного года, учащиеся первого курса могли поступить в техникум для обучения таким специальностям, как «Паровозное хозяйство» и «Движение и грузовая работа» [6, с. 53].

В третью группу вошли приказы, касающиеся вопросов дисциплины. Таких приказов – 25. Информации о том, что техникум был военным учебным заведением, нет, но об особом статусе техникума говорит тот факт, что в одном из приказов дисциплинарного характера директор называет техникум «военизированным» [6, с. 9]. Возможно, это предполагало особые правила внутреннего распорядка для учащихся. Реконструировать этот аспект деятельности техникума можно было на основе дисциплинарного устава, существующего в техникуме, но текст устава не сохранился [6, с. 17]. Дисциплина в техникуме была практически военной. Так, приказом от 2 декабря 1944 года 10 студентов техникума отчислены в связи с плохой посещаемостью, при этом начальник учебной части получил выговор, так как допустил «халатные упущения» по вопросам посещаемости [6, с. 10]. Студенты призывного возраста сразу же передавались в военкомат и, скорее всего, в дальнейшем они отправлялись на фронт. Надо отметить, что приказов об отчислении было немало [6, с. 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 23], что свидетельствует о строжайшей дисциплине, которая была установлена в техникуме. Приказы об отчислении относятся к 1944 и началу 1945 года.

В приказах 1945 г. в качестве меры наказания применяются также работа в подсобном хозяйстве или арест на несколько суток. В данном историческом источнике нет сведений, где должен был в это время находиться наказуемый, каковы условия его содержания. В приказе № 62 от 4 апреля 1945 года перечислены все случаи дисциплинарного наказания: «Учащемуся, пропустившему учебные занятия без уважительных причин один раз, объявляется в приказе строгий выговор. Учащемуся, пропустившему учебные занятия без уважительной причины два раза, объявляется строгий выговор с предупреждением об исключении. Учащийся, пропустивший занятия без уважительной причины три раза, исключается из техникума с передачей документов в военкомат. В отдельных случаях студентов, пропустивших занятия без уважительных

причин, подвергать аресту в соответствии с дисциплинарным уставом» [6, с. 17]. При этом опоздание на урок также считается пропуском без уважительной причины, следовательно, опоздавший также подвергался наказанию.

Арест применялся также и по отношению к работникам техникума. Так, согласно приказу от 5 апреля 1945 г. за неявку на работу 2 / Ш-45 г. без уважительных на то причин подлежали аресту на 5 суток с исполнением служебных обязанностей Давидович Г.И., Берзак А.Г. Заслуживает внимания то, что между проступком и объявлением приказа, прошло больше месяца. При этом необходимо вспомнить, что учитель немецкого языка Г.А. Шлиж в подобной ситуации был уволен. Ответ на вопрос, почему наказание было применено только через месяц после проступка, требует исследования других источников информации.

Строгая дисциплина техникума могла быть объяснима тем, что война ещё не закончилась. Но ужесточение дисциплины в техникуме начинается в той ситуации, когда исход войны абсолютно ясен. Для того, чтобы сделать выводы о том, было ли это следствием ужесточения политики советской власти, необходимо изучение и других источников.

Обращает внимание и тот факт, что с мая 1945 г. меняется звание директора. До 22 мая 1945 г. под всеми приказами стоит подпись «инженер Желдаков». 22 мая 1945 г. и в последующих приказах звание директора техникума меняется «инженер-майор тяги Желдаков» [6, с. 30]. Выводы о подобных изменениях можно будет сделать только после изучения дополнительных источников.

Ещё один приказ вызывает вопросы у исследователя. Приказ от 8 октября 1945 г об отчислении студентов техникума Коледу Михаила Игнатьевича и Аболиня Арнольда Николаевича, при этом дело по умышленному укрывательству этих студентов «по документам техникума передать следственным органам» [6, с.33]. В книгу приказ был вклеен позже поверх приказа об отпуске одного из сотрудников техникума. Почему этот приказ об укрывательстве был так важен, о каком укрывательстве идёт речь, ответы на эти вопросы требуют изучения дополнительных источников информации.

Таким образом, книга приказов позволяет реконструировать историю техникума в 1944–1945 гг. Благодаря данному источнику можно сделать выводы об учебной программе техникума, о количестве учащихся, их возрастном и национальном составе, об условиях восстановления, о дисциплине, которая царил в техникуме. Но в то же время исследование данного источника поднимает круг вопросов для дальнейшего изучения, в том числе, почему изменяется звание директора техникума в 1945 году, о каком укрывательстве идёт речь в приказе об отчислении студентов техникума, а также что же стало причиной ужесточения дисциплины в техникуме в 1945 г.

1. Варфоломеев, А.Г. Компьютерное источниковедение. Семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников / А.Г. Варфоломеев, А.С. Иванов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 202 с.
2. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
3. Соколов, А.К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с.
4. Genovefa Barkovska, Josifs Šteimanis Daugavpils vēstures lappuses. – Rēzekne : Latgales kultūras centra izdevniecība, 2005. – 278 с.
5. Ka darbojas Daugavpils Valsts dzelzceļu tehniskā vidusskola? [Electronic resource] // Satiksmē un Tehnikā. – № 7. – Mode of access: <http://periodika.lv/periodika2-viewer/view/index>. – Date of access: 28.02.2017.
6. Latvijas Nacionālā arhīva Daugavpils Zonālais valsts arhīvs (LNA DZVA). – 989.f. (Latgales transporta un sakaru tehniskā skola), 1. apr., 2.l.

Моторова Л.А.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ (1945–1961 гг.)

Первую группу источников по изучаемой проблеме составляют различные официальные документы центральных (ЦК КПСС и Совета Министров СССР) [1, 2] и республиканских (ЦК КПБ и Совета Министров) [3, 4] партийно-государственных органов власти о политике в области образования, развитии высшей школы, её организационной структуре и содержании учебно-воспитательного процесса, изданные в 1940-е – начале 1960-х гг.

Значительную роль для проведения исследований по данной проблематике имеет также изучение в качестве одного из источников вышедших в 50–60-е гг. XX в. «Учёных записок» и сборников научных трудов Белорусского государственного университета и педагогических ин-

ституты республики, а также материалов Всесоюзных, республиканских конференций и совещаний по проблемам высшей школы. Оно позволяет более объективно оценить общий характер тенденций развития системы высшего образования, его реальное состояние, качество профессиональной подготовки будущих специалистов во второй половине 40-х – начале 60-х гг. XX в.

Важную группу документальных источников представляют и материалы сборников нормативных документов, изданных центральными руководящими ведомствами системы высшего образования СССР: «Высшая школа. Основные постановления, приказы, инструкции» (1957 г.), «Высшая школа. Сборник основных постановлений, приказов и инструкций» (1978 г.). Необходимость использования подобных материалов обусловлена тем, что документальный материал, который содержится в них, показывает реальный механизм управления высшими учебными заведениями, организацию многообразной деятельности самих вузов.

Основной группой источников для изучения проблемы развития высшего исторического образования являются документы и материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственных областных архивов. К их числу относятся материалы 13 фондов (фонды 4, 42, 205, 746, 1220 Национального архива Республики Беларусь; фонды 204, 1974, 3095 Государственного архива Витебской области, фонды 83, 144, 1429 Государственного архива Гомельской области, фонд 991 Государственного архива Гродненской области, фонд 927 Государственного архива Могилёвской области).

В фонде 4 (описи 2, 17, 47, 56, 59, 61, 73, 81) Национального архива Республики Беларусь содержится большое количество различных документов, характеризующих систему партийно-государственного управления, стиль и методы руководства высшими учебными заведениями Беларуси в исследуемый период. Их можно разделить на две группы. Первую составляют материалы, стенограммы съездов Компартии Белоруссии, пленумов ЦК КПБ, где рассматривались проблемы функционирования и развития системы образования. Эта группа документов даёт обобщённую картину внутривластической жизни общества на фоне которой происходило развитие средней и высшей школы, характеризует государственную политику в сфере высшего образования, её особенности и эволюцию во второй половине 1940-х–1950-е гг. XX в. Ко второй группе документов 4 фонда Национального архива Республики Беларусь следует отнести ежегодные докладные записки, справки отдела агитации и пропаганды и отдела высших учебных заведений ЦК КПБ, горкомов и райкомов КПБ о работе коллективов Белорусского государственного университета, педагогических и учительских институтов, о состоянии научно-исследовательской деятельности в области гуманитарных наук, политико-воспитательной работы среди студенчества. Им присущ описательный, недифференцированный подход в оценке состояния, тенденций и перспектив развития высших учебных заведений, где осуществлялась подготовка специалистов-историков. Конкретные факты, информация, которые содержатся в документах этой группы источников, не отличаются высокой степенью анализа, обобщения и критического осмысления, носят констатирующий характер.

В фонде 42 (описи 4, 5, 6) Национального архива Республики Беларусь находятся документы республиканского Министерства просвещения за 1944–1959 гг., в ведении которого находились педагогические и учительские институты. В этой группе источников необходимо выделить документы, содержащие обширный фактический и статистический материал, который характеризует все стороны деятельности педагогических и учительских институтов: нормативные документы (приказы, инструкции, указания), изданные Министерством просвещения; протоколы и материалы проведения коллегий министерства, совещаний, семинаров с руководством вузов; годовые отчёты, справки и сведения о работе педагогических и учительских институтов; учебные планы и программы по различным специальностям; материалы планирования по развитию сети вузов и студенческого контингента (данные о составе студентов, планы приёма в педагогические и учительские институты по специальностям, сведения о распределении молодых специалистов); сведения и справки о состоянии научно-исследовательской работы.

Отдельную значимую группу источников представляют документы 1220 фонда (опись 1) Национального архива Республики Беларусь – фонда Министерства высшего и среднего специального образования БССР. Министерство высшего и среднего специального образования БССР было создано в 1959 году. Ему стали непосредственно подчиняться все педагогические институты, функционировавшие на территории Беларуси, а также Белорусский государственный университет, который до 1959 года находился в ведении союзного Министерства высшего

образования. Особенностью документов 1220 фонда по сравнению с 42 фондом является то, что они значительно шире представлены как по своей номенклатуре, так и по содержательной стороне. В ходе исследования были использованы такие документы и материалы 1220 фонда, как постановления и распоряжения Совета Министров СССР, Совета Министров БССР по проблемам развития сферы образования и высшей школы, изданные в 1959-1961 годах; приказы, инструктивные письма союзного и республиканского Министерства высшего и среднего специального образования БССР; протоколы заседаний коллегии Министерства высшего и среднего специального образования БССР и материалы к ним; отчёты Белорусского государственного университета, Минского, Гомельского, Гродненского, Могилёвского педагогических институтов за 1959, 1960, 1961 гг. о финансово-хозяйственной деятельности, состоянии учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы; материалы (отчёты, докладные записки, справки) проверок организации и проведения учебно-воспитательного процесса в Белорусском государственном университете и педагогических институтах; переписка с ЦК КПБ, Советом Министров БССР, Министерством высшего и среднего специального образования СССР о состоянии и развитии системы образования на территории Беларуси; стенограммы совещаний ректоров вузов и материалы к ним (отчёты, протоколы, служебные и докладные записки) о перестройке высшей школы, о ходе выполнения мероприятий по укреплению связи школы с жизнью и дальнейшему развитию системы народного образования; планы приёма в вузы и планы распределения молодых специалистов, статистические отчёты о распределении студентов высших учебных заведений по курсам и специальностям и численном составе специалистов, имеющих высшее образование.

Документам 42 и 1220 фондов, как и документам 4 фонда Национального архива Республики Беларусь, присущи констатирующий характер, отсутствие должного анализа и критического обобщения полученной информации.

В качестве источников по характеристике развития высшего исторического образования в период с 1945 по 1961 гг. необходимо использовать и документы 205 фонда Национального архива Республики Беларусь – фонда Белорусского государственного университета (описи 5, 6). В них (ежегодных отчётах, справках о деятельности коллектива университета вышестоящим республиканским партийным и государственным органам управления; протоколах и стенограммах заседаний учёного Совета, ректората, парткома БГУ; статистических отчётах о численности и распределении студентов по курсам и специальностям; планах приёма в БГУ и планах распределения молодых специалистов; протоколах заседаний Совета и партбюро исторического факультета, кафедр общественных наук) содержатся разнообразные и конкретные фактические данные, материалы о подготовке специалистов-историков в Белорусском государственном университете.

Источниковую базу по изучаемой проблематике представляют также документы 746 фонда (опись 4) Национального архива Республики Беларусь – фонда Минского государственного педагогического института; 204 (описи 10,11), 1974 (опись 2), 3095 (опись 1) фондов Государственного архива Витебской области; 83 (опись 1), 144 (опись 34), 1429 (описи 5, 11) фондов Государственного архива Гомельской области; 991 (опись 1) фонда Государственного архива Гродненской области; 927 (опись 1) фонда Государственного архива Могилёвской области. Следует отметить, что качество эмпирического материала, который содержится в фондах региональных педагогических институтов и характеризует деятельность коллективов вузов, низкое. Во многих случаях документы примитивны по своему содержанию и стилю изложению, факты дублируют друг друга, фиксируют только успехи, а в качестве недостатков упоминаются лишь отдельные случаи нарушения студентами и преподавателями морально-этических норм поведения.

Существенную помощь в изучении проблемы, связанной с развитием исторического образования и подготовкой специалистов-историков в системе высшей школы Беларуси в 1940–1950-е гг., оказывает изучение материалов периодических изданий: журналов «Вестник высшей школы», «Советская педагогика», «Народная асвета», «Народное образование», «Камуніст Беларусі», а также газет «Савецкая Беларусь», «Звязда», «Настаўніцкая газета».

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Т. 8. 1946–1955. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1985. – 542 с.
2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–1986). – Т. 9. 1956–1960. – 9-е изд., доп. и испр. – М. : Политиздат, 1986. – 574 с.
3. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. (1945–1955). Т.4. – Минск : Беларусь, 1986. – 615 с.
4. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т.5. – Минск : Беларусь, 1986. – 598 с.

Павлова Е.Я.
ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТКИ К ВЕСЕННИМ ПРАЗДНИКАМ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Прародительницей современной открытки была визитная карточка с различными пожеланиями, которую в Китае отправляли тем, кого не сумели увидеть в праздник. Европейцы приписывают создание первого письменного поздравления герцогу Орлеанскому. Одно из первых официальных упоминаний о поздравительных открытках относится к 1777 году, когда «Парижский почтовый альманах» поместил сообщение о пересылаемых по почте приветствиях и поздравлениях на самые различные случаи.

В Россию поздравительные открытки поначалу привозились из-за границы, и в страну попадали благодаря купцам. В 1894 г. была отменена государственная монополия на издание открытых писем. В 1896 г. было основано издательство Евгеньевской общины сестер милосердия, одним из первых ее изданий был конверт с пасхальным рисунком. В начале XX в. спрос на открытки к праздникам так вырос, что даже столичные предприятия не справлялись с заказами, и их по эскизам русских художников стали издавать за границей в Германии, Стокгольме, Париже [4].

Поздравительные открытки как оригинальный художественный жанр имели свое лицо. Их сюжеты в основном складывались из символики праздников, являлись иллюстрацией праздника в городе, деревне или быту. Сюжеты были рассчитаны на разные вкусы и социальные слои населения. Сложился своеобразный канон подобной открытки: она должна быть высокохудожественной и в то же время простой, яркой, веселой, как сам праздник. Дореволюционные открытки ничем не уступали зарубежным: для их оформления использовали птичьи перья, засушенные цветы, бисер, бархат, шелк. Печатали открытки издательства, фотоателье, издатели периодики. С ними сотрудничали известные художники: Л. Бакст, И. Билибин, М. Добужинский, А. Остроумова-Лебедева, А. Бенуа, Н. Рерих, И. Репин. Особой популярностью в начале XX века пользовались поздравительные открытки детской серии, созданные художницей Елизаветой Бём [4; 7].

На весенний период приходится несколько любимых и значимых праздников: религиозных, государственных, профессиональных. Изучение изображений на лицевой стороне и пожеланий адресатам позволяет составить впечатление не только о традициях празднования особенных дней, истории дизайна малых форм, но и о системе ценностей в обществе.

Начнем рассмотрение весенних поздравительных открыток с отправлений к одному из самых любимых во все времена праздников – Пасхе. В начале XIX в. для пасхальных поздравлений выпускались большие поздравительные листы, украшенные золотым тиснением, аппликацией и вышивкой. Одна сторона предназначалась для адреса, на другой писали пасхальные поздравления. Первая поздравительная открытка была выпущена по заказу Общины Святой Евгении Красного Креста в 1897г. Ее автором был художник Николай Каразин. Сюжеты отражали символику христианского праздника. На открытках изображались пасхальные яйца, цветы, дети, птицы и звери. Появление веселых сенок про курочек, петушков и многочисленных цыплят связано с пасхальным яйцом. Из Европы на отечественные пасхальные открытки перекочевали сюжеты про зайцев и кроликов как символов плодородия. Анализ представленных в музейных и архивных фондах, на электронных ресурсах и в домашних коллекциях открыток показал, что основные пожелания отправителей пасхальных открыток связаны со здоровьем и благополучием.

Открытки, чутко реагирующие и отражающие в своих сюжетах происходившие социальные и исторические события, являлись своего рода исторической летописью. По открыткам можно восстановить праздничный облик городов и получить представления о пасхальных традициях разных слоев общества. Так, по открыткам видно, что в пасхальную ночь, кроме обычной иллюминации, зажигались факелы на Исаакиевском соборе в Петербурге. На площадях перед храмами стояли столы для освящения, уставленные яйцами, куличами и пасхами. На открытках представлены забавы допетровской Руси, пасхальная трапеза с куличами и пасхой, христосующиеся или катающие крашеные яйца дети, пасхальные гуляния на площадях, возвращение от заутрени в деревне или в российской столице [1; 3; 5; 7].

Пасха – это единственный праздник, когда в гости можно прийти без приглашения и поцеловаться. Молодые люди посещали дома, где жили девицы на выданье. Все эти моменты отразились и на пасхальных открытках. Особенно ярко этот сюжет представлен на импортных открытках. В сюжетах открыток можно увидеть изображения молодых девушек, ожидающих ка-

валеров, и милующихся на фоне пасхальной атрибутики пары. На отечественных открытках такая тема тоже присутствовала, но в более целомудренном виде.

Пасхальные открытки позволяют легко проследить основные модные тенденции начала XX века в одежде и оформлении праздничного стола. На многих открытках пасхальные яйца окрашены не только в традиционный красный, но и в синий цвет. На одной из сохранившихся в фондах Национального исторического музея Беларуси открыток начала XX века, можно увидеть, что кроме традиционного красного вина за праздничным столом употребляли и шампанское, абсолютно светский напиток.

На пасхальных открытках начала XX века в сюжетах появляются технические новшества. Так, в каталоге-альбоме поздравительных открыток под редакцией М.Я. Чапкиной представлены открытки с изображением аэростатов, использовавшихся для праздничных прогулок. На одной из открыток коллекции НИМБ изображен воздушный шар, стилизованный под яйцо Фаберже. Сохранились пасхальные открытки с самолетами начала XX века [5; 7].

С началом Первой мировой войны в открытках, стала преобладать военная тематика. В то же время в открытых письмах последних лет войны можно увидеть вольности, не отвечающие религиозному содержанию праздника. В апреле 1917 г. на Пасху выпущена уже была открытка со следующим сюжетом: на фоне восходящего солнца и надписью «Христос Воскресе» по обе стороны пасхального яйца стоят солдат и рабочий, а надпись на пасхальном яйце прославляла уже не Воскресение Христа: «Да здравствует республика!». На другой открытке рабочий разбивает молотом пасхальное яйцо [7].

В советский период Пасха официально не отмечалась. Во второй половине XX века часть пасхальных символов появились на других праздничных открытках. В 1970-е годы один из символов праздника Пасхи – верба – перешел на открытки, посвященные уже празднику советской эпохи – 8 Марта, цыплята перешли на открытки «С днем рождения» и зашагали в школу 1 сентября. На рубеже 1980–1990-х гг. в СССР возобновили выпуск открыток, посвященных православным праздникам. Так, издательством «Планета» была переиздана пасхальная открытка «Христос Воскресе», выпущенная в Москве в 1926 г. Современные белорусские пасхальные открытки сохранили лучшие традиции своих предшественниц и не содержат гламура.

В течение нескольких лет после прихода к власти большевики отказались от выпуска поздравительных открыток как буржуазного, так и религиозного пережитка. Массово советские открытки стали вновь издаваться с начала 1950-х годов. Золотые десятилетия советской поздравительной открытки – период с 1950-х до конца 1980-х годов. Открытки выходили в издательствах «ИЗОГИЗ», «Советский художник», «Издательство Министерства связи СССР», печатались миллионными тиражами и поступали на прилавки примерно за месяц до соответствующего праздника. К началу 1970-х гг. открытки к майским и октябрьским праздникам получают единое стилевое оформление. Это вызвано двумя причинами: идеологическим посылом периода развитого социализма (на открытках присутствуют изображения Кремля и красные знамена) и мировыми тенденциями в оформлении поздравительных открыток к официальным праздникам – появление символической культуры.

Среди советских праздников особое место занимает Международный женский день 8 Марта. В Советском Союзе одновременно в политических задачах он выполнял и роль Дня матери. Особое звучание при праздновании 8 Марта тема материнства приобретает после Второй мировой войны. Образ мужественного защитника Отчизны противопоставляется образу заботливой, любящей и верной женщины-матери, а в визуальной пропаганде того времени изображения женщин становятся более женственными. Даже открытки на производственную тематику учитывают эти тенденции. Так, на виртуальной выставке открыток НББ можно увидеть открытку, на которой краповик спускает женщинам-коллегам к празднику огромную корзину с цветами [1].

Представленные в изданных каталогах-альбомах, фондах музеев, библиотек и архивов, в домашних коллекциях и на электронных ресурсах открытки начала 1960-х пестрят изображениями улыбающихся женщин – представительниц разных рас и национальностей, заявляющих о своей солидарности в борьбе за мир. С конца 1960-х можно с уверенностью говорить о преобразовании 8 Марта в праздник, близкий по своему смыслу ко Дню матери. Если до сих пор праздничные открытки только спорадически приветствовали матерей в день 8 Марта, то 1970-е выстраивают стойкую ассоциацию между этим праздником и материнством. Сюжеты на открытках повторяют такие же к зарубежному Дню матери: дети готовят торты, пишут поздравления, мастерят подарки.

Праздник все больше превращается в день поздравления всех женщин. Открытки рассказывают, как в этот день взрослые мужчины и мальчики принимают на себя груз домашней работы. Появляются открытки про поздравление бабушек внуками и дедушками [2; 3; 6].

Букетики подснежников, мимозы, тюльпанов, звери и сказочные герои становятся неотъемлемыми атрибутами праздника на открытках. Отправители желали своим близким женщинам здоровья, любви и успехов в трудовой и общественной жизни. На поздравительных открытках, характерных для предыдущих периодов, изображения суровых женщин-тружениц и заботливых матерей-героинь сменяет образ девушки или девочки, радушно принимающей праздничные поздравления от мальчика. Художник Е. Емельянов на волне советских успехов в покорении космоса совместил на праздничной открытке традиционную мартовскую мимозу с космической темой. Подпись «8 Марта» изображена в виде следа от ракеты, а внизу юный космонавт держит на ладошке в качестве подарка для девочки сверкающую звездочку [3]. Автор таким способом отобразил реализацию мечты всех представительниц слабого пола. Но времена меняются, и в 2015 г. на выставке – фестивале открыток «PostScriptum» в Музее истории белорусского кино – была представлена открытка белорусской банковской структуры с совершенно иной идеей: фотоколлаж про слиток золота и красную розу сопровождался надписью «С праздником весны!».

Необходимо отметить присутствие национального славянского колорита на открытках 1970–1980-х годов: девушки в русских сарафанах и платочках, белорусских или украинских национальных костюмах водят хороводы вокруг березок; основной фон оформлен в виде Жостовской росписи, белорусского или украинского орнамента, вытинанки на славянские мотивы и т.д. В фондах НББ представлено достаточное количество открыток на белорусском языке. В этот же период получили распространение праздничные открытки с изображением трех девушек – славянки, японки или негритянки и индуски – на фоне весенней зелени [3].

После полета Ю. Гагарина в космос 12 апреля 1961 г. в СССР появился новый весенний профессиональный праздник – День космонавтики. К этому дню наладили и выпуск поздравительных открыток. Часто главным героем таких открыток являлся первый космонавт. Безусловно, в условиях холодной войны и открытки были наделены идеологическим подтекстом о превосходстве СССР в покорении космоса. Чаще всего сюжет такой открытки состоял из звездного неба, силуэта планеты Земля, других планет, ракет и спутников с советской символикой. При изучении электронных ресурсов автором найдены интересные открытки за 1965 г. Художник И.М. Семенов на фоне традиционного звездного неба и планет изобразил богов, именем которых они названы, и советский космический корабль. Художники Борис Лебедев, Леонард Сергеев и Марк Гринберг разместили на открытке открытый в 1964 г. на Проспекте мира в Москве монумент «Покорителям космоса» и памятник К.Э. Циолковскому [3].

Специфическое место занимает и Первомай – День международной солидарности трудящихся. С одной стороны, это абсолютно идеологический праздник. На открытках это выражается в присутствии советской символики: мать вышивает красное знамя с серпом и молотом, знамена с советской символикой несут во время демонстрации счастливые граждане СССР, красные флажки и шарики в руках детей, силуэт Кремля, флаги союзных республик, опоясанный транспарантом с праздничным лозунгом земной шар и т.д. С другой стороны, 1 мая всегда ощущалось как праздник весны. В древности у язычников были праздники возрождения природы, умирающих и возрождающихся богов. Потом этим праздником стала христианская Пасха. В дореволюционной России большевистские маевки маскировались именно под празднование Пасхи.

Два компонента праздника – политический и природный – мирно сосуществовали на протяжении всей советской власти. В 1950–1960-е годы идеологи и художники отлично совместили их в сюжетах открыток. На всех без исключения первомайских открытках присутствуют изображения весенних цветов. В первые послевоенные десятилетия праздник ассоциируется с цветущими садами. Часто основными героями открыток становились счастливые дети: подписывают открытки, гуляют с шариками в парке, вместе с родителями участвуют в демонстрации или наблюдают за ней с балкона. Взрослые радостно участвуют в демонстрации или празднованиях с песнями и плясками в парке. Поздравляя друг друга, люди желали счастья и успехов в трудовой и общественной жизни. Как и в случае с пасхальными открытками, по изображениям можно получить представления об особенностях гардероба советских людей.

На открытках 1950-х гг. особенно подчеркивалась ценность мирной жизни. Так, на открытке Н. Терещенко женщина-мать вышивает на красном полотнище слоган «Да здравствует МИР!».

На открытке художника М. Гордона на одном из транспарантов во время демонстрации написано «Мир – это счастье!». В целом открытки 1950–1960-х годов демонстрируют стремление наших граждан к мирному и созидательному труду в городе и на селе. Позже, когда устоялась символическая субкультура в оформлении праздничных открыток, слово «мир» писалось на нескольких языках, а весну символизировали ветки из цветущего сада, тюльпаны, нарциссы, сирень [1; 3; 6].

Самым важным государственным праздником весны был и остается День Победы в Великой Отечественной войне. Все открытки, советские и современные, можно поделить на 2 группы: сюжетные и символичные. На сюжетных открытках изображены портреты солдат-победителей или полных кавалеров воинских орденов, парад на Красной площади в 1941 г., фронтовые бои или сцены штурма Рейхстага. Открытки второй группы представляют собой коллажи из нескольких символов Победы в войне против нацистской Германии: лавровая ветвь и весенние цветы, гвоздики в память о погибших, Орден Победы или Звезда Героя Советского Союза, красное знамя, наиболее известные монументы (скульптура «Родина-мать» или монумент «Воин-освободитель» в Трептов-парке г. Берлина) и салют в честь победителей. Постоянным атрибутом всех праздничных открыток к 9 мая является Георгиевская ленточка. В 1970–1980-е годы на открытках достаточно часто присутствует изображение Кремля. Надписи «9 мая» или «С Днем Победы!» выполнены красным или золотым цветом. Открытки к этому празднику чаще всего отправляли представителям поколения, пережившего войну. Желали здоровья и долголетия. Но, пожалуй, самым распространенным пожеланием в этот праздничный день ветеранам и представителям военного и послевоенного поколений было и остается пожелание «мирного неба над головой» [3; 6].

Таким образом, можно констатировать, что поздравительные открытки к весенним праздникам являются ценным свидетельством массовой культуры и информативным историческим источником.

1. Интернет-портал Национальной библиотеки Беларуси. – Информационные ресурсы. Виртуальные проекты, выставки и коллекции. [Электронный ресурс] // TUT.BY. – Новости. – Режим доступа: // <http://nlb.by/portal/page/portal/index/content?lang=ru&classId=39928055146D4E1381FFB2B26767D24F>. – Дата доступа: 01.03.2017.
2. Как в 8 Марта поздравляли женщин в СССР и БССР? Советские открытки из коллекции Национальной библиотеки. [Электронный ресурс] // TUT.BY. – Новости. – Режим доступа: <http://news.tut.by/culture/389742.html>. – Дата доступа: 01.03.2017.
3. Каталог поздравительных открыток [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80aeeгахkcrаiуfjetj3аfс7рfр.хп./html>. – Дата доступа: 01.03.2017.
4. Кустов, В. Юбилей открытки. Из истории пасхальных открыток [Электронный ресурс] / В.Кустов. – Режим доступа: http://ricolor.org/history/rt/pn/2_5_12. – Дата доступа: 01.03.2017.
5. Национальный исторический музей Республики Беларусь. – Фонды. – Филокартия. – КП 45548_19; КП43567_13; КП43567_14; КП 43534_2; КП 43473_30; КП 43473; КП 43473_22; КП 43473_14; КП 43473_8; КП 43363_2; КП 43363_5; КП 042982_43; НД3107, НД 31310; КП 43226_3.
6. Чапкина, М.Я. Привет из Столицы! Советские поздравительные открытки 1917–1991 годов. Альбом / М.Я. Чапкина. – М. : Контакт-культура, 2013. – 256 с.
7. Чапкина, М.Я. Москвичи поздравляют. Альбом / М.Я. Чапкина. – М. : Контакт-культура, 2009. – 256 с.

Красильников И.Б.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Одной из актуальных задач стоящих перед современной исторической наукой является поиск новых источников, позволяющих осветить либо новые аспекты уже изученных тем, либо даже получить совершенно новую информацию. При изучении повседневной жизни советского общества особый интерес вызывают источники личного характера: письма, мемуары. Ведь часто, в отличие от официальных документов, они не носят идеологической окраски, присущей официальным документам партийных и советских органов. Значительный объем неидеологизированной информации дают статистические отчеты. В тоже время надо признать, что в отдельных случаях цифры в них могли погоняться в соответствии с партийными установками. С конца 1960-х годов появляется новая форма изучения состояния общества – социологические исследования. В фондах государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) сохранился интересный документ. Это отчет научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ Смоленскому обкому КПСС о предварительных итогах социологического исследования «Состояние атеистического воспитания работаю-

шей молодёжи» в Смоленской комсомольской организации, проведённого в сентябре 1983 года. Анализ этого отчёта и стал темой для данной статьи.

Дело в том, что с конца 1970-х годов начинают ощущать деформации советской идеологии, особенно заметными данные явления были в молодёжной среде. Необычайно распространёнными стали молодёжная музыка и мода, увлечение различными молодёжными субкультурами и т.д. Одним из проявлений духовного кризиса коммунистической идеологии стало распространение религиозных взглядов. Советская идеология на всех этапах существования СССР осуществляла атеистическую пропаганду. Тем не менее, религиозные взгляды продолжали существовать и даже развиваться, в том числе среди городской и сельской молодёжи. Часть молодых людей даже рассматривала увлечение религией как альтернативу официальной пропаганде, кто-то просто следовал моде. Нельзя сказать, что власть игнорировала данные явления. Причины подобных «социалистических деформаций» пытались изучать, чтобы окончательно искоренить. Используемое нами социологическое исследование как раз и было призвано искать причины

Прежде всего, авторы отчёта констатируют, что в СССР научно-атеистическое мировоззрение является господствующим, но «в тоже время среди некоторой части молодых людей сохраняются религиозные пережитки, некритическое отношение к религиозной обрядности, «кокетничанье» с религией, выражающееся в следовании своего рода моде на крестики, иконы и другую религиозную атрибутику, в некритическом восприятии религиозной старины» [1, л. 3]. Казалось бы невинное увлечение – ношение крестика, однако в условиях идеологической борьбы оно не могло остаться незамеченным. Больше того, в нем увидели покушение на основы государства. Так авторы отчёта, в частности отмечали, что «такая идейно-политическая незрелость по отношению к религии объясняется влиянием деятельности церковных организаций СССР, верующих на отдельных молодых людей, а также идеологическим воздействием зарубежных религиозных центров через радиостанции западных стран, распространяющих чуждые теории и взгляды, духовные и моральные ценности, ложь и клевету о положении верующих и религиозных организаций в СССР» [1, л. 3].

В связи с таким противоречием, что существующей коммунистической идеологии противостоит религия, авторы исследования ставили перед собой задачу «на основе полученного эмпирического материала выяснить основные каналы воспроизводства религиозных взглядов среди молодёжи и условий препятствующих систематическому расширенному воспроизводству атеистического мировоззрения в сознании молодых людей» [1, л. 4].

Опрос проводился путём анкетирования. Всего в нем участвовало 469 молодых людей, как рабочие, так и сельские труженики, сотрудники НИИ, медицинские и торговые работники. 69% опрошенных составляли женщины [1, л. 5]. Авторы исследования, проанализировав состав участников, утверждали, что «выборочная совокупность в целом отражает структуру молодёжи Смоленской области» [1, л. 6]. Полученные ответы измерялись по трёхшкальной системе (правильный ответ, частично правильный, неправильный).

Первый вопрос, который задавали участникам опроса был наверное самым главным – знание различными группами молодёжи сущности научного атеизма, и ответ на него вызвал у анкетировавших изумление. С одной стороны только 2% опрошенных положительно оценили роль религии в моральном совершенствовании человека. С другой стороны, почти 1/5 часть рабочей и сельской молодёжи «неправильно понимает взаимоотношения науки и религии, стоят на нейтралистских позициях» [1, л. 9]. В зависимости от ответов на вопросы, выясняющие понимание юношами и девушками проблем взаимоотношений науки и религии, морали коммунистической и религиозной, исследователи выделили три группы. По их мнению, только первая группа правильно понимает эти взаимоотношения. Вторая группа «нейтральные» (более 50%) и третья «заблуждающиеся» (4 %). Как вывод – для значительной части молодых людей атеистические взгляды сформировались на уровне мнения, а не глубокого личного убеждения [1, л. 11].

Примерно такая же раскладка была и при ответе на вопрос «Какую позицию по отношению к религиозным взглядам Вы считаете правильной?». 5,5% ответили что переубеждать верующего не следует. 22,8% выбрали компромиссный вариант. Как мы видим, в данном случае большинство 66,7% выбрали правильный ответ, но надо учитывать, что значительная часть советских людей в ходе таких опросов отвечали не очень искренне, опасаясь негативных последствий. Особенно заметным это стало когда у опрошенных уточнили: «Если среди ваших родных, близких, знакомых окажутся верующие, то будете ли Вы их переубеждать?», «Приходилось ли Вам в своей жизни переубеждать верующего человека?», «Принимаете ли Вы в на-

стоящее время личное участие в атеистической работе?». Ответы показали, что даже у тех, кто пытался переубеждать верующих, эти попытки оказались безуспешными. А подавляющее большинство молодёжи не принимает участия ни в каких формах атеистического воспитания. [1, л. 13] Каждый пятый вообще отказывался от участия в любых формах атеистической работы. Более трети желали участвовать, но не были уверены в своих силах. И в этом случае исследователи делали вывод о «примиренческом и индифферентном отношении со стороны отдельных групп молодёжи к религиозным взглядам» [1, л. 14].

Особое внимание исследователи обратили на каналы воспроизводства религиозности среди молодёжи. Наиболее распространённой формой такого воспроизводства оказалось совершение обряда крещения: около трети опрошенных в той или иной мере принимали в нём участие. Среди объяснений родителей-комсомольцев крестивших своих детей самыми распространёнными ответами оказались старая народная традиция и советы родителей. Также из ответов выяснилось, что около трети опрошенных имели члена семьи (обычно бабушку или дедушку) верующего. «данные свидетельствуют о том, что общественное религиозное мнение значительное по своим масштабам как внутри семьи, так и вне её, которое несомненно оказывает определённое воздействие на воспроизводство религиозности среди молодых людей (положительное отношение к обряду крещения) и формирование индифферентного отношения к другой части молодёжи к вопросам религии и атеизма» [1, л. 15].

Также определённая часть молодых людей читала религиозную литературу, причём не только Библию, но и религиозные журналы или рукописные издания. Особый интерес к литературе проявили молодые люди занятые умственным трудом, имеющие среднее специальное или даже высшее образование. Тем самым, в этой среде коммунистическая идеология имела наименьшее влияние. Около половины молодых людей посещало церковь. Среди мотивов такого посещения были названы любопытство и интерес к памятникам культуры [1, л. 16].

В связи с приближающимся юбилеем, 1000-летием крещения Руси, исследователей задавали вопрос об особой роли церкви в становлении и развитии русской культуры. Оказалось что главными источниками таких взглядов среди смоленской молодёжи выступали произведения русских и советских писателей, затем западная литература, и только в самом конце респонденты упоминали о западных радиостанциях. Таким образом, получался интересный вывод – главным врагом коммунистической идеологии оказывались библиотеки. Хотя треть молодых людей сказала, что она слушала передачи западных радиостанций на религиозные темы [1, л. 19]. Главными мотивами здесь были названы интерес к религиозной музыке и пению. Как мы видим, и в данном случае молодёжная мода на западную музыку играла большую роль, чем чисто религиозные мотивы.

Вполне логичными для того времени были вопросы о состоянии атеистического воспитания в трудовых коллективах. Более половины опрошенных (55%) указали, что в их организациях, учреждениях, на предприятиях лекции на данную тему если и проводятся, то крайне редко. Остальные вообще дали отрицательный ответ на данный вопрос. «Редко практикуются такие формы работы как вечера вопросов и ответов, устные журналы, круглые столы, читательские конференции. Если и проводятся такие мероприятия, то молодые люди из числа обследованных трудовых коллективов являются там редкими гостями» [1, л. 20]. Только каждый пятый опрошенный читал журнал «Наука и религия», который специально издавался для атеистической пропаганды. Большинство опрошенных указало, что атеизм они изучали в техникумах и вузах, а «школы и ПТУ нередко стоят на позиции безрелигиозного, а не атеистического воспитания» [1, л. 21]. Также выяснилось, что основными источниками атеистических знаний является учебный процесс, либо личная активность молодых людей (например, чтение журналов и газет, просмотр телепередач). «Все источники информации, связанные с личными контактами: система политического просвещения, беседы, не играют существенной роли» [1, л. 22]. «Важно отметить, что степень личной активности пропагандистов, комсомольских активистов значительно ниже личной активности верующих людей, которые значительно чаще вступают в личные контакты со всеми группами молодёжи, стремясь навязать её религиозные взгляды» [1, л. 23]. Эта цитата показывает, что атеистическая пропаганда носила формальный характер.

Косвенным подтверждением этого является и ответы на вопрос «Есть ли смысл бороться с религией, может быть она отомрёт сама?». Хотя всего 7,7% опрошенных согласилось с такой постановкой вопроса, ещё 49% затруднились на него ответить. «Непонимание путей отмирания религии оборачивается для некоторой части рабочей молодёжи недооценкой атеистической

работы» [1, л. 24]. На вопрос «Нужна ли атеистическая работа?» большинство дало положительный ответ, но при этом отметили, что её надо проводить только с верующими или колеблющимися. Как результат, исследователи констатировали, что «сохранение и воспроизводство религиозных взглядов среди молодых людей объясняется либеральным, примиренческим отношением со стороны комитетов ВЛКСМ к членам ВЛКСМ, принимающим участие в религиозных обрядах» [1, л. 25]. Хотя исследование выявило достаточно широкий, по крайней мере формальный, охват молодёжи различными формами идейно-воспитательной работы, в целом был сделан вывод, что влияние различных форм этой работы не достаточно эффективно, в деле формирования из каждого молодого человека убеждённого атеиста» [1, л. 27].

Таким образом, в условиях духовного кризиса и нарастания противоречий между декларируемым социальным равенством, строительство «светлого будущего» и реалиями жизни – всеобщим дефицитом, проблемам с жильём, транспортом, продовольственным и промтоварным обеспечением возрастает интерес работающей молодёжи к религиозным взглядам. Имеющиеся формы пропагандистской работы носили в основном формальный, безличностный характер. На интерес к религии власть ответила усилением репрессий. Так, например, вечером накануне Пасхи, в кинотеатрах демонстрировались вечерние сеансы захватывающих западных фильмов. В случае же участия молодых людей в религиозном богослужении, возможны были комсомольские облавы. Молодых людей, пришедших к храмам, грузили в автотранспорт и вывозили за 15–20 километров за город. Однако такие меры могли иметь только временный характер, поскольку предложить иную идеологическую альтернативу власть не могла.

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). – Ф. 6. Оп. 59. Д. 123.

Синкевич Т.И., Слесарева Т.П.
ЛЕПЕЛЬЩИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОЙКОНИМИИ И ЛИМНОНИМИИ

Кожны народ не без роду і племя мае
Летапіс свой і гісторыі след на старонках.
М. Гусоўскі

Жизнь человека тесно связана с различными местами. Те, которые имеют для него хоть какую-нибудь значимость, обозначаются с помощью особых слов – географических названий.

Наука, которая изучает собственные имена, – ономастика – с одной стороны примыкает к лингвистике, с другой – к истории. Историк ищет в ономастическом материале сведения об определенных аспектах прошлого родного края. В этом отношении его больше всего может заинтересовать топонимика.

Топонимика – наука о происхождении географических названий (от греческих слов «topos» – место и «онута» – название, наименование, имя), но топонимика – понятие общее. В совокупности ее значений существует своеобразная градация. В топонимику входят такие понятия, как гидронимы (названия рек, озер, колодцев и т.д.), ойконимы (названия населенных пунктов) и другие.

Географическое название социально. Оно возникает из практической потребности людей называть тот или иной объект.

История топонимики дает разнообразные подходы к характеристике топонимов и ойконимов в частности. Традиционная классификация топонимов с точки зрения принципов номинации делит их на три группы: названия, данные по месту расположения объекта (географический принцип), по отличительным признакам объекта, а также по отношению объекта к человеку.

Еще во второй половине 40-х годов XX века профессор В.А. Жучкевич начал собирать материал по белорусской топонимии. В 1974 году в Минске была издана его книга «Краткий топонимический словарь Белоруссии» [1], в котором содержится богатый фактический материал о происхождении названий деревень Лепельского района Витебской области.

В настоящее время на территории Лепельского района находятся 198 деревень. Лексико-семантический анализ свидетельствует, что источники образования ойконимов Лепельщины самые разнообразные.

Наиболее распространенным принципом номинации (33, или 16,6%) можно считать название, образованное от антропонимов – личных имен, фамилий или прозвищ людей: 1) от имени первого поселенца: *Адамовка, Антоновка*; 2) от имени женщины, имевшей в поселении некий особый статус: *Иринполье*; 3) от имени владельца (эти названия некогда служили основным средством выражения принадлежности, когда распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования мест): *Овласово, Демешково, Михалово, Морозова Слобода, Матюшина Стена, Сергеевщина, Тодулино* (тюркск. фамилия Тодулин), *Халимоново, Юрковицина, Макаровщина*; 4) ойконимы-посвящения в честь выдающихся лиц: *Заслоново, Новослоново*; 5) от преобладающих в деревне фамилий: *Аношки, Мишульки, Мягели, Пахомлевичи, Плиговки, Соломахи, Шубники, Григоровичи, Терешки*; 6) названия, связанные с особенностями внешнего вида человека: *Подлобные, Велевщина* (основа «влялікі»).

Следующую группу составляют ойконимы, отразившие в себе особенности населенного пункта, по которым происходила номинация (17%). Этот принцип носит во многом субъективный характер, поскольку зависит от непосредственного коммуникативного акта номинатора. За основание мог браться наиболее выраженный признак именуемого объекта: 1) форма поселения: *Дворище, Двор Бабча, Двор Людчицы, Двор Поречье, Двор Суша, Двор Черосово, Долгое, Кривки, Кривцы* («кривая деревня»); 2) время возникновения населенного пункта: *Новоселки, Новины, Староселье, Старый Лепель*; 3) размеры: *Малое Жежлино, Малый Полсвиж, Малые Торонковичи, Малые Пышногоры*; 4) условия проживания: *Слобода, Слободка* (селения в XI–XVIII вв., которые освобождались временно от выплаты налогов); 5) индивидуальная характеристика населенного пункта или его жителей: *Беленица* (от «белый»), *Веселово, Дримовщина* (от «дремучий»), *Зеленка, Погорелое*.

Современный рельеф Лепельщины формировался продолжительное время. Много раз суша сменялась морем, а море – сушей. Поэтому географические особенности местности отражаются в названиях 13% ойконимов и мотивируют их. Для характеристики особенности почвенного покрова и грунта местности послужили следующие апеллятивы: камень, глина, песок: *Глинница, Жерствяники* (от «жерства» – большой песок), *Пески, Камень, Каменка, Каминщина, Пышно* (от «пахун» – рыхлый грунт).

Топографические особенности местности и окружающего ландшафта иллюстрируют в ойконимах названия возвышенных мест, среди которых наиболее продуктивными оказались лексемы гора, остров: *Острова, Волова Гора, Пышногоры, Горовые, Горони, Горки, Кальники* (от «кальник» – каменная горка), *Зеленый Остров*. Есть ойконимы, которые в своих образовательных основах передают информацию о низких, ровных и заболоченных местах: *Болотники, Большое Поле, Торонковичи* (от «торный» – гладкий), *Поляны, Суша* («сухое поле»).

С давних времен поселениям давали названия, которые характеризовали особенности топографического положения данного населенного пункта, его расположенность на местности относительно каких-то смежных объектов. Такие ойконимы являются «названиями-ориентирами» и помогают воссоздать прежние естественные ландшафты местности. Почти 13% ойконимов указывают на местоположение населенного пункта по отношению к какому-либо объекту, название которого является корневой частью: *Заозерье, Заболотье, Заборовье, Загорцы, Залесье, Заполье, Заровье, Поречье* («возле реки»), *Студенка* («возле колодца»/студни), *Селище* («на месте, где раньше уже было село»), *Далики* («поселение, размещенное далеко от мест, где они возникли»).

Своеобразную историческую, этнографическую и хозяйственную характеристику краю дают ойконимы, отражающие хозяйственную деятельность, черты быта (*Дражно* – небольшое предприятие, где выдалбливали челны, ступы, корыта, *Жерцы* – первоначальное спаливание леса для земледелия, *Лутчино, Лутище* – «лут, лута» – лыко молодой липы, *Стаи, Стайск* – «стая, стайня» – временный навес для животных, *Черейщина* – «чартала» – название примитивного приспособления для обработки земли, *Ладосно* – от «ладья», *Бочкари, Ковалевичи* – от «коваль» – кузнец, *Поташня* – мастерская по выработке паташу, который применялся для отбеливания в стеклянной промышленности, *Рудня* – мастерская, в которой выплавляли железо из болотной руды, *Ситники* – люди, которые занимались изготовлением сита, *Пунище* – место, где была пуня – хлев, сарай), названия населенных пунктов, данные по этническим наименованиям жителей (*Ляховичи* – от «ляхи» – поляки), названия населенных пунктов, топоосновы которых отражают типы и границы селений, виды построек (*Беседы* – строение на старых дорогах, *Бу-*

дище, *Будевцы* – от «буда» – небольшое строение, временное жильё, *Крайцы* – место на краю земельного массива, *Межица* – от «межа, граница»).

Лепель стоит на берегу большого красивого озера, по которому и назван. Гидроним из латышского *Lerja* (латыш. *lera* «кувшинка, водяная лилия», лит. *leris* «белокрыльник болотный») или из латышского *liera* «липа» с балтийским суффиксом *-el-* [4, с. 484]. И сейчас на мелководье можно увидеть жёлтые кувшинки. А вокруг него – еще 57 различных озер. В озеро впадает река Эсса, которая берет свое начало недалеко от Березины. Вытекает из Лепельского озера приток Западной Двины – Улла.

Лимнонимы – это особый вид имен собственных (названия озер), расшифровав значение которых можно уточнить не только лингвистические данные языка, но и прочесть историю наших предков, умело зашифрованную в этих именах.

Так, например, такие гидрообъекты, как *Глыбач*, *Глубокае возера*, *Глуба* содержат в своей основе апеллятив, который можно соотнести с адъективной основой «глубокий» – «направленный, далекий в глубину, простирающийся вглубь» или с субстантивной основой: ср. рус. *глубь*, укр. *глиб*, *глуб* – «место в реке, омут»; «глыб» – польск. *–gleboki* – «пропасть, бездна». Названия данного типа могут быть также результатом транонимизации, ибо существует связь названий озёр с названиями других водных объектов в данной местности: *река Глубочыца* – *Глубокае возера*.

Встречаются лимнонимы, в основе названий которых лежат апеллятивы, указывающие на заболоченность водных объектов. Они могут называть болотную растительность, говорить о загрязнении воды и прилегающих территорий и т.д., например, название озера *Цімянец* содержит в основе апеллятив «тимъне» со смысловым значением «топь, илистый, болотистый, топкий, болото».

Зафиксированы на территории Лепельщины и отантропонимные лимнонимы. Чаще всего такие названия образуются при помощи суффиксов *-ов-*, *-ев-*, *-ин-* от имен, фамилий, прозвищ рыбаков, владельцев земель: *Акимова озеро*, *Алешево*, *Папово озеро*, *Гиньково*, *Грунькино озеро* и др.

Вот как объясняют этимологию названия некоторых озер местные жители: «Озер у нас много. Есть большие озера. Кто, какой рыбак рыбачил, так и называли. Вот *Грунькино озеро*». Однако можно предположить, что существование подобного наименования недолговечно: меняется рыбак – меняется название. Или, например, *Гиньково* – «был такой рыбак Гинька, да и утонул в озере» (хотя название озера с притяжательным суффиксом указывает на принадлежность какому-либо лицу, а не на связь с утопленником). Название *озера Алешево* (неподалеку *Алешин стан*), возможно, образовано от разговорной формы имени *Алеша*.

Интересным, на наш взгляд, является и название *озера Бабча*. В основе названия выделяем лексему *баба*, которая в местных диалектах имеет значение – «поганский, языческий идол». Здесь было языческое капище, что подтверждается археологическими раскопками на берегу *озера Бабча*, другое значение лексемы *баба* – «старое русло реки».

Озеро Балдук и *озеро Балдучица* содержат в своем составе одинаковый корень – «балд» (болт-) – «шест для ботанья рыбы», т.е. названия озера свидетельствует, возможно, о своей связи с рыболовным промыслом, процветавшим некогда здесь, а может быть, в основу наименования была положена просто физико-географическая примета – движение воды, «болтанка».

Наши предки предпочитали селиться около водоемов. Вполне естественно и закономерно, что впоследствии названия гидронимов переходили и на названия населенных пунктов. Поэтому отгидронимические ойконимы – наиболее устойчивый и самый древний пласт в топонимии любого региона.

В основе 11% ойконимов Лепельского района лежат названия природных или искусственных водных бассейнов: *Глубочица*, *Воронь*, *Ладосно*, *Несено* (от одноименных озер). Некоторые ойконимы этой группы образованы от лексем *река*, *озеро*, *ручей*, *пруд*: *Рачицы*, *Черноручье*, *Озерцы*, *Белоозерный*, *Прудок*.

Таким образом, в топонимике отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем ойконимия и лимнонимия представляют интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник.

Названия географических и водных объектов выступают носителем объемной и многослойной культурологической информации, которая включает в себя не только страноведческие (связанные с национальной культурой всего русского народа), но и региональные (значимые

для жителей отдельного региона) сведения, помогающие лучше понять родную природу, культуру, воспитать любовь и внимательное отношение к своим корням и истокам.

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
2. Сементовский, А.М. Белорусские древности / А.М. Сементовский. – СПб. : [Б.и.], 1890. – XI, 136 с.
3. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М. : Наука, 1965. – 180 с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель, 2009. – Т. 2. – С. 483.

Менжинская Ю.В.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ АРТИОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ

Одной из центральных тем изобразительного искусства в XX веке стали трагические события Великой Отечественной войны. Произведения создавались как непосредственными участниками военных действий, воевавшими на передовой, партизанами, подпольщиками, так и художниками, которые застали войну в детском возрасте или же родились в послевоенное время. Тема войны отражена и в произведениях витебских художников, выпускников Витебского художественного техникума (Е.А. Зайцева, А.Ф. Ковалева, П.С. Дурчина, Г.П. Киселева, В.И. Кухарева и др.).

Являясь отражением окружающей действительности, произведение искусства представляет собой результат художественной интерпретации личного, субъективного опыта творца. Реальное историческое событие (объект, явление) приобретает художественную форму благодаря авторским выразительным средствам, обращению к вымыслу, использованию разнообразных техник. Несмотря на возможность разнообразного толкования художественного образа, произведение искусства может выступать в качестве источника информации о национальном мышлении, культуре и истории данного народа.

Рассматривая произведение искусства как исторический источник, необходимо оценивать его как часть реально существовавшей действительности, а также отражение в нем исторического факта или явления [1]. Для искусства характерна художественная обработка изображаемого объекта, поэтому для анализа недостаточно лишь исследования искусствоведческой информации. Важно изучение истории и условий создания произведений, биографических сведений об авторе и т.д. Следует отметить, что произведения искусства, которые созданы не очевидцами изображаемых событий, могут выступать источником по истории искусства, истории творчества конкретного автора [1].

При анализе произведения искусства, на наш взгляд, существенного внимания заслуживает его название (в лингвистике – *артионим*), в котором зачастую заключена важная информация об изображаемом объекте.

Цель данного исследования – проанализировать артионимы художников Витебщины, выявив их потенциал как источника по истории региона. Материалом послужили названия живописных и графических работ, посвященных Великой Отечественной войне, собранные методом сплошной выборки из списков коллекций живописи и графики основного фонда Витебского областного краеведческого музея, данных информационного ресурса «Художники Витебщины», интернет-ресурсов.

Анализ собранного материала свидетельствует, что в зависимости от передаваемой информации можно выделить несколько основных тематических групп наименований: **историческое событие, время и место исторического события, знаковое историческое место, участник исторического события**. Данные тематические группы не являются замкнутыми, взаимодействуют между собой.

Историческое событие в названиях картин может быть как конкретным (название битвы, боевой операции, упоминание подвига и др.): И.Ю. Боровский «Подвиг Зои Космодемьянской», «Последний бой Горовца», В.К. Дежиц «Оборона Брестской крепости в 1941 году», Г.П. Киселев «Подвиг Хомченовского В.А.», «Подвиг Зины Портновой. В тылу врага» и др., так и не относящимся к определенному времени и месту: В.Н. Белявский «Встреча воинов Советской Армии с партизанами», И.Ю. Боровский «Оборона Витебска. Защитники», «Оборона Витебска. Налет фашистов на Витебск», П.Н. Гавриленко «Прорыв немецкой обороны», М.Ф. Глушко «Прорыв», П.Б. Гривусевич «Атака», Г.П. Киселев «Бой за переправу», Е.К. Кра-

совский «Объединение белорусских партизан с войсками Красной Армии», И.М. Столяров «Бегство фашистов из города Витебска» и др.

К **историческим событиям** мы условно относим и те ситуации, которые были обычны для военного времени и отражали жизнь людей вне боевых действий, личные трагедии, ставшие символами эпохи, чаще печальными: В.И. Кухарев «Расстрел», В.Я. Хрусталева «Возвращение партизан с операции», В.А. Шилко «Вернулся с войны», А.Ф. Ковалев «Не вернулся из боя» и др.

Соотносятся с исследуемой тематикой артионимы, называющие события, связанные с постоккупационным периодом и с ликвидацией последствий боевых действий: В.К. Дежиц «Восстановление моста через Витьбу в г. Витебске в 1944 году», «Парад белорусских партизан в Минске» и др. Жертвами Великой Отечественной войны становились люди и в мирное время. Так, нашел отражение в названиях произведений подвиг учащегося Оршанского колледжа, посмертно награжденного орденом Красной Звезды: А.Ф. Ковалев «Последние шаги Миши Мороза» (во время уборки картофеля заметил на транспортере комбайна снаряд, подхватил его и побежал в сторону от людей, тем самым спас их, но сам погиб от взрыва [5]).

Историческое время представлено, как правило, указанием на год события: В.А. Андросов «В 1941 г.», «В 1943 г.», В.И. Витко «Год 41-й», Г.П. Киселев «Витебск 1944 года», А.И. Толкач «Год 1941» и др. Сюда же относятся и юбилейные даты: В.П. Дурчин «45 лет Победы», Г.П. Киселев «40 лет освобождения БССР от немецко-фашистских захватчиков» (памятная эмблема). Конкретная дата и место в названии картины используется реже: А.Ф. Ковалев «Февраль сорок третьего в д. Оското Городокского района», В.К. Зейлерт «3-я Нижне-Набережная, над которой 9-го июля 1941 г. пронесся разрушительный ураган смерти...».

К **знаковым историческим местам** относятся места битв, захоронений, мемориалы, памятники и т.д. Один из символов мужества и отваги – Брестская крепость. Именно она стала объектом изображения для ряда художников: П.С. Дурчин «Брестская крепость», «Мост у Холмских ворот (Брестская крепость)», Л.С. Ран «Брестская крепость» (серия офортов), Г.Ф. Шуттов «Брестская крепость» (серия). Карательная операция, развернувшаяся в деревне Хатынь, в результате которой были сожжены заживо и расстреляны 149 жителей, и мемориальный комплекс на месте этой деревни – символ массового уничтожения мирного населения: В.И. Кухарев «Хатынь. Мать».

Мемориальную функцию выполняют памятники и места захоронений: В.Н. Зейлерт «Памятники героям освободительных войн 1812 и 1941-1945 гг. на Успенской горе над рекой Западной Двиной», А.Ф. Ковалев «Памятник 61-му стрелковому полку под Витебском», А.С. Корженевский «У могилы героя (Минский сквер)», П.Б. Гривусевич «Курган боевой славы на Полотчине». Перу А.А. Ткаченка принадлежат зарисовки «Гетто в Витебске» (на месте Витебского гетто был установлен памятный камень) и «Подвал СД в Витебске» (сегодня здесь располагается экспозиция «Памяти патриотов Витебщины 1941–1945 гг.»).

В названиях картин увековечены не только события, но и **исторические личности**: партизаны, подпольщики, военачальники и др. Особое место в подобных названиях занимают имена Героев Советского Союза.

Неоценима роль **М.Ф. Шмырева** в организации патизанского движения на территории Беларуси, что нашло отражение в творчестве художников Витебщины: В.И. Кухарев «Партизан М.Ф. Шмырев», «Шмырев Минай Филиппович», «Батька Минай», П.М. Явич «Портрет М.Ф. Шмырева», Н.И. Ткачев «Заложники. Памяти семьи М. Шмырева. К.С. Заслонов умело организовал диверсионную работу в г. Орша, командовал всеми силами оршанской зоны [2, с. 532]: Е.А. Зайцев «Константин Заслонов», В.И. Кухарев «Портрет адъютанта командира бригады К.С. Заслонова», «К. Заслонов», «Портрет Героя Советского Союза командира бригады им. Заслонова (Витебск. обл.) К.С. Заслонова».

Существенный вклад в борьбу с вражескими войсками внесли подпольщики. **В.З. Хоружая** – организатор не просто подпольной группы в Витебске, а руководитель подпольного партийного центра [4, с. 21]: Г.П. Киселев «Герой Советского Союза Вера Хоружая», А.Ф. Ковалев «Герой Советского Союза В. Хоружая», «Прощание славянки. Герой Советского Союза В. Хоружая», В.И. Кухарев «Вера Хоружая». В артионимии нашли отражение имена **Е.С. Зеньковой** (подпольщицы, секретаря Обольской подпольной комсомольской организации «Юные мстители», участвовавшей в добыче сведений о вражеской зоне и в дивесиях, воевавшей в партизанской бригаде имени В.И. Ленина [2, с. 546]): В.И. Витко «Ефросинья Зенькова», Г.П. Киселев

«Герой Советского Союза Зенькова Е.С.»; М.Ф. Сильниченко (пулеметчика партизанского отряда Д.Ф. Райцева, уничтожившего 28.03.1942 в бою с отрядом карателей десятки бойцов вражеского войска [3, с. 461]); В.И. Кухарев «*Портрет Героя Советского Союза партизана пулемётчика бригады Райцева М. Сильниченко*», «*Партизан Сильницкий*» и др.

Артионимы, восходящие к фамилиям, часто несут информацию о людях, которые непосредственно связаны с местной историей (уроженцы; почетные граждане; люди, воевавшие на территории региона, и т.п.): В.К. Дежиц «*Портрет Героя Советского Союза командира бригады «Дубова» Ф. Дубровского*» (командир бригады «Дубова», активный участник «рельсовой войны» [2, с. 450]), А.Ф. Ковалев «*Герой Советского Союза М.И. Дружинин*» (23.06.44 с несколькими бойцами захватил переправу через р. Лучеса, которую удерживали до подхода танков [2, с. 447]), В.И. Кухарев «*Портрет Героя Советского Союза командира п/бригады «За Советскую Беларусь» П.М. Романова*» (командир партизанской бригады, действовавшей в Витебской области [3, с. 369]), А.И. Толкач «*Портрет Героя Советского Союза Блохина Ф.Т., участника освобождения Витебска в июне 1944 г.*» (командира саперного взвода 875-го стрелкового полка, старшего сержанта с группой бойцов 26.06.44 первым ворвавшегося на заминированный мост через Западную Двину, уничтожившего охрану, перерезавшего бикфордов шнур и ликвидировавшего опасность подрыва [2, с. 168]), Л.С. Ран «*Портрет Героя Советского Союза А.К. Горовца*» (06.07.1943 вступил в бой с 20 вражескими бомбардировщиками и 9 из них сбил [2, с. 357]) и др.

Не все названия содержат в своем составе антропонимическую лексику. Зачастую в качестве исторической личности выступает обобщенный образ: И.Ю. Боровский «*Портрет ветерана-колхозника*», Г.П. Киселев «*Освободители. 1944*», «*Партизаны Белой Руси*», В.И. Кухарев «*Ветеран*», В.И. Ральцевич «*Ветеран*», Л.С. Ран «*Дедуля-герой*», «*Оккупанты*», Е.С. Ясьвин «*Неизвестный солдат*», П.Н. Гавриленко «*Партизаны в Полесье*», «*Портрет юного партизана*» и др.

Таким образом, не только произведение искусства, но и его название может содержать информацию по истории региона, актуализировать **историческое событие, время исторического события, знаковое историческое место, участников исторических событий**. Специфической чертой проанализированного материала является широкое распространение названий, в которых использованы личные имена, фамилии людей, родившихся или же участвовавших в боевых действиях на территории витебского региона, упомянуты населенные пункты Витебщины. Артионимы, подобно иным собственным именам, с одной стороны, передают сведения по истории народа, с другой стороны, сами создают его национально-культурный образ.

1. Андреева, О.В. История книжного дела в изобразительных аудиовизуальных и вещественных источниках: учеб. пособие [Электронный ресурс] / О.В. Андреева. – М.: МГУП, 2008. – Режим доступа: <http://hi-edu.ru/e-books/xbook710/01/part-002.htm#i59>. – Дата доступа: 01.03.2017.
2. Герои Советского Союза: краткий биограф. словарь: в 2 т. пред. редкол. И.Н. Шкадов. – Т. 1 (Абаев – Любичев). – М.: Воениздат, 1987. – 911 с.
3. Герои Советского Союза: краткий биограф. словарь: в 2 т. пред. редкол. И.Н. Шкадов. – Т.2 (Любов – Яшук). – М.: Воениздат, 1988. – 863 с.
4. Дарафеенка, Н.І. У адпаведнасці з праўдай гісторыі: Роля В.З. Харужай у дзейнасці Віцебскага падполля / Н.І. Дарафеенка, А.М. Дулаў // Беларуская думка. – 2011. – № 6. – С. 21–25.
5. Мороз Михаил Михайлович // Will-remember.ru [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://will-remember.ru/familii_na_m/moroz_mihail_mihailovich.htm. – Дата доступа: 01.03.2017.

Фридман А.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ В ПУБЛИКАЦИЯХ ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ “ZEITUNG VUM LËTZEBUERGER VOLLEK”

В номере за 10 мая 1988 года “Zeitung vum Lëtzebuurger Vollek” (“Газета для народа Люксембурга”, далее “Цайтунг”) рассказала своим читателям о праздновании 43-й годовщины Дня Победы над фашизмом в Великом герцогстве Люксембург: В замке Бегген (резиденции советского посольства в Люксембурге) состоялся традиционный официальный приём. 9 мая советские дипломаты во главе с чрезвычайным и полномочным послом Александром А. Авдеевым направились в город Эш-сюр-Альзетт, где возложили цветы к монументу погибшим советским воинам. В торжественной церемонии приняли участие посол Болгарской Народной Республики Валентин Марков, руководство города, а также представители общественных организаций и

Коммунистической партии Люксембурга (КПЛ). Советские дипломаты почтили также память граждан Люксембурга, павших от рук нацистов [2]. В том же номере „Цайтунг“ (печатный орган КПЛ) опубликовала большую анонимную статью под красноречивым названием „8 мая 1945 года и историческая правда“. В статье, в частности, отмечалось, что отдельные руководители нацистского рейха и прежде всего вермахта, потерпев поражение в Сталинградской битве, надеялись заключить сепаратные соглашения с западными союзниками, разрушить тем самым антигитлеровскую коалицию и втянуть Великобританию и США в войну против СССР. Газета подчёркивала, что сторонники такого сценария имелись не только в Берлине, но и в Лондоне и в Вашингтоне. Вместе с тем коммунистическое издание утверждало, что не желает никоим образом бросить тень на западных союзников, освободивших Люксембург в 1944/45 гг. от нацистского владычества, а лишь считает своим долгом напомнить читателям о выдающемся вкладе Советского Союза, понесшего в войне огромные потери и сыгравшего ключевую роль в освобождении Европы от нацистского господства. Газета с горечью отмечала, что на Западе (в частности в Федеративной Республике Германии, ФРГ) на протяжении десятилетий наблюдается тенденция к принижению вклада СССР в окончательный разгром нацистского рейха [1].

В первой половине мая 1988 г. „Цайтунг“ вновь уделила Дню Победы значительное внимание. Примечательно, что хотя День Победы и не являлся официальным праздником в Люксембурге, печатный орган КПЛ поступал так из года в год, освещая годовщины Победы в контексте актуальных международных и внутрисполитических событий. Газета использовала праздник в пропагандистских целях и при этом особенно стремилась усилить симпатию населения Люксембурга к СССР. Характерные черты и особенности освещения данного праздника на страницах „Цайтунг“ будут проанализированы в данной статье на примере публикаций о тридцатой годовщине Великой Победы (1975).

КПЛ и „Цайтунг“ в середине 1970-х гг. В начале 1970-х гг. экономика Люксембурга переживала глубокий структурный кризис, особенно затронувший важнейшую для страны сталелитейную отрасль. Падение производства, безработица и рост цен позволили КПЛ, пользовавшейся поддержкой рабочих-сталелитейщиков юга страны и прибегавшей к откровенно популистской риторике, укрепить свои позиции. Партия добилась серьёзных успехов на муниципальных выборах: член исполнительного комитета ЦК КПЛ Артур Узельдингер (Arthur Useldinger) занимал с 1970 по 1978 год пост бургомистра Эша-сюр-Альзетт (второго по величине города страны). Именно в Эше, где исторически сильны были позиции коммунистов, располагалась редакция „Цайтунг“.

Партийная газета ведёт свою историю с июля 1946 года и выходит на немецком языке. До крушения коммунизма в Восточной Европе издание пользовалось значительной финансовой поддержкой со стороны Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Так, КПСС приобретала в начале 1970-х значительную часть тиража и брала на себя (совместно с СЕПГ) расходы по организации ежегодных праздников люксембургской газеты, в которых принимали участие артисты из социалистических стран [3]. В Люксембурге печатный орган КПЛ снискал славу „рупора коммунистической пропаганды“, резко критиковавшего процессы политической, экономической и в первую очередь военной интеграции в Западной Европе, последовательно критиковавшего США и ФРГ и восхвалявшего на своих страницах политику социалистических стран (в первую очередь СССР и ГДР). В своих публикациях газета регулярно обращалась к теме Второй Мировой войны, подчёркивала при этом ключевую роль коммунистов в антифашистском сопротивлении в Люксембурге, решающий вклад СССР в победу над нацизмом и огромное значение ГДР как „первого антифашистского государства на немецкой земле“.

С 1970 года и до своей смерти в 1990 году во главе „Цайтунг“ стоял публицист Рене Урбани (Réne Urbany), сын многолетнего руководителя КПЛ Доминика Урбани (Dominique Urbany). В 1976 году Д. Урбани передал сыну руководство партией. Словом и делом отец и сын Урбани доказали свою преданность интересам СССР и ГДР и заслужили своей деятельностью высокую оценку Москвы и Восточного Берлина. „Правда“ и „Neues Deutschland“ („Нойес Дойчланд“, печатный орган ЦК СЕПГ), в частности, регулярно подчёркивали, что Доминик и Рене Урбани внесли значительный вклад в развитие КПЛ и коммунистической печати Люксембурга [14, 21, 22, 23].

Тридцатая годовщина Великой Победы. Тридцатая годовщина Великой Победы отмечалась в брежневском СССР и в других социалистических странах с большим размахом. Не оста-

лись в стороне и коммунистические партии стран Западной Европы. КПЛ провела 30 апреля 1975 года в городе Нидеркорн (Niederborn, коммуна Дифферданж) традиционный праздник своей газеты, репортажи о котором были опубликованы на страницах „Цайтунг“ и „Нойес Дойчланд“. Праздник был приурочен к тридцатой годовщине Победе. Участием в нем приняли советские артисты (пианистка Светлана Звонарева, баянист Юрий Казаков, балерина Клара Джандарбекова), посол СССР в Люксембурге Евгений А. Косарев, а также посол ГДР в Бельгии и Люксембурге Гейнц Гофман (Heinz Hoffmann). Главный редактор газеты Рене Урбани подчеркнул в своей праздничной речи, что решающую роль в освобождении Европы от фашизма сыграл именно СССР. Урбани полагал, что в то время как советский вклад на Западе либо не оценивается по достоинству, либо и вовсе замалчивается, священный долг каждого люксембургского коммуниста состоит в том, чтобы напоминать общественности о роли Советского Союза [4, 14, 19]. Косвенным подтверждением слов редактора стала декларация правительства Люксембурга к тридцатилетию Победы, в которой советская держава и вовсе не упоминалась [7]. Было бы, однако, неверным считать, что выдающаяся роль СССР во Второй Мировой войне была предана в Люксембурге забвению. Так, люксембургское телевидение предоставило 5 мая 1975 года эфир советскому послу Косареву, акцентировавшему внимание зрителей на особом значении вклада народов в СССР в победу над фашизмом [13].

В первые дни мая 1975 года читатели „Цайтунг“ узнали о праздновании Дня Победы в СССР и в ГДР, о традиционном праздничном приёме в советском посольстве, о приуроченных ко Дню Победы книгах, фильмах, выставках и встречах с ветеранами в Советском Союзе, а также об объявленной в СССР амнистии по случаю праздника. Издание напомнило о нацистских преступлениях, рассказало о подписании акта о капитуляции и сообщило о торжественной церемонии у монумента советским воинам в Эше, которая должна была состояться 9 мая [5, 6, 9, 12, 15, 17, 18]. В праздничных мероприятиях, прошедших в Люксембурге, приняли участие и зарубежные гости. Среди них был, в частности, и бывший узник концентрационного лагеря Наввайлер, депутат Народной Палаты ГДР Вильгельм Бенке (Wilhelm Behnke)[20].

Коммунистическая газета подчёркивала, что День Победы (как и День Октябрьской Революции) имеет для населения СССР, вынесшего на себе основные тяготы войны, особое значение [12]. Чтобы лучше осознать данный факт, „Цайтунг“ настоятельно рекомендовала своим читателям посмотреть советский фильм „Был месяц май“ (1970) режиссера Марлена Хуциева, который 8 мая 1975 был показан в эфире популярного в Люксембурге западногерманского канала ARD (АРД)[8].

Тридцатилетие Победы стало центральной темой номера „Цайтунг“ за 7 мая 1975 года. В данном номер были опубликованы статьи люксембургского коммуниста Франсуа Фриша (François Frisch) и советского журналиста Владимира Гранова. Последний упрекнул западные страны в попытке направить Гитлера на восток в конце 1930-х гг. и желании ликвидировать руками нацистов первое социалистическое государство в истории человечества. Захватническим планам «третьего рейха» не суждено было осуществиться: Советский Союз нанёс нацистской Германии смертельный удар, а Красная Армия освободила народы Европы от фашизма. Гранов подчеркнул, что после войны СССР и социалистические страны активно борются за мир во всем мире [11]. Фриша беспокоило возрождение фашизма в Европе и за её пределами. Возмутительным считал член исполкома ЦК КПЛ и глава организации участников Сопrotивления (Reveil de la Resistance) запланированную на 10 мая в Гамбурге встречу ветеранов Ваффен СС, на которой должен был выступить лидер Общества взаимопомощи бывших членов СС (ХИАГ) Отто Кум (Otto Kumm) [10, 16].

Заключение. Проанализированные в данной статье публикации люксембургской коммунистической газеты „Цайтунг“ показывают, что издание придавало теме Второй мировой войны и победы над фашизмом большое значение. В канун и после праздника Великой Победы печатный орган КПЛ подробно рассказывал о значении Победы, подчёркивал ключевую роль СССР в освобождении Европы и решительно критиковал „правлящие круги“ Запада за их стремление приуменьшить вклад Советского Союза в разгром нацизма. Особенно доставалось США и Великобритании, которые фактически обвинялись в предательстве идеалов совместной антифашистской борьбы, а также ФРГ, где после войны активно действовали ветеранские организации Ваффен СС.

1. Archives nationales du Luxembourg (ANLUX). – DH II GM/Presse 1988-162.
2. Archives nationales du Luxembourg (ANLUX). – DH II GM/Presse 1988-393.
3. Bundesarchiv (BArch). – DY 30 13605
4. Am 30. Jahrestage die richtigen Lehren ziehen! Aus der Rede von René Urbany auf dem Pressefest in Niederkorn // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 3 мая. – С. 3.
5. Amnestie in der UdSSR // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 10 мая. – С. 2.
6. Eine denkwürdige Begegnung // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 7 мая. – С. 7.
7. Erklärung der luxemburgischen Regierung zum 30. Jahrestag // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 9 мая. – С. 2.
8. Es war im Monat Mai. Sowjetischer Fernsehfilm von Grigori Baklanow // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 2 мая. – С. 11.
9. Festveranstaltungen zum 30. Jahrestag // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 9 мая. – С. 1.
10. Frisch F. 8. Mai 1975: 30. Jahrestag /F. Frisch // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 7 мая. – С. 2, 4.
11. Granow W. 30 Jahre nach der Befreiung. Das Jahr 1945 in der Geschichte der Menschheit / W. Granow // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 7 мая. – С. 3.
12. Hinzert-Gedenkzeremonie in der Minette-Metropole // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 6 мая. – С. 4.
13. Kräfteverhältnis zugunsten des Friedens geändert. UdSSR-Botschafter E. Kossarew sprach im luxemburgischen Fernsehen zum 30. Jahrestag // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 7 мая. – С. 1.
14. Luxemburgisches KP-Organ feierte sein Pressefest // Neues Deutschland. – 1975. – 2 мая. – С. 7.
15. Millionen Bücher zum Jahrestag. Die Sowjetunion gedenkt des Sieges über den Fascismus // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 6 мая. – С. 7.
16. Mitteilung des Reveil de la Resistance, SS-Provokation zum 30. Jahrestag // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 9 мая. – С. 9.
17. „Nie wieder Krieg!“ Proklamation der Luxemburger Zwangsrekrutierten zum 30. Jahrestag der Befreiung // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 5 мая. – С. 2.
18. P. H. Der 8. Mai 1945. Die totale Kapitulation des Nazi-Regimes / H.P. // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 7 мая. – С. 3.
19. Pressefest im Zeichen des 30. Jahrestages der Niederlage des Hitlerfaschismus // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 2 мая. – С. 1, 2.
20. Wilhelm Behnke als Gast luxemburgischer KZ-Häftlinge in Luxemburg // Zeitung vom Lëtzebuurger Vollek. – 1975. – 10 мая. – С. 3.
21. Рыкин В. Товарищ Рене / В. Рыкин // Правда. – 1987. – 7 февраля. – С. 4.
22. Урбани Р. Сила реального социализма / Р. Урбани // Новое время. – 1981. – № 10. – С. 8.
23. Яснев Ю. „Цайтунг“ меняет адрес / Ю. Яснев // Правда. – 1977. – 2 мая. – С. 5.

Архипова Т.Г.

ОТЕЦ ГЛАЗАМИ СЫНА: ВОСПОМИНАНИЯ С.Н. ХРУЩЕВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Будучи к моменту восхождения отца – Никиты Сергеевича Хрущёва – на олимп власти единственным сыном (дочери не в счет), Сергей Никитич был очень близок с ним. Во многих поездках по стране он «увязывался за ним»; за рубежом зачастую компенсировал отсутствие супруги главы делегации; часто обсуждал с ним те или иные политические и экономические проблемы; помогал при написании воспоминаний, при передаче их за пределы СССР.

Из всех изданных им книг [2; 3; 4; 5] наиболее информативной по истории постсталинского десятилетия представляется последняя – «Никита Хрущев: реформатор» [3]. Для ее написания автор изучил подшивки газет, многочисленные источники как опубликованные в последние годы, так и архивные, воспоминания участников событий, ряд работ историков об отце. Это позволяет относить ее не только к мемуарным источникам, хотя в первую очередь это все-таки мемуары. Источниковеды условно делят их на повествовательные, оправдательные, исповедальные и обличительные [1, с. 142]. В анализируемых мемуарах есть все, кроме исповедальной составляющей. Нет в них и намека на злопыхательство по отношению к Родине, хотя уже более четверти столетия он живет в основном в США, есть лишь обида за непонимание роли отца в истории России XX века. Уже на первых страницах книги автор предупреждает читателя о своей субъективности [3, с. 9], но в праве на это трудно отказать даже профессиональному историку, а мемуары вообще жанр субъективный.

Фактология истории страны в первое сталинское десятилетие известна. Информация С.Н. Хрущева подается «изнутри», она чрезвычайно важна деталями (в этом главное достоинство всех мемуаров), уточнениями, иногда опровержениями, например, характеристики сталинских застолий [3, с. 60–62], утверждений о причастности отца к подписанию так называемых сталинских расстрельных списков, в чем он, правда, не всегда последователен [3, с. 163, 257, 260, 309]. Весьма интересна его информация о характере и конкретных поступках Н.С. Хрущева, их фоне. Пытаясь быть объективным, сын в одних случаях оправдывает отца, например, в деле присоединения Крыма к Украине [3, с. 162–163], в других – нет. По всей книге, например, разбросаны упреки отцу за его поддержку Т.Д. Лысенко [3, с. 155–156, 331, 909 и др.]. Осуждает он его действия в Манеже и др. поступки. В то же время следует оговорить, что некоторые приведенные автором факты из жизни отца про-

верке не поддаются, например, разговор Хрущева с другом юности в 1940 г. об отрицательном уже тогда отношении к Сталину [3, с. 257–258].

При некоторых ретро-отступлениях повествование в целом ведется в хронологической последовательности. Текст мемуаров изложен в четырех больших разделах, поделенных на различной величины главы и главки. Самая большая глава посвящена известным событиям в Манеже [3, с. 838–907]. Повествование периодически прерывается небольшими разделами под названием «День за днем», которые дают представление о напряженном графике работы Н.С. Хрущева: поездки, встречи, выступления, приемы, консультации... [см., напр.: 3, с. 121–122, 140–141, 147–148, 168–170 и др.]. Остается только удивляться, как это все он успевал. Повествует сын о работе отца по вечерам, в выходные дни [3, с. 222–223, 756–757]. Любимым же временем для обсуждения серьезных проблем был отпуск, где не так «заедает каждодневная рутина» [3, с. 238]. В Крым, Пицунду, др. места своего непродолжительного отдыха он приглашал коллег, глав других государств, иногда – на охоту, страстным любителем которой он был.

Довольно подробно С.Н. Хрущев пишет о работе отца над выступлениями. Обычно он не пользовался услугами спичрайтеров, в вопросах, серьезно его интересовавших, будь то различные отрасли экономики или оборона, старался досконально разбираться сам, постоянно общаясь с учеными, конструкторами, директорами заводов и совхозов, председателями колхозов – так он «набирался знаний, учился и в конце концов начинал разбираться в вопросе не хуже профессионалов» (как доказательство отсылает к изданию: Хрущев, Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1960–1964). Надиктовав черновой текст стенографистке, обсудив со специалистами, правил его сам. Отмечает сын и умение отца в разных аудиториях говорить по-разному. Жена Франклина Рузвельта, с которой позднее встречался автор мемуаров, вспоминала, что похоже работал и ее муж [3, с. 134–136].

По страницам мемуаров разбросаны зарисовки скромного по сегодняшним меркам быта семьи главы государства, ее окружения, взаимоотношений детей и родителей, имевших место в среде высшего руководства страны розыгрышах, совместном отдыхе. Пишет он и о том, что Хрущев долгое время сопротивлялся иметь постоянного лечащего врача [3, с. 102–104, 207, 548–549, 708–709, 750–752 и др.]. Не получивший должного образования, Хрущев много читал, не пропускал ни концертов, ни театральных премьер.

Значительное место в мемуарах отведено характеристике значительного числа лиц из ближайшего окружения отца [см., напр.: 3, с. 127–131, 189, 212–213, 373, 700 и др.]. Автор делит их на две группы. Первая состояла из тех, кто с самого начала оппонировал Хрущеву и в его развенчании Сталина, и во всех его последующих мероприятиях, – главную скрипку здесь играли В.М. Молотов и Л.М. Каганович. Границы второй группы по мере пребывания Хрущева на вершине власти размывались – ее члены все чаще переходили в стан его противников, лишь А.И. Микоян оставался с ним до самого конца, но и он после отставки Хрущева больше не встречался с ним – у политиков друзей нет, есть соратники. Судя по всему, последнее обстоятельство не давало покоя не только отцу, но и сыну, поэтому к характеристике Микояна он обращается не единожды, чаще всего подчеркивая его изворотливость – «сделает все, чтобы в трудную минуту избежать принятия решения, сам себя заговорит» [3, с. 741, 933–934 и др.]. Беспокоила их и фигура Л.И. Брежнева, которого прочили в преемники Хрущева, считавшего его абсолютно преданным человеком. Однако, заняв не без помощи Хрущева одну из высших должностей в партии и государстве, Брежнев по существу возглавил оппозицию. С.Н. Хрущев считает, что Брежнева мучила совесть за совершенное предательство, поэтому он, несмотря на давление ближайшего окружения, на открытую антихрущевскую кампанию не решился. Просто Хрущева не стали упоминать, даже село Никита в Крыму переименовали в Ботаническое, хотя к Хрущеву это название отношения не имело [3, с. 700, 936, 1042 и др.].

Противоречивые оценки А.Н. Косыгина, разбросанные по всему тексту, можно объяснить тем, что он, не принимая непосредственного участия в заговоре против Хрущева, заняв после отстранения последнего от власти его место, при проведении реформы 1965 г., взяв на вооружение ряд наработок, сделанных при предшественнике, ни разу не упомянул этого. С одной стороны, он «бюрократ до мозга костей», с другой, «организованный, исполнительный, инициативный, человек-компьютер, человек-система», по-человечески порядочен. Последнее качество автор редко встречал у политиков высокого ранга – «кроме, естественно, отца, назвал бы

Куусинена и Косыгина, да в какой-то степени Микояна. Из незнакомых – Николая Ивановича Рыжкова». [3, с. 556, 559, 1046 и др.].

Главную причину перехода соратников в стан противников отца он видит в том, что люди поколения Хрущева «болели» Сталиным, «стремились избавиться от него и не могли», он же считал, что «второго пришествия» Сталина или его подобия страна не выдержит и надо сделать все, чтобы этого избежать [3, с. 760]. Именно этим он объясняет частые перестановки в эшелонах власти, прежде всего в высших. Наверное, это так – часть российского общества «болеет» Сталиным до сих пор. Однако причина эта не единственная.

В послевоенные годы первой своей и партии обязанностью он считал накормить, одеть людей и дать им жилье. Он не уставал это повторять, добавляя, что «победит та общественная система, которая обеспечит лучшую жизнь людей». Что эта система социалистическая, он не сомневался, говоря: «будущее за нами» [3, с. 192–193, 704]. Вот этим «накормить» и «дать крышу над головой» и объясняются многие его модернизационные мероприятия. Он много ездит по стране, встречается с учеными, в поездках за рубеж не упускает возможности познакомиться с опытом других стран. В итоге он приходит к мысли, что необходимо увеличить вложения в сельское хозяйство, «дойную корову» советской власти. В поисках денег, поняв невозможность соревнования с США в гонке вооружений, поговорив весной 1954 г. с Курчатовым, объяснившим ему пагубность ядерного оружия для мировой цивилизации, он начинает реформу армии, настроившую против него военных. Сокращение численности работников органов госбезопасности не обрадовало и их. Манипуляции с займами, нормами выработки на предприятиях, ценами и т.п. расширили круг недовольных. Свидетельство тому – события в Новочеркасске. Эксперименты с налогами и закупками продуктов сельскохозяйственного производства настроили против него крестьян. Введение их пенсионного обеспечения, списание долгов с колхозов не спасли положения. Строительство пятиэтажек настроило против него сначала архитекторов, а потом и неудовлетворенных качеством жилья новоселов. Попытка реорганизовать Академию наук путем превращения ее из бюрократического учреждения в сообщество единомышленников привела ученых в стан его противников... Между тем, известный подъем в экономике, ставший следствием частичной децентрализации управления (результат первой волны реформ), в 1959 г. существенно замедлился, корректирующие меры не помогали. События в Манеже, оттолкнувшие от него творческую интеллигенцию, были спровоцированы не только тенью «Клуба Петефи» (дискуссионный клуб творческой интеллигенции в Венгрии, деятельность которого привела к событиям 1956 г.) и активностью Сулова, но и нервным срывом Хрущева. Известная его эмоциональность в этом случае сыграла с ним злую шутку. Довольно скоро он стал осознавать, что «с подачи Сулова вляпался» [3, с. 362, 896], но изменить что-либо было уже невозможно. По мнению сына, с событий в Манеже начался самый несчастливый период в политической жизни отца [3, с. 873]. Принятие новых Устава и Программы КПСС (с ней вообще Хрущев «попал в историю», ибо «построить такой коммунизм не под силу никому, его можно только пообещать» [2, с. 759]), разделение обкомов партии, перестановки в них (в 1960-1961 гг. из 101 секретаря обкомов заменили 57 [3, с. 738]), борьба с излишествами и привилегиями привели к утрате им поддержки руководителей региональных партийных органов, поначалу его поддерживавших. Кроме того, в его окружении постоянно возникали кризисы, движущей силой которых были властные амбиции, ревность по отношению к лидеру партии и государства, «борьба за наследство».

Все последующее время пребывания во власти его гложет мысль: почему мы отстаем от капиталистов? [3, с. 817]. Вместе с учеными-единомышленниками он задумывает следующую серию экономических, административных и политических реформ, которые должны были привести к значительной самостоятельности производителей, усилению демократических начал в советской государственности. Шаги в этом направлении были предприняты в 1962 – первой половине 1964 г. Страшный неурожай 1963 г. стал причиной того, что год этот стал самым неудачным за все годы пребывания Хрущева у власти, обусловил многие его лихорадочные действия [3, с. 941]. К концу года от него отвернулись все. Проводить реформы стало не с кем. В октябре 1964 г. он был смещен с занимаемых постов – Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР и отправлен в отставку.

Обида за отца приводит сына к следующему выводу: не надо было ему затевать строительство пятиэтажек, целину, кукурузу, ракеты, космос, десталинизацию-демократизацию: «Ему бы

жить в свое удовольствие, ремонтировать старые царские дворцы и палаты да строить новые архитектурные шедевры. И дожил бы он до глубокой старости, и память о себе оставил бы не многоквартирными “хрущобами”, а “произведениями зодчества”, не кукурузной эпопеей, а красивыми парковыми ансамблями с диковинными деревьями и фонтанами <...> Вот только такая жизнь отца не устраивала, и он прожил свою по-своему и без сожаления» [3, с. 1053].

Действительно, прожил так, как прожил, начинал с энтузиазмом, но стал жертвой сложившихся обстоятельств: административно-командная система управления не позволила ему довести начатое до конца. На ее реформирование ему не хватило ни смелости (она ушла на развенчание Сталина), ни сил, ни времени. В то же время его реформы положили начало формированию элементов новой политической культуры – культуры реформаторства и часть из задуманного им вошла в российскую экономическую и политическую практику на рубеже XX–XXI вв.

Приведя внушительный список литературы в конце работы, автор сетует на немногочисленность российских публикаций об отце [3, с. 7]. Это не так. Конечно, их количество, по вполне понятным причинам, уступает числу работ о Ленине и Сталине. Анализируя постсталинское десятилетие в истории России, историки не могут обойти личность Хрущева. Более того, она привлекает их своей неординарностью, импульсивностью ряда поступков и их последствий, за которыми на второй план отошли инициирование разрядки международной напряженности, освоение целинных и залежных земель, массовое жилищное строительство, попытки модернизации промышленного производства и многое другое. Думается, что еще не пришло время всесторонне проанализировать деятельность этой крупнейшей политической фигуры XX столетия. В этом будущем исследователю может помочь анализируемая книга Хрущева – сына.

1. Козлов, В.П. Второе археографическое обозрение истории России XX века / В.П. Козлов. – М. : Древлехранилище, 2016. – 288 с.
2. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев. Пенсионер союзного значения / Сергей Хрущев. – М. : Время, 2010. – 320 с.
3. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев. Реформатор / Сергей Хрущев. – М. : Время, 2010. – 1080 с.
4. Хрущев, С.Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы / Сергей Хрущев. – М. : Время, 2010. – 576 с.
5. Хрущев, С.Н. Реформатор / С.Н. Хрущев. – М. : Вече, 2016. – 576 с.

Галиева Д.С.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1992–2004 гг.)

Последняя реформа управления железнодорожным транспортом Российской Федерации, приведшая к созданию ОАО «Российские железные дороги» и ликвидации Министерства путей сообщения, является одной из актуальных проблем современной исторической науки. Актуальность ее объясняется необходимостью анализа проведенных преобразований в экономике страны в 1990-е гг., так как железнодорожная реформа заняла особое место в социально-экономической и политической трансформации государства.

В процессе работы над проблемой, прежде всего, внимание автора было обращено на поиск опубликованных и неопубликованных источников.

Корпус опубликованных источников представлен нормативно-правовыми актами, сборниками статических данных и мемуарами.

Всю нормативную базу деятельности отрасли и министерства в целом условно можно поделить на три основных блока: нормативные акты, принятые в процессе подготовительного этапа реформы (1991–1996), в процессе активного этапа ее реализации (1997–2002) и завершающего этапа преобразования органа управления железнодорожным транспортом (2003–2004).

Первую группу составляют постановления Совета Министров СССР и федеральные законы, регулирующие деятельность предприятий отрасли, и положения о самом ведомстве.

Основополагающим документом деятельности отрасли является закон «О железнодорожном транспорте», принятый в 1991 г. В августе 1995 г. в связи с принятием ФЗ «О естественных монополиях» и, соответственно, приравниванием железнодорожного транспорта к ним, был издан новый закон. Железнодорожный транспорт, согласно закону, был отнесен к федеральной собственности без возможности его приватизации.

«Программа технического перевооружения и модернизации железных дорог СССР в 1991–2000 годах» была принята в 1990 г. На основе некоторых из ее положений осуществлялось раз-

витие транспорта в самые противоречивые и сложные, на наш взгляд, годы перехода транспорта на новые рыночные условия – с 1992 по 1996.

Устав железных дорог Союза ССР, утвержденный в 1964 г., за рассматриваемый период полностью менялся дважды. В 1998 г. при разработке нового Транспортного устава авторы попытались приблизить его положения к реалиям конца 1990-х гг. и состоянию дел на транспорте. Акт дал определения меняющимся и новым понятиям в сфере железнодорожного транспорта.

Отдельное место в этой группе занимают положения о министерстве. Всего было издано три положения: в 1992, 1993 и 1996 гг. В них раскрываются основные задачи, функции и полномочия Министерства путей сообщения РФ.

Вторую группу документов составляют указы Президента РФ и постановления Правительства РФ.

Указами Президента РФ сначала были одобрены первые изменения на транспорте после Всероссийского съезда железнодорожников [4], а затем дан старт реформированию естественных монополий [5]. Последний документ, по сути, стал первой программой железнодорожной реформы.

Постановлениями Правительства РФ нормативно закреплены Концепция и Программа структурной реформы на транспорте 1998 г. и 2001 г. соответственно. Здесь определены основные причины, цели, задачи и мероприятия по реализации реформы.

Третья группа нормативных актов по большей части представлена созданной в 2003-2004 гг. нормативной базой деятельности железнодорожного транспорта, действующей ныне.

В 2003 г. в рамках реализации первых структурных преобразований в управлении транспортом и создания ОАО «РЖД» был принят новый федеральный закон «О железнодорожном транспорте Российской Федерации» и федеральный закон «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта», которые стали основополагающими отраслевыми актами при создании ОАО «РЖД».

Поменялся Устав железнодорожного транспорта, закрепивший новые взаимоотношения на транспорте между пользователями его услуг и теми, кто услуги предоставляет.

В сборниках Росстата содержатся статистические данные о деятельности транспорта России: по перевозкам грузов и пассажиров, грузообороту и пассажирообороту в рассматриваемый период.

К источникам также можно отнести многочисленные публикации в официальной ведомственной периодической печати – в газете «Гудок» и журнале «Железнодорожный транспорт». Публикации ведомственной прессы занимают особое место в анализе структурной реформы на железнодорожном транспорте. Абсолютное большинство авторов статей газеты «Гудок» поддерживало главную линию руководства отрасли в данном вопросе, и, как правило, сами статьи сводились к примерам неудач аналогичных зарубежных реформ и недопустимости приватизации государственного железнодорожного транспорта.

Мемуарные источники по рассматриваемой проблеме представлены воспоминаниями Президента РФ Б.Н. Ельцина и Председателя Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатова, а также министров путей сообщения: Г.М. Фадеева [6] и И.Г. Павловского [3].

Мемуары Б.Н. Ельцина и Р.И. Хасбулатова дают субъективную оценку исторического фона, на котором проводилась реформа управления железнодорожным транспортом. В своих мемуарах Президент РФ также дает характеристику Министра путей сообщения РФ Н.Е. Аксененко, чья кандидатура рассматривалась Б.Н. Ельциным при формировании кабинета министров в мае 1999 г.

В мемуарах министра И.Г. Павловского характеризуется состояние дел на транспорте в преддверии реформы.

Предпосылки сохранения МПС в 1992 г., его деятельность в 1992–2004 гг., роль в осуществлении реформы достаточно подробно освещены в мемуарах министра Г.М. Фадеева. Особое внимание уделено Всероссийскому Съезду железнодорожников, состоявшемуся 17–18 мая 1996 г. и ставшему переломным моментом в реформировании отрасли.

Источниками изучения проблемы послужили материалы, размещенные на официальных интернет-сайтах ведущих железнодорожных компаний мира: ОАО «РЖД» (Россия), Deutsche Bahn AG (Германия), Réseau Ferre de France (Франция), Trafikverket (Швеция), Network Rail (Великобритания). Материалы позволяют оценить ход и результаты структурных реформ на железнодорожном транспорте за рубежом.

Вместе с тем, по опубликованным источникам во всей их совокупности не удастся рассмотреть все аспекты проблемы: отследить мотивы реформаторов, выявить, как относились к пред-

стоящим преобразованиям в самом ведомстве в тот период. В этом помогают разобраться неопубликованные источники.

Массив неопубликованных источников по исследуемой проблеме весьма обширен. Его составляют архивные документальные материалы, отложившиеся в двух архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и ведомственном архиве ОАО «Российские железные дороги».

В ГАРФ представлены фонд Правительства РФ и фонд МПС РФ. В фонде Правительства РФ (Ф. 10200) сохранились документы по акционированию на всех видах транспорта, которые необходимы для полноценного изучения реформы [2]. Особое внимание заслуживают письма Министерства транспорта РФ «Об акционировании и приватизации предприятий транспорта» и Министерства безопасности РФ «О некоторых аспектах приватизации морского флота России» в адрес премьер-министра В.С. Черномырдина. На страницах дела развернулась борьба между названными министерствами и Госкомимуществом по рассматриваемому вопросу. Анализ документов позволил сделать вывод о правильности выбора руководством МПС методов реализации реформы и отстаивания необходимости сохранения управления отраслью в руках государства в последнем десятилетии XX в.

Важнейшим по количеству и полноте сведений является комплекс документальных материалов, сохранившихся в архивном фонде МПС РФ (Ф. 10165), который насчитывает 2993 дела и содержит документы почти за весь период существования ведомства (1992–2000) [1].

В фонде содержатся поручения Правительства РФ по основной деятельности железнодорожного транспорта и документы по их выполнению; стенограммы заседаний и постановления Коллегии МПС; приказы министра и его заместителей, указания МПС, министра и заместителей министра; докладные записки, предложения, представления руководства МПС Президенту и Правительству РФ по основным вопросам деятельности железнодорожного транспорта; переписка с министерствами, государственными комитетами, местными органами власти и организациями транспорта; штатные расписания центрального аппарата МПС; уставы, положения, инструкции, правила и приложения к ним; отчеты структурных подразделений о ходе реализации структурных преобразований и др.

Постановления заседаний Коллегии Министерства содержат основные результаты деятельности отрасли за каждый год с 1992 по 2000, по ним были определены направления деятельности министерства в деле реформирования отрасли. Стенограммы заседания сохранились только за период активной реализации реформы с 1997 по 1999 гг. В них представлены выборочные выступления приглашенных лиц, среди которых были премьер-министр В.С. Черномырдин в феврале 1997 г., первый вице-премьер Б.Е. Немцов – в октябре – декабре 1997 г. и в марте 1998 г., и премьер-министр В.В. Путин – в декабре 1999 г. По этим выступлениям удалось проследить в динамике позицию правительства в отношении проводимой реформы.

Приказы министра и его заместителей, указания МПС, министра и заместителей министра позволили отследить ход преобразований в отрасли. Так в 1997 г., в соответствии с указаниями, был создан Экономический совет МПС для разработки стратегии развития железнодорожного транспорта, повышения экономической эффективности и конкурентоспособности перевозок и др.; была проведена реконструкция Кемеровской железной дороги путем присоединения к Западно-Сибирской; была образована некоммерческая организация ГУ «Центр стратегического развития железнодорожного транспорта».

Докладные записки, предложения, представления руководства МПС Президенту и Правительству РФ по основным вопросам деятельности железнодорожного транспорта позволили раскрыть особенности взаимодействия МПС с высшими руководящими органами страны. В материалах были найдены документы по реорганизации железных дорог Швеции, Германии и Великобритании, направленные в Правительство РФ в 1997 г.

Переписка с министерствами, государственными комитетами, местными органами власти и организациями железнодорожного транспорта характеризует взаимоотношения МПС с заинтересованными в проведении реформы ведомствами. Чаще всего МПС велась переписка с Минтрансом и Госкомимуществом России.

Штатные расписания центрального аппарата МПС раскрыли структуру центрального аппарата ведомства и ее эволюцию в период реформы. Большей частью структурные реорганизации в центральном аппарате министерства носили «поверхностный» характер или обуславливались веянием времени. Вместе с тем, в структуре и системе ведомства создавались подразделения и

учреждения, чья деятельность была направлена непосредственно на реализацию реформы (например, Департамент реформирования железнодорожного транспорта, Институт проблем структурных преобразований и менеджмента на железнодорожном транспорте и др.).

Отчеты структурных подразделений о ходе реализации структурных преобразований позволили выявить ход и проблемы в реализации реформы в 1998–2000 гг. По документам удалось проследить мероприятия, ставшие отправной точкой в активной реализации реформы: реорганизация отделений железных дорог, создание дирекций пассажирских перевозок и внедрение системы фирменного транспортного обслуживания на дорогах и др.

Документы МПС РФ за 2001–2004 гг. на сегодняшний день остаются на хранении в ОАО «РЖД». Опись на них не составлена. Общее их количество приблизительно составляет 700 дел. Изучение материалов этого фонда позволило выявить направления деятельности министерства по реализации реформы с 2001 по 2004 гг., попытки разделения транспорта на монополичный и конкурентный сектора с целью дальнейшего создания в управлении ОАО «РЖД», и др.

Благодаря архивным материалам удастся создать полную картину событий, происходящих в отрасли в период с 1992 по 2004 гг.: выявить причины реформы, ее сторонников и противников, эволюцию взглядов и тех, и других, эволюцию взглядов на реформу руководства страны, особенности и трудности процесса перехода железнодорожного транспорта на рыночные условия, и, наконец, процесс эволюции органа управления железнодорожным транспортом.

Обзор опубликованных и неопубликованных источников свидетельствует о том, что их количество весьма обширно, при этом большая их часть в научный оборот не введена. Думается, что рассмотренные источники по проблеме реформирования управления железнодорожным транспортом в России еще станут основой не одного исследования.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10165. Оп. 1. Д. 1–2993.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 10200. Оп. 4, т. 1. Д. 2616; Оп. 4, т. 2. Д. 3836.
3. Павловский, И. Г. Моя дорога / И. Г. Павловский. – М. : Интекст, 2002. – 160 с. : ил.
4. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 732 «О дальнейшем развитии железнодорожного транспорта РФ» // СЗ РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2471.
5. Указ Президента РФ от 28 апреля 1997 г. № 426 «Об Основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий» // СЗ РФ. – 1997. – № 18. – Ст. 2132.
6. Фадеев, Г. М. Судьба моя – железная дорога / Геннадий Фадеев. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 336 с.

Латыш Ю.В.

БЕЛОВЕЖСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ В МЕМУАРАХ ВЯЧЕСЛАВА КЕБИЧА И СТАНИСЛАВА ШУШКЕВИЧА

За четверть века после подписания Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г., оформивших распад Советского Союза, появилось огромное количество документальных и научных публикаций, публицистических исследований, материалов прессы, а также и мифов, свидетельств псевдоочевидцев и т. п. [см.: 5].

Особую группу источников периода перестройки составляют мемуары. Украинский историк А. Бойко считает, что большинство из них имеют не только информационный, но и исследовательский характер [1, с. 14].

Н. Елисева выделила несколько особенностей перестроечной мемуаристики: «Во-первых, количество мемуаров по перестройке исчисляется сотнями, что ставит перед исследователями задачу источниковедческого их анализа не только как уникальной “единственности”, но и уникальной “множественности”. Во-вторых, мемуары очень разнообразны по авторству и, следовательно, отражают социальный взгляд на перестройку (М.С. Горбачев, соратники, “ближнее окружение”, “дальний круг”, спецслужбы, военные, интеллигенция научная и творческая и т.д.). В-третьих, многие мемуаристы выступали на тему перестройки по несколько раз, переиздавали и дополняли свои описания, что привело к “внутренней”, авторской дискуссионности изложенных в них сюжетов. Немаловажен тот факт, что многие мемуары написаны учеными (философами, экономистами, историками) в формате монографических исследований, что в принципе затрудняет их отнесение собственно к данному жанру (например, книги А.Н. Яковлева, Г. Арбатова и др.). Наконец, многие мемуары включают в себя множество “вмонтированных” других источников: статистических материалов, неизвестных документов, не имеющих аналогов в архивах,

и т.д., что вызывает необходимость особого источниковедческого анализа этих данных на достоверность» [2].

Стоит добавить, что многие мемуары писались при помощи других людей – журналистов, редакторов, которые не были очевидцами описываемых событий, но могли что-то неверно интерпретировать, исказить или добавить «от себя» для коммерческого успеха издания. Очевидно, что некоторые «воспоминания» написаны вовсе без участия лиц, чье имя указано на обложке.

Мемуары двух бывших лидеров Беларуси – председателя Верховного Совета Республики Беларусь Станислава Шушкевича и председателя Совета Министров Республики Беларусь Владислава Кебича дают противоположное видение перестроечных процессов, Беловежских соглашений и распада СССР. Хотя некоторое время эти люди сотрудничали, находили общий язык, совместно руководили страной и сообща действовали на Беловежских переговорах.

Порой мемуаристы вступают в полемику между собой, местами довольно жесткую, награждают друг друга нелестными эпитетами. В воспоминаниях С. Шушкевича присутствует целый раздел [6, с. 173–190], посвященный критическому разбору книги В. Кебича «Искушение властью» [3], которую бывший глава Верховного Совета Беларуси приписывает перу журналиста И. Осинского.

Позже экс-премьер выпустил специальную книгу – протокольную запись всего происшедшего в резиденции Вискули [4]. В его воспоминаниях присутствует много бытовых зарисовок, подробностей, неизвестных из других источников, призванных убедить читателя в особой откровенности мемуариста. У С. Шушкевича, наоборот, мало деталей. Единственная жизненная история из Вискулей у него – рассказ егерей о том, что украинские лидеры стреляли по привязанным кабанам, причем Л. Кравчук промахнулся. Сам мемуарист не знает верить этому или нет [6, с. 203].

Различное отношение к Советскому Союзу, коммунистическому прошлому составляет квинтэссенцию противоречий двух бывших высших руководителей Беларуси.

В. Кебич «глубоко убежден», что ни политических, ни тем более экономических причин для распада Советского Союза не существовало. Не было катастрофического экономического обвала, советское общество в основном было представлено «средним классом», а «очаги национальной напряженности» было относительно несложно погасить» [3, с. 119–120].

По мнению С. Шушкевича, СССР являлся пресловутой «империей зла». В 1991 г. он был неизлечимо болен. Соглашения в Вискулях стали формой цивилизованного «развода», обеспечившего контролируемый распад и «мирную деколонизацию» бывших советских республик и предотвратившего развитие событий по югославскому сценарию [6, с. 187, 196, 213]. Для большей убедительности С. Шушкевич ссылается на рассекреченные дипломатические документы МИД Швеции, отражающие чудовищную боязнь Запада гражданской войны на территории СССР, которая могла затронуть и другие страны [6, с. 197].

В своих мемуарах В. Кебич выстраивает сложную конструкцию, убеждая читателей, что в момент подписания Беловежских соглашений распад СССР был неизбежен, но страну к этому подвели искусственно [3, с. 181]. Таким образом, коллективная «ответственность» подписантов Беловежских соглашений, в том числе и мемуариста, размывается. Истинными причинами разрушения СССР провозглашаются: 1) западные спецслужбы [3, с. 122], 2) «преступная» горбачевская перестройка [3, с. 122]; 3) вражда двух политиков, М. Горбачева и Б. Ельцина, превративших страну в свою заложницу [3, с. 123]; 4) члены ГКЧП, так как после путча распад СССР стал необратимым [3, с. 154]; 5) Новоогаревский процесс – «бесконечная и бессмысленная работа», а по существу лишь ее имитация [3, с. 121].

Называя себя «невольным участником» «государственного переворота» в Вискулях, В. Кебич доказывает, что распад СССР готовился заранее, тщательно и без его участия. В частности, он вспоминает разговор председателя Верховного Совета БССР Н. Дементя с его казахским коллегой. Упоминались некие предложения Б. Ельцина, в итоге отвергнутые обоими политиками. Н. Дементей подвел итог: «Мы не должны стать раскольниками и разрушать Советский Союз» [3, с. 181]. Факты попыток ведения Б. Ельциным сепаратных переговоров о ликвидации СССР как союзного государства за спиной участников Новоогаревского процесса бывший глава парламента БССР подтвердил в своих воспоминаниях.

С. Шушкевич также не стремится присвоить все лавры могильщика СССР. Он доказывает, что дорога к Беловежью «вымощена» Декларациями союзных республик о государственном суверенитете, многие из которых открыто противоречили Конституции СССР и были противопоставлены его целостности [6, с. 128–157]. Но, по его мнению, Беловежские соглашения леги-

тимны, так как союзный договор 1922 г. подписывали РСФСР, Украинская, Белорусская ССР и Закавказская Федерация. А поскольку последняя ликвидирована и не имела правопреемника, то главы трех республик имели полное право денонсировать союзный договор [6, с. 201].

При описании обстоятельств беловежской встречи В. Кебич явно лукавит и хочет казаться наивным хозяйственником, которого обвели вокруг пальца более опытные политики. Он утверждает, что ничего не знал о грядущей встрече, о которой договорились Б. Ельцин и С. Шушкевич [3, с. 187–188]. С. Шушкевич пишет, что инициатором приглашения В. Ельцина и Л. Кравчука в Беловежскую Пушу был глава Совмина Беларуси, а целью встречи – переговоры о поставках энергоносителей [6, с. 192, 194]. Таким образом, оба мемуариста заявляют, что ничего не знали о грядущем роспуске СССР.

По утверждению С. Шушкевича, главный вопрос встречи возник как бы случайно: «Говорили о нефти, газе, многом ином, но неумолимо вставал вопрос, ставший волею судьбы главным: что делать в реально имеющей место ситуации, когда ни Горбачев, ни какой-нибудь властный орган не управляет Союзом ССР?». Идею ликвидировать СССР выдвинул Г. Бурбулис. «Суть предложения Бурбулиса я понял мгновенно и, не скрою, оно мне сразу понравилось», – не без гордости отмечает мемуарист, первым выразивший готовность подписать документ с таким предложением [6, с. 199–200].

В. Кебич продолжает изображать себя и украинского премьера В. Фокина пассивными участниками подготовки беловежских документов. Он якобы сначала вообще не понимал, куда клонит Б. Ельцин. Затем, читая документы и все больше убеждаясь, что у российской делегации имелся заранее заготовленный текст, предполагал, «что таким образом закладываются новые, более прочные и справедливые основы союзного государства: ведь и границы, и армия, и денежная система, и все экономические составляющие государства оставались едиными» [3, с. 200]. И лишь в конце работы, когда по инициативе Г. Бурбулиса появилась заключительная статья о денонсации Союзного договора 1922 г., встреченная Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем с восторгом, до опытного руководителя «стал доходить истинный смысл происходящего события» [3, с. 202]. Свою наивность он объясняет уверенностью, что «несмотря на то, что из Беловежского соглашения явствовало, что СССР прекращает свое существование, я был абсолютно убежден, что это формальный акт, что союзное государство, хоть и в усеченном виде, возрождается, как птица Феникс из пепла» [3, с. 205].

Позже, проанализировав события, В. Кебич пришел к выводу, что Б. Ельцин тщательно готовился к встрече и продумал все до мелочей, но постарался придать своему замыслу видимость коллективного решения. Российская делегация даже привезла телефонную станцию прямой связи для звонка Дж. Бушу. К аппарату Президент США подошел «подозрительно быстро; не исключено, ожидал этого звонка» [3, с. 207].

В мемуарах С. Шушкевича сделана попытка купировать неприятный для подписантов Беловежского соглашения эпизод – факт звонка Президенту США раньше, чем Президенту СССР. По утверждению мемуариста, он якобы первым позвонил М. Горбачеву, но сначала говорил с помощником, Президент СССР долго не подходил к телефону. А в это время Б. Ельцин позвонил Дж. Бушу, и тот взял трубку сразу: «Буш сориентировался мгновенно. Михаил Сергеевич, как у него было принято, начал менторским тоном меня поучать...» [6, с. 204]. Бывший глава Верховного Совета Беларуси предпочел умолчать о том, что был грубо обруган М. Горбачевым. Этот факт подтверждают и В. Кебич, и сам последний советский лидер [3, с. 209–211].

Мемуары В. Кебича и С. Шушкевича представляют нам прямо противоположные взгляды на обстоятельства заключения Беловежских соглашений и распад СССР. Хотя в те дни между обоими политиками не наблюдалось противоречий. Воспоминания отражают современную позицию мемуаристов. В. Кебич осуждает распад СССР и называет его самой крупной ошибкой XX в. [4, с. 15], утверждает, что сегодня сделал бы все, чтобы Беловежских соглашений не было; а С. Шушкевич считает их подписание «вторым по значимости важным событием и для Беларуси, и в моей жизни» [6, с. 204]. Сегодняшняя позиция вынуждает В. Кебича выдерживать самооправдательную линию в мемуарах, приуменьшая свою роль, приводя много интересных фактов и деталей, иногда довольно субъективно трактуемых. С. Шушкевич и сегодня стоит на той же позиции, что и в Вискулях, поэтому основное внимание в мемуарах уделяет обоснованию неизбежности краха СССР, преувеличивая их (а заодно и свою) роль и значение, но избегая вдаваться в детали самих переговоров, освещения каких-то неблагоприятных обстоятельств или

поступков их участников. Складывается впечатление, что В. Кебич является более опытным политиком (вся организация встречи лежала на нем, он постоянно находился в контакте с силовиками и с Президентом Казахстана), старающимся казаться наивным, а С. Шушкевич, наоборот, недостаток политического опыта пытается компенсировать преувеличением исторического значения и даже сакрализацией события, в котором ему довелось участвовать.

1. Бойко О.Д. Україна 1985–1991 рр. Основні тенденції суспільно-політичного розвитку / О.Д. Бойко. – Київ: ПІЕНД, 2002. – 303 с.
2. Елисеєва Н. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР: 1985–1991 годы / Н. Елисеєва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/7823>
3. Кебич, В.Ф. Искушение властью : из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
4. Кебич, В.Ф. Беловежский гамбит / В.Ф. Кебич. – Минск : Торгово-финансовый союз «БТФС», 2013. – 336 с.
5. Шахрай С.М. Мифы и факты о распаде Союза ССР / С. М. Шахрай // Распад СССР : документы и факты : в 2 т. – Москва : Кучково поле, 2016. – Т. II: Архивные документы и материалы. – 2016. – С. 39–50.
6. Шушкевич, С.С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР / С. С. Шушкевич. – М. : РОССПЭН, 2012. – 471 с.

Юрчак Д.В.

МЕМУАРЫ БЕЛОРУССКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ КАК ИСТОЧНИКИ, ОТРАЖАЮЩИЕ ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ СНГ¹

Тематика переговоров в правительственной резиденции «Вискули» и особенности подписания Соглашения об образовании Содружества Независимых Государств не раз становилась объектом исследования для специалистов в различных странах мира. Вместе с тем, достоверных источников о том, что же происходило 7 и 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще в правительственной резиденции немного. А основными источниками по данному вопросу выступают мемуары непосредственных участников событий, которые очень часто выполнены в рамках «мемуарных войн» и весьма субъективно интерпретируют события. Убедиться в этом можно на примере воспоминаний белорусских государственных деятелей, которые представляли республику на переговорах и выступали в роли принимающей стороны.

В основу данной работы положены воспоминания участников подписания соглашения, которые на тот момент являлись высшими должностными лицами республики: председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича [3], председателя Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебича [1] и министра иностранных дел П.К. Кравченко [2].

Сразу необходимо отметить специфику мемуарной литературы как особой группы повествовательных источников. Подобного рода исторические источники характеризуются крайне субъективным подходом авторов к рассматриваемым вопросам, тем не менее, они являются очень интересными и ценными, так как отражают позиции непосредственных участников исторических событий. При этом мемуары чаще всего отражают политические взгляды и воззрения автора, которые находят отражение и на страницах воспоминаний.

Данный вид источников характеризует детальное восстановление в памяти тех или иных событий, имевших место в прошлом. Причём авторы часто приводят диалоги, которые происходили более десяти, а то и двадцати лет назад. Поверить в их дословную передачу спустя столько времени просто невозможно. Однако именно эта категория источников даёт нам уникальную возможность заглянуть за кулисы многих событий и представить то, что происходило при подписании тех или иных договоров, соглашений в кулуарах встреч и визитов. Причём получить эту информацию из других источников практически невозможно. А если имеется несколько воспоминаний о тех или иных событиях, тогда у исследователей появляется возможность сопоставить «показания» свидетелей переломных исторических моментов, попытаться верифицировать те или иные факты и выявить имеющиеся противоречия, то это существенно увеличивает значение такого рода источников.

Книга председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича, который на тот момент являлся главой белорусского государства, появилась несколько лет назад. В ней автор описывает события разных лет, в том числе историю своей семьи, яркие страницы собственной биографии. Особое внимание уделено событиям конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А.А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В.В. Данилович) по заданию I.1.04. Тема подзадания «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А.П. Косов).

происходило становление современной белорусской государственности, а сам Станислав Станиславович находился у власти, поэтому действительно был активным участником и свидетелем происходящего. Вместе с тем, в книге отражены и события, когда автор оказался в оппозиции, что проявилось в негативных оценках действий существующей власти. Также политические воззрения С.С. Шушкевича проявляются в его комментариях и оценках предыдущих событий.

Проблеме подписания Соглашения об образовании СНГ автор уделяет внимание в 10-м разделе «Беловежская пуца, Вискули, 7–8 декабря 1991 года», занимающем немногим более 20 страниц. При этом отдельно С.С. Шушкевич обращается к событиям, которые предшествовали Вискулям, в частности, пытается дать оценку декларациям о суверенитете как республик Советского Союза, так и отдельных субъектов РСФСР и других союзных республик, а также попыткам, предпринимаемым союзным руководством по сохранению СССР. Параллельно он весьма негативно, хотя и сдержанно, высказывается о главе Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебиче: «Главный герой предшествующей главы и главный тогдашний, как казалось, мой единомышленник в вискулёвском деле оказался настолько многолик, что и сегодня с радостью пришёл бы мне 58 статью и был бы рад...» [3, с. 178].

Вопрос подписания Беловежского соглашения довольно подробно рассмотрен и в воспоминаниях В.Ф. Кебича, опубликованных в 2008 году в Минске. В данной работе Вячеслав Францевич описывает события второй половины 1980-х и 1990-х гг., оценивая их в рамках своих политических воззрений, а также даёт характеристику своему ближайшему окружению. В.Ф. Кебич пытается сдержанно отразить имевшие место события и свою роль в них, допуская при этом иногда серьёзные фактологические ошибки или некорректные высказывания. В частности, в некоторых местах в тексте перепутаны ключевые даты (например, референдумы 1995 и 1996 гг., вместо мартовского общесоюзного референдума 1991 года автор пишет о референдуме 1989 г.), а также имеются высказывания типа «белорусская крепость Смоленск», чего не позволяли себе даже многие национально ориентированные историки [1, с. 86, 192, 215]. А из уст Вячеслава Францевича всё это вообще звучит неожиданно и провокационно. Однако, на наш взгляд, эти неточности стоит отнести к недоработкам редакторов издания.

Событиям в Вискулях автор посвятил 6 главу, которую он озаглавил «Мне понятна твоя вековая печаль, Беловежская пуца...». Уже название даёт возможность понять, какую оценку произошедшим в декабре 1991 года событиям даёт В.Ф. Кебич. По объёму эта глава занимает 35 страниц. В названиях разделов и непосредственно в тексте Вячеслав Францевич называет всё произошедшее не иначе как «государственным переворотом», постоянно акцентируя внимание на то, что он до последнего не знал о планах руководства России и Украины. Хотя при этом признаёт, что подписание договора о новом формате отношений было необходимо, при этом основу нового союза должны были составить именно три славянских республики СССР [1, с. 219]. Кроме того, он отмечает: «я был абсолютно убежден, что это формальный акт, что союзное государство, хотя и в усеченном виде, возрождается, как птица Феникс из пепла. И, ставя, свою подпись, не чувствовал ни страха, ни угрызений совести. Было даже определённое чувство гордости за то, что столицей СНГ избран Минск» [1, с. 205].

Третьей книгой, содержащей воспоминания белорусского государственного деятеля о Беловежской встрече, является работа министра иностранных дел Республики Беларусь П.К. Кравченко «Беларусь на распутье. Записки дипломата и политика», появившаяся раньше остальных. В ней трехсторонняя встреча руководителей Беларуси, России и Украины в декабре 1991 года описывается во второй части «Хроника великого перелома», в которой в двух разделах «Вискули. День первый» и «Вискули. День второй» (35 страниц текста) подробно описываются все события, происходившие в эти дни с участием самого Петра Кузьмича.

Анализ воспоминаний П.К. Кравченко позволяет утверждать, что на страницах книги автор делает акцент на себе и собственной роли в тех или иных событиях. Также общая оценка декабря 1991 года у него исключительно положительная. В частности, автор заявляет: «Вискули были очень удачной исторической импровизацией. С точки зрения протокола всё произошло вполне корректно, с соблюдением международных правовых норм. Да и в обществе известие о роспуске СССР и создании СНГ было принято с эйфорией... Считаю, что особенно повезло Беларуси. Без единого выстрела, без крови, как в Тбилиси или Вильнюсе, мы легко получили то, о чём мечтали столетиями поколения нашего народа» [2, с. 199].

В целом все вышеназванные работы можно обозначить как субъективную оценку событий в Беловежской пуце со стороны представителей белорусской делегации, выполненную в русле

«мемуарных войн 1990-х гг.». При этом подобные противоречивые свидетельства во многом повторяют тенденции, характерные для России и Украины. Поэтому воспоминания российских и украинских участников переговоров вполне могли бы дополнить общую картину происшедшего в Вискулях в декабре 1991 года, как, впрочем, и документы западных дипломатов.

Описание событий в Беловежской пуще, приведённые несколькими мемуаристами из состава белорусской делегации, выполнены в русле так называемых «мемуарных войн» и существенно разнятся между собой, поэтому они не могут быть признаны полностью достоверным источником по событиям декабря 1991 года. Вместе с тем, воспоминания В.Ф. Кебича, П.К. Кравченко и С.С. Шушкевича позволяют определить позицию самих авторов по тем или иным вопросам, а в случае привлечения всего спектра возможных источников позволят создать целостную картину происходящего в правительственной резиденции «Вискули» 7 и 8 декабря 1991 года. Последнее также очень важно, так как вокруг этого сформировано огромное количество исторических мифов, которые используются различными политическими силами в собственных целях.

1. Кебич, В.Ф. Искушение властью : из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
2. Кравченко, П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении. Записки дипломата и политика / П.К. Кравченко. – М.: Время, 2006. – 456 с.
3. Шушкевич, С.С. Моя жизнь. Крушение и воскрешение СССР / С.С. Шушкевич. – М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.

Косов А.П. БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ¹

Обретение суверенитета союзными республиками привело к установлению между ними новых межгосударственных отношений. Произошло это и между Республикой Беларусь и Российской Федерацией. Процесс становления и развития белорусско-российских отношений представляет большой интерес для исследователей в силу того, что Минск и Москва являются ближайшими партнерами и союзниками на международной арене. Об этом свидетельствует обилие точек зрения на взаимоотношения Беларуси и России в постсоветский период, которые нашли отражение в публичных заявлениях, комментариях и публикациях в СМИ представителей политико-академических кругов двух стран [см.: 4–6]. Однако, на наш взгляд, для воссоздания всей полноты картины представляется оправданным обратить внимание не только на аналитические и информационные материалы, но и на воспоминания государственных деятелей Беларуси о выстраивании и развитии двусторонних отношений между двумя государствами. В белорусской историографии отдельные ученые уже обращались к изучению мемуаров государственных деятелей Беларуси. Так, Д.В. Юрчак проанализировал события 7–8 декабря 1991 г. и их отражение в воспоминаниях председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевича, председателя Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебича и министра иностранных дел Беларуси П.К. Кравченко [10]. Ниже рассмотрим взгляды С.С. Шушкевича, В.Ф. Кебича, С.Г. Шарецкого, П.К. Кравченко, И.И. Антоновича на становление и развитие белорусско-российских отношений.

Мемуаристика – это особая группа источников. С одной стороны, они характеризуются авторским субъективизмом к рассматриваемым вопросам; с другой стороны, они представляют интерес и ценность, поскольку отражают позиции участников исторических событий. Абсолютно прав Д. В. Юрчак в том, что именно данная категория источников дает возможность заглянуть за кулисы исторических событий и представить то, что происходило при подписании тех или иных договоров и соглашений в кулуарах встреч и визитов. Часто получить эту информацию из других источников практически невозможно. Кроме того, если имеется несколько воспоминаний об одном и том же событии, у исследователей появляется возможность сопоставить «показания» свидетелей тех или иных событий, верифицировать факты и выявить противоречия. Это увеличивает значение такого рода источников [10, с. 207–208].

При изучении мемуаров людей, занимавших в 1990-е гг. высокие посты в руководстве страной, отчетливо бросается в глаза их нелicenseприятное отношение друг к другу, а также к действующей

¹Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема подзадания «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – к.и.н., доц. А. П. Косов).

власти. Оценивая свою государственную деятельность они обвиняют один другого в допущенных ошибках и промахах. Так, С.С. Шушкевич критикует В.Ф. Кебича, П.К. Кравченко, И.И. Антоновича, А.Г. Лукашенко; П.К. Кравченко – С.С. Шушкевича, В.Ф. Кебича, С.Г. Шарецкого, И.И. Антоновича; В.Ф. Кебич – С.С. Шушкевича, П.К. Кравченко; С.Г. Шарецкий – А.Г. Лукашенко. Другими словами, их мемуары – это попытки оправдать свою политическую деятельность и свести счеты с бывшими соратниками и коллегами. В ряде случаев осмысление белорусско-российских отношений также осуществляется сквозь призму межличностной борьбы бывших высокопоставленных чиновников и критики нынешнего политического режима.

Следует отметить, что взаимоотношения Минска и Москвы в постсоветский период нашли неодинаковое отражение в мемуарах государственных деятелей Беларуси. Так, бывший председатель Верховного Совета Республики Беларусь С.С. Шушкевич в своих воспоминаниях почти не уделяет внимания белорусско-российским отношениям. Единственное, на что стоит обратить внимание, это на высказанное им субъективное мнение о том, что события связанные с референдумом 1996 г. – это российское вмешательство «с целью сокрушить белорусский парламентаризм и наделить Лукашенко диктаторскими полномочиями». По его мнению, в таких действиях Россия видела выгоду для себя [9, с. 27]. Очевидно, что это далеко от истины.

Практически не рассматривается проблематика белорусско-российских отношений и в книге последнего председателя Верховного Совета Республики Беларусь С.Г. Шарецкого, который обращает внимание лишь на отдельные эпизоды. Во многом, это объясняется структурой работы, которая является сочетанием статей, докладов и заявлений автора. Например, в контексте изучения белорусско-российских отношений можно рассматривать обвинительные рассуждения бывшего спикера белорусского парламента о том, что в начале 1996 г., когда начиналась подготовка к выборам президента Российской Федерации, команда А.Г. Лукашенко подготовила положение об образовании Содружества Беларуси и России, реализация которого означала потерю республикой своей независимости. Тем самым, по мнению политика, Президент Беларуси стремился стать главой союзного государства. Однако передача Президиуму Верховного Совета Республики Беларусь подготовленного положения якобы не позволила А.Г. Лукашенко осуществить задуманное. На такой шаг людей из окружения белорусского Президента толкнуло понимание ими всей сути и пагубности задуманного для страны «пути развития». Поэтому в принятом постановлении уже были четко сформулированы принципы, согласно которым сохранялась самостоятельность обоих государств. Кроме того, по утверждению С.Г. Шарецкого, и Б.Н. Ельцин, узнав об истинных намерениях А.Г. Лукашенко, заявил о необходимости сохранения самостоятельности и независимости Беларуси. Да по-другому, с точки зрения бывшего спикера, и не могло быть, поскольку именно Б.Н. Ельцин первым из российских государственных деятелей письменно признал существование белорусского народа, как самостоятельного этноса и его право на создание своего независимого государства [8, с. 43–44]. А то, что впоследствии А.Г. Лукашенко перестал претендовать на роль первого лица в союзном государстве, то это, по мнению С.Г. Шарецкого, очередная ложь [8, с. 45]. Критикуя белорусского президента, бывший глава парламента подчеркивал, что никогда не выступал против России. Согласно ему: «С народами России надо жить в хороших, но только соседских (и не больше) отношениях. А что касается отношений между государствами, то они должны быть взаимовыгодными при уважении суверенитета и независимости каждой – и Беларуси, и России» [8, с. 45].

В отличие от С.С. Шушкевича и С.Г. Шарецкого первый министр иностранных дел Республики Беларусь П.К. Кравченко в своих мемуарах более подробно останавливается на белорусско-российских отношениях. По личным воспоминаниям он прослеживает взаимоотношения Минска и Москвы в бытность главой белорусского МИДа и председателем Комиссии по международным делам Верховного Совета. На страницах своей книги дипломат позиционирует себя сторонником белорусско-российских отношений, развивающихся на равноправной основе двух близких, но суверенных государств. Рассматривая первые годы развития двусторонних взаимоотношений, П.К. Кравченко подчеркивает, что «с самого начала все развивалось неправильно: с другими странами мы выстраивали дипломатические отношения, а здесь... У России до нас руки не доходили, в Беларуси тоже считали: со «своими» как-нибудь разберемся. Москва еще не воспринималась как заграница» [7, с. 303].

В мемуарах дипломат дал оценки, зачастую критические, поведению белорусского и российского руководства, говоря, в частности, о том, что «наш первый президент давно уже не друг России, да, собственно, он им никогда и не был». Он подчеркнул, что «слишком тесная» дружба с Москвой

для Лукашенко чревата, поскольку белорусский президент понимает: «российская корона» ему не светит, а соратники готовы его сдать, если того потребует ситуация. К тому же, многие из белорусского руководства (С. Сидорский, В. Семашко, А. Тозик, С. Мартынов) не испытывали, по мнению П.К. Кравченко, «искренней тяги к единению с Россией» [7, с. 297–298].

Довольно подробно рассмотрел белорусско-российские отношения в своих мемуарах и бывший председатель Совета Министров Республики Беларусь В.Ф. Кебич. На страницах своих книг он весьма тепло отзывается о действиях Москвы в отношении Беларуси, подчеркивая, что российское руководство в лице В.С. Черномырдина всегда шло навстречу Минску. Он акцентировал внимание на том, что Беларусь получала энергоносители по очень низким ценам, а расплачивалась за них с большим опозданием [3, с. 340]. «Только для одной лишь Беларуси дотации превысили 50 миллиардов долларов» [2, с. 93].

Высоко оценивает В.Ф. Кебич и проведенную работу по созданию единой денежной системы Беларуси и России. В частности, он заявляет, что в 1993 г. стороны всего за несколько месяцев прошли тот путь, «который теперь не удастся преодолеть и за полтора десятка лет» [3, с. 345]. При этом политик указывает на объективные и субъективные причины, не позволившие завершить объединение национальных валют в годы его премьерства. К числу первых, например, относит принятие новой российской конституции, а к числу вторых – поведение С.С. Шушкевича и С.А. Богданкевича, пошедших на поводу у Запада, прекрасно понимавшего, что «объединение валют Беларуси и России – первый, но не последний шаг на пути к государственному объединению, и не хотел ни при каких обстоятельствах восстановлению СССР даже в его усеченном варианте...» [2, с. 240, 244]. Исходя из этого, В.Ф. Кебич убежден, что процесс объединения денежных систем Беларуси и России стал заложником политических игр [3, с. 378, 380–386]. В результате, отказавшись от реализации достигнутых договоренностей, стороны вернулись на исходные позиции [2, с. 252]. Таким образом, он констатирует, что у Минска и Москвы была реальная возможность объединить денежные системы двух стран, но у сторонников объединения не хватило политической воли и времени [3, с. 398].

В.Ф. Кебич оценивает белорусско-российские отношения не только периода своего премьерства, но и на современном этапе. Так, по его мнению, в основе неудачи строительства Союзного государства в XXI веке лежит противоположность подходов, предлагаемых Россией и Беларусью, поэтому существует вероятность, что оно может так и остаться нереализованным проектом [2, с. 262–263]. Согласно ему, российское руководство в лице В.В. Путина и Д.А. Медведева, натолкнувшись с обеих сторон на мощное сопротивление со стороны белорусского и российского истеблишмента углублению интеграции, сочло за лучшее пустить этот процесс на самотек [2, с. 258–259]. В итоге, В.Ф. Кебич констатирует: «Если бы во внешней и внутренней политике Беларуси и России существовала преемственность, как это и должно быть в цивилизованных государствах, мы жили бы сегодня в единой стране» [2, с. 250]. Но, к сожалению автора, на самом деле видим учащение кризисных явлений в двусторонних отношениях.

Вкратце в одной из своих последних статей касается развития белорусско-российских отношений в постсоветский период и занимавший пост министра иностранных дел Беларуси в 1997–1998 гг. И.И. Антонович. В целом, он характеризует их развитие как весьма успешное. Дипломат подчеркивает, что на пути сближения Минска и Москвы было немало преград, но наши страны смогли все преодолеть. Так, по его мнению, сложившаяся в результате референдума 1996 г. политическая ситуация в Беларуси использовалась западными государствами для того, чтобы «помешать интеграционным процессам в России и Беларуси, в которых они видели опасность воссоздания СССР» [1, с. 34]. Однако расчеты Запада не оправдались. Тем не менее, по словам И.И. Антоновича, именно давление Запада вынудило руководство республики искать новых партнеров в целях укрепления международных позиций страны на мировой арене, что и привело к вступлению Беларуси в Движение неприсоединения. В связи с этим событием любопытным представляется описание реакции российской стороны: тогдашний посол России в нашей стране В.В. Лощинин эмоционально говорил автору воспоминаний: «Зачем вам нужно Движение неприсоединения, когда есть мы?». Первый заместитель министра иностранных дел России Б.Н. Пастухов также не одобрял белорусское членство в Движении неприсоединения [1, с. 35]. Согласно И.И. Антоновичу, в Беларуси тоже были противники вступления республики в Движение неприсоединения, считавшие, что точки зрения России и государств-членов Движения неприсоединения по ряду вопросов не совпадают, и «если Беларуси придется голосовать по тем или иным вопросам вместе с Движением, то теряют смысл союзнические отношения с Рос-

сией» [1, с. 36]. Несмотря на это, вступление Беларуси в Движение неприсоединения И.И. Антонович справедливо считает полностью оправданным. Хотя, конечно, для него союзнические отношения с Россией – это безусловный и незыблемый приоритет белорусской внешнеполитической стратегии. По его мнению, образование Союзного государства «стало важным фактором геополитического развития Европы». Ведь, «русские – близкородственный нам народ, Россия – дружественное государство». А Союзное государство он называет «экспериментальным полигоном», на котором готовилось более широкое объединение – Евразийское экономическое сообщество. Несмотря на имеющиеся конфликты, российско-белорусские отношения, «как они проявились в Союзном государстве и теперь в ЕАЭС, – это новая геополитическая реальность, динамично развивающаяся система, которая весьма активно влияет на ситуацию в мире» [1, с. 36–38].

Таким образом, воспоминания государственных деятелей Беларуси являются ценным источником по проблеме изучения внешней политики страны, в том числе и белорусско-российских отношений. Однако, несмотря на констатацию факта важности развития разносторонних связей с Москвой всеми авторами воспоминаний, далеко не все из них уделили должное внимание рассмотрению белорусско-российских отношений. Наиболее полно данная проблематика получила отражение у В.Ф. Кебича, П.К. Кравченко и частично у И.И. Антоновича. В книгах С.С. Шушкевича и С. Г. Шарецкого белорусско-российские отношения практически не рассмотрены. Оценки их развития у авторов воспоминаний также различные. Если И. И. Антонович положительно оценивает сотрудничество двух дружественных государств и считает, что руководством Беларуси и России все делалось правильно, поэтому и были достигнуты хорошие результаты в двусторонних отношениях, то В.Ф. Кебич всячески подчеркивает правомерность именно своих действий в отношении Москвы, которые позволили добиться многого. Развитие же современных белорусско-российских отношений зачастую оценивает скептически. Такой же подход превалирует и у П.К. Кравченко. Оценки деятельности белорусских властей на российском направлении у С.С. Шушкевича и С.Г. Шарецкого при всей фрагментарности рассмотрения ими взаимоотношений Минска и Москвы исключительно негативные. Свою работу в сфере белорусско-российских отношений они не рассматривают, лишь жестко критикуют действия А.Г. Лукашенко и Кремля.

1. Антонович, И. Уверенно идти своим курсом / И. Антонович // *Беларуская думка*. – 2017. – № 1. – С. 32–39.
2. Кебич, В.Ф. Беловежский гамбит / В.Ф. Кебич. – Минск : Торгово-финансовый союз «БТФС», 2013. – 336 с.
3. Кебич, В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.
4. Косов, А.П. Отношение российского политического сообщества к интеграции России и Беларуси / А.П. Косов // *Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXII (69) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 9–10 февраля 2017 г. : в 2 т. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]*. – Витебск, 2017. – Т. 1. – С. 305–307.
5. Косов, А.П. Создание и функционирование Союзного государства в оценках российского экспертного сообщества / А. П. Косов // *Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 2 февраля 2017 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]*. – Витебск, 2017. – С. 160–163.
6. Косов, А.П. Союзное государство в оценках прозападных политических сил Беларуси / А. П. Косов // *Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце : материалы XV Международной конференции, посвященной 95-летию образования Белорусского государственного университета, 27 октября 2016 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (пред.) [и др.]*. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 36–38.
7. Кравченко, П.К. Беларусь на распутье, или правда о Беловежском соглашении: записки дипломата и политика / П. К. Кравченко. – М. : Время, 2006. – 456 с.
8. Шарэцкі, С. Абаронім наш дом – Беларусь : артыкулы, даклады, заявы / С. Шарэцкі. – Вільнюс : Выдавецтва ULA, 2000. – 168 с.
9. Шушкевич, С.С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР / С. С. Шушкевич. – М. : РОССПЭН, 2012. – 471 с.
10. Юрчак, Д.В. Создание Содружества Независимых Государств в мемуарах белорусских государственных деятелей / Д. В. Юрчак // *Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сборник научных статей. Вып. 4 / сост. Е.А. Достанко; редкол.: А. М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 206–219.

Синецкая Э.А.

ЛИТЕРАТУРА МОЛОДЫХ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Культурологи и литературоведы находят у художественной литературы три главных социальных функции: эстетическую (в иных качествах могущую быть так называемо развлекательной), социально-коммуникативную и информирующую, или познавательную. В отличие от литературоведов меня вовсе не интересует изучение жанров, творчества отдельных писателей, ощутимо ли было влияние модернизма или иных направлений в современной китайской литературе и т.д. Но то, что новая китайская литература – «явление не только литературное, но и общественно-политическое и культурно-историческое», «выходило далеко за пределы собственно литературного

процесса» и «оказывало значительное влияние на понимание культуры, на становление новой ментальности, на формирование новой личности» [8], с этим мнением литературоведа не согласиться нельзя. «Писатель – свидетель своего времени», и литература свидетельствует, «по какому календарю» живёт общество, в средостенье которой она родилась [12]. А российский прозаик настаивает на своём убеждении «в том, что литература всегда ставит социальный диагноз, литература такая, какая она есть. И дело не в том, написана она на "тройку", "четверку" или "пятерку", а в том, что все-таки это скол нашей современной жизни. Поэтому тот, кто возьмет на себя труд эти... произведения прочесть и над ними поразмыслить, он, может быть, сделает какие-то социальные выводы о том, что происходит с Россией, с русским обществом» [11].

Занимаясь историей проникновения идеологии феминизма в Китай [7], я поняла, что заниматься чтением официальных документов практически бессмысленно, ибо они говорят преимущественно об идеологии государства по любому вопросу (даже скорее о том, что хотело бы государство представить в качестве своей идеологии). Научных публикаций было немного, к тому же основное внимание в них уделялось женскому движению, в том числе революционному. Однако ничего не говорилось о реальной жизни человека, существующих в ареале действия этих бумаг и чаще, кстати, живущих в определённом параллельном им мире. Посему я обратилась к китайской литературе, которая с периода движения «за новую культуру» (с 20-х годов прошлого века – тому периоду истинной культурной революции, происходившей в Китае) развивалась просто таки взрывообразно. Той литературы, которая, по, на мой взгляд, авторитетному утверждению марокканского романиста и поэта Тахара Бенжеллуна (живет в Париже, пишет по-французски, лауреат Гонкуровской премии), появилась «на Востоке в её западном понимании с проникновением в данную национальную среду идеологемы индивидуализма» [12].

Произведения китайских авторов 20–30-х годов показывает, что внешний вид китайцев резко менялся, естественно, прежде всего – в больших городах. Мужчины сменили халат на одежду европейского кроя, нередко, на военную форму. А новые женщины Китая стремились едва ли не в первую очередь поменять архетип женщины, сложившийся исторически. Они меняли стиль одежды, макияжа и, самое главное, стиль поведения. Есть интересный пассаж в рассказе Мао Дуня «Комедия» [5 с. 8], относящийся этому периоду, который касается преимущественно внешнего вида и поведения женщин (а «женщина с её напряжённой эмоциональностью живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его» [4, с. 46]). «Да, мир действительно переменялся! – думает человек, отбывавший срок в тюрьме, то есть на определённое время выключенный из городской жизни. – Женщины обстригли волосы, стали красить губы, румянить лицо, разгуливать с обнаженными плечами, выпятив грудь и вихляя бедрами. Появилось много кинотеатров, всюду сверкала реклама...». И автор далее пишет: «Что скрывается за всем этим, Хуа еще плохо понимал. Несомненно для него было одно: революция свершилась» (выделено мною. – Э.С.). Но и всё, что необходимо для понимания внутреннего мира женщины в этот переломный период, можно также было получить только через художественные произведения, особенно из романов Мао Дуня [6]: сведения о том, как китайская женщина приходила к новой самоидентификации, как вела себя в новых условиях, какие сложности и трудности (как внутреннего, так и внешнего плана) приходилось ей преодолевать на пути к эмансипации.

Или возьмём роман Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость» [9], являющийся прекрасной иллюстрацией столкновения традиционалистских взглядов и новых веяний в 30-40-ых годах XX века в Китайской республике, данной на примере семейной жизни практически уже «новых» китайцев. Супружеская чета, добровольный союз которых образовался в процесс совместной работы в провинциальном вузе и очень не простой дороги домой в Шанхай, с большим трудом преодолевает не столько проблему естественной для молодых семей «притирания» в быту, сколько внутрисемейных конфликтов, скорее – отношений с родителями и родственниками, «отягощённых» почти обязательным наличием проблем взаимодействия супругов как представителей различных культур. Культурно-цивилизационное пространство в Китае, в тот период особенно, даёт основание говорить о некоем «цивилизационно-смешанном браке» (не смотря на то, что эти слова обычно используются в обсуждении проблем расово-смешанных браков [3, с. 11]).

Что касается современности, то следует, прежде всего, учесть, что реформа начала 70-х годов XX века – ещё один резкий и очень результативный рывок в экономическом развитии и культурном Китае. Политика открытости как составляющая и неотъемлемая часть новой экономической стратегии, прежде всего, должна была быть направлена на реформирование международных отношений и отражала понимание прочной связи возможностей модернизации Ки-

тая с включением страны в глобальные процессы. Но определённая сцепленность между чисто, казалось бы, экономическими явлениями и прочими сферами жизни страны «имело место быть», хотели этого идеологи реформ или нет. В результате произошло определённое ослабление тоталитарной власти, появление некоторой свободы слова, относительной демократизации политической и общественной жизни, открытости западному миру и в культурном отношении, большей свободой творческой деятельности.

Интересно отметить, что по прошествии полувека внешний вид и стиль поведения женщин вновь выступает иллюстрацией происходящих в обществе изменений. Так в рассказе Вэй Вэй «Женщина. Да Лаочжэна» [1], действие которого происходит в «древнем городке» близ Гуанчжоу, где «как жили люди во времена битв Сян Юя и Лю Бана, так живут и сейчас» [1, с. 296], но «самые удивительные изменения, которые несли новые времена, были заметны, прежде всего, в облике жительниц нашего города». Скажем, в Гуанчжоу начали женщины пользоваться губной помадой, а «буквально через какие-то полтора года и у нас распространилась мода на косметику». С одной стороны, утверждается, что «сколько веяний не было, мы успевали угнаться за всеми», но с другой – «у нас тут не то место, где перемены налицо, но новому мы открыты», а начинается всё с обсуждения вопросов реформ, бизнеса, проблем экономики, «по-скольку все это были новые словечки» [1, с. 297]. В этой же повести показаны и последствия характернейшего и важного для реформ расширяющегося миграционного процесса в стране. Естественно, это прежде всего касается трудовых ресурсов. Но не только. Через какое-то время после доносящихся в городок разговоров про реформы, «сюда стали приезжать люди из других мест, которые приезжали сюда налаживать бизнес (кто-то богател, кто-то прогорал, в конце концов, одна партия приезжающих уезжала, а взамен прибывала новая)» [1, с. 297]. Они одевались иначе, вели себя совсем по-другому, местным казалось, что этим людям удалось повидать мир. В общем, с их появлением «городок обрел новое дыхание, что заставило нас вспомнить такие слова, как “раскрепощение”, “приморский район”, “Гуандун” и т.п.» [1, с. 298]. В стране появляются частные предприниматели, самого разного калибра, и расселяются по стране, как бы разнося по городам и весям эти «зёрна» предпринимательства.

Произведения современных писателей Китая рассказывают нам о проблемах гендерного дисбаланса, о возобновившейся практики так называемых вторых и временных жён (не только дельцов и коррупционеров, но и людей с меньшим достатком), о сиротстве и его последствиях, о наличии киллеров (что может свидетельствовать о продолжающейся деятельности ОПГ в стране), о новой стратификации китайского общества и много-много ещё о чём. Известный современный писатель Юй Хуа говорит в Предисловии к своей книге «Десять слов про Китай» [10, с.7]: «Мой роман родился из встречи двух эпох: периода культурной революции, фанатичного, подавляющего естественные человеческие чувства, корежащего судьбы; и нашего времени перевернутой морали, вседозволенности и бесконечного человеческого многообразия. Китай периода культурной революции и нынешний – все равно что средневековая и нынешняя Европа. Чтобы прожить эти две эпохи, далекие друг от друга как небо и земля, западному человеку потребовалось бы четыреста с лишним лет, а китайцы сделали это за сорок. Бури четырех веков сгустились в четыре десятилетия – поистине неоценимый опыт!» Но при этом оптимизме как бы забывается о том, что западное Средневековье являлось продолжением (или итогом) предшествовавшего развития т.н. западной цивилизации, в котором немалую роль играло христианство. В результате, с существованием особого типа личности «на определённом этапе Средневековья Запад начал выходить за пределы, в которых развивалось традиционалистское общество» [2, с. 298]. Значительно более чем миллиардному населению современного Китая весьма присущи синкретизм и многокультурность, но традиционализм жив не только в крестьянской среде. В определённой ситуации он может «вторгаться» в социально-психологическое состояние, поведенческую психику представителей иных слоёв, в том числе и являющихся, казалось бы, уже «новыми» китайцами. И всё это прекрасно иллюстрируется современной китайской литературой.

Проза новой генерации литераторов Китая бесспорно является репрезентативными текстами, формой, пусть и особой, предоставления знаний о внешней тексту действительности, что имеет право и должно быть осмысленным.

1. Вэй Вэй. Женщина Да Лаочжэна // Сорок третья страница. Китайская проза XXI века / пер. с кит.яз. – СПб.: КАРО. 2011. – С. 295–318.
2. Гуревич, А.Я. Индивид. Статья для возможного в будущем «Толкового словаря средневековой культуры» / А.Я. Гуревич // От мифов к литературе. Сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 1993. – 352 с.

3. Крылова Н.Л. Столкновение культур в пространстве социосемейных отношений. Русско-африканский прецедент // Н.Л. Крылова, С.В. Прожогина. Гендерные аспекты конфликтов. Столкновение эпох и культур глазами русских в Африке и североафриканцев в Европе. – М.: Институт Африки РАН, Сер. Гендерные исследования. – Т. 11. – 2010. – 410 с.
4. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994. – 711 с.
5. Мао Дунь. Рассказы. – М.: Гослитиздат, 1960. – 63 с.
6. Мао Дунь. Сочинения в трёх томах. – М.: Гослитиздат, 1956. – 464 с., 564 с., 372 с.
7. Синецкая, Э. Феминизм в Китае (или Дорога, длиною в полтора столетия) / Э. Синецкая; ИВ РАН. – М., 2010. – 469 с. (Депонировано в ИНИОН РАН).
8. Хузиятова Н.К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореферат: 10.01.03. Востфак СПбГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/modernistskie-tendentsii-v-tvorchestve-kitaiskikh-pisatelei-1980-kh-godov-kak-poisk-identich>. Дата доступа: 03.03.2014.
9. Цянь Чжуншу. Осаждённая крепость / пер. с кит. яз. – М.: Худож. лит., 1989. – 511 с.
10. Юй Хуа. Десять слов про Китай / пер. с кит. яз. – М.: Астрель. 2012. – 224 с.
11. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.svobodanews.ru>. – Дата доступа: 03.06.09.
12. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/сИгорьПомеранцев>. – Дата доступа: 13.11.2014.

Сангаре Ш.К.

СМИ КАК ИСТОЧНИК, ОТРАЖАЮЩИЙ ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ МАЛИ К ПРОТИВОСТОЯНИЮ С ТУАРЕГАМИ И ИСЛАМИСТАМИ

Современная Республика Мали является примером развития демократии в Африке, что стало возможным после свержения военной диктатуры Муссы Траоре в 1991 году. Однако, к сожалению, на долю малийского народа выпало много испытаний, которые были обусловлены активным влиянием извне (со стороны бывшей метрополии и основных центров силы в регионе), внутренними проблемами и противоречиями. Одним из ключевых дестабилизирующих факторов была этническая ситуация в стране, которая объяснялась сосуществованием на территории Мали многочисленных народов и народностей. Исторически именно в зоне Сахеля происходит разделение «белой» (арабы, туареги) и «чёрной» Африки. Поэтому конфликты на национальной почве здесь развивались на протяжении веков, а появление малийской государственности обострило отношения с кочевыми племенами туарегов, который исторически также высказывали претензии на образование собственного государства Азавад за счёт севера Мали и территории других стран региона.

Восстания туарегов на севере Мали не были редкостью, однако после свержения главного покровителя туарегов Муаммара Каддафи, использующего воинственные кочевые племена для продвижения собственной внешней политики, тысячи туарегов, служивших в элитных подразделениях Ливии, вместе с семьями были вынуждены бежать в Мали, что изменило расклад сил в регионе и создало предпосылки для нового антиправительственного выступления. В конце 2011–2012 гг. на севере Мали появились политические объединения туарегов, выступающие за независимость Азавада, и началось военное противостояние с малийскими войсками.

С этого времени конфликт на севере страны стал одной из главных тем для малийских печатных СМИ, которые отражали интересы различных политических сил и партий. Вместе с тем, стоит отметить, что влияние газет в стране, в которой только треть населения умеет читать, не сильно велико и распространяется в основном на политическую и экономическую элиту. Тем более, что почти все газеты в стране выходят на французском языке, а национальные языки многих народов пока только формируют собственную письменную традицию. Поэтому во многом содержание малийских изданий является отражением позиций политической и интеллектуальной элиты страны.

В результате конфликта между югом и севером в стране образовался информационный вакуум. Сложно было обеспечить поступление объективной и точной информации о состоянии дел по обе стороны противостояния. Местные корреспонденты перестали предоставлять материалы редакциям в Бамако. Многие журналисты бежали на юг, опасаясь за себя и своих близких. Всё это лишало малийские СМИ надёжных источников информации в регионе. На юге деятельность СМИ также развивалась не в самой простой обстановке. В условиях политического противостояния некоторые силы и группы влияния пытались захватить частные и государственные СМИ, особенно во время выступления военных, которые свергли президента Амаду Тумани Туре, но под давлением извне вынуждены были отказаться от власти в пользу законных властей.

Освещение конфликта на Севере в малийских СМИ чаще всего было односторонним и полностью отражало позицию правящей политической элиты страны. Несмотря на расхождения в политических воззрениях, различные издания и радиостанции объединяло одно – стремление вернуть северные земли в состав страны. Отличались только взгляды на методы достижения этой цели и то,

кто из политических деятелей страны способен воплотить намеченное на практике. То есть развернулась внутривластная борьба, которая привела к активному противостоянию.

В течение 2012 года после выступления военных оказались нарушенными коммуникативные связи между властью и независимыми СМИ. Это также негативно влияло на содержание газет и радиоэфира, так как критики в отношении властей стало только больше из-за отсутствия прямых контактов и обмена информацией. Правительство не имело даже пресс-секретаря, который бы доводил информацию до средств массовой информации. Дошло до того, что один из влиятельных журналистов страны заявил, что «Салафиты и туареги лучше работают с малийскими СМИ, чем правительство», так как от них было легче получить информацию, чем от властей страны [3, p. 18].

С самого начала боевых действий на страницах всех малийских изданий особое внимание отводилось сообщениям о боевых столкновениях и вылазках боевиков. По сути, эти сообщения можно рассматривать как вести с фронта, которые публиковались на протяжении всего периода открытого военного противостояния и военной помощи Франции.

Вместе с тем, на начальной стадии противостояния многие допускали возможность мирного решения проблемы, так как восстание туарегов не являлось чем-то новым для Мали. И боевые действия в регионе также воспринимались как обычное явление. Попытки урегулирования туарегского вопроса при помощи Франции и других иностранных государств воспринимались негативно, так как многие в Мали считали, что за мятежниками могут стоять и внешние силы, желающие дестабилизации обстановки. Поэтому призывы официального Парижа о подключении политических объединений туарегов (MLNA) к переговорам по северу воспринимались малийскими журналистами исключительно негативно [2].

Многие издания с самого начала конфликта на севере считали, что значительная часть вины в этом лежит на действующем главе государства, вместе с тем его считали одновременно заложником ситуации [1], которая в итоге привела к государственному перевороту. Впоследствии деятельность бывшего главы государства, подробно была рассмотрена в развёрнутой статье «Виновный – это АТТ», которая была опубликована в нескольких номерах «Info-Matin» [4].

При этом стоит отметить, что итогом противостояния сепаратистов севера с властями Бамако стало постоянное информационное нагнетание ситуации. Малийские СМИ, независимо от их политических взглядов практически всегда события на севере страны подавали в одном ключе (как государственный переворот и попытку сепаратизма), разобраться в проблемах народов севера, подтолкнувших их к уже не первому восстанию, никто не стремился, так как на кону был главный вопрос: сохранение независимости и целостности государства.

Полностью отрицательно на страницах малийских СМИ было воспринята попытка провозглашения независимости Азавада. Так, С.Хайдара (Haidara) со страниц «L'indépendant» обрушился на лидеров сепаратистов: «Азавад может существовать в реальности только во время своего провозглашения в эфире «France 24», а провозглашённую государственность он называл исключительно «мертворождённой» [5].

Неоднократно объектами для резкой критики на страницах малийских СМИ становились Алжир и Мавритания, которые, по мнению многих в Мали, служат базами террористов. Такие предположения имеют под собою реальную почву, так как продолжительная граница на севере с этими странами практически не контролируются всеми сторонами и активно используется сепаратистами, террористами и криминальными группировками в своих целях.

Имели место в малийских СМИ и резкие выпады в отношении туарегов. В частности, отдельные газеты и радио, пользуясь отсутствием контроля со стороны государства и общества, разжигали межнациональную рознь между разными народами, населяющими страну. В условиях восстания туарегов и последующим всплеском террора сделать это было очень просто. Так, по мнению экспертов, заявления нескольких частных радиостанций, разжигающие ненависть в отношении туарегов, содействовали росту насилия по отношению к лицам, похожим на жителей севера на улицах Бамако в течение первых месяцев 2012 года. Поэтому семьи туарегов, а также мавританцев и многие другие, внешне напоминающие жителей севера, вынуждены были покинуть Бамако или искать спасения в посольстве Мавритании [3, p.13, 23].

После перехода контроля на севере Мали от туарегов к исламистам, сепаратизм туарегов временно на страницах СМИ отошёл на второй план на фоне активного наступления фундаменталистов. Поэтому малийские СМИ вынуждены были констатировать: «Мы теперь стоим не лицом к лицу с повстанцами, наша главная проблема сейчас террористы» [6]. Лишь это позволило рассматривать различные организации туарегов как меньшее из зол, что было харак-

терно в первую очередь для международных посредников и постепенно, хоть и с трудом, проникало на страницы малийских СМИ.

Начало боевых действий с участием Франции стало основанием для появления на страницах малийских СМИ вестей с фронта. С момента начала военной операции французов на севере страны средства массовой информации начали сталкиваться с новыми проблемами при стремлении восстановить имевшуюся инфраструктуру и найти хорошие условия для работы. Относительная стабилизация на севере страны после завершения операции «Сервал» и начало переговорного процесса с туарегами способствовали тому, что страна постепенно стала возвращаться к мирной жизни. Это дало возможность ведущим изданиям страны и Малийскому агентству печати и рекламы напрямую получать информацию из северных регионов. То есть существовавший ранее информационный вакуум в основном исчез. Вместе с тем вопрос Севера остаётся одним из самых актуальных для малийских СМИ в условиях продолжения операции «Бархан», наличия миротворческого контингента ООН, сложностей переговорного процесса с туарегами и реализации достигнутых договорённостей, а также регулярных вылазок террористов.

Анализ публикаций ключевых газет страны позволяет говорить, что вопросы общественно-политического характера занимают в них большую часть полос. Северные регионы и всё происходящее там практически всегда находят отражение на первых страницах газет, в новостных выпусках телевидения и радио. Особый акцент на «проблему Севера» делают интернет-издания. В частности, на ведущих интернет-порталах есть специальные разделы или вкладки по этому вопросу. Так, на сайте «Mali Jet» в разделе «Регионы» имеется единственный подраздел «кризис на Севере». На интернет-портале «Maliweb», созданном в 2002 году группой компаний «Media Services Maliweb», имеется отдельный раздел «Север». Те же тенденции можно наблюдать на других интернет-ресурсах страны или электронных версиях печатных изданий, на что уже обращалось внимание в предыдущей главе.

Основными тематическими вопросами по проблеме севера, находящими отражение в малийских СМИ, является миротворческий процесс (переговоры, заключенные соглашения, конференции по урегулированию ситуации в регионе), деятельность французских военных и миротворческого контингента ООН, вылазки террористов и борьба с ними, восстановление северных городов после правления исламистов.

Вместе с тем, в Мали присутствует и другой взгляд на проблему севера, так как посредством свободного доступа к французским, западным и panaфриканским аудиовизуальным СМИ до малийской интеллектуальной элиты доходит и позиция европейских стран и США по ключевым вопросам. Вместе с тем, иностранные СМИ и оппозиционная пресса в основном оказывали влияние лишь на часть малийского общества, в первую очередь интеллектуальную элиту. В то время как значительная часть жителей страны в условиях низкого уровня грамотности вынуждены были узнавать о ситуации на севере исключительно посредством государственного радио и независимых радиостанций, которые также отличались плюралистическими позициями, но проследить их детально в условиях отсутствия аудиоархивов не представляется возможным.

Всё это позволяет говорить, что вопрос развития ситуации на севере страны в настоящее время находит должное отражение в малийских СМИ, так как от этого во многом зависит стабилизация страны и её будущее. Кроме того, публикации по проблемам северных территорий отражают весь спектр взглядов малийской правящей элиты по данной проблеме, которые объединяет одно – стремление сделать всё, чтобы сгладить сепаратизм туарегов на севере страны и противостоять вылазкам радикальных исламистов, стремящихся распространить своё влияние на всю Мали.

1. ATT, victime mais coupable! // Le Prétoire. – 2012. – 9 février. – P. 1,3.
2. Conférence internationale sur le Nord // Le Prétoire. – 2012. – 23 février. – P. 1,3.
3. Evaluation des médias: Les médias maliens divisés par le conflit / International Media Support; Fondation pour les médias en Afrique de l'Ouest; Institut Panos Afrique de l'Ouest. Copenhague, 2013. – P.18.
4. Le coupable, c'est ATT // Info-Matin. – 2015. – 9 avril – 24 avril.
5. Haidara S. La République mort-néede l'Azawad // L'indépendant. – 2012. – 10 avril. – P.3.
6. R.S. Keïta «Nous ne sommes plus face à une rébellion, mais à un terrorisme» // L'Idépendant. – 2012. – 22 mai. – P.3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА. ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ГОРОДА

Серда Н.В.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ И ИХ ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Городоведение в России зародилось поздно. «Рассмотрение городов России как “насильственной случайности” не могло стимулировать их историческое изучение», – писал П.Г. Рындзюнский [15, с. 5–6]. Свою роль сыграло и сложившееся в XIX в. мнение об отсталости городов России и их принципиальной отлученности от городов Западной Европы. Первыми исследователями городов стали праведы и вплоть до 1880-х гг. основным источником для изучения истории городов были опубликованные в первой половине XIX в. законодательные и акты источники [1; 2; 8]. Источниковая база и особенности исследовательских практик праведов обусловили пристальное внимание прежде всего к проблемам управления, к структуре городского населения и особенностям правового положения отдельных категорий горожан. Именно такой подход к проблеме мы видим в трудах П.А. Муллова [11], Л.О. Плошинского [12], А.П. Пригары [13].

Наиболее полное исследование исторического развития городского состояния русского народа находим в работе Л.О. Плошинского. Исследователь делил городских жителей Московского государства на тяглых людей и беломестцев, основываясь на критерии уплаты/неуплаты ими поземельного сбора в пользу казны. Так к числу московских беломестцев Плошинский относил бояр, детей боярских и гостей на том основании, что все они, по его сведениям, не платили поземельный сбор [12, с. 114]. Посадские люди и все жители «казенных черных сотен и слобод», а также большинство служилых людей ученым отнесены к тяглому населению именно на основании уплаты ими поземельного сбора. Поземельный сбор, в понимании Л.О. Плошинского, – основа тягла городских жителей, и причастны к его выплате большинство жителей. Он не связывал тягло ни с занятиями торговлей и промыслами, ни с пребыванием горожан в составе посадской общины. Категория населения «посадские люди» упомянута ученым как одна из групп тяглых горожан, понятие «посадское тягло» было сформулировано, но состав платежей и повинностей, входивших в это тягло, не был выявлен. Кажется, вопрос о составе тягла каждого из сословий вообще не вызывал интереса представителей историко-юридического направления, поскольку они разрабатывали теорию закрепощения всех сословий в Московском государстве и акцентировали внимание на обстоятельстве, общем для всех, – вынужденном служении государству.

На повестке дня стоял вопрос о выявлении состава платежей, повинностей, лежащих на каждом из «сословий». Для активизации исследований этого вопроса требовалось ввести в научный оборот такие группы источников, которые, по замечанию Н.Д. Чечулина, «описывают именно то, и именно так, что и как было, а не сообщают только, как многие правительственные грамоты и челобитные, что и как только должно быть или не должно быть» [21, с. 1–6, 9]. К таким источникам, по его мнению, относились писцовые и переписные книги. К концу XIX в. информативные возможности писцовых и переписных книг периода Московского государства были по достоинству оценены и другими учеными [10]. Этому в значительной мере способствовало активное издание писцовых материалов, в том числе в регионах Российской империи. По сведениям литературы, источники печатали отдельными изданиями, а также в губернских ведомостях различных губерний [18, с. 4–6].

С этого времени исследование структуры населения городов получило некую новую направленность: группы городского населения стали рассматриваться с точки зрения их административно-территориальной организации, ведомственной подчиненности, внутреннего управления, поведенческих особенностей населения, различий их занятий. В результате этих исследований большую определенность приобрело содержание некоторых понятий, в частности – «посад», «посадская община», «слобода», «сотня». Важное значение для городоведения в целом, для исследования социальной стратификации и пространственной организации городского населения имела деятельность членов общества «Старая Москва».

Ю.В. Готье, много внимания уделяя городской топографии, характеризовал московские слободы как продолжение городских улиц, как «придатки могучего организма» [6, с. 28].

Еще одно понимание термина «слобода» видим в очерке М.М. Богословского о составе московского населения. Историк определял слободу как поселение, в котором жили люди одного промысла или одного происхождения. Сотня, по его мнению, также указывает либо на характер занятий, либо на происхождение ее выходцев, как, например, Новгородская сотня. Главный отличительный признак слободы он видит в территориальном единстве. Слобода – это территориальный союз, в отличие от сотни. Для сотни территориальное единство лиц, в нее входящих, по мнению ученого, было несущественно. В качестве примера он указывает на тот факт, что члены гостиной и суконной сотен жили в разных местах Москвы [3]. Более определенным стало и понимание терминов «посад» и «посадские люди». М.М. Богословский подчеркивал, что московский посад составляли лишь «черные посадские люди», на которых лежало посадское тягло. Он рассматривал московский посад как соединение сотен и слобод, но совершенно четко сформулировал мысль о том, что дворцовые слободы юридически в состав посада не входили, их население было обязано работать на нужды дворца. Высшее купечество он рассматривает как категорию служилых людей потому, что гости не несли тягла, прежде всего тех служб, которые лежали на членах московского посада, и, кроме того, имели ряд привилегий, например: они имели право топить избы и бани летом, а подсудны были лишь приказу Большой казны и др.

Огромный вклад в исследование структуры и пространственной организации городского населения внес П.П. Смирнов. В своих работах он отмечал, что каждая профессиональная группа дворцовых и казенных ремесленников, а также служилых людей чаще всего жила в городах особой слободой, но иногда их дворы были рассеяны среди дворов посадских людей. П.П. Смирнов отмечал более привилегированное положение населения этих слобод по сравнению с посадскими людьми, однако не акцентировал внимания на этом. Он наглядно показал, что, по сути, город – это комплекс общин, каждая из которых несет какие-либо свои, особенные обязанности и платит те или иные налоги [18, с. 8].

Начиная с 1870-х годов проблема управления городами стала рассматриваться как самостоятельное направление научных исследований. Наиболее значительным событием стал выход в свет монографии И.И. Дитяткина, которая и по сей день является самым фундаментальным исследованием по данной теме [7]. В его основе лежат почти исключительно законодательные источники. Несколько позднее, в связи с подготовкой к 100-летию издания Жалованной грамоты городам, были опубликованы исследования по истории органов самоуправления ряда городов [14; 16]. Отличительной особенностью этих работ от работ более раннего периода об управлении городами является их источниковая база. Ее составили делопроизводственные документы должностных лиц и органов городского управления: городских старост, городских магистратов и, конечно же, городских дум, которые к тому моменту насчитывали уже сто лет своей истории. Управление слободами Москвы на основе документов приказного делопроизводства изучал С.К. Богоявленский [5].

В 1903 г. был опубликован труд А.А. Кизеветтера [9]. Монография написана на основе массовой документации, которая ежедневно возникала в деятельности городских органов управления. На основе документов городов центральной части Европейской России автору удалось реконструировать механизм осуществления ряда важнейших обязанностей, лежавших на посадских общинах, и механизм их взаимодействия с руководящими государственными структурами. Для А.А. Кизеветтера посад – это торгово-промышленное население города, различающееся по имущественному признаку. Посадская община в работе этого ученого представлена в виде пирамиды. У нее – широкое основание в виде «подлого» гражданства – ремесленного населения и очень тонкая верхушка в виде малочисленной группы первогильдейских купцов» [9, с. 169].

В последующем, вплоть до середины 1930-х гг. силами дореволюционных авторов и ученых советского периода, сформировавшихся в рамках дореволюционной историографической традиции, происходило накопление фактического материала по истории городов и горожан, были опубликованы работы, которые подтверждали сложную структуру городского тяглого населения, обособленность каждой отдельной слободы, в том числе в силу разной ведомственной подчиненности. Они показали, что не следует распространять понятия *посадские люди* / *черные тяглые люди* на всех занятых в сфере ремесла и торговли [4, 20, 22].

При этом авторы были далеки от акцентирования внимания на противоречиях между посадским населением и жителями слобод, к посаду не относящихся.

Однако, в советский период постепенно системообразующая идея отечественной историографии о закреплении всех сословий в российском государстве была забыта. К числу закрепощенных и эксплуатируемых стали относить лишь тяглое население, применительно к горожанам – посадское население городов. Окончательно это идея сформировалась в период работы историков над фундаментальным изданием «Очерки истории СССР» [17], в котором членам редакции удалось органично соединить представления марксизма с выводами А.А. Кизеветтера [9] и П.П. Смирнова [19]. Хронологические рамки исследований в области городоведения сместились на вторую половину XIX в., когда происходило формирование пролетариата в России. Городеождение долгие годы сводилось к исследованию формирования и развития капиталистических отношений в стране. Ситуация стала меняться лишь после смерти Сталина. Наиболее заметные изменения произошли в период перестройки. К достижением городоведения в советский период следует отнести расширение территориальных рамок исследований. Силами столичных и региональных историков изучались провинциальные города, в том числе Урала, Сибири, советских республик.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб. : тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1843. – Т. I–V.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. – СПб : тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836–1838. – Т. 1–4.
3. Богословский, М.М. Состав московского населения в XVI–XVII вв. / М.М. Богословский // Москва в ее прошлом и настоящем. – М.: Образование, 1910. –Т. 3. – С. 44–55.
4. Богоявленский, С.К. Состав Московского слободского схода / С.К. Богоявленский // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. – Пб. : Огни, 1922. – С. 322–329.
5. Богоявленский, С.К. Управление Москвой в XVI–XVII вв. / С.К. Богоявленский // Богоявленский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / отв. ред. и авт. предисл. С.О. Шмидт.– М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 425–437.
6. Готье, Ю.В. Окрестности допетровской Москвы / Ю.В. Готье // Москва в ее прошлом и настоящем. – М. : Образование, 1910 – Т. 3. – С. 28–43.
7. Дитятин, И.И. Устройство и управление городов России : [в 2 т.] / И.И. Дитятин. – Т. 1. – СПб. : тип. М. М. Меркульева, 1875. – 508 с. ; Т. 2. – Ярославль : тип. Г. В. Фальк, 1877. – 565 с.
8. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб. : тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1875. – Т. I–XII.
9. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России в XVIII столетии / А.А. Кизеветтер. –М. : Университетская типография, 1903. – VI, 810 с.
10. Лаппо-Данилевский, А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований / А.С. Лаппо-Данилевский. – Изд. 2-е.– М. : URSS, 2010.– 568 с.
11. Муллов, П.А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления / П.А. Муллов. – М. : URSS, 2017. – 196, [1] с.
12. Плошинский, Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен / Л.О. Плошинский. – СПб. : тип. Э. Веймара, 1852. – 305 с.
13. Пригара, А.П. Опыт истории состояния русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени / А.П. Пригара. – СПб. : печатня В. Головина, 1868. – Ч. 1 : Происхождение состояния городских обывателей в России и организация его при Петре Великом. – 220 с.
14. Пульхеров, А. Великолуцкое городское общественное управление. 1775–1891 гг. : историческое обозрение / сост. А. Пульхеров. – Псков : Псков. губ. стат. ком., 1892. – [6], 61, [3], 54 с.
15. Рындронский, П.Г. Городское гражданство дореформенной России / П.Г. Рындронский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 559 с.
16. Савельев, А.А. Столетие городского самоуправления в Нижнем Новгороде. 1785–1885 / А.А. Савельев. – Н. Новгород : Изд-во «Нижний Новгород», 1885. – 32 с.
17. Серeda, Н.В. П.П. Смирнов и формирование представлений о структуре городского населения России XVI–XVII веков : [электронный ресурс] / Н.В. Серeda // Историческое прошлое и образы истории : материалы междунар. науч. конф. в честь 95-летия гуманитарного образования в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского. Саратов, 20–21 сентября 2012 года / под ред. Л.Н. Черновой. – Саратов, 2013. – С. 485–492. Режим доступа : http://www.sgu.ru/files/nodes2013/61133/95-LETIE_MAKET_RED.pdf
18. Смирнов, П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века / П.П. Смирнов. – Киев : тип. Университета Св. Владимира, 1919. – Т. 1. – Вып. 1 : Формы землевладения. – 144 с.
19. Смирнов, П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века / П.П. Смирнов. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1947–1948. – Т. 1–2.
20. Сперанский, А.Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства / А.Н. Сперанский. – М. : РАНИОН, Институт истории, 1930. – 222 с.
21. Чечулин, Н.Д. Города Московского государства в XVI в. / Н.Д. Чечулин. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. – 353 с.
22. Чечулин, Н.Д. Несколько слов о «старых служб служилых людях / Н.Д. Чечулин. // Сборник статей в честь Матвея Кузмица Любавского. – Пг. : тип. Б.Д. Брукера, 1917. – С. 32–39.

Андрейченко В.В.
ВИТЕБСКОЕ СРАЖЕНИЕ 12 МАРТА 1196 ГОДА

История Витебска древнерусского времени получила весьма скупое отражение в источниках: в раннем летописании XI–XII вв. город упоминается лишь четырежды. В последнем из этих сообщений содержится весьма пространный рассказ о сражении, произошедшем в марте 1196 г. (о дате ниже) в окрестностях Витебска. Сражение это стало следствием противоборства между двумя сильнейшими княжескими кланами Руси – Мономашичами и Ольговичами – в их борьбе за Киевскую землю, и Витебск выступает здесь не только местом действия, но и, что более важно, предметом спора.

Наиболее краткими и малосодержательными являются сведения Новгородской первой летописи: «Тои же зиме бишася смолняне съ черниговьци, и поможе богъ църниговьцемъ, и яша князя Бориса Романовица...» [14, с. 42, 235].

В Лаврентьевской летописи сообщение о сражении под Витебском является составной частью рассказа о походе летом 1196 г. владимирского князя Всеволода Юрьевича на вятичские владения Ольговичей. Собственно, поход и был совершен в отместку за пленение в Витебском сражении Мстислава Романовича, накануне породнившегося с владимирским князем¹. Между тем, статья Лаврентьевской летописи интересна тем, что содержит уникальные сведения об участниках сражения и упоминает имя одного из представителей полоцких князей: «Тое же зимы посла Д(а)в(ы)дь и-Смолиньска с(ы)новца своего Мстислава², свата великого князя Всеволода, в помочь зятю своему на Витепескъ. И победи его Василко с Черниговци, и Мстисла(ва), свата княжа, яша, и ведоша Чернигову» [12, стб. 412].

Самый пространный и содержательный рассказ о Витебском сражении находится в статье 6703 (1195/96) г. Ипатьевской летописи [13, стб. 690–694]. Из летописной статьи мы узнаем, что событиям под Витебском предшествовала попытка киевского князя Рюрика Ростиславича заключить новый договор («ряд») с Ольговичами, передав последним в знак примирения Витебск, о чем он сообщил заранее своему брату Давыду, княжившему в Смоленске. В заключении договора помимо киевского и черниговского князей должны были принять участие Всеволод Юрьевич владимирский и Давыд смоленский. Однако черниговский князь Ярослав Всеволодович, желая ускорить события, отправил к Витебску войско во главе со своим племянником Олегом Святославичем. По пути черниговцы стали разорять смоленские земли, что вызвало ответную реакцию Давыда Ростиславича: в помощь своему зятю (не названному по имени) к Витебску он отправил своего племянника Мстислава Романовича, князя Ростислава Владимировича (двоюродного брата Рюрика и Давыда) и рязанского княжича Глеба Владимировича, женатого на дочери смоленского князя.

Сражение произошло на заснеженном поле у леса, где разместилась черниговская рать. Увидев противника, Мстислав Романович, не дождавшись подготовки смоленского полка к бою, с собственной дружиной бросился на черниговцев. Полк Олега Святославича был смят и обращен в бегство, при этом сын Олега Давыд был изранен или даже убит³. Смоляне, возглавляемые тысяцким Михалкой, должны были атаковать полоцкий полк (как замечает летописец, «бяхоуть бо Полотьскийи кн(я)зи помагающе Ольговичемъ» [13, стб. 691–692]), но вместо этого, не доехав до полоцкой рати, уклонились от столкновения с противником («поскочиша», как пишет летописец). В сложившейся ситуации полочане не стали бросаться на помощь Олегу Святославичу, а, совершив маневр («изверноувшеся»), ударили в тыл смоленского полка, разбили его, захватив при этом смоленские стяги.

Мстислав Романович, не догнав черниговцев и, полагая, что сражение выиграно, возвратился обратно, въехал в полоцкий полк и был взят в плен. По всей видимости, Мстислава ввели в заблуждение захваченные полочанами смоленские хоругви («стяги»), не исключено, что полочане, применив военную хитрость, использовали их в качестве приманки противника. Между

¹ Брак между старшим сыном Всеволода Большое Гнездо Константином и дочерью Мстислава Романовича был заключен 15 октября 1195 г. [15, с. 36].

² Из сравнения текстов Новгородской первой и Лаврентьевской летописей становится очевидным, что у Мстислава Романовича было крестильное имя Борис.

³ В зависимости от того, как понимать значение глагола «исекоша». О том, что Давыд Святославич погиб под Витебском пишут В.Е. Данилевич [5, с. 103-104] и Н.И. Ермолович [7, с. 247].

тем, из погони за Олегом Святославичем вернулись Ростислав Владимирович со своим полком, дружина Давыда смоленского и рязанских княжич Глеб, но, увидев, что «стыгы своя потаены от Полочан», бежали в Смоленск.

Возвратился на поле боя и счастливо избежавший столкновения со смолянами Олег Святославич. Больше всего его обрадовало пленение Мстислава Романовича, которого Олег, выпросив («испроси», а может быть, и выкупив) у друцкого князя Бориса [о нем см.: 3, с. 310, 318–319], увел в Чернигов. Воодушевленный победой, Олег Святославич призвал черниговского князя Ярослава воспользоваться ситуацией и напасть на Смоленскую землю. Ольговичи выступают в поход, но угроза киевского князя Рюрика Ростиславича двинуться к Чернигову предотвратила военное столкновение.

Историография не обошла стороной сообщение о сражении под Витебском. В общих трудах по русской истории [11, с. 407–408; 17, с. 555–556; 18, т. III, с. 160–161; 19, с. 321] и специальных исследованиях по истории Полоцкой земли [2, с. 226–227¹; 5, с. 102–104; 6, с. 110; 7, с. 245–249] событие упоминается как эпизод противостояния Мономашичей и Ольговичей. Как правило, историки ограничивались различным по полноте пересказом летописного текста, но, в то же время, высказали ряд соображений по поводу участников сражения, его датировки и результатов.

В.Е. Данилевич в своем исследовании первым датировал событие мартом 1196 г. [5, с. 103]. Историк Древнерусской хронологии Н.Г. Бережков подтвердил его выводы, указав, что статьи 6703 г. Новгородской первой и Ипатьевской летописей, в которых содержится рассказ о сражении, обозначены по мартовскому стилю [4, с. 195–196, 233], в Лаврентьевской же летописи датировка ультрамартовская [4, с. 69]. Н.Г. Бережков также назвал точную дату события – 12 марта [4, с. 343, прим. 39]. Ту же дату приводит и Л.В. Алексеев [2, с. 227].

На чем основана эта датировка? Киевский летописец, повествуя о подходе черниговского и смоленского войск к Витебску, сообщает: «И быс(ть) на другои недели пос(та) во вторникъ на обедне потрясея земля. Того же дни полци оустретошася обои» [13, стб. 691]. В той же статье 6703 г. землетрясение в Киеве упоминается чуть выше, правда его дата здесь обозначена несколько иначе: «Гое же зимы по Федорове неделе во вторникъ» [13, стб. 690]. В обоих сообщениях речь идет о вторнике, следующем после первой (Федоровой) недели поста, который приходился в 1196 г. на 12 марта [10, с. 52–55; 20, с. 60]². Вероятно, в памяти летописца дата сражения под Витебском ассоциировалась с датой природного катаклизма, который в Киеве помнили хорошо.

Возникает вопрос: почему события за март месяц оказались в конце погодной статьи 6703 г., а не в начале следующей погодной статьи, ведь преобладает мнение, что в Древней Руси год начинался 1 марта. Однако, как показывают исследования последнего времени, наряду с юлианским (необходимым, прежде всего, для нужд церкви) в быту на Руси использовался лунно-солнечный календарь. Начало нового года при этом привязывалось к полнолуниям или новолуниям, а также зависело от погодных условий, вследствие чего долгая зима и поздняя весна могли вынудить людей перенести начало нового года на один или даже два лунных месяца позже [8, с. 209–213; 9, с. 56–61, 65]. Между тем, летописец сообщает, что в день сражения черниговские полки «отоптавшася во снегоу: бе бо снег велик» [13, стб. 691]. Не исключено, что в этом году началом нового года стал день, следующий за первым весенним полнолунием 23 марта, – средокрестье, или крестопоклонная неделя, т.е. третье воскресенье великого поста (24 марта).

Против кого же был направлен поход черниговского войска и кому помогал смоленский князь? Первым по этому поводу высказался Н.М. Карамзин. По его мнению, в Витебске в это время княжил зять Давыда смоленского Василько Брячиславич, а союзником Ольговичей выступил Василько Володаревич [11, с. 407]. Оба князя упоминаются в летописях в связи с событиями 80-х гг. XII в. Первый назван в качестве участника большого коалиционного похода 1181/82 г. во главе с черниговцами и новгородцами на Друцк, которому помогал Давыд смоленский [13, стб. 620]. В этом походе принял участие и витебский князь Брячислав Василькович, что, по всей видимости, навело Н.М. Карамзина на мысль о наследовании впоследствии Витебска сыном последнего Васильком Брячиславичем. Василько Володаревич «из Ложьска»

¹ В своем исследовании по истории Полоцкой земли Л.В. Алексеев обошел молчанием сражение под Витебском [1, с. 267–282], более того, исследователь сделал вывод, что в 1195 (надо – 1196) г. «Друцк по-прежнему находился под эгидой смолян, на стороне которых боролся с Ольговичами [1, с. 153], на что не преминул обратить внимания Н.И. Ермолович [7, с. 249].

² В.Н. Татищев записал, что киевское землетрясение произошло «по Федорове седмице во вторник», но датировал его в первой редакции 8 марта 1195 г. [19, с. 320], а во второй редакции 4 марта того же года [18, т. III, с. 160], что неверно ни для 1195 г. (21 февраля), ни для 1196 г.

[о нем см.: 3, с. 312–313] был союзником Давыда Ростиславича смоленского в походе на Полоцк зимой 1185/86 г. [12, стб. 403].

В.Е. Данилевич полагал, что Ольговичам помогал Василько Брячиславич, который «был лишен своего удела, так как Давид посадил в Витебске своего зятя и, понятно, стремился снова вернуть себе свою отчину» [5, с. 103].

Н.И. Ермолович, следуя ошибочному чтению Ипатьевской летописи, посчитал, что Ярослав Всеволодович черниговский послал войска не против зятя смоленского князя Давыда Ростиславича, а против собственного зятя Давыда, но не объяснил, кем был этот загадочный князь [7, с. 246]. Исследователь не обратил внимание ни на ясное сообщение Лаврентьевской летописи («...посла Давыдъ и-Смолинъска... в помощь зятю своему на Витепескъ» [12, с. 412]), ни на окончание статьи 6703 г. Ипатьевской летописи. Здесь Ярослав черниговский, оправдываясь перед Рюриком Ростиславичем за нарушение «ряда», обвинял Давыда смоленского, «аже помогает зятю своему» [13, с. 693]. Союзником Ольговичей Н.И. Ермолович вслед за В.Е. Данилевичем считал Василька Брячиславича [7, с. 247].

Чтобы понять, кто был зятем Давыда Ростиславича в марте 1196 г., обратим внимание на сообщение Ипатьевской летописи под 1180 г. [13, стб. 608–609; о дате: 4, с. 200]. Весной этого года княживший в Новгороде Мстислав Ростиславич (младший брат Рюрика и Давыда) по инициативе новгородцев двинулся «на Полтеск на зятя своего на Всеслава». Старший среди Ростиславичей смоленский князь Роман воспрепятствовал движению новгородского войска, послав своего сына Мстислава¹ «Полотъску к зятю своему в помощь». Мстислав Ростиславич во избежание конфликта со старшим братом прекратил поход. Упомянутый в статье 1180 г. Всеслав – это полоцкий князь Всеслав Василькович [см.: 3, с. 305–307]. Поскольку он назван зятем и Романа, и Мстислава Ростиславичей, то мог быть только шурином (т.е. мужем сестры) смоленских князей.

Всеслав Василькович занял полоцкий стол в 1161 г. в силу чрезвычайных обстоятельств: княживший здесь ранее Рогволод Борисович потерпел сокрушительное поражение от менских князей и бежал в собственный Друцк [13, стб. 519]. Но положение нового полоцкого князя было непрочно в связи с тем, что он был представителем самой младшей линии полоцких Изяславичей. Менские Глебовичи имели больше прав на Полоцк. Всеславу необходим был сильный покровитель, и он находит такового в лице киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленских князей), женившись на дочери последнего. Платой за поддержку и покровительство со стороны Ростислава и стала, по нашему мнению, передача Всеславом отчинного Витебска в распоряжение киевского князя. В 1164/65 г. в Витебске садится сын Ростислава Давыд [13, стб. 525]. Этим же годом (или чуть ранее), полагаем, следует датировать и брак Всеслава и Ростиславны.

Два года спустя Давыд Ростиславич по-прежнему сидит в Витебске: в 1166 г. к нему бежит изгнанный из Полоцка Володарем Глебовичем Всеслав Василькович и, получив поддержку, снова возвращает себе Полоцк [13, стб. 526–527].

В начале 1175 г. Всеслав назван витебским князем [12, стб. 374; 13, стб. 598; о дате: 4, с. 79]. Возможно, возврату Витебска способствовал новый киевский князь Святослав Всеволодович (из династии Ольговичей), которому Всеслав приходился шурином [см.: 3, с. 307–308].

В 1181/82 г. Всеслав Василькович все еще владеет Полоцком и выступает в составе большой коалиции князей, посланных Святославом Всеволодовичем на Друцк. Как уже было сказано выше, вместе с Всеславом в походе на Глеба Рогволодовича друцкого, которому помогал смоленский князь Давыд Ростиславич, принял участие витебский князь Брячислав Василькович с сыном Васильком [13, стб. 620]. Ответной мерой смоленского князя следует считать поход на Полоцк зимой 1185/86 г. Исход дела тогда решился мирно: полочане встретили войско Давыда «на сумежье» и откупились «многими дарами» (участие полоцкого князя в этом событии летописец не отметил) [12, стб. 403–404].

Полагаем, что в начале 1196 г. Всеслав Василькович по-прежнему княжил в Полоцке и владел Витебском. Против него и выступили черниговские Ольговичи, поддержанные претендующим на Витебск племянником Всеслава Васильком Брячиславичем. На помощь со стороны Чернигова могли повлиять и родственные связи: Василько и Олег Святославич были двоюродными братьями.

О политическом статусе Витебска во второй половине XII в. можно говорить весьма предположительно. Весьма любопытны слова Рюрика Ростиславича в послании к Ярославу черни-

¹ Того самого Мстислава Романовича, который в марте 1196 г. возглавил смоленское войско и был пленен полочанами.

говскому: «Язь Витебска стoupиль тебе...» [13, стб. 693]. Они свидетельствуют, что Витебск не стал в 1160-е гг. составной частью Смоленской земли, а непосредственно подчинился власти киевского князя.

Поддержка Ольговичей, оказанная Васильке Брючиславичу, позволила последнему в марте 1196 г. вернуть себе Витебск. Последний раз он упоминается летописью под 1208 годом, когда овдовевший Всеволод Большое Гнездо вторично женился, «поя за ся Василковну, князя Витебскаго дщерь» [16, с. 108].

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX – XIII вв.: (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
3. Андрейченко, В.В. Полоцкие князья в XII – начале XIII вв. (проблемы истории и генеалогии) / В.В. Андрейченко // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск: Мелісонг, 2012. – С. 299–323.
4. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
5. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев, 1896. – XIII, 260 с.
6. Довнар-Запольский, М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII столетия / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – 170 с.
7. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь. Полацкі і навагародскі перыяды / М.І. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
8. Журавель, А. Лунно-солнечный календарь на Руси: Новый подход к изучению / А. Журавель // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 209–214.
9. Журавель, А.В. Месяцы «книжные» и «небесные»: их соотношение на страницах летописей / А.В. Журавель // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 2005. – Вып. XXX. – С. 56–75.
10. Каменцева, Е.И. Хронология: учеб. пособие для студентов вузов / Е.И. Каменцева. – М.: Высшая школа, 1982. – 187 с.
11. Карамзин, Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II-III / под. ред. А.Н. Сахарова / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
12. Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
13. Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
14. Полное собрание русских летописей. Том III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – V–XII, 720 с.
15. Полное собрание русских летописей. Том XVIII. Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
16. Полное собрание русских летописей. Том 25. Московский летописный свод конца XV века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
17. Соловьев, С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2 / С.М. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 798 с.
18. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Тома II и III. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.
19. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Том IV. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – 556 с.
20. Черепнин, Л.В. Русская хронология. Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам / Л.В. Черепнин. – М.: Трансжелдориздат НКПС, 1944. – 94 с.

Галямичев А.Н. ЧЕШСКИЙ ГОРОД ЛИТОМЕРЖИЦЕ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Обращение к истории отдельных городов таит в себе немалые возможности для урбанистики, поскольку в судьбе каждого из них своеобразно преломлялись общие закономерности городского развития. Нередко, в особенности – в средние века, бывало так, что город, находившийся на стрелке течения исторического развития в какое-то время, затем уступал место другим, оказываясь в «тихой заводии», на третьестепенных ролях.

Подобного рода судьбу имеет город Литомержице, в настоящее время – небольшой городок с населением около 25 тыс. человек в округе на северо-западе Чешской Республики. Литомержице привлекает сегодня мощный поток туристов, поскольку, оставшись в стороне от главных направлений индустриализации и сопровождавших её градостроительных преобразований в XIX в., сохранил своё историческое ядро почти в первоизданном виде. Само же по себе оно представляет огромный интерес, поскольку формировалось в то время, когда город принадлежал к числу крупнейших городов страны, уступая во многих отношениях лишь Праге.

Литомержице принадлежит к числу древнейших городов Чехии, корни которого восходят к догосударственному периоду. По остающейся до наших дней наиболее распространённой вер-

сии название города происходит от проживавшего здесь славянского племени литомержцев, упоминаемого в хронике Козьмы Пражского¹.

Главное племенное городище литомержцев превратилось в процессе становления Чешского государства в один из областных градов². Холмистая местность, в котором он был основан, обеспечивала благоприятные условия для решения проблемы обеспечения безопасности: обрывистые склоны холмов было достаточно дополнить рукотворными укреплениями. Кроме того, здесь сливались воды двух крупных рек – Лабы (вытекая из чешских земель, эта крупнейшая река страны обретает немецкое имя Эльба) и Огрже³.

Важное стратегическое положение на границе с Саксонией, на берегу единственной реки, вытекающей из пределов Чешской долины, придавала граду особо важное значение.

Следствием этого стало учреждение в 1057 г. князем Спытигневом II Литомержицкого капитула при тогда же заложенном соборе св. Стефана. Это событие принято считать датой основания города. Разумеется, он существовал и ранее, являясь важным центром Древнечешского государства, но это событие было действительно неординарным.

Спытигнев II был очень энергичным правителем. Именно он начал перестройку главного собора Чехии – собора св. Вита на Пражском граде [4, с. 126]. Учреждение литомержицкого капитула было призвано укрепить его власть в северных областях страны. При его учреждении было оговорено право князя назначать декана капитула. Последний должен был составить противовес возможному усилению влияния градского наместника (по одной из версий, происхождение названия города могло исходить от имени первого из них – предположительно Лютобора [11, с. 65]), тем более что должность литомержицкого наместника оказалась в руках наиболее знатного (после княжеского рода Пржемысловичей) из чешских родов – рода Вршовцев, неоднократно возглавлявшего мятежи против пражских князей и вмешивавшегося в усобицы между Пржемысловичами⁴.

Могущество капитула⁵ должно было основываться на его материальной независимости от наместника. Поэтому одновременно с учреждением капитула ему было пожаловано большое количество земель, служилых людей и доходов. Дарение было зафиксировано в знаменитой грамоте – первой из дошедших до наших дней грамот дарений чешских правителей церковным институтам [8, № 55, с. 54–60].

В XI–XII вв. Литомержице, с одной стороны, представлял собой типичный чешский город – один из узлов кристаллической решётки системы градской организации. Представляя собой административный центр, он был пунктом концентрации военно-служилой знати, местом судебных заседаний, местом сбора налогов. Многообразные потребности княжеских дружинников, постоянно проживавших на граде, обеспечивали несвободные люди — ремесленники и слуги, землепашцы, рыбаки и виноградари, часть которых была в 1057 г. подарена капитулу. Поселения ремесленного и служилого люда, двory служилых людей⁶ концентрировались вокруг града.

Однако развитие Литомержице в XI–XII вв. имело и черты своеобразия. Их главной причиной была происходившая здесь оживлённая торговля с соседними немецкими землями, происходившая по Лабе и отчасти по Огрже. Главным товаром, который доставлялся по Лабе, была соль, месторождения которой отсутствовали в Чехии⁷.

Возле пристани сложился рынок, а потребности иноземных купцов, как связанные с погрузкой-разгрузкой товаров и их временным обустройством, так и с обеспечением безопасного и быстрого движения судов по реке, особенно – против течения, создавали условия не только для самостоятельного заработка служилых людей – жителей литомержицкого подградья, но и для притока сюда свободного населения из окрестных сёл.

¹ Во включённой в текст хроники грамоте императора Генриха III от 1085 г., в которой определялись границы Пражского епископства, говорилось: «На западе границы Пражского епископства следующие: Тугаст [с областью], которая простирается до середины реки Хуб, Седлец, лучане и дечане, литомержцы, лемузы, вплоть до середины леса, составляющего границу Чехии» [4, с. 151].

² Литомержицкую область Козьма Пражский упоминает, повествуя ещё о событиях древнейшего прошлого Чехии [4, с. 48].

³ Река Огрже, берущее начало в Германии (немецкое название – Эгер), имеет протяжённость 291 км.

⁴ Как сообщает Козьма Пражский, в 1101 г. Князь Борживой вернул Литомержице Вршовцу Мутине, одному из организаторов убийства Бржетислава II [4, с. 185] В 1108 г. Мутина был казнён по приказу князя Борживоя II, а уцелевшие от расправы Вршовцы нашли пристанище в Польше [4, с. 195-197].

⁵ О его значении свидетельствует, в частности, тот факт, что первый пробст Литомержицкого капитула Ланц рассматривался преемником Спытигнева II князем Вратиславом как наиболее желательная кандидатура для назначения на должность пражского епископа [4, с. 131].

⁶ Археологические исследования позволили открыть один из них, принадлежавший основателю знаменитого Тепельского монастыря святому Грознате [15, с. 11].

⁷ Недаром в числе пожалований Спытигнева II литомержицкому капитулу было дарения части соляной пошлины.

Потребности развития дальней торговли обусловили и раннее оседание здесь немецких купцов, вынужденных приспособляться к условиям местной среды.

Кульминацией исторической судьбы Литомержице следует, на наш взгляд, признать XIII – середину XIV в., время интенсивного развёртывания немецкой колонизации и интенсивного обновления социально-экономического и политико-правового уклада жизни чешских земель.

Поддерживавший постоянные торговые связи с немецкими землями, Литомержице вошли в число первой волны городов Чехии, которые обрели правовой статус города на основе немецкого городского права.

Этот процесс развернулся в чешских землях в первые десятилетия XIII в. и был обусловлен потребностями создания надёжных инструментов правовой защиты жизни и собственности жителей городов. Носителем писаного городского права стали приглашавшиеся чешскими правителями колонисты из городов Германии. Главным условием прибытия и обустройства последних в Чехии являлось предоставление возможности жить согласно собственным правовым обычаям и традициям. Поскольку в Чехии в доколониционный период не сложилось самобытного городского права, тем более – зафиксированного в письменной форме, жалующиеся немецким колонистам права и привилегии имели большую притягательную силу не только для обосновавшихся в чешских городах в XI – XII вв. немецких купцов, но и для славянского населения сложившихся вокруг областных градов городских агломераций.

Скупые свидетельства источников позволяют предположить, что в 1228 г. произошло важное событие в средневековой истории Литомержице – образование самоуправляющейся городской общины. Именно тогда король Пржемысл Оттокар I путём обмена приобрёл у Тепельского монастыря подаренный ему раньше участок земли в местности между пристанью и градом для строительства городского поселения на удобном для этого месте [9, № 310, с. 307–308]. Именно тогда возникла рыночная площадь — сердце средневекового города, одну сторону которой образовала старая, существовавшая вдоль дороги от пристани к граду застройка, а три остальные образовались в результате строительства на заранее выделенных под застройку участках в виде удлинённых прямоугольников.

Важным рубежом в истории Литомержице стал 1262 год, когда король Пржемысл Оттокар издал грамоту, в которой письменно фиксировалось освобождение жителей города из сферы действия крайских судов и подтверждалось самоуправление на основе магдебургского права. Одновременно король предоставлял льготы всем, кто пожелал бы обустроиться на горе св. Стефана, увеличив за счёт освоенных на её склонах земель (включая виноградники) территорию самоуправляющегося города¹.

Грамота отразила характер городской политики короля, видевшего в городах важный инструмент укрепления своей власти. Идя навстречу просьбам горожан о письменной фиксации особого правового статуса городской территории, король заботился также об укреплении стратегического значения Литомержице, соединения поселения вокруг рыночной площади с изначальным ядром города, находившемся на вершине холма св. Стефана.

Следующий источник по истории городского права Литомержице занимает исключительное место не только в истории средневековых городов Чехии, но и в истории всего Центрально-европейского региона. В конце 1281 или начале 1282 г. литомержицкие бюргеры обратились к шеффенам Магдебурга с просьбой передать им письменное изложение магдебургского права.

Подобного рода обращения не были редкостью, однако уникальность литомержицкого случая состояла в том, что горожане обращались в Магдебург непосредственно, без обычного в таких случаях участия и покровительства сеньора (как правило, правителя страны). Исключительность обстоятельств обращения объясняет сложившаяся в Чехии после гибели короля Пржемысла Оттокара II в 1278 г. в чешских землях ситуация, названная современными хронистами «злыми годами» [14, с. 335–368]. В течение пяти лет, до возвращения в Прагу 24 мая 1283 г. малолетнего короля Вацлава II страной управлял регент – маркграф Бранденбургский Оттон IV, вместе с которым в Чехию хлынули полчища корыстолюбивых и жестоких чужеземцев, бесчинства которых заставили хрониста сравнить страдания чешских христиан в эти годы с гонениями времён римских императоров Диоклетиана и Максимиана [14, с. 350–351]. Против

¹ Перевод грамот Пржемысла Оттокара II литомержицким бюргерам, изданных в 1262 г., см. в публикации: [2, с. 246–252].

власти регента сложилась оппозиция чешских сословий, важную роль в образовании которой сыграли королевские города, в том числе – Литомержице.

Магдебург благосклонно отнёсся к просьбе литомержицких бюргеров, в ответ на которую в город на Лабе была доставлена рукопись с изложением сложившихся к тому времени установлений магдебургского городского права [12, с. 73–75].

Эта рукопись, как и другие древние привилегии Литомержиц, была утрачена во время пожара в 1297 г.

Однако пожар не остановил развитие города, и в 1325 г. литомержицкие бюргеры добились от короля Иоанна Люксембурга пожалования новой грамоты привилегий, которая подтверждала все прежние права города и даровала новые [10, № 133, с. 219–222].

К числу важных для любого средневекового города прав относилось милевое право, устанавливавшее монополию литомержицких бюргеров на занятия ремёслами, а также содержание постоянных дворов в городской округе (в пределах чешской городской мили – около 10 км). Для Литомержице, само рождение и весь жизненный уклад которого были неразрывно связаны с Лабой, огромное значение имело дарование городу права стапля: все прибывавшие в город как по реке, так и по сухопутным дорогам купцы были обязаны остановиться в городе на три дня, выложить свой товар для продажи, причём право первоочередной покупки имели при этом литомержицкие бюргеры.

Последнее предписание было особенно важным, обеспечивая городу ключевое положение в торговле по Лабе – одной из наиболее удобных (если на самой удобной) трасс, связывавших Чехию не только с соседними немецкими землями, но и с Северным морем.

Помимо привилегий экономического характера, Литомержице получил от короля подтверждение сложившегося, видимо, после получения правовой рукописи из Магдебурга в 1282 г. статуса высшей судебной инстанции для городов Чешского королевства, пользовавшихся для решения вопросов самоуправления магдебургским правом.

Это установление, означавшее подтверждение особого статуса Литомержице для большинства городов, расположенных в северной части страны, было вершиной средневекового развития города, вступившего в XIV в. в период своего наивысшего расцвета¹.

Покровительство городу оказывал и сын Иоанна Люксембурга Карл IV, король Чехии и император Священной Римской империи (1346–1378), пожаловавший 7 мая 1359 г. бюргерам господствующий над местностью в окрестностях Литомержице холм Радобыл для обустройства виноградников [10, № 376, с. 548–549]². В годы его правления вокруг города были построены новые, каменные стены, пришедшие на смену прежним, деревянным укреплениям, защищавшим только первоначальное, сложившееся к середине XIII в., ядро города. Остатки крепостных стен и башен сохранились до наших дней. Именно в Литомержице предоставил Карл IV место для службы Конраду Вальдгаузеру — приглашённому им в Чехию из Австрии проповеднику, считающемуся одним из главных предшественников Яна Гуса [13, с. 522].

Однако пребывание знаменитого проповедника в Литомержице оказалось недолгим. Главным полем его деятельности стала Прага. Это событие может служить, на наш взгляд, своеобразной вехой нового периода истории Литомержице, обозначившей начало постепенного замедления темпов развития города на Лабе.

Во время гуситских войн город первоначально сохранял верность императору Сигизмунду, на сторонников гуситов обрушились суровые репрессии. Хронист Лаврентий из Бржезовой сообщает, что в 1419 г. «в день мая месяца 30-й в городе Литомержице 17 человек из горожан, которые за причащение из чаши содержались долгое время в ужасных условиях в одной из тюрем, полной нечистот, по приказанию короля венгерского Сигизмунда были утоплены в реке Лабе, протекающей под этим городом, и снискали себе там с благой надеждой мученический венец» [5, с. 78].

Однако уже в 1421 г. перед лицом угрозы захвата города таборитами во главе с Жижкой, литомержицкие бюргеры присоединились к городам пражского союза [5, с. 206], а затем – и к радикальному крылу гуситов.

¹ Этот факт нашёл, в частности, отражение на страницах работы известного современного английского историка-медиевиста Р. Барлетта «Становление Европы» [1, с. 195].

² Район Литомержице принадлежит к числу наиболее тёплых в Чехии, вследствие чего стал одним из древнейших очагов виноградарства и виноделия. Виноградари упоминаются уже в учредительной грамоте Литомержицкого капитула, а литомержицкое вино завоевало в средневековой Чехии добрую славу.

В целом же Литомержице остался в стороне от главных событий гуситской эпохи. В дальнейшем, по крайней мере, в течение XV – XVII вв., город продолжал принадлежать к числу крупных городских центров, являясь местом рождения выдающихся произведений чешского искусства (живопись Мастера Литомержицкого алтаря [7, с. 244–245], архитектурные памятники чешского Ренессанса [6, с. 120, 162; 3, с. 361]), крупным очагом книгопечатания. Понеся значительный урон в годы восстания чешских сословий и Тридцатилетней войны, Литомержице получили определённый импульс для развития благодаря основанию в 1665 г. епископства.

Однако в XVIII – XIX вв. наметившаяся со второй половины XIV в. тенденция к замедлению темпов развития города сравнительно с более динамично развивавшимися городами как в других частях страны, так и на севере Чехии сохранилась и ещё более упрочилась, что обусловило постепенное превращение Литомержице в небольшой город, главным достоянием которого является сегодня богатейшее историко-культурное наследие.

1. Барлетт, Р. Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры (950–1350) / Р. Барлетт. – М. : РОС-СПЭН, 2007. – 432 с.
2. Галямичев, А. Н. Две грамоты (привилегии) чешского короля Пржемысла Оттокара II городу Литомержице (1262) / А. Н. Галямичев // Средневековый город. – Саратов, 2009. – Вып. 20. – С. 246–252.
3. Дворник, Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Ф. Дворник. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 800 с.
4. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступит. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 296 с.
5. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника / пер. В. С. Соколова. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 330 с.
6. Маца, И. Л. Архитектура Чехословакии. Исторический очерк / И. Л. Маца. – М. : [Гостройиздат], 1959. – 304 с.
7. Поп, И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века / И. И. Поп. – М. : Искусство, 1978. – 256 с.
8. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1904. – Т. I. – 568 s.
9. Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae / ed. G. Friedrich. – Pragae, 1912. – Т. II. – 574 s.
10. Codex juris municipalis regni Bohemiae / ed. J. Čelakovský. – Pragae, 1895. – Т. II. – 1296 s.
11. Dějiny města Litoměřic. – Litoměřice, 1997. – 479 s.
12. Mareš, J. Magdeburské právo ve městech severozápadních Čech v přehusitské době / J. Mareš. – Praha, 2008. – 185 s.
13. Spěváček, J. Karel IV. Život a dílo [1316–1378] / J. Spěváček. – Praha, 1979. – 721 s.
14. Wyprawowani o złých létech po smrti krále Přemysla Otakara II // Fontes rerum Bohemicarum. – Prahae, 1874. – Т. II. – P. 335–368.
15. Žebrova, M. Sakrální architektura a aglomerace středověkých Litoměřic / M. Žebrova. – Praha, 2014. – 61 s.

Сурта Е.Н.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О СОСЛОВНЫХ ПРАВИЛАХ В ОДЕЖДЕ XIV–XV ВЕКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ И ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ (на примере Священной Римской империи)

В культурно-историческом контексте социальной истории, исследующей процессы городской социализации, эволюцию культурных традиций и ментальных структур, в последние годы уделяется особое внимание нормам и требованиям к одежде, возникавшим в европейских городах в период Позднего средневековья и раннего нового времени. Требования, формировавшиеся в городах Германии и касающиеся правил выбора и ношения одежды, обуви и украшений (Kleiderordnungen), были не только законами против роскоши, издававшимися в XIV–XVIII вв. городскими советами, они являлись также индикатором политического и экономического положения того или иного города и сословной группы. И с этой точки зрения, данные нормы и требования представляют собой важный исторический источник для изучения, в частности, процессов социально-имущественной дифференциации и маргинализации в урбанной среде, статуса различных профессиональных общностей, особенностей менталитета и социальной психологии, взаимоотношений субъекта и общества. С одной стороны, они демонстрируют этабiliрованную социальную стратификацию, а с другой, являются средством самоидентификации определенных общественных групп, профессиональных корпораций или конкретных лиц.

Постановления о сословных правилах в одежде были известны во Франции, в христианских государствах Пиренейского полуострова и городах Италии уже в XIII в. В XIV–XV вв., когда в городах Западной Европы сформировался слой влиятельного бюргерства, постановления о сословных правилах в одежде, называемые также законами против роскоши (Luxusgesetze), стали неотъемлемой частью городского законодательства в Германии. Почти каждый мало-мальски значительный город обладал как минимум одним законом, регулирующим одежду горожан [9; 13]. На территории Священной Римской империи их активное распространение начинается с середины XIV в. [5, с. 14], хотя первые постановления такого рода известны в немецких городах уже с XIII в. Причины этого были разнообразны.

В Позднее средневековье немецкое бюргерство не было однородным, оно подразделялось на различные социальные группы, отличавшиеся происхождением и родом деятельности, а также правами, к которым относилось в том числе ношение той или иной одежды [3, с.6] Социальная градация четко дифференцировала членов городского совета, купечество, ремесленников, городское плебейство и маргинальные слои. Одежда всегда была неотъемлемым элементом жизни людей и общества. О социальном положении и статусе человека можно было дополнительно судить по цвету и виду его платья. И прежде всего городская верхушка стремилась визуально подчеркнуть сословные различия при помощи одежды и тем самым сохранить своё привилегированное положение. Поэтому позднесредневековая городская среда создавала строгие правила в одежде для каждой корпоративно-профессиональной группы [3, с. 6]. Средневековое городское законодательство в Германии уже с XIV в. регулярно занималось кодификацией фасонов одежды, выбором тканей, цвета и украшений.

По своей сути городские постановления о сословных правилах в одежде являлись инструментом в руках городских властей в отношении подчинённого им бюргерства, позволявшим влиять на одежду горожан, т.к. она не только демонстрировала вкус или богатство человека, но и его социальное положение, а также порой и его нравственное состояние, религиозные представления и мышление.

С XV вв. вопросы, касающиеся правил и требований к одежде, обсуждались даже на рейхстагах Священной Римской империи. При этом только некоторые пункты касались феодальной знати (например, относительно одеяний из пурпура или меха горностая), основная же часть требований была направлена на ограничение подражания престижной придворной моде представителями неблагородных сословий [8].

Таким образом, одна из причин возникновения законов против роскоши в Позднем средневековье результировалась из желания социальных верхов подчеркнуть сословные различия, регламентировать одежду для поддержания и сохранения представления об иерархической картине мира и общества, пронизывавшей все сферы социальной жизни средневекового социума. Человек определял свою идентичность посредством своей одежды и деятельности с целью достижения соответствия выбора одежды социальному положению, иными словами для сочетания «внешнего образа и сословного бытия» („*Daz niemand vor den anderen trätzt / man ordnet mit gewant / jeden Mensch nach sinem stant*“) [7, с. 42].

Разрешения и запреты, фиксировавшиеся в городских постановлениях о сословных правилах в одежде, касались всех видимых элементов одежды. У мужчин это были плащи, сюртуки, кафтаны, камзолы, штаны, рубашки, обувь, головные уборы, ремни и портупеи для ношения оружия, украшения и другие элементы моды, у женщин – соответствующие элементы верхней одежды и платья, за исключением нижнего платья и белья, не подпадавших под данные регламентации [6, с. 7].

В целях социальной дифференциации сословных групп регламентировалась не только одежда, но также вид и способ организации и проведения семейных или корпоративных празднеств, а также траурных церемоний. Городские постановления, касавшиеся свадеб, похорон, поминок и т.п., четко устанавливали, какие блюда должны быть на столе, сколько карет или повозок можно было использовать, какое платье было допустимо [4, с. 186], и даже статус и количество приглашённых гостей.

Социальный подъем и в еще большей степени снижение социального статуса, социальная деградация воспринимались представителями различных сословных групп крайне негативно и трактовались как нарушение богоустановленного порядка, как греховное деяние. Человеком строгих правил считался тот, кто одевался в соответствии со своим сословным положением; благопристойным был тот, кто не выходил за рамки сословно допустимого; а бережливым – тот, кто не тратил больше сословно-необходимого [12, с. 275.]. Этим объясняется постоянное присутствие во многих постановлениях о сословных правилах в одежде таких выражений как «установленный Богом порядок», и в целом лексики, напоминающей библейские проповеди [2; 10].

В течение первой половины XIV века, и особенно в результате эпидемий чумы 1348–1350 гг., сословия и сословные группы стали заново дефинировать свой статус. В результате сократившегося количества рабочих рук для многих ремесленных специальностей при сохранявшемся высоком спросе на них ремесленники и средние слои бюргерства пытались отвоевать больше привилегий и власти у традиционной знати и стремились использовать ситуацию для улучшения

своего положения и статуса, визуально демонстрируя достигнутый достаток и влияние при помощи роскошной одежды, и тем самым стирали или размывали невидимую границу между отдельными сословиями и сословными группами. Эта новая динамика внутри городской структуры, которая в возрастающей степени укреплялась в течение XV века, не нравилась влиятельной и властной старой городской верхушке – патрициату, который чувствовал угрозу своему положению и пытался путем соответствующих постановлений о сословных правилах в одежде исправить сложившееся «неподобающее» положение.

Одновременно с этим постановления городских властей призваны были предотвратить проблемы с долгами, возникавшие в результате стремления к чрезмерной роскоши в одежде [2; 10].

Еще одной причиной издания подобных городских положений было соблюдение нравственности и морали, идентификации маргинальных групп (представителей позорных профессий, иноверцев), регулирование корпоративных интересов (например, студентов и преподавателей или ремесленников) [8]. Постановления о правилах в одежде отражали углублявшиеся в XIV–XV вв. процессы социальной дифференциации и стратификации прежде всего в крупных городах на территории Священной Римской империи, предписывая ношение определённой стигматизирующей одежды или её отдельных элементов маргинальным группам (национально-религиозным меньшинствам, таким, например, как евреи [7, с. 42], представителями позорных профессий, например, палачам или проституткам и т.п.), чтобы их можно было легко отличить от добропорядочных горожан.

Городские постановления о сословных правилах в одежде были также направлены против демонстративно выставяемого на показ чувства корпоративной солидарности [8]. Так, например, Рейнский устав для наемных работников 1436 г. определял, что не более чем три подмастерья могут носить одновременно однотипные шаровидные шапки, рубахи, штаны или другие элементы одежды [11, с. 131–143].

В условиях отсутствия разделения между уголовным, гражданским и административным правом позднесредневековые постановления о сословных правилах в одежде, издававшиеся в городах Священной Римской империи, дошли до наших дней очень разрозненно и фрагментарно. Вследствие того, что для их соблюдения они должны были постоянно доводиться до сведения всех жителей городов, эти правила часто включались в тексты законов и постановлений, которые как минимум раз в год зачитывались на городских рынках (*die Bürgersprachen, Burspraken* или *Civiloquia*) [5, с. 19]. Кроме того, многие правила, касающиеся одежды, сохранились в сводах законов и постановлений городских советов, а также городских и ремесленных уставах, фиксирующих административную деятельность магистратов и профессиональных корпораций.

Немалая часть городских постановлений о сословных правилах в одежде сохранилась только в виде копий, содержание которых с течением времени многократно изменялось. При отсутствии указаний на источник реконструкция оригинала в таких случаях затруднена [5, с. 21]. Указания на утраченные постановления, касавшиеся одежды, порой также встречаются в таких нарративных источниках, как истории городов и хроники, которые не содержат самих правил, однако ссылаются на изданные в прошлом постановления и таким образом облегчают датировку и реконструкцию [5, с. 22]. Количество сословных требований и правил в одежде возрастает в Священной Римской империи к концу XV в. с ростом власти территориальных князей. В этот период и далее в XVI–XVII вв. они становятся составной частью, так называемых, *Polizeiordnungen* [1; 4, с. 223–224], издаваемых с конца XV – начала XVI вв. городскими властями правил и законов, регламентирующих вопросы общественного порядка, хозяйственно-правовые и уголовно-правовые аспекты.

1. Albrecht, R. *Kleiderordnungen in den deutschen Städten der frühen Neuzeit* [Электронный ресурс] / R. Albrecht // Wissen finden und publizieren. – 2000. – Режим доступа: <http://www.grin.com/de/e-book/2322/kleiderordnungen-in-den-deutschen-staedten-der-fruehen-neuzeit/>. – Дата доступа: 04.01.2017.
2. Bayerisches Hauptstaatsarchiv (HSTA München). – *Regensburger Kleiderordnung von 1485. Gemeiners Nachlaß K.16.*
3. Borst, O. *Alltagsleben im Mittelalter* / O. Borst. – Frankfurt am Main: Insel-Verl., 1983. – S. 659.
4. Dülmen van, R. *Kultur und Alltag in der frühen Neuzeit* / R. Van Dülmen. – Bd. 2: Dorf und Stadt im 16. bis 18. Jahrhundert. – München: C. H. Beck, 1992. – 373 S.
5. Eisenbart, L. C. *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte des deutschen Bürgertums* / L. C. Eisenbart. – Göttingen, Berlin, Frankfurt: Musterschmidt, 1962. – 184 S.
6. Hasse, M. *Von der Mode und von Kleidern* [Электронный ресурс] / M. Hasse // Wissen finden und publizieren. *Lübecker Museumshefte. Heft 11.* – 1973. – Режим доступа: <http://www.grin.com/de/e-book/188077/machen-kleider-leute-kleiderordnungen-im-spaetmittelalter-und-deren-veraenderung/>. – Дата доступа: 10.01.2017.

7. Keupp, J. Die Wahl des Gewandes. Mode, Macht und Möglichkeitssinn in Gesellschaft und Politik des Mittelalters / J. Keupp // *Mittelalter-Forschungen*. Bd. 33. – Stuttgart: Thorbecke, 2010. – 341 S.
8. Kleiderordnung [Электронный ресурс] // *Kleiderordnung - Mittelalter Lexikon*
9. Режим доступа: <http://u01151612502.user.hosting-agency.de/malexwiki/index.php/Kleiderordnung/> – Дата доступа: 17.09.2016.
10. Kleiderordnungen [Электронный ресурс] // *Verein Wienische Hantwërcliute 1350*. – Режим доступа: <http://wh1350.at/de/alltag-um-1350/kleiderordnungen-des-spatmittelalters-in-wien/> – Дата доступа: 17.01.2017.
11. Nowak, T. Die Regensburger Kleiderordnung von 1485 [Электронный ресурс] / T. Nowak // *Reinis private Forschungen zur Geschichte Regensburgs*. – Режим доступа: <http://reinis-welten.de/regensburg/historischeereignisseinregensburg/dieregensburgerkleiderordnungvon1485/index.html/>. – Дата доступа: 04.01.2017.
12. 11.Reininghaus, W. Die Straßburger "Knechteordnung" von 1436. Ihre Entstehung und ihre Bedeutung für die Geschichte der Gesellen-gilden am Oberrhein / W. Reininghaus // *Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins* 126. Jahrgang / Hrsg. Von Kommission für geschichtliche Landeskunde in Baden-Württemberg. – Band. (Der neuen Folge 87 Band). – ZGORh 126 (NF 87). – Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1978. – 1. Auflage. – S. 131–143.
13. Schulze, W. Gerhard Oestreichs Begriff "Sozialdisziplinierung in der frühen Neuzeit" / W. Schulze // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 1987. – Bd. 14. – S. 265–302.
14. 13.Vollbach, F. E. Von Kleiderordnungen und Dress-Codes [Электронный ресурс] / F. E. Vollbach // *Sachsen-Lese*. – Режим доступа: http://www.sachsen-lese.de/index.php?article_id=277/. – Дата доступа: 17.01.2017.

Доўнар А.Б.

З ГІСТОРЫІ ПАЎСЯДЗЁННАСЦІ.

МАЁМАСНЫ СТАН ВІЦЕБСКІХ КОННЫХ МЯШЧАН У КАНЦЫ XVI ст.

У гістарыяграфіі добра вядомы факт падзела віцебскіх мяшчан на паспалітых і конных (пасельскіх) [3; 4, с. 527–528; 5, с. 100–108, 120, 124; 8, с. 92]. Добра вядомы і факт таго, што юрыдычна гэты падзел перастаў існаваць пасля надання Віцебску магдэбургскага права і аб'яднання дадзеных сацыяльных груп у адну мяшчанскую абшчыну. Магдэбургскае права Віцебск атрымаў 17 сакавіка 1597 г. [1, с. 165–170; 2, с. 74–82; 5, с. 108, 192–199; 6, арк. 218 адв. – 224 адв.]. Разам з тым трэба прызнаць, што ў адно імгненне сацыяльныя групы не знікаюць. У гэтым сэнсе цікавасць уяўляе дэкрэт, які быў выдадзены ў задворным асэсарскім судзе ВКЛ 7 красавіка 1600 г.

Справа была ў наступным. 18 лістапада 1597 г. слугі віцебскага гараднічага Станіслава Валянцінавіча Каменскага ноччу «гвалтоўна» напалі на маёнтакі Жарскі і Матшыніцкі віцебскіх мяшчан Радкі Паўлавіча, Стэфана і Івана Арцёмавічаў Жарскіх і Гапона Грыгоравіча Матшыніцкага. У час напады мяшчане і іх сем'і, прыслуга былі збіты, а яны і іх рэчы былі забраны нападаючымі і адвезены ў маёнтак Каменскага Палогі. Мяшчане былі пасажаны Каменскім у вязенне ў турму, якіх ён «в ланцугах оковах держал», пры чым адзін з мяшчан, Улас Іванавіч Матшыніцкі, дзядзька Гапона, ад пабояў памёр [7, арк. 98–106 адв.].

Напад быў ажыццёўлены пасля атрымання Віцебскам магдэбургскага права, разам з тым пра гэты факт у справе не згадваецца (толькі пры вызначэнні памеру галаўшчызны ў 30 коп гр. за забітага суд кіраваўся палажэннем Статута ВКЛ (арт. 6 раздз. 12) адносна мяшчан магдэбургскага права [7, арк. 106]). Разам з тым, вышэйзгаданыя віцебскія мяшчане характарызуюцца як «мешчане нашы (*гаспадарскія* – А.Д.) места упрывелеяванага Витебского» і іх сацыяльны статус як «конныя» нідзе не акрэслены. Але, што гэта былі менавіта яны, сумленняў не ўзнікае (гаворачы больш дакладна – гэта былі былыя конныя мяшчане), бо яны валодалі маёнткамі па-за межамі горада. Відаць судовы дэкрэт не называе іх коннымі менавіта з-за ўвядзення магдэбургскага права ў Віцебску, якое, як адзначалася вышэй, аб'яднала конных і паспалітых у адну мяшчанскую абшчыну, члены якой мелі аднолькавыя правы і абавязкі). Гэты факт сведчыць менавіта пра тое, што як асобная сацыяльная група конныя мяшчане перасталі існаваць пасля 1597 г. Важнай з'яўляецца характарыстыка ў дакуменце маёнткаў мяшчан як «ымена их власные здавна отчызные и дедизные ... в воеводстве Витебским под правом места Витебского лежачые» [7, арк. 98 адв.], якая сведчыць пра тое, што землі былых конных мяшчан па-за межамі горада – «пасельскія» – пасля ўвядзення магдэбургскага права засталіся «под правом места Витебского», г.зн. на іх распаўсюджвалася магдэбургскае права.

Пасля напады, віцебскія мяшчане 20 лістапада 1597 г. звярнуліся ў гродскі суд Віцебскага ваяводства з скаргай аб «наездзе» і прадставілі пасведчанні вознага Віцебскага ваяводства Юрыя Захарчынскага аб аглядзе «ран и знаков бою на Радку Жарском а на небошику Власе Ивановичу». Мяшчанам былі выдадзены з гродскага суда выпісы аб іх скаргах і пасведчаннях вознага аб пабоях, як і возным быў складзены рээстр шкод мяшчан. Дадзены факт выклікае цікавасць: чаму віцебскія мяшчане звярнуліся менавіта ў гродскі суд і чаму нідзе не згадваецца

магдэбургскі суд і магдэбургскія ўраднікі? Гэта магло адбыцца па розных прычынах: віцебскія мяшчане маглі дзейнічаць па старыне, не засвоіўшы добра новых парадкаў, ці, хутчэй, магдэбургскае права яшчэ толькі ўводзілася, як і нельга выключачь магчымасць, што пасельскія маёнткі віцебскіх мяшчан нейкім чынам заставаліся пад пэўным кантролем гродскага суда.

Як развіваліся падзеі з канца 1597 г. да пачатку 1600 г., на жаль, мы не ведаем – толькі згадаецца, што С. Каменскі тыя маёнткі віцебскіх мяшчан «отнял и на себе держа» [7, арк. 98 адв.]. 7 красавіка 1600 г. задворны суд ВКЛ пад старшынствам канцлера ВКЛ Льва Сапегі прыняў дэкрэт на карысць віцебскіх мяшчан: прысудзіў ім тыя маёнткі «яко властности их вечно» і наклаў штраф на С. Каменскага ў двайным памеры шкод: за шкоды яму трэба было аддаць Жарскім 1681 капы 16 грошаў і 4 пенязі, а Матшыніцкім – 2467 кап 5 грошаў і 8 пенязяў [7, арк. 106–106 адв.]. Станоўчому рашэнню справы паспрыяла добрая падрыхтаванасць віцебскіх мяшчан да судовага пасяджэння, яны не толькі нанялі вопытнага юрыста – дворнага каралеўскага енерала Вайцеха Малінскага, але і прадставілі суду манаршыя прывілеі гораду Віцебску ад 21 лютага 1547 г і 18 лістапада 1570 г., згодна з якімі «водлуг прывилеев» Казіміра і Жыгімонта Старога «вси добра лежащие всего места Витебского купленные и яким кольвек правом набытые, ствердивши, варовати рачыли» і занатавалі норму, згодна з якой нават манархі «нікому жадным правом никоторых добр от места Витебского раздавати» не маглі. Акрамя гэтага мяшчане даказвалі свае правы на вышэйзгаданыя землі асобістыя манаршымі прывілеямі і судовымі дэкрэтамі другой паловы XVI ст. [7, арк. 104 адв. – 105].

У дэкрэце суда 1600 г. прыведзены рэстр шкод віцебскіх мяшчан, які заняў больш за 10 старонак і які дае ўяўленне пра пэўныя моманты штодзённага жыцця конных мяшчан Віцебска канца XVI ст. (пры гэтым трэба ўлічваць, што рэстр шкод зафіксаваў не ўсю маёмасць мяшчан, а толькі забраную). Па рэстры шкод, можна аднавіць з высокай ступенню верагоднасці асартымент адзення, бялізны, упрыгожванняў, кола заняткаў, прылад працы, посуду, рацыёна харчавання былых конных мяшчан Віцебска.

Найперш, можна сцвярджаць, што віцебскія конныя мяшчане жылі ў сваіх «пасельскіх» маёнтках, г.зн. па-за межамі Віцебска (як і не выключана магчымасць уладання даннай групай насельніцтва нерухомай маёмасцю і на тэрыторыі непасрэдна горада). Маёнтак коннага мешчаніна ўяўляў цэлы гаспадарчы комплекс з жылых дамоў і гаспадарчых пабудов і зямель, якімі яны валодалі на праве прыватнай уласнасці. У іх маёнтках згаданы «людзі», відаць, залежныя сяляне і іх чэлядзь. Мяшчане ў маёнтках пражывалі вялікімі сям'ямі. Так, у доме Радкі Жарскага жылі яго жонка, сын Арэшка і нявестка. Асабістыя рэчы захоўваліся у сундуках, скрынях. Пры чым кожны член сям'і меў свае асабістыя рэчы і грашовыя сродкі. Так, ў Радкі Жарскага было забрана 80, у яго жонкі – 30, у яго сына Арэшкі – 60, нявесткі – 10; у Івана Жарскага – 30; у Гапона Матшыніцкага – 100, у яго жонкі Ганны Сямёнаўны – 30, у яго сына Цімафея – 50, у яго дзядзькі Уласа 50 коп гр. [7, арк. 99, 99 адв., 102].

Асноўнай павіннасцю віцебскіх конных мяшчан была конная ваенная служба, у сувязі з чым сярод маёмасці згадаецца коні паштовыя, узбраенне, даспехі (гл. табл.).

Віцебскія мяшчане вялі разгалінаваную гаспадарку. Яны займаліся:

- земляробствам (вырошчвалі зерневыя культуры (жыта, ярыцу, пшаніцу, ячмень, авёс, грэчку, гарох, лён канаплю, мак) і агародніну (агуркі, цыбулю, капусту, буракі, рэпу);
- жывёлагадоўляй (вырошчвалі буйны рагаты скот, свіней, авечак), птушкагадоўляй (вырошчвалі гусей, качак, курэй);
- ляснымі промысламі: пчалярствам, паляваннем (гл табл.), выпальвалі попел [7, арк. 101 адв., 103];
- гандлем (пра што сведчыць наяўнасць сярод іх маёмасці вялікай колькасці солі, попелу, які прадназначаліся на продаж).

Магчыма, мяшчане займаліся рамяством. Так, у іх маёмасці згадваюцца 2 сверлы «вялікія» па 6 гр. [7, арк. 102].

Вымалачанае зерне захоўвалася ў бочках, як зерне захоўвалася і ў невымалчаным стане, так згадана, што у Жарскіх было забрана 2 «переплоти у возероды» ячменя у якіх было 8 коп ячменя (па 10 гр. капа). Сена ж захоўвалі ў пунях і «стирдах» [7, арк. 101 адв.].

Таблиця. Спіс маёмсці, якая была забрана слугамі С. Каменскага 18 лістапада 1597 г. у віцебскіх мяшчан

	Жарскіх	кошт	Матшынціцкіх	кошт
<i>кони</i> [7, арк. 99, 102, 103 адв.]				
конь пачтовы	«шэрстыю» рыжы	16 коп гр	«шэрстыю пологово»	15 коп гр
	«шэрстыю голу- бый»	8 коп гр	коней «пашных» – 2	6 коп гр
кони рабочыя	4	па 4 коп гр	коней «пашных» – 4	5 коп гр
<i>ваенны рыштунак</i> [7, арк. 99, 102 адв.]				
бехцер	1	6 коп гр	1	12 коп гр
панцыр	1	4 коп гр	«кольчанья» – 2	па 4 коп гр
прылбіцы	2	па 3 зл	3	па 3 зл
пулгак	1	1, 5 коп гр	парахаўніц – 8, у якіх было пораху 3 фунты	за ўсё 2 копы гр
ручніц «зверыных»	2	па 1 капе гр	4	па 1 капе гр
ручніц «пташых»	3	па 2 зл	4	па 70 гр
сагайдак з лукамі і стрэламі	2	па 3 зл	2	па 3 зл
Шабля	1	3 зл	7	3 зл
	1	2 зл		
Корд	1	28 гр	2	28 гр
ашчэпаў «звырыных»	5	па 15 гр		
ашчэпаў «защытных» – 2»	2	па 12 гр		
«сякерка падарожная»		8 гр		
сядло «дзямід»			1	за 1,5 коп гр,
сядло			1	30 гр
			1	16 гр
«войлакі»			3	па 18 гр
«рид» казацкі			1	70 гр
узды простыя			3	па 4гр
хамуты «ременные»			3	па 1 зл
хамуты «до сох ку оранню»			6	па 12 гр
<i>прадукты харчавання</i> [7, арк. 100 адв., 101, 101 адв., 102, 103, 103 адв., 104]				
жыта, бочак	120+40*	па 24 гр	250	па 24 гр
пшаніцы, бочак	40+30	па 40 гр	80	па 40 гр
ячменя, бочак	102+16	па 20 гр	200	па 20 гр
грэчкі, бочак	20	па 20 гр		
ярыцы (яравога жыта), бочак	60+13	па 20 гр		
аўса, бочак	202	па 16 гр		
гарох, бочак	1,5 + 3	па 20 гр		
семя канаплі, бочак	2+1,5	па 30 гр		
семя мака, бочак	1 + 1	50 гр		
семя льна, бочак	1,5	за 1 капу гр		
«плоскони неметое»	2 беркавескі	за 6 коп гр		
мука пшанічная			2 бочкі	па 40 гр
мука «аржаное»			5 бочак	па 24 гр
крупы «ячныя», бочак	0,5	10 гр	1	20 гр
крупы грэчневай, бочак	0,5	8 гр	1	20 гр
крупы аўсяныя, бочак	0,5	8 гр	1	16 гр
агуркі салёныя, бочак	1	па 20 гр	1,5	па 20 гр
цыбуля салёная, бочак	1+1	па 20 гр	цыбуля – 2 бочкі	па 20 гр
цыбуля «сухая», бочак	1+1	па 20 гр		
капуста – 3 кадзі		па 6 гр		
капуста салёная	2 кадзі	за 20 гр		
капуста «крышоное»	1 кадзь	за 20 гр		
капуста «кислое»	1 вялікая кадзь	за 20 гр		
буракі («свекла») – 2 вялікія каді		за 12 гр		
рэпы	10 бочак	па 6 гр		
сала свіннога	4+4 шт	па 15 гр	5 шт	па 15 гр
свініны	6 «полтей»	па 20 гр		
калбас свінных	60+50	дзесятак па 2 гр	мяса – 8 «полтев»	па 20 гр
кумпякоў	16	па 2 гр		
гусей «бітых»	10	па 2 гр		
качак «бітых»	15	па 1, 5 гр		
масла	1,5 пуды = 1 мядніца	мядніца па капе гр	3 пуды = 3 мядніцы	мядніца па капе гр
сыры	42	па 8 пенязей	90	па 8 пенязей

мёду прэснага	10 пудоў = 6 мядніц	мядніца па капе гр	20 пудоў= 10 мядніц	мядніца па капе гр
солад			23 бочак, што =20 бочак ячменю	
соль, пуды	11	64 гр	3	30 гр
соль, беркавескі			12	Па 3 капы гр
<i>спіс хатняй жывёлы і птушак [7, арк. 100 адв. – 101, 102, 103]</i>				
кароў дойных	6+4	па 100 гр	12	па 100 гр
падцёлкаў	5+3	па 30 гр		
быкі	3 (за 2 капы гр)+2за 2 капы гр			
цялят гадавых	4	па 20 гр	9	па 20 гр
авечак старых	11+9	па 15 гр	18	па 15 гр
авечак маладых	15+16	па 6 гр		
свіней «кормных»	5+19	па 20 гр	свіней «кормных вепров» – 5	па 1 капе гр
свіней «надворных»	9	па 20 гр	25	па 20 гр
падсвінкаў	15	па 15 гр		
Гусей	10+11	па 3 гр	20	па 3 гр
Качак	30+12	па 2 гр	60	па 2 гр
Курэй	90+40	па 3 гр	100	па 3 гр
Пчол			70 вулляў	па 5 коп гр
<i>спіс посуду, кухоннага начыння [7, арк. 99 адв., 103, 103 адв.]</i>				
скаварада	2	за 30 гр		
чапяла жалезная	1			
качарга жалезная «спольная»	1	0,5 зл		
скаварада	1	15 гр		
«мис драўляных»			5	за 30 гр
талерак			10	
лыжак «московских» драўляных			20	
«фражок»			6	
дзяжа			2	
«ночвы»			4	
«рошот»			4	
сіта			2	
талерак металічных («цыновых»)			10	за 50 гр
«мис» металічных			5	за 1,5 капы гр
лыжкі металічныя			20	за 30 гр
«конвей» металічны			1	70 гр
«флеш» металічная			1	1 капа гр
«шклянціц» вялікіх і малых			4	20 гр
<i>прылады працы і інш. [7, арк. 99 адв., 102 адв., 103]</i>				
тапары	«домовые»– 6	па 12 гр	8	па 12 гр
сох	4	па 15 гр	4	па 15 гр
«секры»	4	па 4 гр		
жорны ручныя	3+2	па 1 зл	1	30гр
жорны «млыновы зо всяким начынем жалезным»			1	7 коп гр
косы	5	па 9 гр	5	па 6 гр
сярпы	8	па 12 пенязей	12	па 12 пенязей
«сечка»	1	4 гр	2	за 8 гр
кацёл піўны вялікі	1	8 коп гр		
трубы «медныя винныя»		1,5 капы гр		
чоп піўны вялікі	1	40 гр		
чоп малы	1	15 гр		
кадзі піўныя	2	па 15 гр		
бочкі піўныя	4	12 гр		
кацёл «настойный»	1	3 зл		
кацёл меншы	1	1 зл		

* – «+» азначае, што згаданая маёмасць была забрана ў розных прадстаўнікоў рода Жарскіх

Многія рэчы мяшчане куплялі, а некаторыя рабілі самі: у першую чаргу ткалі матэрыю і выраблялі для гэтага сыравіну. Так, у мяшчан Жарскіх было забрана нячосанага льну 40 «пяткоў (менш чым за 40 гр)» і чосанага льну «кужелю 15 паятков « (за 50 гр), воўны «на

празу суконную неготованую рук 26» (за 40 гр.) і адзін беркавеск «пенькі трепаное» (за 3 капы гр.) [7, арк. 101 адв.]

Мяшчане мелі багатае адзенне, упрыгожванні. Так, у іх гардэробе меліся святочная шуба «крытая» англійскім чорным суктом з бабровым каўнерам (за 8 коп гр.), ласіны жупан з сярэбрынымі аплікацыямі (3 капы гр.), сіні сукман (2 капы гр.), жаночая шуба падшытая кролікамі (2 капы 30 гр.), жупаны чырвоныя (2 капы гр.), ярмакі сінія (3 капы гр.), сермягі белыя (па 20 гр.) і г.д., а ў жонкі Радкі Жарскага мелася «брамка перловая» (6 коп гр.), звязка з 12 сярэбраных пазалачонных пярэсценкаў (4 капы гр.) і «чепец золотый» (2 капы і 20 гр.), а ў яе нявесткі – 5 пазалачонных пярэсценкаў (па 12 гр.), «ланцужок сребрый с крыжыком позлотистым» (весам у 4 талеры). Акрамя згадваюцца дарагія шубы лісіныя (за 12 і 14 коп гр.), кажухі баранні з бабровымі каўнерамі, кажухі з белак, шапкі аксамітавыя, шапкі падшытая куніцамі, кужэльныя кашулі, вышываныя чапшы, хусткі белыя, мужскія боты (за 15 гр.) і г.д. [7, арк. 99, 99 адв., 100, 102]. Сярод бялізны згадваецца «простицы» сінія (за 40, 20, 15 гр, за 3 зл.), рушнікі вышываныя чырвоным шоўкам (1 зл.), простыя рушнікі (па 6 гр.), банныя рушнікі (за 4 гр.), вялікія абрусы (за 16 зл.), абрусы вялікія і малыя (за 24 гр.) і інш. [7, арк. 99 адв., 100]

Такім чынам, можна з упэўненасцю сцвярджаць, што згаданыя віцебскія мяшчане прадстаўлялі зажытачную частку мяшчанства. Добра ведалі і карысталіся існуючымі прававымі традыцыямі. Вялі самастойна разгалінаваную зажытачную гаспадарку і мелі багатую маёмасць.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией : [в 5 т.]. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1853. – Т. 4 : 1588 – 1632. – 1851. – VIII, 529, [46] с.
2. Витебская старина : [в 5 т.] / сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск : Тип. Губерн. правления, 1883–1888. – Т. 1. – 1883. – XXII, 664 с., [20] л. ил.
3. Лаппо, И. И. К истории сословного строя великого княжества Литовского. Конные мещане Витебские в XVI столетии / И. И. Лаппо // Сборник статей посвященных В.О. Ключевскому. – М. 1909. – С. 254–276.
4. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско–Русского государства ко времени издания первого литовского статута : ист. очерки [с карт. Литов.–Рус. государства в конце XV и начале XVI в.] / М. К. Любавский. – М. : Унив. тип., 1892. – [998] с., разд. паг., 1 л. карт.
5. Макараў, М. Дз. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV–XVII ст. / М. Дз. Макараў. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – 248 с.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (Далей – НГАБ). – КМФ-18. Воп. 1. Спр. 83.
7. НГАБ. – КМФ-18. Воп. 1. Спр. 288.
8. Пашуто, В. Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич – М. : Наука, 1982. – 264 с.

Ageeў А.Р.

ВИТЕБСКАЯ І МАГІЛЁўСКАЯ РАТУШЫ: ПАДАБЕНСТВА І АДМЕТНАСЦІ ЛЁСАЎ

Запычынае ў Еўропе магдэбургскае права ў XVI–XVIII стст. мелі практычна ўсе вялікія, сярэднія і значная частка невялікіх беларускіх гарадоў. Яно забяспечвала гарадам развіццё рамяства і гандлю, вызначала месца і стан гараджан у феадальным грамадстве, бараніла мяшчан ад уціску шляхты і велікакняжацкай адміністрацыі, спрыяла саслоўнаму адзінству. Паводле падлікаў А. Доўнара з 1390 па 1762 г. Магдэбургскім правам у розных яго вырыянтах карысталіся 52 населеных пункты на тэрыторыі сучаснай Беларусі [3].

На ўсходзе Вялікага Княства Літоўскага атрыманне магдэбургскага права адбылося значна пазней за захад Беларусі, што было выклікана не толькі большай удаленасцю ад еўрапейскіх гарадоў, але і існаваннем іншых сістэм кіравання і самакіравання. У канцы XVI – пачатку XVII стст. магдэбургскае самакіраванне стала ўспрымацца, як агульнадзяржаўны эталон гарадскога самакіравання ў ВКЛ. У сувязі з чым многія гарады, якія мелі іншыя схемы самакіравання, сталі дабівацца распаўсюджання дзеяння магдэбургскага кіравання на сваю тэрыторыю: у 1597 г. атрымаў магдэбургскае права Віцебск, у 1620 г. – Орша. На Магілёўшчыне Магдэбургскае права мелі Магілёў (1577), Крычаў (1633), Бялынічы (1634), Мсціслаў (1634), Чавусы (1634), Чэрыкаў (1641), Шклоў (1762, але верагодна раней за Магілёў). Беларускія магдэбургскія гарады стаялі на адной роўніцы са славытымі гарадамі Старога Свету ў сэнсе самакіравання, і гэта стварала вялікія магчымасці для іхняга развіцця і росту.

Ратушы будаваліся пасля надання мяшчанам права самім вырашаць праблемы свайго жыцця і былі матэрыяльнымі маркерамі, якія сведчылі аб самакіраванні гарадоў. У іх размяшчаліся

магістраты – органы гарадскога самакіравання па магдэбургскаму праву. Да канца XVI ст. вялікія беларускія гарады мелі пераважна драўляныя ратушы. У час шматлікіх пажараў яны часта гарэлі, і таму там, дзе магістраты мелі значныя сродкі, пачалі ўзводзіцца мураваныя будынкi. У XVII – XVIII стст. у асноўным склаліся сілуэты старажытных беларускіх гарадоў: Полацка, Гародні, Менска, Магілёва, Віцебска, Мсціслава і Пінска, дзе дамінантамі былі вежы бажніц і званіц, а таксама гарадскіх ратуш.

У Віцебску першая драўляная ратуша была збудавана пасля надання яму магдэбургскага права ў 1597 г. За ўдзел мешчан у паўстаньні 1623 г. горад пазбавілі Магдэбургскага права, а будынак ратушы разабралі. Толькі пасля вяртання права на самакіраванне ў 1644 г. ратушу адбудавалі. На “Чарцяжы месца Віцебска” 1664 г. ёсць першая графічная выява віцебскай ратушы. Гэты двухпавярховы прамавугольны ў плане будынак пакрыты чатырохсхільным дахам і завершаны васьміграннай назіральнай вежай з купалам і шпілем. Падчас раскопак віцебскай ратушы археолагі знайшлі мураваныя сцены паўпадвала і першага паверха ратушы XVII ст., зробленых з цэглы-пальчаткі і невялікіх камянёў. Другі паверх будынка і яго завяршэнне хутчэй за ўсё былі драўлянымі. Драўляная ратуша неаднаразова знішчалася пажарамі. У 1775 г. віцебская ратуша была цалкам перабудавана. У XVIII ст. у яе інтэр’ерах знаходзіліся шыкоўныя кафляныя печы, аблямаваныя распісной “галандскай” кафляй, якую знайшлі падчас раскопак. Зараз у адноўленым будынку віцебскай ратушы знаходзіцца Віцебскі абласны краязнаўчы музей [2, с. 16; 4].

Магілёў атрымаў Магдэбургскае права ў 1577 г. і таксама працяглы час меў толькі драўляную ратушу. Мураваны ратушны будынак горад змог адбудаваць толькі напярэдадні Паўночнай вайны. Звязана гэта было з тым, што пасля антымаскоўскага паўстанні 1661 г. горад атрымаў новыя прывілеі, быў ураўнаваны ў правах са сталіцай Вільняй, а многія магілёўцы атрымалі шляхецтва. Магілёву быў нададзены і новы герб, які і сёння з’яўляецца гербам горада. Нягледзячы на тое, што войны сярэдзіны XVII стагоддзя нанеслі гораду значныя страты, Магілёў не быў спалены ці разбураны падчас ваенных дзеянняў і заставаўся адным з самых вялікіх і багатых беларускіх гарадоў. Першы камень у падмурак новай ратушы быў урачыста закладзены ў пачатку верасня 1679 г. У лістападзе 1681 г. ратушу асвяцілі святары з Брацкага манастыра. У 1682 г. было пачата будаўніцтва вежы ратушы. Але 1 верасня 1686 г. каменная вежа абвалілася. Магілёўскі магістрат у ліпені 1692 г. зноў распачаў будаўніцтва вежы перад будынкам ратушы. Яна была пабудавана да 1698 г., бо летам гэтага году запатрабавала рамонт [2, с. 28–32].

Магілёўская ратуша, якая стагоддзямі ўпрыгожвала горад, была пашкоджана ў гады Вялікай Айчыннай вайны і, нягледзячы на пастановы аб рамонце, зруйнавана ў 1957 годзе. На сёняшні час няма рацыянальных версій тлумачэння прычын гэтага акту вандалізму. Натуральна, што з цягам часу нарадзілася ідэя адраджэння ратушы. У 1975 г. пачалася падрыхтоўка праекта аднаўлення ратушы. У 1992 г. быў выведзены нулявы цыкл. Але, цяжкасці пераходнага перыяду не дазволілі завяршыць распачатае будаўніцтва. Толькі ў жніўні 2007 г. на аб’екце зноўку распачаліся будаўнічыя работы, якія былі скончаны да пачатку ліпеня 2008 г. Першы раз адраджаны шэдэўр грамадзянскай архітэктуры XVII ст. прэзентавалі грамадскасці 3 ліпеня на Дзень горада, а другі раз 18-га па прыездзе Прэзідэнта Беларусі А. Лукашэнкі адбылося ўрачыстае адкрыццё адраджанага шэдэўра грамадзянскай архітэктуры XVII ст. [2, с. 110, 120, 126, 137–141].

Пры першым параўнанні каштоўнасць будынка Віцебскай ратушы, які ацалеў, над адноўленым будынкам Магілёўскай відавочная: у Віцебску мы маем сапраўдны аўтэнтны помнік, а ў Магілёве копію старажытнай ратушы. Але не ўсё так адназначна.

Супрацьлеглыя ацэнкі каштоўнасці аднаўлення Магілёўскай ратушы сталі адлюстраваннем аб’ектывісцкага і канструктывісцкага падыходаў да праблемы. У сучаснай антрапалогіі, як правіла, вылучаюць два вызначэнні аўтэнтнасці: як атрыбут, асабліваць, унутрана ўласцівая дадзенай рэчы або тэхналогіі якасць, і як становішча яе ў прасторы і часе. Другі канструктывісцкі падыход для нас асабліва важны, бо менавіта паводле яго вызначаюць прыналежнасць пабудовы да архітэктурнага комплексу ці гістарычнага ландшафту. У ім, у адрозніванні ад першага, лічаць, што аўтэнтнасць ляжыць не ў саміх аб’ектах, а ў дыскурсах, якія ўзнікаюць з іх нагоды. У гэтым сэнсе, аўтэнтнасць заўсёды сацыяльна сканструяваная і зменлівая з’ява.

Паспрабуем разгледзіць праблему абапіраючыся на вядомы ў антрапалогіі пастулат, згодна якому казаць можна аб трох асноўных відах аўтэнтнасці: па форме, функцыі і зместу.

Месца. Адраджаны будынак Магілёўскай ратушы стаіць на сваім родным спрадвечным месцы.

Форма. Паводле сваёй знешняй форме і сілуэту праект будынка даволі дакладна капіруе старажытную ратушу.

Матэрыялы. Нясучыя сцэнавыя канструкцыі ратушы створаны з блокаў ячэйстага бетону і не адпавядаюць перашапачатковым цагляным матэрыялам.

Функцыя. Будынак сёння выкарыстоўваецца пад музей гісторыі Магілёва і яму належыць. Але ў яго ёсць і іншая надта важная функцыя – у ратушы праходзяць сесіі дэпутатаў Магілёўскага гарадскога савета дэпутатаў. У ёй праводзяцца шматлікія афіцыйныя і грамадскія гарадскія мерапрыемствы, у тым ліку ўзнагароджанні, уручэнне прэміі “Дасягненне”, урачыстыя прыёмы замежных дэлегацый, канферэнцыі, прэзентацыі і г.д. Фактычна будынак функцыянальнае як гарадскі грамадскі цэнтр. Можна канстатаваць, што адбылося адраджэнне элементаў функцыянальнай аўтэнтычнасці Магілёўскай ратушы.

Змест. Дух месца. Па першае, ратуша для магілёўцаў гістарычна была і застаецца сёння сімвалам гарадскога самакіравання. Па другое, ратуша для гараджан даўно стала адным з сімвалаў шматвяковай гісторыі горада. Па трэцяе, яна заўсёды была і цяпер зноў стала адным з архітэктурных сімвалаў Магілёва. Па чацвёртае: і першае, і другое, і трэцяе выразна сведчыла аб еўрапейскасці Магілёва. Ратуша застаецца адным з сімвалаў варварскіх, часцяком на мяжы са злачыннасцю адносін да архітэктурнай спадчыны ў савецкі час. І нарэшце сёмае: адраджэнне ратушы стала такой важнай падзеяй у жыцці Магілёва, яшчэ і таму, што гісторыя змагання за яе аднаўленне сама пераўтварылася ў сімвал плённасці грамадскай ініцыятывы.

Сёння і з фармальна-архітэктурнага, і з функцыянальнага пунктаў гледжання, і асабліва па зместу можна казаць аб элементах адраджанай аўтэнтычнасці магілёўскай ратушы. І з гэтага пункту гледжання зусім не выглядаюць антынавуковымі разважанні аб адраджэнні “**помніка гісторыі**” (вылучана аўт.) – Магілёўскай ратушы [1, с. 79–85].

Паспрабуем параўнаць будынкi і змест ратуш ў Віцебску і Магілёве.

Гістарычныя і азначныя паказчыкі	Віцебская ратуша	Магілёўская ратуша
Год атрымання горадам Магдэбургскага права	1597	1577
Матэрыял першай ратушы	Драўляная	Драўляная
Першапачатковая функцыя	Размяшчэнне магістрата – органа гарадскога самакіравання, гарадскі грамадскі цэнтр.	Размяшчэнне магістрата – органа гарадскога самакіравання, гарадскі грамадскі цэнтр.
Час пабудовы мураванага будынка	1775 г.	1679–1681 гг., вежа – да 1692 г.
Архітэктурны стыль	Віленскае барока, перабудоўвалася ў стылі класіцызм.	Барока, перабудоўвалася ў стылі класіцызм.
Выкарыстанне ў час ўваходжання ў Расійскую імперыю	Для розных устаноў. У пач. XX ст. для гарадской Думы і паліцэйскай управы.	Для розных устаноў. У пач. XX ст. для гарадской Управы.
Выкарыстанне ў савецкі час	Для розных устаноў <i>Нефункцыянальнае выкарыстанне</i>	Для розных устаноў <i>Нефункцыянальнае выкарыстанне</i>
Лёс ў гады Вялікай Айчыннай вайны	Пашкоджана	Пашкоджана
Лёс будынка пасля Вялікай Айчыннай вайны	Захаваўся, рэстаўраваны	Зруйнаваны ў 1957 г. Адноўлены ў 2007–2008 гг.
Форма і матэрыялы сённяшняга будынка	Сапраўдныя.	Месца і форма старажытныя, матэрыялы сучасныя
Сённяшняя функцыя	Абласны краязнаўчы музей і часткова гарадскі грамадскі цэнтр.	Месца правядзення сесій гарадскога савета, музей гісторыі Магілёва і гарадскі грамадскі цэнтр.
Сімвалічнасць, змест, дух	Гістарычны і архітэктурны сімвал горада, сімвал самакіравання і еўрапейскасці.	Гістарычны і архітэктурны сімвал горада, сімвал самакіравання і еўрапейскасці, сімвал дзікунскіх адносін да гістарычнай спадчыны ў савецкія часы, плённасці грамадскай ініцыятывы ў справе адраджэння і захавання спадчыны.

Лёс Віцебскай і Магілёўскай ратуш шмат ў чым падобны на першых этапах іх існавання. Нездарма Згуртаванне беларусаў Вялікабрытаніі ў 1971 г. размясціла на марках выявы самых выбітных помнікаў беларускай архітэктуры. Сярод іх была і Магілёўская ратуша... з выявай Віцебскай! [2, с. 119] Параўноўваючы іх лёс і стан можна прыйсці да высновы, што не па ўсіх пазіцыях магілёўская ратуша сёння саступае віцебскай, а па некаторых і мае перавагу. Безумоўна ратуша ў Віцебску з’яўляецца па форме і матэрыялу помнікам архітэктуры, затое магілёўская

выконвае функцыю месца дзейнасці органа мясцовага самакіравання і паўнаўтаснага грамадскага цэнтру, з'яўляецца вельмі важным мясцовым сімвалам і брэндам.

У Беларусі ў апошнія гады распачаўся працэс адбудовы зруйнаваных у віхуры драматычных падзей XX ст. помнікаў архітэктуры. Адноўлены Мінская і Магілёўская ратушы, рэканструявана Шклоўская, абмяркоўваюцца праекты адбудовы Брэсцкай і Гарадзенскай ратуш, іншых страчаных жамчужын беларускага дойлідства. Прыклад Віцебска, дзе каля пустой ратушной плошчы правялі рэканструкцыю старых будынкаў, адбудаваці разбураныя цэрквы, і горад адразу стаў прыцягальным турыстычным цэнтрам, паказвае накірунак дзеяння. Вопыт эксплуатацыі будынкаў беларускіх ратуш варты параўнання і асэнсавання. Аднаўляючы страчаныя сакральныя ці грамадзянскія будынкi важна памятаць не толькі пра іх форму, але і пра іх першапачатковыя функцыі і напавненне месцамі, які адпавядае гістарычнаму лёсу.

1. Агееў, А. Рэгенерацыя гістарычнага ландшафту Магілёва і праблема аўтэнтычнасці Магілёўскай ратушы, як сімвала магдэбургскага права / А. Агееў // Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання : зборнік навуковых матэрыялаў / уклад, аўт. прадамы І.А. Пушкін, А.Р. Агееў. – Магілёў : МДУХ, 2017. – С. 71–88.
2. Агееў, А.Р. Магілёўская ратуша. Гістарычны лёс і адраджэнне / А.Р. Агееў, А.А. Трусаў. – 2-е выд. папр. і дап. – Магілёў: Магіл. абл. узбуйн. друк., 2010. – 160 с.
3. Доўнар, А. Магдэбургскае права / А. Доўнар / Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2. – Мінск: БелЭн, 2006. – С. 731–732.
4. Чарняўскі, І. Віцебская ратуша / І. Чарняўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 2: Беліцк – Гімн / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Б.І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 326–327.

Пушкін І.А. МАГДЭБУРГСКІЯ ГАРАДЫ МАГІЛЁЎШЧЫНЫ: ТРАДЫЦЫІ І СУЧАСНАСЦЬ

Фарміраванне грамадзянскай супольнасці ў сучаснай Беларусі непарыўна звязана з развіццём паўнаўтаснай сістэмы самакіравання ў грамадстве, а Магдэбургскае права – гістарычны падмурак сучаснага самакіравання. Нам не трэба супрацьпастаўляць мінулае і сучаснасць, а вольна усведамляць, раскрываць, паказваць традыцыі і гістарычную пераемнасць жыццёва неабходна.

На тэрыторыі Магілёўшчыны ў XVI–XVIII стст. шырока была распаўсюджана практыка гарадскога самакіравання. Практычна ва ўсіх значных гарадах было ўведзена Магдэбургскае права (цалкам або часткова): Бабруйску, Быхаве, Бялынічах, Горках, Крычаве, Магілёве, Мсціславе, Слаўгарадзе, Чавусах, Чэрыкаве, Шклове. Яно з'яўлялася значным гістарычным і грамадскім здабыткам, дазваляла насельніцтву стаць вольным і абараняць свае правы ад злоўжыванняў дзяржаўнай ці прыватнаўласніцкай адміністрацыі.

28.01.1577 г. кароль польскі і вялікі князь літоўскі Стэфан Баторый выдаў Магілёву прывілей на Магдэбургскае права. Горад атрымаў герб і давол на пабудову ратушы. Быў створаны выбарчы орган самакіравання – магістрат (рада), які ведаў адміністрацыйнымі, гаспадарчымі, фінансавымі, паліцэйскімі і судовымі справамі Магілёва, быў распарадчым, выканаўчым і судовым органам. На працягу XVI–XVIII стст. горад быў буйным гандлёвым і рамесным цэнтрам. У Магілёве сфарміраваліся свае архітэктурныя і мастацкія традыцыі, горад стаў адным з цэнтраў кнігадрукавання ў Беларусі. У Рэчы Паспалітай на тэрыторыі Беларусі існавала адзіная праваслаўная епархія з цэнтрам у Магілёве. Усё гэта дзякуючы сістэме Магдэбургскага самакіравання [3, с. 34–39].

Працэс атрымання населенымі пунктамі Магілёўшчыны самакіравання ў часы сярэднявечча слаба вывучаны. У гістарычнай літаратуры гэта пытанне грунтоўна не даследавалася, не выпадкова можна сустрэць розныя даты ўвядзення Магдэбургскага права для таго ці іншага горада. Таму сёння мы ставім мэтай нашай дзейнасці – пашырэнне звестак пра гэты малавядомы аспект гісторыі Магілёўшчыны і ўкараненне іх у свядомасць сучасных жыхароў Беларусі. Трэба каб грамадства як натуральную з'яву ўспрымала тое, што Магдэбургскае права з'яўляецца неад'емнай часткай нашага жыцця, падкрэслівае нашу еўрапейкасць. Калісьці яно садзейнічала эканамічнаму росквіту краю, развіццю рамяства і гандлю, узнікненню самабытных мастацкіх школ, развіццю мурванага дойлідства. Сёння традыцыі Магдэбургскага самакіравання, прыналежнасць да еўрапейскай гістарычнай прасторы, стыльвае архітэктурнае падабенства з іншымі гарадамі Еўропы сцвярджае духоўную і матэрыяльную прыналежнасць горада да гэтай часткі

свету. Дарэчы, менавіта таму сёння для значнай часткі грамадства адраджэнне ратуш – ёсць сведчанне еўрапейскага выбару нашай краіны.

Развіццё самакіравання ў Магілёве і вобласці на гістарычных традыцыях актыўна прапагандаецца. У пачатку 2000-х гг. сумеснымі намаганнямі грамадскасці і органаў кіравання Магілёва каля уваходу ў Магілёўскі гарвыканкам была ўсталявана інфармацыйная дошка аб наданні гораду Магдэбургскага права ў 1577 г. кароль польскім і вялікім князем літоўскім Стэфанам Баторыем, а ў 2008 г. быў адноўлены будынак гарадской ратушы. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт харчавання ў 2010 г. правёў прадстаўнічую міжнародную канферэнцыю пад назвай “Праблемы і перспектывы станаўлення грамадзянскай супольнасці” [4].

Грамадскімі арганізацыямі Магілёва штогод адзначаюцца ўгодкі надання гораду Магдэбургскага права. У 2011 г. святкаванне адбылося ў адноўленай Ратушы. Праведзены некалькі канферэнцый і сустрэч, прысвечаных Магдэбургскаму праву на тэрыторыі Магілёўшчыны: рэгіянальныя навукова-практычныя канферэнцыі “Магдэбургскае права ў Крычаве: гісторыя і сучаснасць” (Крычаў, 2012), “Магдэбургскае права на Магілёўшчыне: учора, сёння, заўтра” (Магілёў, 2012), рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя “Магдэбургскія традыцыі на Магілёўшчыне” (Магілёў, 2015), міжнародная навукова-практычная канферэнцыя “Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання” (Магілёў, 28.01.2017 г.), прысвечаная 440-годдзю надання Магілёву Магдэбургскага права, ў якой прынялі ўдзел навукоўцы, краязнаўцы, прадстаўнікі СМІ і грамадскасці з розных абласных гарадоў і раённых цэнтраў Беларусі, Расіі і Украіны [1, с. 6–8].

У выніку абмеркавання дакладаў і дыскусій ўдзельнікі канферэнцый выпрацавалі практычныя мерапрыемствы па далейшым удасканаленні працы, накіраванай на вывучэнне мінулага магдэбургскіх гарадоў і мястэчак, вызначылі кірункі культурна-асветніцкай дзейнасці па папулярызацыі і актуалізацыі ведаў аб Магдэбургскім праве і гісторыі самакіравання беларускіх гарадоў. Матэрыялы канферэнцый былі выдадзены асобнымі выданнямі [1; 2; 3; 4].

Менавіта ў дзень надання гораду Магдэбургскага права ў Магілёве падводзяцца вынікі апытання “Чалавек года” і “Падзея года” па версіі грамадскасці. У 2012 г. ганаровым званнем ушанавалі за актыўную праваабарончую дзейнасць Б. Бухеля і працу Музея гісторыі Магілёва па збору сродкаў на набыццё ў фонды музея Статута ВКЛ 1588 г., у 2013 г. – за дзейнасць па захаванні гісторыка-культурнай спадчыны І. Пушкіна і стварэнне ў Магілёве арт-праекта “Палатно гісторыі ў стылі графіці”, у 2014 г. – кіраўніка Цэнтра гарадскіх ініцыятыў Ю. Стукалава і правядзенне агульнагарадскога свята “Дранік-Fest”, у 2015 г. за актыўны ўдзел у праектах і арганізацыях, якія спрыяюць грамадзянскай самаарганізацыі А. Агеева і ўсталяванне памятнай дошкі рупліўцу беларускай культуры, рэжысёру-тэатралу Валянціну Ермаловічу, у 2016 г. за актыўную культурна-асветніцкую дзейнасць А. Дзячкова і збор подпісаў за адмену Дэкрэта № 3.

У 2015 г. з дапамогаю партнёраў і сяброў Магілёўская абласная арганізацыя ГА “Таварыства беларускай мовы імя Францішка Скарыны” пры спрыянні Галоўнага ўпраўлення ідэалагічнай працы, культуры і па справах моладзі Магілёўскага аблвыканкама рэалізавала праект “Магдэбургскія традыцыі на Магілёўшчыне” (адказны У. Лапцэвіч). Былі арганізаваны і праведзены з удзелам грамадскасці, а ў пэўных месцах і рэгіянальных уладаў, круглыя сталы аб магдэбургскіх традыцыях у Шклове, Чавусах, Чэрыкаве, Горках, Бялынічах, Бабруйску, Крычаве. Сем праведзеных грамадскіх круглых сталоў па тэме Магдэбургскага права дасягнулі сваёй мэты – тэма не толькі прагучала, але і знайшла водгук у жыхароў гарадоў, дзе традыцыі мясцовага самакіравання маюць глыбокія карані. Інфармацыя аб гэтых мерапрыемствах падавалася мясцовымі і рэспубліканскімі СМІ [2, с. 9–13].

У 2016 г. па ініцыятыве і на сродкі грамадскасці, пры ўдзеле мясцовых уладаў, былі выраблены і ўсталяваны тры гранітныя інфармацыйныя дошкі аб наданні Магдэбургскага права ў Чэрыкаве, Чавусах і Бялынічах, у двух апошніх месцах менавіта ў дзень надання ім права на самакіраванне.

Спачатку была дасягнутая дамоўленасць з кіраўнікамі аддзелаў ідэалогіі райвыканкамаў на прадмет сустрэч па тэме рэалізацыі прапаноў, выпрацаваных на леташніх круглых сталах па тэме Магдэбургскага права ў Чавусах, Чэрыкаве і Бялынічах.

19 мая такая сустрэча адбылася ў Чавускім райвыканкаме. На ёй прысутнічалі прадстаўнікі мясцовай улады, грамадскасці, дырэктар Чавускага гісторыка-краязнаўчага музея. Была выказана прапанова ўсталяваць у горадзе гранітную інфармацыйную дошку з надпісам аб даце надання гораду Магдэбургскага права, вызначаны яе памеры і змест. Было вырашана адлюстраваць на дошцы старажытны герб Чавусаў «Святы Марцін» і выбіць надпіс «12 жніўня 1634 года

прывілеем караля Уладзіслава IV Вазы гораду Чавусы было нададзена Магдэбургскае права». 25 мая аналагічная сустрэча адбылася ў Чэрыкаўскім цэнтры культуры з аналагічным, па сутнасці, вынікам. Было вырашана адлюстраванне на гранітнай дошцы герб Чэрыкава, дадзены гораду ў момант здабыцця Магдэбургскага права і выбіць надпіс «15 лютага 1641 года прывілеем караля Уладзіслава IV Чэрыкаву нададзена Магдэбургскае права». Удзельнікі сустрэчы выказалі меркаванне, што найбольш правільным будзе ўсталяваць інфармацыйную дошку на будынку былога магістрата, пабудаванага ў 1787 годзе, у якім пасля размяшчаліся розныя органы мясцовай улады. 26 мая актывісты сустрэліся з чыноўнікамі Бялыніцкага райвыканкама і прадстаўнікамі мясцовай грамадскасці. На сустрэчы вырашылі зрабіць інфармацыйную дошку ў выглядзе разгорнутай кнігі, на адным баку якой павінна быць выбіты надпіс «4 кастрычніка 1634 года Бялынічы атрымалі Магдэбургскае права», а на другой – «У друкарні кляштара кармелітаў у снежні 1652 года выдадзена першая кніга».

Першай была выраблена дошка для Чэрыкава. Яе ўрачыстае адкрыццё ў выглядзе тэатралізаванага дзейства адбылося 17.07.2016 г. і было прымеркавана да святкавання Дня горада. На адкрыцці прысутнічала кіраўніцтва Чэрыкаўскага райвыканкама на чале з старшынёй М. Касмачовым. Перад прысутнымі выступілі таксама магілёўскія і чэрыкаўскія гісторыкі і філолагі.

13.08.2016 г. роўна праз 382 гады пасля надання Чавусам Магдэбургскага права гранітная інфармацыйная дошка ў гонар той падзеі была адкрыта на будынку Чавускага гісторыка-краязнаўчага музея. Урачыстаму адкрыццю дошкі, у якім удзельнічаў старшыня Чавускага раённага савета дэпутатаў А. Мацюлін, папярэднічала пасяджэнне мясцовай каардынацыйнай рады па ўстойлівым развіцці, дзе гісторыкі распавядалі пра традыцыі самакіравання на Магілёўшчыне.

4.10.2016 г. адбылося адкрыццё гранітнай інфармацыйнай дошкі ў Бялынічах. Яно таксама было прымеркавана да 382-х угодкаў надання гораду Магдэбургскага права. Дошка размешчана на будынку Бялыніцкай цэнтральнай раённай бібліятэкі. У адкрыцці прынялі ўдзел бялынічане, гісторыкі, грамадскія дзеячы і намеснік старшыні Бялыніцкага райвыканкама і ён жа намеснік Бялыніцкага раённага савета дэпутатаў А. Ганчук [1, с. 135–138].

5.11.2016 г. у Магілёве былі падведзены вынікі работы па папулярызацыі традыцый мясцовага самакіравання. Пад час круглага стала «Музей Алеся Адамовіча: супрацоўніцтва грамадскасці і ўлады» адбылася прэзентацыя выдання «Ушанаванне дат надання Магдэбургскага права гарадам Магілёўшчыны (Чэрыкаў, Чавусы, Бялынічы)». У брашуры адлюстраваны ўсе моманты адкрыцця інфармацыйных дошак пра Магдэбургскае права ў Чэрыкаве, Чавусах і Бялынічах. На прэзентацыі было адзначана, што нягледзячы на розныя складанасці, рэалізацыя гэтага праекта з'явілася станоўчым прыкладам узаемадзеяння грамадскасці і ўлады ў мэтах папулярызацыі гісторыі роднага краю, і што найбольш важна – замацаванні ў свядомасці сучасных беларусаў слаўнай гісторыі прававых узаемадачынненняў іх продкаў.

28.01.2017 г. пад час святкавання 440-годдзя надання Магілёву Магдэбургскага права ўдзельнікі міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання» у рэзалюцыі падкрэслілі, што «традыцыйнай агульнаеўрапейскай формай арганізацыі грамадскага жыцця і вырашэння надзённых справаў на тэрыторыі Беларусі было Магдэбургскае права».

Еўрапейскі ўзровень развіцця самакіравання на тэрыторыі Магілёўшчыны ў XVI–XVIII стст. дазваляе ганарыцца здабыткамі дэмакратычных працэсаў гарадскога жыцця нашага краю. Сёння грамадскасці неабходна абагульніць назапашаны вопыт і вярнуць магдэбургскі дух, упэўненасць у сваіх сілах, адказнасць за сваю будучыню у гарады і мястэчкі Беларусі.

1. Ад Магдэбургскага права да сучаснага самакіравання: зборнік навуковых матэрыялаў / уклад., аўт. прадмовы І.А. Пушкін, А.Р. Агееў. – Магілёў: МДУХ, 2017. – 184 с.
2. Магдэбургскае права на Магілёўшчыне: зборнік навуковых матэрыялаў / уклад. І.А. Пушкін, А.Р. Агееў. – Магілёў: МДУХ, 2015. – 111 с.
3. Магдэбургскае права на Магілёўшчыне: учора, сёння, заўтра: зборнік матэрыялаў / Сацыяльна-культурная ўстанова «Рэгіянальнае бюро стратэгія развіцця і міра»; уклад., аўт. прадмовы І.А. Пушкін, А.Р. Агееў. – Магілёў, 2012. – 88 с.
4. Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2010 г., Могилев / УО «Могилевский государственный университет продовольствия»; редкол.: Ю.М. Бубнов, (отв. ред.), Т.Г. Бобкова, И.А. Пушкин, В.Л. Рожковский, В.В. Юдин. В 2-х ч. – Могилев: УО «МГУП», 2010. – Ч. 1. – 372 с.; Ч. 2. – 247 с.

Лукашевич А.М.
ДОКУМЕНТЫ О РЕКРУТСКИХ НАБОРАХ КАК ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ В БЕЛАРУСИ (конец XVIII в. – 1812 г.)

После включения белорусских земель в состав Российской империи, на податные сословия Беларуси была распространена рекрутская повинность. За короткий промежуток времени – период с 1794 по 1812 г. – белорусские губернии поставили в российскую армию более 150 тыс. человек. В результате, к началу войны с Францией в 1812 г. почти каждый восьмой солдат российской армии был уроженцем белорусских земель.

В связи с этим, особый интерес представляет документальный комплекс, отражающий условия проведения рекрутских наборов в Беларуси. Все документы по этой проблематике можно разделить на две большие группы. Первая – законодательные акты – определяла условия и сроки проведения рекрутских наборов, вторая – делопроизводственная (военного ведомства, губернского, уездного и городского уровней) – отражала непосредственное осуществление наборов на местах. Рассмотрим обе группы документов и порядок (процедуру) проведения наборов.

Когда некомплект в войсках или решение увеличить их численность вызывали необходимость рекрутского набора, то о последнем в августе или сентябре от императора (императрицы) исходил манифест, объяснявший как причины назначения набора, так и количество рекрутов подлежащих набору с определенного числа душ.

В развитие манифеста одновременно давался именной указ Сенату, определявший основания, на которых необходимо провести набор. Иногда манифест не издавался, а следовал только указ Сенату. В таком случае указ включал в себя и обычное содержание манифеста. Например, рекрутская повинность на территорию Беларуси была распространена указом императрицы Екатерины II Сенату от 7 сентября 1794 г. «Об укомплектовании карабинерных и драгунских полков из мещан и крестьян казенных и помещичьих Изяславской и Брацлавской губерний, а егерских корпусов из таковых же Минской, Полоцкой и Могилевской; о сроке службы набираемым людям; о поступании во взыскании рекрутских денег с купечества и евреев по указу 3 мая 1783, о и наполнении полков Лейб военного ордена и Казанского кирасирских людьми из карабинерных и драгунских полков» [4, т. XXIII, № 17249].

Большинство манифестов и сенатских указов о проведении рекрутских наборов в конце XVIII в. – 1812 г. было опубликовано в первом Полном собрании законов Российской империи [4].

Однако законодательные акты (манифесты или именные указы Сенату) по вопросам комплектования армии, не вносили ничего принципиально нового. Они являлись лишь конкретизацией отдельных положений «Генерального учреждения о сборе рекрут» 1766 г. [4, т. XVI, № 12748] или его практического осуществления.

В конце XVIII – начале XIX в. «Генеральное учреждение» оставалось основным законодательным актом в вопросах комплектования армии. Оно определяло порядок, время, нормы рекрутских наборов, условия сдачи и приемки рекрутов, круг сословий и сословных категорий, несущих рекрутскую повинность, обязанности сдающих в отношении обеспечения рекрутов продовольствием, одеждой, деньгами на время их пребывания на сборных пунктах и следования в полки, а также меры по предотвращению побега рекрутов. Наконец, «Генеральное учреждение» подтверждало право помещиков засчитывать в качестве рекрутов крестьян, сосланных на поселение или на каторгу.

После объявления манифеста или именного указа, Сенат отдавал распоряжение об их публикации. Затем он рассылал документы с курьерами в губернские правления, казенные палаты, к гражданским губернаторам, в Военную и Адмиралтейств-коллегии с надлежащими предписаниями – кому и где производить прием рекрутов. Подобные сенатские указы в большом количестве отложились в Национальном историческом архиве Беларуси в фондах витебского, могилевского и минского гражданских губернаторов.

При изучении рекрутских наборов важно использовать документы военного делопроизводства об укомплектовании армии – «рописания», которые в сентябре – октябре составляла Военная коллегия. В них указывался некомплект в сухопутных частях и во флоте, и расчетное количество рекрутов, подлежащее сбору с каждой губернии. Для составления соответствующих расчетов использовались губернские ведомости о числе населения в душах, которые ежегодно к 1 августа присылались в Военную коллегию. «Рописание» также указывало: откуда и в каком составе нарядить воинские команды для отвода рекрут [6, с. 250–257].

Обычно «рописания» имели длинные названия, в которых заключалась суть этого документа. Например, «рописание» 1796 г. называлось: «Рописание, коликое число в полевые, кавалерийские и пехотные полки, егерские корпуса, мушкетерские, полевые, пограничные и внутренние батальоны, также в штатные губернские роты и городовые команды нижних чинов требуется по укомплектованию рекрутами, и сколько куда с нижеписанных наместничеств и губерний из ныне повеленного указом набора назначается рекрут» [6, с. 258–271].

Таким образом, «рописания» являлись своего рода планами общеимперского масштаба по сбору рекрутов. Большинство из них, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 11 – Инспекторская экспедиция Военной коллегии, 1719–1812 гг.; Ф. 19 – Рекрутская экспедиция Канцелярии Военной коллегии, 1719–1812 гг.) [7], было опубликовано в виде приложений в многотомном издании под общим заголовком «Столетие Военного министерства. 1802–1902» [5; 6].

Для белорусских исследователей особую ценность представляет «рописание» 1799 г. Оно называлось: «Рописание, учиненное в Государственной Военной Коллегии о[б] укомплектовании войск Его Императорского Величества рекрутами, собираемыми по силе состоявшегося минувшего июля 23 дня сего 799 года, с каждых 350 душ по одному рекруту, указа, с показанием, в которых инспекциях, корпусах, полках и батальонах какой ныне некомплект состоит, сколько рекрут и из каких губерний и уездов к наполнению сего некомплекта назначается и откуда отряжены быть должны для приему и приводу оных команды» [6, с. 272–317]. Из этого документа можно с точностью до человека установить не только количество назначенных рекрутов с той или иной губернии, но и количество рекрутских душ в каждом повете империи, а также инспекции, куда они распределялись. Более того, по этому «рописанию» можно определить расположение всех воинских частей по инспекциям, и места квартирования полков, батальонов и рот, что позволяет составить дислокационную карту российских войск в белорусских губерниях на 1799 г.

После утверждения «рописания» Военная коллегия рассылала его в виде «выписок» для отдельных губерний (вместе с присланным из Сената указом о наборе) в губернские правления и в части войск (в 1799 г. – к инспекторам войск и корпусным командирам). Местные военные и гражданские начальники должны были заблаговременно отдать распоряжения о наряде команд для отвода рекрут и о своевременной высылке этих команд к местам приема партий (см. например, «Выписка из рописания сколько в которой губернии предполагается к сбору рекрут, сколько из них в какое депо отправить, и во скольких партиях откуда нарядить конвойные команды. Сентября 30 дня 1810 года» [5, с. 27–30]).

Одновременно Военная коллегия отдавала распоряжения, касающиеся набора. Например, рекрутские присутствия ежемесячно должны были присылать в Инспекторскую экспедицию Военной коллегии ведомости о ходе набора, а офицеры, сопровождавшие рекрутов – из каждого города – рапорты о состоянии партии. В свою очередь, губернские правления собирали от рекрутских присутствий сведения о наборе, и также ежемесячно отправляли их в виде сводных ведомостей в Инспекторскую экспедицию. В них сообщалось: сколько в губернии принято, отправлено, зачтено и остается в недоимке рекрут. По таким сведениям Инспекторская экспедиция составляла ведомости для подачи их в Сенат.

Таким образом, к 1 ноября, когда обычно начинался сам набор, – все предварительные о нем распоряжения уже были сделаны, и каждый знал свои обязанности. Поэтому Сенату во время набора оставалось только наблюдать за его успешным проведением и за положенными сроками окончания.

Документы местного (губернского, поветового и городского) делопроизводства о рекрутских наборах в Беларуси достаточно разнообразны. При подсчетах и для анализа количества собранных из белорусских губерний рекрутов можно использовать:

- «раскладочные списки» (например, «Раскладочный список на поставку рекрут по набору 1812-го года Игуменского повета» [2, л. 57–62]; в нем указывалось, сколько следует собрать с 500 душ рекрутов и сколько – складочных денег «с каждой остальной от рекрута души»);
- ведомости по поветам (уездам) (например, «Ведомость учиненная в Минской казенной палате, для поверки рекрутских раскладочных рописаний, кои сделаны будут по поветам, господами маршалами, о поставке с владельческих, пезуитских, ленных, и духовных крестьян, и также и цыган рекрут, с объяснением: сколько таковых душ ныне по последнему исчислению в каждом особо повете состоит в действительном подушном окладе за исключением мещан и по-

селян казенного ведомства, с коих уже сею палатою поставка рекрут назначена, и о которой к удобнейшему соображению генерального числа по поветам подходящих под рекрутский сбор душ, тут же означается. Ноября 8 дня 1803 года» [1, л. 79]);

- ведомости по городам и местечкам, которые составляли казенные палаты (например: «Ведомость учиненная из росписания Минской казенной палаты, во исполнение именного Его Императорского Величества Высочайшего указа, состоявшегося в 7 день сентября, о наборе с 500 душ по одному рекруту, с назначением сколько таковых в натуре в здешней губернии с городов и местечек, из последнего исчисления ревизских окладовых душ, поставить следует мещанами, и с показанием притом расчисления, в приписке остатков одних городов и местечек душ, и недостаткам оказавшимся в других таковых же местах, на полного рекрута, равно и с исчислением где засим расположением явился остаток впред к распоряжению. Октября 13 дня 1804 года» [1, л. 50–50 об., 55]);

- реестры (например, «Реестр Игуменского поветового казначейства, означающий сколько по Игуменскому повету, состоит мещан, христиан, евреев, дворовых людей, крестьян казенных, старостинских, поезуитских, духовных, цыган, старообрядцев и помещичьих крестьян» [2, л. 63–63 об.]; в этом списке указывалась полная раскладка всех жителей повета);

- складочные и смотровые книги (например, «Складная книга повета» – сколько крестьян «казенных, старостинских и старообрядцев или филимонов, всего дворовых и помещичьих крестьян» [2, л. 61]; в них определялось общее количество складочных рекрутских душ, а также количество поставляемых рекрутов и складочных денег);

- иные документы (например, «Ведомость сколько состоит в Белорусской губернии мещан, крестьян, казенных, помещичьих также купцов христиан и евреев и мещан евреев и сколько с первых расположено собрать по нынешнему в Белоруссии 4-му набору рекрут, а сколько денег» [3, л. 110 об.]).

Наибольшую ценность представляли ведомости казенных палат. В поветовых ведомостях указывалось: 1) сколько в повете всего (кроме купцов и евреев) душ (например, в Игуменском повете в 1803 г. – 34103); 2) сколько по расписаниям казенной палаты: мещан; поселян казенного ведомства; сколько с них назначено рекрутов, и сколько душ остается «за распоряжением» (например, в Игуменском повете 186 мещан и 324 поселян; с них назначено по 1 рекруту; в остатке – нет); 3) сколько должно состоять в складочных расписаниях поветовых маршалов: крестьян (духовных; помещичьих, поезуитских и ленных); цыган; суммарно крестьян и цыган; сколько рекрут с них, и остаток душ (например, по Игуменскому повету: 871 духовных и 32699 помещичьих, поезуитских и ленных крестьян; 23 цыгана; всего 33593. С них положено 134 рекрута. В остатке – 93 человека) [1, л. 79]. Таким образом, с повета всего полагалось 136 рекрутов.

В свою очередь ведомости по городам и местечкам указывали: 1) название городов и местечек, с указанием сколько в них состоит в окладе душ (например, г. Борисов в 1803 г. – 553 души); 2) количество назначенных рекрутов и с какого числа душ они назначаются (например, с Борисова – 1 рекрут, с 500 душ); 3) сколько осталось душ на полного рекрута и к какому городу или местечку причислены (например, оставшиеся с Борисова 53 души приписывались к местечку Докшицы) [1, л. 50]. Все эти документы сводились в общие дела (например, «Сведения о рекрутских наборах по Минской губернии за 1812 год» [2]).

Особым видом документа являлись «зачетные квитанции». Они выдавались во время рекрутских наборов помещикам и обществам в зачет лиц, ранее поставленных на государственные работы, или отданных на военную службу в счет будущих наборов. Данные зачетных квитанций необходимо учитывать при подсчете общего количества набранных рекрутов, поскольку зачеты существенно уменьшали общее количество новобранцев.

Таким образом, законодательные акты и документы делопроизводства центральных органов управления позволяют точно установить планируемое число рекрутов из белорусских губерний, а документы местного делопроизводства – оценить условия проведения набора, а также определить количество собранных рекрутов и рекрутских денег.

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 320. Минский губернский предводитель дворянства. – Оп. 3. – Д. 3 – Указы Сената и Минского губернского правления о рекрутских наборах по Минской губернии за 1804–1806 гг. 12.10.1795 – 13.10.1804. – 103 л.
2. НИАБ. – Ф. 320. – Оп. 3. – Д. 8 – Сведения о рекрутских наборах по Минской губернии за 1812 год. 1809–1818. – 260 л.
3. НИАБ. – Ф. 3219. Белорусское губернское правление. – Оп. 1. – Д. 343 – О наборе рекрут. 2.05.1797 – 13.11.1797. – 220 л.

4. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание I: С 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб. : Тип. II отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851.
5. Столетие Военного министерства. 1802–1902 : в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб., 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб: Ист. очерк. Ч. 1. Кн. 1, отд. 2. Комплектование войск в царствование императора Александра I / сост. шт.-кап. В. В. Щепетильников. – СПб.: Тип. поставщиков двора е. и. в. т-ва М. О. Вольф, 1902. – [6], 214, 92, II с., 5 л. карт.
6. Столетие Военного министерства. 1802–1902 : в 13 т. / гл. ред. Д. А. Скалон. – СПб., 1902–1914. – Т. 4: Главный штаб: Ист. очерк: Введение. Ч. 1. Кн. 1, отд. 1. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. / сост. кап. А. К. Ильенко; Ред. Ист. очерка Гл. штаба ген.-м. Н. П. Михневич. – СПб. : Тип. «Бережливость», 1902. – 489 с. разд. паг.
7. Фонды Российского государственного военно-исторического архива. Краткий справочник. – М : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 640 с.

Филатова Е.Н.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Интерес к мемуарам, дневникам, письмам, проектам видных деятелей, представителей известнейших шляхетских/дворянских родов, участников политических и военных событий, которые жили в Беларуси и Литве в конце XVIII – первой половине XIX в. возник во второй половине этого ж века. Интерес общества к ним пережил несколько этапов: начало XX века, 20–30-е годы и затем уже 70–90-е годы. Эти источники написаны не только представителями дворянства, но и духовенства, военных, чиновников, писателей и поэтов – наиболее активной и образованной части общества этого региона. Авторы, в ряде случаев, писали воспоминания будучи уже в пожилом возрасте, либо по памяти, либо базируясь на своей переписке, дневниках, которые было модно вести образованной части населения на протяжении своей жизни, не глядя даже на различные, не всегда благоприятные, обстоятельства. В XIX – начале XX вв. среди тех, кто искал и готовил к изданию рукописи, были М. Федоровский, Г. Мостицкий, А. Чертковский, М. Годлевский и другие. Издавались они в разное время, в основном, в типографиях Петербурга, Вильно, Львова, Варшавы, Кракова и др. Их продолжают издавать и до настоящего времени на русском, белорусском, польском, английском, французском и немецком языках.

Эти опубликованные источники можно условно разделить на группы – мужские и женские. Мужчины больше обращали внимания на политические, военные и хозяйственные аспекты, а женщины – на личную и светскую жизнь и др. Хотя и не всегда. Так, например, воспоминания С. Моравского о молодых годах, проведенных в Вильно, как бы переплетаются с воспоминаниями Г. Пузыны по обилию информации о личных отношениях представителей светского общества этого города. При этом и те, и другие являются ценным источником не только для описания повседневной жизни дворянства города, но и для такой специальной исторической дисциплины как генеалогия. Модным явлением было в то время и написание проектов по различным аспектам жизни территории. Среди них проекты посвященные войне 1812 г., ликвидации униатской церкви, отмене крепостного права и другие, в которых затрагивалась государственность региона, отношение населения к Российской империи, образование, конфессиональная жизнь и т.д.

В комплексе этих опубликованных источников, которые рассматривают различные аспекты жизни городов и местечек белорусско-литовских губерний, можно выделить основные направления их тематики. Среди них поездки, например из Царства Польского в Петербург и обратно, или просто по территории, останавливаясь в городах или местечках, наблюдая со стороны за их состоянием, населением, вспоминая их историю. Авторы рассматривали, как ряд городов и местечек, так и отдельные, заинтересовавшие их, населенные пункты. Больше всего воспоминаний и других источников приходится на столицу региона – Вильно. Ряд воспоминаний касались политических и военных событий: участием в тайных обществах, войне 1812 г., восстании 1830–1831 гг. и др. Конфессиональная жизнь прослеживается в воспоминаниях, дневниках, переписке высшего духовенства. Среди них дневник и переписка католического митрополита С. Богуша-Сестренцевича, воспоминания Литовского православного митрополита И. Семашко, Полоцкого православного архиепископа В. Лужинского, дневник Минского православного архиепископа М. Голубовича, письма Полоцкого православного епископа Смарагда и др.

В конце XVIII в. о городах восточной Беларуси писали ряд известных людей. Так, в 1780 г. российская императрица Екатерина II решила совершить путешествие по землям, полученным в результате первого раздела Речи Посполитой, которые входили в состав Белорусского генерал-губернаторства во главе с З. Чернышевым. Она хотела ознакомиться с новыми территория-

ми и собиралась встретиться в Могилеве с австрийским императором Иосифом II (который приехал под именем графа Фалькенштейна). Императрица выехала из Петербурга и через Нарву – Псков – Остров – Опочку прибыла в Полоцк, затем поехала в Могилев. После торжественной встречи в Могилеве, через Шклов – Оршу – Дубровну – Ляды – на Смоленск. Со Смоленска через Великие Луки – Духовщину – Порхов – Старую Руссу, Новгород – на Петербург. Во время этого путешествия велись дневниковые записи, а также она писала письма о своих впечатлениях сыну великому князю Павлу и его супруге Марии Федоровне [2, с. 384 – 420]. Видимо у нее сложилось противоречивое представление о городах. Екатерина II заметила могилевскому губернатору, что «если бы я сама не видела такого устройства в Белоруссии, то никому бы не поверила, а дороги ваши как сады». Но переехав из Белоруссии в Смоленск, она написала сыну, что «здесь другое дело, а не то, что дрянные городишки Белоруссии; окрестности здесь красивы, город живописен, собор великолепен...» [9, с. 58; 13, с. 19].

Автор воспоминаний генерал-майор Л. Энгельгард писал о подготовке этой встречи в Могилеве, что еще «за месяц до прибытия государыни съехались иностранные министры, часть двора, множество иностранцев, а особливо знатных и богатых польских вельможных панов; тогда Могилев уподоблялся более многолюдному столичному, нежели губернскому городу. Беспрепятственные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде в России не бывало, да и сомнительно, было ли после; граф Сапега проиграл все свое знатное имение» [13, с. 16].

Л. Энгельгард в своих воспоминаниях писал и о Шклове, что его недобрая слава была связана с распространением фальшивых ассигнаций. Братья-сербы графы М. и Г. Зеновичи (или Зановичи) обещали ликвидировать долги С. Зорича и по подложной подорожной провезли, через Толочинскую таможенную, около 90 тыс. фальшивых ассигнаций. Одну из них показал Г. Потемкину, который проезжал через Шклов, поверенный Д. Мовшович. 27 апреля 1783 г. Г. Потемкин задержал «бродяг промышленников» и заключил под домашний арест С. Зорича, а в доказательство послал 100 рублевую купюру в Петербург, после чего началось следствие. Могилевское губернское правление собрало, от 26 человек, еще 50 купюр на сумму 5 тыс. руб. А у младшего брата Зеновича, при обыске в Москве, нашли 700 тыс. сторублевых фальшивых ассигнаций [13, с. 34 – 35]. 25 октября 1783 г. Екатерина II приказала заключить братьев Зеновичей в Нейшлотскую крепость, откуда их выпустили только в сентябре 1788 г. 20 апреля 1784 г. Сенат признал С. Зорича невиновным и освободил его.

О Могилеве писал и католический митрополит С. Богуш-Сестренцевич, который вспоминал в своем письме от 27 января 1797 г. папскому нунцию в Варшаву об образовании Белорусской католической епархии в 1783 г. и что «незначительный город Могилев был назначен местом жительства, тесная и угрожающая окончательным разрушением приходская церковь – главным храмом, старшие приходские священники были переименованы в каноников; благочестие должно было заменить величественные церемонии; музыка и семинария поддерживались на средства конгрегации, остальное было предоставлено заботливости клира» [4, с. 1]. В 1798 г. он переписывался с Полоцким униатским архиепископом Ираклием Лисовским относительно открытия аббатства в Витебске и назначении игумена Витебского базилианского монастыря А. Сурожа аббатом [5, с. 238–239].

Княгиня Е. Дашкова, которая получила от Екатерины II имение Круглое великого литовского гетмана Михала Казимира Огинского, писала, что: «этот Огинский был долго врагом России, иногда открытым и, наконец, многим обязанный Екатерине, отказался дать присягу на владение своих земель в Белоруссии, покоренной императрицей. На следующий год, посетив свое поместье, я уверилась окончательно, что Екатерина не имела никакого понятия о состоянии его; к крайнему моему удивлению, я нашла крестьян ленивыми, грязными и преданными отчаянному пьянству, так что они едва ходили на людей» [7, с. 115].

Ю. Крашевский, П. Шпилевский, В. Сырокомля, Л. Потоцкий в своих «путешествиях» оставили очень интересные наблюдения о жизни, населении, истории ряда городов и местечек. Среди них Брест-Литовский, Несвиж, Минск, Борисов, Игумен, Мир, Пинск, Свержень, Ружаны, Деречин, Зельва, Свислочь и др. [8, 11, 12, 15].

Ни один автор воспоминаний не обходит политическую ситуацию в крае. Так, в воспоминаниях приора виленских доминиканцев Ф. Цецерского, одного из участников тайной организации «Виленской ассоциации» (1796 – 1797 гг.), рассказывается о допросах членов этой организации виленским губернатором И. Фризелем, высылке и их жизни в Сибири, возвращение и пребывании приором доминиканского ордена в Забельском монастыре [18].

В сборник мемуаров участников других тайных организаций – филоматов и филаретов вошли воспоминания и дневники И. Домейко, Т. Красинского, О. Слизня, М. Чарноцкого, Т. Зана, Э. Массальского, Ф. Малевского [22]. Воспоминания М. Чарноцкого посвящены деятельности этих тайных обществ. Он писал, что последние дни своего пребывания, после следствия в Вильно, филареты были заперты в базилианском монастыре, а затем вывезены в Россию. Из университета были удалены профессора: ксендз М. Бобровский, И. Лелевель, Голуховский, Данилович [22, с. 151–171].

Этот сборник интересен и тем историкам, которые занимаются войной 1812 г., историей католической церкви. Так, Э. Массальский вспоминал о положении минской шляхты во время войны 1812 г. [22, с. 207–259] и о судьбе Полоцкой иезуитской академии в 1820 г. Он писал, что Александр I разрешил иезуитам взять с собой в дорогу по тридцать дукатов, которые были выплачены ректору академии генералом ордена иезуитов Т. Бжозовским. Однако представители властей забрали эти деньги, а каждому из членов ордена дали подписать бумагу, что они их получили. Но, так как архив кассы ордена не попал в руки властей, то иезуиты смогли забрать с собой банкирские векселя и банковские билеты. Так же они забрали с собой предметы из кабинета польских древностей и библиотеку, о которых власти, видимо, не знали. В этом кабинете были собраны ценности различных монархов и известных людей прошлого: булавы, украшенные драгоценными камнями, ценные часы, перстни, табакерки и т.д. Библиотека насчитывала двенадцать тысяч томов, которыми иезуиты наполнили свои сундуки. А им, ученикам академии, иезуиты выдали свидетельства об окончании полного курса с ученой степенью. Так, автору этих воспоминаний дали свидетельство на степень магистра права и подарили на память много книг, из тех, которые уже не могли забрать с собой. Когда иезуиты стали выезжать из Полоцка, то в городе стоял плач и крик жителей города – разных сословий и вероисповеданий. На прощанье один из иезуитов обратился к горожанам с речью, в которой призывал держаться католической веры, «которая одна может избавить Польшу» [22, с. 256–258].

Об учебе и вольнодумстве ее преподавателей в Главной семинарии Виленского университета писал Литовский православный митрополит, бывший униатский епископ, Иосиф Семашко, который закончил её. Он отметил, что при обучении они пользовались учебниками, которые были подготовлены в Австрии, и в них говорилось о «злоупотреблениях папской власти». Кроме того, определенной долей вольнодумства обладали и профессора. «Думаю, – писал И. Семашко, – ни в одной православной академии воспитанники не услышат о злоупотреблении римской церкви того, что я слышал от сих двух (Клонгевича и Капелли – Е.Ф.) наставников» [6, с. 16].

Многочисленные воспоминания, особенно военных, были посвящены войне 1812 г. Перед началом войны польский генерал М. Соколицкий в своих проектах императору Наполеону рассматривал ситуации в Литве, планировал прохождение французских войск через ряд городов белорусско-литовских губерний [10]. Интерес представляет, например, и дневник Д. Давыдова, в котором упоминаются Копысь, Бельничы, Вильно, Гродно [3, с. 94–95, 99, 124, 128–135].

С. Моравский вспоминал о приятеле своего отца прелате Виленской католической кафедры ксендзе М. Длуском, который в 1812 г. поддержал Наполеона, за что, на короткое время, был выслан в Сибирь [16, с. 11–13]. Он же писал о том, как в Вильно были арестованы представители тайного общества «Национальное масонство», члены который М. Ромер, маршалок И. Завиша, Струмилл, Вагнер, Чарковский, семидесятилетний литовский обозный К. Прозор были арестованы и заточены в Петропавловскую крепость в Петербурге. Однако были прощены и выпущены из нее в 1828 или 1829 г. [16, с. 57–58].

Описывая жизнь светского общества накануне восстания 1830–1831 г. князь Л. Сапега рассказывал о своем визите в Петербурге в 1827 г. И этот визит свидетельствовал о весьма доброжелательном приеме в столице Российской империи магнатории бывшей Речи Посполитой. Автор отмечал, что в городе было несколько польских домов. Среди них: дом генерала графа С. Грабовского, известного участника восстания 1794 г., а в то время министра-секретаря Царства Польского; С. Потоцкого, сына одного из руководителей Тарговицкой конфедерации 1792 г. С. Счастливого-Потоцкого. Л. Сапега, среди других представителей знати, был приглашен на бал к императору Николаю I по случаю его именин [21, с. 75, 76, 77]. С. Моравский, который также бывал в Петербурге, писал о своих встречах с А. Пушкиным, А. Мицкевичем, М. Шимановской, Ю. Алешкевичем и др. Из этих воспоминаний видно, что у А. Мицкевича была не очень тяжелая жизнь, после его ареста за участие в деятельности общества филоматов и филаретов.

А. Мицкевич посещал Москву, затем Петербург, в обоих столицах он был очень тепло принят в высшем свете, бывал на литературных обедах с известными писателями и поэтами, музыкальных вечерах у М. Шимановской и т.д. [17, с. 5–20].

Событиям восстания 1830–1831 гг. также посвящен сборник воспоминаний [19], в котором рассказывается, как о военных действиях на территории Беларуси и Литвы, так и о создании повстанческих комитетов, принесении им присяги, участии католического духовенства в восстании, отношении населения городов и местечек к восстанию и т.д.

Г. Пузына писала, что после подавления восстания 1830–1831 гг., казалось, что страшный ураган прошел по краю и вырвал дома и семьи. Никто не ожидал такого печального конца, помня про амнистию Александра I после войны 1812 г. Но в отличие от него, Николай I, будучи человеком железной воли, поступил иначе. И некоторые из участников этого восстания шли в Сибирь, некоторые выехали за границу. А в крае очень не хватало известных имен: Е. Сапеги, двух Плятеров, Т. Пусловского, А. Горецкого, А. Воловича и др. [20, с. 155 – 156].

Мемуарной литературы, дневников, писем, проектов по истории Беларуси конца XVIII – первой половины XIX в. сохранилось немного, написаны они, в основном, на польском, французском и русском языках и существуют в наших библиотеках практически в единичных экземплярах, что делает их малодоступными. Хотя некоторые из них не менее интересны и увлекательны, чем многие из исторических романов. Как важный исторический источник они продолжают оставаться актуальными и в начале XXI в., о чем свидетельствуют издание и переиздание ряда воспоминаний, дневников не только на польском и русском языках, но и о переводе их на белорусский язык [1, 8, 10, 11, 14]. Они всегда были очень ценным источником для исследователей и не только историков, но и литераторов, искусствоведов. Благодаря им мы можем посмотреть на жизнь другого времени глазами их современников. Естественно, что люди пишут воспоминания для того, чтобы оставить память своим потомкам о себе, времени, в котором они жили, может быть оправдаться перед ними за какие-то свои действия, высказать в отношении их свою точку зрения. Понятно, что это субъективный взгляд, однако отношения к людям, поступкам, некоторым событиям, соответствующего настроения не найдешь в сухих архивных документах.

1. Война женскими глазами. Русская и польская аристократия о польском восстании 1830–1831 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 350 с.
2. Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда через Смоленск и Новгород // Сборник русского исторического общества. – Т. 1. – СПб., 1867. – 558 с.
3. Давыдов, Д. Дневник партизанских действий 1812 года / Д. Давыдов // Сочинения. – Ч. 1. – М.: тип. Бахметева, 1860. – 188 с.
4. Дневник Сестрэнцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – Ч. 2. – СПб.: тип. Главного управления уделов, 1914. – 185 с.
5. Дневник Сестрэнцевича, первого митрополита всех римско-католических церквей в России. – Ч. 2. – СПб.: тип. Главного управления уделов, 1914. – 281 с.
6. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора. – Т. 1. – СПб.: тип. имп. АН, 1883. – 745 с.
7. Записки княгини Е. Дашковой. – СПб.: изд. А.С. Суворина, 1907. – 366 с.
8. Патоцкі, Л. Успаміны пра Тышкевічова Свіслач, Дзярэчын і Ружану / Л. Патоцкі. – Мінск: Польша, 1997. – 269 с.
9. Письма императрицы Екатерины II Великому Князю Павлу Петровичу и Великой Княгине Марии Федоровне во время путешествия 1780 г. // Сборник русского исторического общества. – Т. 9. – СПб., 1872. – 536 с.
10. Сокольниковский, М. «Исполнено по высочайшему повелению...» / М. Сокольниковский. – Минск, БГУ, 2003. – 151 с.
11. Сыракомля, У. Вандрукі па маіх былых ваколіцах / У. Сыракомля // Добрыя весці. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 173–321.
12. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский. – Минск: Польша, 1992. – 251 с.
13. Энгельгард, Л. Н. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836 / Л.Н. Энгельгард. – М.: изд-во «Русского архива», 1868. – 240 с.
14. Янушкевіч, Я. Дыярьюш з XIX стагоддзя / Я. Янушкевіч. – Мінск: выд. В. Хурсік, 2003. – 350 с.
15. Kraszewski, J. Wspomnienia Wołynia, Polesia i Litwy / J. Kraszewski. – Warszawa: LS Wyd.-wo, 1985. – 324 s.
16. Morawski, S. Kilka lat młodości w Wilnie (1818 – 1825) / S. Morawski. – Warszawa: IWP, 1924. – 541 s.
17. Morawski, S. W Peterburku. 1827 – 1838 / S. Morawski. – Poznan: WP, 1927. – 370 s.
18. Pamiętnik xiędza Ciecierskiego przeora dominikanów Wilenskich. – Lwow: nakl. A. Vogel, 1865. – 346 s.
19. Powstanie 1831 r. na Litwie. – Wilno, nakl. J. Zawadzkiego, 1931. – 176 s.
20. Puzynina, G. W Wilnie i w dworach Litewskich. 1815 – 1843 / G. Puzynina. – Warszawa: nakl. J. Zawadzkiego, 1928. – 389 s.
21. Sapięha, L. Wspomnienia (Z lat od 1803 do 1863) / L. Sapięha. – Lwow, Warszawa, Poznan, 1913. – 254 s.
22. Z filareckiego świata. Zbiór wspomnień z lat 1816 – 1824. – Warszawa, Wyd. «Biblioteka Polska», 1924. – 372 s.

Анофранка Н.В.

**ПРАБЛЕМА СЛУЖБОВАЙ НЕАДПАВЕДНАСЦІ ЧЫНОЎНІКАЎ ГАРАДСКОЙ
ПАЛІЦЫІ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ ПЕРШАЙ ТРЭЦІ ХІХ ст.
(паводле дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі)**

Асноўныя прафесійныя і маральныя патрабаванні, якім павінен быў адпавядаць паліцэйскі чыноўнік першай трэці ХІХ ст. змяшчаліся ва «Уставе благочиния» пад назваю «Наказ управе благочиния». «Наказ» складаўся з правілаў «добронравия», правілаў грамадскіх абавязкаў і правілаў пасады. Першыя дзве часткі характарызувалі агульначалавечыя нормы паводзінаў, а апошняя замацоўвала патрабаванні, якія прад'яўляліся непасрэдна да паліцэйскіх чыноў. Чалавек, які знаходзіўся на паліцэйскай службе, павінен быў мець: «1) Здравый рассудок. 2) Добрая воля в отправлении порученного. 3) Человеколюбие. 4) Верность к службе Императорского Величества. 5) Усердие к общему добру. 6) Радение о должности. 7) Честность и бескорыстие» [11, с. 54; 12]. Аднак, незаўсёды прадстаўнікі паліцыі адпавядалі гэтым патрабаванням, пра што сведчаць дакументы цэнтральнага і мясцовага бюракратычнага апаратаў.

Скаргі на прафесійную неадпаведнасць паліцэйскіх чыноўнікаў былі даволі частымі. Напрыклад, у 1811 г. у ліставанні Міністэрства паліцыі з Мінскім грамадзянскім губернатарам падымалася тэма неадпаведнасці мінскага паліцмаистра Плескага займаемай пасадае. Па выніках праверкі стацкі саветнік Крыжаноўскі паведамляў у Міністэрства паліцыі: «*полицейское управление в Минске весьма слабо и Полицмейстер Плеский на порядочное служение не способен*». У віну Плескаму быў пастаўлены кепскі нагляд за супрацьпажарным абсталяваннем: «*Инструментов пожарных: бочек, кручев, вил, ведер и три трубы, но все сие недокончено, и под все то лошадей только шесть положено*». А таксама тое, што следчыя справы вяліся марудна і не вельмі якасна. У сувязі з гэтым рэвізор пісаў: «*Редкое дело нашел я выследованное основательно и окончательно*» [2, арк. 295]. У выніку гэтага ў астрогу збіраецца значная колькасць падсудных і арыштаваных. Аднак, даючы ацэнку іх утрыманню Крыжаноўскі адзначаў: «*Колодников в остроге нашел 58 человек. Сохранятся довольно строго и опрятно*» [2, арк. 295 адв.].

Абапіраючыся на паведамленне стацкага саветніка Крыжаноўскага Міністэрства паліцыі загадаў Мінскаму грамадзянскаму губернатару разабрацца з пералічанымі недахопамі ў дзейнасці мінскага паліцмаистра. Невядома на колькі гэтыя абвінавачванні адпавядалі рэальнаму стану рэчаў, але паліцмаистар Плескі не толькі застаўся на сваёй пасадае, але ў хуткім часе быў узнагароджаны ордэнам Св. Уладзіміра 4 ступені. У афіцыйным паведамленні гаварылася: «*Его императорское величество утвердил положение Комитета министров о награждении за усердную службу Минского полицмейстера надворного советника Плесского*» [2, арк. 403].

Варта адзначыць, што кадравая палітыка ў адносінах да паліцэйскіх чыноўнікаў, якіх быў яўны недахоп, з боку расійскага ўраду была дастаткова лагоднай. Гэта ілюструюць два супрацьлеглыя, але звязаныя між сабой падзеі, што адбыліся ў Мінскай губерні ў 1811 г. У першым выпадку праводзілася следства супраць мазырскага праўніка Македонскага, які абвінавачваўся ў злоўжываннях. У ходзе гэтага працэсу паўстала пытанне пра адхіленне ад пасады мазырскага гараднічага Арыстава за «*сокрытие преступлений, в коих сей последний изобличается уже при начальном производстве следствия*» [2, арк. 342]. Другая ж справа датычылася ўзнагароды за выдатную службу бабруйскага гараднічага надворнага саветніка Ліліе. Генерал-лейтэнант Эссен, які шукаў для яго ўзнагароды, пісаў, што толькі дзякуючы высілкам гараднічага ў Бабруйску ўдалося ўтрыманне «*умеренных цен на жизненные припасы при столь многочисленном стеснении войск и содействии генерал-майору Игнатьеву к убеждению тамошних винных откупщиков к продаже на поруки нижним воинским чинам вина по 4,7 вместо установленных по округу цены по 6,7 ведра*» [2, арк. 373]. У выніку, гараднічы Ліліе быў не толькі прадстаўлены да ордэна, але распараджэннем Міністэрства паліцыі быў пераведзены ў горад Мазыр. А мазырскі гараднічы Арыстаў, які папярэдне быў абвінавачаны ў «*сокрытии преступлений*» праўніка Македонскага, замест поўнага адхілення ад пасады быў пераведзены на пасаду гараднічага ў горад Бабруйск [2, арк. 374, 378].

У 20-я гг. ХІХ ст. недахопы па службе паліцэйскіх чыноўнікаў і скаргі на іх маглі разглядацца і губернатарамі, і Сенатам. Напрыклад 24 сакавіка 1826 г. быў выдадзены сенацкі загад па справе полацкага паліцмаистра падпалкоўніка Штэрна. Паліцмаистар абвінавачваўся ў тым, што выпусціў з пад варты падазронага яўрэя Ізю Саламонава. На думку Сената, менавіта паліцмаистар Штэрн быў вінаваты ў тым, што вызвалены ім Саламонаў спачатку заключыў

кантракт з варонежскімі ямшчыкамі, якіх потым разам з Аронам Шмуїлером і абрабаваў. У якасці пакарання полацкі паліцмайстар павінен быў выплаціць падманутым варонежскім ямшчыкам 1400 рублёў [3, арк. 33–33 адв.].

Гэта быў не адзінкавы выпадак, падпалкоўнік Штэрн сапраўды не адпавядаў пасаде паліцмайстра, як сведчылі скаргі гараджан. Так, на яго скардзіўся ў губернскае праўленне полацкі мешчанін Вельман. Ён пісаў, што Штэрн незаконна адабраў у яго 6 пар гадзіннікаў (гэта быў заклад на суму 335 рублёў ад гадзіннікавага майстра) [4]. А ў лютым 1826 г. ужо Дырэкцыя вучылішч Віцебскай губерні скардзілася Віцебскаму грамадзянскаму губернатару на тое, што паліцмайстар забараніў вучням Полацкага піярскага вучылішча *«на сюртуках мундировых шинелей и фраках мундирных не сметь носить красных суконных воротничков, а на шапочках или фуражках таковых же околышков»* [5, арк. 1]. Гэта распараджэнне супярэчыла пастанове 1824 года пра тайныя таварыствы, дзе ў адным з пунктаў сцвярджалася: *«чтобы ни один ученик не смел нигде находиться в ином одеянии как только в школьной униформе до окончания всех классов<...> Учащиеся имеют право ношения униформы для лучшего за ними наблюдения»*. На падставе гэтага Дырэкцыя вучылішч Віцебскай губерні прасіла грамадзянскага губернатара зрабіць распараджэнне ўсім паліцыям, каб яны не перашкаджалі, як гэта зрабіў полацкі паліцмайстар Штэрн, выкананню вучэбнымі ўстановамі прадпісаных для іх правілаў [5, арк. 2].

Акрамя прафесійнай некампетэнтнасці чыноўнікі гарадской паліцыі абвінавачваліся і ў маральнай неадпаведнасці займаемым пасадам – злоўжыванне алкаголем, разбэшчаныя паводзіны і г.д. Напрыклад, генерал-губернатар М.М. Хаванскі ў 1829 г. пісаў Віцебскаму грамадзянскаму губернатару: *«Дошло до сведения моего, что Режицкий городничий Хруцкий весьма нетрезвого поведения, и в сем состоянии делает упущения по должности. Прошу обратить внимание и меры, какие вы признаете в сем случае нужными отвратить его от этого порока»* [9, арк. 1].

А некалькі раней, 1828 г., жыхары Віцебска абвінавачвалі ў амаральных паводзінах чыноўнікаў віцебскай гарадской паліцыі. У сувязі з гэтай справай Віцебскі і Магілёўскі генерал-губернатар пісаў Віцебскаму грамадзянскаму губернатару: *«Вашему превосходительству известно, что по силе “Устава Благочиния или Полицейского”, в каждом городе вверено сохранение Благочиния добронравия и порядка единому месту под названием Управы Благочиния или Полицейской. <...> в данной оной Управе [как и всегдашнем зеркале ея] изображены <...> в точных и определенных чертах правила добронравия; правила обязательств общественных и качества определенного<...> Но к величайшему сожалению некоторые чины, составляющие сию полицию <...> не соответствуют столь святым установлениям закона ни в собственных качествах своих, ни в исполнении правил, должностью их предписанных»* [6, арк. 46–46 адв.]. Так, частны прыстаў тытулярны саветнік Курбацкі абвінавачваўся ў невыкананні шматлікіх ускладзеных на яго даручэнняў, а таксама ў махінацыях з грашовымі сумами, якія да яго паступалі. На следчага прыстава Жызнеўскага *«от некоторых просителей наводятся сомнения о неодобрительных качествах его»*. Частны прыстаў Мезгер *«по неоконченому еще делу подвергается нареканию в прелюбодейной жизни»*. Частны прыстаў Грудзінскі таксама абвінавачваўся ў пралюбадзействе з віцебскай мяшчанкай Гваздовой. У адрозненні ад Мезгера, справа Грудзінскага разглядалася духоўнай і пастанавіла, якая пастанавіла: *«за наведения сомнения в супружеской к жене своей верности, посадить в Бабиновицкий тринитарский монастырь на месячное церковное покаяние»*. Разам з іншымі ў разбэшчаных учынках гараджанамі абвінавачваўся і квартальны наглядчык Маеўскі [6, арк. 46 адв.].

Падсумоўваючы, генерал-губернатар М.М. Хаванскі пісаў Віцебскаму грамадзянскаму губернатару: *«видите сколь в малом числе чиновников витебской градской полиции, есть много примеров нравственных и неблагочинных; и что сим то самым людям вверено охранение и соблюдение общественного благочиния, благонравия и порядка»* [6, арк. 47 адв.]. Тамсама М.М. Хаванскі адзначыў і вострую рэакцыю Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі: *«Витебская полиция как единое место в городе, долженствующее сохранять благочиние, благонравие и порядок делает сама поноровку распусству»* [6, арк. 47 адв.].

Акрамя саміх фактаў амаральных паводзін паліцэйскіх генерал-губернатара абурылі дзеянні і віцебскага губернскага праўлення, якое запатрабавала каб паліцыя *«объяснила причину допущенного распустительства»*. М.М. Хаванскі пісаў: *«Употребление сих слов Правлением <...> дает понимать: что распустительство действительно существует, и что Правление стремится не к искоренению оногo, но что б знать причину для которой оно допущено; как будто*

бы распуство может быть действием терпимым в каком-либо обществе, а только надо знать причину для которой оно допускается» [6, арк. 48].

Генерал-губернатар М.М. Хаванскі распарадзіўся прызначыць для вядзення следства трох чыноўнікаў з бездакорнай рэпутацыяй. Першы быў прызначаны Віцебскім грамадзянскім губернатарам, другі – афіцэр унутранага гарнізоннага батальёна, а трэцім быў ад’ютант генерал-губернатара М.М. Хаванскага паручнік Мазнікоў. Нягледзячы на тое, што следства цягнулася з 1828 г. па 1830 г., яно не прывяло да нейкіх сур’ёзных наступстваў для паліцэйскіх чыноўнікаў. Як сведачаць дакументы і ў 1830 г. квартальны наглядчык Маеўскі, частны прыстаў Грудзінскі, следчы прыстаў Жызнеўскі працягвалі знаходзіцца ў штаце віцебскай паліцыі [6, арк. 144–145].

Гучная справа і працяглае разбіральніцтва па справе амаральных паводзін віцебскіх паліцэйскіх не вывела віцебскую паліцыю ў лік узорных. У 1830 г. працягвалі паступаць скаргі на паліцэйскіх чыноўнікаў, якіх абвінавачвалі ў стварэнні «*беспорядков и претеснениях просителей*», а таксама ў п’янстве [10].

Акрамя прафесійнай некампетэнтнасці і маральнай-этычнай неадпаведнасці, паліцэйскія чыноўнікі здзейснілі сур’ёзныя службовыя злоўжыванні і злачынствы. Напрыклад, радавы Рэжыцкай інваліднай каманды Андрэй Якаўлеў у канцы 20-х гг. XIX ст. падаў скаргу на Рэжыцкага гараднічага, якога абвінавачваў у згвалтаванні жонкі. Такое абвінавачанне не магло быць праігнаравана і Віцебскі грамадзянскі губернатар загадаў чыноўніку па асобых даручэннях Панцэлемонаву «*произвести сие следствие на законном основании*» [8, арк. 3].

Часам пра злачынныя ўчынкі паліцэйскіх чыноўнікаў рабілася вядомым не праз скаргі ахвяр ці датычных, а ў выніку службовых інтрыг ці помсты. Напрыклад, у 1828 г. Віцебскаму грамадзянскаму губернатару быў прадстаўлены рапарт полацкай гарадавой паліцыі са скаргаю на камандзіра мясцовай інваліднай каманды паручніка Пахомава. Ён абвінавачваўся ў тым, што чыніў перашкоды пры спробе затрымання полацкага мешчаніна Давіда Куклы, які абвінавачваўся ў падмане і парушэнні «*в обществе тишины*». Паручнік Пахомаў загадаў сваім падпарадкаваным не прапускаць паліцэйскіх у будынак унутранай варты, куды ён змясціў Давіда Куклу [7, арк. 1–3].

У адказ на гэта абвінавачанне паручнік Пахомаў падаў рапарт не грамадзянскаму губернатару, а генерал-губернатару М.М. Хаванскаму. У ім Пахомаў пералічваў шматлікія парушэнні як полацкага паліцмаистра падпалкоўніка Герасімовіча, так і ягонага памагатага квартальнага наглядчыка Касаржэўскага [7, арк. 16–16 адв.]. Так, квартальны наглядчык, па-першае, абвінавачваўся ў тым, што на Новы год, будучы ў нецвярозым стане, у высакародным сабранні парушыў цішыню і супакой, учыніў «*ужасную драку*», а па-другое, у тым, што без усякіх правоў і дакументаў, дзеля пахвальбы, насіў ордэн Св. Уладзіміра, на які не меў права. Аднак, у параўнанні з гэтымі правапарушэннямі абвінавачанні полацкага паліцмаистра Герасімовіча былі больш сур’ёзныя.

У ходзе следства, якое па загадзе генерал-губернатара праводзіў начальнік жандармскай каманды палкоўнік Мердэр, быў выяўлены цэлы шэраг парушэнняў, злоўжыванняў і злачынстваў [7, арк. 20]. Полацкі паліцмаистер для асабістых паездак, насуперак правілам, браў пажарных коней, а ў якасці кучараў выкарыстоўваў дзесьяцкіх. Насіў элементы формы (эпалеты і пагончыкі) на якія не меў права ў адпаведнасці з чынам і пасадай. Ён займаўся махінацыямі з арэндай аднаго з гарадскіх будынкаў. Па яго распараджэнні без ветэрынарных дакументаў у горад быў прапушчаны «*гурт волов*». Дзве жывёлы з гэтага статка былі знойдзены памерлымі ад хваробы, што паграджала эпідэміяй. Герасімовіч збіраў праз фактора з яўрэяў-гандляроў па 20 капеек за «*держание во время холода горшков с жаром; замыкал лавки под видом запрещення и не позволял торговать до тех пор пока не дастся ему по 40 (коп.) от каждой лавки*». Рыбакі скардзіліся на паліцмаистра за тое, што ён абкладаў іх «*податью дабы приносимо ему было в каждую пятницу лучшей рыбы от 12 до 20 фунтов*». Скрадзеныя ў «*секретарши новогрудской*» рэчы, якія былі знойдзены, былі вернутыя ёй Герасімовічам толькі пасля таго, як жанчына заплаціла яму 3 рублі срэбрам. Акрамя разнастайных выпадкаў вымаганняў, полацкі паліцмаистер не грэбаваў браць грошы ад злачынцаў. Так, у Полацку купец трэцій гільдыі Іван Патарочын згвалтаваў адзінаццацігадовую дзяўчынку. Даведаўшыся пра гэта Герасімовіч за «*оставление дела сего без исследования*» узяў з яго 200 рублёў.

На падставе ўсіх гэтых фактаў, прадстаўленых палкоўнікам Мердэрам, генерал-губернатар М.М. Хаванскі распарадзіўся адхіліць полацкага паліцмаистра падпалкоўніка Герасімовіча ад займаемай пасады на ўвесь час, пакуль ягоная справа будзе разглядацца ў адпаведных судовых інстанцыях. Адначасова аб прычынах, па якіх падпалкоўнік Герасімовіч «*оставляется без долж-*

ности» было паведамлена ў Камітэт 1814 г. (які не толькі ўплываў працаўладкаванне адстаўных ваенных, але і кантраляваў іх пенсійнае забеспячэнне). Часовае выканне функцый паліцмайстра Полацка было ўскладзена на люцынскага гараднічага капітана Ржэпіхоўскага [7, арк. 110–110 адв.].

Характэрнай рысай судаводства Расійскай імперыі першай паловы XIX ст. была маруднасць – судовая працэсы маглі зацягвацца, а канчатковае вынясенне прысудаў адкладвацца на гады. У гэты час чыноўнікі, у тым ліку і паліцэйскія, не звольненыя, а адхіленыя ад выканання службовых абавязкаў, працягвалі атрымліваць грашовае ўтрыманне ад казны. Пра гэта сведчыць справа барысаўскага квартальнага наглядчыка губернскага сакратара Ігнація Блажэвіча. У 1827 г. квартальны наглядчык Блажэвіч быў абвінавачаны ў вымаганні грошаў ад гандляроў, якія прыезджалі ў Барысаў на кірмаш. Яго справа, за «*делаемые якобы им взятки*», была перададзена ў суд, аднак, вынясенне прысуду зацягнулася. У 1829 г. Блажэвіч звярнуўся з прашэннем у Сенат, у якім тлумачыў, што па законе, адхілены ад пасады паліцэйскі чыноўнік да канчатковай пастановы суда павінен атрымліваць палову жалавання. Ён жа, пры адсутнасці пастановы суда, ужо з 1 верасня 1827 г. увогуле перастаў атрымліваць жалаванне. Ігнацій Блажэвіч прасіў, каб Сенат распарадзіўся выдаць яму жалаванне і рабіць гэта ў адпаведнасці з законам да канчатковага рашэння суда. Сенат, разгледзіўшы гэтую справу, пацвердзіў, што ў час знаходжання пад судом Блажэвіч павінен атрымліваць жалаванне ў адпаведнасці са сваім чынам [1, арк. 293–293 адв.].

У канцы 20-х гг. XIX ст., шукаючы шляхі павышэння эфектыўнасці паліцэйскага апарата, МУС і Сенат абмяркоўвалі меры спагнання з паліцэйскіх чыноў за «нерадение и упущение по службе». У выніку ў 1829 г. Сенат пастанавіў: «для побуждения их к большей исправности и рачению о своей должности, разрешить генерал-губернаторам, военным губернаторам, гражданским губернаторам подвергать нижних полицейских служителей (кроме полицмейстеров и городничьих) временному аресту, когда по степени вины их начальники сии почтут нужным» [1, арк. 476].

Такім чынам, у першай трэці XIX ст. у гарадах беларуска-літоўскіх губерняў нярэдка ўзніклі праблемы неадпаведнасці паліцэйскіх чыноўнікаў займаемым пасадам. Афіцыйныя вынікі праверак з боку цэнтральных органаў улады і мясцовых губернскіх адміністрацый (грамадзянскіх губернатараў, губернскіх праўленняў, генерал-губернатара), скаргі з боку гараджан у розныя інстанцыі на паліцмайстараў, гараднічых, квартальных адлюстравваюць нізкую прафесійную кампетэнтнасць шэрагу паліцэйскіх чыноўнікаў, іх маральную неадпаведнасць займаемым пасадам. Таксама сярод паліцэйскіх чыноўнікаў мелі месца не толькі злоўжыванні службовымі паўнамоцтвамі ў асабістых мэтах, а таксама здзейсненне злачынстваў пры дапамозе службовых пасадаў. Спробы вырашыць кадравыя праблемы гарадской паліцыі (праверкі, спаганні, адхіленні ад пасадаў і г.д.) не прыносілі адчувальнага плёну.

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 277. Т. 2.
2. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 94. Т. 3.
3. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 499.
4. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 513.
5. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 528.
6. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 647.
7. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1247.
8. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1790.
9. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1989.
10. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 2025.
11. Пинигин, М. Г. Организационно-правовые основы деятельности полиции в Российской империи по «Уставу благочиния или полицейскому» (1782–1862 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. Г. Пинигин – Москва, 2003. – 180 с.
12. Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Т. XXI. – № 15379. – С. 465.

Митрофанов В.В. **АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ** **НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКА В 1826 ГОДУ**

По меткому замечанию Г.Н. Потанина «города Сибири – это точки на общественном теле Сибири, которыми оно воспринимает лучи света, идущие с Запада» [11, с. 234].

Тобольск, основанный одним из первых, в 1587 г. [16, с. 44], на только что присоединенных территориях Западной Сибири, получил вскоре статус города (1590). На протяжении XVI–XVIII вв. он являлся военным, административным, политическим, церковным и культурным центром на огромном пространстве от Урала до Тихого океана. Как заметил С.Ф. Платонов,

один из первых сибирских летописцев Савва Есипов писал, что Тобольск сделался «столнейшим градом» Сибири со времени пленения Сейдяка [10, с. 237]. С 1708 г. Тобольск являлся главным городом Сибирской губернии и только в 1838 г. уступил свое первенство Омску, а ранее, в 1782 г., территория, ему подконтрольная, уменьшилась вдвое в связи с учреждением Иркутского наместничества [6, с. 875].

История старой «столицы Сибири» вызывает закономерный интерес у исследователей. В большом перечне работ следует назвать капитальный труд Ю.А. Гагемейстера [1]. Известный сибирский исследователь П.А. Словцов оставил материалы по истории Тобольска, которые и сегодня сохраняют свою научную ценность [14;15].

Важные сведения об административном делении города Тобольска, количестве построек, материале, из которого они возведены, получаем из архивных делопроизводственных документов [7, л. 68–90 об]. Как видно из таблицы 1, город делился на две части, каждая из которых, в свою очередь, состояла из двух кварталов. Обращает внимание тот факт, что, например, купцы в первой части первого квартала вообще не селились, а жили в основном во второй части первого квартала. А вот большинство чиновников жили в первой части в обоих кварталах примерно поровну, хотя много было и во второй части, но только в первом квартале. Аналогичная ситуация просматривается и с крестьянами, и ссыльными.

Приведены конкретные цифры о количестве больших улиц, переулков, мостов, церквей, домов, при этом они распределены на три группы по назначению, а каждая группа разделена на подгруппы по качеству материала, из которого они построены: деревянные и каменные. Город занимал пространство в 590 десятин 76 сажень [8, с. 98].

Таблица 1. Административное деление и количество домов в Тобольске. 1826 г.

	Назначение и качество строений [названия мои – В.М.]		I часть			II часть			Всего
			I квартал	II квартал	Итого	I квартал	II квартал	Итого	
Больших улиц			5	8	13	12	9	21	34
Переулков			9	10	19	11	7	18	37
Мостов через речки			3	4	7	3	6	9	16
Перевозов через речки			-	1	1	1	1	2	3
Церкви	Греческих	Каменных	8	1	9	6	1	7	16
	Католических	Деревянных	-	1	-	-	-	-	1
Домов	Казенных	Деревянных	16	21	37	18	13	31	68
		Каменных	10	3	13	4	1	5	18
	Общественных	Деревянных	6	3	9	10	3	13	22
		Каменных	-	-	-	2	-	-	2
	Обывательских	Деревянных	432	457	889	472	412	884	1773
		Каменных	1	2	3	13	-	13	16

Архивные материалы позволяют установить количество церквей, при этом они все были каменные и только одна деревянная, построенная для католиков. Казенные дома, в основном, остаются деревянные (68), а каменных всего 18, при этом примерно поровну распределены по двум частям. А вот общественных зданий из кирпича всего только 2, а остальные 22 — деревянные. Обывательская же застройка почти вся деревянная — 1773 и только 16 из камня. Следовательно, даже чиновники и купцы предпочитали строить дома из дерева, как более дешевого материала, да и практичного в суровых климатических условиях. Тобольск продолжал оставаться деревянным городом, а каменные постройки составляли, можно сказать, исключение, кроме церквей.

Имеются интересные сведения о динамике роста численности жилых домов в Тобольске в середине XIX в. – с 2214 (1851), до 3109 (1904), а в 1910 г. уже 3379 [4, с. 0368-0371; 5, с. 1022; 18, с. 5]. Приведенные нами в таблице цифры имеют значение для уточнения статистики за более ранний временной отрезок, что будет способствовать определению динамики количества домов за почти вековой период.

Не меньший интерес представляют сведения о численности населения города, и, что особенно важно, его социальном составе.

К.М. Голодников коснулся вопроса о продолжительности жизни жителей города и пришел к выводу о ее зависимости от места их проживания, благоустройства и санитарных условий территории [2; 3].

Важные сведения о численности населения Тобольска в 1825 г. (16994) и 1833 г. (17558) получаем из официальных документов. Косвенно об этом могут свидетельствовать приведенные В.И. Шунковым интересные цифры о динамике роста числа дворов в Тобольском уезде, но в более раннее время (до 1710 г.) – с 3,8 тыс. до 12,3 тыс. [17].

Эта проблема продолжает оставаться в исследовательском поле и сегодня. Два диссертационных исследования М.Г. Рутц и Е.А. Панишева раскрывают заявленную тему с разных позиций, но для нас важно, что временные рамки работ логически связаны: первая и вторая половины XIX в. [12; 9].

Архивные материалы позволяют не согласиться с рядом выводов, сделанных М.Г. Рутц, и уточнить ее статистические подсчеты с привлечением новых архивных источников.

Ведомость о числе жителей в г. Тобольске состоящих. 1826 г.[7, л. 68–70]

Жителей по различию состояния	Пол.	Первой части			Второй части			Всего
		В 1 квартале	Во 2 квартале	Всего	В 1 квартале	Во 2 квартале	Всего	
Духовного звания	мужского	122	79	201	265	128	393	594
	женского	32	24	56	27	5	32	88
Чиновников на службе находящихся гражданского ведомства	мужского	107	129	236	130	33	163	399
	женского	25	37	62	49	21	70	132
Военного звания	мужского	428	989	1407	664	687	1351	2768
	женского	182	514	696	245	349	594	1293
Чиновников в не службы и разночинцев	мужского	218	196	414	189	232	422	835
	женского	275	126	401	123	182	305	706
Купцов	мужского	-	29	29	89	16	105	134
	женского	-	22	22	98	19	117	139
Мещан	мужского	496	850	1346	865	623	1488	2834
	женского	432	739	1171	782	574	1356	2527
Крестьян	мужского	118	42	160	37	32	69	229
	женского	120	51	171	48	40	88	259
Монастырских архиерейских служителей	мужского	38	9	47	36	6	42	89
	женского	22	5	27	42	8	50	77
Духовных людей	мужского	105	67	172	51	22	73	245
	женского	159	132	291	47	25	72	363
Иностранцев	мужского	43	62	105	56	34	90	195
	женского	37	43	80	32	22	54	134
Ссылных	мужского	195	163	358	43	85	198	556
	женского	189	145	334	79	63	142	476
Всех жителей	мужского	1930	2621	4551	2495	1918	4413	8964
	женского	1473	1841	3314	1682	1308	2380	6294

Приведенные в таблице данные о населении Тобольска впервые конкретизируют его численность именно на 1826 г. Она составляла 15258 человек, из них больше половины (58%) составляли мужчины. Следовательно, если брать во внимание официальные сведения за предыдущий год, то получим сокращение численности горожан на 1736 человек. Такая большая разница вряд ли может быть признана достоверной. Следовательно, какой-то источник или оба имеют значительные неточности.

Все городское население делили на 11 групп, в том числе людей духовного сословия, которое, в свою очередь, делилось на три категории: духовного звания, монастырских архиерейских служителей и духовных людей, всего 1427. Важным представляется выделение в каждой группе половой принадлежности. Численность иностранцев обою пола составляла всего 329 человек, или 2% от общей численности, кстати, это больше, чем представителей купеческого сословия — их было 273, или 1,7% от общей численности населения. А вот ссылных здесь находилось 1031 человек, или 6,7%, при этом женщины составляли 476 человек. Таким образом,

ссылные оставались значимым источником роста численности населения города. Они уступали только мещанам, которые на первом месте – 5361 человек, людям воинского звания – их 4061, чиновникам вне службы и разночинцам – их 1541, следовательно, были на четвертом месте. Крестьян насчитывалось всего 488 человек, что составляло 3,1% горожан.

Проведем сравнительный анализ с выводами по численности населения Сибирских городов в первой половине XIX в., к которым пришла М.Г. Рутц. Исследовательница отмечает, что Тобольск был одним из трех городов Зауралья, имевших численность населения более 15 тысяч человек. Это известный факт.

Подсчеты М.Г. Рутц расходятся с приводимыми нами сведениями. Например, ссыльные, по ее данным, в 1823 г. составляли всего 1,9% в составе городского населения, но в Тобольске этот процент оказывается в 3,5 раза выше среднестатистического. А если учитывать, что для подсчета исследовательница брала численность населения пяти городов – Тобольск, Тюмень, Омск, Томск и Барнаул, то получается, что ее выводы имеют большую погрешность. М.Г. Рутц рост численности ссыльных относит к 1840-м гг. до максимальных 5% от общей численности населения и указывает на Омск и Ялуторовск как самые «густонаселенные» ссыльными, да и то уже в 1860-е гг. Таким образом, можно, опираясь на представленные цифры, говорить о неверных подсчетах. К тому же и города сравниваются разные, например, добавлен Ялуторовск. Аналогичные расхождения встречаются и по лицам военного звания. В Тобольске они составляли 26%, а не 9,2% (1811) или 25,4% (1858), как утверждает исследовательница. Сильно завышен оказался и процент купеческого сословия, он в Тобольске составил всего 1,7%, а не 4%, хотя последние цифры М.Г. Рутц относит в первое десятилетие XIX в. Не раскрыта в диссертационном исследовании в процентном отношении и численность таких категорий как духовенство и крестьянство. При этом констатируется только, что «духовенство и по российским городам, и по западносибирским весь период [первая половина XIX в. – В.М.] занимало близкие позиции», а в отношении крестьян сказано, что они «в составе городского населения Западной Сибири уступают по удельному весу российским городам» [12, с. 351].

Тобольск продолжал оставаться крупнейшим по численности населения городом Зауралья и входил по этому показателю в первую пятерку.

Публикуемые архивные материалы позволяют выявить существенные неточности, допущенные в специальных работах, в которых исследуются тенденции численности населения и вопросы соотношения основных сословных групп города Тобольска в первой трети XIX в.

1. Гагемейстер, Ю. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. – СПб. : тип. II Отд. Собственной его имп. Величества канцелярии, – Ч. 1. 1854. – 359 с.; – Ч. 2. 1854. – 697 с.; – Ч. 3. 1854. – 109 с.
2. [Голодников, К.М.] Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк / сост. член-секр. Тобольского губ. стат. комитета и член-сотрудник Имп. Учен. о-в рус. геогр. и любителей естествознания, антропологии и этнографии К. Голодников. – Тобольск: тип. Тобольск. губ. правл., 1887. – 189 с.
3. [Голодников, К.М.] Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины присоединения Сибири / К. Голодников. – Тобольск: тип. Тобольск. губ. правл., Тобольск: тип. Тобольск. губ. правл., 1881. – 192 с.
4. Города России в 1904 году. – СПб. : Центр. стат. ком. МВД ; типо-лит. Ныркина, 1906. – 910 с.
5. Города России в 1910 году. – СПб.: Центр. стат. ком. МВД ; типо-лит. Ныркина, 1914. – 1022 с.
6. Именной указ, данный Сенату, от 6 марта 1783 года «Об устройстве Иркутского наместничества» из территории ликвидированной Иркутской провинции // Полное Собрание Законов Российской империи : собрание 1. – Т. 21. – № 15680.
7. Исторический архив Омской области. – Ф. 3. – Оп. 12. – Д. 17541. Л. 68–90 об.
8. Митрофанов, В.В. Очерки по истории Тобольска, Березова и Сургута в XIX веке / В.В. Митрофанов. – Екатеринбург : Форт ДИАЛОГ-Исеть, 2016. – 238 с.
9. Панишев, Е.А. Социально-демографическое развитие Тобольской губернии в 1861–1913 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Панишев Евгений Александрович. – Тюмень, 2010. – 24 с.
10. Платонов, С.Ф. Смутное время : учеб. пособие для вузов : [сб.] / С. Ф. Платонов. – СПб. : Лань, 2001. – 429 с. : портр. – (Мир культуры, истории и философии. Классики ист. мысли).
11. Потанин, Г.Н. Города Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь, ее современное состояние и нужды : сб. ст. / под ред. И.С. Мельника. – СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. – С. 235–259.
12. Рутц, М.Г. Торгово-промышленное развитие и население городов Западной Сибири в первой половине XIX века / М.Г. Рутц. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – 351 с.
13. Словцов, И.Я. Материалы для библиографии Тобольской губернии. 1600–1889 : Путешествия и ученые труды // Календарь Тобольской губернии на 1890 г. – М., 1890. – С. 269–292.
14. Словцов, П.А. Письма из Сибири 1826 года. – М.: тип. С. Селивановского, 1828. – 112 с.
15. Словцов, П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. – М.: тип. С. Селивановского, 1834. – 196 с.
16. Солодкин, Я.Г. Сибирские летописцы об основании «первоимянитого» Тобольска (К истории книжной культуры азиатской России XVII – начала XVIII века) // Вестник «Альянс-Архео». – 2015. – № 11. – С. 32–44.
17. Шунков, В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков / В.И. Шунков. – Л. : Изд-во АН СССР, 1946. – 228 с.
18. Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб. : Хоз. деп. М-ва вн. дел, 1882. – 422 с.

Дулов А.Н.
«ЗАПИСКИ СТАРИКА» МАКСИМИЛИАНА МАРКСА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВИТЕБСКА

Один из самых колоритных источников личного происхождения XIX в., содержащих описание города Витебск и его жителей, – воспоминания Максимилиана Маркса «Записки старика». Рукописный текст воспоминаний хранится в отделе рукописей Львовской национальной научной библиотеки имени В. Стефаника Национальной академии наук Украины (фонд Оссолинских, № 3454). Написаны они были в 1887–1888 гг. в Енисейске и включают в себя 6 глав: «Витебск с 1821 по 1840 г.», «Смоленск 1841–1860 гг.», «Москва 1861–1864 гг.», «Из Петербурга в Кежму (1866–1867 гг.)», «Кежма», «Енисейск 1869–1888 гг.» [1, с. 153–154]. Источник был выявлен белорусским историком С. Щербаковым еще в 1960 г., и до сего времени поностью не опубликован. Текст первой главы, посвященной Витебску, в 1995–1997 гг. опубликовала в научно-популярном журнале «Віцебскі сшытак» витебский историк и краевед И. Абрамова [6–8]. Тем не менее, на наш взгляд, воспоминания М. Маркса в недостаточной мере используются отечественными исследователями.

Единственная специальная работа, посвященная «Запискам старика» как источнику истории Беларуси, – научно-популярная статья Н. Зайцева и С. Щербакова, увидевшая свет в 1984 г. [3]. Однако текст статьи весьма лаконичен, потенциал источника охарактеризован не в полной мере, содержатся отдельные неточности. Цель нашей работы: раскрыть информационный потенциал воспоминаний М. Маркса как источника по истории города Витебска.

Максимилиан Осипович Маркс (1816–1893 гг.) родился 7(19) октября 1816 г. в семье подпоручика войска Царства Польского в Витебске (по другим сведениям в мест. Дубецк, Галиция) [1, с. 152; 5; 9, стб. 236]. Так или иначе, детские и юношеские годы, а также молодость мемуариста прошли в Витебске. Окончив в 1834 г. Витебскую мужскую Александровскую гимназию, Максимилиан Осипович поступил в Московский университет. Вскоре по состоянию здоровья он был вынужден прервать обучение и вернуться в родной город, затем жил в Смоленске. В 1857 г. М. Маркс экстерном сдал в Московском университете экзамен на звание учителя географии. Преподавал в гимназиях в Смоленске, а затем в Москве, куда переехал с семьей в 1861 г. [1, с. 153].

В Москве М. Маркс сблизился с тайными польскими революционными организациями. По подозрению в связях с участниками восстания 1863–1864 гг. привлекался к следствию, провел около двух месяцев в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. За недостатком улик был освобожден, но находился под негласным надзором полиции. В 1866 г. М. Маркс был арестован по делу Д. Каракозова и предан суду по обвинению в содействии тайному обществу «Организация» и в укрывательстве польских политических преступников. В сентябре 1866 г. будущий мемуарист был осужден Верховным уголовным судом и приговорен к лишению всех прав и ссылке на поселение в Сибирь [9].

Ссылку М. Маркс отбывал сначала в с. Кежма – центре волости Енисейской губернии, затем в Енисейске. Там он увлекся научными исследованиями. Занимался метеорологическими наблюдениями, основал первую в Сибири метеорологическую станцию. Составлял таблицы времени для городов Енисейской губернии. Обнаружил существование космической пыли и доказал ее взнезменное происхождение [5; 10, с. 82]. Свои труды печатал в научных изданиях России и зарубежных стран. Являлся членом Русского географического общества (РГТ). За полезные труды по метеорологии и промер р. Енисей был награжден золотой медалью РГТ. Кроме того, изучал быт народов Сибири, стал одним из инициаторов открытия в Енисейске краеведческого музея. В конце 1870-х гг. М. Маркс был восстановлен в правах и освобожден от надзора полиции, получил возможность жить повсеместно за исключением столиц, столичных и Таврической губернии [9, стб. 237]. Но правом выбора места жительства не воспользовался, оставшись в Енисейске. Умер Максимилиан Осипович в 1893 г.

В 1885 г. М. Маркс завершил работу над составлением этнографического описания Витебской губернии (было опубликовано в 1922 г. польским исследователем В. Брухнальским в журнале «Lud») [10, с. 83]. Вскоре ученый пишет мемуары, которые планировались к публикации в журнале «Русская старина». Однако опубликованы воспоминания не были. В 1891 г. автор выслал их вместе с этнографическими материалами своему знакомому, в прошлом повстанцу 1863 г., ху-

дожнику и просветителю Эдварду Павловичу, работавшему тогда в Львовской библиотеке Оссолинских [3, с. 31]. Таким образом «Записки старика» оказались в фондах библиотеки.

Типологически воспоминания М. Маркса относятся к «мемуарам – “современным историям”» [см.: 4, с. 354–357]. Как писал сам мемуарист в завершении первой главы: «Я не писал своей автобиографии, зная, что жизнь моя ни для кого не занимательна, а старался только вычислить те впечатления, которые врезались в моей памяти под влиянием окружавших обстоятельств» [8, с. 147]. Воспоминания написаны на русском языке, которым автор владел как настоящий литератор, с иноязычными вкраплениями, используемыми в качестве художественного средства. Язык источника живой и образный, книжные и разговорные языковые средства переплетаются, присутствуют диалоги, что придает живость изложению. Тон рассказа, главным образом, ироничный, иногда автор прибегает к использованию сатиры и юмора. Язык источника ярко характеризует личность мемуариста, его этические и эстетические воззрения [см.: 1].

Очевидно, взявшись за перо М. Маркса подтолкнуло желание оставить сведения об эпохе, о тех людях, событиях и процессах, свидетелем и очевидцем которых он был. В первой главе «Записок старика» проявилась ностальгия автора по Витебску его юности, стремление сохранить память о нем для будущих поколений: «Где то разнообразие народностей, сословностей, костюмов, разговорной речи – всё теперь смылось, изгладилось и слилось в какое-то безразличное однообразие. <...> Все это прошло, минуло и никогда не возвратится!» [6, с. 74]. Почти дословно последняя фраза рефреном повторяется в конце главы [8, с. 147].

На момент написания воспоминаний М. Маркс находился в пожилом возрасте. Обращаясь к анализу «Записок старика» необходимо помнить, что хотя автор пишет о событиях первой половины XIX в., с того времени прошли десятилетия, наложившие отпечаток на личность мемуариста и его память. Это было очевидно и самому Максимилиану Осиповичу, который писал: «В семьдесят лет в моей памяти накопилось столько и столь разнообразных впечатлений, что теперь, раскапывая весь это хлам, невольно теряюсь и расплываюсь своим я в какой-то бездне. Бездна эта – моё прошедшее, и в ней прошедший и ненастоящий я! И этот прошедший я очень мало, а может и несколько не похож на настоящего. Там сперва наивный и резвый ребенок, потом бодрый и пылкий юноша, а тут налицо слабый, дряхлый ворчун-старикашка» [6, с. 74].

«Витебская» глава воспоминаний включает в себя IX частей. В первой дается характеристика социальных и этноконфессиональных групп населения. Во второй автор приводит свои детские впечатления, а также характеризует знаковых личностей города (благотворительницу госпожу Пестель, доктора Гюбенталя, загадочного магистра философии Ив.Ив. Вирло). Третья содержит историю витебских евреев Мордуха и Бини, отправившихся во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в разведку в турецкий лагерь, а также описание набора в рекруты еврейских мальчиков 10–14 лет. Четвертая часть посвящена разбору шляхты и фальсификации документов на шляхетство, в ней Шклов показан как центр контрабанды. В пятой части повествуется о ликвидации в Витебске и окрестностях унии. В шестой описывается эпидемия холеры и витебский контекст событий, связанных с началом восстания 1830–1831 гг. Седьмая часть включает сведения о пребывании и смерти в городе великого князя Константина Павловича. В восьмой дана характеристика Виленского университета как центра просвещения и социокультурной ситуации на белорусских землях, а также рассказано о столкновении автора с доносчиком в Цареградском тракте. Часть девятая содержит историю морального падения гимназиста Федора Грибачёва и сведения о расследовании по делу тайного общества в Витебской гимназии.

Основными источниками информации для М. Маркса послужили:

1) собственные впечатления от событий и происшествий, непосредственным очевидцем и участником которых был мемуарист:

– детские воспоминания: о трехдневной панихиде по Т. Костюшко, устроенной с разрешения правительства кондитером Чаплинским, бывшим косинером; об «экспериментах» отцов-иезуитов, которыми они удивляли обывателей; о полковом празднике кирасиров или кавалергардов, переведенных за какие-то провинности из Петербурга в Витебск;

– впечатления времен юности и молодости: от личности Ив.Ив. Вирло; рекрутского еврейского набора; покупки контрабандного товара в Шклове; обращения униатов в православие в Лужесно; «чуда» с явлением образа Иосафата Кунцевича на камне в районе Песковатика; от эпидемии холеры в Витебске др.

2) рассказы очевидцев, а также слухи, уличные разговоры, байки: об убийстве помещика грека Зарояни крестьянкой за то, что «попсув всех дзевух и опоганив всех дзецюков (мальчиков)»; о просьбах лакея-арестанта витебского тюремного замка, привыкшего, что помещик его регулярно сечет и страдавшего от недостатка наказаний, о «посекании» в тюрьме; о легендарном помещике Островском; о «героической» гибели полицейского пристава во время дегустации спиртного в погребе иезуитского монастыря; об экстравагантных выходках доктора Гюбенталя и др.).

Конечно, не всегда об источнике информации можно судить со всей определенностью. К тому же, развитые сюжеты включают в себя сведения, полученные из различных источников (о смерти от холеры в Витебске великого князя Константина Павловича; судьбе гимназиста Фёдора Грибачёва). Безусловно, избирательность памяти, а также моральные принципы и общественно-политические взгляды мемуариста наложили отпечаток как на отбор им информации, так и на характер приводимых сведений.

Опыт научной деятельности отразился на авторском подходе к изложению материала. В ряде случаев мемуарист формулирует тезис, в доказательство которого приводит в качестве аргумента какой-либо случай, часто анекдотический, а заключает свой рассказ выводом, обычно весьма ироничным. Так, рассказав о смерти с перепоею в подвале иезуитского монастыря полицейского пристава, автор заключает: «Должно быть и тогда, как и теперь, умели же люди преспокойно и даже с наслаждением приносить в жертву жизнь, честно и верно исполняя долг своей службы!» [7, с. 88]. Или рассказав о каком-либо казусе, мемуарист приводит собственные рассуждения, как правило, с позиций своих знаний и жизненного опыта. Скажем, сообщив о масонских значках, хранившихся у Ив.Ив. Вирло, опытный конспиратор обмолвился: «При воспоминании об них (масонах – А.Д.) я невольно спрашиваю: какие дети были тогдашние масоны» [7, с. 94]. А сюжет о маневрах, на которых Константин Павлович площадной бранью распекал «толстого майора», завершается ироничными рассуждениями мемуариста о том, где же великий князь мог обогатить свой словарный запас обсценной лексикой [8, с. 140].

«Записки старика» содержат характеристики социальных и этноконфессиональных групп населения Витебска и окоелиц, в которых зафиксированы их отличительные черты, авторское отношение, а также стереотипы, характерные для жителей города. Автор пишет о чиновниках, подчеркивая, что высшее чиновничество присылалось из России и долго в Витебске не задерживалось. Особенно колоритно описание мелких чиновников: «Низшая же, писчая тварь, состояла из разного сброду (кроме евреев), и пользовалась очень некрасивою репутациею. Кличка им была «крючки» и не один порядочный человек в самых крайних обстоятельствах не желал поступить писцом ни в полицейское управление, ни в нижний земский суд» [6, с. 74]. Мемуарист характеризует их как «пропойцев и прощелыг», которых начальники заставляли «... работать в канцеляриях под караулом, снимая им сапоги с ног и привязывая за ноги к столам ...», а местные жители частенько поколачивали.

В среде помещиков Маркс условно выделяет две партии: польскую и русскую. При этом он подчеркивает лояльность представителей первой и разнообразную этническую принадлежность представителей второй (великорусы, малороссы, сербы, чехи, немцы, греки), которые, получив земли бывших «королевских и порадзивиловских имений» «... по большей части блистали, как говорится, своим отсутствием, редко навещая свои поместья и останавливаясь в городе только проездом» [6, с. 75].

В сюжете о «проческе дворянства» (разборе шляхты) Маркс дает характеристику мелкой безземельной белорусской шляхты, быт и занятия которой не отличались от крестьянских. «Между собой говорили все они по-белорусски, только каждый хозяин звался пан, хозяйка – пани, сыновья их были паничи, а дочери – паненки» [7, с. 97].

С большим сочувствием пишет мемуарист о крепостных крестьянах, перечисляя их повинности и показывая произвол помещиков. «И бедному крестьянскому люду жутко жилось на свете, совсем для него не белом» – заключает автор воспоминаний [6, с. 75]. В частности, приводится пример полковника Гурко, заведшего в своем имении порядки по образцу военных поселений, что приводило в восхищение соседних помещиков, немало которых сожалели, что не могут сделать того же [6, с. 75].

Характеризуя мещанство, автор отмечает значительно число евреев: от богатых, живших с азиатской роскошью, до бедняков, зарабатывавших мелкой торговлей. Маркс подчеркивает, что в руках евреев находилась виноторговля, а также кратко описывает кагальную систему.

Белорусских мещан-униатов мемуарист описывает как «... народ темный с крайне ограниченным кругозором, послушливый, боязливый, уступчивый, смиренный, суеверный, одним словом, ничем не отличавшийся от сельского своего собрата-мужика» [6, с. 76]. Униатские приходские священники, как городские, так и сельские, по мнению М. Маркса, отличались от простых людей лишь знанием требника и обрядов богослужения. Только монахи-базилиане имели высокий уровень образования. Мемуарист сравнивает униатских священников с приехавшими православными: «Они (униатские священники – А.Д.) довольствовались хижинкою при церкви и небольшим огородишком при хижинке. Не то было с наехавшими из России священниками. Они стали требовать себе руги полей, лугов и приличных, да и со службами еще, домов. Морщились помещики, а должны были удовлетворять их требования» [7, с. 102].

Весьма интересна характеристика старообрядцев-беспоповцев («филипонов», как называли их в Витебске и на землях бывлой Речи Посполитой вообще). Филипоны занимались торговлей и огородничеством. «Почти все они имели собственные свои деревянные домики и огороды, а некоторые владели и каменными лучшими в городе домами. Слава об них шла по городу очень нехорошая, и все прочие жители, без различия народностей и вероисповедания, по возможности чуждались их. Церкви своей они не имели, а священников православных избегали и ненавидели. Темные и невероятные рассказы об них носились по всему городу» [6, с. 76]. М. Маркс приводит три таких истории, отразивших как некоторые реалии, так и этноконфессиональные стереотипы восприятия старообрядцев: о смерти старообрядца старика Кумачёва, от которого, якобы, мог родиться антихрист; о прочитанном живописцем Лоховым письме сына-старообрядца отцу о разбойничьем «лесном промысле» во Владимирской губернии; о «красивенькой филипонке» Маше, игравшей во время праздничных богослужений роль Богородицы [6, с. 76–77].

Присутствует в воспоминаниях М. Маркса и блок информации, характеризующей правительственную политику и общественно-политическую ситуацию на присоединенных к Российской империи землях. Лаконично подчеркивается особый правовой статус Белоруссии (Витебской и Могилевской губернии) и иных присоединенных территорий в период правления Александра I: «Царские указы, Литовский Статут и Магдебургское право, при всем их противоречии, совмещались каким-то чудным образом. Гражданское судопроизводство шло по Литовскому Статуту и Магдебургскому праву, и во втором департаменте (гражданской палате) и в ратуше (думе) говорились адвокатами, при стечении публики, обвинительные и защитительные речи, а в первом департаменте (уголовной палате) все решалось по указам и с глубочайшею канцелярскою тайной, легкомысленное нарушение которой вело виновного прямо на восток, за Уральские горы» [6, с. 74]. Краткая и точная характеристика дана также политике в образовательной сфере [6, с. 74; 7, с. 100, 102].

Автор характеризует влияние восстания 1830–1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси на жизнь Витебска. В связи с восстанием Витебская губерния была переведена на военное положение, через город постоянно проходили войска. Солдаты распевали песни. «Особенно типична была песенка “Идем Польшу разорять”, которая начиная со второго стиха вся состояла из непечатной ругани, хотя в ней было 6 или 7 куплетов по шести стихов. Брань и угрозы панам, паням, а более всех несчастным паненкам сыпались градом, с посвистом, прищелкиванием и особенным усилением трескучего звука “pp”. Угрозы же, однако, к чести русских солдат, оставались тогда только угрозами...» [8, с. 138]. «В самом Витебске не произошло ничего особенного. Привезли только двух ксендзов и забрили им лбы. ... Да еще прошла чрез город партия ребятишек, набранных в Царстве Польском в кантонисты...» [8, с. 143].

Мемуарист пишет о результатах разбора шляхты, реакцией на который стала подделка документов на шляхетство. В итоге многие потомственные шляхтичи не смогли подтвердить свой дворянский статус из-за отсутствия необходимых документов и были зачислены в однодворцы. «В подмен их многие мещане (Белохи, Бледухи, Гацюки преобразовавшиеся из Силивурок-Чербышевичей и пр.) сделались дворянами *sans reproshe* (франц. безупречными)» [7, с. 97].

Значительное внимание автор уделил показу реализации политики в отношении униатской церкви и реакции населения на эту политику. Мемуарист дал вводную информацию о том, как шло «так называемое добровольное воссоединение унии с православной церковью». Маркс точно подметил, что «... эта добрая воля единичных пастырей никак не была волею всей паствы» [7, с. 99], вспоминая о том, что еще в 1860 г. в Смоленск съезжались для говения великим

постом более 20 униатских священников, административно сосланных в Смоленскую губернию. Как обычно, в доказательство своей правоты мемуарист приводит несколько историй.

Первая – о пьянице Лебедевском, который изъявил желание принять православие (по местному выражению – «перевернуться»), за что получил от протоиерея Иоанна Ремезова авансом пять рублей. На следующее утро Лебедевский явился нетрезвым, перекувыркнулся и сказал: «ну теперь мы квиты», за что был наказан и все-таки вписан «в список сынов церкви» [7, с. 99]. Вторая – о массовом «переворачивании» крестьян в селе Лужосно (совр. Лужесно) недалеко от Витебска, очевидцем которого был автор. Священник завершил свою проповедь на церковно-славянском языке фразой: «О вы, агнцы, возвращающиеся на лоно призывающей Вас матери вашей – церкви, идите о десную, вы же, козлища, оставающиеся во смрадных гресех своих и во власти сатаны и аггелов его, ступайте о иную». Чиновники и причетники стали разъяснять крестьянам смысл сказанного. «Толпа заволновалась и устремила сперва кто вправо, кто влево, но вскоре все слева, как отраженная волна, отбросились обратно и устремились за правыми. Налево в незначительном отдалении стояли два воза с розгами, а при них несколько полицейских сотских и десятских с блестящими бляхами на фуражках, а о десную – две бочки утешительнейшей сивухи! Проповедь возымела полный успех, и обращение совершилось мирно и любовно» [7, с. 99–100]. История третья – о встрече мемуариста со старичком-пономарем Святодухова женского униатского монастыря, который горевал о том, что его жена вместе с монахинями и несколькими пожилыми витеблянками, отказалась перейти в православие. За это женщин держали взаперти, увещевали постом. «Каждую пятницу в воспоминание страданий Спасителя их отечески посекали розгочками» [7, с. 100]. Автор делает вывод, что уже в 1835 г. уния в Витебске «... сделалась только преданием».

В этой связи М. Маркс описывает проявление народной религиозности: в 1848 г. на вымытом весенним ручейком на Песковатике камне суеверные местные жители увидели изображение святого и полустертую надпись. Интерес к «чуду» подогревался владельцем корчмы Разуваевка за Песковатиком, помещиком Ленкевичем. Новость распространилась далеко за пределами города, посмотреть на камень приезжали любопытные, особенно дамы. Одна из виленских дам – мадам Мирович, обратилась к автору с просьбой зарисовать лик святого. Но М. Маркс на камне лика не увидел. Возникло две версии: одни считали, что это образ полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича, убитого в 1623 г. витеблянами за насаждение унии, другие – что св. Николая. Споры подвыпивших посетителей Разуваевки однажды переросли в драку. «Произошла настоящая баталия, которую уняла только команда гарнизонных солдат, прибывших из города. Человек с десятков были доставлены в больницу на излечение. Калечества и смертного случая вовсе не было. Поклонников Иосафата, отшлепавши, отпустили по домам. Это было последнее дыхание унии в Витебске», – с характерной иронией отметил М. Маркс [7, с. 101].

Иные направления российской политики намечены лишь пунктиром: назначение на высшие должности русских чиновников, насаждение российского помещичьего землевладения и усиление крепостного гнета, нахождение в городе военного контингента, атмосфера полицейского контроля и доносительства. Разве что рекрутский набор показан довольно подробно.

Мемуары служат источником о социокультурной ситуации первой трети XIX в. в Витебске. Население города было полиэтническим, на его улицах, в домах и салонах звучали разные языки, что стремится передать и Маркс в своих мемуарах, прибегая к иноязычным вкраплениям [1, с. 160–161]. Мемуарист показывает воздействие на местную молодежь идей романтизма, с его вниманием к народной культуре, взаимопроникновение и взаимовлияние польской, белорусской и русской культур. «Мазурки и краковяки сочинялись на польском языке. Вновь же явившиеся русские и даже белорусские песенки (а их было не мало), распевались на готовые уже народные мотивы. Народности мирно сближались. Русские барышни играли на фортепианах краковяки и мазурки, польские панны восхищались «Лучинушкой», любовались «Каринушкой». Солдатских песен только не пел никто, и русская молодежь стыдилась их. Старики, смотря на это, самодовольно улыбались, морщились, но молчали одни только доробковичи (так называет М. Маркс новых дворян сомнительного происхождения – А.Д.) – им неприятно было сближение с белорусским народом» [8, с. 143].

М. Маркс рисует ужасающую картину эпидемии холеры (1831 г.), сводившей в могилу людей за несколько часов. «Город был разделен на участки, и к каждому участку приставлен один надзиратель и один врач. За пределами города установлены две больницы, а на Песковатике

выкопаны огромнейшие ямы для погребения отдельно христиан, отдельно евреев. По ночам трупы заливались в ямах раствором извести, а по наполнении засыпались землей и обливались тем же раствором. <...> Народ падал на улицах, число умерших в сутки доходило до 120. В каждом участке было по две большие телеги, возившие из домов и улиц больных в лазареты и мёртвых из домов и лазаретов в ямы» [8, с. 137–138]. Не пощадила холера и великого князя Константина Павловича, остановившегося в Витебске по пути в Петербург.

М. Маркс создал яркие портреты жителей Витебска разных сословий, этносов, чинов и званий. На страницах воспоминаний упоминаются как представители знати и высшего чиновничества, так и простые люди («пьяница и прощельга» Лебедевский, его распутная дочь, хромой фактор Янкель). С большой теплотой автор описывает благотворительную деятельность госпожи Пестель. Но наиболее колоритно охарактеризованы доктор Карл Гюбенталь (Гибенталь) и магистр философии Ив.Ив. Вирло.

М. Маркс был не слишком высокого мнения о профессиональных качествах Гюбенталя, деятельности которого, тем не менее, современные историки медицины, в частности, В. Грицкевич, дают положительную оценку [см.: 2]. Вероятно, антипатия мемуариста была вызвана эксцентричным поведением последнего. «Успехи и в служебных и в финансовых отношениях породили в нем тот психологический феномен, который можно назвать самообожанием, а отсутствие нравственных и физических препятствий к дальнейшему развитию этого искривления характера сделали его высокомерным гордецом. Он был вполне уверен, что с одного взгляда узнавал сущность болезни пациента, не спрашивая даже, что тот чувствует, и не прибегая ни к каким научным диагнозам» [7, с. 89]. Гюбенталь прославился своими гипнотическими опытами. «Можно представить, какие иногда из этого выходили курьезы, но они несколько не подрывали репутацию Гюбенталя, потому что весь почти город видел, как дама высшего аристократического полета и щепетильная щеголиха г-жа Петриковская, в утреннем только пеньюаре и чуть не бегом обошла три раза вокруг ратуши по внушению, сообщенному ей накануне во время магнитного сна» [7, с. 89]. Вошел в историю медицины доктор и своими экспериментами в области трансплантологии: «... то обрежет ноги поросенку и пришьет к нему утиные лапы, то обрубит хвост коту с целью прирастить к нему петушиный гребешок...» [7, с. 90].

Магистр философии Ив.Ив. Вирло, снимавший квартиру по соседству с М. Марксом, характеризуется как личность весьма загадочная: «Он был всегда одет очень прилично, даже щёгольски. Фрак был неизменным его костюмом. Нанимал он квартиру в одну комнату средней величины, мебель имел свою, очень даже шикарную. Выписывал постоянно газеты русские, польские, французские и одну немецкую. Курил дорогие гаванские сигары и постоянно имел у себя сотню, другую рублей на непредвиденные расходы. А между тем не имел никакого постоянного занятия, могущего приносить какой-нибудь доход» [7, с. 91]. Вирло оказывал помощь нуждавшимся людям. Он отказывался поступать на службу, как советовал его друг, преподаватель естественной истории Суходольский, считая, что «на службе служить человечеству невозможно». Влюбившись в актрису Августу Кольбе, Вирло буквально преследовал ее с одной просьбой: дать возможность ее созерцать. Выиграв в карты у ремонтера, оказавшегося племянником генерал-губернатора Хованского, и отказавшись вернуть деньги, Вирло был сослан в Вяземскую губернию, откуда прислал Хованскому «в знак признательности» целый пуд цукатных пряников с надписью «сия ковришка вяземская есть». Вскоре по возвращении в Витебск Вирло был найден под стоящими у городской площади яслями для кормления лошадей извозчиков искалеченным, с вырванным языком и переломанными руками и ногами. Он умер в тот же день. Тайна Вирло открылась М. Марксу, когда он увидел масонские значки [7, с. 93].

Таким образом, содержание «витебской» главы воспоминаний М. Маркса многопланово и разнообразно. Автор был, несомненно интеллектуалом, человеком наблюдательным и остроумным, обладал образным мышлением, хорошей памятью и даром литератора. Не случайно ученые определили его воспоминания как «гистарычныя замалёўкі» [3, с. 31]. С помощью лингвистических средств и литературных приемов автору удалось сделать, казалось бы, фрагментарные зарисовки памятной ему действительности, которые, однако, позволяют воссоздать довольно полную картину жизни Витебска в 1820–1840-х гг.

Воспоминания М. Маркса являются ценным источником сведений о социальной структуре общества, этноконфессиональных группах населения Витебска и стереотипах их восприятия, реализации правительственной политики и реакции на неё местных жителей, конфессиональ-

ных процессах, социокультурном развитии, повседневности. Материал «Записок старика» может быть использован как в локально- и микроисторических исследованиях, так и в обобщающих работах по истории Беларуси.

1. Горнак, В.В. Витеблянин М. Маркс и его «Записки старика» // В.В. Горнак // Белорусское Поозерье: язык и духовная культура / под ред. А.М. Мезенко и А.В. Русецкого. – Минск: Беларус. наука, 2001. – С. 152–164.
2. Грышкевіч, В. Урач Карл Гібенталь / В. Грышкевіч // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 3–16.
3. Зайцаў, М. Гістарычныя замалёўкі вяцябчаніна / М. Зайцаў, С. Шчарбакоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1984. – № 3. – С. 31–32.
4. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
5. Кісялёў, Г. Маркс Максімілян Восіпавіч / Г. Кісялёў // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. М – Пуд / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 77.
6. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс ; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1995. – № 1. – С. 74–77.
7. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс ; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1996. – № 2. – С. 87–102.
8. Маркс, М. Записки старика / М. Маркс ; текст к печати подготовила И. Абрамова // Віцебскі сшытак. – Віцебск, 1997. – № 3. – С. 137–147.
9. Маркс, Максимилиан Осипович // Деятели революционного движения в России: био-библиографический словарь. – Т. 1. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». – Ч. 2. Шестидесятые годы / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. – М. : [Б.и.], 1928. – Стб. 236–237.
10. Півавар, М. В. Маркс Максіміліян Восіпавіч / М. В. Півавар // Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. – 1944 г. : даведнік / М. В. Півавар. – Віцебск : Віцеб. абл. друк., 2006. – С. 82–83.

Луговцова С.Л.
ВИТЕБСК И ЕГО ЖИТЕЛИ
В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Ф.В. БУЛГАРИНА

На рубеже XX–XXI вв. в литературоведении и историографии произошел всплеск интереса к неординарной личности Ф.В. Булгарина (1789–1859) – острого публициста, успешного издателя и многопланового литератора [1; 2; 5; 7; 8]. Булгарин раскрылся в качестве автора авантюрного и исторического романа, смелого мемуариста, яркого писателя-фантаста. Фаддей Венедиктович предсказал, в частности, появление подводных лодок, парашюта, воздушных десантников, пассажирского авиасообщения, зенитных ракет, домов из стекла, множительной техники [3]. Интерес исследователей к личности и деятельности Ф.В. Булгарина определил появление специального термина «булгариноведение» [9]. А личность эта была весьма незаурядной. Булгарин был талантлив, смел, независим, но при этом резок и самолюбив. Он обладал прекрасным навыком подстраиваться под обстоятельства и одновременно подстраивать их под себя. Несомненный успех редактора «Северной пчелы» сочетался со скандальной славой доносчика III-го Отделения. Своей жизнью Фаддей Венедиктович дал высокий образец мужской дружбы, сохранив преданность товарищу даже после его смерти. На протяжении десятков (!) лет Булгарин столь часто цитировал «Горе от ума» А.С. Грибоедова, что буквально «заставил» публику полюбить автора пьесы, исключив саму возможность существования в российском обществе образованного человека без знания грибоедовских строк. Вместе с тем, Булгарин нажил такое количество врагов, что по этому «показателю», возможно, лидировал среди современников. Его любили и ненавидели, ценили и презирали. Им откровенно брезговали. При жизни, да и после смерти, Фаддей Венедиктович вызывал самые противоречивые эмоции, никого не оставляя равнодушным. Тем интереснее анализировать суждения, высказанные им в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно весною 1835 года» [4]. По дороге из Дерпта в Мстиславль автор заметок последовательно описывает Верро, крепость Нейгаузен, Печоры, Изборск, Псков, Остров, Люцин, Себеж, Полоцк, Витебск, Бабиновичи, Оршу, Шклов, Могилев, Чериков, Чаусы, Климовичи, Костюковичи, Кричев и Мстиславль.

Прежде всего, Ф.В. Булгарин очерчивает территорию, которая по его мнению является Беларусью: «Между Курляндией, Лифляндией, губерниями Псковской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Минской лежит страна, называющаяся издревле у русских *Белою Россиею* (здесь и далее выделение Булгарина – С.Л.), или Белоруссиею, а у поляков *Русью*» [4, с. 193]. Таким образом, к «Белоруссии» автор относит только Витебскую и Могилевскую губернии, четко фиксируя представления своего времени.

По мнению, Ф.В. Булгарина Витебская губерния «есть бедная красавица», на её территории «природа рассыпала более приятно, нежели полезного» [4, с. 194]. На фоне роскошной при-

роды автор обнаруживает «какие-то *черные пятна*». Так он называет еврейские местечки. В своих путевых заметках, Булгарин негативно высказывается относительно еврейского населения Витебской и Могилевской губерний. Грязь, обман, нахальство, отсутствие уважения к законам — отличительные черты евреев, по его мнению. Автор одобряет мероприятия российского правительства по установлению черты оседлости [4, с. 195].

На фоне многочисленных «черных пятен» в заметках Булгарина «светлеют два прекрасных города: Витебск и Могилев» [с. 195], причем первому он отдает предпочтение. В Витебске Ф.В. Булгарину понравилось буквально всё: живописность города, его чистота и опрятность, рынок и лавки, архитектура костелов, главная улица, застроенная каменными зданиями, и даже улицы боковые, застроенные красивыми деревянными домиками [4, с. 205–206]. Перед нами просто рекламный буклет для путешественника: «В Витебске жить недорого, по крайней мере, сколько я могу судить по трактирной жизни. Трактиров здесь два, они содержатся опрятно. Кушанье хорошее и чрезвычайно дешевое. В Петербурге нет такого ситного хлеба, как здесь: он бел, как пшеничный. Пиво превосходное, мясо и зелень дешевы и хороши — чего же более! В ученом и просвещенном Дерпте хлеб почти всегда невыпеченный и грязный, а пиво тогда только хорошо, когда удастся» [4, с. 209].

Похвалы эти весомы, так как Булгарин критик строгий и острый на язык. По его мнению, вид Орши «пустынный и печальный» [4, с. 211]. Чериков и Чаусы «грязнее жидовской чернильницы и разбросаны архитектором, как будто здесь был ураган южных морей» [4, с. 218]. Климовичи «*последний* город в мире» [Там же]. Наконец, покидая Полоцк, автор восклицает: «Прощай Полоцк, и, ради Бога, не развались, пока я выеду за ворота!» [4, с. 205]. Уезжая же из Витебска, Булгарин грустит и сожалеет, что не может задержаться [с. 4, 210].

Не только живописность и благоустройство привлекли Булгарина в Витебске, самое большое впечатление на него произвело местное общество, где автор «*отвел* душу» [4, с. 210]. Он с удовольствием вспоминает радушие и гостеприимство жителей города. Подчеркивает, что даже высокопоставленные губернские чиновники отнеслись к нему «необыкновенно вежливо». Обращает внимание, что русский язык распространен в местном обществе и все дамы прекрасно говорят по-русски, притом, что в Литве «ещё много не знающих вовсе русского языка» [4, с. 210]. Ф.В. Булгарин считает, что в целом тон витебского высшего общества отличается «истинным патриотизмом, любовью ко всему русскому». В качестве основной причины «благородного исправления умов» литератор прямо указывает на собственную персону, имея в виду пропаганду идей «православия, самодержавия, народности» на страницах издаваемых им периодических изданий.

Высказывания Ф.В. Булгарина следует рассматривать сквозь призму восстания 1830–1831 гг., после подавления которого «поляк» Булгарин вынужден был постоянно демонстрировать лояльность российской власти и отрешиваться от идеи восстановления независимости Польши, которую в юности разделял. Автор на каждом шагу подчеркивает преимущества российского правления для Витебска. Если он хвалит рынок, то подчеркивает, что к нему ведет каменный мост, построенный губернатором П.И. Сумароковым (1808–1812). Если витебское пиво оказалось вкуснее дерптского, то причина — мудрое законодательство Екатерины II в области городского управления. Напротив, жители Дерпта вынуждены были пить «кислую бурду» и приобретать другую некачественную продукцию, так как в городе были сохранены прежние городские привилегии. Наказать цехового ремесленника за продукт низкого качества можно было только по суду, что подразумевало серьезные финансовые издержки [4, с. 209].

Необходимость просвещения российского общества, повышения уровня образованности его членов — предмет неустанной заботы Ф.В. Булгарина. Однако ситуация в области образования в Витебске на основании его же данных выглядела плачевно. Если в конце XVII в. в иезуитском и пиарском училищах города обучалось до 500 юношей, то в 1835 г. в одном духовном и трех светских училищах было 288 учащихся (шесть из них девушки) [4, с. 207]. Тем не менее, Булгарин оценивал сложившуюся ситуацию с оптимизмом. Он был уверен, что через несколько лет «гимназии будут полны», а статистику 1835 г. объяснял трудностями перехода от старого к новому [Там же]. Поясним, что имел в виду автор.

В 1824 г. Витебская губерния была причислена к Санкт-Петербургскому учебному округу, где она занимала второе место после Петербургской по количеству учебных заведений, 1 учащийся приходился на 448 жителей губернии. Для сравнения, в Могилевской губернии 1 учащийся приходился на 1115 человек [6, с. 37–39]. В 1826 г. руководство округа направило О.И. Сенковского с ревизией в белорусские учебные заведения. В ходе проверки были выявле-

ны серьезные проблемы с изучением русского языка. По свидетельству Сенковского, «дух вольнодумства и ненависти ко всему русскому» господствовал среди учащихся. Показательно, что 6 учебных заведений Витебской губернии, содержавшиеся римско-католическими орденами, отказались подвергаться проверке [6, с. 42–43]. По результатам ревизии в 1829 г. было принято решение о создании Белорусского учебного округа в составе Витебской и Могилевской губерний. Попечителем округа был назначен Г.И. Карташевский. Местом его пребывания определен Витебск [6, с. 58]. После восстания 1830–1831 гг. правительство пошло на радикальные меры. В 1832 г. были упразднены 9 учебных заведений, находившихся при католических и униатских монастырях на территории Витебской, Могилевской и Минской губерний [6, с. 81]. В 1835 г. принято решение о запрещении преподавания польского языка в учебных заведениях округа. Таким образом, к 1835 г. старая система образования, существовавшая на территории Беларуси, была разрушена, а новая ещё не успела сложиться.

Самым приятным для Булгарина в Витебске оказалась встреча с заинтересованными читателями. «Берегитесь, гг. русские писатели! Нас читают и нас судят в провинции едва ли не строже, чем в столицах», – утверждает автор заметок [4, с. 210]. Он подчеркивает, что если в столицах автора судят по его положению в свете и, как правило, выдают чужие мнения за собственные, то в Витебске принято высказывать суждения, не иначе, как прочитав книгу [4, с. 210]. Несомненно, восторженное отношение Булгарина к городу связано и с тем, что среди его жителей он встретил почитателей собственного таланта. Насколько его растрогал сей факт, настолько же огорчили сведения, что учителя могилевской гимназии читали издания его конкурента и критика Н.И. Надеждина «Телескоп» и «Молву». Содержание этих двух журналов Булгарин называет «бранью, неуместными выходками, насмешками, грубостями» и «душевно сожалеет» о том, какое мнение о русской литературе может составить юношество на основании такого рода изданий [4, с. 218].

Таким образом, по дороге из Дерпта в Мстиславль Ф.В. Булгарин посетил 20 населенных пунктов и преодолел достаточно препятствий в виде хамства почтовых служащих, плохого состояния дорог и трактиров. Например, в лучшем псковском трактире комнаты были невыносимо грязны, окна и двери трещали, а постель привела путешественника в ужас [4, с. 189]. На обширном пространстве, где, по мнению автора, «врожденные славянские авось и как-нибудь слились с коренной еврейской ленью и врожденной неопрятностью», он нашел вожделенный оазис [4, с. 171]. Витебск оказался не просто живописным и благоустроенным городом, в нем автор надыхался атмосферой образованности и приветливости. А, главное, убедился в востребованности собственных произведений, их влиянии на умы современников. Такого итога можно лишь пожелать каждому путешественнику, идущему по дороге жизни.

1. Алтунян, А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина / А.Г. Алтунян. – М. : Изд-во УРАО, 1998. – 206 с.
2. Акимова, Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н.Н. Акимова. – Хабаровск: ХТПУ, 2002. – 182 с.
3. Булгарин, Ф.В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХХ веке (1824) / Ф.В. Булгарин. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/189159/read> – Дата доступа: 09. 02.2017.
4. Булгарын Ф. Пугевыя заметкі на поездке из Дерпта в Беларусію і назад вясною 1835 года // Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 171–223.
5. Глушковский, П.Ф. Булгарин: эволюция идеологических и политических воззрений. Первая половина XIX в. / П.Ф. Глушковский. – СПб. : Алетейя, 2013. – 232 с.
6. Игнатовец, Л.М. Белорусский учебный округ: создание и деятельность (1829–1850 гг): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. М. Игнатовец. – Минск, 2013. – 173 с.
7. Рейтблат, А.И. Фаддей Венедиктович булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: Статьи и материалы / А.И. Рейтблат. – М. : НЛЮ, 2016. – 632 с.
8. Федута, А.И. Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / Булгарын Ф. Выбранае / Фадзей Булгарын; Уклад., прадм., камент. А. Фядуты. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.
9. Шишкова, Т. О Булгарине старом и новом : основные тенденции современного булгариноведения / Т. Шишкова // Новое литературное обозрение. 2007. – N 6. – С. 344–362.

Майорова А.С.

ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ ПЕТРОВСКЕ В 1830-е ГОДЫ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКА

Особенности развития народного образования в дореформенной России в последнее время вызывают интерес у историков, которые изучают региональный аспект данной проблемы. Л.М. Артамонова, посвятившая специальную монографию проблемам просвещения в юго-восточных губерниях Европейской России в XVIII – начале XIX в. [1], в своей недавней статье

подчеркивает тот факт, что развитие народного образования в этот период являлось важным элементом модернизационных процессов [2, с. 344]. Значительное место в рамках данной проблемы исследователи отводят духовному образованию [9, с. 376].

В первой половине XIX в. в Саратове существовало духовное училище, была создана семинария, в нескольких уездных городах губернии были открыты духовные училища. Роль этих учебных заведений в преобразовании культурного пространства губернии, несомненно, заслуживает внимания. Не менее интересным представляется изучение повседневной жизни их учеников в рассматриваемый период. Реалии повседневности накладывали отпечаток и на усвоение изучаемых предметов, и на итоги воспитательного процесса, и на дальнейшую судьбу учеников. Сохранились воспоминания одного из учеников духовного училища в уездном городе Петровске, ставшего впоследствии художником, – Л.С. Игорева. Они относятся к 1832–1838 гг. [4].

В глазах саратовцев Петровск в первой половине XIX в. имел привлекательные черты. А. Росницкий, посетивший его в 1843 г., пишет, что Петровск – «один из лучших уездных городов Саратовской губернии» [10]. А.Ф. Леопольдов в конце 1830-х гг. отмечает: «по внешнему устройству город Петровск довольно хороший». Он называет количественный состав учеников местного духовного училища – до 270 человек [8, с. 91].

Автор мемуаров Игорев (1822–1893) не пользовался особым вниманием искусствоведов. В капитальном издании «Русское искусство» он упоминается в статьях о П.Е. Заболотском и Ф.С. Журавлеве [11, с. 682; 12, с. 132]. Ограниченный интерес по отношению к Игореву со стороны советских искусствоведов можно объяснить тем, что в его творчестве преобладали произведения, выполненные для украшения церквей. Однако он работал и как художник-портретист. Особое место в его наследии занимает серия работ, созданных во время его пребывания в русской церковной миссии в Пекине в 1858–1863 гг.

У саратовских искусствоведов интерес к его личности и наследию проявлялся в большей степени, чем у столичных специалистов, поскольку Игорев родился в Саратовской губернии, провел здесь детские и юношеские годы. В конце жизни он вернулся в Саратов, где выполнил ряд работ. В музее им. А.Н. Радищева хранится портрет священника его кисти. В путеводителе по музею (1956) дана краткая биографическая справка о художнике. Здесь имеется оценка портрета священника. Отмечая, что художник не участвовал в выставках передвижников, автор справки пишет: «...Представленный в музее портрет священника типично передвижнический. Сильный по социальной и психологической характеристике, он отличается простотой и выразительностью» [5, с. 50]. В первом томе фундаментального каталога музея (2004) помещена репродукция этого портрета. В каталоге есть биографическая справка об Игореде, несколько более полная, чем в путеводителе [6, с. 249].

Некоторые эпизоды биографии Игорева затронул искусствовед И.В. Сорокин в связи с изучением вопроса о происхождении портретов саратовского епископа Иакова [13, с. 66–67]. В.И. Вардугин опубликовал статью, основное внимание в которой уделено живописному панно, выполненному Игоревым в саратовской Покровской церкви, – «Окончание Смутного времени на Руси» [3]. Вардугин приводит сведения о жизни художника и результаты разысканий исследователей о событиях 1869 г в жизни Игорева, которые он сам в воспоминаниях назвал «величайшим несчастьем». Как сообщает Вардугин, И.В. Сорокин и Г.Ю. Смирнов выяснили, что Игорев был причастен к преступлению. За это он был лишен всех прав и званий и осужден на ссылку в Сибирь. Игореву удалось избежать ссылки, ему даже разрешили продолжать писать иконы [3, с. 148]. Наиболее полная биография Игорева была опубликована в 2012 г. [7]. Ее автором является потомок сестры художника Е.Л. Лебедев. В статье совершенно не упоминается о событиях 1869 г.

Воспоминания Игорева были опубликованы в сборнике «Саратовский край» в 1893 г. [4]. Время их написания устанавливается на основании указания автора. В конце текста он упоминает, что ему уже семидесятый год [4, с. 372]. Игорев называет и дату своего рождения – 1822 г., следовательно, мемуары были написаны в 1891 г. Возможно, художник воспроизвел свою автобиографию по заказу составителей сборника. О местонахождении ее рукописи к настоящему времени не известно.

Воспоминания Игорева нельзя назвать обширным повествованием. В них можно условно выделить несколько разделов. Первый посвящен годам, проведенным в Саратовской губернии – в родном селе Комаровке Кузнецкого уезда, затем – в Петровске, где Игорев учился в уездном духовном училище, и в Саратове, где он окончил семинарию. В 1845 г. по окончании курса он

получил священническое место в Камышинском уезде и сразу подал прошение о поступлении на казенный счет в Петербургскую духовную семинарию «для усовершенствования в рисовании на два года с тем, чтобы по окончании этого срока послать его учителем рисования в какую-нибудь семинарию» [4, с. 366].

В разделе воспоминаний о годах обучения в Петербурге основное место занимает рассказ о том, как Игорев и его три товарища, проходившие обучение изобразительному искусству в семинарии, старались одновременно с этим посещать классы в Академии художеств. Игорев занимался портретной живописью и благодаря этому в 1850 г. получил звание художника и диплом. В 1854 г. он написал портрет ректора Петербургской духовной академии – епископа Макария (Булгакова), который впоследствии стал московским митрополитом и прославился как историк церкви. За этот портрет Игорев был удостоен звания академика [4, с. 368].

После этого он был назначен преподавателем живописи и иконописания в Петербургской духовной семинарии, а в 1857 г. зачислен в Пекинскую духовную миссию, с которой отправился в Китай [4, с. 369–371]. Периоду службы в духовной миссии в мемуарах отведено значительное место. В начале 1864 г. Игорев вернулся в Петербург в чине надворного советника и с орденом Станислава 3-й степени. Художник поднес императору альбом «китайских типов» и видов Пекина, за что получил бриллиантовую булавку. Ему была также пожалована пенсия в размере 400 руб. в год, он смог уволиться со службы и заняться творчеством [4, с. 372].

В 1869 г. в жизни Игорева произошли события, которые он назвал «величайшим несчастьем». Их последствием было то, что художник лишился всех прав и званий. Впрочем, звания академика живописи, вероятно, он не был лишен. В заглавии опубликованных воспоминаний Игорев назван академиком Академии художеств. Он ничего не пишет о том, что происходило с ним после 1869 г., не упоминает о переезде на жительство в Саратов [4, с. 372].

Разные периоды своей жизни автор мемуаров осветил с разной степенью подробности. Довольно много места в них уделено описанию годов учебы в петровском духовном училище. Мальчику, который был оторван от своей семьи в десятилетнем возрасте, духовное училище показалось «темным лесом». Учеба не была для него трудной, но он не смог «свыкнуться» с розгами, которыми «немилосердно пороли». Самым ярким эпизодом воспоминаний можно назвать рассказ о проживании на квартире у учителя латинского языка. Ученику-постояльцу приходилось нянчить маленького сына хозяина и прислуживать учителю – подавать трубку, чистить сапоги, бегать в кабак «за шкаликом водки», ходить с ним на базар, чтобы таскать покупки [4, с. 364]. Эти подробности живо напоминают содержание рассказа А.П. Чехова «Ванька».

Игорев пишет и о том, в каких условиях проходили занятия в духовном училище. Выясняется, что зимой его здание не отапливалось. В классах стоял такой холод, что в чернильницах замерзали чернила. Тут же мемуарист сообщает, как были одеты ученики – в халаты и чапаны, некоторые дети ходили в лаптях, в числе таких бедных учеников был он сам. Учащихся отпускали домой на Пасху и на летние каникулы. Чтобы добраться в родное село, Игореву и нескольким его товарищам по учебе приходилось идти пешком около ста верст – денег на дорогу не было. Весной в распутицу при переходе через разлившиеся речки дети спасали друг друга из воды, если кто-то из них тонул. Несмотря на суровые условия жизни в Петровске, Игорев, по его словам, находил время заниматься рисованием – это было единственное, что доставляло ему «несказанное удовольствие» [4, с. 365].

Содержание мемуаров Игорева свидетельствует о том, что годы учебы в духовном училище Петровска оставили неизгладимый след в его памяти. Забыть занятия в неотапливаемом помещении, воспитательную меру в виде розог, ежегодные путешествия домой в весеннюю распутицу пешком было невозможно так же, как и прислуживание ученика-постояльца в доме учителя. У епархиальных властей, видимо, существовало убеждение, что дети сельских священников и дьяконов могут пережить все — холод, побои, унижения. Воспоминания Игорева показывают, в каких тяжелых условиях они получали знания, необходимые для дальнейшего образования и достижения сана священнослужителя.

1. Артамонова, Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX вв. (Юго-восточные губернии Европейской России) / Л.М. Артамонова. – Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2001. – 395 с.
2. Артамонова, Л.М. Создание органов управления образованием и появление новых школ в условиях трансформации уездного города в губернский центр: Самара в 1850-е гг. / Л.М. Артамонова // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 2016 г. : в 2 ч. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – Ч. 1. – С. 333–347.

3. Вардугин, В.И. Запечатленный праздник / В.И. Вардугин // Кто есть кто в Саратовской губернии: О времени и о себе. Личность, биография, призвание. – Саратов : Приволжское книжное издательство, 2007. – С. 147–150.
4. [Игорев, Л.С.] Воспоминания академика Академии художеств Льва Степ[ановича] Игорева / Л.С. Игорев // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы.– Саратов : Саратовское общество вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. — Вып. 1. – С. 363–372.
5. Игорев, Л.С. 1823-1897. Портрет священника // Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева : путеводитель : Русское искусство XVIII—XIX вв. — Саратов : Саратовское книжное издательство, 1956. – С. 50.
6. Игорев Лев Степанович // Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Русская живопись XVIII – начала XX века : каталог / авт.-сост. : Е.И. Водонос, Г.Е. Федорова, Г.М. Кормакулина, Л.В. Пашкова. – М. : Трилистник, 2004. – Т. 1. – С. 249.
7. Лебедев, Е.Л. Его труд не пропал даром / Е.Л. Лебедев // Православие и современность. Ведомости Саратовской митрополии. – 2012. – № 22(38) январь–апрель. – С. 75–80.
8. [Леопольдов, А.Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии : в 2 ч. / сост. Андреем Леопольдовым. – СПб. : тип. Деп. внеш. торг., 1839. – 8, 190, 2, 143 с.
9. Ляпина, А.В. Взаимоотношения Самарской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии через корпорации преподавателей во второй половине XIX в. / А.В. Ляпина // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации: Материалы IV Междунар. научно-практ. конф. Самара, 2016 г. : в 2 ч. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – С. 366–372.
10. Росницкий, А. Путевые заметки о городе Петровске и уезде / А. Росницкий // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. – 1843. – № 40.
11. Савинов, А.Н. Петр Ефимович Заболотский / А.Н. Савинов // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников первой половины XIX века. – М. : Искусство, 1954. – С. 671–682.
12. Савинов, А.Н. Фирс Сергеевич Журавлев / А.Н. Савинов // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Вторая половина XIX века : в 2 т.. – М. : Искусство, 1962. – Т. 1. – С. 131–148.
13. Сорокин, И.В. Портрет владыки / И.В. Сорокин // Памятники Отечества. Сердце Поволжья : иллюстр. альманах Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры / гл. ред. С.Н. Разгонов. – М.: Красный пролетарий, 1998. – № 39 (1–2). – С. 66–67. – (Вся Россия).

Латышева В.А.
ГОРОД КАК ЦЕНТР ГУМАННОСТИ:
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ
(на примере г. Витебска)¹

Нельзя не признать в отечественной историографии ограниченный характер исследований, посвящённых истории белорусского города. Еще более фрагментарна и малочисленна историография вопроса ценностных установок и ориентиров его жителей. По ряду причин сегодня актуализировались и эти вопросы, среди которых наполнение таких понятий как милосердие, сочувствие, гуманность.

Пожалуй, как никогда общество испытывается на сострадание в переломные времена социальных потрясений. Видится, что одним из пиковых показателей наполнения и проявления указанной категории ценностей может выступать динамика системы отношений, взглядов и идей к наименее защищённым социальным группам. К одной из них принадлежат люди с ограниченными психическими и психофизическими возможностями – душевнобольные. История их жизни для нас продолжает оставаться закрытой книгой. Приходится признать, что количество публикаций, посвящённых в целом, истории психиатрии Беларуси, остается весьма ограниченным, не говоря об истории отдельных центров оказания медицинской стационарной помощи в республике.

Обращает внимание и тот факт, что среди архивного наследия Республики Беларусь существует всего лишь один фонд, посвященный непосредственно психиатрическому медицинскому стационарному учреждению в Беларуси – фонд № 544 «Местного комитета Витебской психиатрической больницы». Хронологические рамки фонда охватывают период с 1922 года по 1929 год, за 1930-ые годы – всего один документ. Массив фонда составляют лишь 36 дел [9]. Однако не только эта своеобразная «изюминка» способна выделить Витебск – один из богатейших исторических центров оказания разветвлённой сети медицинской помощи населению, как и колыбель современного высшего медицинского образования в Беларуси, наравне с Минском.

Первые этапы становления психиатрической медицинской помощи в Витебске, пусть и очень мозаично, возможно почерпнуть из ставших классическими монографий двух ярких организаторов системы психиатрической службы в СССР – Т.И. Юдина [10] и Д.Д. Федотова [8]. Их исследования вышли ещё в 1950-е годы. Следует также указать и единственную до сих пор диссертацию, посвящённую истории сугубо белорусской психиатрии. Она принадлежит Л.А. Костейко и была защищена ещё в 1970-м году [6].

¹ Тема представлена в рамках проекта «Уничтожение душевнобольных в Беларуси: 1941 – 1944». Фонд Г. Хенкель, Федеративная Республика Германия.

Данные, приведённые указанными авторами, позволяют, на наш взгляд, с конца XVIII века проследить становление белорусского губернского города, с одной стороны, как центра оказания медицинской психиатрической помощи. Так, именно в губернских белорусских городах благодаря Приказам общественного призрения при больницах были открыты первые психиатрические отделения, что способствовало привлечению соответствующих медицинских кадров, развитию научной мысли и т.п. Первой среди отечественных губернских больниц в 1843 году и стала Витебская. Естественно, открытие таких отделений способствовало концентрации душевнобольных в границах города, а, значит, накапливанию не только соответствующего опыта, но и богатства определённой культуры. С другой стороны, развитие психиатрии, как медицинской отрасли, шло параллельно с процессом преобладания светского, в нашем случае и именно городского характера оказания психиатрической помощи. Если ранее забота о душевнобольных сосредотачивалась лишь в рамках личного участия в их судьбе близких и родственников либо таких организаций как отдельные монастыри, сельские общины, «шпитали для убогих и хворых людей», то после вхождения белорусских земель в состав Российской империи психиатрическая помощь населению на территории Беларуси приобрела непосредственно государственный характер. Именно государство стало выделять часть денежных средств на открытие и содержание больниц, аптек и приютов. При этом не было исключена поддержка благотворительных структур и частной инициативы отдельных граждан. Земская реформа, пусть для белорусских земель и с 1903 года, продолжила намеченную линию: финансирование содержания душевнобольных в больницах возможно было производить из городских бюджетов, в частности губернских городов, что, естественно также включала эту проблему в повседневную жизнь города и его жителей. Кроме того, к началу XX века в целом оформилась устойчивая тенденция роста количества «светских» психиатрических учреждений по всей территории Российской империи. Если в 1902 году их было 113, то в 1913 году уже 176 [7, л. 3].

Таким образом сложилась определённая система более широкой включенности проблем рассматриваемой группы в социальную сферу прежде всего города. Хаотичный период с 1914 по 1921 год, наполненный событиями Первой мировой войны, революционными бурями 1917 года, советско-польской войной поистине подверг испытанием ценностные установки его горожан.

Например, Витебск за весь период лихолетья ни разу не был оккупирован, однако с завидным постоянством менял свой статус с объявленного на военном положении до прифронтового города, а также одновременно и фронтового и ближайшего тыла. Вместе с тем, не смотря ни на что, завидное постоянство в его жизни демонстрировала проблема неуклонно роста количество лиц, которые нуждались в стационарной психиатрической помощи. Среди них были уже не только жители города и уездов губернии, но и беженцы, военнотруженики воюющих армий, и даже целые эвакуированные медицинские учреждения психиатрического профиля, например, Виленской губернии, чуть позже Минской, Могилёвской и Псковской [2, л. 137 об.]. В целом, если в довоенное время тенденция роста подобных больных составляла в отделении 13,8% в год [там же, л. 52], то в 1917 году она достигла 99,5% к показателям 1912 года, [там же, лл. 137–137 об.].

Кроме того, следует учесть, что колоссальный рост пациентов психиатрического отделения происходил на фоне не прекращающихся лихорадить город ряда кризисов в обеспечении ежедневных потребностей его жителей. Таким образом идеи, которые рождались и воплощались в голодном, неотопляемом и часто лишённом всяких средств к существованию Витебске в отношении нуждающейся в медицинской и социальной помощи такой категории как душевнобольные, заслуживают особого внимания. Именно они, в том числе, способны отразить основные ценностные установки горожан.

Очевидно, что в условиях лихолетья Витебск не имел возможности достойно обеспечить материальную сторону жизни пациентов его психиатрического отделения. Это наблюдалось и ранее: скромное финансирование, переполненность, бюрократические издержки и т.д. Однако в сложный период городу под силу оказалось рождать и воплощать, пусть и частично, идеи, способные сегодня рассказать, в том числе, о ценностных ориентирах, которыми он жил в стабильно тяжёлых условиях. Здесь можно выделить два направления: идеи, которые рождались и воплощались коллективно и те, которые принадлежали отдельным личностям.

Так, например, в первом случае они были связаны с арендой пригородных имений Витебска не только с целью разгрузки помещения отделения, но и решением вопросов питания, и осуществления трудотерапии для ряда больных, профилактики инфекций и т.д.

С зимы 1917 года свою практику получила идея посемейного призрения душевнобольных с выстроенной системой как защиты от перехода их в категорию так называемых «лишних еда-

ков» для их же семей на территории голодающей губернии, так и обеспечения медицинского обслуживания вне стен психиатрического отделения [3, л. 53].

В 1918 году стало очевидным, что: «Единственно рациональным выходом из создавшегося положения должна быть признана постройка социальной лечебницы на 400 кроватей в соответствии с требованиями данного момента...» [2, лл. 48–49]. Однако самой идее удалось воплотиться только в 1921 году, когда на базе психиатрического отделения была открыта уже целая профильная больница. Определённым образом на её открытие повлиял и негативный опыт 1919 года, когда в апреле для разгрузки отделения стал использоваться инвалидный дом. Негласно туда было переведено до 10% от общего количества призываемых, которые оказались попросту без должного врачебного наблюдения и необходимых им условий климата больницы. Очень быстро была признана ошибочность этого решения, а больные возвращены в отделение [4, л. 189–192].

Во втором случае, речь может идти о такой яркой личности своего времени как М. Кроль, в будущем ставший известным неврологом, лечащим врачом В. Ленина, членом-корреспондентом Академии наук СССР. С 1914 до 1917 года он возглавлял нервно-психиатрический пункт Красного Креста и Красного Полумесяца в Минске. Случайно и на непродолжительное время он оказался в городе летом 1917 года. Опытный доктор сконцентрировал внимание на успешном решении задач в рамках наиболее проблемных направлений в обеспечении медицинской психиатрической помощи, которые, к сожалению, не теряют известной остроты и сегодня. Это перегруженность, недостаток единиц персонала, острая нехватка постельных принадлежностей и одежды, предметов мебели, посуды, проблема продуктов питания [1, л. 34].

Привлекательными в исследовательском плане являются и сюжеты, связанные с взаимоотношениями руководства губернской больницы и её отделения с динамично изменяющимися структурами власти в переломный период. Перспективным выглядит обращение к вопросам моральной основы межличностных отношений в коллективе, отношений в векторе медицинский работник – пациент, горожане – пациенты психиатрического отделения и др. Среди источников, позволяющих воссоздать подобные картины, значительная часть представлена документами учреждения «Государственный архив Витебской области». В частности, это документы отдела народного здравоохранения исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский губздравотдел) фонда № 64, который насчитывает 1119 единиц хранения в хронологических рамках с 1917 по 1924 год [5, с. 431]. Однако отметим, что при работе с документами фонда была выявлена и их возможность реконструировать ситуацию в психиатрическом отделении не только за период Первой мировой войны с 1914 года, но и более ранний – с 1912 года.

В целом, указанный потенциал репрезентирован такими источниками, как всевозможные соответствующие отчеты в отношении города и губернии, доклады, сводные сведения, материалы переписки, указы различных структур городской власти в Витебске, личные дела, регистрационные карточки врачей, фельдшеров, медицинских сестер города и уездов, списки медицинских учреждений региона, брошюры, соответствующие публикации медицинских работников того времени и др. Весь выявленный информационный массив объединяет одно – отраженный в них гуманизм по отношению к такой категории как душевнобольные вопреки любым обстоятельствам. В свою очередь, данный факт характеризует не только психиатрию, но и ту систему ценностей, которая была характерна для горожан на разных этапах развития города и его культуры. Исследование подобных систем, на взгляд автора, способно расширить не только источниковую базу в области исследования города, но и обогатить его за счёт включения и достижений медицинской антропологии.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). Ф. 64. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАВт. Ф. 64. Оп. 1. Д. 4.
3. ГАВт. Ф. 64. Оп. 1. Д. 9.
4. ГАВт. Ф. 64. Оп. 1. Д. 537.
5. Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917–2006 / сост. Т.В. Бувеч, Ю.С. Петухов. – Минск: Медисонт, 2011. – 936 с.
6. Костейко Л.А. Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVIII века – 1960 г.): автореф. дис. ... канд. мед. наук: специальность 767 Психиатрия; Минский государственный медицинский институт, 1970. – 24 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 46. Оп. 1а, Д. 252.
8. Федотов, Д.Д. Очерки по истории отечественной психиатрии. Т. 1 / Д.Д. Федотов. – М.: М-во здравоохранения СССР, 1957. – 320 с.
9. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/fond/68773/>
10. Юдин, Т.И. Очерки отечественной психиатрии / Т.И. Юдин. – М. – Л.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1951. – 480 с.

Бувич Т.В.

ДОКУМЕНТЫ ЖИЛИЩНО-АРЕНДНЫХ КООПЕРАТИВОВ (ЖАКТОВ) ГОРОДА ВИТЕБСКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПОЛИТИКИ В 1924–1930 гг.

Жилищное строительство – важнейшая составляющая государственных приоритетов в области социально-экономического развития современной Республики Беларусь. Конституция и Жилищный Кодекс республики (далее – Жилищный кодекс) гарантируют право гражданина на жилище и обеспечивают использование и сохранность жилищного фонда¹.

Проводимое в настоящее время реформирование системы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) ставит своей целью не только аккумуляцию финансовых средств на содержание жилья, но поиск оптимального способа предоставления собственникам и нанимателям качественных услуг по его эксплуатации. Так, например, ст. 207 Жилищного кодекса предполагает создание товариществ собственников по управлению общим имуществом в одном многоквартирном жилом доме. Такой подход применяется в обязательном порядке к частным новостройкам после заселения квартир собственниками. Наряду с этим в соответствии со ст. 98 Жилищного кодекса жильцы могут заключать договор с одной из организаций, осуществляющих эксплуатацию жилищного фонда и (или) предоставляющих жилищно-коммунальные услуги. В республике продолжают функционировать государственные коммунальные унитарные предприятия (КУП), включающие жилищные ремонтно-эксплуатационные управления (ЖРЭУ). В составе последних действуют ремонтно-строительные участки, жилищно-эксплуатационные, аварийно-технические и т.п. службы. Они обслуживают, как государственный, так и частный (приватизированный) жилой фонд, сочетая при оказании услуг финансовые средства государственного бюджета и денежные поступления от владельцев жилья.

Такой порядок деятельности ЖКХ в последнее время нередко вызывает споры о выборе оптимального пути эксплуатации жилья. Существует мнение о необходимости полной передачи функций по обслуживанию частного (приватизированного) жилого фонда в ведение объединений жильцов, населяющих многоквартирный дом. Приводятся значимые аргументы с точки зрения современных реалий. При этом совершенно не учитывается тот факт, что в истории нашего государства уже имел место подход, когда обязанности по эксплуатации жилья были полностью переданы жильцам. В этот период государство, в условиях разрухи начала 1920-х гг. и жесточайшего финансового кризиса, внедрило кооперирование в области использования жилья. До середины 1930-х гг. происходили многочисленные реорганизации данной системы, которая в конечном итоге не оправдала себя. Изучение итогов жилищной политики 1920–1930-х гг. может послужить основой для принятия решений о наиболее разумных формах эксплуатации жилого фонда в существующих условиях. Основой для подобного анализа станут архивные документы.

Учреждение «Государственный архив Витебской области» (далее – ГАВО) владеет значительными информационными ресурсами, которые, среди прочего, включают материалы организаций, непосредственно занимавшихся распределением, эксплуатацией и содержанием жилья [1; 2]. Называли их жилищно-арендные кооперативы – ЖАКТы.

В советском государстве ЖАКТы стали создаваться в соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР «О жилищной кооперации» от 19.08.1924². Организационный период по созданию сети ЖАКТов в г. Витебске начался в январе 1925 г. [4, л. 13]. С этого времени ЖАКТы являлись основной формой управления государственным жилищным фондом. Суть данного подхода заключалась в том, что коллективам жильцов в аренду передавались государственные (муниципальные) домостроения. Затраты со стороны государства на их содержание исключались [3, л. 3, 12 об].

¹ Автором анализируется текст данных документов, размещенный в «Эталонном банке данных правовой информации Республики Беларусь ("Эталон")» Национального центра правовой информации Республики Беларусь: Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-ХІІ, с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.; Жилищный кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 года № 428-З, принят Палатой представителей 31 мая 2012 года, одобрен Советом Республики 22 июня 2012 года, с изменениями и дополнениями, внесенными Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам военного положения» от 10 января 2015 г. № 244-З.

² В настоящей статье (если специально не указывается иной источник) нормативно-правовые акты анализируются на основе текстов, размещенных на сайте «Некоммерческая интернет-версия "Консультант-плюс"».

ЖАКТы являлись самостоятельными в юридическом отношении организациями, осуществлявшими не только эксплуатацию домов, но и их ремонт. Они также были наделены правами по распределению и использованию жилой площади.

В соответствии с положениями Типового устава ЖАКТа делами товариществ управляли общее собрание, правление, ревизионная комиссия. Собрание жильцов считалось высшим руководящим органом. На собраниях принимались новые члены кооператива, избирались правление и ревизионная комиссия, рассматривались и утверждались сметы расходов и доходов, операционные планы, отчеты правления и др. В промежутках между собраниями работой ЖАКТа руководило правление. Контролировала его финансово-хозяйственную деятельность ревизионная комиссия [5, л. 7–13].

ЖАКТы могли объединяться в городские и губернские союзы жилищной кооперации. 04.11.1925 был образован Витебский окружной союз жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативов (Витокржилсоюз), который просуществовал до сентября 1930 г., затем на его базе был создан Витебский городской союз жилищной кооперации (Вигоржилсоюз) [3]. Документы последнего на государственное хранение не поступали. В период с 1925 по 1930 гг. сеть ЖАКТов неоднократно пересматривалась. Их число варьировалось от 35 до 38 товариществ, а в 1930-е гг. – почти до 150 кооперативов [6]. В январе 1930 г. в Витебске были введены домовые книги и обязательный учет движения населения по городу [3, л. 86об.]. Обнаружены сведения, что в этот момент ЖАКТа́м принадлежало 70% всей жиплощади города. В целях улучшения их работы были введены платные должности председателей ЖАКТов [3, л. 112об, 116об]. 18.05.1930 ЖАКТа́м были переданы городские сады, которые до этого времени находились в аренде у частных лиц [3, л. 208об]. Новая реорганизация ЖАКТов г. Витебска началась уже в конце октября 1931 г. [7, л. 1]. Обнаружена выписка из протокола заседания правления Вигоржилсоюза от 24.10.1931, где говорится о реорганизации ЖАКТов, проводимой в соответствии с постановлениями июльских (1931 г.) пленумов ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б. Действующим ЖАКТа́м были даны рекомендации о разделении их на более мелкие из расчета – 1 ЖАКТ на от 1 000 до 2 000 м² жилой площади. При этом ЖАКТы, в чьем ведении находились дома с жилой площадью, менее 1 000 м², подлежали объединению в более крупные. В ходе данной реорганизации правления ЖАКТов из постоянного органа управления превращались в органы, действующие на общественных началах. На основании постановлений ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» от 17.10.1937, СНК СССР «О порядке ликвидации жилищных кооперативов и их союзов, передачи ими домов, дач, предприятий и имущества и расчета с пайщиками» от 25.11.1937 и «О ликвидации жилищных кооперативов и их союзов» от 04.12.1937 № 2706 в СССР повсеместно были упразднены жилищно-арендные кооперативы и союзы жилищно-строительной кооперации. А построенные ими дома были переданы местным Советам и государственным предприятиям.

К сожалению, документы за период с середины 1930 г. до 1937 года практически не сохранились. А вот временной отрезок 1924 – первой половины 1930 г. представлен достаточно широко. Наиболее интересен в этом направлении ф. 271-ОАФ «Жилищные кооперативные товарищества города Витебска». В его составе отложились следующие документы: циркуляры, распоряжения, инструкции Белорусского союза жилищной кооперации; постановления Витокржилсоюз и Вигоржилсоюза; Устав (за 1927 г.) ЖАКТа № 40; протоколы общих собраний жильцов-пайщиков, заседаний правления и ревкомиссии, культурно-массовых и санитарных комиссий; сметы, планы и отчеты о работе ЖАКТов, планы капитальных ремонтов зданий и помещений; договоры о сдаче в аренду помещений; сведения о ремонте зданий и квартир; дела об учете жилой площади; сведения о финансово-хозяйственной деятельности ЖАКТов; акты проверок их работы, а так же приемки в эксплуатацию, обследования домов и квартир, улиц и дворов; переписка по основной деятельности; лицевые счета домовладельцев и арендаторов помещений; учетные карточки домовладений; списки жильцов и квартиронанимателей и арендаторов; заявления граждан на получение жилплощади, об улучшении жилищных условий; договоры о выдаче ссуды на капитальный ремонт.

Следует отметить, что до 2014 года документы ЖАКТов представляли собой многочисленные самостоятельные комплексы. Это были малообъемные фонды, ни один из которых не давал целостную картину деятельности товарищества, т.к. документы сохранились не в полном объеме, а часть документов не имела точной датировки. В 2015–2016 гг. в ГАВО проводились рабо-

ты по переработке описей данных фондов, уточнению фондовой принадлежности дел, переставлению заголовков и установлению крайних дат документов. Документы ЖАКТов были объединены в единый (объединенный) фонд (далее – ОАФ). В ходе работы была составлена сводная справка по истории витебских ЖАКТов. Создание ОАФ позволило максимально повысить информационный потенциал документов. Прежде всего, это было достигнуто за счет того, что в одном фонде удалось сконцентрировать документы различной информационной направленности, логически связанные между собой и дополняющие друг друга. Комплекс включает в себя организационно-распорядительные документы, создаваемые не только ЖАКТАми, но и их вышестоящими организациями; также здесь присутствуют справочно-информационные документы, учетно-отчетные формы, вплоть до первичных бухгалтерских документов. Поскольку деятельность товариществ основывалась на единых принципах, то недостающая информация о работе одного ЖАКТА восполняется сведениями из документальных источников, возникших в деятельности других ЖАКТов, что позволяет видеть общую картину состояния жилого фонда Витебска и делать выводы об итогах его использования. Более того, информация документов объединенного архивного фонда ЖАКТов может быть дополнена сведениями из источников за 1923–1933 гг., хранящихся в ф.558 «Витебский окружной союз жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативов (Витебский окржилсоюз)». В его составе также отложились документы о работе ЖАКТов г. Витебска. Сохранились нормативно-законодательные и организационных материалы, раскрывающие принципы деятельности жилищной кооперации в целом: устав Витебского окружного союза жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативов (1925); положение о домовом бюро при ЖАКТАх (1930); протоколы заседаний районных квартирных комитетов г. Витебска (прообразов ЖАКТов) (1921–1923), правлений и президиумов ЖАКТов; сметы расходов на ремонтные и строительные работы по жилфонду города; перспективный план жилищно-кооперативного строительства и ремонтных работ по г. Витебску (1927–1931); отчеты о работе окржилсоюза; диаграммы жилищного строительства (1926–1928).

Таким образом, комплекс документов, относящийся к истории жилищного строительства в г. Витебске в 1924 – 1930 гг. представляет собой совокупность двух фондов: ф.271-ОАФ «Жилищные кооперативные товарищества города Витебска» за 1922–1934 гг. и ф.558 «Витебский окружной союз жилищно-арендных и жилищно-строительных кооперативов (Витебский окржилсоюз)» за 1923–1933 гг. Он позволяет полноценно изучить опыт существования ЖАКТов в 1922–1930 гг., когда государство искало пути развития ЖКХ в условиях максимальной экономии государственных финансовых средств. Обобщение данного опыта особо востребовано в современных условиях, когда осуществляется поиск оптимальных путей реализации прав граждан на качественное жилье.

1. Автоматизированная информационная система государственного архива. Программный модуль «Учет» [Электронный ресурс]. – Сведения об изменении в составе и объеме фондов итоговые на 01.01.2017.
2. Автоматизированная информационная система государственного архива [Электронный ресурс]. – Программный модуль «Учет». Ф. 558.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 118. Оп. 1. Д. 34.
4. ГАВО. – Ф. 558. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАВО. – Ф. 1031. Оп.1. Д. 229.
6. ГАВО. Ф. 271-ОАФ. Историко-архивная справка к фонду.
7. ГАВО. – Ф.271-ОАФ. Оп. 2. Д. 266.

Гончарова О.С.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ХАРЬКОВА 1920-х ГОДОВ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА И СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ ВОПРОСА

На территории Украины проживают представители более 130 национальностей, это требует от государства проведения взвешенной этнонациональной политики. Её эффективность зависит от глубокого знания истории формирования этнического состава населения. В связи с этим особое научно-теоретическое и практическое значение приобретает всесторонний анализ этнонациональных процессов которые происходили в период крупных общественно-политических сдвигов. Существенно отразились на численности и национальном составе населения Украины первая мировая война, эмиграционные процессы, вызванные революционными процессами (1917–1920 годы), промышленное развитие второй половины 1920-х годов. Особенно ощути-

мыми эти изменения были в городах, что и обусловило обращение к исследованию этнического состава Харькова – крупного промышленного центра, второго по количеству жителей города Украины, который с 19 декабря 1919 по 24 июня 1934 года был столицей УССР.

Самым распространенным источником исследования этнических процессов являются статистические материалы. Начиная с 1920 года, государственными органами предпринимались попытки выявления этнического состава населения. Первой из таких попыток стала перепись 1920 года, в ходе которой было установлено, что Украинцы в структуре населения г. Харькова составляли 20,8%; русскими признали себя 50,9% жителей; представители этнических меньшинств составляли 28,3% харьковчан [13]. Большинство исследователей, и не без основания, критически относятся к результатам этой переписи. Программа переписи еще не отличалась четкостью по вопросу идентификации этнической принадлежности. Четвертый пункт переписного «Личного листка» назывался «Национальность, родной язык», что привело к смешиванию этих двух категорий. На искажение данных о национальном составе значительное влияние оказал и субъективизм органов, проводивших перепись. Они самостоятельно относили население не к той национальности, которой оно себя считало, а к той, на языке которой, по мнению представительных органов, оно владело. Наряду с этим, на определение национальной принадлежности повлияли и исторические факторы – привычка определять этническую принадлежность через родной язык, склонность определенной части украинского населения Харькова причислять себя к русским. Большое значение имел и психологический фактор – ориентация на перспективу. В условиях гражданской войны и поражения национально-освободительной борьбы, неопределенности национальной политики новой власти, для многих харьковчан не давало возможности определить эту перспективу. Поэтому многие из них, отвечая на вопрос о национальной принадлежности, не были искренними. Кроме этих факторов на неточности в проведении переписи большое влияние имело отсутствие опыта при проведении широкомасштабных демографических обследований, нехватка квалифицированных демографов и тому подобное.

Недостатки этой переписи были учтены при проведении Всесоюзной переписи городского населения, проведенной 15 марта 1923 г. По данным этой переписи в Харькове доля украинцев возросла до 38% от всего населения города, то есть почти вдвое, а численность русских существенно уменьшилась и составила теперь 34,5% [14, с. 67]. Существенный рост доли украинцев стал возможным не столько в результате миграций (за период с 1920 по 1923 гг. население Харькова увеличилось лишь на 13%), сколько в результате того, что значительная часть людей, которые по переписи 1920 г. определили свою народность как русский, а в 1923 г., изменила свои взгляды.

Наиболее достоверными являются данные переписи 1926 года. Она проводилась в период провозглашенной советским государством политики «коренизации», национального возрождения. Власть, в это время, была заинтересована, как можно шире, выявить все национальные меньшинства, и потому в перепись было включено широкий круг вопросов, которые помогали определить этническую принадлежность населения. Итоги переписи 1926 г. и на сегодняшний день остаются самым содержательным источником изучения этнического состава населения Харькова 1920-х годов. Он выявил, что в Харькове преимущество численности украинского населения над русским было, но незначительное: 38,4% жителей города составляли украинцы, а 37,0% – русские. С учетом того, что среди городского населения на то время повысился удельный вес других народностей (евреи – 19,53%; поляки – 1,33%; армяне – 0,72%; немцы – 0,53%; и другие – 2,15%), которые ранее составляли лишь очень небольшую часть населения, становится понятным, что украинское население в городе Харькове не было доминирующим [2, с. 28, 31–33]. Приведенные статистические данные свидетельствуют, что этнический состав населения Харькова несколько отличался от всеукраинского, где Украинцы имели значительное численное преимущество. Это происходило за счет увеличения доли русского населения в городе, было обусловлено их миграцией из России, заключением смешанных браков, откровенным желанием части украинцев считать себя русскими.

Значительно дополнить статистические сведения об этническом составе населения города помогают данные статистико-экономических обследований, которые хранятся в фондах Харьковского губернского статистического бюро (фонд Р-191) [5] и Статистического бюро Харьковского окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (фонд Р-948) [5]. Воспроизвести изменения этнического состава населения в течение 1920-х годов позволяют материалы Центральной комиссии по делам национальных меньшинств, которая работала при ВУЦИК (фонд 413) [17]. Разнообразные статистические

данные содержатся в документах губернских, окружных, областных исполнительных комитетов, хранящихся в фондах Государственного архива Харьковской области (фонды Р-203; Р-202; Р-845; Р-3858; Р-408) [5].

Переписи населения и текущая документация органов управления, к компетенции которых входила работа с национальными меньшинствами, дают возможность детально исследовать изменения этнического состава жителей города. Они показывают, что демографическое развитие Харькова в течение 1920-х годов отражало как общегосударственные закономерности, обусловленные войнами и революцией, сходством процессов общественных преобразований, а также имел некоторые особенности конкретно-исторического развития региона. Важнейшая из них – небывалый ранее подъем политической и экономической роли Харькова как первой столицы Советской Украины. Строительство гигантов индустрии очень обострило спрос на рабочие руки, способствовало превращению города в центр огромных миграционных потоков, которые разнообразили этнический состав населения.

Проблемы этнического состава населения Харькова всегда привлекали внимание исследователей, и каждая историческая эпоха вносила свою долю практического и теоретического опыта в ее изучение.

Особое внимание к исследованию этнических процессов уделялось в 1920–1930-е годы, в период осуществления политики «коренизации». Используя проведенные в 1920, 1923 и 1926 годах переписи населения, М. Авдиенко [1], А. Гиршфельд [3], С. Минаев [9], О. Хоменко [16] констатировали факт, что этнический состав населения Украины по сравнению с дореволюционным временем претерпел значительные изменения: миграция украинцев и евреев из сел в города, увеличение количества представителей других национальностей. Изменения в этническом составе населения Украины авторы справедливо объясняли социально-экономической и национальной политикой советской власти. Уделяли внимание исследователи и региональным особенностям ассимиляционных процессов, справедливо замечая, что в крупных индустриальных центрах, каким был Харьков, этот процесс происходил интенсивнее. В 1920-х годах появляются и региональные исследования. Первую попытку проанализировать этнический состав жителей Харькова и Харьковской губернии сделал Смелянский [13; 13]. Исследователь обратил внимание на значительную этническую пестроту жителей г. Харькова и относительную однородность сельского населения.

Во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х годов, в условиях господства концепции о единой исторической общности – советском народе, проблемы истории этнических меньшинств Украины непосредственно не рассматривались. Однако, в течение второй половины 1950-х – конце 1980-х годов изучение национального вопроса возобновляется, что было вызвано частичной десталинизацией, которая стала следствием XX съезда КПСС. Для того, чтобы доказать правильность выводов о консолидации национальных групп в Украине, историки обратились к анализу межвоенных переписей населения. В.И. Наулко справедливо связывал изменения в численности населения различных этнических групп с естественным движением, миграцией, этническими процессами и последствиями экономической политики правительства [10]. Среди причин роста городского населения он назвал индустриализацию, привлечение населения к работе на промышленных предприятиях. Большое внимание исследованию этнического развития Харькова уделили М.В. Курман и И.В. Лебединский [8]. Исследователи, анализируя население крупного промышленного города, детально рассмотрели и этнический состав жителей Харькова на разных этапах его развития, продемонстрировав изменения, произошедшие в нем по сравнению с дореволюционным периодом. Авторы справедливо отмечают, что за указанный период доля представителей этнических меньшинств в городе увеличилось. Используя статистические материалы, они доказали, что значительное влияние на это имели миграционные процессы.

В условиях независимой Украины, интерес исследователей к этническим процессам прошлого активизировался. Частично этнический состав населения города анализируется в работах посвященных изучению национальной политики государства и особенностей ее реализации в Харьковской области [6; 15]. Данные об этническом составе населения города Харькова приводятся в изданной в 2004 году коллективной работе «Історія міста Харкова ХХ століття» [7]. А. Скоробогатов привлекая данные переписей населения 1896, 1920, 1923 и 1926 годов, достаточно подробно проанализировал причины, повлиявшие на увеличение представителей национальных меньшинств среди жителей региона [11]. Но при этом без внимания осталось достаточно важный вопрос – сравнение этнических процессов, происходивших в Харьковской области с общеукраинскими. Детальный анализ национального состава населения осуществлено в

диссертационных исследованиях О.С. Гончаровой [4] та Р.В. Шарібжанова [18], посвященных национальной политике советского правительства 1920-х годов.

Таким образом, в течение 1920-х годов было накоплено достаточное количество статистических материалов, учеными проведено их глубокое исследование. Все это создало благоприятные условия для подробного изучения, анализа и освещения этнического состава населения города Харькова.

1. Авдієнко, М. Попередні підсумки всенародного перепису 1926 року / М. Авдієнко // Знання. – 1927. – № 15–16. – С. 24–25.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XI. Украинская Социалистическая республика. Итоги по республике. – М. : Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. – 204 с.
3. Гіршфельд А. Міграційні процеси в Україні (в світлі перепису 1926 р.) / А. Гіршфельд. – Харків : Держвидав «Господарство України», 1930. – 87 с.
4. Гончарова, О.С. Національні меншини Харківщини в умовах здійснення політики коренізації (20-ті – початок 30-х років ХХ століття): автореф. дис... канд. іст. наук. 07.00.01 – Історія України / О. С. Гончарова. – Харків, 2007. – 21 с.
5. Державний архів Харківської області.
6. Духопельников В.М. Деятельность местных органов власти Харьковщины среди национальных меньшинств в 20-30-е годы ХХ столетия / В.М. Духопельников // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920-1950-е годы). Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.) : Сб. докладов. – Харьков : Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 88–100.
7. Історія міста Харкова ХХ століття / О.Н. Ярмащ, С.І. Посохов, А.І. Епштейн та ін. – Харків: «Фоліо», «Золоті сторінки», 2004. – 686 с.
8. Курман, М.В. Население большого социалистического города / М.В. Курман, И.В. Лебединский. – М.: Статистика, 1968. – 200 с.
9. Мінаєв С.В. Наслідки вселюдного перепису 1926 р. на Україні / С.В. Мінаєв. – Харків: Держвидав України, 1928. – 92 с.
10. Наулко, В.І. Етнічний склад населення Української РСР. Статистико-картографічне дослідження / В.І. Наулко. – К.: Наукова думка, 1965. – 135 с.
11. Скоробогатов, А. Територія та населення Харківщини у 20–30 роках ХХ ст. / А. Скоробогатов // Березіль. – 1997. – № 11–12. – С. 132–148.
12. Смілянський Населення Харківщини / Смілянський // Вісті ВУЦВК. – 1922. – 31 серпня.
13. Смілянський. Населення Харкова в числах перепису 1920 р. / Смілянський // Вісті ВУЦВК. – 1922. – 27 жовтня.
14. Харків та інші міста і селища міського типу. – Харків, 1928. – 212 с.
15. Харьковский многонациональный. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – 256 с.
16. Хоменко, А. Національний склад людності УСРР / А. Хоменко. – Харків : Державне видавництво України, 1929. – 71 с.
17. Центрального державного архіву вищих органів влади й управління України.
18. Шарібжанов, Р.В. Національні меншини Харкова в 20-30-ті рр. ХХ ст.: автореф. дис ... канд. іст. наук : 07.00.01. – історія України / Р.В. Шарібжанов. – Харків, 2008. – 20 с.

Бароўка В.Ю.

МАСТАЦКАЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ ГОРАДА Ў “ЗЯМЛІ ПАД БЕЛЫМІ КРЫЛАМІ” У. КАРАТКЕВІЧА: АКСІЯЛАГІЧНЫ ПЛАН

Уладзімір Караткевіч – натхнёны пясняр беларускага краю і яго гісторыі. “Зямля пад белымі крыламі” (1972) адрасавалася на пачатку ўкраінскім чытачам. Відаць, у сувязі з гэтым аўтар імкнуўся ў найлепшым святле прадставіць айчынным гарады. Пра вялікія беларускія паселішчы ён раскажаў у раздзеле “Камяніцы, і гмахі, і вежы”, пра малыя – у раздзеле “«Вялікія» малыя гарады”.

Аповед пра беларускія гарады пачынаўся раздзелам “Горад на Нямізе”, дзе Караткевіч адзначыў няўхільнае павелічэнне колькасці гарадскога насельніцтва. Мінск рэпрэзентаваны горадам-героем, горадам-працаўніком. Не без горычы У. Караткевіч пісаў: “Гораду больш за 900 год. Адзін з самых ранніх успамінаў аб ім – радкі са «Слова аб палку Ігаравым»: «На Нямізе снапы сцелюць галовамі, малоцяць чапамі харалужнымі, на таку жыццё кладуць, веюць душу ад цела». Крывавая берагі Нямігі даўно забраныя ў падземную трубу. Засталася толькі старая гандлёвая назва горада “Мінск”, а ў даўніну “Менск”, “Мінск”, ад слова “мена”, “мяняць”. І дужа мала гісторыі. Таму што ў гады апошняй вайны Мінск быў знішчаны ледзь не на сто працэнтаў, пушчан дымам і попелам. У адрозненне, скажам, ад Суздаля або ад Кіева, тут можна паказаць цікаўнаму турысту толькі некалькі старых будынкаў і храмаў ХVII–ХVIII стагоддзяў ды некалькі будынкаў эпохі класіцызму. Па беларускую старажытнасць трэба выязджаць далей, на правінцыю” [1, с. 461]. Мінск – горад, што пастаянна развіваецца, расце: “Можна прывесці такі прыклад. Месца расстрэлу паўстанцаў 1863–1864 гг. знаходзілася за горадам. Цяпер гэта раён галоўнага паштамта” [1, с. 461]. Каб патлумачыць, чаму горад зараз не багаты на гістарычныя помнікі, пісьменнік заўважыў: “Мінск у вайну змагаўся гераічна. Мінск гераічна ўставаў пасля вайны з попелу” [1, с. 464]. Першай сталіцай Беларусі Караткевіч лічыў Полацк, у якім даўніна цяпер заслانیлася сучаснасцю: “Ясна, што сівая даўніна – галоўнае, на чым стаіць гэты горад. Але яе не кожны адразу заўважыць. Затое адразу кінуцца ў вочы навічку шырокія зялёныя вуліцы, новыя дамы, карпусы завода шкловакна і іншых шматлікіх заводаў” [1, с. 466]. Полацкая Сафія – сястра Кіеўскай і Наўгародскай: “Многае змянілася за стагоддзі,

храм нібы “асеў” . У скляпах ягоных была ў свой час адна з найлепшых нашых старажытных бібліятэк. Яе спалілі ў свой час езуіты. Дзіўна! Якімі б метадамі яны ні карысталіся, як бы мы тыя метады ні ненавідзелі – манахі гэтага ордэна былі аднымі з самых адукаваных людзей Сярэднявекі” [1, с. 465]. Аўтар захапляўся саборам Спас-Ефрасінні з прыгожымі фрэскамі: “Калі сонца праз невялікія вокны трапляе ўнутр сабора, гэтыя фрэскі загарваюцца бяжывым чырванню і ржавым золатам. Нібы праз залаціста-карычневую, празрыстую ваду глядзяць на вас нечалавеча вялікія задумлівыя вочы нашых продкаў” [1, с. 465]. Як ураджэнец Віцебшчыны пісьменнік на трэцяе месца па значнасці сярод беларускіх гарадоў паставіў свой абласны цэнтр. Ён азначаў Віцебск як горад майстроў, горад-памежнік: “Вечная крэпасць, вечны фарпост на шляху заваёўнікаў. Важны гандлёвы пункт на шляху «з вараг у грэкі». Вялікі культурны цэнтр. Нездарма ў ім знойдзена так многа старажытных берасцяных граматаў і надпісных прасліцаў. Жыхары Віцебска славіліся ўпартай мужнасцю і ваяўнічасцю. Удзельнічалі яны ў бітве на Няве, на Чудскім возеры, грамілі крыжаносцаў у Юр’еве, шмат разоў паўставалі супраць сваіх феодалаў” [1, с. 467]. Аднак горад праславілі не толькі ратнікі: “Менавіта тут зарадзілася сярод усходніх славян майстэрства рэльефнай, шматкаляровай кафлі (так званая «цанінная справа»). Беларускія даўнія майстры неслі яе і да суседзяў. Так, майстар Ігнат сын Максімаў з Копысі разам з сябрам Сцяпанам, сынам Іванавым з Мсціслаўля прынеслі гэту штуку нават у Маскву, дзе яны і пабудавалі, упрыгожыўшы цанінаю, такія шэдэўры, як нябесна-сіні Круціцкі керамак, некаторыя крамлёўскія палацы, будынкі ў Тройца-Сергіевай лаўры і сабор Нова-Ерусалімскага манастыра” [1, с. 467–468]. З гонарам за землякоў пісьменнік паведамляў, што майстры Віцебскага дыванавага камбіната ўзнагароджаны дыпламамі ў сталіцы дыванавага ткацтва Дамаску. У. Караткевіч асмеліўся нагадаць і пра славутых мастацтваў: “Віцебск – горад старых мастацкіх традыцый. Працавалі тут, у прыватнасці, Ю. Пэн, М. Дабужынскі, славуты К. Малевіч, не менш славуты М. Шагал і некалькі год І.Я. Рэпін, маёнтак якога, Здраўнёва, быў непадалёку ад Віцебска” [1, с. 468].

Кароткі нарыс пра “горад магілы льва” пачынаўся пераказам легенды пра яго паходжанне і гістарычнымі звесткамі: “Магілёў узнік на месцы старога замка ў 1267 годзе. Гісторыя яго бурная і крывакая. Напады войск, змова з казацкімі атаманамі (1590 г. – з Мацюшкам Гультаём, у 1595 г. – з Севярынам Налівайкам). Чатыры гады бунтаваў горад на пачатку XVI ст., і пасля чатыром кіраўнікам адсеклі галовы, а набатным званам выдзерлі языкі” [1, с. 469]. Караткевіч падкрэсліваў, што Магілёў заўсёды адыгрываў прыкметную ролю ў гісторыі: “На Магілёўскім падоле стаіць Мікольская царква, бліскучы ўзор беларускага барока. З ёю звязаны яшчэ адзін эпізод гісторыі. Пры ёй, у «Цярэшка, каторы проскуры заведаль», жыў некаторы час у бязвядамнасці сціплы школьны настаўнік Дзмітр Нагі. Тут зарадзілася яго «ідэя», тут ён пачаў яе выконваць і, магчыма, атрымоўваць інструктаж ад пэўных колаў і грамадзкіх папярэнікаў. Каб пасля ўзляцець на адну з вяршынь зямной магутнасці пад імем цара Дзмітрыя, а пасля бясслаўна ўпасці з яе як Лжэдзімітрый II. Былі тут і шведы і іншая навалач – але пра гэта доўга, ды і цяжка раскажашы. У Вялікую Айчынную вайну горад дужа доўга (25 дзён, з 1-га па 26-га ліпеня 1941 г.) трымаўся, быў моцна разбураны, і помнікаў старажытнасці ў ім мала” [1, с. 469–470]. Адзначаў пісьменнік і ўнёсак горада ў развіццё культуры, захаванне памяці пра мінулае, значным культурным цэнтрам называў мясцовы музей.

Гомель ва ўспрыманні пісьменніка – “горад зеляніны і вады”, “горад стары (1142 г.) і дужа маляды, вельмі гожа” [1, с. 471]. Славаццю горада аўтар называў парк, закладзены ў 1780 годзе: “Сто розных парод дрэў, у тым ліку пірамідальныя дубы, гінкго, коркавае дрэва і г.д. Гроты, аранжарэі, вісячыя масты над ярамі, ператворанымі ў лебядзіныя сажалкі” [1, с. 471]. Не без гонару пералічваў помнікі архітэктуры: “Петрапаўлаўскі сабор пачатку XIX ст., гэтакі Ісакій у мініяцюры (цяпер тут планетарый), магілёўскі графаў Паскевічаў, труба яго былога завода, пабудаваная як мінарэт, з якой адкрываецца галавакружны пейзаж. І, нарэшце, класіцыстычны палац XVIII ст. Румянцаў пабудоваў, калі Екацярына II падарыла яму значную частку Гомельшчыны... 70 залаў, аздобленых карарскім мармурам, золатам, каштоўнымі пародамі дрэў, ага-там” [1, с. 471]. Прыводзіў пісьменнік і мала вядомы тады большасці чытачоў факт: “У асобным крыле палаца, упрыгожаным вітражамі, была бібліятэка, якую Румянцаў пасля перавёз у Маскву. Вельмі і вельмі багатая, яна складала падмурак Румянцаўскай бібліятэкі. Цяпер гэта Дзяржаўная бібліятэка СССР імя Леніна” [1, с. 471]. Гомель для пісьменніка – уважанае айчыннае прамысловае цэнтра.

Брэст характарызаваўся як “брама краіны”: “Гэтая зямля спрадвеку ўсыпана магіламі, курганамі, згубленай у баі зброяй. Каго тут толькі не было?! Нават готы ў другім стагоддзі ішлі тут са сваёй туманнай поўначы да Чорнага мора, а потым, калі паўдзённыя плямёны турнулі іх, – зноў каціліся на поўнач. Археолагі выкапалі ў скарбе другога стагоддзя наканечнік дзіды з рунічным надпісам: “Наперад!”. А на такім жа наканечніку чацвёртага стагоддзя, тыя ж вуглаватыя суровыя руны: “Назад!” [1, с. 474]. Брэсцкая крэпасць, паводле пісьменніка, – візітная картка горада: “Дарэчы, крэпасць ляжыць якраз на месцы таго Бярэсця, якое ўжо ў 1019 годзе ўпамінаецца як до-сьць вялікае пасяленне. Іменна там жылі мастакі-рамеснікі і мужныя воіны, якія ў 1241 годзе паляглі да апошняга, не здаліся манголам і тым далі магчымасць жыхарам Слуцка, Крычавы і іншых гарадоў адбіцца, а пасля перайсці ў наступ і не пусціць орды Батэя на тэрыторыю будучай Беларусі. Іменна там жылі тыя, што выставілі свай полк пад Грунвальд, што біліся з Карлам XII, ішлі з косамі пад сцягі Касцюшкі” [1, с. 474]. Нарыс пра Брэст цалкам заснаваны на акцэнтаванні змагарнага духу насельнікаў горада ў даўнія часы і ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны.

У. Караткевіч іранічна заўважыў на пачатку апаведу пра Гродна: “Упершыню яго ўпамінаюць у 1128 годзе, але гэта ўжо быў вялікі горад, што склаўся куды раней, таму што быў сталіцай удзельнага княства Гарадзенскага. Проста дзіўная манера ў нашых летапісаў і ў нашых гісторыкаў. Першае ўпамінанне аб горадзе – гэта абавязкова тое, што яго нехта ўпершыню спаліў, аб царкве – што “згарэла ад шыбення перуну”. Словам, вясёлыя былі тыя часы...” [1, с. 477]. Гродна прадстае горадам таленавітых майстроў у мінулым, багатым на гістарычныя помнікі горадам: Каложская царква XII стагоддзя, Гродзенскі фарны касцёл, комплекс манастыра брыгітак, замак Стэфана Баторыя з музеем у ім, дзе “можна хадзіць гадзінамі і глядзець то на трохсотгадовае крэсла з рэльефам – крыху карыкатурным – панскай п’янкі, выразанай на спінцы; то на прадметы побыту першанасельнікаў, то нават на кубак М. Агінскага, дзядзькі аўтара славутага “Паланеза”, які таксама быў кампазітарам і, у дадатак да таго, вялікім літоўскім гетманам. На ганку музея – гарматы, у свой час, патопленыя Пятром I” [1, с. 481]. Гродна пісьменнік атэставаў і старадаўнім цэнтрам вальнадумства і гуманізму: “Выдаваліся (1567 г.) брашуры, у якіх адмаўлялася ўлада, усхвалялася свабода веры, агульнасць маёмасці, прапаведвалася аддзяленне касцёла ад дзяржавы, гаварылася, што розніцы не павінна быць між каралём і народам, шляхтай і плебеямі... У Гродні жыў беларускі філосаф атэіст Кашпар Бекеш” [1, с. 479].

Да самых цікавых і “рамантычных” з малых беларускіх гарадоў пісьменнікамі аднесены Навагрудак, Нясвіж, Слонім, Мазыр, Рагачоў, Мір, Давыд-Гарадок. Навагрудак – таму, што быў калісьці “сталіцай княства Літоўскага”, што з ім звязаны біяграфія і творчасць Адама Міцкевіча, што там знаходзіцца касцёл, у якім вячаўся князь літоўскі і кароль польскі Ягайла, што паблізу возера Свіцязь. Прыгадваючы вядомую легенду пра возера, Караткевіч даваў ёй матэрыялістычнае тлумачэнне: “Чаму ў нас так многа “гарадоў на дне азёр”? Ну што ж, на Беларусі, як і ўсюды, ёсць вапнякі, а значыць, яны вымываюцца вадой, а значыць, магчымы і карставыя з’явы, правалы. Можна, некаторыя з азёр і атрымаліся так, можа, на месцы некаторых і стаялі прыбудовы. Астатняе зрабіла неўтаймоўная народная фантазія” [1, с. 486]. Слонім на беразе Шчыры пісьменнік называў “цацкай”, “сямісотгадовым юнаком”: “Чыстая вада з зялёнымі косамі водарасцяў, што звяваюцца ад хуткасці плыні, амывае яго, бягуць угору і ўніз маляўнічыя вулачкі, бялеюць вежы. Галоўным чынам беларускае барока XVI–XVII стст., але не вычварнае і раскошнае, а простае і строгае” [1, с. 486]. Нясвіж характарызаваўся як горад-помнік, Мазыр – як міні-Кіеў, Давыд-Гарадок – як царства кветак.

Акадэмік Д.С. Ліхачоў слушна заўважыў: “Гісторыя – маці каштоўнасных меркаванняў, маці разумення, маці эстэтычнага ўспрымання твораў” [2, с. 39]. Эстэтычная рэпрэзентацыя беларускіх гарадоў у “Зямлі пад белымі крыламі” ўгрунтавана на выкарыстанні гістарычнага матэрыялу і мастацкіх абагульненняў з устаноўкай на кампліментарнасць у дачыненні да нацыянальнага кантэксту. У. Караткевіч артыкуляваў думку пра багатую гісторыю айчынных гарадоў, пра важнасць захавання гістарычнай памяці, помнікаў старадаўняй культуры, незалежна ад іх свецкага ці рэлігійнага характару. Апавед быў заснаваны на супастаўленні мінулага і сучаснага, акцэнтацыі няспынанасці жыццёвага руху, павязі мінулага і сучаснага. Мастацкая панарама гарадоў у творы – адмысловая гістарыяграфічная крыніца пра каштоўнасныя параметры горада як цэнтра ідэнтыфікацыі этнасу і яго культуры.

1. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987–1991. – Т. 8. – Кн. 1. – 1990. – 591 с.
2. Ліхачев, Д.С. О филологии / Д.С. Лихачев. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.

Талерко В.А.

ГОРОД В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В. БЕРГЕНГРЮНА «СМЕРТЬ РЕВАЛЯ»

Познание движения истории бесконечно, интересно и необходимо, т.к. это изучение развития человеческого общества. Город представляется одним из мест такого человеческого общества, существующий по определённым правилам, в определённое время и в определённом пространстве. При этом может исследоваться практически всё, что составляет понятия «город» и «городская жизнь», как архитектурная составляющая городского ландшафта, способы управления городом, роль и образ жизни жителей города и многое другое. Данный реферат предлагает проанализировать историю одного города на материале сборника рассказов и показать возможные точки соприкосновения исторической и литературоведческой мысли.

Не удаётся установить, когда и как долго Вернер Бергенгрюн, один из самых значительных немецких писателей балтийского происхождения, бывал в Ревале, ныне Таллинне, но знание некоторых важных городских мест и упоминание известных для истории города событий позволяют предположить личное знакомство писателя с жизнью Ревалья.

По сравнению с лирическими циклами (см. работы В.А. Сапогова, Л. Ляпиной, И. Фоменко и др.) сборник прозаических текстов является литературоведческой лакуной. Под сборником прозаических произведений можно понимать тип эстетического целого, представляющий собой ряд самостоятельных произведений, созданных одним автором и скомпонованным им в определённой последовательности [2, с. 165]. Сборник «Смерть Ревалья» необходимо рассматривать как единый текст, состоящий из отдельных самостоятельных рассказов, объединённых общим названием, эпиграфами, вступлением и заключением. Вне всякого сомнения, каждый рассказ может иметь самостоятельное прочтение, но глубинный смысл, способ общения автора с читателем, разнонаправленность авторской мысли и единство авторского намерения могут раскрыться только при прочтении сборника в целом. В заглавие выносятся два важнейших для сборника понятия: «смерть» и «город (Реваль)». Сборник имеет тщательно обдуманную структуру и состоит из следующих частей:

1. Вступление от автора «Об этой книге»
2. Название сборника «Смерть Ревалья», подзаголовок «Курьёзные истории из одного старого города»
3. Три эпиграфа.
4. Девять рассказов:
 - 1) Город мёртвых
 - 2) Рассказ о жизни и смерти одного замечательного человека
 - 3) Морской чёрт
 - 4) Прибежище Якубсона
 - 5) Удивительный приют
 - 6) Кадри в проруби
 - 7) Шнайдер и его обелиск
 - 8) Голова
 - 9) Жёлтая предводительница мёртвых
5. Заключение «Прощание».

Вступление можно разбить на три тематические части:

- обещание погружения читателя в мир тайн и призраков (этот аспект не находит подтверждения на страницах сборника);
- представление нескольких действующих лиц рассказов, как ещё живых, так и уже усопших;
- напоминание читателю о том, что все смертны и пополнят население кладбища.

Таким образом, усиливается тема смерти и задаётся мотив старого, умирающего города.

Подзаголовок «Курьёзные истории из одного старого города» настраивает читателя на лёгкое, развлекательное прочтение рассказов, не смотря на заявленную, непринятую для насмешек, тему. Толковые словари как немецкого, так и русского языка определяют слово «курьёзный» как забавный, смешной (случай). Здесь следует упомянуть, что рассказы или анекдоты о чудаках, так называемых Pratchen, относятся к любимым традициям балтийских немцев. Например, балтийско-немецкая писательница Гертруд фон ден Бринкен (Gertrud von den Brincken) приводит в своём романе «Бессмертные леса» (Unsterbliche Wälder) следующую цитату: „Ein Balte – ein Sonderling; zwei Balten – ein Duell; drei Balten – ein feste Burg...“ (Один балтиец – чудака, два балтийца – дуэль, три балтийца – твёрдая крепость) [3, S. 239].

Два эпиграфа, написанные в традициях рифмованных девизов «Плясок смерти» имеют прямое указание на предположительно древний Ревальский источник. К Пляскам смерти приглашается всё живое в этом городе. Третий эпиграф из книги Роденштайн (немецкое сказание о привидениях) «У каждой смерти свой смех» вновь снимает мотив трагичности смерти и обращается к живому, т.к. смеяться могут только живые люди. Истории рассказываются не для тех, кто живёт в Ревале: указание на расположение города «высоко на севере, высоко на востоке, город у моря» [1, S. 9] сообщает пространственную отдалённость города и изображаемых событий от самого автора и от читателя, к которому он обращается.

Все девять центральных рассказов построены по традиционной нарративной схеме, в которой прослеживается временная последовательность, описание места, времени действия, персонажи, конфликт, его разрешение и оценка автора.

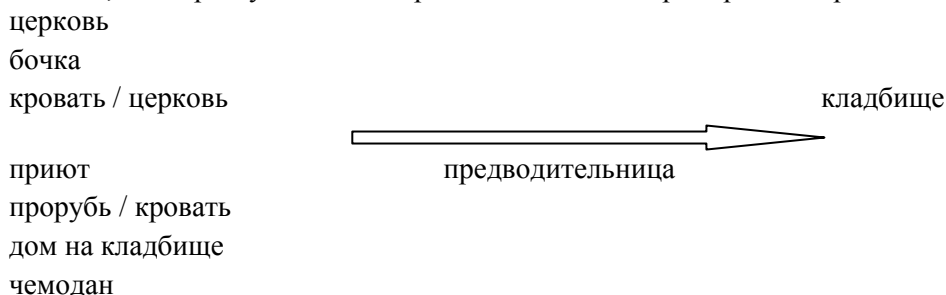
Пространство города в литературе характеризуется особой атмосферой, создаваемой особенно значимыми для горожан зданиями, важными улицами, упорядоченностью городской жизни и самими жителями – персонажами литературных произведений, часто воспринимаемыми как некая общность: москвичи, берлинцы, рижане и т.д. Надо сказать, что Бергенгрюн ни разу не называет жителей города горожанами или ревальцами. На страницах рассказов Бергенгрюна немного городских зданий, которые имеют большое значение для повествования. В первую очередь, это знаменитая замковая гора, как место концентрации руководства города. Несомненно пространственное разделение Верхнего и Нижнего горда как разграничение властей и простого люда. Верхний город у Бергенгрюна является местом расположения то немецких, то русских властей, по сути, мало отличающихся друг от друга, одинаково далёких от описываемых курьёзных событий и меняющихся в зависимости от того, к какому государству относился город в разные моменты своей истории.

В географической легенде города упоминаются только немецкие названия: Katharinental (Кадриорг), Tischer – устье реки Наровы, St. Brigitten – монастырь святой Бригитты – места воскресных прогулок и отдыха горожан, а так же St. Nikolai-Kirche – лютеранская церковь Святого Николая. Согласно этим названиям город понимается немецким, с упорядоченным разделением времени на труд, отдых и молитву.

На тёмных и пустынных городских улицах, однако, обитают люди, главная характеристика которых заключается в их вербальной коммуникации друг с другом. Все глаголы употребляются в неопределённо-личной форме, выражаемой в немецком языке при помощи местоимения man: говорили, упрекали, выбалтывали тайны, шутили, рассказывали, вспоминали и т.д. Общение происходит в клубе, в магазине, в питейных заведениях, в городском совете, реже на улице и дома. Единственное упоминание языка общения приводится в рассказе «Убежище Якубсона», где на эстонского бродягу одинаково громко ругаются богатый немец и бедная русская, причём немец переходит на русский язык. Можно сделать вывод о том, что за немецким фасадом вывесок и названий живёт многонациональный город, в котором главным является взаимопонимание, желание помочь друг другу, поиск соратников и друзей.

Город не является закрытым пространством. Сюда приходят со своим товаром рыбаки, сюда приходят в питейные заведения, но не для того, чтобы выпить, а для радости [1, S. 57], для того, чтобы побыть среди других людей, показать красивый, новый наряд [1, S. 115]. Однако город всё больше закрывается в собственных границах, что понимается из сравнения морских походов из гавани Ревала раньше (далёкие походы) и сейчас (рыбалка поблизости от города) [1, S. 58].

Анализ художественного пространства каждого рассказа показал, что в городе есть места, которые можно рассматривать как место перехода из состояния «жизнь» в состояние «смерть». Конечным пунктом или «точкой невозврата» является городское кладбище. На следующей схеме обозначены места, в которых усопший задерживается на некоторое время в городском пространстве:

Лютеранская (бывшая католическая церковь), в которой можно было в течение десятков лет рассматривать нетленный труп герцога фон Кроя, давно стала местом паломничества как местных жителей, так и туристов разных национальностей и из разных стран. Из бочки, в которой находился труп капитанши, пили коньяк все матросы корабля. В кровати умершей немецкой вдовы, снимавшей комнату у русской вдовы, находит убежище от преследователей местный попрошайка Якубсон, человек неизвестного происхождения. В церковь на прощание с немецкой вдовой приходят и Якубсон, и русская православная вдова, что не вызывает особого возмущения у собравшегося немецкого общества. В приюте для мнимоусопших ждали всех вернувшихся с кладбища, независимо от их национальности и вероисповедания. В проруби, куда свалилась жена рыбака Каддри, может утонуть любой человек. Не желая идти на грязную сделку со старостой деревни, рыбак Тённо вытаскивает свою жену через неделю из проруби и помещает её на кровать, чтобы организовать достойные похороны. Господин Шнайдер, построивший у могилы своей жены небольшую хижину, практически живёт на кладбище. На обелиске будут высечены и его лицо, и лицо его первой шведской жены, и лицо его второй эстонской жены, и её второго мужа неназванной национальности. Голова писателя Магнуса Рутца отправляется в чемодане в родной Реваль в качестве главного экспоната для его собственного будущего музея. Она должна была разместиться в его некогда родительском доме, ныне в здании корсетной фабрики, но чемодан будет безвозвратно утерян. Таким образом, прослеживается своеобразная игра со смертью, стремление затянуть прощание с реальным миром, оттянуть момент точки невозврата. В этом же звене и домик на кладбище, в котором господин Шнайдер реконструирует любимые привычки умершей жены, продолжая с ней своеобразное виртуальное общение.

Кладбище становится местом неизбежного рока, оно постепенно заменяет город живых людей на оксюморонную формулу «город мёртвых» [1, S. 9], где самым важным определением становится слово «постоянство»: постоянство места, вечность как постоянство времени, гробовое молчание и т.д. Кладбище расширяется, выходит за свои границы и наступает на пространство города, что подтверждают места, приведённые в схеме выше.

Между местом «временного пребывания» и кладбищем имеется соединительное звено – «жёлтая предводительница мёртвых». Вдова неизвестно где похороненного офицера, всегда в жёлтом плаще, сопровождала на кладбище всех усопших, независимо от их состояния, сословия, национальности и вероисповедания, своеобразно выполняя функцию Харона, перевозчика мёртвых в другой мир. «Временное пребывание» всегда заканчивается неожиданно, трижды под воздействием внешней силы, к которой можно отнести полицейское решение о закрытии приюта для мнимоусопших, разрушение домика господина Шнайдера на кладбище и попытку сговора старосты с рыбаком Тённо в обход представителей русской и немецкой власти. Вмешательство русских властей приравнивается к чуме и к голоду, что вызывает ожесточённую борьбу горожан за кусок хлеба и появление новых, серьёзных и практично думающих людей. С их приходом меняется лёгкое, весёлое отношение к жизни в городе, к необдуманным растратам и человеческим слабостям, меняется вся городская атмосфера. Именно эти люди настаивают на окончательном захоронении герцога фон Кроя, именно вмешательство русской полицейской власти останавливает похоронную процессию для дополнительного врачебного освидетельствования покойника. Вовремя несостоявшееся погребение, нарушение привычных ритуалов привело к смерти «жёлтой предводительницы мёртвых». Конфликт «свои» и «чужие» затушёван, но становится понятным в соединении со временем написания и опубликования сборника автором. Рассказы написаны в 1931-1935 годах, опубликованы лишь в 1939 году, в сентябре которого между Эстонией и СССР был заключён Пакт о взаимопомощи, предусматривающий размещение советских войск на территории Эстонии, т.е. новый приход русской власти. Это вновь означало нарушение привычного образа жизни города.

Город предстаёт как предмет игр более значимых игроков, чем каждый отдельно взятый персонаж. Общность жителей проявляется только в их вербальном общении, в прогулках выходного дня и в посещении похорон. Немцы, о которых идёт речь в рассказах, выделяются из общей массы городского населения, но они уже относятся к населению кладбища, т.е. не рассматриваются как субъекты актуальных действий. Упоминание о возвращении на этническую родину члена городского совета, опекуна знаменитого тогда Ревальского театра, является предвидением массового переселения балтийских немцев в октябре 1939 года. Приход новой власти в Реваль, как и грядущие события Второй мировой войны воспринимались Бергенгрюном как

смерть привычных отношений, а нахождение Ревалю и Эстонии в целом в положении ожидания, несомненно, повлияло на создание сборника «Смерть Ревалю». Примирение с ситуацией, с её трагизмом, с ожиданием неизбежного конца, возможно, по мнению автора, только при помощи смеха: «Смех устанавливает доверительные отношения» [1, S. 11], отсюда и подзаголовок сборника: «Курьёзные истории». Налицо прямое указание автора на потерю доверия друг к другу, как на бытовом уровне, так и в межгосударственных и межнациональных отношениях.

Для Бергенгруна приход русской власти означает потерю городского, т.е. немецкого своеобразия, о чём он вскользь упоминает в рассказе о герцоге фон Крое: один из многочисленных губернаторов города, назначенный ещё русским царём, ставил перед собой задачу лишить немцев ещё оставшихся привилегий и сделать эстонскую губернию подобной Калужской, Тамбовской и Полтавской [1, S. 53]. Сборник заканчивается «Прощанием» и начальными словами католической заупокойной молитвы *Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis* (Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им), окончательно подводя черту под старым образом жизни в Ревале. Эти слова могли быть произнесены над могилой герцога фон Кроя, ставшего символом прошлой жизни, эти же слова означают прощание со старым образом жизни в самом городе. Бергенгрун связывает смерть города с внешней силой, придавая ей национальные черты, ощущая угрозу со стороны большевистской России. Изменение названия города с немецкого Реваль на эстонское Таллин(н) с приходом советской власти означало отказ от прежней истории города, что и предвидел Вернер Бергенгрун на страницах своих рассказов.

1. Bergengruen, Werner. Der Tod in Reval. – Frankfurt am Main: Fischer, 1956. – 176 S.

2. Ляпина Л. Е. Проблема целостности лирического цикла // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. – Донецк: Издательство Радянська Донеччина, 1977, с. 164-166.

3. Brincken von den, Gertrud. Unsterbliche Wälder. – Stuttgart: Franckh'sche Verlagshandlung, 286 S.

Котович Т.В.

СПЕКТАКЛЬ КОЛАСОВСКОГО ТЕАТРА “ЗВАНЫ ВІЦЕБСКА”: НАКАЗАНИЕ ГОРОДА И ЛИШЕНИЕ ЕГО МАГДЕБУРГСКОГО ПРАВА

Спектакль “Званы Віцебска” был поставлен на сцене Национального академического драматического театра имени Якуба Коласа (тогда Белорусского академического драматического театра имени Якуба Коласа) в 1974 году к празднованию 1000-летия города. Это было масштабное мероприятие республиканского масштаба, город преобразовывался внешне, строились новые многоэтажные дома, была создана площадь Победы, тогда самая большая по размерам площадь в Беларуси, с потрясающим ландшафтным дизайном. Воодушевление в Витебске было в те дни высоким, наполненным гражданским пафосом и огромной любовью к своему городу с гордостью за его историю. Поэтому спектакль оказался не просто историческим знаком и не только особой постановкой национального смысла, но и символом в контексте всех обстоятельств подъема нравственного настроения горожан. Именно отношение к этому спектаклю является этическим источником оценок состояния городской культуры второй половины 1970-х, интеллигентской среды Витебска того времени и уровня эмоционального чувства жителей города и зрителей в театральном зале.

Спектакль “Званы Віцебска” стал переломной постановкой, после которой и репертуар театра изменился в сторону произведений, характеризующих национальное самосознание. Произведение Владимира Короткевича было специально написано для Коласовского театра, долго держалось в репертуаре, никакой другой театр не обращался к пьесе, и поэтому спектакль стал особенным брендом театра. С него и начались профессионально тесные отношения коллектива с знаковым белорусским писателем. Владимир Короткевич сам присутствовал на репетициях спектакля, вносил правки в текст, привыкал к специфике театральных монологов и диалогической сценической речи. Это был особенный опыт и для театра и для автора драматического текста.

“Званы Віцебска” – спектакль о восстании горожан 1623 года против унии, закончившегося убийством Иосафата Кунцевича и лишением города Магдебургского права.

На сцене не было ни единого элемента декорации или какого-либо объекта, атрибута театрального реквизита. Не было традиционно используемого в театре расписного задника (например, с городскими пейзажами и пр.). Только на закрытой темно-коричневым холстом задней сценической стене висели не сразу видимые глазу из зала канаты-плети от языков колоколов, скрытых где-то там за штанкетами сцены, высоко, невидимых, существующих виртуально. Колокола так и останутся невидимыми. Символом свободы. Символом восстания. И мы не увидим, как их сбросят. И для нас они останутся и символом жизней горожан – участников восстания.

В самом начале спектакля состоится интродукция, предвещающая трагедию, служащая эпиграфом к событиям, воссозданным на сцене – площади, пустой, а потом постоянно наполняемой народом. Интродукция – это пластический этюд, который исполняет актер Болеслав Севко (Звонарь): он начинает колокольный звон, он мечется среди канатов-плетей, связывая их, и над залом раздаётся сильный и мощный колокольный звон как призыв, как прощание, как похоронный металлический звук. Этот пластический этюд концентрирует в себе все разворачивающиеся события, все судьбы персонажей, весь смысл восстания, весь протест против Кунцевича, всё правдание его убийства и преступление этого убийства. Пластический этюд в напряженном ритме, в мятежной стати Звонаря, в изломе его рук, в упоре его ног, в его запрокинутом лице – пластический этюд выражал и предстоящее наказание города, когда будут лишены голов его жители и город будет лишен своей головы – главного колокола.

Площадь быстро заполняется людьми, услышавшими призыв, они уже готовы к протесту, в их сердцах уже созрел план сопротивления унии, они уже знают своего врага – Иосафата Кунцевича.

Весь спектакль построен на статике, прерывающейся динамикой (режиссер Валерий Мазынский, сценограф Александр Соловьев): колышущаяся масса в коричневой гамме кожаных костюмов ремесленников [1] и одинокая недвижимая фигура Кунцевича в зонах молчания.

Несмотря на то, что в те времена Кунцевич воспринимается и декларируется авторами как враг города и веры, в спектакле он является центральным персонажем. Актер Владимир Кулешов, высокий, необыкновенно красивый внешне, с огромного диапазона бархатным голосом центрирует этот спектакль, все персонажи концентрическими кругами располагаются и множатся вокруг его фигуры как вокруг главной оси. И трагедия Иосафата Кунцевича не просто вплетается в трагедию города и восстания, а еще и становится равнозначной античной трагедии. Это происходит и благодаря актерской игре, и благодаря цветовой симфонии, созданной художником спектакля.

Александр Соловьев приближает смысл произведения к уровню греческого мышления с помощью особенного колорита спектакля. Так, основная цветовая масса – охра, темный цветовой фон [2]. Это – колер земли, праха, кожи костюмов, канатов, головных уборов и кулис. В эту цветовую субстанцию помещаются три локальных цвета: белый, чёрный и красный. Это колеры суган Иосафата Кунцевича. Они меняются в зависимости от семантики конкретного эпизода, от состояния персонажа, от уровня его психологического напряжения.

Городская сумасшедшая Евга Бабук (Валентина Петрачкова) продолжает образ Звонаря, и сразу после пластического этюда появляется на сцене, мечется среди горожан, занятых обсуждением плана восстания, обращающихся к залу за поддержкой (отчего все в зале тоже становятся как бы участниками заговора), со словами “Все вы здесь без голов ходите!!!” Никто не обращает внимания ни на нее, ни на ее слова, а она лепечет еще что-то. Не обращают внимания не потому, что не хотят верить ее предвидениям, а потому что даже понимая конец своего протеста, всё равно готовы на всё. Ради веры, ради города. Иосафат Кунцевич для них – персонафикация предательства, насилия, отступничества.

В этой полной смятения массе мы не различаем отдельных героев, хотя у каждого из них есть и свой характер, и определённые индивидуальные черты, и свои лидеры и глашатаи. Все они в спектакле – воплощение города, и это для постановщика главное. Они – единый, на самом деле, персонаж, они – плотная стена противостояния главному герою, который в данном произведении является анти-героем.

Главный герой – ремесленники города, жертвы, принесенные на алтарь свободы, и жертвы, из-за которых сам город станет жертвой и свободы лишится.

И вместе с тем постановщики не в силах погрешить против исторической, человеческой и психологической правды характеров и обстоятельств. Вот почему персонально главным героем является Иосафат Кунцевич. Этот красивый, интеллектуальный и харизматичный человек отстаивает свою правду, правду своей веры и своего понимания истории.

Таким образом, смысл спектакля уходит от по-разному в разные эпохи понимаемых событий восстания (сейчас Иосафат Кунцевич признан Католической церковью святым) и переводит внимание зрителей на уровень общечеловеческий: трагедия неумолимо влечёт всех на край бездны, все люди оказываются под властью своих аргументов, все правы и неправы одновременно, как это и бывает в истории, общей и частной. Спектакль называется “Званы Віцебска”. С белорусского это название переводили в афишах во время гастролей по-разному – “Колокола Витебска” или “Витебский набат”. В этих всех названиях звучит главная правда – история города, одна из его исторических драм через частные судьбы его жителей. Сколько еще страшных страниц перелистает этот город. И на его главной тогда площади перед Ратушей будет стоять не только мемориальная доска с памятной надписью о восстании 1623 года, но и камень памяти о повешенных здесь подпольщиках во время оккупации Витебска в середине XX века. Сколько еще в городе таких страшных мест, гетто и концлагерей.

Смысл спектакля, его пафос, его скрытый и явный драматизм, его колокольный звон, его цвет, трубные голоса его актеров в середине 1970-х гг. сосредоточили и воплотили именно судьбу Витебска. Поэтому самым главным героем спектакля является город.

1. Котович, Т.В. Сценография. Витебск / Т.В. Котович. – Витебск : УО “ВГУ им. П.М. Машерова”, 2011. – 112 с.
2. Малей, А.А. Цвет в белорусской сценографии / А.А. Малей. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – 138 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеев Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Агеенко Татьяна Николаевна – ведущий научный сотрудник Национального архива Республики Беларусь, г. Минск.

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета (РФ).

Алентьева Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Курского государственного университета (РФ).

Амбарцумян Каринэ Размиковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Андрейченко Владимир Владимирович – научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея.

Анофренко Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Антонович Зинаида Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Ануфриева Ольга Валерьевна – старший научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея.

Архинова Татьяна Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Барановский Александр Викторович – магистрант исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Безматерных Дарья Александровна – ведущий палеограф Национального исторического архива Беларуси, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск.

Бобина Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова, г. Николаев (Украина).

Богданович Татьяна Владимировна – докторант Латвийского университета, г. Рига (Латвия).

Богдашина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Боровко Ванда Юльяновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Брянцев Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (РФ).

Бувич Татьяна Владимировна – заместитель директора Государственного архива Витебской области.

Булатый Павел Юрьевич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Бытко Сергей Станиславович – аспирант Нижневартковского государственного университета (РФ).

Валуев Демьян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета (РФ).

Василицына Любовь Александровна – аспирант кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Вашкевич Виктор Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и философии образования Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова, г. Киев (Украина).

Вовк Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Воронов Виктор Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Гагуа Руслан Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета, г. Пинск.

Галиева Диана Сагидовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (РФ).

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (РФ).

Гончарова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Украины Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Городецкий Виталий – доктор философии (PhD), президент Международной инициативной группы «Шагал 2012», г. Лос-Анджелес (США).

Гребень Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Давидовская Ольга Николаевна – главный хранитель фондов Витебского областного краеведческого музея.

Десятков Константин Станиславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (РФ).

Довнар Александр Борисович – кандидат исторических наук, заведующий отделом источниковедения и археографии Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Долгач Татьяна Валентиновна – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (РФ).

Дудка Алёна Леонтьевна – библиотекарь 1-й категории Витебского областного краеведческого музея.

Дулов Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Евстратьев Олег Игоревич – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, г. Минск.

Егоров Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России (РФ).

Ермалёнок Витольд Антонович – учитель истории, руководитель музейного объединения Миорской средней школы № 3, г. Миоры, Витебская область.

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета (РФ).

Жилевич Ольга Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Полесского государственного университета, г. Пинск.

Журба Олег Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина).

Здасюк Наталья Михайловна – старший преподаватель кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Зимницкий Александр Антонович – аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы, старший научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь, г. Минск.

Зубко Ольга Евгеньевна – кандидат исторических наук, специалист Центра международных связей и деятельности Винницкого национального аграрного университета (Украина).

Ивашенко Виктория Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии, директор музея истории Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Каплиев Алексей Александрович – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Карапузова Анна Геннадьевна – директор Государственного архива Брестской области.

Карпекин Константин Григорьевич – кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области.

Кепин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Национального научно-природоведческого музея НАН Украины, г. Киев (Украина).

Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН, г. Москва (РФ).

Китиченко Татьяна Сергеевна – преподаватель истории и географии Харьковского государственного высшего училища физической культуры № 1 (Украина).

Комиссаренко Аркадий Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва (РФ).

Король Маргарита Михайловна – старший научный сотрудник Национального исторического архива Беларуси, г. Минск.

Космач Веньямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Костякова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, г. Абакан (РФ).

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Красильников Игорь Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета (РФ).

Краско Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск.

Криворот Анатолий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Кузнецова Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Даугавпилсского университета (Латвия).

Кулинок Святослав Валентинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации, г. Минск.

Кухаренко Артур Андреевич – кандидат исторических наук, ведущий специалист Главного управления науки, старший преподаватель кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Латушкин Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Латыш Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории зарубежной украинистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Латышева Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лахно Андрей Николаевич – магистр истории факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар (РФ).

Литвина Наталья Викторовна – старший научный сотрудник, заведующий межкафедральной археографической лабораторией исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Архива РАН, г. Москва (РФ).

Литвинова Татьяна Федоровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Украины Днепрпетровского национального университета имени Олеса Гончара (Украина).

Луговцова Светлана Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лукашевич Андрей Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Тульская область (РФ).

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (РФ).

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (РФ).

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Матюшевская Мария Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Менжинская Юлия Владимировна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Меньчеля Сергей Викторович – старший преподаватель кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета, г. Минск.

Мизис Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (РФ).

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону (РФ).

Минц Светлана Самуиловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, г. Краснодар (РФ).

Митрофанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины» филиала Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске (РФ).

Моторова Людмила Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Моторова Надежда Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Надточий Лилия Николаевна – старший научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея.

Назарова Евгения Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва (РФ).

Некрасова Надежда Владимировна – менеджер факультета гуманитарных наук Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Никитина Наталья Юрьевна – преподаватель Центра квалификации профессионального образования «Даугавпилсский техникум», магистрант Даугавпилсского университета (Латвия).

Николаева Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Нисковская Мария Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, г. Сыктывкар (РФ).

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Павлова Елена Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск.

Панков Юрий Владимирович – младший научный сотрудник Гомельского дворцово-паркового ансамбля.

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Подберёзкин Филипп Дмитриевич – аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Посулько Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара (Украина).

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия, докторант Института истории НАН Беларуси.

Рачков Евгений Сергеевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина).

Рогач Вера Валентиновна – старший научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея.

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва (РФ).

Сангаре Шейкна Калифа – преподаватель Университета Бамако, г. Бамако (Республика Мали).

Сегаль Борис Аркадьевич – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор, советник Конгрегации Св. Александры, г. Ирем (Венгрия).

Серда Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры архивоведения, историографии и делопроизводства Тверского государственного университета (РФ).

Синецкая Эльвира Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела Китая Института востоковедения РАН, г. Москва (РФ).

Синкевич Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Слесарева Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Соловьева Светлана Владимировна – старший научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея.

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, заведующий Научно-исследовательской лабораторией региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета (РФ).

Соснина Мария Александровна – ассистент кафедры теории и истории государства и права Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск (РФ).

Спичак Александра Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета (РФ).

Судацков Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь (РФ).

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, профессор Московского педагогического государственного университета (Сергиево-Посадский филиал), г. Сергиев Посад, Московская область (РФ).

Сурга Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск.

Сытько Кирилл Валерьевич – аспирант Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Талерко Валентина Аркадьевна – доктор филологии, доцент кафедры иностранных языков Даугавпилсского университета (Латвия).

Тарасенкова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета (РФ).

Тогулева Елена Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета переподготовки кадров ИПК и ПК Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Фельдман Дмитрий Захарович – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов, г. Москва (РФ).

Филас Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, докторант Института украинской археологии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины, г. Киев (Украина).

Филатова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, г. Минск.

Филькин Константин Николаевич – соискатель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (РФ).

Фридман Александр – доктор философии (PhD), доцент кафедры новейшей истории Европы Саарландского университета, г. Саарбрюккен (Германия).

Харитонов Александр Михайлович – научный сотрудник Тихоокеанского института географии, г. Владивосток (РФ).

Хацько Елена Владимировна – аспирант кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Цеске Эдгар – доктор исторических наук, главный специалист отдела исследований и экспозиций Турайдского музея-заповедника, г. Сигулда (Латвия).

Цыб Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул (РФ).

Цымбал Александр Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Черкасов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета, г. Минск.

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск.

Чичинов Владислав Алексеевич – магистр исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул (РФ).

Чэн Юаньцзи – аспирант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Шаповал-Конопацкая Алеся Георгиевна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск.

Шишанов Валерий Алексеевич – заместитель директора по научной работе Витебского областного краеведческого музея.

Щербак Станислав Игоревич – аспирант кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, главный специалист главного управления идеологической работы, культуры и по делам молодежи Витебского областного исполнительного комитета, доцент кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Якименко Людмила Ивановна – аспирант кафедры истории Украины Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара (Украина).

Яковенко Галина Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды (Украина).

Яковлева Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Ященко Оксана Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы IV Международной научно-практической конференции
к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права

Витебск, 20–21 апреля 2017 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 12.04.2017. Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 47,66. Уч.-изд. л. 46,07. Тираж 99 экз. Заказ 51.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.